This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

P Slav 928.10

Slav 257

Harvard College Library.

FROM THE

BRIGHT LEGACY.

Descendants of Henry Bright, jr., who died at Watertown, Mass., in 1686, are entitled to hold scholarships in Harvard College, established in 1880 under the will of

JONATHAN BROWN BRIGHT

of Waltham, Mass., with one half the income of this Legacy. Such descendants failing, other persons are eligible to the scholarships. The will requires that this announcement shall be made in every book added to the Library under its provisions.

Received Dec. 12, 1896.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Годъ 7-й. Кн. XXIV.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1895, № 1.

подъ редакціей

Секретаря Этнографическаго Отдѣла

Н. А. Янчука.

МОСКВА.
Высочайше утв. Т-во Скоропеч. А. А. Левенсонъ. Коммиссіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ, Петровка, д. Левенсонъ.
1895.

Digitized by Google

Стр.

Абу-Ибрагима ибнъ-Баруна. *А. Крымскаго.* (137).—Михайло Драгоманов. Оповідання про звздрих богів. *А. Крымскаго.* (139).—Georgian folk-tales translated by Marjory Wardrop. *А. Хах—ова.* (140).—А. Шахматовъ. Изслѣдованія въ области русской фонетики. *Романа Брандта.* (140) В. Ф. Демичъ. Очерки русской народной медицины. *Д. Никольскаго.* (143).—К. Н. Бобрицкій. Матеріалы къ вопросу о физическомъ развитіи современнаго студенчества. *Д. Никольскаго* (144)—И. И. Минкевичъ. Камни, какъ медицинское средство и какъ предметъ обожанія на Кавказѣ (Прот. засѣд. Имп. Кавк. Медиц. Общества). *Д. Никольскаго.* (145).—Д-ръ Ростовцевъ. Замѣтки о врачебной помощи инородческому населенію въ Россіи. („Еженедѣльникъ," 1894). *Д. Никольскаго.* (146).—В. Н. Сторожевъ. 1) Тверское дворянство XVII в. Вып. 1—3. 2) Воронежское дворянство по десятнямъ XVII в. Вып. 1 *Н. Х.* (147).—П. Ерусланов ъ. 1) Очеркъ быта и преданій восточныхъ черемисъ.—2) Жертвоприношенія черемисъ Бирскаго уѣз. Уфимск. губ. по случаю неурожая (Извѣстія Оренбургск. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ.), *Н. Х.* (148).—„Живая Старина", изд. Отдѣленія Этнографіи И. Р. Геогр. Общ., подъ ред. В. И. Ламанскаго. 1894 г. Вып. 1. *Евг. Л-каю.* (151).—„Кубанскій Сборникъ". (Труды Куб. Обл. Стат. Комитета). Т. II. (1891) подъ ред. Е. Д. Фелицына, т. III (1894) подъ ред. В. А. Щербины. *А. Хах—ва* (152).—Сборникъ свѣдѣній по Ярославской сельско-хозяйственной и промышленной выставкѣ 1893 г. *Н. Я.* (152).

2. Обзоръ журналовъ и газетъ . . . . . 155—164
3. Обозрѣніе эстонской періодической печати за 1894 годъ. (Walgus. Eesti Postimees. Olewik). свящ. *К. Тизика.* . 164—166
4. Кавказская библіографія. Продолж. (Тифлисскій Вѣстникъ 1873—1880. Тифлисскій Листокъ 1886—1889). *А. Хаханова.* .167—168
5. Новости этнографической литературы русской и иностранной 169—178

VII. Вопросы и отвѣты. Нѣмота и косноязычіе. *А. Малинки.* 179

VIII. Извѣстія и замѣтки. Десятилѣтіе(1884—1894) Общества изученія Амурскаго края.—Приамурскій Отдѣлъ И. Русск. Географич. Общества; его Троицкосавско-Кяхтинское отдѣленіе и Забайкальская областная филіація. — Изданіе „Памятниковъ древне-русской письменности по малорусскимъ рукописямъ" и серіи этнографическихъ трудовъ общаго характера (во Львовѣ).—Чехо-славянская этнографическая выставка.—Татуировка у италіанцевъ 181

Поправки къ кн. XXIII и XXIV 183

Приложенія: Рисунки финскихъ жилищъ (три табл. №№ 1—18)

Digitized by Google

ОЧЕРКИ КРЕСТЬЯНСКАГО БЫТА

Самарскаго уѣзда.

Населеніе Самарскаго уѣзда разнообразно, благодаря большому количеству переселенцевъ, по преимуществу изъ западнаго и юго-западнаго края: хохлы, поляки, литвины живутъ въ смежныхъ селеніяхъ; встрѣчаются поселки отставныхъ солдатъ, нѣмецкія колоніи, татарскія, мордовскія и чувашскія деревни. Всѣ упомянутые поселенцы сохраняютъ вѣроисповѣданіе и обычаи мѣстъ, откуда они пришли. Коренное населеніе состоитъ изъ крестьянъ, бывшихъ крѣпостныхъ, еще въ прошломъ столѣтіи переселенныхъ своими помѣщиками въ Самарскую губернію изъ различныхъ мѣстъ центральной Россіи; съ теченіемъ времени они выработали обычаи, общіе для всего крѣпостного населенія этой губерніи, но такъ какъ среди нихъ много старообрядцевъ всевозможныхъ толковъ, то и въ нравахъ явилась нѣкоторая разница.

Въ этомъ очеркѣ мною собраны нѣкоторыя черты изъ жизни православнаго населенія. При собираніи свѣдѣній мнѣ пришлось ограничиться небольшимъ райномъ, заключающимъ въ себѣ нѣсколько селъ и деревень. Благодаря удаленности этой мѣстности отъ губернскаго города (въ 130 вер. отъ Самары) и отъ желѣзной дороги (въ 70 вер.), населеніе наиболѣе сохранило нравы прежней патріархальной жизни; вся обрядность на свадьбахъ, похоронахъ, пѣсни, примѣты и суевѣрія оберегаются стариками и женщинами, передаются изъ рода въ родъ и горячо отстаиваются. Мужчины менѣе дорожатъ стариною, въ особенности молодое поколѣніе, развивающееся подъ вліяніемъ грамоты, и солдаты, вносящіе въ деревню нравы и понятія городской жизни.

Занятіе здѣшняго крестьянина исключительно земледѣліе; населеніе довольно зажиточное; большинство не довольствуется своимъ

Digitized by Google

надѣломъ и арендуетъ землю у сосѣднихъ землевладѣльцевъ; сѣютъ рожь, пшеницу, овесъ, полбу; часть хлѣба продаютъ, а себѣ оставляютъ прокормиться до нови, въ крайности до весны. Рядъ неурожайныхъ годовъ тяжело отозвался на населеніи, разоривъ многихъ крестьянъ. Возможность заработка у сосѣда-помѣщика, а зимою извозъ хлѣба служитъ немалымъ подспорьемъ въ хозяйствѣ.

У женщинъ еще сохранился старинный костюмъ: сарафанъ изъ синей пестрядины, съ густыми складками позади; на спинѣ проймы (щепеть) обшиты позументомъ; спереди рядъ металлическихъ пуговицъ; поверхъ сарафана яркій ситцевый фартукъ съ оборкой; на подолѣ фартука нашиты въ нѣсколько рядовъ узкія полоски изъ разноцвѣтныхъ ситцевъ. Голову поверхъ повойника повязываютъ краснымъ платкомъ; старухи носятъ темные цвѣта; дѣвушки въ праздничные дни надѣваютъ головной уборъ—ленту съ бисерной сѣткой —„поднизочкой“, спускающейся на лобъ. Мужская одежда дѣлается изъ домашнихъ цвѣтныхъ холстовъ, а армяки, кафтаны и др. верхнее платье, за исключеніемъ шубъ, изъ толстаго, коричневаго домашняго сукна. Въ послѣднее время цвѣтные холсты начинаютъ замѣняться ситцами, а сарафанъ платьемъ городского покроя.

Въ большинствѣ случаевъ слывутъ „богатѣями“ и живутъ зажиточно тѣ изъ крестьянъ, которые не дѣлятся, живутъ большими семьями, иногда человѣкъ по 25—30. Семей такихъ осталось уже немного. Порядокъ и благоустройство держатся въ нихъ безпрекословнымъ подчиненіемъ всѣхъ членовъ семьи главѣ дома—«отцу и хозяину» и матери—«хозяйкѣ». Себѣ въ помощники хозяинъ беретъ одного изъ сыновей, болѣе энергичнаго, не всегда старшаго; его зовутъ «большакомъ», а жена его «большуха» — помощница хозяйки. На обязанности хозяйки лежитъ распредѣленіе работъ женщинамъ и стряпня у печи, въ чемъ ей помогаетъ большуха. Снохи и дочери обязаны принести стряпухамъ воды, дровъ, убирать скотину и исполнять другія работы по хозяйству. Лѣтомъ, когда женщины уходятъ на работы въ поле, дома остается только хозяйка и на ея попеченіи малыя дѣти. Хозяинъ распредѣляетъ работы и расходы; въ его рукахъ находятся всѣ деньги, зарабатываемыя семьею, и въ расходованіи ихъ никто не имѣетъ права требовать у него отчета. На старость онъ прикапливаетъ

Digitized by Google

себѣ казну, скрывая ее обыкновенно отъ семьи и зарывая деньги въ подпольѣ въ землю. Если онъ не распредѣлилъ при жизни своихъ сбереженій, то послѣ его смерти наслѣдники начинаютъ разыскивать казну, которая иногда безслѣдно пропадаетъ. Названіе клада облекаетъ таинственностью искомое наслѣдство, и случалось, что въ этихъ поискахъ на наслѣдниковъ нападалъ такой суевѣрный страхъ, вызывавшій въ ихъ воображеніи живые фантастическіе образы, что они бросали всѣ розыски. Такимъ образомъ, создались нѣкоторые разсказы о злыхъ духахъ и привидѣніяхъ, охраняющихъ клады и мѣшающихъ брать ихъ. Бываетъ, что кто-нибудь изъ семьи выкрадетъ казну ранѣе, и потому всѣ розыски наслѣдниковъ остаются безъ успѣха.

За исключеніемъ хозяина, всѣ члены семьи не имѣютъ личной собственности; какъ трудъ ихъ, такъ и заработанныя деньги всецѣло принадлежатъ семьѣ. Утаить изъ получки или купить подарокъ женѣ считается зазорнымъ, какъ-бы воровствомъ изъ общаго капитала, и вызываетъ ссоры. Получки распредѣляются хозяиномъ на нужды домочадцевъ, на сѣвъ, аренду, покупку скотины, посуды и др. вещей для хозяйства. Верхняя одежда: тулупы, армяки, зипуны, валенки идутъ изъ семьи для всѣхъ ея членовъ, а также расходы по свадьбамъ, похоронамъ, крестинамъ, пріемъ и угощеніе родственниковъ и знакомыхъ. Снохѣ, вступающей въ семью, разрѣшается имѣть свою «со́бенну», т. е. отдѣльное имущество, состоящее изъ скотины, 2—3 овецъ, или телки, которыхъ она послѣ свадьбы получаетъ въ подарокъ отъ своихъ родныхъ, или отъ свекра и свекрови. Эта «собенна» и деньги, собранныя ею на свадьбѣ, составляютъ ея оборотный капиталъ; изъ него она должна одѣвать не только себя, но и мужа и дѣтей. Трудъ женщины все время года принадлежитъ семьѣ, за исключеніемъ праздничныхъ дней, въ которые она имѣетъ право поденщиной заработать деньги на свою собенну.

Большія семьи держатся обыкновенно до смерти отца; послѣ его смерти мать уходитъ къ одному изъ сыновей, который и получаетъ на ея долю нѣсколько бо́льшую часть наслѣдства. Дѣлятся по жребію; кому выйдетъ домъ, тотъ получаетъ меньшую долю въ скотинѣ и деньгахъ. Матери даютъ право выбрать себѣ, что она пожелаетъ: изъ скотины и изъ имущества. По смерти матери, собственность ея, состоящая изъ коробьи (сундука), хол-

Digitized by Google

стовъ и различной женской одежды, переходитъ къ дочерямъ. Въ семьяхъ, гдѣ еще держится уваженіе къ старшимъ, послѣдняя воля имѣетъ большое значеніе; если умирающій отецъ объявилъ семьѣ свое распоряженіе, стыдомъ считается не исполнить его, а также обидѣть мать при раздѣлѣ.

Насколько въ однихъ семьяхъ держится уваженіе къ родителямъ, настолько въ другихъ на нихъ смотрятъ, какъ на обузу, въ особенности, если годы сдѣлали стариковъ неспособными къ работѣ и безсильными держать семью въ страхѣ и повиновеніи. Въ бѣдныхъ семьяхъ чаще встрѣчается плохое отношеніе къ родителямъ, особенно къ матери. Выдѣлы изъ семьи одного изъ сыновей происходятъ и при жизни отца, также и полные раздѣлы, при чемъ отецъ выбираетъ, кому остаться съ нимъ въ домѣ, и это считается для избраннаго честью. Солдаты, возвратившись со службы, рѣдко остаются въ семьѣ. Очень часто причиною раздѣловъ служатъ женскія ссоры и неурядицы. На случай раздѣла, богатыя семьи заранѣе строятъ лишнія избы. При постройкѣ закидываютъ подъ матицу или въ передній уголъ шерсть (для разводки скотины) и деньги (для богатства). Переходъ въ новый домъ сопровождается обычаями и повѣріями. Домовой считается охранителемъ благосостоянія и покровителемъ скотины; является онъ въ видѣ чернаго звѣрка, похожаго на кошку, потому принято въ каждомъ домѣ имѣть кошку для домового; при переходѣ на новое мѣсто въ обычаѣ «зазывать домового». Послѣ общей молитвы и родительскаго благословенія, хозяйка начинаетъ выть (плакать) и причитаетъ уходящему сыну: «милое мое дитятко, не къ празднику я тебя снаряжаю, а на вѣчное житье». А сноха беретъ въ руки кошку и выходитъ съ нею во дворъ зазывать домового и громко кличетъ 3 раза: «милый дѣдушка, родимый, айда съ нами на вѣковѣчную! Наканунѣ свекровь и сноха затѣваютъ по квашнѣ. Послѣ благословенія берутъ образъ, кочета (пѣтуха), кошку, обѣ квашни *) и идутъ въ новый домъ. Квашню, затѣянную сохою, свекровь уноситъ къ себѣ домой, а свою оставляетъ на новосельи. (Примѣта, чтобы хлѣбородъ былъ въ обѣихъ семьяхъ).

Характерныхъ фамилій не встрѣчается: Макаровы, Панины, Киселевы, Горлановы, Тяжовы. Существуютъ фимиліи изъ про-

*) Подъ квашнею подразумѣвается самое тѣсто.

Digitized by Google

звищъ, напр. Кривоноговъ, или самыя прозвища; такъ семью Новичковыхъ зовутъ Улитиными, по матерѣ Улитѣ, отличавшейся своей энергіей и дѣловитостью. Паниныхъ зовутъ Павловыми по имени дѣда, всѣми уважаемаго въ селѣ; подобныя прозвища связаны также иногда съ памятью о людяхъ особенно порочныхъ. Зять, вступившій въ семью, если вдобавокъ онъ пришлый изъ другой мѣстности, прозывается по фамиліи тестя.

Однообразная трудовая жизнь крестьянина скрашивается праздненствами, среди которыхъ главное мѣсто занимаютъ свадьбы; большинство ихъ совершается послѣ Покрова, по окончаніи работъ и уборки хлѣба; вѣнчаніе происходитъ по опредѣленнымъ днямъ: по воскресеньямъ или понедѣльникамъ. Свадьбы въ богатыхъ семьяхъ обставляются наибольшей обрядностью; предшествуетъ вѣнчанію цѣлая недѣля вечеринокъ, «вечорокъ» для парней и дѣвушекъ, подругъ невѣсты. Послѣ вѣнчанія вся родня гуляетъ и пируетъ нѣсколько дней.

Дѣвушки выходятъ замужъ между 16 и 22 годами. Случается, что и 25-лѣтнюю просватываютъ, но не иначе, какъ за вдовца. Парень женится не ранѣе 18 лѣтъ, или солдатомъ, по возвращеніи со службы. Родители дѣвушки и парня сговариваются повѣнчать своихъ дѣтей иногда за 2—3 года до свадьбы. Если дѣвушка воспротивится выбору родителей, то ее принуждать не станутъ, чтобы въ будущемъ не винила она родителей въ своей горькой долѣ. Такіе случаи рѣдки, такъ какъ дѣвушекъ просватываютъ очень молодыми и онѣ подчиняются волѣ родительской. Тайныхъ свадебъ и увоза невѣсты не бываетъ, но случается, что, получивъ согласіе матери, вѣнчаются тайно отъ отца невѣсты. Причиною такихъ свадебъ служитъ влеченіе молодыхъ людей другъ къ другу, а препятствіемъ личная вражда между родителями жениха и невѣсты, или разница въ матеріальномъ положеніи; въ случаѣ примиренія съ обманутымъ отцомъ, наступаютъ гулянья и пирушки. Не принято, чтобы женихъ приходилъ въ домъ къ невѣстѣ, даже въ тѣ праздники, когда его родители угощаются у ея отца; только за недѣлю до свадьбы онъ со своими товарищами является на вечорки. Сближеніе молодыхъ людей происходитъ отъ частыхъ встрѣчъ на гулянкахъ на улицѣ; положеніе нареченныхъ даетъ имъ право гулять вмѣстѣ, а такъ какъ просватываютъ за 2—3 года, то подобное сближеніе молодыхъ людей очень плохо отзывается на

Digitized by Google

нравственности. Случается, что свадьбы расходятся, а дѣвушка несетъ на себѣ всю тяжесть послѣдствій излишняго сближенія и осужденіе, въ то время какъ парень ничего не теряетъ во мнѣніи окружающихъ. Такую дѣвушку выдаютъ въ другую деревню или село, въ болѣе бѣдную семью, или за вдовца. Если парень изъ чужой деревни позволитъ себѣ излишнее ухаживанье за дѣвушкой, то молодежь вступается за свою односельчанку и расправляется съ нимъ, иногда очень жестоко.

Для сватовства установлена условная форма, и такъ какъ оно почти всегда предвидѣно, то, когда являются родители жениха въ домъ невѣсты, все уже приготовлено къ ихъ пріему. Сваты садятся подъ матицей и начинаютъ разговоръ въ аллегорической формѣ, напр.: «У васъ бѣлъ ленокъ, а у насъ ковылокъ: хорошо бы ихъ соединить!» Или: «У васъ товаръ, а у насъ купецъ: не продадите-ли?» Если сватаютъ за годъ и болѣе, то отвѣчаютъ, что товаръ еще не доспѣлъ до дѣла, можно и повременить. Затѣмъ идутъ въ чуланъ*), гдѣ сидитъ невѣста, спросить ея согласія. Когда сватаютъ неподходящаго, неожиданнаго жениха, то прямо не отказываютъ, что равносильно обидѣ, а оттовариваются молодостью невѣсты и нежеланіемъ выдавать ее въ этотъ годъ. Въ случаѣ взаимнаго соглашенія рядятся въ кладкѣ. Кладкою называются расходы жениха по свадьбѣ, угощенію и подарки невѣстѣ. Состоитъ кладка изъ слѣд.: водки 2—3 ведра и болѣе; иногда выпиваютъ на 70—80 руб.; баранины 2—3 пуда; невѣстѣ башмаки и валенки. Если родители невѣсты небогатые, то выговариваютъ на пиво 2—3 пуда муки и 1 пудъ солоду, а невѣстѣ шубу.

Свадьба состоитъ изъ трехъ періодовъ: 1) *запой*, на которомъ происходитъ рукобитіе; онъ назначается черезъ нѣсколько дней послѣ сватовства; 2) *оповѣщеніе* за недѣлю до вѣнчанія, и 3) *обрученіе*, собственно самое вѣнчаніе, такъ какъ предварительное обрученіе и обмѣнъ кольцами не въ обычаѣ.

Смотрятъ крестьяне на женщину, какъ на рабочія руки; сильная, здоровая дѣвушка, хорошая работница, выходя замужъ, будетъ пользоваться въ новой семьѣ лучшимъ положеніемъ, чѣмъ другая сноха, непроворная или болѣзненная. Этимъ взглядомъ

*) Чуланъ—крошечная комнатка, отгороженная отъ горницы.

Digitized by Google

на женщину обусловливается и самый обычай пропиванія невѣсты и угощенія ея родни со стороны жениха. Отсюда названіе запоемъ того дня, въ который объявляютъ свадьбу, и поговорка: отецъ жениха говоритъ отцу невѣсты: «я тебя пою до вѣнца, а ты меня до конца», т. е. до конца жизни. До вѣнчанія роднѣ жениха приходится искать расположенія родныхъ невѣсты, но разъ она вступила уже въ новую семью, ея родители, чтобы жилось ей лучше, постараются ладить со свекромъ и свекровью. За богатаго жениха дѣвушка не стремится выходить, такъ какъ въ богатыхъ семьяхъ хозяйство большое, замучатъ на работѣ, и молодухи первое время не выдерживаютъ и заболѣваютъ отъ непосильнаго труда. «У свекра деньги на крестѣ, а у снохи грязь на хвостѣ», говоритъ пословица. Предпочитаютъ выходить въ небольшую семью, чтобы снохъ было немного, меньше ссоръ и сплетенъ, а главное были бы добрые, справедливые люди.

Дѣвушка съ 12 лѣтъ сама начинаетъ заготовлять себѣ приданое. Она копитъ деньги, какъ подаренныя, такъ и заработанныя (по воскресеньямъ она имѣетъ право работать на себя и идетъ на поденщину къ сосѣду-помѣщику); на нихъ она покупаетъ ситцы, вяжетъ варежки, чулки, шарфы себѣ и будущему суженому. Мать съ своей стороны копитъ для дочерей холсты и всякую одежду.

Въ приданое даютъ *коробью* (сундукъ), или коробку съ холстами, бѣлыми и цвѣтными. Бѣлыхъ холстовъ даютъ по 10 кусковъ, въ кускѣ 22 арш., цвѣтныхъ или пестрядины по 5 кусковъ; изъ цвѣтного холста невѣста шьетъ для жениха шаровары и рубахи по 6 штукъ. Затѣмъ въ коробью идутъ полотенца, сарафаны и др. женская одежда.

Постель, т. е. подушки и дерюгу, вмѣсто одѣяла, тоже приноситъ невѣста, а войлокъ, на подстилку, идетъ отъ жениха. Кромѣ того, молодая должна имѣть для своего хозяйства хребтугъ (торба), пологъ для перевозки зерна, мѣшокъ для муки (для этихъ вещей вырабатывается изъ оческовъ льна и конопли очень грубая, толстая и прочная ткань), затѣмъ полотенце и столешникъ (скатерть). Если вещи не укладываются въ коробью, то мать невѣсты отдаетъ ихъ свекрови, когда приходитъ на горно́й столъ, т. е. на угощеніе въ домѣ молодыхъ послѣ вѣнца. Въ прежніе годы женихъ дарилъ невѣстѣ подвѣнечный нарядъ, который присылалъ съ подружьемъ наканунѣ свадьбы. Въ настоящее время поддружье

Digitized by Google

спрашиваетъ: «Коли что нужно для невѣсты — спрашивайте, не нужно—отказывайте»; обыкновенно отказываютъ.

Запой обставляется слѣдующимъ образомъ. Въ назначенный день родители жениха созываютъ всѣхъ своихъ родныхъ, въ сопровожденіи которыхъ ведутъ жениха въ домъ невѣсты и несутъ съ собою водку на угощеніе невѣстиной родни. Крестный отецъ и крестная мать занимаютъ на свадьбахъ почетное мѣсто, они-же посажонные, а крестная мать зовется свахою. На запой женихова сваха несетъ невѣстѣ сладкій пирогъ съ изюмомъ, а подругамъ невѣсты «курникъ*)» и «закуску», т. е. лакомства, орѣхи, пряники и конфекты; все это сваха отдаетъ дѣвушкамъ, какъ только придетъ въ домъ невѣсты. Изъ парней женихъ выбираетъ себѣ товарища, знакомаго или родственника. Товарищъ сопровождаетъ жениха на запой и другія свадебныя празднества и имѣетъ исключительное право свободно обращаться съ подругами невѣсты, цѣловать ихъ и шутить съ ними.

У невѣсты на запой собираются всѣ ея родные и въ ожиданіи жениха разсаживаются по лавкамъ въ переднемъ углу. Невѣста съ подругами сидитъ въ чуланѣ. Когда является женихъ со своими родными, его впускаютъ въ домъ послѣ нѣкотораго сопротивленія. — «Ожидали-ли такихъ бунтовщиковъ?», спрашиваетъ отецъ жениха. — «Можемъ ихъ назадъ проводить», отвѣчаютъ родные невѣсты. Затѣмъ всѣ входятъ въ избу и останавливаются въ ожиданіи рукобитія, къ которому тотчасъ-же приступаютъ. На столѣ уже приготовленъ круглый пшеничный хлѣбъ (пирогъ); всѣ присутствующіе молятся Богу; отецъ жениха кладетъ на хлѣбъ правую руку ладонью вверхъ, мать покрываетъ ее своею рукою ладонью внизъ; родственница невѣсты, сноха или другая молодая женщина, покрываетъ ихъ руки концомъ полотенца. Выше складываютъ крестные жениха свои руки; ихъ покрываютъ тѣмъ же полотенцемъ, перегибая его. За ними еще выше складываютъ руки родители и крестные невѣсты; руки ихъ перекладываютъ тѣмъ-же полотенцемъ. Тогда отецъ невѣсты, призывая въ свидѣтели всѣхъ присутствующихъ родныхъ, объявляетъ имъ, въ какой кладкѣ уговорились съ женихомъ, и прибавляетъ, что, въ случаѣ отказа отъ брака, несо-

*) Курникъ—пирогъ съ говядиной, иногда съ кашей и яицами, а также съ курицей.

Digitized by Google

гласная сторона обязуется уплатить неустойку въ 25 руб. Та-же родственница раскрываетъ руки и снимаетъ полотенце. Во время рукобитія невѣста вопитъ въ чуланѣ, причитая:

«Не клади, родимый батюшка, свои бѣлы рученьки,
Не запоручивай мою буйную головушку
За поруки, за великія,
За думушки, за крѣпкія,
За слова, за вѣрныя!
Не далъ ты мнѣ, батюшка,
На рѣзвы ноженьки подняться,
Съ подруженьками сравнятися»!

Послѣ рукобитія жениха сажаютъ подъ образа между его крестными, а рядомъ съ нимъ товарища. Подлѣ свахи садится мать, подлѣ крестнаго отецъ жениха и далѣе вся родня жениха по старшинству. Отецъ жениха начинаетъ угощать своимъ виномъ родныхъ невѣсты; прежде всѣхъ онъ подноситъ отцу невѣсты два стакана водки, которыми они обмѣниваются три раза и выпиваютъ. Невѣста вопитъ въ это время слѣдующее:

«Пей-ка, родимый батюшка, пей!
Меня не пропей.
Пропей, батюшка, ворона коня.
Ты его пропьешь,—
Назадъ выкупишь,
А меня пропьешь,—
Ты не выкупишь.

Или:

Ужъ ты, батюшка, пей,
Да меня не пропей!
Пропей, батюшка,
Свой широкій дворъ.
Ты его пропьешь,—
Назадъ выкупишь,
А меня пропьешь,—
Ты не выкупишь.

Когда сватъ подноситъ вино матери, невѣста причитаетъ:

«Ужъ ты, матушка, пей,
Да меня не пропей!
Пропей, матушка,
Коробью съ добромъ,
Ее пропьешь,—
Назадъ выкупишь,
А меня пропьешь,—
Ты не выкупишь.

Тѣ же причитанія она повторяетъ, когда сватъ угощаетъ ея крестныхъ отца и мать. Затѣмъ дѣвушки хоромъ поютъ пѣсню.

«Нащиплю я себѣ хмѣлю ярового;
Наварю я себѣ пива молодого.
Призову я къ себѣ батюшку роднаго:
Охъ ты, батюшка, да ты родимый,
Охъ, ты пей-ка! меня не пропей-ка!
Пропей, батюшка, коня свого вороного,
Да съ сѣделочкою, да съ упряжечкою»!

Digitized by Google

Изъ чулана выходитъ невѣстина сваха и подаетъ жениху на кругломъ блюдѣ подарокъ отъ невѣсты: шарфъ, перчатки, платокъ. За нею идетъ невѣста и подноситъ жениху двѣ рюмки съ виномъ; они обмѣниваются три раза рюмками, отпиваютъ, цѣлуются, и невѣста уводитъ въ чуланъ жениха и его товарища.

Тогда всѣ родные садятся за столъ обѣдать, а дѣвушки поютъ величанія роднымъ жениха.

Первое величаніе жениху—„Кудри русы:“

Ужъ какъ кудри русы!
По плечамъ кудри лежатъ,
Ровно жаръ горятъ,
Развиться хотятъ,
Жениться велятъ.
Женись, женись, дитятко,
Бери богатаго купца дочь,
Собою личную,
Отъ людей отличную,
Рѣчьми разговорчиву,
Александру Гавриловну»!

Затѣмъ товарищу жениха:

Розанъ мой, розанъ,
Виноградъ зеленый!
По горницѣ ходитъ,
Манерно ступаетъ,
Сапожки ломаетъ.
Сапожки козловые,
Чулочки шелковые.
Въ зеркало глядится,—
Самъ на себя дивится.
На добра коня садится,—
Подъ нимъ конь-то веселится.
Онъ тросточкой машетъ,—
Подъ нимъ конь-то пляшетъ.
Лугами-то ѣдетъ,—
Луга зеленѣютъ,
Цвѣты расцвѣтаютъ,
Соловушки распѣваютъ.
Его дѣвушки встрѣчаютъ,
За дубовый столъ сажаютъ,
Скатерть бѣлу разстилаютъ,
Стаканъ вина наливаютъ,
На подносѣ поднашаютъ.

Отцу жениха поютъ:

Не шелкова ниточка къ стѣнкѣ льнетъ:
Авдотья Петра къ сердцу жметъ.
«Это правда твоя, вся истинная.
Подвинься, Авдотьюшка, поближе ко мнѣ!
Ты будешь помилѣе мнѣ.
Скажи-ка, Авдотьюшка, кто милъ тебѣ?»
—«Мнѣ милъ милёшенекъ ты, ясной соколъ!»—
«Это, Петровна, правда твоя вся, истинная».

Матери жениха поютъ «Щепетиху»

«Ужъ ты, Авдотьюшка, щепетиха!
Ты, Петровна, щеголиха!
Она пишетъ, къ обѣднѣ не ходитъ;
Все бы ей на лошадкѣ, баетъ.
Подъ ней кони вороные,
Что извощички молодые,
Не женатые, холостые».

Крестному отцу жениха:

«Какъ у чарыньки у серебряной золотой вѣнокъ!
У Григорія у Митрича дорогой умъ-разумъ!

Digitized by Google

Гдѣ ни ходитъ, ни гуляетъ,
Спать домой приходитъ:
Брячи́тъ за колечко,
Брячи́тъ за золотое.
«Выйди, выйди, Дарьюшка (имя его жены),
Выйди меня встрѣтить»!
«Нейду, нейду, не встрѣчаю,
Сына я качаю,
Легко отвѣчаю,
Перемѣны себѣ чаю!

Свахѣ или крестной матери жениха:

Хвалилась сваханька житьемъ-бытьемъ, богачествомъ.
«У меня много житья-бытья:
Шесты ломятся шелковы́хъ платьев̀ъ».
Она пишетъ, къ обѣднѣ не ходитъ;
Все бы ей да на лошадкахъ, баетъ,
Подъ ней кони вороные,
Извощички молодые,
Не женаты, холостые.

Дѣдушкѣ или старшему родственнику:

Ходитъ Митрій по двору,
Гуляетъ Павловичъ по широкому.
А люди то молвятъ: чей то такой?
Аксиньюшка молвитъ: «а это—мой ясной соколъ»!
А это, Аксиньюшка, правда твоя, правда истинная.

Всѣхъ родныхъ жениха величаютъ по старшинству. Родныхъ невѣсты на запоѣ не величаютъ.

Величаніе жениху:

Бѣлому румяному,
Русому кудрявому,
Михаилу Дмитріевичу,—и его невѣстѣ:
Лежала тесина черезъ сине море,
Лежала тесина.
По этой тесинушкѣ свѣтъ Михайло переходилъ.
Александрушку переводилъ.
Вотъ луга, луга, луга—
Парень дѣвушкѣ слуга!
Вотъ зеленые луга—
Парень дѣвушкѣ слуга!
Платочекъ батистовый,
Михайло написаный.
А другой атласный,
Дмитричъ прекрасный.
А третій зеленый,
Михайло веселый.
Въ косѣ лента алая,
Александрушка бравая.
Другая атласная,
Григорьевна прекрасная.
Третья зеленая,
Александрушка веселая.

Брату жениха женатому и его женѣ:

Какъ по сѣнничкамъ тутъ ходила, погуливала
Молода жена, боярыня,
Варвара, свѣтъ Ивановна.
Она ходила, похаживала,
Она будила, побуживала,
Своего ли друга милаго,
Свѣта Петра Иваныча.

Digitized by Google

Послѣ всякой пѣсенки одна изъ дѣвушекъ подходитъ къ тому лицу, которое величали и проситъ «на пѣсенку»; даютъ 2—3 коп. на угощеніе дѣвушкамъ.

Обѣдъ на свадебныхъ и др. пиршествахъ состоитъ изъ слѣдующихъ блюдъ: 1) похлебка съ картофелемъ и мясомъ (говядиной или бараниной), съ клецками изъ яицъ и муки, 2) лапша, 3) жареная свѣжина (часть говядины или баранины), 4) иногда жареный поросенокъ, 5) сальникъ—каша гречневая съ саломъ, топленая въ плошкахъ, 6) пшенникъ — каша изъ пшена съ яицами, топленая въ плошкахъ, 7) лепешникъ — лепешки или блины изъ гречневой муки, перемазанныя масломъ, 8) курникъ—пирогъ изъ пшеничной муки съ говядиной или курицей, 9) пышечникъ—круглый пирогъ, состоящій изъ маленькихъ пышекъ, испеченныхъ изъ пшеничной или гречневой муки, 10) сладкіе пирожки или пирогъ съ изюмомъ; крышка пирога сдѣлана рѣшеткою, въ отличіе отъ пирога, подаваемаго на похоронахъ, который закрываютъ сверху сплошнымъ блиномъ. Кончается обѣдъ свѣжиною, которую подаютъ вторично.

Какъ ежедневно за обѣдомъ, такъ и на пирахъ ѣдятъ всѣ вмѣстѣ, не соблюдая старшинства при раздѣленіи пищи. Только право рѣзать свѣжину принадлежитъ хозяину дома. Въ ожиданіи гостей хозяйка развѣшиваетъ по стѣнамъ утиральники (полотенца), которые служатъ вмѣсто салфетокъ. Хлѣбъ пшеничный зовется пирогомъ, а ржаной—караваемъ. Изготовленіе нѣкоторыхъ кушаній различно въ сосѣднихъ селахъ, что дало поводъ къ прозвищамъ. Такъ напр. въ Липовкѣ пекутъ курники съ говядиной и курами, а въ Дмитровкѣ съ кашей и съ яицами; потому Липовцы въ насмѣшку прозвали Дмитровцевъ „кашниками“, жителей деревни Садковъ прозываютъ „кужéньками“, такъ какъ они часто пекутъ ватрушки. Ватрушка—кужéнька.

Послѣ обѣда родные жениха идутъ въ чуланъ прощаться съ невѣстой и дарятъ ее, родители по 1 р. и меньше, а остальные родные, кто сколько можетъ—и по 5 коп. Женихъ и товарищъ его запрягаютъ лошадей и везутъ подругъ невѣсты кататься по селу. Невѣста остается дома. Возвратившись съ прогулки, молодежь пляшетъ, поетъ пѣсни и угощается лакомствами, принесенными свахой. Родные жениха уводятъ съ собою родныхъ невѣсты „на колышки смотрѣть“, т. е. на женіховъ домъ, гдѣ ихъ ждетъ угощеніе.

Digitized by Google

За недѣлю до свадьбы происходитъ *оповѣщеніе*. Сватья сговорятся, когда прислать бабъ, и въ назначенный день 4—5 женщинъ изъ жениховой родни идутъ къ невѣстѣ „съ повѣстью, съ гостинцемъ“ (дѣвушки съ повѣстью не ходятъ). Гостинецъ состоитъ изъ печатки душистаго мыла, серегъ, борка (борокъ—бусы), ситца на кофту и курника; несетъ его сестра или сноха. Женщинъ ждетъ у невѣсты угощеніе, а дѣвушки поютъ имъ пѣсни и величаніе. Кладку отвозитъ отецъ жениха самъ наканунѣ оповѣщенія, а въ нѣкоторыхъ деревняхъ ее везетъ одинъ изъ родственниковъ, когда бабы идутъ съ повѣстью. Съ этого дня и до обрученія цѣлую недѣлю невѣста не имѣетъ права выходить изъ дому.

Къ ней сходятся подруги, дѣвушекъ 10, гостятъ у нея всю недѣлю, помогая дошивать приданое; вмѣстѣ съ невѣстою онѣ „плачутъ по косѣ».

Плачъ по косѣ состоитъ изъ различныхъ причитаній, въ которыхъ описывается свободная, беззаботная жизнь дѣвушки и предвидится тяжелая замужняя доля. Невѣста вопитъ, обращаясь къ подругѣ:

«Ты поди-ка-ся, мила подруженька,
Ко моей, ко свадьбѣ горькой!
Не прогнѣвайся на меня, мала подруженька,
Что не вышла я, тебя не встрѣтила
Среди пути дороженьки!
Я встрѣтила тебя только
Среди новой своей горенки;
И словами-то я тебя не ласковыми,
Своими горючими слезами!
Знать, не долго мнѣ съ вами, подруженьки,
Сидѣть въ красныхъ дѣвушкахъ!
Распослѣдніе деньки счетные,
Распослѣдніе часы минуточки!
Отойдетъ-то, знать, мнѣ, подруженьки,
Воля батюшкина, и нѣга-то матушкина».

Другое причитаніе.

«Милы мои подруженьки,
Оттуляла-то я по широкой по улицѣ,
Отпѣла-то я съ вами развеселы пѣсенки;
Отойдутъ-то съ вами всѣ гульбы,
забавушки,
Всѣ дѣвичьи прохладушки»!

Подруги поютъ пѣсню, въ которой разсказывается, какъ сваха послѣ вѣнца будетъ убирать голову новобрачной:

«Вечоръ мою косыньку въ банѣ парили;
А по утру-то мою косыньку подруги плели;
А къ полднямъ-то мою косыньку сваха расплела,
Раздѣлила мою косыньку на шесть доль,

Digitized by Google

Заплела же косыньку на двѣ косы, Покрыла-же косыньку красным ку-
Положила косыньку поверхъ головы, мачемъ».

На это невѣста отвѣчаетъ:

«Не пойте, милы подруженьки, Безъ веселой пѣсенки
Мнѣ веселу пѣсенку! Мнѣ растошнехонько».

По вечерамъ приходитъ женихъ съ товарищами и приноситъ невѣстѣ гостинецъ, орѣхи, пряники, конфекты, а дѣвушкамъ подсолнухи. Невѣста сидитъ съ нимъ въ чуланѣ, тогда какъ ея подруги играютъ и танцуютъ съ парнями. Такіе вечорки устраиваются въ теченіе всей недѣли и составляютъ самое большое удовольствіе для молодежи. Кромѣ свадебныхъ вечерокъ не существуетъ въ домахъ общихъ собраній для парней и дѣвушекъ. Изъ плясовыхъ пѣсенъ для молодежи приняты только двѣ, Чижикъ и Лебеда. Чижика танцуютъ парень и противъ него одна или двѣ дѣвушки. Хоръ окружаетъ танцующихъ и поетъ:

Чижикъ, чижикъ, чижикъ, Танцевать заставила.
Маленькій воробушекъ! У чижика на рукѣ
Не я тебя вспоила, Спиты дѣвица и красавица,
Не я тебя вскормила, Видитъ чижика во снѣ,
На ножки поставила, Улыбается.

Лебеду танцуютъ съ фигурами попарно парень съ дѣвушкой, взявшись за руки, въ 4 пары и болѣе. Хоръ поетъ:

Я посѣю лебеду на берегу, Со донскимъ, со молодымъ казакомъ.
Свою крупную разсадушку. Со удалымъ, добрымъ молодцомъ.
Погорѣла лебеда безъ дождя. Пошлю я казака по воду.—
Скакала я, плясала по лугамъ, Ни воды нѣтъ, ни казаченьки.
По зеленымъ дубравушкамъ,

Пѣніе и пляска сопровождаются игрою на дудкахъ, издающихъ тонкій однообразный звукъ. Дудка состоитъ изъ двухъ тоненькихъ трубочекъ съ отверстіями по бокамъ, вставленныхъ на равной высотѣ въ коровій рожокъ.

Игра въ сосѣди—единственная. Выбираютъ старосту, который спрашиваетъ у играющихъ, доволенъ-ли сосѣдомъ; недовольные смѣняются мѣстами.

Въ нѣкоторыхъ семьяхъ всю недѣлю передъ вѣнчаніемъ женихъ и невѣста читаютъ молитву. „Живый въ помощи“ для счастливой супружеской жизни.

Digitized by Google

Наканунѣ свадьбы по-утру дѣвушки топятъ баню для невѣсты и приговариваютъ:

«Топись-ка, нова банюшка,
Калитесь мелки камешки,
Варитесь мылки щелочки,
Про душу ли, про Марьюшку»!

Затѣмъ покрываютъ невѣсту фатой и ведутъ въ баню. По возвращеніи невѣста благодаритъ за баню родителей, братьевъ, снохъ и всѣхъ домочаддевъ, кланяясь имъ въ ноги и приговаривая: „Благодарю тебя, родимый батюшка, на парной на банюшкѣ; а тебя, родима матушка, на шелковомъ на вѣничкѣ".

Одна изъ подругъ или сестра принимаются за расчесываніе волосъ, а невѣста со слезами причитаетъ:

Подойди-ка ко мнѣ, мила сестрица,
Ко моей ко буйной головушкѣ!
Ты бери-ка-ся во праву во рученьку
Мелко частый гребешокъ!
Чеши-ка ты мнѣ буйну головушку гладехонько,
Плетика-ка русу косыньку частехонько.
Посередь косы плети-ка мелёхонько,
Вплетай шелкову косоплеточку;
На конецъ-то моей косыньки
Вяжи узлы частые;
Въ шелкову то косоплеточку
Подвяжи мои алы ленточки,
Розовыя, разбукетовыя;
На буйну головушку
Подвяжи мою поднизочку»!

Сестра отвѣчаетъ:

Плела я тебѣ, мила сестрица, русу косыньку,
Плела ее размелёхонько;
Посередь твоей косыньки вплетала расшелкову косоплеточку,
На концѣ-то косыньки вязяла узлы частые;
Въ шелкову косоплеточку вязала алы ленточки;
На буйну то головушку разбисерну поднизочку.

Обѣ плачутъ. Причесавъ невѣсту, дѣвушки принаряжаются и идутъ за пивомъ и за мыломъ; съ ними идутъ женщины, родственницы, всего 15 человѣкъ. Родные жениха ожидаютъ посланныхъ отъ невѣсты, но жениха прячутъ. Сестра невѣсты говоритъ: „Вотъ возьмите ведерко, невѣста угорѣла, вашего пивца захотѣла". Ей отвѣчаютъ, что это дѣло жениха, а его нѣтъ дома. Сестра невѣсты кличетъ его три раза по имени—и женихъ выходитъ наливать пиво. Дѣвушки поютъ ему величаніе „кудри русы". Затѣмъ просятъ у жениха палочку нести ведро и за палочку поютъ ему пѣсенку. Женщины въ сопровожденіи поддружья несутъ невѣстѣ ведро съ пивомъ, мыло и курникъ.

Digitized by Google

Женихъ запрягаетъ лошадей и везетъ дѣвушекъ кататься, подъѣхавъ къ невѣстиному окну, онъ цѣлуетъ всѣхъ дѣвушекъ. Принесенное поддружьемъ ведро съ пивомъ дѣвушки покрываютъ платкомъ, который невѣста даритъ поддружью, и приговариваютъ: „У нашего платочка четыре уголочка, пятая серединочка.“ Поддружье его выкупаетъ, даря дѣвушкамъ деньги.

Вечеромъ къ невѣстѣ сходятся всѣ родные, и если свадьба небогатая, то приносятъ съ собою угощеніе (говядину, хлѣбъ, масло, яйца). Крестная несетъ «на косу» невѣстѣ въ подарокъ рукава *), крестный отецъ образъ и хлѣбъ, которыми они будутъ благословлять невѣсту. „На косу“ даритъ деньги; при прощаньѣ всѣ дарятъ „на косу“ невѣстѣ. Это собраніе называется главнымъ вечеромъ и устраивается только въ томъ случаѣ, если родные невѣсты передъ вѣнчаніемъ не дѣлаютъ обѣда и угощенія.

Наканунѣ свадьбы къ жениху сходятся всѣ родные на „собраніе“, на которомъ происходитъ выборъ дружки. Въ дружки выбираютъ старшаго изъ родныхъ; его обязанность быть полнымъ распорядителемъ на всѣхъ свадебныхъ пиршествахъ; въ знакъ его полномочій ему даютъ кнутикъ, для расправы съ бунтовщиками. Все время, пока онъ состоитъ при своей почетной должности, называется «дружкиной большиной». При выборѣ дружки къ нему подходитъ отецъ жениха, угощая его виномъ, а женихъ кланяется ему въ ноги, говоря: «Послужи съ конемъ, съ сѣдломъ, съ молодецкой управой въ дружки». Эти слова служатъ отголоскомъ стариннаго обычая увоза невѣсты. Дружка заставляетъ себя просить три раза, наконецъ, соглашается и съ тѣми-же словами проситъ себѣ въ помощники поддружья.

Крестному, онъ же и посаженый отецъ, оказывается особый почетъ: его выбираютъ въ тысяцкіе. Во времена крѣпостного права должность тысяцкаго была самой почетной для крестьянина, и въ свадебныхъ обрядахъ сохранили это названіе для самаго почетнаго гостя. Послѣ тысяцкаго выбираютъ подсвашника беречь сваху, и четырехъ кучеровъ въ правильщики. Дальніе родственники везутъ за поѣздомъ жениха лагунъ съ пивомъ и называются

*) Женская рубашка дѣлается изъ 2 матерій; станъ изъ синей пестряди̇ны, а верхняя часть, незакрывающаяся сарафаномъ, и рукава—изъ ситца; она то и называется рукавами.

Digitized by Google

лагунниками. За выборами слѣдуетъ обѣдъ. За столомъ женихъ сидитъ рядомъ съ крестнымъ, подъ образами. Дружка садится съ краю и кличетъ кличъ, который онъ повторяетъ на всѣхъ свадебныхъ пиршествахъ:

Есть ли у нашего князя нареченнаго,
У его отца и матери,
Поваръ батюшка, поварушка матушка?
Шевелись, не лѣнись, поворачивайся,
Что есть въ печи, все на суду лавочку мечи!*)

Передъ перемѣной кушанья, дружка, повторяя кличъ, заканчиваетъ его:

Блюдечко наливай, другимъ накрывай,
Намъ на столъ подавай!
Гости сидятъ, поѣсть хотятъ!
Гости сидятъ, перемѣны хотятъ.

Затѣмъ:

Есть ли у нашего князя нареченнаго,
У его отца и матери,
Гвоздари, бочкари, скорые поспѣшники?
Давайте пива двойнаго,
Нѣтъ двойнаго—простаго,
Нѣтъ простаго—безъ простаго!
Повсюду дожди, и здѣсь не канетъ.

По окончаніи обѣда гости благодарятъ хозяевъ, говоря: „мы вашей ѣдѣ кланяемся“.

На слѣдующій день наступаетъ *обрученіе*.

Къ вѣнцу жениха собираетъ сваха, одѣваетъ его; отъ порчи, отъ глаза насыпаетъ ему въ карманы и въ сапоги пшена, а въ одежду втыкаетъ иголки и булавки. У жениха собираются всѣ поѣзжане. Передъ благословеніемъ дружка выходитъ во дворъ и кличетъ: „Гости званы, гости браны, господа поѣзжане, прошу покорно изъ двора, да въ хату!“

„Заводится поѣздъ“, т. е. приготовляются къ выѣзду, садятся за столъ закусить. Затѣмъ дружка зоветъ „благословлять на мѣсто“:

Есть ли у нашего князя нареченнаго
Родимый батюшка, родимая матушка?
Умѣли свою дитятку вспоить, вскормить,
Умѣйте и благословить!

*) Судна лавочка—полочка подлѣ печи.

Digitized by Google

Благословляютъ жениха отецъ и мать; дружка кличетъ также крестныхъ, и они благославляютъ оба однимъ образомъ. Къ невѣстѣ ѣдутъ впереди дружка съ поддружьемъ, за ними женихъ съ крестнымъ, сваха съ подсвашникомъ, а позади лагунники. Невѣсту къ вѣнцу снаряжаютъ сваха и братъ.

Братъ ее обуваетъ и кладетъ деньги въ правый башмакъ, чтобы богато жила. Отъ порчи въ сарафанъ втыкаютъ 3 иглы, подпоясываютъ сверхъ сорочки кускомъ отъ бредня; на гайтанъ (снурокъ, на которомъ виситъ крестъ) привязываютъ написанную воскресную молитву („Да воскреснетъ Богъ“). Сестра или подруга причесываетъ невѣсту и заплетаетъ косу, а невѣста вопитъ:

Подойди-ка, мила сестрица,
Ко моей ко буйной головушкѣ!
Ты бери-ка-ся во праву рученьку
Мелкъ частой гребешокъ!
Чеши-ка ты мнѣ буйну головушку
гладехонько,
Плети-ка русу косыньку частехонько,
Посередь косы плети-ка мелехонько,
Вплетай шелкову косоплеточку,
На конецъ-то моей косыньки
Вплети страсти-ужасти,
Три ножичка разбулатныихъ!

Затѣмъ невѣсту покрываютъ фатой, выводятъ въ горницу и сажаютъ подъ образа рядомъ со свахою. Братъ со скалкою или полѣномъ въ рукѣ садится подлѣ невѣсты. Закрываніе лица невѣсты фатою указываетъ на отголосокъ стариннаго русскаго обычая. На столъ передъ невѣстой подруги ставятъ, „крóсту“ (сокращеніе слова красота), цвѣтокъ или березку, убранную конфектами и лентами. Пріѣзжаетъ поѣздъ съ женихомъ. Дружко подходитъ къ крыльцу и читаетъ: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ». Сейчасъ же начинаютъ благословлять невѣсту. Дружка подходитъ къ крыльцу, повторяя молитву. Когда кончится благословленіе невѣсты, дружкѣ отвѣчаютъ, «аминь»; на встрѣчу ему выходятъ крестный и отецъ невѣсты, подносятъ дружкѣ стаканъ вина и ведутъ его въ избу выкупать „кросту“ и дѣвичью косу, а поѣзжане съ женихомъ ожидаютъ во дворѣ.

Войдя въ избу дружка говоритъ, обращаясь къ подругамъ:

«Шишь ворóна, соколъ на мѣсто!» Но подруги окружаютъ невѣсту и требуютъ выкупа дѣвичьей красоты; дружка, выкупая крóсту, даетъ дѣвушкамъ деньги (20—30 коп.), невѣста же вопитъ: «Не продавайте, милы подруженьки, мою раздѣвичью крóсоту не пущайте моихъ разлушниковъ!» Дѣвушки, получивъ выкупъ, разступаются, убираютъ крóсту. Дружка повторяетъ братьямъ:

Digitized by Google

«Шишь ворона, соколъ на мѣсто!» Братья замахиваются на него скалкой и говорятъ: «У нашей сестрицы по рублю косица, по копѣйкѣ волосокъ»! Невѣста вопитъ:

Не берите, мои родные братцы, золотую чару,
Она приманчива, да обманчива.
Въ золотой то чарѣ зелено вино,
Зелено вино распропойчиво;
Пропьете вы меня, не выкупите.

Дружка кладетъ въ стаканъ денегъ и наливаетъ водки; братъ, выпивая, требуетъ еще выкупа, наконецъ уступаетъ свое мѣсто (деньги идутъ брату, или невѣстѣ). Тогда дружка приглашаетъ въ избу жениха и поѣзжанъ. Сваха жениха приноситъ лакомства и курникъ, кладетъ ихъ на блюдо на столъ и выкупаетъ такимъ же образомъ косу невѣсты у невѣстиной свахи. Невѣста вопитъ:

Ты почто, распріѣзжая свахонька,
Ко мнѣ близко приближаешься,
Ко моей-то ко русой косынькѣ
Сѣло больно приступаешься?
Плела то мнѣ русу косыньку,
Плела мила сѐстрица;
На конецъ то моей русой косыньки
Вплетала страсти-ужасти,
Три ножичка разбулатныихъ.
Ты обрѣжешь свои бѣлы рученьки,
Замараешь на мнѣ расцвѣтно́ платьё,
Расцвѣтно́ платьё—подвѣнечное.
Ну, куда-жъ теперь, распріѣзжая свахонька,
Стану дѣвать свою дѣвичью кро́соту?
Во чисто́ поле мнѣ ее пустить—замарается,
Во синё-то море пустить—закупается,
Во темный-то лѣсъ пустить—заплутается;
Знать отказать-то ее милой се́стрицѣ!
Натка-ся, мила се́стрица,
Носи ее соблюдаючи,
Меня горьку вспоминаючи!

Сваха жениха расплетаетъ косу, кладетъ ленты на курникъ и отдаетъ блюдо дѣвушкамъ. Ленты переходятъ въ пользу сестры или подругъ невѣсты. Всѣ гости кладутъ деньги невѣстѣ «на косу», затѣмъ садятся за столъ обѣдать; дружка выкликиваетъ кличъ стряпухамъ. Жениха и невѣсту сажаютъ подъ образами между свахами и кладутъ имъ ложки и вилки черенками въ обратную сторону, чтобы показать, что они не имѣютъ права ѣсть.

Послѣ обѣда поѣздъ собирается въ церковь. Впереди ѣдутъ дружка съ поддружьемъ, за ними женихъ съ крестнымъ отцомъ, а невѣста со своею свахой. Къ дугѣ невѣстиной повозки привязываютъ три платка, которые невѣста даритъ своимъ братьямъ—кучерамъ. Изъ родныхъ невѣсты въ церковь ѣдутъ только сваха

Digitized by Google

и братья. Передъ отъѣздомъ дружка выходитъ во дворъ и кличетъ:

Бояре, господа поѣзжане,
Будьте по мѣстамъ,
Какъ ясны соколы по гнѣздамъ!
Чинъ чина почитать,
Другъ дружку не забывать!
Дружка съ поддружьемъ,
Тысяцкій—большой баринъ,
Сваха съ подсвашникомъ!
Не всѣмъ на имя, а всѣмъ челомъ!

Съ образомъ (благословеніемъ жениха) въ рукахъ онъ обходитъ вокругъ поѣзда, крестится, ударяетъ кнутомъ лошадь и повторяетъ кличъ, такъ до 3 разъ. Затѣмъ дружка подходитъ къ воротамъ, но отворять ихъ не пускаютъ родные невѣсты, требуя выкупа. Выкупивъ ворота и открывъ ихъ, дружка чертитъ кнутомъ крестъ на землѣ среди проѣзда; затѣмъ пропускаетъ повозки, давая всякому поѣзжанину цѣловать икону. Дружка провожаетъ поѣздъ до церкви и снова возвращается въ домъ невѣсты, выкупать приданое, коробью, на которой сидитъ сноха или братъ и требуетъ выкупа. По выкупѣ коробьи дружка уѣзжаетъ въ церковь, а «коробошники», братъ, сестра, зять и сноха невѣсты, везутъ приданое въ домъ жениха, гдѣ ихъ угощаютъ, напаиваютъ до-пьяна и отправляютъ домой, когда прибудетъ изъ церкви свадебный поѣздъ, чтобы коробошники не встрѣтились съ новобрачными.

При входѣ въ церковь съ невѣсты снимаютъ фату. Послѣ вѣнчанія, въ сторожкѣ, свахи заплетаютъ ей волосы на двѣ косы, причемъ правую плететъ сваха женихова, а лѣвую—невѣстина; косы закручиваютъ на головѣ, надѣваютъ повойникъ, повязываютъ платкомъ и снова накрываютъ фатой. Самыми почетными и богатыми считаются свадьбы въ вѣнцахъ, отличающіяся тѣмъ, что вѣнцы не снимаютъ съ новобрачныхъ въ церкви, а они идутъ въ нихъ до дому, предшествуемые духовенствомъ; въ такомъ случаѣ косы молодой свахи заплетаютъ въ чуланѣ. Для замужней женщины считается стыдомъ показаться простоволосой не только передъ посторонними, но и передъ близкими родными. Изъ церкви возвращаются обѣ свахи въ одной повозкѣ съ невѣстой.

Новобрачныхъ родители встрѣчаютъ хлѣбомъ-солью, благословляютъ, причемъ три раза обводятъ образомъ и хлѣбомъ кругомъ, надъ ихъ головами. Затѣмъ новобрачныхъ сажаютъ за столъ, угощаютъ виномъ, заставляя три раза обмѣняться стакана-

Digitized by Google

ми, всякій разъ называя другъ друга по имени. Послѣ того, какъ они пообѣдаютъ, сваха женихова и дружка уводятъ ихъ „на подклѣть“. Если не имѣется лишней избы, то подклѣть устраивается и зимою въ холодномъ помѣщеніи, напр. въ амбарѣ. Молодой заставляетъ свою жену снимать сапогъ съ правой ноги, въ который онъ заранѣе кладетъ деньги ей въ подарокъ. Между тѣмъ родные новобрачнаго идутъ за родными молодой звать ихъ на «горнóй столъ». Когда придутъ «горные гости», сваха и дружка идутъ за молодыми «поднимать съ подклѣти». Молодая переодѣваетъ мужа въ принесенную ей въ приданомъ для него одежду. Затѣмъ они выходятъ на встрѣчу родителямъ молодухи и кланяются имъ въ ноги. Сваха выноситъ подвѣнечную сорочку новобрачной. Этотъ обычай устраняется въ случаѣ нецѣломудренности невѣсты, заранѣе извѣстной роднымъ жениха. Скрытая же нецѣломудренность ведетъ за собою плохія послѣдствія: родныхъ молодой выгоняютъ вонъ съ бранью, свекровь подноситъ ея матери пить вино изъ разбитой посуды, а молодую мужъ и родные избиваютъ до полусмерти. Положеніе ея въ семьѣ становится невыносимымъ отъ побоевъ и упрековъ и кончается тѣмъ, что она убѣгаетъ въ домъ къ своему отцу. Вся грубая свадебная обрядность очень вѣрно характеризуетъ крестьянскіе нравы и въ дѣвушкѣ невѣстѣ вызываетъ не стыдъ, а чувство довольства и гордости за свою честь. Послѣ пріема горныхъ гостей, наступаютъ ихъ величанія, угощенія, ѣдятъ до-сыта и напиваются до-пьяна. Дѣвушки въ этомъ пиру не участвуютъ, а плясовыя пѣсни поютъ женщины. Привожу нѣкоторыя изъ нихъ:

Дуня бѣла, румяна,
Со иным гуляла,
Любезнаго рѣшила;
Я за то его рѣшила,
Что невѣренъ милый былъ,
Не одну меня любилъ,
Меня горьку, разнесчастну,
Воспокинулъ, позабылъ.
У столика стоючи,
Плачучи, рыдаючи,—
Дружка надзидаются.
Горьки слезы не въ помогу,
Разговоры говорятъ,
Намъ жениться велятъ;
Намъ жениться разориться,
Полтораста стерять,
Велятъ Сашеньку взять.
Я по горенкѣ ходила,
Я мила мужа будила:
«Ты, вставай-ка, мужъ хозяинъ!
Пришли гости дорогіе,
Твои шурья молодые».
—«Отойди, жена немила,
По тебѣ родня постыла».
На крылечко жена выходила,
Своимъ братьямъ говорила:

Digitized by Google

«Вы дойдите-ка до дому,
Разскажите своему роду,
Своему роду по поклону,
А батюшкѣ никакого,
Что онъ отдалъ за такого».

Плясовая:

Я вечоръ молода во пиру была,
Медъ пиво пила, сахаръ кушала.
Ужъ я лѣсомъ шла—не боялася,
Ужъ я полемъ шла—не шаталася,
Ко двору молода пришла—пошатилася,
За дубову верею ухватилася.
Стой дубова верея, содержи меня,
Жену пьяную, не черявую.
Чтобъ не видѣлъ свекоръ батюшка,
Не слыхала бъ свекровь матушка,
Не сказала бъ она своему сыну, моему мужу.
Что мой-то мужъ—горькой пьяница;
Онъ домой то приходитъ—все расчванится, разломается:
«Разувай меня жена, раздѣвай,
Часты пуговки разстегивай,
Шелковы петли расхлестывай»!
«У тебя ли, у годы, ноги грязныя,
У меня ли, у молоды, ручки бѣлыя,
На рубѣ то кольцо позолочено, подареное;
Мнѣ не батюшка купилъ,
Мнѣ купилъ подарилъ милъ, сердечный другъ»!

Плясовая-же:

На улицѣ ромода (мо'да),
Жена мужа продала;
За то его продала,
Плететъ лапти короба,
Веревки вьетъ, какъ гужи.
«Носи жена, не тужи,
А порвется—навяжи»!

Еще:

Въ Тангинрогѣ (Таганрогѣ) случилася бѣда:
Тамъ убили молодого казака,
Схоронили при широкой долинѣ.
Тамъ летѣли соколики стороной,
Сѣли, пали у солдатки на дворѣ,
Крылышками широкъ дворъ размели,
Голосами все солдатку будили:
«Встань, проснися ты, солдатка молода,
Встань, послушай, люди баютъ, говорятъ,
Все солдатку ругаютъ, бранятъ»!
А чужіе-то мужья все со службицы идутъ,
Моего мужа въ колясочкѣ везутъ.
Закатися красно солнце за лѣсокъ;
Я пойду молода во зелененькій садокъ,
Я сорву ли съ розы розовый цвѣтокъ,
Я совью ли дружку милому вѣнокъ.

Эти пѣсни женщины поютъ, какъ на свадебныхъ, такъ и на другихъ гуляньяхъ.

На другой день послѣ вѣнчанія, молодые „кланяются въ ноги“ всѣмъ роднымъ и гостямъ. Молодая даритъ подарки свекру, свекрови и ближнимъ роднымъ мужа; они за поклонъ дарятъ ей „на со́бенну“ овцу, телку или деньги. Скотину дарятъ только родители.

Digitized by Google

Затѣмъ въ сопровожденіи дружки молодые обходятъ съ поклономъ всѣхъ гостей, которыхъ дружка угощаетъ виномъ и приговариваетъ:

Кланяется вамъ нашъ князь ново-
брачный со своею княгиней,
Съ ковшомъ и съ медомъ, съ низ-
комъ поклономъ.
Извольте стопочку выпить, а дѣныш-
ко позолотить,
Не рублемъ, не гривной, одной зо-
лотой полтиной,
По мочи, по силѣ—рублика четыре,
А если покажется въ честь, то руб-
ликовъ шесть!
На новое мѣсто много имъ надо:
На шильце, на мыльце, на банное
построенье,
На горшечки, на окатнички, сита,
рѣшота, на кривыя веретенца.

Обойдя всѣхъ съ поклонами, новобрачные въ сопровожденіи свекра и свекрови идутъ къ тестю и тещѣ „на блинки“ и звать ихъ къ себѣ въ гости. Ихъ встрѣчаютъ на дорогѣ человѣкъ пять изъ родныхъ молодой, ряженыхъ козою, медвѣдемъ, лошадью, съ пѣснями, плясками, прибаутками, не пускаютъ въ домъ къ родителямъ. На приглашеніе въ гости мать новобрачной отвѣчаетъ: „Кабы не было погодки, что не выпалъ бѣлый снѣгъ! Кабы не было заботки, не пошелъ-бы въ тотъ конецъ!“ Свадебныя гулянки продолжаются нѣсколько дней, причемъ послѣ блинковъ, какъ родные новобрачной, такъ и вся родня ея мужа дѣлаютъ складчину на водку, кто сколько можетъ, и на собранныя деньги продолжаютъ гулять. По окончаніи всѣхъ свадебныхъ празднествъ молодые благодарятъ дружку за хлопоты и дарятъ ему платокъ и курникъ.

Кромѣ свадебныхъ гуляній существуютъ пирушки и пріемы гостей въ престольные праздники, на Рождество, на Пасху и на Новый Годъ, сопровождающіеся угощеніемъ, а главное хорошей выпивкой. Молодежи предоставляется гулять на улицѣ. Въ прежніе годы молодежь много веселилась на Святкахъ, ходили ряжеными, гадали, но въ настоящее время обычаи эти вывелись, и веселятся болѣе на Масляницѣ. Воскресенье передъ Масляницей называется „закатальнымъ“; съ него начинаются гулянья и длятся всю недѣлю. Молодежь дѣлаетъ ледяную гору, зовется она Красной горою, и катается съ нея; катаются также на пошевняхъ, т. е. въ саняхъ, и съ пѣснями гуляютъ по улицамъ. Съ перваго ноября нѣсколько дней длятся Кузьминки, тѣ-же засидки. Дѣвушки собираются въ одинъ домъ, сносятся провизіей, которую выпрашиваютъ или тайкомъ уносятъ изъ семьи, пекутъ блины, дѣлаютъ

Digitized by Google

яичницу, поютъ пѣсни и веселятся въ избахъ и на улицѣ. Послѣ Пасхи начинается рядъ весенних гуляній, въ которыхъ принимаютъ участіе только дѣвушки и молодыя женщины. Въ былые годы дѣвушки праздновали Семикъ, рядили березку, уходили съ нею въ лѣсъ, гдѣ заплетали вѣнки, пекли яичницу; сохранилось празднованіе Семика въ немногихъ мѣстностяхъ. Время отъ Ѳоминаго воскресенья и до Петровскаго заговѣнья, зовется „весною“ и сопровождается хороводами и пѣніемъ исключительно весеннихъ пѣсенъ. Начинаются весеннія гулянья шествіемъ дѣвушекъ вокругъ села. Это весеннее шествіе называется Пчелою, такъ какъ толпа дѣвушекъ напоминаетъ собою летящій рой и поетъ пѣсню, называемую тоже Пчелою. Слова пѣсни слѣдующія:

Ты заря ли, заря вечерняя!
Ты пчела ли, моя пчелынька,
Ты пчела ли, пчела летучая,
Ты летучая, да бархучая!
Ты куды пчела лѣгывала?
—Ужъ я лѣтывала, полётывала,
По чисту полю погуливала,
Ко сырой землѣ прикладывалась,
Ко листочку ко бумажному,
Ко цвѣточку ко лазоревому.
— Ты чего, пчела, видѣла?
Ты чего, пчела, слышала?
— Ужъ я видѣла, слышала,
Какъ красная дѣвка плакала,
За стараго мужа идучи,
За молодымъ не бываючи.

Во второмъ куплетѣ повтореніе пѣсни, но окончаніе иное:

Ужъ я видѣла, слышала,
Какъ красная дѣвка плясывала;
За младого мужа идучи,
За старымъ побываючи.

Въ послѣднее воскресенье передъ Петровскимъ заговѣньемъ устраиваютъ проводы весны. Одѣваютъ куклу въ дѣвичій нарядъ и съ нею во главѣ Пчела обходитъ все село; на площадяхъ шествіе останавливается, заводятъ хороводъ; въ середину выходятъ двѣ дѣвушки и подъ пѣніе Пчелы пляшутъ, приподымая высоко куклу. Въ веснѣ парни не принимаютъ участія. Пчела—пѣсня излюбленная, но кромѣ нея существуетъ цѣлый рядъ пѣсенъ, которыя поются только весною; привожу нѣкоторыя изъ нихъ.

Мы пойдемте, дѣвушки, по́ лугу́ шаро́мъ,
Вдоль по улицѣ мячёмъ.
Мы подойдемте-ка, дѣвушки, ко бѣлому шатру!
Какъ у бѣлаго шатра сидѣлъ старый мужъ,
Погубитель мой! — погубилъ мою головушку,
Всю дѣвичью ка́рсоту, молодецкую молодость!

Digitized by Google

Царь по городу гуляетъ,
Царь царевну выбираетъ.
Не твоя-ли, царь, царевна
Середь города гуляетъ,
Не твоя-ли молодая?
Вы постойте, растворяйте-ка ворота!
Ты взойди-ка, царь, во городъ,
Возьми за ручку царевну,
Постановь ее на мѣсто,
Подойди-ка къ ней поближе,
Поклонися ей пониже!
Ты возьми ее за ручку,
Обведи вкругъ городочка!
Городочекъ ли маненекъ.
А царевна молодая
Середь города гуляла.

Повидимому, въ этой пѣснѣ намекъ на обрядъ вѣнчанія.

Вечо́ръ ли молоденька
Поздно вечеромъ сидѣла,
Я до самой полуночи,
До девятаго часу ночи
Я ждала ли, поджидала
Своего ли друга ми́ла,
Своего дружка милого.
Я насилу дождалася,
На шею́шку бросилася,
Слезами то заливалась,
Въ слезахъ дружка не узнала,
Въ слезахъ дружку говорила:
«Ужъ ты другъ ли мой, дружочекъ,
Сердцу радость, животочекъ,
Про насъ ли съ тобой люди баютъ,
Люди баютъ, все смолчаютъ.
На людей я не глядѣла,
Любить дружка захотѣла,
Любила дружка очень вѣрно,
Очень вѣрно, безотмѣнно.
Люблю дружка въ постоянствѣ,
А онъ меня пріубранши,
Во тонкой бѣлой рубашкѣ,
Во жемчужномъ во борочкѣ,
Въ гальнитуровомъ платочкѣ».

Вдоль да по улицѣ идутъ дѣвушки, все молодушки.
Меня молоду съ собою зовутъ.
Вы постойте-ка, подождите-ка!
Я пойду спрошу свекра батюшку:
«Свекоръ-батюшка, ты пусти гулять»!
— Я гулять пущу, кожу до пять спущу.—
Кожа волочится,—гулять хочется.
Я пойду спрошу свекровь-матушку:
«Свекровь-матушка, ты пусти гулять»!
— Я гулять пущу, кожу до пять спущу.—
Кожа волочится,—гулять хочется.
Я пойду спрошу мужа молодого:
«Молодой мой мужъ, ты пусти гулять»!
— Я гулять пущу, кожу до пять спущу.—
Кожа волочится,—гулять ужъ не хочется.

Въ пѣсняхъ дѣвушки предвидятъ замужнюю тяжелую жизнь, но смотрятъ на нее, какъ на неизбѣжную долю. Въ послѣдней пѣснѣ характеризуется полная зависимость женщины. Безотчетная власть, которой пользуется мужъ по отношенію къ своей женѣ, выражена въ поговоркахъ: „бью не чужую, а свою, хоть веревки изъ нея вью“, или: „жалѣй, какъ шубу, а бей, какъ душу“. Особенно много побоевъ выпадаетъ на долю жены, если мужъ самодуръ; случается, что сосѣди заступаются и отнимаютъ несчастную

Digitized by Google

Если-же мужъ бьетъ за дѣло, наприм., за измѣну, то никто не заступится, хотя-бы онъ убилъ ее до смерти. „Баба живуча, какъ кошка; изобьешь такъ, что посинѣетъ вся, анъ смотришь отдышится", говорятъ мужики. Въ настоящее время женщины прибѣгаютъ съ жалобами къ начальству, волостному суду, который и обуздываетъ самодурствующихъ мужей. Женщина терпитъ не только отъ мужа, ее бьетъ свекоръ, свекровь, сноxи и золовки допекаютъ злобою и интригами. Положеніе жены совсѣмъ иное, если мужъ вступаетъ зятемъ въ семью, гдѣ онъ чувствуетъ себя пришлымъ и зависимымъ. Работать женщинѣ приходится даже больше, чѣмъ мужчинѣ; вмѣстѣ съ мужемъ идетъ она на сѣнокосъ, жнитво, молотьбу, вязку сноповъ, иногда пашетъ и боронитъ; сѣвъ — единственная полевая работа, въ которой женщины не участвуютъ. Зимою встаетъ она много раньше мужа, уберетъ скотину, задастъ корму лошадямъ, затопитъ печь, чтобы пораньше накормить ребятишекъ. Весь день работая для семьи, только вечеромъ послѣ ужина садится она прясть кудель, чтобы заработать на свою собенну, на одежду мужу и дѣтямъ, и измученная прядетъ до поздней ночи. Надо еще прибавить, что здоровая крестьянка всякій годъ приноситъ ребенка; беременной работаетъ она до послѣдней минуты и производитъ на свѣтъ довольно легко; въ рѣдкихъ случаяхъ больная остается въ постели недѣлю; для нѣкоторыхъ болѣзнь длится нѣсколько моментовъ. Если роды застанутъ ее за работой во дворѣ, то она сама приноситъ въ домъ ребенка, обмоетъ его; затѣмъ затопитъ печь и принимается за стряпню къ крестинамъ, которыя назначаются въ тотъ-же день.

Въ крестные просятъ близкихъ и уважаемыхъ родственниковъ. Обязанность крестныхъ заключается въ матеріальной поддержкѣ крестника, въ подаркахъ ему по праздникамъ. Если крестникъ осиротѣетъ, то главное участіе въ его судьбѣ обязаны принимать крестные. Особеннымъ почетомъ пользуются крестные на свадьбахъ, назначаясь посаженными, благословляя образомъ, а крестная мать принимаетъ роль свахи. По отошенію къ мальчику, всѣ обязанности лежатъ на крестномъ отцѣ, которому крестникъ приходится духовнымъ сыномъ, тогда какъ крестная мать считается только свидѣтельницей при крещеніи. По отношенію къ дѣвочкѣ роли мѣняются, и крестная мать принимаетъ на себя обязательство.

Послѣ обряда въ церкви, крестная приноситъ ребенка матери

Digitized by Google

и даритъ ему «на ризки». За тѣмъ слѣдуетъ угощеніе всѣхъ родныхъ, приглашенныхъ „на кашу". Обычай звать на кашу объясняется тѣмъ, что послѣ угощенія, подаютъ пшенную кашу, подносятъ ее крестнымъ со словами: „выкупите крестненькіи, а потомъ и кушайте". Деньги, которые дарятъ на кашу, какъ крестные, такъ и всѣ гости, идутъ въ пользу родительницы. Есть обычай, что отцу новорожденнаго крестная подаетъ съѣсть ложку каши, предварительно всыпавъ въ нее горсть соли, чтобы онъ отвѣдалъ, какъ солоно пришлось его женѣ. Или же берутъ небольшой круглый каравай, съ обѣихъ сторонъ отрѣзываютъ по горбушкѣ, такъ что въ серединѣ остается толстый ломоть. Горбушки разрѣзаютъ на кусочки и раздаютъ всѣмъ гостямъ, а середину, посоливъ, даютъ съѣсть родившей; этимъ обычаемъ, вѣроятно, хотятъ показать, что всѣ гости принимаютъ участіе въ ея страданіяхъ. Къ врачебной помощи не любятъ обращаться, да почти не имѣютъ возможности за отдаленностью земскихъ больницъ. Въ трудныхъ случаяхъ призываютъ деревенскихъ повитухъ, опытныхъ старухъ, которыя своею неумѣлой помощью только увеличиваютъ страданія больной и иногда вызываютъ печальный исходъ. Новорожденнаго ребенка не купаютъ въ корытѣ, а кладутъ въ пеленкѣ на шестокъ, обмоютъ мыломъ или щелокомъ и попарятъ вѣникомъ. Щелокъ употребляется, какъ для мытья въ банѣ, такъ и для стирки, вслѣдствіе дороговизны мыла, которымъ пользуется рѣдкій крестьянинъ.

Бездѣтнымъ людямъ подбрасываютъ незаконнорожденныхъ дѣтей, что́ случается довольно часто, благодаря распространенной безнравственности въ семейныхъ отношеніяхъ и въ нравахъ молодежи. Принять подкидыша считается дѣломъ добрымъ для спасенія души, „для душеньки", точно также какъ взять пріемыша, круглаго сироту послѣ родныхъ или знакомыхъ. Ихъ воспитываютъ, какъ родныхъ, усыновляютъ, и они дѣлаются наслѣдниками имущества, наравнѣ съ родными дѣтьми. Если изъ взятаго на воспитаніе вырабатывается хорошій работникъ, а въ семьѣ есть дочери и нѣтъ сыновей, то его принимаютъ зятемъ. Положеніе подкидышей и пріемышей, особенно въ бездѣтныхъ семьяхъ, много лучше горькой доли тѣхъ сиротъ, которые попадаютъ въ руки мачехѣ, такъ какъ добрая и человѣчная мачеха — явленіе рѣдкое въ крестьянскомъ быту.

Digitized by Google

По способамъ выхаживанія дѣтей и лѣченія ихъ, неудивительно, что въ семьѣ изъ рожденныхъ 9 — 8 человѣкъ въ живыхъ остаются 2—рѣдко 4. За совѣтами по лѣченію дѣтей прибѣгаютъ къ старухамъ, бабушкамъ, какъ болѣе опытнымъ; кромѣ того, существуютъ общераспространенные способы лѣченія; нѣкоторые изъ нихъ я привожу.

Если у новорожденнаго ребенка дѣлается худосочіе, такъ называемая собачья старость, то его „перепекаютъ въ печи". Ребенка сажаютъ на хлѣбную лопату и суютъ въ горячую печь, какъ только изъ нея вынутъ хлѣбы. Одна женщина съ улицы спрашиваетъ въ окно, ту которая держитъ лопату: „Что перепекаешь?"—„Собачью старость".—„Перепекай лучше, чтобы ея не было!" Разговоръ повторяется три раза, и три раза сажаютъ ребенка въ печь. Случается, что съ лопаты ребенокъ сваливается и получаетъ обжоги, или-же задыхается отъ жара.

Другой способъ лѣченія собачьей старости состоитъ въ томъ, что въ теплую печь влѣзаетъ бабушка, кладетъ себѣ на колѣни рядомъ ребенка и кутенка (щенка) и начинаетъ ихъ попеременно парить вѣникомъ.

Купаютъ отъ этой-же болѣзни ребенка съ кошкою, чтобы болѣзнь перешла на животное.

Лѣчатъ собачью старость еще слѣдующимъ способомъ: три дня подрядъ дѣлаютъ по девяти пельменей, начиняютъ ихъ землей, затѣмъ варятъ въ водѣ; пельмени отдаютъ собакамъ, а въ отварѣ купаютъ ребенка.

Если у новорожденнаго являются судорожныя движенія, напр., отъ разстройства желудка; то заключаютъ, что у него въ спинѣ щетина, которая его раздражаетъ, и ее необходимо выщипать. Съ этой цѣлью подбиваютъ дрожжи пшеничными отрубями; старуха влѣзаетъ въ печь съ ребенкомъ, вымажетъ его всего тѣстомъ, прикроетъ ветошкою, попаритъ вѣникомъ и начнетъ растирать спину и выщипывать волосы.

Взрослыхъ лѣчатъ также своеобразными способами „Кумоха окидàла", т. е. обметала лихорадка: слѣдуетъ больное мѣсто помочить пòтомъ съ оконнаго стекла или обтереть обломкомъ копыта, найденнымъ на дорогѣ. Если найдутъ на улицѣ свиную челюсть, то ее берутъ и прикладываютъ въ случаѣ заушницы или нарыва за ухомъ; эти болѣзни лѣчатся также прикладываніемъ

Digitized by Google

заячьей шкурки. Заболитъ горло,—идутъ къ старухѣ знахаркѣ; она съ таинственною молитвой очерчиваетъ три раза сучекъ на стѣнѣ и тѣмъ заговариваетъ болѣзнь.

Боль въ поясницѣ зовутъ „утйной“ и лѣчатъ ее такъ: больной ложится поперекъ переруба (мѣсто на полу *, гдѣ соединяются концами доски) или поперекъ порога. Старуха кладетъ больному на спину вѣникъ и начинаетъ слегка рубить топоромъ. „Что рубишь?“ спрашиваетъ больной.—„Утину“.—„Руби гораздо, чтобъ больше не было“.

Серьезныя болѣзни не поддаются подобнымъ способамъ лѣченія, и появленіе ихъ связано съ суевѣрными представленіями. Когда вихрь крутитъ и подымаетъ столбъ пыли,—говорятъ, что нечистый играетъ. Если человѣкъ попадетъ въ вихрь, то его разбиваетъ параличемъ. Чтобы отдалить отъ себя бѣду, слѣдуетъ говорить: „на воду, на воду, на воду!“ и нечистый пролетитъ мимо и разобьется въ водѣ.

Существуютъ способы предохранять отъ эпидемическихъ болѣзней; наприм., обычай опахивать село отъ чумы. Исполняется онъ слѣдующимъ образомъ. Въ соху впрягаютъ старуху, вдову или дѣвушку, извѣстную своей хорошей жизнью; другая старуха правитъ сохою; ихъ сопровождаютъ нѣсколько дѣвушекъ съ распущенными волосами, изъ которыхъ двѣ помогаютъ тащить соху, ухватившись по бокамъ; въ рукахъ несутъ онѣ восковыя зажженныя свѣчи. Шествіе собирается тайно ночью, когда всѣ уснули, и съ пѣніемъ молитвъ обходитъ вокругъ села, пропахивая не глубокую борозду; на перекресткахъ останавливаются и зарываютъ въ землю росной ладанъ.

Есть болѣзни, которыя излѣчиваются заговорами, напримѣръ, „прйтка“. Приткою называется заболѣваніе или опухоль, явившаяся вслѣдствіе ушиба. „Тебѣ припритчилось“, т. е. разболѣлось отъ ушиба, скажетъ старуха и начнетъ заговаривать на молоко или воду слѣдующее: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Мѣстечко, прости Христа ради! Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Матушка сыра земля, прости Христа ради! Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Мѣ-

*) Почти во всѣхъ избахъ полы деревянные; глиняныя мазанки преобладаютъ въ хохлацкихъ переселенческихъ деревняхъ.

Digitized by Google

стечко прости меня Христа ради!“ Трижды повторяя заговоръ, всякій разъ она дѣлаетъ надъ молокомъ крестное знаменіе и даетъ пить больному.

Для скотины отъ притки заговариваютъ на воду или на соль, которую даютъ съѣсть животному. Заговоръ для скотины отъ притки слѣдующій:

Шелъ Христосъ къ рѣкѣ, къ Іорданѣ,
Тростью ногу накололъ,
Пруды, ключи заговаривалъ.
Матушкѣ Пресвятой Богородицѣ передавала,
За престольный столъ клала,
Кленной (бѣлой) розой покрывала.
Ты земля крѣпись!
Святой узелъ завяжись, завяжись!
Господи Іисусе Христе помилуй насъ.
Во имя Отца и Сына и Св. Духа.
Аминь.

Перекрестивъ соль или воду, даютъ животному. Заговоры существуютъ отъ многихъ болѣзней, хранятся въ большой тайнѣ тѣми, кому они извѣстны, и передаются въ виду большого расположенія и довѣрія отъ старшаго младшему. Въ противномъ случаѣ они теряютъ силу. Большинство заговоровъ извѣстно профессіональнымъ знахарямъ и знахаркамъ, которые лѣчатъ также всякими травами. Ворожеи не только заговариваютъ болѣзни, но при помощи нечистой силы умѣютъ привораживать сердца, наводить порчу и предвидѣть будущее. Къ ворожеямъ относятся съ суевѣрнымъ страхомъ, но еще болѣе боятся колдуновъ. Во всякомъ селѣ найдется свой колдунъ. Случайное совпаденіе обстоятельствъ, которое крестьяне не могутъ объяснить себѣ, вызываетъ подозрѣніе въ колдовствѣ. Колдуна всѣ боятся, такъ какъ онъ злой человѣкъ, водится съ нечистымъ и можетъ навести порчу и разореніе, потому стараются жить съ нимъ въ ладахъ. На свадьбахъ ему выказываютъ особый почетъ изъ боязни, чтобы не испортилъ молодыхъ. Обыкновенно славою колдуна пользуется хитрый и умный мужикъ, извлекающій изъ своего положенія извѣстную выгоду и эксплоатирующій своихъ односельчанъ, которые боятся расправиться съ нимъ, утѣшая себя тѣмъ, что ему предстоитъ трудный отвѣтъ передъ Богомъ. Отсюда примѣта, что колдунъ долго, иногда нѣсколько дней мучится въ предсмертныхъ страданіяхъ, и, чтобы помочь его душѣ разстаться съ тѣломъ, приподнимаютъ конекъ на крышѣ, или передній уголъ, послѣ чего тотчасъ же наступаетъ смерть.

Digitized by Google

Увѣренность, что колдунъ и послѣ смерти можетъ мстить и причинять зло, вызвала обычай прибивать колдуна—покойника къ землѣ осиновымъ коломъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ крестьяне бываютъ выведены изъ терпѣнія дерзостью колдуна и учиняютъ надъ нимъ самосудъ, кончающійся для него смертью или увѣчьемъ. Привожу одинъ такой случай, происшедшій нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Въ большомъ, богатомъ селѣ Дмитровкѣ завелся колдунъ; на ширушкѣ поссорился онъ съ своимъ сосѣдомъ, который жилъ хорошо, имѣлъ большой домъ, много скотины, 15 лошадей. «Попомнишь ты меня!» пригрозился ему колдунъ, и вскорѣ дѣлается у этого крестьянина пожаръ, сгораетъ домъ и часть скотины; онъ снова строится. Вдругъ наступаетъ падежъ на его лошадей. Мужикъ совсѣмъ разоряется. А колдунъ все грозится. «То-ли еще будетъ; не долго проживешь подъ новою крышей!» Тогда мужикъ созываетъ народъ, разсказываетъ подробно объ угрозахъ колдуна и ихъ послѣдствіяхъ и требуетъ, чтобы общество вступилось на его защиту. Вызываютъ колдуна. Онъ пробуетъ застращать всѣхъ своею таинственною властью, но только озлобляетъ мужиковъ, такъ что тѣ принимаются бить его, требуя признанія. Перетрусивъ передъ разсвирѣпѣвшей толпою, онъ кается, что взялъ хлѣбъ, вынулъ изъ него середину и съ наговоромъ зарылъ подъ крыльцомъ у своего врага; если хлѣбъ выроютъ, то и несчастіе прекратится. При поискахъ дѣйствительно нашли хлѣбъ, но колдуна такъ избили, что онъ едва живъ остался и съ той поры присмирѣлъ. Разоренный имъ сосѣдъ поправился и зажилъ по-прежнему.

Самосудъ крестьянскій очень жестокъ, такъ какъ озлобленная толпа дѣйствуетъ уже безсознательно, вся отдаваясь только чувству мести и злобы. Къ самосуду крестьяне прибѣгаютъ только, когда выведены изъ терпѣнія, чаще всего для расправы съ конокрадами и ворами. «Ни чѣмъ вора не уймешь, колъ до смерти не убьешь», говоритъ пословица; вора или убиваютъ, или избиваютъ такъ, что онъ недолго поживетъ послѣ побоевъ. Убитаго самосудомъ общество крестьянское тайкомъ хоронитъ, затѣмъ зачисляетъ въ безъ вѣсти пропавшіе, и судебная власть рѣдко и всегда безуспѣшно принимается за разслѣдованіе. Вообще слѣдствіе оканчивается неудачей въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится имѣть дѣло со всей общиной и съ суевѣріями. Характеристичнымъ примѣромъ служитъ внезапная смерть отъ опоя виномъ. Слѣдователь, пріѣзжая

Digitized by Google

на вскрытіе трупа опойцы нерѣдко находитъ пустой гробъ; покойникъ же исчезаетъ безслѣдно. Ооъясняется это слѣдующимъ образомъ. Существуетъ повѣріе, что и по смерти опойцу мучитъ нестерпимая жажда, вслѣдствіе чего онъ выпиваетъ всю влагу изъ почвы въ той мѣстности, гдѣ его похоронили, и воду изъ облаковъ, что влечетъ за собою засуху и неурожай. Потому, если опойца умретъ въ чужомъ селѣ, то крестьяне не даютъ хоронить его у себя, требуя его отправленія на родину; здѣсь уже является сопротивленіе начальству, иногда очень сильное.

Когда наступаетъ засуха и не задолго былъ похороненъ на общемъ кладбищѣ опойца, то его считаютъ причиною бездождія, и все общество, со старостою и другими властями во главѣ, тайкомъ ночью вырываютъ гробъ, вынимаютъ покойника и бросаютъ въ прудъ, въ воду, или же зарываютъ въ сосѣднемъ владѣніи, а въ спину вбиваютъ ему осиновый колъ, чтобы не ушелъ.

Обыкновенный похоронный обрядъ не представляетъ никакихъ особенностей. Въ нарядѣ трауръ также ничѣмъ не обозначается. Съ кладбища возвращаются въ домъ на поминовеніе и горячій столъ, устраиваемый преимущественно для бѣдныхъ старухъ, стариковъ и дѣтей до десятилѣтняго возраста. Кромѣ того, приглашаются на поминальный столъ мужчины, которые несли гробъ, и самые близкіе родные. Для всѣхъ другихъ ходить на поминки считается предосудительнымъ. Кормленіе старыхъ и малыхъ равносильно угощенію нищихъ и убогихъ на поминъ души. Непремѣнное кушанье—блины съ медомъ, или медовой сытою; ими начинается и заканчивается обѣдъ. Поминальные обѣды дѣлаются по обыкновенію на 3, 9, 20, и 40-й дни. Дѣвушку или дѣвочку несутъ въ церковь пять дѣвушекъ съ распущенными волосами; имъ дарятъ по платку и по лентѣ на голову. Изъ причитаній общераспространенное по матери слѣдующее:

Родима матушка, какъ станемъ безъ тебя жить!?
И холодны, и голодны, и наги, и босы.
Напримаемся, родима матушка, всего горюшка многохонько!
Никто-то насъ не пожалѣетъ безъ тебя жальнёхонько.
Нѣтъ того ретиваго сердечка,—желаннаго,

Что было у родимой у матушки!
Не давала ты надъ нами, родима матушка, вѣтерочку-то вянуть,
Не давала людямъ насъ въ обидушку.-
Безъ тебя то за насъ никто не заступитъ.
Никто словечка не молвитъ!
Только мы станемъ куковать горькой кукушечкой.

Digitized by Google

Характернымъ способомъ поминовенія души служитъ «потаенная милостынька». Она раздается бѣднымъ бобылкамъ, также старикамъ въ теченіе 40 ночей, по три милостыньки въ каждую, и состоитъ изъ маленькаго пшеничнаго или полбеннаго хлѣбца, въ родѣ просфоры, и восковой свѣчки. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ заказываютъ келейницамъ читать 40 дней псалтырь по покойникѣ.

«Келейницы» — особый видъ деревенской монахини, черничи. Чувствуя религіозное влеченіе, дѣвушка, иногда еще молодая, отказывается выходить замужъ и выпрашиваетъ у отца разрѣшеніе отдѣлить ей горенку отъ семьи и посвятить себя служенію Богу. Это желаніе рѣдко вызываетъ сопротивленіе у родныхъ; ей строятъ во дворѣ комнатку, куда она уходитъ послѣ всѣхъ домашнихъ работъ, и въ то время, какъ ея подруги гуляютъ на улицѣ, она занимается чтеніемъ молитвъ и псалмовъ и церковнымъ пѣніемъ. Продолжая работать на семью, съ годами она пріобрѣтаетъ большое уваженіе и независимость, зарабатываетъ также на сторонѣ поминаніями. Иногда 3—4 келейницы соединяются и устраиваютъ общежитіе. Духовенство смотритъ на нихъ съ недоброжелательствомъ, такъ какъ онѣ отнимаютъ часть доходовъ поминаніемъ.

Во всѣхъ обрядахъ и суевѣріяхъ христіанскія и языческія вѣрованія тѣсно связаны между собою. Къ главному источнику существованія крестьянъ — хлѣбопашеству относится также немало примѣтъ и суевѣрій; нѣкоторыя изъ нихъ я привожу.

Наканунѣ сѣва вечеромъ хозяинъ запирался въ своей избѣ, зажигалъ восковую свѣчу и клалъ передъ образами горсть зеренъ изъ предназначенныхъ для сѣва; затѣмъ начиналъ усердно молиться о ниспосланіи удачнаго сѣва и урожая. Предварительно въ избѣ затыкались всѣ щелки, всѣ отверстія, трубы въ печи съ тою цѣлью, чтобы нисшедшая отъ молитвы на зерна благодать Божія не могла уйти изъ избы. Этотъ обычай уже исчезъ. Другой состоялъ въ томъ, что при началѣ сѣва отецъ и сынъ выходили съ противоположныхъ межъ. Отмѣтивъ на пашнѣ середину, они начинали сходиться, «брыкая», т. е. бросая сѣмена. Если къ серединѣ первымъ приходилъ отецъ, то удачнымъ предсказывался ранній сѣвъ, а если сынъ, то поздній.

Находятъ при жнитвѣ спорынью, т. е. два колоса на одномъ стеблѣ (отъ слова «спорый»), ее сохраняютъ до будущаго сѣва,

Digitized by Google

такъ какъ зерна изъ спорыньи приносятъ урожай. Или же зашиваютъ спорынью въ ладанку и надѣваютъ на крестъ, когда идутъ сѣять.

Остается въ полѣ обсѣвокъ—примѣта дурная: въ домѣ будетъ покойникъ-хозяинъ. Подшутилъ обсѣвкомъ полевой—злой духъ, оборачивающійся въ звѣрка; онъ же портитъ человѣка, если тотъ ляжетъ спать на межѣ; заводитъ скотину въ полѣ, если она пущена безъ молитвы.

При окончаніи жатвы оставляютъ пучекъ колосьевъ, который завязываютъ узломъ, приговаривая: «вотъ тебѣ, истинный Христосъ, на бородку». Называется это—оставлять истинному Христу на бородку для будущаго урожая.

Многіе изъ обычаевъ и примѣтъ уже исчезли, остальные теряютъ съ каждымъ годомъ приверженцевъ; грамота развиваетъ въ новомъ поколѣніи иные понятія и взгляды. Вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаютъ остатки народной самобытной поэзіи, замѣняясь городскими и солдатскими пѣснями и даже передѣланными, исковерканными романсами.

Евгенія Всеволожская.

1894 г., 18 сентября.

Digitized by Google

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ РАЗВИТІЯ ЖИЛИЩА У ФИННОВЪ.

(На основаніи соч. *Axel'a Heikel'a:* „Die Gebäude der Čeremissen, Mordwinen, Esten und Finnen, Helsingf. 1888, г. и др. источниковъ).

Книга г. Акселя Гейкеля представляетъ единственный въ своемъ родѣ трудъ: въ ней собранъ обширный, въ большинствѣ случаевъ добытый личными наблюденіями автора, матеріалъ по современнымъ жилищамъ разныхъ народностей финскаго племени; текстъ дополненъ большимъ количествомъ рисунковъ (слишкомъ 300). Отдѣлъ Этнографіи И. О. Л. Е., А. и Э., признавая полезнымъ познакомить русскихъ читателей съ капитальнымъ трудомъ г. Гейкеля, поручилъ мнѣ составить подробный отчетъ о немъ для «Этнографическаго Обозрѣнія». Однако, такъ какъ г. Гейкелемъ разсматриваются только черемисы, мордва, эсты, русскіе корелы и финское населеніе Финляндіи, мнѣ казалось полезнымъ привлечь къ предлагаемому обзору и тѣ изъ народностей, которыя или вовсе не разсматриваются въ трудѣ г. Гейкеля, или которыхъ онъ касается лишь мимоходомъ (именно: ливовъ, лопарей, зырянъ, пермяковъ, вотяковъ, остяковъ и вогуловъ). Кромѣ того, со времени выхода въ свѣтъ работы г. Гейкеля, русская литература обогатилась значительнымъ количествомъ сочиненій, посвященныхъ этнографіи финскихъ народностей, что даетъ возможность въ значительной степени дополнить изложеніе г. Гейкеля, подтвердить или видоизмѣнить его выводы. Наконецъ, работы г. Гейкеля носятъ преимущественно описательный характеръ, причемъ авторъ, группируя жилища по древности ихъ типа, принимаетъ за основаніе устройство и положеніе очага: этотъ послѣдній является nota characteristica въ его системѣ жилищъ. Въ составленной мною работѣ, при группировкѣ жилищъ финскихъ народовъ по типамъ, въ основаніе положены внѣшній видъ и планъ жилья, а не очагъ, такъ какъ эта система даетъ болѣе наглядное представленіе объ эволюціи жилища у разсматриваемаго племени; кромѣ того, мнѣ казалось полезнымъ соединить разбросанные въ трудѣ г. Гейкеля выводы воедино и дополнить

Digitized by Google

ихъ на основаніи данныхъ, имѣющихся въ современной литературѣ по этнографіи финновъ. Источники, которыми я пользовался, отмѣчены въ изложеніи въ сноскахъ; свѣдѣнія-же, заимствованныя изъ работы г. Гейкеля, всегда точно опредѣлены въ текстѣ съ указаніемъ въ скобкахъ на соотвѣтствующую страницу труда автора.

На предложеніе Отдѣла Этнографіи предоставить для печатанія при статьѣ рисунковъ клише, г. Гейкель не только съ полной готовностью изъявилъ свое согласіе, но и любезно принялъ на себя трудъ по заказу ихъ въ Гельсингфорсѣ, а также по наблюденію за ихъ изготовленіемъ. Изъ числа помѣщенныхъ въ книгѣ г. Гейкеля рисунковъ, мною выбрано 46 №№, наиболѣе иллюстрирующихъ различные типы жилищъ у финновъ.

I.

Шалашъ и шалашевидныя жилыя и хозяйственныя постройки: У лопарей (кота, кувакса, вѣжа), тавастовъ и кореловъ (кота), эстовъ, мордвы, зырянъ, пермяковъ, остяковъ и вогуловъ. — **Землянки:** Свидѣтельства и преданія о жизни въ землянкахъ у разныхъ финскихъ народностей. Землянка въ качествѣ хозяйственной постройки у горн. черемисовъ. Типы переходные отъ землянки къ срубу (у мордвы, остяковъ, пермяковъ, эстовъ и тавастовъ). — **Срубы:** Пыртъ-тупа лопарей, пывзянъ пермяковъ и зырянъ, зимнія юрты остяковъ и вогуловъ, кудъ черемисовъ, кухня мордвы, sauna (баня) и pörte тавастовъ, sauna и туба эстовъ, баня и туна кореловъ. Образованіе деревень. Характерныя черты финскихъ деревень. Развитіе двора.

Въ настоящее время почти всѣ финскія племена живутъ въ болѣе или менѣе хорошо и прочно устроенныхъ избахъ. Однако, достаточно бѣглаго взгляда на эти жилища, къ какой бы группѣ финскихъ племенъ они ни принадлежали, чтобы убѣдиться, что они не представляютъ собой первичнаго типа, что, наоборотъ, они являются продуктомъ долгаго, постепеннаго развитія финновъ, результатомъ взаимодѣйствія собственнаго самостоятельнаго роста финскаго племени съ одной стороны, и вліянія на нихъ ихъ сосѣдей съ другой. Возстановить исторію развитія жилища у финновъ представляетъ меньше трудностей, чѣмъ у другихъ племенъ, болѣе однообразно подвинувшихся на пути культуры, и это оттого, что среди финскихъ народностей мы встрѣчаемъ самыя разнообразныя культурныя ступени, крайними пунктами коворыхъ мы можемъ считать съ

Digitized by Google

одной стороны тавастовъ, имѣющихъ свою литературу, науку и искусство, и, напримѣръ, полукочевыхъ лопарей и остяковъ съ другой стороны, постепенно сливающихся со своими болѣе культурными сосѣдями. Зная способъ устройства жилищъ у некультурныхъ финскихъ племенъ и встрѣчая такія же или аналогичныя формы построекъ у ихъ болѣе культурныхъ соплеменниковъ, нетрудно возстановить по крайней мѣрѣ главные моменты исторіи развитія жилища всего обширнаго финскаго племени и прослѣдить ее до современныхъ формъ. Попытки въ этомъ направленіи были неоднократно дѣлаемы и въ главныхъ чертахъ исторія финскаго жилища установлена уже трудами Алквиста и Ретціуса [1]).

Данныя, которыя мы имѣемъ о первобытной культурѣ финскаго племени, рисуютъ намъ его стоящимъ на крайне низкомъ уровнѣ развитія. Если оставить въ сторонѣ столь часто повторяемое свидѣтельство Тацита [2]) объ образѣ жизни Fenni, въ виду того, что признавая даже тождество тацитовскихъ Fenni съ финнами, это свидѣтельство можетъ относиться только къ сравнительно очень небольшой группѣ финскаго племени, и какъ таковое не должно быть распространяемо на все племя, — мы имѣемъ данныя языка, которыя неоспоримо доказываютъ, что почти что со всѣми культурными предметами финны познакомились отъ своихъ сосѣдей въ разное время [3]). До періода начала широкаго вліянія сосѣдей бытъ финновъ едва ли поднимался выше охотничьей, рыболовной и, по-

---

[1]) *Ahlquist*: Die Kulturwörter der westfinnischen Sprachen (Helsingfors. 1875) *Retzius*: Finnland (Berlin. 1885).

[2]) *Tacitus*: Germania, c. 46. „Фенны (Fenni) не имѣютъ ни оружія, ни лошадей, ни жилища. Травы составляютъ ихъ питаніе, звѣриныя шкуры — одежду, земля — ихъ ложа. Они полагаются на свои стрѣлы, которыя они за отсутствіемъ желѣза дѣлаютъ изъ кости. Охота питаетъ какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, потому что онѣ повсюду слѣдуютъ за ними и требуютъ своей части въ добычѣ. Даже для дѣтей нѣтъ другого убѣжища отъ дикихъ звѣрей и дождя, кромѣ прикрытія изъ сплетенныхъ древесныхъ вѣтвей; туда возвращаются мужчины, тамъ-же и мѣстопребываніе старцевъ".

[3]) См. *Ahlquist:* Die Kulturwörter der westfinnischen Sprachen. (Hels. 1875) *Thomsen*: Ueber d. Einfluss der germ. Sprachen auf die finnisch-lappischen. *Qvigstad.* Nordische Lehnwörter im Lappischen (Christiania, 1894). *Düben*: La Laponie et les lapons. *Веске:* Славяно финскія культурныя отношенія (Каз. 1890). *O. Donner*. Ueber den Einfluss des Litauischen auf die finnischen Sprachen. 1884.

Digitized by Google

жалуй, оленеводческой (у нѣкоторыхъ племенъ) жизни; т. е. той формы, которая не располагаетъ къ осѣдлой жизни и не прикрѣпляетъ человѣка къ землѣ, какъ это дѣлаетъ земледѣліе. Соотвѣтственно съ этимъ бродячимъ состояніемъ и жилище финновъ не могло быть прочнымъ.

Этимъ первобытнымъ жилищемъ долженъ былъ быть шалашъ Распространеніе одинаковаго названія шалаша у различныхъ финскихъ народностей (*kota* — тавастовъ, *koda*— эстовъ, *kata*—лопарей, *kud*—черемисовъ и мордвы - мокши, *kudo*—мордвы-ерзи, *koda* или *kuoda* — ливовъ, *kodi*—вепсовъ, *gid*—вотяковъ, у послѣднихъ въ значеніи конюшни, двора, *hot*—остяковъ [1]) доказываетъ, что постройка подъ названіемъ *kota* и пр. была общераспространена у финновъ какъ восточной, такъ и западной группъ; а фактъ, что у нѣкоторыхъ племенъ подъ этимъ именемъ разумѣется сохранившаяся до настоящаго времени жилая постройка въ видѣ шалаша (т.-е. наиболѣе первобытная), служитъ доказательствомъ, что и тѣ финскія племена, которыя въ настоящее время подъ этимъ именемъ разумѣютъ уже болѣе культурныя постройки (черемисы, мордва вотяки), лишь перенесли на болѣе позднюю форму жилья старое названіе, употреблявшееся нѣкогда для обозначенія шалаша.

Шалашъ, какъ *постоянное* жилище, не встрѣчается въ настоящее время ни у одного изъ финскихъ племенъ, живущихъ на западѣ, за исключеніемъ скандинавскихъ кочевыхъ лопарей. Но какъ постройка, которая служитъ для жилья въ теченіе извѣстнаго періода времени или для приготовленія пищи лѣтомъ, онъ еще широко распространенъ, преимущественно въ западныхъ областяхъ мѣстожительства финновъ. Въ наиболѣе первобытной формѣ мы встрѣчаемъ шалашъ у скандинавскихъ кочевыхъ лопарей—*kata*. *Kata* дѣлается изъ жердей, соединенныхъ вмѣстѣ; этотъ остовъ покрывается лѣтомъ парусиной, зимой толстымъ войлокомъ. Зданіе имѣетъ конусообразную форму. На верху дѣлается отверстіе для дыма. Вышиной этотъ шалашъ 2 метра 75 центм., шириной у основанія 3—4 метра. Внутри на перекладинѣ виситъ котелъ надъ очагомъ, который складывался въ прежнее время изъ неотесанныхъ камней; у стѣнъ стоятъ сундуки съ домашнимъ скарбомъ; оленьи шкуры служатъ постелями; на полу, по стѣнамъ, лежатъ также

[1]) *Ahlquist*. Die Kulturwörter der westfinnichen Sprachen, стр. 104.

Digitized by Google

и палки, и оружіе, и припасы. Въ такомъ шалашѣ живетъ цѣлая семья, подчасъ 5—7 человѣкъ [1]) Къ этому типу первобытнаго жилья финновъ слѣдуетъ отнести и походный шалашъ русскихъ лопарей — *кувакса*. Онъ состоитъ изъ наклонно-поставленныхъ жердей, связанныхъ наверху всѣ вмѣстѣ. Жерди покрываются парусиной на половину или $^2/_3$ ихъ высоты, такъ что остается довольно большое пространство для выхода дыма. Посрединѣ куваксы раскладываютъ огонь, а котелъ привѣшивается къ мѣсту, въ которомъ жерди связаны. Кувакса, однако, употребляется русскими лопарями только при перекочевкахъ и не служитъ жилищемъ на болѣе долгое время [2]). Какъ разновидность первобытнаго шалаша, слѣдуетъ, быть можетъ, считать покрытый циновками и нерѣдко холстомъ шалашъ, который вотяки устраиваютъ иногда на лѣто въ лѣсахъ, и о которомъ упоминаетъ вскользь Гейкель (стр. 79) со словъ Бехтерева. Развитіе шалаша въ болѣе прочную постройку мы можемъ наблюдать на вѣжахъ русскихъ лопарей. Вѣжи, *кю(у)итъ*, служатъ русскимъ лопарямъ жилищами бо́льшую часть года. Онѣ стоятъ на весеннихъ, лѣтнихъ и осеннихъ мѣстахъ, куда лопари перекочевываютъ для рыбнаго промысла, такъ что лопарь мѣняетъ вѣжу на болѣе постоянное жилище лишь на зимнее время, когда промыслы прекращаются и лопари сосредоточиваются въ своихъ деревняхъ. Вѣжа сохраняетъ всѣ признаки шалашеобразной постройки, но дѣлается прочнѣе и не такъ легко разбирается и переносится, какъ *kata*. *Кюитъ* представляетъ сложенную изъ жердей и досокъ четырехгранную пирамиду (а не конусъ, какъ *kata*) вышиной не больше $2^1/_2$—3 арш.; снаружи она покрывается дерномъ, частью вѣтвями и хворостомъ; съ внутренней стороны жерди прикрыты досками. Входить въ вѣжу можно лишь черезъ очень небольшую, крайне низкую двустворчатую дверь, приноровленную такъ, что она быстро захлопывается. Посреди вѣжи устраивается очагъ; дымъ выходитъ черезъ отверстіе, оставляемое на верху. Въ остальномъ убранство вѣжи сходится съ убранствомъ *kata* скандинавскихъ лопарей [3]).

---

[1]) *Koechlin-Schwartz.* Un touriste en Laponie, стр. 235.

[2]) *Н. Харузинъ*: Русскіе лопари, стр. 100.

[3]) Ibid., стр 100.

Digitized by Google

Переходя отъ лопарей въ Финляндію и Карелію, мы встрѣчаемъ тотъ-же первобытный шалашъ у тавастовъ и кареловъ—это *kota*. „Кто путешествовалъ по сѣверной Финляндіи,—пишетъ Алквистъ,—тотъ не можетъ, конечно, не замѣтить среди прочихъ построекъ одно небольшое строеніе, непремѣнно встрѣчающееся, какъ у бѣднаго, такъ и у богатаго крестьянина. Это строеніе имѣетъ коническую форму и сложено изъ очищенныхъ отъ коры еловыхъ и сосновыхъ кольевъ, длиной отъ 8 до 12 аршинъ и толщиной отъ 4 до 5 дюймовъ. Тонкіе концы сходятся къ верху и чѣмъ-нибудь скрѣпляются, но такъ, что образуютъ отверстіе для дыма. Подъ этимъ отверстіемъ... находится очагъ, обыкновенно сложенный изъ мягкаго плоскаго камня;... на крюкѣ, прикрѣпленномъ нѣсколько выше къ поперечной перекладинѣ, вѣшается чугунный котелъ. Сбоку находится входъ съ легкою изъ тонкихъ досокъ дверью. Такое строеніе финляндскіе шведы называютъ *kölna*, а финны — *kota*, и служитъ оно теперь только кухней или прачечной, особенно въ теплое время года или въ такую пору, когда по какой-либо причинѣ не хотятъ разводить огня въ домашнемъ очагѣ“ [1]). Кота описана также и Ретціусомъ [2]). У самихъ финляндцевъ сохранилось воспоминаніе о *kota*, какъ первобытномъ жилищѣ; Алквистъ приводитъ слѣдующую народную поговорку: „древнѣйшею ловушкой было брюхо, древнѣйшею посудой была горсть, древнѣйшимъ жильемъ—кота“. Г. Гейкель отмѣчаетъ у тавастовъ весьма интересное соединеніе коты съ формой постройки болѣе поздняго типа, служащей въ настоящее время баней. Кота, сложенная изъ жердей, пристраивается къ банѣ и служитъ какъ-бы преддверіемъ послѣдней (стр. 144). Такого рода пристройки къ болѣе древнимъ формамъ жилища болѣе новыхъ видовъ его мы неоднократно встрѣтимъ въ исторіи финскаго жилья.

Наконецъ, первобытный шалашъ, употребляемый въ качествѣ кухни, сохранился и у эстовъ. Въ 40-хъ годахъ нашего столѣтія такого рода кухни не представляли рѣдкости, если судить по словамъ Крузе [3]), который, характеризуя дома эстовъ, отмѣчаетъ, что кухня строилась изъ еловыхъ жердей, поставленныхъ въ кругъ.

---

[1]) О древ. культурѣ зап. финновъ въ Журн. Мин. Нар. Пр. Іюль, 1877, стр. 166, 167.

[2]) *G. Retzius*: Finnland, стр. 24. Рисунокъ коты, стр. 25.

[3]) *Kruse*: Urgeschichte des esthnischen Volksstames, стр. 350.

Digitized by Google

Въ настоящее время кухни-кота встрѣчаются рѣдко. А. Д. Солодовниковъ [1]), собравшій обширный матеріалъ по устройству эстонскихъ жилищъ, не видалъ подобной кухни, по крайней мѣрѣ на материкѣ въ Эстляндской губ. Тѣмъ больше интереса пріобрѣтаетъ сообщаемый г. Гейкелемъ фактъ, что на о. Даго и около Феллина (Лифляндской губ.) кота встрѣчается еще и продолжаетъ служить кухней. Описываемая г. Гейкелемъ (стр. 131) кота на о. Даго стояла на дворѣ, вдали отъ прочихъ построекъ (устройство коты вдали отъ остальныхъ построекъ отмѣчаетъ и Аспелинъ у тавастовъ). Надъ поверхностью земли поднималась сложенная изъ камней круглая стѣнка, въ передней сторонѣ которой находилось отверстіе высотой въ ростъ человѣка, служившее входомъ. Надъ каменнымъ кругомъ поднималась коническая крыша, сложенная изъ жердей. Въ срединѣ кухни помѣщался очагъ, обставленный лишь немногими камнями, а надъ нимъ на перекладинѣ висѣлъ котелъ (Рис. 1). Такого рода шалашеобразная постройка носитъ общее названіе *kök*, т. е. кухня. Въ только что описанной эстонской кухнѣ нетрудно угадать видъ общефинской коты, хотя въ способѣ устройства она и отклонилась въ довольно значительной степени отъ первобытнаго шалаша, который мы видѣли у скандинавскихъ лопарей въ ихъ *kata*, въ *кувакси* русскихъ лопарей, въ *kata* тавастовъ и кореловъ, и даже отъ того типа, который описывается Крузе у эстовъ. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ дальнѣйшимъ развитіемъ шалаша, какъ жилища,—явленіе, аналогичное тому, которое мы отмѣтили у русскихъ лопарей при описаніи вѣжи, именно, стремленіе приноровить легко разбираемый шалашъ къ условіямъ болѣе осѣдлой жизни, дѣлая его болѣе прочнымъ и менѣе портативнымъ. Эстонская кухня съ о. Даго представляетъ интересный примѣръ консерватизма при устройствѣ жилыхъ и хозяйственныхъ построекъ, когда при измѣнившихся условіяхъ и при употребленіи другого матеріала сохраняется старая форма: шалашъ, сложенный изъ приставленныхъ другъ къ другу жердей, естественно принималъ круглую форму; при переходѣ къ постройкѣ изъ камня эстонецъ счелъ нужнымъ сохранить круглую форму и покрыть эту постройку шатровидной крышей.

---

[1]) *Солодовниковъ*: „Жилище эстонцевъ въ его постепенномъ развитіи“, печ. во „Временникѣ“ Эстляндск. Губ. Ст. Ком.

Digitized by Google

Переходя къ восточнымъ финнамъ, мы замѣчаемъ, что шалашеобразныя постройки, повидимому, не исчезли вполнѣ даже у мордвы, хотя она вообще и сильно подвергается русскому вліянію. Г. Гейкель (стр. 1) сообщаетъ, что у мордвы и у чувашей Симбирской губ. встрѣчаются риги, сложенныя изъ жердей либо непосредственно надъ поверхностью земли, либо надъ ямой; среди этой конусообразной риги устраивается совершенно открытый очагъ. Входъ въ ригу образуется тѣмъ, что нѣкоторыя изъ жердей короче остальныхъ и не достигаютъ земли. Г. Гейкель, впрочемъ, оговаривается, что ему лично подобныхъ ригъ-шалашей не приходилось видѣть самому.

По словамъ г. Сорокина (свѣдѣнія относятся къ 50-мъ годамъ), зыряне устраиваютъ на мѣстѣ производства охоты шалаши, крытые хвоей и скалою и съ отверстіемъ для выхода дыма [1]). И. Н. Смирновъ отмѣчаетъ, что у пермяковъ на верховьяхъ Камы встрѣчается овинъ, сдѣланный изъ тонкихъ жердей — остовъ былого чума [2]). Наконецъ, у наименѣе культурныхъ восточно-финскихъ народностей — остяковъ и вогуловъ, шалашъ продолжаетъ еще служить жилищемъ. Такъ остяки, занимающіеся оленеводствомъ, постоянно живутъ въ *чумахъ*. „Посреди снѣжной глади, раскинутые на значительное пространство одни отъ другихъ, поднимаются остроконечные возвышенные чумы, покрытые лѣтомъ берестою, зимою — оленьими шкурами. Дымъ поднимается высоко изъ отверстій, продѣланныхъ на верху чумовъ, отъ очага, располагаемаго обыкновенно по самой серединѣ этого незатѣйливаго жилища“ [3]). Чумъ, по словамъ г. Юрьева, устраивается остяками слѣдующимъ образомъ: нѣсколько длинныхъ жердей вбиваются нижними концами въ землю, въ довольно близкомъ разстояніи одна отъ другой, и образуютъ круглое основаніе; потомъ двѣ жерди изъ вбитыхъ перевязываются вмѣстѣ, а верхушки остальныхъ перекладываются крестообразно между связанными концами ихъ. Лѣтомъ этотъ конусообразный шатеръ кроется сверху сшитою берестою [4]), а на-

---

[1]) *К. А. Поповъ*: Зыряне и зырянскій край. Тр. Этногр. Отд. И. О. Л. Е., А. и Э. III, вып. 2-й, стр. 75.

[2]) *И. Н. Смирновъ*: Пермяки, стр. 194.

[3]) Мірской Вѣстникъ, 1877, № 11, стр. 47.

[4]) По словамъ нѣкоторыхъ изслѣдователей, береста предварительно вываривается, чтобы сдѣлать ее болѣе мягкою.

Digitized by Google

верху оставляется отверстіе для дыма; зимою-же жерди обкладываются сшитыми вмѣстѣ оленьими шкурами: одна покрышка шерстью внизъ, другая-же — вверхъ шерстью. Боковое отверстіе, съ прикрѣпленною берестою, или зимою оленьею шкурою, оставляется въ родѣ дверей, всегда подъ вѣтромъ. Основаніе чума извнѣ обкладывается землею и мхомъ. Внутри, по сторонамъ чума на землѣ стелются ковры, сплетенные изъ прутьевъ, сверхъ которыхъ уже накладываются оленьи шкуры. Посреди чума подъ верхнимъ отверстіемъ, оставленнымъ для дыма, разводится почти неугасающій огонь; надъ огнемъ вѣшается на крюкъ прикрѣпленный къ перекладинѣ котелъ [1]). Полуосѣдлые остяки пользуются шалашомъ какъ жилищемъ только лѣтомъ. Лѣтній шалашъ вогуловъ весьма сходенъ съ чумомъ остяковъ: это также остроконечный шалашъ изъ жердей, покрытыхъ берестой [2]). Гартвигъ упоминаетъ о лѣтней юртѣ остяковъ, устройство которой является переходомъ отъ переноснаго шалаша къ болѣе постоянному шалашеобразному жилищу. Лѣтняя юрта,—пишетъ онъ,—имѣетъ обыкновенно четырехугольную форму, низкія стѣны и высокую остроконечную крышу, остовъ которой состоитъ изъ ивовыхъ жердей; сверху ихъ покрываютъ вѣтвями ивъ и берестой, предварительно вываренной и сшитой въ большія одѣяла [3]). Описанная форма юрты представляетъ постройку аналогичную лопарской вѣжѣ и кухнѣ на о-вѣ Даго; она занимаетъ среднее между той и другой.

Приведенныхъ примѣровъ достаточно для доказательства общераспространенности шалашеобразныхъ построекъ у финскихъ племенъ: онѣ встрѣчаются какъ на востокѣ, такъ и на западѣ, отчасти употребляемыя и теперь еще въ качествѣ жилища, отчасти утративъ уже свое первоначальное назначеніе, но сохранившіяся въ ряду прочихъ хозяйственныхъ построекъ, какъ воспоминанія о далекомъ, давнопрошедшемъ бытѣ до-осѣдлаго періода жизни.

Слѣдующимъ за шалашомъ типомъ въ исторіи финскаго жилища является, повидимому, *землянка*. Г. Гейкель, какъ кажется, склоненъ шалашъ и землянку считать одновременно появляющимися типами. Этотъ взглядъ г. Гейкеля кажется намъ недоста-

---

[1]) *Юрьевъ*: Топогр. опис. сѣв. Урала. Зап. И. Р. Г. О. VI, стр. 285.

[2]) *Сорокинъ*: Путешествіе къ вогуламъ. Тр. Общ. Естествоисп. при Казанскомъ Унив. III, № 4, стр. 30.

[3]) *Hartwig*: Der hohe Norden, стр. 139.

Digitized by Google

точно обоснованнымъ. Землянка предполагаетъ, если и не вполнѣ осѣдлый бытъ, то во всякомъ случаѣ такой, который заставляетъ людей постоянно, въ теченіе долгаго времени, возвращаться на одно и то-же мѣсто, что едва ли можно утверждать относительно древнѣйшаго быта финновъ. Кромѣ того, какъ ни кажется простымъ устройство землянокъ, оно является сравнительно съ шалашомъ большимъ культурнымъ прогрессомъ, не позволяющимъ считать землянку первоначальнымъ жилищемъ человѣка. Наконецъ, противъ принятія положенія г. Гейкеля говоритъ и то, что даже въ настоящее время нѣкоторые представители финскаго племени имѣютъ своимъ единственнымъ жилищемъ шалашъ (скандинавскіе кочевые лопари и кочевые остяки). Г. Гейкель, высказывая свой взглядъ, исходитъ изъ своего основного положенія классифицировать жилища преимущественно на основаніи устройства очаговъ; въ виду того, что въ наипростѣйшемъ типѣ землянокъ очагъ устроенъ крайне первобытно, г. Гейкель склоненъ относить и саму землянку къ одной эпохѣ съ шалашомъ; но въ исторіи развитія племени мы не имѣемъ основанія ожидать, чтобы съ культурнымъ прогрессомъ въ одной сторонѣ внѣшняго быта шелъ непосредственно рука объ руку прогрессъ и въ другой сторонѣ. Вотъ почему, при переходѣ отъ шалаша къ болѣе сложной постройкѣ жилища, финны могли еще долго сохранить древнюю форму очага, который вполнѣ удовлетворялъ въ то время ихъ потребностямъ въ теплѣ. Какъ-бы то ни было, но во всякомъ случаѣ, въ лицѣ землянки мы имѣемъ весьма древній типъ жилища, который въ настоящее время сохранился у финскихъ племенъ почти всюду въ качествѣ переживанія.

Землянки въ тѣсномъ значеніи слова почти вышли совершенно изъ употребленія у всѣхъ финскихъ народностей. Но что обычай жить въ подземныхъ жилищахъ былъ нѣкогда широко распространенъ у нихъ, на это имѣется много какъ прямыхъ, такъ и косвенныхъ указаній. Такъ, напр., у Ибнъ-Даста (X в.) мы встрѣчаемъ свидѣтельство, что народы около волжскихъ булгаръ на зиму поселяются въ ямахъ, покрывая послѣднія крышами и присыпавъ сверху землею. Хотя цитированный арабскій путешественникъ и не говоритъ, какіе именно народы имѣли это обыкновеніе, но въ виду того, что археологическія изысканія позволяютъ думать, что въ X в. области около булгаръ были населены финнами, мы не

Digitized by Google

видимъ основанія не относить этого извѣстія къ финскимъ племенамъ, тѣмъ болѣе, что весьма распространенное народное преданіе заставляетъ финновъ строить себѣ подземныя жилища. Какъ образецъ подобнаго преданія, варіанты котораго часто встрѣчаются въ мѣстностяхъ, гдѣ русское населеніе вытѣснило коренное финское, приводимъ записанное въ Шенкурскомъ у.: „Чудь, защищая отчаянно свою землю отъ вторженій новгородцевъ, ни за что не хотѣла покориться пришельцамъ... При явной неудачѣ отпора, нѣкоторые изъ чуди бѣжали въ лѣса, другіе добровольно умерщвляли себя копьями и луками, иные со всѣмъ своимъ имѣніемъ погребались живыми въ глубокихъ рвахъ... Закапывалась въ землю Чудь, по преданію, такимъ образомъ: выкапывали ямы, ставили по угламъ столбики, дѣлали надъ ними крыши, накладывали на крыши камни и землю, потомъ сходили въ ямы съ имуществомъ, и подрубивъ подставки, погибали“ [1]). Г. Гейкель (стр. 27) упоминаетъ, что у мордвы сохранились преданія о жилищахъ подъ землей. Въ Финляндіи сохранились около древнихъ могильниковъ ямы, въ которыхъ обыкновенно видятъ остатки землянокъ; наконецъ, Кастренъ, а за нимъ и другіе, отмѣчаютъ аналогичные остатки подземнаго жилья (стр. 249). „Въ окрестностяхъ Каяны и въ русской Карелiи, пишетъ Кастренъ, я имѣлъ случай видѣть такъ называемые лопарскіе курганы, могилы (Lapin haudat), которыя уже несомнѣнно лопарскаго происхожденія.. Онѣ, по преданію, служили жилищами для лопарей, и въ самомъ дѣлѣ, онѣ весьма похожи на нѣкоторыя палатки, видѣнныя мною въ безлѣсныхъ краяхъ Лапландіи. Это ничто иное, какъ ямы съ конусообразными крышами изъ дерева, камня и торфа. По разсказамъ, такія крыши были нѣкогда и на такъ называемыхъ лопарскихъ курганахъ, находящихся въ сѣверной Финляндіи и Карелiи. Въ этихъ курганахъ находились уголь, обожженные камни, разныя желѣзныя вещи и проч., что подтверждаетъ разсказы о томъ, что они нѣкогда служили жилищами» [2]). Реціусъ, цитируя Алквиста, на основаніи данныхъ языка описываетъ слѣдующими словами первобытную финскую землянку: другимъ видомъ жилища (первымъ Алквистъ считаетъ *коту*) была sauna—яма, вырытая въ землѣ, съ крышей, поднимающейся надъ

---

[1]) *П. Ефименко*: Заволоцкая Чудь, стр. 9, 10,

[2]) Этнограф. замѣчанія и пр. Кастрена въ Этногр. Сб., IV, стр. 254.

Digitized by Google

поверхностью. Устройство такого рода жилища было до крайности просто: оно имѣло отверстіе для входа; наверху было устроено отверстіе для выхода дыма; посрединѣ помѣщался очагъ, состоящій изъ двухъ трехъ нескрѣпленныхъ другъ съ другомъ камней, но въ немъ не было ни пола, ни оконъ, такъ какъ свѣтъ проникалъ или черезъ открытую дверь, или черезъ дымовое отверстіе [1]). Въ „Описаніи новой земли сирѣчь Сибирскаго царства“ подземныя жилища остяковъ характеризуются въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „А живутъ въ лѣсахъ темныхъ надъ водами; зимные юрты деревянные въ земляхъ, аки въ погребахъ отъ великихъ мразовъ“. И. Н. Смирновъ справедливо замѣчаетъ, что приведенное описаніе уясняетъ значеніе находимыхъ у пермяковъ ямъ, нѣчто въ родѣ погребовъ, съ опущенными въ землю срубами; въ этихъ остаткахъ мы имѣемъ памятники, рисующіе древнее пермяцкое подземное жилище. О землянкахъ, служившихъ жильемъ, по словамъ г. Добротворскаго, и теперь еще живы воспоминанія у пермяковъ Орловскаго у. [2]) Лингвистическія данныя приводятъ г. Смирнова къ заключенію, что и у вотяковъ первоначальнымъ жилищемъ (кромѣ шалаша) была яма, выкопанная въ землѣ и покрытая кровлей [3]). Въ настоящее время у разныхъ финскихъ народностей сохранились еще жилыя постройки, на половину врытыя въ землю. Встрѣчаются, однако, еще землянки въ чистомъ видѣ, но не имѣющія уже назначенія жилищъ. Въ такого рода землянкахъ, въ виду архаичности ихъ типовъ, нетрудно угадать постройки, нѣкогда служившія болѣе или менѣе постояннымъ жилищемъ.

Наиболѣе древнимъ типомъ относящихся къ этой группѣ построекъ г. Гейкель вполнѣ основательно считаетъ особый видъ риги-землянки, встрѣчаемый у горныхъ черемисовъ (стр. 1—3, рис. 2) и извѣстный у нихъ подъ названіемъ *än*. Этотъ видъ риги представляетъ яму, локтя 3 длины, локтя 2 ширины и болѣе 2 локтей глубины. Крыша надъ ямой (*än kuda lewäs* или *än wilwäl*) сложена изъ досокъ и покрыта землей, причемъ она находится на одной плоскости съ поверхностью почвы, кромѣ той части крыши, которая поднимается надъ печкой: въ этомъ мѣстѣ надъ

---

[1]) *Retzius*, Finnland, стр 4.

[2]) *И. Н. Смирновъ*, Пермяки, стр. 126, 127, 193.

[3]) *И. Н. Смирновъ*, Вотяки, стр. 87.

Digitized by Google

дымовымъ отверстіемъ устроенъ конусъ изъ жердей (*än rawa*). Входить въ землянку можно лишь черезъ отверстіе (видное на рисункѣ 2 съ правой стороны); внутри устроена печь [1]). Близко къ этому виду землянки подходитъ изученный г. Гейкелемъ типъ овина у мордвы—мокши и ерзи (стр. 3, рис. 3, 4 и 5). „Owen мордвы-мокши и Awnjá (овинъ),—пишетъ г. Гейкель,—маленькая постройка, которая поднимается надъ поверхностью земли, какъ обыкновенное зданіе. Въ срединѣ пола подземной части постройки находится первобытный очагъ. Въ яму можно проникнуть только съ одной стороны по лѣстницѣ (рис. 4 d); потолокъ (*patalok*) подземной части находится на одномъ уровнѣ съ почвой (рис. 4 a); потолокъ съ двухъ сторонъ открытъ. Выше на $^1/_2$ локтя находятся подпорки (b), на которыхъ покоятся жерди (olganä). На жерди кладутся въ рядъ снопы, которые кидаются черезъ дверь. Дымъ и тепло поднимаются въ верхнее помѣщеніе, черезъ отверстія въ потолкѣ. Этотъ видъ землянки представляетъ уже переходъ отъ чисто подземнаго жилища къ надземному. Подобныхъ переходныхъ построекъ у финновъ очень много и къ обозрѣнію ихъ мы и переходимъ.

Г. Гейкель (стр. 19) отмѣчаетъ, что у чувашей (а также у русскихъ), деревни которыхъ расположены на высокомъ берегу Волги и Камы, ему приходилось встрѣчать бани, врытыя въ береговой склонъ, такъ что наружу выходили только покрытыя землей крыши, снабженныя въ иныхъ случаяхъ дымовыми трубами, сдѣланными изъ выдолбленныхъ липовыхъ стволовъ, и одна, либо деревянная, либо сдѣланная изъ плетня, стѣна, въ которой находилась дверь. Печка въ этихъ баняхъ помѣщалась у задней стѣны; печное отверстіе было направлено къ двери, т.-е. печка имѣла то-же положеніе, какъ и въ описанной черемисской än—ригѣ. Такія же бани извѣстны и у мордвы, продолжаетъ Гейкель, ссылаясь на „Пензенскія Губ. Вѣд.“, 1865, № 39. Въ Финляндіи г. Гейкелю (стр. 248)

[1]) Быть можетъ, одинъ изъ наиболѣе древнихъ типовъ землянки слѣдуетъ искать въ современныхъ погребахъ вотяковъ и черемисовъ: погреба представляютъ вырытыя въ землѣ ямы, причемъ надъ поверхностью земли поднимается только крыша, коническая или четырехскатная. Отсутствіе прямыхъ данныхъ не позволяетъ безусловно считать современные погреба вотяковъ и черемисовъ повторяющими типы первобытныхъ землянокъ, служившихъ нѣкогда жилищемъ, но не лишенъ интереса фактъ, что вотяки означаютъ погребъ, какъ и землянки, одинаковымъ словомъ *saunake*—слово, которое употребляется также для названія болѣе позднихъ формъ жилища.

Digitized by Google

удалось видѣть двѣ жилыя постройки, врытыя на половину въ землю. Одна изъ нихъ (рис. 4) состояла изъ маленькой передней и небольшой комнаты. Другая (къ сожалѣнію, не зарисованная) представляла еще болѣе архаичныхъ чертъ: она находилась еще болѣе подъ землей, причемъ единственнымъ входомъ въ нее являлось отверстіе въ крышѣ, отверстіе, которое служило также для выхода дыма. У остяковъ, отмѣчаетъ г. Гейкель, до сихъ поръ встрѣчаются юрты, на половину врытыя въ землю. Слѣдуетъ, наконецъ, имѣть въ виду, что у эстовъ баня (въ настоящее время надземная постройка) и землянка означаются однимъ и тѣмъ же словомъ: *sauna*, *saunake*, и что у тавастовъ это же слово *sauna* означаетъ и землянку и баню [1]).

Характеръ подземныхъ жилищъ, по словамъ г. Смирнова, сохранился у пермяковъ и теперь еще въ тѣхъ избушкахъ, которыя устраиваются ими для лѣсованія. „Остатки такихъ жилищъ въ видѣ ямъ видѣлъ самъ г. Добротворскій на горномъ берегу р. Летьки. Видятъ ихъ въ большомъ количествѣ и въ сосѣдней Вологодской губ.; тамъ онѣ встрѣчаются группами по 10 — 15, представляя собой цѣлыя исчезнувшія селенія". Типомъ этихъ землянокъ является древнее пермяцкое жилище, которое характеризуется г. Добротворскимъ слѣдующими чертами: „многіе рыли себѣ жилище въ землѣ, закрывая его сверху прутьями и жердями. Пола въ такихъ землянкахъ не было, для спанья на землю подстилали сѣно. Пещеры нагрѣвались при помощи „теплины", которая раскладывалась посреди ямы. Землянки вырывались обыкновенно на высокомъ мѣстѣ, гдѣ-нибудь на берегу рѣки, на пригоркѣ, среди лѣса" [2]).

Существованіе у разныхъ финскихъ народностей типовъ переходныхъ отъ землянки къ надземнымъ постройкамъ, примѣры которыхъ мы привели, наводитъ г. Гейкеля на предположеніе, что надземныя бревенчатыя постройки, которыя являются въ настоящее время господствующими среди большинства финскихъ народностей, возникли благодаря постепенному поднятію ихъ изъ земли на поверхность. Подтвержденіе своего предположенія онъ видитъ въ устройствѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у эстовъ бань (стр. 139—141,

[1]) *Johanson* — Pärna Wene-Eesti Sõna-Raamat (русско-эстонскій словарь). *Retzius* Finnland, стр. 4 и 91.

[2]) *И. Н. Смирновъ*, Вотяки, стр. 88.

Digitized by Google

рис. 5) „При взглядѣ на этотъ рисунокъ, пишетъ онъ, мы замѣчаемъ, что печку видно снаружи, т.-е. что она пробиваетъ стѣну. Говорятъ, что на о. Эзелѣ встрѣчаются бани, гдѣ въ самой банѣ находится только печное отверстіе, а остальная часть печки находится внѣ ея, снаружи. Нагрѣвается баня такимъ образомъ только черезъ печное отверстіе. Съ удивленіемъ останавливаешься передъ этимъ своеобразнымъ способомъ постройки, который мало приноситъ пользы для нагрѣванія бани, такъ какъ при этомъ большая часть тепла идетъ на вѣтеръ.

«Если мы теперь сравнимъ современную эстонскую баню съ тѣми на половину врытыми въ землю ригами и банями, встрѣчающимися въ поволжскихъ мѣстностяхъ, о которыхъ мы говорили выше, то мы найдемъ, быть можетъ, объясненіе этому странному обычаю. Представимъ себѣ такую, часто лежащую на склонѣ горы баню, задняя сторона которой находится подъ землей, въ то время какъ крыша находится почти на поверхности почвы. Переднюю часть такой бани образуютъ стѣна съ входною дверью и отчасти боковыя стѣны. Въ подобныхъ постройкахъ печки не укрѣпляются балками (или стѣнами), такъ какъ печки лежатъ непосредственно на землѣ или на склонѣ. Главное отличіе такой бани отъ современной эстонской состоитъ въ томъ, что послѣдняя окончательно поднялась надъ поверхностью земли и обнажила такимъ образомъ камни, образующіе печку. Причина, что въ поволжскихъ областяхъ мнѣ не приходилось видѣть бань или ригъ этого типа, т. е. съ видимыми снаружи печками, заключается, быть можетъ, въ томъ, что тамъ вслѣдствіе недостатка въ камнѣ, дѣлаютъ печки изъ глины, и какъ таковыя эти печки нуждаются больше въ подпоркахъ, которыми имъ служатъ стѣны. Это же и было причиной, почему въ поволжскихъ областяхъ оказывалось необходимымъ строить стѣны вокругъ печки, когда она поднимается надъ поверхностью земли. Что эстонскія бани могутъ имѣть то же происхожденіе, какъ риги и бани поволжскія, доказывается также тѣмъ, что во многихъ эстонскихъ баняхъ печка находится въ заднемъ углу, обстоятельство, которое здѣсь такъ же, какъ и въ Поволжьѣ, является признакомъ первобытности въ исторіи развитія снабженныхъ печками построекъ". Приведенное предположеніе г. Гейкеля, несомнѣнно, остроумно объясняетъ странную постройку описаннаго типа эстонскихъ бань; но едва ли

Digitized by Google

мы въ правѣ распространять это объясненіе и на другія формы надземныхъ построекъ, которыя встрѣчаются у финскихъ народностей и по типу своему обличаютъ глубокую древность своего происхожденія. Причины, препятствующія намъ обобщить догадку г. Гейкеля, будутъ нами изложены ниже.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію надземныхъ построекъ у финновъ, считаемъ необходимымъ отмѣтить, что изображенныя на рис. 4—6 постройки, при всей ихъ первобытности, носятъ на себѣ печать болѣе новаго времени въ устройствѣ крышъ, такъ какъ (это будетъ отмѣчено ниже) крыши со скатами появляются въ качествѣ результата дальнѣйшаго развитія финскаго жилья.

Изъ всѣхъ встрѣчающихся въ настоящее время надземныхъ жилыхъ построекъ у финновъ наибольшую простоту въ планѣ и внѣшнемъ и внутреннемъ устройствѣ представляетъ четырехгранный срубъ съ плоской крышей. У нѣкоторыхъ племенъ онъ пересталъ играть роль жилого помѣщенія и употребляется или въ качествѣ бани или лѣтней кухни, но зато у другихъ онъ является или являлся еще въ неотдаленную эпоху единственнымъ прочнымъ жильемъ, стоящимъ выше коты и землянки. Это обстоятельство заставляетъ считать этотъ типъ непосредственно слѣдующимъ въ исторіи развитія финскаго жилища за шалашомъ и землянкой, при чемъ онъ претерпѣлъ во многихъ мѣстностяхъ ту-же историческую судьбу, какъ и два предшествовавшіе ему типа: прослуживъ долго жилищемъ, онъ, какъ и землянка, постепенно утрачиваетъ свое прямое назначеніе, замѣняется болѣе культурными и развитыми постройками и только вслѣдствіе народнаго консерватизма продолжаетъ существовать какъ переживаніе эпохи, когда появленіе его означало сравнительно большой шагъ на пути цивилизаціи финскаго племени.

Однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ типовъ этого рода жилья слѣдуетъ, повидимому, считать *пыртъ* русскихъ лопарей. *Пыртъ*—четырехугольный бревенчатый срубъ съ плоской крышей, засыпанной землею; сквозь небольшую дверь входятъ въ маленькія сѣни, изъ которыхъ ведутъ двѣ двери: направо—въ нежилое помѣщеніе, гдѣ держатъ обыкновенно овецъ, налѣво—въ жилую комнату, гдѣ и помѣщается вся лопарская семья. Размѣръ этой комнаты не больше подчасъ квадратной сажени, высота не болѣе сажени, такъ что пыртъ представляетъ изъ себя почти что кубъ.

Digitized by Google

Въ углу, у двери поставленъ каминъ (комелекъ-чувалъ), довольно грубо сложенный изъ неотесанныхъ камней на глинѣ или извести; комелекъ обыкновенно выбѣленъ; отъ полукруглаго отверстія, куда ставятъ дрова стоймя, идетъ широкая труба, выпускающая дымъ наружу. Въ стѣнѣ, противоположной двери, продѣланы небольшія окна (чаще одно). Убранство пырта состоитъ изъ скамеекъ, поставленныхъ вдоль стѣнъ, стола и полокъ, на которыхъ разставлена разная домашняя посуда. Полъ устланъ обыкновенно древесными вѣтвями. Около комелька, вдоль стѣны, отгорожено небольшое пространство, посредствомъ положенныхъ бревенъ; это мѣсто считается лопарями священнымъ [1]). Скандинавскіе осѣдлые лопари живутъ въ совершенно схожихъ по плану и размѣрамъ съ пыртомъ жилищахъ, которыя называются ими *тупа*. Послѣдняя отличается отъ пырта развѣ большей чистотой и большимъ богатствомъ обстановки, такъ какъ скандинавскіе осѣдлые лопари въ въ общемъ зажиточнѣе русскихъ.

Какъ ни просты пыртъ и тупа, они не являются однако еще наиболѣе простыми типами этого рода: маленькія сѣни и помѣщеніе для овецъ слѣдуетъ считать болѣе поздними прибавками, а каминъ съ трубой занялъ мѣсто первобытнаго простого очага.

У зырянъ мы встрѣчаемъ болѣе простой типъ построекъ этого рода, которыя имъ служатъ для ночлега во время охоты: «Слѣдуя къ мѣсту охоты, промышленники (зыряне) останавливаются въ т. наз. *пывзянахъ*, которые разсѣяны по всему пространству зырянскаго края, одинъ отъ другого на разстояніи 7, 10, 15 верстъ... *Пывзянъ* буквально значитъ *баня*. И дѣйствительно, онъ устраивается, какъ баня: это—бревенчатая избушка въ 5—6 рядовъ, покрытая на одинъ скатъ досками; на крышу насыпается земля; въ углу кладется каменка, какъ въ черныхъ баняхъ; по стѣнамъ, у самаго потолка, устраиваются нары, которыя замѣняютъ банный полокъ; двери прорубаются низенькія и плотно притворяющіяся. Такимъ образомъ пывзяны служатъ и мѣстами ночлега и банями... При пывзянахъ, въ сторонѣ, для храненія добычи устраиваются *щамьи*, т. е. особые чуланы или кладовыя въ видѣ голубятни, иногда на 4-хъ, а иногда и на одномъ столбѣ, подтесанномъ книзу въ видѣ конуса. Онѣ отво-

[1]) Н. Харузинъ. Русскіе лопари. стр 98, 99.

Digitized by Google

ряются снизу посредствомъ небольшой доски» [1]). Въ приведенномъ описаніи пывзяна не трудно угадать пыртъ и тупу лопарей. Если пывзянъ въ настоящее время и служитъ только для ночлеговъ охотниковъ, все-же едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что онъ прежде былъ обыденнымъ жилищемъ зырянина, какъ пыртъ въ настоящее время у лопарей.

У пермяковъ изба бѣднѣйшихъ сохранила до сихъ поръ всѣ признаки пывзяна; близкое сходство съ зырянскими пывзянами представляютъ также пермяцкія бани и охотничьи избушки, которыя также носятъ названія *пывсянъ-керку*. «Это—четырехъ-угольный срубъ съ односкатной крышей изъ луба, бересты или досокъ, а зачастую и вовсе безъ крыши, съ покрытымъ землей или пихтовыми и еловыми вѣтвями потолкомъ». Чрезвычайно характернымъ является то, что печь-каменка часто ставится въ пермяцкихъ баняхъ посреди̇нѣ, какъ и очагъ [2]). Аналогичныя постройки извѣстны далѣе у остяковъ. Онѣ служатъ полуосѣдлымъ остякамъ зимними жилищами. Георги [3]) описываетъ ихъ въ слѣдующихъ словахъ: «Зимнія ихъ хижины срублены изъ бревенъ. Въ каждой есть очагъ посреди̇нѣ, а въ сторонѣ печь. Прочее мѣсто занимаютъ палати... Входъ въ хижину ихъ составляютъ въ западной сторонѣ низьменныя двери, а вмѣсто окна служитъ небольшое, на востокъ, отверстіе, затянутое налимовыми шкурами. Вся хижина стоитъ до половины въ землѣ. Березовскіе и обдорскіе остяки строятъ хижины свои попросторнѣе, но и сіи стоятъ до половины въ землѣ». Современныя *юрты* остяковъ тамъ, гдѣ послѣдніе не подверглись русскому вліянію, повторяютъ типъ, описанный Георги. Это—бревенчатые срубы; крышу составляютъ бревна, покрытыя землей; иногда крыша дѣлается изъ коры, бересты или дранаго лѣса, причемъ ее накрываютъ еще палками. Черезъ низкую дверь входишь въ небольшое помѣщеніе: въ немъ въ углу помѣщается очагъ—чувалъ;

---

[1]) К. А. Поповъ: Зыряне и Зырянскій край. Стр. 75. Замѣтимъ, что подобныя же кладовыя являются весьма распространенными у лопарей.

[2]) И. Н. Смирновъ: Пермяки, стр. 194, 196.

[3]) Георги: Описаніе... народовъ I. 69, 70. Въ „Краткомъ описаніи о народѣ Остяцкомъ“ 1715 г. Григорія Новицкаго такъ описываются зимнія юрты остяковъ: „сіи (юрты) обычно при лѣсахъ полагаютъ, созидаютъ-же и четвероугольнѣ, внутру оныхъ около ложа своя имѣютъ, *посреди-же* огнь полагая“. (Пам. Др. Письм. 1884, стр. 36).

Digitized by Google

въ стѣнѣ прорублено 1—2 окна, закрытыя рѣдко стекляными осколками, чаще пузыремъ или рыбьей кожей, иногда впрочемъ и просто ледяной полосой. Также устраиваются и промысловыя избушки [1]).

Въ болѣе бѣдныхъ зимнихъ юртахъ оконъ бываетъ только одно; оно, по словамъ Гартвига, часто помѣщается не въ стѣнѣ а въ потолкѣ, причемъ на зиму оно прикрывается кускомъ льда [2]). Внутри болѣе богатой зимней юрты, по словамъ Н. Л. Гондатти, вдоль двухъ стѣнъ устраиваются нары, приподнятыя на $^1/_2$ аршина отъ пола и покрываемыя оленьими шкурами; перегородки аршина 2 вышиною, но недоходящія до потолка, раздѣляютъ нары на отдѣленія, напоминающія собой стойла, число которыхъ зависитъ отъ числа взрослыхъ членовъ семьи, такъ какъ обыкновенно каждый изъ нихъ имѣетъ свое помѣщеніе. Въ перегородкахъ иногда дѣлаются небольшія окна. Плоская крыша замѣняется крышей со скатами, хотя и очень низкой; она устраивается слѣдующимъ образомъ: на срубъ ставятся два треугольника, съ передней и задней стороны; высота ихъ до $1^1/_2$ аршина; къ нимъ прикрѣпляется по продольному направленію 6—7 тонкихъ бревенъ, къ которымъ привязываются посредствомъ кедровыхъ корней тонкія дранки, затѣмъ въ нѣсколько слоевъ кладется вываренная и сшитая полосами береста, а сверху все закладывается рядомъ тонкихъ бревенъ или досокъ. Потолка въ юртѣ, покрытой подобной крышей, не существуетъ: его замѣняютъ нѣсколько протянутыхъ шестовъ для развѣшиванья предметовъ домашняго обихода. Къ юртамъ часто на зиму пристраиваютъ небольшія сѣни, которыя закрываются досками со всѣхъ сторонъ, причемъ оставляется только небольшое мѣсто для прохода; лѣтомъ эта пристройка разбирается. Дверь, ведущая въ домъ, очень низка, а порогъ довольно высокъ. Окно обыкновенно дѣлается на правой отъ входа стѣнѣ, такъ что оно освѣщаетъ устье чувала [3]). Болѣе первобытныхъ чертъ мы находимъ въ срубахъ, служащихъ въ на-

---

[1]) Мірской Вѣстникъ. 1877, № 11, стр. 47. Живописная Россія, XI, оч. 8-й стр. 143.

[2]) Hartwig: Der hohe Norden, стр. 141. Тотъ-же обычай у вогуловъ, см. Георги, I. 60, 61.

[3]) Н. Л. Гондатти. Предварительный отчетъ о поѣздкѣ въ Сѣверо-Зап. Сибирь, въ годичномъ засѣд. Музея Прикладныхъ Знаній. 1887, стр. 127, 128.

Digitized by Google

стоящее время остякамъ банями; эти послѣднія устраиваются въ видѣ обыкновеннаго зимняго помѣщенія только безъ пола, чувала и окна, которое замѣняется небольшими прорѣзами въ стѣнахъ. Вмѣсто чувала ставится печь-каменка, которая часто, какъ и у пермяковъ, устанавливается посрединѣ помѣщенія [1]).

Зимнее жилище вогуловъ представляетъ много чертъ сходства съ таковымъ же у остяковъ. Это, по описанію г. Сорокина, небольшая четырехугольная изба, срубленная изъ хорошаго лѣса; тѣ-же, какъ и въ юртѣ остяковъ, низенькія двери, небольшія окна, покрытыя стекломъ, пузыремъ или кускомъ льда, чувалъ въ углу, нары или скамьи кругомъ стѣнъ встрѣчаются и въ юртѣ вогуловъ. «Чувалъ состоитъ изъ высокой трубы, сплетенной изъ древесныхъ прутьевъ и обмазанной глиной; діаметръ трубы вездѣ одинаковъ; верхъ выходитъ на крышу и образуетъ собственно *трубу;* нижняя часть, съ вырѣзаннымъ большимъ отверстіемъ для прохода дровъ, составляетъ *чувалъ* [2]). Вогульскій юртъ, изображенный въ трудѣ г. Сорокина, имѣетъ двускатную крышу.

Этотъ-же типъ построекъ мы встрѣчаемъ и у финновъ по Волгѣ и Камѣ. Особенно интереснымъ является постройка этого типа у черемисъ; она носитъ названіе *kud* (*кудо*). Г. Гейкель (стр. 8—12, рис. 7) даетъ намъ слѣдующее описаніе *куда*: черемисскій *kud* представляетъ собой четырехугольный срубъ, съ двускатной, удлиненной надъ входной стороной, крышей. Онъ вмѣщаетъ только одну комнату; полъ земляной; внутри помѣщается первобытный очагъ, составленный изъ камней; онъ обыкновенно открытъ по крайней мѣрѣ съ одной стороны. Надъ очагомъ на перекладинѣ привѣшивается котелъ. Дымъ выходитъ черезъ скважины въ потолкѣ. Таковъ общій типъ куда; иногда онъ варіируется: дверь напр. устраивается съ боковой стороны. Кудъ въ настоящее время служитъ обыкновенно кухней и лѣтнимъ жильемъ. Къ этому типу построекъ г. Гейкель справедливо относитъ кухню (*las*) чувашей (тюркизированнаго финскаго племени), кухню мордвы-ерзи и *куаму* вотяковъ. У мордвы-ерзи, пишетъ онъ (стр. 18), иногда встрѣчается, что за баней помѣщается еще кухня (*puwarinja* или *banja pé*,

---

[1]) Ibid. стр. 129.

[2]) Сорокинъ: Путешествіе къ вогуламъ, Тр. Общ. Естествоисп. при Казанскомъ Ун. III. № 4, стр. 43.

Digitized by Google

т. е. «копецъ бани»); въ этомъ случаѣ баню называютъ передней (*banja ikelks*); въ кухню можно снаружи пройти черезъ особую дверь; съ баней кухня соединяется посредствомъ находящихся въ двухъ углахъ бани столбовъ (см. рис. 8). Въ углу кухни помѣщается очагъ, надъ которымъ привѣшивается котелъ, посредствомъ особаго приспособленія: прежде всего жердь (*a*), которая простирается черезъ всю комнату; жердь пересѣкается двумя кусками дерева меньшихъ размѣровъ (*b*), концы которыхъ прикрѣплены къ стѣнѣ; они-то и служатъ для привѣшиванья котла, такъ какъ на нихъ опирается маленькая жердь (*c*), за которую прицѣпляютъ крючекъ, на которомъ виситъ котелъ [1]). Говоря о *las*'ѣ чувашей, который устраивается также какъ и *kud*, г. Гейкель приводитъ со словъ Палласа интересное сообщеніе, что у алатырскихъ чувашей аналогичные постройки встрѣчались въ керемети и служили при религіозныхъ торжествахъ помѣщеніемъ, въ которомъ съѣдались жертвоприношенія; дверь такого помѣщенія была направлена на востокъ (стр. 17).

Въ виду того, что г. Гейкель во время своихъ путешествій могъ лишь крайне бѣгло познакомиться съ жилищемъ вотяковъ, онъ описываетъ ихъ по литературнымъ источникамъ. Вслѣдствіе этого мы предпочитаемъ заимствовать описаніе куалы вотяковъ прежде всего изъ труда И. Н. Смирнова „Вотяки", который вышелъ въ свѣтъ 2-мя годами позже труда г. Гейкеля и соединяетъ по этому вопросу какъ литературныя свѣдѣнія, такъ и личныя наблюденія автора. Рядомъ съ землянкой, въ которой вотяки когда то скрывались зимой, пишетъ г. Смирновъ, у нихъ была „*куа*", или „*ква*"—шалашъ для лѣтняго жилья. По своему устройству куа—то-же, что черемисская куда; это легкая постройка изъ тонкихъ бревенъ, безъ оконъ, пола, потолка и печи, съ дырявой крышей изъ драни. Такую постройку можно встрѣтить на любомъ вотятскомъ дворѣ, гдѣ вотякъ не вполнѣ еще обрусѣлъ или отатарился. Подобно черемисской кудѣ, вотятская *ква* имѣетъ значеніе не только жилья, но и храма. Здѣсь обитаетъ домовое божество—воршудъ, здѣсь приносятся ему жертвы и молитвы. Кудѣ, построенной изъ бревенъ, предшествовала, несомнѣнно, другая болѣе первобытная форма лѣтняго жилья. Максимовъ въ 50-хъ годахъ

[1]) На рис. 8 буквами *e* и *d* обозначены мѣсто и приспособленія для варки пива.

Digitized by Google

видѣлъ проѣздомъ цѣлую деревню, жившую лѣтомъ на лѣсной полянѣ въ досчатыхъ балаганахъ. Сосновскіе вотяки передавали г. Верещагину преданіе, что ихъ предки жили въ юртахъ въ родѣ шалашей и землянокъ изъ липовыхъ лубьевъ, хворосту и пр. [1]). Рядомъ съ подземнымъ *гуртомъ*, *ква* долго была единственной постройкой, которую зналъ вотякъ. Въ вотскомъ эпосѣ—преданіяхъ и сказкахъ — *ква* является единственнымъ жилищемъ человѣка. Въ преданіи о Тутоѣ и Янтамирѣ говорится, что при нихъ и при нѣсколькихъ ихъ преемникахъ вотяки избъ не строили, а жили въ шалашахъ, которые они бросали при приближеніи русскихъ. *Куа* оставалась неизмѣнной въ теченіе длиннаго ряда столѣтій [2]). Другой изслѣдователь вотяковъ, П. М. Богаевскій, даетъ слѣдующее описаніе *куа*: „Въ глубинѣ двора каждаго домохозяина можно видѣть небольшую деревянную постройку. Постройка эта формою напоминаетъ шалашъ, сложена изъ бревенъ; въ серединѣ тесовой крыши сдѣлано отверстіе для выхода дыма. Низкая дверь, гораздо ниже человѣческаго роста, ведетъ внутрь, гдѣ вы не встрѣтите оконъ. Тамъ, посреди земляного пола, изъ грубыхъ, неотесанныхъ камней сложенъ очагъ; надъ очагомъ виситъ цѣпь. Вдоль бревенчатыхъ стѣнъ идетъ скамья, около которой, въ дальнемъ лѣвомъ углу стоитъ столъ, надъ столомъ полка; на послѣдней помѣщается берестовый буракъ или коробка, величиною до 1 аршина, въ которой хранится жертвенная посуда“ [3]).

---

[1]) Къ типу болѣе древнихъ *куа*, повидимому, слѣдуетъ отнести и встрѣчавшійся въ XVIII в. особый видъ жилья у вогуловъ нѣкоторыхъ мѣстностей, описаніе котораго мы находимъ у Георги. Этотъ типъ, какъ и древнія *куа*, представляетъ среднее между срубомъ и шалашомъ: „Около Верхотурья и Соли-Камской дѣлаютъ они (вогулы) *зимніе* свои *шалаши* четыреугольно съ очагами и полатьми, а на плоской крышкѣ, или потолкѣ оныхъ, прорубаютъ для свѣту отверстіе. Двери-же приноравливаютъ, по большей части, съ восточной или съ сѣверной стороны, а передъ ними громоздятъ, для домашнихъ поклажъ чуланы. Отдалившіеся больше къ сѣверу и живущіе около Вишуры, Колвы и другихъ рѣкъ препровождаютъ и зиму въ столбчатыхъ, дерномъ или корою покрытыхъ шалашахъ“, которые отличаются отъ *лѣтнихъ* шалашей между прочимъ тѣмъ, что послѣдніе строятся конусообразно. (Георги: Описаніе... народовъ I, стр. 60, 61).

[2]) И. Н. Смирновъ: Вотяки, стр. 88, 89.

[3]) П. М. Богаевскій: Оч. религ. представленій вотяковъ, въ „Эти. Об.“ IV, стр. 131. По словамъ Бехтерева (Вотяки, стр. 637) вотяки пользуются еще *куа* какъ лѣтнимъ жилищемъ.

Digitized by Google

Г. Гейкель, какъ мы указывали выше, склоненъ относить *куа* — вотяковъ къ типу построекъ срубообразныхъ. Къ этому мнѣнію присоединяемся и мы, такъ какъ, несмотря на то, что большинство изслѣдователей вотяковъ и называетъ *куа* шалашемъ, переводя буквально это слово на русскій яз., однако въ описаніи ея мы не находимъ чертъ, характеризующихъ шалаши. *Куа*, согласно всѣмъ описаніямъ и нашимъ личнымъ наблюденіямъ, прежде всего срубъ, и какъ таковой болѣе близокъ къ пырту-тупѣ лопарей, пывзяну зырянъ и другимъ аналогичнымъ постройкамъ у пермяковъ, мордвы, черемисъ и чувашей. Если *куа* нѣкогда и являлась исключительно лѣтнимъ жильемъ вотяковъ, какъ это думаетъ г. Смирновъ, то едва-ли устройство ея было такое, какое мы видимъ въ настоящее время: это и былъ вѣроятно шалашъ, названіе котораго было перенесено на болѣе прочную постройку лишь впослѣдствіи, какъ это произошло съ *кудомъ* у черемисъ или съ *заипа* у эстовъ и тавастовъ.

Крыша у *куа*, какъ и у черемисскаго *куда*, дѣлается со скатами,—это, повидимому, позднѣйшее явленіе. Мы видѣли, что срубы, служащіе для жилища, тамъ, гдѣ они являются въ наиболѣе простомъ, а слѣдовательно и болѣе первобытномъ видѣ (зыряне, пермяки, остяки, вогулы, лопари и др.) имѣютъ плоскую или односкатную крышу. Впрочемъ, у вотяковъ до настоящаго времени сохранилась постройка этого-же типа, по наружному своему устройству болѣе первобытная, чѣмъ *куа*,—это бани: онѣ представляютъ четырехугольные срубы, иногда съ плоской крышей. Къ этому-же типу, но уже болѣе развитому, слѣдуетъ также отнести и сохранившіяся во многихъ глухихъ вотяцкихъ деревняхъ курныя избы съ глинобитной печью и маленькими волоковыми окнами. Эти избы называются *коржа*—названіе, ключъ къ объясненію котораго находится въ пермяцкомъ языкѣ, гдѣ аналогичнымъ названіемъ является *кер-ку*, связанное съ словами *кер* — бревно и *керны* — рубить [1]). Первоначальный срубъ съ теченіемъ времени, какъ мы это уже отмѣчали, нѣсколько разъ претерпѣваетъ разныя измѣненія и, развиваясь постепенно, все ближе подходитъ къ понятію объ избѣ. Въ качествѣ переходныхъ типовъ г. Гейкель отмѣчаетъ черемисскую *куду*, видѣнную имъ у горныхъ черемисовъ (стр. 60); эта куда была снабжена уже печкой, хотя первобытный очагъ и сохра-

[1]) И. Н. Смирновъ: Вотяки, стр. 89. О пермяцкомъ кер-ку см. выше.

Digitized by Google

нился еще на полу въ серединѣ помѣщенія. Около комнаты находилась другая, которую Гейкель засталъ еще не вполнѣ отстроенной: въ ней не было ни окна, ни дверей. Такіе куды, по его словамъ, прежде встрѣчались въ большемъ количествѣ. Къ этому-же переходному типу слѣдуетъ, по мнѣнію г. Гейкеля (стр. 60, 61), отнести помѣщеніе для скота, которое ему пришлось видѣть у чувашей на границѣ Казанской и Симбирской губ. (рис. 9). У задней стороны этого помѣщенія находились двѣ печки, а между ними открытый очагъ (*a*), надъ которымъ висѣлъ на крючкѣ котелъ; на мѣстѣ, обозначенномъ на планѣ буквой *b*, стояла длинная скамейка (*täräk sac*), на мѣстѣ *c*—сундукъ съ крышкой; буквой *d* обозначенъ входъ въ нижній этажъ, въ которомъ находилась на половину врытая въ землю конюшня. Отъ описанныхъ переходныхъ типовъ черемисской куды и чувашскаго помѣщенія для скота и отмѣченныхъ выше болѣе культурныхъ срубообразныхъ построекъ у восточныхъ финновъ лишь одинъ шагъ до типичной финской избы, которая представляетъ собой тотъ же срубъ, но только приспособленный для болѣе культурной жизни. Такую избу черемисы называютъ *pört*, т. е. тѣмъ-же именемъ, какъ и русскіе лопари свое зимнее жилище — *пыртъ*, и дѣйствительно, какъ мы увидимъ, *pört* черемисовъ и *пыртъ* лопарей являются близко другъ къ другу стоящими постройками. Типъ постройки, соотвѣтствующій *pört*'у черемисъ, мордва-мокша называетъ *kud*, а мордва-эрзя—*kudo*, сохраняя за сравнительно поздними формами жилищъ древнее названіе шалаша.

Въ настоящее время pört (такъ же, какъ и мордовскіе kud и kudo) обыкновенно встрѣчается лишь какъ часть черемисскаго или мордовскаго дома. Отдѣльно онъ извѣстенъ въ болѣе глубокихъ мѣстностяхъ, причемъ въ его устройствѣ замѣтны уже значительныя улучшенія: вмѣсто земляного пола, типичнаго для *куда*, въ немъ полъ деревянный; очагъ замѣненъ сбитой изъ глины печью; въ потолкѣ продѣлано дымовое отверстіе. Пертъ освѣщается квадратнымъ или узкимъ, продолговатымъ отверстіемъ, прорубленнымъ въ стѣнѣ; общеупотребительное въ настоящее время оконное стекло еще лѣтъ 20 тому назадъ замѣнялось коровьимъ пузыремъ. Къ пёрту пристраиваются сѣни (*пёртонжолъ*) [1]. Если мы выдѣлимъ

[1] Смирновъ. Черемисы, стр. 72.

Digitized by Google

pörť-kudo изъ ряда окружающихъ его въ настоящее время построекъ, мы получимъ слѣдующій видъ этой формы жилья, совершенно вѣрно описаннаго г. Гейкелемъ (стр. 26) и тожественнаго съ вышеприведеннымъ описаніемъ pörť'a—избы: „Курная комната была обыкновенно снабжена небольшими сѣнями, одной стороной обращенными во дворъ, другой—къ деревенской улицѣ. Окна были прорублены только въ той стѣнѣ, которая выходила во дворъ, такъ что выходящая на улицу стѣна была темна. Въ заднемъ углу комнаты, выходящемъ къ улицѣ, находилась печь, устье которой освѣщалось окномъ. Во многихъ комнатахъ прорубилось по двѣ двери: одна—ведущая наружу, другая — изъ сѣней въ комнату. Когда дымъ слишкомъ наполнялъ комнату, открывали внутреннюю дверь, такъ что дымъ нѣсколько расходился, а тепло не уменьшалось". Въ этомъ описаніи нетрудно узнать черты, характеризующія описанные выше типы срубообразныхъ построекъ, встрѣчающихся въ настоящее время у менѣе подвергшихся культурному вліянію сосѣдей—родичей черемисовъ и мордвы, принадлежащихъ, какъ и они, къ восточной группѣ финскаго племени.

Переходя къ срубообразнымъ постройкамъ, служившимъ или служащимъ до настоящаго времени жилищемъ у финновъ западной группы, мы встрѣтимъ ихъ прежде всего у тавастовъ. Наиболѣе первобытныхъ чертъ мы видимъ въ баняхъ тавастовъ, въ особенности въ изображенныхъ у Ретціуса [1]). Это четырехугольный срубъ, съ плоской крышей; размѣры внутренняго помѣщенія бани настолько малы, что въ ней даже нельзя стоять выпрямившись. Далѣе г. Гейкель описываетъ (стр. 144 и слѣд.) нѣсколько типовъ бань, изученныхъ имъ у тавастовъ; различіе съ описанной у Ретціуса баней заключается, главнымъ образомъ, въ устройствѣ крыши: она или односкатная или двускатная, что, впрочемъ, нисколько не уничтожаетъ типичныхъ чертъ первобытной срубообразной постройки (рис. 10 и 11); передъ срубомъ (рис. 10) мы видимъ также небольшую пристройку—сѣни, извѣстную намъ уже изъ описаній лопарскихъ пыртовъ и аналогичныхъ построекъ у другихъ финновъ. Иногда, наконецъ (рис. 12), около бани ставится кота, т. е. болѣе поздняя форма постройки—*sauna* (баня) соединяется съ болѣе древнимъ—шалашемъ. Въ настоящее время

[1]) Retzius; Finnland, стр. 65, № 41; описаніе, на стр. 91.

Digitized by Google

баня приспособлена для мытья: внутри устраиваются полати. Но не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что бани служили нѣкогда тавастамъ жилищемъ: за это говоритъ прежде всего фактъ, что баня носитъ названіе одного изъ предшествовавшихъ въ исторіи развитія финскаго жилья типа—землянки (sauna). Далѣе тавасты, по словамъ Ретціуса [1]), считаютъ баню мѣстомъ священнымъ, и преступленіе, совершенное въ ней, считается болѣе тяжкимъ, чѣмъ если оно совершено въ другихъ мѣстахъ. Священнымъ характеромъ надѣляются обыкновенно тѣ хозяйственныя постройки народа, которыя нѣкогда служили ему жилищемъ, такъ какъ съ послѣднимъ связанъ культъ домашнихъ духовъ, причемъ при переходѣ народа къ новой формѣ жилья культъ нерѣдко продолжаетъ совершаться въ жилищѣ прежняго типа, вслѣдствіе чего оно и сохраняетъ свой священный характеръ. Весьма яркій примѣръ сохраненія культа въ древнемъ жилищѣ мы видимъ у вотяковъ, гдѣ *куа*, прежде служившая жильемъ, въ настоящее время обратилась въ мѣсто, гдѣ совершается исполненіе семейнаго или родового культа. Наконецъ, и въ настоящее время баня тавастовъ не утратила вполнѣ еще своего первоначальнаго значенія: г. Гейкель (стр. 151) сообщаетъ, что въ баняхъ болѣе состоятельныхъ крестьянъ живутъ бѣдные ихъ соплеменники; кромѣ того, ему пришлось въ Мугіерви встрѣтить баню, какъ *единственное* жилище семьи; ее называли sawupirtti, т. е. курная изба, чѣмъ она была въ самомъ дѣлѣ и чѣмъ была и баня, прежде чѣмъ она утратила свое первоначальное назначеніе.

Кромѣ бань, являющихся болѣе первобытными срубообразными постройками тавастовъ, у нихъ существуютъ и до настоящаго времени постройки этого-же типа, но нѣсколько болѣе приспособленныя къ болѣе развитой жизни. Это — такъ называемые *pörte*. Какъ и *pört* черемисовъ или *kudo* мордвы, тавастскій *pörte* обыкновенно входитъ въ составъ дома; но часто онъ является и отдѣльно, сохраняя черты старины въ своемъ устройствѣ. Ретціусъ даетъ описаніе *pörte*:—одного болѣе культурнаго, другого—совершенно близко подходящаго къ тавастскимъ банямъ [2]). Первый представлялъ довольно большую постройку изъ неотесанныхъ бревенъ; двускатная крыша состояла изъ жердей и досокъ; низкая

[1]) Ib., стр. 91. [2]) Retzius: op. c., стр. 63—66.

Digitized by Google

дверь вела во внутреннее помѣщеніе. Окна были крайне невелики, болѣе длинны, чѣмъ высоки; они не имѣли стеколъ, но прикрывались ставней, которую можно было передвигать по желобку (волоковыя окна) [1]). Внутреннее помѣщеніе состояло изъ одной комнаты; въ углу, съ правой стороны, находилась грубо сложенная изъ камней печка безъ трубы; въ потолкѣ было продѣлано небольшое отверстіе для выхода дыма. Описанный *pörte* служилъ жилищемъ для рыбаковъ въ періодъ осенняго промысла; въ немъ могло помѣститься до 50-ти человѣкъ.

Другой, оставленный въ настоящее время, *pörte* представлялъ маленькій квадратный срубъ, также съ двускатной крышей и двумя небольшими оконными отверстіями, какъ и у предшествующаго. Къ нему примыкала небольшая четырехугольная-же постройка — сѣни, съ плоской крышей; наружная дверь находилась въ пристройкѣ, которая соединялась съ pört'омъ посредствомъ еще другой двери. Около четверти квадрата, образующаго внутренность pört'a, было занято печкой, сложенной на-сухо изъ большихъ камней, покоившихся на двойномъ рядѣ бревенъ; полъ былъ бревенчатый; потолка не было. Дымъ поднимался непосредственно подъ крышу и выходилъ черезъ отверстіе, которое можно было по желанію закрывать посредствомъ особо устроенной крышки, прикрѣпленной къ жерди.

Совершенно схожіе съ *pört*'ами тавастовъ постройки мы встрѣчаемъ у эстовъ. На первомъ мѣстѣ и здѣсь слѣдуетъ поставить бани, которыя, какъ и у тавастовъ, называются *sauna*, причемъ этимъ-же именемъ эсты называютъ и землянку. Изъ описываемыхъ г. Гейкелемъ типовъ эстонскихъ бань для нашихъ цѣлей особенно интересной является баня-жилище (стр. 151), такъ какъ баня соединена съ домомъ, составляетъ часть его и вмѣстѣ служитъ и жилымъ помѣщеніемъ, и баней: въ ней нетрудно отыскать всѣ черты, присущія курной избѣ. Какъ одинъ изъ древнѣйшихъ типовъ этого вида жилища, г. Гейкель (стр. 168—170) описываетъ крестьянскій домъ, видѣнный имъ въ Пайстельскомъ приходѣ Лифляндской губ. (рис. 13). Если отнять части зданія, отмѣченныя

[1]) Такія-же окна г. Гейкель считаетъ типичными для pört'a черемисъ и *kudo* мордвы. А. *Бехтеревъ* (Вотяки, стр. 635) описываетъ у вотяковъ, живущихъ въ болѣе глухихъ мѣстностяхъ, такія-же передвижныя окна, обтянутыя бычачьей брюховиной.

Digitized by Google

на планѣ B (a+b), пишетъ онъ, и сравнить ихъ съ различными типами бань эстонцевъ, мы замѣтимъ, что эти части соотвѣтствуютъ формѣ бани, изображенной на рис. 5. Подобно тому, какъ къ банямъ иногда прибавляется еще третье помѣщеніе (*rehealune*), такъ и къ описываемому дому прибавлена рига. Фактъ, что рига пристроена здѣсь къ банѣ, доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что между помѣщеніями *a* и *c* нѣтъ двери, и оба они имѣютъ одинъ общія сѣни. Въ описанномъ г. Гейкелемъ типѣ мы имѣемъ, такимъ образомъ, древнее срубообразное жилище, которое въ данномъ случаѣ служитъ жильемъ, но у большинства эстонцевъ употребляется какъ баня. Если на приведенномъ планѣ у рис. 13 откинуть позднѣйшую пристройку — ригу (c), мы получимъ совершенно точный планъ пырта другихъ финновъ, постройки которыхъ мы разсмотрѣли, и лишь высокая четырехскатная крыша налагаетъ снаружи на этотъ домъ особый характеръ, отличающій его отъ пыртовъ съ плоскими крышами. А. Д. Солодовниковъ[1]) отмѣчаетъ, что такого рода жилища, представляющія только части *a* и *b* плана, являются широко распространенными у эстовъ среди бѣдныхъ крестьянъ (бобылей) въ Эстляндской губерніи. Онъ описываетъ ихъ слѣдующими словами: *туба* — такъ называется этотъ видъ построекъ у эстовъ — помѣщеніе шаговъ 6 въ длину и 5 въ ширину, кое какъ построенное изъ балокъ, досокъ и старыхъ бревенъ, покрытое полусгнившей соломой; издали туба походитъ на шалашъ. Черезъ низкую дверь вы входите въ *ужаязинъ* — это узкое, тянущееся во всю ширину избы пространство, отдѣленное стѣною отъ жилого помѣщенія; здѣсь лежатъ кадушки, лопаты, горшки, всякая рухлядь. Изъ *ужаязина* ведетъ дверь въ жилое помѣщеніе—въ тубу. Душный, спертый, прогорклый воздухъ охватываетъ васъ. Сквозь небольшое окно, въ квадратный футъ величиною, заклеенное коегдѣ бумагой, льется тусклый свѣтъ. Полъ чаще всего земляной, въ углу печь безъ трубы; у одной стѣны—кровать, у другой—столъ, двѣ—три кое-какъ сколоченныхъ табуретки—вотъ вся обстановка бобыльей избы. Теперь, съ поднятіемъ экономическаго уровня эстонцевъ, этотъ типъ жилищъ начинаетъ мало-по-малу исчезать; еще въ 40-хъ годахъ, по словамъ Крузе, онъ встрѣчался гораздо

[1]) А. Д. Солодовниковъ: Жилище эстонцевъ.

Digitized by Google

чаще. Окон, пишетъ между прочимъ Крузе, въ ихъ (эстовъ) домахъ не существуетъ, кромѣ одного, которое помѣщается въ жилой комнатѣ. Оно имѣетъ размѣръ около 1 кв. фута и составлено изъ многихъ осколковъ стекла, склеенныхъ кусочками бумаги. Такой видъ окна, описанный гг. Солодовниковымъ и Крузе, несмотря на свое несовершенство, появился подъ вліяніемъ сосѣдей. Окно, въ теперешнемъ значеніи этого слова, замѣчаетъ покойный Веске, не существовало у эстонскихъ крестьянъ, а вмѣсто него была только дыра, закрываемая дощечкой или тряпкой, или-же тѣмъ и другимъ... У ливовъ употребляется для обозначенія окна слово *läb*, причемъ первоначально это слово означаетъ *дверь* или вообще *отверстіе*, *дыру* [1]). Эти данныя служатъ еще лишнимъ доказательствомъ, что первоначальный срубъ-жилище не имѣлъ другого отверстія для освѣщенія, кромѣ двери и, быть можетъ, отверстія дымового.

Обращаясь къ кореламъ, жилище которыхъ подверглось вообще весьма сильному вліянію сосѣдей, мы видимъ, что и у нихъ сохраняется тотъ-же типъ срубообразныхъ построекъ. Баня, которая какъ у русскихъ, такъ и у финляндскихъ кореловъ является почти неотъемлемой принадлежностью каждаго крестьянскаго двора, представляетъ по своему внѣшнему и внутреннему устройству большое сходство съ банями тавастовъ. Г. И. Куликовскій любезно предоставилъ намъ, изъ числа его неизданныхъ еще матеріаловъ, слѣдующее описаніе бани олонецкихъ кореловъ: баня устраивается въ большинствѣ случаевъ безъ предбанника; раздѣваніе происходитъ на улицѣ, несмотря на зимнюю стужу; для вѣшанья платья при постройкѣ бани оставляютъ нѣсколько бревенъ, торчащихъ изъ угловъ бани. Направо отъ входа въ баню, въ одномъ изъ угловъ, устраивается печь, сложенная изъ мелкаго камня, причемъ для укрѣпленія верхней и боковыхъ сторонъ печи, кладутся три плиты: двѣ ребромъ, третья кладется плашмя. На нихъ уже сыплютъ мелкій камень безъ всякаго скрѣпляющаго вещества; сложенная такимъ образомъ печь часто разваливается; при топкѣ сквозь камни мѣстами виденъ огонь. Подлѣ печи устраиваютъ полокъ изъ досокъ (на аршинъ отъ пола). Вода нагрѣвается въ ушатахъ посредствомъ раскаленныхъ камней. Окно прорублено съ

[1]) Веске: Славино-финскія культурныя отношенія, стр. 191.

Digitized by Google

правой или лѣвой стороны отъ входной двери (противъ полка и сбоку его); по прекращеніи топки оно закладывается доской, равно какъ и отверстіе въ потолкѣ, въ которое выходитъ дымъ. Труба устраивается рѣдко, но гдѣ она есть, ее дѣлаютъ или досчатой или изъ выдолбленнаго ствола осины. Потолокъ сверху засыпаютъ землей и стелютъ крышу на одинъ скатъ, которая образуется тѣмъ, что одну изъ стѣнъ сруба, образующаго баню, строятъ нѣсколькими бревнами выше, чѣмъ остальныя. Чубинскій [1]) отмѣчаетъ, какъ особенность въ устройствѣ банныхъ печей архангельскихъ кореловъ, что онѣ дѣлаются изъ дикаго камня. Корельскія курныя избы, которыя г. Гейкель видѣлъ около Ладожскаго озера, по своему плану совершенно аналогичны домамъ эстонскихъ бобылей. Характерно, что такая изба, также какъ и у эстовъ, носитъ названіе *tupa*,—имя, которое скандинавскіе лопари, какъ это было указано выше, даютъ своему срубообразному жилищу. Если въ корельскихъ тупахъ устроена труба, то она, по словамъ г. Гейкеля (стр. 224), въ настоящее время состоитъ изъ сколоченныхъ вмѣстѣ досокъ, въ прежнее-же время дѣлалась изъ выдолбленнаго ствола дерева; труба заканчивается небольшой крышей, назначеніе которой—препятствовать дождю проникать въ комнату. Хотя въ настоящее время у финляндскихъ и у русскихъ кореловъ окна обыкновенно покрыты стеклами, но и теперь еще, какъ отмѣчаетъ г. Гейкель (225), встрѣчаются досчатыя, двигающіяся по желобку ставни, какъ въ описанномъ тавастскомъ *pörtʼѣ*; кромѣ того, на многихъ стекольчатыхъ окнахъ сохранились на рамахъ желобки, по которымъ вѣроятно еще не въ очень отдаленное время передвигалась ставня. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ у русскихъ кореловъ, по свѣдѣніямъ сообщаемымъ В. Майновымъ [2]), сохранился до настоящаго времени обычай заколачивать на зиму стекольчатыя окна досками, такъ что въ теченіе холоднаго времени года въ избу не проникаетъ свѣтъ; этотъ обычай объясняется стремленіемъ возможно больше предохранить жилище отъ холода, но это стремленіе, внѣ всякаго сомнѣнія, поддерживаетъ лишь древній обычай употреблять деревянныя «окна», которыя при отсутствіи въ прежнее время стеколъ *должны* были на глухо заколачиваться на зиму.

---

[1]) Этногр. очеркъ Кореллы. Тр. Арх. Статист. Комитета, 1865 г., кн. 2.
[2]) Поѣздка въ Обонежье и Корелу, стр. 276.

Digitized by Google

Этотъ-же типъ мы видимъ въ описанномъ г. Гейкелемъ (стр. 232) корельско-саволакскомъ домѣ; это тотъ-же срубъ, и въ планѣ онъ отличается отъ простого сруба лишь тѣмъ, что къ единственной комнатѣ, образуемой срубомъ, прибавлены помѣщеніе для коровъ и сѣнной сарай. Наконецъ у финновъ, населяющихъ Петербургскую губ., несмотря на то, что многіе изъ нихъ въ весьма значительной степени подверглись русскому вліянію, г. Гейкелю удалось встрѣтить жилища, которыя, если исключить позднѣйшія добавленія, появившіяся подъ вліяніемъ русскихъ, воспроизводятъ въ планѣ ту же тупу-пёртъ ихъ финскихъ сородичей.

Мы видѣли, что срубъ, какъ жилище, является или являлся общераспространеннымъ у всѣхъ финскихъ народностей, какъ восточной такъ и западной группъ. Несмотря на кажущееся однообразіе въ способѣ своего устройства и въ своемъ планѣ, онъ представляетъ также и извѣстныя отличія по мѣстностямъ и народностямъ, хотя и сохраняетъ всюду свою основную форму. Различія довольно крупныя мы встрѣчаемъ при детальномъ изученіи этого вида построекъ, въ особенности въ отношеніи къ устройству очага или печки: матеріалъ, изъ котораго дѣлается послѣдняя, способъ ея кладки, форма, положеніе ея въ жилищѣ, направленіе печного отверстія—все это представляетъ колебанія; но эти различія не лишаютъ этотъ типъ постройки ея характерныхъ чертъ, какъ ихъ не лишаетъ ее и то, что въ однихъ мѣстностяхъ срубы встрѣчаются только съ плоскими крышами, въ другихъ—съ односкатными, въ третьихъ — съ двускатными или четырехскатными. Какъ замѣна очага печкой и различные способы ея устройства, такъ и замѣна плоской крыши крышей со скатами — являются лишь дальнѣйшимъ развитіемъ постройки первобытнаго сруба. Въ немъ мы имѣемъ послѣднюю форму обще-финскаго первобытнаго жилья, которое появилось у финскихъ народностей въ древнѣйшій періодъ. Когда мы встрѣчаемъ названіе *pört* съ одной стороны у черемисовъ, съ другой — у лопарей и тавастовъ для обозначенія одинаковаго типа построекъ, *saunа*—у тавастовъ и эстовъ, керку и корку—у пермяковъ и вотяковъ, мы въ правѣ заключить, что этотъ типъ жилища былъ уже извѣстенъ финнамъ издавна. Что подъ этимъ именемъ разумѣлась вѣроятно болѣе первобытная постройка, чѣмъ мы видимъ это теперь у нѣкоторыхъ племенъ (напр. у черемисовъ и отчасти тавастовъ), вытекаетъ изъ того, что у финскихъ

Digitized by Google

племенъ, наиболѣе отставшихъ на пути культуры отъ своихъ сородичей, мы подъ этимъ именемъ встрѣчаемъ постройки значительно болѣе первобытныя, чѣмъ у болѣе цивилизованныхъ (напр. *пыртъ* лопарей, *юртъ* остяковъ и вогуловъ). Впрочемъ, совершенно первобытнаго типа *пырта* мы не встрѣчаемъ въ настоящее время даже у тѣхъ племенъ, которыя въ развитіи своего жилища не пошли далѣе этой формы; но изъ приведеннаго нами матеріала не трудно возстановить его древнѣйшую форму и прослѣдить постепенно измѣненія и дополненія, которыя дѣлались въ немъ въ теченіе долгого періода времени, отчасти вслѣдствіе самостоятельнаго развитія финскихъ племенъ, отчасти вслѣдствіе вліянія сосѣдей, благодаря чему мы имѣемъ типы современныхъ пыртовъ. Первоначальный пыртъ вѣроятнѣе всего представлялъ низкій четырехугольный срубъ съ плоской крышей, покрытой жердями и землей; онъ вѣроятно былъ лишенъ оконъ, какъ и современный черемисскій *kud*, описанный выше; низкая дверь вела непосредственно наружу; внутри, посрединѣ помѣщенія, находился очагъ, а дымъ выходилъ или черезъ дверь, или черезъ отверстіе въ крышѣ; пола не было. Лишь постепенно къ этому простѣйшаго вида срубу пристраиваются небольшія сѣни, прорубается окно, которое вначалѣ прикрывается волоковой ставней, рыбьимъ пузыремъ, или даже кусками льда, и лишь въ сравнительно поздній періодъ времени получаетъ стекла. Полъ устилается хворостомъ, который впослѣдствіи замѣняется досчатымъ поломъ; мѣсто очага занимаетъ каменка или каминъ съ трубой (чувалъ), а затѣмъ и печка, причемъ для большаго устоя она устраивается въ одномъ изъ угловъ пырта; появляется и дымовая труба; плоская крыша замѣняется крышей со скатами. Такимъ образомъ постепенно вырабатывается такъ сказать усовершенствованный типъ пырта, причемъ эти усовершенствованія не всегда совершались финскими племенами безъ вліянія ихъ болѣе культурныхъ сосѣдей.

Трудно отвѣтить опредѣленно, какъ возникъ пыртъ. Мы видѣли выше, что г. Гейкель склоненъ думать, что эстонскія бани, печи которыхъ находятся наружу, возникли путемъ поднятія постройки изъ-подъ земли; за происхожденіе вообще пыртовъ изъ землянокъ говоритъ также и то, что г. Гейкелю приходилось встрѣчать въ Финляндіи полуподземныя жилища. Кромѣ того, названія у тавастовъ и эстовъ—sauna, одинаковыя для бани (первобытнаго

Digitized by Google

пырта) и землянки, служатъ тому доказательствомъ; подтвержденіе этого-же предположенія мы видимъ и въ пывзянахъ зырянъ и пермяковъ и въ полупогруженныхъ въ землю жилищахъ остяковъ, о которыхъ говоритъ Георги. Но, быть можетъ, не вездѣ образованіе пырто-образныхъ построекъ шло путемъ развитія типа землянокъ. Мы видѣли, что у эстовъ кухня *кода* представляетъ иногда шалашъ, но поставленный уже на каменномъ, поднятомъ выше человѣческаго роста, основаніи; далѣе, вѣжа русскихъ лопарей утратила свой конусообразный видъ: она представляетъ собой четырехгранную пирамиду, прочно установленную въ почвѣ, и, какъ таковая, она утратила портативный характеръ шалаша. У остяковъ лѣтняя юрта иногда имѣетъ видъ шалаша, поднятаго на деревянное основаніе. Въ кухнѣ эстовъ, какъ и въ вѣжѣ русскихъ лопарей, мы скорѣе склонны видѣть уже прочныя постройки, сохранившія лишь первобытную форму шалаша. Мы можемъ поэтому допустить четырехугольныя постройки, надземныя, которыя могли служить въ исторіи развитія финскаго жилища звеньями между шалашомъ бродячаго племени и пыртомъ финна, сдѣлавшагося осѣдлымъ. Намъ представляется возможнымъ считать за типы такихъ переходныхъ построекъ встрѣчавшіеся раньше у вотяковъ шалаши-балаганы, о которыхъ упоминаетъ Максимовъ, а также и шалаши, описываемые (въ XVIII в.) Георги у вогуловъ. Изъ этого переходнаго типа легко получается, при замѣнѣ болѣе легкаго матеріала (плетни, жерди, доски и проч.) болѣе прочнымъ — бревнами, *куа* вотяковъ и зимній срубъ вогуловъ. Быть можетъ также, что сохраненіе названія шалаша за срубообразными и подчасъ значительно развитыми постройками, какъ напр. *куа* у вотяковъ, *кудъ* у черемисовъ, *кодъ*, *кода* у мордвы, можетъ служить косвеннымъ доказательствомъ того, что у этихъ народовъ срубообразныя постройки возникли не только изъ землянокъ, но что и дальнѣйшее развитіе шалаша было не безъ вліянія на ихъ появленіе, подобно тому какъ названіе *sauna* для землянки и бани заставляетъ думать, что послѣдняя развилась изъ первой.

Въ пыртообразныхъ постройкахъ мы имѣемъ тотъ центръ, вокругъ котораго развивались современныя жилища финскихъ народностей. Пыртъ являетсядалѣе исходной точкой, изъ которой развивается деревня. Кочевой бытъ не содѣйствуетъ развитію этихъ послѣднихъ; при отдѣленіи отъ семьи одного изъ членовъ, отдѣлившійся вмѣстѣ съ

Digitized by Google

своимъ стадомъ легко откочевываетъ далеко отъ родительскаго шалаша, который въ свою очередь весьма часто мѣняетъ свое мѣсто. При переходѣ къ осѣдлости семья остается на своемъ мѣстѣ, и члены, которыхъ не можетъ вмѣстить небольшая землянка или срубъ, выстраиваютъ себѣ свое жилище вблизи отъ выдѣлившей ихъ семьи, остаются на мѣстѣ и не порываютъ съ ней связей. Такимъ образомъ могутъ возникнуть поселки, подчасъ довольно значительные. Что таково очень часто было возникновеніе поселковъ у финскихъ племенъ, мы имѣемъ доказательства въ современномъ ихъ бытѣ и въ возникновеніи новыхъ поселеній у нихъ, подчасъ даже въ настоящее время. По словамъ П. М. Богаевскаго [1]), еще не такъ давно цѣлыя деревни представляли изъ себя лишь совокупность родственниковъ, что впрочемъ и не удивительно, такъ какъ при быломъ обиліи лѣса на новыя мѣста селились лишь лица, которыя въ силахъ были расчистить себѣ изъ-подъ него необходимое пространство земли, а такими, конечно, являлись или лица, обладавшія сильной энергіей, или же семейства, которыя состояли изъ большого числа членовъ. Впослѣдствіи семейства эти разростались, такъ что приходилось все больше и больше расчищать мѣста изъ-подъ лѣса и ставить новыя строенія, мѣста для которыхъ выбирались и назначались исключительно старшимъ членомъ семейства и назначались, конечно, сообразно съ его личнымъ вкусомъ и желаніемъ. По словамъ И. Н. Смирнова, громадная масса вотятскихъ селеній указываетъ на происхожденіе отъ одного основателя и носитъ патронимическія названія. Г. Островскій отмѣчаетъ для вотяковъ Казанской губ., что почти каждая вотская деревня представляетъ совокупность лицъ принадлежащихъ къ одному роду [2]). Г. Инфантьевъ указываетъ, что у вогуловъ, даже въ мѣстностяхъ, гдѣ они уже подверглись русскому вліянію, нерѣдки деревни, состоящія изъ родственниковъ, даже изъ членовъ одной семьи. Авторъ приводитъ не безъинтересный примѣръ развитія одного подобнаго поселка, который ему удалось посѣтить лично: поселокъ состоитъ изъ 5 юртъ, пишетъ онъ, изъ нихъ 4 принадлежатъ нашему хозяину Тимоѳею. Первую, самую старую изъ этихъ юртъ, строилъ еще прадѣдъ Тимоѳея, вторую—дѣдъ его, третью—отецъ, и четвертую онъ—самъ. У вогуловъ въ

[1]) Оч. быта Сарапульск. вотяковъ,—въ Сб. мат. по этногр., подъ ред. В. Ѳ. Миллера, III, стр. 38.—[2]) Смирновъ, Вотяки, стр. 166.

Digitized by Google

большинствѣ случаевъ каждое новое поколѣніе строитъ свою новую юрту [1]). У финновъ, въ Петербургской губ., переселившихся туда въ XVII в. (савокатъ и сюремейзетъ) и въ настоящее время часто встрѣчается, что цѣлый небольшой поселокъ заселенъ одной фамиліей и носитъ даже названіе этой фамиліи [2]). Есть основанія предполагать, что еще не такъ давно у русскихъ лопарей ихъ погосты (деревни для зимняго пребыванія) состояли изъ однихъ родственниковъ. Преданія черемисовъ Уфимской и Пермской губ. указываютъ, по словамъ г. Ерусланова [3]), что поселенія въ новомъ краю основывались первоначально отдѣльными семьями или родственными группами; поселенцы жили долгое время въ одномъ *кудо*, по нѣскольку семействъ; родственные *кудо* располагались—вблизи другъ отъ друга. „По мѣрѣ того, какъ становилось тѣсно въ одномъ *кудо*, изъ него выдѣлялись отдѣльныя семьи, которыя... селились или вблизи кореннаго шалаша, или уходили въ другія мѣста". Переживанія родового быта, которыя мы встрѣчаемъ у другихъ финскихъ народностей восточной группы позволяютъ распространить и на нихъ высказанное предположеніе о первоначальномъ способѣ возникновенія финскихъ деревень. Къ поселеніямъ подобныхъ родовыхъ или семейныхъ общинъ впослѣдствіи могли примыкать и жилища вновь прибывающихъ лицъ, несвязанныхъ кровными узами съ основателями деревни, которыя или принимались послѣдними въ составъ своей общины или продолжали жить, какъ чужіе, и лишь впослѣдствіи, при упадкѣ родовыхъ отношеній и развитіи объединяющихъ экономическихъ интересовъ, соединялись въ одну деревенскую общину.

Происхожденіе финскихъ деревень изъ разросшейся группы родственниковъ, типичную иллюстрацію чего мы встрѣчаемъ у вотяковъ, не является, конечно, исключительной особенностью финскаго племени. Но это происхожденіе наложило на финскія деревни особый отпечатокъ, рѣзко подчасъ отдѣляющій ихъ отъ деревень ихъ сосѣдей; если этотъ отпечатокъ сохранился у финновъ въ бо̀льшей степени, чѣмъ у ихъ сосѣдей, то это можетъ

---

[1]) П. Инфантьевъ, За уральскимъ бобромъ, „Вѣст. Европы", 1894, VI, стр. 566.

[2]) Мат. по статистикѣ нар. хозяйства въ Петербургской губ., VI, стр. 24.

[3]) П. Ерусланов̀ъ: Оч. быта и преданій восточн. черемисъ,—въ Изв. Оренб. Отд. И. Р. Г. О., вып. 4 (1894), стр. 3, 4.

Digitized by Google

объясняться отчасти тѣмъ, что среди финскихъ народностей болѣе живы еще воспоминанія родового быта, отчасти, гдѣ родовой бытъ уже давно успѣлъ исчезнуть,—консерватизмомъ и тѣми особыми условіями жизни, въ которыя финны были поставлены.

Въ числѣ чертъ, характерныхъ для современныхъ финскихъ деревень, одно изъ первыхъ мѣстъ слѣдуетъ отвести безпорядочности въ расположеніи домовъ въ деревнѣ. Въ то время, какъ русскія поселенія идутъ вдоль улицы, въ финскихъ деревняхъ подчасъ не видишь никакой правильности. Дома являются разбросанными безъ всякаго порядка. Эта безпорядочность является прямымъ слѣдствіемъ происхожденія самихъ деревень. Разныя соображенія заставляютъ строить вновь возникающій домъ тамъ, гдѣ это оказывается удобнѣе. По словамъ Бехтерева, въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія у вотяковъ встрѣчались деревни, въ которыхъ каждый домъ отдѣлялся отъ другого засѣяннымъ полемъ. Такія деревни, замѣчаетъ по этому поводу совершенно справедливо г. Смирновъ, выростали несомнѣнно изъ одного двора. Въ томъ случаѣ, когда въ сосѣдство выдѣлялась или садилась новая семья, она выбирала себѣ мѣсто за чертой расчищенныхъ первыми поселенцами полей и производила для себя расчистку сама; также поступали и дальнѣйшіе основатели дворовъ. Деревня разросталась до значительныхъ размѣровъ, но не получала значенія поземельной общины [1]). Подобныхъ деревень, насколько намъ извѣстно, не отмѣчается больше у вотяковъ новѣйшими изслѣдователями, но всѣ они указываютъ на неправильность, какъ на характерную черту вотяцкихъ деревень. Полное отсутствіе какого-нибудь правильнаго плана мы встрѣчаемъ и у остяковъ, вогуловъ и лопарей. Сохранившіеся остатки древнихъ пермяцкихъ деревень расположены также неправильно. У зырянъ дома въ деревняхъ расположены то слишкомъ тѣсно, то слишкомъ разсѣянно, но почти всегда неправильно [2]). Г. Гейкель отмѣчаетъ эту же характерную черту у мордвы и черемисовъ. Говоря о расположеніи деревень у послѣднихъ, онъ замѣчаетъ, что въ настоящее время черемисскіе дома строятся по приказанію властей все болѣе и болѣе по русскому образцу; но этотъ порядокъ, продолжаетъ

[1]) Смирновъ: Вотяки, стр. 92.

[2]) К. А. Поповъ: Зыряне и Зырянскій край. Тр. Отд. Этнографіи И. О. Л. Е., А. и Э. III, вып. 2 стр , 61.

Digitized by Google

онъ, не вполнѣ еще укоренился у нихъ, такъ какъ они, какъ и прочія финскія народности, строили свои дома и деревни совершенно неправильно, такъ что уголъ одного зданія подчасъ былъ обращенъ къ сторонѣ другого (стр. 69). Собственно черемисскій типъ, пишетъ И. Н. Смирновъ [1]), можно, въ немногихъ правда уже случаяхъ, наблюдать въ южной части Яранскаго и Уржумскаго уѣздовъ и на сѣверѣ Макарьевскаго у. Полнѣе онъ сохранился въ Уфимской губ. Черемисскія деревни конца 50-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія состояли здѣсь изъ нѣсколькихъ дворовъ, примыкающихъ одинъ къ другому самымъ безпорядочнымъ образомъ въ зависимости отъ того, какъ разростался родъ, сѣвшій въ данномъ мѣстѣ. Совершенно то-же мы встрѣчаемъ у западныхъ финновъ: въ Финляндіи деревни представляютъ небольшія группы домовъ, расположенныя безъ всякого порядка; у эстовъ, по словамъ А. Д. Солодовникова [2]) и по нашимъ личнымъ наблюденіямъ, деревни не представляютъ въ большинствѣ случаевъ никакой правильности въ планѣ. Если г. Гейкель (стр. 127) и отмѣчаетъ, что архангельскіе корелы располагаютъ свои жилища въ рядъ вдоль улицы, въ чемъ онъ совершенно основательно видитъ русское вліяніе, то въ корельскихъ деревняхъ, не подвергшихся въ такой степени этому вліянію, продолжаетъ, по словамъ Чубинскаго, господствовать отмѣченная у другихъ финскихъ племенъ безпорядочность въ расположеніи [3]). Тоже мы видимъ и у олонецкихъ кореловъ; чѣмъ ближе корельскіе погосты и деревни къ границѣ селеній русской народности, пишетъ г. Соборновъ, тѣмъ больше замѣтно сходства въ постройкахъ кореловъ съ русскими, и чѣмъ дальше корельскія селенія отъ сказанныхъ районовъ русской народности, тѣмъ меньше замѣчается общихъ чертъ между этими народностями... Корельскія селенія планируются неправильно: дома стоятъ другъ отъ друга въ разныхъ направленіяхъ, иногда въ совершенномъ безпорядкѣ. Корельскія деревни очень часто считаютъ въ себѣ только 2—6 дворовъ съ 6-ю или 20-ю душами населенія; въ поселкахъ подчасъ живутъ одиночныя семейства [4]).

---

[1]) Черемисы: стр. 69, 70.

[2]) Солодовниковъ: Жилище эстонцевъ.

[3]) Чубинскій: Эти. оч. Корелы—въ Тр. Арх. Ст. Ком. 1865. II. стр. 101.

[4]) А. Соборновъ: Къ исторіи культуры олонецкихъ Кореловъ,—въ Олонецкомъ Сборникѣ, вып. 1., стр. 132.

Digitized by Google

Незначительное количество дворовъ, отмѣчаемое г. Соборновымъ, въ деревняхъ олонецкихъ кореловъ, встрѣчается какъ типичная черта и у другихъ финскихъ народностей: изслѣдователи считаютъ малочисленность деревень характерной для остяковъ и вогуловъ, лопарей, финляндскихъ кореловъ, эстовъ (въ среднемъ 4,33 жил. строеній на поселокъ въ Эстляндской губ.), тавастовъ и у финновъ Петербургской губ., причемъ у послѣднихъ въ среднемъ поселки по количеству душъ въ 3 раза менѣе, чѣмъ у русскихъ. Такого рода деревни не исчезли также и у вотяковъ, пермяковъ и черемисовъ [1]).

Въ этой чертѣ, какъ и въ отсутствіи правильности плана, слѣдуетъ видѣть характерную особенность финской деревни, въ настоящее время уже утрачиваемую нѣкоторыми племенами подъ вліяніемъ сосѣдей. Малочисленность дворовъ въ финскихъ деревняхъ объясняется также происхожденіемъ самихъ деревень, имѣвшихъ значеніе подворной, а не сельской общины. Этимъ же обстоятельствомъ объясняется и третья типичная черта поселеній, принадлежащихъ финскимъ народамъ, это—выходъ фасада дома не на улицу, какъ въ большинствѣ русскихъ деревень, а во дворъ. Тамъ, гдѣ каждый дворъ представляетъ самостоятельное хозяйственное цѣлое, гдѣ онъ мало или вовсе не объединенъ съ другими сосѣдними дворами общими *хозяйственными* интересами, мы въ правѣ ожидать, что жилыя постройки будутъ приноровлены къ потребностямъ узкой семейной жизни, что каждый дворъ будетъ представлять замкнутую

---

[1]) Если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у финскихъ племенъ и встрѣчаются многолюдныя деревни, то это находитъ себѣ объясненіе или во вліяніи сосѣдей (какъ, напр., у архангельскихъ кореловъ, мордвы, черемисовъ и пр.) или въ особенностяхъ мѣстности, вынуждающей селиться большими деревнями. Такъ, напр., зырянскія деревни отличаются большими размѣрами и многолюдностью По словамъ К. А. Попова, въ Устьсысольскомъ уѣз. на каждую населенную мѣстность приходится въ среднемъ по 200 душъ; а село Каркеросское въ томъ же уѣздѣ, на р. Вышерѣ, состоитъ изъ 309 дворовъ, съ населеніемъ въ 2066 душъ, причемъ оно разбросано на 4 версты. „Столь значительная многолюдность зырянскихъ селеній, замѣчаетъ К. А. Поповъ, особенно поразительна въ виду совершенно противнаго явленія въ сосѣднихъ русскихъ частяхъ Вологодской губ., даже Яранскаго уѣзда, гдѣ деревни вообще очень мелки. Мы не можемъ положительно объяснить причину такого контраста и лишь догадываемся, что зыряне жмутся въ большія кучи вслѣдствіе недостатка, въ ихъ болотистой почвѣ, удобныхъ усадебныхъ мѣстъ.“ (К. А. Поповъ, Зыряне и Зырянскій край., стр. 61).

Digitized by Google

саму въ себя единицу, располагающую свои отдѣльныя части такъ, какъ это оказывается наиболѣе удобнымъ для потребностей живущей во дворѣ семьи. Отсюда происходитъ замѣченная у всѣхъ финскихъ народностей, постройки которыхъ не ограничиваются только жилымъ помѣщеніемъ и небольшой кладовой,—черта строить свои дома такъ, что на улицу выходятъ лишь глухія бревенчатыя стѣны. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ уже сказывается сильно вліяніе сосѣдей, преимущественно русскихъ, этотъ обычай подвергается измѣненію, и въ корельскихъ деревняхъ, находящихся вблизи отъ русскихъ селеній, какъ и въ деревняхъ черемисовъ, мордвы и вотяковъ, встрѣчается все больше и больше избъ, фасады которыхъ выходятъ на улицу. Но и въ настоящее время среди финскихъ народностей восточной группы, въ значительной степени поддавшихся русскому вліянію, этотъ обычай не исчезъ. По словамъ Риттиха, у черемисовъ изба часто строится въ глубинѣ двора, а „вокругъ нея стоитъ множество амбаровъ, лачугъ, клѣтей для лѣтняго жилья и для храненія всевозможныхъ запасовъ“ [1]). Какъ особенность, характерную для вотяцкой деревни, г. Богаевскій отмѣчаетъ, что „въ любой вотяцкой деревнѣ можно встрѣтить много избъ, окна которыхъ выходятъ во дворъ, а на улицѣ сплошь да рядомъ видны лишь высокія бревенчатыя стѣны избы или клѣти. Нерѣдко, когда на улицу выходитъ клѣть, то, такъ какъ окна чаще вырубаются лишь въ избѣ, они выходятъ далеко вглубь дворовъ, которыхъ въ мало мальски зажиточномъ хозяйствѣ всегда бываетъ два“ [2]). Въ мордовскихъ деревняхъ, по словамъ г. Гейкеля (стр. 28), несмотря на значительное русское вліяніе, сказывающееся въ ихъ устройствѣ, встрѣчаются еще дома, обращенные къ улицѣ боковымъ фасадомъ, а для болѣе древняго времени онъ считаетъ выходъ глухой стѣны на улицу обычаемъ широко-распространеннымъ. У пермяковъ, несмотря на то, что они въ значительной степени подверглись русскому вліянію, дома до настоящаго времени выходятъ на улицу чаще всего не фасадомъ, а профилемъ [3]). Постройки эстонской деревни разбросаны, пишетъ А. Д. Солодовниковъ [4]), фасады и окна ихъ выходятъ во дворъ,

[1]) Риттихъ: Матеріалы для этнографіи Россіи. Казанская губ., стр. 133.

[2]) П. М. Богаевскій: Оч. быта сарапульскихъ вотяковъ. Сб. мат. по этногр., III., стр. 37.—[3]) Смирновъ: Пермяки, стр. 194.

[4]) А. Д. Солодовниковъ: Жилище эстонцевъ въ его постепен. развитіи.

Digitized by Google

а заборы и глухія стѣны на улицу. Въ настоящее время эта черта является, какъ было нами уже указано, однимъ изъ отличій финскихъ деревень отъ русскихъ; но этотъ типъ постройки долженъ былъ существовать, вѣроятно, у многихъ народовъ въ періодѣ господства подворной общины, когда и интересы общины, и, быть можетъ, также стремленіе къ безопасности заставляли ее замыкаться отъ внѣшняго міра. Въ настоящее время деревни казанскихъ татаръ, по словамъ Риттиха, строятся по этому же типу [1]); мы встрѣчаемъ этотъ обычай у сартовъ и во многихъ мѣстахъ у сѣверокавказскихъ горцевъ, и, наконецъ, даже русскіе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ слѣдовали этому способу постройки: такъ, напр., въ Харьковской г., Старобѣльскомъ у., русскіе поселенцы строили въ недавнее еще время избы такъ, что на улицу выходила только глухая стѣна [2]). Этотъ обычай сохранился до настоящаго времени среди великоруссовъ въ Курской губ., а среди малороссовъ онъ является даже господствующимъ.

Въ настоящее время во дворѣ представителя финскаго племени находится почти все, что нужно при его потребностяхъ. Во дворѣ у вотяка, кромѣ обширной избы и клѣти, встрѣчается и большой амбаръ, который тянется черезъ весь длинный дворъ (въ этомъ амбарѣ часто семья проводитъ жаркое лѣтнее время), изба, въ которой имѣютъ свое мѣстопребываніе женатые члены семьи, иногда еще нѣсколько клѣтей, наконецъ, на дворѣ же стоитъ и *куа*—моленный шалашъ, въ которомъ приносятся жертвы духу-покровителю семьи. Только бани и шалаши, въ которыхъ происходитъ варка кумышки, стоятъ, въ виду соображеній объ удобствахъ, поодаль, на берегу рѣки [3]). Г. Гейкель (стр. 69) даетъ слѣдующее описаніе черемисскаго двора, въ устройствѣ котораго, по его словамъ, мало замѣтно русское вліяніе (рис. 14): въ немъ какъ жилое помѣщеніе, такъ и хозяйственныя постройки стоятъ обособленно; ворота (a) выходятъ на улицу; противъ нихъ помѣщается изба (рис. 14, 15, 16 и 17); около нихъ (рис. 14, b) находится коровникъ сосѣдняго дома; отдѣльно стоитъ на дворѣ *куда* (d), клѣть (e) и погребъ (f) съ конусообразной крышей, и коровникъ (g). Въ усадьбѣ эстонца на дворѣ, кромѣ жилого помѣщенія, стоятъ

[1]) Риттихъ: o. cit., стр. 16.—[2]) Вѣстникъ И. Р. Г. О. XIV. 1855, стр. 194.
[3]) П. М. Богаевскій, o. c. стр. 38.

Digitized by Google

обыкновенно на довольно далекомъ разстояніи другъ отъ друга для безопасности на случай пожара слѣдующія хозяйственныя постройки: 1) амбаръ (*айтъ*), 2) сарай для телѣтъ (*вахсо-нэ*) и 3) хлѣвъ (*лаутъ*); часто эти три зданія соединяются въ одно и образуютъ такимъ образомъ длинное помѣщеніе (въ которомъ всѣ три части отдѣлены), сажень 6 длины и до 2-хъ саж. ширины; далѣе на дворѣ помѣщаются еще 4) рига (*рехе*) и вмѣстѣ съ тѣмъ и сѣнной сарай, соединенный иногда съ чуланами, гдѣ хранятся разныя запасныя сельскохозяйственныя орудія, 5) баня, 6) лѣтняя кухня и наконецъ, 7) погребъ [1]). Дворъ таваста представляетъ также, какъ и дворы упомянутыхъ выше народностей, кучу построекъ, необходимыхъ тавасту. Гейкель (стр. 287 — 289) представляетъ нѣсколько плановъ тавастскихъ дворовъ, на которыхъ размѣщается слишкомъ 20 построекъ разнаго рода: мы находимъ здѣсь отдѣльно помѣщеніе для лошадей, коровъ и овецъ, нѣсколько сараевъ, чуланы, баню, коту, колодезь и т. д.

При сравнительной изолированности жизни финской семьи, при расположеніи внутри двора всѣхъ необходимыхъ хозяйственныхъ построекъ, естественно, что обычай строить дома фасадами во дворъ долженъ былъ сохраниться еще долго послѣ того, какъ подворная община замѣнилась сельской и соображенія самозащиты потеряли свое значеніе: даже въ настоящее время, когда финны въ устройствѣ своихъ домовъ сильно поддались вліянію сосѣдей, когда подъ вліяніемъ послѣднихъ жилища ихъ расширились и довольно значительно уклонились отъ первоначальнаго типа, обычай строить дома фасадами во дворъ держится, пожалуй, наиболѣе крѣпко. Восточная группа финновъ, въ особенности черемисы и мордва, переходятъ теперь, какъ это было указано выше, къ русскому способу постройки избы фасадомъ на улицу; но вслѣдствіе отчасти народнаго консерватизма, отчасти хозяйственныхъ соображеній, въ планѣ ихъ домовъ сохраняются старинныя черты. „Что особенно бросается въ глаза посѣтителю, пишетъ г. Гейкель (стран. 28 и слѣд.), при входѣ его въ мордовскую деревню—это неудобное положеніе окна на фасадѣ дома, выходящаго на улицу: окно помѣщается довольно страннымъ образомъ, обыкновенно ближе къ углу зданія, а не въ серединѣ стѣны.

[1]) Солодовниковъ: Жилище эстонцевъ.

Digitized by Google

помѣщенія семьи, другое служило и кухней, и сѣнями. Въ первомъ отдѣленіи—чувалъ, нары; во второмъ—котелъ для варки пищи. Окна такія-же, какъ въ первой юртѣ, но уже есть потолокъ. Третья юрта, въ которой въ настоящее время живетъ самъ хозяинъ съ семьей, также во многомъ отличается отъ двухъ предыдущихъ: при ней есть просторныя, крытыя сѣни; внутренность ея раздѣлена на двѣ половины—мужскую и женскую. Чувалъ замѣненъ печью, почти совершенно подобной русской. Окна въ юртѣ стекляныя, вмѣсто наръ—кровати. Котелъ для варки мяса и рыбы находится уже въ другой отдѣльной избушкѣ, какъ у большинства зажиточныхъ вогуловъ. Наконецъ, послѣдняя юрта, еще совершенно новая, уже вполнѣ напоминаетъ русскую пятистѣнную избу. Всѣ эти зданія стоятъ кучкой, другъ подлѣ друга. Тутъ-же, недалеко отъ нихъ, находится старая избушка, прежде предназначавшаяся для роженицъ и менструирующихъ женщинъ, въ которой послѣднія подвергались обряду очищенія. Въ настоящее время этотъ обычай вывелся, а избушка осталась, какъ памятникъ стараго времени. Нѣсколько поодаль отъ этихъ главныхъ построекъ находятся другъ противъ друга четыре амбара, построенные на сваяхъ; наконецъ, еще сарай, съ крытымъ вверху сѣноваломъ [1]). Типъ болѣе богатаго остяцкаго двора описанъ г. Паткановымъ, видѣвшимъ остяковъ по р. Демьянкѣ. И здѣсь деревни крайне незначительны по числу дворовъ. Около домовъ находятся кое-какія службы: амбарчики и завозни на столбикахъ съ выемками; нѣсколько дальше—скотные дворы, „которые состоятъ изъ небольшого моста, обнесеннаго оградой, гдѣ имѣется 1—2 стойки для коровъ и для молодого скота, а то и просто навѣсъ“. Лошади обыкновенно проводятъ зиму подъ навѣсомъ. Бани встрѣчаются, но рѣдко [2]).

Въ описанныхъ типахъ дворовъ мы имѣемъ рядъ звеньевъ въ развитіи двора финна, прежде чѣмъ его культурный и экономическій уровень позволитъ ему застроить свой дворъ всѣми возможными хозяйственными постройками, какъ это мы видимъ у богатаго финляндца.

Н. Харузинъ.

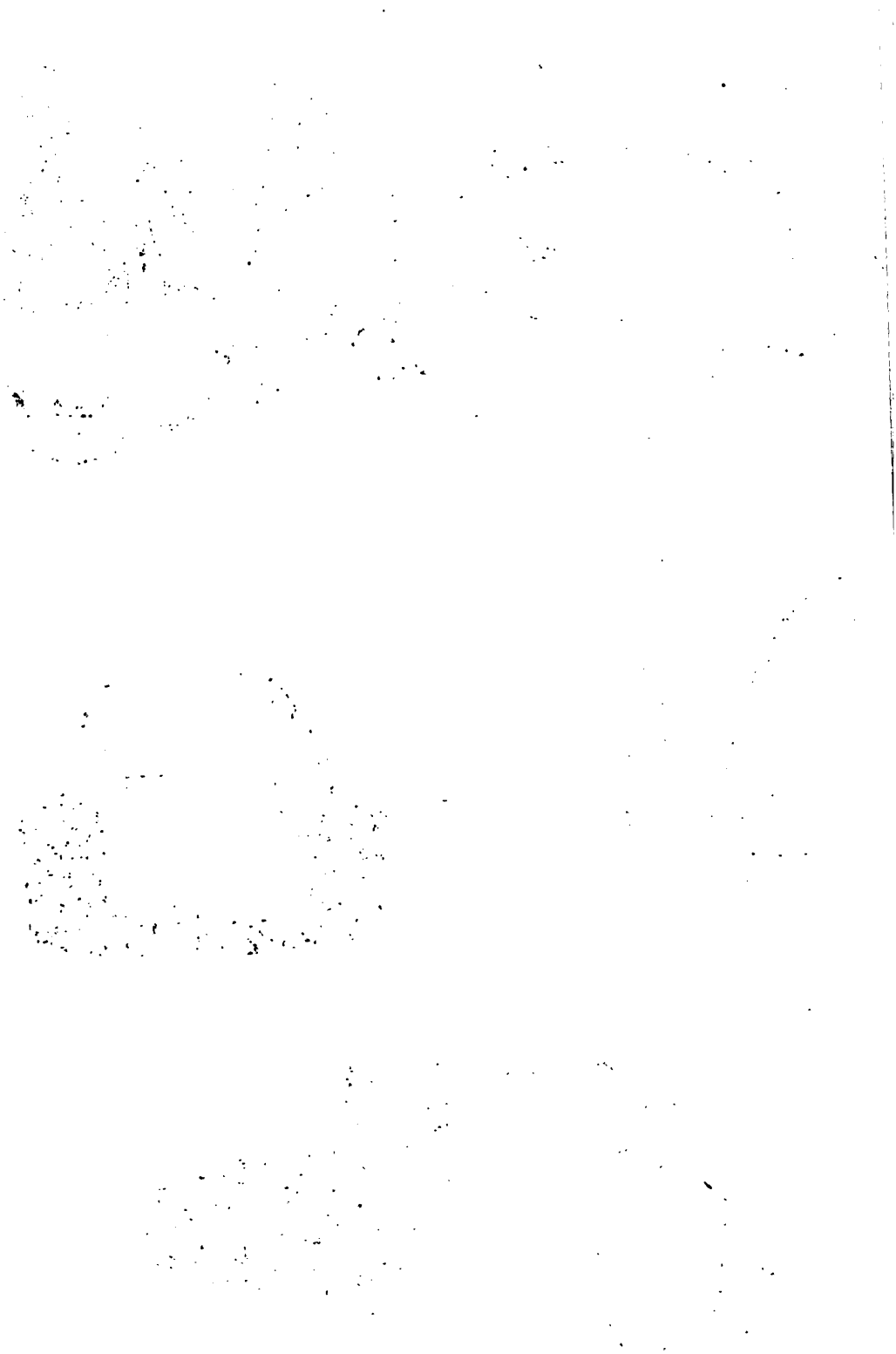
(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) П. Инфантьевъ: За уральскимъ бобромъ. „Вѣстн. Европы“. 1894. VI, стр. 566, 567.

[2]) С. Паткановъ: По Демьянкѣ. Запис. Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. XVI, вып. 2 и 3, стр. 24.

Digitized by Google



Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ЗАМѢТКИ О МАЛОРУССКИХЪ ДУМАХЪ И ДУХОВНЫХЪ ВИРШАХЪ.

(По поводу соч. П. И. Житецкаго: „Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ". Кіевъ. 1893. Стр. 249).

Изслѣдованіе П. И. Житецкаго о малорусскихъ думахъ первоначально было напечатано въ „Кіевской Старинѣ" 1892 г. и затѣмъ въ 1893 г. издано отдѣльно редакціей этого журнала. Такъ какъ все изслѣдованіе г. Ж. построено на одномъ положеніи—о вліяніи школьной литературы на думы,—то при первоначальномъ печатаніи сочиненія въ журналѣ по частямъ трудно было слѣдить за ходомъ мыслей автора, и отдѣльныя его части представлялись безсвязными. Въ отдѣльномъ изданіи сочиненіе г. Житецкаго обратило на себя вниманіе, по оригинальности и новизнѣ основной мысли и по обилію новыхъ любопытныхъ данныхъ изъ области виршъ-орацій и думъ. И. В. Ягичъ въ Archiv f. slav. Phil. 1893, XV, Heft 4, стр. 613—614 находитъ, что „Мысли" г. Ж. представляютъ собою „das hübsch beschribene Buch", что авторъ — „gründlicher Kenner des kleinrussischen Volksthum, namentlich der Volksdichtung in ihrem Zusammenhange mit der Geschichte und den culturellen Einflüssen", и въ частности мысль о вліяніи на думы школы рецензентъ называетъ „ein hübscher Gedanke". Съ г. Ягичемъ сходится А. Н. Пыпинъ въ небольшой (въ 2 стр.), но мѣткой и содержательной рецензіи въ „Вѣстн. Евр." 1893, VI. По словамъ г. Пыпина, изслѣдованіе г. Ж. „даетъ много любопытнѣйшихъ указаній, важныхъ именно тѣмъ, что кромѣ особенностей формы, они опираются на фактахъ стараго быта, школы и нравовъ и на фактахъ старой малорусской книжной рѣчи и литературы".

Сочиненіе г. Житецкаго состоитъ изъ 6 главъ, и мы разсмотримъ его послѣдовательно по главамъ.

Въ первой главѣ, озаглавленной: „Строй рѣчи и поэтическій стиль въ народныхъ малорусскихъ думахъ", на пространствѣ 38 страницъ г. Ж. говоритъ о вліяніи риомы на образованіе стиха

Digitized by Google

въ думахъ, неравномѣрности и подвижности стиховъ, построеніи предложеній въ думахъ, мѣстѣ сказуемаго, сложномъ сказуемомъ, нарощеніи рѣчи, скопленіи придаточныхъ предложеній, инверсіи. Вообще эта глава посвящена формальной сторонѣ думъ.

Народная поэзія, въ частности думы, весьма мало изучена въ формальномъ отношеніи. Изъ людей науки лишь Миклошичъ, Зима и Потебня обращали вниманіе на эту сторону народной поэзіи, и все, что сдѣлано ими въ этомъ отношеніи, весьма цѣнно. Мысль г. Ж. заняться поэтическимъ стилемъ и строемъ думъ—мысль очень хорошая; жаль только, что она выполнена неудовлетворительно, и сочиненіе г. Ж. ничего не потеряло бы, если бы первая глава совсѣмъ отсутствовала. Прежде всего, 38 стр. для характеристики строя рѣчи и поэтическаго стиля думъ—слишкомъ мало, особенно мало при стилѣ автора, расплывчатомъ, пространномъ, съ риторическими прикрасами. Затѣмъ, г. Ж. при разсмотрѣніи языка думъ оставляетъ въ сторонѣ цѣнныя сообщенія по этому поводу Миклошича, Зимы и Потебни, даже не упоминая ихъ по имени, что даетъ поводъ къ предположенію, что автору остались вполнѣ неизвѣстными „Die Darstellung im slavischen Volksepos“ [1]), „Serbische Epik“ Миклошича, „Figure“ Зимы, статья Потебни о малор. пѣснѣ XVI в. и многія мѣста въ его „Объясненіяхъ малор. и сродн. пѣсенъ“. Наконецъ, и въ предѣлахъ 38 стр. авторъ не стоитъ твердо на формальной сторонѣ думъ и съ 25-й страницы переходитъ въ сферу фактическаго содержанія.

Въ оглавленіи первой главы находится заманчивое мѣсто: „архаизмы въ лексическомъ составѣ думъ“; въ самомъ же изслѣдованіи этому интересному заголовку отвѣчаютъ лишь двѣ страницы (35—36), гдѣ говорится о церковно-славянскихъ элементахъ въ языкѣ думъ. Тема чрезвычайно интересная и важная, и нужно пожалѣть, что г. Ж. такъ мало обслѣдовалъ архаизмы думъ. Авторъ—спеціалистъ-филологъ, и отъ него мы могли ожидать обширнаго и цѣннаго изслѣдованія о языкѣ думъ. Но онъ ничего другого не хочетъ знать, кромѣ основного своего положенія—о вліяніи письменности на пѣснотворчество народное, и въ этомъ отношеніи впадаетъ мѣстами въ излишнюю односторонность. Такъ, въ вопросѣ объ архаизмахъ въ лексическомъ строѣ думъ авторъ могъ только замѣтить церковно-славянскіе элементы, точно этими элементами исчерпывается весь вопросъ объ архаизмахъ думъ. При такой односторонности правильнѣе было бы въ заглавіи изслѣдованія поставить не „Мысли“, а „Мысль“ Въ частности же по вопросу объ архаизмахъ въ лексическомъ составѣ думъ г. Житец-

---

[1]) Русскій переводъ этого изслѣдованія вскорѣ появится въ I т. „Трудовъ Славянской Коммиссіи“ при Имп. Моск. Археол. Обществѣ.

Ред.

Digitized by Google

кому многое оставалось еще сдѣлать. Если бы сравнить языкъ думъ съ языкомъ Слова о Полку Игоревѣ, затѣмъ съ языкомъ южнорусскихъ литературныхъ памятниковъ XVI—XVII вѣковъ, хотя бы такихъ характерныхъ по лексическому составу, какъ Рѣчь Ивана Мелешка, Перестречи и посланія Іоанна Вишенскаго, наконецъ, съ современной живой малорусской рѣчью, то вопросу объ архаизмахъ думъ пришлось бы посвятить обширную главу, можетъ быть, цѣлую монографію. Теперь же приходится довольствоваться лишь тѣмъ, что авторъ напомнилъ о присутствіи въ думахъ архаизмовъ церковно-славянскаго характера.

О многомъ г. Ж. совсѣмъ умалчиваетъ, напр. о запѣвахъ и припѣвахъ, о чемъ ранѣе А. А. Потебня сдѣлалъ рядъ цѣнныхъ замѣчаній, безъ выдѣленія думъ, что было для г. Ж. спеціальной задачей; ничего далѣе не говорится въ „Мысляхъ“ о такихъ характерныхъ явленіяхъ въ языкѣ славянскаго эпоса, въ частности думъ, какъ повторенія словъ и цѣлыхъ предложеній, эпитеты и сравненія, о чемъ ранѣе говорилъ Миклошичъ въ „Die Darstellung im slav. Volksepos“.

Запѣвы привлекали вниманіе выдающихся ученыхъ, А. А. Потебни и А. Н. Веселовскаго. Въ „Объясненіи малор. и сродн. нар. пѣсенъ“ Потебни находится много цѣнныхъ фактовъ и соображеній. А. Н. Веселовскій въ рец. на „Труды“ Чубинскаго (стр. 37 — 38) даетъ слѣдующую мѣткую характеристику запѣва: „Запѣвы, и теперь еще отличающіеся извѣстной устойчивостью, еще болѣе устойчивые въ древней пѣснѣ, представляются мнѣ ея типическою чертою, зерномъ, изъ котораго развилось цѣлое. Небольшая картинка природы, вечерняя зоронька, сухой дубъ, то и другое среди небольшого дѣйствія, опредѣленнаго простѣйшимъ наблюденіемъ народной жизни; параллелизмъ этого дѣйствія съ моментами личной жизни человѣка, съ настроеніями его чувства; символическій смыслъ, вложенный народнымъ повѣріемъ въ тотъ или другой цвѣтокъ или быліе — и опять нити, протягивающіяся къ человѣческой душѣ, отзывающейся на этотъ символизмъ; наконецъ, простѣйшія положенія людского быта, опредѣленно осмысленныя извѣстными психическими ощущеніями: таковы немногія данныя, изъ которыхъ зародилась народная лирическая пѣсня. Разработка шла путемъ анализа,—какъ и наше обособленное до эгоизма личное чувство растетъ, изощряется и никнетъ — анализомъ, углубленіемъ въ такія стороны чувства, которыя не даны его первымъ моментомъ... Народная пѣсня живетъ повтореніями; она избита, потому что связана немногими мотивами и рядомъ ассоціацій, предуставленныхъ поэтическимъ символизмомъ“.

Мы не имѣемъ основанія требовать отъ автора широкаго изученія запѣвовъ, хотя такое изученіе и не поставили бы ему въ вину; но мы желали бы видѣть изученіе запѣвовъ думъ въ за-

Digitized by Google

висимости отъ теоріи автора о школьныхъ вліяніяхъ, желали бы получить отвѣты на вопросы: не отразилась ли въ запѣвахъ думъ своеобразная логика школьнаго пониманія? сливаются ли они съ обыденными пѣсенными запѣвами?

Малорусскія думы очень любятъ *тавтологію* и въ нихъ на каждомъ шагу встрѣчаются сопоставленія синонимовъ, двойныя слова, повтореніе нарѣчій, предлоговъ. Отмѣтимъ два, три десятка такихъ случаевъ (по сб. Ант. и Драгом.).

Грунтъ—худоба (119),
хлибъ—силь (118),
пыли—туманы (113),
срибро—злато (91),
селомъ—улыцею (80),
звиръ—птыця (117),
щука—рыба...
степъ—долына (139),
стежки—дорожки (II 102),
долыны—яры (79),
доломъ—долыною (80),
часъ—годына (139),
свитлыця—камяныця (211),
кайданы—зализо (89),
пыпа—пышаныця (106),
чужа—чужанина (332, 190),
пітыхъ—копье (II 121),
живъ—здоровъ (116),
мало—немножко (117),
малъ—невелычокъ (113),
батькова—матчина (111, срв. 180, 187),
сира—сирыця (90),
сіе—посивае (80),
стучить—гремыть (31),
бере—хапае (109),
стеле—покладае (116),
квиле—проквиляе (177),
мыто—промыто (II 21),
суды—судыты (49),
рады—радылы . .
обидъ—обидае (248),
сикты—рубаты. . .
думаты—гадаты (108),
пыты—пидпываты (212),
пыть—гулять . . .
леньмо—поленьмо. . .
кляла—проклинала (91),
бижыть—пидбигае (332),
потурчила—побасурманила. . .

и т. д.

Въ южнославянскомъ эпосѣ и въ эпосѣ великорусскомъ обнаруживается то же самое повтореніе не только предлоговъ, но именъ существительныхъ, сопоставленіе синонимовъ, разнообразные виды тавтологіи. Такъ, у сербовъ тамница тавна, болг. темна темница, велик. молоденьки молодушки, свѣтлая свѣтлица и др. (Miklosich, Die Darst. 7—26). Любопытныя аналогіи у Гомера указаны Миклошичемъ въ цитир. сочиненіи.

Изученіе *повтореній* въ предѣлахъ думъ также могло бы уяснить кое-что въ ихъ характерѣ и содержаніи. Акад. А. Н. Веселовскій такимъ образомъ объясняетъ повторенія въ народныхъ пѣсняхъ: „Нѣкоторыя сцены, образы до такой степени возбуждаютъ поэтическое вниманіе, такъ захватываютъ духъ, что отъ нихъ не оторвать глаза и памяти, какъ бы ни было впечатлѣніе болѣзненно, томительно, и, можетъ быть, потому именно, что оно томительно, что оно щемитъ душу, имъ не насытиться за-разъ. Веселые мо-

Digitized by Google

менты жизни переживаются быстрѣе.... Народная поэзія и поэзія, стоящая подъ ея вліяніемъ, ближе воспроизводятъ дѣйствительный процессъ психическаго акта. Въ каждомъ комплексѣ воспоминаній, преимущественно патетическихъ, есть одно, почему бы то ни было становящееся поверхъ другихъ, какъ бы ихъ покрывающее, дающее тонъ всему. Воспоминанія тянутся вереницей, возбуждая различныя ассоціаціи, разбѣгаясь за ними въ сторону, и снова возвращаются къ основной нотѣ и (основному) образу („Нов. изслѣд. о франц. эпосѣ", изъ оттиска). Очень любопытный примѣръ повторенія въ малорусской думѣ (у Ант. и Драг. I 100, № 33) приведенъ А. Н. Веселовскимъ въ цитированной статьѣ съ указаніемъ весьма характерной параллели въ пѣснѣ о Роландѣ. Г. Житецкому эта статья акад. Веселовскаго осталась неизвѣстной.

Г. Ж. не обратилъ вниманія на *сравненія*, а при изученіи сравненій не лишнимъ было бы вспомнить кое-гдѣ о Словѣ о Полку Игоревѣ, напр. на стр. 123, при стихѣ думы о Корсунской битвѣ:

Не вербы-жъ то шумилы и не галки закричалы:
Тожъ козаки зъ ляхамы пыво варыть зачиналы.

Сравненіе враговъ ляховъ съ галками и битвы съ пиромъ воспроизведено по старому эпическому образцу, внѣ вліянія виршъ.

Г. Житецкій также не обратилъ вниманія на *эпитеты*; объ этомъ нужно тѣмъ болѣе пожалѣть, что изученіе эпитетовъ въ думахъ могло бы кое-что уяснить по главному вопросу о вліяніи письменности на поэзію народную. Нѣтъ надобности здѣсь разъяснять, какое важное значеніе имѣетъ эпитетъ въ народной поэзіи; во многихъ случаяхъ эпитетъ является обломкомъ стариннаго міросозерцанія и быта, обломкомъ древнѣйшаго живописнаго состоянія языка. Въ виду такого важнаго значенія эпитетовъ, недурно было бы выбрать ихъ изъ думъ (хотя бы изъ одного сборника гг. Антоновича и Драгоманова), разставить въ алфавитномъ порядкѣ, при чемъ опредѣлились бы характерные пріемы художественнаго опредѣленія природы и быта, затѣмъ распредѣлить эпитеты въ предметномъ порядкѣ, что можетъ привести къ любопытнымъ историко-культурнымъ выводамъ, и, наконецъ, остановиться на нѣкоторыхъ эпитетахъ, особенно интересныхъ для историка культуры и психолога. Такая работа могла бы быть произведена приблизительно въ такомъ видѣ:

Бидны невольники (I 88, 90 и др.), Билый камень (I 31, 107), рука (83), нога, лицо, свѣтъ, снѣгъ, габа ((I 219), скамья (I 211), челядь (I 86, 109), Битый шляхъ (I 81, 83), Близка сусида (I 91, 190), Божій свитъ, Буйный витеръ (I 80, 111), Булатна сабля (I 121), Быстрый конь (I 33), хвыля (I 89), рѣка, Велики дороги росхидныи (I 116), диво (185), грихъ (186), Веселый край (I 191), Вирна жона (I 89), Вороный конь

Digitized by Google

(I 8, 31 и др.), Высока степь (I 116), Гнѣдый конь (Голов. I 12), Гордый панъ (I 8), Горячыи слезы., Гострый мечъ (I 31), Далека дорога (I 138, 139), Добрая рада (I 1 и др.), Дрибенъ дощъ (I 9, 80), великор. мелкой частой дождикъ (Труды Яросл. Губ. Ст. Ком. I 13), листе-письмо (I 135), слеза, Жовтая коса (I 86), чоботы (Голов. II 50), мѣдь на воротахъ (I 31), кость (I 89), Зеленый яворъ (I 85), дубъ (I 134), жупанъ (I 87, 116), диброва (83), Злая хуртовына (I 186), Золотой волосъ (I 83), столъ (8), човенъ (2), весло (1), перстни (2 и др.), соха (53), грива (3), сѣдло (2), серпы (79), мечъ (46), златосини киндяки (219), Калинова стрѣла (2), Камяна темница, Кленови уши коня (35), Кованый возъ (Голов. I 92), поясъ (Гол. II 50, Ант. I 43, 47), Кривава ничъ (I 185), Кришталева фляшка (I 77), Кровна родына (I 91), Мидяны човна (I 1), сошникъ (53), Мизине дзецко (I 39), палецъ (184), Милосердный Господь (I 90, 88), Опрани кульбаки (I 114), Павяный винокъ (I 43), Перлова тканка (Гол. II 50)., Пильна годына (Ант. II 6)., Пирскій конь (I 35). Писаня скрыня (Гол. I 13). Простая дорога (I 91), люди (187), Рудая сукня (I 43). Руса коса (I 135, 138)., Святое море (I 182), недиля (88), небо (194), церква (184), письмо (185 и сл.), Семипьядна пищаль (I 111, 219), Сердешни товарищи (I 192). Сивый конь (I 35, 6), волы (43), голубъ (93), зозуля (111), Сиза зозуля, орлы (88, 111), Сыре коринія (I 107), вовки сироманци (111). Синее море (99 и др.), Смертельный грихъ, мечъ (187), Срибныи пидковы (I 35), полыця (53), Старыя жоны (I 184), вдовы (187), мать (192), Супротывня хвыля (I 191), Темный похоронъ (I 117), ничка (118), лѣса (7, 83), Тисови синци (I 44), Тихи воды (I 89), Тяжка неволя (I 88), Хрещеный народъ (I 191 и др.), Червоне убране (I 87), каптанъ (108), китайка (116), таволга (89), Чисте поле (I 7, 43), Чорный пожаръ (I 114), кровь (85), мажа (86), китыця (108), аксамитъ (165, 167), очи, брови (87, 117 и др.), воронъ (85, 117), хмара (79), Чудныя стороны (I 184), Широкій танецъ (I 36), Шовковый наметъ (I 8), хвостъ коня (35), Яворовы сходци (I 44), Яріи пчолы (I 40), пшеница (79), Ясный соколъ (I 95), огонь (77), зори (90), сонце, (ib.), зброя, мисяць, и т. д.

Цвѣтовые эпитеты самые распространенные. Въ изслѣдованіи Миклошича „Die Darstellung im slavischen Volksepos“ мы находимъ подборъ наиболѣе встрѣчающихся эпитетовъ сербскихъ, хорватскихъ, болгарскихъ, великорусскихъ и малорусскихъ. Въ сербскихъ пѣсняхъ эпитетъ „бѣлый“ прилагается къ разнымъ частямъ человѣческаго тѣла. У Гомера—„бѣлый“ локоть, зубы, ячмень, городъ. У сербовъ также „камена тавница“, „руса коса“. Море—синее у сербовъ и великоруссовъ. Мелкое, дробное—ситное письмо у бол-

Digitized by Google

гаръ и сербовъ. Голубь и соколъ сивые и въ южнославянскомъ эпосѣ. Здѣсь же находимъ „вѣрную жену“, „зеленый“ боръ, ель, садъ, „золотые“ ключи, кольца, колыбель, чаши, вѣнки, „желтые“ сапоги (papuč'a), „бѣлую“ пшеницу, „ясное“ солнце, мѣсяцъ и звѣзды, „широкія“ дороги, „тихія“ воды Дуная, „вороныхъ“ коней; у великоруссовъ повторяются почти всѣ эпитеты думъ: „каленая“ стрѣла, „ясный“ соколъ и солнце, „каменныя“ палаты, „темные“ лѣса и темницы и др. (подроб. у Миклошича въ Die Darstellung... 26—40).

При группировкѣ эпитетовъ раскрывается широкая и живописная картина украинской природы, стариннаго быта, одежды, вооруженія, пищи и пр., напр.: поле чистое (I. 7, 43) [1]), степь высокая (116), дороги простыя (91), или „велыки росхидніи“ (116), широкія, далекія (138, 139), дворъ, обмурованный бѣлымъ камнемъ, ворота изъ желтой мѣди (31), тесовыя сѣни, яворовое крыльцо (44), теремъ золотомъ писаный (45), вазы кованыя (Гол. I 92), мажи черныя (Ант. I 86), въ комнатахъ скамьи бѣлыя (211), скрыни писаныя (Гол. I 13), фляшки хрустальныя (Ант. 77) столы кедровые, миски мѣдныя, ложки золотыя (297), кафтанъ красный съ черными снурками (108), у женщинъ и мужчинъ жупаны зеленые (87, 116), рубашка бѣлая, какъ снѣгъ, тонкая, какъ листъ, шапочка, якъ макъ дрибненька, съ „стрюцевымъ“ (т. е. страусовымъ) перомъ, дорогая матерія „златоглавъ“ (парча) для атамана (219), для казаковъ сукни адамашки (Гол. I 13, 19), иногда чорный аксамитъ (Ант. 165, 167), у гетмана золотой перстень на мизинцѣ (II 4), кованый поясъ, на ногахъ шнурованыя битки, т. е. ботики (Гол. II 50, 74 Ант. I 43) сапоги изъ желтой кожи (Гол. II 50), у пояса шелковый платокъ (Ант. II 4), стрѣла каленая, сабля булатная, золотая (921, 49), мечъ золотой, острый, пищаль семипядная (111, 219), кони сивые, гнѣдые, большею частью вороные, вообще быстрые, и въ добавокъ—съ „кленовыми ушками“ (35) и „серебряными подковами“ (ib.). Нѣкоторыя детали, вѣроятно построены на древней бытовой дѣйствительности, о чемъ см. Ант. и Драг. I, стр. 47 и 49.

Нѣкоторые эпитеты представляютъ большой интересъ. Таковъ, напр., эпитетъ „жовта коса“ для обозначенія красавицы. Въ старинной пѣснѣ о трехъ поповнахъ, взятыхъ въ плѣнъ турками, одна изъ плѣнницъ говоритъ:

Косо моя жовтенькая! Визникъ бичемъ рострипуе
Не маты тя росчесуе, (Ант. и Др. I. 86).

Въ сербской и болгарской народной поэзіи у красавицы коса также русая. Миклошичъ замѣчаетъ по этому случаю въ од-

[1]) Однѣ цифровыя ссылки, какъ и выше, относятся къ сборнику Антоновича и Драгоманова.

Digitized by Google

номъ мѣстѣ: „Das Epitheton muss uralt sein, da heutzutage röthliches Haar bei den Serben zu den Seltenheiten gehört“, и въ другомъ мѣстѣ вспоминаетъ, что „damit stimmt die Nachricht von Prokopios überein, wonach die Slaven blond ὑπερυθροὶ waren“ (Die Darstellung... 31, 36). Любопытно, что въ средневѣковой Европѣ въ произведеніяхъ поэтовъ провансальскихъ, французскихъ, испанскихъ, италіанскихъ и германскихъ красавица—блондинка; у нея золотистые волосы, и въ то-же время прославляются черныя брови дугою, какъ въ малорусскихъ пѣсняхъ „очи кари“. Въ этой мелочи обнаруживается то родство психіи малороссовъ съ западноевропейскими народами, какое въ болѣе яркихъ формахъ сказывается въ существованіи у малороссовъ множества западныхъ легендъ, новеллъ и фацецій, въ обиліи заимствованныхъ нѣмецкихъ, польскихъ и румынскихъ словъ. Итальянскій ученый Реньяръ въ предпочтеніи въ средневѣковой поэзіи типа блондинки склоненъ видѣть антропологическій фактъ: арійцы — бѣлокурая раса. А. Н. Веселовскій высказывается противъ этого мнѣнія, въ томъ предположеніи, что согласіе средневѣковой лирики въ культѣ бѣлокурой красавицы есть согласіе чисто литературное, причемъ источникомъ нужно считать сравнительно болѣе древнюю лирику провансальскую и старофранцузскую. Почтенный академикъ идетъ далѣе и говоритъ, что народная пѣсня (приведена одна сицилійская) не подтверждаетъ расоваго предрасположенія къ блондинкамъ (В е с е л. „Новыя изслѣд.“, отд. отт.). Вопросъ этотъ, мнѣ кажется, получитъ болѣе полное разрѣшеніе съ подборомъ бо́льшаго числа фольклорныхъ фактовъ, и въ такомъ случаѣ такая мелочь, какъ „жовта коса“ малорусскихъ думъ, не лишена значенія, давая одинъ шансъ на сторону мнѣнія Реньяра.

Есть въ эпосѣ славянскомъ, въ частности въ думахъ, такія стороны, которыя совсѣмъ не обслѣдованы, о которыхъ ни Миклошичъ, ни Потебня не говорили, и которыя представляютъ большой научный интересъ. Таковы *описательныя выраженія* и общія мѣста. У г. Ж. о нихъ помину нѣтъ. Между тѣмъ спеціальное изученіе общихъ мѣстъ и описательныхъ выраженій проливаетъ большой свѣтъ на психологію народную, въ особенности при сравнительномъ методѣ. Описательныя выраженія являются часто живой характеристикой предмета или народнаго взгляда на него, и при формальномъ своемъ значеніи не лишены историко-культурнаго содержанія.

Описаніе Украины въ думахъ типичное:

Вызволь, Боже, всихъ
бидныхъ невольникивъ
На тыхи воды,
На ясни бори,
У край веселый,
У мыръ хрещеный,
Въ города христіанськи
(I 90).

Digitized by Google

Описательное выраженіе *многочисленнаго непріятеля*:

Ой по горахъ огни горять,
По долынахъ дымы курять (I 286).

Для выраженія *презрѣнія:*

Не подобало бъ тоби надъ нами, козакми, гетьмановаты,
А подобало бъ тоби наши козацьки курени пидмитаты (II 122).

Для выраженія *изумленія*:

Гей вдарывся та панъ Савва по полахъ руками (Голов. I 20)...
Ударится объ полы руками,
Обильется дрибными слёзами (Ант. и Др. II 5).

Для выраженія поспѣшнаго *бѣгства:*

... Голыми пятами накивавъ (Ант. II 27).

Это типичное выраженіе повторяется въ „Енеидѣ" Котляревскаго.

Въ думахъ много описательныхъ и общихъ выраженій *для битвы и убійства*, въ зависимости отъ возникновенія думъ въ бурное военное время:

Всю мою землю Волоську обрушывъ,
Все мое поле копьемъ изоравъ,
Усимъ моимъ волохамъ, яхъ галкамъ,
Зъ пличъ головки познимавъ,
Де булы въ поли стежки-дорожки,
Волоськими головками повымощувавъ,
Де булы въ поли глыбокіи долыны,
Волоською кровъю повыповнювавъ (II 102)...
.... Мои турки-янычары
Стали вси въ пень порубаны (I 210)...
Перебійнысъ узявъ ляхивъ... у снопы класты...
Нечай... взявъ ляхамы, якъ снопамы, по два ряды класты (II 46).

Послѣдній образъ прямо отвѣчаетъ мѣсту въ Словѣ о Полку Игоревѣ: „на Немизѣ снопы стелютъ головами" и пр.

Еще: тиломъ своимъ панськимъ комары годуваты (II 5).

Взявъ соби за жиночку
Въ чистомъ поли могилочку.
. . . . . .
... Три барвы на рокъ убираю:
Ой убираю на веснѣ та зелененькую,
А въ осени чорненькую, а въ зимѣ бѣленькую (Голов. I 11).
Ой волилы Нечаенька въ дрибный макъ сѣкаты (Голов. I 9).

(Въ „Этнограф. Обозр." кн. XVI мною собраны пѣсни на этотъ мотивъ).

Digitized by Google

Описательныя выраженія *никогда,* о чемъ см. мою статью въ XVI кн. „Этнограф. Обозр.“ (1893 № 1), стр. 59 — 60; кромѣ того, у Ант. и Др. I 271, Гол. I 98, II 6.

Общее выраженіе для *гибели, смерти*—„надъ NN чорный воронъ кряче“ (напр., у Голов. I 9). Чорный воронъ любитъ падаль, и эта черта отразилась во многихъ пѣсняхъ, поговоркахъ и повѣрьяхъ, о чемъ см. мою статью въ „Этнограф. Обозр.“ кн. IV. Въ исторической пѣснѣ о двухъ сестрахъ - плѣнницахъ чорный воронъ пьетъ кровь человѣческую (Ант. и Др. I 85). Твардовскій въ описаніи осады Збаража казаками въ 1649 г. говоритъ, что казаки ругали осажденныхъ поляковъ и кричали имъ: „сдавайтесь, задерживаете кормъ воронамъ“ (ib. II 55). Повѣрье о злов̀ѣщихъ воронахъ отразилось въ заговорахъ, Словѣ о Полку Игоревѣ и др. памятникахъ древности, о чемъ см. въ III т. изслѣд. Е. Барсова о Словѣ о П. И., стр. 103, 172—174.

Любопытно общее мѣсто малорусскаго эпоса: *казакъ топчетъ конемъ дѣтей.* Такъ Алексѣй Поповичъ—

... зъ города выбигавъ,
Триста душъ дитей маленькихъ
Конемъ своимъ розбывавъ (I 179).

Богданъ Хмельницкій въ думѣ про угнетеніе Украины жидами

До польскаго города прибувавъ...
А которыи бувалы мали диты,
То винъ и киньмы порозбывавъ (II 28).

Другое общее мѣсто *пить съ кумой*:

Нечай съ кумою медъ-вино кружае (Гол. I 8, Ант. и Драг. II 58, 62 и мн. др.).

Далѣе типично *сравненіе войны съ пиромъ*, напр. въ думѣ про угнетеніе Украины жидами (II 29) и въ думѣ про Корсунскую битву (II 33),—черта архаическая, хорошо извѣстная по Слову о Полку Игоревѣ.

Наряду съ типичнымъ выраженіемъ *угнетенія* въ видѣ *пьзды на женщинахъ*, что встрѣчается въ древней лѣтописи и во многихъ народныхъ преданіяхъ и сказкахъ, стоитъ близкое къ нему locus communis—*оранье поля людьми*, напр. въ думѣ про угнетеніе Украины жидами (мститель Богданъ Хмельницкій):

Та старыми жидами оравъ,
А жидивками боронувавъ (II 28).

Въ галицкихъ варіантахъ думъ часто встрѣчается *писаніе писемъ* I 12, 18, 19, 46, 48, 93, 104, 108, что можетъ указывать на сербскія литературныя вліянія, такъ какъ въ сербской народной поэзіи писаніе писемъ—излюбленное общее мѣсто.

Digitized by Google

Стрѣльба въ цѣль въ думахъ о Байдѣ (у Гол. I 2 и др.) встрѣчается, какъ общее мѣсто, въ великорусскихъ былинахъ, въ сербскихъ юнацкихъ пѣсняхъ, въ историческихъ преданіяхъ и сказкахъ разныхъ народовъ, о чемъ подробности см. въ моей статьѣ о народныхъ сказаніяхъ объ искусномъ стрѣлкѣ въ „Этнограф. Обозр.“, кн. V, 130 (Вильгельмъ Телль, Ханенко и др. мѣткіе стрѣлки).

Обращеніе къ птицамъ, чаще всего къ орлу, представляется въ думахъ также общимъ мѣстомъ. Средневѣковый греческій эпосъ и ново-греческія пѣсни полны разсказовъ о дружбѣ между птицами и героями. Обычный мотивъ: птица извѣщаетъ героя о постигшемъ его несчастіи (Дестунисъ, XXXIV т. Сборн. Акад. Н. № 1, 21).

Не однѣ думы заслуживали болѣе обстоятельнаго изученія со стороны слога и отдѣльныхъ выраженій; и въ тѣхъ виршахъ, которыя въ обиліи приведены въ книгѣ г. Ж., есть много замѣчательныхъ образовъ и характерныхъ выраженій. Ограничимся двумя примѣтами:

Хто на семъ свѣтѣ безъ долѣ вродился,
Тому свѣтъ марне, якъ коломъ точился (колесомъ катился).
Лѣта плинуть марне, якъ быстрыя рѣки,
Часы молодые, якъ зъ дожду потоки,
Все то марно минаетъ (стр. 76).

Для стилистической оцѣнки этого мѣста не лишено значенія слѣдующее выраженіе въ былинахъ о Добрынѣ: „Стала ждать Настасья Добрыню; ждетъ три года; день за днемъ, будто дождь дождитъ, недѣля за недѣлей, какъ трава растетъ, а годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжитъ“ (Кирѣев. II 7, Рыбник. II 23, 26).

Въ другой виршѣ:

Пройшлы лита скоро, якъ быстрыи рикы,
А я живу при несчасти черезъ уси викы;
Віютъ витры въ степу—запрету не маютъ,
Идутъ мысли въ день и въ нощи—спокою не даютъ (77).

Для опредѣленія внутренняго значенія и художественной силы этого образа, не лишне будетъ привести превосходное стихотвореніе А. Пушкина „Зачѣмъ крутится вѣтръ въ оврагѣ“ (см. „Рус. Филол. Вѣстн.“ 1893, III, стр. 159 и сл.). Образъ малорусскаго школьнаго поэта XVII в. совпадаетъ съ высоко художественнымъ образомъ въ одномъ изъ лучшихъ стихотвореній Пушкина. Такія сопоставленія не лишены значенія. Они объясняютъ силу образа, что̀ на руку г. Житецкому, въ смыслѣ утвержденія его основной мысли о вліяніи виршъ на думы.

На стр. 107, въ виршѣ, еврей говоритъ, что умершій раввинъ „теперь исть въ небѣ вола соробора“. Г. Ж. послѣ „соробора“

Digitized by Google

ставитъ: (sic); слово это взято, вѣроятно, изъ Талмуда; „волъ шараборъ“ упоминается въ „Мессіи Правдивомъ“ Галятовскаго и, что любопытно, также въ видѣ насмѣшки надъ евреями.

Обстоятельное изученіе формальной стороны думъ могло устранить нѣкоторыя недостаточно ясныя и не вполнѣ правильныя сужденія о фактической сторонѣ ихъ. Такъ, на стр. 21 г. Ж. проклятіе, встрѣчающееся въ невольницкихъ думахъ, обращенное къ ненавистной землѣ турецкой, объясняетъ съ историко-бытовой точки зрѣнія. Разумѣется, такая точка зрѣнія здѣсь возможна; но при этомъ въ статьѣ о строѣ рѣчи слѣдовало бы замѣтить, что форма проклятія основана не только на явленіяхъ жизни и не всегда, служила выраженіемъ факта, а часто бывала простымъ эпическимъ пріемомъ, и въ думахъ часто имѣетъ исключительно формальное значеніе loci communis. Съ такимъ значеніемъ чаще всего является проклятіе сына матерью, напр. въ думахъ про Морозенка (*Помп. писни* I 131), въ шотландскихъ балладахъ объ убійствѣ брата братомъ (Child, The englisch and scot. ballads, II № 49). Въ цѣнномъ изслѣдованіи Луки Зимы: „Figure u našem narodnom pjesničtvu“ (1880 г.) проклятіе выдѣлено, какъ самостоятельная фигура народнаго эпоса (140—142). Эта риторическая фигура извѣстна была и древнимъ—ἀρά, execratio). Въ сербскомъ эпосѣ проклятія очень распространены и разнообразны, какъ видно изъ сочиненія того же г. Зимы:

На стр. 12 г. Ж. говоритъ, что „историческій реализмъ въ изображеніи явленій жизни сообщаетъ во многихъ случаяхъ языку думъ прозаическую реальность, которая встрѣчается обыкновенно въ дѣловой рѣчи писателя, обдумывающаго и исправляющаго каждую фразу своего сочиненія сообразно съ требованіями грамматической логики“, и далѣе, какъ объяснительный примѣръ, приведено описаніе бури на Черномъ морѣ въ думѣ про Алексѣя Поповича:

... на Чорному мори не гараздъ починае,
На святому неби уси звизды потьмарыло,
Половына мисяця у тьму уступыло...

„Видно усиліе мысли, говоритъ г. Житецкій, выразительно указать на то, что происходило на небѣ и на морѣ“. Такого рода картины, повидимому, по плечу народнымъ поэтамъ, и созданіе такихъ картинъ не требовало особенныхъ усилій мысли. Въ шотландской балладѣ, сложенной подъ прямымъ вліяніемъ средневѣковой легендарной литературы о чудесахъ Пресв. Богородицы, о чемъ подробно см. въ моей статьѣ въ I кн. „Кіев. Стар.“ 1894 г., находится подобная картина морской бури:

It fell upon a Wodensday
Brown Robyn's men went to sea,

Digitized by Google

But they saw neither moon nor sun,
Nor starlight wi their ee. (Child, The engl. ballads III 18).

Затѣмъ, помимо историческаго реализма, картина бури въ думѣ про Алексѣя Поповича могла возникнуть подъ литературными вліяніями.

Въ концѣ первой главы г. Ж. говоритъ: „Во всякомъ случаѣ, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что творцы думъ были люди отчасти книжные, и что они способны были не только къ усвоенію книжныхъ вліяній, но и къ переработкѣ ихъ въ народномъ духѣ. Къ тому же выводу приводитъ насъ и наблюденіе надъ построеніемъ предложенія, какъ въ думахъ, такъ и въ старинной малорусской прозѣ. Обычное явленіе въ ней—это постановка глагольныхъ сказуемыхъ въ концѣ предложенія, отчего получается иногда своего рода стихъ, риѳмованный такимъ же образомъ, какъ и стихъ думъ". Далѣе авторъ прибѣгаетъ къ очень интересному пріему: именно сопоставляетъ нѣкоторыя мѣста думъ съ старинными памятниками письменности. Жаль, что у автора всѣ сопоставленія улеглись на одной страницѣ (37-й), причемъ взято только три отрывка думъ, и сравненіе произведено лишь съ тремя, притомъ поздними, памятниками: „Словомъ о бездождіи" (конца XVII в.), „Мессіей Правдивымъ" Галятовскаго (1665 г.) и „Казаньемъ на соборъ пресв. Богородицы" по рукоп. 1751 г. То-же явленіе—глагольная риѳма—обнаруживается въ гораздо болѣе раннихъ памятникахъ южно-русской письменности, современныхъ возникновенію наиболѣе старинныхъ думъ, напр., въ политическомъ памфлетѣ и бытовой сатирѣ конца XVI в., извѣстной подъ названіемъ „Рѣчи Ивана Мелешка на варшавскомъ сеймѣ 1589 г.", и въ посланіяхъ южнорусскаго писателя конца XVI в. Іоанна изъ Вишни (Вишенскаго).

Опредѣленіе думы, какъ особаго вида народнаго пѣснотворчества, у г. Ж. не отличается достаточной опредѣленностью. На стр. 7-й г. Ж. говоритъ: „въ думѣ передается *продуманный* (подчеркнуто г. Житецкимъ) разсказъ о событіи, и оттого поэтическая рѣчь думы требуетъ такого стиха, который бы безусловно принадлежалъ мысли, который бы отзывался на всѣ ея малѣйшія требованія"; на стр. 17-й: „отъ народной малорусской думы именно вѣетъ думой пѣвца, которая располагаетъ слушателей къ размышленію, къ раздумью"; на стр. 19-й: „вообще въ думахъ дѣйствующія лица изображаются людьми размышляющими, думающими". Квалификація думъ, какъ продуманныхъ произведеній, отвѣчающая основной теоріи автора о большомъ вліяніи на думы письменности, недостаточно опредѣляетъ думы. Продуманность свойственна всей народной поэзіи, и нѣкоторыя лирическія пѣсни проникнуты такой глубокой мыслью, какой нельзя встрѣтить въ думахъ. Таковы, напр., пѣсни: „Ой кудро, кудро, кудрявая" и „Ой шлы чумаки зъ

Digitized by Google

Украины", обслѣдованныя А. А. Потебней въ I т. „Объясненій малор. и сродн. пѣс." (стр. 247, 267), также нѣкоторыя колядки и др. Г. Ж. правъ въ томъ смыслѣ, что на думахъ лежитъ своеобразный отпечатокъ размышленія, что при своеобразномъ, большею частью историческомъ ихъ содержаніи и своеобразной формѣ въ видѣ длинныхъ и неравномѣрныхъ стиховъ, составляетъ наиболѣе характерную особенность думъ.

По объему и внутренней цѣнности главное значеніе въ изслѣдованіи г. Ж. имѣютъ 2 и 3 главы, гдѣ говорится о странствующихъ школьникахъ въ старинной Малороссіи и о старинныхъ малорусскихъ виршахъ. Вирши разсмотрѣны по тремъ рубрикамъ: вирши нравоучительныя, нравоописательныя и историческія. Эти двѣ главы занимаютъ 100 страницъ; онѣ сравнительно съ другими главами богаче внутреннимъ фактическимъ содержаніемъ и, что въ особенности цѣнно, содержаніе это большею частью извлечено изъ неизданныхъ рукописей Кіево-Михайловскаго монастыря и Церковно-Археол. Музея при Кіев. Дух. Акад., а также изъ рукоп. сборника Кибальчича XVIII в.

Слабыя стороны этой наиболѣе крупной части изслѣдованія г. Ж. состоятъ въ слѣдующемъ:

Выдвигая на первый планъ положеніе о вліяніи школьной литературы, преимущественно виршъ, на думы, г. Ж. раннія явленія народной словесности объясняетъ, сравнительно съ ними, поздними книжными памятниками. Думы, какъ извѣстно, существовали уже въ концѣ XVI в., а наиболѣе старинные образцы нравоучительныхъ, нравоописательныхъ и историческихъ виршъ г. Ж. приводитъ изъ памятниковъ половины XVII в.: «Лѣкарства роскошникамъ того свѣта», «Острожскаго лямента», или изъ еще болѣе новыхъ памятниковъ XVIII в., вертепной драмы, рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ.

Затѣмъ, авторъ книжное вліяніе опредѣляетъ нѣсколько односторонне, усматривая его лишь въ виршахъ, вообще въ школьныхъ издѣліяхъ стараго времени. Совсѣмъ въ сторонѣ оставлены другія литературныя вліянія, напр., вліяніе западно европейской и малорусской легендарной литературы. Такъ, одна изъ лучшихъ думъ—объ Алексѣѣ Поповичѣ и бурѣ на Черномъ морѣ—стоитъ въ тѣсной связи съ легендами о покаяніи грѣшника на морѣ и спасеніи его при участіи Пресв. Богородицы, о чемъ см. мою статью въ 1 кн. „Кіев. Стар." 1894 г. Это вліяніе можно усмотрѣть не только въ основной фабулѣ разсказа, но и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ; напр., въ легендѣ, нашедшей мѣсто въ „Запискахъ" Петра Могилы, говорится, что казаковъ, возвращавшихся съ морского похода на Турцію, захватила страшная буря —„волны противныя",—и въ думахъ про Алексѣя Поповича вездѣ выдвинута „злосопротывна хвылечка".

Digitized by Google

Нѣкоторыя малорусскія вирши могли возникнуть подъ вліяніемъ западныхъ мистерій, на что уже было указано въ одной небольшой статейкѣ (въ 6 стр.), напечатанной въ галицкомъ альманахѣ «Ватра». Въ замѣткѣ этой рѣчь идетъ о напечатанной въ іюньской кн. «Основы» 1862 г. пасхальной виршѣ о томъ, какъ Люциферъ подружился въ аду съ Іудой, какъ сошелъ въ адъ Христосъ и освободилъ грѣшниковъ, оставивъ въ аду только Соломона и Каина. Люциферъ опасаясь, чтобы Христосъ не пришелъ вторично въ адъ за Соломономъ, выгналъ Соломона изъ ада. Вирша обширная, въ 118 стиховъ. Хотя основное содержаніе этой вирши построено на апокрифическомъ евангеліи Никодима, но ближайшимъ источникомъ ея была нѣмецкая пасхальная драма. Для объясненія вирши приведено одно мѣсто нѣмецкой драмы XIV в. о сошествіи Спасителя въ адъ. Украинская вирша обращается съ религіознымъ содержаніемъ мистеріи свободно и фамильярно. Мотивъ объ изгнаніи изъ ада Соломона съ небольшими измѣненіями (вмѣсто Соломона—священникъ повторяется въ нѣмецкой драмѣ: «Christi Auferstehung», по рукописи 1464 г.

Можно думать, что средневѣковая латинская и болѣе поздняя нѣмецкая и польская духовная лирика оказали вліяніе на малорусскія старинныя вирши, въ особенности на вирши нравоучительныя. Вообще малорусская схоластическая литература XVII в. стоитъ въ прямой связи съ средневѣковой европейской схоластической литературой, и такое же сходство обнаруживается во всемъ строѣ и содержаніи южнорусской культуры XVII в. Не даромъ мы у южнорусскихъ писателей XVII в., особенно часто у Галятовскаго, встрѣчаемъ Ансельма Кентерберійскаго, Ѳому Аквинскаго, Дунса Скота, Петра Альфонса, Кантипрата, Лирануса и др. схоластическихъ писателей XII—XIV вѣковъ. Въ народной и полународной виршевой литературѣ малорусской XVII в. обнаруживается значительное сходство съ Vagantenlieder средневѣковой Европы.

Христіанская латинская поэзія очень рано возникла на западѣ, въ Италіи, гдѣ она первоначально по самому языку могла пользоваться большимъ распространеніемъ, была памятна не однимъ церковникамъ, но вообще образованнымъ людямъ, грамматикамъ и риторамъ, которые не переводились въ Италіи съ древнѣйшихъ временъ. Въ XII в. латинская поэзія развилась во Франціи, благодаря возникновенію умственныхъ интересовъ и общему подъему образованія, и почти одновременно она проникла и укрѣпилась въ Германіи въ кругу грамотныхъ людей. Составленіе виршей стало признакомъ образованности. Нѣкоторые писатели пріобрѣли въ этой области громкую извѣстность, преимущественно во Франціи (Стефанъ Орлеанскій, Петръ Блуаскій, Гиларій). Выработаны были опредѣленныя формы стиха и правила стихотворства: hexametri

Digitized by Google

consonantes, leonini, caudati, peractherici, repercussivi, pariles, dactylici, reciproci, retrogradi, concatenati, intercisi, circulati, citocadi (Hubatsch, Die lateinischen Vagantenlieder d. Mittelalters, 7). Стали вырабатываться самые мотивы, напр., мотивъ помилованія о грѣхахъ. Такъ, клюнійскій монахъ Бернардъ фонъ-Морла (XII—XIII в.) въ виршѣ въ 3000 гекзаметровъ, съ риѳмами на концѣ и ассонансами въ серединѣ, оплакивалъ порочность и непрочность мірской жизни. Самое начало этой длинной вирши напоминаетъ многія позднѣйшія малорусскія вирши:

Hora novissima tempora pessima sunt, vigilemus.
Ecce minaciter imminet arbiter ille Supremus

Латинская духовная поэзія стояла самостоятельно въ ряду съ поэзіей рыцарской и поэзіей народной. Въ то время, какъ двѣ послѣднія, въ особенности поэзія народная, ограничены были національными рамками, латинская поэзія была дорогой гостьей во всѣхъ западныхъ католическихъ странахъ, преимущественно въ средѣ образованныхъ людей. Латинскій языкъ и схоластическая школа были главными ея пропагандистами, и потому неудивительно, что и въ Малороссіи со времени Петра Могилы сильно развиваются вирши, какъ отраженіе уже заглохшей къ тому времени на западѣ латинской духовной поэзіи.

Малорусскіе „мандрованные“ дьяки и школьники— пиворѣзы XVII в.—своеобразное мѣстное „культурное переживаніе“ западноевропейскихъ странствующихъ школяровъ, такъ называемыхъ вагантовъ и голіардовъ, которые процвѣтали въ западной Европѣ въ XII в. въ роли главныхъ разсадниковъ свѣтской латинской лирики. Ваганты—странствующіе грамотѣи-церковники. Ходили они изъ города въ городъ, изъ страны въ страну, пользуясь покровительствомъ закона и доброхотными даяніями горожанъ и рыцарей. Извѣстенъ указъ Фридриха Барбароссы 1158 г. о свободномъ путешествіи клериковъ по всей странѣ. Одинъ изъ средневѣковыхъ писателей говоритъ: „Urbes et orbem circumire solent scholastici, ut ex multis litteris efficiantur insani... ecce quaerunt clerici Parisii artes liberales, Aureliani auctores, Bononiae codices, Salerni pyxides“ (Hubatsch, 14). Странствующіе пѣвцы церковники составляли товарищества, и уже во Франціи имъ дано общее наименованіе голіардовъ, причемъ въ одномъ постановленіи Трирскаго собора 1277 г. голіарды стоятъ рядомъ съ joculatores и bufones; въ эдиктѣ бременскаго архіеп. 1292—„vagi scholares, qui goliardi vel histriones alio nomine appellantur“. Изъ другихъ свидѣтельствъ средневѣковыхъ видно, что голіарды были министрелями, распѣвавшими по домамъ духовные стихи. Существуютъ различныя толкованія самого слова „голіарды“, причемъ одно изъ нихъ, производящее это слово отъ gula въ смыслѣ gourmand, glouton, т.-е. обжоры (Hubatsch, 10), ин-

Digitized by Google

тересно по отношенію къ названію украинскихъ школяровъ «пиворѣзами.»

Южнорусскіе пиворѣзы XVII в. не только по своему нравственному характеру, но и по излюбленнымъ литературнымъ темамъ напоминаютъ средневѣковыхъ вагантовъ. Ваганты любили говорить о винѣ и выпивкѣ, и поэзія ихъ отличалась значительной грубостью, по сравненію ея съ рыцарской поэзіей. Въ голіяхъ былъ силенъ сатирическій элементъ, выражавшійся, между прочимъ, въ насмѣшкахъ надъ монахами. Сатира не имѣла личнаго характера; она направлена была или противъ недостатковъ людей вообще, или противъ сословныхъ недостатковъ. При этомъ въ политическомъ и религіозномъ отношеніяхъ сатира голій была вполнѣ благонамѣренная и правовѣрная. Общей цѣлью латинской поэзіи голіардовъ было—mores explorare, reprobare reprobos et probos probare, и южнорусскія нравоописательныя и нравоучительныя вирши отличались такими же чертами и преслѣдовали такія же цѣли.

Ваганты и голіарды хвастали своей школьной наукой и ставили себя выше свѣтскихъ жонглеровъ и шпильмановъ, вообще выше свѣтскихъ людей:

Cum mare siccatur et daemon ad astra levatur,
Tunc primo laicus fit clero fidus amicus.

Другой странствующій латинскій школяръ въ несчастіи говоритъ: «Куда мнѣ обратиться, мнѣ, знакомому съ музами, изучившему Гомера? Къ свѣтскимъ мнѣ не стоитъ итти; обратиться за помощью я могу только къ клерикамъ». Эти viri litterati хотѣли знаться только съ viris litteratis:

Aestimetur autem laicus ut brutus,
Nam ad artem surdus est et mutus. (Hubatsch, 22).

Малорусскіе пиворѣзы раздѣляли этотъ взглядъ вполнѣ и даже выражали его въ сходной формѣ. Они считали свою науку своимъ природнымъ преимуществомъ:

Не пнись, что тебѣ не дано отъ Бога....
Если не рожденъ, не сунься въ науку....
Насъ братія соборнѣйша знаетъ,
Толко туди появлюсь, то вся прибѣгаетъ
Подъ нашу милость, дабы клиру сопричтити
И соборъ мижъ братію добре утвердити.
Не только жъ мы умѣемъ клиромъ управляти,
Но можемъ еще куншти разніе писати....

Лучше всего школярское высокомѣріе выразилось въ виршахъ монаха Климентія:

Въ простого мужика простый есть обычай,
А въ письменнаго особый политичный звычай. (Житецкій 49, 51).

Digitized by Google

Тѣсная связь со школой и въ особенности школьная зубристика грамматики наложили свою печать на поэзію вагантовъ и пиворѣзовъ. Такъ, въ латинскихъ виршахъ голіардовъ:

Multum habet oneris do das dedi dare....
Si te forte traxerit Romam Vocativus,
Et si te deponere vult Accusativus, etc...

Малорусскіе виршеплеты стараго времени:

Казавъ мени бакаляръ промовыты: „Азъ, Азъ!“
А якъ же я не вымовывъ, винъ по пыци — разъ, разъ!
Крыкнувъ же винъ у друге: „А ну, кажи: Буки!“ и т. п.

Въ одномъ изъ наиболѣе древнихъ латинскихъ стиховъ «Confessio poetae», составленномъ между 1162 и 1165 годами, поэтъ жалуется, что онъ созданъ изъ легкаго матеріала и подобенъ листу, которымъ играетъ вѣтеръ: „Я, какъ корабль, безъ кормчаго, говоритъ поэтъ, какъ птица, безцѣльно носящаяся въ воздухѣ. (Hubatsch, 44). Возможно, что подобнаго рода сравненія не остались безъ вліянія на позднѣйшія малорусскія вирши и пѣсни, напр.:

. . . . . родыны не маю,
На чужини пробуваю и викъ свий теряю;
Ой якъ орелъ по надъ поле повитремъ носыться,
Такъ сырота на чужини съ плачомъ веселыться....
Нѣгде отъ злыхъ человѣкъ спокою не маю.... (Жит. 75).

Ваганты процвѣтали во Франціи въ XII и въ началѣ XIII в.; въ XIII в. они были многочисленны въ Англіи и Германіи. Главными путями ихъ движенія и распространенія были Рейнъ („die grosse Pfaffengasse“) и Дунай (Hubatsch, 16). Въ XIV в. ваганты и голіарды подвергаются преслѣдованію со стороны церковныхъ властей за сатирическія вирши противъ порядковъ духовенства и въ особенности папства; они понемногу начинаютъ терять подъ собой школьную латинскую почву. Вытѣсненные изъ клира и школы, голіарды мало-по-малу отождествляются съ странствующими шпильманами и скоморохами. Въ латинскія вирши вносятся фразы французскія, нѣмецкія, смотря по національности ваганта, и, наконецъ, латынь совсѣмъ замѣняется живыми народными языками. Одни памятники старой латинской поэзіи сохранились въ монастыряхъ, другіе вошли въ студенческія пѣсни. Нѣкоторыми сатирическими произведеніями голіардовъ противъ Рима воспользовались въ XVI в. протестанты.

Допуская возможнымъ вліяніе латинской поэзіи Запада на малорусскія вирши стараго времени, мы до болѣе подробнаго обслѣдованія этого историко-литературнаго вопроса считаемъ нѣсколько смѣлыми и поспѣшными положенія г. Житецкаго о національномъ характерѣ украинскихъ пиворѣзовъ и ихъ литературныхъ произ-

Digitized by Google

веденій. „Не симпатиченъ для насъ обычай", говоритъ г. Ж., „въ безцѣльной игрѣ жизнію строить всякія штуки, рисоваться передъ народной толпой въ качествѣ удалыхъ, добрыхъ молодцовъ, залицяться съ поселянками посредствомъ портретовъ.... Нужно сказать, впрочемъ, къ чести пиворѣзовъ, что они сами расположены были къ сознанію собственныхъ своихъ недостатковъ и даже къ сатирическому изображенію ихъ. Любили они упражняться въ сочиненіяхъ, направленныхъ къ самообличенію. Въ школьныхъ сборникахъ прошлаго вѣка нерѣдко попадаются жестокія по тону обращенія къ пиворѣзамъ, чтобы они отстали отъ главнаго порока своего—пьянства" (52, 53). Все это, разумѣется, характерно для старой Малороссіи; но „самообличеніе пиворѣзовъ" получитъ нѣсколько своеобразное значеніе, если допустить, что при благопріятныхъ мѣстныхъ бытовыхъ условіяхъ, а, можетъ быть, даже и помимо ихъ, „самообличенія" могли возникнуть на почвѣ литературныхъ заимствованій и подражаній, напр., подъ вліяніемъ чрезвычайно популярной у вагантовъ, потомъ у студентовъ пѣсни: „Meum est propositum in taberna mori".

„Мы имѣли возможность, говоритъ г. Житецкій, пересмотрѣть не мало школьныхъ сборниковъ, составленныхъ въ *прошломъ* и въ началѣ *настоящаго* вѣка для практическаго употребленія въ школѣ и внѣ школы. По своему формату они напоминаютъ наши записныя книги и заключаютъ въ себѣ массу всякаго рода стихотвореній на языкахъ славянскомъ, книжномъ малорусскомъ, народномъ малорусскомъ и даже польскомъ. Нерѣдко встрѣчаются въ этихъ сборникахъ и народныя пѣсни съ нотами и безъ нотъ. Изученіе этого матеріала, по нашему мнѣнію, должно служить основой для разъясненія интересующаго насъ вопроса о происхожденіи своеобразныхъ пріемовъ мысли и рѣчи во многихъ произведеніяхъ народной поэзіи и особенно въ народныхъ малорусскихъ думахъ" (43 стр.). Въ другомъ мѣстѣ (стр. 53) г. Ж. перечисляетъ нѣсколько самообличительныхъ произведеній пиворѣзовъ, найденныхъ имъ въ одной рукописи Кіев. Церковно-Археологическаго Музея.

Прежде всего нельзя не выразить сожалѣнія, что г. Ж. не издалъ этихъ записей цѣликомъ или, по крайней мѣрѣ, въ извлеченіи, что дало бы читателю возможность судить о внутреннемъ ихъ составѣ, о книжныхъ и народныхъ элементахъ. Разъ уже рѣшено было авторомъ не издавать эти сборники, нужно было по меньшей мѣрѣ представить обстоятельное описаніе ихъ.

Признавая школьные сборники, по немногочисленнымъ и краткимъ извлеченіямъ, весьма цѣннымъ историко-литературнымъ матеріаломъ вообще и въ частности относительно думъ, я не могу, однако, вмѣстѣ съ г. Ж. утверждать, что эти сборники „должны служить основой для разъясненія вопроса о происхожденіи своеобразныхъ пріемовъ мысли и рѣчи во многихъ произведеніяхъ на-

Digitized by Google

родной поэзіи и особенно въ думахъ". Сборники, по словамъ самого г. Ж., относятся къ XVIII и началу XIX ст., а книжный складъ носятъ уже думы XVII и даже конца XVI вѣка, если допустить, что дума про Алексѣя Поповича сложена въ концѣ XVI в. Во всякомъ случаѣ эта дума сложена не позже начала XVII в. Ощутительное присутствіе въ этой думѣ книжныхъ вліяній расширяетъ поставленный г. Житецкимъ вопросъ о вліяніи школьныхъ учебниковъ вполнѣ возможной гипотезой о болѣе раннемъ книжномъ вліяніи другихъ источниковъ, напр. латинской поэзіи вообще и легендъ въ частности.

У г. Ж. вездѣ, гдѣ говорится о виршахъ, выдвинуто исключительно бытовое начало и упущено возможное литературное начало, параллельное съ бытовымъ, изрѣдка, можетъ быть, и безъ примѣси послѣдняго. „Есть пѣсни о дьякахъ, изображающія нѣкоторыя неудачныя похожденія ихъ въ область женской красоты; но онѣ сложены въ добродушно шутливомъ тонѣ, который свидѣтельствуетъ о томъ, что дьякъ былъ свой человѣкъ въ приходѣ, не только свой, но и симпатичный человѣкъ, безъ котораго немыслимо было обычное теченіе сельской жизни въ самыхъ интимныхъ проявленіяхъ ея" (53). Несомнѣнно, что дьякъ былъ въ старой Малороссіи свой человѣкъ, и можно согласиться съ авторомъ, что дьякъ пользовался симпатіями; но отсюда еще не вытекаетъ первая посылка автора о пѣсняхъ про дьяка, какъ свидѣтельствѣ народныхъ къ нему симпатій. Пѣсни ироническія на тему о любви дьяка къ женщинѣ легко могли быть заимствованы съ Запада, гдѣ любовныя похожденія духовныхъ лицъ получили широкую литературную разработку въ новеллахъ, фацеціяхъ и миннегезангахъ. Огромное большинство современныхъ малорусскихъ народныхъ сказокъ и анекдотовъ о любовныхъ похожденіяхъ поповъ и дьяковъ построены на западныхъ литературныхъ источникахъ, и весьма вѣроятно, что и старинныя малорусскія вирши черпали изъ неистощимаго источника западно-европейской сатирической литературы на духовенство. Типъ влюбчиваго попа или дьяка давно сталъ излюбленнымъ въ народной словесности, отсюда перешелъ въ сочиненія Котляревскаго и Квитки и донынѣ воспроизводится малорусскими драматургами, и потому мы полагаемъ, что исключительно бытовое объясненіе личности дьяка въ малорусскихъ виршахъ XVIII в. такъ-же несостоятельно въ научномъ отношеніи, какъ было бы несостоятельно сужденіе о нравахъ современныхъ дьячковъ и отношеніяхъ къ нимъ крестьянъ по персонажамъ въ комедіяхъ г. Кропивницкаго.

Г. Житецкій говоритъ, что школяры, „постепенно сливались съ народной массой, превращались изъ латинниковъ въ псалтырниковъ и относились уже отрицательно къ своему прошлому, которое любили изображать въ „кунштахъ и виршахъ" юмористическаго

Digitized by Google

содержанія“ (54). Возможно, что такое отрицательное отношеніе псалтырники уже нашли въ куншатахъ и виршахъ и затѣмъ лишь примѣнили его къ себѣ и къ окружавшей ихъ средѣ.

Разъ въ тѣхъ или другихъ частныхъ случаяхъ обнаруживается большое сходство въ пѣсняхъ разныхъ народовъ, необходимо къ фактическому содержанію такого рода пѣсенъ относиться съ большой осторожностью, не давая ему бытоваго пріуроченія. А въ пѣсняхъ о дьякахъ много такихъ совпаденій, указывающихъ на общій литературный источникъ. Возьмемъ въ видѣ характернаго примѣра слѣдующія двѣ пѣсни, галицко-русскую (Голов. II, 146—147) и моравскую, (*Sušil*, 76), и сопоставимъ ихъ параллельно:

Дячку, дячку вывченый, На всѣ школы выбраный! Повѣджъ же намъ, що еденъ а еденъ? — Що я вѣмъ, вамъ повѣмъ: Еденъ то бывъ самъ Сынъ Божій, Що надъ нами кралюе И кралеваць все буде.	Žačku, začku učený, Ze ušech škol vybirany A ty viš, nam poviš, Co jè jeden? A jà wim vam povim, Co je jeden. Jeden jest Jesu Krist, Co nad nami králem jest.
Дячку, дячку вывченый, На всѣ школы выбраный! Повѣджъ же намъ, що два а два? — Що я вѣмъ, вамъ повѣмъ: Двохъ ихъ было Божихъ святца, А еденъ бывъ самъ Сынъ Божій, Що надъ нами кралюе И кралеваць все буде.	Žačku, žačku učený, Ze všech škol vybirany! A ty viš nam poviš, Co to jsú dvě? A ja vim, vam povim, Co to jsú dvě. Dvě tabule Mojžisovy, Jeden jest Jesu Krist, Co nad nami králem jest.
Дячку, дячку вывченый, На всѣ школы выбраный! Повѣджъ же намъ, що три а три? Трехъ ихъ было патруляшовъ, Двохъ ихъ было Божихъ святци, А еденъ бывъ самъ Сынъ Божій, Що надъ нами кралюе И кралеваць все буде.	Žačku, žačku učený, Po všech školach cvičeny, A ty viš, nam poviš, Co to jsú tři? A ja vim vam povim, Co to jsú tři. Tři patriarchove, Dvě tabule Mojžišovy, Jeden jest Jesu Krist, Co nad nami králem jest...
Вопросы и далѣе идутъ въ такой же обстановкѣ, съ такими цифровыми комментаріями:	и т. д. съ добавленіями въ слѣдующихъ строфахъ:
Штыри листы ангелисты.... Пять ихъ было Божихъ ранъ ... Шести граютъ лелію	Čtyry evangelistove.... Pet ran Kristovych krvavych.... Šest jest stoudni kamennych

Digitized by Google

Передъ панянковъ Маріовъ....
Семъ радости у Бога. ..
Восемъ свѣчъ горитъ предъ Богомъ....
Дячку, дячку вывченый,
На всѣ школы выбраный!
Повѣджъ же намъ, що девять?
— Що я вѣмъ, то повѣмъ:
Девять коронъ ангельскихъ,
Восемъ свѣчъ горитъ предъ Богомъ,
Семъ радости у Бога и т. д.

V Galileji postavenych....
Sedm̆ darů Ducha sveteho....
Osmero blahoslavenstvi....
Devět je zboŕu anjelskych....
Deset Božich přikazani....
Jedenast panen zamordovanych....
Dvanast apostolů....

и т. д.

Галицко-русскій варіантъ этой пѣсни съ „ученымъ дьякомъ“ подкупаетъ изслѣдователя въ пользу историко-бытового комментарія если не всей пѣсни, представляющей хорошо извѣстный апокрифъ (о чемъ см. Веселовскаго въ Сборн. отд. р. яз. Акад. Н. т. XXXII, стр. 78—82, 92—95, 432—433, Н. Сумцова Очерки ист. южнорус. апокриф. сказ. 145—146),—то запѣва о дьякѣ; но разъ мы находимъ и въ моравскомъ варіантѣ буквальныя выраженія объ ученомъ дьякѣ, то всякія бытовыя пріуроченія дѣлаются вообще шаткими.

На стр. 75—76 г. Ж. говоритъ мимоходомъ о псальмѣ „Сиритка“, распѣваемой и теперь лирниками. Авторъ замѣчаетъ о близости этой псальмы „къ народному настроенію“ и о „трогательности“ ея содержанія. Соглашаясь съ авторомъ, мы замѣтимъ, что основная тема вообще близка къ народному настроенію и у разныхъ народовъ разработана въ трогательно-меланхолическомъ тонѣ. Остановимся на псальмѣ, указанной у г. Ж., напеч. въ III т. I ч. Головацкаго стр. 272:

А въ недилю рано взяло свитаты,
Пишла сиритка мамунци шукаты;
Ой пишла сиритка горамы, доламы,
Здыбавъ ю Господь съ двома ангеламы:
„Где йдешь, сиритко?“—„Мамуни шукаты“.
„Верныся, сиритко, бо далеко зайдешъ,
Бо далеко зайдешъ, мамунци не знайдешъ“...

По указанію Господа, сирота находитъ могилу матери. Мать посылаетъ ее къ мачехѣ. Мачеха не помыла головы сиротѣ, а прокляла ее, не сшила ей сорочку, а избила ее. Ангелы унесли душу сироты въ рай, а черти унесли душу мачехи въ адъ.

Во Франціи въ Верхней Бретани записана такая пѣсня:

C'était une complainte de trois petits enfants (*bis*),
Leur mère était morte, leur père se maria
A une méchante femme pour élever ses enfants.

Digitized by Google

Le plus petit demande un petit morceau de pain,
Un grand coup de pied dans le coeur le renversa par terre,
Reléve toi, mon frère, nous irons au cimetière
Trouver notre mère...
Dans leur chemin rencontrent Notre Seigneur Jésus-Christ,
—„Ou allez vous, trois anges, trois anges si petits?"
—„Nous allons au cimetière trouver notre mère"...

Спаситель даетъ матери 12 лѣтъ жизни для воспитанія дѣтей (Revue des trad. popul. 1892, IV 292).

На стр. 66—69 г. Ж. приводитъ содержаніе галицкой колядки „Чому жъ такъ нема, якъ було давно?", основная мысль которой выражена въ словахъ: „ой бо вже давно, якъ правды нема". Въ чемъ же заключается по народнымъ представленіямъ идея правды?— спрашиваетъ по этому поводу г. Ж., и затѣмъ говоритъ: „Глубоко трогательный отвѣтъ мы находимъ въ извѣстномъ духовномъ стихѣ о правдѣ". Древнѣйшимъ варіантомъ этого стиха г. Ж. считаетъ тотъ, который начинается напоминаніемъ о смерти (у Голов. II 21). „По всему видно, говоритъ г. Ж., что стихъ этотъ былъ предназначенъ для людей, которые извѣдали на опытѣ всю горечь жизни и подъ конецъ ея пришли къ разочарованію въ самыхъ дорогихъ надеждахъ и симпатіяхъ своихъ... Къ такимъ печальнымъ обобщеніямъ пришелъ пѣвецъ на основаніи наблюденій надъ жизнью отцовъ и дѣтей"... Авторъ сходитъ здѣсь съ историко-литературной на историко-бытовую почву безъ достаточнаго фактическаго основанія. Пѣсни о правдѣ и кривдѣ имѣютъ длинную исторію; онѣ восходятъ къ древней апокрифической литературѣ, о чемъ подробности см. въ диссертаціи г. Мочульскаго: „О Голубиной книгѣ", стр. 186—234. О какомъ-либо отношеніи дѣтей къ отцамъ на малорусской почвѣ нельзя судить по стихотвореніямъ о правдѣ и кривдѣ.

Отъ краткихъ и общихъ замѣчаній о пѣсняхъ о правдѣ и кривдѣ г. Ж. переходитъ на 69 и на слѣд. стр. къ пѣснямъ о матери вообще и въ частности къ думамъ о вдовѣ и трехъ ея сыновьяхъ. Что же связываетъ всѣ эти пѣсни? Г. Ж. связью ставитъ такой общечеловѣческій мотивъ, какъ любовь къ матери: „По народнымъ представленіямъ мать есть символъ всепрощающей (?) любви и безконечнаго (?) самоотверженія. Она есть сама правда—такъ-же вѣчно страдающая, какъ и та святая правда, которая была „на хрести прибита", поэтому и въ разбираемыхъ нами стихахъ правда называется матерью родною, а мать въ свою очередь— правдою вѣрною. Итакъ, правда есть ничто иное, какъ любовь, воплощенная въ лицѣ матери на землѣ, въ лицѣ Господа на небѣ". Это разсужденіе г. Ж., весьма краснорѣчивое (авторъ любитъ выражаться цвѣтисто), въ научномъ отношеніи вполнѣ несостоятельно. Литературныя явленія здѣсь совсѣмъ оторваны отъ исторической почвы и получаютъ слишкомъ одностороннее и искусственное

Digitized by Google

семейно-нравственное толкованіе. И въ общемъ сужденіи автора о значеніи матери въ малорусской народной поэзіи есть преувеличеніе. Далеко не всегда здѣсь мать является „самой правдой, вѣчно страдающей“. Во многихъ пѣсняхъ мать не лишена большого себялюбія и за оскорбленіе, неуваженіе, или даже простое непослушаніе мститъ сыну проклятіями и низводитъ на него всякаго рода бѣдствія и преждевременную кончину.

У г. Ж. совсѣмъ нѣтъ научнаго изслѣдованія отдѣльныхъ думъ, и гдѣ о нихъ заходитъ рѣчь, мы видимъ лишь общія фразы и неопредѣленныя характеристики моральнаго свойства. Фактическое содержаніе думъ какъ-то ускользаетъ у автора изъ рукъ, и думы объединяются по случайнымъ внѣшнимъ признакамъ. Выше мы отмѣтили, что рядъ разнородныхъ пѣсенъ объединенъ г. Житецкимъ по мотиву любви къ матери. Другимъ характернымъ примѣромъ такого случайнаго объединенія пѣсенъ могутъ служить 143 и слѣд. стр. „о рубаныхъ казакахъ“. „Такихъ пѣсенъ (о рубаныхъ казакахъ) въ малорусской поэзіи чрезвычайное множество. Обыкновенно изображаются въ нихъ предсмертныя минуты этихъ степныхъ рыцарей. Послѣднею заботой ихъ въ эти минуты бываетъ передача отцу и матери печальной вѣсти о смерти сына ихъ. Вѣстниками бываетъ воронъ, орелъ и соколъ“... Далѣе авторъ вспоминаетъ пѣсни о смерти казака вообще, думы о Ѳедорѣ Безродномъ, объ Ивасѣ Коновченкѣ. Рамка для сравненія и объединенія пѣсенъ взята слишкомъ общая; въ такую рамку можно вставить не только думы о Ѳедорѣ Безродномъ и объ Ивасѣ Коновченкѣ, но массу западныхъ пѣсенъ, греческихъ о смерти клефтовъ, сербскихъ о смерти юнаковъ, пѣсенъ шотландскихъ, французскихъ и мн. другихъ. Въ эту рамку можно ввести и „Шотландскую пѣсню“ А. С. Пушкина. Такія общія рамки совершенно безплодны въ научномъ отношеніи. Дума о Ѳедорѣ Безродномъ оригинальная, а пѣсня о смерти казака въ степи съ обращеніемъ его къ коню съ просьбой извѣстить родныхъ о его смерти можетъ быть заимствованной и лишь пріуроченной къ мѣстнымъ условіямъ. Крайности обобщенія по внѣшнимъ случайнымъ признакамъ обусловлены той особой складкой ума, которая при господствѣ одной общей идеи—въ данномъ случаѣ идеи о вліяніи виршъ на думы—пренебрегаетъ и даже совсѣмъ не замѣчаетъ частностей, какъ бы важны онѣ ни были по существу своему.

Наклонность къ широкимъ морально-литературнымъ обобщеніямъ думъ, пѣсенъ и виршей у автора идетъ рука объ руку съ риторизмомъ и многословіемъ, мѣстами затемняющими ходъ изслѣдованія. Среди многословныхъ разсужденій и обобщеній у г. Ж. иногда проскальзываютъ ошибочныя положенія, напр.: „Мы понимаемъ, говоритъ г. Ж., что идеальныя черты матери далеко не всегда могли совпадать съ дѣйствительностію, но для насъ ва-

Digitized by Google

женъ поэтическій замыселъ—воспользоваться опытомъ жизни, чтобы создать въ образѣ матери нравственную силу, которая есть ничто иное, какъ сила любви, возстановляющей между людьми святую правду. Собственно говоря, это не есть сознательно поставленная формула жизни, выработанная на почвѣ правовыхъ или политическихъ отношеній. Но положительно можно сказать, что въ поэтическомъ настроеніи, которое мы подвергаемъ анализу, немаловажное значеніе имѣли земледѣльческія формы быта, въ которыхъ жилъ и до нынѣ живетъ малорусскій народъ. По самому существу своему формы эти требуютъ больше труда, чѣмъ капитала въ которомъ нуждаются преимущественно коллективныя предпріятія, осуществляемыя въ кооперації многихъ рабочихъ силъ, не связанныхъ между собою узами кровнаго родства. Отсюда — индивидуально-семейное начало составляетъ основу земледѣльческаго труда,—отсюда же индивидуальная свобода дѣйствій, которая приводитъ къ разногласіямъ. На этой почвѣ семейнаго индивидуализма единственной точкой опоры являлась идея любви въ лицѣ матери. За оскорбленіе этой беззавѣтной любви караетъ Господь, какъ за нарушеніе правды, надъ которой торжествуетъ неправда, какъ въ семейной, такъ и въ общественной жизни. Весьма можетъ быть, что это міровоззрѣніе развивалось въ малорусскомъ народѣ по мѣрѣ неудачъ его въ общественно-политической жизни. Но, оставляя область гаданій, считаемъ нужнымъ установить то положеніе, что въ произведеніяхъ малорусской поэзіи, какъ школьной, такъ и народной, вся народная этика сводится главнымъ образомъ къ такъ называемой семейной морали, основанной на чувствѣ родства, на взаимной симпатіи людей, близкихъ между собою по крови" (72). Въ этомъ довольно таки темномъ разсужденіи выдается мнѣніе г. Ж., что малорусская народная этика сводится къ семейной морали. Странно, что такое мнѣніе высказывается въ спеціальномъ изслѣдованіи о думахъ, т. е. такихъ памятникахъ народной словесности, которые почти всецѣло построены на общественной морали. Но и помимо думъ есть много народныхъ пѣсенъ, доказывающихъ чуткое отношеніе малороссовъ къ общественной морали. Такое отношеніе обнаруживается даже въ такихъ архисемейныхъ пѣсняхъ, какъ пѣсни колыбельныя. „Общественные интересы въ малорусскихъ колыбельныхъ пѣсняхъ выступаютъ на первый планъ. Въ малорусскихъ колыбельныхъ пѣсняхъ всѣхъ разрядовъ семейное счастье ставится выше личнаго; общественному же благосостоянію приносится въ жертву то и другое. Идеалъ, рисуемый малороссіянкой, отличается нравственной широтой:

Бодай спало—не плакало,
Бодай росло—не болило
Головонька и все тило—
Отцу, матци на втишеньку,
Добрымъ людямъ на услугу

(Ветуховъ, въ XV кн. „Этногр. Обозр." стр. 99).

Digitized by Google

Этотъ частный случай съ достаточной ясностью показываетъ, какъ далеко авторъ заходитъ въ своихъ обобщеніяхъ и къ какимъ односторонним выводамъ пришелъ онъ, увлекшись идеей объ исключительно высокомъ значеніи у малоруссовъ идеала матери.

Многія общія положенія, общія замѣчанія г. Ж. заслуживаютъ фактической научной провѣрки. Таковы, напр., вскользь высказанныя замѣчанія о пессимизмѣ, „свойственномъ міровоззрѣнію малорусскаго народа“ (стр. 59), о сліяніи въ малорусской поэзіи „скорби и смѣха, безграничной вѣры и безпощаднаго (?) сомнѣнія“ (58) и нѣкот. др.

Г. Житецкій часто смѣшиваетъ двѣ по существу различныя точки зрѣнія—историко-литературную и историко-бытовую, не довольствуется ролью историка литературы и вторгается въ исторію быта, иногда безъ достаточныхъ фактическихъ основаній. Напримѣръ, на 77—78 стр. г. Ж. приводитъ въ извлеченіи любопытную псальму о молодости и старости, причемъ псальма рекомендуетъ удаленіе отъ міра, бѣгство въ темные луга, въ степи и пустыни. По этому поводу г. Ж. говоритъ слѣдующее: «Такихъ бѣглецовъ было много въ старинной Малороссіи. Одни изъ нихъ стремились въ Запорожскую Сѣчь, которая становилась для нихъ матерью, а «Велыкый лугъ—батькомъ». Другіе направлялись въ степи и въ дикія поля, на которыхъ можно было при счастьѣ и отвагѣ поразить врага и отнять у него богатую добычу. Были, наконецъ, и такіе, которые уходили отъ тревогъ жизни въ пустыни, чаще въ монастыри, какъ говорится объ этомъ въ одной задушевной псальмѣ:

Не піду у мыръ, Щобъ душу спасты,
Піду въ монастырь, Щобъ Господь простывъ...»

Авторъ здѣсь очевидно совсѣмъ сошелъ на историко-бытовую почву и упустилъ изъ виду, что псальмы объ удаленіи горемыки въ пустыню или въ монастырь воспроизводятъ тотъ же мотивъ «о спасенномъ пути», который съ полнотой разработанъ въ русской повѣсти или (какъ Срезневскій назвалъ ее) старческой пѣснѣ о Горѣ-Злочастіи.

На стр. 90 г. Ж., говоря о виршахъ про Ирода, вспоминаетъ некстати о татарахъ.

Въ книгѣ г. Ж. мѣстами приведены вирши, хотя весьма интересныя, но собственно къ думамъ не имѣющія отношенія, напр., стихотворная легенда о пекельномъ Маркѣ (стр. 98). Эта легенда—своеобразная малорусская переработка широко распространенныхъ въ Россіи и въ Западной Европѣ сказаній о солдатѣ (мужикѣ) въ аду. (Афанасьевъ IV 494, Ватра 124—128, бретонская сказка въ Кронтадіи II 77, „Кіев. Стар“. 1886 VI 445, Добро-

Digitized by Google

вольскій, Смол. Этногр. Сбор. I, 285, Zbiór Wiadomości VIII 301, Караджичъ, Приповѣтки 301).

При нѣкоторыхъ литературныхъ мотивахъ желательно видѣть историческія справки. Такъ, г. Ж. на стр. 104 говоритъ: «во второй рождественской интерлюдіи М. Довгалевскаго одинъ крестьянинъ разсказываетъ двумъ собесѣдникамъ своимъ сонъ»... Отрывокъ изъ интерлюдіи Довгалевскаго приведенъ по рукописи 1736 г., хранящейся въ библіотекѣ Кіево-Михайловскаго монастыря. Мотивъ о чудесномъ снѣ былъ уже ранѣе подробно обслѣдованъ на страницахъ „Кіев. Стар.“ въ статьѣ г. Кузьмичевскаго, къ которой можно теперь сдѣлать довольно много дополненій (напр., изъ XVI т. Сборника матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа, 293 и др.).

Цѣлая IV глава, довольно большая (137—156), носитъ нѣсколько странное заглавіе: «Отраженіе пѣсенныхъ мотивовъ въ народныхъ малорусскихъ думахъ». Относительно научнаго изученія пѣсенъ въ деталяхъ, по отдѣльнымъ мотивамъ, сдѣлано такъ мало, что врядъ ли можно судить о нихъ, какъ о чемъ-либо достаточно извѣстномъ и опредѣленномъ. Однѣ лишь колядки разобраны А. А. Потебней по мотивамъ, а пѣсни историческія, балладныя, любовныя, семейно-родственныя и пр. совсѣмъ не подвергались такому изслѣдованію. Какъ можно говорить объ отраженіи пѣсенныхъ мотивовъ въ думахъ, когда пѣсенный репертуаръ малоруссовъ стараго времени совсѣмъ неизвѣстенъ? Въ дѣйствительности, мы не находимъ въ этой главѣ никакихъ мотивовъ, если понимать мотивъ такъ, какъ понималъ его А. А. Потебня, и глава эта не имѣетъ никакого значенія въ смыслѣ научнаго разложенія и опредѣленія составныхъ элементовъ думъ. Авторъ ограничивается пересказомъ нѣсколькихъ думъ, сопоставляя ихъ по самымъ общимъ признакамъ (думы невольницкія, думы о рубаныхъ казакахъ). Простой фразеологіей представляется замѣчаніе г. Ж. на стр. 138 что то, «что въ пѣсняхъ является въ видѣ намека, въ видѣ отдѣльныхъ указаній на тѣ или другія состоянія страдающихъ людей, выступаетъ въ думахъ, какъ цѣльная картина, пропитанная, такъ сказать, влагою невысохшихъ слезъ, или же поднятая на высоту для всенароднаго созерцанія казацкой славы». Для того, чтобы доказать такое соподчиненное отношеніе пѣсенъ и думъ, нужно было привести выдержки изъ пѣсенъ и изъ думъ, но такихъ выдержекъ въ книгѣ г. Ж. нѣтъ и быть не можетъ, что признаетъ самъ авторъ, замѣчающій на стр. 139: «для этихъ думъ (о Самойлѣ Кишкѣ, объ Иванѣ Богуславцѣ и др.) почти невозможно подобрать соотвѣтствующихъ параллелей въ пѣсняхъ». Несомнѣнно, что «творцы думъ пользовались готовымъ уже пѣсеннымъ матеріаломъ для своихъ произведеній» (стр. 143); но изъ сочиненія г. Ж. не видно, какъ и чѣмъ они могли пользоваться.

Digitized by Google

Чтобы разобраться въ этомъ трудномъ и сложномъ вопросѣ, нужна обширная и разносторонняя эрудиція, внимательное отношеніе къ малѣйшимъ деталямъ и большая осторожность въ обобщеніяхъ.

Въ V главѣ г. Ж. говоритъ о творцахъ думъ. Авторъ путемъ наведеній и литературныхъ внушеній старается убѣдить читателя, что творцами думъ были «старцы», т. е. нищіе. Проживая въ церковныхъ шпиталяхъ, вблизи школъ, стоя въ близкихъ отношеніяхъ къ церковникамъ, нищіе усвоивали отъ нихъ литературные мотивы и переработывали ихъ по даннымъ народной жизни. Трудно принять эту гипотезу по той причинѣ, что «старцы» издавна извѣстны, какъ люди физически немощные, калѣки, больные и престарѣлые; люди такого «убогаго чина» не могли создать такія сильныя художественныя произведенія, какъ думы. Возможно, что и «старцы» были творцами думъ, но не такіе убогіе, какими они являются въ книгѣ г. Ж., какими они въ дѣйствительности были въ XVII — XVIII в., а предположительно такіе, какъ богатыри велико-русской былины о сорока каликахъ со каликою. Можетъ быть, дѣйствительная жизнь старой Руси давала такихъ богатырей, старцевъ-пѣснотворцевъ; это могло быть при существованіи въ древней Руси нищенскихъ товариществъ и братствъ. Изъ древнихъ лѣтописей и поученій видно, что паломники ходили толпами, что̀ предполагаетъ прочную организацію. Въ 1283 г. въ Курской области татарами были «переиманы переходници, иже ходятъ по землямъ милостыни просяще» (Л. Майковъ, Матер. по стар. рус. литер. I 41). Среди такихъ старцевъ могли быть богатыри-пѣснотворцы, наслѣдники древнихъ Баяновъ, пріятели западныхъ вагантовъ и голіардовъ.

Въ послѣдней главѣ (VI) напечатана старинная (между 1808 и 1827 г.) запись малорусскихъ думъ, принадлежавшая покойному А. А. Котляревскому. Думы и пѣсни расположены въ рукописи въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Три брата въ плѣну въ Азовѣ, 2) Козакъ Иванъ Коновчéнко, 3) Алексѣй Поповичъ, 4) Ѳедоръ Безродный, 5) Три брата Самарскіе, 6) Атаманъ Матяшъ старый, 7) Козакъ прощается съ сестрами, 8) Братъ и сестра, 9) Самійло Кишка, 10) Иванъ Богословецъ, 11) Вдова въ г. Чечельничѣ, 12) Дворянская жена, 13) Чечотка, 14) Попадья, 15) Разговоръ Днѣпра съ Дунаемъ и 16) Вдова Ивана Сирка. Отрывки изъ девяти думъ ранѣе были уже напечатаны Н. И. Костомаровымъ въ статьѣ его о малорусскихъ историческихъ пѣсняхъ въ «Русской Мысли» 1880 и 1883 г. Г. Житецкій издалъ полный текстъ 13 думъ; не изданы только пѣсни: Дворянская жена, Чечотка и Попадья, хорошо извѣстныя по другимъ сборникамъ. Въ началѣ главы г. Ж. говоритъ о языкѣ записи. Составитель записи вносилъ великорусскія слова, но не былъ твердъ въ русскомъ правописаніи. Сверхъ десяти варіантовъ извѣстныхъ уже думъ, руко-

Digitized by Google

пись Котляревскаго даетъ еще три думы, которыя не были извѣстны собирателямъ народныхъ пѣсенъ: 1) Атаманъ Матіашъ, 2) Вдова Ивана Сирка и 3) Разговоръ Днѣпра съ Дунаемъ. Послѣдняя дума отличается искусственностью. Повидимому, это искусственная пѣсня, составленная довольно неумѣло, можетъ быть, въ началѣ настоящаго вѣка, на популярный народно-поэтическій мотивъ о разговорѣ рѣкъ.

Въ началѣ думъ г. Ж. помѣстилъ небольшія замѣтки, заключающія или краткій пересказъ содержанія, или краткое сравненіе варіантовъ, и въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ помѣстилъ указанія на печатные варіанты. Вступительныя къ думамъ замѣтки по краткости и общему характеру не имѣютъ научнаго значенія. Подстрочныя библіографическія указанія могутъ пригодиться лицамъ, занимающимся думами, хотя они не совсѣмъ полны. Такъ, г. Ж. оставилъ въ сторонѣ польскіе этнографическіе сборники, въ которыхъ изрѣдка попадаются малорусскія думы; таковы, напр., «Zapiski etnograficzne» Руликовскаго, напеч. въ III т. Краковскаго изданія Zbiór wiadomości, гдѣ находится дума объ Ивасѣ Вдовыченкѣ, думы о Дмитріи Вишневецкомъ, Семенѣ Паліи и др.. Упущены изъ виду кое-какіе варіанты, изданные въ русскихъ журналахъ, напр., варіантъ думы объ Алексѣѣ Поповичѣ, напеч. въ „Кіев. Стар.“, 1885, II,215—228. Но въ общемъ подстрочныя библіографическія указанія г. Ж. отличаются значительной полнотой.

Въ заключеніе мы можемъ замѣтить, что г. Житецкій, не изслѣдуя думъ въ отдѣльности и не останавливаясь на частностяхъ, все свое вниманіе сосредоточиваетъ на постановкѣ и рѣшеніи важнаго общаго вопроса о вліяніи школы на языкъ и содержаніе думъ. Авторъ открываетъ новое обширное поле для научныхъ изслѣдованій, причемъ вниманіе изслѣдователей направляетъ въ сумежье между книжной литературой и народной поэзіей, между школой и жизнью, т. е. въ такую область, гдѣ приходится вникать въ весьма сложныя соотношенія безъискусственнаго народнаго творчества, школьнаго образованія и исторически сложившейся бытовой обстановки. Авторъ обнаружилъ большую любовь къ избранному имъ предмету изслѣдованія и постарался дать ему освѣщеніе съ усвоенной имъ оригинальной точки зрѣнія. «Мысли о нар. малор. думахъ», помимо общихъ выводовъ и соображеній автора, заключаютъ въ себѣ новые фактическіе матеріалы, отрывки изъ любопытныхъ виршъ (по неизданнымъ рукописямъ) и нѣсколько новыхъ историческихъ пѣсенъ изъ рукописи А. А. Котляревскаго. Все это въ совокупности придаетъ книгѣ г. Житецкаго крупное научное значеніе.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Digitized by Google

ИЗЪ ЗАП.-ЕВРОПЕЙСКОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

О зачаткахъ и развитіи искусства у малокультурныхъ народовъ.

Grosse: Die Anfänge der Kunst. (Freib. u Leipz. 1894. стр. 301, 8°).
Ch. Letourneau: L'évolution littéraire dans les diverses races humaines. (Paris. 1894. стр. VII+574. 8°).

Оба труда, заглавія которыхъ мы выписали, затрогиваютъ одну изъ наименѣе разработанныхъ сторонъ науки этнографіи, и какъ таковые заслуживаютъ особеннаго вниманія. Работа французскаго этнолога разсматриваетъ только часть тѣхъ явленій, въ которыхъ высказывается эстетическое чувство человѣка; трудъ г. Гроссе стремится охватить всѣ указанныя явленія: но, въ то время какъ г. Гроссе подвергаетъ наблюденію только наименѣе культурныя народности, г. Летурно разсматриваетъ произведенія народнаго творчества и у культурныхъ народовъ вплоть до средневѣковой литературы, такъ что обѣ работы могли-бы дополнять другъ друга. Остановимся сперва на первой.

Г. Гроссе справедливо полагаетъ, что никакая «исторія искусства» недостигнетъ полноты и правильности выводовъ, если авторъ ея не обратитъ вниманія на произведенія художественнаго творчества у первобытныхъ народовъ: во всѣхъ остальныхъ областяхъ соціологіи, пишетъ г. Гроссе, научились начинать сначала; всѣ прочія соціологическія дисциплины поняли, какую могущественную помощницу онѣ имѣютъ въ лицѣ этнологіи; только наука объ искусствѣ все еще пренебрегаетъ бросить взглядъ на грубыя произведенія первобытныхъ народовъ, даваемыя въ ея распоряженіе этнологіей. Наука объ искусствѣ должна распространить кругъ своихъ изслѣдованій на всѣ племена. Если мы хотимъ достигнуть научнаго пониманія искусства культурныхъ народностей, мы должны раньше проникнуть въ сущность и въ условія существованія искусства у народовъ первобытныхъ:— неизбѣжно знать таблицу умноженія прежде чѣмъ приступать къ рѣшенію болѣе сложныхъ математическихъ задачъ; для знакомства-же съ первобытнымъ искусствомъ слѣдуетъ обращаться не къ исторіи, не къ памятникамъ доисторическимъ, а къ этнологіи. Слѣдуя этому, авторъ собралъ обширный матеріалъ по искусству у некультурныхъ племенъ, но этотъ мате-

Digitized by Google

ріалъ во многихъ отношеніяхъ оказался недостаточно полнымъ. Въ многочисленной этнографической литературѣ, въ музеяхъ дѣйствительно собранъ довольно значительный, хотя и далеко не исчерпывающій вопроса матеріалъ по произведеніямъ искусства у первобытныхъ народовъ, поскольку оно выражается въ предметахъ видимыхъ, осязаемыхъ; но обширная область народнаго творчества сравнительно мало изслѣдована; относительно многихъ народностей свѣдѣнія о произведеніяхъ ихъ поэтическаго творчества крайне скудны, а относительно многихъ изъ нихъ свѣдѣній нѣтъ совершенно. Въ еще худшемъ состояніи находится дѣло изученія музыки у первобытныхъ племенъ: даже тѣ немногіе образцы примитивныхъ мелодій, которыя записаны у нѣкоторыхъ народностей, оставляютъ желать еще многаго. Авторъ вполнѣ сознаетъ трудность своей задачи и вслѣдствіе этого, насколько это касается малоизслѣдованныхъ областей, крайне остороженъ въ своихъ выводахъ.

Другой важный вопросъ, который приходится рѣшить г. Гроссе прежде чѣмъ приступить къ изложенію зачатковъ искусства на низшихъ ступеняхъ развитія человѣчества,—это вопросъ, что̀ слѣдуетъ разумѣть подъ названіемъ «первобытный» народъ. Авторъ отмѣчаетъ неопредѣленность этого термина, который и до него смущалъ многихъ. Предполагаемая субъективность взгляда, опредѣляющаго, что слѣдуетъ считать предшествующимъ и что послѣдующимъ звеномъ въ общей исторіи развитія человѣчества, заставляетъ многихъ изслѣдователей стремиться къ отысканію прочнаго критерія для этнологической классификаціи народовъ, и г. Гроссе, вмѣстѣ со многими другими, надѣется найти этотъ критерій въ различіи экономическаго быта разныхъ племенъ. Мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе справедливости этого взгляда, какъ потому, что намъ приходилось неоднократно говорить о немъ, такъ и потому, что въ данномъ случаѣ для насъ важно дѣлаемое авторомъ опредѣленіе низшей ступени въ развитіи человѣчества только для того, чтобы уяснить себѣ кругъ тѣхъ народовъ, который онъ имѣетъ въ виду подвергнуть разсмотрѣнію: «первобытными народами, говоритъ г. Гроссе, являются тѣ, которые пользуются первобытными способами добыванія себѣ пищи», именно охотой и собираніемъ растительныхъ продуктовъ [1]). Ограничивая кругъ своихъ наблюденій только охотничьими народами, авторъ, внутри этой группы, уже не дѣлаетъ другихъ подраздѣленій по сложности экономическаго строя отдѣльныхъ народностей, и въ опредѣленіи большей или меньшей первобытности произведеній искусства слѣдуетъ методу восхожденія отъ болѣе простыхъ къ болѣе сложнымъ видамъ произведеній, такъ какъ прогрессъ въ искусствѣ, какъ и въ другихъ областяхъ развитія человѣчества, далеко не всегда соотвѣтствуетъ прогрессу въ развитіи экономическаго быта.

Первое, въ чемъ выражается первобытное искусство,—это въ стремленіи къ украшенію, причемъ первымъ объектомъ украшенія является чело-

---

[1]) Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ слѣдовать этому опредѣленію г. Гроссе.

Digitized by Google

вѣческое тѣло: со способовъ самоукрашенія у первобытныхъ народовъ г. Гроссе и начинаетъ изложеніе исторіи искусства.

Украшенія тѣла бываютъ двухъ родовъ: постоянныя и перемѣняемыя. Къ первымъ авторъ относитъ украшенія путемъ устройства шрамовъ (Narbenzeichnung), татуировку, просверливаніе носа, губъ и ушей. Ко вторымъ: раскрашиваніе тѣла и надѣваніе различныхъ предметовъ. Изложивши матеріалъ, касающійся украшенія тѣла путемъ устройства шрамовъ, и татуировки, а также господствующія мнѣнія по вопросу о происхожденіи этого обычая (значеніе религіозное, знакъ принадлежности къ извѣстной группѣ и пр.), авторъ полагаетъ, что первоначально эти виды украшенія тѣла имѣли значеніе лишь украшеній, что они появились прежде, чѣмъ извѣстная группа доросла до пониманія своего единства, и что лишь впослѣдствіи они получили значеніе племенныхъ или другихъ знаковъ. Въ остальныхъ, какъ и въ этихъ двухъ видахъ украшенія, первобытный человѣкъ слѣдуетъ извѣстному эстетическому чувству, въ основѣ котораго лежатъ однако совершенно практическія соображенія: краски, которыми онъ окрашиваетъ тѣло, всегда подобраны къ цвѣту кожи такъ, чтобы онѣ наиболѣе выдѣлялись; этимъ только объясняется, что обычай татуировки встрѣчается исключительно у свѣтлокожихъ народовъ, такъ какъ она была-бы незамѣтна на темномъ цвѣтѣ кожи. Далѣе самый цвѣтъ перемѣняемыхъ украшеній расчитанъ у разныхъ народностей именно на то, чтобы они выдѣлялись на фонѣ кожи; отъ этого именно и происходитъ трудно объяснимый на первый взглядъ фактъ, что напримѣръ бушмены предпочитаютъ черныя бусы, въ то время какъ кафры относятся къ послѣднимъ съ пренебреженіемъ: на болѣе свѣтлой кожѣ бушменовъ черныя бусы рѣзко выдѣляются, въ то время какъ онѣ мало были бы замѣтны на темной кожѣ кафра. Эстетическое чувство приводитъ дикаря къ тому, что при устройствѣ, напримѣръ, ожерелья изъ темныхъ и свѣтлыхъ предметовъ (напримѣръ, зубовъ и бусъ), онъ нанизываетъ эти предметы поочередно: цѣль—чтобы каждый изъ этихъ предметовъ выдѣлялся съ большею ясностью. Такъ какъ первый объектъ украшенія — тѣло—устроено симметрично, то у первобытнаго человѣка развивается весьма рано сначала понятіе, а затѣмъ привычка и любовь къ симметричности во всѣхъ украшеніяхъ.

Каковы были побудительные мотивы, приведшіе всѣ народы на самыхъ низшихъ ступеняхъ ихъ развитія къ стремленію украшать свое тѣло, спрашиваетъ авторъ. Путемъ анализа фактовъ онъ приходитъ къ заключенію, что эти мотивы первоначально были чисто практическаго свойства: украшая свое тѣло, человѣкъ съ одной стороны стремился возбудить къ себѣ вниманіе и понравиться индивидамъ другого типа, любви которыхъ онъ домогался,*) а съ другой стороны наводить страхъ на лицъ ему враждебныхъ. Въ обоихъ случаяхъ украшенія служили необходимымъ и наиболѣе

*) Этимъ-же побудительнымъ мотивомъ авторъ объясняетъ и происхожденіе обычая покрывать тѣло, обычай, который, сдѣлавшись господствующимъ, привелъ къ развитію чувства стыдливости.

Digitized by Google

дѣйствительнымъ оружіемъ въ борьбѣ за существованіе. Этимъ стремленіемъ и объясняется, что у первобытныхъ народовъ украшенія тѣла болѣе развиты у мужчинъ, чѣмъ у женщинъ.

Обычай украшать свою утварь, оружіе и т. д. является позже обычая украшать тѣло, и первый, на низшихъ ступеняхъ развитія, отстаетъ отъ второго, а у нѣкоторыхъ народовъ и вовсе отсутствуетъ; наиболѣе развитъ орнаментъ у австралійцевъ, миккопи и у арктическихъ народностей. Подчасъ первобытный орнаментъ представляетъ на взглядъ европейца сочетанія геометрическихъ фигуръ, вслѣдствіе чего установился взглядъ, будто первымъ шагомъ на пути развитія орнамента является орнаментъ геометрическій. Противъ этого мнѣнія возстаетъ вполнѣ основательно г. Гроссе: то, что европеецъ принимаетъ за геометрическія фигуры, оказывается грубыми изображеніями образцовъ, даваемыхъ природой. Это положеніе иллюстрируется авторомъ рядомъ примѣровъ: такъ, у бразиліанскихъ племенъ почти исключительно господствуютъ геометрическія фигуры въ орнаментѣ, но Эренрейхъ, который изслѣдовалъ вопросъ на мѣстѣ, доказалъ, что дикари сами видятъ въ нихъ изображенія живыхъ существъ: такъ, ломаная линія, повторяющаяся нѣсколько разъ, должна изображать змѣю; фигура креста, частое повтореніе котораго у американскихъ дикарей подчасъ смущало изслѣдователей, должна изображать особый видъ ящерицы и т. д. Наблюденія Эренрейха не стоятъ особнякомъ: они подтверждаются наблюденіями надъ орнаментомъ американскихъ краснокожихъ и австралійцевъ. Такимъ образомъ, въ т. н. геометрическомъ орнаментѣ слѣдуетъ видѣть прежде всего неудачныя подражанія живымъ формамъ, которыя вскорѣ стилизуются вслѣдствіе стремленія подражать первоначальнымъ образцамъ. Второй основой, изъ которой развивается геометрическій орнаментъ, является стремленіе подражать плетенымъ, сшитымъ или связанымъ предметамъ. Этотъ видъ весьма широко распространенъ какъ у арктическихъ народовъ, такъ и у миккопи и австралійцевъ. Онъ весьма часто встрѣчается на глиняныхъ сосудахъ, что объясняется какъ самимъ происхожденіемъ обычая дѣлать сосудъ изъ глины, такъ и обыкновеніемъ окружать эти послѣдніе плетеніемъ для бо́льшей прочности. Многіе оставшіеся непонятными мотивы орнаментовъ у первобытныхъ народовъ легко объясняются этимъ вторымъ источникомъ орнамента. Извѣстная ритмичность первобытнаго орнамента объясняется отчасти воспроизведеніемъ животныхъ и человѣческихъ формъ, отчасти подражаніемъ плетенію, при которомъ ритмичность вытекаетъ изъ самого характера работы, но къ ней-же подчасъ могли привести и практическія соображенія: при устройствѣ, напр., нѣкоторыхъ видовъ оружія, (стрѣлъ, копій и пр). необходимо было соотвѣтствіе обѣихъ половинъ, чтобы оружіе достигало своей цѣли. При дальнѣйшемъ развитіи ритмичность орнамента становится потребностью для удовлетворенія эстетическаго чувства. Въ общемъ орнаментъ у охотничьихъ племенъ крайне бѣденъ и несложенъ; при отыскаміи среди окружающей природы мотивовъ для изображенія, первобытный человѣкъ останавливается только на мірѣ животныхъ, и въ орнаментѣ отсутствуютъ растительныя формы. Это объясняется, по мнѣнію автора,

Digitized by Google

характеромъ охотничьяго быта: мужчины, снискивая себѣ пропитаніе, обращаютъ почти исключительное вниманіе на охоту; собирать растительную пищу—удѣлъ женщинъ; вслѣдствіе этого охотники мало обращаютъ вниманія на окружающую ихъ растительность, и такъ какъ украшеніемъ предметовъ занимаются мужчины, то и естественно, что они не черпаютъ мотивовъ изъ растительнаго царства. Дальнѣйшее утвержденіе г. Гроссе, что растительный орнаментъ появляется только послѣ перехода къ земледѣлію, кажется намъ нѣсколько рискованнымъ.

На низшихъ-же ступеняхъ развитія появляются и зачатки рисованія, живописи и рѣзьбы на камнѣ, кости, древесной корѣ. Авторъ подробно останавливается на подобныхъ произведеніяхъ у австралійцевъ, бушменовъ и арктическихъ народовъ. Въ рисункахъ, которыми австралійцы и бушмены покрываютъ скалы, пещеры и пр., краски сравнительно мало употребляются. Мотивами служатъ такіе царство животныхъ и охотничьи сцены; ими-же украшаютъ австралійцы и куски коры, а арктическіе народы куски кости и свои костяныя орудія. Для этого вида первобытнаго искусства характерно умѣнье примитивнаго художника схватывать поразительно вѣрно естественныя формы и изображать движеніе въ фигурахъ. Уже на низшихъ ступеняхъ развитія человѣчества нетрудно замѣтить извѣстный прогрессъ въ рисункѣ: въ то время какъ австралійцы незнакомы съ перспективой и при изображеніи болѣе отдаленныхъ предметовъ помѣщаютъ ихъ непосредственно надъ изображаемыми болѣе близкими фигурами, бушмены, по крайней мѣрѣ лучшіе рисовальщики изъ ихъ среды, уже освоились въ главныхъ чертахъ съ законами перспективы. Рисунки первобытныхъ народовъ обнаруживаютъ недюжинныя художественныя способности: они настолько искусны, стоятъ въ такомъ противорѣчіи съ общимъ низкимъ уровнемъ развитія самого племени, что возникало сомнѣніе въ принадлежности ихъ рукѣ первобытнаго человѣка. Въ настоящее время этотъ вопросъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ, и г. Гроссе отмѣчаетъ, что нѣтъ ничего удивительнаго, что у первобытныхъ народовъ искусство рисовать развито въ большей степени и болѣе распространено, чѣмъ у многихъ другихъ народовъ, стоящихъ на болѣе высокой ступени культуры: среди первобытнаго народа рисовать умѣетъ почти всякій, и это потому, что у каждаго почти развиты необходимыя для рисованья качества, именно наблюдательность, вѣрность глаза и руки. Эти качества вырабатываются у охотничьихъ племенъ борьбой за существованіе; они являются ему необходимыми для снисканія себѣ пропитанія. Низкій уровень развитія этихъ племенъ выражается въ томъ, что бѣдность ихъ фантазіи не позволяетъ имъ подняться въ замыслѣ рисунка надъ подражаніемъ природѣ.

Слѣдующія три главы г. Гроссе посвящаетъ разбору пляски, поэтическимъ произведеніямъ и музыкѣ у охотничьихъ народовъ. Изученіе этихъ видовъ искусства у низшихъ расъ составляетъ начало труда г. Летурно. Труды послѣдняго хорошо извѣстны въ Россіи. Въ своей «Evolution littéraire» г. Летурно не отступаетъ отъ метода расположенія матеріала, принятаго имъ въ предшествующихъ трудахъ, посвященныхъ эволюціи собственности, семьи, нравственности и т. д., въ томъ отношеніи, что

Digitized by Google

и здѣсь авторъ старается отыскать зародыши искусства въ мірѣ животныхъ; остальной матеріалъ располагается г. Летурно на этотъ разъ по расамъ, при чемъ онъ различаетъ ихъ три: черную, желтую и бѣлую. Къ первой онъ причисляетъ веддовъ, австралійцевъ, папуасовъ, готентоттовъ, банту и суданскихъ негровъ; въ составъ 2-й группы входятъ полинезійцы, всѣ американскіе народы, монголы, тюрки, арктическіе народы и пр.; наконецъ, 3-ю группу составляютъ египтяне, берберы, абисинцы, семиты, арійцы и финны. Несовершенство этой сисстемы слишкомъ бьетъ въ глаза, чтобы стоило останавливаться на разборѣ ея; но помимо ненаучности ея, она въ значительной степени затрудняетъ возможность выяснить вопросъ, насколько культурный уровень племени отражается на характерѣ его творчества, такъ какъ, напр., относительно первобытныхъ народовъ приходится искать разбросанныя авторомъ замѣчанія по разнымъ главамъ. Выводы, къ которымъ приходятъ гг. Летурно и Гроссе, однако сходятся въ существенномъ: первый признаетъ, что пѣніе является раньше, чѣмъ членораздѣльная рѣчь; къ этому приводятъ наблюденія надъ животными а также и надъ міромъ дѣтей. Это положеніе отмѣчаетъ и г. Гроссе. Далѣе оба автора согласны въ томъ, что уже на низшихъ ступеняхъ развитія можно отмѣтить зародыши всѣхъ видовъ поэзіи (лирики, эпики и драмы) и что пляска, музыка (пѣніе) и поэзія выступаютъ почти всегда одновременно.

Пляска, по мнѣнію г. Гроссе,—самое непосредственное, наиболѣе сильно дѣйствующее выраженіе примитивнаго эстетическаго чувства; ея характерной чертой являются ритмическія движенія. Всѣ виды пляски, встрѣчаемые у первобытныхъ народовъ можно подвести подъ двѣ группы: мимическая и гимнастическая пляски: первая подражаетъ дѣйствіямъ животныхъ и людей, вторая—не имѣетъ въ окружающей обстановкѣ объекта подражанія. Обзоръ плясокъ у австралійцевъ, бушменовъ и эскимосовъ (у послѣднихъ гимнастическія пляски стоятъ на второмъ планѣ сравнительно съ мимическими) приводитъ г. Гроссе къ заключенію, что главными мотивами въ мимическихъ пляскахъ являются половая жизнь и военныя дѣйствія. Привязанность первобытныхъ народовъ къ обоимъ видамъ плясокъ объясняется, какъ и само ихъ происхожденіе, присущимъ человѣку стремленіемъ къ подражанію и потребностью дать внѣшнее выраженіе возбужденному чувству; пляска пріобрѣтаетъ религіозное значеніе лишь впослѣдствіи. Оба автора отмѣчаютъ громадное соціальное значеніе, которое пляски имѣютъ у первобытныхъ народовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, по мнѣнію г. Гроссе, это единственный видъ искусства, который на высшихъ ступеняхъ развитія приходитъ въ упадокъ.

Матеріалъ, который находится въ распоряженіи этнографа для изученія народной словесности на низшихъ ступеняхъ развитія человѣчества, крайне ограниченъ; но онъ достаточенъ, чтобы намѣтить по крайней мѣрѣ основныя черты первобытной поэзіи, въ особенности насколько это касается лирики. Содержаніе лирическихъ произведеній у охотничьихъ народовъ грубо и до крайности просто: въ нихъ каждый воспѣваетъ свои несложныя горести и радости, характеръ которыхъ у дикаря совершенно

Digitized by Google

матеріальный; возвышеннымъ, съ нашей точки зрѣнія, чувствамъ нѣтъ мѣста въ лирикѣ дикаря; въ ней не встрѣчается ни воспѣванія природы, ни чувства любви, и это потому, что примитивный человѣкъ мало или вовсе незнакомъ съ чувствомъ влюбленности, а природа, которой онъ подчиненъ и съ которой ему приходится вести безпрестанную борьбу, не будитъ въ немъ эстетическаго чувства. По формѣ эти произведенія чрезвычайно просты; строчки каждаго отдѣльнаго стиха коротки и удлиненіе ихъ доказываетъ, по словамъ г. Летурно, значительный прогрессъ въ развитіи племени. Центръ тяжести произведенія лежитъ не въ содержаніи, а въ метрикѣ; этимъ объясняется, почему у огнеземельцевъ и австрійцевъ, по словамъ г. Летурно, встрѣчаются пѣсни почти безъ всякаго смысла, а г. Гроссе справедливо объясняетъ этимъ преобладающимъ вліяніемъ на слушателей размѣра стиха передъ содержаніемъ тотъ фактъ, что лирическія пѣсни, несмотря на то, что онѣ носятъ узко эгоистическій и индивидуальный характеръ, находятъ подчасъ широкое распространеніе не только въ предѣлахъ племени, но и у сосѣднихъ племенъ, говорящихъ другимъ языкомъ и слѣдовательно не понимающихъ словъ пѣсни.

Лирика у первобытнаго человѣка настолько бѣдна по своему содержанію, что г. Летурно склоненъ отрицать ея существованіе на этой ступени развитія, по крайней мѣрѣ въ ея значеніи чисто индивидуальной: господство группы надъ личностью настолько сильно, что, по его мнѣнію, не остается мѣста для воспѣванія фактовъ, не имѣющихъ общаго интереса для цѣлой группы. Примѣры, приводимые г. Гроссе, не позволяютъ однако согласиться съ этимъ утвержденіемъ, но г. Летурно несомнѣнно правъ въ томъ отношеніи, что импульсомъ для развитія лирики на слѣдующихъ культурныхъ ступеняхъ, слѣдуетъ считать перемѣны, совершающіяся въ соціальномъ строѣ; развитіе собственности, ограниченіе свободы въ общеніи половъ, имущественное неравенство и пр.—все это вноситъ въ душу человѣка новыя, незнакомыя первобытному человѣку чувства, которыя и находятъ себѣ выраженія въ лирическихъ пѣсняхъ.

Переходя къ эпическимъ произведеніямъ охотничьихъ народовъ, г. Гроссе отмѣчаетъ, какъ недостаточность матеріала, такъ и трудность его критической оцѣнки. Эпическихъ произведеній, имѣющихъ цѣлью удовлетвореніе эстетическаго чувства слушателей и самаго творца, вылившихся въ опредѣленную форму, сравнительно мало извѣстно у первобытныхъ народовъ. Разсказы, имѣющіе миѳологическій характеръ, полные чудесныхъ происшествій, сказочныхъ подробностей, которые считаются европейцами за произведенія эпическія, не являются таковыми въ глазахъ первобытныхъ слушателей; для послѣднихъ это бывшія въ дѣйствительности происшествія, имѣющія не поэтическій, а историческій интересъ; далѣе нѣкоторыя легенды о происхожденіи животныхъ, растеній и пр. представляютъ лишь наивныя попытки объясненія непонятнаго для ума первобытнаго человѣка, но не поэтическое творчество. Не признавая за этими произведеніями характера эпическихъ, г. Гроссе дѣлаетъ на нашъ взглядъ ошибку: при опредѣленіи, слѣдуетъ-ли то или другое произведеніе отнести къ разряду поэтическихъ, въ смыслѣ продукта народнаго творчества,

Digitized by Google

едва ли можетъ играть роль вопросъ, какъ относятся къ нему слушатели, какъ къ сказочному или какъ къ дѣйствительному факту; опредѣленность формы также не является существенной: мы и не вправѣ ожидать ее на низшихъ ступеняхъ развитія человѣчества. Тѣмъ не менѣе, если разсказы, будь ихъ содержаніе миѳологическое или историческое, являются достояніемъ всего племени, переходятъ изъ устъ въ уста въ теченіе поколѣній, мы должны отнести ихъ по содержанію къ общей суммѣ произведеній народнаго творчества, а по формѣ къ числу произведеній эпическихъ. По этому болѣе правъ г. Летурно, который въ своемъ обзорѣ литературныхъ произведеній разныхъ народовъ отводитъ значительное мѣсто сказаніямъ миѳологическаго характера. Болѣе серьезно другое препятствіе, которое выставляетъ г. Гроссе въ дѣлѣ изученія первобытнаго эпоса,—это трудность, а въ настоящее время, въ большинствѣ случаевъ, и невозможность выдѣлить изъ общаго цикла эпическихъ сказаній тѣ, которыя принадлежатъ творчеству извѣстнаго племени отъ заимствованныхъ. Заимствованія совершаются не только отъ непосредственныхъ сосѣдей извѣстнаго племени, какъ напр. эскимосами у краснокожихъ, но къ дикарямъ попадаютъ и разсказы европейцевъ, причемъ охотничьи племена, примѣняя заимствованный сюжетъ къ условіямъ собственнаго быта, видоизмѣняютъ разсказъ почти до неузнаваемости. Тѣ эпическія произведенія, которыя, по мнѣнію г. Гроссе, слѣдуетъ считать вполнѣ національными, рѣзко отражаютъ охотничій бытъ и борьбу первобытнаго человѣка за свое существованіе съ враждебными силами природы.

Не менѣе древни и зачатки драмы: уже въ простомъ разсказѣ дикаря находятся зачатки драматическаго дѣйствія — перемѣны голоса, мимика, подражающая внѣшности и дѣйствіямъ встрѣчающихся въ разсказѣ людей и животныхъ. Діалоги, часто встрѣчающіеся у арктическихъ народовъ и австралійцевъ, образцы которыхъ приведены въ трудахъ обоихъ авторовъ, являются зародышами драматическихъ произведеній; такими-же слѣдуетъ считать тѣ мимическіе танцы, которые сопровождаются словесными объясненіями, или въ которыхъ отсутствуютъ ритмическія движенія и даже объяснительныя слова, но которыя изображаютъ охоту, войну и пр.

Произведеніе поэтическаго творчества на низшихъ ступеняхъ всегда сопровождаются музыкой, причемъ, по выраженію г. Гроссе, первоначальнымъ музыкальнымъ инструментомъ былъ голосъ: вообще вокальная музыка появляется и развивается раньше инструментальной. Первобытные народы при пѣніи обращаютъ главное вниманіе не на мелодію, а на ритмъ, что поддерживается и тѣмъ, что пѣніе сопровождаетъ пляску. Поэтому, по мнѣнію обоихъ изслѣдователей, первоначальные музыкальные инструменты приноровлены исключительно къ отбиванію такта: такъ у австралійцевъ пляски сопровождаются ударами распорядителя палкою о палку, а женщины ударяютъ по кожаному плащу, который онѣ держатъ натянутымъ на колѣняхъ; изъ этого развивается едва-ли не первый музыкальный инструментъ въ видѣ разныхъ ударныхъ инструментовъ; по крайней мѣрѣ подобные инструменты извѣстны уже у всѣхъ охотничьихъ народовъ, и исключеніе составляютъ только ботокуды, у которыхъ

Digitized by Google

изслѣдователи отмѣчаютъ исключительно духовые инструменты; въ качествѣ послѣдней стадіи развитія, послѣ духовыхъ инструментовъ, появляются инструменты струнные, и игра на нихъ все болѣе отдѣляется отъ пѣнія. Музыка, по мнѣнію г. Гроссе, является единственнымъ видомъ искусства у первобытныхъ народовъ, которое въ своемъ происхожденіи не имѣетъ практическихъ соображеній; онъ не согласенъ съ мнѣніемъ, по которому пѣніе является въ своей основѣ средствомъ привлечь къ себѣ лицо другого пола; г. Гроссе не отрицаетъ, что у охотничьихъ народовъ при пѣніи и музыкѣ могутъ играть роль и эти соображенія, но они оказываются лишь факторами поддерживающими и развивающими музыкальное творчество, а не первоначальнымъ источникомъ, которымъ является исключительно стремленіе къ удовольствію; поэтому музыку г. Гроссе считаетъ наиболѣе «чистымъ» искусствомъ на низшихъ ступеняхъ развитія: она служитъ сама себѣ цѣлью.

Мы уже указывали, что г. Летурно подвергаетъ своему наблюденію не только охотничьи народы, но и другіе, какъ некультурные, такъ и тѣ, которые сыграли выдающуюся роль въ общей исторіи цивилизаціи. Онъ дѣлаетъ характеристику и приводитъ образцы народнаго творчества цѣлой массы народностей, причемъ изъ культурныхъ народовъ онъ останавливается на литературѣ древней Мексики и Перу, Китая и Японіи, древняго Египта, Индіи, Персіи, Греціи, Рима, семитовъ, финновъ, славянъ, кельтовъ, германцевъ и наконецъ на средневѣковой литературѣ Европы. При такомъ разнообразіи содержанія и сравнительно небольшомъ объемѣ книги, характеристики должны быть естественно очень кратки и приводимые образцы крайне немногочисленны: авторъ далеко не охватываетъ всего имѣющагося въ его распоряженіи матеріала, что крайне невыгодно отражается на содержаніи работы г. Летурно; эти недостатки особенно бросаются въ глаза, когда авторъ переходитъ къ племенамъ, литература которыхъ хорошо изучена. Для примѣра укажемъ на отдѣлъ, гдѣ г. Летурно говоритъ о литературѣ славянъ: почти единственнымъ источникомъ служитъ ему сочиненіе A. Rambaud: La Russie épique, вслѣдствіе чего, имѣя въ виду народное творчество *славянскаго племени*, г. Летурно почти исключительно говоритъ объ однихъ русскихъ, причемъ преимущественно о нашемъ народномъ эпосѣ. Нѣкоторыя неточности какъ въ выводахъ, такъ подчасъ и въ именахъ (напр. *Добрыня*—Drobryna), которыя мы встрѣчаемъ у автора, едвали представляютъ интересъ для русскихъ читателей, такъ какъ едвали кто нибудь изъ нихъ будетъ основывать свои взгляды на наше народное творчество на трудѣ г. Летурно.

Не останавливаясь на изложеніи матеріала, перейдемъ къ выводамъ, къ которымъ приходитъ авторъ относительно эволюціи литературы. Съ развитіемъ общественныхъ группъ усложняются и искусства: пѣніе, словесное творчество, инструментальная музыка становятся болѣе трудными; въ то время, какъ на низшихъ ступеняхъ развитія каждый членъ группы можетъ принимать участіе во всѣхъ видахъ искусства, при болѣе высокомъ культурномъ уровнѣ, требуется спеціальное изученіе: оно приводитъ къ появленію профессіональныхъ пѣвцовъ, какими

Digitized by Google

являются греческіе рапсоды, скандинавскіе скальды, пѣвцы въ тропической Африкѣ, въ Полинезіи и пр. Вначалѣ эти пѣвцы свободно слѣдуютъ собственному вдохновенію, но съ развитіемъ религіознаго и государственнаго строя, они вынуждены силой обстоятельствъ брать сюжеты изъ жизни боговъ, героевъ, а внѣ этихъ оффиціальныхъ сюжетовъ—событія, имѣющія интересъ для всѣхъ ихъ согражданъ: выдающіяся событія народной жизни. Эта перемѣна отразилась крайне благотворно на развитіи сюжетовъ и формы произведеній; кромѣ того, изъ устныхъ они дѣлаются письменными, но въ содержаніи они теряютъ, такъ какъ творчество не въ состояніи выливаться свободно, вслѣдствіе новыхъ условій общественной жизни: оно становится искусственнымъ и теряетъ свою прежнюю свѣжесть и непосредственность.

Однако, становясь достояніемъ избранныхъ лицъ, творчество продолжаетъ отражать въ себѣ общій строй жизни народа, какъ оно это дѣлаетъ и на низшихъ ступеняхъ развитія, и, по вѣрному замѣчанію г. Гроссе, «чувства, обнаруживаемыя первобытнымъ искусствомъ, болѣе узки и болѣе грубы, мотивы его менѣе богаты, неуклюжѣе и бѣднѣе его формы, но въ основныхъ мотивахъ, средствахъ и цѣляхъ искусство первобытнаго времени тождественно съ искусствомъ всѣхъ временъ».

Н. Харузинъ.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

ИЗЪ СТАРИННЫХЪ РУКОПИСЕЙ.

Вѣдомость о масленичномъ поведеніи

явствуетъ в сей тетрати
Вѣдомость 1762-*го* году, *)

Февраля а дня.

Пріѣхалъ вестовщикъ,
Нарочитой *от*масленіцы ямщікъ,
Всамы*х* поспешителныхъ доводах,
Наям'ски*х* почтовыхъ под*водах*.
Объявилъ о себѣ, что присланъ
Изгорода неслыхалова,
Села и деревни небывалова. [*об*явит,
Приказала ему масленіца внародъ
Что (sic) они могли отомъ извѣстны
быть:
Понеже имъ ведать и меня ожидать,
Изабла*говремен*но питья приуготовлять. [*от*мѣну,
Однако*же* къ своему приѣзду имѣет
И особливую въ томъ премѣну.
Хотя она была и прошлаго года,
И тутъ ея пристигла немалая незгода. [знаки,
Затѣ*м* что происходили немалыя
Но великія чинились влюдехъ драки.
Ктомужъ она каталась спереведе*нс*кой
Да мало нажила себѣ похвалы; [згоры,
Притомъ же нажила беду многу,
Каталась да переломила себѣ ногу.
От*чего* ходила цѣлой годъ надеревяшке, [ляшки.
Чрезъ великую силу носила свои
Того ради нынѣ несмѣетъ явитца,
Мыслитъ, чтобъ втакой бедѣ ненаходитца. [кая сухота,
Паче же суминаетца и отом вели-
Что быва*ет* вмарте мсце великая мокрота.
Впрошедши*х* годахъ была въ нужи,
Затѣмъ что *от*теплоты бываютъ лужи;
Нелзя боле забавлятца,
Безснѣгу насанях кататца. [снѣгъ,
А хотя и нагора*х* будетъ лежат
Однако*же* опасается что*б* нездѣлался смѣхъ.
А нынѣ прислала стаким договоромъ,
Об*я*вить бы людем такимъ доводом.
Ежели могутъ сие учинить,
То она велѣла объявить:

Вопервыхъ:

В'стрѣтить ея честно паче всякаго совѣту,

*) Буквы, выведенныя изъ-подъ титлъ, набраны курсивомъ; пѣрокъ замѣненъ апострофомъ; въ остальномъ правописаніе удержано. Ред.

Digitized by Google

И посадит ея во особливую корѣту.
А нетакъ, чтоб вести нароспускахъ,
Оттого она будет въ великихъ тоскахъ.

Вовторых:

Приготовит ей вина и пива,
Не желаетъ она другаго дива.
Такожъ запасти блинов, аладей и киселя,
Дабы она была всегда весела.

Третьее:

А впереведенской слободѣ наслат перин постенам,
Что бы неушиптись ея бокамъ.
А ежели сего учинить непохотятъ,
То всей годъ меня не узрятъ.
Желает отомъ отлюдей отвѣту,
Приещаетьли (sic) ей къ ним поихъ совѣту.
И отомъ буде имъ мочно,
Тобы положили время срочно.
Весь февраля (sic)мсцъ размышлятъ,
А что вздумают отвѣтъ прислатъ.

Февраля д҃ дня.

Приѣхал отмасленіцы вѣрной ея паж,
Особливаго ея здравия стражъ,
Всамых тяшкіхъ и несносныхъ трудахъ,
Нашести ямскихъ лошядяхъ.
Объявил, что масленіца весма весела,
Вчера доехала докраснаго села,
Итеперь въ веселий пребываетъ,
Что надворе теплота бываетъ.
Будет жить вкрасномъ селѣ,
Доперваго числа марта,
Вчемъ показуетъ сия карта:
Слышала, что великия беды мразы учинили,
Многие народы носы свой позно-били.
Отчево исама много страдала,
И ввеликую болѣзнь попала.
Онако (sic) вылечилас от мразной болѣзни,
Пришли времена полезны.
А выличилъ (sic) ея деревенской мужикъ Ермилъ,
Изато сталъ весма онъ милъ.
Впретъ нехощет нести такое бремя,
Ожидаетъ самое благополучное время.
Ивелѣла прислат посебя корѣту,
Нежелает болѣе другаго совѣту.

Извѣстіе отлюдей к'масленіце:

Февраля ѕ҃ дня.

Честнѣйшая наша масленіца веселая,
Вѣдаемъ, что ты недругая какая иная.
Желаем тебѣ вгороде неслыхаве (sic) пребывати,
Пивомъ и виномъ себя увеселяти.
Приѣхалъ кнамъ вестовщикъ,
Посланъ отвасъ нарочитой ямщикъ,
Втакой силѣ, что хощешъ кнам ѣхать,
То изволь нынѣ о семъ вѣдать.
Мы желаем в'февралѣ учинит свиданіе,
Отом увсѣхъ нась (sic) едино желаніе.
Авмарте какъ уже подиметца толокно,
Которое грозится натебя давно,
Никакая неможетъ удержат укрѣпа,
Баталью возимѣетъ стобой и пареная рѣпа,
Такъже и углецкое хорошое тѣсто
Нигдѣ тебѣ недастъ мѣста.
Ізволь ты кнамъ приехать тихо,
Неучинитъ тебѣ никто лиха.
Присемъ писавъ ктебѣ воздравай пребываем,
Атебя стихостию ожидаемъ.
Насіе наше писаніе твоя воля буди,
Засимъ писавы (sic) добрыя люди.

Изкронштата Февраля и҃ дня.

Многія люди обмасленіце объявляютъ
И самую правду обней возвещаютъ,
Что она изволитъ гулятъ вкроштате (sic).

Digitized by Google

Очюнь (sic) бодро впарикѣ и впуховой
Сама себя весма увеселяетъ, [пляше.
И того веселия никому незапрещаетъ.
Ходит познатным домамъ и пирамъ,
И пообретающимся там трактирамъ.

Кмасленіце извѣстие чрезъ почту
Изпетербурга, Февраля ї-го числа.

Желаемъ вскоре, хотя бы іневдругъ,
Приѣхат кнамъ всанктпетербургъ.
Совсякою охотою твоею (sic) честь
стрѣтимъ, [уготовимъ
Доволно пива и вина и меду при-
Ктакому твоему веселому пріѣзду,
Имѣй втом на насъ надежду.
А ежели намъ плату, (sic)
Устроим тебѣ особливую палату,
Вней здѣлаем такими манерами:
Обьемъ всу (sic) кругомъ шпалерами,
И поставим вней блины и яица,
Нальем водки и вина стклянницы.
Токмо нетак бы тебѣ чинит, какъ
прежде:
Недат бы влюдех такия знаки,
Не происходилиб отгебя великія
драки. [лятца,
Мы желаем хотя ипитиемъ весе-
Токмо совсякою тихостію обходитца.
А ты какъ прикатишъ бодра,
Исясякъ поулицамъ деретъ горла.
Мы нечем какъ дураки пѣти,
Нолутче тихо станемъ седѣти.
А когда ты непоступишъ посему,
То небывать и ничему.
Толко тебѣ одну недѣлю ликовать,
Апосле будеть всего миновать.
Скоро тебѣ будеть премѣна:
Испужаешься ты исама хрѣна.

Отмасленіцы искрошитата

Февраля кї дня.

Прибежал почтарь всамом тяшком
Толко наодной подводе. [доводе,
Приказала ему осебѣ объявить,
И онечастій своем народу возвестить.
Хотя она ѣхала чрезъ многия грады,
А неоткого невидала такия досады.
Ныне изкрошитата поехала впетер-
бургъ,
Ажно нечаянно напали нанея вдругъ,
И пристигли ея безслужителей впути,
Немогла отнепрителя утьти.
Анмянно, хренъ, ретка, толокно,
Пареная рѣпа и грибы.
Такъ онѣ ея сильно похватили,
Чуть и впролупь непосадили.
Однако отнихъ отбилась,
Паки вкрошитат возвратилас
Іприказала внародъ объявить,
Чтобы могли извѣстны быть.
Прислалибы понея оладей роту,
Весма отомъ имѣетъ зоботу,
Возимѣть схрѣном баталью полевую,
Зачто онѣ здѣлали обиду такую.

Вѣдомость учиненной баталій между Масленицой, хрѣном, ретской и прот'чими. Что ими учинено, значитъ ниже сего:

Февраля ї дня.

Когда масленичныя полки отправились,
Кнадлежащему своему дѣлу сладились,
То увѣдая хрѣн, ретка и толокно,
Ибо они ожидали ея давно,
Хотѣли онѣ вскоре сотворить,
Чтоб масленицу конечно разорить.
Инапали онѣ наблиновъ жестоко,
Ипродолжилас между ими баталья
глубоко. [блинъ,
Но какъ выскочил одинъ грешневой
Отвотораго паръ шелъ яко дымъ,
Много победил хрѣна и ретки,
А тѣста и числомъ неизвѣстно.
И услышала отом масленица вскоре,
Незахотѣла вкрошитате быть боле.

Digitized by Google

Нежелая блинам здѣлат траты,
Надѣла насебя крѣпкия латы
Итакъ силно нахрѣна напала,
Едва невконецъ ево потоптала.
Видя такую беду, ретка
Выбежала, как сьяйцъ насетка,
Весма безмѣрно храбро поступила,
Инамасленіцу нападенія чинила.
Однакож масленіца ранила ретку
Толко отнея ретка охъ! [в'бокъ,
Итакъ хрена, ретку и продчих прогнали,
Что онѣ такой батали невидали.
Апаче оладенная конница
Великая на батальи была спорница.
Аблиновая пехота поступила так
Что и смотрѣть было дивно. [дивно,
А нынѣ масленица соладями и бли-
Пряженьцами и хворостами [нами,
Ѣдет внародъ срадостными вестями,
Счестию своею великою
И належащею (sic) ея музыкою.

Притой баталіи сообоихъ сторон побито и вполон взято и ранено великое число.

Февраля ѕі дня.

Масленіца ѣдет совсею силою благополучно,
Ивпути пребываетъ нескучно,
И ведет ретку и хрѣна вполон, а всѣ обрестованы,
Заклепными желѣзами перекованы,
Просят умасленцы, чтоб дат имъ шу-
Ибо онѣ платьемъ обносились, [бы,
Иникогда таковы ненаходились.
Масленіца, жалѣя ихъ упрямство,
Прислала блиновъ цѣлое капраство,
Купить бы имъ шубы наголны,
Чтоб полоненыя втеплотах были доволны.
А масленіца имѣетъ надежду вѣрну,
Приѣхала вкаликину деревню [лесу,
И проставила лагири втамошнемъ
А отправляетца в'ямскую вскором часу. [німат,
Уже ипослано л҃ аладей кватеры за-
Гдѣ бы свое воинъство раставлять.
Аладьям приказала проихъ здоровья
Жалованя выдать пят пудъ масла коровья. [вонъ
Анынѣ из'каликиной блины вышли
Ивели съ собою в'ямскую вполонъ
Хрена, ретьку, капусту, грибы и прочее,
Не такъ что спохвалами,
Перекованы всѣ канъдалами.
Заними шло караулов рога блинов,
Две роты аладей, да м҃ пряженцовъ,
Самых искусныхъ молодцовъ.
Неизвѣстно в'ведомостяхъ явилось,
Коликое число хрѣна стоваріщи разорилось.

Февраля 18 дня.

Изволіла масленіца вкаликине кататца, [чатца.
Анад хрѣном преткой стала вели-
Инечаянно вдругъ выбежало х҃г огурцовъ, [лодцовъ,
Самых природных ихрабрых мо-
И так силно наблины моладьи наступили, [били,
Что иполонъ весь безостатку от-
Притом же побито аладей ї блиновъ немалое число,
А досталных прогнали невѣдомо кода.
Понеже такой страсти невидали никогда.
Акогда масленіца огом известилась,
Втотъ часъ спечали болна явилась,
И приказала себя вести въ ям'скую,
Понеже там нетак отпечали тоскую.
Уже нехощет вкаликине быт боле,
Изволит ѣхать впетербургъ вскоре.
Видя оное хрен и ретка весма забодрились, [ныя явилісь,
Для того что отмасленїцы свобод-
Ивесма крѣпко занея ухватилісь,

Digitized by Google

Аунея слезы какъ градъ покатились.
И весма прескѣлно стали воевати,
Мыслятъ, куда бы имъ масленіцу девати.
Ивсѣ масленицыны затѣи рушили,
А масленицу въ куль зашили.
Некуды стало масленице дитца (sic),
Стала имъ жалосно молитцо (sic).
А онѣ, незря наея моленье,
Вяжуть къ булю каменье
Иговорят: лутчеде одинова досадить, [дить.
Анадобно масленіцу впролупь посадить.
Ипосадили в'сыропустъ въ ѓ часу нощи.
Тогда честны стали постныя овощи.
Молодыя люди стали в'печали,
Чистова понедѣлника и прежить печали (sic), [жить:
А пожилые люди невелѣли имъ тужить.
Можноде и безмасленицы жить.
Онако (sic) хотя имного говорили,
Толко насие всѣ положили,
Чтоде смасленіцой долго невидатца,
Аможно испосными овощи перебиватца.
Впонедѣлнікъ, доживши дообѣтъ,
Учинен былъ сей совѣтъ.

Сия Історія омасленичномъ поведеній вологодского уѣзду церкви царя Констянтина і матере его Елены что накозланъче попова сына Алеѯѣя петрова. Адонея дѣла нѣтъ никому ни продать, низаложить, ни закакую ману, а писалъ своею рукою 1762 году мсца Февраля 2 дня.

Примѣч. Печатано съ рукописи, доставленной въ редакцію П. А. Дилакторскимъ изъ Вологды. Рукопись въ 4-ку на 10 листахъ, причемъ двѣ послѣднія страницы пустыя. Въ заголовкѣ наклеена раскрашенная виньетка. Ровинскому этотъ текстъ, повидимому, не былъ извѣстенъ (Срвн. „Рус. нар. картинки", I 303, IV 209, V 217). *Ред.*

Маслянница въ Саранскомъ уѣздѣ (Пенз. губ.).

Періодъ времени въ послѣ-рождественскій мясоѣдъ проходитъ преимущественно въ веселіи, завершеніемъ и полнымъ апогеемъ котораго служитъ маслянница (мясопустъ).

Русская маслянница есть ничто иное, какъ только обломокъ, ничтожный остатокъ того всенароднаго пиршества, которое въ отдаленномъ прошломъ, во времена языческія, нашими предками справлялось въ болѣе широкихъ размѣрахъ, имѣя въ себѣ миѳическо-религіозный оттѣнокъ. Полагаютъ, что эти празднества совершались въ честь особаго божества, подобнаго римскому Бахусу, или греч. Вакху. Шумный, исполненный въ прежнее время религіозныхъ обрядовъ и сопровождавшійся семейнымъ разгуломъ—этотъ зимній праздникъ продолжался у нашихъ предковъ до 14—17 дней, но потомъ маслянница была сокращена на 8 дней, а въ настоящее время справляется всего 3—4 дня и заканчиваетъ собою зимнее веселіе, началомъ котораго служатъ святки. Русская маслянница весьма оригинальна: ея обряды и обычаи до чрезвычайности разнообразятся въ русской деревнѣ. Возьмемъ для примѣрнаго описанія масляной село Зыково, Саранскаго уѣзда, мою родину.

И веселятся на маслянницу Зыковцы, и празднуютъ, и пируютъ, какъ говорится, «отъ мала до велика», отъ богача до бѣдняка. Вездѣ и всюду видишь хлѣбосольство и радушное гостепріимство. Широкая русская

Digitized by Google

натура въ то время получаетъ полный разгулъ, испытываются всевозможныя удовольствія. Всѣ ожидаютъ сырную седмицу съ какимъ-то лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, какъ какого-нибудь большого церковнаго праздника. „Къ масляницѣ купимъ, на масляницу съѣздимъ, послѣ масляницы сработаемъ“ и т. п. выраженія можно сплошь и рядомъ услышать изъ устъ не только простолюдина но и «городнóго» жителя. Празднованіе масляницы обыкновенно состоитъ изъ «встрѣчи» (до четверга), «широкой-честнóй» масляницы и «прóводовъ» съ прощальнымъ воскресеніемъ. До масляницы, въ одинъ изъ ближайшихъ базаровъ (въ г. Саранскѣ 18 вер. отъ Зыкова и въ селѣ Архангельскомъ-Голицынѣ — 3 версты), женскій персоналъ закупаетъ у мѣстныхъ «краснорядцевъ» матеріи, кумачу, ситцу, коленкору, берлентину—въ гостинецъ крестникамъ (какъ говорятъ «на зубокъ»), кумовьямъ, а дѣтямъ своимъ—игрушекъ, въ родѣ коней, погремушекъ и прочихъ кустарныхъ издѣлій, а для дессерта—«малйнокъ» *) и подсолнышковъ—этого любимаго предмета деревенскаго лакомства. Деньги на эти покупки пріобрѣтаются бабами отъ продажи тѣхъ продуктовъ (масла, сметаны, яицъ, кислаго молока, и пр.), которые приносятся ими на базаръ; мужики покупаютъ водки, солоду и хмелю для браги. Все время до «честной» проходитъ въ деревнѣ въ приготовленіяхъ. Надо упомянуть, что важную роль въ масляничномъ пиршествѣ играетъ извѣстный напитокъ—брага, которую подносятъ гостямъ «бражнымъ» (т. е. большимъ) стакáномъ; та брага хороша, которая „густа да липка, сладка да хмельна“. Пекутся «пироженцы» (изъ кислаго тѣста или сдобные) съ начинкой изъ творогу или пшенной каши. Съ первыхъ дней—масляницы еще не видно, хотя блины давно кушаютъ, пробуя предъ этимъ достоинство закупленнаго вина. Подходитъ «широкая»; на дворѣ четвергъ. Кого ни встрѣтишь—всякій непремѣнно поздравитъ съ «честной» масляницей. Лишь только покажется свѣтъ, хозяйки во всѣхъ домахъ принимаются за свою работу: поспѣшно затопляютъ печи; на сковородахъ шипятъ уже блины; за столомъ идетъ шумный, веселый разговоръ; чарки по столу похаживаютъ, головы хмелѣютъ и языки путаются, всѣ говорятъ и никто никого не слушаетъ. Къ обѣденному времени у домохозяина полное хлѣбосольство,—столъ, состоящій изъ блюдъ: «холоднаго» (рыбнаго студня), рыбы жареной, какого-нибудь «хлѣбова», каши молочной (пшенной) и проч., а «на загладку» всетаки опять блины. Словомъ, въ это время, какъ говорится, «не житье, а масляница»... Въ самомъ дѣлѣ, если для кого хорошее житье состоитъ только въ томъ, чтобъ быть постоянно сытымъ и пьянымъ, то для такихъ людей, масляница едва-ли не самое лучшее время въ году.

Но еще одна характеристическая особенность «широкой масляницы»—это, такъ сказать, уличность и публичность. Всевозможныя увеселенія, забавы, катанія на розвальняхъ, съ горъ, на ледянкахъ, скамейкахъ (подмороженныхъ коровьимъ каломъ), самодѣльныхъ конькахъ или по-просту—присѣвъ на ледешокъ,—все это въ полномъ разгарѣ. Еще заранѣе при-

*) Названіе пряниковъ, сверху закрашенныхъ фуксиномъ.

Digitized by Google

готовляютъ лучшую для лошадей упряжь; дуги, украшаютъ платками и разноцвѣтными кушаками. Отправляются парами и на одной. Бабы и дѣвки, засѣвши кучками, катаются, «играя» пѣсни. Въ чужія деревни у насъ не катаются, а только до своей околицы; назадъ отправляются шагомъ, лошадь что называется вся «въ мылѣ». У молодежи (я разумѣю дѣвушекъ-невѣстъ и парней-жениховъ) свое катаніе. Предъ масляницей по всей деревнѣ идетъ «подворный» сборъ матеріала (досокъ, гвоздей, «кудели», т. е. пеньки для каната и проч.) для изготовленія огромныхъ размѣровъ дровней. На этомъ оригинальномъ экипажѣ молодежь, садясь большими ватагами, катается изъ одного конца деревни до другого, или отъ т. н. «курмыша» (захолустная улица) до «села» *)—до церкви. Въ этотъ экипажъ садятся поперемѣнно, смѣняя одни другихъ въ возкѣ дровней съ массою всадниковъ. Ребята, дѣвчата съ шумомъ, гамомъ, веселой и дружной гурьбою провожаютъ ихъ. Вотъ на встрѣчу имъ попадаются толпы мужиковъ; вездѣ веселіе, шумъ, пѣсни подъ аккопанементъ гармоники «семиладки», пляска съ хлопаніемъ въ ладоши, словомъ полное уличное веселіе. Народъ съ утра до поздней ночи на улицѣ, всѣ въ лучшихъ костюмахъ. Пожилые и старики, которые еще могутъ бродить, не обращаютъ вниманія на веселую молодежь и не торопясь бредутъ изъ дома въ домъ, отъ свата къ куму, поздравляютъ другъ друга съ «широкой», приглашая къ себѣ «на стаканчикъ»—пропустить по маленькому. На масляницу послѣдній пятакъ идетъ въ кабакъ; пьютъ, ѣдятъ, запиваютъ и опять закусываютъ. Сколько картинъ, сколько типовъ найдетъ художникъ-жанристъ въ деревенскомъ этомъ веселіи!... Но вотъ наступило и «заговѣнное» воскресеніе. У обѣдни и десятой доли нѣтъ прихожанъ: нужно проводить масляницу «какъ водится»; до будущаго деревенскаго (весенняго) веселія, т. е. до Красной горки, всѣхъ восемь недѣль. И вотъ молодежь начинаетъ «провожать» масляницу. Обычай «проводовъ» хорошо извѣстенъ. Въ Зыковскомъ районѣ дѣлаютъ кудельное чучело изъ матеріала (пенька, веревки, кудель), который остался отъ подворной складчины для большихъ дровней. На эти самыя дровни ставятъ чучело и подъ пѣсни, съ шумомъ и гамомъ, увозятъ «гостью Масляницу» за околицу деревни. Здѣсь пугало, мастерски свитое, сплетенное и обвернутое тряпьемъ, въ одинъ мигъ варварски уничтожается малыми ребятами, которые затѣмъ возвращаются въ село, неся въ рукахъ тѣ или другіе аттрибуты Масляницы. Между тѣмъ старики и старушки собираются по своимъ другамъ-недругамъ сдѣлать послѣдній визитъ для «прощальнаго» дня.

На дворѣ смеркается. Масляница приходитъ къ концу; надо-бы помнить—и помнятъ,—что скоро наступитъ Великій постъ, и вмѣсто блиновъ нужно будетъ довольствоваться черствымъ хлѣбомъ да хрѣномъ. Великопостный колоколъ напрасно зоветъ православныхъ къ вечернему богослуженію. По улицѣ снуютъ поселяне изъ дома въ домъ съ прекрасною цѣлью «проститься». Вотъ входитъ въ домъ мѣстнаго батюшки сосѣдъ.

*) „Селомъ“ у насъ называютъ вообще всю церковную площадь

Digitized by Google

Подъ мышкой у него «французъ», т. е. бѣлый базарный хлѣбъ.—«Накысь, батюшка, твоимъ ребятамъ пашничка..; весь базаръ исходилъ; искали, искали съ хозяйкой—лучше не нашли... всѣ были простые» («караваи»)... Надо упомянуть, что «прощальный» каравай на нашихъ базарахъ печется съ особенными узорами, и эти «вавилоны» на бѣломъ хлѣбѣ бываютъ иногда довольно оригинальны. За подарокъ прихожанинъ проситъ у священника «на послѣдокъ по маленькой пропустить». Приходитъ другой «всхожій въ поповъ домъ» и начинаетъ: «Прости меня отецъ, въ чемъ я тебя прогнѣвалъ» и т. д., и опять подаетъ каравай. Этихъ караваевъ, бывало, натаскаютъ да полутораста, но и вина выйдетъ много: просятъ люди—ничего не подѣлаешь, отказать нельзя. Возвращаются домой, угостившись порядкомъ, и здѣсь считаютъ непремѣнною обязанностью всею семьею заговѣться, т. е. плотнѣе поужинать и еще выпить.

Свящ—къ Н. Н. Н—овъ.

Толки народа.

(Антихристъ.—Мышиный царь.—Гадюки).

Въ изданной мною «Программѣ для изслѣдованія народной жизни въ связи съ голодомъ и холерою» (см. «Этн. Об.» XXII, 223 и XXIII, 194; срв. XXI, 157), я уже высказывалъ, какъ эти бѣдствія въ 2-хъ лѣтній періодъ съ 1891 г. потрясли народную мысль. Разсказы, возникшіе подъ впечатлѣніемъ этихъ бѣдствій, отдаются эхомъ еще и до настоящаго времени. Еще и теперь говорятъ:

«Оце шо поставляни земськи начальныки, це уже по приказу Анцыхриста: воны будуть мучыть людей—це його помошныкы. Винъ и буде изъ земськыхъ начальныкивъ; його ны узнаешъ, де винъ: росказують, шо у його будуть быкти на рукахъ; а винъ теперъ кожынъ панъ у пырчаткахъ, такъ шо̀ його побачышъ?

Рядомъ съ этимъ разсказывается, «шо бу́ды 99 года страшный судъ ныкынучы».

Не успѣлъ еще сойти съ народныхъ устъ вопросъ о страшномъ судѣ, предвѣстниками котораго являются голодъ и холера, какъ народная мысль для разрѣшенія ставитъ новый вопросъ: откуда взялась та масса мышей, о которыхъ такъ много писалось въ газетахъ. Какъ разрѣшилъ народъ этотъ вопросъ, видно изъ слѣдующихъ разсказовъ:

1. «Въ прошломъ 1894 году было у насъ много мышей, и появилось немало легендъ по поводу этого явленія. Нѣкоторыя изъ нихъ пишу со словъ матушки, а она слышала отъ ночевавшихъ приживалокъ».

«Ѣхалъ одинъ человѣкъ. Остановился ночевать. Попросился въ крайнемъ дворѣ села.—Та хто жъ ты такый?—Та я гуртъ гоню! Пусти гостя въ хату. Сѣлъ онъ на лавку, сталъ закусывать своимъ хлѣбомъ-солью. Хозяева удивляются: не слышно никакого гурта, тихо—гдѣ же онъ? Вышелъ потихоньку хозяинъ на дворъ, а ихъ, мышей—тьма!.. Испугался хозяинъ, вошелъ въ хату, молчитъ... Обернѣлся странный гость, распро-

Digitized by Google

щался, и вышелъ. За нимъ вышелъ и хозяинъ потихоньку. Слушаетъ: свистнулъ гуртовщикъ—и все стадо мышей пошло за нимъ».

2. «Другой такой же гуртовщикъ зашелъ въ трактиръ.—Пусти меня, говоритъ онъ трактирщику, ночку погулять, съ уговоромъ только: не трогать моихъ гостей, какіе бы они ни были. Удивился трактирщикъ, но согласился. Свистнулъ гуртовщикъ, и явилось множество мышей, крысъ. Сталъ онъ ихъ поить, кормить изъ тарелокъ. Накормилъ, напоилъ и повелъ дальше».

3. « Какова же судьба *мышинаго царя*? Сталъ умирать одинъ изъ такихъ. Съѣхались люди изъ сосѣднихъ слободъ. Умеръ онъ. Стали хоронить. Только стали опускать въ могилу,—отвуда ни возьмись мыши, крысы, и поналѣзло ихъ полная могила. Священникъ и народъ перепугались и разбѣжались».

4 «Хотивъ пропысать про мышей: скилкы йихъ було, де воны узялысь? Йихъ прыгнавъ такый чоловикъ, шо увесь у шерсти та чорный. Його бачылы люды: винъ гнавъ черезъ Динъ, тамъ у слободи Красноселивци заходывъ у кабакъ. Його люды спрашуютъ: Шо ты за чоловикъ? Винъ каже: Я гоню стадо, черезъ Динъ переправляеться. Винъ спрашуе водкы; кабачикъ бызъ грошый ны давъ: такъ винъ якъ уфатывъ за вуголъ хату—такъ и затрищала хата. Кабакъ хто зна де тоди дився. Такъ люды розказувалы: якъ черезъ Динъ ишлы мыши, ны возможно сощетать: увесь Динъ захрясъ. Такъ кажутъ, шо то *богъ мышачый* ишовъ». (Срв. „Этн. Об." VIII 85, XVIII, 162).

5. «Слободы Бутурлымо(в)кы (Бобровскаго уѣзда) о(б)чыство собралы грошый, кажутъ: Давайты пошлемъ у городъ Кранштатъ отцу Ивану, шобъ помолывся объ мышахъ. Узялы послалы пятьдесятъ руб., написалы: Батюшка! попросить Бога: у насъ багат омышей, ужы и жыть низья — пойилы усе. Батюшка о. Иванъ прыславъ назадъ гроши та й пышы сюды: Молиться самы: це щы ны мыши, шо йидять хлибъ: скоро настануть мыши таки, шо будуть людей йисты».

Рядомъ съ этимъ стоитъ слѣдующее сообщеніе того же корреспондента моего:

6. «А ще росказуютъ, шо тамъ за Кыевомъ насталы таки гадюкы, шо повно у хатахъ, и жыть ни(зь)зя, та усе пойилы: и скотыну позакусювалы, и людей багато уже померло отъ гадюкъ».

Разсказы №№ 1—3 записаны священникомъ Богучарскаго уѣзда о. Іоанномъ Поповымъ, а 4—6 крестьяниномъ А. А Субботою (лѣтъ 30 слишкомъ) при живомъ содѣйствіи того же просвѣщеннаго батюшки.

Ученымъ обществамъ и періодическимъ изданіямъ, собирающимъ и печатающимъ этнографическія данныя, слѣдовало бы сдѣлать воззваніе къ своимъ сотрудникамъ и членамъ-корреспондентамъ о собраніи болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній о томъ, какъ народъ отнесся къ переселенію мышей. И нужно заняться изслѣдованіемъ этого вопроса теперь же, пока «мышиный богъ» не пересталъ быть героемъ дня.

М. Дикаревъ.

Digitized by Google

Мелкія фольклористическія замѣтки *).

5. Этимологіи въ повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ.

Въ славянскихъ и западныхъ повѣстяхъ съ именемъ Навуходоносора встрѣчаются этимологіи этого имени, которыя не объясняются западными языками. Эти этимологіи, можетъ быть, не праздныя выдумки сочинителя повѣсти, а его домышленія, основанныя на данныхъ того языка, на которомъ говорилъ сочинитель или переводчикъ повѣсти. При такомъ взглядѣ на эти этимологіи мы можемъ надѣяться когда-либо открыть, съ какого языка были сдѣланы славянскіе и западные переводы или по крайней мѣрѣ узнать, черезъ какой языкъ или народъ прошли эти повѣсти на пути отъ источника до славянскаго и западнаго міра. Матеріалъ для предлагаемаго списка этимологій мы заимствовали изъ статей А. Н. Веселовскаго («Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ. Повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ» (Славянскій Сборникъ, т. III) и И. Н. Жданова «Повѣсти о Вавилонѣ и Сказаніе о князехъ владимірскихъ», Спб., 1891 (оттискъ изъ Журн. Мин. Нар. Пр., 1891). Къ словамъ этого списка мы приложили матеріалъ для сравненія, заимствованный изъ монгольскаго языка.

1) Осоръ, Носоръ—сова. А. Н. Веселовскій сближаетъ эту форму съ евр. neser, арабск. nisr, «ястребъ», «орелъ», символъ бога—покровителя Ассиріи, Nisroch'a, изображавшагося съ орлиной головой (Славянск. сборн., т. III, стр. 140). Въ тюркомонгольскомъ также есть сходная форма. Въ своей статьѣ о Повѣсти, помѣщенной въ «Этногр. Обозр.», кн. XI, стр. 117, я привелъ формы: *хачжир*—большая и сильная птица изъ породы коршуновъ (Банзаровъ), *качыр*—родъ орла, баснословная птица, живущая болѣе тысячи лѣтъ (Будаговъ), *эсыр*—орелъ (Очерки с.—з. Монг., IV, 162, II, 143); «эсыра», какъ тамъ сказано, нѣтъ въ алтайскомъ словарѣ о. Вербицкаго; его нѣтъ и въ словарѣ, приложенномъ къ грамматикѣ алтайск. языка, изданной въ Казани въ 1869 г.; но показаніе моихъ «Очерковъ» о существованіи этого слова не стоитъ одиноко; г. Катановъ въ своей «Поѣздкѣ къ Карагассамъ въ 1890 году», Спб., 1891, стр. 38, помѣстилъ карагасскую сказку, въ которой упоминается птица, и перевелъ это карагасское слово русскимъ «орелъ».

2) Nosor — leprosus, lepra; *носор* — «прокаженный» (И. Н. Ждановъ, стр. 40). По-монгольски *худзюгур* или *худжюгур*— «паршивый», «коростявый», а также облысѣвшій отъ коросты. Можно допустить выпаденіе слога *гу*, что часто встрѣчается въ монгольскихъ словахъ, напр. *худзюгун* — «шея», произносятъ *худзюн*, вмѣсто *кубюгунъ*, «сынъ» — *кубюн*; вмѣсто *багатур*, «богатырь»—*батур* и т. п. Поэтому изъ *худзюгур худжюгур* можно вывести форму *худзюр* или *худжюр*. Такая сокращенная форма встрѣчается и въ самихъ сказаніяхъ. Въ монгольской Гэсэріадѣ, которою мы уже пользовались для сближенія одного

*) См. XXIII кн. „Этн. Обозр."

Digitized by Google

ея эпизода съ повѣстью о Вавилонскомъ царствѣ (Эти. Об., кн. XI), упоминаются семь паршивыхъ кузнецовъ братьевъ, *долон худжюгур тархан*. Головы ихъ отрублены; изъ семи ихъ череповъ Гэсэръ дѣлаетъ семь чашъ, въ которыхъ подноситъ вино своей бабушкѣ, но, разгнѣванная Гэсэромъ, она бросаетъ ихъ. По бурятской версіи Гэсэріады они становятся созвѣздіемъ Б. Медвѣдицы; въ шаманскихъ же легендахъ бурятъ звѣзды Б. Медвѣдицы выдаются за семь череповъ кузнецовъ сыновей Хожира (Зап. Вост.-сиб. Отд. Географ. Общ. по этн., т. I, в. I, стр. 126); монгольскія *дж* и *дз* въ бурятскомъ переходятъ въ *ж* и *з*; поэтому монгольское *худжюгур* черезъ предположенную форму «худжюръ» сводится съ бурятскомъ Хожиръ.

Въ киргизскихъ сказкахъ, содержащихъ темы изъ Гэсэріады, лицо, которое можетъ быть сближаемо съ Гэсэромъ, называется Козай или Козу *)—какъ будто тѣмъ же именемъ, какъ и въ монгольскомъ, только съ отпаденіемъ конечнаго *р*. Форма *косе* встрѣчается въ парномъ Алдаръ-косе; такъ называется въ киргизскихъ сказкахъ хитрый человѣкъ, всѣхъ обманывающій, въ родѣ монгольскаго Балынъ-Сенге, или извѣстнаго въ мусульманскомъ мірѣ Насръ-эддина-ходжи. Въ Гэсэріадѣ, особенно въ описаніи дѣтства Гэсэра, замѣтно вліяніе сказокъ о хитромъ человѣкѣ. *Косе* по киргизски значитъ безбородый или безволосый.

3) Nabu, nabuc—bubo, «сова». Монгольскій языкъ не даетъ сходной формы. Филинъ по-монгол. *шàри шибо*, «желтая птица».

4) *Аха* (Ахаизда) — «коза». Также нѣтъ сходной формы въ монгольскомъ языкѣ. Есть только такая не близкая: *уханд*, «козелъ».

5) Chodo, chodir—сарга; *ходо*—«коза» (И. Н. Ждановъ, стр. 40). По-монгол. *худури*—«кабарга» (у Ковалевскаго въ словарѣ нѣтъ, но я слышалъ это слово въ сѣверо-западн. Монголіи; см. Очерки с.-з. Монгол., IV, 159); у Марко Поло *гудери* (Le livre Marco Polo par Pauthier, I, p. 269). У Рашидъ-Эддина есть слѣдующее мѣсто (выписываемъ его цѣликомъ, потому что оно изложено нескладно): «Было племя Бекинъ. Государю ихъ имя было Гадеръ-Буюрукъ: «гадеръ»—т. е. весьма могущественный. Монголы, такъ какъ этого имени не знаютъ, говорятъ Гецеръ-ханъ; есть нѣкоторый изъ медикаментовъ монгольскихъ, который нынѣ называютъ гецеръ; въ древности имя его было гадеръ т. е. сильное лѣкарство, государи и этотъ Гадеръ-Буюрукъ (Раш.-эддинъ, Ист. монгол., пер. Березина, въ Трудахъ Вост. Отд. Археол. Общ., ч. V, стр. 113, 114); рѣчь идетъ повидимому о мускусѣ и кабаргѣ. Переходы Гадеръ и Гецеръ напоминаютъ двойное произношеніе у киргизъ—одинъ и тотъ же святой называется иногда Кадыръ, иногда Казыръ; это святой, извѣстный въ передней Азіи у мусульманъ подъ именемъ Хизра (св. Георгій).

6) *Насор*—«волосы» (Веселовскій, Отрывки византт. эпоса, стр. 143). Когда персидская царевна вступила на стеклянный полъ царскаго дворца,

*) Вѣстн. Европы, 1890 г., сентябрь, статья: „Монгольское сказаніе о Гэсэръ-ханѣ“.

Digitized by Google

Навуходоносоръ «пусти огнь въ палатѣ и подпали ей нижніе власы (покрывавшіе ноги царицы), и тое ради вины царевна сама его нарекла Навходоносоромъ, прозва его Насоромъ за то, что нижніе власы подпалилъ». *Ноюсун, носун* — по-монгольски шерсть овечья, верблюжья и пр.; въ словарѣ О. Ковалевскаго этого слова нѣтъ. Въ творит. падежѣ *носор*— «посредствомъ шерсти».

Послы царя Алевуя приносятъ изъ Вавилона сердоликовую крабицу. Въ своей статьѣ о Повѣсти въ Эти. Об., XI, стр. 114, мы приравнивали этотъ эпизодъ къ той главѣ «Дѣяній» Гэсэра, въ которой описывается хожденіе Гэсэра къ своей бабушкѣ за Эрдени. Сердоликовая крабица будетъ соотвѣтствовать «Эрдени» Гэсэріады. Въ Гэсэріадѣ этихъ эрдени насчитывается девять; но въ храмовой обстановкѣ буддистовъ ихъ бываетъ семь; еще болѣе, чѣмъ семь, популярно число три; гурбанъ эрдени, «три драгоцѣнности», символъ буддизма. Не явилась ли сердоликовая крабица на мѣстѣ «гурбанъ-эрдени», какъ грубое осмысленіе? Слова эрдени *) и сердоликъ имѣютъ созвучіе въ своей первой половинѣ; можетъ быть монгольское «Эрдени» получало иногда сходное окончаніе; въ монгольскомъ фольклорѣ я не могу указать на такое измѣненіе этой формы, но въ якутской сказкѣ есть Eredelj-bergän (А. Миддендорфъ, Путеш. на сѣверъ и востокъ Сибири, ч. II, Отд. VI. Коренные жители Сибири. Спб. 1878. Стр. 808). Сюжетъ сказки имѣетъ самое общее сходство съ монгольской сказкой о Эрдени-Хараликѣ; Ередели-бергенъ, подобно отцу Эрдени-Харалика (о сближеніи Эрдени-Харалика съ Гэсэромъ см. Этногр. Обозр., кн. XVIII, въ статьѣ: «Ордынскія параллели къ поэмамъ ломбардскаго цикла», стр. 4), женится на подмѣненной невѣстѣ, и только къ концу сказки обманъ обнаруживается; ложная жена удалена, и богатырь соединяется съ настоящей своей невѣстой.

Въ восточной Монголіи есть горы Дзергеле, которыя имѣютъ тупыя, какъ бы саблей срѣзанныя верхушки. Народное преданіе говоритъ, что эти верхушки ссѣкъ Гэсэръ; горы эти не захотѣли за нимъ пойти, потому онъ и ссѣкъ имъ головы. Намъ кажется, что тутъ пріурочена мѣстнымъ населеніемъ подробность изъ сказанія объ Абатаѣ, котораго мы сближаемъ съ Гэсэромъ, именно разсказъ о томъ, какъ Абатай везъ изъ Тибета въ Монголію святыню (Эрдени-цзу) и на перевалѣ святой предметъ не захотѣлъ двигаться далѣе; Абатай ссѣкъ верхнюю половину его, а нижнюю оставилъ тамъ, гдѣ она сдѣлалась недвижимою. Это случилось на перевалѣ черезъ гору, которая по этому обстоятельству и имя свое получила. Обѣ легенды, можетъ быть, одного происхожденія.

Г. Потанинъ.

*) У о. Вербицкаго (Словарь алтайск. и аладанскаго нарѣчій тюркскаго языка, Казань, 1884, стр. 50) драгоцѣнность—*ердіне, ерліне* (ерджине).

Digitized by Google

Критика и библіографія.

Iosef Müller. Ueber Ursprung und Heimat des Urmenschen (Stuttgart. 1894. 8°. 62 стр.).

Небольшая статья І. Мюллера посвящена развитію гипотезы Морица Вагнера о нахожденіи первобытной родины человѣка. По мнѣнію Вагнера, появленіе человѣка должно было произойти на сѣверѣ Европы или Азіи, при наступленіи ледниковаго періода; мягкій до тѣхъ поръ климатъ допускалъ возможность существованія антропоидовъ на сѣверѣ; съ наступленіемъ ледниковъ климатъ становится холоднѣе, флора видоизмѣняется, и антропоиды, вынужденные искать себѣ иную пищу, постепенно переходятъ отъ растительной пищи къ другимъ видамъ и становятся всеядными: антропоидъ начинаетъ охотиться за звѣрями, а охота постепенно приводитъ его къ умѣнію ходить прямо и пользоваться необдѣланными камнями въ качествѣ оружія. Такимъ образомъ, въ періодъ медленнаго отступленія передъ ледниками на югъ, происходитъ дифференціація человѣка отъ антропоидовъ.

Эти мысли, высказанныя М. Вагнеромъ вкратцѣ, старается развить и дополнить І. Мюллеръ. Фактовъ, которые могли бы сдѣлать гипотезу Вагнера болѣе убѣдительною, авторъ брошюры не приводитъ. Онъ вынужденъ, какъ и его предшественники, занимавшіеся вопросомъ о мѣстонахожденіи прародины человѣка и намѣчавшіе какъ таковую то Африку (напр. Дарвинъ), то южную Азію (напр. Гекель), то сѣверныя страны, какъ Вагнеръ и Катрфажъ, строить болѣе или менѣе правдоподобныя догадки, достовѣрность которыхъ наука, въ настоящее время по крайней мѣрѣ, еще не въ силахъ подтвердить фактическими доказательствами. *Н. Х.*

Richard Hildebrand. Ueber das Problem einer allgemeinen Entwickelungs geschichte des Rechts und der Sitte. (Inaugurationsrede). (Стр. 33. 8° Graz, 1894). Въ небольшой статьѣ ректора Грацкаго университета г. Гильдебранда поднятъ одинъ изъ крупнѣйшихъ этнографическихъ вопросовъ—именно вопросъ объ установленіи критерія для классификаціи послѣдовательности явленій жизни народовъ. Авторъ замѣчаетъ, что еще и

Digitized by Google

въ настоящее время изслѣдователи руководствуются индивидуальными взглядами при опредѣленіи, слѣдуетъ ли извѣстное явленіе общественной жизни народа считать послѣдующимъ или предшествующимъ другому явленію. Вслѣдствіе этого и сама система является крайне шаткой. Прочную основу для классификаціи въ т. сн. хронологическомъ порядкѣ большого количества явленій г. Гильдебрандъ думаетъ найти въ различныхъ ступеняхъ экономическаго развитія народа.

Различныя стадіи экономической жизни имѣютъ, по его словамъ, то преимущество, что экономическая жизнь «являетъ всюду одинаковый, постоянно двигающійся въ одномъ и томъ же направленіи ходъ развитія, который имѣетъ свое объясненіе въ томъ, что населеніе или число людей всегда и всюду возрастаетъ въ большей или меньшей степени, и изъ всѣхъ интересовъ, которые управляютъ дѣйствующею жизнью, экономическіе интересы, по природѣ вещей, оказываются всегда самыми могущественными или основными. Въ классификаціи по экономически-культурнымъ ступенямъ лежитъ поэтому косвенно и классификація по ступенямъ развитія, или, если можно такъ выразиться,—опредѣленіе возраста явленій. Каждая болѣе высокая экономическая культурная ступень есть всегда вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе поздняя, болѣе зрѣлая ступень развитія»...

«Точка опоры рычага Архимеда, пишетъ авторъ нѣсколько далѣе, посредствомъ котораго можно поднять весь міръ права и нравственности, лежитъ въ экономическомъ бытѣ; совершенно такъ же, какъ въ природѣ, она лежитъ въ борьбѣ за существованіе, на которой покоится происхожденіе видовъ». Въ приведенной цитатѣ заключается основное положеніе, которое г. Гильдебрандъ старается затѣмъ освѣтить нѣкоторыми примѣрами. Остановимся прежде всего на немъ. Въ настоящее время едва ли кто-нибудь можетъ серьезно отрицать могущественное вліяніе, которое оказываютъ экономическія условія на возникновеніе и развитіе общественныхъ нормъ. Если изслѣдователи подчасъ и обращали сравнительно мало вниманія на этотъ факторъ въ исторіи развитія различныхъ институтовъ и не всегда въ достаточной мѣрѣ освѣщали посредствомъ его то или иное явленіе, то большинство ихъ было однако далеко и отъ отрицанія его значенія; наконецъ, за послѣднее время въ новѣйшихъ трудахъ все болѣе и болѣе стали обращать вниманіе на этотъ факторъ. Если смотрѣть съ этой точки зрѣнія, то въ мнѣніяхъ г. Гильдебранда мы не увидимъ ничего особенно новаго; но онъ является представителемъ крайняго направленія, старающагося выдвинуть значеніе одного фактора на первое мѣсто въ ущербъ другимъ. Жизнь каждой народности регулируется цѣлымъ рядомъ факторовъ, въ числѣ которыхъ, конечно, видное мѣсто слѣдуетъ отвести и экономическимъ условіямъ; но значеніе и сила вліянія каждаго изъ нихъ не являются постоянными, неизмѣнными: они находятся въ постоянномъ колебаніи, и временно то одинъ, то другой получаетъ перевѣсъ. Вслѣдствіе этого намъ кажется, что едвали когда-нибудь удастся опредѣлить извѣстный постоянный факторъ, дѣйствующій всегда и всюду неизмѣнно. Г. Гильдебрандъ считаетъ безспорнымъ постоянный ростъ племени въ численномъ отношеніи и соотвѣтственно съ этимъ постоянный прогрессъ въ экономи-

Digitized by Google

ческихъ ступеняхъ быта. Можетъ случиться, пишетъ онъ, что народъ въ своемъ развитіи перескакиваетъ черезъ ту или другую культурную ступень, такъ что, напр., многіе народы непосредственно перешли отъ охотничьяго или рыболовческаго быта къ земледѣльческому, осѣдлому, не проходя ступень кочевого быта; но никогда не случается, чтобы народъ, который достигъ уже земледѣльческаго или вообще осѣдлаго быта, перешелъ къ пастушескому, кочевому, т. е. чтобы произошелъ экономическій регрессъ.

Между тѣмъ въ дѣйствительности то и другое случается: населеніе далеко не всюду и не всегда увеличивается «въ большей или меньшей степени», напротивъ того, весьма часты явленія противоположнаго характера и именно у тѣхъ народностей, которыя даютъ намъ основной матеріалъ для исторіи развитія человѣчества на низшихъ ступеняхъ развитія; достаточно вспомнить о краснокожихъ Америки и объ австралійцахъ, на жизнь которыхъ г. Гильдебрандъ ссылается въ приводимыхъ имъ примѣчаніяхъ. Культурный регрессъ среди отдѣльныхъ племенъ прослѣженъ на большомъ количествѣ примѣровъ; стоитъ вспомнить только феллаховъ Египта, современныхъ обитателей Месопотаміи, Мексики и Перу, чтобы убѣдиться, что экономическій прогрессъ совершается далеко не постоянно. Извѣстны также случаи, когда экономическая культура народа регрессируетъ частично подъ вліяніемъ хотя-бы религіозныхъ воззрѣній; чтобы ограничиться одною Россіей, отмѣтимъ, напр., полное забвеніе винодѣлія жителями Крыма подъ вліяніемъ ислама, замѣнившаго собой христіанство. Земледѣльческое населеніе Россіи, подъ вліяніемъ условій самозащиты, перешло въ лицѣ довольно значительной части прикртышскихъ казаковъ къ полукочевому скотоводческому быту. Подобныхъ примѣровъ можно было бы насчитать много; они съ очевидностью свидѣтельствуютъ, что и экономическій бытъ отнюдь не можетъ считаться прочнымъ основаніемъ для классификаціи явленій общественной жизни народа, и намъ кажется, что г. Гильдебранду можетъ быть сдѣланъ тотъ-же упрекъ, который онъ дѣлаетъ современнымъ изслѣдователямъ, которые, по его мнѣнію, руководствуются при установленіи классификаціи индивидуальными взглядами.

Обращаясь къ двумъ примѣрамъ, которыми авторъ старается доказать справедливость своего положенія, мы встрѣчаемъ и здѣсь недостаточность разносторонней оцѣнки приводимыхъ имъ фактовъ. Приведемъ одинъ изъ нихъ. «Теоріей установлено, пишетъ онъ, что первоначальной и древнѣйшей формой заключенія браковъ было похищеніе женщины. Отсюда постепенно возникла, по мѣрѣ смягченія нравовъ, покупка женъ и, наконецъ, съ развитіемъ цивилизаціи, покупка женъ выродилась въ обычай давать подарки родителямъ или опекунамъ невѣсты». При ближайшемъ разсмотрѣніи фактовъ, авторъ приходитъ къ совершенно обратному заключенію: у народовъ, стоящихъ на самыхъ низкихъ ступеняхъ развитія (охотничій и рыболовческій бытъ), обычай *покупки* невѣсты неизвѣстенъ, похищеніе женъ встрѣчается крайне рѣдко; бракъ обыкновенно заключается путемъ приношенія подарковъ родителямъ (ведды на Цейлонѣ, бушмены, алеуты, сѣв.-амер. краснокожіе, австралійцы и пр.). Обычай покупать себѣ женъ встрѣчается только у народовъ, которые достигли уже скотоводческаго

Digitized by Google

быта или даже земледѣльческаго (лопари, самоѣды, буряты, киргизы, кафры и пр.). На этихъ ступеняхъ чаще начинаетъ встрѣчаться, по мнѣнію г. Гильдебранда, и похищеніе женщинъ. Порядокъ эволюціи этого института является т. обр. совершенно обратвымъ; по словамъ автора, онъ объясняется очень легко: на низшихъ ступеняхъ развитія нѣтъ имущества, слѣдовательно охотникъ или рыболовъ вынужденъ довольствоваться полученіемъ простыхъ подарковъ при выдачѣ своей дочери замужъ. При скотоводческомъ бытѣ появляется имущество, развивается стремленіе къ наживѣ и скупость, вслѣдствіе чего невѣста начинаетъ быть продаваемой за извѣстное количество головъ скота. Обычай покупать невѣсту легко объясняетъ и развитіе похищенія, такъ какъ жениху трудно собрать требуемое за невѣсту количество скота: онъ прибѣгаетъ къ похищенію, которое, впрочемъ, на всѣхъ ступеняхъ развитія является исключеніемъ вслѣдствіе риска, сопряженнаго съ предпріятіемъ. Несостоятельность объясненія, даваемаго г. Гильдебрандомъ всѣмъ этимъ фактамъ, рѣзко бросается въ глаза всякому, хоть немного знакомому съ бытомъ культурныхъ народностей. Въ самомъ дѣлѣ, если слѣдовать теоріи г. Гильдебранда, что у многихъ народностей, которыя заключаютъ, по его мнѣнію, браки мирнымъ путемъ, одаряя родителей невѣсты, то какъ объяснить тотъ фактъ, что обычай часто *требуетъ*, чтобы женихъ, прежде чѣмъ принести подарки, совершилъ символическое или дѣйствительное похищеніе невѣсты; такъ у камчадаловъ онъ нападаетъ на нее, вступаетъ съ ней и съ окружающими ее подругами въ бой, и только въ случаѣ побѣды женихъ получаетъ права давать подарки родственникамъ своей жены. У австралійцевъ обычай похищенія невѣсты продолжаетъ господствовать, причемъ однако встрѣчается, *внутри* каждаго *племени*, и обычай покупать себѣ жену за приносимые подарки ея роднѣ. Какъ объяснить далѣе, что у многихъ народовъ, у которыхъ обычай покупки невѣсты является господствующимъ, въ свадебныхъ обрядахъ воспроизводится обыкновенно символическое похищеніе (киргизы, лопари, самоѣды и пр.),—предпріятіе, на которое, по словамъ г. Гильдебранда, женихъ рѣшается только изрѣдка. Единственнымъ объясненіемъ будетъ то, которое установлено изслѣдователями, которыхъ авторъ упрекаетъ за отсутствіе прочнаго критерія при установленіи классификація институтовъ по времени ихъ возникновенія, именно, что, обычай похищенія невѣсты всюду предшествовалъ покупкѣ невѣсты, причемъ для установленія этого положенія изслѣдователи руководствовались не индивидуальными взглядами, а пользовались историко-сравнительнымъ методомъ и изученіемъ переживаній. Далѣе, въ основаніи возникновенія обычая даренія родителямъ невѣсты извѣстныхъ предметовъ лежитъ какъ у охотничьихъ, такъ и у скотоводческихъ народовъ одна и та-же мысль, именно: либо возмѣщеніе за убытокъ, причиненный увозомъ члена союза, либо стремленіе подарками прекратить могущую возникнуть вражду, причемъ этотъ обычай появляется уже позже и съ развитіемъ народа вытѣсняетъ окончательно обычай похищенія, который сохраняется только какъ символъ. Различіе въ экономическомъ уровнѣ охотничьихъ и скотоводческихъ племенъ сказывается въ выборѣ предметовъ, служащихъ выкупомъ за не-

Digitized by Google

вѣсту: если этотъ выкупъ болѣе точно опредѣленъ у скотоводческихъ племенъ, то происходитъ это оттого, что у нихъ вообще болѣе развиты представленія о собственности и существуетъ постоянная мѣновая цѣнность—скотъ, котораго еще не знаетъ охотникъ или рыболовъ.

Мы не будемъ больше останавливаться на статьѣ г. Гильдебранда: она служитъ однимъ изъ доказательствъ, что оттѣненіе того или иного фактора, вліяющаго на ходъ развитія народа, при односторонности и недостаточно-внимательномъ изученіи явленій жизни, приводитъ неизбѣжно къ крупнымъ ошибкамъ и не только не двигаетъ впередъ науку, но можетъ даже задерживать ея развитіе. *Н. Х.*

Gustave Le Bon. Les lois psychologiques de l'évolution des peuples. (Paris. 1894. стр. 176. 8°). Небольшой трудъ г. Le Bon суммируетъ взгляды автора, изложенные имъ въ разное время въ другихъ трудахъ его, посвященныхъ исторіи культуры разныхъ народовъ. По его мнѣнію, положеніе, высказанное впервые мыслителями прошлаго вѣка, о равенствѣ людей и расъ, до настоящаго времени, хотя и съ видоизмѣненіями, является господствующимъ; нѣтъ ничего ошибочнѣе этого утвержденія: каждая раса имѣетъ ей присущіе психическіе признаки, почти столь-же стойкіе и опредѣленные, какъ и признаки физическіе, и перемѣны въ первыхъ происходятъ такъ-же медленно, какъ и во вторыхъ. Совокупность психическихъ признаковъ (нравственныхъ и умственныхъ) составляетъ духъ расы (народа), который отличаетъ ее отъ другихъ и которымъ проникнуты учрежденія, искусство, вѣрованія каждаго народа; духъ расы регулируетъ и ея исторію; онъ вырабатывается вѣками и является продуктомъ всей прошлой жизни народа. Всѣ человѣческія расы можно раздѣлить на 4 группы: 1) *примитивныя*, «у которыхъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ культуры, и которыя остановились на той эпохѣ первобытнаго животнаго состоянія, которую наши предки переживали въ палеолитическій періодъ: таковы въ настоящее время огнеземельцы и австралійцы»; 2) *низшія* расы, способныя къ воспринятію только первыхъ основъ цивилизаціи; къ нимъ слѣдуетъ прежде всего отнести негровъ; 3) *среднія* расы (китайцы, японцы, семиты и пр.), способныя развить высокую культуру, которую въ состояніи были превзойти только 4) *высшія* расы, которыя состоятъ изъ индо-европейцевъ. Высшія расы отличаются отъ низшихъ не только анатомическими и психическими признаками, но и различіемъ элементовъ, входящихъ въ ихъ составъ: у низшихъ расъ всѣ индивидуумы, даже если они принадлежатъ къ разнымъ поламъ, стоятъ приблизительно на одномъ умственномъ уровнѣ: они всѣ похожи другъ на друга; у высшихъ расъ, наоборотъ, закономъ является неравенство индивидуумовъ и половъ. Это положеніе авторъ старается подкрѣпить данными антропологическими: изъ сравненія череповъ представителей различныхъ человѣческихъ расъ видно, что объемъ черепа представляетъ наибольшія колебанія у цивилизованныхъ расъ; чѣмъ больше раса поднимается по пути цивилизаціи, тѣмъ болѣе дифференцируются черепа у отдѣльныхъ членовъ. Равенство анатомическое и физіологическое существуетъ только у низшихъ

Digitized by Google

расъ; ту-же дифференціацію можно наблюдать, распредѣляя субъектовъ по полу: объемъ черепа мужчины и женщины, даже если сравнивать только субъектовъ одинаковаго возраста, роста и вѣса, представляетъ различія, быстро усиливающіяся съ поднятіемъ уровня культуры. Эти различія, крайне слабыя у низшихъ расъ, становятся громадными у высшихъ. У послѣднихъ женскіе черепа часто едва болѣе развиты, чѣмъ у женщинъ низшихъ расъ. Въ то время, какъ средняя величина заставляетъ черепа парижанъ отнести къ числу наиболѣе крупныхъ изъ всѣхъ извѣстныхъ, черепа парижанокъ должны быть поставлены на одинъ уровень съ черепами китаянокъ и едва-едва выше женскихъ череповъ изъ Новой-Каледоніи. Каждая раса является обособленнымъ цѣлымъ, и перенесеніе культуры, выработанной одною изъ нихъ, на другую невозможно: этимъ объясняется, что европейская культура не прививается къ дикимъ племенамъ. Въ этомъ заключаются основныя положенія автора; остальная глава посвящена лишь развитію этихъ положеній и приведенію примѣровъ, какъ видоизмѣняются проявленія способностей расъ подъ вліяніемъ различныхъ факторовъ; новаго мы не находимъ въ изложеніи автора, ограничивающаго свои замѣчанія поверхностными данными, касающимися племенъ и народовъ историческихъ. Выставляя и доказывая свои положенія, какъ и иллюстрируя ихъ примѣрами, авторъ повторяетъ или всѣмъ извѣстныя истины, или давно доказанныя ошибки, и по отношенію къ его взглядамъ на расы, изъ которыхъ однѣ способны къ культурѣ, въ то время какъ другія обречены навсегда остаться некультурными, можно примѣнить его же слова, что «если трудно установить новую идею, то не менѣе трудно разрушить старую; человѣчество всегда... цѣплялось за мертвыя идеи». *Н. Х.*

А. Мюллеръ. Исторія ислама съ основанія до новѣйшихъ временъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціею приватъ-доцента Н. А. Мѣдникова. СПБ. 1895 г. Т. I—376 стр., т. II—354 стр.

Объемистый трудъ нѣмецкаго ученаго, появляющійся теперь въ русскомъ переводѣ, входитъ въ составъ извѣстной Allgemeine Geschichte Онкена, подъ заглавіемъ: Der Islam im Morgen-und Abendland (Берл. 1886—87). Нельзя сказать, чтобы авторъ внесъ въ свое сочиненіе много чего-нибудь новаго, своего собственнаго: наоборотъ, онъ даже прямо поставилъ своей задачей—изложить, вразумительно и обстоятельно, только то, что было добыто до сихъ поръ трудами другихъ изслѣдователей, подвести итоги ихъ изслѣдованіямъ и, такъ сказать, произнести послѣднее слово науки. Задачу свою покойный Мюллеръ исполнилъ прекрасно: неспеціалистъ читаетъ его сочиненіе очень легко, а каждый спеціалистъ замѣтитъ, что авторъ отнесся къ своему дѣлу вполнѣ добросовѣстно и что читатель получаетъ дѣйствительно самые свѣжіе плоды востоковѣдѣнія. Небольшой промежутокъ въ 7 лѣтъ, отдѣляющій появленіе книги Мюллера отъ нашего времени, не можетъ имѣть большого значенія, потому что какихъ-нибудь существенно важныхъ открытій за это время не сдѣлано. Приходится посѣтовать только на одинъ капитальный недоста-

Digitized by Google

тотъ Мюллерова труда, а именно на то, что г. Мюллеромъ не дѣлаются ссылки на ученыя изслѣдованія его предшественниковъ, послужившія ему источникомъ для его компиляціи; несвѣдущій читатель будетъ совершенно лишенъ библіографическихъ указаній на литературу предмета. Въ нѣмецкомъ изданіи была, по крайней мѣрѣ, хоть въ предисловіи замѣтка о томъ, что главный авторитетъ для составителя—это Дози, «der unsterbliche Dozy»; въ русскомъ переводѣ предисловіе вовсе пропущено, и русскій читатель не имѣетъ даже того краткаго указанія на одинъ изъ источниковъ компиляціи. Впрочемъ и русскій переводъ является въ свѣтъ также не безъ предисловія, только другого, составленнаго самимъ г. Мѣдниковымъ (собственно, оно г-номъ Мѣдниковымъ и не составлено, а просто извлечено изъ статейки бар. Розена, которая была помѣщена въ Зап. Вост. Отд., т. VII). Въ этомъ предисловіи сообщается біографія покойнаго нѣмецкаго профессора,—вещь, конечно, очень полезная и отнюдь непредосудительная; но крайне странно встрѣтить здѣсь выраженіе сожалѣнія, зачѣмъ Мюллеръ не сдѣлался спеціалистомъ-филологомъ, а обратился «вслѣдствіе живости своего ума и разносторонности научныхъ интересовъ» (стр. V) къ исторіи! Да неужто живость ума и разносторонность научныхъ интересовъ заслуживаютъ сожалѣнія и порицанія? И не находится ли приведенный упрекъ въ противорѣчіи съ дальнѣйшимъ заявленіемъ самого г. Мѣдникова, что «Исламъ» А. Мюллера является *въ высшей степени* полезнымъ произведеніемъ», и что онъ, г. Мѣдниковъ, «не знаетъ *ни одного другого* сочиненія, которое давало бы столь ясный, связный и осмысленный обзоръ исторіи мусульманскаго міра»?

Что касается достоинствъ или недостатковъ русскаго перевода, то нужно сознаться, что изрѣдка онъ таки тяжеленекъ, страдаетъ германизмами (помнится намъ въ одномъ мѣстѣ даже такая фраза: «онъ сдѣлалъ болѣе, чѣмъ укрѣпить власть»), но все это, конечно, простить можно. Заслуживаетъ похвалы стараніе передать восточныя имена по мѣрѣ возможности правильно, согласно съ настоящимъ восточнымъ произношеніемъ; мы этого совсѣмъ не привыкли видѣть въ переводахъ, сдѣланныхъ съ нѣмецкаго,—обыкновенно имена собственныя, перешедши черезъ нѣмецкую несовершенную транскрипцію, въ русской передачѣ уже совершенно искажаются. Напрасно только г. Мѣдниковъ обращаетъ каждаго Абдаллаха въ Абдуллу (съ женскимъ окончаніемъ). Вполнѣ сочувственно относимся мы къ стремленію г. Мѣдникова придать восточнымъ словамъ удобосклоняемое окончаніе: такъ онъ пишетъ «Алій» (не «Али»), «суфій» (не «суфи») и т. п. Въ арабскомъ языкѣ эти слова имѣютъ видъ: «Алійй-он», «суфійй-он». Употреблять формы, поставленныя нами въ скобкахъ, такъ-же не раціонально, какъ не раціонально было бы передавать латинское Iulius черезъ «Юли» и греческое Διονύσιος черезъ «Діониси».

Вскорѣ должны выйти въ свѣтъ 3-й и 4-й томы предпринятаго русскаго изданія. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ ихъ появленія, потому что возлагаемъ на русскій переводъ сочиненія Мюллера большія надежды. До чего плохо поставлено у насъ въ Россіи востоковѣдѣніе, доказываютъ, напр., слѣдующіе куріозные факты: въ «Настольномъ Энциклопедическомъ

Digitized by Google

Словарѣ» (изд. Т-ва Гранатъ) говорится о Касимѣ, *сынѣ Пророка Мохаммеда*, убитомъ Омейядами; спеціальный философскій журналъ «Вопросы философіи и психологіи» даетъ мѣсто архи-невѣжественной компиляціи г. Уманца («Метафизика мусульманскаго востока»); на казенный счетъ издается въ Ташкентѣ (!) «Исламъ» Іоганна Гаури. О послѣдней книгѣ мы подробно поговоримъ въ одномъ изъ ближайшихъ нумеровъ нашего журнала, а пока-что отмѣтимъ тотъ характерный и печальный фактъ, что переводчикъ сочиненія Гаури, г. Хомутовъ, считалъ эту невозможную элукубрацію за пышный цвѣтокъ науки. Надѣемся, повторяемъ мы, что русскій переводъ Мюллеровой «Исторіи ислама» распространитъ въ русской публикѣ, которая мало знакома съ востокомъ, болѣе здравыя о немъ понятія и устранитъ самую возможность появленія на русскомъ такихъ книгъ, какъ Гаури.

Сочиненіе Мюллера, хотя имѣетъ въ виду главнымъ образомъ внѣшнюю исторію халифата, содержитъ также много другихъ свѣдѣній и, въ извѣстной степени, можетъ служить восточной энциклопедіей. Но вся эта масса свѣдѣній, особенно по исторіи культуры, собрана не въ отдѣльныхъ главахъ, а разбросана тамъ и сямъ по всей громадной книгѣ. Конечно, подобная система изложенія дѣлаетъ книгу очень интересной для чтенія, но въ высшей степени неудобной для справокъ, а мы полагаемъ, что Мюллерова книга *должна* имѣть справочный характеръ. Краткое оглавленіе, приложенное къ каждому тому, ничуть не поможетъ дѣлу: при слабомъ знакомствѣ нашего общества съ востокомъ, не всякій способенъ будетъ ориентироваться въ толстыхъ книгахъ Мюллера, напечатанныхъ убористымъ шрифтомъ. Какъ въ интересахъ публики, такъ и въ интересахъ самаго изданія, которому мы искренно желаемъ блестящаго успѣха, мы совѣтуемъ г. Мѣдникову помѣстить въ концѣ IV тома именной и предметный *указатели*. Сдѣлать это г. Мѣдниковъ можетъ безъ большого труда (особенно если прибѣгнетъ къ помощи своихъ слушателей), а между тѣмъ значительно возвыситъ внутреннюю цѣнность своего изданія, окажетъ несомнѣнную услугу развитію русскаго востоковѣдѣнія и пріобрѣтетъ себѣ болѣе широкій кругъ читателей и «потребителей» (sit venia verbo!) Въ противномъ случаѣ объемистое сочиненіе Мюллера будетъ для очень многихъ людей богатой сокровищницей, къ которой у нихъ нѣтъ ключа. *А. Крымскій.*

Къ исторіи средневѣковой филологіи и еврейско-арабской литературы. I. «*Книга сравненія еврейскаго языка съ арабскимъ*» *Абу-Ибрагима* (Исаака) *ибнъ-Баруна*, испанскаго еврея конца XI и начала XII вѣка. Изслѣдованія П. Коковцова. Съ приложеніемъ подлиннаго текста сохранившихся отрывковъ труда ибнъ-Баруна. С.-П. Б. 1893, стр. 158.

Нельзя сказать, чтобы семитологія имѣла мало адептовъ въ Европѣ, и тѣмъ не менѣе въ этой области остается еще много, много несдѣланнаго, неизслѣдованнаго, и притомъ по отношенію къ предметамъ самой настоятельной необходимости. Напр., мы до сихъ поръ не имѣемъ историческаго словаря арабскаго языка: существующіе въ Европѣ арабскіе сло-

Digitized by Google

вари (они представляютъ передѣлку мусульманскихъ) показываютъ при каждомъ арабскомъ словѣ обыкновенно три, четыре и больше значеній, которыя совершенно несходны между собой. Такая путаница происходитъ оттого, что слова вносились въ словарь арабскими лексикографами безъ обозначенія вѣка ихъ употребленія; другая причина—та, что часто обобщается такое значеніе слова, котораго слово на самомъ дѣлѣ не имѣетъ и которое годится развѣ въ переносномъ смыслѣ, для какого-нибудь опредѣленнаго выраженія, и т. п. Не лучше стоитъ дѣло и съ арабской грамматикой. Легшая въ основу европейскихъ трудовъ и удовлетворяющая практической потребности грамматика Сильвестра де-Саси скомпилирована по сочиненіямъ нѣсколькихъ выдающихся грамматистовъ-арабовъ, но кто обращается къ самымъ источникамъ, тотъ знаетъ, сколько важныхъ разногласій существуетъ у арабскихъ авторитетовъ по грамматикѣ. Разногласія эти вполнѣ понятны: разговорный арабскій языкъ, въ теченіе долгихъ вѣковъ, естественно измѣнялся, между тѣмъ арабская литературная рѣчь ставила себѣ принципомъ—не уклоняться отъ древнихъ образцовъ; такимъ образомъ литературный арабскій языкъ, дѣлаясь въ сущности мертвымъ, долженъ былъ испытать судьбу нашего церковно-славянскаго (или славено-россказго) языка, т. е. принять какой-то искусственный видъ и усвоить нѣкоторые факты, никогда не существовавшіе въ живой рѣчи. Однимъ изъ средствъ помочь точной филологіи семитологовъ-европейцевъ является обнародованіе и переводъ возможно большаго количества восточныхъ филологическихъ сочиненій разныхъ школъ. Въ послѣднее время къ этому и стремятся въ Европѣ; между прочимъ, не малыя надежды можно возлагать на издаваемый въ настоящее время синтаксисъ Сибавейги. Отдѣльныя, сравнительно небольшія изслѣдованія, въ родѣ того, какое даетъ г. Коковцовъ, чрезвычайно симпатичны и могутъ помочь дѣлу. Матеріалъ, выбранный г. Коковцовымъ, чрезвычайно удаченъ : немногіе средневѣковые еврейскіе авторы обнаруживали такое знакомство съ арабской литературой, какъ ибнъ-Барунъ; а что касается, въ частности, арабской грамматической и лексикографической литературы, то въ этой области г. Коковцовъ ставитъ автора «Китаб-оль-мовазене» («книги сравненія») выше всѣхъ,—слѣдовательно, не исключаетъ даже такого знатока арабскаго языка, каковъ Абуль Валидъ ибнъ-Дженахъ. Трудъ ибнъ-Баруна отличается строгой систематичностью изложенія, чего также нѣтъ у ибнъ-Дженаха. Подъ вліяніемъ изученія арабскихъ филологовъ, ибнъ-Барунъ обращаетъ на арабскій языкъ чуть ли не большее вниманіе, чѣмъ на свой: читая его сравнительную грамматику, читателю иногда кажется, что онъ имѣетъ дѣло, собственно, съ грамматикой арабскаго языка, въ которой лишь для указанія сродства между языками приведены вездѣ примѣры изъ еврейской грамматики. Изслѣдованіе г. Коковцова, если исключить введеніе (свѣдѣнія объ авторѣ «Китаб-оль-мовазене»), представляетъ, собственно, ничто иное, какъ вольный переводъ подлиннаго арабскаго текста съ опущеніемъ лишь нѣкоторыхъ полемическихъ мѣстъ и съ прибавленіемъ обстоятельныхъ комментаріевъ. Спеціально этнографическій характеръ нашего изданія не позволяетъ намъ распространяться въ подробностяхъ частнаго характера

Digitized by Google

о книгѣ г. Коковцова, но мы можемъ сказать, что всякій семитологъ найдетъ въ ней много для себя важнаго и интереснаго и будетъ благодаренъ автору. *А. Крымскій.*

Оповідання про заздрих богів. Написав **Михайло Драгоманов.** Передрук із «Хліборобa». Коломия. 1894, 16°, стр. 54.

Эта небольшая книжка, составленная просто и живо, имѣетъ цѣлью популяризовать нѣкоторые выводы библейской критики и примыкаетъ къ ряду другихъ подобныхъ сочиненій того-же профессора: «Наука теологічна в Західній Европі», «Рай і поступ» і т. д. Въ настоящей книгѣ авторъ разбираетъ вѣрованія и преданія грековъ насчетъ зависти боговъ и систематически проводитъ параллель съ подобными же вѣрованіями у евреевъ.—Изложивши греческія преданія о зависти Зевса, о Прометеѣ (насадителѣ знаній, т. е. познающемъ добро и зло) и о грѣхопаденіи Пандоры и Прометея, проф. Драгомановъ вслѣдъ затѣмъ разсматриваетъ существовавшій у древнихъ евреевъ разсказъ о ревнивомъ богѣ Ягве (котораго онъ почему-то называетъ «Яве») и о грѣхопаденіи первой человѣческой четы; попутно проф. Драгомановъ уклоняется въ сторону, не нарушая однако замѣчательной связи рѣчи, и разсыпаетъ разныя побочныя свѣдѣнія: объ антропоморфическомъ политеизмѣ у древнихъ евреевъ, о вліяніи ассирійскаго искусства и т. п. Далѣе проф. Драгомановъ разсматриваетъ позднѣйшія греческія легенды о сынѣ бога (Зевса) человѣколюбцѣ Гераклѣ, о нисшествіи его и Прометеева друга Хирона въ адъ для искупленія Прометея, о примиреніи Зевса съ Прометеемъ и съ людьми,—и опять проводитъ параллель съ вѣрованіями и событіями еврейскими; онъ показываетъ, какъ старое библейское преданіе и новозавѣтные факты оказались сходны съ сказаніями греческими и вступили съ ними во взаимодѣйствіе, отчего появились новыя сказанія. Небольшое отступленіе дѣлается въ этой главѣ для сличенія еврейскихъ представленій о діаволѣ съ персидскими. Послѣдняя глава подчеркиваетъ остатки народныхъ вѣрованій въ зависть Божію у христіанскихъ народовъ, вплоть до послѣдняго времени.

Книжка, конечно, не можетъ претендовать на оригинальность и новизну выводовъ, но, какъ замѣчательный образчикъ популяризаторскаго труда, она стоитъ высоко. Недостаткомъ ея мы должны считать извѣстную политическую тенденцію, которую очень не трудно усмотрѣть, читая между строкъ. Мы бы и не касались этого пункта, если бы тенденціозность не увлекла г. Драгоманова, серіознаго ученаго и профессора исторіи, въ крупную историческую ошибку: исчисляя преимущества республиканскаго устройства и приводя въ примѣръ Грецію, онъ увѣряетъ, будто тамъ каждый свободно могъ «розбірати розумом усякі речі, що доторкались до віри» За что же, спрашивается, страдали Анаксагоръ, Сократъ и др.?! «Неправда—не просьвіта», скажемъ мы г. Драгоманову его же словами, брошенными когда-то одному изъ біографовъ Квитки-Основьяненка.

Языкъ проф. Драгоманова—ясный и простой. Есть руссицизмы.

А. Крымскій.

Digitized by Google

Georgian folk-tales, translated by Marjory Wardrop. Published by David Nutt in the Strand, London, 1894. Въ Англіи въ послѣднее время больше заинтересовались грузинской исторіей и литературой. Черезъ нѣсколько лѣтъ по появленіи въ англійскомъ переводѣ проповѣдей кутаисскаго епископа Гавріила, была напечатана обстоятельная книга Оливера Уордропа подъ заглавіемъ: „The Kingdom of Georgia: Notes of travel in a land of women, vine and song". Она заключаетъ въ себѣ историческій и литературные очерки съ хорошо подобранной библіографіей. Теперь сестра вышеупомянутаго Уордропа перевела и напечатала грузинскія народныя сказки, одобренныя еще въ рукописи извѣстнымъ антропологомъ Тэйлоромъ, какъ любопытные фольклористическіе образцы.

Въ предисловіи переводчица говоритъ, что Грузія, по своему географическому положенію между Востокомъ и Западомъ, служила долго передаточной инстанціей волновавшихъ въ старину умы человѣчества теченій. Религіозныя и политическія сношенія съ Византіей и постоянныя столкновенія съ Персіей и Турціей способствовали усвоенію Грузіей чертъ, принадлежавшихъ частью христіанству, частью же исламу, и здѣсь должны быть найдены отдѣльныя звенья въ длинной цѣпи историческихъ и литературныхъ изысканій.

Въ составъ перевода г-жи Уордропъ вошли: карталинско-кахетинскія сказки числомъ 16, мингрельскихъ—8 и гурійскихъ—14. Первыя заимствованы изъ книги г. Агніашвили (Тифлисъ, 1891, „Грузинскія народныя сказки"), вторыя изъ „Мингрельскихъ этюдовъ" проф. Цагарели, третьи изъ „Грузинскихъ народныхъ сказокъ", собранныхъ Бебуромъ Б. Переводъ близко стоитъ къ оригиналу и даетъ ясное представленіе о характерѣ грузинскихъ сказокъ. Трудъ посвященъ переводчицей Эд. Тэйлору. Первая страница книги открывается изображеніемъ грузинскаго герба, а текстъ сопровождается примѣчаніями, нужными для пониманія тѣхъ особенностей грузинской жизни, которыя отразились въ сказкахъ. Кое-гдѣ находимъ и указанія параллелей въ произведеніяхъ другихъ народовъ. Книга встрѣчена сочувственно въ англійской печати, и, между прочимъ, извѣстный славистъ, профессоръ оксфордскаго университета Морфиль далъ о ней лестный отзывъ въ журналѣ „The Academy" (1894, August, 4). Съ своей стороны, мы прибавимъ, что переводъ сдѣланъ весьма удачно и во многихъ мѣстахъ художественно воспроизведенъ грузинскій оригиналъ. *А. Хах-овъ.*

А. А. Шахматовъ. Изслѣдованія въ области русской фонетики. Варшава 1893. Стран. 2+317. (Оттискъ изъ Русскаго Филологическаго Вѣстника, т. XXIX, XXX и XXXI). *).

Эта книга, заглавіе которой слишкомъ общее и не достаточно опредѣляетъ ея содержаніе, посвящена судьбѣ въ русскомъ языкѣ звуковъ е и о,

*) Отзывы о сочиненіи г. Шахматова уже были представлены Игн. Вик. Ягичемъ (Archiv für slavische Philologie. B. XVI, S. 284—286), Ал. Ив. Соболевскимъ (Ж. М. Н. Пр., 1894 г., апрѣль, стр. 421 — 434) и Бор. Мих. Ляпуновымъ (Зап. Харьк. Ун., 1894 г., кн. IV—128 страницъ).

Digitized by Google

а также звуковъ а и ѣ, насколько послѣдняя пара связана съ первою: главные вопросы, разсматриваемые авторомъ—это переходъ е въ о (ё), совпаденіе, въ извѣстныхъ предѣлахъ, звука ѣ съ е (отчасти обоихъ ихъ съ и), равно какъ измѣненіе звуковъ е и о безударныхъ—аканье и связанный съ нимъ переходъ е въ и, или въ а (я). Настоящее сочиненіе, какъ и прежніе труды автора, свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ основательно изучилъ исторію и діалектологію русскаго языка и стоитъ на высотѣ современной науки. Если же онъ самъ винится въ недостаточномъ знакомствѣ съ русскими говорами, то впадаетъ въ излишнюю скромность, и упрекъ этотъ, по справедливости, можетъ быть отнесенъ лишь къ самому состоянію русской діалектологіи, а не къ изученію ея нашимъ авторомъ. Въ настоящемъ трудѣ онъ и самъ представилъ нѣкоторыя дополненія къ діалектологіи, отчасти основанныя на личныхъ наблюденіяхъ въ Олонецкой губерніи, отчасти на отвѣтахъ по программѣ, разосланной имъ учителямъ и учительницамъ Ярославской губерніи. Въ большомъ количествѣ приводятся г. Шахматовымъ примѣры изъ старинной письменности, извлеченные имъ самимъ изъ рукописей: многочисленность примѣровъ, конечно, относительная, такъ какъ, вслѣдствіе несовершенства азбуки съ одной стороны и церковнославянскаго вліянія съ другой, русское произношеніе проявляется лишь въ отдѣльныхъ орѳографическихъ ошибкахъ. Изъ положеній автора весьма убѣдительно само по себѣ—хотя едва-ли можетъ быть доказано изъ рукописныхъ памятниковъ — утвержденіе, что звукъ е переходилъ въ о (ё) при посредствѣ ӧ, такъ что между теперешнимъ выговоромъ с'ола *) и древнѣйшимъ с'ела предполагается переходная ступень с'ӧла. Невѣроятнымъ однако мнѣ кажется существованіе звука ӧ въ общеславянскомъ (напр. жӧна), въ виду повсемѣстнаго сохраненія звука е у южныхъ славянъ и у чеховъ: особенно невѣроятны такія формы какъ шӧсть, гдѣ предполагается расширеніе передъ полумягкими, а не передъ твердыми согласными. Любопытно распредѣленіе на нѣсколько группъ памятниковъ, смѣшивающихъ ѣ съ е, при коемъ обнаруживается необходимость обращать больше вниманія на условія, при которыхъ происходитъ смѣшеніе: такъ иные памятники смѣшиваютъ ѣ съ е только передъ слѣдующими мягкими звуками, т. е. въ такихъ случаяхъ, гдѣ ѣ и е, надо думать, совпадали въ звукѣ узкаго е (е склоннаго къ і), тогда какъ въ другихъ случаяхъ они могли различаться. На особое положеніе, занимаемое словами съ буквою ꙗ вмѣсто ѣ, напр., ꙗхати—гдѣ можно думать о неточности въ передачѣ гласнаго элемента, изъ желанія выразить согласный элементъ j, — было указано Шахматовымъ еще въ „Изслѣдованіи о языкѣ новгородскихъ грамотъ“. Вполнѣ убѣдительнымъ мнѣ кажется объясненіе древнепсковской замѣны а (ѧ) черезъ е (ѣ) внутри словъ и смѣшаннаго употребленія этихъ буквъ въ конечномъ открытомъ слогѣ, напр., провѣщелъ, въпиѣше, сл҃нце и сл҃ница, слава моѣ, житиѣ своѧ и т. д. Шахматовъ здѣсь видитъ суженіе а въ е и совпаденіе зву-

*) Апострофомъ послѣ согласной мы означаемъ ея мягкость, по недостатку шрифта (у автора мягкія согласныя отмѣчены акутомъ надъ ними).

Digitized by Google

ковъ а и е въ одномъ среднемъ между ними звукѣ, причемъ то и другое было обусловлено сосѣдствомъ со звуками j, ж, ч, ш, щ, а также съ мягкими с, з и ц, каковые звуки могли отличаться преимущественно передъ другими мягкими согласными мягкостью (не даромъ псковское письмо смѣшивало не только ч и ц, какъ и сѣверноруссное, но также ж и з, ш и с, такъ что надо предполагать попарное совпадевіе этихъ звуковъ въ весьма мягкомъ ч и въ таковыхъ же ж и ш). Изъ діалектическихъ указаній Шахматова особенно любопытно указаніе на олонецкое (въ рядѣ говоровъ Петрозаводскаго, Повѣнецкаго и Пудожскаго уѣзда) и Ярославское (въ Покровоситской волости Моложскаго уѣзда) произношеніе ѣ передъ всѣми согласными какъ узкое е, такъ что сущ. вѣра содержитъ такое же е, какъ глаголъ вѣрить (нѣкоторое указаніе въ этомъ смыслѣ сдѣлано уже въ книгѣ о Новгородскихъ грамотахъ); любопытно также существованіе въ олонецкомъ говорѣ, въ южной и средней части Петрозаводскаго уѣзда, подъ удареніемъ, звука о, склоннаго къ у (франц. o въ beau, нѣм. o въ roth)—въ словахъ: кожа, народъ, сотскій и др. (Стран. 165 и 296).

Недостаткомъ разсужденія Шахматова, съ моей точки зрѣнія, является нѣкоторая страсть къ предположенію новыхъ звуковыхъ переходовъ: держусь того взгляда, что, такъ какъ человѣческая рѣчь является всегдашнимъ подражаніемъ рѣчи другихъ и хранимымъ въ собственной памяти образцамъ, то слова чаще всего измѣняются путемъ подражанія, путемъ примѣненія къ другимъ словамъ. Авторъ же нашъ иногда даже на единичныхъ случаяхъ основываетъ звуковые законы: такъ онъ въ русскомъ имперфектѣ *хотяхоу*, который легко объясняется примѣненіемъ къ *играхоу*, *любляхоу* и т. д., видитъ доказательство тому, что ѣ передъ а самъ переходилъ въ а: хотѣахоу дало-де хотѣахоу, а затѣмъ хотѣхоу (стран. 13); встрѣчающійся у окальщиковъ род. пад. прилагательныхъ на ова (до́брова, просто́ва, и т. п.), гдѣ естественно видѣть примѣненіе къ существительнымъ, побуждаетъ Шахматова говорить о *переходѣ* конечнаго безударнаго о въ а *). Безъ подражательныхъ измѣненій („аналогіи“), конечно, дѣло не обходится и у нашего автора, притомъ иногда подражаніе допускается имъ безъ всякой надобности, или бываетъ мало вѣроятнымъ: южнорусское чатыри вмѣсто четыре объясняется примѣненіемъ къ три (стр. 274), тогда какъ его можно считать древнею формою женскаго и средняго рода; въ словахъ моленный, обыкновенный, степенный и т. п., сказалось-де вліяніе словъ моленье, обыкновенье, степень (стран. 187), тогда какъ древнее окончаніе *ьныи*, конечно, дало первоначально *н'ный* съ первымъ н мягкимъ, который и могъ помѣшать переходу е въ о (ё), отчасти здѣсь могло быть и книжное вліяніе; конечное е въ малорусск. городи́ще, лице́, ту́че! молоди́це!—объясняется у Шахматова заимствованіемъ у словъ, какъ мо́ре, зазу́ле! (стр. 60), тогда какъ проще думать, что въ исходѣ вообще не происходило расширенія. (Въ добавокъ формы

*) Смущающія Шахматова формы ево́, тово́, ково́ позволительно оправдывать тѣмъ, что ударяемый слогъ могъ быть устойчивѣе безударнаго.

Digitized by Google

городи́ще, лице́, ту́чо, если бы возникли, нашли бы себѣ опору въ словахъ твердаго окончанія). Въ одномъ мѣстѣ авторомъ допускается даже совсѣмъ странная „звуковая“ аналогія: ярославскій выговоръ *е*гнёнокъ, запрегі́, ставится въ зависимость отъ близости звуковъ о открытаго и а, причемъ „чередованіе, въ которое вступаетъ звукъ о, напр., сёло́ и въ селѣ́, мётла́ и метлѣ—естественно переносилось на звукъ а“ (стран. 305—306).

Во внѣшнемъ отношеніи разсужденіе Шахматова страдаетъ немаловажнымъ недостаткомъ: оно изложено чрезвычайно тяжело. Уже самый порядокъ изложенія неудачный: было бы гораздо удобнѣе начинать съ явленій живой рѣчи, потомъ указывать соотвѣтствіе имъ въ старинномъ правописаніи и наконецъ уже построить выговоръ прарусскій и праславянскій; авторъ же избралъ обратный порядокъ. Впрочемъ и при такомъ порядкѣ можно бы было значительно облегчить чтеніе этой книги, начавши ее съ систематическаго, хотя бы и сжатаго изложенія легшихъ въ ея основаніе взглядовъ на праславянскій вокализмъ проф. Фил. Ѳед. Фортунатова. Взгляды эти, которыхъ авторъ видимо не желалъ предвосхищать въ печати, все равно у него излагаются, но только отрывочно и неполно. Казалось бы также желательнымъ, чтобы авторъ при своихъ объясненіяхъ исходилъ отъ извѣстныхъ читателю объясненій своихъ предшественниковъ, каковыя объясненія онъ, конечно, могъ бы подвергать самой строгой критикѣ,—усвоенное авторомъ полное воздержаніе отъ полемики можетъ быть истолковано не только въ смыслѣ миролюбія, но и въ смыслѣ пренебреженія. Тяжелость Шахматовскаго изложенія отчасти происходитъ отъ нѣкоторыхъ неловкостей въ терминологіи: у него являются, напр., говоры A, B и C, говоры α и β, коимъ онъ не умѣетъ, или не рѣшается дать названій *); еще онъ нерѣдко усложняетъ дѣло оговорками, которыя слѣдовало сдѣлать разъ навсегда во введеніи: такъ постоянно говорится объ е узкомъ глухомъ („е закрытое“—пишется é), какъ объ особомъ звукѣ, отличномъ отъ настоящаго узкаго е (e^{i}), а стоило оговориться въ началѣ книги, что въ извѣстныхъ слогахъ е узкое (какъ и е широкое, какъ и о, а также и а) становится глухимъ, неизвѣстнымъ звукомъ, и можно бы было обойтись однимъ знакомъ и однимъ названіемъ. Вообще чтеніе разбираемой книги настолько затруднительно, что рекомендовать ее можно лишь завзятымъ грамматистамъ.

Романъ Брандтъ.

В. Ф. Демичъ. Очерки русской народной медицины. СПБ. 1894. Ц. 60 к. О предыдущихъ работахъ автора по настоящему же вопросу мы говорили на страницахъ „Этногр. Обозр.“. Настоящій трудъ, представляющій собою законченное цѣлое, служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ продолженіемъ „Очерковъ русской народной медицины“, каковы: а) „Акушерство ународа“,

*) Говоръ A могъ бы быть названъ узкоятевымъ (ѣ въ немъ всегда звучитъ, какъ е въ словѣ день), B—двоякоятевымъ (ѣ звучитъ то узко, напр., мѣритъ, то широко—мѣра), C—троякоятевымъ (ѣ даетъ е широкое, е узкое и еще я, напр. бядá); говоры α можно бы назвать ёкальскими (говорятъ сёло́), говоры β—éкальскими (говорятъ село́).

Digitized by Google

b) „Гинекологія у русскаго народа“, c) „Педіатрія у русскаго народа“. Въ вышеуказанномъ трудѣ содержится описаніе лихорадочныхъ заболѣваній и ихъ лѣченіе у русскаго народа. Вопросъ этотъ во многихъ отношеніяхъ интересенъ и заслуживаетъ серьезнаго вниманія не только со стороны врачей, но и этнографовъ. Д-ръ Демичъ отнесся съ полнымъ вниманіемъ къ разсматриваемому имъ вопросу и представилъ массу интересныхъ свѣдѣній для каждаго интересующагося настоящимъ вопросомъ. Онъ съ возможною полнотою собралъ и сгруппировалъ относящіеся сюда литературные матеріалы, отмѣтилъ резонныя стороны народнаго самоврачеванія отъ преобладающей массы безтолковыхъ, грубыхъ, суевѣрныхъ способовъ лѣченія, съ указаніемъ на вредъ, приносимый этими послѣдними народу.

Кажется, ни при какой другой болѣзни нѣтъ столько средствъ у народа, сколько предлагается при лихорадкѣ, изъ коихъ одни поражаютъ своею оригинальностью, другія же отличаются безсмысліемъ. Кромѣ лѣченія всевозможными амулетами, привѣсками, отчитываніями и заклинаніями, авторъ говоритъ о врачеваніи лихорадокъ страхомъ, водою и разными механическими пріемами „до площадной ругани и сѣченія розгами включительно“. Кромѣ того, въ названномъ трудѣ мы встрѣчаемъ указанія относительно гигіеническихъ правилъ, ухода и діэтетики при заболѣваніи лихорадкою.

Въ первой главѣ говорится о тѣхъ названіяхъ лихорадки, которыя даны ей въ различныхъ мѣстностяхъ; во второй—народныя представленія о причинѣ и происхожденіи лихорадки (чаще всего представляютъ ее въ образѣ женщины); въ третьей—гигіена, діэтетика и уходъ за лихорадочными больными у народа. Переходя къ лѣченію лихорадки, авторъ раздѣляетъ эти средства на три группы: на суевѣрныя и симпатическія пособія отъ лихорадки (4-я глава), техническіе способы: лѣченіе лихорадки страхомъ и водою (5-я глава) и на эмпирическія средства: минеральныя, растительныя и другія (6-я глава). Перечислить всѣ указанныя способы лѣченія въ краткой замѣткѣ нѣтъ возможности, но должно замѣтить, что нѣкоторыя эмпирическія народныя противолихорадочныя средства испробованы и одобрены врачами (лавровыя листья, подсолнечникъ, квасцы, adonis vernalis и др.).

Въ заключеніе мы должны отмѣтить, что всякій, интересующійся народною медициною, найдетъ въ названной работѣ автора немало интереснаго. Желательно было-бы, чтобы на будущее время при собираніи этнографическихъ свѣдѣній обращалось вниманіе и на этотъ вопросъ.

Д. Никольскій.

Д-ръ К. Н. Бобрицкій: Матеріалы къ вопросу о физическомъ развитіи современнаго студенчества. 1893 г. ц. 50 к.

Для рѣшенія вопроса о физическомъ развитіи учителя въ университетѣ, авторомъ были произведены надъ 518 студентами VII семестра медицинскаго факультета въ Харьковѣ различныя измѣренія: ростъ, объемъ груди, измѣреніе головы, лицевой уголъ, длина полнаго размаха рукъ, мышечная сила, жизненная емкость легкихъ, вѣсъ, температура, пульсъ, ды-

Digitized by Google

ханія и остроты зрѣнія. Какъ видно, данныя очень полныя, и на основаніи ихъ получились очень интересные выводы, съ которыми мы и познакомимъ читателей. Краткая библіографія замѣтокъ не позволяетъ остановиться на деталяхъ названной работы. Небольшое число студентовъ-медиковъ VII семестра придется на возрастъ 23—25 лѣтъ; евреи представляютъ собою наибольшій элементъ среди студентовъ; по сословіямъ наибольшее число—мѣщане и дворяне. Средній ростъ равенъ 168,85 стм., средній вѣсъ равенъ 62,-92 килогрм. Периметръ груди въ среднемъ равняется 86,6 стм. Величина большаго размаха рукъ дастъ среднюю величину, равную 170,99 стм. Большинство студентовъ брахицефалы, лицевой уголъ Кампера заключается между 66 и 76°. Средняя величина жизненной емкости легкихъ равна 3825 куб. снти. Близорукость является весьма распространеннымъ заболѣваніемъ среди студентовъ: она наблюдается почти въ половинѣ изслѣдованныхъ студентовъ (49,3%.) Эмметропія же и гиперметропія составляютъ въ одинаковой степени, по 23—25% и лишь только 1,4% приходится на астигматизмъ.

Затѣмъ изъ анамнестическихъ данныхъ получились небезынтересныя слѣдующія свѣдѣнія: большинство студентовъ—66,4% курятъ и 58,3% употребляютъ спиртные напитки. Куреніе болѣе всего распространено среди малороссовъ, казаковъ и грековъ; спиртные же напитки, главнымъ образомъ, употребляются грузинами, армянами и казаками и затѣмъ, уже въ меньшемъ количествѣ—русскими и евреями. По сословіямъ куреніе табаку наичаще наблюдается среди купцовъ. По вопросу о занятіяхъ искусствами, которыя наиболѣе распространены между студентами, найдено, что чтеніе у нихъ является наиболѣе распространеннымъ занятіемъ, довольно часты наблюденія гимнастики, рѣже встрѣчается цѣніе и охота и, наконецъ, музыка изучается лишь только въ рѣдкихъ, немногихъ случаяхъ.

Вообще работа д-ра Бобрицкаго интересна во многихъ отношеніяхъ, и желательно было бы, чтобы въ другихъ университетахъ были произведены подобныя же наблюденія. *Д. Никольскій.*

Д-ръ И. И. Минкевичъ. Камни, какъ медицинское средство и какъ предметъ обожанія на Кавказѣ. «Прот. засѣданій Императ. Кавказ. Мед. Общ.». 1893 г. № 13 (1-го декб). Отд. отт.

Многія простонародныя медицинскія средства имѣютъ свой смыслъ и значеніе; но въ то-же время еще большая часть не имѣетъ никакого значенія и вся сила этихъ средствъ держится среди народа на незнаніи и суевѣріи. Къ числу послѣднихъ относятся и камни, культъ которыхъ развитъ особенно среди народовъ Средиземнаго моря: у арабовъ, финикіянъ, египтянъ сирійцевъ, хананеевъ, евреевъ. Авторъ въ вышеуказанной работѣ, обстоятельной и интересной съ медико-этнографической стороны, даетъ очеркъ того, какъ относится населеніе Кавказа къ камнямъ, какъ лѣчебнымъ средствамъ. Предпославъ историческія свѣдѣнія по этому поводу и высказавъ, что едва-ли найдется какой-либо народъ, у котораго не найдено было-бы въ различныхъ періодахъ его развитія, доказательства существованія культа камня, подъ какою бы то ни было

Digitized by Google

формою, авторъ описываетъ самые камни, ихъ составъ, форму и т. п., которые онъ находилъ у жителей Кавказа. Въ коллекціяхъ подобныхъ камней, находились известняки, мочевые камни человѣка, распиленные пополамъ (камни эти варятъ и даютъ пить страдающимъ каменною болѣзнью или труднымъ мочеиспусканіемъ), различныя окаменѣлости, головка змѣи, кусочки стекла, какая-то смола, янтари, нанизанныя на шнуркѣ, различныя печатки съ вырѣзанными изображеніями и т. п. Метеориты, падающіе камни, фульгуриты и др. камни, благодаря своему черному цвѣту, своей формѣ, сдѣлались даже священными, предметомъ обожанія,—они оказываютъ вліяніе на судьбу не только отдѣльныхъ личностей, но и на судьбу народовъ. Но между ними особенно цѣнились и цѣнятся тѣ, которые облегчаютъ страданія человѣка. Авторъ приводитъ примѣры, при какихъ страданіяхъ та или другая народность примѣняетъ эти камни. Нужно замѣтить, что чаще всего къ ихъ цѣлебной помощи прибѣгаютъ женщины; такъ бездѣтныя женщины, отправляясь на богомолье, гдѣ находятся такіе камни, ломатся на нихъ голымъ животомъ. Есть камни, которыми лѣчатъ отъ укушенія змѣй, лихорадку, тифъ, воспаленіе соединительной оболочки глазъ, особенно трахому, лѣчатъ мелкимъ порошкомъ изъ жемчуга, красныхъ кораллонъ и т. п.

Затронутый авторомъ вопросъ, интересный самъ по себѣ, желательно было бы болѣе подробно выяснить, для чего необходимы подобныя наблюденія и свѣдѣнія изъ другихъ мѣстъ. *Д. Н-кій.*

Д-ръ Ростовцевъ. Замѣтки о врачебной помощи инородческому населенію въ Россіи. «Еженедѣльникъ» 1894, № 32.

Вопросъ о врачебной помощи инородцамъ и объ отношеніи ихъ къ врачамъ и т. п. у насъ какъ въ общей, такъ и спеціальной печати затронутъ очень мало. А между тѣмъ дѣло это должно обращать на себя вниманіе. Врачи, живущіе среди инородцевъ, могли бы дать по этому вопросу интересныя свѣдѣнія. Авторъ вышеуказанной замѣтки даетъ краткія свѣдѣнія о башкирскомъ населеніи Уфимской губ., гдѣ ему пришлось въ 92 и 93 г. дѣйствовать въ качествѣ эпидемическаго и земскаго врача, затѣмъ посвящаетъ нѣсколько строкъ организаціи медицинской помощи башкирскому населенію до учрежденія земства и потомъ уже даетъ краткія свѣдѣнія о заболѣваемости башкиръ Салиховскаго участка, въ которомъ 30,900 душъ об. пола, изъ нихъ: башкиръ 20,954 или 67,8%;—русскихъ—9,941 или 32,2%. Для сравненія о числѣ обращеній за медицинскою помощью русскихъ и башкиръ беретъ только два мѣсяца—май и іюнь 93 г. Конечно, на основаніи этого нельзя дѣлать выводовъ—причемъ оказывается, что въ маѣ башкиръ обращалось 39,2% изъ общаго числа обращеній, русскихъ—60,8; въ іюнѣ было—33,6% и русскихъ 66,8%. Вообще башкиры обращались въ 3—4 раза рѣже русскихъ. Причину этому явленію авторъ видитъ въ томъ, что медицинская помощь приспособлена только для русскаго населенія, для инородческихъ же она является какъ бы чужою: ни въ больницѣ, ни въ амбулаторіи башкиръ, вотяковъ и т. д. не сумѣютъ объяснить своихъ жалобъ; врачебный персоналъ не

Digitized by Google

сумѣетъ ихъ выяснить, ни дать должнаго наставленія». Въ виду этого, по словамъ автора, *русская* медицина среди инородцевъ не можетъ пользоваться популярностью—съ чѣмъ мы не можемъ согласиться, какъ на основаніи личныхъ опытовъ, такъ и на основаніи наблюденій другихъ врачей, *долго* живущихъ среди инородческаго населенія.—А что нужно дѣлать для правильной организаціи медицинской помощи населенію—авторъ отвѣта не даетъ и говоритъ только, что инородческое населеніе не будетъ пользоваться русскою медициною до тѣхъ поръ, пока не обрусѣетъ. А что же было до этого времени? Вотъ вопросъ, на который нужно обратить вниманіе. *Д. Никольскій.*

В. Н. Сторожевъ. Тверское дворянство XVII в. Вып. 1—3. (Тверь 1891—1894. изд. Тверск. Уч. Архивной ком.). **Его-же: Воронежское дворянство по десятнямъ XVII в. Вып. I.** (изд. Ворон. Г. Стат. Ком. 1894). Указанныя работы г. Сторожева составляютъ, такъ сказать, отдѣльныя звенья въ цѣпи предпринятаго имъ изданія десятенъ. Какъ источникъ изученія исторіи русскаго дворянства, десятни имѣютъ большое значеніе; въ частности, такъ какъ за именемъ служилаго лица отмѣчается или составъ вооруженія, въ которомъ онъ долженъ явиться на службу, или количество его оклада помѣстнаго или денежнаго, то десятни даютъ возможность познакомиться и съ экономическимъ состояніемъ служилаго класса древней Руси; этой послѣдней стороной онѣ могутъ быть полезны и для русской исторической этнографіи. Другое значеніе десятенъ для этнографіи заключается въ томъ, что пользованіе ими даетъ возможность пополнить списокъ русскихъ некалендарныхъ именъ, равно какъ и прослѣдить постепенное вымираніе въ теченіе XVII в. обычая давать лицамъ, кромѣ христіанскаго имени, еще другого, некалендарнаго *). Если вообще источниками для знакомства съ вопросомъ о распространенности по времени и мѣсту указаннаго обычая могутъ служить и другіе документы, то десятни имѣютъ то преимущество, что онѣ, касаясь исключительно служилаго сословія, даютъ возможность прослѣдить этотъ обычай у высшихъ слоевъ тогдашняго общества; далѣе, такъ какъ каждая десятня обнимаетъ служилыхъ людей извѣстной мѣстности, то облегчается трудъ по точному опредѣленію района, гдѣ то или другое имя встрѣчается, что не всегда бываетъ возможно прослѣдить на основаніи другихъ видовъ списковъ служилыхъ людей.

Обычай давать некалендарныя имена и употреблять ихъ въ общежитіи вмѣсто христіанскихъ постепенно выходитъ изъ употребленія въ теченіе XVII в. Исчезновеніе этого обычая идетъ отъ высшихъ слоевъ къ низшимъ: такъ, напр., въ многочисленныхъ спискахъ служилыхъ людей, просмотрѣнныхъ нами въ Моск. Архивѣ Мин. Юстиціи, мы за XVII в. не встрѣтили ни одного некалендарнаго имени среди представителей русскихъ княжескихъ фамилій, въ то время, какъ подобныя имена еще сравнительно часто встрѣчаются среди другихъ представителей служилаго сословія.

*) См. объ этомъ замѣтки въ предыдущихъ кн. „Этн. Обозр."

Digitized by Google

Такъ, напр., въ одномъ изъ подобныхъ списковъ 1625 г., при 1160 именахъ, некалендарныя составляютъ 7½ %; въ другомъ спискѣ (Арзамасск. у.) 1625 г., при 400 именахъ некалендарныя составляютъ 10,1%; въ спискѣ 1640 г., при 1750 именахъ служилыхъ лицъ Веневскаго у., некалендарныя составляютъ около 4½ %. На вымираніе обычая давать некалендарныя имена указываетъ и сравненіе % отчествъ съ % личныхъ именъ: такъ напр., въ 1-мъ изъ указанныхъ нами списковъ % некалендарныхъ отчествъ равняется 13%; во 2-мъ — 20¼ %; въ 3-мъ — около 10%, т. е. изъ извѣстной группы служилыхъ людей въ старшемъ поколѣніи число лицъ съ некалендарными именами было вдвое больше, чѣмъ въ младшемъ. Уничтоженіе этого обычая едва-ли шло съ одинаковою интенсивностью въ разныхъ мѣстностяхъ, вслѣдствіе чего изученіе некалендарныхъ именъ по годамъ и мѣстностямъ на основаніи между прочимъ и десятенъ, дастъ возможность освѣтить исторію указаннаго вопроса, причемъ нельзя не признать, что опубликованіе имѣющихъ къ вопросу отношеніе документовъ, предпринятое систематически, какъ это сдѣлано В. Н. Сторожевымъ относительно десятенъ, въ значительной степени облегчитъ работу изслѣдователя. *Н. Х.*

П. Ерусланов ъ. Очеркъ быта и преданій восточныхъ черемисъ. Его-же: Жертвоприношенія черемисъ Бирскаго у. (Уфимской губ.) по случаю неурожая. (*Изв. Оренбурск. Отд. И. Р. Геогр. Общ., вып. 4. 18 стр. 8°. Оренб. 1894*). Въ то время, какъ о горныхъ и луговыхъ черемисахъ имѣется довольно обширная этнографическая литература, черемисы восточные, живущіе въ Уфимской и Пермской губ., почти совершенно не были предметомъ изученія. (Срв. „9. O.XXII, 34“). Между тѣмъ уже тотъ фактъ, что современные восточные черемисы состоятъ изъ потомковъ той части черемисской народности, которая удалилась на востокъ подъ напоромъ русской колонизаціи, не желая подчиниться новымъ завоевателямъ, что они, сравнительно съ горными и луговыми, поздно пришли въ столкновеніе съ русскимъ элементомъ и до настоящаго времени мало подверглись его вліянію, заставляетъ предполагать, что именно въ ихъ средѣ должны были сохраниться въ бо́льшей степени слѣды старины въ обычаяхъ, обрядахъ, вѣрованіяхъ и пр. Статьи г. Ерусланова какъ нельзя лучше доказываютъ это: несмотря на ихъ небольшой объемъ, онѣ свидѣтельствуютъ, какой обильный матеріалъ можетъ найти изслѣдователь быта среди этой вѣтви черемисовъ. Сообщаемыя авторомъ интересныя свѣдѣнія о переселеніи черемисовъ, способахъ ихъ разселенія, современныхъ юридическихъ обычаяхъ и жертвоприношеніяхъ, въ которыхъ живо отражаются слѣды родового быта и культа предковъ, заставляютъ надѣяться, что дальнѣйшія изысканія въ этихъ областяхъ быта среди восточныхъ черемисовъ будутъ вознаграждены добычей цѣнныхъ научныхъ результатовъ. Насколько намъ извѣстно, г. Ерусланов ъ продолжаетъ свои изслѣдованія: намъ остается въ интересахъ науки этнографіи пожелать ему полнаго успѣха въ дальнѣйшей работѣ.

Н. Х.

Digitized by Google

Живая Старина. Періодическое изданіе Отдѣленія Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, подъ ред. *В. И. Ламанскаго*. Годъ 4. Выпускъ I. Спб. 1894.

Въ первомъ отдѣлѣ этого выпуска находимъ статьи: *В. Н. Перетца* «Деревня Будагоща и ея преданія»; *Н. Ѳ. Лѣскова* «Отчетъ о поѣздкѣ къ Олонецкимъ Корелам лѣтомъ 1893 года», и *Филиппа Зобнина* «Изъ года въ годъ» (Описаніе круговорота крестьянской жизни въ селѣ Усть-Ницынскомъ, Тюменскаго округа). Въ статьѣ г. Перетца собрано нѣсколько интересныхъ данныхъ относительно воззрѣній крестьянъ Тихвинскаго уѣзда, Новгородской губерніи, на лѣшаго, водяного (омутника), банника и рижнаго хозяина. Банный является существомъ большею частью добродушнымъ, рижный—трусливымъ и завистливымъ. Отсылая читателей для сравненія приводимыхъ данныхъ къ напечатаннымъ уже матеріаламъ, напр. къ Новгородскому Сборнику, авторъ, къ сожалѣнію, не отмѣчаетъ, въ какомъ отношеніи новы и оригинальны записанные имъ варіанты. Такое сопоставленіе было бы чрезвычайно важно для характеристики міровоззрѣнія крестьянъ изслѣдованной мѣстности и, сверхъ того, подвинуло бы впередъ разработку нашей демонологіи. Не лишены значенія, какъ этнографическій матеріалъ, и разсказы о мертвецахъ, распадающіеся на двѣ группы: одни о мертвецахъ добрыхъ, другіе—о злыхъ.

Животрепещущимъ интересомъ проникнута статья г. Лѣскова. Авторъ съ свойственнымъ ему мастерствомъ рисуетъ мрачную картину глубокаго невѣжества и крайней безпомощности Олонецкихъ корелякова. Онъ исходилъ и изъѣздилъ, главнымъ образомъ, Петрозаводскій и Олонецкій уѣзды. Пути сообщенія самые невозможные; почтовая дорога такова, что каждую минуту рискуешь свалиться въ котловину вмѣстѣ съ экипажемъ.

Въ городѣ Олонцѣ, за исключеніемъ базарнаго дня, остальные шесть дней царитъ мертвая тишина, нарушаемая развѣ лаемъ собакъ и крикомъ гусей, принадлежащихъ одному изъ «властей», которые, кстати сказать, и сами говорятъ по-корельски. «Проходящихъ на улицахъ такъ мало, что невольно приходитъ въ голову сказка о сонномъ царствѣ, гдѣ всѣ граждане мирно почивали». Не говорится ни слова ни о такъ называемой, общественной жизни, ни объ умственныхъ интересахъ города: всего этого нѣтъ, очевидно. Если такою жизнью живутъ въ уѣздномъ центрѣ, то можно себѣ представить глушь и мертвенность, царящую за его предѣлами. Свои слова авторъ иллюстрируетъ, на этотъ разъ, описаніемъ тѣхъ пріемовъ воспитанія дѣтей, которые практикуются тамъ донынѣ. Дѣти уже съ 3, 4 лѣтъ предоставляются самимъ себѣ; хлѣбъ ребенку дадутъ, кое-какъ одѣнутъ, а тамъ—никакихъ мамокъ и нянекъ, его оставляютъ даже одного, уходя въ лѣсъ на работу. И корельское дитя «проживетъ въ лѣтніе дни вволю, «досыта», безпомощно тонетъ въ рѣкахъ и озерахъ, захлебывается въ колодцахъ и зажигаетъ нерѣдко цѣлыя селенія». При родахъ иногда употребляется, между прочимъ, слѣдующій варварскій способъ: родильницу привѣшиваютъ къ продольнымъ и поперечнымъ перекладинамъ отъ одной стѣны къ другой, съ силой нажимаютъ животъ и такимъ путемъ выдавливаютъ ребенка, почему-либо запоздавшаго появиться

Digitized by Google

на свѣтъ въ извѣстное время. Крещеніе совершается безъ всякой торжественности, даже отецъ и мать не присутствуютъ на обрядѣ по извѣстнымъ примѣтамъ; на шею ребенку привѣшивается мѣдный крестикъ съ множествомъ различныхъ амулетовъ: ртуть въ тряпочкѣ, цвѣтъ ржи, медвѣжій коготь, кусочекъ кожи съ вырѣзанной звѣздой — отъ дѣйствій «ран», нечистаго, и др. Всевозможными примѣтами и суевѣріями обставлена вся жизнь ребенка вообще. Кормятъ дѣтей всѣмъ, что найдется въ домѣ подъ руками, коровьимъ молокомъ, ржанымъ разжеваннымъ хлѣбомъ, кашей, рыбой, ягодами, печеной рѣпой, картофелемъ. «И болѣетъ корельское дитя чуть ли не всѣми дѣтскими болѣзнями, какія только существуютъ на свѣтѣ. Но всѣ болѣзни, какъ сглазъ, отъ котораго лѣчатъ въ жаркой банѣ повертываніемъ внизъ головой надъ банной матицей, или «съ вѣтру», отъ котораго кладутъ ребенка въ квашню, куда предварительно опущенъ горячій, только что испеченный хлѣбъ («пусть, молъ, онъ подышетъ теплымъ паромъ, такъ тогда болѣзнь какъ рукой сниметъ»), ничто въ сравненіи съ оспой, производящей положительную панику въ корельской деревнѣ. «Сознаніе безсилія и полнѣйшей безпомощности парализуетъ медлительнаго отъ природы корелика и пришибаетъ его, какъ тяжелымъ ударомъ молота. Что дѣлать?... Ѣхать за фельдшеромъ—далеко, да и поможетъ-ли онъ? Вѣдь это не простая болѣзнь, въ родѣ порѣза или раздробленія кости, а «Божья болячка» — «Нюмалонъ руби», которую и лѣчить даже грѣшно. И остается два единственныхъ средства—или отнести больного въ баню и парить тамъ до тѣхъ поръ, пока вся болѣзнь не выйдетъ крикомъ; или же—испечь пироговъ и съ поклонами, ставъ на колѣни около больного, упрашивать, чтобы дорогая гостья—оспа смилостивилась, кротко обошлась-бы съ больнымъ, не попортила-бы его глазъ, рукъ и ногъ и не сдѣлала-бы на вѣкъ калѣкой»...

Съ большимъ интересомъ, по справедливому замѣчанію редактора, читается и статья г. Зобнина. Село Усть-Ницы лежитъ при устьѣ р. Ницы, при впаденіи ея въ Туру, и находится въ 73 верстахъ отъ Тюмени; заселено государственными крестьянами; основано около 1645 г. Жители занимаются земледѣліемъ и, «находясь вдали отъ городовъ и бойкихъ мѣстъ, болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, сохранили первобытную крестьянскую простоту, какъ въ складѣ своего ума, такъ и во внѣшности». Форма изложенія художественная и вмѣстѣ простая, характеризующая складъ крестьянской рѣчи. Вотъ образецъ: «за христовской заутреньей въ первый разъ говорятъ и поютъ, «Христосъ воскресъ». Ребята сказывали, что къ этому времени надо приготовить виннаго (пиковаго) туза и вмѣсто «воистину воскресъ» сказать попу «винный тузъ есть» —тогда съ этимъ тузомъ можно сдѣлаться настоящей невидимкой и все доставать,—словомъ, такой тузъ вполнѣ замѣняетъ собою цвѣтъ купоротника (купоротника)». Статья заключаетъ слѣдующіе отдѣлы: 1) весенніе заботы и работы, 2) пахота и рыболовство, 3) Троицынъ день, 4) меженное время (іюньскія жары) и страда. Статья снабжена нѣсколькими рисунками.—За статьей г. Зобнина слѣдуютъ замѣтки преосвященнаго Палладія, доктора Бретшнейдера, архимандрита Руварца и редактора по вопросу «Русь и Асы въ Китаѣ, на

Digitized by Google

Балканскомъ полуостровѣ, въ Румыніи и въ Угорщинѣ» (въ XIII—XIV вв.).

Во второмъ отдѣлѣ интересны: 1) Новая «Повѣсть» объ Ильѣ Муромцѣ, 2) Очеркъ литовскихъ свадебныхъ орацій, *А. Погодина*. Въ отдѣлѣ третьемъ (критика и библіографія) находимъ: «Свѣдѣнія о литовскихъ рукописяхъ», *С. Балтрамайтиса*, и отзывъ *А. Погодина* о «Русскихъ былинахъ старой и новой записи».

Вообще этотъ выпускъ отличается содержательностью и разнообразіемъ свѣдѣній. Редакція понимаетъ свои задачи очень широко. Ея взглядъ выраженъ въ примѣчаніи по поводу статьи Н. Ѳ. Лѣскова. «Этнографія, этнологія, говорится тамъ,—не фольклоръ. Пусть онъ довольствуется часто совершенно праздными собираніемъ и нанизываніемъ разныхъ пережитковъ, отыскиваніемъ всѣхъ явныхъ и незримыхъ слѣдовъ матріархата, придумываніемъ разныхъ натяжекъ въ пользу трансформизма и болѣе или менѣе остроумно предполагаемыхъ эволюцій и законовъ соціологіи. Задача этнографіи и этнологіи состоитъ въ изученіи и опредѣленіи мѣста, характера и значенія каждой расы, каждаго племени, каждой народности во всемъ ихъ мѣстномъ разнообразіи, какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ. Въ этомъ отношеніи народовѣдѣніе (этнографія и этнологія) имѣетъ великое значеніе и въ смыслѣ просвѣтительномъ, христіанско-человѣческомъ, и въ смыслѣ государственномъ».

Соглашаясь вполнѣ съ высказаннымъ въ послѣднихъ словахъ взглядомъ на народовѣдѣніе (этнографію и этнологію), мы однако позволимъ себѣ поставить нѣсколько вопросовъ, невольно возбуждающихся въ читателѣ при чтеніи выписанныхъ строкъ. А именно: 1) Если этнографія—не фольклоръ, то фольклоръ, стало-быть, не этнографія, или вѣрнѣе не часть ея, ибо кто же подъ словомъ фольклоръ понимаетъ этнографію въ ея цѣломъ? 2) Если онъ не долженъ довольствоваться *часто* совершенно праздными (а иногда, слѣдовательно, не-праздными) собираніемъ и даже нанизываніемъ культурныхъ переживаній, то что же ему *еще* дѣлать, и что ему дѣлать вообще? 3) Если отыскиваніе всѣхъ явныхъ (есть, стало быть, и такіе) и незримыхъ слѣдовъ матріархата и разнаго рода эволюціонныя и соціологическія предположенія предосудительны въ области этнографіи, то не отрицается-ли этимъ возможность и желательность появленія гипотезъ на культурно-исторической подкладкѣ? Наконецъ, 5) если гипотезы и фольклористическій матеріалъ будутъ признаны безполезными, то на основаніи чего и какимъ образомъ подходить къ изученію и опредѣленію «мѣста, характера и значенія каждой расы, каждаго племени, каждой народности» — *въ прошломъ*? Про *настоящее* мы не говоримъ: можно догадываться, что авторъ видитъ наилучшее средство къ изученію *современнаго* положенія этнографическаго матеріала въ серьезныхъ бытовыхъ очеркахъ, основанныхъ на дѣйствительномъ изученіи народа во всѣхъ отношеніяхъ, очерковъ вродѣ указанныхъ выше. Нѣтъ, сомнѣнія, что появись журналъ съ опредѣленной въ этомъ направленіи программой и правильной организаціей, ему предстояла бы симпатичная и плодотворная, будущность—будить, наряду съ широкой этнографической дѣятельностью далекую отъ какой бы то ни было партійности и шовинизма здоровую

Digitized by Google

общественную мысль. Писателю не пришлось бы гоняться тогда за читателемъ, такъ какъ, несомнѣнно, лучшія силы сгруппировались-бы вокругъ журнала, образовавъ въ то же время идейное направленіе въ этнографической литературѣ, А пока—желательно бы получить разъясненіе по поводу возникшихъ принципіальныхъ вопросовъ, безъ котораго немножко непонятно отчасти враждебное, отчасти высокомѣрное отношеніе редакціи къ ни въ чемъ неповинному фольклору. Ужели же ему такъ-таки ни за что и пропадать? *Евг. Л—кій.*

Кубанскій Сборникъ. Труды Кубанскаго Областнаго Статистическаго Комитета, изд. подъ ред. *Е. Д. Фелицына*, т. II, 1891; т. III подъ ред. *В. А. Щербины*, 1894. Екатеринодаръ.

Во II томъ „Кубанскаго Сборника" вошли статьи *П. П. Короленко*,— Атаманы бывшаго Черноморскаго (нынѣ Кубанскаго) казачьяго войска, *М. О. Поночевнаго*—Географическій очеркъ Босфорскаго царства, *Ф. А. Щербины*—Земельная община Кубанскихъ казаковъ, *Ф. Ф. Ланда*—Климатическія наблюденія въ г. Темрюкѣ, *Ф. А. Щербины*—Хозяйственно-экономическій бытъ казачьихъ поселеній по бассейнамъ рѣкъ: Пшехи, Пшиша и Псекупса къ Закубанскомъ уѣздѣ Кубанской области, *Ф. А. Щербины*—Табаководство въ Темрюкскомъ и Закубанскомъ уѣздахъ Кубанской области, *Е. Д. Фелицына*—Западно-Кавказскіе горцы и ногайцы въ XVII ст. по Пейсонелю. Матерьялы для исторіи Западно-Кавказскихъ горцевъ. Въ первой статьѣ сообщаются біографическія свѣдѣнія всѣхъ атамановъ Черноморскаго войска: Бѣлаго, Чепѣги, Головатаго, Котляревскаго, Бурсака, Матвѣева, Безкровнаго, Завадовскаго. Авторъ при этомъ пользовался прежнимъ запасомъ матеріаловъ, собранныхъ имъ при составленіи историческихъ статей „Черноморцы за Бугомъ и Черноморцы на Кубани". Г. Поночевный знакомитъ съ древнѣйшей исторіей Кубани, т. е. періода догреческаго, греческихъ колоній и Воспорскаго царства по классическимъ писателямъ. Г. Фелицынъ излагаетъ „Traité sur le commerce de la mer Noir", изд. въ Парижѣ въ 1787 г.

Въ III т. напечатаны: Майкопскій подъѣздный путь, *Ф. А. Щербины*; Къ вопросу объ изученіи растительности Кубанской области и замѣтки о собираніи и сохраненіи растеній, *Ф. И. Полторацкаго*; Матеріалы для исторіи Сѣвернаго Кавказа, *Е. Д. Фелицына*; Краткія историческія свѣдѣнія о Кавказскомъ конномъ полкѣ Кубанскаго казачьяго войска, *Н. Т. Могилевцева*; Переселеніе на Кубань казаковъ бывшаго Екатеринославскаго войска и образованіе изъ нихъ Кавказскаго коннаго полка Кубанскаго казачьяго войска, *Е. Д. Фелицына*; Программа для этнографическаго изслѣдованія народной жизни въ связи съ голодомъ и холерой, *М. А. Дикарева*, и Ейскій отдѣлъ В. *А. Щербины*.

А. Хах-въ.

Сборникъ свѣдѣній по Ярославской сельско-хозяйственной и промышленной выставкѣ 1893 г. Изд. Яросл. Общ. сельскаго хозяйства. Ярославль. 1894. 8°, V + VIII + 424 стр., съ 3 фототип. Ц. 1 р. 50 к.

Digitized by Google

Ярославское Общество сельск.-хоз. очень кстати отпраздновало свой 50-лѣтній юбилей въ 1893 г. устройствомъ выставки, которая дала полное и наглядное представленіе о состояніи народнаго хозяйства и промышленности въ Яросл. губ. Оставляя въ сторонѣ промышленность фабричную и заводскую, этнографъ могъ заинтересоваться на этой выставкѣ, во-первыхъ отдѣлами сельско-хозяйственными, а во-вторыхъ отдѣломъ мѣстной кустарной промышленности. Отчеты объ этой выставкѣ помѣщались въ свое время въ мѣстныхъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, Земледѣльческой Газетѣ и др. Въ срединѣ прошлаго года вышло означенное изданіе, которое даетъ не простой отчетъ по выставкѣ, а является сборникомъ литературно-экономическаго содержанія, недурно составленнымъ (если не считать стилистической стороны, отзывающейся устарѣлыми формами оффиціальныхъ бумагъ), благодаря стараніямъ Л. А. Кириллова при участіи нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Составители, воспользовавшись всѣми имѣвшимися въ ихъ распоряженіи свѣдѣніями объ отдѣльныхъ экспонатахъ и экспонентахъ, о постановкѣ ихъ хозяйствъ, промышленныхъ заведеній и пр., постарались кромѣ того дать новѣйшія общія свѣдѣнія о состояніи сельскаго хозяйства, кустарныхъ промысловъ, ремеслъ и прочей промышленности губерніи. Эти общія статейки обыкновенно предпосылаются описаніямъ соотвѣтственнаго отдѣла, при чемъ сообщаются новѣйшія статистическія данныя. Ярославская губернія давно извѣстна своею промышленностью, и эта наклонность въ ярославцахъ къ разнаго рода промысламъ не только не оскудѣваетъ, но напротивъ растетъ, и теперь оказывается, что „число ярославскихъ промышленниковъ умножилось сверхъ потребности". Но, „посвящая себя промысламъ, крестьяне ярославскіе не совершенно покидаютъ сельское хозяйство, хотя оно мало приноситъ имъ денежной прибыли, даетъ скудные урожаи хлѣбные и не всякій годъ снабжаетъ хлѣбомъ въ достаточномъ для продовольствія семействъ ихъ количествѣ". Напротивъ, „уменьшеніе выгоды отъ промысловъ принудило здѣшнихъ промышленныхъ крестьянъ пробовать обратиться къ косулѣ, примѣровъ тому много". „Но,—говоритъ далѣе составитель,—скудность дохода, получаемаго отъ трехпольнаго хозяйства на нашихъ тощихъ земляхъ, при недостаткѣ въ лугахъ; невозможность переходить отъ 3-польнаго къ другимъ, болѣе выгоднымъ, сѣвооборотамъ, коихъ и образцовъ предъ собою мало имѣютъ; недостатокъ въ земледѣльческомъ образованіи; наконецъ, самая тягость земледѣльч. трудовъ, отъ коихъ отвыкли,—все это отнимаетъ у нихъ охоту обратиться отъ мало приносящихъ прибыли промысловъ къ земледѣлію, еще менѣе прибыльному теперь, и вмѣстѣ съ тѣмъ приводитъ многихъ крестьянъ ярославскихъ въ затруднительное и недостаточное состояніе, которое, если не ошибаюсь, должествуетъ для нихъ съ каждымъ годомъ увеличиваться". Средства помочь этому указываются, съ одной стороны—улучшеніе сельскаго хозяйства, съ другой—улучшеніе и усиленіе домашнихъ промысловъ и ремеслъ, что, казалось бы тѣмъ легче достижимо, что ярославскіе крестьяне, по замѣчанію составителя, болѣе другихъ образованы и менѣе другихъ имѣютъ предубѣжденій противъ нововведеній (стр. 31—32). Въ книгѣ помѣщенъ также: 1) указа-

Digitized by Google

тель литературы по хозяйству Ярославской губ., 2) указатель новѣйшей русской научной сельско-хозяйственной литературы. Все это дѣлаетъ названный сборникъ общеинтереснымъ. Въ качествѣ отдѣльной подробности укажемъ еще на свѣдѣнія о русскомъ отдѣлѣ на Чикагской выставкѣ (изъ америк. газеты „The mercantile and financial Times“). Успѣхъ русскихъ женскихъ рукодѣлій (въ томъ числѣ коллекціи г-жи Шабельской изъ Москвы), за которыя присуждено 98 медалей и дипломовъ, подалъ мысль объ образованіи въ Нью-Іоркѣ постояннаго музея и склада русскихъ рукодѣлій, который и былъ открытъ княжною Шаховскою и состоитъ въ завѣдываніи г-жи Погосской (New-York City. 130. East, Twenty-third street). Со стороны американской публики расширяется спросъ на русскія кустарныя работы, и она начинаетъ пользоваться ими для украшенія своей домашней обстановки (стр. 256). *Н. Я.*

Digitized by Google

2. Обзоръ журналовъ и газетъ.

Anthropologie. 1894 г. № 1. *G. Capus.* Les migrations ethniques en Asie Centrale au point de vue géographique. Авторъ дѣлаетъ попытку объяснить изъ условій рельефа центральной Азіи, равно какъ и изъ условій почвенныхъ, распредѣленіе различныхъ племенъ и намѣчаетъ вѣроятные, по его мнѣнію, пути, которыми въ древности должны были прійти въ центр. Азію арійскія и тюрко-монгольскія народности. № 2. *Delafosse.* Les Hamites de l'Afrique orientale, d'aprés les travaux les plus récents. Небольшая статья, объединяющая новѣйшія свѣдѣнія о народахъ Данакиль, Сомали и Галла. Въ концѣ статьи приведена библіографія важнѣйшихъ сочиненій по восточной Африкѣ. № 3 *R. Collignon:* La race basque. Въ этой статьѣ авторъ излагаетъ вкратцѣ выводы, добытые имъ путемъ антропометрическихъ наблюденій надъ басками Франціи и Испаніи. Типы басковъ въ обѣихъ странахъ представляютъ рѣзкія отличія (во Франціи они, напр., брахицефаличны, въ Испаніи долихоцефаличны). Наиболѣе чистый типъ—во Франціи, гдѣ они не подвергались смѣшенію, какъ въ Испаніи. Баски поселились въ предѣлахъ Франціи, по мнѣнію автора, лишь въ концѣ VI-го в. по Р. Х., и пришли съ юга, откуда они были вытѣснены новыми завоевателями Испаніи. На сѣверъ они не переходили современныхъ границъ ихъ распространенія. Коллиньонъ считаетъ басковъ вѣтвью берберскихъ племенъ: ихъ первоотчизну можно искать на сѣверѣ Африки или въ юж. Европѣ, но отнюдь не въ Азіи. № 4. *A. Jully:* Funérailles, tombeaux et honneurs rendus aux morts à Madagascar. Подробное описаніе устройства гробницъ у разныхъ народностей на Мадагаскарѣ (приложены рисунки). № 5. *M. Delafosse:* Note sur une figure du Dahomé représentant une femme enceinte. Описаніе и рисунокъ найденнаго въ Дагомеѣ талисмана, употребительнаго для облегченія родовъ; общія замѣчанія о распространенности въ Дагомеѣ разныхъ талисмановъ, изготовляемыхъ магометанами. № 6. *Dr. Desson:* Rites funéraires en usage chez les Betsiléos. Подробныя свѣдѣнія о погребальныхъ обрядахъ и устройствѣ могилъ у этой народности Мадагаскара (рисунки). Служитъ дополненіемъ къ статьѣ г. Жюлли.

Digitized by Google

Baltische Monatsschrift. 1895. H. 1. *Fr. Hunnius:* Ueber Hexenprocesse.—**H. 2.**—Ein finnisches Volkslied auf die Eroberung Riga's (im Jahre 1621) mitg. von *Fried. v. Keussler.*—

Бесѣда (изд. въ Варшавѣ). **1894. 10.** Около 50 пословицъ—**19.** Галицкая и Угорская Русь (съ рисунками типовъ).

Владимірскія Г. В. 1894. 25. *Н. Добрынкинъ*, Археологич. экскурсія въ Муром. у. (Осмотръ гр. П. С. Уваровой древнихъ храмовъ въ с. Борисоглѣбскомъ).—**26.** *Н. Добрынкинъ*, Ископаемыя находки въ Муром. и Меленковск. у. (Замѣтка и перечисленіе нѣкот. находокъ).—**27.** Народн. праздникъ Ивана-Купала (Замѣтка изъ «Прав. В.»).—**29.** Промыслы город. и сельск. населенія Владим. г.—**30, 31.** *Свящ. П. Ильинскій*, Богословская церковь въ г. Переяславлѣ-Залѣсскомъ. (Матеріалъ для ист. и археологіи Владим. г.).—**30.** Ильинская пятница (въ народномъ почитаніи, изъ «Прав. В.»).—**34.** *Свящ. П. Ильинскій*, Ильинская церковь въ г. Переяславлѣ-Залѣсскомъ (матер. для ист. и археол. Влад. г.).—**35.** *Н. Добрынкинъ*, Село Дѣдово, Муром. у., (мат. для ист. и арх. Влад. г.). Метеорологія чувашъ (чувашскія примѣры собраны въ приложеніи къ сельско-хоз. обзору Казанск. губ., изд. мѣстнымъ Губ. Стат. Ком—омъ.—**36, 37, 38.** Пятница въ народн. почитаніи (изъ «Прав. В.»).—**39.** *Свящ. П. Ильинскій*, Дикій камень на берегу Клещина озера у г. Переяславля-Залѣсскаго (его ист. значеніе, какъ предмета поклоненія древнихъ язычниковъ—аборигеновъ Мерянъ).

Волынскія Еп. Вѣд. 1894.—13. Радоница.—**16.** Прощи, или «подзѣньковашья».—**25.** Социніанское движеніе на Волыни въ XVI—XVII в.—Историко-статистич. описаніе церквей и приходовъ Волынской епархіи (прод. въ № 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33).—**30.** Описаніе памятниковъ древности, вновь поступившихъ въ Волынское древлехранилище (тоже въ № 31, 32, 33).

Вѣстникъ Европы 1894. Декабрь. *Черевковъ В.*, Изъ новѣйшей исторіи Японіи 1854—1894. (Оконч.).—*Птицынъ* В., Памиръ. Русская община на границахъ Монголіи.—Рец. на кн. *Г. Н. Сазонова*: Ростовщичество и кулачество. Наблюденія и изслѣдованія. Спб., 1894.

Вятскія Г. В. 1894. 77.—Прошлое племени башкиръ (Заимств. изъ Прав. Вѣстн. № 187 ст. «Древніе обитатели Уфимской губерніи»).—**85.** *Св. Елабужскій.*, Къ демонологіи некрещеныхъ вотяковъ Елабужскаго уѣзда.—**86.** О вятскихъ кустарныхъ промыслахъ (выдѣлка гармоникъ, гипсовый промыселъ, ткачество, мебельное производство и др.).

Галичанинъ. 1894. 273. *Л. Малиновскій* нашелъ пергаментные отрывки церковно-славянскаго евангелія-апракосъ, писаннаго въ 1438 г. въ Перемышлѣ. Краковская Академія наукъ вскорѣ напечатаетъ новооткрытые отрывки. **277.** Замѣтка о новомъ изданіи грамотъ и актовъ Львовскаго Ставропигійскаго братства: Monumenta confraternitatis stauropigianae, edid. *Melkowicz.* **1895. 4—10.** Праздникъ Богоявленія въ Палестинѣ на Іордавѣ. **7.** Замѣтка о выходѣ I кн. малорусскаго этнографическаго журнала: «Житье і Слово». **51.** Рецензія на изслѣдованіе *Ив. Фран-*

Digitized by Google

ка: «Z dziejów synodu brzeskiego» (изъ «Kwartalnika Historycznego»).

Gazeta Radomska. 1895. 1. *Ksawery.* Krakowiaki (пѣсни) z okolic Klimontowa.—*Szczęsny Jastrzębowski.* «Ucieczka» Mickiewicza, «Lenora» Bürgera w ustach ludu powiatu Opatowskiego (по поводу статейки въ «Wisle» 1890 г., съ перепечаткой сказки).

Гродненскія Губ. Вѣд. 1894. 93. «Игрище»—описаніе рождественскихъ вечеринокъ въ Бѣлоруссіи (изъ «Минск. Листка»).

Иверія. 1895. 17. Мать (легенда). *Григ. Абашидзе*—**33.** Нѣсколько словъ о «Русуданіани» (Сборн. груз. сказокъ XIII в.). *А. Хаханашвили.*

Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отд. И. Р. Геогр. Общ. XXV. № 2—3 (Иркутскъ. 1894). *А. Еленевъ*, Сообщеніе о Бирюсинскихъ пещерахъ за 8881 г. Изслѣдованіе, начатое г. Еленевымъ въ 1886 г. и повторенное въ 1888 г., пещеръ, лежащихъ при устьѣ р. Бирюсы (притокѣ Енисея съ лѣв. стороны) въ 50 вер. отъ Красноярска, приводитъ автора къ убѣжденію, что пещеры были обитаемы въ недавнее время. Слѣдовъ доисторическаго человѣка въ нихъ открыть не удалось.—*И. И. Поповъ*, Открытія на Орхонѣ и дешифрированіе древнихъ надписей.—Свѣдѣнія объ экспедиціи *Д. А. Клеменца* по Монголіи въ 1894 г. Путешественникъ осмотрѣлъ Хангай, часть Гобійскаго Алтая, и на обратномъ пути съ Алтая прошелъ черезъ ставку Саинъ-Нойона и Эрдени-Цзу и вышелъ на Улясутайско-Уршинскій большой трактъ. Кромѣ географическихъ результатовъ экспедиція отмѣтила нѣсколько интересныхъ въ археологическомъ отношеніи пунктовъ.—*Свящ. Іаковъ Чистохинъ*, Матеріалы по народ. творчеству монголовъ. Матеріалы записаны въ части Монголіи, прилегающей къ Иркутской губ. Напечатаны: 1) Сказка о сынѣ Мигрэ-Богдо-хана Оюнъ-Тунгулукъ-Ая-Тайжи и дочери богатаго Гомбо-Доноя; 2) Хвалебная пѣснь въ честь первой прибѣжавшей лошади на хуралѣ (религ. пиршествѣ); 3) пѣсня Дошкинъ-Ноинъ-Хатухты Бадагаръ-Шаилы и 4) благожеланіе монголовъ при выпивкѣ тарасуна.

Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общества за 1894 г. вып. I. *Г. И. Танфильевъ.* По тундрамъ тиманскихъ самоѣдовъ (стр. 1—41). Географическій очеркъ, перекочевки самоѣдовъ, упадокъ оленеводства, пища, одежда, чума, обряды, понятіе о собственности, преступленіи, экономическій бытъ.—«Вѣсти изъ экспедицій» В. Н. Роборовскаго и В. А. Обручева.—**Вып. II.** *А. Позднѣевъ*, Поѣздка по Монголіи въ 1892—93 гг. (Между пр., о численности монголовъ, торговлѣ русскихъ, эконом. состояніи). Вѣсти изъ экспед. *Роборовскаго, Гедина и Березовскаго*—Въ отчетахъ о засѣданіяхъ Отд. Этнографіи слѣд. сообщенія: *Э. Вольтеръ*, О значеніи литовскаго яз. для русск. археологіи и палеоэтнологіи.—*А. Л. Погодинъ*, О племени Корси.—*А. Селивановъ*, О поѣздкѣ въ Сванетію.—*С. Рыбаковъ*, О поѣздкѣ въ Уфимскую и Оренбурскую губ. (татары, башкиры, тептяри).—**Вып. III.** *Ѳ. М. Истоминъ и С. М. Ляпуновъ*, Отчетъ объ экспедиціяхъ для собиранія русск. нар. пѣсенъ съ напѣвами въ 1893 г.—Въ отчетахъ о засѣд. въ Отд. Этногр.: *Ѳ. М. Истоминъ.*

Digitized by Google

О соврем. положеніи пѣсеннаго дѣла въ сѣв. губ. Россіи (Вологодской, Вятской и Костромской).—*С. Г. Рыбаковъ*, О пѣсняхъ уральскихъ инородцевъ.—*В. Н. Перетцъ*, Объ изученіи нар. лирической пѣсни—*В. И. Ламанскій*, О русскихъ полоняникахъ у турокъ въ XVI и XVII вв.—*А. Ѳ. Селивановъ*, О поѣздкѣ въ Нальчикскій округъ Терской области.—**Вып. VI.** Вѣсти объ экспедиціяхъ *Роборовскаго, Обручева и Гедина*.—**Вып. V.** *А. В. Елисѣевъ*, Махдизмъ и современное положеніе дѣлъ въ Суданѣ.—Въ отчетахъ о засѣд. Этн. Отд.: *М. А. Брешинскій*, О полосѣ зажиточности въ Алтаѣ.—*А. В. Елисѣевъ*, О доисторич. могилѣ Ливійской пустыни.—*Кн. П. А. Путятинъ*, О трудахъ Чиро Трухелки по археологіи Босніи.

Искра. Всѣкимѣсечно научно-литературно и общественно списание. (Год. V. Шуменъ). Томъ I: Кн. 5—6. *Дмитрій Анучинъ*. Търново и Шипка въ іюлѣ и августѣ 1877 г. (прод.).—С—*въ Е.*, Рахманъ Балавца. (Поэма изъ жизни албанцевъ и болгаръ въ Македоніи).—*Николчевъ Г.*, Къ исторіи болгарскаго царства на Волгѣ. (Извлеченіе изъ изслѣдованія В. *Корніевскаго*: Инородцы средняго поволжья,—помѣщ. въ журн. «Новь», 1891 г.)—*Ф—въ, П.*, Рѣка Мѣста въ своемъ верхнемъ теченіи (II глава: Историко-этнографическія и общественно-экономическія замѣтки) (неок.). — Томъ II: Кн. 7. *Дмитрій Анучинъ*, Търново и Шипка (прод.).—*Ф—въ, П.*, Рѣка Мѣста въ своемъ верхнемъ теченіи (прод.): историч. и этнографич. замѣтки, жилища и постройки, одежда.—Народн. пѣсня: Пожаръ въ Кот(е)лѣ, — записано отъ г. Б. Р. коорый ее слушалъ отъ китаянки А. Х. П. въ с. Тичѣ. Въ ней описывается пожаръ, опустошившій г. Котель этимъ лѣтомъ. Пѣсня интересна со стороны фонетики и какъ примѣръ современнаго народнаго творчества.—Кн. 8. *Дмитрій Анучинъ*, Търново и Шипка (прод.).—*Ф—въ, П.*, Рѣка Мѣста въ своемъ верхнемъ теченіи (прод.): говоръ (сходство съ разложскимъ членъ при собств. именахъ, исчезновеніе *л* въ срединѣ нѣкоторыхъ словъ, непроизношеніе звука *х*, глаг. 3 л. мн. ч. съ гласнымъ окончаніемъ: *бера, идаа, караа* и т. д., *л* и *н* въ исходѣ словъ произносятся «легко», въ «Бабяченахъ» (около Якоруда) съ особенной акцентовкой произносится дифтонгъ *іе*: тіебе, міене, ніегу, зіелъ, ріекъ и т. д., *а* выговаривается вмѣстѣ съ ж впереди него: Мужата, воуоджата, джскжа, гуржата и т. д.; говоръ бабяченцевъ по своей гибкости приближается къ русскому; слова произносятся отчетливо); пѣсни (болгарскія, съ болгарскими героями, встрѣчаются черты греко-латинскія; якорудцы знаютъ турецкій языкъ); характеръ и общественный бытъ (неок.).

Кавказъ, 1984. 318. Библ.: Die Sprachen des Kaukasischen Stammes von *R. von Eckert*. Wien.—1895. *Н. З.*—**322, 324.** Въ области р. Чороха. (Путевыя замѣтки). *Заѣзжій*.—**331.** Библ. Записки и Извѣстія кавказ. отд. И. Р. Г. О. (кн. XVI и X № 1),—**338.** Кавказ. буйволъ. *А. Натроевъ*.—**341.** X конгрессъ оріенталистовъ въ Женевѣ. *А. Х—въ*.

Карсъ 1894, 43. † И. С. Шахтахтинскій. (Сотрудникъ «Каспія»,

Digitized by Google

«Карса», «Нов. Обозр.» и др. по части описанія быта канк. мусульманъ).

Квали (еженедѣльн. груз. журналъ). **1894, 51, 52.** Замѣтки туриста по Рачѣ.—**1894, 1.** Елка (истор. эскизъ).—**5.** Легенда о монастырѣ Лашкиндари.

Ковенскія Губ. Вѣд. 1894. 79, (прибавл.). Легенды относительно происхожденія табаку (восточныя, безъ указанія источника). **84,** (приб.). Свадебные обряды арабовъ (безъ указ. источн.).

Кубанскія Областн. Вѣд. 79—84. Объ устройствѣ земскихъ повинностей въ Кубанской области (съ введеніемъ госуд. поземельн. налога). **88.** О станичныхъ архивахъ. — **98.** Историческія замѣтки по Кубан. области.

Листокъ (изд. въ Унгварѣ). **21.** Очеркъ угро-русской письменности Иванъ Мондокъ.

Минскій Листокъ. 1894.—**17.** Исторія масляницы. (Изъ «О. Л.»).—**20.** Народное образованіе въ Минской губ.—**23.** Замѣтка объ открытіи въ Витебскѣ культурно-историческаго и естественно-научнаго музея. - **25.** О народныхъ чтеніяхъ въ Ковнѣ.—**31.** Замѣтка объ изданіи «Галицко-Русскаго Вѣстника».—**36.** Бывшее Пинское княжество. Историческая справка (изъ «Прав. Вѣст.»).—**40, 41, 42.** Попытка учрежденія еврейскихъ земледѣльческихъ колоній въ Юго-Зап. и Сѣв.-Запад. краяхъ.—**51.** *С. Г.*, Нашъ край. Замѣтка о работахъ *А. Субботина* по изслѣдованію западно-двинской и днѣпровской системъ.—**61.** Корреспонд. изъ Борисовскаго у. о деревенскихъ адвокатахъ.—**74.** *Съверо-западный бардъ*, Суроцы (сглазъ). Бытовой очеркъ.—**76** *А. Богдановичъ*, Переживки въ міросозерцаніи бѣлоруссовъ.—**77.** *К. З.*, Прошлое Вильны (по даннымъ XX т. актовъ виленской археограф. ком.).—**80.** *М. Довнаръ-Запольскаго.* Солнышко и мѣсяцъ въ бѣлорусской свадебной поэзіи.—**81.** Нашъ край. Замѣтка объ отношеніи населенія къ этнографамъ-записывателямъ.—**84** *М. Ш—о*, Игрище. Бытовой очеркъ.—**85.** Замѣтка о 35-ти лѣтнемъ юбилеѣ *П. В. Шейна*.—**86.** Бѣлорусская библіографія за октябрь мѣсяцъ. Указаны: 1) отдѣльныя изданія: *Е. Ѳ. Карскій.* О языкѣ, такъ называемыхъ, литовскихъ лѣтописей.—*С. Писаревъ.* Смоленскъ и его исторія.—Княжеская мѣстность и храмъ князей въ Смоленскѣ. 2) газетныя статьи (кромѣ указанныхъ): «Витебскія Губ. Вѣд.». Очерки простонароднаго житья-бытья въ Витебской Бѣлоруссіи и описаніе предметовъ обиходности. *Н. Я. Никифоровскаго.* (Продолженіе). 78—85.—Кара въ сто лѣтъ. Бѣлорусская легенда. *Е. Р. Радимича.* 78—81.—«Виленскій Вѣстникъ». Стыдно обижать, повѣсть изъ жизни крестьянъ бѣлоруссовъ. 213, 221 и 225.—Виленскій бывшій старый зеленый мостъ, *З. Спрогиса.* 212.—**90.** *Съверо-западный бардъ.* Тетка - лихорадка. Бытовой очеркъ.

Міръ Божій. 1894 г. Декабрь. *Пименова Э.*, Изъ японской жизни.—*Добротворскій Петръ*, Въ глуши Башкиріи (разсказъ). — Изъ иностр. жизни и литературы: Африканская археологія (Слѣды семитическаго племени въ Машоналандѣ, притомъ заѣзжаго изъ далекихъ краевъ).

Digitized by Google

Mittheilungen d. Anthropologishen Gesellschaft in Wien XXIV. Bd. 1894. № 1. *Ferd. v. Andrian*, Ueber Wetterzauberei. Обширная статья, въ которой собранъ большой матеріалъ о заклинаніяхъ и дѣйствіяхъ, употребительныхъ у разныхъ народовъ для вызыванія дождя, хорошей погоды и пр. Авторъ разсматриваетъ относящіяся къ вопросу свѣдѣнія какъ у дикарей Австраліи, Меланезіи Полинезіи, Америки, Африки, такъ и у арійскихъ и семитическихъ народностей.—Въ отд. протоколовъ: *A. Peez*, Kirchenpatrone und Volkskunde (о перенесеніи чертъ др. германскихъ боговъ на христіанскихъ святыхъ). *O. v. Hovorka*, Ueber den bei einigen Völkern vorkommenden Nasenschmuck. Наиболѣе первобытныя украшенія этого рода—въ Австраліи, болѣе сложныя на Н.-Гвинеѣ и др. о-вахъ, населенныхъ папуасами, въ Индіи они чрезвычайно развиты въ Африкѣ, Америкѣ, причемъ въ послѣдней встрѣчается еще и деформація носа.—Некрологъ: *Л. Шренкъ*.—**№ 3.** *Franz Boas*, Der Eskimo-Dialekt des Cumberland-Sundes. Словарь.—*F. R. Bünker*: Typen von Bauernhäusern aus der Gegend von Oedenburg in Ungarn (съ 14 рис.).—*O. Hovorka*, Verstümmeluungen des männlichen Gliedes bei einigen Völkern des Alterthums und der Jetztzeit (съ 12 рис.). Авторъ разсматриваетъ какъ самые виды операціи, такъ и цѣли, которыя она преслѣдуетъ.—Въ отд. протоколовъ: *W. Hein*, Tänze und Volksschauspiele in Tirol uud Salzburg. Объ употребленіи деревянныхъ масокъ въ назв. мѣстностяхъ при пляскахъ и нар. представленіяхъ.—**№ 4.** *M. Haberlandt*, Die Eingeborenen der Kapsulan-Ebene von Formosa (съ 37 рис.). Этнографическій очеркъ; антропометрическія свѣдѣнія; приведена библіографія по этнографіи о. Формозы.—**№ 5.** *W. Hein*, Die geographische Verbreitung der Todtenbretter (съ 2 рис.). Распространеніе обычая (Богемія, Баварія и пр.) ставить доску, на которой лежалъ покойникъ до положенія его въ гробъ, въ опредѣленныя мѣста (у дорогъ). Устройство украшенія досокъ; надписи на нихъ. Статья В. Гейна является продолженіемъ и дополненіемъ его-же работы: Die Todtenbretter im Böhmerwalde (въ Mit. d. Anthr. G. in Wien. Bd. XXI.). Къ обѣимъ статьямъ приложена библіографія вопроса.—*A. Weisbach*, Die Oberösterreicher. Данныя о физическомъ типѣ.—*E. Zuckerkandl*, Zur Craniologie der Nias-Insulaner (на основаніи 28 череповъ).

Моамбе (ежемѣсяч. груз. журналъ). **1894. 11. 12.** Народная поэзія и ея педагогическо-эстетическое значеніе. *М. К—дзе*.—Путешествіе по Кавказу, *Эм. Левье*.—**1895**, *1, 11.* Народная поэзія. *М. К—дзе*, *11.* Грузинская музыка, *Г. Карцаретели*. (Извлеч. изъ доклада, чит. въ Этногр. Отдѣлѣ И. О. Л. Е. А. и Э.).

Мцхемси, 1895. 1, 2. О сотвореніи міра (въ стихахъ, съ рукописи И. Публ. Библіотеки).

Новое Обозрѣніе. 3774. Грузинская журналистика въ 1894 г. *Ал.*—**3784.** *Гр Уварова*. Матеріалы по археологіи Кавказа, вып. IV. Отчетъ *А Хах—ва*.—**3790.** Празднованіе Новаго года у грузинъ. В. *Окропировъ*.

Digitized by Google

Олонецкія Г. В. 1894. 80, 81, 83, 85. *А Олонецкій*, Олонецъ и Олончане (историко-филологическій очеркъ, въ которомъ разбирается происхожденіе словъ: Олонецъ, Олончане, въ связи съ исторіей края и появленіемъ въ данной мѣстности корелъ).—**85, 87, 88.** Изъ быта и вѣрованій корелъ (ихъ развлеченія, посидѣлки, хороводы, праздники).—**86, 87, 88, 91, 92, 93, 95, 97, 98.** *А. Олонецкій*, Аборигены Олоніи (продолженіе изысканій, начатыхъ въ предыдущемъ очеркѣ того-же автора). Придя къ заключенію, что финны не были искомыми обитателями Олоніи, авторъ пытается рѣшить вопросъ, кто былъ они; приводя данныя для выясненія вопроса о первоначальномъ заселеніи Россіи славянами, противопоставляя свою теорію теоріи финской, отмѣчая ея крайности, авторъ мѣстами, кажется, самъ впадаетъ въ крайность хотя бы напр., производя названіе р. Торнео отъ Торной или Черной рѣки и др.—**100.** *П. П.*, Экономическій бытъ крестьянъ Тепеницкаго прихода.

Пензенскія Г. В. 1894. 143—145. Татарскій языкъ въ пензенскомъ духовномъ училищѣ (истор. справка).—**148.** *Н. Долинскій*, Странники и прохожіе.—**211.** *Н. Долинскій*, Пензенскій крендельщикъ. (Очеркъ изъ мелкой промышленности).—**246.** Дѣло о знахарѣ, лѣчившемъ заговоренной водкой въ с. Лачѣ, Наровчатскаго уѣзда Пенз. губ.—**261.** Въ средѣ старообрядцевъ (Казачья-Пелетьма Мокшан. уѣзда, Пенз. губ.).

Периодическо Списание на българското книжовно дружество въ Срѣдецъ. 1894. Кн. XLVI. *) *Начовъ, Н. А.*, Замѣтка о Паисіевой исторіи.—*Дацовъ, С. Ж.*. Отъ Софіи до Пранги (путевыя замѣтки и воспоминанія).—*Ивановъ, М.*, Къ изученію болгарскихъ діалектовъ. (окон., см. кн. XLV).—Болг. народн. произведенія: Дѣтскія игры: а) пѣсенки: изъ Торно-Дюмайска и Прилѣпа (1—9), б) игры (10—25), в) подыгорныя стихотворенія (26—46) (не ок).—*Н. А. Н.*, Прибавленіе къ статьѣ о Паисіевой исторіи.—**Кн. XLVII.** *С. А.*, Старые и новые труды по этнографіи, географіи и исторіи культуты румынъ.—С., Марково, (описаніе этой горной области, Прилѣпскаго округа). *Уста-Генчовъ, Д.*, Въ Старую Планину (путевыя замѣтки). — *Его же*, Народная пѣснь изъ Гобровска про Димитраки Хаджи Тошова, съ замѣткой къ ней редакціи. — Болгарскія народ. произведенія: По говору села Витолища (Марковско-Прилѣпско въ Македоніи), сообщ. *А. П. Стоиловъ*: пѣсни, пословицы, загадки, лексич. матеріалъ.—*Его же*, Матеріалъ для болгарскаго словаря города Прилѣпа.

Пермскія Г. В. 1894. 79. Волненія среди татарскаго населенія Камскаго края по поводу слуховъ объ обращеніи татаръ въ христіанство и о дозволеніи татарскимъ женщинамъ посѣщать мечети («Бирж. В.»).—**81—99.** Описаніе коллекціи (*Теплоуховыхъ*) древностей пермской чуди на выставкѣ пермской комиссіи Уральскаго О-ва. Люб. Естествознанія.—**82.** Уральское О-во Люб. Естествознанія въ 1893 г. (очеркъ дѣятельности о-ва).—**95.** О происхожденіи выраженія волжскихъ матросовъ: «подъ табакъ», употребляемаго ими при измѣреніи глубины; это

*) Кн. XLIV и XLV въ редакцію присланы не были.

Digitized by Google

выраженіе употреблялось бурлаками въ старину и означало, что вода подходитъ подъ мышку, гдѣ бурлаки сохраняли кисетъ съ табакомъ, когда имъ приходилось итти бечевой по водѣ.—**101—103.** Пермская чудь и ея культурная обстановка (публичное сообщеніе), *Ѳ. Теплоухова.*—**102.** Приближеніе къ полюсу трехъ экспедицій.—2,000-лѣтній телефонъ (между двумя индусскими храмами въ г. Паньи открытъ проволочный проводъ).—Происхожденіе слова «Берлинъ»: по изысканіямъ чешскаго ученаго *Крупки* Berlin происходитъ изъ чешскаго brlin (мѣсто за свайной плотиной), при чемъ Крупка въ своей догадкѣ опирается на существованіе въ Богеміи мѣстечка «Brlin», лежащаго близъ свайной плотины.—**112.** Мнѣніе антрополога *Пирсона* о будущности бѣлаго племени.—Путешествіе проф. *Якобія* для изученія положенія остяковъ на рыболовныхъ промыслахъ въ Тобольскомъ округѣ.—**133.** Изъ исторіи кустарныхъ промысловъ.—**128, 134, 138, 146.** *Ір. Шурыгинъ.* Левшинская пристань. Культурно-историческій очеркъ.—**135.** Изъ исторіи башкиръ.—**140.** Изъ-за Камы (знахарство среди пермяковъ; «Шере-ешланъ»).—**141.** Корейцы въ Россіи.—**143.** Празднованіе «Заярета» (поминовеніе усопшихъ) у мусульманъ. («Астр. Вѣстн.»).—**144.** Экспедиція проф. *Иностранцева* въ Алтайскій округъ.—**146.** Изъ японскихъ обычаевъ.—Японско-китайская письменность.—**147.** Новый трудъ по этнографіи Пермской губерніи (этнографическая карта *И. Г. Остроумова*).—«Сукси-Мукси»—празднество мусульманскихъ женщинъ въ Оренбург. губ. («Сам. Газ.»).—**167.** Грамотность татаръ.

Русскій **Вѣстникъ. 1895. Январь.** Рец. на кн. *кн. Ухтомскаго*: Путешествіе на Востокъ Его Имп. Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича 1890—91. Часть III. Рец. на кн. *Г. Н. Сазонова*: Ростовщичество и кулачество. СПБ. 1894.—Рец. на кн.: Русскіе путешественники-изслѣдователи. Путешествія по Туркестану, И. А. Сѣверцова и А. П. Федченко Изложено по ихъ подлин. сочин. *М. Л. Лялиной*. Изд. Девріена, СПБ. 1894.—**Февраль.** *И. Н. К—а,* Конфуцій у его ученіе—Рец. на кн.: По бѣлу свѣту. Очерки и картины изъ путешествія *д-ра А. В. Елисѣева* по тремъ частямъ Стараго Свѣта.—Въ отд. «Обозрѣніе русск. и иностр. журналовъ»—небольшая замѣтка о статьѣ *Птицына*: Памиръ (В. Евр.), о статьѣ *О. Эллерса*: Vier Wochen im Königreiche Corea (Westerm. illustr. deutsche Monatshefte 1895, I).

Смоленскій Вѣстникъ. 1984. 138. Смѣсь: О религіозныхъ обрядахъ въ Индіи.—**142.** Библіографія: перепечатки рецензій изъ «Эти. Обозр.» (94 г., № 3) на труды С. П. *Писарева* и поручика *А. К. Ильенко* по исторіи Смоленска. — **146** и (1895 г.) **3,** *Деревенскій житель*, Дневникъ сельскаго обывателя.—**147.** Путешествіе въ Африку (Экспедиція Н. С. Леонтьева, изъ «Нов. Дня»).—**149.** Г. *Грачевъ*, Курганы Смоленской губерніи. (Смол., Бѣльск., Духовщ., Дорогобужск., Порѣчск., Юхновск уу.).—**1895. 2.** *А Кушнеревъ*, Николинъ день (изъ Гжатск. у., съ пѣснями).—**5.** Корр.: Дорогобужскій уѣздъ (обычай «казематовъ»—вечеринки, устроиваемыя молодежью, по почину дѣвушекъ, сильно-интимнаго характера).—**9.** Смѣсь: Поцѣлуй (распространенность этого обычая

Digitized by Google

въ Парагваѣ и избѣганіе его у финновъ).—**11.** Смѣсь: Статистика разводовъ.—Исторія носового платка (первый 350 лѣтъ тому назадъ).

Ставропольскія Епархіальныя Вѣдомости. 1894. 22. Крещеніе калмыковъ.—**23.** Калмыцкіе хурулы.

Сѣверный Вѣстникъ 1894. Сентябрь. *Л. Прозоровъ*, Провинц. печать. Вятскія «лѣсныя женщины».—«Царскіе мужики» въ Саратовск. губ.—Изъ жизни и литературы: Замѣтки о буддизмѣ японскаго священника.—**Октябрь.** Рец. на брош.: Какъ возникаютъ и распространяются кустарные промыслы. Вятка 94 г.—**Ноябрь.** *Д. Корженевскій*, Въ странѣ отверженныхъ. Изъ путевого альбома (Очень живо описано посѣщеніе богатаго араба авторомъ).—Изъ жизни и литературы: Раскольничій бракъ и многобрачіе.—**Декабрь.** *Л. Павловъ*, Страна восходящаго солнца. Очеркъ посвященъ Японіи и ея жителямъ.

Трудъ. 1894. Январь. Въ отдѣлѣ: «За границей» (М. А. Орлова) довольно обстоят. замѣтка: Гигіеническій способъ погребенія, примѣняемый въ Китаѣ. Духовный міръ дикихъ народовъ, возстановленный по ихъ религіозн. вѣрованіямъ (по статьѣ г-жи Кукъ въ Westminster Review). Страна и племя Машона, въ Южн. Африкѣ. Японскія красавицы («гейши».—**Февраль и Мартъ.** П. *Линдау*, Современная Мексика. Изъ путев. замѣтокъ (Пер. Д. А. Коропчевскаго).—**Апрѣль.** П. *Линдау*, Современная Мексика. (Окон.). Въ путевыхъ замѣткахъ автора читатель можетъ найти мелкія замѣтки этнографич. характера. Гл. V, f. посвящена древне мексиканскому искусству.—Рец. на кн.: Китайскія сказки. Пер. съ франц. подъ ред. В. Зеленскаго. М. 1893.—**Май.** Въ отд. За границей (М. Орлова): Анатомическія и физіологическія воззрѣнія камбоджійцевъ. Театръ въ Японіи. Отцы въ роли роженицъ.—**Іюнь.** Въ отд. За границей: Причины сильнаго разселенія въ Китаѣ.—**Іюль.** Въ отд. За границей: Способы измѣренія и исчисленія времени у разныхъ народовъ.—Рец. на кн. *Л. Субботина*: Волга и Волгари. Путев. очерки. Т. I. СПБ., 94.—**Сентябрь.** Въ отд. За границей: Китайцы—открыватели и цивилизаторы Америки. Переживаніе нравовъ и обычаевъ.—**Октябрь.**—**Ноябрь.** Въ отд. За границей: Африканскіе карлики, изслѣдованные Дыбовскимъ. Корейскій языкъ и китайск. поэзія.—**Декабрь.** Въ отд. За границей: Бирманцы и ихъ бракъ. Предразсудокъ относит. неудачи супружествъ, заключенныхъ въ маѣ.

Тульскія Г. В. 31. Счастливое сочетаніе «старой правды» съ «новой» (перепеч. изъ «Русск. Вѣд.» ст. *Щербины* «Большая семья»).—**71, 87, 88.** Средства противъ лихорадки у народа.

The Fortnightly Review. 1895. February. *R. S. Gundry*, Ancestor Worship in China.

Черниговскія Губ. Вѣд. 1894. 266. Старинная церковная утварь въ церквахъ г. Нѣжина. Древне-американскій Геркуланумъ (изъ «Прав. Вѣст.»). **257.** Изъ прошлаго. Невельской и о. Сахалинъ (изъ Тюрем. Вѣст.).—**252.** Гр. Г. А. Милорадовичъ (біографія).—**245.** Остатки языческихъ вѣрованій и обрядовъ у самоѣдовъ Канинской тундры (изъ Арх. Губ. Вѣд.).—Переводъ Евангелія на лопарскій языкъ (изъ Арх. Епарх. Вѣд.)—

Digitized by Google

210. Легенда о происхожденіи чумы (корресп. «Temps» изъ Шанхая).—**212.** Оригинальный способъ ловли дикихъ утокъ царанами (крестьянами) въ Бессарабіи (изъ «Русскаго Охотника»).—**217.** Колесный промыселъ въ Глух. уѣздѣ (изъ «Кіевлянина»).—**237.** Клыкъ мамонта (въ Щигров. у., Кур. губ.)—**241.** Раскопка гаганскаго могильника (изъ «Волгаря»).

Чтенія въ Обществѣ Любителей Духовнаго просвѣщенія. **1893.** Январь. *Глаголевъ*, С., О происхожденіи и первобытномъ состояніи рода человѣческаго.—*П. Л—въ*, Христіанство въ пониманіи русск. народа по духовнымъ стихамъ.—С. Г. (Замѣтка), Евреи въ Палестинѣ до Моисея.—Сентябрь. *Миловидовъ*, Н. *И.*, IX Археологическій съѣздъ въ гор. Вильнѣ.—Ноябрь. *Глаголевъ* С., Антрополог. проблема въ настоящее время (прод.).—Декабрь. *Глаголевъ*, С., Антропологич. проблема въ настоящее время.—**1894.** Февраль. Мелкія статьи. Чинъ пещнаго дѣйствія (пер. изъ «Кіевлянина».)—Мартъ. *Глаголевъ*, С., Древность человѣка.—Май—Іюнь. *Добронравовъ*, *Н. свящ.*, Ветхо-завѣтный праздникъ Пятидесятницы.—Сентябрь. *Муретовъ*, *М.*, Древность преданія о погребеніи Адама на Голгоѳѣ или Лобномъ мѣстѣ.

Обозрѣніе Эстонской періодической печати за 1894 годъ.

1) Газета „Walgus“. **5.** Записанныя изъ устъ народа три эстонскія сказки: 1, „Поѣздъ стараго бѣса“, который въ сказкѣ называется „большимъ барономъ“, также „петербургскимъ барономъ“, 2, „Сказка о богатомъ помѣщикѣ“, который всю жизнь любилъ танцовать и котораго бѣсъ съ танцовальнаго вечера увелъ прямо въ адъ. 3, „Сказка о томъ, какъ образовалась Эбаверская гора“.—„Исторія возникновенія православія въ Прибалтійскомъ краѣ (продолж. въ № 9 и 14).—**5—7.** Право патронатства надъ Лютеранскими церквами.—**7.** Характеристика жителей острова Кюно. Открытіе земледѣльческаго общества въ Галлистѣ.—**8.** О вліяніи дворянской корчмы на бытъ жителей острова Эзеля—порча нравовъ и разореніе.—**11.** Переселенческое дѣло на островѣ Даго: рѣшеніе крестьянъ къ переселенію вызвано недоразумѣніемъ и обманомъ, вынудившимъ оффиціальное объясненіе губернской власти въ Эстляндскихъ Губ. Вѣдомостяхъ. **12** и **14.** О празднованіи 75-лѣтія освобожденія эстовъ отъ крѣпостной зависимости. **14.** Положеніе крестьянъ-собственниковъ въ Эстляндской губерніи. Положеніе ремесленниковъ.—**16.** Распространеніе секты „пробужденныхъ братьевъ“ въ Кузальскомъ Лютеранскомъ приходѣ.—**21** и **25.** Кто освободилъ эстовъ отъ крѣпостного рабства—императоръ Александръ I, или прибалтійскіе помѣщики? **21** и **35.** О правахъ на рыбную ловлю по берегамъ Балтійскаго моря?—**26.** Описаніе 75-лѣтняго юбилейнаго празднества въ Юрьевѣ 18, 19 и 20 іюня въ память освобожденія эстовъ. Ликвидація имущества закрытаго эстонскаго литературнаго общества.—**39.** Затруднительное положеніе крестьянскаго землевладѣнія въ Прибалтійскихъ губерніяхъ—съ одной стороны отъ высокихъ платежей и арендъ

Digitized by Google

и—съ другой—отъ дешевизны хлѣба и картофеля.—38. Выставка произведеній скульптора Вейценберга въ Ревелѣ. Свѣдѣнія о жизни эстовъ переселенцевъ въ Тверской губерніи, Вышневолоцкомъ уѣздѣ, Старопазонской волости на земляхъ помѣщика Брандта.—41. Собраніе Ревельскаго Эстонскаго Земледѣльческаго Общества въ Раппелѣ 25 сентября.—42. Некрологъ Эстляндскаго губернатора князя Серг. Влад. Шаховского († 12 окт. 1894 г.) и его благодѣянія эстамъ. Замѣтка о безполезности и даже вредности для крестьянскаго землевладѣнія въ Эстляндіи дѣятельности крестьянскаго банка безъ нормировки цѣны на землю.

2) Газета „Eesti Postimees“. 3. Воззваніе доктора Гурта къ собирателямъ эстонскихъ древностей въ виду участія его съ собраннымъ археологическимъ матеріаломъ на археологическомъ съѣздѣ въ Ригѣ въ 1896-мъ году. Воззваніе комитета по устройству пѣвческаго празднества въ 1894 г. въ память 75-лѣтія освобожденія эстовъ отъ крѣпостной зависимости къ отдѣльнымъ пѣвческимъ хорамъ.—5—9. Списокъ пѣвческимъ и музыкальнымъ хорамъ, заявившимъ готовность участвовать въ юбилейномъ торжествѣ (дополн. въ № 12).—7. Дагенцы массами стремятся къ переселенію въ Сарапульскій уѣздъ, Вятской губерніи. Засѣданіе ученаго Эстонскаго Общества: 25-лѣтній юбилей предсѣдательства профессора Мейера.—9. Проектъ узкоколейной желѣзной дороги Ревель—Раппель—Вейсенштейнъ. 96-ой отчетъ доктора Гурта по собиранію матеріала для Эстонской археологіи (слѣдующіе отчеты въ №№ 16, 19, 34, 39, 41, 42, 47, 50 и 53).—10. Потребность въ улучшеніи почтовыхъ сообщеній въ Эстляндіи. Засѣданіе Ученаго Эстонскаго Общества. Собраніе Тарвастскаго общества трезвости.—11. О преобладаніи нѣмецкаго языка въ эстонскихъ обществахъ.—13. Значеніе для эстовъ 26-го марта. Собраніе Ревельскаго Эстонскаго земледѣльческаго общества. Собраніе Юрьевскаго общества трезвости, на которомъ постановлено просить начальника губерніи о запрещеніи продавать на предстоящемъ пѣвческомъ праздникѣ въ Юрьевѣ спиртные напитки.—Сказки, записанныя у эстовъ Витебской губерніи (продолж. въ № 14).—14. Описаніе торжества 26 и 27 марта. О мѣрахъ противъ засухи.—17. Прогрессъ въ жизни эстовъ. Описаніе юбилейнаго праздника въ Петербургѣ.—19. Воззваніе къ единству въ эстскомъ правописаніи протяжныхъ гласныхъ. Маёвка Ревельскаго Общества „Лотусъ“. Суевѣрія въ Нигенѣ, Юрьевскаго уѣзда.—34. Засѣданіе Галлистскаго земледѣльческаго общества.—36. Статья о воспитаніи дѣтей. Наставленіе Эйзена собирателямъ эстонской древности—записывать подлинно народныя сказанія безъ примѣси собственныхъ измышленій.—37 и 39. Юрьевская сельско-хозяйственная и ремесленная выставка.—50. Воззваніе къ основанію капитала для вспомоществованія воспитанникамъ высшихъ учебныхъ заведеній изъ Эстовъ.—Воззваніе Аудернскаго пастора Голста о доставленіи ему свѣдѣній объ эстонскихъ поселеніяхъ въ разныхъ мѣстностяхъ европейской и азіатской Россіи.—Въ Аудернскомъ приходѣ, Перновскаго уѣзда, сохранился еще обычай, по которому невѣста послѣ обрученія ходитъ по знакомымъ, угощаетъ водкою и собираетъ шерсть, пряжу, холстъ и т. п. на приданое.—53. Собраніе Галлистскаго Земледѣльче-

Digitized by Google

скаго Общества. О напиткахъ изъ хлѣбныхъ зеренъ и яблокъ. Рекомендація нѣсколькихъ Эстонскихъ календарей.

3) Газета „Olewik". 1. Привѣтствуя новый юбилейный годъ, устанавливаетъ истинное понятіе о народѣ и народности. Народъ существуетъ вѣка, а народность имѣетъ давность около 25 лѣтъ. Собираясь праздновать память освобожденія народа, отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ этимъ событіемъ вопросъ о народности, дабы не причинить зла народу. Дѣятельность обществъ трезвости въ Алацкиви и Петербургѣ. Несчастіе съ рыбаками на озерѣ Пейпусѣ.—4. Отчеты обществъ трезвости въ Цинтенгофѣ и Феллинѣ.— 6. Уменьшеніе рыбы.— 7. Вѣдомость о кражахъ въ Юрьевскомъ уѣздѣ по приходамъ и мѣсяцамъ.—9. Будущій археологическій съѣздъ въ Ригѣ. О борьбѣ съ проказою въ Лифляндской и Эстляндской губерніяхъ.—12. Очерки изъ времени крѣпостничества. Ожиданія свободы. Освобожденіе. Сродственные эстамъ народы. Вопросъ о дорожной повинности въ Такерортѣ.—14. Празднованіе въ разныхъ мѣстностяхъ 75-лѣтняго юбилея освобожденія эстовъ отъ крѣпостной зависимости (также въ №№ 15—17, 25—27). Свѣдѣнія о количествѣ корчемъ въ краѣ (на разстояніи 10 верстъ отъ Юрьева расположены 18 корчемъ).— 15 и 16. Эстонскій вопросъ. 100 афоризмовъ Гренцштейна объ эстонской народности и политикѣ. Документальныя свѣдѣнія изъ времени освобожденія крѣпостныхъ.—16. Наши корчмы.—18. Пріемъ въ казну острова Вормса и экономическій бытъ его жителей.—19. Эсты не могутъ имѣть самостоятельнаго развитія. Совѣты переселенцамъ.—24. Эстонскій танецъ: мотивъ на нотахъ.—28. Списокъ Эстонскимъ изданіямъ за время отъ 1-го сентября по 31-е декабря 1893 года. Объ Эстонскомъ музеѣ.—30—32. Слѣды эстонскаго языка у восточныхъ народовъ, напримѣръ у осетинъ.— 30—31. Поѣздка на островъ Кюно.—34 и 38. Собраніе Галлистскаго земледѣльческаго общества.—35. Какое назначеніе должны имѣть корчмы? Древности въ Тарвасто, Феллинскаго уѣзда.—36. Юрьевская земледѣльческая выставка. Труды по изслѣдованію языка Ливовъ.—37. Древности въ окрестностяхъ Пейпуса. Языкъ и письменность Ливовъ.—39. Альбомъ эстонскихъ студентовъ.—42. Печальные отголоски юбилейнаго года: пьянство, развратъ, раздоры, страсть къ модамъ и т. п. остатки рабства.

Священникъ К. Тизикъ.

Ревель, 28 янв. 1895 г

Digitized by Google

„Тифлисскій Вѣстникъ“, 1873, 4. Библ. замѣтка о „Кребули“ и „Мнатоби“. *Д. Э.*—8. Изъ путешествія по Кавказу. Voyage en Russie, au Caucase et en Perse, par T. M. Chevalier Lycklama A. Nijeholt. Paris. 1872. T. I. N.—28.—Дѣятельность кн. Г. Эристова, какъ національнаго писателя.—44, 65. Пастбищныя, выгонныя и лѣсныя угодья *З. Эристовъ*.—49, 82. Библ. „Кребули“ № 10, 11, 12 за 1873 г. *Д. Эр—въ*.— 72, 74, 76, 78, 79 Безпорядки въ Грузіи въ 1802, 1804 и 1811 гг.—87—9, Современ. армян. общество въ Турціи соч. кн. Дадіани (Revue de deux Mondes 1867 г. кн. 15).—91—3. Библ. „Мнатоби“ и „Кребули“.—134. Замѣтка о статистической таблицѣ народонаселенія Кавказскаго края, помѣщенной во II т. „Извѣстій“ Кавк. Отд. И. Р. Г. О.

1874, 28. Библ.: Опыты драмат. литературы мусульм. востока (Karatali „la fatalité“ drame turce, joué à Constantinople 1872. Considérations sur les essais d'une litterature dramatique dans l'Orient musulman par Barbier de Meynard, Revue critique № 5, 31 janvier 1874).—53, 54. О сѣти желѣзнодорожныхъ сооруженій по Закавказью.—57. Библ.: Путеводитель по Кавказу М. Владыкина. М. 1874.—84, 85, 94. Майкопъ и его жизнь. *Е. Фелицынъ*.—91. Шуша и Лагодехи.—96. Ѳеодосія. *Л. Исарловъ*.—97. Николай Георгіевичъ Верзеновъ и его литерат. дѣятельность. *Д. Бакрадзе*.—98. По поводу якобы религіозныхъ реформъ у магометанъ (изъ турецкой газеты „Яланджи“).—106. По дорогѣ къ Баку.—117. Яффа и Іерусалимъ. *Евгеній Казариновъ*.

1875. 6. Изъ путевыхъ записокъ (Сухумъ). *Л. Исарловъ*.—7. Библ.: Compaigning on the Oxus and the Fall of Khiva. *Макъ-Гегана*.—28. Алавердскій заводъ. *Вл. К—нъ*.—32. Замѣтка о нашихъ земледѣльцахъ.—35, 36, 42, 43 Кавказ. минеральн. воды, ихъ прошедшее и настоящее. *Евг. Фелицынъ*.—37, Библ.: „Сбор. свѣд. о кавказ. горцахъ“ подъ р. Н. И. Воронова, в. VIII.—38. Наши этнологи.—44. Багаршапатъ.—47. Прототипы „Горе отъ ума“, *Д. Эристовъ*.— 48. О колонизаціи сѣверо-восточ. береговъ Чернаго моря *Л. Исарловъ*.—50. Христіанскія древности въ турецкой Грузіи. *Л. Исарловъ*.—67. Воспоминаніе о „Кавказской старинѣ“. *П—чъ*.—68. † Н. К. Усларъ.—*Л. З—скій*.—83. Майкопъ. *Евг. Фелицынъ*. — 86. Безпорядки въ Сванетіи. — Отъ Владикавказа до Грознаго.—95. Турецкая Грузія.—99. Библ. „Дрозба“ за 1866—1875 гг.—109. Крестьяне собственники.—110, 111, 113. Южные славяне и ихъ литература (Le monde slave par Louis Leger. Paris. 1873).—122, 123, 124. Библ. Искаженіе добытыхъ наукою фактовъ по этнографіи Кавказа въ соч. Риттиха „Племенной составъ контингентовъ русской арміи“. Спб. 1875. *Л. Зачурскій*.—133. Чайно-географ. карта г. Сталинскаго.

1876. 8. На Сурамскомъ перевалѣ (съ грузинскаго). — 12, 13, 16, 17, 18. Матеріалы для уголовной статистики Закавказья.—16. Между молоканами. *П. М.*—17. Николай Бараташвили (поэтъ).—22. Изъ Осетіи (калымъ).—32, 38, 44. Замокъ Моди-Нахе.—49, 52, 53, 83, 84. Библ. Акты Кавказ. Археогр. Коммиссіи, т. VI, (Ермоловское время).—123. Жоржъ-Зандъ. — 125, 126, 131, 132, 138, 139, 145, 146, 149, 161, 167, *М. Г. М.*—Образованіе въ Закавказскомъ краѣ,—150. Библ. Bibliographia Caucasica. М. Міансарова.—168, 171. Общій обзоръ азіатской Турціи.—185, 189. Сербы, этногр. эскизъ.—210, 212, 218, 222, 231, 232, 237. Землевладѣніе въ Кубанскомъ уѣздѣ.—215, 216. Библ. „Пордзъ“ (арм. жур.)— 246. Библ.: Сбор. статист. свѣд. о Ставропол. губ., вып. VII.— 265. Поѣздка по Турецкой границѣ. *Кн. Т. Ходжаминасовъ*.—287, 288. Къ вопросу о системѣ обученія въ кавказскихъ инородческихъ школахъ.

1877. 12, 15. Библ. „Пордзъ“ („Опытъ“ арм. журн.).—21. Положеніе крестьянъ въ Верхней Карталиніи.—30. Нѣчто о положеніи женщинъ у горцевъ-мусульманъ. *А. Гассіевъ*.—46. Замѣтки о журналахъ „Отеч. З.“ 1876, 10, 11. Бар. А. Розенъ о Тифлисѣ. — 50, 51. Сванетія. Путешествіе *А. Стоянова*.—51. Взглядъ Корана на немусульманъ.—52. Грузинск. духовенство.—95, 98. Карсъ (истор. очеркъ).—102. Баязетъ.—116, 117. Армянскій полкъ.—132. Отъ Ахалцыха до Ардагана.—144, 145, 152, 161—165. Участіе армянъ въ завоеваніяхъ Россіи въ Закавказьи. — 180. Чиновничій классъ въ Закавказьи.—192, 193. Карталинія. — 216. Городъ на Вулканѣ. — 259. Путевыя картинки

Digitized by Google

(Кутаис. г.).— 265, 269. Библ.: Armenia and Lebanon by S. W. Probyn, esq. published for the Eastern Question Association by Cassel Petter et Çacpin. London, 1877.—275, 277. Кавказ. евреи.

1878. 30. По поводу возстанія кавказскихъ горцевъ. *Евг. Фелицынъ.*— 39. Сутки въ Бежатубани.—46. Мехти Умміевъ Кайтагскій, одинъ изъ предводителей возстанія въ Дагестанѣ.—60. Физическій очеркъ Арменіи (пер. съ армянскаго), *Рубенли.* — 79. Сел. Славянка (населеніе, костюмъ, наружность, бытъ, грамотность).—86. Кобулеты. *Ковальскій.*—98. Конференція и армяне.— 139. Библ.: „Пордзъ" № 4 1878 г. — 228. Картинки кавказ. провинціальной жизни.—241. Библ.: Меджгануашвили, повѣсть Л. Ардазіани.—262. О судопроизводствѣ въ Закавказьи. *А. К. Церетели.*

1879. (изд. К. Бебутовъ, ред. Д. Эристовъ). 4, 5, 7, Между сектантами.— 10. Груз. спектакль (дебютъ Сапаровой).— 15, 18, 21. Изъ письма по М. Азіи. *Г. Церетели.* — 24. А. С. Грибоѣдовъ. *Д. Эристовъ.* — 92, 93. Два грузина Отія Месхи и Адамъ Бебуришвили, произнес. *Ак. Церетели.* — 119. 25 лѣтъ (1842 — 67) на Кавказѣ А. А. Зиссермана. *М. Л.* — 167. Съ антропологической выставки.—180. Библ. Очерки Чуруксу и Батума. *А. Френкеля. А—нъ.*— 195. Грузинская труппа. — 220, 221, 223, 226, 228. Десять дней въ горахъ Дагестана. *Вл. Микеладзе.*—243. Паата Темуршвили. Народн. герой временъ Ираклія II.—249. V Археол. съѣздъ въ Тифлисѣ.

1880. (изд. К. Бебутовъ, ред. Г. Чикоани). 6. Рождественская сказка. *Ковальскій.* — 22. Библ.: Царь Мріанъ и св. Нина. *Дм. Бакрадзе.*—50. Одзахисъ-асули, драма *І. Церетели. (Изданіе прекратилось).*

Тифлисскій Листокъ, 1886. (Ред. изд. І. Б. Поповъ).— 53. Артистъ Адамьянъ (біографія) *В. Михеева.*— 54. Китайскій театръ.— 58. Семейный бытъ персовъ (изъ „Рус. Вѣд.").— 119. А. Н. Островскій.— 124. Выборъ невѣсты китайскому императору.—187—9. Изъ Тифлиса въ Абастуманъ.—228. „Подруга жизни", драма въ переводѣ А. Мочхубаридзе.—261, 262. Мемуары арабской принцессы.

1887. (Врем. ред. С. Кегулихесъ-Кегульскій, потомъ К. Бѣгичевъ, изд. Х. Хачатуровъ). — 13. Два всадника (мингрельская легенда).— 38. Будни въ кахетинской деревнѣ.—86. Послѣднее слово по женскому вопросу.—112. Кабульскіе армяне.—145, 147. Изъ поѣздки въ Палестину. *С. А.*—168. Этнографическій этюдъ.— 234. Восточная сказка. *В. В.*— 250. Похороны Д. И. Кипіани.— 272. Армянское купечество на стр. „Ардзаганкъ".

1888. (Врем. ред. И. Хачатуровъ).—81—3. Прекрасная Аза.—172. Оправдаютъ ли? (Этюдъ изъ кавказской жизни).— 204. Восхожденіе Е. С. Маркова на Араратъ.—232. Пропавшіе путешественники въ ледникахъ.

1889. 1, 2 — 4, 7 — 10, 13. Лорисъ-Меликовъ.— 85. † К. П. Патмановъ (армянистъ).— 125, 129, 130. Женщины въ Китаѣ (съ итальянскаго).— 171. Археолог. находка (въ сел. Вани).— 188. † Н. А. Короваевъ.—189. Грузин. царица и мѣдныя деньги.—200. Библ.: „Цда". *Д. Сосланн.*—210—214. Кавказ. выставка.—278. Литератур. распри о Ш. Руставели, *Д. Сосланн. (Дальнѣйшіе годы см. въ „Этн. Обозр." съ 1890 г.).*

Digitized by Google

Новости этнографической литературы.

а) Русскія.

Акты Московскаго государства, изданные Имп. Академіей Н. подъ ред. *Н. А. Попова.* Томъ II.

Разрядный приказъ. Московскій столъ. 1635—1659. Спб. 1894. 8°. XLV+773, 400 экз. Ц. 5 р.

Акты, собранные Кавказскою Археографич. Комиссіею. Архивъ Главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ. Томъ XII, ч. 1-я. (1846—62 гг.), подъ ред. *Е. Д. Фелицына* и *А. П. Наумова.* Тифл. 1 93. 8°, 732+20 стр., 112 экз.

Безсоновъ И. Слово о полку Игоревѣ. Памятникъ изящной рус. словесности XII в. Одесса. 1894. 8°, бр.

Богдановичъ, А. Про панщину. Разсказъ изъ бѣлорусской жизни временъ крѣпостного права. Гродно. 94, 8°, 31 стр. 100 экз.

Болсуновскій, К. В. Дрогичинскія пломбы. Ч. I, съ XXI табл., въ отдѣльной тетради (972 двухсторон. изображенія). Кіевъ. 1892—94. folio. Ц. 5 р.

Бѣляшевскій, Ник. Случайныя находки на Княжей горѣ въ 1893 г. (Оттискъ изъ «Кіевск. Стар.»). К. 94. 8° 10 стр. 105 экз.

Веселовскій, Н. Киргизскій разсказъ о русскихъ завоеваніяхъ въ Туркестанскомъ краѣ. Текстъ, переводъ и приложенія. Спб. 1894. 8°.

Виліоѳика (Древняя россійская), или собраніе разныхъ древнихъ сочиненій, яко-то: россійскія посольства въ другія государства, рѣдкія грамоты, описаніе свадебныхъ обрядовъ и другихъ историческихъ и географическихъ достопамятностей и многія сочиненія древнихъ русскихъ стихотворцевъ,—издававшаяся помѣсячно *Николаемъ Новиковымъ* въ Спб., въ 1773—75 г. Часть I. Янв.—іюнь. 1773. Мышкинъ. 1894. 8°, 2+216+2 стр. 300 экз. Ц. 1 р. 75 к.

Византійскій временникъ, издаваемый при Имп. Акад. Наукъ, подъ ред. В. Г. Васильевскаго и В. Э. Регеля. Томъ I, вып. 1-й. Спб. 94. 8°, 262 стр. 610 экз.

Digitized by Google

Владиславлевъ, В. Къ аграрному вопросу въ Лифляндіи (изъ «Ж. М. Н. П.», авг. 1894 г.). Спб. 94 г. 8°, 60 стр. 100 экз.

Волланъ(-де), Григорій. По бѣлу свѣту. Путевыя замѣтки. Ч. 2-я. (Бирма, Ява, Китай, Тонкинъ, Кохинхина, Камбоджа, Сіамъ). Спб. 1895. 8°, 371 стр. Ц. 2 р. 25 к.

Гаркави, А. Извѣстія караима Абу-Юсуфа Якуба Аль-Киркисани объ еврейскихъ сектахъ (Отд. отт. изд. «Запис. Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общ.»). Спб. 94. 8°, стр. съ 247 по 321. 60 экз.

Гильфердингъ, А. Ѳ. Онежскія былины, записанныя лѣтомъ 1871 года. Томъ I-й. Изд. 2-е. Спб. 94 г. 8°, XXII+597 стр. 110 экз.

Грековъ, А. М. Среди донскихъ обывателей (Новочеркасскъ, Ростовъ, Таганрогъ, Нахичевань). Областные очерки-параллели. Р.—на—Д. 94 г. 8°, 75 стр.

Грицько-Кобзарь. Сборникъ малороссійскихъ народныхъ пѣсенъ. Въ 2-хъ частяхъ. Части 1-я и 2-я. Москва. 94 г. 16°, 176+III стр. 7.500 (?) экз.

Гробницы древняго Египта (По кн. Бэдж'а «The Mummy»). Изъ «Прав. Вѣстн.». 1894, № 73. Брош. 8°, 16 стр.

Дагелайскій, В. Крылатыя фигуры въ античномъ искусствѣ. (Отт. изъ «Запис. Имп. Русск. Археол. Общ.). Спб. 94. 8°, 23 стр. 120 экз.

Джаншіевъ, Гр. А. М. Унковскій и освобожденіе крестьянъ. Историко-біографическія справки. М. 1894 г. 8°, 4+195+51 стр. 1.200 экз. Ц. 1 р.

Дмитріевъ, В. Экскурсія на Чатырдагъ, къ источнику Салгира и въ пещеры Кизиль-хаба въ 1893 г. Одесса. 8°, 27 стр. и 1 карта. 100 экз.

Доливо-Добровольскій, А. І. Этюды и картинки изъ кругосвѣтнаго плаванія. (Въ имперіи богдыхана. На парадномъ китайскомъ обѣдѣ. Сорокъ семь могилъ. Черная королева. Роковой островъ. Аборигены Японіи. Святая ночь въ океанѣ). Кронштадтъ. 94 г. 16°, 264 стр. 396 экз. Ц. 50 к.

Дѣдловъ. Переселенцы и новыя мѣста. Путевыя замѣтки. Спб. 94 г. 8°, 201 стр. 2.400 экз.

Записка, историческая и статистическая, о дворянскомъ сословіи и дворянскихъ имуществахъ Черниговской губ. Составлена черниг. губ. предводителемъ дворянства *А. М. Марковичемъ* въ 1838 году. Издана гр. Гр. А. Милорадовичемъ. Черниговъ. 1894. 16°, 56 стр. (Говорится и о казацкомъ и сельскомъ сословіи и проч.) *).

Ермаковъ, Н. Я. Пословицы русскаго народа. Спб. 1894, 8°, 48 стр. Ц. 30 к.

---

*) Была впервые напечатана въ „Матеріалахъ для статистики Россійской имперіи, издав. съ Высоч. соизв. при статистическомъ отдѣленіи Совѣта Мин. Внутр. Дѣлъ". СПБ. 1841, 8°, отд. IV, стр. 3—25 (а не во II т. 1852 г. этого изданія, какъ говоритъ гр. Милорадовичъ въ предисловіи).

Ред.

Digitized by Google

278 засѣданіе Имп. одесскаго общества исторіи и древностей 31 мая 1894 г. Од. 8°, 15 стр. 200 экз.

Зенкевичъ, Хр. Хр. Керчь въ прошедшемъ и настоящемъ. Историко-археологическій и географическій очеркъ, съ приложеніемъ описанія достопримѣчательностей города и его окрестностей, хронологическаго указателя, статистическихъ свѣдѣній и рисунковъ. Керчь. 94 г. 8°, V+162 стр. 1.200 экз.

Ивановскій, А. О. Manjurica I. Образцы солонскаго и дахурскаго языковъ. Изд. И. Ак. Н. Спб. 1894. 8°, XIV+79 стр. Ц. 80 к.

Извѣстія Таврической Уч. Архивн. Комиссіи. № 21, подъ ред. *Арсенія Маркевича*. Симферопол. 1894. 8°, 140 стр.

Изъ исторіи города Пскова второй половины XVI столѣтія. Святой Николай Салосъ, Христа-ради юродивый. Д. П. Немировъ. 94 г. 8°, 16 стр., 200 экз.

Историко-статистическое описаніе Харьковскаго каѳедральнаго Успенскаго собора. Харьковъ. 8°, 331+4 стр. 900 экз.

Историческое описаніе Свято-Троицкаго Анзерскаго скита на Анзерскомъ островѣ. Изд. Солов. монастыря. Архангельскъ, 8°, 36 стр. 3.000 экз.

Историческое описаніе Зеленогорскаго общежительнаго женскаго монастыря. Новгородъ. 8°. 12 стр. 2.000 экз.

Историческое описаніе ставропигіальнаго Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго, монастыря. Москва. Изд. 2-е, 87 стр.

Каталогъ выставки археологическихъ коллекцій и предметовъ древности Пермскаго края, устроенной пермскою учен. архивн. комиссіею Уральскаго общ. люб. естествознанія въ Перми 6-го—19-го іюня 94 г. Пермь. 94. 8°, 84 стр. 500 экз. Ц. 30 к.

Катановъ, Н. Ѳ. Мусульманскія легенды. Тексты и переводы. (Приложеніе къ LXXV тому «Зап. Имп. Ак. Н.» № 3). 8°, 44 стр. 200 экз. Ц. 40 к.

Катановъ, Н. Ѳ. О погребальныхъ обрядахъ у тюркскихъ племенъ центральной и восточной Азіи. Казань. 94 г. 8°, 34 стр. 100 экз.

Кирпичниковъ, А. Сужденіе дьявола противъ рода человѣческаго (Памятники древней письменности (CV). Спб. 94 г. 8°, 23 стр. 310 экз.

Кудринскій, Ѳ. Утопленница. Этнографическій разсказъ (Отт. изъ «Кіевск. Стар.»). Кіевъ. 94. 8°, 57 стр. 100 экз.

Кунцево и Знаменскій храмъ въ Кунцевѣ (150-ти-лѣтній юбилей церкви). Москва. 16°, 31 стр.

Лайдынь, А. Русско-Латышскій словарь ко 2-му выпуску «Русская рѣчь», М. Вольнера. Рига. 94 г. 8°, 55 стр. 5.000 экз.

Лаоси. Тао-те-Кингъ. Переводъ съ китайскаго, съ введеніемъ Д. П. Конисси. Изъ ж. «Вопросы Философіи и Психологіи». М. 94 г. 8°, 48 стр. 300 экз. Ц. 40 к.

Лаппо, И. И. Тверской уѣздъ въ XVI вѣкѣ. Его населеніе и виды земельнаго владѣнія. (Этюдъ по исторіи провинціи Московскаго государ-

Digitized by Google

ства. Изъ «Чт. въ Имп. общ. ист. и др. росс. при моск. унив.»). М. 94. 8°, 238 стр. 200 экз.

Латышевъ, В. В. Дополненія и поправки къ собранію древнихъ надписей сѣвернаго побережья Чернаго моря. III. (Отт. изъ «Запис. И. Р. А. О.»). Спб. 94. 8°, 23 стр. 112 экз.

Малеинъ, А. І. Газеты у древнихъ римлянъ. Изд. редакціи ж. «Библіографъ». Спб. 94 г. 8°, 18 стр. 300 экз.

Маркевичъ, Арсеній. Таврica. Опытъ указателя сочиненій, касающихся Крыма и Таврической губерніи вообще (Изв. Таврич. Уч. Архивн. Комиссіи. № 20). Симферополь. 1894. 8°, III+394 стр.

Матеріалы для статистики Красноуфимскаго уѣзда, Пермской губ. Вып. V-й. Ч. 1-я. (Заводскій районъ). Казань. 1894 г. 4°, 161+258 стр.

Мещерскій, А. В. кн., О заповѣдныхъ имѣніяхъ. Историческій очеркъ. Москва. 94 г. 8°, 20 стр.

Миллеръ, Вс. О Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, издаваемомъ управленіемъ кавказскаго учебнаго округа (Отзывы, напечатанные въ «Журналѣ М-ства Нар. Просв.»). Тифлисъ. 94 г. 8°, 30 стр. 200 экз.

Митькевичъ, Александръ. О формѣ завѣщаній. Историко-юридическій очеркъ. Тифлисъ. 8°, 101 стр.

Мочульскій, В. Къ исторіи малорусскаго нарѣчія. Житіе св. Саввы Освященнаго, по пергаментной рукописи XIII в. Одесса. 94. 8°, 24 стр. 300 экз.

Неклюдовъ, Е. Словарь-самоучитель 1.500 татарскихъ словъ и съ приложеніемъ индійскихъ, употребляемыхъ татарами въ письмѣ, цифръ и чиселъ, съ переводомъ на русскій и татарскій языки. Изд. 1-е. Каз. 94. 16°. 86 стр. 1.200 экз. Ц. 50 к.

Никоновъ, Серг. Поручительство въ его историческомъ развитіи по русскому праву. Спб. 1895. 8°, 216 стр. Ц. 2 р.

Нѣдзельницкій, Іоаннъ, свящ. Штундизмъ, причины появленія и разборъ ученія его. Елисаветградъ. 8°, 349 стр.

Оболенскій, Алексѣй, кн. Основная причина крестьянскаго нестроенія. (Отт. изъ ж. «Русск. Вѣстникъ»). Спб. 94. 8°, 31 стр. 100 экз.

Образованіе калмыковъ Астраханской губерніи и мѣры къ его улучшенію (Отт. изъ «Прав. Благовѣстника»). Москва. 94 г. 8°, 44 стр. 120 экз.

Оксеновъ А. Народная поэзія. Былины, пѣсни, духовные стихи. Съ введеніемъ и объяснительнымъ словаремъ. Редакція В. И. Шеманкина. (Приходская библіотека). Москва. 94 г. 8°, XXIX+306 стр. 1.000 экз.

Олонецкій сборникъ. Матеріалы для исторіи, географіи, статистики и этнографіи Олонецкаго края. Вып. 3-й. Сост. *Благовѣщенскій*. Изд. Олон. статист. комитета. Петрозаводскъ. 94 г. 8°, VIII+556 стр. 600 экз. Ц. 2 р.

Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Книга 9-я. Москва. 94. 8°, VII+361+161 стр. 425 экз. Ц. 3 р.

Digitized by Google

Описаніе (Краткое историческое) смоленскаго Успенскаго каѳедральнаго собора. Смол. 8°, 32 стр. 2.000 экз.

Орнитоманія. Предсказывающія карты знаменитой проницательницы дѣвицы Ленорманъ. Ключъ и руководство къ употребленію предсказывающихъ картъ. Спб. 32°, 30 стр. и 36 картъ. 2.000 экз.

Очеркъ изъ исторіи американской православной духовной миссіи. Спб. 8°, 292 стр. 3.000 экз.

Очеркъ (историческій) Смоленска. Спб. 1894. 8°, 61 стр. 7 фототип. снимковъ и 4 карты. 600 экз.

Отчетъ о дѣятельности рязанской ученой архивной комиссіи за 1893 годъ. Составленъ *С. Д. Яхонтовымъ*. Рязань. 94 г. 8°, 14+6 стр.

Палестина и Синай. Часть I. Выц. 3-й Изд. Имп. Прав. Пал. Общ. Спб. 94. 8°, V+176 стр. 600 экз.

Памятники древней письменности. CII. Отчеты о засѣданіяхъ Имп. общества любителей древней письменности въ 1893—1894 году, съ приложеніями. Спб. 94 г. 8°, 93 стр. 262 экз.

Памятники древней письменности. CIV. Апокрифическое пророчество царя Соломона о Христѣ, находящееся въ пространномъ житіи св. Константина философа, по списку XIII вѣка. Сообщеніе А. Н. Петрова. Спб. 94 г. 8°, 14 стр.

Покровскій, Н. Очерки памятниковъ православной иконографіи и искусства. Спб. 8°, 350 стр.

По чужимъ краямъ и по Сибири. Путешествіе Е. И. В Наслѣдника Цесаревича и В. Кн. Николая Александровича 1891—1892. Грецію. Египетъ. Индію. Китай. Японію. Сибирь (Изд. «Семьянина»). Спб. 1894. 8°, 56 стр. Ц. 30 к.

Прошлое и настоящее Одессы. Составлено С. Ч. и просмотрѣно профессорами Новоросс. университета А. И. Кирпичниковымъ и А. И. Маркевичемъ. Одесса. 94 г. 8°, 48 стр. 15.000 экз. Ц. 25 к.

Птицынъ, В. В. Древніе адвокаты и наши присяжные Цицероны. Изданіе исправл. и дополн. Спб. 1894. 8°, 78 стр. 1.000 экз. Ц. 50 к.

П., Д. Скѣтлыя черты русской женщины. Немировъ. 1894. 8°, 34 стр.

Радловъ, В. Сибирскія древности. Матеріалы по археологіи Россіи, (изд. Имп. Археолог. Ком. № 15). Томъ I, вып. 3-й. Съ 8-ю табл. рис. и 30 политипаж. Спб. 1894. 4°, стр. съ 81 по 132+съ 53 по 146+XIX. 600 экз. Ц. 2 р.

Родосскій, А. Описаніе 432 рукописей, принадлежащихъ спб. духовной академіи и составляющихъ ея первое по времени собраніе. Спб. 8°, 427 стр. 600 экз.

Русскіе акты ревельскаго городского архива. Изданы археографическою комиссіею подъ ред. А. Барсукова. Спб. 94. 8°. 320 стр. стер. 420 экз.

Русская народная лирика. Пѣсни семейныя. Пѣсни бытовыя. Пѣсни удалыя. Объяснительныя статьи (Русская классная библіотека, издаваемая подъ ред. А. Н. Чудинова. Пособіе при изученіи русской литературы.

Digitized by Google

Выпускъ XVIII). Изд. И. Глазунова. Спб. 94. 8°, VIII + 109 стр., 5.020 экз.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа Вып. 18-й. Изд. управленія кавказск. учебн. округа. Тифлисъ. 94 г. 8° 132+410 экз.

Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. акад. наукъ. Томъ 59 (Онежскія былины, записанныя А. Ф. Гильфердингомъ лѣтомъ 1871 г. Изд. 2-е. Томъ 1-й). Спб. 94 г. 8°, XXII+597 стр. и 1 портретъ, 600 экз. Ц. 2 р. 50 к.

Сельско-хозяйственный обзоръ Тверской губерніи за 1893 годъ (годъ первый). Изд. тверск. губ. земства. Тверь. 93 г. 8°, III+140+59 стр.

Семеновъ, А. Э. Нѣсколько словъ о древне-критскихъ клятвенныхъ формулахъ (Отт. изъ «Записокъ Имп. Р. А. О.»). Спб. 94. 8°, 9 стр. 62 экз.

Семеновъ, В. И. Забытый путь изъ Европы въ Сибирь. Енисейская экспедиція 1893 года. Спб. 1894. 8°, 185 стр. и 1 карта. 1.200 экз.

Симонова. Л. 1) Лаача. Очерки изъ быта вогуличей. 84 стр. Ц. 40 к. 2) Эзе. Очерки изъ быта остяковъ. 90 стр. Ц. 50 к., съ 2 картинками. Спб. 1895. 8°, 3-е изд. Н. Н. Морева.

Смоленскій, А. В. Чувашскія примѣты о погодѣ и ея вліяніе на хозяйство. Казань. 94. 8°, 81 стр. 85 экз.

Соколовъ, В. Д. Москва—Самаркандъ. Путевыя впечатлѣнія. М. 1894. 8°, 53 стр. Ц. 40 к.

Статистика Россійской Имперіи. XXVII. Волости и населенныя мѣста 1893 года. Выпускъ 10-й. Тобольская губернія. Изд. Ц. Ст. Ком. М. В. Д. Спб. 94 г. 4°, 203+12+111 стр. 1.000 экз. Ц. 1 р. 25 к.

Суворинъ, А. Палестина. Вып. 14-й Спб. 2°, стр. 161 по 172. 3.000 экз.

Тайцъ, Б. Историческій очеркъ возникновенія и распространенія новѣйшаго спиритизма (По поводу 46-лѣтней годовщины возникновенія въ Америкѣ новѣйшаго спиритизма). Спб. 94. 8°, 40 стр. 600 экз. Ц. 35 к.

Титовъ, А. А. Тверскія Епархіальныя Вѣдомости. Списокъ и указатель статей, помѣщенныхъ въ неофф. части Вѣдомостей въ первыя семнадцать лѣтъ существованія: 1877 — 1893 г. Москва. 8°, 100 стр. 1.200 экз.

Указатели къ изданнымъ московскимъ городскимъ управленіемъ переписнымъ и межевымъ книгамъ XVII и XVIII столѣтій. М. 94 г. 4°, 42 стр. столб. 200 экз.

Указатель (систематическій) статей, помѣщенныхъ въ русскихъ журналахъ (апрѣль—іюнь), № 2. Спб. 1894. 8°, 36 стр. 700 экз.

Устимовичъ, М. П. Ловичъ, древняя резиденція и владѣніе примасовъ Польши. (Историч. замѣтка). Варшава. 94. 8°, 125 стр. 600 экз. Ц. 50 к.

Флоринскій, Тимоѳ. Лекціи по славянскому языкознанію. Часть первая. I. Введеніе. II. Юго-западные славянскіе языки (болг., сербо-хорв., словинскій). Кіевъ. 1895. 8°, (Изъ «Университ. Извѣстій» 1892—95 гг.). Стр. 526. Ц. 3 р. Печатается 2-я часть (сѣверо-западные языки).

Digitized by Google

Чемена, К. А. Происхожденіе и сущность ессейства. Опытъ историко-критическаго изслѣдованія. Черкасы. 94 г. 8°, 500 + II стр. 310 экз. Ц. 2 р. 50 к.

Черепнинъ, А. И. Борковскій островъ и его древности (изъ «Археол. Изв. и Зам.», 1894 г.). М. 94 г. 8°, 18 стр.

Шахматовъ, А. Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій (Оттискъ изъ «Р. Ф. В.»). Варшава. 94. 8°, 12 стр. 60 экз.

Вольвачивна, Маруся. Казка про таемни слова. Харьк. 1893. 16°, 46 стр.

Думы (Народны): Олексій Поповичъ.—Маты-удова и тры сыны.—Сестра и братъ. Кіевъ. Изд. Іогансона. 1890. 8°, 24 стр.

Чайченко, В. Дума про княгыню-кобзаря.—Сыритка.—Крюкъ, велика птыця.—Дурень думкою богатіе.—Рыбьячи танци.—Два моржы. (Стихотворныя переложенія народныхъ произведеній). Харьк. 1893. 16°, 43 стр.

б) Иностранныя.

Стоиловъ, А. Р., Сборникъ отъ български народни умотворения. Випускъ I, битови пѣсни. София. 1894. Стр. 54+IV. Цѣна 60 ст.

Славиеви Гори (Родопи). Мѣсечно списание за народни умотворения, наука и обществени знания. (Выходитъ ежемѣсячно, начиная съ апрѣля 1894 г. и лишь исключая мѣсяцы іюль и августъ,—издается въ с. Орѣхово, Рупчоска околия).

Apocrypha anecdota. A collection of thirteen apocryphal books and fragments now first edited from manuscripts by Montague Rhode James. Cambrige. 1893.

Bacon, Alice M., A Japonese interior. (Уже раньше вышла того же автора книга: «Japonese Girls and Women». Авторъ «мастерской рукой рисуетъ теченіе національной жизни въ Японіи»).

Bastian, A., Buddhismus, als religions-philosophisches System. Berlin. 1893.

— Controversen in der Ethnologie. Die geographischen Provinzen in ihren culturgeschichtlichen Berührungspunkten. Sociale Unterlagen für rechtliche Institutionen. Ueber Fetische und Zugehöriges. Berlin. 1893—94.

Bishop, Isabella L., Among the Tibetans. With illustrations. (Авторъ знакомитъ съ Тибетомъ и тибетцами. «Многія черты тибетской жизни производятъ отталкивающее впечатлѣніе, но въ общемъ народъ обладаетъ симпатичными сторонами характера и привлекаетъ своимъ дружелюбіемъ»).

Brinton, D. M., Nagualism. A study in American Folklor and History. Philadelph. 1894.

Brintz, J. Deutsche Kulturbilder aus sieben Jahrhunderten. Hamburg. 1894.

Borchardt, W. Die sprüchwörtlichen Redensarten im deutschen Volksmunde nach Sinn und Ursprung erläutert (2 изд.). Leipzig. 1894.

Digitized by Google

Černy, Ad. Třeča zběrka lužiskoserbskich pěsni. Budyšin. 1893. (Z. Časopisu Mačicy serbskeje 1893).

Dunger, H. Kinderlieder und Kinderspiele aus dem Vogtlande. Ein Vortrag über das Wesen der volksthümlichen Kinderlieder (2 изд.). Plauen, 1894.

A Dictionary of British Folklore. Edited by G. Laur. Gomme. Part. I. The traditional Games of England, Scotland and Irland with Tunes, Singing-rhymes and Methods of playing according to the variants extant and recorded in different parts of the Kingdom, collected and amutated by Alice Bertha Gomme. 1. vol. Accroshay-Nuits in May. London. 1894.

Eckart, E. Niederdeutsche Sprichwörter und volksthümliche Redensarten. Braunschweig. 1894.

Eckart, Rudolph. Allgemeine Sammlung niederdeutscher Rätsel. Leipzig. 1894.

Eggers, Alex. Der arische (indo-iranische) Gott Mitra. Eine sprach- und religiosgeschichtliche Studie. Jurjew. 1894. 8°, 75 стр. (магистерская диссерцація).

Ewert, M. Ueber die Fabel: «Der Rabe und der Fuchs». Berlin. 1894.

Eynatten, Carol. Deutsche Sagen u. Geschichten. Bonn. 1894.

Franke, I. H., Kulturbilder aus der Kultur-und Sittengeschichte der Menschheit älterer und neuerer Zeit. Zürich. 1894.

Grooke, W. Introduction to the popular religion of Northern India. Allahabad. 1894.

Gill, William. From Darkness to light in Polynesia. (Авторъ «описываетъ свою (за 33 года) миссіонерскую дѣятельность и жизнь среди полудикихъ племенъ», населяющихъ острова Тихаго океана. Христіанство идетъ тамъ «успѣшно». Кромѣ того, авторъ собралъ тамъ «много легендъ и пѣсенъ»).

Goblet d'Alviello. La loi du progrès dans les religions. Bruxelles. 1894.

Haddon, A. C. and **Browne. C. R.** The Ethnography of the Aran Islands, Country Galway. (Отт. изъ Proc. Roy. Irish. Academy. 1893).

Hadaszczok, J. prof. Führer durch die Beskiden. Острова. 1894 г. 72 стр. (съ картой зап. Карпатъ).

Hauser, Chr. Sagen aus dem Poznaun und dessen Nachbarschaft. Innsbruck. 1894.

Hickmann. Karte der Verbreitungsgebiete der Religionen in Europa. Berlin. 1894.

Hirt's, F. Bilderschatz zur Länder-und Völkerkunde. Leipzig. 1894. (на стр. 43 чешско-слав. народность).

Jiriczek, O. Dr. Anleitung zur Mitarbeit in volkskundlichen Sammlungen. Brünn. 1894.

Kieswetter, K. Faust in der Geschichte und Tradition. Leipzig. 1894.

Knopp, O., Sagen und Erzählungen aus der Provinz Posen. Posen. 1894.

Digitized by Google

Köhler, R. Aufsätze über Märchen und Volkslieder. Aus seinem handschriftlichen Nachlass herausgegeben von Joh. Bolte u. Erich Schmidt. Berlin. 1894.

Letourneau, Ch. L'évolution littéraire dans les diverses races humaines. Paris. Bibliothèque anthropologique. («Представивъ въ предыдущихъ своихъ трудахъ эволюцію нравственности, брака, семьи, собственности, политическихъ и юридическихъ учрежденій и религіи у различныхъ человѣческихъ расъ, Летурно теперь занялся изслѣдованіемъ эволюціи литературы, разсматривая литературу, какъ одно изъ многочисленныхъ выраженій народной жизни въ наиболѣе широкомъ смыслѣ этого слова». Наиболѣе ярко «народная жизнь отражается въ той литературѣ, истинно-народной, наивной и непосредственной, которая всюду предшествовала ученой литературѣ, существовала десятки тысячъ лѣтъ и послужила почвою для всей остальной искусственной литературы, являющейся продуктомъ позднѣйшей цивилизаціи». «Летурно вездѣ старается показать, въ какой тѣсной зависимости находится литература отъ соціальнаго и политическаго положенія даннаго народа»).

Lewalter Joh. Deutsche Volkslieder in Niederhessen aus dem Munde des Volkes gesammelt. Hamburg. 1894.

Lubicz, Raf. Kilka zabytków języka staropolskiego. (Odbitka zt. IV—V «Prac Filologiczn.»). Warsz. 1894. 8°, 90 стр.

Monumenta confraternitatis Stauropigianae, edidit d-r Wladimirus Milkowicz. Tomus I. Pars prima, continens diplomata et epistolas ab anno 1518—1593. Львовъ 1895 г. Стр. XVI+496. Цѣна 5 гульд. (Содержитъ акты на языкѣ церковно-славянскомъ, старо-малорусскомъ, польскомъ, латинскомъ, греческомъ, итальянскомъ, арабскомъ и армянскомъ).

Okresní národopisná výstava a sjezdy ve Hlinsku konané r. 1893. V Chotěboži, 1893.

Pelhau, H. Fr. Outlines of Roman History (намѣчаетъ «главнѣйшія черты римской исторіи». Ожидается большое сочиненіе того же автора по римской исторіи.

Peel, Helen. Polar Gleams, an account of a Voyage on the Yacht Blencathra. With a preface by the Marquess of Dufferin and contributions by Capt. I. Wiggins and F. G. Jackson (Arnord).

Peante (de la), Minna C. Other Lands and the people who live there.

Regnaud, P. Les premières formes de la religion et de la tradition dans l'Inde et dans la Grèce. Paris. 1894.

Reichlin-Meldegg (A. Baronin v.). Regensburger Volkssagen für Jung und Alt. Regensburg. 1894.

Richter, A. Deutsche Redensarten. Sprachlich und kulturgeschichtlich erläutert (2 изд.). Leipzig. 1894.

Rohde, O. Die Erzählung vom Einsiedler und dem Engel in ihrer geschichtlichen Entwickelung. Leipzig. 1894.

Torr, Cecil. Ancient ships. Cambrige. 1894.

Tiersot, J. Les types mélodiques dans la chanson populaire française. (Extr. de la Revue des Trad. pop.). Paris. 1894.

Digitized by Google

Taylor, H. L'origine des Aryens et l'homme préhistorique. (Перев. съ англ. въ «Bibliothèque évolutionniste». «Тейлоръ очень подробно разбираетъ этотъ вопросъ въ своей книгѣ и рѣшительнымъ образомъ отвергаетъ параллелизмъ расъ и языковъ и выводы многихъ филологовъ».

Tarde, G. La logique sociale. 1895. («Авторъ даетъ логическое развитіе своихъ идей общей соціологіи, изложенныхъ имъ въ его «Законахъ подражанія», приходитъ къ цѣлому ряду весьма интересныхъ заключеній насчетъ дѣйствія религіи, языковъ, искусства, соціальныхъ и коллективныхъ чувствъ, какъ, напримѣръ, національная ненависть, народная гордость и т. д.»).

Tischer, Frant. Iindřich IV z Hradce. Nástin zivotopisný. V Indř. Hradci. 1894. (сост. по нѣмецкому труду N. Cori).

Tovaryšstvo. Sborník literárnych prác v storočnú pamät prvého «Učeného slovenského tovaryšstva», uspořádol Fr. Richard Osvald. Rozumberhu. 1893. (Есть этнограф. статьи).

Torma, Sofie (von). Ethnographische Analogien. Ein Beitrag zur Gestaltungs-und Entwickelungsgeschichte der Religion. Iena. 1894.

Todaro, A. della Galia. Istituzioni di diritto civile russo. (Russia.— Tchernigof e Poltava. — Provincie Baltiche). Torino-Roma. 1894. 8°, 431 стр.

Varigny (de), Henry. En Amérique (Между прочими описаніями «не лишены интереса наблюденія надъ негритянскою расою и замѣчанія о будущности этой расы»).

Wolfram, E. H. Nassauische Volkslieder. Berlin. 1894.

Digitized by Google

ВОПРОСЫ и ОТВѢТЫ.

Нѣмота и косноязычіе.

Настоящая замѣтка вызвана помѣщенными въ „Этногр. Об." кн. XXII вопросами и составлена на основаніи свѣдѣній, собранныхъ въ Острожскомъ, Заславскомъ и Старо-Константиновскомъ у. Волынск. губ. разными лицами, между проч. воспитанниками Острожской прогимназіи, Альперинымъ, Липскимъ, Балюкомъ, Томпофольскимъ, Каменскимъ и Шварцемъ. Лица, представившія мнѣ собранныя ими свѣдѣнія, обращались съ вопросами къ людямъ разной національности (малороссы, поляки, евреи) и разныхъ профессій (медики, священники, повивальныя бабки, наконецъ, крестьяне—старики и старухи).

По собраннымъ свѣдѣніямъ, нѣмоту и косноязычіе народъ объясняетъ наслѣдственностью (если мать нѣма, то и ея дѣти часто бываютъ нѣмыми), сильнымъ ударомъ и испугомъ, грѣхами родителей и разными болѣзнями: сухоткой, золотухой и приростомъ языка. Чтобы предупредить возможность нѣмоты или другой какой болѣзни отъ испуга, въ г. Острогѣ поступаютъ такъ: надъ испуганнымъ ребенкомъ, во время сна, держатъ миску съ водой; на края миски кладутся крестообразно двѣ палочки; потомъ растапливаютъ воскъ и льютъ его въ миску, собираютъ его обратно, снова растапливаютъ и льютъ въ ту же воду, повторяя это 9 разъ. Произносятъ ли при этомъ какія слова, неизвѣстно.—Въ м. Бѣлой Церкви 7-лѣтній еврейскій мальчикъ, испугавшись бросившейся на него огромной собаки, онѣмѣлъ. Встрѣтившись вторично съ этой собакой, мальчикъ упалъ въ обморокъ, очнувшись отъ котораго, онъ, хотя и сталъ снова говорить, но неразборчиво. Отъ этого косноязычія лѣчила его повивальная бабка, заставляя мальчика часа по два въ сутки вытягивать и втягивать обратно въ ротъ языкъ; по словамъ лица, знавшаго этого мальчика, косноязычіе прошло, хотя и не совсѣмъ. У дѣтей нерѣдко замѣчается врожденный порокъ образованія языка, состоящій въ томъ, что уздечка подъ нижней поверхностью языка простирается впередъ дальше обыкновеннаго; иногда же, наоборотъ, сильно натянутая, вслѣдствіе своей ненормальной короткости, уздечка мѣшаетъ языку производить свободныя движенія, необходимыя при сосаніи и глотаніи. Народъ вѣритъ, что подобный приростъ языка

Digitized by Google

сѣданія Филіаціи 3 сент. 1894 г. Начальникъ изысканій Забайкальской жел. дор. Г. В. Адріановъ прочелъ докладъ о результатѣ изслѣдованій ввѣренной ему экспедиціи инженеровъ).

По порученію „Общества имени Шевченка" (въ Львовѣ), Иванъ Франко готовитъ къ изданію первый томъ „Памятників старорускаго письменьства по южноруськимъ рукописамъ". Этотъ томъ (онъ долженъ появиться въ свѣтъ въ текущемъ году) будетъ состоять исключительно изъ ветхозавѣтныхъ апокрифовъ. Въ рукахъ г. Франка находится много рукописей, и въ томъ числѣ древній списокъ Палеи южнорусскаго извода. Большая часть матеріала является новинкою. Издаются только такіе тексты, которые по языку отличаются ясными южнорусскими оттѣнками, потому что издатель преслѣдуетъ и филологическія цѣли. Текстамъ предпосылается предисловіе, содержащее этюдъ объ апокрифахъ вообще и о печатаемыхъ въ книгѣ — въ частности, а въ концѣ книги будетъ помѣщенъ словарь и указатель. Издатель покорнѣйше проситъ всѣхъ интересующихся вопросомъ присылать ему рукописи или, по крайней мѣрѣ, описаніе извѣстныхъ имъ рукописей. Адресъ: Австрія, Галичина, Львовъ (Lemberg), ул. Глубокая 7, Ивану Франку.

Подъ редакціей того же И. Франка начинаетъ издаваться на малорусскомъ языкѣ цѣлая серія этнографическихъ сочиненій общаго характера. Въ первой книгѣ этой серіи идетъ переводъ съ англійскаго: „Popular tales and fiction, their migrations and transformations" Clouston'a („Народні казки та вигадки. Як вони блукають та перероблюються"). Переводъ сдѣланъ А. Крымскимъ.

Чехославянская этнографическая выставка, имѣющая быть этимъ лѣтомъ, быстро подвигается къ открытію и продолжится съ 15 мая до конца сентября. Уже къ январю была готова большая часть отдѣла, представляющаго цѣлую чехославянскую деревню, которая будетъ состоять изъ цѣлаго ряда характерныхъ избъ и др. строеній съ разныхъ концовъ Чехіи, Моравіи, Силезіи, Славоніи, а посреди деревни—старый деревянный костелъ. Въ дальнѣйшемъ планѣ выставка представитъ: 1) отдѣлъ систематическій, имѣющій дать полный и цѣльный обзоръ чехославянской народности съ точки зрѣнія антропологической, географической и культурной, 2) частные отдѣлы по народностямъ и мѣстностямъ, въ количествѣ до 20 мѣстностей. Къ этнографической выставкѣ примкнули кромѣ того выставки: школьнаго дѣла, искусства, земледѣлія и промышленности. Очень любопытна будетъ на выставкѣ такъ называемая „Старая Прага", гдѣ будетъ представленъ этотъ городъ въ видѣ маленькаго мѣстечка съ улицами, лавками, пивными и пр.,—все въ томъ видѣ, какъ было въ XVI столѣтіи. Къ открытію выставки изготовляется популярная брошюра о ней на чешскомъ и франц. языкахъ, которая будетъ разсылаема безплатно отъ комитета выставки. Издержки по устройству выставки достигли полумилліона злотыхъ; всѣ онѣ покроются изъ добровольныхъ вкладовъ, платы за входъ и выручки отъ разнаго рода продажи.

Итальянскіе ученые проф. Ottolenghi и d-r. Rossi выпустили интересное изслѣдованіе о сохранившемся доселѣ способѣ татуировки у простого народа въ окрестности Siena, преимущественно у арестантовъ, которые воспроизводятъ на своемъ тѣлѣ знаки животныхъ и т. п., знаменующіе родину каждаго обозначеніемъ городскихъ гербовъ или фамильныхъ тамгъ. (Nuova Antologia. 1895. II). Сообщаемъ это свѣдѣніе въ дополненіе къ замѣткамъ по этому вопросу, сообщеннымъ раньше. (См. „Этногр. Обозр". III, 132; V, 256).

Digitized by Google

ПОПРАВКИ.

Въ кн. XXIV:

Стран.	Строка.	*Напечатано:*	*Должно быть:*
47	10	рис. 4d	рис. 3b
—	11	рис. 4a	рис. 3b
81	5	Перестречи	Перестрога
84	18	Писаня	Писана
85	15	вазы	возы́
86	44	бори	зори
87	5	козакмы	козаками
—	20	яхъ	якъ
89	18	примѣтами	примѣрами
93	35	памятна	понятна
96	2	грамматтики	грамматики
144	5 сн.	учителя	учащихся

Въ предыдущей (XXIII) книгѣ „Этнографическаго Обозрѣнія“ вкралась ошибка въ некрологъ проф. Ом. Огоновскаго (стр. 176): свѣдѣніе о братѣ покойника Владимірѣ не правильно и попало въ некрологъ по случайности.

Digitized by Google

Изданія Этнографическаго Отдѣла.

А) «Труды Этнографическаго Отдѣла».

		Р. К.
Т. IV.	Статьи *П. В. Шейна, Е. В. Барсова, В. Ѳ. Миллера, Ф. Д. Нефедова* и др. Сѣверный край, Бѣлоруссія, Поволжье и пр. (Вѣрованія, обряды, семейные обычаи, обычное право, путевыя наблюденія и пр.)	2 —
Т. V.	*П. С. Ефименко*: Матеріалы по описанію русскаго населенія Архангельской губ.	
	Вып. 1. Внѣшняя обстановка, пища, одежда; нравы, вѣрованія, обряды, врачеваніе; расколъ	2 50
	Вып. 2. Народное творчество (былины и пр.), языкъ	3 50
Т. VI.	*Ѳ. Я. Трейландъ*: Матеріалы по описанію латышскаго племени. (Пословицы, загадки, заговоры, врачеваніе и пр.; тексты съ русскимъ переводомъ)	3 50
Т. VII.	Статьи *Е. И. Якушкина, А. С. Прупавина, Д. И. Иловайскаго, Нила Попова, В. Ѳ. Миллера, Ѳ. Е. Корша, Д. Н. Анучина, Д. Я. Самоквасова, Н. М. Ядринцева, Макс. М. Ковалевскаго, В. М. Михайловскаго, Н. А. Янчука* и др. (Споры о народности гунновъ, обычное право, сектантство, кавказскія легенды и вѣрованія, свадьба у сѣдлецкихъ малороссовъ, гиляки, черневые татары и пр.)	2 —
Т. VIII.	Статьи *В. Ѳ. Миллера, М. М. Ковалевскаго, Е. А. Покровскаго, Н. Л. Гондатти.* Некр. гр. Уварова, Костомарова, Дювернуа; юридическ. бытъ кавказскихъ инородцевъ; вѣрованія остяковъ; народн. игры. Прилож.: *Программы для собиранія свѣдѣній по этнографіи—Н. А. Янчука, по обычному праву—М. Н. Харузина*	2 —
Т. IX.	Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія. Вып. I. Статьи *В. Ѳ. Миллера, Н. Н. Харузина, П. М. Богаевскаго, Н. А. Янчука, В. В. Кандинскаго* и др. (Юридическій бытъ, семейные обычаи, народн. космогонія, музыка; очерки Бѣлоруссіи, Олонецкой, Вятск., Тамб., Казан. губ. и др.).	2 —
Т. X.	*Н. Н. Харузинъ*: Русскіе лопари. (Очерки прошлаго и современнаго быта). Съ рис. и картой	3 50
Т. XI.	Сборникъ свѣдѣній для изуч. быта крестьянскаго населенія. Вып. II. *Н. А. Иваницкій*: Вологодскій край. *Ю. Н. Мельгуновъ* и *М. Куклинъ*: Вологодскія пѣсни (съ нотами).	2 —
	Вып. 3. В. П. Тихоновъ: Матеріалы для изуч. обычнаго права крестьянъ Вятской губ. *В. П. Племянниковъ*: Указатель къ „Трудамъ комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ“ (рѣшенія вол. судовъ)	2 —
Т. XII.	*В. М. Михайловскій*: Шаманство. (Сравнительно-этнографическіе очерки)	1 50
Т. XIII.	*И. А. Житецкій*: Астраханскіе калмыки. Съ рис.	1 25

Б) «Алтайскіе инородцы».

Статьи и изслѣдованія *В. И. Вербицкаго* . . . . . 2 —

В) «Русскія былины старой и новой записи».

Новый сборникъ, подъ ред. *Н. С. Тихонравова* и *В. Ѳ. М. Миллера* 2 50

Г) «Этнографическое Обозрѣніе».

За 1890—94 гг. по 5 р. за годъ.

Оставшуюся въ небольшомъ количествѣ брошюру **Евг. Ляцкаго**: **„Олонецкій сказитель Ив. Троф. Рябининъ и его былины“**, съ портретомъ сказителя, его напѣвами и текстами былинъ и стиховъ, можно получать черезъ редакцію „Этногр. Обозрѣнія“. Ц. 40 к. съ перес.

Digitized by Google

Годъ 7-й. Кн. XXV.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1895, № 2.

подъ редакціей

Секретаря Этнографическаго Отдѣла

Н. А. Янчука.

МОСКВА.
Высочайше утв. Т-во Скоропеч. А. А. Левенсонъ. Коммиссіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ, Петровка, д. Левенсонъ.
1895.

Digitized by Google

Печатано съ разрѣшенія Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей
Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.
Москва, 20 іюня 1895 г.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. Бѣлорусская народная поэзія и русскій былевой эпосъ. *А. М. Лободы*. 1

II. Родственный союзъ, по понятіямъ восточныхъ черемисъ. *П. Ерусланова*. 35

III. Очеркъ исторіи развитія жилища у финновъ. Гл. II. (Окончаніе). *Н. Харузина* 50

IV. Акирь повѣсти и Акирь легенды. *Г. Потанина* . . . 105

V. Смѣсь:

Сказка о насѣкомыхъ въ старинной записи. *В. С. Миллера*. 126

Къ вопросу объ иноземномъ вліяніи на грузинскую культуру. *А. С. Хаханова* 132

Еще о пародіи въ народныхъ пѣсняхъ. *П. В. Шейна* . . 140

Изъ народныхъ устъ. (Холера.—Св. Пятница.—Блудъ.—Упыри.—Иродъ). Сообщ. *В. Н. Ястребовъ* 146

VI. Хроника.

П. І. Шафарикъ. (По поводу 100-лѣтія со дня его рожденія). *М. Н. Сперанскаго*. 151

† А. В. Клисѣевъ. (Некрологъ). *Н. Я.* 152

VII. Критика и библіографія.

1. Книги, ученыя и справочныя изданія . . . . . 155—175

Д. Н. Анучинъ: Амулетъ изъ кости человѣческаго черепа и трепанація череповъ въ древнія времена въ Россіи. *Н. Х.* (155).—I. Matiegka: Lidožrouství v předhistorické osadě u Knovíze a v předhistor. době vubec.

Digitized by Google

М. Сперанскаго (156).—Dr. J. Mǎchal: O bohatýrském epose Slovanském. Část první. *А. М. Лободы* (158). — A. Winter: Ueber Hochzeitsbräuche der Leten nach ihren Volksliedern. *Н. Х.* (164).—F. V. Vykoukal: Česká svatba. *М. Д.-З.* (165).—Н. Ѳ. Катановъ: 1. О свадебн. обычаяхъ татаръ Восточн. Туркестана; 2. Этнографич. обзоръ тур.-татар. племенъ; 3. О погребальн. обрядахъ у тюрк. племенъ; 4. Пѣсня Худояръ-хана и 5. Китайскій бунтовщикъ Чи-чи-гунъ. *Д. П. Н—каго* (166). — Dr. Arthur Poelschau: Die livländische Geschichtsliteratur im Jahre 1893. *Н. Х.* (167). Н. Каманинъ: Къ вопросу о казачествѣ до Богдана Хмельницкаго. *М. Довнаръ-Запольскаго* (167).—Д-ръ К. А. Бѣлиловскій: Женщины инородцевъ Сибири. *Д. П. Никольскаго* (169).—И. П. Минкевичъ: Растенія, какъ медицинскія средства и какъ предметъ обоянія на Кавказѣ. *Д-ра Н—каго* (170).—В. А. Арнольдовъ: Санитарно-бытовой очеркъ жизни башкиръ юго-восточной части Стерлитамакскаго уѣзда, Уфимск. губ. *Д-ра Никольскаго* (172).—Bulletin de la Société Nat. des antiquaires de France. 1894. *Н. Х.* (172).—Sitzungsberichte d. Gel. Estnisch. Gesellschaft. 1893. *Н. Х.* (173).—Справочная книжка Самаркандской области на 1894 годъ. *Д. Н—каго.* (174).—Адресъ-календарь и справочн. книжка Пермской губ. на 1895 г. *Д. Н—каго* (174).—Вологодскій иллюстрированный календарь на 1893 и 1894 гг. *Д. У.* (175).

2. Обзоръ журналовъ и газетъ . . . . . 176—191

3. Новости этнографической литературы . . . . . 192—193

VIII. Извѣстія и замѣтки. (Новыя этнографическія общества заграницей: во Львовѣ, Бреславлѣ, Вюрцбургѣ и Греноблѣ.—66-й съѣздъ нѣмецк. естествоиспыт. и врачей.—Поѣздки съ научною цѣлью отъ Этнографическаго Отдѣла.—Собираніе русскихъ народныхъ пѣсенъ. — Извѣстіе о смерти М. П. Драгоманова). . . . . 194—195

Приложеніе. Рисунки финскихъ жилищъ (три таблицы, №№ 19—45).

Digitized by Google

БѢЛОРУССКАЯ НАРОДНАЯ ПОЭЗІЯ И РУССКІЙ БЫЛЕВОЙ ЭПОСЪ.

Главнымъ хранилищемъ русскаго былевого эпоса въ настоящее время является Великороссія и преимущественно сѣверъ ея. „Олонецкая губернія — это наша Исландія", по замѣчанію Ореста Миллера [1]). Другія области, не отличаясь такимъ богатствомъ, все же сохраняютъ болѣе или менѣе значительные отдѣльные слѣды богатырскаго эпоса,—слѣды, если и не всегда интересные въ литературномъ отношеніи, то зато безусловно важные въ вопросѣ о степени распространенія былинъ и ихъ исторіи. Въ позднѣйшее время обращаютъ на себя вниманіе былины, записанныя въ Сибири и обогатившія, между прочимъ, новѣйшее изданіе Этнографическаго Отдѣла [2]); въ томъ-же изданіи собраны также былины изъ областей Уральской и Терской. Еще ранѣе былъ затронутъ вопросъ объ остаткахъ эпоса въ области Войска Донского [3]). Со времени знаменитаго спора Погодина и Максимовича о старобытности малорусскаго населенія возникла цѣлая литература о слѣдахъ русскаго богатырскаго эпоса въ Малороссіи.

Бѣлоруссія только въ самое недавнее время сдѣлалась предметомъ научныхъ этнографическихъ изысканій, причемъ и до сихъ поръ остается еще не мало вопросовъ, которые почти что не затронуты. Къ числу послѣднихъ относится и вопросъ объ эпосѣ въ Бѣлоруссіи.

Въ Бѣлоруссіи, насколько это извѣстно изъ обнародованнаго матеріала, пока не записано ни одной древней былины или даже побывальщины со складомъ, *близкимъ къ былинѣ*. Такимъ образомъ, пока оказывается, что нынѣшняя Бѣлоруссія не сохранила древняго

Digitized by Google

богатырскаго эпоса—ни своего собственнаго, ни общерусскаго и въ такомъ видѣ, какъ напримѣръ, сѣверъ Россіи. Иной вопросъ: былъ ли у нея когда-нибудь подобный эпосъ?—Исторія земель, вошедшихъ въ составъ Бѣлоруссіи, повидимому, могла представить благопріятныя для этого данныя. Вспомнимъ хотя бы начальную исторію Полоцкаго княжества и Всеслава Полоцкаго, вызвавшаго у автора „Слова о полку Игоревѣ“ такое поэтическое упоминаніе и не безъ основанія сопоставляемаго съ былевымъ Волхомъ, Вольгой. [4]) Весьма возможно, что когда въ достаточной степени будетъ всесторонне разработано прошлое Бѣлоруссіи, въ общерусскомъ эпосѣ найдутся мѣстныя, бѣлорусскія черты подобно тому, какъ въ немъ отмѣчались уже черты новгородскія, суздальскія.

Впрочемъ, даже если подвергнуть сомнѣнію существованіе эпоса въ Бѣлоруссіи, то все-же несомнѣннымъ остается замѣчательное развитіе и богатство бѣлорусской обрядовой пѣсни, а „отъ изученія колядныхъ и свадебныхъ пѣсенъ могутъ получиться откровенія для исторіи народнаго эпоса“, какъ замѣчаетъ А. Н. Веселовскій. [5]) Еще большія, пожалуй, откровенія можно получить отъ изученія сказокъ, а Бѣлоруссія и въ области сказки занимаетъ видное мѣсто.

Въ виду всего указаннаго, быть можетъ, будетъ имѣть значеніе и настоящая замѣтка, имѣющая цѣлью обратить вниманіе на нѣкоторыя черты и цѣлые мотивы въ бѣлорусской народной поэзіи, которые роднятъ ее съ эпосомъ вообще и русскимъ богатырскимъ въ частности.

Однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ эпическихъ мотивовъ является „молодецкій конь“. — „Подъ лѣсомъ, да подъ высокимъ ходитъ стадо коней; въ томъ стадѣ одинъ конь говоритъ: „никто меня не поймаетъ, не осѣдлаетъ“. [6])

По одной пинской пѣснѣ [7])

Подъ *Муровомъ*, подъ городочкомъ,—
Ой, тамъ ходитъ воронее стадо,
А въ томъ стади неимущій конь...

Или, наконецъ, въ пѣснѣ Бобруйскаго уѣзда [8]) поется: въ полѣ коники ходятъ, изъ нихъ

Да одинъ коникъ силъ невеличекъ,
А касатенькій, волосатенькій...

Digitized by Google

Кто-жъ его поймаетъ?—Обозвался молодой Андрейка: онъ того коня поймаетъ и поѣдетъ въ чистое поле „на полеванне“ [9]).

Мы позволимъ себѣ усматривать здѣсь отраженіе того богатырскаго коня, который гуляетъ на свободѣ, пока не понадобится богатырю, и съ которымъ обыкновенному человѣку не совладать. Рустемъ долго не могъ подобрать себѣ коня, пока не нашелъ такого, который былъ предназначенъ ему одному; „цѣна его—земля Иранская!“ [10]) Дюкъ выбиралъ себѣ коня неѣзжана да изо ста бралъ, изъ тысячи [11]). На конѣ Ильи Муромца пришлось однажды сидѣть Василью калѣкѣ: безъ ума его носитъ конь, безъ памяти, такъ что несчастный всадникъ радъ бы ужъ выпасть, еслибы только могъ это сдѣлать. (Онъ былъ привязанъ къ коню) [12]).

Въ одной румынской колядкѣ [13]) разсказывается, какъ молодецъ выслужилъ себѣ необыкновеннаго коня. Быть можетъ, отдаленный намекъ на подобное же добываніе коня сохранился въ такихъ словахъ бѣлорусской пѣсни, какъ слѣдующія: служилъ Ваня у царя и выслужилъ послугу: *коня съ сѣдломъ* и Натальюшку съ вѣнцомъ [14]).

Такъ или иначе пріобрѣтенный конь дѣлается вѣрнымъ товарищемъ молодца: онъ дѣлитъ съ послѣднимъ и радость, и горе, выручаетъ его изъ бѣды, „бесѣдуетъ“ съ нимъ. Наиболѣе характерна слѣдующая бесѣда хозяина и коня:

„Ой, коню, коню“, говоритъ хозяинъ: „продамъ я тебя за 300 злотыхъ, за 4 червонца!“ — „Молодъ Иванко!“ отвѣчаетъ конь: „не продавай меня; помнишь-ли? Мы были ў турэцкуй земли

За нами гнаўсе Туръ да татара— Злый духъ паганый; А я, якъ скочыў— Морэ пераскочыў. Не замачыў я Ни хамуцячка, Ни сядзѣлячка, Ни свайго хваста, Ни шаўковаго, Ни твайго бота, Дай замшовага, А ни супьяна (сбруи), А ни Ивана пана. [15])

Бѣлорусскихъ и малорусскихъ пѣсенъ на эту тему много; иногда конь напоминаетъ хозяину, какъ онъ его вынесъ изъ подъ стрѣлъ и пуль, перенесъ чрезъ море, причемъ

«Узяли мы ясную стрѣлку, Ясную стрѣлку, красную дзѣўку. [16])

Вообще малорусскіе варіанты яснѣе опредѣляютъ мѣсто дѣйствія: „когда турки насъ за Дунай загнали“, говоритъ конь въ малорусской пѣснѣ,—

Digitized by Google

«Більшь потопали, якъ вирвинали; Ні чоботка, ні стременочка,
А ти, мій пане, и чоботка не вмочивъ Ні стременочка, ні сіделочка» [17]).

Нѣкоторыя пѣсни отличаются отъ предыдущихъ въ томъ смыслѣ, что конь лишь обѣщаетъ хозяину стать ему „у великой пригоди". Такова, напримѣръ, рѣчь коня по одной пѣснѣ Гомельскаго уѣзда [18]): когда ты будешь жениться, я помощу калиновые мосты, поставлю золотые столбы, повѣшу хусты шелковые: какъ повезешь ты дѣвушку — забрящатъ мосты калиновые, засіяютъ золотые столбы, замашутъ хусты шелковые".

Обыкновенно о своей службѣ конь говоритъ въ отвѣтъ на высказанное хозяиномъ намѣреніе продать его. Подобная черта со стороны хозяина могла бы показаться черною неблагодарностью; въ бѣло-и малорусскихъ пѣсняхъ она недостаточно ясно мотивирована. Для уясненія истиннаго смысла этого разговора приведемъ одну румынскую колядку [19]): хозяинъ говоритъ коню, что думаетъ продать его. Конь не понимаетъ,—за что такая немилость; ужъ не за слѣдующее-ли: „когда мы бились на морскомъ берегу съ турками и франками, франки насъ разгромили, турки разбили, побросали насъ въ море, гдѣ многіе потонули; — я поплылъ по морю вдоль и поперекъ. Однимъ я виновенъ: запнулся о перо мурены и замочилъ полу твоего кафтана, край твоего кармана; но я понадѣялся на себя: выйдя на берегъ, осушилъ ихъ дуновеніемъ моихъ ноздрей и ничѣмъ ихъ не попортилъ". Хозяинъ успокаиваетъ коня: *онъ хотѣлъ лишь испытать его*.—Ты испыталъ меня еще на прошломъ Крещеніи, въ запуски съ 15 конями подкованными. Я, неподкованный, принатужился, напередъ прибѣжалъ, сдѣлалъ честь тебѣ, какъ храбрецу,—себѣ, какъ доброму коню [20]). Такимъ образомъ, и въ бѣлорусской пѣснѣ, которую при посредствѣ малорусскихъ пересказовъ легко возвести къ югу, слова хозяина, повидимому, имѣютъ цѣлью только испытаніе коня.

Хозяинъ гордится своимъ конемъ, похваляется имъ:

Поттынъ яворамъ Лукашка зъ конемъ,
Предъ королемъ хвалицца зъ конемъ:
Нема у короля такого коня.
Коникъ скачіў, мора пираскачіў.
Мора пирескачіў, коцуцика не замочіў [21]).

Ср. колядку изъ сборника г. Безсонова: славное паня хвалится конемъ предъ королемъ „у тебя, короля, нѣтъ такого коня (т. е.

Digitized by Google

какъ у меня): золотая грива, серебряныя копыта, шелковый хвостъ; шелковый хвостъ слѣдъ заметаетъ, серебряныя копыта камень сѣкутъ, золотая грива на солнцѣ блеститъ [22]).

Подобный-же мотивъ похвальбы конемъ распространенъ и въ малорусскихъ пѣсняхъ [23]).

Похвальба конемъ и частыя упоминанія о какой-то необыкновенной скачкѣ коня подали поводъ академику А. Н. Веселовскому сдѣлать нѣсколько интересныхъ сближеній и обобщеній. Мотивъ „похвальбы" попадается и отдѣльно, — замѣчаетъ г. Веселовскій, — но намъ интересно было бы опредѣлить его мѣсто въ колядкѣ, главное содержаніе которой исчерпывается мотивомъ „бесѣды". Не слѣдовалъ-ли за похвальбою бѣгъ въ запуски? [24]) Дѣйствительно, въ народной поэзіи мотивы подобнаго рода принадлежатъ къ числу излюбленныхъ, наиболѣе популярныхъ. Русскій богатырскій эпосъ знаетъ состязаніе въ бѣгѣ коней между княземъ Владиміромъ и Иваномъ Гостинымъ сыномъ, между Дюкомъ и Чурилой; въ былинахъ объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ и нѣкоторыхъ о Дюкѣ бѣгу коней предшествуетъ похвальба; у Дюка и Чурилы самый споръ сводится къ тому, чтобъ именно перескочить рѣку (Почай, Нѣпру). Состязаніе въ бѣгѣ коней входитъ въ одну изъ древнѣйшихъ французскихъ эпопей — въ пѣснь о Рено Монтобанскомъ, встрѣчается въ старо-французскомъ романѣ объ Ираклiи. Въ одной новогреческой пѣснѣ Константинъ ставитъ въ закладъ царю свою голову въ томъ, что его конь перегонитъ царскихъ коней — и выигрываетъ споръ [25]).

Въ болгарской пѣснѣ [26]) Михаилъ, славный юнакъ, похвалился своимъ конемъ, который-де перегонитъ и солнце, и вѣтеръ. Когда объ этомъ провѣдало солнце, послѣдовалъ бѣгъ, въ которомъ побѣдителемъ остался юнакъ. Наконецъ, укажемъ на приведенную румынскую колядку, уже близко подходящую къ мало-и бѣлорусскимъ пересказамъ.

А. Н. Веселовскій, сопоставивъ всѣ подобныя пѣсни, пришелъ къ предположенію, что въ колядкахъ (румынской, мало-и бѣлорусскихъ) похвальба и бѣгъ могли имѣть первоначально то-же значеніе, что и въ былинахъ, напримѣръ, объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ [27]).

Одинъ необыкновенный конь хозяину дороже цѣлаго табуна. Малороссійская пѣсня [28]) говоритъ о какомъ-то молодцѣ, который ходитъ у Дуная, гдѣ потонулъ табунъ лошадей:

Digitized by Google

«Ой, не такъ мені жаль за пів-ста кіньми,
Ой, якъ мені жаль за *моімъ* коемъ.
Да въ того коня золота грива;
Золота грива груди покрывае,
Шовковый хвостикъ слідъ замітае,
Тернові очка звізди рахуютъ,
Лосёві ушка ради слухаютъ,
Срібни копыта камінь лупаютъ.

Съ тѣмъ-же мотивомъ встрѣчаемся мы въ пинскихъ пѣсняхъ: черезъ рѣчку перегоняли „стадо“ коней; мостъ подломился и стадо потонуло.

«Ой, не жаль-же мні вороного стада,
Да якъ жаль-же мені *сивця-воронця*,
Сивця-воронця, білого копитця,
Що й копитцемъ лугъ пробігае,
А хвостыченькомъ землю замітае,
А гривонькою все поле вкрывае,
А ушицями всі слухи слышитъ[29]).
А очицами ўсе ўсюды бачитъ,
Усе ўсюды бачитъ—непріятэля» —

добавляетъ другая пинская пѣсня [30]).

Въ виду того, что эти пѣсни даютъ интересное описаніе наружности коня, мы позволимъ себѣ привести еще одинъ варіантъ, записанный уже въ Могилевской г. [31]):

Што за конь, за прадобрая лошадзь!
Вушками конь ўсе войско сослыханцъ,
Вочками конь ўсёе войско сосмотранцъ,
Губками конь сине море выпиванцъ,
Зубками конь зелень травушку зъяданцъ,
Грывкою конь ўсё поле усцяланцъ,
Копытами конь бѣлы камень разбиванцъ,
Хвосцикомъ конь слѣдъ-дорогу замитанцъ.

Въ общемъ, конь бѣлорусскихъ пѣсенъ довольно близко подходитъ къ типамъ коней сказки и былинъ. Маленькій, касатенькій, съ длинною гривой, большимъ хвостомъ, добродушными, но зоркими глазками, на первый взглядъ, если хотите, неказистый,— онъ производитъ такое-же впечатлѣніе, какъ сказочный „конекъ-горбунокъ“ или богатырскій „немудрый“ „бурушка косматенькій“.

„Есть у меня да еще бурушка,
Есть у меня да каурушка:
Трехъ годковъ жеребушечка,
Маленькій, косматенькій,
Глазочки, какъ яблочки,
Копытечки по рѣшетечку,
Гривушка семи саженьковъ,
Хвостичикъ и семидесяти“. [32])

Таковъ конь Ивана Гостинаго, посрамившій въ бѣгѣ лучшихъ жеребцовъ князя Владиміра. Бѣлорусскій конь отличается необык-

Digitized by Google

новеннымъ „скокомъ“, быстротою бѣга. Конь русскихъ сказокъ и былинъ поднимается выше дерева стоячаго, чуть пониже облака ходячаго, горы и долы промежъ ногъ пускаетъ, быстрыя рѣки перескакиваетъ, широкія раздольица хвостомъ устилаетъ. [33])

„Изъ былевой пѣсни, воспѣвавшей вмѣстѣ съ соколомъ и его вѣрнаго товарища—коня“, говоритъ академикъ А. Н. Веселовскій, „тотъ и другой переселились въ колядку. Вмѣстѣ съ ними и охотничій соколъ“ [34]). Къ сожалѣнію, наиболѣе поэтическій образъ сокола, присутствующаго при послѣднихъ минутахъ своего господина, образъ, такъ прекрасно обрисованный въ болгарской и сербской народной поэзіи [35]), въ бѣлорусской—не нашелъ распространенія; можно указать лишь слѣдующее:—убитый молодецъ

Въ степу спочивае,
Надъ имъ ясны соколь Головку стыкае. [36])

Ср. столь обычное въ малор. п.:

..... N въ полѣ спочивае
Надъ нимъ сидитъ сизый соколъ, въ головоньку сыкае. [37])

Зато въ бѣлорусской поэзіи очень распространенъ образъ сокола, переносящаго черезъ воду свадебный поѣздъ, образъ „сокола-свата“.—Молодецъ ѣдетъ на охоту, видитъ на яворѣ сокола и хочетъ его застрѣлить. „Не стрѣляй меня“, говоритъ соколъ: „я тебѣ буду великой пригодою: какъ будешь жениться и будешь брать невѣсту за водами, за морями, пріѣдешь къ синему морю, станешь кликать перевозчиковъ и не докличешься ихъ: я тебя молодого перевезу на правомъ крылѣ, твою жену съ тобою, твоихъ сватовъ на лѣвомъ крылѣ, приданое посерединѣ, музыку на шеѣ, а подруженекъ на хвостѣ; твоего коня уплывъ пущу“. [38]) Иногда вмѣсто сокола является орелъ—птица, сизый орелъ, даже голубь, который вымаливаетъ себѣ пощаду, обѣщая сказать „три радости“. Указанный мотивъ является однимъ изъ обще-распространенныхъ. Такъ, въ малорусской колядкѣ—на яворѣ сидитъ соколъ и вьетъ гнѣздо. Подходитъ молодецъ и хочетъ стрѣлять; соколъ проситъ пощады:

Коли ты будешь ой женитися, Рясными суконцями потрясаючи)
Я тобѣ стану та въ пригодонцѣ; Тебе молодого самъ перепроваджу,
(Срѣбными пѣдкѣвками выбрязкуючи, Твою княгиню на крыльцѣ возьму,
Ясновъ шабельковъ вывиваючи, А твои гроши возьму на ноши. [39])
Савовъ шапочковъ насуваючи,

Digitized by Google

Въ сербской свадебной пѣснѣ сивый соколъ такъ отпрашивается: Настанетъ время, будешь меня, Петро, просить; у водъ Дуная и свѣтлаго озера будешь меня просить провести твоихъ сватовъ и перенести тебя съ Анной". Ср. сербско-хорватскую пѣсню: сидитъ иволга въ зеленомъ бору. Мимо проходитъ молодой стрѣлокъ и хочетъ застрѣлить ее. — „Не стрѣляй меня", говоритъ иволга: „я тебѣ скажу, на комъ тебѣ жениться".—По болгарской пѣснѣ юнакъ хочетъ женить своихъ сыновей—близнецовъ на двухъ сестрахъ—близнятахъ. Отправившись на поиски, онъ видитъ въ лѣсу „птицу-златокрыльцу" (по мнѣнію Потебни—сокола) и прицѣливается въ нее. Птица, въ видѣ выкупа за себя, ведетъ юнака въ неизвѣстный градъ, гдѣ онъ и находитъ невѣстъ. Въ датской пѣснѣ воронъ переноситъ невѣсту изъ заточенія черезъ море къ жениху. [40])

Мотивъ „сокола — свата" входитъ въ былину о Михайлѣ Казарянинѣ, „какъ существенная черта", по выраженію Потебни. [41]) По порученію князя Владиміра, Михайло поѣхалъ на охоту къ морю синему. Возвращаясь уже назадъ, наѣхалъ въ полѣ сыръ кряковистый дубъ; на дубу сидитъ тутъ черной воронъ, описываемый нѣсколько необыкновенными чертами. Удивился Михайло, вынимаетъ изъ налушна тугой лукъ, изъ колчана каленую стрѣлу и хочетъ убить ворона. Воронъ отпрашивается и вмѣсто себя указываетъ Михайлѣ „добычу богатырскую"—русскую дѣвицу, полопяночку, молоду Марфу Петровичну. [42]) Подобный-же эпизодъ съ соколомъ, ворономъ входитъ также въ нѣкоторыя былины объ Алешѣ Поповичѣ, Дюкѣ, Добрынѣ. [43])

Бѣлорусская пѣсня знаетъ и другой сходный образъ, гдѣ главная роль принадлежитъ уже змѣю.—Въ чистомъ полѣ лежитъ камень; надъ тѣмъ камнемъ люта гадина. Шелъ туда славный паничъ, цѣлитъ—мѣтитъ, хочетъ забить люту гадину, тугой лукъ натягиваетъ, золотую стрѣлку направляетъ. Тогда змѣя проговариваетъ: ой, не бей меня, не губи, славный паничъ, я скажу тебѣ три радости: Богъ даетъ волю, панъ—коня (или землю), царь — дочку. [44]) Подобнаго змѣя знаютъ и малорусскія пѣсни. [45]) Съ другой стороны, Потебня отмѣтилъ тотъ-же величальный мотивъ „змѣя—свата" въ нѣкоторыхъ былинахъ о Добрынѣ и змѣѣ.

Добрыня купается въ Почаевой рѣкѣ; появляется восьмиглавая змѣя; Добрыня хочетъ рубить ей головы; смолилась тутъ змѣя:

Digitized by Google

не казни, Добрынюшка, змѣиныя головы, я иду къ синему морю, къ великому королю; а есть у этого короля дочь:

Брови-то у ней черна соболя, И очи у ней ясна сокола, По косицамъ-то у ней звѣзды частыя.

Змѣя достаетъ эту красавицу для Добрыни. [46])

Переходимъ къ пинской колядкѣ, [47]) въ которой хозяину поется слѣдующее: вели осѣдлать себѣ коня,

Возмы хортыки да на рятязи, А соколыки на білы ручки, Да поѣдь собі на полеванэ Да на погуляпэ.—

Ср. малорусскую пѣсню: [48]) подъ наметомъ сидитъ панъ N, держитъ коня да за поводья, держитъ хорта да на ретязи, держитъ сокола да на рученькахъ.—Въ этихъ словахъ за бытовымъ образомъ охотника ясно обрисовывается эпическій образъ богатыря, выѣзжающаго на добромъ конѣ, съ вѣрнымъ псомъ и соколомъ, какъ отмѣчаетъ то-же и проф. П. Владиміровъ.—У Збута королевича на рукѣ сидѣлъ ясный соколъ, а къ стремени былъ привязанъ выжлокъ... [49]) Или—Противникъ Ильи ѣдетъ на конѣ, а

У правой ноги борзой-ли кобель проскакиватъ, Съ плеча на плечо ясенъ соколъ перелетыватъ. [50])

„Вотъ ѣдетъ Ашамазъ",—разсказываетъ кабардинское сказаніе о „Насранжаке,"— „съ соколомъ, усѣвшимся на концѣ его плеча, и съ собакой, прыгающей у груди коня" [51].—Гильдибрандъ, подъѣзжая къ Борну, встрѣтилъ мужа, который ѣхалъ съ двумя псами и ястребомъ. [52])

На соколовъ иногда переносится то, что въ бѣлорусскихъ пѣсняхъ обыкновенно связывается съ образомъ голубей, именно принесеніе печальной вѣсти. Такъ, въ одной изъ самыхъ распространенныхъ пѣсенъ разсказывается о томъ, какъ

Налетѣли два голубы—соколы (вар.—налетѣли соколы со стороны) Сѣли, упали у вдовушки на дворѣ... Голосками ўдовушку ўзбудили.

Встань, вдовушка молодая, послушай, что люди говорятъ; люди кажутъ, сосѣди говорятъ: „чужіе мужья съ работушки идутъ, твоего мужа ворона̀ коня ведутъ, сѣделечко на бѣлыхъ рукахъ несутъ". [53])

Digitized by Google

Въ пѣснѣ Минской губерніи вдову будитъ стадо сизыхъ голубей. [54]) Этихъ пернатыхъ вѣстниковъ знаютъ и любятъ былины.—Когда Добрыня въ отъѣздѣ спитъ, прохлаждается,—прилетаетъ голубь съ голубкою и садится на сырой дубъ; сталъ голубь съ голубушкой проугркивать: ты, молоденькій Добрынюшка, спишь да прохлаждаешься, надъ собой невзгодушки не вѣдаешь; а вѣдь твоя молода жена идетъ замужъ за Алешу.—Добрыня просыпается и спѣшитъ домой. [55])

Двѣ бѣлорусскія птицы замѣчательно подходятъ къ слѣдующему поэтическому мѣсту сербской пѣсни о царѣ Лазарѣ и царицѣ Милицѣ. [56])

Прилетѣло два черныхъ ворона съ Косова поля широкаго и упали на бѣлую кулу, на кулу славнаго Лазаря. Одинъ крячетъ, а другой говоритъ: „Это-ли кула славнаго князя Лазаря? Иль въ кулѣ нигдѣ никого нѣтъ?“ Никто того изъ кулы не слышитъ, лишь слышитъ одна царица Милица; она выходитъ предъ бѣлую кулу и спрашиваетъ двухъ черныхъ вороновъ... Вороны принесли печальную вѣсть объ исходѣ Косовской битвы.

Воронъ—зловѣщая птица и въ бѣлорусской народной поэзіи: воронъ сидитъ высоко, видитъ далеко, да мало отраднаго можетъ сообщить; то видитъ онъ заснувшаго на вѣки единственнаго сына вдовы... [57]) то видитъ, какъ отецъ ходитъ по двору и ломаетъ руки, тоскуя о пропавшей дочери... [58])

Сидитъ воронъ, воронъ на березѣ, кличя воронъ на войну. [59])

Наконецъ, обратимъ вниманіе еще на одинъ образъ, „замѣчательный, какъ по своему поэтическому размаху, такъ и по присутствію миѳологическаго элемента“. [60]) По былинамъ у Дюка есть стрѣлы, украшенныя перьями какого-то необыкновеннаго орла, [61])

Не того орла, который вѣдь летаетъ во чистомъ полѣ,
А того орла, который сидитъ на морѣ,
На морѣ сидитъ, на камени;
Аще тотъ орелъ сворохнется,
Сине морюшко сколыблется...
и т. д.

Гости-корабельщики собираютъ перья, роняемыя этимъ орломъ и продаютъ,—по варіанту Кирши Данилова, [62]) *дѣвицамъ*.—Этотъ миѳическій орелъ встрѣчается въ Калевалѣ: онъ такъ громаденъ, по представленію финновъ, что зѣвъ его подобенъ шести водо-

Digitized by Google

падамъ; однимъ крыломъ разсѣкаетъ онъ морскія волны, а другимъ небесныя тучи. Въ другой пѣснѣ говорится объ орлѣ, перья котораго пышутъ пламенемъ. Въ Исландіи думаютъ, что орелъ производитъ бурныя грозы взмахомъ и запусканіемъ своихъ когтей.“ [63]) Вмѣстѣ съ тѣмъ, уже О. Миллеръ [64]) обратилъ вниманіе на подобныя же *чудесныя перья* павы въ обрядовыхъ пѣсняхъ, причемъ у него есть ссылка на одну бѣлорусскую пѣсню. Позднѣйшія изданія цѣлаго ряда прекрасныхъ бѣлорусскихъ сборниковъ неизмѣримо расширили послѣднюю область сравненій, и въ настоящее время можно указать не мало бѣлорусскихъ образовъ павы, летящей и роняющей перья; [65]) мало того, можно указать и такой образъ: [66])

На зеленоўмъ дубочку
Сѣдзиць чорны оролъ,
Буйну головушку разбиваючи,
Кровь горячу разливаючи.

Распусьціў крылья сей по сiню морю;
Пороняў пирья по чистому полю.

Если даже этому орлу и не придавать того значенія, которое г. Халанскій признаетъ за орломъ приведенной былины, то все таки нельзя отрицать близкаго сходства самыхъ образовъ пѣсни и былины. Замѣтимъ, что въ пѣснѣ „птица роняющая перья“ обыкновенно служитъ запѣвомъ, что до извѣстной степени замѣчается и въ былинѣ.

Переходимъ къ слѣдующей группѣ мотивовъ, вызываемыхъ сопоставленіемъ былинъ о Дюкѣ, Чурилѣ и Соловьѣ Будимировичѣ. Разумѣю прежде всего необыкновенные по своей баснословной роскоши и замысловатости дворы и терема. Большинство изслѣдователей въ описаніи этихъ дворовъ и хоромъ видитъ отраженіе книжнаго и даже не туземнаго вліянія; нѣкоторые, однако, объясненія ихъ ищутъ въ чертахъ быта и обстановки русскаго общества прошлыхъ вѣковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ указывается связь ихъ съ народной символикой и величальными мотивами [67]).

—Дворъ у Чурилы на Почай на рѣки [68])
(Дворъ у него на семи верстахъ [69])
Да около двора — все булатній тынъ,
Да верси-ты были все точеныя,
Воротики-ты всѣ были все стекольчатыя,
Подворотенки — да дорогъ рыбей зубъ...
Да на томъ дворѣ-де, на Чуриловомъ,
Да стояло теремовъ до семи до десяти.—
У Дюка — три терема высокіе да златоверхіе [70])

Digitized by Google

„Въ бѣлорусскихъ волочобныхъ пѣсняхъ, говоритъ Потебня, „славнаго пана“ узнаешь не по чему, какъ по надворью“. У него дворъ тыномъ тынинъ — ўсе жалѣзнымъ, вороцитки ўсе золотыя, подворотница — рыббя косточка [71]). „Черезъ его дворъ да Дунай цече [72])“.

Въ теремѣ у Чурилы —

На неби сонце — и въ теремѣ сонце,
На неби мѣсяцъ — и въ теремѣ мѣсяцъ,
На неби звѣзды розсыплются, —
Въ теремѣ звѣзды розсыплются [73]).

Ср. одинъ изъ главныхъ величальныхъ мотивовъ:

Ды ў томъ царемѣ три вокошечка,
Три вокошечка сцекляныя;
У першимъ вокнѣ ясенъ мѣсяцъ,
У другимъ вокнѣ ясно соўнце,
У трецциимъ вокнѣ дробны звѣзды [74]),

Слѣдуетъ уподобленіе мѣсяца пану Ивану, солнца — его женѣ, звѣздъ — ихъ дѣтямъ. Въ послѣднемъ пріемѣ и заключается существенная разница между обрядовою пѣснью и былиной: былина въ данномъ случаѣ чужда какого-бы то ни было уподобленія, и всѣ эти мѣсяцы и пр. понимаетъ иногда черезъ-чуръ ужъ буквально. Постройка теремовъ въ былинахъ о Соловьѣ Будиміровичѣ носитъ свадебный характеръ. Вообще былины о Соловьѣ уже всецѣло вращаются въ области обрядовой пѣсни; это скорѣе не богатырская былина, а свадебная пѣсня, лишь обставленная и разукрашенная пріемами стариннаго былевого эпоса. А. Н. Веселовскій указываетъ въ ней цѣлый рядъ мотивовъ, въ родѣ трехъ теремовъ, образовъ зеленаго сада, потоптанной травы, сорваннаго цвѣтка и др., присущихъ велико-мало-и бѣлорусскимъ свадебнымъ пѣснямъ [75]). Не останавливаясь на нихъ, укажемъ, что и самый образъ Соловья-жениха, пріѣзжающаго изъ-за моря на кораблѣ, находитъ аналогію въ свадебныхъ пѣсняхъ; среди послѣднихъ г. Халанскій собралъ рядъ великорусскихъ параллелей; укажемъ, что и въ бѣлорусской народной поэзіи женихъ иногда является въ челнѣ или на кораблѣ. [76]) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ прибытіе гостей-корабельщиковъ обрисовывается прямо чертами былины о Соловьѣ Будиміровичѣ:

Затьвитали жъ то наши быстрыя рѣчушки яны не тьвѣтами да ўсе кораблями.
Вохъ, да не при мѣстушку нашъ новый корабликъ серодъ синаго мора,

Digitized by Google

Серодъ синяго морушка, ли крутого диля беражку,
Супроти строеньня нашего N., а у N была дочь хорошая,
Чарнобровая, чарноглазая...
На кораблѣ—молоды корабелщики, яны горды, ўпарты,
Ляксандрицкія бѣлыя рубашачки ўзяли поскидали,
Гарнитуравыя яны съ прозументами да й понадѣвали,
Да й надѣвши съ прозументами, *ў гусяльки зайграли* [77]).

Своеобразное представленіе о блескѣ и роскоши прибывшихъ; въ былинахъ о Соловьѣ Будиміровичѣ оно, конечно, богаче и замысловатѣе, но смыслъ остается одинъ и тотъ-же: и въ бѣлорусской пѣснѣ корабельщики, какъ въ былинахъ Соловей съ дружиной, успѣваютъ произвесть на жителей впечатлѣніе, дѣлаются предметомъ удивленія и заинтересовываютъ самое красную дѣвицу.

По нѣкоторымъ бѣлорусскимъ пѣснямъ соловей является строителемъ. Особенно интересенъ одинъ варіантъ:

А въ ляску, въ ляску, на жовтымъ пяску
Салавъі гудуць, церкву будуюць
Съ тремя акнами, читырьмя углами [78]).

„О соловьѣ, сколько извѣстно,—замѣчаетъ Потебня [79]) — никогда не говорится, что онъ *гудетъ*. Если предположить здѣсь замѣну (вышеприведеннаго) „Волохи гудуць", т. е., въ древнемъ смыслѣ слова, играютъ на инструментахъ, то этимъ, конечно, не устраняется вопросъ: что повлекло за собой такую замѣну? Можно-бы думать о вліяніи былинъ о Соловьѣ Будиміровичѣ и его трехъ теремахъ, или даже о Соловьѣ разбойникѣ — былинъ, которыя, впрочемъ, если и были когда-либо извѣстны въ бѣлорусскихъ мѣстностяхъ, то давно забыты". Приведенныя слова, намѣчающія любопытный вопросъ, вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно характеризуютъ отношеніе изслѣдователя къ матеріалу бѣлорусской пѣсни и отраженію въ ней чертъ русскаго эпоса.

Мы не станемъ настаивать на томъ, что „салавъі гудуць" явилось здѣсь именно подъ вліяніемъ былинъ, но замѣтимъ, что скептицизмъ Потебни по отношенію къ извѣстности въ Бѣлоруссіи былевого эпоса—нѣсколько чрезмѣренъ. Это яснѣе обнаружится при разсмотрѣніи бѣлорусскихъ сказокъ; въ пѣсняхъ-же, гдѣ приходится имѣть дѣло съ отдѣльными чертами, полунамеками, дѣйствительно не такъ легко указать несомнѣнные слѣды отраженія былинъ; однако, и здѣсь, при всей скудости матеріала, встрѣ-

Digitized by Google

нѣтъ сыновей, и такимъ образомъ ему самому приходится итти на войну; тогда его замѣняетъ дочь [90]). Или громада рѣшила:

— «А хто сына мае, нехай къ войску выправляють,
А хто не мае, нехай наймають».

Вдова, не имѣя сына и, очевидно, не будучи въ состояніи нанять кого-нибудь, выпрявляетъ свою дочку Ганнусячку. Въ былинахъ интересную параллель можно указать въ типѣ Савишны, жены Ильи Муромца.

— На Кіевъ напалъ Тугаринъ, и Владиміръ шлетъ за Ильей; а того, какъ разъ на ту пору не оказалось дома. Тогда Савишна, слыша „грозенъ наказъ княженецкій", обрядилась, какъ слѣдуетъ, и сама отправилась на Тугарина.

А и Тугаринъ не взвидѣлъ бѣла дня,
Убѣжалъ онъ въ свои улусы Загорскія,
Проклинаючи богатыря Илью Муромца.
А богатырь Илья Муромецъ
Знать не зналъ, вѣдать не вѣдалъ,
Кто за него бился съ Тугариномъ. [91])

Замѣтимъ, что и войтовна на войнѣ дѣйствуетъ не менѣе энергично:

Скоро войтовна ўступила,
Половина войска уныла.

Скоро войтовна махнула,
Дакъ мое войско уснуло.

Намъ остается еще отмѣтить отрывокъ (въ 54 ст.) пѣсни о „Сяврукѣ", записанный въ Суражскомъ уѣздѣ, Черниговской губ. [92]). Этотъ отрывокъ характеренъ уже по одному своему началу:

Ой хто жъ того нязнавъ,
Якъ бѣлый свѣтъ наставъ?
Якъ и солнушко взойшло,
Якъ и ярки мѣсячко,

Якъ и частыя звѣ́здочки,
Якъ и тцемныя хма́рычки,
Якъ и сильныя до́жчачки?

Запѣвъ этотъ смѣло можно поставить рядомъ съ извѣстнымъ былевымъ:

Высока-ли высота поднебесная,
Глубока глубота океанъ-море... [93]) и т. д.

Основа пѣсни—единоборство Сяврука; въ концѣ выступаетъ Сяврушиница, но на этомъ пѣсня и обрывается.—„По характеру

Digitized by Google

и по всѣмъ пріемамъ былевого стиля видно, что эти стихи составляютъ только начало былины, созданной на сѣверѣ Россіи и занесенной въ Черниговскую губернію въ весьма древнюю эпоху вольными или невольными выселенцами или побродягами великорусскими.“ [94]) Мы съ своей стороны предложимъ сначала сравненіе данной пѣсни съ извѣстными пѣснями о Кострюкѣ или Мастрюкѣ.

Бѣлорусская пѣсня, если отдѣлить запѣвъ, начинается упоминаніемъ о томъ,

Якъ царь да сыновъ пожанивъ,
Якъ царь дочарей поотдавъ.
Сяврукъ на весельли бывавъ,
Сяврукъ и горелки пивавъ,
(Сяврукъ позоватымъ бывавъ).

Припомнимъ, что пѣсни о Мастрюкѣ начинаются именно описаніемъ свадьбы Грознаго [95]).

На свадебномъ пиру у царя Ивана Васильевича были „князи, бояра, могучіе богатыри и гости званые, пятьсотъ донскихъ казаковъ“, да съ Марьей Темрюковной прибыло „триста татариновъ, четыреста бухариновъ, пятьсотъ черкашениновъ“... [96])

Съ другой стороны, въ той-же пѣснѣ упоминается о Мастрюкѣ, что онъ „изошелъ семь городовъ, поборолъ 70 борцовъ“. Мы склонны думать, что эти разнородныя черты отразились въ слѣдующемъ мѣстѣ бѣлоруской пѣсни:

Якъ пошовъ жа то Сяврукъ,
Семсотъ городовъ пройшовъ,
Семсотъ казаковъ созвавъ,
Семсотъ да бояриновъ,
Семсотъ да татариновъ,
Семсотъ полковъ Донскихъ казаковъ.

Затѣмъ слѣдуетъ любопытнѣйшій эпизодъ бѣлор. пѣсни. Сяврукъ вызываетъ борцовъ—

Якъ бѣжатць къ яму борци,
Изъ борцовъ да на выборца,
Якъ да удалыя Калужанци,
По батюшци Микитовичи,
По матущци Маринины сыны;
Яны усики зажимаючи,
И рукавики засучиваючи,
И сапожаньки подцягиваючи,
И чулочики подвязываючи.

Эти борцы „братаны“ уже несомнѣнно указываютъ на былевыхъ противниковъ Мастрюка [97]). Самый пріемъ борьбы въ бѣлорусской пѣснѣ близко напоминаетъ свой великорусскій оригиналъ и вобще пріемы богатырской борьбы былинъ. Замѣчательно, что

Digitized by Google

Сяврукъ изъ борьбы выходитъ не побѣжденнымъ, а побѣдителемъ; отъ удара его сама „Москва улякнулася“. Такое отступленіе могло явиться слѣдствіемъ общаго паденія пѣсни и забвенія того основного тона, которымъ проникнуты соотвѣтствующіе великорусскіе варіанты. Пока сохранялось извѣстное обаяніе личности царя-государя Ивана Васильевича, пока Мастрюкъ въ сознаніи народа являлся представителемъ заѣзжаго, враждебнаго намъ элемента, до тѣхъ поръ побѣда Мастрюка была невозможна въ пѣснѣ.

„А не то у меня честь во Москвѣ, что татары-те борются,
То-то честь въ Москвѣ, что русакъ тѣшится! [98])

Вотъ что развивала великорусская пѣсня. Этого мы не находимъ въ бѣлорусской пѣснѣ, которая уже утратила ясное представленіе объ эпохѣ, лицахъ и послѣдовательномъ и логичномъ ходѣ разсказа; наоборотъ, въ бѣлорусской пѣснѣ, пожалуй, можно подмѣтить отраженіе духа той вольницы, при посредствѣ которой великорусскій оригиналъ попалъ въ Бѣлоруссію и которой, кстати сказать, хотѣлось „тряхнуть Москвою“; не даромъ, быть можетъ, удержалось это характерное замѣчаніе „Москва улякнулась“.

Отрывокъ заканчивается появленіемъ жены Сяврука—Сяврушаницы „бѣло-удалой Чаркашаницы“, которая

Семь сотъ городовъ прошла—. По себѣ борца не нашла.

Ср. изъ пѣсни о Мастрюкѣ:

Изошелъ онъ семь городовъ, поборолъ онъ 70 борцовъ,
И по себѣ борца не нашелъ. [99])

Вмѣстѣ съ тѣмъ и само прозваніе „Чаркашаница“ напоминаетъ намъ прозваніе Мастрюка Черкашенинымъ.—Если мы вспомнимъ Марью Темрюковну и ея вмѣшательство послѣ борьбы Мастрюка, если притомъ обратимъ вниманіе на то, что даже въ нѣкоторыхъ великорусскихъ варіантахъ изъ жены Ивана она обратилась въ „поляницу крымскую“, „богатыршу удалую“, [100]) то не трудно будетъ и въ данномъ образѣ бѣлорусской пѣсни отличить ту-же Марью Темрюковну.

Отмѣченная нами бѣлорусская обработка пѣсни о Мастрюкѣ является не единственною. Въ сб. П. В. Кирѣевскаго приведена записанная въ области Войска Донскаго пѣсня о томъ же Севрукѣ, существенно отличающаяся отъ бѣлорусской только исходомъ борьбы: Севрукъ побѣжденъ донцами:

Digitized by Google

Какъ подымутъ Севрука — Севрукъ глаза вытращилъ,
Вонъ по выше себя, — Севрукова кожа лопнула,
Какъ ударятъ Севрука — Всѣ ребрушки посыпались,
Объ сыру землю,— — Всѣ косточки повылохались.

А Севрукова мать по новымъ сѣнцамъ похаживаетъ, бѣлыя ручки поламливаетъ, клянетъ сына за то, что затѣялъ борьбу.— Интересны заключительные слова:

Пошла слава по всему Сѣверу, — Очутилася и въ Кіеву.

При чемъ здѣсь Кіевъ, сказать не рѣшаемся. Быть можетъ, здѣсь есть вліяніе былинъ, но настаивать на этомъ не будемъ. Но мы совершенно согласны съ тѣмъ, что подъ „Сѣверомъ“ въ пѣснѣ „разумѣется извѣстная „Сивера“, промежутокъ между Русью Великой и Малой, съ Сѣверскимъ Козачествомъ“, т. е. именно та Чернигово-Сѣверская земля, въ предѣлахъ которой записанъ варіантъ г. Шейна и къ которой тянетъ и донская пѣсня.

Обращаемся къ бѣлорусскимъ сказкамъ. Въ русскомъ эпосѣ на ряду съ былинами, передающими отдѣльные эпизоды изъ жизни богатырей, существуютъ былины сводныя, объединяющія за-разъ нѣсколько богатырскихъ подвиговъ. Такъ, былина, записанная Гильфердингомъ отъ Щеголенкова, передаетъ: исцѣленіе Ильи, встрѣчу его съ разбойниками, съ Идолищемъ, съ Соловьемъ и, наконецъ, пріѣздъ въ Кіевъ. Преимущественно въ сводномъ видѣ былины спускались до степени побывальщинъ, а затѣмъ и простыхъ сказокъ. Одна изъ такихъ сказокъ недавно записана въ Смоленской г. [101]): „Якъ Ильля Мурамецъ пубядіў Салаўя разбойника, Абжору, Алькадима“.—„Жіў пудъ Брянскымъ мужичекъ, и только радіўся у няво сынъ, крястили яво Ильлею“. Росъ Илья тридцать лѣтъ, „нидвижимъ быў ни руками, ни ногами“. Исцѣленіе происходитъ при помощи старичка. Выпивъ кружку квасу, Илья почувствовалъ такую силу, что если бы „Госпоть утвярдіў стоўбъ у небу и землю, тобъ я мохъ мать сыру землю пувярнуть уверьхъ нагами!“ Слѣдующая „половина“ кружки убавляетъ эту силу на половину [102]). Выздоровѣвшій Илья несетъ отцу и рабочимъ обѣдъ и во время ихъ послѣобѣденнаго сна самъ „двадцать пять десятинъ за два часа вырваў дубоў, паўкладаў ўсё ў Дясну“ [103]). Итакъ, какъ видимъ, всѣ былевые мотивы, связанные съ исцѣленіемъ Ильи, здѣсь удержаны.

Digitized by Google

Выступленіе на богатырское поприще сопровождается пріисканіемъ богатырскаго коня. Илья проситъ отца купить ему у сосѣда кобылу: лежала та кобыла 30 лѣтъ „ногами недвижима“; отецъ Ильи покупаетъ ее *безъ торгу*. Лишь только Илья обошелъ кругомъ кобылы, та вскочила и заржала; Илья отправляетъ ее гулять въ чистое поле. И по былинамъ конь Ильи сначала былъ „шелудивымъ“, пріобрѣтенъ безъ торгу, сталъ богатырскимъ конемъ послѣ вываживанія въ саду и выкатыванія въ росѣ. [104])

Непосредственно слѣдующій эпизодъ встрѣчи съ Соловьемъ обрисованъ въ сказкѣ сжато. Соловей сидитъ на двѣнадцати дубахъ въ какомъ-то Кривомъ лѣсу. Илья ссадилъ его стрѣлою, привязалъ къ сѣдлу и поѣхалъ „къ царю“. Самый пріѣздъ къ послѣднему описанъ подробно, но уже нѣсколько спутанно. Въ „королевскомъ“ домѣ было богатырей „сборище“. Богатыри видятъ подъѣзжающаго Илью и дивуются, что это за новый богатырь. Чтобъ испытать его, повѣсили на воротахъ чугунную доску: если подъ воротами будетъ проѣзжать богатырь „плохой“, то доска раздробитъ ему голову. Илья, однако, не пострадалъ, такъ какъ его защитила „чугунная шлапа“.—Этотъ весь эпизодъ въ данномъ случаѣ, очевидно, неумѣстенъ; по былинамъ онъ входитъ въ разсказъ о встрѣчѣ Ильи съ соловьемъ и *его семействомъ*, сказка же, забывъ первоначальный смыслъ „подворотенки“, сохранила лишь смутное воспоминаніе о какой-то „чугунной“ доскѣ и объяснила ее по своему.

Далѣе, уже согласно былинамъ, богатыри при появленіи Ильи не хотятъ подвинуться, чтобъ дать ему мѣсто; тогда Илья „якъ падвинуў—стина выскачила вонъ; каторыхъ пазадавіў, каторыя павыкатились“. Особо отъ этихъ богатырей сидѣлъ Абжора багатырь; „іонъ три во́ла зъидаў адинъ, пять вушатыў пива выпиваў“. Вздумалъ Абжора побрататься съ Ильей и схватилъ его за руку; да не понравилось Ильѣ, что онъ сильно жметъ, скинулъ шляпу съ головы и ударилъ Абжору такъ, что тотъ чрезъ стѣну прокатился [105]).

Абжора, конечно, ясно указываетъ на свой былевой прототипъ; даже названіе Идолища Обжорой, „обжорищемъ поганымъ“, встрѣчается въ былинахъ.

„Король“, узнавъ про пріѣздъ Ильи, зоветъ его къ себѣ и проситъ заставить Соловья засвистѣть. Илья, предварительно

Digitized by Google

укрывъ короля и королеву, велитъ Соловью свиснуть самымъ малымъ свистомъ. Соловей, однако, свиснулъ во весь голосъ, за что Илья раздробилъ его на мелкіе кусочки. „Тада узяў крошичку парубемши и дунеть на крошичку—салавейкый та крошичка и палятить, салаўемъ, а кажный салавейка съ крошичку, а якъ чокнить, аглушаить—и пустіў ихъ усихъ у свѣтъ“. Интересный образецъ, какъ случайное совпаденіе именъ подаетъ поводъ къ зарожденію цѣлой легенды. Въ былинахъ, насколько мы знаемъ, не встрѣчается подобнаго упоминанія; но въ малорусскихъ сказкахъ есть разсказъ о томъ, какъ Илья Муромецъ, тоже разсерженный полнымъ свистомъ Соловья, изрубилъ его въ маковыя зерна [106]), изъ которыхъ образовались соловьи.

Послѣдній эпизодъ разсматриваемой бѣлорусской сказки — встрѣча Ильи съ Алькадимомъ. Поѣхалъ Илья въ Кіевъ, въ ту сторону, гдѣ живетъ Алькадимъ-богатырь. Этому Алькадиму все снилась погибель отъ Ильи; вотъ онъ и велѣлъ дѣлать себѣ гробъ, а самъ крѣпко заперся въ домѣ за 7 дверями. Но и тамъ не укрылся онъ отъ Ильи, и былъ убитъ, подобно Абжорѣ. Что это за богатырь Алькадимъ, трудно сказать. Если обратить вниманіе на странное, очевидно, утратившее свой первоначальный смыслъ, упоминаніе о гробѣ, то ужъ не сохранилось-ли здѣсь воспоминанія о встрѣчѣ Ильи съ Святогоромъ и о гибели послѣдняго въ гробѣ?

Обратимъ вниманіе, что послѣ встрѣчи съ богатырями, съ Обжорой-Идолищемъ и съ „королемъ“ Илья отправляется „въ Кіевъ“. Выходитъ, такимъ образомъ, что все предыдущее разыгрывалось не въ Кіевѣ. Но и по нѣкоторымъ былинамъ, напр. Гильф. № 120, дѣйствіе происходитъ такъ: Илья Идолища убиваетъ въ Кряковѣ, а уже затѣмъ ѣдетъ въ Кіевъ. Во всякомъ случаѣ столкновеніе Ильи съ богатырями и эпизодъ съ королемъ, пожелавшимъ услышать свистъ Соловья, ясно указываютъ на извѣстный, такъ называемый, первый пріѣздъ Ильи въ Кіевъ. Любопытно, что о Кіевѣ въ сказкѣ упоминается лишь вскользь, а имени Владиміра въ ней даже вовсе нѣтъ. По общему своему колориту эта бѣлорусская сказка близко напоминаетъ варіантъ сказки объ Ильѣ Муромцѣ“, записанный въ Вологодской губ. [107])

Подобнаго-же типа, только еще болѣе удаленная отъ своего

Digitized by Google

былевого первообраза сказка была записана въ с. Городищѣ, Быховскаго у. Могилевской губерніи, Е. Романовымъ. [108])

Илья лежитъ на одномъ боку 23 года; его исцѣляетъ „дзядуля—Господзь“[109]). „Живи-жъ, Ильюшка, на здоровье и очищай свѣтъ!“—говоритъ на прощанье Господь, и сказка не разъ упоминаетъ о томъ, что дѣятельность Ильи имѣетъ въ виду именно очищеніе свѣта. Однако, на первыхъ порахъ Илья пробуетъ обратиться къ труду своихъ отцовъ: сталъ „лядо“ сѣчь, да не столько сѣкъ, сколько рвалъ съ корнемъ и бросалъ въ рѣку „Дунай“; запрудилъ рѣку на семь верстъ, такъ что, не вмѣшайся во время отецъ Ильи, наводненіе постигло-бы „весь свѣтъ“.—Кому предназначено очищать міръ, тотъ не можетъ удовлетвориться пространствомъ въ нѣсколько десятинъ; избытокъ силъ всегда ищетъ достойной себя дѣятельности и въ узкой сферѣ приноситъ болѣе вреда, чѣмъ пользы.—Это какъ будто сознаетъ самъ Илья, и тотчасъ послѣ своего неудачнаго крестьянскаго труда собирается „ѣхаць у бѣлый свѣтъ“. Конь, котораго онъ для этого пріобрѣтаетъ, „бывъ ня чистый, коросьливый, маленькій. Тоды тэй Ильюшка пускаець яго у чистое поле на двананцать сутокъ, штобъ двананцать травинъ зьѣвъ“... Выборъ палицы, о которой разсказываетъ далѣе сказка, ничего общаго съ былинами не имѣетъ и цѣликомъ заимствованъ изъ сказокъ. Отправляясь въ путь, Илья проситъ у отца и матери благословенія—черта и былинами особенно отмѣчаемая. Первая встрѣча Ильи происходитъ съ Соловьемъ, который въ данной сказкѣ превратился въ Сокола, нѣчто въ родѣ пограничнаго стража въ царствѣ Прожоры—Обжоры—Идолища. „Нягидный“ Соколъ сидитъ на 12 дубахъ, у него 12 роговъ, свистомъ своимъ онъ на разстояніи 12 верстъ сбиваетъ съ ногъ человѣка Прожора поѣдалъ людей, по 10 человѣкъ въ день, и на обязанности Сокола лежало доставлять ихъ царю. Илья убилъ Сокола и Прожору — и „очистилъ свѣтъ“. Такъ распорядилась бѣлорусская сказка съ былевыми типами Соловья и Идолища, щедро прикрывъ ихъ чисто сказочной обстановкой. Далѣе идетъ разсказъ о томъ, какъ Илья помогалъ „ставить прудъ на 12 камняхъ“. Похожденіе это не изъ круга былинъ, тѣмъ не менѣе не чуждо нѣкоторыхъ былевыхъ чертъ. Такъ, когда Илья пробуетъ пойти по „ганкамъ“, устроеннымъ рабочими, послѣднія не выдерживаютъ тяжести богатыря и ломаются. Какъ извѣстно, и былины говорятъ,

Digitized by Google

что подъ Ильею полъ подгибается, княженецкія гридни съ боку на бокъ пошатилися, ставники въ окнахъ помитусились [110]). Безсребренность есть отличительная особенность Ильи былинъ [111]), и въ сказкѣ богатырь этотъ отказывается отъ всякаго вознагражденія за свою помощь рабочимъ.

Отправляясь далѣе, Илья пріѣзжаетъ „у цэркву, у соборъ отца Миколая. Заѣхавъ ёнъ у той соборъ, помолився Богу низкимъ уклономъ и отцу Миколаю поклонився за своё здоровья“.—По нѣкоторымъ варіантамъ былинъ Илья по пріѣздѣ въ Кіевъ прежде всего отправляется въ Божью церковь къ обѣднѣ,

„А онъ крестъ-то сложилъ да по писаному,
А поклонъ-отъ онъ ведетъ да по ученому“. [112])

Но по былинамъ—этимъ пріѣздъ Ильи въ Кіевъ не ограничивается. По сказкѣ-же—Илья помолившись въ соборѣ, тотчасъ поѣхалъ обратно „въ свое царство“. Такимъ образомъ, поѣздка богатыря въ Кіевъ сводится къ простому паломничеству. Стольный городъ Кіевъ съ солнышкомъ Владиміромъ заслоненъ соборомъ отца Миколая.

Вернувшись домой, Илья „сичасъ лёгъ на бацьковой посцели, полежавъ ёнъ три дни и переставився. И поступивъ у святъ—святый Ильлюшка. „Вотъ“, говора, „буду я громовой тучай завѣдуваць“. Илью похоронили въ склепѣ. „Господзь такъ давъ: нихто яго ня знавъ, ня видзѣвъ—отправився ёнъ водой у склепи у Кіявъ, у пящеры, плывъ по Сожи, по рацѣ. И оявився, и получивъ сабѣ святъ у пещеры. И цяперъ тамъ“. „Ильѣ“, замѣтилъ г. Буслаевъ [113]), „въ довершеніе національнаго идеала недоставало только ореола святости: и русскій народъ признаетъ своего богатыря въ чудотворцѣ, котораго мощи почиваютъ въ Кіевскихъ пещерахъ“.

Ср. был.:—

Пріѣзжае онъ во славной во Кіевъ градъ,
А ко тымъ-ли онъ пещерамъ да ко Кіевскимъ;
А прилетала невидима сила ангельска,
А взимали то ёгò да со добрá коня
И заносили во пещеры-ты во Кіевски;
И тутъ же вѣдь старый опочивъ державъ...
— И понынѣ его мощи нетлѣнныя [114]).

Digitized by Google

Дѣйствительно, и нынѣ показываютъ въ пещерахъ мощи пр. Ильи Муромца. Извѣстны любопытныя показанія объ немъ Эриха Лассоты, Кальнофойскаго, русскаго паломника 1701 года — отца Леонтія. Сохранилось даже изображеніе преподобнаго Ильи Муромскаго, „іже вселіся впещеру пр^х. Антонія вкіевѣ, идеже до нынѣ нетлѣненъ пребываетъ", какъ сказано въ надписи [115]).

Въ данномъ случаѣ не имѣетъ значенія вопросъ о тождествѣ Ильи былинъ и Ильи чудотворца. Важно лишь, что народъ признаетъ это тождество; отраженіемъ именно такого вѣрованія явилось и заключеніе бѣлорусской сказки.

Разъ въ сознаніи народа Илья сталъ святымъ, на него легко могли быть перенесены черты другого одноименнаго Ильи—Пророка, громовника.

Любопытна сказка, записанная въ Черниговской г., Новозыб. у., въ которой выступаетъ уже и князь Владиміръ [116]).

— „Живъ бывъ себѣ Иванъ прекрасный, сирота несчасный, и служивъ ёнъ по князя́мъ, по пана́мъ и по всѣмъ богатырямъ; не имѣвъ ёнъ себѣ ни платья цвѣтнаго, ни слова добраго. Нанявся ёнъ къ князю Ладымяру, Кіявскому содержателю, многомилосливому. Прослуживъ ёнъ у князя три года,— тоже не имѣвъ ни платья цвѣтнаго, ни слова добраго". — Дождались Свѣтлаго Воскресенья. Князь „Ладымяръ" сталъ, „своихъ прислугъ суряжать". А былъ у него между прочимъ „Алёшка — легокъ на языкъ, сладокъ на слова". Эготъ Алешка докладываетъ князю, что Иванъ „обижается" (очевидно, изъ-за того, что не получилъ къ празднику цвѣтнаго платья). Тогда Владиміръ призвалъ Ивана, далъ ему „куни нячиняны и шуба ня-ши́тая", велѣлъ пошить шубу и явиться въ ней къ заутрени. Получивъ такое неисполнимое, въ виду краткости срока, приказаніе, Иванъ горько заплакалъ и пошелъ топиться въ Днѣпрѣ. Какъ вдругъ является къ нему баба, „якъ сѣнная копа", перевозитъ его черезъ рѣку къ Аленѣ Сиволобовнѣ и предлагаетъ этой послѣдней Ивана въ мужья. Бракъ устраивается, Алена своихъ слугъ засаживаетъ за работу, и къ Заутрени Иванъ является въ новой шубѣ. Сверхъ того Алена даетъ ему три яичка: „Однымъ ты яечкомъ князя Ладымяра похристосуй, другимъ попа, а третья вязи ў дворъ". Вышло, однако, такъ, что третье яичко Иванъ отдалъ Алешкѣ, за что и попалъ въ бѣду. „Князь Ладымяръ

Digitized by Google

собиравъ богатыхъ и убогихъ на обѣдъ". На пиру Алешка упомянулъ, что „Иванъ сибѣ жану наживъ, краше въ свѣтѣ нѣтъ". — Ладымяръ на это и кажа: „послать его къ Вовку Минчигрею за самограйными гуслями, — Минчигрей яго истребить, а жана яго у насъ останетца". — Благодаря помощи жены Иванъ счастливо добываетъ гусли и отдаетъ ихъ князю. Дальнѣйшая жизнь супруговъ уже не нарушалась ничѣмъ. Ср. двѣ сказки у Афанасьева [117]). — Въ первой изъ этихъ сказокъ дѣйствующими лицами являются Данило Безсчастный — дворянинъ, Владиміръ князь съ княгинею, Алеша Поповичъ — бабій пересмѣшникъ и Лебедь — птица, красная дѣвица; во второй — Данило и Лебедь замѣнены Васильемъ царевичемъ и Еленой прекрасной. Обѣ сказки, воспроизводя тотъ-же сюжетъ, что и бѣлорусская приведенная сказка, отличаются отъ послѣдней большею сказочностью, фантастичностью разсказа, особенно вторая.

Былевые герои, встрѣчаемые во всѣхъ этихъ сказкахъ, говорятъ объ извѣстномъ вліяніи былинъ. Дѣйствительно, въ русскомъ былевомъ эпосѣ есть даже цѣльныя былины о нѣкоемъ Данилѣ Ловчанинѣ, пострадавшемъ изъ-за красоты жены [118]). — Князь Владиміръ задумалъ жениться; одинъ изъ его дурныхъ совѣтниковъ указываетъ на жену Данилы Ловчанина. Князь сначала не рѣшается у живого мужа жену брать и даже гнѣвается на совѣтника, но тотъ не смущается:

«Мы Данилушку пошлемъ во чисто поле,
Во тѣ-ли луга Леванидовы,
Мы ко ключику пошлемъ ко гремячему,
Велимъ пымать птичку бѣлогорлицу
Принести ее къ обѣду княженецкому;
Што ишшо убить ему льва лютово,
Принести его къ обѣду княженецкому» [119]).

Это порученіе должно было такъ или иначе погубить Данила и сдѣлать свободной его жену. Замыселъ, однако, не удался: Данило, правда, погибъ, но надъ тѣломъ его лишила себя жизни и жена Данилы.

Былины о Данилѣ Ловчанинѣ едва-ли не самыя трагическія въ русскомъ эпосѣ. По своему мотиву онѣ, конечно, имѣютъ много общаго съ вышеуказанными сказками, но вмѣстѣ съ тѣмъ у насъ нѣтъ данныхъ, чтобъ видѣть въ сказкахъ простую переработку былевого матеріала или наоборотъ. Одинъ и тотъ-же

Digitized by Google

мотивъ, легшій въ основу сказокъ и былинъ, въ тѣхъ и другихъ разрабатывался совершенно самостоятельно, и носитъ свой особый отпечатокъ, выразившійся, какъ въ самой обстановкѣ дѣйствія, такъ и въ развязкѣ. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія сказка, приведенная у П. В. Шейна („Матеріалы“ II, № 20, стр. 42), гдѣ также идетъ дѣло о преслѣдованіи мужа съ цѣлью обладанія женой, но кромѣ самаго мотива ничего общаго съ былинами нѣтъ. Если же въ другихъ сказкахъ появляются былевые герои, то это—дѣло уже болѣе поздняго времени, когда было замѣчено общее сходство фабулы сказокъ и былинъ, вслѣдствіе чего и совершилось перенесеніе былевыхъ лицъ въ сказку; насколько поверхностно было это вліяніе, видно изъ того, что оно ограничилось одною внѣшностью и, напримѣръ, вовсе не коснулось развязки. Обратимъ вниманіе на то, что роль Мишатычки (или Путятина) въ сказкѣ поручена Алешѣ, несомнѣнно, подъ вліяніемъ представленія о немъ, какъ о вралѣ, „бабьемъ пересмѣшникѣ“.

Въ сборникѣ г. Добровольскаго кромѣ вышеразсмотрѣнной сказки находятся еще: одинъ незначительный отрывокъ въ нѣсколько строкъ [120]) и сказка о томъ, какъ Илья Муромецъ караулилъ умершаго отца и за это получилъ свинку-золотую щетинку, козу-золотой рогъ и конька-сивчика-бурчика [121]). Здѣсь имя Ильи, конечно, совершенно случайно замѣнило Ивана. Обратное перенесеніе произошло въ одномъ изъ бѣлорусскихъ варіантовъ сказки о Царенкѣ, Поваренкѣ и Сученкѣ, гдѣ главному герою приписано, между прочимъ, похожденіе Ильи. — Ванька Ширамышка (Сучкинъ сынъ) отправляется въ чужое царство, къ нѣкоему королю. У этого короля была крѣпость и застава: нельзя тамъ ни пройти, ни проѣхать. Только стоитъ тамъ дубъ; на томъ дубѣ сидитъ Соловей разбойникъ, свистъ котораго на разстояніи 12 верстъ убивалъ человѣка. Конь Ваньки отъ этого свиста палъ на колѣни; тогда Ванька пустилъ на дубъ свою „стрѣлу-булаву“ и сбилъ ею Соловья [122]). Наконецъ, у г. Романова [123]) находится еще сказка о полученіи Ильею силы.

Кромѣ Ильи и его противниковъ бѣлорусская сказка знаетъ также „Ивана и Стаўра Гадымывичей“ [124]); но, за исключеніемъ именъ, эти лица не имѣютъ ничего общаго съ былевыми. Гораздо интереснѣе всѣхъ подвиговъ Стаўра выборъ имъ богатырскаго

Digitized by Google

коня. Въ табунѣ Ставёръ не нашелъ подходящаго коня: на какого ни наложитъ руку, всякій упадетъ на колѣни, а иной и совсѣмъ пропадетъ. Наконецъ, конюхъ „Ивашка—сѣрый серемяжка, золотыя пуговицы“ даетъ Ставру совѣтъ вернуться домой, тамъ возлѣ амбара стоитъ погребъ, а въ погребѣ лошадь Ставрова дѣда; она уже 30 лѣтъ ѣстъ тамъ ярую пшеницу. Ставёръ послушался совѣта и нашелъ, такимъ образомъ, богатырскаго коня, а при немъ и „одежду богатырскую“ [125]).

Подобный выборъ коня вообще широко распространенъ въ эпосѣ; достаточно припомнить, напримѣръ, какъ Добрыня жалуется матери на то, что нѣтъ у него ни коня, ни сбруи богатырскихъ. Мать совѣтуетъ ему поискать сначала въ конюшняхъ; если же тамъ не окажется годнаго коня:

«Опускайся въ погребы глубокіи:
Стоитъ добрый конь богатырскій
На двѣнадцати цѣпочкахъ серебряныхъ,
На двѣнадцати тонкихъ поводахъ,
На тихъ-ли на поводахъ шелковыихъ,
А не нашего шелку—шемахинскаго.
Тамъ есть сбруя богатырская,
Вси успѣхи молодецкіи» [126]).

Ранѣе этимъ конемъ владѣли отецъ и дѣдъ Добрыни. Надо, впрочемъ, замѣтить, что Ставеръ къ такому богатырскому коню по былинамъ никакого отношенія не имѣетъ.

Таковы герои русскаго богатырскаго эпоса въ бѣлорусскихъ сказкахъ [127]). Былевой князь Владимиръ, Илья со своими противниками Идолищемъ и Соловьемъ-разбойникомъ (быть можетъ, и Святогоръ), Алеша Поповичъ, Данило Ловчанинъ, Ставеръ (и, быть можетъ, Иванъ Годиновичъ) болѣе или менѣе отразились въ бѣлорусскихъ сказкахъ. Эти отраженія до сихъ поръ отмѣчены въ губерніяхъ Могилевской, Черниговской и Смоленской, т. е. въ мѣстности, наиболѣе соприкасающейся съ Великороссіей; отсюда естественно можетъ зародиться вопросъ, не проникъ-ли въ Бѣлоруссію великорусскій эпосъ только въ сравнительно недавнее время, какъ результатъ позднѣйшаго культурнаго вліянія сосѣдней области. Но въ данномъ случаѣ необходимо имѣть въ виду, что глубь Бѣлоруссіи еще далеко не въ такой степени разслѣдована, какъ окраины, и кто знаетъ, что хранится въ какой-нибудь глуши, ускользнувшей отъ поисковъ изслѣдователей? Да и вообще можно-ли по этому поводу сказать что-либо опредѣленное, когда каждый новый сборникъ приноситъ какую-нибудь замѣчательную новинку

Digitized by Google

Съ другой стороны, бѣлорусскія былевыя сказки отличаются такой самостоятельностью и оригинальностью, — конечно, только относительными,—что рѣшительно не могутъ быть точно подведены подъ опредѣленный великорусскій оригиналъ; онѣ носятъ на себѣ, на нашъ взглядъ, ясный отпечатокъ продолжительнаго пребыванія въ Бѣлоруссіи. Не мѣшаетъ припомнить письмо Оршанскаго старосты Филона Кмиты Чернобыльскаго къ Остафію Воловичу, кастеляну Троцкому, *изъ Орши*, 1574 года, августа, 5 дня [128]). Въ этомъ письмѣ весьма опредѣленно упоминаются Илья Муравленинъ и Соловей Будиміровичъ, по поводу чего академикъ А. Н. Веселовскій замѣчаетъ: „я не стану преувеличивать значенія сообщаемаго здѣсь; въ крайнемъ случаѣ оно можетъ служить свидѣтельствомъ *географическаго* распространенія былинъ, такъ-какъ Воловичу должны-же быть понятны аллюзіи на богатырей, да и Кмита поминаетъ ихъ, какъ нѣчто общеизвѣстное“ [129]).

Наконецъ, по нѣкоторымъ стариннымъ записямъ былинъ Илья въ свою первую поѣздку освобождаетъ *Себежъ*, нынѣ уѣздный городъ Витебской губ. Разбирая это пріуроченіе подвига Ильи къ бѣлорусскому городу, Вс. Миллеръ категорически заявляетъ, что „въ XVI вѣкѣ, когда можно предположить такое пріуроченіе, имя Ильи богатыря было широко извѣстно бѣлорусскому населенію“. [130])

Что касается собственно пѣсенъ бѣлорусскихъ, то происхожденіе и давность такихъ, какъ пѣсни объ Алешѣ Поповичѣ и Сяврукѣ, не подлежатъ сомнѣнію. Другія-же отдѣльныя черты бѣлорусскихъ пѣсенъ, находящія нѣкоторую аналогію и въ русскомъ богатырскомъ эпосѣ, тѣмъ не менѣе, быть можетъ, существуютъ совершенно независимо отъ этого эпоса, но, быть можетъ, позволительно будетъ между первыми и послѣднимъ установить болѣе тѣсную взаимную связь... Ужъ не къ этой-ли связи сводится, напр., совпаденіе характерныхъ запѣвовъ:

Намъ не жалко пива пьянаго,
Намъ не жалко зелена вина,
Только жалко смиренной бесѣдушки;
Во бесѣдѣ сидятъ люди добрые,
Говорятъ они рѣчи хорошія
Про старое, про бывалое [131]).

Ср.—Не дорога пива пьянэя,
Да дорога пасядзенька,
Муская пагуданка;
А ў бесѣдзѣ сидятъ люди добрые,
Гукаюць яны мускае;
Усё доброе яны знаюць [132]).

А. М. Лобода.

Digitized by Google

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) ,,Исторія русской словесности'' Галахова, 3 изд., стр. 25.

2) ,,Русскія былины старой и новой записи. Подъ ред. акад. Н. С. Тихонравовъ и проф. В. Ѳ. Миллера'', Москва, 1894 г.

3) ,,Сборникъ донскихъ народныхъ пѣсенъ. Составилъ А. Савельевъ''. Ср. Ж. М. Н. Пр. 1867 г., III, и ,,Сборники по народной словесности за 66 годъ'', ст. О. Миллера.

4) Безсоновъ. Замѣтка къ I ч. ,,Пѣсенъ, собр. П. Н. Рыбниковымъ'', стр. XVII.—О. Миллеръ, ,,Илья Муромецъ'',—193—194; ср. ,,Исторія р. слов.'' Галахова, 3 изд. I, стр. 48—49.—Квашнинъ-Самаринъ, ,,Русскія былины въ историко-географ. отношеніи''. Бесѣда, 71 г., IV, стр. 96 и его-же ст. въ ,,Русск. Вѣстн.'' 74 г. 9, стр. 29.

5) „Разысканія въ области р. духовнаго стиха". Прилож. къ 45 т. Зап. Ак. Н., стр. 290.

6) Шейнъ, „Матеріалы для изученія быта и языка сѣверо-западнаго края", т. 1, ч. I, стр. 75.

7) Д. Г. Булгаковскій, „Пинчуки", стр. 37 (№ 13).

8) П. В. Шейнъ, ,,Бѣлорусскія народныя пѣсни'', стр. 102 (№ 149).

9) Есть много малорусскихъ варіантовъ, ср., напр., Чубинскаго: „Труды этногр.-статист. экспедиціи", т. III, стр. 274; Головацкаго „Нар. пѣсни Галиц. и Угор. Руси" ч. III, отд. II, стр. 46.

10) „Книга царей"—франц. перев. Моля I, 449—451, см. Стасовъ, „Происхожденіе р. былинъ". Вѣстникъ Европы, 68 г., I.

11) Гильфердингъ. „Онежскія былины", № 225.

12) Ibid, № 186.

13) Teodorescu, ср. А. Н. Веселовскій, „Разысканія". Прил. къ Зап., 45, стр. 272.

14) П. В. Шейнъ, „Матеріалы", I, стр. 369, 447.

15) Пѣсня изъ собранія г. Довнаръ-Запольскаго; малор. у Чубинскаго—III, колядки, № 39, А. В. Б. Головацкій „Пѣсни", III, отд. II стр. 43—44, 127 ср. П. Владимірова „Введеніе въ исторію русской словесности" Ж. М. Н. Пр. 1895, № 4 стр. 336—337.

16) Шейнъ, „Матеріалы", I, 84 стр., № 84. Чубинскій—III, № 39, А.

17) Чубинскій, „Труды", III, № 39 А.

18) „Гомельскія народныя пѣсни", зап. Зинаидой Радченко, стр. III, № 4, ср. „Опытъ описанія Могилевской г." А. Дембовецкаго, колядка № 9.

19) Изъ Teodorescu „Notiuni despre colindele romane" 79 г. I с., стр. 88—91, см. г. Веселовскаго, „Разысканія". Приложеніе къ 45 т. Зап. Ак. Н., стр. 278—280.

20) Колядку привожу по переводу А. Н. Веселовскаго.

21) Шейнъ, „Матеріалы", I стр. 82, № 79.

22) „Бѣлорусскія пѣсни", I, стр. 75, № 118.

Digitized by Google

23) Чубинскій, „Труды“, III, кол. № 19 А. и др. вар.; далѣе № 39, Г. ср. ibid № 20. Головацкій—„Нар. пѣсни Галицкой и Угорской Руси“ ч. III, отд. II ст. 546, ср. ibid стр. 41, 52.

24) „Разысканія“, прил. къ 45 т., 282 стр.

25) См. „Разысканія“—гл. о балладныхъ и эпическихъ мотивахъ колядокъ и его-же „Южно-русскія былины“—„Сборникъ“, т. XXXVI, стр. 62—63.

26) „Сборникъ отъ български народни умотворения—часть пьрва. Събралъ и издава К. А. Шапкаревъ“. София 1891 г., стр. 4, № 11, ср. „Болгарскія пѣсни“ Безсонова, („Временникъ М. Общ. Ист. и Др. 21, 22), колядка, № LXIII.

27) „Разысканія“, ibid, 282 стр.; ср. иное мнѣніе Потебни—„Объясненіе малорусскихъ и сродныхъ пѣсенъ“, II, стр. 678.

28) Чубинскій, „Труды“, III, кол. № 22. Ср. Головацкій, „Пѣсни“ ч. II № 20 стр. 66; № 47, стр. 608. Ч. III, отд. II № 1, стр. 35.

29) Чубинскій, „Труды“, III, стр. 295, № 31.

30) Изъ собранія г. Довнаръ-Запольскаго; въ предстоящ. изд. № 314.

31) Шейнъ, „Матеріалы“, I, стр. 478, № 587. Ср. описаніе коня въ малорусск. п. Чубинскій „Труды“ III, стр. 285, 288 — 289, 293; Головацкій „Пѣсни“ ч. III, отд. II, стр. 41—42.

32) „Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ“, III № 1.; ср. Гильф. № 230

33) Ср. А. Н. Веселовскаго „Южно-русскія былины“, гл. III, „Сборникъ“ XXXVI, стр. 17—26; Ѳ. И. Буслаевъ „Народная поэзія“ стр. 160—161.

34) „Разысканія“, ibid. 275.

35) Ср. Безсоновъ „Болгарскія пѣсни“, „Временникъ“ 21, XXIV.

36) Булгаковскій, „Пинчуки“, стр. 140, № 9.

37) Максимовичъ, 1834 г. стр. 164; ср. Сахарова „Сказанія р. нар.“ I, стр. 209.

38) Шейнъ, „Бѣлорусскія нар. пѣсни“, № 149; ср. №№ 152, 153, 154; Безсоновъ, „Бѣлорусскія пѣсни“, I, стр. 10—11, № 11.

39) Я. Головацкій, „Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси“, ч. II, стр. 68 № 22; ср. ibid стр. 11, № 11.

40) См. „Объясненіе малорусскихъ и сродныхъ пѣсенъ“. Потебни, II, стр. 274—275—278—279.

41) Ibid, стр. 282.

42) Кирша Даниловъ, XXI.

43) См. Кирѣевскій, II, стр. 80—81, Рыбниковъ, I, стр. 274, Гильф. № 49. Ср. также „Воронъ въ народной словесности“ г. Сумцова—Этногр. Обозрѣніе IV, особенно стр. 82—83.

44) Безсоновъ, „Бѣлорусскія пѣсни“, I, стр. 12, № 14; ср. стр. 72, № 113.

45) Чубинскій, III, стр. 440, Головацкій, III, II стр. 39.

46) Гильф. № 123; ср. XXII гл. Потебни, „Объясненіе малор. и ср. п.“, II.

47) Булгаковскій, стр. 34, № 11.

48) Антоновичъ и Драгомановъ, I, стр. 7; ср. П. Владимірова цит. с., стр. 337.

49) Кирша Даниловъ, XLVII.

Digitized by Google

50) Гильф. № 233.

51) В. Миллеръ, „Экскурсы въ область русскаго эпоса", Р. Мысль, 91 г., кн. 8, стр. 110.

52) Тидрекъ-сага.

53) „Бѣлорусскій сборникъ", Е. Романова, т. I, стр. 31, № 56.

54) Шейнъ, „Матеріалы", I, № 598, ср. ibid № 591; Романовъ, I, стр. 408, № 71, Довнаръ Запольскій, сбор. пинск. пѣсенъ, № 515; малор. ср. у Чубинскаго V, стр. 834, 835, и др.

55) Гильф., № 80, стр. 494, ср. 354 стр. и др.

56) Вукъ Ст. Караджичъ, II т. № 45.

57) Булгаковскій, стр. 40, № 9.

58) Романовъ, I, стр. 8 № 17.

59) Романовъ, I, стр. 66, № 6.

60) Г. Халанскій, „Великорусскія былины Кіевскаго цикла", гл. XVII.

61) Гильф., № 115.

62) Кирша Даниловъ, № III.

63) Халанскій, ibid, стр. 188.

64) О. Миллеръ, „Илья Муромецъ", стр. 590—591.

65) Напримѣръ въ одномъ сборн. Безсонова, №№ 17, 18, 27, 115; о распространеніи его въ малор. п. нечего и говорить.

66) Шейнъ, „Матеріалы", I, № 580, стр. 473.

67) Ср., напр., г. Веселовскаго, „Южно-русскія былины", гл. II, г. Халанскаго „Великорусскія былины", гл. XVII, ср. гл. XIII, Потебни „Объясненіе малорусскихъ и сродныхъ п." II, гл. LI и LII.

68) Гильф. № 223.

69) Кирша Даниловъ, XVII.

70) Гильф. № 243.

71) Шейнъ, Бѣлор. пѣсни № 91.

72) Ibid, № 147, стр. 98.

73) Гильф. № 229.

74) Шейнъ, „Бѣлор. нар. пѣсни" № 90.

75) „Южно-русскія былины", гл. II.

76) См. Радченко, стр. 164, № 90; Романовъ, I, № 26, стр. 13, Дембовецкій, „Лѣтнія" № 2, Радченко, № 43, стр. 143.

77) Романовъ, I, стр. 134, № 84.

78) Шейнъ, Бѣлор. нар. пѣсни, стр. 116.

79) „Объясненіе" и пр., II, стр. 621.

80) „Пѣсни, собр. П. В. Кирѣевскимъ", II, стр. 64—69. По был. дѣйствіе происходитъ въ Кіевѣ у кн. Владиміра; братья носятъ имя Петровичей. Въ побыв. не указывается ни опредѣленнаго мѣста дѣйствія, ни именъ братьевъ и сестры. Самъ Алеша называется иногда просто „Поповичемъ".

81) Шейнъ, „Бѣлор. нар. пѣсни", № 453, и „Матеріалы", I, № 526.

82) Шейнъ, „Бѣлор. нар. п.", № 453.

83) Ив. Ждановъ, „Пѣсни о князѣ Михайлѣ".—Живая Старина, 90 г., вып. I, стр. 1.

84) Двѣ пѣсни изъ сборн. Zienkiewicz'a, Piosnki gminne Ludu Pinskiego,

Digitized by Google

Kowno, 1851, стр. 150—152, 154—156, перепеч. у Антоновича и Драгоманова I, стр. 56—57; третья пѣсня у Булгаковскаго „Пинчуки", № 40, стр. 87.

85) „Былина о князѣ Михайлѣ представляетъ художественное слiяніе нѣсколькихъ пѣсенныхъ темъ, которыя даютъ содержаніе отдѣльнымъ произведеніямъ, осложняясь и разнообразясь при этомъ тѣми или другими подробностями". И. Ждановъ, Живая Старина 90 г., I, стр. 10. Къ великор. и малор. пересказамъ, приведеннымъ г. Ждановымъ, укажемъ бѣлорускіе: *1-ая тема*—жена (невѣста, любовница) умираетъ въ отсутствіе мужа (жениха, любовника)—ср. Дембовецкій, „крестинныя"—№ 55; Киркоръ; „Пѣсни жителей Виленской губ. Кривичанскаго племени", № 14 (Вѣстникъ Импер. Русскаго Географ. Общ. 57 г. кн. IV—V). Романовъ I, „семейныя", № 5, ibid. II, „Семейныя" № 152. *2-ая тема*—мужъ уѣзжаетъ, оставивъ жену на попеченіе своей матери. Свекровь преслѣдуетъ невѣстку.—Радченко, „простыя" № 14, Романовъ, I, № 103. Иногда мать (или кто другой) клевещетъ на жену молодца. Послѣдній, повѣривъ наговорамъ, убиваетъ жену; потомъ узнаетъ, что былъ обманутъ, и проклинаетъ виновныхъ. Ср. Шейнъ, Матеріалы, I, № 533, Романовъ, II, „семейныя" № 113, Булгаковскій, „Пинчуки", семейныя № 25, Киркоръ, № 26, Чечотъ, № LXXXV. 3-*ья тема*=второй въ связи съ отравленіемъ невѣстки и сына—ср. Романовъ, II, семейн. № 161 и I, № 99, Шейнъ, «Матеріалы», I, №№ 446, 447, 448 и 449. Ср. „Пѣсни о злой свекрови" въ „Разборѣ Этнографическихъ трудовъ Е. Р. Романова" Н. Ѳ. Сумцова, стр. 27—31.

86) Дембовецкій, крестинныя, № 55.

87) Приведены у г. Жданова, Жив. Стар., 90 г. I, стр. 10 и сл.

88) Объ этомъ мотивѣ см. Сазоновича, „Пѣсни о дѣвушкѣ воинѣ и былины о Ставрѣ Годиновичѣ".

89) См. „Историческія пѣсни малорусскаго народа", Антоновича и Драгоманова, I стр. 314 и д.

90) Безсоновъ, „Бѣлор. нар. пѣсни", стр. 39, № 73; ср. Романовъ, I, стр. 33, № 60; Шейнъ, „Матеріалы", I, № 595; Довнаръ-Запольскій, пинскій, № 426.

91) Кирѣевскій, I, стр. 56, № 3.

92) П. В. Шейнъ, „Матеріалы". II, стр. 178, № 84; ср. П. И. Кирѣевскій, в. VII, стр. 51—53.

93) Кирша Даниловъ, LIV.

94) П. В. Шейнъ,—ibid, стр. 179 (прим.).

95) Нѣтъ нужды, что бѣлор. пѣсня извратила эту женитьбу, намъ важенъ уже самый фактъ „веселья".

96) Кирша Даниловъ, № V.

97) Ср. Кирша Даниловъ, № V, Гильф., № 317 и др.

98) Кирша Даниловъ, № V.

99) Ibid.

100) Ср., напр., Гильфердинга, № 24.

101) „Смоленскій этнографическій сборникъ". Составилъ В. Н. Добровольскій, ч. I, 91 г.

102) Ср. Гильф., № 120, Рыбниковъ, II, № 2, Кирѣевскій, I, № 1.

103) Ср. Рыбниковъ, I, № 8, II, № 2, Гильферд., № 120.

Digitized by Google

104) Ср. Рыбниковъ, II—№ 2, I—№ 8, III—№ 2.

105) Обжору мы встрѣчаемъ еще въ одной бѣлор. сказкѣ (Добровольскій, ск. № 10).—Царь жалуется сыну на то, что въ его царство повадился летать Обжора, который за-разъ по нѣсколько куфъ водки выпиваетъ и по нѣсколько воловъ поѣдаетъ. Царевичъ берется избавить государство отъ такого гостя. И дѣйствительно, когда прилетѣлъ Обжора, царевичъ подалъ ему „булку хлѣба“ и гарнецъ водки.—„Шутишь ты со мной, что-ли?“—гордо замѣтилъ Обжора. „Ужъ не думаешь-ли ты накормить меня этимъ кусочкомъ?“—„У насъ была корова - обжора“, отвѣчаетъ царевичъ: „все ѣла по такой булкѣ и пила по ведру морской воды, да потомъ объѣлась и опилась... Неужто и на тебя не будетъ околѣванья? Вѣдь околѣешь и ты!“ Ср. отвѣтъ Ильи: „Была тутъ коровища-обжорища, по снопу соломы за-разъ ѣла, по лоханю воды за-разъ пила. Ѣла, пила - сама лопнула“. Гильф., № 4, стр. 24.

106) „Кіевлянинъ“, 1866 г., № 6; ср. Н. Петрова, „Слѣды сѣверно-русскаго былевого эпоса въ южно-русской народной литературѣ“. „Труды Кіевск. Дух. Академіи“, 1878 г, май, стр. 373.

107) Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи, вып. II, М. 90 г. (Труды Этнограф. Отдѣла. Томъ XI, в. I, стр. 168).

108) Бѣлорусс. сборникъ, вып. III, сказки, стр. 259.

109) Ср. Кирѣевскій, I, № 1.

110) Кирѣевск., IV, стр. 19; митуситься--кривиться.

111) См. О. Миллеръ, „Илья Муромецъ“, стр. 258—259, 289, 299—300, 304 и др.

112) Гильф. № 56.

113) „Русскій богатырскій эпосъ“.—„Народная поэзія“, стр. 126.

114) Гильф., стр. 313; Рыбн., III, стр. 53; ср. „Илья Муромецъ“, стр. 798.

115) См. „Свѣдѣнія объ Ильѣ Муромцѣ, какъ о преподобномъ, мощи котораго почиваютъ въ пещерахъ св. Антонія“.—„Русскія народныя картинки“, Д. Ровинскаго, кн. IV, стр. 59—62.

116) П. В. Шейнъ, „Матеріалы“, томъ II, стр. 168, № 81.

117) „Народныя русскія сказки“. М. 63 года, VI, №№ 60 и 61.

118) Кирѣевскій, III, стр. 28 и 32.

119) Кирѣевскій, III, стр. 34.

120) Стр. 379.

121) Стр. 594.

122) Стр. 419—420.

123) В. IV, стр. 17.—О сказкахъ г. Романова см. „Разборъ“ Н. Ѳ. Сумцова, стр. 85—86.

124) Добровольскій, стр. 433.

125) Ibid, стр. 435.

126) Гильфердингъ, № 206.

127) Обращаемъ вниманіе также на сказки, въ которыхъ, если нѣтъ указаній на самыхъ богатырей, то зато встрѣчаются интересные мотивы, вошедшіе и въ русскій богатырскій эпосъ. Такъ, въ сборникѣ г. Добровольскаго напечатаны сказки №№ 3*а* и 3*в*— о томъ, какъ купецъ противъ воли же-

Digitized by Google

нится на дѣвушкѣ, предназначенной ему судьбою.—Одинъ купецъ не зналъ, гдѣ бы ему найти невѣсту. Кузьма-Демьянъ (по второй—Богъ) говоритъ: „отправляйся въ путь; гдѣ ты заночуешь, тамъ и найдешь невѣсту".—(По сказкѣ № 3, *в*—невѣста будетъ сидѣть у дороги въ такой-то городъ). Невѣста эта оказывается настолько безобразной, что купецъ, во избѣжаніе брака съ ней, рѣшается ее погубить. Дѣвушка, однако, остается въ живыхъ, становится красавицей; въ концѣ концовъ купецъ женится на ней и узнаетъ въ ней свою давнишнюю суженую.—Какъ извѣстно, то же разсказываютъ былины о Святогорѣ.

Въ параллель былинамъ о Садкѣ можно указать на сказки того-же сборника №№ 21 и 22,—объ Иванѣ Безсчастномъ, съ которымъ былъ такой случай: когда онъ съ купцами былъ на морѣ, корабли стали тонуть. Чтобъ спастись отъ крушенія, необходимо бросить въ море человѣка. Иванъ добровольно спускается въ море, является къ морскому царю; тотъ предлагаетъ ему разрѣшить споръ о томъ, что дороже: золото, серебро, драгоцѣнные камни или сталь и желѣзо? За удачное рѣшеніе спора царь награждаетъ Ивана и возвращаетъ на землю.

Въ видѣ аналогіи къ разсказу объ игрѣ Садка предъ морскимъ царемъ заслуживаетъ вниманія разсказъ о томъ, какъ Климята забрался на тотъ свѣтъ и долженъ былъ на скрипкѣ играть чертямъ. По совѣту одного грѣшника Климята въ самый разгаръ пляски разбиваетъ скрипку; эта хитрость нужна была для того, чтобъ подъ предлогомъ покупки новой скрипки Климята могъ вырваться съ того свѣта. (П. В. Шейнъ, „Матеріалы", II, стр. 98—100).

Для былинъ о Потыкѣ имѣетъ значеніе сказка Романова (III, № 88, стр. 358—359) о погребеніи вмѣстѣ съ женою живого мужа.

128) См. „Южно-русскія былины", гл. II.

129) Ibid, стр. 61.

130) Ж. М. Н. Пр., 1895 г. мартъ, стр. 120.

131) Кирѣевскій, I, стр. 19.

132) П. В. Шейнъ, „Матеріалы", I, стр. 74, ср. Киркора „Пѣсни жителей Виленской губ. кривичанскаго племени", № 24 (Вѣстникъ Имп. Р. Географ. Общества, годъ 57, кн. VI).

А. М. Лобода.

Digitized by Google

Родственный союзъ по понятіямъ восточныхъ черемисъ.

Черемисы Уфимской губ. [1]), вслѣдствіе долговременнаго совмѣстнаго жительства съ магометанами и скрытой и неразборчивой въ средствахъ пропаганды ислама, подверглись сильному вліянію магометанства. Вліяніе это прогрессивно возрастаетъ, захватывая все большій и большій районъ черемисскаго населенія. Исламъ проникаетъ во всѣ стороны жизни черемисъ, вытѣсняя все самобытное, черемисско-языческое, какъ во внѣшней бытовой обстановкѣ, такъ равно въ религіозно-нравственныхъ, правовыхъ воззрѣніяхъ и понятіяхъ [2]). Черемисы забрасываютъ костюмъ, обычаи; ихъ уже довольно трудно отличить на видъ отъ татаръ, а общія условія, привычки жизни и манеры еще болѣе сближаютъ эти народности. Но этимъ далеко не ограничивается вліяніе магометанства и татарской народности. Обладая превосходнымъ знаніемъ татарскаго языка, ставшаго для многихъ селеній общеупотребительнымъ разговорнымъ языкомъ, черемисы или цѣликомъ перенимаютъ устныя произведенія татаръ или свои собственныя перекладываютъ на татарскій языкъ, считая его болѣе выразительнымъ, складнымъ и гибкимъ. Такимъ образомъ, для черемисскаго языка, съ одной стороны, и народности, съ другой—представляется большая опасность быть поглощенными татарскимъ языкомъ и народностью, какъ это случилось въ Уфимской губерніи съ башкирами, совершенно слившимися съ татарами-магометанами въ одинъ смѣшанный типъ уфимскихъ татаръ, и съ вотяками, на половину уже омагометанившимися. Въ виду подобной участи, въ недалекомъ будущемъ ожидающей уфимскихъ черемисъ, болѣе или менѣе всестороннее

---

[1]) Они населяютъ уу. Бирскій, Белебеевскій, Мензелинскій и Уфимскій.

[2]) О размѣрахъ вліянія магометанства и средствахъ его пропаганды см. мою замѣтку „О пропагандѣ магометанства среди восточныхъ черемисъ", имѣющую появиться въ „Православномъ Благовѣстникѣ".

Digitized by Google

изученіе ихъ является крайне необходимымъ и неотложнымъ. Между тѣмъ, литература о черемисахъ довольно скудна свѣдѣніями, относящимися до уфимскихъ черемисъ [1]). Поэтому думаю, что настоящая статья не будетъ лишена интереса для читателей „Этнографическаго Обозрѣнія". Она составляетъ продолженіе статьи „Очеркъ быта и преданій восточныхъ черемисъ", напечатанной въ 4 вып. „Извѣстій Оренбургскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества" за 1894 г.

I.

Общее понятіе о родственной связи восточные черемисы выражаютъ заимствованнымъ черезъ тюрковъ арабскимъ словомъ „насыл", которое означаетъ потомство, поколѣніе, родъ и племя. Въ Белебеевскомъ и Мензелинскомъ уу. (Уфим. губ.) употребительно еще слово „зат" (араб.) въ смыслѣ клана, отдѣльнаго племени. Употребляющееся въ другихъ нарѣчіяхъ черемисскаго языка для обозначенія понятія потомства слово „шочшо" на языкѣ восточныхъ черемисъ удержало болѣе древнее значеніе, съ каковымъ оно, по всей вѣроятности, было употребляемо впервые для выраженія родственныхъ связей. (Слово шочшо, отъ глагола „шочаш"—родиться, производиться, плодиться, можно перевести черезъ родившійся, рожденный, порожденіе, порода, какъ продуктъ рожденія, на что указываетъ суффиксъ шо, въ словахъ, производныхъ отъ глаголовъ страдательнаго и возвратнаго залоговъ, означающій продуктъ дѣйствія, выражаемаго данною глагольною формою). Называть другъ друга словомъ шочшо могутъ только лица, ясно сознающія свое рожденіе или происхожденіе отъ извѣстныхъ родителей, т.-е. лица, между которыми кровная связь не можетъ подлежать сомнѣнію; таковыми могутъ быть только дѣти однихъ родителей. Въ этомъ смыслѣ слово шочшо слѣдуетъ перевести родной, кровный, родственникъ и единокровный. Это коренное значеніе слова шочшо восточные черемисы сохранили доселѣ, обозначая имъ близкія степени родства, тогда какъ горные и луговые черемисы, постепенно

[1]) См. „Этногр. Обозр.", кн. XXII, стр. 34. *Ред.*

Digitized by Google

расширяя кругъ лицъ, входящихъ въ составъ ш о ч ш о, стали употреблять это слово для обозначенія родственныхъ связей всѣхъ лицъ, имѣющихъ общаго, хотя бы отдаленнаго, родоначальника. Для выраженія вообще понятія о родствѣ среди восточныхъ черемисъ болѣе употребительно заимствованное изъ славянскаго языка слово р о д о, съ которымъ западные черемисы соединяютъ понятіе свойства. По мнѣнію М. Веске [1]), западными и приволжскими финнами слово р о д о заимствовано не въ настоящей, новѣйшей, формѣ, а въ древней, изъ которой развились формы этого слова въ новыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Сопоставляя съ мнѣніемъ Веске вышесказанное о понятіи, соединяемомъ восточными черемисами съ ш о ч ш о, а равно тотъ извѣстный фактъ, что всѣ нарѣчія черемисскаго языка обладаютъ запасомъ словъ для обозначенія родственныхъ отношеній только для ближайшихъ степеней родства, слѣдуетъ предполагать, что до совмѣстнаго жительства со славянами черемисы считали родными лишь близкихъ однокровниковъ; впослѣдствіи, подъ вліяніемъ сосѣдей—славянъ, черемисы, постепенно расширяя кругъ родни, стали считать родными и всѣхъ тѣхъ, кого причисляетъ къ роднѣ русскій человѣкъ.

Изъ всего н а с ы л а, конечно, не всѣ пользуются одинаковымъ почетомъ и уваженіемъ; оцѣнкою близости и важности сородича служитъ сравнительное его отстояніе отъ даннаго лица и общаго родоначальника. Въ этомъ отношеніи восточные черемисы всѣхъ своихъ родственниковъ, безразлично по отцу или матери, дѣлятъ на группы, и каждой родственной группѣ даютъ особый терминъ, опредѣляющій близость или дальность родственныхъ связей лицъ данной группы къ остальнымъ родственникамъ. Самые близкіе сродники составляютъ первую группу ш о ч ш о, въ которую входятъ, какъ сказано выше, родные братья и сестры. Но такъ какъ братья и сестры связаны между собою кровными отношеніями по своимъ родителямъ, то въ эту группу родства входятъ и ихъ родители, составляющіе старшую половину группы. Родство братьевъ и сестеръ, имѣющихъ лишь одного общаго родителя, выражается также словомъ ш о ч ш о, но они, въ отличіе отъ кровныхъ братьевъ и сестеръ, называютъ другъ друга сложнымъ терминомъ и к - ш о ч ш о (односродники, имѣющіе одного общаго родителя). Какъ видно изъ употребленія

[1]) М. П. Веске. „Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка". Казань. 1890 г. II, стр. 138 и 243.

Digitized by Google

слова ш о ч ш о, рожденію черемисы приписываютъ главную роль при возникновеніи родственныхъ связей; въ настоящемъ случаѣ лица группы и к-ш о ч ш о находятся въ родственной связи только по одному изъ родителей. Эта мысль яснѣе и точнѣе высказывается въ слѣдующихъ, равносильныхъ терминy ик-шочшо, выраженіяхъ: и к а ч а л э ч ш о ч ш о (отъ одного отца родившіеся—въ смыслѣ отъ разныхъ матерей) и и к а в а л э ч ш о ч ш о (отъ одной матери родившіеся, т.-е. единоутробные, разумѣется отъ разныхъ отцовъ).

Слѣдующая группа родства называется л ы ш ы л-р о д о—близкое родство. Въ близкомъ родствѣ находятся: родные дѣдъ и бабка, въ отношеніи внуковъ, и дяди и тетки, въ отношеніи племянниковъ и племянницъ, и двоюродные братья и сестры. Эта группа родства по матери по преимуществу называется т ӱ п-р о д о, т.-е. коренное родство, а у черемисъ Мензелинскаго и Белебеевскаго уу. ш ӱ м б е л (отъ шӱм—сердце и бел—сторона=близкій къ сердцу). Относительно слѣдующихъ группъ родства въ восточномъ нарѣчіи черемисскаго языка нѣтъ никакихъ указаній о родствѣ по матери.

Третья группа называется просто р о д о, т.-е. родня, родство, или родственники. Въ этомъ видѣ родства находятся: прадѣдъ и прабабка, въ отношеніи правнуковъ, и двоюродные дѣдъ и бабка, въ отношеніи двоюродныхъ внуковъ, и троюродные братья и сестры.

Четвертую группу родственниковъ составляетъ м ӱ н д ӱ р-р о д о, т. е. дальнее родство. Въ дальнемъ родствѣ находятся: прапрадѣдъ и прапрабабка, по отношенію праправнуковъ, двоюродные прадѣдъ и прабабка, въ отношеніи двоюродныхъ правнуковъ, и троюродные дяди и тетки, въ отношеніи троюродныхъ племянниковъ и племянницъ.

Наконецъ, послѣдняя группа родства называется ё м ш о-р о д о—утерянное, забытое родство, куда входятъ пращуры и дѣти праправнуковъ. Между родственниками, перешедшими въ ё м ш о-р о д о, прекращаются всякія связи; объ отдаленномъ общемъ родоначальникѣ ихъ можно судить лишь по родовымъ кереметямъ и общему типу тамгъ.

Совокупность всѣхъ родственныхъ группъ составляетъ р о д о-ш о ч ш о. Этотъ сложный терминъ, однозначащій со словомъ н а с ы л, слѣдуетъ переводить к р о в н о е р о д с т в о.

Digitized by Google

Просматривая составъ каждой изъ приведенныхъ группъ родства и ихъ взаимное отношеніе, мы прежде всего останавливаемся на томъ обстоятельствѣ, что каждая группа составляется по образцу первой изъ 2 половинъ—старшей (родителей) и младшей (дѣтей): какъ въ шочшо входятъ родители и дѣти, такъ въ каждую изъ слѣдующихъ группъ входятъ тѣ же лица, связанныя кровнымъ отношеніемъ и происхожденіемъ. Вслѣдствіе такого пониманія родственныхъ связей младшая половина шочшо (братья и сестры) называютъ лышыл-родóмъ родителей старшей половины съ ихъ дѣтьми. Другими словами: каждое новое рожденіе съ боковымъ поколѣніемъ составляетъ по близости къ данной половинѣ группы новый видъ родства. Поэтому, въ сущности очень простому, счету родства группа лышыл-родо называетъ группу родо тѣмъ же терминомъ, какъ первую называетъ группа шочшо, т.-е. лышыл-родо, и дальнее родство по отношенію къ родо будетъ близкое родство. Изъ такой послѣдовательной связи родственныхъ группъ видно, что слова шочшо, родо, лышыл-родо и мӱндӱр-родо означаютъ исключительно кровныя связи, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ на различіе кровнаго родства отъ не кровнаго, а потому эти термины не могутъ быть отнесены къ свойственникамъ.

Кромѣ приведенныхъ названій родства, опредѣляющихъ близость или отдаленность цѣлой группы лицъ въ порядкѣ семейнаго и родового почета, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ, напр., при большомъ стеченіи гостей и распредѣленіи ихъ за почетными столами, при счетѣ количества потомковъ извѣстнаго лица и главнымъ образомъ при женитьбѣ и выходѣ за мужъ, примѣняется способъ опредѣленія родства по колѣнамъ. Когда черемисину предлагаютъ вопросъ, какъ онъ понимаетъ слова колѣно и степень, чаще всего спрашиваемый не можетъ дать опредѣленнаго отвѣта не потому, что ему совершенно чужды эти понятія, а потому, что представленія черемисина о родственныхъ степеняхъ и колѣнахъ своеобразны и счетъ ихъ совершенно различенъ отъ общепринятаго счета степеней кровнаго родства. На вопросъ, въ какихъ степеняхъ кровнаго родства дозволяется вступленіе въ бракъ, большею частью можно получить совершенно различные отвѣты. Черемисинъ бывалый, имѣвшій частыя сношенія съ русскими, сообразуясь съ понятіемъ русскаго, укажетъ на 10 степеней; напротивъ, истый, коренной черемисинъ, не бывавшій нигдѣ, кромѣ

Digitized by Google

родного или ближайшаго торговаго селенія, не будетъ считать препятствіемъ для вступленія въ бракъ 4-ю степень. Подобныя разнорѣчивыя показанія легко могутъ ввести въ заблужденіе; съ перваго взгляда кажется, что, согласно показанію второго, двоюродные братья и сестры могутъ вступать въ бракъ. Ни чуть не бывало: не только родственники, но даже однодеревенцы старики не допустятъ до такого срама, потому что двоюродные братья и сестры въ отношеніи другъ друга будутъ лышыл-родо и по черемисскому счету находятся въ 1 колѣнѣ. Въ данномъ случаѣ степени 10 и 4 въ сущности означаютъ одну и ту же степень по двумъ различнымъ способамъ счета. Изъ этого видно, что кажущаяся разница въ показанныхъ выше степеняхъ объясняется разницей, существующей въ счетѣ степеней родства черемисиномъ и русскимъ.

Въ черемисскомъ быту извѣстенъ собственно счетъ родства по колѣнамъ йжыӊ*); для понятій степень и линія въ черемисскомъ обиходѣ нѣтъ соотвѣтствующихъ словъ; первое изъ нихъ вполнѣ отождествляется съ понятіемъ колѣно, второе же выражается описательно шочмо-рад, т. е. послѣдовательный рядъ рожденій. Въ прямомъ соотвѣтствіи съ кореннымъ значеніемъ слова йжыӊ находится понятіе черемисъ о родственныхъ колѣнахъ. Сравнительное отстояніе и связь потомковъ между собой и общимъ родоначальникомъ черемисы представляютъ, какъ отношенія сочлененій вѣтвей дерева къ стволу, обозначая эти отношенія словомъ йжыӊ, что значитъ суставъ, сочлененіе, изгибъ, колѣно и переломъ между однородными частями предмета. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вмѣсто слова йжыӊ употребляется равнозначущее слово к д э ж.

Въ счетѣ родственныхъ колѣнъ черемисы, какъ сказано, существенно отличаются отъ русскихъ; не принимая каждое рожденіе за особое колѣно, они говорятъ: „ик мӱшкӱрӱштӧ кійже влак коклаштэ йыжыӊ уке“ (дословно: между лежавшими въ одной утробѣ нѣтъ колѣна), т.-е. мать и рожденныя ею дѣти неразрывно связаны единствомъ крови. Такимъ образомъ основаніемъ близости или дальности родственныхъ связей по понятію черемисъ служитъ общность происхожденія отъ одной матери. Такое опредѣленіе родства кореннымъ образомъ противорѣчитъ нынѣшнему строю-

*) Сочетаніе ӊ условно обозначаетъ особый носовой звукъ, для выраженія котораго у насъ не имѣется спеціальнаго знака. *Ред.*

Digitized by Google

отношеній и связей между родственниками. Но, несмотря на это, оно не есть явленіе случайное; родство по матери нѣкогда имѣло существенное значеніе и было слѣдствіемъ иныхъ формъ жизни; возникновеніе его должно быть отнесено къ глубокой древности. Преобладающее значеніе матери въ вопросѣ о родственныхъ связяхъ и признаніе родни лишь по ней, какъ извѣстно, совпадаетъ съ такъ называемымъ матріархатомъ; въ этотъ періодъ „безпорядочнаго полового сожительства" понятіе объ отцѣ въ высшей степени недостовѣрно; несомнѣнна одна личность матери; съ понятіемъ объ общей матери соединяется представленіе о родственныхъ связяхъ и принадлежности къ данной общинѣ. Между лицами, связанными общностью происхожденія по матери, конечно, наиболѣе близкими являются братья и сестры матери. Указаніе на это можно видѣть и въ приведенномъ выше различіи терминовъ ближайшаго родства. Дѣти, считая братьевъ и сестеръ отца близкими родственниками – лышы-родо, преимущество даютъ дядямъ и теткамъ по матери, обращаясь къ нимъ съ терминомъ т ӱ п-р о д о — коренное родство или ш ӱ м б е л—близкій къ сердцу.

Въ настоящее время родственныя связи по матери, конечно, не имѣютъ того значенія, какое придавали черемисы въ отдаленное прошлое. Медленныя измѣненія въ первобытныхъ семейныхъ отношеніяхъ, совершавшіяся въ теченіе длиннаго періода времени, ослабили преимущественное значеніе матери; съ упадкомъ преобладающей роли матери постепенно росло значеніе отца; съ его именемъ стало связываться понятіе не только о кровной связи между имъ и дѣтьми, но и о родѣ. Нынѣ въ черемисскомъ быту родственнымъ связямъ по отцу во всѣхъ важнѣйшихъ житейскихъ случаяхъ дается явное предпочтеніе передъ родствомъ по матери; терминъ тӱп-родо сохранилъ значеніе родства по матери лишь въ устахъ стариковъ; молодое же поколѣніе съ этимъ терминомъ скорѣе склонно соединять понятіе о родствѣ по отцу. Въ связи съ такимъ измѣненіемъ понятій и представленій о родственныхъ связяхъ приведенное выше выраженіе, употребляемое черемисами при счетѣ колѣнъ, утратило первобытное значеніе и безличнно примѣняется къ родственникамъ по обоимъ родителямъ.

Дѣти въ отношеніи кровной связи болѣе близки между собой, чѣмъ къ каждому изъ родителей въ отдѣльности, такъ какъ по своему происхожденію организмъ дѣтей лишь на половину нахо-

Digitized by Google

дится въ соотвѣтствіи съ организмомъ каждаго изъ родителей, но при этомъ дѣти настолько близки къ родителямъ, что между тѣми и другими нѣтъ колѣна, или, по выраженію черемисъ, разрыва (кӱрӱлтӱш). На этомъ основаніи, если бы братья и сестры могли вступать въ бракъ, то между дѣтьми и родителями ихъ, а равно между дѣдомъ, бабкой и внуками, тоже не было бы колѣна; между тѣмъ при обычныхъ нынѣ бракахъ лицъ, совершенно различныхъ по кровному происхожденію, дѣдъ и внуки отдѣляются по счету черемисъ однимъ колѣномъ, разрывомъ, поворотомъ.

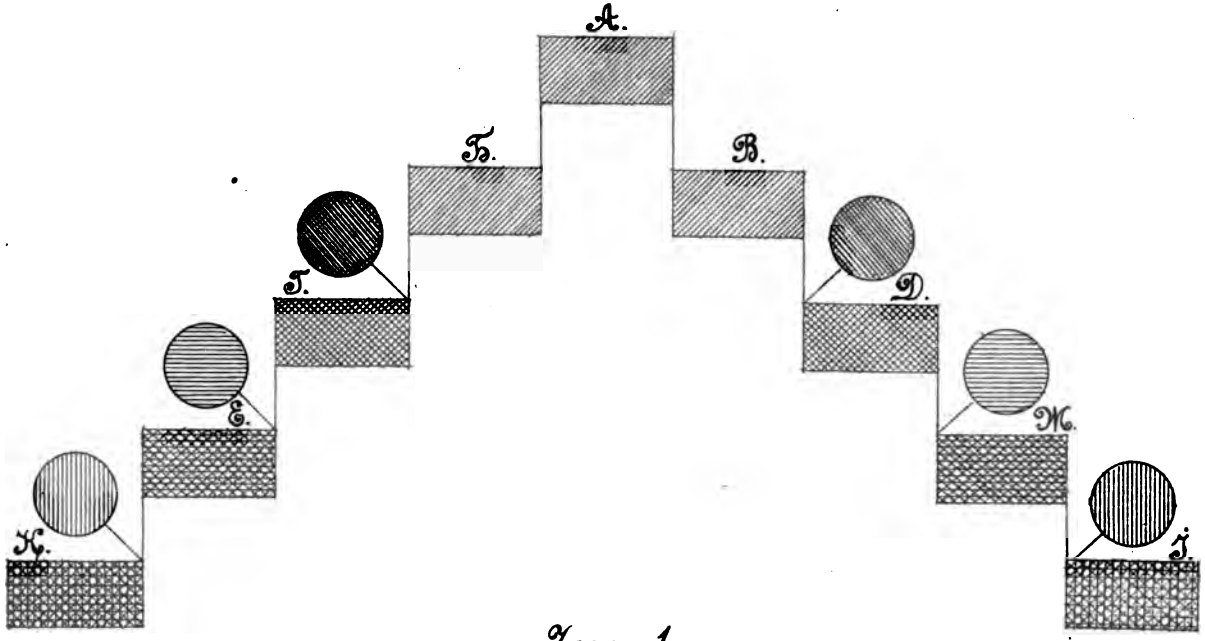
Изъ этого ясно, что подъ колѣномъ черемисы разумѣютъ не степень въ отношеніи происходящихъ отъ нея линій, а уклоненіе потомка отъ родоначальника и разрывъ между ними вслѣдствіе происхожденія перваго отъ чужекровной матери и ослабленія въ немъ унаслѣдованной прародительской крови. Въ слѣдующихъ поколѣніяхъ каждое новое рожденіе по отношенію къ родоначальнику составляетъ колѣно. Съ увеличеніемъ числа колѣнъ, естественно уменьшается кровная связь какъ между родоначальникомъ и потомками, такъ и между послѣдними. Изъ прилагаемой таблицы [1]), наглядно представляющей ослабленіе въ потомкахъ прародительской крови вмѣстѣ съ уклоненіемъ ихъ отъ родоначальника и счетъ колѣнъ, видно, что внуки Г и Д, воспринимая въ себя долю материнской или отцовской крови, тѣмъ самымъ отдѣляются отъ дѣда или бабки А однимъ колѣномъ. Въ слѣдующемъ поколѣніи кровное различіе выступаетъ рѣзче: прадѣдъ съ бабкой А и правнуки Е и Ж будутъ отдѣлены 2 колѣнами, т.-е. будутъ въ отношеніи другъ друга во 2 колѣнѣ, прапрадѣдъ съ бабкой А и праправнуки К и І въ 3 колѣнѣ и т. д.

Взаимное родство лицъ разныхъ поколѣній опредѣляется по числу колѣнъ между родоначальникомъ и данными лицами: лица нѣсколькихъ поколѣній, отдѣленныя отъ общаго родоначальника одинаковымъ числомъ колѣнъ, взаимно будутъ въ одномъ колѣнѣ. Такъ, двоюродные Г и Д и троюродные Е и Ж братья и сестры, на основаніи указаннаго счета, послѣдовательно будутъ въ 1 и 2 колѣнахъ. Такимъ образомъ, въ 1 колѣнѣ по счету черемисъ находится двоюродное родство, во 2 колѣнѣ троюродное и въ 3 колѣнѣ внучатое родство. Что касается дядей, тетокъ (В или Б) и

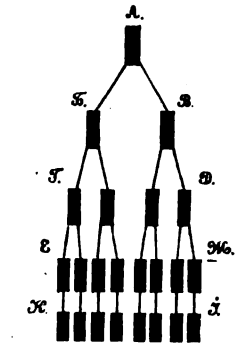
[1]) См. приложеніе I, чертежъ 1.

Digitized by Google

Приложеніе I.



Черт. 1.



Черт 2.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

племянниковъ съ племянницами (Г или Д), то разстояніе между ними равно разстоянію между дѣдомъ и внуками, такъ какъ дѣдъ съ дядей говорящаго лица тѣсно связанъ, какъ со своимъ сыномъ—въ 1 колѣнѣ; двоюродный дѣдъ съ бабкой (В или Б) и двоюродные внуки (Е или Ж) находятся во 2 колѣнѣ, равно какъ двоюродные прадѣдъ и бабка (Б и В) въ отношеніи двоюродныхъ правнуковъ (К и І) въ 3 колѣнѣ.

Что касается до взаимнаго родства остальныхъ родичей разныхъ поколѣній, то оно опредѣляется положеніемъ такихъ лицъ среди двоюроднаго, троюроднаго и внучатаго родства; о такихъ родственникахъ черемисы говорятъ, что они находятся между такими-то колѣнами, или, указывая на дальнее изъ колѣнъ, «родство ихъ не дошло до такого-то колѣна»; такъ, двоюродные дяди, тетки (Д и Г) и племянники (Е и Ж) въ отношеніи другъ друга находятся между 1 и 2 колѣномъ или, по черемисскому выраженію, («кок йыжыҥышке шуын огыл») родство ихъ не дошло до 2 колѣнъ; равнымъ образомъ троюродные дяди, тетки (Е и Ж), племянники и племянницы (К и І) находятся между 2 и 3 колѣномъ.

При счетѣ родственныхъ колѣнъ черемисы употребляютъ нижеслѣдующій чертежъ [1]).

Сравнивая родственныя связи лицъ каждой изъ указанныхъ выше группъ съ близостью и отдаленностью ихъ взаимнаго родства по колѣнамъ, мы видимъ, что между обоими способами опредѣленія родства нѣтъ разницы; такъ, лышыл-родо составляютъ лица, находящіяся въ 1 колѣнѣ родства, родо—во 2 колѣнѣ, мӱндӱр-родо—въ 3 колѣнѣ.

II.

Какъ видно изъ прилагаемой таблицы [2]), что касается кровнаго родства, то потомки общаго предка или прародительницы называютъ другъ друга, если они принадлежатъ къ одному и тому же колѣну, братьями и сестрами; они обозначаютъ всѣхъ, принадлежащихъ къ непосредственно предшествующимъ колѣнамъ, отцами, братьями и сестрами, а къ послѣдующимъ—сыновьями и дочерьми. Такимъ образомъ, данное лицо назоветъ братомъ и сестрой

[1]) См. приложеніе I, чертежъ 2.

[2]) См. приложеніе II.

Digitized by Google

не только всѣхъ сыновей и дочерей отца, но и сыновей и дочерей брата своего отца, отмѣчая при этомъ преимущество старшихъ предъ младшими наименованіями старшаго или младшаго брата, старшей или младшей сестры; затѣмъ онъ назоветъ сыномъ и дочерью наравнѣ со своими кровными потомками всѣхъ сыновей и дочерей младшихъ братьевъ и сестеръ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ черемисскомъ языкѣ нѣтъ спеціальныхъ терминовъ для брата и сестры, и необходимо употреблять особыя слова для обозначенія старшаго или младшаго брата, старшей или младшей сестры. Когда черемисину приходится употреблять слова братья и сестры, онъ выражается, что данныя лица «изяк-шоляк», «акак-шужарак», «изяк - шужарак» и «акак - шоляк», т.-е. они находятся въ отношеніяхъ старшаго родственника къ младшему. Другими словами, семейныя названія означаютъ не родство по крови, а возрастъ членовъ семьи или рода. Такъ какъ старшинство происхожденія въ черемисскомъ быту всегда предоставляло извѣстныя права и преимущества, то члены семьи или рода приравниваются другъ другу по происхожденію; такъ племянники и племянницы въ семейномъ и родовомъ почетѣ пользуются одинаковымъ значеніемъ съ младшими братьями и сестрами: поэтому они называются какъ послѣдніе; старшіе дяди и тетки (старше отца и матери) въ отношеніи почета ставятся выше старшихъ кровныхъ братьевъ и сестеръ и называются иначе, чѣмъ младшіе дяди и тетки (моложе отца и матери); младшіе же дяди и тетки, пользуясь одинаковымъ почетомъ и значеніемъ со старшими братьями и сестрами, называются какъ послѣдніе. Такимъ образомъ, каждое изъ названій родственныхъ отношеній непремѣнно намекаетъ на степень почета въ семьѣ или родѣ; поэтому незнаніе или неумѣніе назвать родственника соотвѣтствующимъ именемъ можетъ послужить поводомъ къ неумышленному оскорбленію. Знаніе родственныхъ отношеній тѣмъ болѣе важно и необходимо, что вся родня находится, за весьма рѣдкимъ исключеніемъ, въ постоянныхъ сношеніяхъ, сознавая свое родство и единство происхожденія.

Ш о ч ш о. Родители своихъ дѣтей въ обыкновенномъ разговорѣ большею частью называютъ по именамъ или съ прибавленіемъ родственнаго названія; эти названія отдѣльно употребляются рѣдко и то лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда говорится объ отсутствующихъ дѣтяхъ. Дѣти къ родителямъ всегда обращаются съ родственнымъ

Digitized by Google

названіемъ: ача—отецъ [1]), ава—мать (самка); эрге—сынъ (мальчикъ) ӱдӱрь дочь (дѣвочка) [2]), изя—старшій братъ, шоле—младшій братъ, племянникъ; ака—старшая сестра, шужар—младшая сестра, племянница; зять, мужъ старшей сестры, курска, мужъ младшей венге; сноха, жена старшаго брата, енга, что значитъ чужая старшая сестра (отъ *ен* чужой человѣкъ и ака—старшая сестра); сноха, жена младшаго брата, шешке. Термины: изя, ака, курска и енга, а равно шолё, шужар, венге и шешке—употребляются въ почтительномъ ласковомъ обращеніи и къ постороннимъ лицамъ—первые по отношенію къ старшимъ по возрасту, вторые къ младшимъ.

Лышыл-родо. Группа лышыл-родо, какъ и слѣдующія, состоитъ изъ ача, ава, изя, ака, шолё, шужар, эрге и ӱдӱр. Всѣ старшіе родственники этой группы говорящимъ лицомъ называются ача, ава, изя и ака, а такъ какъ они старше возрастомъ не только говорящаго лица, но и всѣхъ старшихъ родственниковъ предыдущей группы, то къ терминамъ основныхъ семейныхъ отношеній прибавляется слово куго (старшій, главный, большой). Поэтому дѣдъ по отцу или матери называется куача (куго+ача, старшій, главный отецъ) или коча, бабка—куава или кувава (куго+ава, старшая мать). Старшій дядя по отцу или матери называется кугузя (куго+изя), его жена—куака (куго+ака) или кока, старшая тетка—кува (старуха) или куака. Среди черемисъ Бирскаго и Белебеевскаго уу. вмѣсто кугузя и куака чаще употребляются павай (татар. бабай—дѣдушка, старикъ) и кува (бабушка, старуха). Младшіе дядя и тетка по отцу (моложе его) и младшая тетка по матери (моложе ея) по почету приравниваются старшимъ брату и сестрѣ и называются, какъ послѣдніе, изя и ака; младшій дядя по матери (моложе ея) называется чӱчӧ, что значитъ однолѣтокъ, ро-

---

[1]) По свойству черемисскаго языка для ясности и правильности рѣчи обозначать принадлежность называемаго предмета какому-нибудь лицу, ко всѣмъ названіямъ родственныхъ отношеній приставляются притяжательные суффиксы: 1-го *л. м* (един. ч.), *на* (мн. ч.), 2 *л. т* (ед. ч.) и *да* (мн. ч.), 3 *л. же* (ед. ч.) и *шит* (мн. ч.): ача—отецъ, ачам—мой отецъ и т. д. При обращеніяхъ съ родственными названіями, оканчивающимися на гласный звукъ, прибавляется *й*; притяжательные суффиксы, будучи приставлены къ *й*, выражаютъ особенную нѣжность и любезность въ обращеніи: ача, ачай, ава, авай, ачаем, аваем можно перевести тятенька и маменька.

[2]) Понятія мальчикъ и дѣвочка вѣрнѣе выражаются черезъ прибавленіе къ словамъ эрге и ӱдӱр суфф. *аш*: эргаш, ӱдӱраш.

Digitized by Google

весникъ съ матерью (вот. чоч, зырян. чӧч вмѣстѣ, нераздѣльно, зырянско-пермяцкое чӧчја—товарищъ). Жена младшаго дяди по отцу называется, какъ жена старшаго брата, *ем*га, мужъ младшей тетки по отцу, какъ мужъ старшей сестры, курска. Жена младшаго дяди по матери—чӱчӱньӧ (отъ черем. чӱчӧ-дядя; оньо, вотск. ун, он, зыр. и перм. онја—сонъ, онје—невѣстка; чӱчуньӧ=женщина, съ которой спитъ дядя). Въ группу лышыл-родо, какъ сказано, входятъ внуки и внучки, которые по отцу или матери называются унука (отъ рус. внукъ). Кромѣ этого заимствованнаго слова, употребляются описательные термины: эргын эргыже и ӱдӱржӧ (сыновы сынъ и дочь), ӱдӱрын ӱдӱржӧ и эргыже (сынъ и дочь дочери). Дѣдъ и бабка чаще называютъ внуковъ собственными именами или просто эрге и ӱдӱрь.

Родо. Ко всѣмъ родственникамъ этой группы, соотвѣтственно ихъ взаимному отношенію по возрасту, примѣняются термины группы лышыл-родо съ прибавленіемъ слова куэзе (кугезе отъ куго, озя—старшій, глава, главный хозяинъ): куэзе коча—прадѣдъ, куэзе кувава—прабабка, куэзе кугузя—двоюродный дѣдъ, куэзе куака—двоюродная бабка, куэзе ака, куэзе шужар, куэзе изя, куэзе шоле. Правнуки называются куэзе унука или описательно унукан эргыже и ӱдӱржӧ (внуковы сынъ и дочь).

Мӱндӱр-родо. Къ названіямъ родственниковъ этой группы прибавляется утум [1]): утум-коча, утум-кувава, утум-кугузя, утум-кока, утум-изя, утум-ака, утум-шужаръ, утум-шоле.

Ӭмшо-родо. Для лицъ, входящихъ въ эту группу, нѣтъ осо-

---

[1]) Утумъ отъ слова уто—лишній, безполезный, не идущій въ счетъ, что видно изъ тождества выраженій „утумеш котшаш“ и „утэм котшаш“; оба выраженія можно перевести „быть тебѣ лишнимъ, забытымъ, покинутымъ, или сгинуть тебѣ“. Смыслъ приведенныхъ выраженій и примѣненіе слова утумъ къ престарѣлымъ, неспособнымъ къ труду и безполезнымъ, въ смыслѣ добыванія средствъ къ жизни, людямъ, несомнѣнно указываетъ на древній обычай оставленія стариковъ и безнадежныхъ дѣтей на произволъ судьбы. Нелишне указать, что по вѣрованію черемисъ Бирскаго уѣзда утумы нерѣдко являются виновниками неурожая хлѣбовъ (см. Извѣстія Оренб. Отд. Импер. Рус. Геогр. Общ. № 4, 1894 г.) и эпизоотіи. Умилостивительная жертва утумамъ, приносимая цѣлымъ обществомъ, называется „утумлан пумаш“; частное поминовеніе утумовъ назыв. „сог.“ Обряды при этихъ моленіяхъ и предметы приношеній сильно напоминаютъ похоронные и поминальные обряды.

Digitized by Google

быхъ терминовъ родственныхъ отношеній, такъ какъ родство считается прекратившимся.

Родство по супружеству. Супруги въ обыкновенномъ разговорѣ рѣдко называютъ другъ друга по именамъ. Болѣе употребительно названіе супруговъ по именамъ дѣтей, и если ихъ нѣсколько, то по имени первенца или того изъ нихъ, который находится при разговорѣ; такъ, если старшій сынъ Изерге или дочь Окави, то супруги другъ о другѣ говорятъ: „Изергын ачаже или аваже, Окавійн ачаже или аваже“ (Изергина мать или отецъ Окавіи) или просто: ачаже—аваже и ачашт—авашт (его отецъ и мать, ихъ отецъ и мать). Мужъ по-черемисски имѣетъ три названія: мари (мужъ, мужчина, черемисинъ), кугузя (старикъ, хозяинъ) и ульмо сожитель (чер. илаш. вот. улыны, отсюда илыме, улемо). Жена называется трояко: ватэ (жена, женщина), кува (старуха, хозяйка) и ӱдрамаш (отъ ӱдур—дѣвушка, ӱдрамаш—взятая изъ дѣвушекъ); въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ смыслѣ уважительномъ принято называть жену ӧлташ—спутница.

Брачное сожительство мужа и жены, сближая каждаго изъ нихъ съ чужимъ родомъ, въ семейномъ и родовомъ почетѣ предоставляетъ имъ равное значеніе и положеніе (хотя съ таковымъ значеніемъ не дается никакихъ правъ). Поэтому жена, независимо отъ возраста, ко всѣмъ родственникамъ мужа лично обращается съ тѣми названіями, какія употребляетъ ея мужъ, и наоборотъ, т. е. мужъ и жена для названія родственниковъ по супружеству употребляютъ термины, означающіе основныя семейныя отношенія; такъ, свекоръ—ача, свекровь—ава; деверь (старше мужа)—изя, его жена—*ежга*, младшій деверь—шолё или называется по имени, его жена — шешке; старшая золовка — ака, ея мужъ—курска, младшая золовка—шужаръ или по имени, ея мужъ—*вежге*; тесть—ача, теща—ава; старшій шуринъ—изя, его жена—*ежга*, младшій шуринъ—шолё или по имени, его жена—шешке; своячина, старше жены—ака, ея мужъ—курска, младшая своячина—шужаръ или по имени, ея мужъ—*вежге*. Рядомъ съ этими терминами существуютъ нижеслѣдующія слова для обозначенія родственниковъ по супружеству: свекоръ, свекровь, тесть и теща называются куго (большой, старшій обладатель,—ница) или оньо [1]), деверь (старше

[1]) См. выше, по поводу слова чӱчӱньӧ.

Digitized by Google

мужа)—оньска, его жена—оняка (оньо+ака), младшій—деверь пӧрыж, пӧрыж-мари и кайнэш-пӧрыж; шуринъ, старше жены, кайнага, младшій шуринъ—пӧрыж или кайнэш пӧрыж; младшіе шуринъ и деверь въ Бирскомъ у. называются еще болдыз (по смыслу—подбирающій остатки); золовка (старше мужа) и своячина (старше жены)—оняка, младшія золовка и своячина—нудо; свояки другъ о другѣ говорятъ посяна (живущіе отдѣльно). Употребленіе приведенныхъ названій находится въ тѣсной связи съ придаваемымъ имъ значеніемъ и съ нижеслѣдующимъ обычаемъ, строго соблюдаемымъ зятемъ и невѣсткой въ отношеніи родственниковъ и родственницъ по супружеству. Зять и невѣстка въ отношеніи старшихъ по возрасту должны соблюдать слѣдующія правила: не показывать голыхъ ногъ, не являться передъ старшими съ непокрытой головой и безъ верхней одежды, не говорить двусмысленностей. Соблюденіе этого обычая не обязательно только въ отношеніи тѣхъ родственниковъ, съ которыми возможно и дозволительно половое сношеніе. Въ соотвѣтствіи съ этимъ обычаемъ и обращеніе съ названіями родства по супружеству не предосудительно въ отношеніи родственниковъ, съ которыми половое сношеніе не зазорно; таковыми, какъ и въ отношеніи обычая, являются всѣ младшіе родственники по супружеству. При личныхъ обращеніяхъ къ старшимъ, термины родства по супружеству, какъ позоряшіе честь, отнюдь не могутъ употребляться, а должны быть замѣнены словами, выражающими основныя семейныя отношенія.

Половое сожительство мужа—съ младшими родственницами жены, и невѣстки—съ младшими родственниками мужа не считается предосудительнымъ. Лѣтъ 40—50 тому назадъ среди восточныхъ черемисъ было обыкновеннымъ явленіемъ, что вдова по смерти мужа выходила, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ, напр., при жизни съ покойнымъ мужемъ менѣе 3 мѣсяцевъ или при послѣднемъ періодѣ беременности, должна была выходить за младшаго деверя; по смерти его переходила къ слѣдующему за нимъ брату или ближайшему родственнику, если послѣдніе не отказывались отъ вступленія съ нею въ бракъ. Зять съ своей стороны могъ поочередно жениться на младшихъ свояченицахъ. Съ теченіемъ времени взглядъ черемисъ на брачныя связи между родственниками по супружеству настолько измѣнился, что теперь подобные браки встрѣчаются лишь въ мѣстахъ сплошного населенія черемисъ. Въ та-

Digitized by Google

кихъ мѣстахъ не предосудительно, если невѣстка къ младшему деверю обращается съ названіемъ пӧрыж-мари (пӧрыж—задній, слѣдующій мужъ), признавая его вторымъ, младшимъ мужемъ, или просто съ названіемъ пӧрыж, выражая этимъ словомъ желаніе дать право на себя. Зять также можетъ называть младшую свояченицу нудо, указывая этимъ словомъ на свободу полового общенія. Молодое поколѣніе сторонится не только браковъ на свояченицахъ и старшихъ снохахъ, но и самое обращеніе съ терминами родства по супружеству вызываетъ смущеніе и стыдъ. Указанный выше обычай, предписывающій невѣсткѣ въ отношеніи старшихъ родственниковъ мужа употребленіе терминовъ семейныхъ отношеній взамѣнъ терминовъ родства по супружеству, несомнѣнно возникъ на почвѣ общаго измѣненія взглядовъ черемисъ на родственныя связи по супружеству. Какъ раньше употребленіе словъ „пӧрыж“ и „нудо“ не противорѣчило взаимнымъ отношеніямъ и только въ послѣднее время стало считаться позорнымъ, такъ и обращеніе невѣстки съ терминами родства по супружеству и несоблюденіе ею правилъ вѣжливости въ былое время не могли быть предосудительными въ силу существовавшей свободы полового общенія невѣстки съ родственниками мужа, за которыми они признавали право сожительства, называя ихъ „оньо“, „оньо кугуза“ и „оньо изя“. Остаткомъ этого древняго обычая въ настоящее время является снохачество, довольно распространенное среди восточныхъ черемисъ.

Петръ Ерусланов.

14 января 1895 г.
г. Бирскъ, Уфим. губ.

Digitized by Google

Очеркъ исторіи развитія жилища у финновъ.

II.[1])

Развитіе сруба. Современное жилище остяковъ, пермяковъ, зырянъ, вотяковъ, горныхъ и луговыхъ черемисовъ, мордвы, мокши и ерзи, русскихъ и финляндскихъ кореловъ, саволаксовъ, тавастовъ, эстовъ и ливовъ. **Развитіе очага. Вліяніе сосѣдей на развитіе финскаго жилища** (тюрковъ, русскихъ, латышей и германскихъ народностей). **Утрата финнами типичныхъ чертъ въ устройствѣ жилища.**

Выше мы имѣли случай замѣтить, что во дворѣ у финна, достигшаго земледѣльческаго быта, можно встрѣтить сохранившіеся въ качествѣ переживанія и потерявшіе въ настоящее время свое первоначальное значеніе древніе типы построекъ.

Переходя къ болѣе совершеннымъ типамъ жилища, финнъ приспособлялъ болѣе древнюю форму къ новымъ потребностямъ, но не забрасывалъ ее окончательно: вотъ почему часто на одномъ и томъ же дворѣ является возможнымъ прослѣдить исторію финскаго жилища отъ шалаша и до курной избы—пёрта; на одномъ дворѣ стоятъ рядомъ и шалашъ (кота), и землянка (рига) и первобытный срубъ, обращенный въ настоящее время въ баню. Достигнувъ въ своемъ развитіи умѣнья строить прочное и болѣе удобное жилище, финнъ сталъ его увеличивать и улучшать какъ снаружи, такъ и внутри; такъ какъ въ теченіе долгаго періода, протекшаго отъ эпохи господства первобытнаго сруба до появленія современныхъ формъ жилища, финское племя не переставало подвергаться вліянію своихъ разнообразныхъ сосѣдей, то естественно, что въ настоящее время мы встрѣчаемъ разнообразіе во внѣшнемъ и во внутреннемъ устройствѣ домовъ у разныхъ финскихъ народностей и даже различія въ предѣлахъ одной и той-же народности. Но, несмотря на кажущееся разнообразіе, всѣмъ финскимъ современнымъ жилищамъ, однако, присуща общая черта, именно, что развитіе ихъ шло частью путемъ внутренняго раздѣленія помѣщенія, частью путемъ

---

[1]) См. „Этногр. Обозр.“, кн. XXIV.

Digitized by Google

пристроекъ къ основному срубу (пёрту, тупѣ и пр.) новыхъ помѣщеній.

Жилище остяковъ представляетъ, пожалуй, одинъ изъ наиболѣе простыхъ типовъ этого рода: г. Паткановъ, въ описаніи своей поѣздки по р. Демьянкѣ, слѣдующимъ образомъ описываетъ остяцкую избу, уже значительно уклонившуюся отъ первобытнаго сруба: деревеньки остяковъ указанной мѣстности состоятъ изъ небольшихъ, чистенькихъ домиковъ,—почти всѣ въ одну комнату. По своему внутреннему устройству эти жилища не представляютъ никакого отличія отъ таковыхъ-же избъ по Иртышу, развѣ только они меньше; каждая изба дѣлится перегородкой на 2 части, изъ которыхъ передняя—чистая половина, вторая, заключающая огромную русскую печь, играетъ роль кухни. Уголъ противъ двери занятъ образами, другой—широкою деревянною кроватью съ пологомъ. Всѣ свободныя мѣста около стѣнъ заняты широкими лавками; устроены также и полати [1]). Здѣсь дальнѣйшее развитіе сруба происходитъ путемъ внутренняго раздѣленія помѣщенія на части—черта, которую мы встрѣтимъ и у черемисовъ. Но этотъ типъ жилища не является исключительнымъ: г. Паткановъ отмѣчаетъ, что къ этой комнатѣ пристраивается другая, при чемъ обѣ комнаты раздѣлены сѣнями; жизнь семьи сосредоточивается въ одной комнатѣ; другая служитъ зимой лишь кладовой.

Всмотрѣвшись въ пермяцкій домъ,—пишетъ И. Н. Смирновъ [2]), у котораго выписываемъ свѣдѣнія о жилищѣ пермяковъ,—мы замѣчаемъ, что онъ состоитъ изъ трехъ совершенно обособленныхъ частей: избы, сѣней въ столбахъ и клѣти. Сѣни въ настоящее время представляютъ покрытый такъ-же, какъ и домъ, помостъ со стѣнами, забранными въ столбы. Передъ сѣнной дверью выступаютъ аршина на два изъ-подъ помоста сѣней два бревна, на которыхъ устраивается внѣшній «мостъ» для крыльца. Такъ какъ у пермяковъ нѣтъ лѣстницъ общерусскаго типа (они ихъ не умѣютъ дѣлать, а вмѣсто русскихъ переносныхъ лѣстницъ пермяки употребляютъ дерево съ коротко обрубленными сучьями), то входъ на «мостъ» устраивается слѣдующимъ образомъ: подъ

---

[1]) С. Паткановъ: По Демьянкѣ, Зап. Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. XVI. в. 2 и 3., стр. 8.

[2]) Смирновъ: Пермяки, стр. 194 и слѣд.

Digitized by Google

«мостомъ» складывается безъ всякихъ скрѣпленій въ клѣтку нѣсколько толстыхъ плахъ такъ, чтобы два ряда плахъ шли вверхъ уступами; на эти уступы кладутся такія-же плахи—ступени. Сѣни соединяютъ избу съ клѣтью—чомомъ. Теперь, продолжаетъ г. Смирновъ, это въ большинствѣ случаевъ двухэтажное деревянное сооруженіе для храненія одежды и разнаго домашняго скарба (вверху) и хлѣбныхъ запасовъ (внизу). Названіе (чомъ), по совершенно основательному предположенію цитируемаго автора, доказываетъ, что клѣть или образовалась изъ прежняго жилья, или, по крайней мѣрѣ, строилась по его типу, и что, по аналогіи съ обычаемъ другихъ финскихъ народностей, она, вѣроятно, прежде ставилась особнякомъ отъ дома. Что касается крыши, то въ бассейнѣ Обвы, въ которомъ нѣкогда жили пермяки, на нижнемъ теченіи Иньвы до границъ Архангельской волости (въ волостяхъ Майорской и Купросской), она обыкновенно четырехскатная. Но по среднему теченію Иньвы и по ея притокамъ преобладающимъ типомъ является двускатная крыша: она укрѣплена шеломомъ, конецъ котораго обработанъ въ видѣ конской головы съ чрезмѣрно поднятой грудью. Это — *охлупень*. «На обработку конька, пишетъ г. Смирновъ, пермякъ кладетъ всю свою изобрѣтательность. Одинъ придаетъ головѣ какой-то придатокъ въ видѣ рога, долженствующій замѣнять ухо, другой просверливаетъ глазъ, третій тщательно прорѣзываетъ ротъ. Мотивъ конька примѣняется не исключительно для шелома. Застрѣхи пермяцкихъ избъ поддерживаются рядомъ уключинъ, концы которыхъ также обработаны въ видѣ конской головы и, кромѣ того,—въ Чердынскомъ уѣздѣ—разрисованы ломанными линіями и точками при помощи дегтя. Откуда попалъ въ Пермскій край этотъ мотивъ—занесли-ли его русскіе съ сѣвера, или онъ навѣянъ «чудскими» вещами, среди которыхъ попадаются изображенія животныхъ съ такими-же чудовищными пропорціями—рѣшить не беремся. Рядомъ съ этими декорированными избами встрѣчаются постройки, крыши которыхъ не покрыты шеломомъ, а сдерживаются, какъ крыши черемисскихъ кудъ, рамой изъ двухъ жердей, наложенныхъ на крышу поперекъ драницъ и скрѣпленныхъ по двумъ концамъ досками [1])». Печи въ избахъ въ настоящее время глинобитныя; помѣщаются онѣ различно: въ Глазов-

[1]) Ibid, стр. 193, 194.

Digitized by Google

скомъ у., въ старинныхъ пермяцкихъ избахъ, печь занимаетъ мѣсто въ одномъ изъ переднихъ угловъ, при чемъ печное отверстіе обращено къ двери. «Это положеніе будетъ для насъ вполнѣ понятнымъ», замѣчаетъ по этому поводу г. Смирновъ, «если мы припомнимъ, что избѣ предшествовала у пермяка землянка, у которой единственнымъ пропускающимъ свѣтъ отверстіемъ была дверь. Печь приходилось ставить въ той сторонѣ, которая была всего болѣе освѣщена,—обращать устьемъ туда, откуда единственно проникалъ въ землянку свѣтъ. По традиціи, это положеніе печь сохранила и въ надземныхъ, бревенчатыхъ постройкахъ. Въ новыхъ избахъ, съ нѣсколькими окнами по стѣнамъ, печь ставится въ одинъ изъ угловъ двери—у орловскихъ пермяковъ влѣво отъ входа, у глазовскихъ и соликамскихъ чаще вправо, чѣмъ влѣво». Въ большинствѣ избъ въ настоящее время имѣется уже деревянный полъ, но въ Глазовскомъ у., гдѣ вообще среди пермяцкаго населенія сохранилось больше старины, встрѣчаются еще избы съ земляным поломъ; тамъ-же избы строятся обыкновенно одноэтажныя, безъ подпольнаго помѣщенія, которое называется въ Перми «подъизбицей», иногда голбцемъ. У соликамскихъ и чердынскихъ пермяковъ, избы которыхъ почти всегда строятся съ подъизбицей, она служитъ складомъ для различныхъ хозяйственныхъ принадлежностей. Иногда изъ такой постройки развивается двухэтажное жилье. Внутреннее убранство пермяцкой избы зависитъ отъ степени вліянія русскихъ въ данной мѣстности; во всякомъ случаѣ, обыкновенно вдоль стѣнъ избы идутъ лавки (лавицы, вабичь); но и теперь еще можно встрѣтить въ приспособленіяхъ для сидѣнья слѣды глубокой старины: часто обрубокъ дерева, пень, замѣняетъ собой стулъ; далѣе скамейка (джокъ), которая выдѣлывается слѣдующимъ образомъ: берется дерево, два—три корня котораго стелятся по землѣ; дерево выкорчевываютъ, отрубаютъ на-чисто всѣ корни, кромѣ двухъ горизонтальныхъ, у которыхъ обрубаютъ только тонкія части; стволъ обрубаютъ на разстояніи полутора-двухъ аршинъ отъ корней, обтесываютъ его и получаютъ нѣчто въ видѣ скамейки, на которой можно сидѣть, если дерево съ корнями-ножками положить концомъ на лавку или на такой-же обрубокъ дерева; наконецъ, т. наз. «ступка», которая устраивается такъ: изъ четырехъ нетолстыхъ березовыхъ полѣньевъ вытесываются четыре ножки; основанія и вершины ихъ укрѣпляются въ двухъ

Digitized by Google

крестообразныхъ черемуховыхъ или ивовыхъ вязахъ, а сверху къ нимъ приколачивается доска — сидѣнье. Кромѣ болѣе сложнаго стола-ящика, обшитаго со всѣхъ сторонъ досками, встрѣчается и столъ болѣе первобытной формы: это просто доска, прикрѣпленная къ двумъ парамъ скрещивающихся ножекъ [1]).

У зырянъ избы (керки), пишетъ К. А. Поповъ, отличаются массивностью и строятся всегда сосновыя, такъ какъ на домашнія надобности зыряне имѣютъ право безпошлинно рубить сколько угодно лѣсу. Крыша — двускатная. Къ лицевой сторонѣ керки пристраивается крыльцо, на столбахъ, иногда крытое, иногда нѣтъ. Крыльцо ведетъ въ сѣни, имѣющія около сажени ширины и какъ корридоръ раздѣляющія двѣ избы, изъ которыхъ каждая представляетъ особый срубъ. Со стороны крыльца онѣ забираются бревенчатою стѣною, а съ противоположной стороны онѣ часто бываютъ открыты. Одна изъ избъ, преимущественно та, которая находится налѣво отъ сѣней — курная и назначается для житья семейства. Передній уголъ ея образуютъ стѣны лицевая и смежная съ сѣнями. Печь, всегда битая изъ глины, лежанкой упирается въ противоположный уголъ, который освѣщается особымъ окномъ — падчеръ ошенъ. Разстояніе между потолкомъ и лежанкой такъ велико, что на послѣдней можно свободно сидѣть и работать. Прочія принадлежности избы тѣ-же, что и у русскихъ Вологодской губ.: тѣ-же лавки вокругъ стѣнъ, вытесанныя изъ цѣльныхъ бревенъ, и надъ ними полавки (полки); тѣ-же полати и голбецъ, и наконецъ тѣ-же три маленькія волоковыя окна, изъ которыхъ среднее прорубается повыше крайнихъ. Потолокъ настилается изъ цѣльныхъ бревенъ, а полъ — изъ бревенъ, расколотыхъ пополамъ. Другая изба (направо отъ сѣней) устраивается иначе: въ ней нѣтъ полатей, печь часто голландская, окна большія, лавки иногда замѣняются стульями. Заднюю половину дома занимаетъ повѣть, въ которой хранятся сѣно, солома, повозки, земледѣльческія орудія и т. п. На повѣти устраиваются особыя клѣти, для храненія посуды, платья и другого цѣннаго имущества. Сзади настилается бревенчатый взъѣздъ для подъема сѣна и т. п. Подъ повѣтью помѣщается скотъ. Амбары, бани и погреба строятся отдѣльно. Мы набросали, продолжаетъ К. А. Поповъ, общій или,

[1]) Ib., стр. 197—199.

Digitized by Google

точнѣе, господствующій типъ зырянскихъ построекъ. Само собой разумѣется, что встрѣчаются отступленія отъ него: какъ есть деревни, правильно расположенныя, точно также есть и дома городской постройки. Керки вообще не отличаются опрятностью: онѣ моются иногда только разъ въ годъ—передъ праздникомъ Пасхи. Мебель, кромѣ необходимой принадлежности передняго угла—обыкновеннаго стола, иногда крашеннаго, и скамеекъ, составляютъ: джекъ—толстый обрубокъ дерева и улэсъ—стулъ, выгнутый изъ черемуховыхъ прутьевъ съ досчатымъ сидѣньемъ [1]).

У вотяковъ современныя жилища представляютъ нѣсколько типовъ, смотря по тому, подвергается ли данная мѣстность русскому или татарскому вліянію. По словамъ Бехтерева, какъ избы, такъ и другія постройки вотяковъ, строятся исключительно изъ рубленаго лѣса, что объясняется, вѣроятно, главнымъ образомъ обиліемъ лѣсовъ. Почти всѣ избы, пишетъ тотъ-же изслѣдователь, курныя, одноэтажныя, но онѣ выше избъ русскихъ; низенькія окна, числомъ не болѣе трехъ, обращены большею частью во дворъ. Одно изъ оконъ, обыкновенно косящатое, другія-же волоковыя, т. е. открываются посредствомъ выдвижной ставни. Только у зажиточныхъ вотяковъ изба дѣлится сѣнями на двѣ половины: лѣтнюю—бѣлую и зимнюю—черную. Дверь, ведущая изъ сѣней въ черную избу, всегда отворяется внутрь, въ отличіе отъ русскихъ; у дверей налѣво битая изъ глины печь, которая служитъ только для печенія хлѣба, отчего и зимой она топится не каждый день; все же остальное вотякъ предпочитаетъ варить надъ огнемъ, вслѣдствіе чего на шесткѣ у печи устраивается особый горнъ (учоггъ) съ чугуннымъ котелкомъ, повѣшеннымъ на деревянномъ крюкѣ. Въ одномъ углу у некрещеныхъ вотяковъ стоитъ обыкновенно лубяной коробъ, въ которомъ хранятся ложки, чашки, ножи, употребляемые для стола при жертвоприношеніяхъ. Вдоль стѣнъ идутъ нары, на которыя набросаны грязные войлоки, подушки, перины и пр. Въ нарахъ хранятся дорогіе женскіе уборы и одежда. Полатей и полокъ, какъ у русскихъ, въ избѣ вотяковъ никогда не бываетъ; на всю избу поставленъ одинъ стулъ для отца семейства; въ переднемъ углу стоитъ столъ. Избы вотяковъ почти никогда не моются, зимою въ избу загоняютъ на ночь всѣхъ домашнихъ жи-

[1]) К. А. Поповъ: Зыряне и зырянскій край, стр. 61, 62.

Digitized by Google

вотныхъ: коровъ, овецъ, козъ, гусей, утокъ, куръ, и проч.; здѣсь вмѣстѣ съ скотомъ, вотяки спятъ на полу въ повалку, безъ различія пола и возраста [1]).

И. Н. Смирновъ въ своемъ описаніи вотяцкой избы въ значительной мѣрѣ разнится отъ только что приведеннаго; въ описаніи г. Смирнова, мы имѣемъ избу вотяка, подвергшагося вліянію сосѣдей-башкиръ, причемъ это вліяніе настолько сильно, что при сравненіи въ Бирскомъ уѣздѣ избъ обѣихъ народностей автору не пришлось отмѣтить въ вотяцкой избѣ «ни одной характерной черты»: она оказалась точной копіей избы башкирской. Г. Смирновъ описываетъ ее слѣдующимъ образомъ: «это низенькая постройка, разгороженная сѣнями на двѣ половины: лѣтнюю, холодную (фасомъ на дворъ) и зимнюю, теплую (фасомъ на улицу); первая является парадной, и такъ какъ въ ней живутъ меньше, то она чище зимней. Въ лѣтней избѣ у стѣны, противъ входа, широкія чистыя нары; окна косящатыя; на нарахъ—сундукъ съ разнымъ домашнимъ скарбомъ. Въ внутреннемъ убранствѣ избъ сказывается татарское вліяніе, даже въ выборѣ цвѣтовъ для постановки на окна—это преимущественно бальзамины и базилики, любимые татарами цвѣты. Тамъ, гдѣ сосѣдями вотяковъ являются русскіе, убранство избъ приближается къ обычному русскому» [2]).

Несмотря на то, что въ планѣ описанной вотяцкой избы г. Смирновъ видитъ заимствованіе, сдѣланное вотяками у ихъ тюркскихъ сосѣдей, намъ кажется, что въ данномъ случаѣ сходство плановъ въ жилищахъ обоихъ народовъ не можетъ еще служить доказательствомъ заимствованія. Мы, правда, увидимъ ниже, что въ названіяхъ отдѣльныхъ частей вотяцкой избы встрѣчается много тюркскихъ словъ, свидѣтельствующихъ, что тюркскія племена не остались безъ вліянія на вотяковъ, но въ развитіи п л а н а жилища, намъ кажется, дѣйствовали тѣ-же причины, которыя привели къ появленію аналогичныхъ плановъ въ жилищахъ и у другихъ финскихъ народностей, именно, пристройка новыхъ зданій къ основному перто-образному жилищу, волѣдствіе чего должно было появиться и сходство въ планѣ.

Нѣсколько отличнымъ отъ описанныхъ типовъ является вотяц-

---

[1]) Б е х т е р е в ъ: Вотяки, стр. 635, 636.
[2]) С м и р н о в ъ: Вотяки, стр. 90.

Digitized by Google

кое жилище въ Сарапульскомъ у. Вотяцкая изба, пишетъ П. М. Богаевскій, строится постоянно рядомъ съ клѣтью и отдѣляется отъ послѣдней лишь небольшими сѣнями. Довольно высокая внутренняя лѣстница ведетъ въ сѣни, изъ которыхъ съ одной стороны входъ въ избу, а съ другой въ клѣть. Въ избѣ кругомъ стѣны идетъ лавка, заканчивающаяся большими нарами, въ которыхъ хранится наиболѣе цѣнное имущество. Противъ наръ, а иногда сейчасъ-же около двери, лѣсенка ведетъ на полати, расположенныя надъ чисто выбѣленною печкою, которая у зажиточныхъ вотяковъ бѣлится нѣсколько разъ въ годъ. Устройство печки разнится отъ такового-же въ русскихъ избахъ: она устроена такимъ образомъ, что въ нее можно вѣшать котелокъ. Отъ полатей около печки черезъ всю избу проходитъ бревно, которое упирается въ противоположную стѣну. Устройство клѣтей въ зажиточныхъ избахъ такое-же, какъ и въ самой избѣ, причемъ, конечно, въ клѣти не ставится печки. Въ бѣдныхъ избахъ въ клѣтяхъ нѣтъ наръ, и одежда, которая обыкновенно хранится въ нихъ, развѣшивается на перекладинахъ, проходящихъ подъ крышею [1]). Черты болѣе глубокой старины сохранились въ описываемыхъ г. Смирновымъ вотяцкихъ клѣтяхъ; подражая сосѣдямъ въ устройствѣ избы, замѣчаетъ цитуемый авторъ, вотякъ вполнѣ самостоятеленъ въ устройствѣ клѣти (к е н о с ъ); вотяцкій кеносъ имѣетъ болѣе разнообразное назначеніе, чѣмъ русская клѣть: это не только кладовая, но и лѣтнее помѣщеніе и, кажется, преимущественно женское. Каждая брачная пара имѣетъ въ кеносѣ особое отдѣленіе, гдѣ хранитъ свое имущество. Здѣсь-же стоитъ закрытая холщевой занавѣской или пологомъ грубая кровать. Въ кеносѣ женщина спитъ, работаетъ и одѣвается. Въ большихъ семьяхъ, гдѣ живутъ вмѣстѣ 4—6 женатыхъ братьевъ, кеносовъ бываетъ на одномъ дворѣ 2—3 и болѣе. Въ кеносахъ, раздѣленныхъ на нѣсколько отдѣленій, каждое изъ нихъ освѣщается небольшимъ волоковымъ или косящатымъ окномъ. Эти окна въ выходящихъ на улицу отдѣленіяхъ кеноса, продолжаетъ г. Смирновъ, придаютъ, между прочимъ, вотяцкой деревнѣ своеобразную физіономію: окна продѣланы не въ серединѣ выходящей на улицу стѣны кеноса, а ближе къ одному

---

[1]) П. М. Б о г а е в с к і й: Очеркъ быта сарапульскихъ вотяковъ, стр. 52, 53.

Digitized by Google

изъ угловъ [1]). Такое положеніе окна, относительно угловъ выходящей на улицу стѣны, мы указывали, со словъ г. Гейкеля, какъ часто встрѣчающееся у мордвы и у черемисовъ; мы видѣли, какое объясненіе г. Гейкель даетъ этому странному на первый взглядъ обычаю. Относительно происхожденія этого-же обычая у вотяковъ мы не имѣемъ положительныхъ данныхъ: въ вотяцкихъ клѣтяхъ печей не встрѣчается; но зная, что въ устройствѣ современныхъ клѣтей у вотяковъ сохранилось много чертъ, свидѣтельствующихъ, что первоначально онѣ служили жилищемъ или, по крайней мѣрѣ, что современныя клѣти устраивались по образцу жилищъ, можно высказать предположеніе, что устройство окна ближе къ одному изъ угловъ стѣны, вынуждавшееся въ прежнее время, когда въ клѣтяхъ ставились еще печи, положеніемъ послѣдней, сохранилось въ качествѣ переживанія и послѣ того, какъ клѣти, утративъ свое первоначальное значеніе, стали строиться безъ печей.

Жилище черемисовъ подробно описано г. Гейкелемъ (стр. 62—69); онъ отличаетъ два, впрочемъ очень схожихъ между собой, типа: жилище горныхъ черемисовъ и луговыхъ. У горныхъ черемисовъ часто встрѣчается положеніе окна ближе къ одному изъ угловъ лицевой стороны пёрта. По близости отъ другого угла устраивается небольшое волоковое окно, положеніе котораго около стекольчатаго окна, однако, ясно указываетъ, что оно слишкомъ низко, чтобы служить отверстіемъ для выхода дыма. Полъ въ черемисскомъ пёртѣ лежитъ очень высоко, такъ какъ подъ нимъ находится еще помѣщеніе, служащее погребомъ и зимнимъ помѣщеніемъ для мелкаго скота. При входѣ изъ сѣней, черезъ дверь, находящуюся на узкой сторонѣ дома, прежде всего бросается въ глаза печь (катакà), находящаяся въ лѣвомъ углу отъ дверей; печное отверстіе обращено къ лицевой сторонѣ дома, на которой находится волоковое окно. По стѣнамъ идутъ лавки, изъ которыхъ та, которая идетъ отъ дверей къ углу, дѣлается наиболѣе широкой; полъ деревянный и поддерживается тремя балками. Потолокъ поддерживается балкой, идущей отъ одной стѣны къ другой; на него насыпаютъ обыкновенно сухіе листья; иногда потолокъ сперва покрываютъ известью, а затѣмъ насыпаютъ на него землю. Печь ставится иногда непосредственно въ углу, такъ что

[1]) И. Н. Смирновъ: Вотяки, стр. 91.

Digitized by Google

упирается въ стѣны, но чаще встрѣчается, что она находится на извѣстномъ разстояніи отъ стѣнъ, настолько, что въ остающемся свободно пространствѣ можно проходить.

Пёртъ луговыхъ черемисовъ не представляетъ существенныхъ отличій отъ горно-черемисскаго типа: онъ только въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ проще предыдущаго. Печь устраивается обычнымъ у приволжскихъ народностей способомъ; передъ печнымъ отверстіемъ устраивается очагъ, надъ которымъ на крючкѣ виситъ котелъ, который, впрочемъ, мѣстами вмазываютъ въ печку. Такіе пёрты, пишетъ г. Гейкель, строятся курными. Въ настоящее время печь снабжается обыкновенно трубой, слѣдствіемъ чего было исчезновеніе находящагося на передней сторонѣ печи котла. Луговые черемисы такъ-же, какъ и горные, оставляютъ между печью и стѣнами свободное пространство въ $1^1/_2$—2 арш. шириной; по краямъ печи часто ставятъ 4 столба (см. рис. 19). Узкое пространство отъ передней стороны печки къ стѣнѣ перегорожено и соединяется съ комнатой посредствомъ двери *b*; пространство за печкой называется чуланомъ; въ немъ находится люкъ *a*, изъ котораго лѣстница ведетъ въ нижнее помѣщеніе, хотя въ него можно проникнуть и снаружи. Другая лѣстница *c* ведетъ наверхъ, на печку, съ которой легко взойти на полати. Двѣ жерди *d* и *e* идутъ отъ печки. У горныхъ черемисъ часто встрѣчается перегородка, отдѣляющая чуланъ,— мѣсто передъ отверстіемъ печки до противоположной стѣны. У луговыхъ черемисъ перегородку обыкновенно замѣняетъ жердь *e*, но мѣсто, отдѣленное ею, носитъ названіе кухни, а подъ именемъ чулана разумѣютъ холодное помѣщеніе въ сѣняхъ. Отъ жерди *e*, которая носитъ названіе чуланъ-каша, идутъ къ стѣнѣ двѣ жерди (*f*) — пукаша и доска (*g*), на которую ставятъ испеченный хлѣбъ. Большая доска (*h*) и небольшая (*i*) служатъ для хозяйственныхъ потребностей и находятся на одной высотѣ съ *e*, *f* и *h*. Доска *i* носитъ названіе čulan wal—поверхность чулана, хотя чулана, собственно, въ комнатѣ и не существуетъ. Вдоль стѣнъ идутъ лавки, при чемъ одна изъ нихъ, отъ двери къ углу, дѣлается болѣе широкой, чѣмъ остальныя. Иногда вмѣсто лавокъ устраиваются нары. Столъ обыкновенно досчатый съ ящикомъ.

Въ этихъ типахъ построекъ горныхъ и луговыхъ черемисъ мы можемъ наблюдать дальнѣйшее развитіе первоначальнаго сруба—

Digitized by Google

пёрта, путемъ внутренняго раздѣленія помѣщенія, какъ это мы видѣли выше у остяковъ. Крупное различіе между горно-и луговымъ черемисскимъ типами заключается въ томъ, что въ первомъ дѣленіе помѣщенія на комнату и чуланъ-кухню совершается въ дѣйствительности посредствомъ перегородки, тогда какъ у луговыхъ черемисъ это отдѣленіе фиктивное: перегородки не существуетъ; ее замѣняетъ лишь положенная жердь. Къ этому болѣе простому типу жилища весьма часто пристраивается еще другое. Г. Гейкель (стр. 72) описываетъ этотъ видъ избы: сѣни раздѣляютъ избу на двѣ части; лѣстница, прикрытая крышей на столбахъ, ведетъ въ сѣни; направо и налѣво отъ входа устроены двери, которыя ведутъ въ комнаты; изъ нихъ одна выходитъ фасадомъ на улицу, другая во дворъ. Въ этомъ типѣ мы уже видимъ дѣленіе избы на черную и бѣлую; черная—пёртъ. Въ бѣлой избѣ, по словамъ г. Смирнова [1]), обыкновенно устраивается кирпичная печь съ трубой, русскія окна, рѣзные и расписные наличники, надъ окнами и поверхъ оконъ рѣзной поясъ вокругъ всего дома. На шеломѣ прикрѣпляется довольно часто коряга, представляющая грубое изображеніе птицы. Размѣры избы и количество комнатъ зависятъ отъ матеріальнаго благосостоянія хозяина.

Въ общемъ черемисское жилище тамъ, гдѣ срубъ подвергается внутреннему раздѣленію, сохраняетъ въ своемъ устройствѣ много первобытныхъ чертъ и стоитъ близко къ бобыльской избѣ эстовъ; если мы отвели ему мѣсто въ ряду болѣе культурныхъ построекъ, то сдѣлали это въ виду того, что какъ своими размѣрами, такъ и отдѣленіемъ внутри его особой комнаты (чулана, кухни) онъ въ значительной степени уклонился отъ первобытнаго типа: лѣстница ведущая въ сѣни, устройство подвальнаго этажа и пр. налагаютъ на современный черемисскій пёртъ черты, приближающія его скорѣе къ избѣ, чѣмъ къ примитивному срубу, который послужилъ ему основаніемъ. Интересно также отмѣтить, что въ настоящее время, устраивая себѣ дома, раздѣленные сѣнями на два главныхъ помѣщенія, черемисы часто сохраняютъ на дворѣ пёртъ въ одну комнату. Г. Гейкель, напр., видѣлъ у уфимскихъ черемисъ дворъ, въ которомъ рядомъ съ болѣе новымъ домомъ съ двумя жилыми

---

[1]) Черемисы, стр. 73.

Digitized by Google

помѣщеніями по обѣ стороны сѣней сохранялся еще болѣе простой, односрубный пёртъ.

Жилище мордвы представляетъ тѣ-же черты въ планѣ, которыя мы наблюдали у другихъ восточныхъ финновъ. Г. Гейкель, дающій подробное описаніе мордовскихъ избъ (стр. 26—59) отличаетъ мордовско мокшанскій типъ отъ мордовско-ерзянскаго; послѣдній, по мнѣнію его, отличается отъ перваго тѣмъ, что въ ерзянскомъ типѣ значительно больше сказывается вліяніе русскихъ: ерзя позабыла старыя формы жилища. Подобнаго рода основаніе дѣленія жилища на типы естественно можетъ считаться лишь крайне шаткимъ, и ужъ одно это дало-бы право соединить оба типа въ одинъ съ указаніемъ, въ чемъ слѣдуетъ видѣть болѣе и въ чемъ менѣе древнія черты устройства жилья. Кромѣ того, И. Н. Смирновъ отмѣчаетъ, что имѣющіеся въ его распоряженіи планы старыхъ мордовско-ерзянскихъ избъ, доставленные ему г. Лукинымъ, позволяютъ утверждать, что старыя ерзянскія избы имѣли то-же внутреннее устройство, какъ и мокшанскія [1]). Рис. 20 изображаетъ мокшанскую избу, а рис. 21—ерзянскую—обѣ изъ Тамбовской губ. Мы видимъ (на рис. 20) здѣсь сѣни (*C*), раздѣляющія избу на двѣ половины; изъ сѣней двери *4* и *5* ведутъ въ жилыя помѣщенія; дверь *2* ведетъ на крытое крыльцо, на которомъ (*1*) разставлены скамейки и поставленъ столъ (*2*); съ крыльца нѣсколько широкихъ ступеней ведутъ въ свободное пространство, соединяющее улицу, на которую выходитъ комната *B*, съ садомъ, по лѣвую сторону лѣстницы. Дверь *3* ведетъ во дворъ. Изъ двухъ раздѣленныхъ сѣнями комнатъ *A*—представляется болѣе древней; это kud; она выходитъ окнами во дворъ; *B*—пристроенная русская изба и выходитъ окнами на улицу. При входѣ въ kud бросается прежде всего въ глаза печь (1) съ трубой; печное отверстіе направлено въ сторону, къ окнамъ; печь дѣлается изъ глины и ставится на бревна. Въ случаѣ если кудъ низокъ, печь ставится непосредственно на землю, какъ въ баняхъ. На передній край печи кладутся въ незначительномъ числѣ кирпичи, но на этомъ очагѣ въ настоящее время не разводятъ больше огня, такъ какъ обыкновенно пища готовится въ

[1]) Смирновъ: Мордва—въ Изв. О. А. И. и Этногр. при И. Каз. У. XI, вып. 5, стр. 439.

Digitized by Google

печи, въ большихъ горшкахъ. На этотъ очагъ (*tolmalanga*) ставятъ горшки, какъ на скамью, послѣ того какъ ихъ вынутъ изъ печи. Печь прислонена непосредственно къ стѣнѣ; нижнюю часть ея часто покрываютъ рѣзными досками (рис. 22), также какъ и сторону за столбомъ. Съ этой послѣдней стороны устроены вдоль печки двѣ ступеньки, по которымъ можно влѣзть на нее. Полъ отъ печки къ двери (А. 10) нѣсколько приподнятъ надъ остальнымъ поломъ; въ этой части, носящей названіе *kerspel*, продѣлано небольшое отверстіе, въ которое могутъ проходить небольшія домашнія животныя, которыя и помѣщаются въ этомъ мѣстѣ. Одна изъ досокъ (А. 11) поднимается, и оттуда можно проникнуть въ подпольное помѣщеніе (*aksal*). Въ прежнее время, замѣчаетъ г. Гейкель, въ курныхъ избахъ полъ былъ земляной, изъ плотно убитой глины и земли; въ настоящее время еще встрѣчается, что доски, образующія полъ, стелятся непосредственно на землю. Этотъ обычай теперь исчезаетъ, и полы обыкновенно дѣлаются по русскому образцу. Налѣво отъ дверей ставится кровать (А. 12), спятъ также и на большой лавкѣ (А. 14); въ избахъ, гдѣ сильнѣе сказывается русское вліяніе, устраиваются полати. У задней стѣны, противъ двери, стоитъ нара (А. 4). Кромѣ другихъ скамеекъ, находится (А. 8) коникъ (также называемый и мордвой)—скамейка съ ящикомъ; мордовскій коникъ интересенъ тѣмъ, что въ его устройствѣ сохранились черты, давшія ему названіе. Боковая перегородка образуется изъ толстой рѣзной, поставленной стоймя доски, заканчивающейся грубымъ изображеніемъ конской головы или другого животнаго (рис. 23), и носящей названіе боранка. Скамейка (А. 7) дѣлается изъ толстыхъ бревенъ, на которыхъ покоится доска. Отъ печного столба (palman) (А. 2) идутъ двѣ жерди; одна болѣе толстая (брусокъ)—къ дверной стѣнѣ, другая болѣе тонкая и болѣе похожая на доску (лапапэ) ведетъ къ боковой стѣнѣ. Отъ пальмана къ задней стѣнѣ идетъ обыкновенно подвижная жердь (*olganä*), проходящая надъ очагомъ (*tolmalanga*), на одной высотѣ съ печью. Въ настоящее время она употребляется для просушки дерева, но, по очень вѣроятному предположенію г. Гейкеля, *olganä* служила прежде для прикрѣпленія на крючкѣ котла, подобно тому какъ это встрѣчается еще у чувашей въ ихъ курныхъ избахъ. Досчатый потолокъ покоится на основномъ бревнѣ. Мордовскій кудъ освѣщается двумя-тремя

Digitized by Google

стекольчатыми окнами, но во многихъ кудахъ встрѣчаются и волоковыя окна.

Оставляя въ сторонѣ другія подробности устройства куда, переходимъ къ описанію комнаты В (рис. 20), устроенной по русскому образцу. При входѣ, направо въ углу находится печь; отверстіе ея направлено къ противоположной входу стѣнѣ, къ окнамъ. Въ печномъ углу поставлено нѣсколько небольшихъ столбовъ (2) отъ которыхъ идетъ жердь къ противоположной боковой стѣнѣ. Комната раздѣлена перегородкой (3) на двѣ части; меньшая (4), находящаяся передъ печью, носитъ названіе чулана; отсюда черезъ люкп (7) ходъ въ подполье. Въ другой части комнаты (5) стоитъ кровать; кругомъ идутъ скамейки (6). Общее устройство аналогичной только что описанной комнатѣ, изображенной на рис. 21 В) разнится въ существенномъ отъ предыдущей тѣмъ, что тамъ поставлена такъ называемая голландская печь, вслѣдствіе чего и всему помѣщенію дается названіе «голландской избы».

Что касается внѣшности мордовской избы, то она въ значительной степени уклонилась отъ первобытнаго типа. На рисункѣ 18 видно устройство ея крыши; она двускатная, и сторона фасада украшена рѣзьбой, такъ-же, какъ и оконная рама (рис. 24 и 25). За отсутствіемъ камня мордвины строятъ свой кудъ на дубовыхъ столбахъ. Стѣны строятся не изъ круглыхъ балокъ, какъ это дѣлается въ большинствѣ случаевъ русскими, а изъ отесанныхъ; промежутки закладываются мхомъ и т. п. Верхняя балка боковой стѣны кладется часто такъ, что конецъ ея выдается надъ угломъ. На остовъ крыши стелятся сначала березовыя вѣтви, и уже на нихъ кладутся или доски, или, какъ это прежде было общеупотребительнымъ,—солома.

Кромѣ этого господствующаго типа мордовскихъ избъ, встрѣчаются, пишетъ г. Гейкель, и другія, которыя представляютъ нѣкоторыя уклоненія отъ него. Въ Тамбовской и Саратовской губ. встрѣчаются куды, въ которыхъ пространство между дверью и печью, представляющее въ господствующемъ типѣ возвышеніе—*kerspel* представляетъ наполовину закрытое и перегороженное отдѣленіе, входъ въ которое образуетъ небольшая дверь. Изъ этого помѣщенія ведетъ ходъ въ подполье. Указанное отдѣленіе служило зимнимъ помѣщеніемъ для овецъ и телятъ. «Впослѣдствіи мнѣ пришлось слышать», продолжаетъ г. Гейкель, «что и въ другихъ мѣст-

Digitized by Google

ностяхъ въ этомъ отдѣленіи держатъ зимой животныхъ», что подтверждается цитуемыми имъ печатными источниками конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ.

Въ описанныхъ выше типахъ мы видѣли, что къ болѣе первобытному жилищу (кудъ) мордвины пристраиваютъ русскую избу, отдѣленную отъ первой сѣнями. Но встрѣчаются, преимущественно у ерзи, избы въ одинъ срубъ, устройство котораго обнаруживаетъ не только русское вліяніе, но прямое подражаніе русскимъ однорубнымъ избамъ. Типичнымъ для подобныхъ избъ является, по описанію г. Гейкеля, то, что дверь помѣщается не на боковой стѣнѣ, а на задней, противоположной фасаду, который, даже въ томъ случаѣ, когда изба стоитъ внутри двора, выходитъ окнами на улицу. Сѣней иногда не бываетъ; ихъ замѣняетъ крыльцо, сложенное изъ двухъ досокъ, на которыя ведутъ 2—3 ступеньки. Дверь отворяется во внутрь. Направо отъ входа печь, нижняя часть которой дѣлается изъ глины, а верхняя выкладывается кирпичомъ; печь снабжена трубой; печное отверстіе обращено къ окнамъ, выходящимъ къ улицѣ; оконъ обыкновенно въ этой стѣнѣ бываетъ два; третье прорубается въ боковой стѣнѣ, налѣво отъ входа. Печь не прислоняется непосредственно къ стѣнамъ, а между этими послѣдними и печью остается свободное пространство (*Kaštomo udalks*). Далѣе печь ставится не непосредственно на полъ, а на балку вышиной болѣе фута, вслѣдствіе чего подъ нею образуется свободное пространство—подпечье,—мѣстопребываніе дѣтей и мелкихъ домашнихъ животныхъ. Передняя часть печи обставляется деревомъ, иногда украшеннымъ рѣзьбой, хотя въ общемъ рѣзьба здѣсь гораздо проще, чѣмъ въ избахъ описанныхъ выше типовъ. На печь входятъ по деревяннымъ ступенькамъ; въ настоящее время часто устраиваются полати, прежде спали исключительно на нарахъ. Полъ досчатый покоится на перекладинахъ; иногда въ немъ устроенъ люкъ для входа въ подполье, хотя чаще въ подполье ведетъ отдѣльная наружная дверь. Кромѣ стекольчатыхъ оконъ, дѣлаются на входной стѣнѣ два волоковыхъ окна; иногда на задней стѣнѣ устраивается одно косящатое окно и по сторонамъ его два волоковыхъ. Кромѣ обычныхъ лавокъ, въ подобныхъ избахъ встрѣчается и коникъ, хотя и безъ рѣзныхъ украшеній, отличающихъ коники въ избахъ вышеописанныхъ. Черезъ комнату идетъ балка, поддерживающая потолокъ, который

Digitized by Google

стелется изъ досокъ; на послѣднія кладется сверху сначала глина, потомъ опилки и, наконецъ, земля. Крыша устраивается по описанному уже типу и кроется иногда дранью. Вмѣсто березовыхъ вѣтвей и коры часто употребляется липовая кора. Подполье устраивается слѣдующимъ образомъ: на нѣкоторомъ разстояніи отъ краевъ его обкладываютъ балками; пустое пространство отъ балокъ до стѣнъ засыпаютъ сухой землей, такъ что образуется нѣчто въ видѣ скамеекъ, на которыя и ставятъ на зиму картофель и т. п. Въ серединѣ подполья устраиваютъ яму, куда устанавливаютъ бочки съ квасомъ или пивомъ. Интересенъ сообщаемый г. Гейкелемъ фактъ, что, по вѣрованію мордвы, въ подпольѣ живетъ особый домашній духъ.

Переходя отъ восточной группы финновъ къ западной, остановимся прежде всего на корелахъ. Въ русской литературѣ существуетъ нѣсколько описаній корельскаго жилья; оно разобрано также у г. Гейкеля съ большою подробностью.

Общій характеръ жилыхъ построекъ русскихъ кореловъ заключается, по справедливому замѣчанію г. Гейкеля (стр. 110), въ томъ, что здѣсь вмѣстѣ соединены въ одно цѣлое отдѣльныя постройки, назначенныя для человѣка и для скота. Эта черта приближаетъ постройки русскихъ кореловъ къ типу, который мы видимъ у зырянъ, и рѣзко отдѣляетъ ихъ отъ жилищъ восточныхъ финновъ, гдѣ всѣ хозяйственныя постройки раскинуты во дворѣ,—черта, которую мы видѣли и у эстовъ, и у тавастовъ.

Далѣе, корельскіе дома, сравнительно, очень высоки, такъ какъ подъ жилымъ помѣщеніемъ находится обширный нижній этажъ. Это также накладываетъ на корельскія избы особый отпечатокъ. Но при болѣе близкомъ знакомствѣ выясняется, что въ основномъ планѣ жилища происходятъ, при развитіи его, тѣ-же перемѣны, какія мы видѣли у восточныхъ финновъ.

Одинъ изъ простѣйшихъ видовъ избъ олонецкихъ кореловъ представляетъ изба, описываемая г. Соборновымъ [1]), обыкновенная у бѣдныхъ кореловъ. Хотя и одноэтажная, она все-таки высоко поднята надъ землей; этотъ обычай поднятія жилого строенія

---

[1]) А. Соборновъ: Къ исторіи культуры олонецкой Корелы, въ Олонецк. Сборникѣ, I, стр. 135, 136.

Digitized by Google

надъ почвой объясняется значительной и постоянной влажностью почвы въ лѣтнее время и обширными снѣгами зимой, которые бываютъ такъ глубоки, что заносятъ все жилье до верхняго этажа. Сѣни, въ которыя входишь по лѣстницѣ, дѣлятъ постройку на двѣ части; одна дверь изъ сѣней ведетъ въ помѣщеніе, назначенное для храненія сѣна, соломы, саней и т. п.; другая половина, тоже соединенная съ сѣнями дверью, представляетъ жилое помѣщеніе; въ бѣдныхъ избахъ оно состоитъ изъ одной комнаты съ черною печью. Дымъ изъ печи выходитъ черезъ отверстіе въ потолкѣ, которое по выходѣ дыма закрывается доскою, одною стороною прикрѣпленною посредствомъ петель къ потолку; другая сторона этой доски подпирается палкой. По стѣнамъ идутъ лавки, вблизи которыхъ стоитъ столъ. Въ одномъ углу избы стоитъ ткацкій станокъ, въ другомъ образа, а подъ ними снарядъ для вязанья рыболовныхъ сѣтей. Въ этомъ жилищѣ нетрудно видѣть тупу, описанную нами выше у кореловъ, къ которой пристроено помѣщеніе для сѣна, саней и пр. У болѣе богатыхъ лѣстница бываетъ крыта; изъ верхняго сарая ведетъ лѣстница внизъ, въ хлѣвъ, въ который можно пройти и черезъ особую дверь съ наружной стороны.

Нѣсколько болѣе сложный типъ описанъ г. Гейкелемъ (стр. 124) въ числѣ корельскихъ построекъ Архангельской губ. Лѣстница приводитъ въ сѣни; дверь изъ сѣней направо вводитъ въ избу, налѣво въ горницу. Въ избѣ, въ лѣвомъ отъ входа углу, стоитъ печь. Къ горницѣ пристроенъ небольшой коровникъ, входъ въ который находится въ наружной стѣнѣ. Изба очень низка и стоитъ даже подчасъ непосредственно на землѣ. Къ этому типу относятся и описанныя П. Чубинскимъ [1]) избы архангельскихъ кореловъ. Особенность корельскихъ домовъ состоитъ, по словамъ Чубинскаго, въ томъ, что они выстроены глаголемъ, при чемъ задняя часть дома составляетъ вершину буквы Г, а лицевая, болѣе узкая, чаще выступаетъ впередъ. Войдя черезъ ворота въ сѣни, пишетъ цитуемый авторъ, вы подымаетесь вверхъ по лѣстницѣ. Здѣсь налѣво большею частью дверь въ чистую избу или свѣтелку, въ тѣхъ домахъ, гдѣ она есть, а направо сѣни, вродѣ

[1]) П. Чубинскій: Этногр. очеркъ Корелы. Тр. Арх. Стат. Ком. 1865. II, стр. 101.

Digitized by Google

корридора, отдѣляющія избу, въ которой живутъ, отъ повѣти. Большею частью противъ избы бываетъ клѣть или чуланъ. Въ нижнемъ этажѣ помѣщеніе для скота, хлѣвы для овецъ и большею частью подъ свѣтелкой нѣчто въ родѣ клѣти или чулана, или избы безъ оконъ. Печь, устроенная по русскому образцу, помѣщается большею частью на лѣвой сторонѣ отъ входа въ избу. Основаніе печи дѣлается изъ булыжнаго камня, а остальное изъ глины; кирпичей архангельскіе корелы не выдѣливаютъ.

Наконецъ, третій типъ въ развитіи корельскаго жилья является описываемая г. Соборновымъ (l. c.) изба, въ которой жилыя помѣщенія распредѣляются только по одну сторону сѣней, а по другую находится сарай. Жилое помѣщеніе дѣлится на переднюю и заднюю избы: въ первой стоитъ русская печь, лавки вокругъ стѣнъ и нары; здѣсь помѣщается все семейство. Задняя изба или горница убирается по-городски, со стульями; обѣ избы соединяются одной дверью. Иногда изъ горницы ведетъ особая дверь въ сѣни. Нижнее помѣщеніе подъ комнатой носитъ общее названіе карзина, въ ней хранятся припасы.

Описанные типы могутъ считаться, такъ сказать, основными, изъ которыхъ развивается довольно сложный планъ корельскаго дома. Г. Гейкель даетъ намъ нѣсколько примѣровъ ихъ, изъ которыхъ мы опишемъ только нѣкоторые. Начнемъ съ олонецкихъ. Рисунокъ 26 даетъ представленіе о наружности болѣе простого вида, рисунокъ 27 о наружности болѣе сложнаго вида корельскаго жилища. Рисунокъ 28 представляетъ сравнительно несложный планъ верхняго этажа дома. Изъ сѣней налѣво входъ въ избу (a), налѣво отъ входа въ углу печка (i), отверстіе ея обращено къ фасаду съ окнами. Изъ избы *a* дверь ведетъ въ горницу *b*. Сѣни соединяются стороной противъ входа съ сараемъ *c*, откуда лѣстница *d* ведетъ въ нижнее помѣщеніе, предназначенное для скота. Направо изъ сѣней дверь ведетъ въ клѣть *e*. Съ другой стороны въѣздъ *h* къ сараю; маленькіе амбары *f* и *g* стоятъ непосредственно на землѣ. Подъ верхнимъ этажемъ находится помѣщеніе для скота и пр. Планъ болѣе развитого корельскаго дома (рис. 27) виденъ на рис. 29, причемъ планъ подъ буквой *A* представляетъ нижній, подъ буквой *B* верхній этажъ. Чрезъ входъ *Ad*, называемый обыкновенно калидоръ, входишь въ сѣни нижняго этажа *Ac*, откуда лѣстница *e* ведетъ въ сѣни верхняго этажа *Bc*. Въ сѣни нижняго этажа можно

Digitized by Google

войти и черезъ помѣщеніе *Af*, находящееся по другую сторону главнаго помѣщенія. Изъ сѣней *Ac* одна изъ пяти устроенныхъ въ нихъ дверей ведетъ въ нижнее помѣщеніе *Aa*, другая—въ хлѣвъ *Ag* и третья въ клѣть *Ar*; четвертая и пятая двери, какъ сказано, служатъ входными. Въ сѣняхъ верхняго этажа четыре двери, изъ которыхъ одна ведетъ въ жилое помѣщеніе *Ba*, вторая въ сарай *Bg*, третья и четвертая въ клѣти *Br* и *Bs*. Первая клѣть *Br* освѣщается окномъ, вторая *Bs* совершенно темна. Въ обоихъ этажахъ главнаго помѣщенія находятся жилыя комнаты (*Aa* и *Ba*) другъ надъ другомъ; каждая освѣщается двумя окнами, находящимися на лицевой сторонѣ дома. Въ нижнемъ этажѣ около комнаты *Aa* находится длинная и узкая клѣть *Ab*, имѣющая дверь на улицу. Въ верхнемъ этажѣ надъ этой клѣтью расположена горница *Bb*, соединенная съ комнатою *Aa* дверью и имѣющая окно. По лѣстницѣ *Bj*, ведущей изъ сарая *Bg* верхняго этажа внизъ, входишь въ хлѣвъ *Ag*. Лѣстница сверху прикрывается деревяннымъ люкомъ, а съ боковъ она закрыта досками. Въ хлѣвѣ два стойла *h* и *i*. Съ задней стороны зданія устроенъ въѣздъ *p* въ верхній сарай. Лошадей обыкновенно держатъ въ сараѣ верхняго этажа. Въ верхнемъ-же сараѣ *Bg* устроено помѣщеніе *q* для естественныхъ потребностей. Къ этимъ частямъ, образующимъ главное зданіе, впослѣдствіи пристроили части *Al* и *Bl*. *Bl*—представляетъ комнату, изъ которой по лѣстницѣ, ведущей отъ печки и прикрываемой ящикообразной крышкой, можно спуститься въ нижнее помѣщеніе *Al*. Сѣни *Bk* отдѣляютъ комнату *Bl* отъ горницы *Bm*; подъ горницей и сѣнями въ нижнемъ этажѣ устроены темныя помѣщенія *Ak* и *Am*. Войти въ сѣни *Bk* можно по наружной лѣстницѣ *n*, а затѣмъ чрезъ дверь въ сарай *Bg*. По словамъ г. Соборнова, нѣкоторыя избы имѣютъ родъ антресолей.

Описанный типъ корельскаго дома не является, однако, наиболѣе сложнымъ, но онъ достаточно обрисовываетъ ходъ развитія этого рода жилища. Домъ у архангельскихъ кореловъ представляетъ много общихъ чертъ съ только что описаннымъ. Г. Гейкель, со словъ г. Ерваста, подробно разбираетъ различные виды домовъ архангельскихъ кореловъ; мы ограничимся описаніемъ двухъ изъ нихъ. Рисунокъ 30 даетъ представленіе о наружномъ видѣ дома, рисунокъ 31 о внутреннемъ планѣ его. Лѣстница ведетъ въ сѣни *a* (рис. 31); направо отъ нихъ находится жилое помѣ-

Digitized by Google

щеніе *b*, а слѣва горница *c* и темная клѣть *d*. Въ углу, налѣво отъ входа, стоитъ печь. Шесть оконъ освѣщаютъ комнату. Въ нижнемъ этажѣ подъ комнатой устроена карзина — общее названіе для части нижняго этажа, находящейся подъ комнатой; подъ сѣнями—подклѣть. Изъ сѣней, противъ входа, ведетъ лѣстница внизъ въ нижнее помѣщеніе со стойломъ для скота *e* (*tanhua*), откуда выходъ наружу черезъ широкія ворота, видныя на рис. 30, другой выходъ въ хлѣвъ *f*, а оттуда въ коровникъ *h* и въ конюшню *g*. На рис. 30 видно, что надъ хлѣвомъ *f* устроенъ сарай къ которому ведетъ въѣздъ. Болѣе сложный планъ дома мы видимъ на рис. 32, хотя и здѣсь, какъ и въ предыдущемъ, сохраняется отмѣченная П. Чубинскимъ основная форма глаголемъ. Этотъ типъ г. Гейкель считаетъ особенно характернымъ для сѣверныхъ кореловъ. Изъ сѣней нижняго этажа идутъ съ двухъ сторонъ лѣстницы въ сѣни верхняго этажа (*j*). Направо отъ этихъ сѣней размѣщены: жилая комната *l*, проходъ *k* съ кроватью въ углу, еще комната *m* и помѣщеніе для храненія платья *n*. Кромѣ сѣней *j*, есть еще другія, большія сѣни *a*, изъ которыхъ съ одной стороны входъ въ комнату *b* и въ горницу *c*. Съ другой стороны входъ въ сарай *f* и въ клѣти *d* и *e*, изъ которыхъ послѣдняя темна. Подъ сѣнями *a* устроена подклѣть, полъ въ которой настолько низокъ, что какъ въ клѣти, такъ и въ сарай приходится подниматься по лѣстницамъ. Подъ комнатой *b* находится карзина, а подъ горницей *c*—клѣть, входъ въ которыя черезъ наружную дверь, устраиваемую подъ окнами съ лицевой стороны. Въ боковой комнатѣ—горницѣ *c*—дѣлаютъ обыкновенно два окна въ лицевой сторонѣ дома; на предложенномъ планѣ въ видѣ исключенія три окна. Подъ сараемъ *f* устроенъ хлѣвъ; въ сарай ведетъ подъѣздъ. Стойла *g*, *h*, *i* отдѣлены отъ остальной части дома и имѣютъ выходы наружу.

Г. Ервастъ сообщаетъ, что всѣ постройки архангельскихъ кореловъ строятся изъ неотесаннаго лѣса и не покрываются тесомъ. Крыша, по словамъ г. Соборнова (l. c.), двускатная, крытая тесомъ. У олонецкихъ кореловъ, по словамъ г. Гейкеля, печь такъ же, какъ и у нѣкоторыхъ волжскихъ финновъ, не имѣетъ въ настоящее время очага, но, по свидѣтельству П. Чубинскаго [1]), онъ еще

[1]) Чубинскій, l. c., стр. 102.

Digitized by Google

встрѣчался у архангельскихъ кореловъ; надъ нимъ въ котелкѣ готовили пищу. Этотъ-же авторъ сообщаетъ и подробности обстановки избы. Въ противоположномъ печи углу висятъ обыкновенно образа, старые и безъ всякихъ украшеній; въ этомъ же углу стоитъ столъ. Вокругъ стѣнъ — лавки. Около печи придѣлана лежанка, обшитая деревомъ, на которой спятъ. Кровати встрѣчаются большею частью лишь въ чистыхъ избахъ; въ послѣднихъ ставятся также стулья, количество которыхъ зависитъ отъ достатка хозяина; въ углу шкафикъ для посуды.

Переходя къ кореламъ (Гейкель, стр. 225—231), населяющимъ Финляндію, мы видимъ, что и тамъ современный домъ состоятельнаго хозяина развивается тѣмъ-же путемъ пристройки къ основному срубообразному типу. Въ отличіе отъ русскихъ кореловъ—финляндскіе располагаютъ свои хозяйственныя постройки во дворѣ, какъ это дѣлаетъ большинство финновъ. Рисунокъ 33 даетъ представленіе о внѣшнемъ видѣ средне-зажиточнаго дома, рисунокъ 34 о внутреннемъ его устройствѣ и планѣ двора. На этомъ планѣ сѣни *b* дѣлятъ домъ на двѣ половины; направо изба *a*, налѣво чистая горница *c* и узкая комната *d*, служащая для храненія молока и др. продуктовъ и соединяющаяся посредствомъ двери съ сѣнями. Старая горница *e* имѣетъ выходъ въ сѣни противъ входа [1]). Иногда двѣ теплыя избы располагаются по обѣимъ сторонамъ сѣней, а горница пристраивается къ сѣнной стѣнѣ, противоположной входу. Печи кладутся на помостъ изъ балокъ. Нижняя часть печей выкладывается изъ камней. Этотъ помостъ иногда выходитъ сбоку изъ-подъ печки и образуетъ большой ящикъ-голбецъ (*kolpitza*), который можно приподнимать; подъ нимъ лѣстница ведетъ въ подполье—*lautsia*. Карзина, какъ у русскихъ кореловъ, устраивается у финляндскихъ подъ печью, которую обставляютъ досками; въ этомъ помѣщеніи хранятъ зимой картофель, лѣтомъ—молоко и другіе напитки. Иногда карзиной финляндскіе корелы называютъ пространство между стѣной и задней стороной печи. У печного угла стоитъ довольно толстый столбъ, отъ котораго

[1]) Хозяйственныя постройки, размѣщенныя во дворѣ, слѣдующія: *f*—кота, *g*—баня, *h*— хлѣвъ, *i*, *i*—два стойла, *k*—конюшня и *l*—боковая комната для храненія съѣстныхъ припасовъ; надъ *k* и *l*—большой чердакъ, *m'*, *m''*, *m'''*—клѣти, *p*, *n*—риги, *o*—сарай, *r*, *s* и *u*—ворота рѣшетчатыя, *q*—дворъ, *t*—ворота, ведущія на проѣзжую дорогу и *w*—поле, засаженое картофелемъ.

Digitized by Google

идутъ двѣ толстыя низкія доски (*orsi*)—одна къ боковой, другая къ задней стѣнкѣ комнаты. Печь находится обыкновенно въ лѣвомъ отъ входа углу, причемъ печное устье направлено къ лицевой сторонѣ дома, въ которой находятся одно—два окна. Передъ печью устроенъ очагъ, надъ которымъ на крючкѣ виситъ котелъ. Печь закрывается заслонкой — деревянной или жестяной. Потолокъ поддерживается 2 — 5 балками, кромѣ того, поперечная балка (*pittaorsi* или *sidehirsi*) проходитъ на локоть ниже потолка, посрединѣ комнаты. Полъ досчатый, покоящійся на балкахъ. Кругомъ избы идутъ скамьи, лежащія часто на толстыхъ обрубкахъ; кромѣ того, г. Гейкель (стр. 227) изображаетъ переносную скамью, представляющую дальнѣйшее развитіе первобытной скамьи, встрѣчающейся у пермяковъ и зырянъ; обрубокъ на корельской скамьѣ сглаженъ и представляетъ подобіе толстыхъ ножекъ, а корни, образующіе у пермяковъ сидѣнье, переходятъ въ грубую доску съ развилкой на концѣ; вся скамья сдѣлана изъ одного куска. Далѣе въ избѣ финляндскаго корела стоитъ столъ (безъ ящика), но того-же типа, который часто встрѣчается у волжскихъ финновъ, а на стѣнѣ у входа виситъ шкафикъ для посуды. У стѣны, между печью и лицевой стѣнкой, стоитъ кровать, которая мѣстами сохранила еще свою первобытную форму: она снабжена досками сбоку и съ однаго конца и ставится на стѣнную скамью, причемъ ее подпираютъ столбикомъ, поставленномъ на землѣ.

Живущіе въ Финляндіи саволаксы (Гейкель, стр. 231 и слѣд.), вѣтвь кореловъ, представляютъ въ своихъ жилищахъ много общихъ чертъ съ финлядскими корелами, хотя въ способѣ пристройки отдѣльныхъ частей зданія иногда замѣчается и различіе. Примѣромъ можетъ служить изображенный планъ при рисункѣ 35, дающій представленіе о саволакскомъ домѣ. Изъ сѣней *b* налѣво входъ въ комнату *a*; другія двѣ двери изъ сѣней ведутъ въ горницу *c* и въ промежуточное пространство *d*; наконецъ, пятая дверь изъ сѣней ведетъ черезъ небольшое, полуоткрытое помѣщеніе въ горницу *e* (*eteistupa*) и въ *f* — помѣщеніе для храненія съѣстныхъ припасовъ. Иногда, впрочемъ, по обѣ стороны сѣней находятся двѣ жилыя комнаты. Печи ставятся въ лѣвомъ отъ входа углу; ихъ устье обращено къ лицевой сторонѣ; оконъ на этой сторонѣ — одно-два. На боковыхъ стѣнахъ, противоположныхъ тѣмъ, у которыхъ стоитъ печь, продѣлываются такъ-же окна,

Digitized by Google

какъ и у кореловъ; наконецъ, окна (волоковыя), какъ у этихъ послѣднихъ, помѣщаются иногда у задней стороны дома. Въ саволакскомъ домѣ поперекъ комнаты проходитъ толстая балка (мѣсто выхода ея наружу видно на рис. 35), на которой покоятся поддерживающія потолокъ балки. Печь снабжена, какъ и у кореловъ, очагомъ, надъ которымъ виситъ котелъ на крючкѣ. У болѣе состоятельныхъ саволаксовъ на дворѣ стоитъ отдѣльно болѣе новая постройка, предназначенная для гостей (*wierastupa*); она отличается большей чистотой; обыкновенно въ ней находится «голландская» печь. Такія избы строятся всюду въ восточной и средней частяхъ Финляндіи, гдѣ основной домъ недостаточно великъ, чтобы размѣстить гостей.

Въ Остерботніи мы снова наталкиваемся на систему построекъ, близкую, по словамъ г. Гейкеля, къ типу русско-корельскому (Гейкель, стр. 252 и слѣд.) Здѣсь часто встрѣчаются двухэтажные дома, соединяющіе подъ одною крышей разныя хозяйственныя помѣщенія. Но, какъ это будетъ явствовать изъ дальнѣйшаго описанія, остерботнійскіе дома далеко не достигли въ степени соединенія построекъ того развитія, которое мы видѣли у русскихъ кореловъ. Эту разницу легко усмотрѣть при сравненіи домовъ русскихъ кореловъ съ рисункомъ 36, изображающимъ остерботнійскій домъ. На прилагаемомъ рисункѣ мы видимъ, что часть крыши ниже другой; болѣе низкая часть крыши находится надъ старой избой, къ которой впослѣдствіи была пристроена болѣе новая, съ болѣе высоко поднятой крышей. На планѣ (рис. 37) мы видимъ внутреннее расположеніе этого-же дома: I—входная лѣстница, крыльцо, которое ведетъ въ сѣни (II); изъ сѣней направо входъ въ старую избу (III) pirtti, въ которой находятся: *a*—печь, *b*—скамейки, *c*—столъ, *d*—шкафики, *e*—прялка, *t*—лежанка на печкѣ и *i*—корзина. Далѣе налѣво изъ сѣней входъ въ новую избу (IV) tupa, въ которой помѣщается почти все то-же, что и въ старой (отмѣчены на планѣ тѣми-же буквами) и, кромѣ того, постели (*g*). Четвертая дверь изъ сѣней, противоположная входной, ведетъ въ кухню (V), а пятая—въ помѣщеніе для храненія молока (VI), которое соединяется съ другимъ помѣщеніемъ того-же назначенія (VII). Расположеніе печей и оконъ съ достаточной ясностью видно на планѣ. Чтобы дать болѣе ясное представленіе объ остерботнійскомъ домѣ, приводимъ еще планъ (рис. 38, см. рядомъ съ рис. 24) и

Digitized by Google

объясненіе къ нему. Домъ двухэтажный *A*—нижній, *B*—верхній этажъ. Изъ сѣней *Aa* дверь направо ведетъ въ избу *Ab* (*asuintupa*); направо въ углу—печь; въ комнатѣ разставлены скамьи вдоль стѣнъ, столъ, постели и пр. Налѣво изъ сѣней входъ въ помѣщеніе *d*, которое у бѣдныхъ служитъ кладовой или помѣщеніемъ для храненія молока, у болѣе богатыхъ является парадной комнатой съ кафельной печью, обоями и пр. Помѣщеніе *c* служитъ для храненія съѣстныхъ припасовъ. Къ комнатѣ *a* примыкаютъ комнаты *e* и *f*, изъ которыхъ первая служитъ спальней хозяевамъ, а вторая предназначена для гостей. Изъ сѣней лѣстница ведетъ въ верхній этажъ *B*. Въ немъ находятся два чердачныхъ помѣщенія (*a* и *b'*), далѣе комната (*c'*); въ которой живутъ обыкновенно сыновья, и *t'*—помѣщеніе дочерей, *e'*, *e'* и *d'*—чердачныя помѣщенія, изъ которыхъ послѣднее иногда приспособляется для жилья. [1]) Приведенныя нами описанія расположенія помѣщеній въ остерботнійскомъ домѣ указываютъ, что если принципъ соединенія разныхъ зданій подъ одной крышей и имѣетъ здѣсь мѣсто, то онъ примѣняется совершенно иначе, чѣмъ въ домахъ русскихъ кореловъ и зырянъ. Въ самомъ дѣлѣ, у двухъ послѣднихъ народностей мы видимъ стремленіе соединить подъ одной крышей все хозяйство, по крайней мѣрѣ все, что является наиболѣе существеннымъ въ жизни корела и зырянина. У олонецкихъ кореловъ это соединеніе идетъ такъ далеко, что, по словамъ В. Майнова[2]), дворъ почти совершенно уничтожается. Подчасъ только бани стоятъ отдѣльно; всѣ-же остальныя хозяйственныя постройки находятся подъ одной крышей съ жилымъ помѣщеніемъ, либо въ непосредственной близости отъ послѣдняго: здѣсь стоитъ скотъ, наверху, въ сараѣ хранятся телѣги, сельскохозяйственныя орудія, сѣно, солома и пр. Другое дѣло остерботнійскій домъ: хозяйственныя постройки расположены на дворѣ. Подъ одной кровлей съ жилымъ помѣщеніемъ находятся только кладовыя, въ которыхъ хранится лишь то, что необходимо для домашняг обихода, а не для хозяйства въ болѣе широкомъ смыслѣ. Развитіе русско-корельскаго и зырянскаго дома идетъ путемъ присоединенія къ остальному жилому помѣщенію хозяйственныхъ службъ, а развитіе остерботнійскаго дома,

[1]) Рисунокъ *C* изображаетъ расположеніе разнаго рода хозяйственныхъ приспособленій по стѣнамъ и поперечнымъ балкамъ въ комнатѣ *Ab*.

[2]) Майновъ: Поѣздка въ Обонежье и Корелу, стр. 275

Digitized by Google

наоборотъ, идетъ путемъ увеличенія числа и размѣровъ жилыхъ помѣщеній. Если въ разсмотрѣнныхъ нами саволакскихъ домахъ, какъ и въ домахъ финляндскихъ кореловъ, находятся, напр., двѣ жилыхъ комнаты справа и слѣва отъ сѣней, то въ остерботнійскомъ домѣ мы видимъ къ нимъ лишь дальнѣйшія пристройки такихъ-же жилыхъ комнатъ, при чемъ при разрастаніи семьи число комнатъ, если это позволяетъ благосостояніе ея, увеличивается, а также утилизируется и чердачное помѣщеніе. Это различіе въ цѣляхъ, которыя руководятъ при развитіи и расширеніи дома, накладываетъ рѣзкій отпечатокъ на остерботнійскіе дома, въ отличіе отъ русско-корельскихъ и зырянскихъ, и не позволяетъ намъ, какъ это дѣлаетъ г. Гейкель, видѣть въ развитіи остерботнійскихъ домовъ тотъ же принципъ, какъ и въ послѣднихъ. Ближайшее знакомство съ домами финляндцевъ въ другихъ мѣстностяхъ Финляндіи лишь подтвердитъ высказанное нами положеніе.

Г. Гейкель (стр. 270 и слѣд.) даетъ слѣдующее описаніе жилого помѣщенія, характернаго для центра области, населенной т а в а с т а м и. По лѣстницѣ входишь въ обширныя сѣни, въ которыхъ находятся двѣ двери: одна ведетъ въ хозяйскую комнату—избу, другая—въ комнату, назначенную для гостей или для изготовленія пищи. Дверь противъ входа въ сѣняхъ ведетъ къ небольшой пристройкѣ, въ которой помѣщается обыкновенно кухня и горница или только одна горница. Около угла, образуемаго главнымъ зданіемъ и пристройкой, устраивается небольшая дверь, черезъ которую можно пройти въ находящіяся за домомъ хозяйственныя пристройки. Хозяйская комната (pirti) играетъ наиболѣе важную роль въ каждодневной жизни таваста: здѣсь обѣдаютъ, работаютъ, пекутъ хлѣбъ, если для этой цѣли не устроено на дворѣ отдѣльное помѣщеніе, и готовятъ пищу, когда нѣтъ въ домѣ особой кухни. Ее строятъ изъ лучшаго лѣса; бревна отесаны снаружи и внутри. Полъ плотный, деревянный; между досчатымъ потолкомъ и крышей находится обширное чердачное помѣщеніе. Въ углу, у входной стѣны, ставится печь; она занимаетъ $^1/_5$—$^1/_6$ часть помѣщенія и кладется—нижняя часть изъ крупныхъ камней, верхняя—изъ кирпичей или мелкихъ неотесанныхъ камней; вся она покрывается глиной и выбѣливается известью. Около печи устраивается печь для приготовленія хлѣба. Печь снабжена хорошо устроенной трубой. Около печи же, въ углу, устраивается еще очагъ, съ трубой,

Digitized by Google

соединяющейся съ печной трубой; надъ очагомъ вѣшаютъ на крюкѣ котелъ. Комната освѣщается стекольчатыми окнами, изъ которыхъ два находятся на боковой стѣнѣ, и одно—на лицевой. Въ стѣнѣ, около печи находится люкъ, закрываемый доской. По стѣнамъ идутъ лавки; въ углу, образуемомъ этими послѣдними, между лицевой и боковой стѣнами, стоитъ столъ, доска котораго въ прежнее время изготовлялась изъ одного куска дерева. Въ этомъ углу—почетное мѣсто, которое занимаетъ за обѣдомъ хозяинъ.

Въ описанномъ типѣ тавастскаго дома мы уже видимъ, что къ основнымъ частямъ—сѣнямъ съ двумя комнатами по сторонамъ—пристраивается еще комната и кухня. Съ развитіемъ благосостоянія количество комнатъ увеличивается, и на рис. 39 мы встрѣчаемся съ планомъ тавастскаго двора, въ которомъ жилое помѣщеніе чрезвычайно обширно: №№ 1 и 2 плана—кладовыя, 3—проѣздъ съ воротами, 4—новая конюшня, 5—сарай; 6—8, 10, 13 и 14—комнаты съ кафельными печами, 9—кухня, 11—сѣни, 12—изба (pirti), 15—помѣщеніе для приготовленія хлѣба, 16—навѣсъ, 17—конюшня, 18 и 26—коты, 19 и 20—бани, 21 и 22—риги, 23—амбаръ, 24—простая клѣть, 25, 27 и 30—сараи, 28—амбаръ для храненія зерна и 29—коровникъ. Въ только что объясненномъ планѣ, который можетъ также служить и типомъ двора зажиточнаго таваста, мы замѣчаемъ, что къ основному жилому помѣщенію (сѣни, кухня и изба №№ 9, 11 и 12) пристроены сначала комнаты №№ 10, 13 и 14, а затѣмъ, съ увеличеніемъ благосостоянія, и комнаты №№ 6—8. Подъ одной крышей мы встрѣчаемъ здѣсь значительное количество помѣщеній, служащихъ для жилья и для домашнихъ нуждъ; главное отличіе отъ остерботнійскаго дома заключается въ томъ, что описанный тавастскій домъ одноэтажный; но принципъ, приводящій къ развитію его, тотъ-же, что и остерботнійскаго. Какъ тамъ, такъ и здѣсь матеріальное благосостояніе позволяетъ не ютиться больше въ одной или двухъ комнатахъ, позволяетъ пристроить отдѣльныя помѣщенія для взрослыхъ членовъ семьи, но ни въ остерботнійскомъ, ни въ тавастскомъ домѣ мы не замѣчаемъ стремленія объединить подъ одной кровлей все хозяйство. Г. Гейкель въ устройствѣ тавастскаго дома и не отмѣчаетъ этой черты; тѣмъ болѣе страннымъ кажется, что въ остерботнійскомъ домѣ, который развивается по тѣмъ-же законамъ, какъ и тавастскій, онъ видитъ черты, позволяющія ему сблизить его съ русско-корельскимъ типомъ.

Digitized by Google

Въ домахъ Остерботніи и Тавастляндіи мы имѣемъ примѣры высшаго развитія жилища у финновъ; описанныя нами жилыя помѣщенія не подходятъ къ понятію, соединяемому обыкновенно съ выраженіемъ *изба*; это дома, центромъ которыхъ лишь является изба, вокругъ которой группируются другія комнаты.

Переходя отъ этихъ типовъ къ жилищамъ эстовъ, мы видимъ, что они далеко не достигли того развитія, какъ у ихъ сѣверныхъ сосѣдей-финляндцевъ. Уже по внѣшнему виду, пишетъ г. Гейкель (стр. 161), эстонскіе дома производятъ своеобразное впечатлѣніе. Сравнительно низкія стѣны, выстроенныя частью изъ дерева, частью изъ песчаника, поддерживаютъ несоразмѣрно большую, тяжелую четырехскатную крышу, крытую соломою (см. рис. 13). Хотя эстонскіе дома и кажутся на первый взглядъ совершенно чуждыми и взятые въ общихъ чертахъ представляютъ своеобразный типъ построекъ, тѣмъ не менѣе при ближайшемъ ознакомленіи видно, что они въ существенныхъ частяхъ своихъ примыкаютъ къ типамъ, которые мы видѣли у волжскихъ народностей и въ Финляндіи. Общая черта современныхъ эстонскихъ домовъ, говоритъ А. Д. Солодовниковъ [1]), заключается въ томъ, что каждый изъ нихъ состоитъ изъ двухъ частей: помѣщенія для жилья и хозяйственнаго помѣщенія. Этотъ типъ, по словамъ цитуемаго автора, является характернымъ для жилища крестьянъ-арендаторовъ Эстляндской губ., въ то время какъ бобыли, элементъ болѣе бѣдный, довольствуются описаннымъ выше жилищемъ, первобытнымъ срубомъ. Г. Гейкель подводитъ жилища эстонцевъ къ четыремъ главнымъ типамъ, но, строго говоря, они представляютъ лишь частныя видоизмѣненія основного плана. Изба средней руки эстонскаго крестьянина представляетъ, по словамъ А. Д. Солодовникова, зданіе, саженъ 6—10 длины и 3—4½ сажени ширины. Сѣни дѣлятъ зданіе на двѣ части: жилое помѣщеніе, которое обыкновенно строится изъ дерева, и хозяйственное, выведенное обыкновенно изъ камня и только у бѣднѣйшихъ выстроенное изъ дерева. Жилое помѣщеніе дѣлится обыкновенно на нѣсколько комнатъ. Г. Гейкель описываетъ, какъ простѣйшій типъ жилища эстонцевъ, избу, въ которой по одну сторону сѣней находится только одна комната, а по другую одно помѣщеніе для

[1]) Солодовниковъ: Жилище эстонцевъ.

Digitized by Google

хозяйственныхъ цѣлей (см. выше). У болѣе состоятельныхъ лицъ въ домахъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ комнатъ, къ сѣнямъ, которыя служатъ одновременно чуланомъ и мѣстомъ складки хозяйственныхъ принадлежностей, примыкаетъ съ правой стороны чистая комната, назначенная для хозяевъ (*каммеръ*); она соединяется съ сѣнями дверью. Каммеръ служитъ и столовой, и рабочей, и пріемной комнатой хозяевъ. Изъ нея обыкновенно ведутъ двѣ двери: одна въ такъ называемую *тагумэнэ-каммеръ*, служащую спальней для хозяевъ и дѣтской, другая — въ самое обширное помѣщеніе — *тубу*, которая служитъ въ настоящее время кухней и вмѣстѣ съ тѣмъ помѣщеніемъ для взрослыхъ сыновей и рабочихъ. Туба соединяется дверью съ сѣнями (*ускаязинъ*). По другую сторону сѣней находятся хозяйственныя пристройки, одно, соединенное дверью съ тубой, носитъ названіе *рехе-алумэ*; въ немъ хранится еще не обмолоченный хлѣбъ и болѣе цѣнныя вещи хозяйственнаго инвентаря. Изъ рехе-алумэ большія двустворчатыя ворота ведутъ во дворъ. Другое помѣщеніе, соединенное дверью съ рехе-алумэ, служитъ иногда складочнымъ мѣстомъ зернового корма для скота, а иногда чуланомъ; оно называется *ладу*. Присматриваясь ближе къ устройству жилища у эстовъ, пишетъ А. Д. Солодовниковъ, „мы видимъ здѣсь ту же тубу, тотъ-же ускаязинъ, что встрѣчается и въ бобыльей избѣ; лишними комнатами являются каммеръ и тагумэнэ-каммеръ, расположенныя притомъ обыкновенно съ боку отъ тубы и ускаязина". Въ устройствѣ эстонскаго дома мы замѣчаемъ почти всюду отмѣченную нами ту же группировку болѣе позднихъ пристроекъ къ основному перту-тубѣ.

Г. Гейкель (стр. 174) помѣщаетъ изображеніе нѣсколькихъ типовъ эстонскихъ жилищъ, которыя представляютъ болѣе или менѣе разнообразную группировку отдѣльныхъ помѣщеній вокругъ тубы (рис. 40). На планѣ X, изображающемъ домъ около Леаля (Эстляндской губ.), мы видимъ *a* — туба, *b* — сѣни (*toa ezine*), *c* — *laut* или рехе-алумэ, *d* — каммеръ, *e* — маленькая каммеръ (*tillukene kamber*), *f* — зимнее помѣщеніе для скота, *g* — лѣтнее помѣщеніе и *h* — свиной хлѣвъ.

Планы *Y* и *Z* представляютъ эстонскіе дома въ Лифляндской губ. (Пайстель). Въ нихъ, по справедливому замѣчанію г. Гейкеля (стр. 174), характерно то, что тубы *a* лишены свѣта, такъ какъ онѣ окружены со всѣхъ сторонъ комнатами; *d*, *c* и

Digitized by Google

e—жилыя помѣщенія, *b*—сѣни; на планѣ *Z* въ сѣняхъ отдѣлено небольшое помѣщеніе *k*, служащее для храненія провизіи (*sahwer* или *toidukammer*), называемое иногда также холодной комнатой — *külmkammer*. Далѣе, съ другой стороны тубы *a* устроены также сѣни *h*, около которыхъ помѣщается холодная комната *i*, соотвѣтствующая комнатѣ *k*; *j*—сарайчикъ, относящійся къ рехеалуме *c*, этому сарайчику на планѣ *Y* соотвѣтствуетъ комната *l*; *m* на послѣднемъ и *l* на планѣ *Z* — свиные хлѣвы; *f* и *g* на пл. *Z*—пристроенныя жилыя помѣщенія. Въ описанномъ домѣ (*Z*) только въ комнатахъ *f* и *g* полъ былъ досчатый; въ другихъ—онъ былъ земляной или покрытый каменными плитами. Часто случается, по словамъ автора, что часть комнаты покрыта досчатымъ поломъ, часть — сохраняетъ земляной. Въ болѣе новыхъ помѣщеніяхъ встрѣчаются вмѣсто простыхъ печей плиты. Мы не будемъ слѣдовать за г. Гейкелемъ въ его описаніи подробностей видоизмѣненій плановъ эстонскихъ домовъ: какъ-бы ни группировались отдѣльныя помѣщенія, для нашихъ цѣлей достаточно отмѣтить, что центромъ группировки всегда является туба, т.-е., первобытный срубъ, отмѣченный нами у большинства финскихъ народностей, какъ основа развитія современной избы. Отмѣтимъ въ качествѣ интересной и важной подробности для исторіи развитія эстонскаго жилья, что, по словамъ г. Гейкеля, эстонцы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даютъ названіе своему жилищу, какъ цѣлому—*saun* (баня, землянка) и что сѣни иногда называются *koda* (шалашъ).

Г. Гейкель отмѣчаетъ также, что у эстонцевъ домъ обыкновенно отапливается одной печью. Эту же особенность замѣчаетъ и А. Д. Солодовниковъ. До настоящаго времени, по словамъ послѣдняго, печь въ большинствѣ случаевъ устраивается безтрубной, такъ что туба является курной избой. „Помѣщики, пишетъ онъ, отдавая въ аренду землю, строили для своихъ арендаторовъ иногда дома и съ трубными печами, но крестьяне очень неохотно шли на это и предпочитали оставаться на участкахъ, гдѣ были курныя избы. Этотъ фактъ заставлялъ нѣкоторыхъ изслѣдователей эстонскаго быта (напр. Крузе) предполагать, что эстонцы не желаютъ лучшихъ домовъ“. Этой „привязанности“ эстонцевъ къ курнымъ избамъ авторъ даетъ слѣдующее объясненіе: съ одной стороны, помѣщики, устроившіе лучшія жилыя помѣщенія, возвы-

Digitized by Google

шали вмѣстѣ съ тѣмъ и арендную плату; съ другой—такъ какъ лѣсъ является въ Эстляндской губ. собственностью помѣщика, а не крестьянъ, то пользованіе печью съ трубою должно было накладывать лишнія обязательства на послѣднихъ. Для того чтобы сдѣлать присутствіе дыма въ жиломъ помѣщеніи болѣе сноснымъ, устраивается передъ наружной входной дверью еще „полудверь“—санга, она препятствуетъ входу холоднаго воздуха, когда открываютъ наружную дверь для выпусканія дыма. Печи съ трубами появляются обыкновенно у богатыхъ крестьянъ, которые выкупили свои участки. Съ улучшеніемъ отопленія идетъ и улучшеніе во внутренней обстановкѣ дома, въ которой эстонецъ стремится подражать помѣщикамъ [1]).

Выше мы указывали, что крыша придаетъ особый характеръ эстонской избѣ. На всѣхъ домахъ, пишетъ М. П. Веске, крыши такъ называемыя „шатровыя“, четырехскатныя, при чемъ на узкихъ сторонахъ сдѣлано снаружи углубленіе, которое съ внутренней стороны представляетъ форму свода и называется *kelp* [2]). Къ балкамъ, составляющимъ основу крыши, прикрѣпляются жерди, лежащія параллельно стѣнѣ дома; на нихъ кладется солома; она укрѣпляется деревянными рогатками, которыя ставятся сверху, на острый конецъ крыши (Гейкель, стр. 206).

Относительно способовъ устройства жилищъ у почти вымершихъ въ настоящее время ливовъ извѣстно очень мало; свѣдѣнія, хотя и далеко не полныя, но достаточныя для того, чтобы отыскать въ ливскомъ домѣ черты, общія жилищамъ остальныхъ финскихъ народностей, находятся въ статьѣ пастора Липпа [3]). Ворота ведутъ во дворъ, на одной сторонѣ котораго стоитъ клѣть, на другой — жилой домъ, обращенный къ внутренности двора своей длинной стороной; дальше стоятъ еще клѣть и кухня; за ними—помѣщеніе для скота, баня и рига. Дверь въ концѣ длинной стѣны жилого дома ведетъ въ сѣни — большое темное помѣщеніе безъ окна· на глиняномъ полу устроенъ первобытный очагъ изъ камней. Дымъ проходитъ черезъ скважины крыши. Изъ сѣней дверь ведетъ въ собственно жилую комнату. Полъ въ послѣдней

---

[1]) А. Д. Солодовниковъ: Жилище эстонцевъ.

[2]) Веске: Славяно-финскія культурныя отношенія, стр. 219, примѣч.

[3]) Lipp. Die Liven. Sitzungsb. d. Gel. Estn. Ges. zu Dorpat. 1889, стр. 94, 95.

Digitized by Google

обыкновенно досчатый, окна маленькія, потолокъ низкій. Печь, обыкновенно выбѣленная, находится въ углу, но прислонена только къ задней стѣнѣ, такъ какъ она отапливается изъ сѣней, которыя носятъ названіе *liesi-koda*; въ печи, въ части ея, выходящей въ жилую комнату, устраивается отдушникъ, прикрываемый кирпичомъ. По обѣимъ сторонамъ печи идутъ скамейки. Эти послѣднія поставлены и въ другихъ частяхъ комнаты; стулья рѣдки. Въ комнатѣ устанавливаются столъ, шкафъ, постель и пр.

Не имѣя въ распоряженіи другихъ, болѣе подробныхъ литературныхъ данныхъ о ливскомъ домѣ, мы затрудняемся сказать, слѣдуетъ-ли считать описанный пасторомъ Липпомъ типъ господствующимъ, или нѣтъ. Во всякомъ случаѣ онъ представляетъ много архаичныхъ чертъ, въ настоящее время уже утраченныхъ у большинства финскихъ народностей. Въ общемъ расположеніе хозяйственныхъ построекъ во дворѣ, обращеніе фасада и входа во дворъ у ливовъ являются характерными чертами устройства финскихъ домовъ. Въ планѣ дома не трудно отличить первобытный срубъ безъ сѣней, къ которому пристроена позднѣе комната. Въ этомъ отношеніи описанный типъ ливскаго дома является примѣромъ одного изъ простѣйшихъ способовъ расширенія жилого помѣщенія.

При описаніи устройства домовъ у западныхъ финновъ мы не останавливались подробно на формѣ печей, такъ какъ онѣ представляютъ собой много общаго и отличаются въ значительной степени отъ печей у волжскихъ финновъ. Въ исторіи развитія очага у финновъ можно наблюдать слѣдующія главныя формы развитія: первобытный очагъ замѣняется сначала чуваломъ, т.-е. очагомъ съ трубой или каменкой; развитіе этихъ послѣднихъ приводитъ къ печи, но сохраняющійся обычай готовить себѣ пищу въ котлахъ заставляетъ или вмазываетъ котелъ въ печь или передъ печью устраивать еще очагъ. Послѣдній обычай почти совершенно вышелъ изъ употребленія у нѣкоторыхъ волжскихъ финновъ (мордва, горные черемисы), по основательному мнѣнію г. Гейкеля, подъ русскимъ вліяніемъ, такъ какъ въ русскихъ избахъ не чувствуется нужды въ очагѣ, вслѣдствіе обыкновенія готовить себѣ пищу въ горшкахъ, которые прямо ставятся въ печь. У волжскихъ народностей, далѣе, подъ тѣмъ-же вліяніемъ русскихъ, печь ставится на бревенчатую раму. Указанными двумя чертами устройство печи

Digitized by Google

у восточныхъ финновъ разнится, по мнѣнію г. Гейкеля, отъ устройства ея на западѣ; далѣе, въ положеніи печи на западѣ сохранился болѣе древній обычай обращать устье печи къ двери, въ то время какъ восточные финны почти исключительно обращаютъ устье къ фасадной стѣнѣ, освѣщенной окнами. У эстовъ и финновъ (Гейкель, стр. 328—330), если откинуть отдѣльныя исключенія, является типичнымъ 1) то, что печь оставится непосредственно на полъ, такъ что бревенчатая рама не употребляется, и 2) что печь соединяется обыкновенно съ очагомъ, при чемъ послѣдній подвергся значительнымъ перемѣнамъ. Хотя очагъ въ первобытномъ своемъ видѣ общеупотребителенъ у эстовъ и въ Финляндіи, онъ въ своемъ развитіи достигъ формы, извѣстной въ Финляндіи подъ названіемъ *takka* (рис. 41). Этотъ типъ очага, относительно происхожденіи котораго изъ чувала едва-ли можетъ быть сомнѣніе, встрѣчается и у эстовъ, хотя наибольшаго развитія онъ достигъ и является общеупотребительнымъ въ юго-западныхъ частяхъ Финляндіи, т.-е. въ области, населенной тавастами, для жилища которыхъ онъ является особенно характернымъ. Соединеніе очага съ печью привело къ двумъ господствующимъ формамъ. Открытый очагъ устраивается *передъ* печнымъ устьемъ (рис. 42); надъ нимъ привѣшивается котелъ. Эта форма весьма часто встрѣчается у эстовъ и кореловъ, вслѣдствіе чего г. Гейкель даетъ ей, впрочемъ не совсѣмъ справедливое названіе *эстонско-корельской*. Дальнѣйшее развитіе этого типа у западныхъ финновъ привело къ появленію болѣе сложныхъ формъ печей, извѣстныхъ у эстовъ, кореловъ и финляндцевъ. Примѣрами могутъ служить рис. 43 и 44. Къ этому типу принадлежали, пишетъ г. Гейкель, и печи у волжскихъ финновъ въ прежнее время. „Онъ, несомнѣнно, возникъ уже въ древнее время, хотя утверждать, что онъ появился до раздѣленія славянами финновъ на восточныхъ и западныхъ и было-бы слишкомъ смѣлымъ“ [1]). Во всякомъ случаѣ его слѣдуетъ считать болѣе древнимъ, чѣмъ вторая форма, заключающаяся въ томъ,

[1]) Мы видѣли, что г. Гейкель отмѣчаетъ этотъ-же типъ у луговыхъ черемисовъ и видитъ слѣды его и у мордвы. Относительно послѣдней онъ ссылается на русскіе литературные источники, согласно которымъ оказывается, что въ прежнее время мордва готовила себѣ пищу исключительно въ котлахъ. Далѣе этотъ-же типъ соединенія очага съ печью мы отмѣчали у вотяковъ, со словъ г. Бехтерева и г. Богаевскаго.

Digitized by Google

что *около* печи возводится очагъ *takka*, такъ что устья печи и очага отдѣлены стѣнкой (рис. 45). Эта форма продолжаетъ развиваться и принимать болѣе сложный видъ. Она является господствующей въ Остерботніи и извѣстна также и въ Скандинавіи, вслѣдствіе чего г. Гейкель даетъ ей названіе *скандинавско-остерботнійской*.

У описанныхъ нами восточныхъ и западныхъ финновъ мы могли отмѣтить одну общую черту, одну руководящую идею при расширеніи своего жилища; несмотря на кажущееся различіе достаточно анализировать планы, чтобы убѣдиться, что законы развитія современнаго типа жилья были одинаковы у разныхъ финскихъ народностей: преимущественное различіе заключается въ той ступени, на которой остановилось у различныхъ финскихъ народностей развитіе плана дома. Но это единообразіе касается преимущественно лишь плана и отчасти внутренняго устройства жилья. Если обратить вниманіе и на внѣшность, мы будемъ поражены существующими рѣзкими различіями въ устройствѣ домовъ по народностямъ. Въ предыдущемъ описаніи разныхъ типовъ домовъ мы неоднократно останавливались и на ихъ внѣшности, и достаточно бѣглаго взгляда на приложенные рисунки жилищъ мордвы, кореловъ и эстовъ, чтобы убѣдиться, что каждый изъ нихъ имѣетъ свой особый отпечатокъ. Главная причина этихъ различій объясняется, конечно, вліяніемъ разнообразныхъ болѣе культурныхъ сосѣдей на финновъ. Прежде, однако, чѣмъ приступить къ уясненію себѣ вопросовъ, въ чемъ собственно сказалось это вліяніе, укажемъ еще на нѣкоторыя черты, которыя внѣ зависимости отъ посторонняго вліянія накладываютъ особый отпечатокъ на характеръ жилища.

Намъ приходилось уже неоднократно отмѣчать, что финскія избы строятся изъ дерева; это объясняется прежде всего обилiемъ до послѣдняго времени лѣса въ большинствѣ областей, населенныхъ финнами. Однако тамъ, гдѣ лѣсъ оказывается дорогъ и гдѣ присутствіе камня это позволяетъ, финнъ пользуется этимъ послѣднимъ для возведенія если и не всего, то, по крайней мѣрѣ, значительной части своего дома. Мы видѣли, что эсты часть дома, назначенную для хозяйственныхъ нуждъ, возводятъ изъ камня и что даже *кота* ставится на каменную основу. Отсутствіе лѣса въ связи съ неудовлетворительнымъ экономическимъ положеніемъ препятствуетъ устройству тесовыхъ крышъ: у эстонцевъ только

Digitized by Google

самые богатые кроютъ свои дома тесомъ или черепицей; большинство бѣдныхъ ограничивается соломенной крышей. У олонецкихъ кореловъ, у которыхъ хлѣбопашество развито сравнительно слабо, мы видимъ, наоборотъ, что даже у бѣдныхъ крыши тесовыя: обиліе лѣса дѣлаетъ для корела доступной дорогую для эста крышу, которая корелу обходится дешевле, чѣмъ если-бы онъ пожелалъ покрыть свой домъ соломой, которую онъ употребляетъ на кормъ скоту [1]). Нѣкоторыя финскія народности отесываютъ бревна, идущія на постройку; другіе этого не дѣлаютъ, и это накладываетъ также особый отпечатокъ. Является-ли обычай отесывать бревна продуктомъ самостоятельнаго развитія, или заимствованія, рѣшить трудно. Далѣе, вслѣдствіе условій мѣстности, матеріаломъ для жилья служитъ дернъ, укрѣпляемый деревянными столбами: подобныя жилыя постройки встрѣчаются, по словамъ г. Гейкеля (стр. 251), въ Остерботніи. Несмотря на различіе въ матеріалѣ, онѣ ни въ планѣ ни во внутреннемъ устройствѣ не представляютъ рѣзкихъ уклоненій отъ обыкновенныхъ небольшихъ срубчатыхъ избъ. Различіе въ матеріалѣ, которымъ можетъ пользоваться финнъ для своего жилища, накладываетъ и отпечатокъ на устройство печи. Такъ, въ волжско-камскихъ областяхъ, гдѣ камень рѣдокъ, господствуютъ глинобитныя печи; въ Эстляндской и Олонецкой губ. и въ Финляндіи печи кладутся изъ камня. Какъ ни кажутся малозначущими указанныя различія, они, взятыя въ совокупности, придаютъ своеобразныя черты финскимъ домамъ по мѣстностямъ.

Изъ всѣхъ описанныхъ нами формъ жилищъ, встрѣчаемыхъ у разныхъ финскихъ народностей, только шалашъ и землянка, повидимому, появляются у финновъ безъ посторонняго вліянія. Вліяніе сосѣдей началось еще въ очень отдаленныя времена, и этому вліянію финны обязаны появленіемъ въ ихъ средѣ болѣе прочныхъ жилищъ—срубовъ. Мы видѣли, что для обозначенія послѣднихъ у

---

[1]) По даннымъ, собраннымъ Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ, оказывается, что у кореловъ Олонецкой губ. нѣтъ ни одной крыши, крытой соломой. У эстовъ Эстляндской губ., гдѣ лѣсъ находится въ собственности у помѣщиковъ, преобладаютъ соломенныя крыши. Такъ, изъ 28383 деревянныхъ жилыхъ строеній—27644 крыты соломой, т.-е. слишкомъ 98%, а изъ 288 каменныхъ жилыхъ строеній соломой крыты 263, т.-е. 91,3%. Деревянныхъ крышъ считается всего на крестьянскихъ жилыхъ строеніяхъ 740, черепичныхъ—21 (изъ нихъ 13 на каменныхъ строеніяхъ) и 1 желѣзная.

Digitized by Google

черемисовъ употребляется слово—*pört*, у финляндскихъ финновъ *pört*, *pirtti*, у русскихъ лопарей—*пырть* (*пертъ*); у скандинавскихъ лопарей, финл. финновъ и кореловъ—*tupa*, у эстовъ и ливовъ—*tuba*; Алквистъ присоединяетъ къ этому, что слово *pert* употребляется и у вепсовъ въ значеніи избы, преимущественно курной. Какъ то, такъ и другое слово оказываются заимствованными. Что касается перваго названія, то Алквистъ [1]) замѣчаетъ, что въ мѣстностяхъ около Або этимъ именемъ (pirtti) называется баня; въ этомъ значеніи это слово перешло къ финнамъ изъ литовскаго, въ которомъ лит. *pirtis*, лат. *pirts*—значитъ баня, отъ глагола лит. perti, лат. *pert*—купаться, соотвѣтствующее русскому *парить*, *париться* отъ сущ. паръ. Фактъ, что слово *pirrti* имѣетъ такимъ образомъ два значенія *бани* и *жилого помѣщенія*, объясняется, по мнѣнію Алквиста, тѣмъ, что въ болѣе древнее время одно и то-же помѣщеніе служило и тѣмъ, и другимъ, какъ это въ настоящемъ еще встрѣчается у эстовъ. Къ лопарямъ это слово перешло черезъ посредство другихъ финскихъ народовъ. Давая такое объясненіе происхожденію слова *pört*, *pert* у финновъ, Алквистъ [2]) страннымъ образомъ выдѣляетъ черемисское *pört*, которое, по его мнѣнію, происходитъ отъ тюркскаго *gurt* путемъ замѣны *g* губнымъ *p* и не стоитъ ни въ какой связи съ финл. *pirtti*. Къ этому объясненію, кажется намъ, Алквистъ былъ вынужденъ прибѣгнуть въ виду того, что трудно было предположить вліяніе литовскаго племени на восточныхъ финновъ. Веске, [3]) считая также это слово заимствованнымъ, отодвигаетъ эпоху, когда заимствованіе произошло, къ періоду, когда славянскіе, литовскіе и германскіе языки составляли еще одно цѣлое; этимъ путемъ объясняется, по его мнѣнію, почему у восточныхъ и западныхъ финновъ встрѣчается одно и то-же названіе для обозначенія избы.

Названіе *tupa*, *tuba* является также заимствованнымъ изъ литовскаго. Лит. *stuba* перешло, по мнѣнію Доннера [4]), въ финскіе языки. По мнѣнію Алквиста, это слово перешло изъ германскаго,

---

[1]) A h l q u i s t: Die Kulturwörter d. Westfinnischen Sprachen. стр. 107, 108,
[2]) ib. стр. 105.
[3]) Слав.-финскія культурныя отношенія, стр. 215, 216.
[4]) O. D o n n e r: Ueber d. Einfluss des Litauischen auf die finnischen Sprachen. 266.

Digitized by Google

нѣм. *Stube*, которое встрѣчается и въ литовскомъ въ формѣ *stubba* [1]) и отъ котораго нѣкоторые склонны производить и слав. изба, въ болѣе древней формѣ *истъба*. Наконецъ, Квигстадъ полагаетъ, что лопарями это слово заимствовано у скандинавовъ въ формѣ *stobo*, *stuobu*, *stuopie* и пр., для которыхъ образцомъ служило ст. норвеж. *stofa*, норв. *stova*. Впрочемъ, въ формѣ *toppe*, *tohpe*, *tupe* онъ считаетъ, повидимому, это слово заимствованнымъ лопарями черезъ посредство финляндскихъ финновъ. [2]) Далѣе употребительное у западныхъ финновъ для означенія жилища, хижины финск. и эст. *maja* ливск. *mai* или *moi*—Алквистъ, какъ и Доннеръ, считаютъ заимствованнымъ у латышей, у которыхъ слово *maja* имѣетъ то-же значеніе.

Въ то время какъ у западной группы финновъ, на основаніи данныхъ языка, искусство строить прочныя жилища—срубы появилось, повидимому, подъ вліяніемъ литово-латышскихъ и германскихъ сосѣдей у финновъ восточной группы оно, какъ кажется, развилось подъ вліяніемъ окружавшихъ ихъ тюркскихъ народностей: у мордвы, остяковъ и вогуловъ для означенія дома употребляется тюркское *юртъ*, *юрта*, у вотяковъ *gurt*, у зырянъ *gurt*, *gort* [3]), у чермисовъ *суртъ* [4]).

Если само искусство постройки болѣе прочныхъ жилищъ появилось у финновъ подъ вліяніемъ сосѣдей, то и дальнѣйшее развитіе жилища должно было совершаться преимущественно подъ вліяніемъ болѣе культурныхъ народностей, съ которыми финнамъ приходилось сталкиваться. Уже a priori возможно утверждать, что у восточныхъ финновъ развитіе жилища шло подъ вліяніемъ преимущественно тюркскихъ и славянскихъ сосѣдей. Прежде чѣмъ подтвердить это примѣрами, отмѣтимъ мнѣніе г. Гейкеля (стр. 108, 109), который усматриваетъ вліяніе германскихъ племенъ на восточную группу финновъ. Къ наиболѣе древнимъ формамъ жилищъ пишетъ онъ, принадлежитъ у волжскихъ народностей черемисская *куда* — четырехугольная постройка, передъ которой простирается навѣсъ, часто поддерживаемый столбами. Но этотъ типъ встрѣчается также и въ восточной Германіи, гдѣ онъ является

---

[1]) Ahlquist, 107.
[2]) Qvigstad: Nordische Lehnwörter im Lappischen, стр. 223.
[3]) Ahlquist, 105.
[4]) Смирновъ: Черемисы, 71.

Digitized by Google

основой сѣней нѣмецкаго дома. «Поэтому вѣроятно, что черемисы научились отъ своихъ прежнихъ германскихъ сосѣдей искусству строить вокругъ очага четырехугольное зданіе, при чемъ національное названіе было перенесено на новую форму постройки.» Вѣроятно, подъ вліяніемъ германцевъ появилось, по мнѣнію автора, и возвышеніе между печкой и стѣной (*kerspel*) устраиваемое въ избахъ у мордвы-мокши; по своей формѣ оно того-же происхожденія, какъ и скамейки *pallr* въ домахъ древнихъ скандинавовъ. Германскимъ вліяніемъ объясняется, далѣе по словамъ г. Гейкеля, названіе черемисами клѣтей тѣмъ-же словомъ *клѣть*, что поддерживается еще и самой формой клѣти, поставленной часто на столбахъ, хотя эта форма, замѣчаетъ авторъ, и является у многихъ народовъ крайне древней. «Германскимъ, наконецъ, можетъ считаться и принципъ устройства для различныхъ цѣлей различныхъ помѣщеній. Эта идея, по крайней мѣрѣ, господствуетъ какъ у скандинавовъ, такъ и у латышей. У волжскихъ финновъ этотъ скандинавско-латышскій принципъ выражается въ томъ, что у всѣхъ устраиваются отдѣльныя помѣщенія для животныхъ и для людей, и у черемисъ даже строится отдѣльная кухня, тогда какъ способъ постройки русскихъ славянъ, по крайней мѣрѣ на сѣверѣ, стремится къ соединенію помѣщеній для скота и для людей подъ одну крышу, въ одно цѣлое».

Какъ ни является заманчивымъ объясненіе г. Гейкелемъ германскимъ вліяніемъ нѣкоторыхъ особенностей въ устройствѣ восточными финнами своихъ жилищъ, приведенные г. Гейкелемъ примѣры оказываются, однако, недостаточными. Принципъ который авторъ называетъ «скандинаво-латышскимъ» и который онъ противопоставляетъ русскому, является вообще широко распространеннымъ не только у финновъ, но и у тюрковъ, напр., башкиръ, иртышскихъ киргизовъ, когда они переходятъ къ осѣдлости, равно какъ и у казанскихъ татаръ, наконецъ, у русскихъ въ средней полосѣ Россіи, гдѣ экономическія условія и отсутствіе лѣса дѣлаютъ невозможнымъ возведеніе такихъ обширныхъ домовъ, какъ на сѣверѣ. Въ расположеніи различныхъ построекъ на дворѣ финна дѣло естественнѣе объясняется не вліяніемъ сосѣдей (въ случаѣ признанія вліянія, его было-бы проще приписать татарамъ или русскимъ), а самой исторіей развитія финскаго двора, когда съ одной стороны развившаяся жизнь требуетъ увеличенія числа хозяйствен-

Digitized by Google

ныхъ построекъ, а съ другой—неумѣнье строить большіе дома вынуждаетъ или обращать прежнія жилыя постройки въ хозяйственныя, или строить новыя, но небольшія. Что касается названія клѣти, тожественнаго у черемисовъ и у русскихъ, то, намъ кажется, естественнѣе думать, что черемисы заимствовали его у русскихъ, чѣмъ искать начало его употребленія у черемисовъ со времени жизни ихъ рядомъ съ германскими племенами—эпохи, относительно которой мы не имѣемъ никакихъ извѣстій, подтверждаемыхъ данными черемисскаго языка. Что касается способа устройства клѣти на столбахъ, то, кромѣ приводимаго самимъ г. Гейкелемъ замѣчанія, что этотъ способъ постройки является общимъ и древнимъ у многихъ народовъ, противъ вліянія въ данномъ случаѣ германцевъ говоритъ еще фактъ, что амбары на столбахъ являются весьма распространенными у финскихъ народовъ, преимущественно у тѣхъ, которые въ развитіи жилища достигли наименьшаго развитія (напр., лопарей, вогуловъ, остяковъ), и что подобные амбары устраиваются зырянами около ихъ лѣсныхъ избушекъ, сохраняющихъ форму первобытныхъ срубовъ-бань. Эти амбары устраиваются часто на одномъ столбѣ, но часто они ставятся на четырехъ. О цѣли подобнаго поднятія первой хозяйственной постройки, которая появляется у многихъ финскихъ народностей, обусловливаемой охотничьимъ и рыболовническимъ бытомъ, мы говорили выше. Черемисская клѣть является, на нашъ взглядъ, только дальнѣйшимъ развитіемъ этого типа, когда потребности жизни заставляли строить эти помѣщенія большихъ размѣровъ, а измѣнившіяся условія перестали вынуждать поднимать постройку на высокіе столбы, вслѣдствіе чего черемисская клѣть ставится на невысокіе столбы. Что касается, наконецъ, устройства помѣщенія между печью и стѣной у мордвы-мокши (*kerspel*) и формы черемисскаго *куда*, къ которому г. Гейкель относитъ и *куалу* вотяковъ, то слѣдуетъ имѣть въ виду, что появленіе этого возвышенія развилось у мордвы-мокши посредствомъ постепеннаго уничтоженія бывшаго на этомъ мѣстѣ и сохранившагося во многихъ избахъ спеціальнаго отдѣленія, слѣдовательно, вѣроятнѣе всего появилось у мордвы совершенно самостоятельно. Если первобытный черемисскій кудъ и похожъ по внѣшнему своему виду на первоначальный восточно-нѣмецкій домъ, то не слѣдуетъ забывать, что чѣмъ первобытнѣе жилище извѣстнаго народа, тѣмъ менѣе оно имѣетъ типичныхъ чертъ, отличающихъ его отъ подоб-

Digitized by Google

ныхъ-же жилищъ другого народа при существованіи одинаковыхъ климатическихъ условій. Такъ, напр., шалашъ (кота) скандинавскаго лопаря повторяется всецѣло хотя-бы въ чумахъ самоѣдовъ, въ юртахъ алтайскихъ тюрковъ и чукчей. Внѣшнее сходство жилищъ у разныхъ народовъ можетъ только тогда служить доказательствомъ вліянія одного народа на другой, когда мы имѣемъ передъ собой уже развитыя формы жилья, и когда это сходство сказывается на мелочахъ, при чемъ данныя языка объясняютъ, какимъ изъ двухъ народовъ сдѣлано заимствованіе. Въ частности устройство крыши «въ раму», типичное для черемисскихъ кудо и извѣстное также вотякамъ и пермякамъ, является вообще однимъ изъ наиболѣе примитивныхъ способовъ возведенія крышъ, извѣстныхъ, между прочимъ, и русскимъ крестьянамъ нѣкоторыхъ мѣстностей.

Языкъ восточныхъ финновъ свидѣтельствуетъ, что въ числѣ прочихъ заимствованій они и при развитіи своего жилища много почерпнули, отъ своихъ тюркскихъ сосѣдей.

И. Н. Смирновъ въ своихъ трудахъ о черемисахъ и вотякахъ [1]) приводитъ нѣсколько словъ, несомнѣнно, заимствованныхъ этими народами изъ тюркскаго: дворъ вот. *азбар*, черем. *сарай*, ворота вот. и черем. *капка*, баня—вот. *мунэ*, черем. *монча*, полати—вот. *сендыра*, черем. *сюндере*, полъ деревянный — черем. *кюбар*, печь—черем. *комага*, *камака*, погребъ—черем. *нореп*, комнаты въ избѣ—вот. *бульми*, лавки—вот. *кибетъ*, косяки оконъ вот. *јэнак*, рамы—вот. *сарандык*, изгородь — черем. *пахча*, хлѣвъ—черем. *вюташ*, скамья—чер. *шеньчел*, стулъ—черем. *тюкень*.

Приведенный перечень, конечно, далеко не полонъ, но онъ достаточенъ, чтобы сдѣлать вопросъ о вліяніи тюркскихъ народностей на жилище вотяковъ и черемисовъ беспорнымъ. Сила вліянія тюркскихъ сосѣдей на финновъ становится еще яснѣе, если принять во вниманіе, что заимствованія названій частей жилища являются лишь частью среди общаго запаса словъ, заимствованныхъ черемисами и вотяками у тюрковъ. „Безъ большой ошибки можно заключить, пишетъ И. Н. Смирновъ, что и вещи, которыя черемисинъ обозначилъ заимствованными словами, онъ также заимствовалъ у болѣе развитыхъ сосѣдей.“ „Языкъ, пишетъ тотъ-же авторъ въ другомъ мѣстѣ, „знакомитъ насъ съ тѣмъ вліяніемъ, которое

[1]) Смирновъ. Черемисы, стр. 20, 21, 70—73. Вотяки, стр. 90.

Digitized by Google

имѣли татары на обстановку вотской избы". Если, слѣдуя его указаніямъ, наблюдатель сравнитъ татарскую и вотскую избы, гдѣ оба народа живутъ рядомъ, онъ увидитъ полное сходство той и другой. Въ настоящее время проводниками тюркскаго вліянія оказываются татары и башкиры. Но г. Смирновъ относитъ начало его къ болѣе отдаленному періоду, приписывая его болгарамъ. Въ пользу этого предположенія говорятъ археологическія находки, свидѣтельствующія, что болгары уже давно находились въ соприкосновеніи съ сосѣдними имъ финнами, а также и тотъ фактъ, что у восточныхъ и западныхъ черемисовъ заимствованныя изъ тюркскаго слова одинаковы, хотя западные черемисы не приходили въ частыя непосредственныя отношенія съ татарами. „По своему звуковому составу", пишетъ тотъ-же авторъ, „большая часть нетатарскихъ заимствованій у черемисовъ тождественна съ словами языка чувашей", которыхъ авторъ склоненъ считать за потомковъ болгаръ, и которые, если считать ихъ тюркизированными финнами, приняли тюркскій языкъ, повидимому, до татарскаго нашествія.

Въ устройствѣ черемисской избы вліяніе татарское сказалось, по мнѣнію г. Гейкеля (стр. 64, 66), въ устройствѣ очень широкой скамьи въ дверномъ углу и называемой kurnik olmangà, а также въ обычаѣ луговыхъ черемисовъ вмазывать котелъ въ печь, обычай, замѣнившій собой распространенное у многихъ финновъ—обыкновеніе подвѣшивать котелъ на крюкѣ надъ очагомъ, устраиваемымъ передъ печью; этотъ обычай не вполнѣ еще вывелся у волжскихъ финновъ.

Въ настоящее время черемисы и вотяки въ значительной степени подвергаются и русскому вліянію. Во многихъ мѣстностяхъ представители того и другого племени утрачиваютъ свою національность. Но и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ассимиляціонный процессъ еще не подвинулся впередъ, большое количество заимствованныхъ изъ русскаго языка культурныхъ словъ свидѣтельствуетъ о значительности вліянія русскихъ, которое, между прочимъ, отразилось и на названіяхъ частей жилища. М. П. Веске считаетъ заимствованными вотяками отъ русскихъ слѣдующія названія: гумно—*koomina*, окно—*akkuna*, ворота—*värjä*; Алквистъ производитъ послѣднее слово отъ русскаго *верея*; М. П. Веске полагаетъ, что оно образовалось изъ древне-славянской формы *vrata*, причемъ первый гласный въ финскомъ словѣ служилъ лишь для устраненія

Digitized by Google

неудобнаго сочетанія двухъ согласныхъ звуковъ въ началѣ слова. Эпоху заимствованія авторъ склоненъ относить къ древнѣйшимъ временамъ [1]).

Многія названія, приводимыя г. Гейкелемъ при описаніи имъ черемисскаго жилища, свидѣтельствуютъ о своемъ русскомъ происхожденіи: овинъ—*awnjá*, лавки въ банѣ—*lapkà wal*, чуланъ (отдѣленіе въ комнатѣ, въ которомъ готовятъ пищу)—*čulan*, *kühnja*, кутникъ (ящикъ)—*kutnik*, горшокъ безъ дна, вставляемый надъ дымовымъ отверстіемъ въ качествѣ трубы—köršök, клѣть—*klet*, сусѣкъ и ларь—*susek* и *lar*, горница—*körnitsa* и быть можетъ и хлѣвъ—*liwäs*. И. Н. Смирновъ [2]) отмѣчаетъ слѣдующія заимствованія черемисами у русскихъ: окно—*окня*, косякъ на окнахъ—*косакъ*, подушки и полицы на окнахъ — *подушкà* и *полица*; расписные наличники—*красна окна*. Къ этому перечню можно прибавить чер. *stona* — русск. *стѣна* [3]). Болѣе близкое знакомство съ устройствомъ вотяцкой и черемисской избы лишь подтверждаетъ свидѣтельства языка и въ значительной степени дополняетъ ихъ.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ сосѣдями вотяковъ являются русскіе устройство вотяцкихъ избъ приближается къ русскому типу. То-же, по словамъ И. Н. Смирнова [4]), замѣчается и въ ихъ внутреннемъ убранствѣ. Русскимъ вліяніемъ объясняется далѣе устройство окна на улицу, описанное нами у вотяковъ, черемисовъ и мордвы; въ мѣстностяхъ, гдѣ русское вліяніе сильно, избы этихъ народовъ вообще выходятъ окнами на улицу. Положеніе печи въ избѣ измѣнилось подъ вліяніемъ русскихъ: въ черемисскихъ избахъ печь первоначально ставилась, по основательному мнѣнію г. Гейкеля, въ углу, но устьемъ къ двери, черезъ которую проникалъ свѣтъ; подъ вліяніемъ русскихъ она перемѣстилась устьемъ къ стѣнѣ, противоположной входу. Эта-же перемѣна замѣчается и у вотяковъ. Первоначальная черемисская клѣть на столбахъ приняла также мѣстами русскую форму. Пристройка къ черемисскому пёрту бѣлой избы совершилась подъ русскимъ вліяніемъ; въ пользу этого говоритъ какъ названіе ея—*körnitsa*, такъ и названія частей оконъ,

---

[1]) Веске: Славяно-финскія культ. отношенія, стр. 191, 249, 255, 256.
[2]) Смирновъ: Черемисы, стр. 73.
[3]) Ahlquist: Die Kulturwörter, стр. 107.
[4]) Смирновъ: Вотяки, стр. 90.

Digitized by Google

приводимыхъ г. Смирновымъ, которыя относятся именно къ окнамъ въ бѣлой избѣ. Убранство послѣдней приближается до мелочей къ убранству русской избы. Г. Гейкель (стр. 104) высказываетъ мнѣніе, что даже вообще обычай устраивать къ пёрту пристройки появился подъ вліяніемъ русскихъ, даже когда къ сѣнямъ пристраивается не горница, а клѣть: названіе, которое горные черемисы даютъ такому соединенному строенію—swäz (связь), служитъ подтвержденіемъ этого. Отгораживанье части избы перегородкой слѣдуетъ приписать тому-же русскому вліянію, какъ то доказывается названіемъ отгороженнаго мѣста—*čulan*, *kuchnja*. Въ мѣстностяхъ, гдѣ черемисы въ значительной степени подверглись вліянію русскихъ, ихъ избы трудно отличить отъ избъ послѣднихъ; единственное различіе въ этомъ случаѣ заключается, по словамъ г. Гейкеля (стр. 75), въ томъ, что на черемисскомъ дворѣ продолжаетъ сохраняться *кудъ*, употребляемый въ качествѣ кухни, чего нѣтъ на дворѣ русскаго.

У мордвы вліяніе русскихъ сказывается съ еще большей силой. Количество названій, заимствованныхъ мордвою у русскихъ для означенія построекъ и частей ихъ, крайне значительно. У г. Гейкеля, при описаніи имъ мордовской избы, мы встрѣчаемъ слѣдующія русскія названія: стѣна дома—*стѣна*, порогъ—*poroft*, косякъ—*kosjak*, *kosäk*, доска—*plastina*, труба—*труба*, ставня—*staven*, печь—*pečkä patòpka*, столбъ у печки—*stolbänä*, кровать—*krawat*, лавки—*лавище*, полати—*полаты*, *polók lango*, коникъ (скамейка)—*konik*, часть коника—*boranka*, брусъ, идущій отъ печи къ стѣнѣ—*brusok*, *брусъ*, брусъ поперекъ всей избы—*matka*, перегородка около печи—*laznitza*, чуланъ—*čölan*, подполье—*подполье*, скамейка—*скамейка*, слегá—*slegà*, прясла—*präsla*, бококовыя украшенія на лицевой части крыши—*kriljo* (крыло), конекъ на крышѣ—*kanjok*, перекладъ (на полу)—*pereklade*, заборъ—*zabor*, мѣсто, гдѣ варятъ пищу въ избѣ—*powarnja*, баня—*banja*, токъ (расчищенное мѣсто для молотьбы)—*tingé*, одонье (кадь для хлѣба)—*adonjä*, скотная изба—*skotnoi kudo*. Кромѣ того, по Алквисту, стекло—*stókla*, кирпичъ—*kirpits'* [1]).

Кромѣ устройства русской бѣлой избы около болѣе древняго *кудо*, прорубанія окна въ лицевой сторонѣ дома, выходящей

[1]) Ahlquist, стр. 107, 133.

Digitized by Google

на улицу, постановки во многихъ избахъ печи устьемъ къ стѣнѣ, противоположной двери, — русское вліяніе, кромѣ подробностей обстановки, выразилось, по мнѣнію г. Гейкеля, еще въ устройствѣ половъ. Въ болѣе первобытныхъ избахъ доски стелются прямо на земляной полъ; подъ вліяніемъ русскихъ долчатый полъ стелется на бревенчатый накатъ. Этимъ-же вліяніемъ г. Гейкель объясняетъ, что въ *худо* мордвы-мокши начали устраивать нижній этажъ-подполье, тогда какъ первоначальный *худо* представлялъ простой срубъ съ земляным поломъ. Устройство подполья употребительно и у другихъ волжскихъ финновъ. Въ наибольшей степени русское вліяніе сказалось на украшеніяхъ крыши, наличниковъ оконъ и въ устройствѣ коника (скамьи); небезъинтересенъ фактъ, что во многихъ мѣстностяхъ, у русскихъ крестьянъ, даже живущихъ въ областяхъ, гдѣ у мордвы встрѣчаются коники съ рѣзными боранками (рис. 23), коники дѣлаются совершенно просто и лишены украшеній. Между тѣмъ, русскія названія ихъ у мордвы доказываютъ ихъ русское происхожденіе. Мы имѣемъ, слѣдовательно, здѣсь продуктъ болѣе древняго вліянія на мордву со стороны русскихъ сосѣдей, когда у послѣднихъ скамья, называемая коникомъ, въ устройствѣ своемъ еще соотвѣтствовала своему названію. То же, повидимому, слѣдуетъ сказать и относительно облицовки печи и украшеній оконныхъ наличниковъ и крыши у мордвы-мокши (рис. 34—38, 44—45). Г. Гейкель совершенно справедливо замѣчаетъ, что большинство мотивовъ рѣзныхъ украшеній основаны на трехъ—и четырехугольникахъ, но въ нихъ встрѣчаются украшенія и съ прямыми и кривыми линіями; болѣе сложныя формы украшеній слишкомъ разнообразны, такъ что онѣ не могли возникнуть послѣдовательно изъ трехъ—и четырехугольниковъ; на нихъ не наложило отпечатка общее съ другими родственными народами развитіе, вслѣдствіе чего они вѣроятно въ большинствѣ случаевъ заимствованы, какъ и стекольчатыя окна, у русскихъ. То, что для г. Гейкеля является только вѣроятнымъ, получаетъ характеръ очевидности при сравненіи мордовскихъ рѣзныхъ украшеній съ русскими въ другихъ мѣстностяхъ. Въ настоящее время у русскихъ крестьянъ эти украшенія постепенно исчезаютъ, хотя въ названіяхъ и сохраняются воспоминанія о нихъ. Этимъ слѣдуетъ объяснить, что у мордвы-ерзи, въ жилищахъ которой г. Гейкель видитъ гораздо больше русскаго вліянія, чѣмъ въ избахъ мордвы-мокши, этихъ украшеній гораздо

Digitized by Google

меньше, такъ что коникъ у нихъ представляетъ часто простую ничѣмъ не украшенную скамью, облицовка печи съ рѣзными украшеніями гораздо бѣднѣе, а конёкъ на крышѣ сохранилъ только названіе, но уже ничѣмъ не украшенъ.

Не только украшенія на крышахъ, но и само появленіе двускатныхъ крышъ въ ихъ современномъ видѣ, какъ у мордвы, такъ и у черемисовъ и вотяковъ, повидимому, слѣдуетъ приписать русскому вліянію. Постройка срубомъ, которую восточные финны заимствовали у тюрковъ, въ своемъ первоначальномъ видѣ имѣла плоскую крышу или слегка односкатную: мы ее застаемъ, какъ это было указано нами выше, еще у лопарей, зырянъ, пермяковъ, остяковъ, вогуловъ и отчасти вотяковъ.

Улучшеніе жилого помѣщенія совершается, какъ мы видѣли, во многихъ случаяхъ подъ русскимъ вліяніемъ, и наименѣе культурныя финскія племена, какъ, напр., лопари, остяки и вогулы, непосредственно переходятъ отъ юрты съ плоской крышей къ русскимъ избамъ и крышей двускатной. У вотяковъ, черемисовъ и мордвы двускатная крыша устраивается совершенно такимъ-же способомъ, какъ и у русскихъ, причемъ не трудно прослѣдить это сходство даже въ мелочахъ, и фактъ, что именно этотъ видъ крышъ является господствующимъ въ русскихъ избахъ въ мѣстностяхъ по средней Волгѣ и по нижнему теченію Камы, заставляетъ предполагать, что финны заимствовали ее у русскихъ. Названіе крыши у финновъ—вполнѣ самостоятельное, но оно имѣетъ значеніе крыши в о о б щ е, вслѣдствіе чего возможно предположеніе, что названіе, придаваемое болѣе первобытной крышѣ, перешло и и на болѣе сложно устраиваемую. Говоря о заимствованныхъ формахъ крышъ, мы отнюдь не хотимъ отрицать возможности, что вообще не плоскія крыши развились во многихъ мѣстахъ у финновъ самостоятельно. Напротивъ того, есть основаніе думать, что путемъ дальнѣйшаго развитія шалаша, финны естественно пришли къ искусству устраивать себѣ болѣе сложные типы крышъ. Такъ, г. Гейкель совершенно основательно указываетъ (стр. 321), что первоначальная крыша образовалась изъ т. ск. постановки первобытнаго шалаша на болѣе прочную основу, какъ это мы видѣли въ эстляндской кухнѣ съ о-ва Даго (рис. 1) и какъ это встрѣчается, по словамъ Дюбена, и у лопарей, когда основаніемъ вѣжи является нѣсколько балокъ, т.-е. зародышъ сруба. Совершенно то-же

Digitized by Google

мы встрѣтили у остяковъ въ той формѣ ихъ зимней юрты, которая покрывается остроконечной крышей, воспроизводящей первобытный берестяной чумъ. Эта первобытная крыша могла дать при своемъ дальнѣйшемъ развитіи болѣе сложные типы, которые могли появиться самостоятельно у разныхъ финскихъ народностей. Къ этимъ типамъ, какъ кажется, слѣдуетъ отнести и крышу черемисской куды (рис. 7), „которая сдерживается рамой изъ двухъ жердей, наложенныхъ на крышу поперекъ драницъ и скрѣпленныхъ по двумъ концамъ досками". Этотъ послѣдній типъ г. Смирновъ отмѣчаетъ, какъ встрѣчающійся на домахъ у пермяковъ (Пермяки, стр. 194).

Заимствованіе украшеній крыши отъ русскихъ можетъ лишь подтверждать высказываемое предположеніе о заимствованіи отъ нихъ-же и умѣнья строить двускатную крышу. Это предположеніе находитъ себѣ и извѣстное подтвержденіе въ томъ, что въ мѣстностяхъ, гдѣ господствующей формой крыши у русскихъ является четырехскатная, сосѣди-финны устраиваютъ себѣ также крышу на четыре ската. Характернымъ въ этомъ отношеніи примѣромъ могутъ служить жилища пермяковъ. Въ ихъ избахъ, пишетъ И. Н. Смирновъ [1]), подъ русскимъ вліяніемъ явились лавы, лавицы—*вабичь*, отдѣльный отъ крыши потолокъ съ матицей—*матичја*, полати—*повать*, печь—*patš*, изба стала строиться съ подъизбицей, голбцемъ—*голубничја*.

Проводя параллель между пермяцкой избой и избой русскаго крестьянина Казанской губ., г. Смирновъ отмѣчаетъ, что составныя части въ первой тѣ-же, что и во второй; отличіе заключается лишь въ томъ, что размѣры пермяцкой избы больше и выше. Вслѣдствіе этого, напр., на полатяхъ у пермяковъ можно свободно стоять. Подъ вліяніемъ русскихъ появилась и двускатная крыша, конецъ шелома которой обработанъ въ видѣ конской головы. И. Н. Смирновъ, повидимому, склоненъ приписывать происхожденіе охлупня самостоятельному развитію пермяковъ, путемъ заимствованія ими этого мотива изъ т. н. „чудскихъ" вещей, причемъ допускается, однако, также возможность, что онъ занесенъ русскими съ сѣвера. Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ лучшій отвѣтъ дается самимъ названіемъ этой части крыши—о х л у п е н ь, которое, по Далю,

[1]) С м и р н о в ъ. Пермяки, стр. 145, 194.

Digitized by Google

извѣстно на востокѣ, сѣверѣ и въ Сибири и означаетъ конекъ крыши, причемъ само слово происходитъ отъ сущ. о х л у п ь—арх. шнк. кровля, крыша, либо только верхняя часть ея, конекъ. Повидимому, это заимствованіе произошло уже давно, такъ какъ въ настоящее время сосѣдніе съ пермяками русскіе строятъ себѣ болѣе простую четырехскатную крышу, которую вообще въ исторіи развитія послѣдней, повидимому, слѣдуетъ считать предшествующей двускатной. Мы не знаемъ, отчего произошелъ этотъ регрессъ въ устройствѣ крышъ у русскихъ; вѣроятно, здѣсь могли дѣйствовать тѣ-же причины, которыя заставили русскихъ по среднему теченію Волги перейти отъ рѣзныхъ кониковъ и рѣзныхъ украшеній къ болѣе простымъ, лишеннымъ украшеній формамъ. Вслѣдствіе этого двускатная пермяцкая крыша рѣзко бросается въ глаза при сравненіи ея съ русской, что вѣроятно и дало поводъ г. Смирнову ошибочно считать ее національной пермяцкой. Въ настоящее время эти крыши сохраняются именно въ мѣстностяхъ, гдѣ обрусѣніе пермяковъ сдѣлало наименьшіе успѣхи; гдѣ, наоборотъ, пермякъ болѣе всего теряетъ свою національность, онъ бросаетъ свою двускатную крышу и замѣняетъ ее четырехскатной. [1]) Здѣсь, слѣдовательно, мы видимъ то-же любопытное явленіе, какъ и у мордвы: какъ мордва-мокша переняла въ украшеніи крышъ русскіе мотивы и продолжаетъ ихъ хранить и тогда, когда ея учителя-русскіе уже перестали ихъ употреблять, такъ и пермяки хранятъ, какъ форму, такъ и украшенія своей крыши, заимствованныя отъ русскихъ, и тогда, когда эти послѣдніе перешли къ простымъ четырехскатнымъ крышамъ; какъ у мордвы-ерзи мы встрѣчаемъ, что при усиленіи русскаго вліянія на нее, она воспринимаетъ отъ русскихъ уже болѣе простыя, менѣе развитыя формы украшенія конька и печи, такъ какъ это вліяніе является болѣе позднимъ, такъ и современные пермяки забрасываютъ свою болѣе развитую форму крыши и переходятъ къ болѣе простой въ своемъ стремленіи подражать русскимъ.

Вполнѣ очевиднымъ становится русское вліяніе на финскія постройки у зырянъ и кореловъ. Здѣсь оно сказывается въ наибольшей степени и не только въ отдѣльныхъ частяхъ построекъ, но во всемъ своемъ цѣломъ, даже въ планѣ. Изъ приведеннаго выше описанія зырянскихъ и корельскихъ жилищъ ясно, что они

[1]) Ib., стр. 173.

Digitized by Google

рѣзко отличаются отъ остальныхъ финскихъ и образуютъ какъ-бы особую группу: въ нихъ мы видимъ доведенное до полнаго развитія стремленіе уничтожить понятіе двора, или, лучше сказать, соединенія всего двора подъ одной кровлей съ жилымъ помѣщеніемъ,—принципъ, стоящій въ рѣзкой противоположности съ обычаемъ у другихъ финскихъ народностей разбрасывать по двору отдѣльныя хозяйственныя постройки. Въ названіяхъ отдѣльныхъ частей зданія, приводимыхъ г. Гейкелемъ, у русскихъ кореловъ уже замѣчаемъ сравнительно большое вліяніе русскихъ: сѣни—*sentja*, *kalidor*, голбецъ—*kolpitsa*, корзина (часть дома)—*karsina*, доска съ грубой рѣзьбой—*koniska*, сарай, постель—*pola* (полка). У зырянъ—горница, ворота—*vöröta*, стѣна—*sten*, стекло—*stekla* [3]).

Если сравнить избы русскихъ съ таковыми-же зырянъ и русскихъ кореловъ, нельзя не замѣтить между ними полнаго сходства; существующія различія заключаются только въ мелочахъ. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что избы русскихъ на сѣверѣ представляютъ рѣзко отличающійся отъ жилыхъ построекъ другихъ мѣстностей типъ. Его принято называть „новгородскимъ“, такъ какъ онъ получилъ наибольшее развитіе и распространеніе въ древнихъ новгородскихъ областяхъ, въ мѣстностяхъ, которыя были заселены выходцами изъ Новгорода. Въ развитомъ видѣ новгородскій типъ построекъ встрѣчается, какъ общеупотребительный, у русскихъ крестьянъ Олонецкой, Вологодской и многихъ частей Архангельской губ. Отсюда понятно, что именно этотъ типъ долженъ былъ развиться и у зырянъ, олонецкихъ и архангельскихъ кореловъ. Сходство между зырянскимъ домомъ и русскимъ настолько велико, что Кл. А. Поповъ считаетъ возможнымъ замѣтить: „нынѣшнее устройство избы зырянина, со всѣми ея принадлежностями, кромѣ несущественной — окна въ печкѣ—чисто русское и... слѣдовательно, постоянныя, прочныя жилища зыряне стали строить послѣ того, какъ познакомились съ русскими“. [4]) Послѣднее замѣчаніе вполнѣ справедливо, поскольку оно касается типа современныхъ зырянскихъ избъ; что же касается перехода вообще къ болѣе прочнымъ жилищамъ, то, какъ это было указано выше, онъ, повидимому, совершился подъ ближайшимъ вліяніемъ тюркскихъ народовъ. Зыряне

---

[3]) Веске, стр. 255, 256; Ahlquist, стр. 107, 113.

[4]) К. А. Поповъ: Зыряне и зырянскій край, стр. 12.

Digitized by Google

называютъ свое жилище—керка, названіе употребительное у пермяковъ (керку) а также и у вотяковъ; у послѣднихъ въ формѣ корка. Алквистъ [1]) склоненъ сближать это названіе съ финск. *kylä*, первоначальное значеніе котораго—дворъ. Но намъ кажется, что И. Н. Смирновъ болѣе правъ, отмѣчая, что слово керъ означаетъ бревно; что же до окончанія *ка, ку*, то онъ высказываетъ предположеніе, что оно стоитъ близко къ вотяцкому *куа* съ одной стороны и *куд, куда, кот*, въ другихъ финскихъ нарѣчіяхъ съ другой. Сочетаніе слова *кота* съ словомъ, обозначающимъ матеріалъ, изъ котораго сдѣлана постройка, имѣетъ мѣсто въ архитектурной терминологіи западныхъ финновъ, такъ что можно думать, что по этому-же типу построены и пермяцкія названія; слѣдовательно, керку(-а) означало-бы бревенчатую постройку [2]).

Въ избахъ олонецкихъ и архангельскихъ кореловъ вліяніе русскихъ не меньше, чѣмъ въ зырянскихъ постройкахъ: послѣднія въ своемъ развитомъ видѣ повторяютъ русскія избы, и здѣсь отличительныя черты слѣдуетъ искать или въ бѣдныхъ постройкахъ или въ мелочахъ. У архангельскихъ кареловъ, какъ было нами указано, вліяніе русскихъ измѣнило даже мѣстами свойственное финскимъ народамъ безпорядочное расположеніе построекъ въ деревнѣ; послѣднія строятся, мѣстами по крайней мѣрѣ, какъ и русскія, въ рядъ. Печь устраивается по русскому образцу, устьемъ къ фасадной стѣнѣ. Русское вліяніе сказалось и въ поднятіи печки на деревянную раму—способъ, который г. Гейкель основательно считаетъ чуждымъ финскимъ племенамъ и заимствованнымъ у русскихъ, какъ волжскими финнами, такъ и корелами. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что русскіе корелы сохранили обычай устраивать передъ печнымъ устьемъ открытый очагъ, надъ которымъ на крюкѣ виситъ котелъ; сохраненіе очага передъ печкой является интереснымъ переживаніемъ, общимъ большинству западныхъ финновъ. Но въ болѣе бѣдныхъ избахъ, какъ это выяснилось изъ предшествовавшаго описанія, сохранилось въ устройствѣ избъ еще много первобытныхъ чертъ, и какъ еще объ одномъ интересномъ переживаніи именно періода, когда оконъ корелы еще не знали, напомнимъ объ обычаѣ заколачивать окна зимою досками на-глухо.

---

[1]) Ahlquist, стр. 105.

[2]) Смирновъ: Пермяки стр. 127.

Digitized by Google

Чѣмъ ближе корелы живутъ къ русскимъ, тѣмъ вліяніе послѣднихъ на ихъ постройки больше и, наоборотъ, чѣмъ ближе подвигаться къ границамъ Финляндіи, тѣмъ болѣе корельскія жилища удаляются отъ т. н. новгородскаго типа и приближаются къ общефинскимъ: зданія становятся одноэтажными, хозяйственныя постройки разбрасываются по двору, и въ жилищѣ корела начинаютъ сказываться преимущественно тѣ-же вліянія, какія сказываются на устройствѣ жилыхъ помѣщеній у ихъ западныхъ сосѣдей.

Вліяніе литово-латышскаго племени на финляндцевъ, эстовъ и ливовъ выразилось въ заимствованіи слѣдующихъ словъ: заборъ, выгонъ для скота—фин. *tarha*, эст. *tara*, лив. *tara* находитъ себѣ объясненіе въ лит. *daržas*, лат. *dars*—садъ; стѣна—финск. *seinä*, эст. и вепск. *sein*, лив. *saina*, лоп. *säidne*—въ лит. *sëna*, лат. *zena*—стѣна [1]). Съ этимъ соглашается и Алквистъ, хотя и признаетъ возможнымъ заимствованіе названія стѣны и отъ славянскихъ языковъ [2]). Изъ литово-латышскаго объясняется также названіе досчатаго пола: эст. — *sild*, лоп. — *saldde*, хотя оно собственно означаетъ мостъ; это слово заимствовано изъ лит.-лат. *tiltas*, *tilts*—мостъ. Конюшня—финск. *talli*, эст. и лив.—*tal'l'*—изъ лит. *staldas*, лат. *stallis*, хотя это слово могло перейти и изъ нѣмецкаго—*Stall*.

Изъ германскихъ языковъ, по мнѣнію Алквиста, заимствованы западными финнами слѣдующія слова: очагъ (чувалъ)—финск. *takka*—отъ шведск. *stake*, *stakka*, *stäck*—очагъ, которое перешло въ лопарскій языкъ въ формѣ *stak* и, по мнѣнію автора, быть можетъ, перешло черезъ посредство лопарей къ тавастамъ; печка—финск. *uuni*, лоп. *vuobne* и *omn*—отъ сканд. *ugn*, *ovn* или *ovne*—названіе, которое является родственнымъ лат. *uguns*, лит. *ugnis*, слав.—*огонь*. Передняя часть печки—финск. *arina* отъ шведск. *äril*, *ären*, *ärn*, *arne* въ древн. сканд. *arinn*; кирпичъ и известь, употребляемые при устройствѣ печи, — финск. *tiili*, эст. *teiliskivi*, лив. *tägel*, лоп. *tigal* — отъ герм. *Tegel*, *Ziegel*; финск. *kalkki*, ливск.—*kalka* и *kal'k*, лоп. *kalk* изъ герм. *Kalk*. Навѣсъ для скота—финск. *tanhut*, *tanhua*, эст. *tanw* и *tanav*, вепск. *tannas* — отъ

---

[1]) O. Donner. Ueber d. Einfluss der litauischen auf die finn. Sprachen, стр. 264, 266.

[2]) Ahlquist, стр. 107. [3]) Ib., стр. 109, 110, 119.

Digitized by Google

шведск. *taun*, *täun*, *tun* (нѣм. *Zaun*)—заборъ, огороженное мѣсто; въ томъ же значеніи финск. *kuja* — отъ шведск. *kuja* или *kya*. Садъ, огороженное мѣсто—фин. *ryytimaa*, отъ швед. *krydda* и финск. *maa*—земля; въ томъ же значеніи финск. *trekooli* отъ швед. *trädgard*. Ворота финск. *portti*, лоп. *portta* — отъ шведск. *port*. Къ древнѣйшимъ заимствованіямъ Алквистъ относитъ финск. *kartano*, лоп. *garden*, лив. *karand* или *korand*—дворовое мѣсто, дворъ. Это названіе, пишетъ онъ, очевидно германскаго происхожденія; объясненіе его слѣдуетъ искать въ шведск. *gard*, въ болѣе древнемъ и народномъ языкѣ *gard*, ан. *gardr*, гот. *gards*, нѣм. *Garten*, съ прибавленіемъ окончанія *no*, которое часто встрѣчается въ существительныхъ, означающихъ мѣсто. Это означаетъ собственно ограду и встрѣчается въ слав. *городъ*, *огородъ*, *городить* и пр. Арійское происхожденіе этого слова не подлежитъ сомнѣнію, но и въ финскомъ оно очень старо, такъ какъ оно перешло изъ языка кореловъ Біарміи въ зырянскій, а оттуда за Уралъ, къ вогуламъ, живущимъ по Сосьвѣ, и къ сѣвернымъ остякамъ, въ языкѣ которыхъ оно встрѣчается въ формѣ *karta*—дворъ, скотный дворъ [1]). Въ этомъ же значеніи мы встрѣчаемъ это слово (*karta*) у пермяковъ; въ формѣ *карг* оно служило въ XVI и XVII вв. для обозначенія городища; въ настоящее время пермяки во многихъ мѣстностяхъ перестали понимать его, но съ былымъ своимъ значеніемъ оно сохраняется до настоящаго времени у вотяковъ и зырянъ [2]). Названіе сарая финск. *lato*, лоп. *lado* Алквистъ производитъ отъ шведск. *lada*, нѣм. *Lade*, отъ глагола шведск. *lada*, нѣм. *laden*; это слово, замѣчаетъ онъ, проникло даже въ мордовскій языкъ, гдѣ оно встрѣчается въ формахъ *lata*, *lato*. „Это слово не является въ мордовскомъ единственнымъ заимствованнымъ словомъ готскаго происхожденія“ [3]). Веске относительно приведеннаго объясненія слова *lato*, *lata* замѣчаетъ: „значеніе словъ не позволяетъ намъ вполнѣ соглашаться съ мнѣніемъ Алквиста и болѣе говоритъ въ пользу заимствованія финскаго слова изъ русскаго языка: „Онъ объясняетъ финск. *lato*, амбаръ, овинъ, житница, эст. ladu(o) и мокша-морд. *lata* съ тѣмъ-же значеніемъ, изъ корня *klad*, русск. класть, складывать, кладовая [1]). Наконецъ, нѣмецкимъ, и вѣроятно

[1]) Ahlquist, стр. 109, 114, 115, 117—119, 123, 124.
[2]) Смирновъ: Пермяки, стр. 131. [3]) Ahlquist, 119.

Digitized by Google

довольно позднимъ, вліяніемъ объясняется названіе эстонцами комнатъ, пристраиваемыхъ къ основной тубѣ — *каммеръ*. Окно — лоп. *vindek*—Алквистъ объясняетъ изъ датско-норв. *vindue*. Квигстадъ съ бо́льшимъ, на нашъ взглядъ, основаніемъ производитъ его отъ норвеж. *vindog* [2]).

Наконецъ, на балтійскихъ финнахъ сказалось и русское вліяніе въ довольно значительной степени. Какъ Алквистъ, такъ и Веске согласны въ томъ, что названіе окна—финск. *akkuna*, *ikkuna*, эст. *akken* и *akan*, вепск. *ikun*, лоп. *iккоп*—происходитъ отъ слав. *окно*. Названіе печи—финск. *pätsi*, естон. *päts*, вепск. *pätš* — отъ русск. *печь*; вепск. *kirpitš* — отъ русск. *кирпичъ*. Скотный дворъ, помѣщеніе для скота—финск. *läävä*, вепск. *lääv*—отъ слав. *хлѣвъ*; вепск. *koйušn* — отъ русск. *конюшня*. Садъ — финск. *satu*, эст. *saad*—отъ русск. *садъ* [3]). Къ этому перечню можно, на основаніи труда Веске, прибавить еще слѣдующія слова: др. славянское *skoba*, русск. *скоба*, эст. *kaba* въ значеніи кругловатаго надрѣза, гдѣ соединяются два бревна на углу дома; *soc kaba* — такого же рода вырѣзъ съ положеннымъ на него мхомъ; *hoone kaba*—крестообразно лежащіе концы бревенъ на углу дома. Русск. *склепъ*—сводъ, баня, мурованный подвалъ, погребъ; *склепъ* (южн. губ.)—печной сводъ, по мнѣнію Веске, объясняютъ заимствованное эстонское *kelp*—мѣсто крыши, устраиваемое на подобіе свода. Русск. *гумно*—отсюда заимствовано финск. *kuomen*; съ этимъ послѣднимъ согласился Алквистъ [4]). Древ. слав. *vrata*, русск. *ворота*; отсюда фин. *veräjä*—ворота въ плетнѣ, въ заборѣ, плетеныя, рѣшетчатыя ворота; эст. *wäräw*—ворота, *wärawad*—двустворчатыя ворота, лив. *vääród*, вепск. *veraj*—ворота [5]). Веске склоненъ относить эти заимствованія къ глубочайшей древности, такъ же, какъ заимствованія названій для амбара (*lato* и пр.), окна и хлѣва. Наконецъ, г. Гейкель (стр. 143) приводитъ эстонское названіе полка въ банѣ—*lawa*, въ которомъ легко узнать русск. *лава*, *лавка*, и

---

[1]) М. П. Веске: Славяно-финскія культ. отношенія, стр. 184.

[2]) Qvigstad: Nordische Lehnwörter, стр. 348.

[3]) Ahlquist, стр. 111, 114, 115, 116, 119, 123.

[4]) Ahlquist, стр. 46. Другое употребительное названіе для гумна финск. *luva luuva* Алквистъ считаетъ заимствованнымъ изъ шведск. *loge*, *ló*, *lóe*.

[5]) Веске, стр. 191, 199, 219, 249, 255, 256. Объясненіе Алквиста названія воротъ у зап. финновъ изъ русск, верея см. выше вотяцкое—*värjä*.

Digitized by Google

финск. *soloppi* отъ русск. *жолобъ*, который обыкновенно устраивается на крышахъ финскихъ сараевъ.

Приведенный перечень заимствованныхъ словъ, относящихся къ жилищу, можетъ служить показателемъ, какъ много балтійскіе финны заимствовали у своихъ сосѣдей, и насколько развитіе ихъ жилья и хозяйства находилось подъ вліяніемъ литовско-латышскихъ, германскихъ и славянскихъ народовъ. При просмотрѣ приведенныхъ названій не могло также не броситься въ глаза, что для одного и того-же предмета, напр., окно, печь, гумно, существуютъ у одного и того-же народа разныя названія, заимствованныя изъ разныхъ языковъ. Можно высказать предположеніе, что употребленіе того или другого названія стоитъ въ связи съ географическимъ положеніемъ мѣста жительства народа, такъ что у финновъ Финляндіи, напр., имѣющихъ два выраженія для обозначенія печки, заимствованныя отъ русскихъ и отъ шведовъ, первое употребляется на востокѣ, гдѣ столкновенія съ русскими были чаще, второе на западѣ, гдѣ финнамъ чаще приходилось сталкиваться съ шведами. Точныхъ данныхъ по этому вопросу не находится въ нашемъ распоряженіи, но указаное предположеніе до извѣстной степени подтверждается тѣмъ, что финское названіе гумна — *kuomen* употребляется на востокѣ Финляндіи, *luva* — въ западныхъ частяхъ ея, а лопарское, заимствованное изъ норвежскаго (по Квигстаду) названіе окна *vindek* извѣстно только наиболѣе у сѣверо-западныхъ лопарей.

Историческими судьбами финскихъ народовъ, столкнувшими ихъ съ разными болѣе культурными сосѣдями, объясняется также и тотъ фактъ, что, напр., на названіи жилищъ или частей ихъ у вепсовъ почти совершенно не отразилось вліяніе литово-латышскаго племени, тогда какъ у нихъ довольно значительное число словъ, заимствованныхъ отъ славянъ и германцевъ; а также, что у ливовъ мы почти не встрѣчаемъ названій, взятыхъ изъ русскаго. Большое количество названій, заимствованныхъ изъ шведскаго, у финляндцевъ легко объясняется постоянными столкновеніями со скандинавскими племенами, начавшимися еще въ глубокой древности и кончившимися завоеваніемъ Финляндіи шведами; близкими сношеніями лопарей съ шведами и норвежцами, и таковыми-же эстовъ съ нѣмцами-колонизаторами объясняется большое количество заимствованныхъ отъ нихъ названій. Опредѣлить эпоху, когда были

Digitized by Google

сдѣланы эти заимствованія, въ настоящее время едва-ли возможно, такъ какъ у изслѣдователей относительно многихъ словъ существуетъ въ данномъ случаѣ разногласіе, хотя относительно большинства спеціалисты склоняются относить заимствованія къ отдаленнымъ временамъ. Наконецъ, нельзя всегда опредѣлить, получилъ-ли извѣстный народъ данное слово непосредственно отъ своихъ иноплеменныхъ сосѣдей или онъ заимствовалъ его черезъ посредство своихъ родичей, какъ мы это видѣли на примѣрѣ названія избы—*tupa* у лопарей.

При разборѣ устройства современныхъ жилищъ у указанныхъ народностей, трудно отмѣтить въ отдѣльныхъ случаяхъ вліяніе того или другого сосѣда. Мы можемъ лишь ограничиться нѣкоторыми указаніями: жилище ливовъ по своему устройству стоитъ въ ближайшей связи съ жилищемъ латышей настолько, что нѣкоторые авторы ограничиваются при упоминаніи жилища ливовъ общей фразой, что оно не отличается или отличается лишь въ мелочахъ отъ жилища латышей. Огромное вліяніе латышей на ливовъ, выразившееся въ постепенномъ поглощеніи ливовъ латышами, объясняетъ легко это сходство въ устройствѣ жилья. Повидимому, латыши не остались безъ вліянія и на эстонскій домъ, поскольку это выразилось въ устройствѣ эстами своихъ крышъ. Выше было указано, что эти послѣднія производятъ совершенно своеобразное впечатлѣніе, и что подобныхъ крышъ другіе финскіе народы не дѣлаютъ; устройство ея также отличается рѣзко отъ устройства крышъ сосѣдними русскими, которые, впрочемъ, въ настоящее время дѣлаютъ крыши на два ската; по своей формѣ и общему внѣшнему виду крыши эстонскихъ домовъ, пожалуй, наиболѣе близко стоятъ къ латышскимъ, и если вспомнить, что и эстонское названіе дома—*maja* заимствовано изъ литово-латышскаго, то наше предположеніе о переходѣ отъ латышей къ эстамъ и формы крыши получитъ извѣстное основаніе и въ данныхъ языка.

Несомнѣнно, нѣмецкимъ вліяніемъ на эстовъ слѣдуетъ объяснить расширеніе эстонскаго дома, поскольку это касается увеличенія числа жилыхъ помѣщеній, которыя группируются вокругъ тубы; за это говоритъ названіе ихъ *kammer*, съ прибавленіемъ иногда слова, опредѣляющаго ихъ назначенія. Судя по тому, что курныя избы—тубы въ одну комнату еще въ настоящее время очень часто встрѣчаются у эстовъ и что этотъ типъ въ недавнее сравнительно

Digitized by Google

время (40-хъ годахъ), по свидѣтельству Крузе, былъ господствующимъ, можно съ нѣкоторымъ основаніемъ предполагать, что увеличеніе числа жилыхъ комнатъ въ эстонскомъ домѣ стало появляться лишь сравнительно недавно. Скандинавскимъ вліяніемъ г. Гейкель (стр. 261—329) склоненъ объяснять устройство печей, въ которыхъ соединены вмѣстѣ и печь и очагъ (по устройству приближающійся къ чувалу), такъ что устья той и другого находятся рядомъ, но отдѣлены стѣнкой. Г. Гейкель даетъ этому типу названіе скандикавскаго или скандикавско-остерботнійскаго. Русское вліяніе сказалось, по мнѣнію г. Гейкеля, въ устройствѣ остерботнійскаго дома, но мы старались выше указать, что для принятія этого положенія нѣтъ достаточныхъ основаній. Однако, въ формѣ стола, устраиваемаго съ ящиками и часто встрѣчаемаго въ Остерботніи, г. Гейкель (стр. 252) основательно видитъ вліяніе русскихъ; это послѣднее сказалось и на установкѣ печей по формѣ, которую авторъ считаетъ русской: она встрѣчается въ сѣверныхъ частяхъ Финляндіи въ домахъ, а въ южной и западной частяхъ въ различныхъ баняхъ и ригахъ (стр. 328).

Несмотря на большое количество заимствованій, о которыхъ свидѣтельствуетъ и языкъ, и внѣшній и внутренній видъ жилища у разныхъ финскихъ народностей, несмотря на то, что само жилище съ моментами перехода его отъ шалаша и землянки къ срубу развивается подъ постояннымъ вліяніемъ сосѣдей,—въ жилищѣ финновъ мы встрѣчаемъ и своеобразныя черты, отдѣляющія ихъ отъ ихъ сосѣдей. Главныя черты этого рода были нами указаны выше, не вездѣ, однако, онѣ сказываются съ одинаковой силой. Въ настоящее время продолжаетъ совершаться ассимиляціонный процессъ финскихъ племенъ съ русскими; по мѣрѣ сліянія своего съ послѣдними финны все болѣе утрачиваютъ и самобытныя черты, отличающія ихъ постройки. Среди зырянъ и русскихъ кореловъ, гдѣ русскій элементъ подчинилъ себѣ въ культурномъ отношеніи значительную часть обоихъ народовъ, жилища почти не отличаются отъ русскихъ. Черемисы и мордва переходятъ къ русскимъ избамъ, строятъ свои деревни вдоль улицъ съ фасадами на нихъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ мы это видѣли выше, дворъ черемисина отличается отъ двора русскаго лишь сохраненіемъ куды. У вотяковъ подражаніе русскимъ сильно отражается на постройкахъ, хотя часть ихъ, подвергшаяся вліянію татаръ, слѣ-

Digitized by Google

дуетъ въ данномъ случаѣ татарскимъ образцамъ. У пермяковъ, въ мѣстностяхъ гдѣ они особенно поддались обрусѣнію, избы ихъ, по словамъ И. Н. Смирнова (Пермяки, 193), почти не отличаются отъ русскихъ. Менѣе культурныя финскія народности—лопари, остяки и вогулы—переходятъ, какъ это мы видѣли, непосредственно отъ срубовъ съ плоскими крышами къ русскимъ избамъ. Чѣмъ дальше будетъ итти этотъ ассимиляціонный процессъ, тѣмъ болѣе будутъ исчезать типичныя для финскаго жилья черты, тѣмъ ближе оно будетъ приближаться къ русскому.

Такое-же уничтоженіе финскихъ національныхъ чертъ въ жилищѣ мы вправѣ ожидать и у ливовъ, бо́льшая часть которыхъ уже поглощена латышскимъ элементомъ; вмѣстѣ съ сліяніемъ остатковъ ливовъ съ послѣднимъ, вѣроятно, исчезнутъ различія, и теперь уже незначительныя между ливскимъ и латышскимъ домомъ.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ финскій элементъ сохраняетъ свою самостоятельность—въ Финляндіи и среди эстовъ, происходитъ постепенная утрата въ постройкахъ національныхъ чертъ. Г. Гейкелю въ теченіе его изложенія много разъ приходится упоминать, что въ разныхъ мѣстностяхъ Финляндіи черты, характеризующія финскій домъ, начинаютъ исчезать. Но въ то время какъ для финновъ, поддающихся русскому вліянію, предметомъ подражанія служитъ русскій крестьянскій домъ, для ливовъ латышскій,—для жителей Финляндіи и для эстовъ таковымъ является или городской, или помѣщичій домъ. Въ Финляндіи вліяніе города сказывается на устройствѣ и внутренней обстановкѣ жилищъ, какъ въ Остерботніи, такъ и Тавастландіи, и въ отдѣльныхъ чертахъ проникаетъ и къ саволаксамъ и кореламъ, а въ Эстляндской губ., по словамъ А. Д. Солодовникова (l. c.), у нѣкоторыхъ крестьянъ - собственниковъ „встрѣчаются усадьбы прямо богатыя, снабженныя всѣми удобствами заправской помѣщичьей усадьбы... Внутренняя обстановка дома—городская: мягкая мебель, занавѣски на окнахъ, олеографіи и фотографіи по стѣнамъ... Около дома разбитъ садъ съ дорожками, усыпанными пескомъ, съ клумбами цвѣтовъ и съ фруктовыми деревьями“.

Н. Харузинъ.

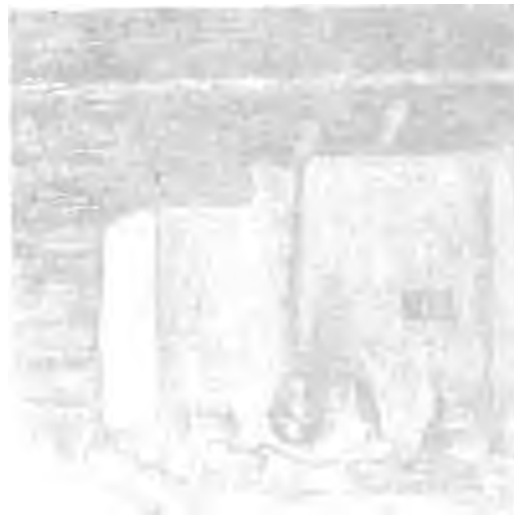
Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google



Digitized by Google

Digitized by Google

Акирь повѣсти и Акирь легенды.

Г. Лопаревъ напечаталъ „Слово о св. Ѳеостириктѣ или Ѳеоктиристѣ“ (Памятники древней письменности. XCIV. Слово о св. патріархѣ Ѳеоотириктѣ. Къ вопросу о 29-мъ февраля въ древней литературѣ. Спб., 1893), о которомъ еще ранѣе А. Н. Веселовскій уже говорилъ въ своей рецензіи на книгу: M. Gaster, Ilchester lectures on grecoslavonic literature, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1888, мартъ стр. 225—228). Содержаніе этого слова такое. Царь Синагрипъ и Акирь плывутъ куда-то „на брань“ на кораблѣ и терпятъ крушеніе отъ бури. По совѣту Акиря, Синагрипъ обѣщаетъ отслужить канонъ св. Николаю и поставить святому свѣчу, и буря утихаетъ. Синагрипъ проситъ Акиря вызвать св. Николая. Акирь говоритъ, что это можетъ сдѣлать только митрополитъ Ѳеоктеристъ. Митрополитъ соглашается исполнить желаніе царя, но требуетъ, чтобъ была выстроена церковь. Все готово, церковь выстроена, трапеза приготовлена, ждутъ святителя, но онъ долго не является: онъ замѣшкался, спасая утопавшихъ; спасенные поднесли св. Николаю курецъ. Когда все это святой разсказалъ Ѳеоктеристу, тотъ сказалъ, что изъ-за такихъ пустяковъ онъ трехъ шаговъ не ступилъ бы. За этотъ недостатокъ милосердія святые отцы приговорили память о св. Ѳеоктеристѣ праздновать только черезъ четыре года.

Царь Синагрипъ и Акирь извѣстны также изъ старинной повѣсти объ Акирѣ премудромъ, но въ содержаніи повѣсти нѣтъ ничего, напоминающаго апокрифъ, кромѣ именъ, такъ что трудно угадать, какимъ образомъ эти имена пристроились къ апокрифу. Мы попробуемъ объединить эти два сказанія посредствомъ восточныхъ параллелей.

Начнемъ съ повѣсти. Прежде всего мы остановимся на тѣхъ параллеляхъ, которыя къ этой повѣсти даетъ ласская легенда о построеніи храма Мунко-цзу.

Тибетскій царь Сронцзанъ-Гамбо посылаетъ своего вельможу Гари (Гвардамбо, Оки-Гари-тамба, Ха-тамба-лама) сватать для него царевну, дочь сосѣдняго царя. Гари успѣшно исполнилъ порученіе,

Digitized by Google

привезъ царскую невѣсту, но царь заподозрилъ, что онъ хотѣлъ невѣсту удержать для своего сына (какъ въ варіантѣ, напечатанномъ мною въ „Танг.-тиб. окраинѣ Китая", II, 198) или для себя (какъ во вновь записанномъ мною, еще не напечатанномъ варіантѣ). Гари ослѣпленъ и сосланъ. Между тѣмъ царь очутился въ затруднительномъ положеніи; онъ задумалъ строить храмъ для святыни, привезенной вмѣстѣ съ невѣстой, но постройка его не удается; построенныя стѣны многократно разрушаются; это потому, что постройка возводится надъ мѣстомъ, которое есть „пупъ моря". Нужно знать тайну, какъ укрѣпить постройку, а ее, говорятъ царскіе совѣтники, знаетъ только сосланный Гари. Подосланые переодѣтые люди вывѣдываютъ секретъ у опальнаго вельможи, и постройка довершена, но Гари погибъ въ наводненіи. Возлѣ палатки, въ которой онъ жилъ въ изгнаніи, былъ колодезь, въ которомъ его сынъ ежедневно поилъ скотъ и, напоивъ, всегда затыкалъ его камнемъ. Какъ только Гари выдалъ тайну, камень отвалился, вода начала изливаться изъ колодезя и залила долину.

Въ этой тибетской легендѣ прежде всего бросается въ глаза сходство съ талмудической легендой о построеніи Соломонова храма; такъ же, какъ и тамъ, рушащаяся постройка; какъ и там, секретъ добывается отъ какого-то мудраго человѣка; въ обѣихъ легендахъ есть колодезь, въ которомъ [illegible] мудрый человѣкъ (Асмодей) самъ утоляетъ свою жажду или его скотъ; въ обоихъ случаяхъ колодезь аккуратно запирается послѣ того, какъ изъ него пили. Разлива воды и объясненія неудачи въ постройкѣ пупомъ моря въ палестинской легендѣ нѣтъ, но эти темы есть въ Палестинѣ, только онѣ стоятъ отдѣльно отъ легенды. Мы разумѣемъ разсказъ въ образованіи Мертваго моря и средневѣковое повѣрье, что въ Іерусалимѣ находится пупъ земли. Этимъ параллели не ограничиваются. Въ библейской исторіи построенія храма сказано, что пособникомъ при построеніи его былъ царь Тира Хирамъ; онъ доставилъ для постройки храма лѣсъ изъ Ливана и драгоцѣнности; онъ же прислалъ и художника, который украсилъ храмъ своими произведеніями; художникъ носилъ имя Хирамъ-Авіа сходное съ именемъ тирскаго царя. Когда храмъ былъ конченъ, Соломонъ вознесъ къ Богу молитвы; Богъ явился Соломону и сказалъ: „если будешь ходить предъ лицомъ Моимъ въ чистотѣ сердца и правотѣ, поставлю престолъ твой надъ Израилемъ во вѣки; если же вы отступите отъ Меня, истреблю Израиля съ лица земли и храмъ отвергну отъ лица моего" (III кн. Цар. IX, 4—7). Хирамъ, за оказанную имъ помощь, получилъ отъ Соломона двадцать городовъ; онъ вышелъ посмотрѣть на нихъ и остался недоволенъ наградой. Эти мелкія подробности въ ласской легендѣ получили нѣсколько иное развитіе; вмѣсто Хирама въ ней явился быкъ; въ числѣ мѣръ, указанныхъ сосланнымъ Гари, для успѣшнаго исполненія задуманной постройки слѣдовало употреблять на работу сиваго быка; на немъ возили

Digitized by Google

строительный матеріалъ, лѣсъ и камни [1]). Когда постройка была кончена, были прочитаны молитвы, которыми призывалось благоволеніе боговъ на всѣхъ трудившихся при постройкѣ, но быкъ былъ забытъ. Онъ остался недоволенъ и пригрозилъ, что въ будущемъ отомститъ эту обиду. Главный строитель и здѣсь, какъ и Хирамъ палестинскій, остался недоволенъ, и ему же приписана угроза, которую въ библейскомъ разсказѣ дѣлаетъ Богъ не за обиду, будто бы сдѣланную, а за отступленіе отъ закона, которое предполагается въ будущемъ [2]).

Если Соломоновскія темы въ такомъ количествѣ нашлись въ восточномъ Тибетѣ, то мы можемъ разсчитывать наткнуться здѣсь и на другія палестинскія темы. Очевидно, между Тибетомъ и Палестиной были сношенія; почему бы послѣ этого останавливаться передъ вопросомъ, не найдется ли здѣсь или вообще на сосѣднемъ съ Тибетомъ востокѣ параллелей и къ сказанію о Синагрипѣ и Акирѣ, которое по своимъ географическимъ воспоминаніямъ сосѣдитъ съ Соломоновской сагой: въ немъ упоминается Египетъ; египетскій царь задаетъ Синагрипу загадки, и Акирь ѣдетъ посломъ въ Египетъ; имя Синагрипъ принимается за геродотовское Саннахеримъ, а этимъ именемъ у Геродота назывался царь ассирійскій и арабскій.

И въ самомъ дѣлѣ, параллели къ славянской повѣсти находятся на степномъ востокѣ.

Судьба ласскаго вельможи Гари нѣсколько напоминаетъ Акиря. Гари заподозренъ въ намѣреніи отнять у царя невѣсту—Акирь оклеветанъ: ему приписано намѣреніе лишить царя престола; Гари отправленъ въ ссылку—Акирь отправленъ тюрьму; въ обоихъ ска-

---

[1]) Разсказъ о построеніи храма (Энгэринпнъ-цзу) въ Гэсэріадѣ, который, можетъ быть, представляетъ отраженіе ласской легенды, ближе къ библейскому тѣмъ, что пособникомъ Гэсэру въ его постройкѣ является не быкъ, а человѣкъ, купецъ, который проходилъ мимо Гэсэровой стоянки съ караваномъ драгоцѣнностей (Танг.-тиб. окраина Китая, II, 11).

[2]) Быкъ—строитель впослѣдствіи возрождается въ видѣ царя съ бычьими рогами; онъ описывается, какъ гонитель закона; но его тератологическія особенности напоминаютъ бога Ерлик-хана, который почитается карающимъ стражемъ закона. Въ дальнѣйшемъ ходѣ ласской исторіи также отраженія библейскаго разсказа. Пораженіе Голіаѳа въ ласской легендѣ обратилось въ пораженіе быка—царя; поражаетъ послѣдняго человѣкъ, одѣтый въ платье религіозной пляски; онъ пляшетъ передъ тѣмъ, какъ убить царя. Этотъ финалъ ласской легенды я уже сближалъ съ послѣднею сценой въ XXIII главѣ „Шиддикура“, въ которой соперникъ царя пляшетъ и лишаетъ его престола. Увидя эту пляску, царица стала улыбаться—какъ бы смутный намекъ на Мелхолу, которая посмѣялась надъ пляшущимъ Давидомъ. Человѣкъ, убившій царя—быка, убѣгаетъ отъ погони и скрывается въ пещерѣ; погоня догоняетъ его, входитъ въ пещеру, но видитъ въ ней вмѣсто живого человѣка неподвижную статую (Танг.-тиб. окраина, II. 200, 250). Не отголосокъ ли это библейскаго разсказа о томъ, какъ слуги Саула входятъ въ домъ Давида съ намѣреніемъ убить его и находятъ въ постели вмѣсто Давида лежащую статую?

Digitized by Google

заніяхъ царь очутился въ затруднительномъ положеніи и принужденъ обратиться къ разуму опальнаго вельможи. Дальнѣйшія подробности не сходны. Хотя сходство ограничивается немногими чертами, тѣмъ не мѣнѣе напрашивается предположеніе, не содержался ли въ сказаніи объ Акирѣ разсказъ о сватовствѣ, какъ и въ сказаніи о Гари? Можетъ быть, Акирь ѣздилъ въ Египетъ сватать для алевитскаго царя Синагрипа дочь фараона вродѣ того, какъ Гари ѣздилъ къ танскому царю сватать принцессу за своего тибетскаго царя Сронцзанъ-Гамбо. Гари могъ получить невѣсту только послѣ того, какъ онъ обнаружилъ передъ танскимъ царемъ изобрѣтательность своего ума: онъ сумѣлъ продѣть нить черезъ изворотливый каналъ бусины, сумѣлъ открыть подлинную царевну среди двадцати псевдоцаревенъ; Акирь съ сходнымъ остроуміемъ сумѣлъ найтись при рѣшеніи заданныхъ ему задачъ.

Временно мы оставимъ ласскую легенду и перейдемъ къ другому сказанію, представляющему болѣе яркую параллель къ Акирю. У южносибирскихъ тюрковъ и у бурятъ записаны преданія о Шуно; ихъ разсказываютъ и около Байкала, и въ южной части Енисейской губерніи, и въ Алтаѣ; знаютъ этого героя также и киргизы (Кокчетавскаго округа); они называютъ его Сна-батырь; наконецъ, помнятъ или, по крайней мѣрѣ, недавно помнили эти разсказы и астраханскіе калмыки [1]).

Сагайское преданіе у Радлова передаетъ исторію Шуны въ такомъ видѣ. У киргизскаго хана Kongdaidjy былъ семилѣтній сынъ Суну (Sunu). На домъ хана сталъ нападать тигръ; ханъ собралъ народъ и выступилъ противъ тигра. Суну сталъ также проситься съ ханомъ, но ханъ сказалъ ему, что онъ слишкомъ малъ, и не взялъ. По отъѣздѣ хана Суну пошелъ стрѣлять птицъ, увидѣлъ тигра, выстрѣлилъ, попалъ ему въ лобъ и, связавъ его древесной корой, оставилъ на мѣстѣ. Киргизы нашли связаннаго тигра и думаютъ, это Суну-матыръ убилъ тигра; если онъ выростетъ, намъ придется плохо; надо оклеветать его. Они пошли къ хану и оклеветали его. Одинъ сказалъ: „Суну спалъ съ моей дочерью!“ Другой сказалъ: „Суну спалъ съ моей женой!“ Женщины и дѣвицы принесли къ хану свое бѣлье, будто бы изорванное Суну-матыромъ. Конгдайджи велѣлъ вырѣзать хрящи изъ лопатокъ Суну-матыра, связать ему руки за спиной и бросить въ яму, глубиной въ семь саженъ. Спустя три года, изъ Монголіи былъ присланъ къ Конгдайджи лукъ, поднять который нужно было не мѣ-

[1]) Преданія о Шуну напечатаны въ слѣдующихъ сборникахъ: W. Radloff, Proben, II, 380 (въ сагайской деревнѣ Аскызъ у племени Киргизъ); IV, 206 (у телеутовъ въ селеніи Бачатъ); о. Вербицкій: Алтайскіе инородцы, М., 1893, стр. 117—121; Сказанія бурятъ, записанныя разными собирателями, Иркутскъ, 1890, стр. 36—43 (у балаганскихъ бурятъ); Очерки сѣв.-зап. Монголіи, IV, 301 (у аларскихъ бурятъ).

Digitized by Google

нѣе шести человѣкъ. Если не найдется у Конгдайджи человѣка, который бы натянулъ этотъ лукъ, то Конгдайджи долженъ платить дань. Конгдайджи вспомнилъ о сынѣ, заплакалъ и велѣлъ посмотрѣть въ ямѣ, не живъ ли онъ. Положили Суну-матыра на войлокъ и подняли изъ ямы; тѣло его стало чернымъ. Вымыли его кислымъ молокомъ и накормили его мозгомъ костей. Черезъ мѣсяцъ (такого ухода?) онъ пришелъ въ старую силу. Суну началъ натягивать лукъ; лукъ лопнулъ. Монгольскіе послы должны были со стыдомъ возвратиться въ свое отечество. На этомъ исторія Суну-матыра кончается; далѣе идетъ разсказъ о другомъ сынѣ Конгдайджи Амыръ-саранѣ [1]). Другіе варіанты дополняютъ это преданіе слѣдующими чертами. По алтайскому варіанту Радлова у Шуны (Schünü) три брата: Амыръ-сана, Тэмиръ-сана и Калданъ-чэрö; когда посрамленные послы съ изломаннымъ лукомъ удалились, три брата отправляются собирать дань; Шöнö ѣдетъ за ними слѣдомъ, напускаетъ морозъ; они останавливаются. Шöнö ѣдетъ впередъ и собираетъ дань. На обратномъ пути онъ встрѣчаетъ трехъ человѣкъ, предлагающихъ ему водку, но одинъ изъ нихъ совѣтуетъ не пить, а отдать собакѣ; собака издохла. Шöнö не возвращается къ отцу, а уѣзжаетъ къ русскому царю, который даетъ ему „Красношоковъ“. Въ алтайскомъ преданіи у о. Вербицкаго Шюна оскорбленъ братомъ Калданомъ, который отнялъ у него любовницу Кара-кызъ [2]). Шюна пустилъ стрѣлу въ юрту брата; братъ пожаловался отцу царю, тотъ велѣлъ засадить Шюну въ подземелье, въ 70 саж. глубиной. Одинъ старикъ сдѣлалъ подкопъ къ темницѣ и въ продолженіе семи лѣтъ питалъ узника. Тогда Черный Калмыкъ присылаетъ къ Конгдайджи пословъ однихъ за другими съ предложеніемъ отгадать, въ первый присылъ — которая изъ двухъ сорокъ дѣйствительная, которая обращенная шаманомъ изъ вороны; во второй присылъ—который конецъ у куста таволги вершина, который комель. Старикъ получаетъ отъ Шюны отгадки и передаетъ хану. Въ третій присылъ принесенъ лукъ; тридцать человѣкъ разомъ тянули его и не могли натянуть. Тогда вынимаютъ Шюну изъ подземелья. Онъ обросъ мохомъ и не можетъ глядѣть на свѣтъ. Его вымыли верблюжьимъ молокомъ, напоили водкой и накормили бараниной.

---

[1]) Разсказъ объ Амыръ-саранѣ есть, повидимому, продолженіе исторіи Шуны, къ которой тутъ примѣшаны историческіе факты о послѣднемъ джунгарскомъ ханѣ Амурсанѣ, бѣжавшемъ въ Россію. Китайцы требовали выдачи его, а когда имъ сказали, что онъ умеръ, то они просили показать его кости. Въ сагайскомъ преданіи Амыръ-саранъ готовится умереть, только проситъ своего дядю русскаго царя, чтобъ вмѣстѣ съ нимъ въ могилу опустили его коня, панцырь, лукъ и стрѣлу и черезъ три дня посмотрѣли на трупъ. По истеченіи трехъ дней бѣлый царь заглянулъ въ могилу; трупъ исчезъ.

[2]) Кара—по-тюркски „черная“, кызъ—„дѣвица“.

Digitized by Google

Судьба Шуно похожа на судьбу Гари и Акиря, особенно на судьбу послѣдняго. Онъ также оклеветанъ и посаженъ въ тюрьму, какъ и Акирь, и ему также приходится давать разгадки на загадки враждебнаго царя. Въ разсказѣ о Гари послѣдовательность другая: сначала загадки, потомъ ссылка, которая тутъ замѣняетъ тюрьму; въ повѣсти объ Акирѣ сначала тюрьма, потомъ загадки; въ разсказѣ о Шуно порядокъ, какъ въ славянской повѣсти — тоже сначала тюрьма, потомъ загадки. Въ обоихъ сказаніяхъ разрѣшенія заданныхъ иностраннымъ царемъ задачъ влекутъ за собой освобожденіе узника. Шуно вышелъ изъ ямы обезсиленный, и его пришлось откармливать; эта черта есть и въ повѣсти объ Акирѣ. По освобожденіи изъ тюрьмы его также пришлось откармливать.

Разстояніе между мѣстностями, гдѣ записаны ласская легенда (сѣверо-восточный уголъ Тибета) и тюркское преданіе о Шуно (южная Сибирь) значительно, около 2000 верстъ; въ промежуточномъ пространствѣ, т.-е. на плоскости Монголіи, сказанія о Шуно не замѣчено. Но чего теперь нѣтъ, могло быть прежде; въ старое время сказаніе о Шуно могло быть распространеннымъ на югъ отъ Сибири до предѣловъ Тибета. Сказаніе о Шуно встрѣчается преимущественно у тюрковъ; изъ монгольскихъ племенъ оно находится только у бурятъ и калмыковъ, т.-е. у тѣхъ племенъ, которыя были близки къ тюркамъ, жили съ ними въ сосѣдствѣ и обнаруживаютъ слѣды тюркскаго вліянія какъ въ языкѣ, такъ и въ сказаніяхъ. Плоскость Монголіи, занятая теперь монголами, нѣкогда была занята тюрками; за такія племена принимаютъ Тугю и Уйгуровъ; въ то время, когда они занимали Монголію, сказанія о Шуно вмѣстѣ съ другими тюркскими сказками должны были распространяться на югъ столь далеко, какъ далеко простирались кочевья этихъ народовъ и владѣнія ихъ властителей, и владѣнія обоихъ этихъ племенъ доходили до сѣвернаго Тибета.

Китайскія лѣтописи сохранили извѣстія, что народъ Тугю предкомъ своимъ считалъ нѣкоего Асену (Sena) или Ашену или Асяньше и разсказывалъ о немъ, будто онъ былъ выкормленъ волчицей. Имя Sena, Асена, Ашена оріенталисты сближаютъ съ монгольскимъ *шоно*, „волкъ“. Предокъ уйгурскихъ царей по одной легендѣ, сохранившейся въ китайской лѣтописи, произошелъ отъ союза хуннской царевны съ волкомъ. Монгольское книжное сказаніе ведетъ начало монгольскаго народа также отъ волка; у Сананъ-сэцэна и въ Алтанъ-Тобчи предокъ монгольскаго народа называется Бурте-чино; второй членъ *чино* значитъ „волкъ“. Въ Юань-чао-ми-ши просто сказано, что предокъ монголовъ былъ „сѣрый волкъ“. Этимъ волкомъ, или Бурте-чино, и начинается рядъ монгольскихъ хановъ по книжнымъ монгольскимъ сказаніямъ. Мною въ сѣверномъ Тибетѣ записана легенда о Ли-сунъ-сяо, который былъ прижитъ царевной съ каменной бабой, брошенъ въ пещерѣ и выкормленъ лисицей (по-монгол. *унюгунъ*, по-широнгольски *хунугунъ*). Мы смотримъ на эти

Digitized by Google

факты, какъ на подкрѣпленіе нашего мнѣнія, что сказанія о царевичѣ, воспитанномъ волкомъ, или о предкѣ волкѣ распространялись отъ южной Сибири до сѣвернаго Тибета. Вѣроятно, не мало сюжетовъ уйгуры или вообще тюрки, кочевавшіе у сѣверной окраины тибетскаго нагорья и жившіе тутъ осѣдло, имѣвшіе государственность и письменность, передали дикимъ своимъ сосѣдямъ тангутамъ. Мы думаемъ, что возможно поставить вопросъ и о сѣверномъ происхожденіи ласской легенды о Сронцзанъ-Гамбо и Гари.

Южно-сибирское сказаніе о Шуно, вѣроятно, относится къ тому же персонажу, т.-е. къ предку волку, или, по крайней мѣрѣ, тема о предкѣ народа волкѣ или, что то же, о предкѣ царей (т.-е. о первомъ царѣ) находилась въ одной схемѣ съ тѣми темами, которыя теперь связаны съ именемъ Шуно. Схема была такая: сначала шелъ разсказъ о рожденіи и дѣтствѣ перваго царя (разсказы о „шоно", предкѣ волкѣ), потомъ слѣдовалъ разсказъ о царѣ и мудрецѣ (Шуно), отгадывающемъ загадки. Въ этомъ сводномъ разсказѣ имя Шуно, конечно, должно остаться при одномъ которомъ-нибудь персонажѣ,—или при царѣ, или при мудрецѣ. Ласская легенда можетъ быть принята за преданіе о первомъ царѣ (Сронцзанъ-Гамбо), въ которой разсказъ о сверхъестественномъ рожденіи его опущенъ, но сохранился разсказъ о мудрецѣ; ласская легенда (по нашему предположенію) ведетъ свое начало отъ той гадательной тюркской версіи, въ которой имя Шуно пріурочено было къ царю, и для мудреца потребовалось новое имя (Гари). Въ ласской легендѣ мы находимъ схему усложненною темой о сватовствѣ. Это усложненіе совершилось, кажется, на сѣверѣ. Въ статьѣ „Ордынскія параллели къ поэмамъ ломбардскаго цикла" мы указали на близость персонажей Шуно, Хасара и Тасъ-хара; этими сопоставленіями Шуно сближается съ стрѣлкомъ, который участвуетъ въ походѣ Чингисъ-хана для пріобрѣтенія жены. Разница въ томъ, что въ ласской легендѣ царь Сронцзанъ не ѣздитъ самъ по невѣсту, а посылаетъ свата, мудраго вельможу; въ сѣверныхъ же монгольскихъ сказаніяхъ о Чингисѣ царь и его помощникъ ѣдутъ вмѣстѣ. Впрочемъ, и въ Тибетѣ была, можетъ быть, версія, по которой царь самъ принималъ участіе въ поѣздкѣ. Книжное сказаніе о Сронцзанѣ расходится съ народной редакціей; Сронцзанъ-Гамбо требуетъ у китайскаго двора невѣсту, получаетъ отказъ и идетъ войной на Китай. Въ китайской лѣтописи (О. Іакинѳъ, Исторія Тибета и Хухунора, Спб., 1833, стр. 130) это разсказано такъ. Первымъ сильнымъ туфаньскимъ кянбу (т.-е. тибетскимъ царемъ) былъ Лунцзань. Перваго посланника въ Китай онъ отправилъ въ 634 г. съ предложеніемъ о бракѣ, прося царевну. Получивъ отказъ, онъ вступилъ въ Китай съ войскомъ. Китай согласился выдать царевну. Лунцзань послалъ посла великаго луньчжи Лудунъ-цзаня; посолъ очень понравился императору, и онъ его женилъ на китаянкѣ, а за Лунцзаня выдалъ княжну Вынъ-ченъ. Лунцзань выѣхалъ

Digitized by Google

встрѣчать царевну въ Бохай, по возвращеніи построилъ для царевны городокъ и дворецъ. Къ этому мѣсту сдѣлано о. Іакинѳомъ подстрочное примѣчаніе: „Сему государю приписываютъ построеніе главнаго Будалинскаго дворца, въ которомъ живетъ далай-лама. Подъ Лунцзанемъ тутъ, несомнѣнно, разумѣется тибетскій Сронцзанъ, и Лунцзань есть искаженное китайскимъ произношеніемъ имя тибетскаго царя.

Мы выше сказали о возможности постановки вопроса о сѣверномъ происхожденіи ласской легенды о Сранцзанъ-Гамбо и Гари. Мы идемъ далѣе и думаемъ, что не только ласскую легенду легко принять за отголосокъ далекихъ сѣверныхъ сказаній, но что можетъ быть возбужденъ вопросъ о сѣверномъ происхожденіи тибетской лѣтописи, по крайней мѣрѣ той ея части, которая начинается Сронцзаномъ Гамбо и кончается Ландармой. Сравнимъ тибетскую легенду съ лѣтописными извѣстіями о Сронцзанѣ.

Легенда знаетъ царя Сронцзана-Гамбо; при немъ мудрый вельможа, который высватываетъ для царя чужеземную царевну. Черезъ нѣсколько поколѣній послѣ Сронцзана въ Тибетѣ воцаряется нечестивый царь Ландарма, гонитель истиннаго ученія. Онъ имѣетъ на головѣ бычьи рога; это признакъ того, что подъ видомъ этого царя вновь явился тотъ быкъ, который доставлялъ матеріалъ для постройки, былъ обиженъ и пообѣщалъ отмстить обиду.

Лѣтопись начинается повѣствованіемъ о мудромъ царѣ Сронцзанѣ; его мудрости Тибетъ обязанъ введеніемъ буддизма, заведеніемъ спокойствія общественнаго и гражданскаго порядка. Мудрость здѣсь приписана самому царю. Черезъ нѣсколько поколѣній послѣ Сронцзана воцаряется Ландарма (гланъ-дарма), свирѣпый гонитель буддизма; и лѣтопись указываетъ на бычьи признаки царя; самое имя его включаетъ въ себѣ членъ *гланъ*, что по-тибетски значитъ „быкъ“.

И легенды и лѣтопись говорятъ о какомъ-то царѣ-быкѣ. Это относитъ насъ къ воспоминаніямъ объ уйгурскихъ царяхъ, сохранившихся у китайскихъ и мусульманскихъ писателей. Первый уйгурскій царь былъ Бука-ханъ; *бука* по-тюркски — „порозъ“. Объ немъ у д' Оссона (Histoire des Mongoles par C. d'Ohsson, t. I, p. 432) читаемъ слѣдующій разсказъ, заимствованный изъ арабской книги Тарихъ Джиганкушай, написанной Джувейни. Въ мѣсности Кумланджу при сліяніи Толы и Селенги стояли два дерева; однажды замѣтили, что земная поверхность между ними начала подниматься и образовала холмикъ; потомъ этотъ холмикъ вскрылся, и изъ него вышли пять мальчиковъ; когда дѣти спросили, кто ихъ родители, имъ указали на два дерева; они пришли отдать имъ честь, которую дѣти обязаны отдавать виновникамъ жизни; деревья заговорили по-человѣчески; они учили дѣтей стяжать самыя отмѣнныя качества и желали имъ долгой жизни и вѣчной славы. Одинъ изъ этихъ пяти мальчиковъ, повидимому самый младшій, сталъ впослѣдствіи

Digitized by Google

знаменитъ подъ именемъ Boucou-tèkin'a [1]). Далѣе д' Оссонъ приводитъ о томъ же разсказъ китайской книги Su-houng-kiang-lou. Въ горахъ Khorin берутъ начало двѣ рѣки: Тула и Селенга; въ одну ночь необычайный свѣтъ спустился на дерево, которое находилось между двумя рѣками; обитатели окрестностей отправились туда и нашли дерево вздувшимся на подобіе забеременѣвшей женщины. Послѣ девяти мѣсяцевъ и десяти дней оно родило пять мальчиковъ. Жители страны, полные удивленія, воспитали новорожденныхъ. Младшій получилъ имя Bouka-khan; онъ подчинилъ себѣ сосѣднія страны и сдѣлался ихъ царемъ (ibid., 438 439).

Тибетская лѣтопись разсказываетъ, что у тибетскаго быка-царя Ландармы было два сына, которые послѣ смерти отца вели между собой убійственную войну. Въ книгѣ Бодиморъ эта исторія разсказана такъ: послѣ смерти Ландармы одна изъ его женъ осталась беременной; ожидаемаго ребенка разсчитывали сдѣлать царемъ; старшая жена царя, не желая потерять свое значеніе, придала себѣ ложный видъ беременности, и когда у дѣйствительно беременной родился сынъ, она взяла у одной нищей женщины ея новорожденнаго и выдала за своего сына. Впослѣдствіи эти два принца начали распрю, которая продолжалась сорокъ семь лѣтъ и имѣла послѣдствіемъ полное разореніе страны (Schmidt, Gesch. d. Ost-Mong, S. 363).

Такая же распря имѣла мѣсто, кажется, и въ уйгурской лѣтописи. О Бука-ханѣ говоритъ нѣсколько словъ персидскій историкъ Рашидъ-эддинъ. Былъ, говоритъ онъ, найманскій государь Инанчъ-Екэ-Тука-ханъ (Тука въ транскрипціи переводчика г. Березина; вѣрнѣе, по нашему мнѣнію, читать Буку-канъ; см. Танг-тиб. окраина Китая, II, 215). Екэ, переводитъ Рашидъ-эддинъ, значитъ „великій", а Туку-ханъ въ древности былъ великій государь, котораго уважали уйгуры и другія племена. „Говорятъ, что онъ родился отъ дерева" (дѣло идетъ, очевидно, объ уйгурскомъ Бука-ханѣ, о которомъ мы только что сдѣлали выписку изъ книги д' Оссона и котораго также лѣтопись признаетъ за сына дерева). Этотъ Инанчъ-Екэ-Тука-ханъ... имѣлъ дѣтей; имя старшему было Бай-Буга.... Его назвали Таянгъ-ханъ. Онъ (Тука-ханъ) имѣлъ другого сына, котораго называли Буюрукъ-ханъ. Оба брата, по кончинѣ отца, заспорили и повздорили изъ-за наложницы его, которую онъ любилъ, стали врагами и раздѣлились; нѣкоторые беки и войско присоединились къ сему брату, а нѣкоторые къ тому" („Исторія монголовъ" въ Трудахъ Вост. Отд. Археол. Общ., ч. V, стр. 111—112).

[1]) Холмъ, между двумя деревьями, который, къ удивленію жителей, съ каждымъ днемъ возвышался, напоминаетъ нѣсколько тибетское повѣрье о горѣ около Лассы, которая въ извѣстную пору года начинаетъ двигаться (разростаться?) по направленію къ городу. Подъ ней лежитъ, говорятъ, голова Ландармы; сама гора называется Ландарменъ-тологой—«голова Ландармы» (Извѣст. Вост.-Сиб. Отд. Геогр. Общ. 1893 г. (т. XXIV), кн. I, стр. 42).

Digitized by Google

Слова Рашидъ-эддина могутъ быть поняты такъ, что дѣло идетъ будто бы о Тукѣ-ханѣ найманскомъ, который былъ названъ этимъ именемъ въ честь древняго уйгурскаго Туку-хана. Найманскаго Тука-хана Рашидъ-эддинъ далѣе дѣлаетъ современникомъ Чингисъ-хана, но исторія двухъ сыновей Тука-хана взята Рашидъ-эддиномъ, повидимому, изъ уйгурскихъ лѣтописей. Она напоминаетъ разсказъ китайской, вѣрнѣе уйгурской лѣтописи о Хэли-ханѣ и Инанѣ (см. о. Іакинѳа, Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи; Очерки сѣв.-зап. Монголіи, II, 178). Инань изъ племени Илихи, вассалъ Хэли-хана, тайно измѣняетъ хану; между ними происходитъ война, которая кончается пораженіемъ хана; ханъ обращается въ бѣгство съ остатками своихъ приверженцевъ подобно, тому, какъ Ванъ кирейскій бѣжалъ въ пустыню отъ своего подданнаго Чингиса[1]). Имена уйгурской лѣтописи представляютъ нѣкоторое сходство съ именами позднѣйшей монгольской исторіи; Хэли можетъ быть искаженное китайцами Кирей; Хэли-ханъ было только титуломъ хана, подобно монгольскому „ханъ киреевъ“ какъ въ лѣтописи титулуется Ванъ, соперникъ Чингиса. Настоящее имя Хэли-хана было Дуби; это имя напоминаетъ Тубута-тэнгри, другого соперника Чингиса. О Хэли-ханѣ сказано, что онъ былъ пожалованъ отъ китайскаго императора званіемъ Вана; монгольская лѣтопись то же разсказываетъ о кирейскомъ ханѣ; онъ назывался Ваномъ потому, что ему китайскій дворъ пожаловалъ это званіе за какую-то услугу. Инань, сказано въ уйгурской лѣтописи, былъ изъ племени Илихи; у Вана кирейскаго былъ братъ Эрке, который однажды свергнулъ Вана съ престола и заставилъ его скитаться въ пустынѣ; въ китайскихъ памятникахъ это имя является въ формѣ Илихе, очень близкой къ вышеприведенному Илихи. У этого Инаня, продолжаетъ уйгурская лѣтопись, было два сына, которые долго враждовали между собой изъ-за престола по смерти отца, пока, наконецъ, одинъ изъ нихъ не восторжествовалъ; онъ занялъ престолъ и назвался Дониханомъ, подъ которымъ, вѣтоятно, надо видѣть Рашидъ-эддиновскаго Таяна. На родство сказаній монгольскаго и уйгурскаго указалъ уже г. Березинъ, переводчикъ Рашидъ-эддина.

И въ тибетской исторіи и въ уйгурской мы находимъ быка-царя; и въ той и другой послѣ его смерти идетъ разсказъ о сильной распрѣ его сыновей [2]). Можно думать, что тибетскій и уйгурскій разсказы—оба одного происхожденія, вопросъ только въ томъ, кто у кого заимствовалъ. Такъ какъ уйгурская, вѣрнѣе тюркская, цивилизація древнѣе тангутской, тюрки ранѣе образовали осѣдлости

---

[1]) Китайская лѣтопись, сохранившая эти сказанія, вѣроятно взяла ихъ изъ уйгурскихъ лѣтописей.

[2]) Сказка о сынѣ дерева, избраннаго потомъ въ цари, была извѣстна въ Тибетѣ; см. Дараната, Ист. буддизма въ Тибетѣ (В. Васильевъ, Буддизмъ, т. Ш, Спб. 1869), стр. 199—200. Это былъ царь Гопала: го по-сансритски «корова».

Digitized by Google

и государства и вѣроятно ранѣе составили лѣтописи, то вѣроятнѣе, что тангуты сдѣлали позаимствованіе; они ввели въ свою лѣтопись отрывокъ изъ уйгурской.

Сронцзанъ-Гамбо представляетъ духовную противоположность Ландармѣ; этотъ—нечестивый, злой, скверный царь; тотъ—благочестивый, мудрый и благонамѣренный. Можетъ быть, въ разсказѣ объ нихъ не скрывается никакого историческаго факта, и мы имѣемъ дѣло только съ эпической антитезой; давая такое значеніе этому разсказу, мы можемъ предполагать, что такая же антитеза была выставлена и въ сѣверныхъ лѣтописяхъ. Сближеніе тибетскаго быка-царя съ уйгурскимъ Бука-ханомъ увлекаетъ насъ къ тому, чтобы въ сѣверномъ ордынскомъ фольклорѣ искать и другого царя, т. е. Сронцзана-Гамбо; уйгурская лѣтопись могла начинаться, какъ тибетская, т. е. и здѣсь разсказывалось въ началѣ лѣтописи о мудромъ царѣ.

Въ тюркской ордѣ мы находимъ разсказъ если не о мудромъ царѣ, то, по крайней мѣрѣ, о мудромъ царскомъ совѣтникѣ. У алтайцевъ это Ерень-чиченъ, у киргизъ Джиренше-шешенъ [1]); у бурятъ, кажется, онъ является подъ видомъ мудраго Зара (*зара*—„ежъ" по-бурятски). Въ нѣкоторыхъ разсказахъ онъ самъ даетъ мудрые отвѣты; въ другихъ онъ ищетъ невѣсту для своего сына, встрѣчается съ мудрой дѣвицей и умѣетъ оцѣнить ея мудрость (Radloff, Proben, I, 197; IV ,201; Очерки сѣв.-зап. Монг. II, 158; IV 362—365; Танг.-тиб. окраина, II, 382). Киргизы говорятъ, что Джиреншешенъ былъ визирь Асъ-Джанибекъ-хана, а по преданіямъ киргизъ, живущихъ около озера Иссыкъ-куля, Джанибекъ имѣлъ ослиныя уши или бычьи рога, слѣдовательно соотвѣтствуетъ тибетскому царю-быку Ландармѣ.

Въ длинной и неустойчивой исторіи сюжетовъ вельможа-совѣтникъ могъ занять мѣсто царя. И, кажется, мы можемъ найти это тюркское имя пріуроченнымъ къ одному уйгурскому царю. Въ китайской книгѣ: Suhoung-kian-lou помѣщенъ разсказъ о сынѣ Бука-хана, о Joulun ticghin'ѣ; китайцы не выговариваютъ иностраннаго *р* и замѣняютъ его звукомъ *л*; поэтому вмѣсто Юлунъ или Джулунъ можно допустить чтеніе Юрунъ или Джурунъ. Этотъ Джурунъ-тикинъ сватаетъ китайскую царевну, только не за себя, какъ это дѣлаетъ Сронцзанъ, а за своего сына, т. е. какъ это дѣлаетъ Ерень-шешенъ или Джиренше-шешенъ. За то, что эта легенда одного происхожденія съ ласской, говоритъ одна подробность. Въ ласской легендѣ съ отвозомъ невѣсты соединено пріобрѣтеніе святыни въ видѣ статуи, т. е. предмета, который, судя по аналогіямъ, долженъ доставить странѣ благоденствіе; и въ уйгурской также: китайскіе послы просятъ у Джурунъ-тикина въ калымъ за невѣсту гору, въ

[1]) *Шешен* киргизское, *чичен*, *чечен* алтайское, *цэцэн* монгол., *сэсын* бурятское—„мудрецъ".

Digitized by Google

которой было заключено счастье уйгурскаго народа (d' Osson, Histoire d. Mong., t. I, p. 439). Разница только въ томъ, что въ тибетской легендѣ святыня переносится отъ тестя къ свекру, а въ уйгурской отъ свекра къ тестю.

Эти сближенія даютъ намъ поводъ объяснить и имя тибетскаго царя Сронцзана сѣверными звуками. Оно, можетъ быть, принято за парное, составленное изъ членовъ Срон и цзан. Въ имени Сронъ, можетъ быть, скрывается сѣверное тюркское Джиренъ.

Въ былинахъ и преданіяхъ на сѣверѣ (т.-е. въ Монголіи и Алтаѣ) встрѣчается парное Иринъ-сайнъ (у алтайцевъ Иринъ-шайнъ). Такъ называется богатырь, о которомъ поются длинныя былины и разсказываются сказки; онѣ записаны въ сѣверо-западной Монголіи, въ Ордосѣ и на Алтаѣ. Племя Хото-гойту считаетъ Иринъ-сайна своимъ предкомъ (Очерки сѣв.-зап. Монголіи, II, 25. Членъ Иринъ, вѣроятно, то же, что Джиренъ, Ерень и пр. Членъ сайнъ встрѣчается еще въ сложномъ имени Абатай-сайнъ-ханъ и въ титулѣ одного знатнаго монгольскаго князя: Сайнъ-нойонъ. Абатай-сайнъ-ханъ иногда произносится Абатай-санъ-ханъ (Оч. сѣв.-зап. Монг., IV, 333, 340). Форма *сана* встрѣчается въ окончаніяхъ личныхъ именъ, какова, наприм., Амурсана, Тамирсана [1]). Не происходятъ ли эти *сана* и *сан* отъ монгольскаго *шоно*, „волкъ?“ Въ дархатскихъ легендахъ встрѣчается имя Шоно-нойонъ; такъ будто-бы называется бѣлокъ Мунку-саганъ, находящійся въ верхней долинѣ р. Иркута, въ Саянахъ.

Мы предлагаемъ догадку, что членъ „сайнъ“ во всѣхъ трехъ случаяхъ (Иринъ-сайнъ, Абатай-сайнъ и Сайнъ-нойонъ) явилось, какъ результатъ осмысленія [2]), и что первоначально на этомъ мѣстѣ стояло другое, можетъ быть „сана“, т.-е. шуна, „волкъ“; далѣе, что монгольское Иринъ-сайнъ въ тибетскомъ исказилось въ Сронцзанъ. Эта догадка совпадаетъ съ другою, высказанною выше, что ласская легенда ведетъ свое начало отъ версіи, въ которой имя Шуно было пріурочено къ царю, а не къ мудрецу. То же самое надо сказать и о славянской повѣсти, если имя Санахеримъ принять за парное, составленное изъ членовъ „сана“ и „херимъ“; и здѣсь членъ „сана“ стоитъ въ имени царя, вслѣдствіе чего для мудреца понадобилось новое имя—Акирь.

На связь имени Санахеримъ съ монгольскимъ „шоно“ указываетъ сравненіе одной армянской легенды съ монгольскими сказками. Г. Хахановъ записалъ легенду о братьяхъ Сеннохеримѣ [3])

---

[1]) Въ числѣ монгольскихъ именъ встрѣчаются Темурчинъ, Каракчинъ, Керемучинъ; окончаніе „чинъ“ можетъ быть *чино*, „волкъ“. Другое окончаніе „ше“ встрѣчается въ бурятскомъ и киргизскомъ: Тёмёрше, Каракше, Хурумше (Хурумчи), Джангбырше, Джиренше.

[2]) *Сайн* по-монгольски—„добрый“, „хорошій“.

[3]) У Эмина Санахеримъ.

Digitized by Google

и Сенесерѣ (Этногр. Обозр., кн. XVII, стр. 160—161); это были дѣти Оханеса. Царь велѣлъ отцу убить ихъ, но отецъ пожалѣлъ и отвезъ въ монастырь, гдѣ онъ отдалъ ихъ старцамъ на воспитаніе, а царю сказалъ, будто его волю исполнилъ. Однако, царь узналъ впослѣдствіи, гдѣ эти дѣти скрываются, и послалъ ихъ взять. Они были привезены, и царь опредѣлилъ принести ихъ въ жертву языческимъ богамъ. Но въ тотъ самый часъ, когда царь хотѣлъ было исполнить свое намѣреніе, Сеннехеримъ поднимаетъ гирю, опускаетъ ее на голову царя и убиваетъ его [1]). На эту тему у монголовъ записано нѣсколько сказокъ; Bergmann въ своихъ Streifereien (Nomad. Streif. unter d. Kalmüken, Riga, 1805) напечаталъ сказку объ Ойо-чикиту (редакція сказки выдаетъ его за воплощеніе бога Арья-Бало). У царя Унекера (Uennäkär Törölkitu) дѣти, сынъ Ойо-чикиту и дочь Эрдена-цецекъ; они отвѣчаютъ Сеннекериму и Сенесеру армянской легенды. Отцу Оханесу отвѣчаетъ звѣздовѣдъ Ajalgo, царскій совѣтникъ. Гонителемъ является не царь, а мачеха, Allabunga, жена царя. Она требуетъ смерти дѣтей; царь поручаетъ исполнить это своему совѣтнику Ajalgo, но тотъ отвозитъ дѣтей къ хутухтѣ, а царю доноситъ, что они убиты. Монастырь, какъ убѣжище, въ которомъ скрылись дѣти, замѣнился здѣсь домомъ хутухты, а хутухты, какъ духовныя лица, живутъ въ монастыряхъ. Впослѣдствіи дѣти возвращаются, и царевичъ убиваетъ мать гонительницу. Въ „Очеркахъ сѣв.-зап. Монголіи“, IV, 283, я помѣстилъ варіантъ этой сказки, записанный мною около озера Убса. У царя не сынъ и дочь, а два сына царевича (ближе къ армянской легендѣ); старшій называется Ою-чикты [2]), младшій Эрдэнэ-абахай-цецекъ [3]). Мачеха настаиваетъ, чтобъ царевичи были убиты, но вельможи (тушемили), которымъ было поручено сдѣлать это, выпроваживаютъ царевичей изъ царства; убѣжище изгнанные царевичи находятъ у Тюре-герелтей-хана или (или Теръ-герелтей-хана) [4]). Сказка кончается тѣмъ, что младшій царевичъ Абахай-цецекъ возвращается, разоблачаетъ, что подъ видомъ мачехи скрывается шулмусъ (нечистая сила), и убиваетъ ее.

---

[1]) Въ армянской повмѣ „Давидъ Сасунскій“ (см. въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1881, ноябрь, стр. 51) сыновья царя язычника носятъ имена Абамеликъ и Санасаръ; царь хочетъ принести Санасара въ жертву богамъ, Санасаръ уговариваетъ отца прежде поклониться богамъ, и когда тотъ нагнулъ свою голову, сынъ опускаетъ на нее свою булаву.

[2]) Отецъ царевичей названъ почти тѣмъ же именемъ: Аю-чикты, что въ переводѣ значитъ „съ медвѣжьими ушами“; *аю* по дюрбютски и по-тюркски „медвѣдь“.

[3]) Это скорѣе женское имя; *эрдэни*—„драгоцѣнность“; *цецек*—„цвѣтокъ“; *абахай* въ бурятскихъ сказкахъ означаетъ „дѣвицу“.

[4]) *Тюре* или *тер*, можетъ быть, есть сокращенное *тенгри*, „небо“, какъ это слово въ самомъ дѣлѣ произносится сойотами; *герелтей*, „лучезарный“, отъ слова *герел*, „лучъ“.

Digitized by Google

Г. Хангаловымъ записана сходная бурятская сказка. У царя Анъ-Богдора дочь, которую онъ держитъ въ подземной темницѣ. Его вельможа Таба-ярья тайно посѣтилъ ее, и царевна родила двухъ мальчиковъ. Анъ-Богдоръ узнаетъ объ этомъ и велитъ Таба-ярья убить ихъ, но Таба-ярья отвозитъ ихъ въ лѣсъ, гдѣ одинъ изъ нихъ попадаетъ на воспитаніе къ семи волкамъ (долонъ шоно). Царь узнаетъ, что дѣти живы, и посылаетъ отряды войска убить ихъ, но это не удается: волки защищаютъ дѣтей; они душатъ лошадей у царскаго войска. Въ бурятской сказкѣ гонителемъ дѣтей царь, какъ и въ армянской; повелѣніе убить ихъ дается ихъ отцу; и это такъ-же, какъ въ армянской легендѣ. Вмѣсто монастырскихъ отцовъ воспитателями изгнанныхъ дѣтей являются волки [1]). Эготъ воспитанникъ волковъ называется Шононъ-хобунъ-шолгу, „волчій сынъ Шолгу“; мы видѣли, что тугюэскій предокъ, воспитанный волчицей, носилъ имя Ашена или Асена, т.-е. шуно — „волкъ“; вѣроятно, и въ нѣкоторыхъ варіантахъ бурятской сказки царевичъ носилъ это-же имя. Въ Очеркахъ с.-з. Монг., IV, стр. 285, № 60, *б* представляетъ варіантъ той же сказки; одинъ изъ бѣжавшихъ царевичей называется Шоно-доитъ [2]); въ № 139 Шанъ-тондубъ, гдѣ Шанъ тоже, вѣроятно, „шоно“ [3]). Одинъ изъ принцевъ дорогой изнемогаетъ и отстаетъ, другой до-

---

[1]) Едва ли для разселенія этого сюжета можно намѣчать путь съ запада на востокъ; мудрено объяснить, какимъ образомъ монастырь обратился въ нору, а монахи въ волковъ; обратное же превращеніе представить себѣ легче. Семью волками представляютъ себѣ киргизы созвѣдіе Большую Медвѣдицу (Аѳанас., „Поэтич. воззрѣнія“, II, 762; Желѣзновъ, „Урульцы“. II, 281), которое кабардинцы принимаютъ за семь братьевъ, аталыковъ, т.-е. воспитателей чужого ребенка. Волкъ по-тюркски *бури*; семь волковъ по-тюркски будетъ *еди бури*, *джеты бури*. Б. Медвѣдица по-монгольски называется *долонъ бурханъ* (долонъ—„семь“). Не эти ли семь звѣздъ скрываются подъ видомъ семи мудрецовъ-учителей во вступительномъ разсказѣ „Шиддикура“? Въ одномъ изъ слѣдующихъ разсказовъ въ варіантѣ, слышанномъ мною у дюрбютовъ, тѣло Амы-цаганъ-бюро распадается на семь звѣздъ, которыя образуютъ Б. Медвѣдицу (Очерки с.-з. Монг., IV, 198).

[2]) Эта сказка есть варіантъ V главы „Шиддикура“ (Этн. Сборн., изд., Геогр. Общ., в. IV, стр. 35—40), Имена принцевъ—Наранъ-Гэрэлъ (лучъ солнца) и Сарань-Гэрэлъ (свѣтъ луны).

[3]) Въ сборникѣ „Арджи-Борджи“ два мальчика изгнанника Бикаръ-Мадзади и Шилъ; послѣдній воспитался въ семьѣ волковъ. Когда они стали юношами, они убили царя-насильника; такъ какъ бурятская сказка „Анъ-Богдоръ“ представляетъ нѣсколько параллелей къ „Арджи-Борджи“ и можетъ быть принята за одну изъ ея версій, то, согласно съ „Арджи-Борджи“, мальчику, воспитаннику волковъ, слѣдовало бы убить Анъ-Богдора, какъ это дѣлаютъ и дѣти въ армянской легендѣ. Имя Богдоръ находится также въ бурятской сказкѣ о Ханъ-Гужирѣ, который ѣздилъ добывать масло изъ печени Наранъ-Гэрэла (Записки Вост.-Сиб. Отд. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 1, стр. 61—77). Въ V гл. „Шиддикура“ злая мачеха требуетъ, чтобъ вырѣзали сердце у царевича Наранъ-Гэрэла. Въ бурятской сказкѣ объ Анъ-Богдорѣ царевичъ вырѣзываетъ изъ плывущаго по рѣкѣ трупа эрдемъ (т.-е. эрдени,— „драгоцѣнность“, судя по аналогіи съ сказкой „Арджи-Борджи“?).

Digitized by Google

ходитъ до ламы отшельника и поселяется около него. Но ханъ этой земли хочетъ бросить его въ воду въ жертву водяному дракону; ханскіе слуги приходятъ взять юношу; лама спряталъ своего друга подъ котелъ; но когда ханскіе слуги хотѣли увести самого ламу, юноша вышелъ изъ-подъ котла и добровольно отдался ханскимъ слугамъ. Онъ былъ брошенъ въ воду, но благополучно выходитъ изъ нея; ханъ болѣе не преслѣдуетъ его; онъ находитъ своего брата, оставленнаго въ пустынѣ. Вмѣсто монастыря армянской легенды здѣсь пещера съ ламой отшельникомъ; добровольная отдача себя царскимъ слугамъ есть и въ армянской легендѣ.

Третья тема, связанная съ именемъ Саннахеримъ, находится у Геродота: крысы спасаютъ египетскаго царя Сеѳоса отъ нашествія ассирійскаго царя Саннахерима; онѣ перегрызаютъ доспѣхи во вражескомъ лагерѣ. Мы эту тему уже нашли въ бурятской сказкѣ объ Анъ-Богдорѣ, только вмѣсто крысъ сходную услугу здѣсь оказываютъ волки. Эта легенда о крысахъ жила когда-то въ городѣ Хотанѣ, лежащемъ на монгольской плоскости, у самой окраины Тибета. На это нахожденіе темы обратилъ уже давно вниманіе Либрехтъ и сблизилъ хотанское преданіе съ египетскимъ (Liebrecht, Zur Volkskunde. Heilbronn. 1879. S. 13, 14). Интересно, что въ томъ же Хотанѣ разсказывали легенду о раганѣ, который былъ зарытъ въ землѣ, и только одинъ праведный человѣкъ ходилъ къ нему и носилъ пищу,—тема, напоминающая шуну, сидящаго въ ямѣ, котораго тайно кормитъ старикъ.

Сдѣланныя сопоставленія приводятъ насъ къ такому заключенію. Сказанія о Саннахеримѣ сложились въ центральной Азіи; въ первой половинѣ этого имени „сана“ мы видимъ ордынскія имена: Асена, Sena, Сна, Шуно и пр. Съ этимъ именемъ въ ордѣ были связаны темы: 1) о царевичѣ, прижитомъ отъ волка или воспитанномъ волчицей (или семью волками); 2) о сватовствѣ за иностранную царевну, при чемъ дѣятельную роль игралъ мудрый совѣтникъ царя, которому удалось дать отвѣты на хитрыя загадки, и 3) о крысахъ. Вторая тема о сватовствѣ иногда упрощалась до разсказа объ однѣхъ загадкахъ, какъ въ теперешнихъ разсказахъ о Шуно; иногда усложнялась постройкой дворца для привезенной невѣсты или храма для помѣщенія святыни, привезенной вмѣстѣ съ невѣстой. Послѣдній видъ имѣетъ ласская легенда; но, можетъ быть, и славянская повѣсть объ Акирѣ въ другихъ варіантахъ имѣла тотъ же видъ, т.-е. тутъ было и сватовство, и постройка храма. Въ дошедшей до насъ редакціи сохранился только намекъ на эту тему, —Акирь собирается строить дворецъ между небомъ и землей. Если были побочные варіанты, передававшіе, какъ Акирь сватalъ дѣвицу для своего царя, то они могли приближаться или къ редакціи ласской устной легенды (Гари одинъ ѣдетъ за невѣ-

Digitized by Google

стой), или къ редакціи книжной тибетской (царь самъ ѣдетъ за невѣстой, тогда мудрый совѣтникъ можетъ сопутствовать ему). Если редакція почему-либо была принуждена направить поѣздку черезъ море, то вотъ въ эту-то часть повѣсти и могъ вставиться разсказъ о бурѣ и страхѣ, который испыталъ царь Синагринъ.

Формы, которая напоминала бы обѣ половины имени Саннахеримъ, въ сказкахъ и легендахъ, съ занимающимъ насъ сюжетомъ, въ Средней Азіи не замѣчено. Внѣ ихъ мы находимъ форму Ханъ-Хурмустенъ-ханъ или Ханъ-Хормуста. Ханъ въ концѣ трехчленнаго имени, конечно, „царь“, но ханъ въ началѣ должно означать что-нибудь другое. Это, можетъ быть, то же, что *ань* въ бурятскихъ сказочныхъ именахъ Анъ-Богдоръ, Анъ-Долманъ, а также *ань* въ имени якутскаго бога—Анъ-дарханъ-хотунъ. Возможно, что къ имени Ханъ-Хормуста были нѣкогда пріурочены темы о сватовствѣ и о построеніи храма, т.-е. если не темы о Саннахеримѣ, то темы о Сронцзанѣ. Ханъ-Хормуста, какъ думаютъ оріенталисты, соотвѣтствуетъ индійскому Индрѣ; онъ бросаетъ съ неба молніи. Сѣверные буряты шаманисты не знаютъ Хормусты или, по крайней мѣрѣ, онъ у нихъ не популяренъ: у нихъ свой Индра, это—Эсэгэ-маланъ-тэнгри, который такъ-же, какъ и Ханъ-Хормуста, помѣщается на небѣ и бросаетъ молніей. Объ этомъ Эсэгэ-маланъ буряты разсказываютъ: 1) какъ онъ женилъ своего сына, при чемъ ему пришлось пользоваться мудрымъ свѣтомъ мудреца Зара, 2) какъ онъ строилъ дворецъ и дворецъ все разваливался, пока не былъ полученъ совѣтъ отъ старика, обреченнаго къ смерти, но котораго сынъ, жалѣючи, скрывалъ въ ящикѣ и тайно кормилъ (Извѣстія Вост.-Сиб. Отд. Геогр. Общ., т. XIV, №№ 1—2, стр. 21, 22; XIX, № 3, стр. 22). Если мы перенесемъ эти темы съ бурятскаго Индры на монгольскаго, то мы получимъ ихъ пріуроченными къ парному Ханъ-Хормуста.

Въ легендѣ о св. Өеоктеристѣ заключается тема о вызываніи святого и о явленіи его. Такая тема довольно распространена на востокѣ. Въ Очеркахъ с.-з. Монголіи, IV, 259, я помѣстилъ разсказъ, какъ богдо-гегенъ по требованію едзенъ-хана (т.-е. китайскаго императора) вызвалъ появленіе бога Ерликъ-хана [1]); изъ земли показалось пламя и въ серединѣ его огненная голова. Этотъ разсказъ напоминаетъ мусульманскій о томъ, какъ по просьбѣ Соломона ангелъ вызвалъ огонь изъ земли и въ немъ показалъ сатану (Weil, Biblische Legenden, S. 230). Другой разсказъ помѣщенъ мною въ книгѣ «Тангуто-тиб. окраина Китая», II, 241: гегенъ Чжанъ-чжаппа-сэнъ даетъ одному купцу мудраго слугу, а потомъ, по просьбѣ купца, гегенъ показываетъ ему этого слугу въ его настоящемъ, т.-е. божескомъ видѣ: передъ купцомъ встаетъ образъ бога Тамчинъ-чойчжала (съ бычьей головой). У монгольскаго лѣто-

[1]) Ерликъ-ханъ, царь ада, изображается съ бычьей головой.

Digitized by Google

писца Санань-сэцэна есть разсказъ о ханѣ, котораго далай-лама обращаетъ изъ шаманства въ буддизмъ; по просьбѣ хана далай-лама является передъ нимъ въ божескомъ видѣ, въ видѣ бога Chajanggiriw'ы, по тибетски Тамчинъ-чойчжала (Schmidt, Gesch. d. Ost-Mongol., S. 249).

Въ послѣднее путешествіе мною записанъ новый разсказъ на эту тему. Балданъ, монголъ родомъ, кончивъ обученіе въ Лассѣ и получивъ званіе хларамбо, отправился домой; далай-лама далъ ему провожатаго, которому сказалъ, что онъ долженъ проводить монгола до красныхъ песковъ. Ѣдутъ они; лама замѣчаетъ, что его слуга не простой человѣкъ, что онъ обнаруживаетъ божескія силы; когда доѣхали до красныхъ песковъ, слуга сказалъ Балдану, что служба кончена и что онъ долженъ возвратиться. Тогда Балданъ проситъ его показаться въ божеской славѣ. Слуга сказалъ, что онъ завтра исполнитъ эту просьбу, а сегодня все-таки онъ пойдетъ домой, и далъ Балдану нѣкоторыя наставленія: Балданъ долженъ приготовить балинъ (фигурное тѣсто) и смотрѣть завтра въ ту сторону, куда слуга ушелъ; и когда увидитъ бога, онъ не долженъ сробѣть и долженъ проговорить: „вселись, боже, въ балинъ!“ Балданъ приготовилъ балинъ, кромѣ того, рядомъ положилъ хадакъ (шелковый длинный лоскутъ) и назавтра ждетъ явленія бога, смотритъ по направленію къ горѣ, за которую вчера ушелъ его слуга. Видитъ, изъ-за горы выходитъ туча, и въ тучѣ показывается страшная фигура бога Гомбо (Махагала). Балданъ оробѣлъ и сказалъ: „Вселись, боже, въ хадакъ!“ [1]) Тотчасъ же на хадакѣ появилось изображеніе бога Гомбо. Потомъ туча вмѣстѣ съ изображеніемъ бога исчезла. Балданъ-хларамбо сталъ собираться ѣхать далѣе; хотѣлъ убрать хадакъ, не можетъ поднять его. Собрались люди, помогаютъ Балдану, но ничего не могутъ сдѣлать. Запрягли подъ телѣгу, на которой лежалъ хаданъ, множество лошадей; телѣга не двигается съ мѣста. Ничего не могли сдѣлать, чтобъ сдвинуть телѣгу и порѣшили выстроить на этомъ мѣстѣ храмъ для храненія освященнаго хадана съ нерукотворнымъ изображеніемъ бога Гомбо. Этотъ храмъ и теперь существуетъ въ хошунѣ синемѣднаго чахарскаго знамени и называется Тэргэтей Махагаленъ суме, „храмъ Махагала съ телѣгой“ [2]). Въ этой легендѣ тема—явленіе бога въ

---

[1]) Робость, которая чувствуется при явленіи бога въ славѣ, есть и въ разсказѣ о вызовѣ Ерлика передъ едзенъ-ханомъ; едзенъ-ханъ испугался и умоляетъ богдо-гегена убрать этотъ призракъ (Оч. с. з. Монг., IV, 259). Въ нашихъ былинахъ Владиміръ проситъ Илью, чтобъ онъ показалъ ему силу Соловья, Соловей свиститъ, Владиміръ пугается и проситъ убрать Соловья.

[2]) Не двигающаяся телѣга съ святыней напоминаетъ колесницу съ „Золотыми останками повелителя“ Чингисъ-хана, которая, дошедши до топкаго мѣста Муна увязла по ступицу и не двигалась дальше; она двинулась только послѣ того, какъ Кэлегутэй-багатуръ сказалъ рѣчь, обращенную къ Чингисъ-хану (Алтанъ-Тобчи, 146). Остановка доставляемой святыни есть и въ легендѣ

Digitized by Google

славѣ—соединена съ другой: приносъ святыни въ страну и построеніе храма для ея помѣщенія. Асмодей, который являетъ Соломону свою силу, необходимое лицо при постройкѣ Соломонова храма. Такое же соединеніе темъ мы находимъ и въ Діалогахъ Сидраха (А. Н. Веселовскій, „Наблюденія надъ исторіей нѣкоторыхъ романтическихъ сюжетовъ средневѣковой литературы", въ Журн. Мин. Нар. Пр., часть CLXV, отд. 2, стр. 151—156). Царь Бокхъ не можетъ построить башню на границѣ своего царства въ защиту отъ сосѣдняго царя Garabo (Guarahabo); построенныя стѣны разрушаются. Бокху совѣтуютъ обратиться къ царю Траттабару; тотъ даетъ мудреца Сидраха. Сидрахъ прибылъ и говоритъ, что нужно отправиться на гору, къ которой путь лежитъ черезъ страну песиглавцевъ, и добыть на той горѣ тразъ. Гора достигнута; въ странѣ песиглавцевъ Бокхъ принуждаетъ Сидраха поклониться идолу, стоящему въ царской палаткѣ, но тотъ отказывается и за это опущенъ въ яму. Однако, безъ Сидраха не знаютъ, какъ найти дорогу и выйти изъ страны песиглавцевъ [1]). Сидрахъ освобожденъ изъ заточенія. Царь Бокхъ увѣровалъ въ бога Сидраха и проситъ мудреца показать св. Троицу, что тотъ и исполняетъ. Тогда злые духи производятъ грозу и ливень, который угрожаетъ залить страну. Сидрахъ совершаетъ нѣкоторыя дѣйствія, можетъ быть обрядъ, исполнявшійся въ предупрежденіе бѣдствій отъ грозы [2]), и гроза прекращается.

Въ этомъ сказаніи царь и мудрецъ вмѣстѣ совершаютъ поѣздку. Сидрахъ, какъ совѣтодатчикъ въ дѣлѣ постройки, отвѣчаетъ Асмодею Соломоновой саги и вельможѣ Гари ласской легенды. Ссылка вельможи Гари здѣсь замѣнена заточеніемъ въ яму; тутъ участь Сидраха сходится съ судьбой Акиря и Шуно [3]). Какъ

о Шантиварманѣ, по порученію царя ходившемъ за богомъ Авалокитешварой; богъ не дошелъ до родины Шантивармана и остановился на дорогѣ, явившись на деревѣ (Дараната, Ист. буддизма въ Тибетѣ, перев. Васильева, стр. 147—160). Авалокитешвара или Гуань-инь-пуса, его воплощеніе, есть спаситель или спасительница на водахъ, какъ и Николай въ легендѣ о Ѳеоктеристѣ.

[1]) Въ другихъ разсказахъ съ такимъ сюжетомъ (хожденіе въ страну мрака и пр.) помогаетъ своими совѣтами старикъ, обреченный на смерть по обычаю того времени умерщвлять престарѣлыхъ, но спрятанный по жалости сыномъ въ ящикъ.

[2]) Сидрахъ кропитъ водой изъ сосуда, въ которомъ отразилась св. Троица, въ четырехъ углахъ шатра и бьетъ деревомъ о дерево. Во время первой грозы урянхайцы и другіе кочевники кропятъ на юрту молоко.

[3]) Шуно буряты отожествляютъ съ Шудурманомъ (Очерки с.-з. Монголіи, IV, 301). Шудурманъ—это то-же лицо, которое у монголовъ извѣстно подъ именемъ Шидырванъ; въ одномъ сказаніи Шудурманъ отожествленъ также съ Шидургу книжныхъ сказаній о Чингисъ-ханѣ. Еще въ очеркахъ, IV, 863, я сдѣлалъ указаніе на возможность сближенія Шидырвана съ Акиремъ. О Шидырванѣ не удалось пока записать цѣльнаго сказанія; собранное представляетъ отрывки. Одинъ отрывокъ передаетъ, что еджень-ханъ, т.-е. китайскій импе-

Digitized by Google

вызыватель божества въ славѣ, Сидрахъ отвѣчаетъ богдо-гегену, гегену Чжаинъ-чжаппа-сэну и Балдыну-хларамбо восточныхъ легендъ и Ѳеоктеристу легенды, напечатанной г. Лопаревымъ, Сидрахъ данъ Бокху какимъ-то царемъ Траттабаромъ, подобно тому

раторъ, очень довѣрялъ Шидырвану и ввѣрилъ ему управленіе государствомъ, но одинъ завистливый вельможа написалъ два письма: одно ежень-хану, что Шидырванъ укочевываетъ съ своимъ народомъ прочь изъ государства, а другое Шидырвану, что ежень-ханъ посылаетъ войско противъ него. Обманутый письмомъ ежень-ханъ, дѣйствительно, послалъ войско, а Шидырванъ, услышавъ, что войско и въ самомъ дѣлѣ идетъ, покочевалъ прочь. Завистливый вельможа дѣлаетъ то-же, что въ славянской повѣсти дѣлаетъ Анданъ, неблагодарный воспитанникъ Акиря. Въ другомъ отрывкѣ Шидырванъ (тутъ онъ названъ Чодырманъ; отрывокъ записанъ у бурятъ) является изгнанникомъ изъ царства, вновь призываемымъ для спасенія отечества отъ враговъ посредствомъ рѣшенія загадки, какъ и въ сказаніи объ Акирѣ. Этотъ отрывокъ сильно смѣшиваетъ Шидырвана съ Шуно; Шидырвану (Чодырману) приписывается здѣсь стрѣляніе въ старуху, которая своими заклинаніями производила моръ въ народѣ, что другими разсказами приписывается Шуно, Хасару и друг. стрѣлкамъ. Въ третьемъ отрывкѣ Шидырванъ, схваченный слугами ежень-хана (китайскаго императора), поднимается на воздухъ; это напоминаетъ летающаго на воздухѣ Акиря (см. Очерки с.-з. Монг., IV, стр. 298, 301, 303, отрывки *в*, *л*, и *н*). Въ бурятскихъ разсказахъ имя Шудурманъ прилагается къ двумъ лицамъ: 1) къ лицу, которое страдаетъ отъ измѣны, подобно Акирю, и 2) къ царю, у котораго Чингисъ-ханъ отнимаетъ жену. Такимъ образомъ бурятскій Шудурманъ отвѣчаетъ разомъ монгольскимъ Шидырвану и Шидургу. Сбивчивость идетъ далѣе: Шудурманъ смѣшивается съ Шуно, которому въ монгольскихъ сказаніяхъ отвѣчаетъ Хасаръ, какъ такой-же стрѣлокъ по волшебницѣ старухѣ. Получается несообразность; при наложеніи сказаній бурятскаго о Шуно и монгольскаго о Шидургу одно на другое персонажъ Шуно не ложится на мѣсто Шидургу; ему отвѣчаетъ Хасаръ, который сражается противъ царя Шидургу. Если-бъ мы допустили предположеніе, что имя Шидургу въ какой-нибудь отдѣльной редакціи закрѣпилось за стрѣлкомъ, а царю, который въ монгольскомъ сказаніи называется Шидургу, пришлось дать другое имя, то мы въ такой редакціи нашли бы объясненіе появленія имени Сидраха въ легендѣ о постройкѣ зданія. Хасаръ—стрѣлокъ, главный помощникъ Чингисъ-хана въ затѣянномъ имъ дѣлѣ, въ отнятіи жены у Шидургу; одинъ устный разсказъ, записанный мною, приписываетъ Хасару самую иниціативу предпріятія; онъ подсказалъ Чингисъ-хану, что жена Шидургу красавица. Роль его напоминаетъ роль Гари при Сронцзанѣ тибетскомъ. Какая-то ошибка была причиной, что Хасаръ подвергся немилости Чингисъ-хана; онъ былъ привязанъ къ стѣнѣ; это соотвѣтствуетъ ссылкѣ, которой подвергся Гари. Но безъ Хасара доведеніе предпріятія до конца невозможно. Его освобождаютъ, и цѣль похода достигнута. Въ этой схемѣ Хасаръ играетъ ту же роль, какъ Сидрахъ въ исторіи царя Бокха. О пріуроченіи нѣкоторыхъ темъ, соединенныхъ съ Шидургу, къ бурятскому шаману Гурте было говорено мною въ статьѣ: „Тема объ усѣченной головѣ“ (Этн. Обозр., кн. XVI, 103); тамъ же я высказалъ догадку, что этотъ шаманъ и былъ тотъ оскорбитель чести ханскаго семейства, наказать котораго былъ посланъ Сохоръ-нойонъ, и что его имя было Бо-ханъ, подмѣнившееся позднѣе историческими именами Бохахъ или Бокухъ. Шидургу въ книжномъ сказаніи описывается вѣщимъ; онъ зналъ, какъ создать воду въ безводной пустынѣ, какъ добыть звѣзды Чолпанъ и Мечинъ; онъ научилъ Чингисъ-хана, какъ добывать огонь. Этой вѣщей натурой Шидургу сближается съ Гари, который также знаетъ тайны природы, знаетъ, отъ какой причины падаютъ стѣны строющагося храма. Вѣщее знаніе, приписываемое Шидургу, можетъ очень

Digitized by Google

какъ слуга, оказавшійся потомъ богомъ Тамдиномъ, данъ кущу гегеномъ Чжаинъ-чжапша-сэномъ,—какъ слуга, оказавшійся богомъ Махагалой, данъ Балдыну далай-ламой.

Разливъ воды, отъ котораго Сидрахъ спасаетъ царя Бокха и его войско, объясненъ, какъ средство, придуманное злыми духами, чтобы отмстить за обращеніе царя Бокха въ христіанскую вѣру. По аналогіи съ другими разсказами можно, однако, догадываться, что причина могла быть другая. Экспедиція Бокха была предпринята для сбора чудодѣйственныхъ травъ; кто-нибудь оберегалъ эти травы; вѣроятно, онѣ не давались безнаказанно: не произвели ли нечистые духи наводненіе съ цѣлью помѣшать возвращенію Бокха и воспрепятствовать похищенію травъ? Въ ласской легендѣ о построеніи храма Мунко-цзу или Эрдени-цзу есть разливъ, но онъ не представленъ въ видѣ мѣры, чтобы помѣшать похищенію; въ такомъ значеніи разливъ является въ легендѣ о монгольскомъ Эрдени-цзу, находящемся въ долинѣ р. Орхона, какъ въ ранѣе записанныхъ мною варіантахъ, такъ и въ новомъ, недавно записанномъ. Въ послѣднемъ разсказывается, что Абатай-сайнъ-ханъ похитилъ святыню въ Тибетѣ и убѣгаетъ съ нею на родину въ Монголію; за нимъ посланъ въ погоню старикъ на быкѣ съ поводильщикомъ, несущимъ желѣзный посохъ; по указанію старика поводильщикъ втыкаетъ посохъ въ землю и вынимаетъ его назадъ; изъ образовавшагося отверстія полилась вода, образовалось море, которое загородило дорогу Абатаю.

Акирь ѣдетъ вмѣстѣ съ царемъ Синагрипомъ, подобно Сидраху и Бокху; цѣль поѣздки неизвѣстна; вѣроятно, они ѣдутъ за какимъ-нибудь чудеснымъ предметомъ, въ родѣ травъ съ горы песиглавцевъ или въ родѣ святой статуи, привезенной Гари и Абатаемъ, или, наконецъ, цѣлью поѣздки была невѣста. Въ морѣ ихъ застигаетъ буря; естественное мѣсто для этого случая уже на обратномъ пути, когда они увозили съ собой похищенное. Это была мѣра для воспрепятствованія похищенію со стороны охранителей святыни. Тутъ совершается чудо спасенія, подающее поводъ къ другому чуду—явленію чудотворца, которое здѣсь отвѣчаетъ явленію св. Троицы въ Діалогахъ Сидраха. Въ Діалогахъ св. Троицу вызываетъ

пригодиться лицу, которое является сватомъ невѣсты для царя, и имя Шидургу, можетъ быть, дѣйствительно стояло иногда на мѣстѣ Гари, Хасара и и другихъ пособниковъ царя. Монголы имя Шидургу придаютъ тибетскому царю Сронцзану-Гамбо; въ монгольской письменности этому тибетскому царю дается имя: Berke Schidurgho taelgen khan (Köppen, Die Religion d. Buddhas, B. II, S. 53), и такимъ образомъ имя Шидургу вводится въ кругъ сюжета о добываніи царской невѣсты и постройки храма или дворца. Исторія сватанья невѣсты для царя имѣетъ двѣ версіи: по одной самъ царь ѣдетъ добывать невѣсту, по другой онъ посылаетъ сватовъ; въ первомъ случаѣ мудрость, вѣщая природа должна быть приписана самому царю, во второмъ—свату, царскому послу. Имя Шидургу, какъ имя вѣщаго человѣка, мудреца, въ первомъ случаѣ слѣдовало присвоить царю, въ второмъ—царскому послу.

Digitized by Google

Сидрахъ, т.-е. мудрецъ, главный дѣятель въ исторіи добыванія чудеснаго предмета (т.-е. травъ); въ монгольскомъ разсказѣ вызываетъ бога Балдынъ-хларамбо, т.-е. лицо, которое доставило въ южную Монголію святыню. Въ апокрифѣ вызываетъ св. Николая митрополитъ Ѳеоктеристъ. Мы думаемъ, что въ началѣ было иначе— чудо явленія святого производилъ Акирь.

Указанными выше связями славянской повѣсти объ Акирѣ съ легендами о строеніи храма и привозѣ невѣсты мы объясняемъ появленіе именъ Акиря и царя Синагрипа въ апокрифѣ о св. Ѳеоктеристѣ. Не случайно они туда попали. Эпизодъ о бурѣ и явленіи чудотворца выхваченъ, мы думаемъ, изъ какой-то потерявшейся версіи повѣсти объ Акирѣ и Синагрипѣ. Вмѣсто того, чтобъ спрашивать, какимъ чудомъ привлечены въ апокрифъ о св. Ѳеоктеристѣ имена Акиря и Синагрипа, вопросу надо дать такой оборотъ: какими судьбами къ эпизоду изъ повѣсти объ Акирѣ и Синагрипѣ пристроилось имя св. Ѳеоктериста и тема о нескорой помощи погибающему? Иными словами — за Ѳеоктеристомъ изъ апокрифа нужно оставить только его разговоръ съ спасателемъ на водахъ Николаемъ, рисующій разсчетливый характеръ митрополита, вызовъ же чудотворца нужно признать въ апокрифѣ пришлымъ [1]).

Г. Потанинъ.

---

[1]) Для пріема св. Николая царь Синагрипъ, по указанію Ѳеоктериста, строитъ церковь—это отголосокъ темы о построеніи храма, который часто соединяется съ привозомъ святыни и проявленіемъ бога въ славѣ.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

Сказка о насѣкомыхъ въ старинной записи.

Любовь къ животнымъ и внимательное наблюденіе ихъ жизни находятъ себѣ яркое выраженіе въ многочисленныхъ народныхъ сказкахъ, пѣсняхъ, пословицахъ, загадкахъ и другихъ произведеніяхъ народной словесности. Въ каждомъ сборникѣ русскихъ сказокъ можно найти нѣсколько №№—овъ такихъ, большею частью юмористическихъ, разсказовъ, въ которыхъ дѣйствующими лицами являются животныя. Едва-ли у многихъ народовъ найдется такое умѣнье воспроизводить словами разнообразные крики животныхъ, особенно птицъ, какое мы наблюдаемъ въ нашемъ простонародьѣ. Намъ нужно только напомнить читателямъ Этнографическаго Обозрѣнія интересную статью В. Н. Добровольскаго: „Звукоподражанія въ народномъ языкѣ и въ народной поэзіи“ [1]). Удивительной мѣткостью отличается народъ и въ характеристикѣ того или другого животнаго, въ умѣньѣ сопоставить его съ тѣмъ или другимъ типомъ человѣческаго общества. Весь животный міръ, извѣстный русскому крестьянину,—и звѣри, и птицы, и рыбы, и даже насѣкомыя—даетъ обильную пищу его наблюдательности, вызываетъ въ его воображеніи сравненіе съ міромъ людей и возбуждаетъ тотъ благодушный юморъ, въ которомъ чувствуется глубокая симпатія ко всему живому. Эти мѣткія, съ любовью написанныя каррикатуры изъ міра животныхъ приводятъ въ восторгъ не только дѣтей, спеціальныхъ любителей всякой «букашки, мушки, таракашки». Онѣ нравятся и взрослымъ, особенно если они въ животныхъ узнаютъ знакомые имъ типы человѣческаго общества. Интересъ народа къ удачнымъ характеристикамъ животныхъ побудилъ людей, хорошо знавшихъ народные вкусы и умѣвшихъ къ нимъ подлаживаться—нашихъ старинныхъ бахарей и скомороховъ—складывать юмористическія сказки и пѣсни про птицъ и звѣрей. Вспомнимъ извѣстную во многихъ записяхъ олонецкую «старинушку» о птицахъ и звѣряхъ, содержащую характеристику болѣе 30 представителей животнаго царства, въ которомъ слушатель находитъ все знакомыя лица: стряпчаго (ястребъ), плотника (губалъ), боярина (лебедь), хлопо́т-

[1]) Книга XXII, стр. 81—96 (1894 г.).

Digitized by Google

ника (канюкъ), ходатая (гусь), погощанку (чайка), пономарицу (синицу), красну дѣвушку (ластушка), ябедника (вытлюкъ), молодую женку (тетерка), пономаря (журавль), кожемяку (медвѣдь), овчинника (волкъ) и проч. [1]). Типы рыбьяго царства не менѣе удачно воспроизведены въ народной сказкѣ о Ершѣ Щетинниковѣ, [2]) которая представляетъ передѣлку старинной повѣсти, извѣстной въ записяхъ XVIII столѣтія. «Списокъ суднаго дѣла, како тягался лещъ съ ершомъ о Ростовскомъ озерѣ», какъ извѣстно, представляетъ въ каррикатурѣ всѣ формы словеснаго судопроизводства XVI-го столѣтія и по мѣткости сатиры находилъ многочисленныхъ читателей и переписчиковъ. Это «судное дѣло» легло въ основу не менѣе популярной «Повѣсти сказуемаго Ерша Ершова Щетинникова и ябедника», перешедшей въ устную сказку и продолжавшей еще въ XVIII столѣтіи развиваться въ подробностяхъ. Изложеніе сказки обличаетъ въ ея слагателѣ манеру спеціалиста-бахаря, а одинъ изъ старинныхъ варіантовъ (1729 года) почти достигаетъ склада стиха, состоя изъ краткихъ, часто риѳмующихся предложеній. Видно, что и здѣсь интересъ сюжета побудилъ какого-нибудь скомороха обработать его на пѣсенный ладъ, какъ была другимъ бахаремъ обработана «старинушка» о птицахъ и звѣряхъ.

Не меньшаго вниманія, чѣмъ пѣсня о птицахъ и звѣряхъ и сказка о Ершѣ, заслуживаетъ печатаемый ниже старинный текстъ сказки о *мизгирѣ* (паукѣ).

Однороднаго содержанія, но сильно скомканная, сказка о мизгирѣ помѣщена Аѳанасьевымъ въ записи крестьянина Александра Зырянова, сдѣланной въ заштатномъ городѣ Далматовѣ, въ Шадринск. у. Пермской губерніи. Нѣсколько лучшій варіантъ, несомнѣнно списанный изъ какой-нибудь старинной тетрадки, доставленъ тѣмъ же Зыряновымъ въ Пермскій сборникъ 1859 г. (отд. II стр. 118—120). Наконецъ, еще варіантъ, скомканный въ 10 строкъ и неизвѣстнаго происхожденія, находимъ въ VI выпускѣ сборника Аѳанасьева. Всѣ доселѣ изданные варіанты по полнотѣ значительно превосходитъ запись «Исторіи о мизгирѣ», оказавшаяся въ доставленной въ Этнографическій Отдѣлъ изъ Вологды г. Дилакторскимъ старинной тетрадкѣ. Эта тетрадка, въ обычную четвертку, состоитъ изъ 4-хъ листовъ толстой бумаги и содержитъ двѣ *исторіи*. Первая носитъ слѣдующее, написанное киноварью, заглавіе: *исторія о разговорахъ между двема товарищами ис которыхъ единъ любилъ пить вино, а другой не любилъ* (всего 13 страницъ); вторая—*исторія о мизгирѣ*—занимаетъ въ тетрадкѣ дальнѣйшія 8 стра-

---

[1]) *Гильфердингъ*—№№ 62, 130, 137, 264, 280, 298. *Рыбниковъ*—I, 87; II 59; III, 57—60, 61.

[2]) Сказка о Ершѣ напечатана въ нѣсколькихъ варіантахъ у Аѳанасьева—Нар. русс. сказки, 2-е изд., № 41 и примѣч. въ IV т. (36—39); см. также Пермскій сборникъ 1859 г. кн. I, отд. II, стр. 125 и слѣд.

Digitized by Google

ницъ послѣ послѣдней «исторіи», для восполненія неоконченной страницы, прибавлены слѣдующія слова:

«Аще кто сію тетрать твердо знаетъ, тотъ человѣкъ твердъ умомъ бываетъ».

На обратной сторонѣ записана, судя по цвѣту чернилъ, нѣсколько позже стихотворная загадка о комарѣ:

„Есть птица шестеронога,
Сотворена отъ Бога,
Весьма она тонкогласна,
Всѣмъ людямъ ужасна.
Прилѣтаетъ она во время свое,
И всякъ тогда боится ее.
Цари и вельможи ея страшатся,
Едва могутъ обороняться;
А простой народъ терпитъ великую
отъ нея невзгоду,
Особливо въ сѣрую погоду."

На послѣдней чистой страницѣ тетрадки ея собственникъ сталъ переписывать статью «О масленичномъ поѣздѣ — вѣдомость 1762 года», но на второй строкѣ прекратилъ свою работу. [1])

Такимъ образомъ, послѣдняя начатая статья довольно точно опредѣляетъ время написанія текста сказки о мизгирѣ. По нѣкоторымъ признакамъ, [2]) онъ списанъ съ другого болѣе древняго списка, относящагося, вѣроятно, къ началу XVIII в.

Что касается времени сложенія сказки, то едва ли мы ошибемся, отнеся ее еще къ XVII-му столѣтію и усматривая въ ней работу какого-нибудь сказочника-спеціалиста, вполнѣ опытнаго въ прибауточномъ стилѣ: слагатель владѣетъ размѣренною рѣчью, любитъ аллитерацію и риѳму и хорошо знакомъ съ эпическимъ складомъ нашихъ былинъ. Такъ, у него шоршень, обрадованный вѣстью о смерти мизгиря, сообщенной ему тараканомъ, сверчкомъ и клопомъ,

„Принимаетъ ихъ за руки бѣлыя,
За перстни злаченые
И садитъ за столы дубовые,
За ѣствы сахарныя,
За питья медвяныя."

Такое знакомство съ эпическимъ стилемъ, на нашъ взглядъ, обнаруживаетъ въ слагателѣ жителя одной изъ *сѣверныхъ* губерній, въ которыхъ въ XVII в. еще жили въ народѣ былины, сохранившіяся въ наше время только въ Олонецкой и Архангельской губерніяхъ въ непрерывной традиціи. Предположеніе это подтверждается и тѣмъ, что раньше извѣстная запись сказки о мизгирѣ происходитъ изъ Пермской губерніи, а печатаемая ниже нашлась въ тетрадкѣ изъ Вологодской губерніи. Замѣтимъ, что слово

---

[1]) Этотъ текстъ оказался въ другой тетрадкѣ, присланной г. Дилакторскимъ, и напечатанъ въ предыдущей кн. „Этногр. Обозрѣнія".

[2]) Напр., *по колодою* вм. подъ колодою; въ словѣ *подъ* буква *д* была вынесена вверхъ, какъ въ другихъ случаяхъ, и не замѣчена писцомъ.

Digitized by Google

мизгирь (паукъ), по Далю, принадлежитъ языку сѣвер. и восточныхъ губерній.

Объ извѣстности сказки о мизгирѣ на сѣверѣ свидѣтельствуетъ также стихотворная ея передѣлка, записанная Рыбниковымъ въ Олонецкой губерніи (въ Ладвинскомъ погостѣ Петрозаводскаго уѣзда) со словъ крестьянина Никиты Рѣзина въ 1862 году. [1])

Любопытно, что сказитель приплелъ нашу сказку къ пѣснѣ «О птицахъ русскихъ и заморскихъ», очевидно, руководясь соображеніемъ объ однородности обоихъ сюжетовъ. Пропѣвъ о томъ, «Каково птицамъ жить на Руси», Рѣзинъ сказалъ вслѣдъ за этимъ нѣсколько такъ называемыхъ *небывальщинъ*, небылицъ въ стихахъ, и между ними скомканную въ нѣсколько стиховъ сказку о мизгирѣ, которой начало (приводимое нами ниже въ примѣчаніяхъ) напоминаетъ отдѣльными выраженіями начало нашего текста. Считаю не лишнимъ привести текстъ олонецкой небывальщины съ 10-го стиха [2]), отмѣчая для сравненія курсивомъ стихи, совпадающіе съ выраженіями сказки.

И живетъ мизгрище
Стуловато личище,
И поставилъ мережи
Край пути-дороги.
И солетались *господскія мухи-клѣти* [3])
И попали мизгрю въ сѣти,
Сами говорятъ—толкуютъ:
„Братцы—господа, не покиньте!“
Услыхала госпожа,
Сонная, *пестрая воса и безъ пояса*,
И какъ скоро прилетѣла,
И такъ мизгрю въ сѣти попала,
Сама себя изругала:
«Не чертъ ли меня и несъ
«На чужое спасенье!
Солеталося тутъ
Синихъ и зеленыхъ поганыхъ мухъ,
И солетались, погребали,
Кишки свои набивали.
Жукъ былъ.....
Клопъ астраханомъ.
Садились на клочокъ, [4])
Нюхали божью травочку—табачокъ.

Увлекшись картиной нюханья табака насѣкомыми, Рѣзинъ забылъ дальнѣйшія похожденія мизгиря и кончилъ «небывальщину» такими стихами:

Бога хвалятъ, Христа величаютъ,
Богатую богатину проклинаютъ:
„Много е пива меду,
„Это намъ ни по чемъ:
„А у насъ травочка-табачокъ,
„Табакъ шпанскій, королевскій,
„Табакъ зоренъ (т.-е. крѣпокъ)
„Ноздри поретъ,
„Глазъ вонъ воротитъ“.

---

[1]) Пѣсни, собран. Рыбниковымъ, ч. III, стр. 332 и слѣд.
[2]) Первые 9 стиховъ см. въ примѣчаніи къ тексту.
[3]) Вѣроятно, слѣдуетъ: И солеталися мухи въ господскія клѣти (см. текстъ).
[4]) Вѣроятно: *кочокъ*.

Digitized by Google

Послѣдніе стихи, очевидно, шутливые приговоры или причеты, произносимые при нюханьи табака. [1])

Не представляя интереса по содержанію, олонецкая запись не лишена значенія по своей формѣ. Она показываетъ, какъ легко юмористическая сказка, благодаря своему складу, аллитераціямъ, риѳмамъ, перелагалась въ пѣсню. Такую же стихотворную обработку, какъ мы выше указали, получила сказка о Ершѣ. Если мы вспомнимъ пѣсню о птицахъ, юмористическую олонецкую «старину» о большомъ быкѣ [2]), небылицу о мизгирѣ, пѣсню о ершѣ и многочисленныя шуточныя, обыкновенно коротенькія пѣсни, особенно дѣтскія и плясовыя, разсказывающія въ комическихъ чертахъ событія изъ міра животныхъ, [3]) то увидимъ, какъ охотно народные поэты складывали пѣсню о животныхъ — звѣряхъ, птицахъ, рыбахъ, насѣкомыхъ,—нерѣдко перелагая въ стихотворный складъ сказки о нихъ.

Въ заключеніе замѣчу, что терминъ «исторія» или «гисторія» обозначавшій во 2-ой половинѣ прошлаго столѣтія переводные романы и повѣсти, прилагался и къ чисторусскимъ произведеніямъ. Такъ, напримѣръ, извѣстна «Гисторіа о Илье Муромце и о Соловье разбойнике», изданная по рукописи XVIII в. (принадлежащей И. Е. Забѣлину). [4]) Можно поэтому предположить, что терминъ «исторія» былъ примѣненъ къ сказкѣ о мизгирѣ въ какомъ-нибудь спискѣ XVIII в., смѣнивъ ея прежнее заглавіе, которое, вѣроятно, было: «повѣсть».

Приложеніе.

Исторія о мизгирѣ [5])

Было в прежние вѣки, в теплые лѣта, во время было у нашего господина паута *[1]) учинилась ромода *[2]) только невскоре, учинилась у его ссора при болотѣ в краю, уголовные брани. И они тутъ запрекословились межъ собою, завоевали о самой о бездѣлице, другъ друга хвалять, а лутчаго борца мизгиря молодца и в дѣло не ставятъ. И туть мизгирю стало забѣдно, зѣло за преку и за кручину, сталъ мизгирь яритца, на бездушную тваръ сердитца. И какъ пришла красная весна и лѣто теплое, и стали мухи летати, весело играти да пѣсеньки попевати и въ

---

[1]) См. Этногр. замѣтку П. В. Шейна—Приговоры и причеты о табакѣ, въ VII кн. „Трудовъ Этногр. Отдѣла И. О. Л. Е. А. и Э. 1886 г.

[2]) Гильфердингъ, №№ 297, 303.

[3]) Напримѣръ: женитьба комара на мухѣ, смерть таракана, свадьба воробья и друг.

[4]) См. «Русскія былины старой и новой записи" подъ редакціей Н. С. Тихонравова и В. Ѳ. Миллера. Отд. I стр. 4—7.

[5]) Мы сохранили правописаніе подлинника, исправивъ только явныя описки и выведя слова изъ-подъ титловъ.

Digitized by Google

господскія клѣти летати и крестьянъ стали кусати, кровь проливати, и оченъ она укусить, а сама боржи(е) того і струсить, какъ бы он ея убить. *3) А вонъ онѣ летаютъ, никого не опасаются, а всѣ надъ мизгиремъ насмехаются. А мизгирю стало забѣдно, зело за кручину, сталъ ногами трести да мережки плести, а ставить сталъ на самую дорогу, в косящаты окошка, гдѣ бы мухамъ летати и въ сѣти попадати. И туть муха попала. Мизгирь сталъ муху бити и губити и за горло давити. И туть муха закрычала: «осудари господа! отнимите меня!» Учюла госпожа пестрая оса такое честное убийство и прилитѣла скоро госпожа оса, нага и боса, и бес пояса. И туть надъ ней по грѣхамъ учинилось, а у мизгиря на ту пору сѣти излучились рѣткие и частые, крѣпкие и плотные; и туть муха да оса спѣшно скачють, а неутѣшно плачютъ, а онѣ умильные гласы разпущають, горячие слезы проливають. И туть муха да оса кончаются, своего живота лишаются. И туть к нимъ собирались, кости их погребати мертвые тѣла хоронити. И пришолъ архимантритъ шоршень, игуменъ жукъ, попъ пауть, мошка дьячки, комары подъяки, просвирня была некошная *4) строка. *5) А они тут их погребали, а всѣ мизгиря всѣмъ соборомъ проклинали да плутомъ его всѣ называли, а мизгиръ туть не ленился, их не стыдился, пути занимал, сѣти метал рѣткие и частые, крѣпкие і плотные. И тут архимандритъ шоршень говоритъ: «Я де мизгиря не боюся, повыше заличю, мизгиревы мережы проличю. Туть же игуменъ жукъ говоритъ: «И я де мизгиря не боюсь: у меня полѣтка прыткая, гортанъ толстая; со мною де онъ хотъ и схватится, да самъ наплачется». А тут же попъ пауть говоритъ: «И всѣхъ онъ силние называется, а сам изрываетца: какъ де ево стану проклинать, такъ ему мизгирю і на свѣту не бывать.» Туть же комары и мошка пред ними говорять: «Ахта! и намъ тошно, живемъ мы на красномъ бору, а у насъ головы болные, а пролѣты частые и дальные, а дума у нас крѣпкая, и про насъ у его сѣти не рѣткие.» И туть архимандритъ шоршень политѣлъ повыше і облитѣлъ мизгиревы мережы. Игуменъ политѣлъ да в сѣти попал. И туть ігуменъ жукъ сталъ с мизгиремъ дратца и насилу от него мизгиря радъ добромъ ростатца. И пауть попъ также политѣлъ да в сѣти попалъ. И туть мизгирь на паута сталъ искать кнута:... б....нъ ты сынъ пауть попъ, ты (бъ) не назывался господиномъ честнымъ попомъ: я вѣть, мизгиръ, не дѣвка, знаю васъ всѣхъ по попѣвкѣ, кто каковъ есть». А какъ будетъ солнце по полудни, а комары да мухи стали аки бубны, *6) политили они всѣ под дуплю, тот имъ стал жаръ не понутру. И туть мизгиръ удумалъ да сложился с тороканомъ і называл ево капралом, да со дьячком-сверчком и со ближнимъ родсвенникомъ со клопом; и они межъ собою так уложили и усовѣтовали, что такъ быть, какъ бы их із дупли добыть. «Ты, тороканъ, возьми с собой барабанъ, а сверчекъ дутку і пот(ь)те вы к архимандриту шоршню, і вы у ево благословитесь и всему ево собору поклонитесь и говорите ему такъ: «Гой еси ты, архимандритъ шоршенъ, мы по твоему благословению мизгиря кнутом простегали и в сылку в Астраханъ сослали; не бойтесь ничево: там

Digitized by Google

ему и голову отрубили». И туть архимандрить шоршенъ обрадовалъся, тѣ рѣчи полюбилис ему: «Спасибо вамъ, люди добрые, что вы мизгиря перевели, моево недруга измѣнника,» —и принимаетъ их за руки бѣлые, за персни злаченыя і садить за столы дубовые, за ѣствы сахарные, за питья медвяные. И такъ стали пить да веселитца, от прежиева страху бакъ бы избыть, і какъ бы намъ прожить без печали, чево мы на себя не знаемъ и не вѣдаемъ. А мизгиръ туть не ленился, еще по прежнему сталъ пути занимати да сѣти метати, рѣткие і частые, крѣпкие и плотные. И туть у них по(дъ) колодою шухоба *7) учинилас, іспугалис; а въ то время тороканъ потерялъ барабанъ, а сверчокъ всталъ на кочокъ, сам заскакал да въ дутьку засвисталъ. И от того страхъ великъ стал, и от того страха архимандрить шоршенъ убояłся и политѣл да в сѣти попал. И туть ему, архимандриту шорьшню, головы отсѣкли и под колоду свалили і живота ево лишили. Игуменъ жукъ после ево политѣлъ, также въ сѣти попал, и тому онъ самъ мизгиръ игумену жуку голову отрубилъ и под колоду повалилъ и живота его лишилъ, а мѣлкую сошку за их посмѣшку всю погубилъ и въ конецъ раззорилъ, а себѣ мизгиръ славу добрую и похвалу учинилъ во вѣки. Аминь.—

Примѣчанія:

*1) *Паутъ* — (перм., вятск., сибирск.) значитъ *оводъ, строка*. Паутка — злая муха, длинная, темносѣрая (Даль).

*2) *Ромода*, по Далю: перм., новгор. — толпа, шумъ, возня, толкотня, суета; столбовая мошка, толкунцы, рой толкущейся столбомъ мошки. По Рыбникову, *ромода* въ Олонец. губ. употребляется въ значеніи: хлопоты, безпокойство. Срав. въ „Пѣснихъ Рыбникова“ (III, стр. 332) „старину небывалую:

Въ давныхъ годахъ
И въ теплыхъ лѣтахъ
Сочинилась ромода
У господина муравья,
Котораго хвалятъ стрѣльца и борца,
Нахвальнаго молодца;
Край болота домъ состроилъ,
Никого не почитаетъ
(И самаго мизгиря ни во что считае).

*3) Что-то пропущено въ рукописи.

*4) *Некошный*—злой, непріятный.

*5) *Строка*—по Далю—муха, оводъ, Oestris, которая выводитъ гусеничекъ своихъ въ животныхъ; мѣстами путаютъ строку съ паутомъ, слѣпнемъ.

*6) Въ рукописи: аки стали бубны.

*7) Точное значеніе слова *шухоба* намъ неизвѣстно. У Даля есть слово *шухобарь* (ниж., кстром.) всякая дрянь, хламъ, шарабара. „Всякая шухабарь навалена, и проходу нѣтъ“.

Вс. Миллеръ.

Къ вопросу объ иноземномъ вліяніи на грузинскую культуру.

Въ сѣверо-западной части Закавказья, въ бассейнѣ рѣкъ Куры, Ріона и Чороха, за семь вѣковъ до Р. Х. водворились народы картвельскаго племени, раздробившіеся, спустя много лѣтъ по Р. Х., на нѣсколько самостоятельныхъ государствъ—Грузію, Имеретію, Мингрелію, Гурію и Сванетію,

Digitized by Google

то соединявшихся, то снова распадавшихся. Династическія и международныя смуты, воцарившіяся въ этихъ мелкихъ княжествахъ, открываютъ свободный, ничѣмъ не защищенный пропускъ въ глубь страны непрерывнымъ волнамъ иноземныхъ завоевателей, поочередно расхищавшихъ и разорявшихъ Грузію. Поэтому вѣковую жизнь Грузіи въ обширномъ смыслѣ, въ смыслѣ всѣхъ картвельскихъ племенъ, называютъ часто мартирологомъ, повѣстью страданій. И едва ли можно пріискать для нея лучшее имя. Съ тѣхъ поръ какъ исторія замѣтила эту страну, она служитъ центромъ притяженія для многоразличныхъ народовъ, шедшихъ изъ Ассиріи, Персіи, Византіи, Турціи, съ Кавказскихъ горъ и оставлявшихъ за собой кровавые, разрушительные слѣды. [1]) На обнаженныхъ горахъ Карталиніи и среди роскошной растительности Кахетіи и Имеретіи повсюду и донынѣ видны развалины старыхъ башенъ и замковъ, массивныхъ и своеобразныхъ, служившихъ убѣжищемъ во времена вражескихъ нашествій. И едва ли найдется въ мірѣ еще страна, гдѣ было бы столько нѣмыхъ свидѣтелей народныхъ страданій. Въ то время какъ въ позабытыхъ и самою природою замкнутыхъ ущельяхъ Кавказа дичала жизнь невѣдомыхъ міру племенъ, на южной покатости горнаго хребта древняя Иверія (Грузія) въ продолженіе 14 вѣковъ отстаивала свѣтъ христіанства и цивилизаціи отъ кровавыхъ вторженій язычниковъ и магометанъ. Православный крестъ невольно становился для истиннаго грузина символомъ его народности, а защита христіанства—задачей всей его исторіи. Съ паденіемъ Константинополя въ XV в., Грузія является въ теченіе трехъ съ половиной вѣковъ единственнымъ христіанскимъ царствомъ въ Азіи среди мусульманскаго океана. Твердо и убѣжденно отстаивая свою вѣру, грузинскій народъ, въ силу сложившихся политическихъ условій, долженъ былъ сдѣлаться народомъ-крестоносцемъ. «Какъ у рыцаря-крестоносца», говоритъ одинъ русскій писатель, «вся жизнь этого народа дѣлилась между молитвою и кровавымъ боемъ съ исламомъ. Болѣе чѣмъ цѣлое тысячелѣтіе не выпускалъ онъ изъ своихъ рукъ меча, и если христіанскій крестъ не былъ вышитъ на плечѣ его мантіи, то онъ былъ зато неизгладимо врѣзанъ въ самое сердце народа».

Роскошная и богатая природа Грузіи обратила ее въ соблазнительную добычу, на которую направлялись жадные взоры изъ Персіи, Египта, Финикіи, Греціи, Италіи: всѣ неудержимо стремились сюда, основывали свои колоніи, входили въ торговыя сношенія съ иноземцами, распространяли между ними свой языкъ, свои нравы и свою цивилизацію. Благодаря своему положенію между Чернымъ и Каспійскимъ морями, Грузія рано явилась передаточнымъ звеномъ въ торговыхъ сношеніяхъ Востока

---

[1]) Послѣдствія иноземныхъ вторженій въ Грузію выразились въ пестромъ составѣ грузинскаго лексикона и въ особенностяхъ строенія антропологическаго типа различныхъ народностей грузинскаго племени. См. *Пантюхова*, Антропологическія наблюденія на Кавказѣ (Записки Кавк. Отд. И. Р. Г. О., кн. XV, Тифлисъ, 1893), и *мою* книжку: Древнѣйшіе предѣлы разселенія грузинъ по М. Азіи. 1890.

Digitized by Google

съ Западомъ. [1]) Рѣчная система Куры и Ріона стала для всей Грузіи той столбовой дорогой, которой шло оживленное движеніе со времени укрѣпленія греческихъ колоній по берегу Чернаго моря. Порты Діоскурія, Фазисъ, Сперъ, Эа служили важными пунктами торговли еще въ эпоху похода Аргонавтовъ въ Колхиду (Мингрелію) за золотымъ руномъ. Одно обстоятельство особенно содѣйствовало успѣхамъ этой торговли. Задолго до Р. Х., по словамъ грузинской лѣтописи, въ Мцхетѣ поселились іудеи, которые, вдали отъ своей родины, усердно занялись здѣсь торгово-промышленной дѣятельностью. Слѣдствіемъ торговаго движенія черезъ Грузію было возникновеніе въ ней древнѣйшихъ городовъ: Мцхета, Уплисъ-Цихе, Каспи, Сурамъ, Шораконь, Урбниси [2]) Но довольно бѣглаго взгляда на топографическое размѣщеніе этихъ городовъ, чтобы видѣть, что они были созданы успѣхами внѣшней торговли. Города эти вытянулись длинной цѣпью по главной рѣчной дорогѣ Куры и Ріона.

Археологическія раскопки подкрѣпляютъ извѣстія древнихъ писателей о сношеніи Грузіи съ Индіей. На Самтаврскомъ кладбищѣ Мцхета найдены вещи (cyprea moneta, cardium rubinosum), которыя могли быть привезены, по авторитетному мнѣнію гр. Уварова, изъ Индіи. [3]) Геродотъ увѣряетъ насъ въ существованіи вліянія Египта на Колхиду: одинаковый способъ приготовленія полотна, тождественный образъ жизни, а главное—обрядъ обрѣзанія, который съ древнѣйшихъ временъ, по словамъ отца исторіи, былъ свойствененъ египтянамъ, эѳіопіянамъ и колхидянамъ,—эти признаки, вмѣстѣ съ отмѣченнымъ общимъ физическимъ типомъ, какъ извѣстно, онъ считалъ вполнѣ убѣдительнымъ доказательствомъ происхожденія населенія Колхиды отъ египтянъ. [4]) Были ли колхи народомъ грузинскаго племени, или египетскими колонистами—вопросъ спорный: одно несомнѣнно, что народъ, жившій на восточномъ берегу Чернаго моря, былъ въ торговыхъ сношеніяхъ съ Египтомъ. Покойный извѣстный кавказовѣдъ баронъ Услеръ предполагалъ, что колхи смѣшались съ грузинскимъ племенемъ и повліяли даже на лексическій составъ мингрельскаго и лазскаго языковъ, а египтянамъ самою грузинскою лѣтописью приписывается распространеніе въ Грузіи поклоненія небеснымъ свѣтиламъ. Торговое кольцо, шедшее изъ Индіи по Оксусу къ Каспію и чрезъ Закавказье къ Понту, сблизило Грузію съ Ассиріей и Вавилоніей. За шесть вѣковъ до Р. Х. грузины вели съ ними торговлю, отправляя имъ рабовъ и мѣдную посуду. На Кавказѣ въ эпоху желѣзнаго періода засвидѣтельствовано существованіе вѣсовой системы, соотвѣтствующей вполнѣ ассирійской. Это вліяніе Ассиріи переплеталось съ воздѣйствіемъ Финикіи. Имъ нужно приписать распространеніе на Кавказѣ культа Астарты,

---

[1]) Историческій очеркъ торговыхъ путей сообщенія въ древнемъ Закавказьѣ см. въ *Сборникѣ* свѣдѣній о Кавказѣ, т. I, стр. 33—58 (Тифлисъ, 1871).

[2]) *Пл. Іосселіани.* Города, существовавшіе и существующіе въ Грузіи. (Тифлисъ, 1850).

[3]) Взглядъ на Мцхетскій могильникъ. Труды Моск. Археол. Общ-ва, т. X, 18—24, 71—4.

[4]) *Геродотъ*, II, 101—104.

Digitized by Google

Истары халдеевъ (Афродита грековъ). Въ Кобанѣ и Казбекѣ разрыто французскимъ ученымъ Шантромъ много вещей, относящихся къ культу этого божества. Открытыя въ долинахъ рѣкъ Куры и Аракса оружія съ барельефами халдо-ассирійскаго характера, гончарное искусство и рукоятки мечей, найденныя на кладбищѣ въ Самтавро близъ Мцхета, носятъ яркіе слѣды вліянія Ассиріи. [1])

Но ни одна страна древняго міра не имѣла такого сильного вліянія на Грузію, какъ Персія и Византія. До принятія христіанства жизнь Грузіи сливалась съ обширнымъ потокомъ персидской культуры. Подъ предводительствомъ персидскихъ царей народъ грузинскій съ плетеными щитами и въ деревянныхъ шлемахъ бывалъ въ походахъ противъ грековъ и сиѳовъ и знакомился съ чужими знаніями и обычаями. Персы, по словамъ грузинской лѣтописи, распространяютъ въ Грузіи архитектурное искусство; они вводятъ свою систему вѣрованій—ученіе Зороастра, они передаютъ грузинамъ музыкальные инструменты и цѣлый рядъ повѣстей, то въ обработанномъ видѣ, то въ видѣ отдѣльныхъ сюжетовъ о дѣятельности иранскихъ героевъ. Сказанія о Ростомѣ и Зурабѣ переходятъ въ Грузію, національзуются, и эти богатыри дѣлаются народными. Религія Зороастра водворяется въ Грузіи въ III вѣкѣ до Р. Х. при царѣ Фарнаванѣ, который ставитъ идолъ Армази (персидскій Ормуздъ) [2]). Четвертый царь Фарнаджамъ возвигаетъ идолъ Заделу, служителю бога добра. Дуалистическая система долго борется въ Грузіи съ христіанствомъ, поклоненіе огню сливается съ ученіемъ евангелія, и все это остается понынѣ господствующимъ въ духовно-созерцательной жизни народа. Вѣра грузина въ дэвовъ и эшма, или гоніевъ Аримана, представленіе о загробной жизни до сихъ поръ носятъ яркіе признаки ученія Зороастра. Подземное царство, извѣстное нынѣ у грузинъ подъ именемъ шавети или джоджохети, находитъ себѣ аналогію въ персидскомъ «дузахъ». Царство грѣшниковъ отдѣлено отъ жилища блаженныхъ мостомъ чинвада, по Авестѣ, и волосянымъ мостомъ, по представленію современныхъ грузинъ. Вліяніе Персіи усиливается въ эпоху ослабленія грузинскихъ царей въ XVI—XVII вѣкахъ, когда правители Грузіи являлись ставленниками Персіи и вступали на грузинскій престолъ, принявъ предварительно исламъ. Ко времени извѣстнаго путешественника по Персіи Шардена [3]) дворъ грузинскихъ царей, пріемъ пословъ, церкви, какъ это видно у А. М. Павлинова въ III т. «Матеріаловъ», увеселенія, костюмъ ничѣмъ уже не отличаются отъ порядка и нравовъ персидскихъ властителей. Штатъ административныхъ, военныхъ и судебныхъ лицъ теряетъ грузинскія названія и переименовывается въ персидскія. Персидское вліяніе является доминирующимъ въ Грузіи до введенія христіанства въ Грузіи. Проповѣдь и воспринятіе ученія евангелія въ IV в., со времени св. равноапостольной Нины, [4]) послужили новымъ и мощнымъ культурнымъ

[1]) *Morgan.* Mission scientifique au Caucase II, 40. *Chantre.* Recherches anthropol. dans le Caucase II, 81—2.

[2]) *Грузинская лѣтопись* I, 32.

[3]) *Chardin,* Voyage en Perse, I, 182, 150 и др.

[4]) Моя работа: „Источники по введенію христіанства въ Грузіи". Москва. 1893.

Digitized by Google

рычагомъ въ развитіи Грузіи. Христіанство оторвало Грузію отъ исключительнаго вліянія языческаго Востока и поставило ее подъ благотворное воздѣйствіе христіанскаго Запада. Крестъ, воздвигнутый въ древней Иверіи, сдѣлался въ одно и то же время и религіознымъ и національнымъ знаменемъ грузинъ противъ мусульманскихъ народовъ. Религіозная рознь разобщила Грузію съ Персіей и поставила въ непрерывныя сношенія съ Византіей, хранительницей священнаго огня, зажженнаго древними греками и римлянами. Многіе изъ грузинъ, посылаемые съ X вѣка въ Византію для довершенія образованія [1]), основывали школы, по возвращеніи на родину, въ которыхъ знакомили учащихся съ богословіемъ, грамматикой, математикой, моралью, исторіей и пѣніемъ, съ греческимъ и сирскимъ языками. Въ началѣ XII вѣка въ Грузіи учреждается по образцу греческой, знаменитая школа Арсенія Икалтосли въ Кахетіи, гдѣ между прочимъ получилъ образованіе извѣстный грузинскій поэтъ при царицѣ Тамарѣ— Шота Руставели, авторъ поэмы «Барсова кожа». Грузія, вступивъ въ группу христіанскихъ народовъ чрезъ посредство Византіи, подчинила свою словесность вліянію того періода греческой литературы, который извѣстенъ подъ именемъ византійскаго. Масса произведеній какъ духовнаго, такъ и другихъ литературныхъ отдѣловъ (повѣстей, апокрифовъ) передается ей Византіей. Литературное достояніе Византіи вліяетъ не только на грузинскую письменную словесность, оно отражается въ духовныхъ стихахъ, легендахъ и сказаніяхъ. Аѳонской горѣ принадлежитъ честь въ просвѣщенномъ посредничествѣ между Греціей и Грузіей. Въ Иверскихъ монастыряхъ съ X вѣка на Аѳонѣ предпринимаются обществомъ грузинскихъ монаховъ переводы св. писанія и сочиненій отцовъ церкви. Св. Евѳимій и Георгій Святогорецъ XI в. своими переводами на грузинскій языкъ богослужебныхъ и духовно-нравственныхъ книгъ сообщаютъ повѣствовательному языку значительную силу и красоту, изумительную легкость и плавность слога. [2]) Іоаннъ Петрици, [3]) прозванный божественнымъ философомъ, знакомитъ грузинъ съ трактатами Платона и Аристотеля и создаетъ языкъ научный. Шота-Руставели, довершивши свое образованіе на Аѳонѣ, возводитъ до совершенства гибкость и выразительность стихотворнаго языка.

Получивъ христіанство изъ Византіи, Грузія заимствовала отъ нея церковное зодчество и пѣніе, принявшее, вслѣдствіе внѣшнихъ вліяній и мѣстныхъ условій, своеобразный складъ. Всѣ храмы Кавказа могутъ быть отнесены къ двумъ главнымъ типамъ; одни, какъ церкви въ Атени, Драни, св. Креста близъ Мцхета, представляютъ собою, подобно византійскимъ церквамъ VI—VIII ст., центрально-купольныя сооруженія, т.-е.

---

[1]) *Вардан*ъ, армянскій историкъ, говоритъ, что Давидъ Возобновитель (1089—1125) отправилъ въ Грецію сорокъ молодыхъ людей для изученія языковъ, что они и исполнили. Изъ числа ихъ трое оказались лучшими и даровитыми, которые сдѣлались украшеніемъ этого необразованнаго народа. „Всеобщая исторія“ Вардана Великаго, пер. Н. Эмина, стр. 147 (М. 1861).

[2]) *Бакрадзе,* Исторія Грузіи,

[3]) Этотъ же грамматикъ Петрици перевелъ исторію Іосифа Флавія.

Digitized by Google

такія, въ которыхъ всѣ части группируются вокругъ средняго пространства, покрытаго куполомъ. Другой типъ представляетъ соединеніе купольной системы съ базиличною, т.-е. образуетъ продолговатое трехнефное (рѣдко пятинефное) зданіе, въ которомъ эффектъ сосредоточенъ у алтаря и надъ нимъ (напр., Кутаисскій соборъ, храмы въ Мокви, Бедіи, Пицундѣ, Никорцминдѣ и др.). Усвоивъ себѣ эти два типа, грузинское зодчество развивало ихъ свободно и сообразно національному духу и климатическимъ свойствамъ страны, при чемъ воспринимало элементъ сассанидскаго и западно-европейскаго искусства (въ особ. XIII в.). Такая переработка основныхъ византійскихъ началъ шла постепенно и привела, наконецъ, въ XII и XIII ст., къ образованію столь стройно-гармоничнаго и оригинально-изящнаго архитектурнаго стиля, что ему, по всей справедливости, отводится отдѣльное мѣсто въ исторіи искусствъ. Живопись и скульптура въ Грузіи сохранили явственную печать византійства, и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось писать лики мѣстныхъ, неизвѣстныхъ Греціи, святыхъ, грузинскіе живописцы смѣло руководствовались византійскими первообразами [1]). Наконецъ, мотивы древне-грузинскихъ народныхъ пѣсенъ тождественны со строгимъ стилемъ церковнаго обихода, имѣвшаго своимъ источникомъ греческіе напѣвы. Грузинская народная музыка вступила на правильный путь лишь съ принятіемъ христіанства изъ Византіи. Современная народная пѣсня грузинъ представляется въ видѣ діатонической плавной мелодіи, построенной въ одномъ изъ церковныхъ ладовъ. Всѣ историческія наслоенія выразились въ усвоеніи ими увеличенной секунды отъ персіянъ и татаръ, а мелизма отъ арабовъ, и на этой уже почвѣ образовались новыя мелодіи въ смѣшанномъ грузино-арабо-персидскомъ стилѣ.

Къ византійскому вліянію на Грузію съ VIII вѣка присоединяется вліяніе арабовъ, распространяющихъ среди грузинъ свѣдѣнія по точнымъ наукамъ: математикѣ и астрономіи, также по архитектурѣ и живописи (въ Тфлисѣ съ VIII в., со времени ихъ водворенія въ Грузіи, существовала астрономическая обсерваторія). Подъ воздѣйствіемъ этихъ трехъ культуръ—персидской, византійской и арабской [2]) крѣпнетъ и расширяется умственный горизонтъ, вырабатывается и обогащается литературный языкъ, развивается переводная и оригинальная письменность. Гру-

---

[1]) См. *Кондакова*, „Опись памятниковъ древности въ храмахъ и монастыряхъ Грузіи“. (Спб. 1887). Prince *G. Gagarine*, „Le Caucase Pittoresque (Пар. 1847). *Tetier*, „Description de l'Arménie de la Perse etc“. (t. I, Пар. 1842).

[2]) Это тройное мощное вліяніе иноземцевъ наиболѣе ярко выразилось въ музыкѣ и искусствѣ. Всѣ грузинскія мелодіи могутъ быть разграничены на четыре группы: къ первой принадлежатъ народныя пѣсни, построенныя въ греческихъ ладахъ и въ духѣ церковныхъ напѣвовъ; ко второй должны быть отнесены пѣсни съ персидскимъ вліяніемъ, т.-е. грузинская мелодія съ увеличенной секундой; къ третьей относятся груз. пѣсни съ арабскимъ вліяніемъ, т.-е. груз. мелодія въ греческомъ ладѣ съ арабскими мелизмами, а къ четвертой принадлежатъ пѣсни со смѣшаннымъ арабо-персидскимъ вліяніемъ, т.-е. мелодія съ увеличенной секундой и мелизмами. *Ипполитовъ-Ивановъ*, „Груз. народ. пѣсня“, стр. 5–6. (Москва, 1895 г., изъ „Артиста“ № 45).

Digitized by Google

зинская образованность достигаетъ высшаго апогея въ XII в., въ эпоху царицы Тамары, доставившей Грузіи своими побѣдоносными войнами преобладающее политическое вліяніе во всей Малой Азіи и на Кавказѣ. Вѣкъ ея ознаменованъ литературною дѣятельстью поэтовъ—Шота Руставели, Шавнели, Чехруха, и романистовъ—М. Хонели и Е. Тмогвели, произведенія которыхъ носятъ яркіе слѣды двойственнаго вліянія пылкаго востока и разсудительнаго запада. Легендарная исторія приписываетъ Тамарѣ всѣ замѣчательные архитектурные памятники Грузіи; это—нѣмые свидѣтели величавой эпохи Грузіи. Тамара повсюду оставила неизгладимыя черты своей дѣятельности и, по словамъ одного историка, «написала свое имя каменными твердынями на горахъ и долинахъ Грузіи». Съ кончиной царицы все измѣнилось: она какъ будто унесла въ могилу счастливые дни своей родины. По смерти ея на Грузію обрушивается рядъ внѣшнихъ и внутреннихъ бѣдствій. Въ XIII в. она испытываетъ страшное нашествіе монголовъ, въ XV в. подвергается варварскому вторженію Тамерлана, начало XVII в. печально ознаменовано неистовствомъ Аббаса I, шаха персидскаго. Въ XVII ст. Грузія переходитъ, какъ мячъ, отъ персовъ къ туркамъ, отъ турокъ къ грузинамъ, отъ грузинъ къ персамъ. Грузинскіе цари принимаютъ исламъ и дѣлаются постоянными данниками персидскихъ шаховъ. Въ 1795 г., при царѣ Ираклія II [1]), вторгается въ Грузію свирѣпый Ага-Магометъ-ханъ, шахъ персидскій, предаетъ все огню и мечу и наноситъ послѣдній роковой ударъ независимому существованію Грузіи, вошедшей затѣмъ съ первыхъ годовъ XIX столѣтія въ составъ Россійской имперіи. Такимъ образомъ, говоря словами генерала Фадѣева, „христіанской Грузіи удалось цѣною сверхчеловѣческихъ усилій уцѣлѣть до того часа, когда Россія доросла, наконецъ, до подножія Кавказа". [2])

Такова печальная судьба Грузіи! Она постоянно горитъ, постоянно разрушается, постоянно истребляется. Разоренія ея, избіеніе ея жителей оказываются чѣмъ-то обычнымъ, какъ бы очереднымъ явленіемъ ея нормальной жизни. Врядъ-ли можно сосчитать случаи возрожденія Грузіи изъ пепла, всѣ кровавые фазисы, въ которыхъ она, такъ сказать, мѣняла свой историческій обликъ. «Много есть грустной поэзіи въ кровавой исторіи Грузіи; грузинъ ее вспоминаетъ со слезами. Она описываетъ вѣками исчисляемыя бѣдствія, дробленіе царства на царство, междоусобицы между царями и князьями, возстанія племенъ на племена и родовъ на роды.... Но среди этихъ мрачныхъ событій исторія Грузіи представляетъ нѣсколько свѣтлыхъ страницъ". Трудно было бы ей прожить длинный рядъ вѣковъ историческою жизнью, когда приходилось съ оружіемъ въ рукахъ завоевывать себѣ каждый день существованія. И не смотря на всѣ тяжелые удары, грузины отстояли свою народность и православную вѣру. Подъ сѣнью христіанской церкви они находили и отраду и утѣшеніе. Воинственный духъ, укрѣплявшійся въ грузинѣ силою политическихъ обстоятельствъ, смягчался религіознымъ чувствомъ, обратившимъ его въ благо-

[1]) Подробности въ Histoire de la Géorgie, t. I и II.
[2]) *Русь*, 1864 г., № 2, стр. 22.

Digitized by Google

честиваго паломника и подвижника, усерднаго книжника и художника, стража и защитника св. Гроба Господня [1]). Одной рукой онъ неустанно оберегалъ страну отъ хищныхъ завоевателей, а другой онъ возводилъ и щедро украшалъ храмы и монастыри въ Грузіи и далеко за ея предѣлами—въ Палестинѣ и Сиріи, на Синаѣ и Аѳонѣ. Силы его подкрѣплялись твердой надеждой на поддержку десницы Провидѣнія. Безстрашный воинъ на полѣ брани, идущій одинъ противъ десяти, какъ во время нашествія Ага-Магометъ-хана, онъ смирялся въ храмѣ Божьемъ, изливая передъ святынями слезы благодаренія, выстраданную душевную боль и сердечныя муки. При всѣхъ превратностяхъ судьбы Грузіи, церковь оставалась въ его глазахъ надежнымъ убѣжищемъ для пробужденія національнаго чувства противъ мусульманскихъ властителей. Въ виду такой всеобъемлющей роли церкви, понятно ея мощное вліяніе на складъ міросозерцанія грузинскаго народа.

Эта непреклонная защита церкви въ минуты отчаянія пріучила Грузію обращать взоры упованія на Россію, православную державу, съ которой Иверія вступаетъ въ непрерывныя сношенія съ XVI в. [2]) Съ этихъ поръ Россія и Грузія обмѣниваются посольствами, подарками, посланіями. Политическія сношенія сопровождаются религіозно-культурными, и такимъ образомъ вліяніе русское проникаетъ въ глубь Грузіи, сказывается прежде всего въ церковной живописи (напр., въ храмѣ Бахтало, близъ Закаталъ), и чинѣ богослуженія (см. «Арсеній Суханов», изслѣд. С. Бѣлокурова), а впослѣдствіи и въ литературѣ. Чрезъ посредство Россіи вносится въ Грузію вѣяніе европейской цивилизаціи, лучи которой впервые освѣтили берега Чернаго моря, благодаря торговымъ связямъ съ XVI в. венеціанцевъ и генуэзцевъ съ Мингреліей и Имеретіей [3]). Со времени занятія верхней Грузіи (Ахалцыхскаго уѣзда) османами, ее наводняютъ римскіе миссіонеры, приносящіе въ край вмѣстѣ съ проповѣдью католицизма начатки западной культуры. Папскіе нунціи проникаютъ въ грузинское царство, пріобрѣтаютъ довѣріе и любовь грузинскихъ царей, въ качествѣ врачей и пріятныхъ собесѣдниковъ, созидая себѣ прочный оплотъ перешедшихъ въ католицизмъ. Вліяніе ихъ настолько усиливается, что въ XVIII в. самъ глава грузинской церкви, католикосъ Антоній I, проявляетъ излишнія симпатіи къ папскимъ миссіонерамъ и, по постановленію мѣстнаго духовнаго собора, за отступничество отъ православія лишается патріаршаго престола и изгоняется изъ страны. Католикосъ Антоній I прибылъ въ Россію, оправдался предъ Свят. Синодомъ въ возведенныхъ обвиненіяхъ и получилъ архіерейскую каѳедру во Владимірѣ. При царѣ Иракліи II онъ вернулся въ Грузію и привезъ съ собой учеб-

---

[1]) *Цагарели*: „Грузинскіе памятники старины на Синаѣ и въ Святой землѣ". Спб. 1888 г.

[2]) *Броссе*: „Краткая переписка груз. царей".

[3]) Путешествія итальянцевъ Ламберти, Контарини, Барбаро см. въ газ. „Кавказъ" за 1867 г. Плано Карпини и Асцелинъ, изданы *Языковымъ* въ Собраніи путешествій къ татарамъ. Спб. 1825. См. еще *Семеновъ*: Библіотека иностранныхъ писателей о Россіи; т. I, отд. I, посвященъ Кавказу.

Digitized by Google

ные планы и труды—частью оригинальные, частью переводные—по богословію, философіи, метафизикѣ, логикѣ, исторіи, грамматикѣ и риторикѣ для преподаванія ихъ въ схоластическихъ имъ организованныхъ тифлисскихъ и телавскихъ [1]) духовныхъ семинаріяхъ по образцу Кіево-Могилянскаго коллегіума и Славяно-греко-латинской академіи въ Москвѣ. Пользованіе услугами папскихъ миссіонеровъ при составленіи Антоніемъ учебниковъ усиливало вліяніе католицизма и въ учащейся молодежи, и въ народѣ. Это вліяніе столкнулось съ остатками язычества, съ переживаніями ислама, который въ эпоху мусульманскаго владычества успѣлъ привить народу чуждыя православію понятія и обычаи. Подъ этимъ тройнымъ воздѣйствіемъ—православія, католицизма и ислама, преломившимся черезъ призму европейской цивилизаціи, до настоящаго времени направляется вся духовная и религіозная жизнь грузинскаго народа.

А. Хахановъ.

Еще о пародіи въ народныхъ пѣсняхъ.

Въ напечатанной въ XX-ой книгѣ «Этногр. Обозрѣнія» въ моей замѣткѣ по поводу сообщенной мною пародіи на историческую пѣсню, говоря о причинахъ малоизвѣстности въ нашей литературѣ этого рода народной поэзіи, я совершенно упустилъ изъ виду указать на то, что, кромѣ правительственной цензуры, достаточно строгой, въ средѣ русскаго общества первой половины истекающаго столѣтія, даже вплоть до эпохи реформъ, существовала еще болѣе строгая, болѣе щепетильная цензура нравовъ и поступковъ со стороны вліятельнѣйшихъ его представителей и законодателей. Этой цензурѣ всѣ безусловно и безапелляціонно покорялись. Въ то время не только дамы пріятныя во всѣхъ отношеніяхъ, но и весьма серьезные, умные люди изъ среды какъ многодушныхъ, такъ и малодушныхъ помѣщиковъ, изъ среды даже писателей и редакторовъ готовы были посадить Гоголя въ кутузку за неприличный, по ихъ мнѣнію, способъ его выраженій, въ родѣ того, наприм., что Яичница (въ «Женитьбѣ») не перемѣнилъ свою фамилію на Яичницынъ, потому что это было бы похоже на: «собачій сынъ»; упрекали его и въ томъ, что онъ позволяетъ себѣ разсказать въ «Мертв. душ.», какъ будочникъ ночью въ публичномъ мѣстѣ казнитъ на ногтѣ своего пальца какого-то звѣрка; тогда считалось крайне неблагопристойнымъ произносить въ обществѣ слово «юбка» (la jupe—ничего), или, говоря о дамѣ, сказать, что она «съ норовомъ», или, что у нея поэтическое или художественное «чутье». Но еще деспотичнѣе, еще ревнивѣе эта цензура старалась оберегать честь

---

[1]) Телавская семинарія и первый ея ректоръ Гаіозъ Нацвлишвили 1746—1819 г. Журналъ *Иверія*, 1881 г. августъ, ст. г. *Мтвареишвили*. Этотъ Гаіозъ перевелъ Велизарія Мармонтеля въ г. Кременчугѣ и тутъ же напечаталъ свою Грамматику груз. яз. Ему принадлежитъ еще рядъ переводныхъ и оригинальныхъ сочиненій.

Digitized by Google

и достоинство всѣхъ классовъ служилаго сословія, начиная съ будочника. О недостаткахъ, слабостяхъ этихъ людей, причинявшихъ подчасъ немало вреда не только обывателямъ, но отчасти и государству, можно было говорить только въ своемъ кругу, и то не безъ оглядки,—но отнюдь не въ печати. Поэтому очень естественно, что писатели и издатели того времени, прежде чѣмъ подавать свои рукописи въ административную цензуру, вычеркивали въ нихъ не только все то, что не могло быть одобряемо послѣдней, но преимущественно и то, что, по ихъ личнымъ соображеніямъ, могло возбудить негодованіе и осужденіе представителей цензуры нравовъ, имя которымъ было легіонъ. Достаточнымъ подтвержденіемъ сказаннаго можетъ, по моему мнѣнію, служить, между прочимъ, заявленіе, сдѣланное знаменитымъ археологомъ Калайдовичемъ въ своемъ предисловіи ко 2-му изданію «Древнихъ россійскихъ стихотвореній». Приведя (на стр. XXIX, въ выноскѣ) заглавія 7-ми стихотвореній, выпущенныхъ имъ по причинѣ преобладающаго въ нихъ характера Барковщины, онъ прибавляетъ: «Кромѣ сихъ піесъ, оставлены мною въ рукописи еще двѣ: „Изъ монастыря Боголюбова старецъ Игримище“ [1])—въ насмѣшливомъ тонѣ написанная и «Голубина книга сорока пядень», неприличная по смѣшенію духовныхъ вещей съ простонароднымъ разсказомъ». Такими-то пріемами въ означенное глухое время пользовались почти всѣ литераторы и ученые издатели при изданіи въ свѣтъ своихъ и чужихъ произведеній. И если такая инквизиціонная опека не могла особенно сильно вредить развитію литературы письменной и печатной, то для словесной, устной, не успѣвшей еще пріурочиться къ письменности, оказалась весьма пагубной и повела къ тому, что многіе перлы сатирической поэзіи русскаго народа остались совсѣмъ неизвѣстными и, пожалуй, затерянными на вѣки для послѣдующихъ поколѣній. Подтвержденіемъ сказаннаго отчасти можетъ служить приведенное Калайдовичемъ на стр. XXXIII своего предисловія начало одной изъ выпущенныхъ имъ изъ сборника Кирши Данилова пѣсенъ подъ заглавіемъ «Агаѳонушка». «Въ Агаѳонушкѣ», говоритъ почтенный археологъ, «виденъ примѣръ пародіи Данилова собственнаго его произведенія—Соловья Будимировича». Затѣмъ въ выноскѣ запѣвку названной пѣсни и пародирующія ихъ строки изъ «Агаѳонушки», сопоставляются такимъ образомъ:

Соловей Будимірович:

„Высота-ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота океанъ-море;
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки смуты днѣпровскіе“.

— *Агаѳонушка*:

„Высока-ли, высота
Потолочная,
Глубока, глубота
Подпольная,
А и широко раздолье
Передъ печью шестокъ,
Чистое поле—
По подлавечью.
А и синее море—
Въ лохани вода“.

[1]) Вѣроятно— Пилигримище.

Digitized by Google

Такое удачное подражаніе этой пародіи пародируемому оригина мылу уже рѣдко встрѣчаемъ въ тѣхъ пѣсенныхъ обломкахъ, которые еще кое-гдѣ на Руси сохранились въ видѣ вставокъ въ пѣсняхъ сатирическаго пошиба, настоящій смыслъ которыхъ уже для насъ совершенно затерялся.

Нижеприводимая изъ моего рукописнаго великорусск. сборника скоморошья пѣсня достаточнымъ, кажется, образомъ можетъ уяснить читателю мою мысль. На кого и на что эта пѣсня намекаетъ—намъ непонятно; можетъ быть даже, что въ ней никакихъ намековъ и не заключается совсѣмъ. Ясна въ ней для насъ только вторая, мéньшая половина, представляющая пародію на эпизодъ изъ былины о Кострюкѣ и не состоящая въ органической связи съ первой. Вотъ эта пѣсня:

Гдѣ это видано, гдѣ это слыхано?
Чтобы курочка бычка родила,
Кочерыжечка яичко снесла [1])
Помелица раскудахталась,
А чепелина на яйцахъ сидитъ?
А Ермошкинъ вылетываетъ,
Журавелюшка всю ночь проходилъ,
Онъ насилу жеребеночка родилъ.
Матушка бычка, бычка,
Государыня,—телушечка!
Повели быка на терёмъ,
Напоили быка киселемъ.
Бычурычка напивается,
Рога его раздуваются.
Купцы-братцы по сѣничкамъ расхаживали,
Сини полы разворачивали.
Какъ зарѣзали бычурычку,
Вынули требушечку,
Повѣсили на цѣпушку.
Откуда ни взялся Стенькинъ братъ,
Отхватилъ требушины шматъ
Завязали ему руки назадъ,
Заставили рѣчи говорить.
При царѣ, царѣ,—царевичѣ
(Вѣчная ему память),
Какъ вздумалъ онъ жениться.
Онъ немного приданаго бралъ:
300 донскихъ казаковъ,
Девяносто тридцать мужиковъ.
. . . . . .
„Всѣ ли гости съѣхались?“
„Одного гостя нѣту—мово шурина любимова“.
Онъ попозже всѣхъ пріѣзжалъ,
Попроворнѣе всѣхъ наѣдался,
Поскорѣе всѣхъ вылѣзалъ,—
Онъ семьсотъ скамеекъ повалилъ,
Девяносто мужиковъ задавилъ.
Вотъ злая свекровушка
Вышла на крылечушко,
Ударила дѣтища своего
Объ сыру землю такъ,
Чтобы сыра земля растрещалася,
Рубашечка разсѣкалася [2]).

(Запис. въ Самарской губерніи и сообщ. въ 1868 г. Г. Н. Потанинымъ).

Какъ видно, эта пѣсня не цѣльная, а сштукованная изъ двухъ. Для насъ главный интересъ заключается во второй ея половинѣ, весьма схожей съ той, которая была напечатана въ предыдущей нашей замѣткѣ изъ Курской губерніи. Она ясно доказываетъ, что и въ Самарскомъ краѣ старинныя историческія пѣсни были сильно распространены среди народныхъ массъ и до такой степени завладѣли ихъ воображеніемъ и памятью, что

---

[1]) Въ 8 явленіи III дѣйствія комедіи Островскаго: „Свои люди--сочтемся“ сваха поетъ почти тѣ же стихи.

[2]) Окончаніе этой пѣсни поразительно сходно съ окончаніемъ того варіанта о Кострюкѣ Кострюковичѣ, который напечатанъ въ III ч. сборника Рыбникова, стр. 264:

„Опускалъ на сыру землю. Съ бѣлой шеи до гузна,
Тутъ на немъ кожа-то треспула, Рубашка-то лопнула“.

Digitized by Google

не могли не подавать повода ихъ доморощеннымъ юмористамъ издѣваться надъ ними подъ веселую руку, представить ихъ наизнанку, облечь въ ихъ форму какіе-нибудь выдающіеся забавные случаи изъ окружающей ихъ жизни семейной и общественной. Вотъ почему народныя пародіи, при всей кажущейся ихъ маловажности, даже безсмысленности, могутъ подчасъ служить нѣкоторымъ подспорьемъ и указателемъ при разысканіи слѣдовъ древнихъ русскихъ эпическихъ и историческихъ пѣсенъ въ какой-либо части населенія нашего обширнаго отечества. Въ пародіяхъ и не совсѣмъ уже понятныхъ сатирахъ народа отголосокъ этихъ многозначительныхъ пѣсенъ слышится вплоть до нашихъ дней.

Вотъ еще, напр., отрывокъ хороводной пѣсни Псков. губ., бывшей извѣстною въ свое время, безспорно, въ полномъ составѣ народу:

По́дойду, по́дступлю
Подъ Иванъ-городъ каменный;
Выломлю, вышибліо
Чеботомъ стѣну каменну;
Растворю, растворю
Колыванскія ворота,
Выведу, выведу,
Душу красну дѣвицу...

Пѣсня эта заключаетъ въ себѣ намекъ на отношенія псковитянъ къ ливонцамъ. Иванъ-городъ находился близъ Нарвы; Колывань—тотъ же Ревель. Пѣсня поется въ хороводѣ. (Сообщ. въ концѣ 60-хъ годовъ М. И. Семевскимъ). Этотъ отрывокъ послужилъ канвой для пародіи:

Обойду, обойду
Широкій дворъ батюшкинъ,
На́беру, на́беру
Сырыхъ дровъ бере́мечко,
Истоплю, и́стоплю
Про молодца те́мницу,
На́варю, на́варю
Наварную кашицу,
По́ложу, по́ложу
Тараканій окорокъ,
Еще ли положу, положу
Комарово плечико.
Кушайте, кушайте
Наварную кашицу;
Каюсь я, каюсь я,
Что много положила.
— Обойду, обойду
Широкій дворъ матушкинъ;
Истоплю, истоплю
Про дѣвицу свѣтлицу.
Наварю, наварю
Наварную кашицу;
Положу я здобинья—
Поросячій окорокъ;
Еще ли положу
Три фунтика маслица:
Кушайте, дѣвицы,
Наварную кашицу.
Каюсь я, каюсь я,
Что мало положила.
(Сообщ. Г. Н. Потанинымъ изъ Самарск. губ. въ 1868 г.).

Пародированіе пѣсенъ самимъ народомъ можно встрѣтить даже въ обрядовыхъ пѣсняхъ. Считаемъ не лишнимъ для образца привести цѣликомъ двѣ свадебныя пѣсни изъ рѣдкаго теперь пѣсенника 1815 года.

а) Когда дружка щедръ, то его величаютъ пѣснею (не пародіею):

Дружечька хорошенькій
Дружечька пригоженькій! [1]).
Какъ на дружкѣ кафтанъ
Багрецоваго сукна,
Какъ на дружкѣ камзолъ
Золотой парчевой.
Какъ на дружкѣ штаны
Черны бархатные,

[1]) Этотъ припѣвъ повторяется затѣмъ послѣ каждаго 4-стишія.

Digitized by Google

Какъ на дружкѣ чулки
Бѣлы шелковые.
Какъ на дружкѣ башмаки
Черны замшевые;
Пряжки съ искорками
Вонъ повыскакали.
Онъ при тросточкѣ стоитъ,
Пребоярясь говоритъ.
На немъ шляпа со перомъ
И перчатки съ серебромъ.
Коль хочешь въ рай,
Передайся намъ;
Еще есть про тебя
У насъ склянница вина,
И склянница вина,
И пива ендова,
Еще кринка молока
И конецъ пирога.

б) Когда же дружка скупъ и мало даетъ, то, вмѣсто приведенной пѣсни, ему поютъ слѣдующую пародію:

Друженька хорошенькій,
Друженька пригоженькій! (*Припѣвъ*).
На дружкѣ-то кафтанъ
Весь по ниточкѣ сбиранъ,
Какъ на дружкѣ-то камзолъ
Со фальшивой бахромой,
Какъ на дружкѣ-то штаны
Послѣ дѣда сатаны,
Чулки вязаные,
И тѣ краденые.
Башмачки хороши,
Лишь подошвы изошли,
Пряжки съ искорками
Вонъ повыскочили.
Какъ на дружкѣ-то шляпенка
Послѣ сватушки чертенка,
Онъ по горницѣ прошелъ
Три шолуда нашелъ.
На полати-то взглянулъ,
Трои лапти стянулъ,
На поварнѣ живалъ
И онъ ложки мывалъ.
Помои пивалъ,
Мочалки сосалъ;
Посадимъ тебя за столъ,
Пришибемъ тебя пестомъ.
На закусочку
Колотушечку.
Скажемъ: по воду пошелъ,
Скажемъ: подъ ледъ онъ ушелъ.
Друженька по горенкѣ похаживаетъ,
Частехонько поговариваетъ:
Ужъ куда, братцы, хорошъ!
На лиху болѣсть похожъ.
Рожа прялицею,
Глаза склянницею,
Да и носъ крючкомъ,
Голова пестомъ.
Дружка ворота рублемъ отпираетъ,
Коломъ запираетъ;
Дружку по денежкамъ принимаютъ,
А дубиной провожаютъ.
Друженька хорошенькій,
Друженька пригоженькій![1]).

(Новѣйшій карманный россійскій пѣсенникъ, Москва 1815, стр. 170—171 и 172—174).

Эту пародію можно бы назвать пѣснею величальною, вывороченной наизнанку по адресу дружки. Она вызвана раздраженіемъ обманутаго расчета и потому нашпигована довольно язвительною бранью. Такихъ вывороченныхъ пѣсенъ сатирической закваски (за исключеніемъ бранливости), существовало въ недавнемъ прошедшемъ немалое количество. Если онѣ теперь не встрѣчаются или только изрѣдка встрѣчаются въ пѣсенномъ обиходѣ нашихъ поселянъ, то главнымъ образомъ вслѣдствіе нецензурности ихъ содержанія. Еще въ концѣ 60-хъ годовъ въ селѣ Мураевнѣ (Ряз. г., Данк. у.), гдѣ я записывалъ мѣстныя пѣсни, мои пѣвицы, бабы молодыя и пожилыя, предобродушно увѣряли меня, что ихъ мужчины то

[1]) Къ послѣднему № имѣются въ печати лучшіе варіанты, есть и рукописные. Въ недавнее время хоръ Славянскаго распѣвалъ въ своихъ концертахъ эту пѣсню съ большимъ успѣхомъ. Начиналась она у него такъ: На Иванушкѣ чапанъ чортъ по ноченькамъ подралъ и т. д.

Digitized by Google

и дѣло пересмѣиваютъ ихъ тяговыя пѣсни, и если поютъ ихъ подчасъ, то все шиворотъ-навыворотъ и съ словами срамными. Но, кромѣ этого сорта травестіи, въ народѣ были въ ходу и, вѣроятно, циркулируютъ кое-гдѣ еще и теперь такіе пріемы, которые пользуются для своихъ цѣлей только готовой рамкой пародируемаго оригинала для удобнѣйшей вставки въ нее своего спеціальнаго содержанія, исключительно, однако, сатирическаго характера. И онѣ частехонько, хотя не сплошь, но подъ конецъ нѣтъ - нѣтъ да и обмолвятся какой-нибудь голой нескромностью. Къ такимъ пародіямъ относится нижеслѣдующая пѣсня о необузданномъ разгулѣ *души зятюшкиной*. По формѣ и тону она скопирована съ извѣстной святочной хороводной пѣсни, подъ названіемъ: «Келейка», «Игуменъ», бывшей въ дореформенное время и немногіе годы спустя въ большомъ употребленіи среди крестьянскаго населенія почти всѣхъ великорусскихъ губерній. Приводимъ изъ нея для сравненія подъ буквою *а* первые 5 стиховъ по вар., напечатанному во 2-мъ т. Записокъ И. Р. Г. Общ., зап. А. А. Кокосовымъ въ Шадринск. у. Пермск. губерніи.

а) Кто-нибудь изъ парней садится на стулъ среди избы, дѣвушки же составляютъ кружокъ, ходятъ вокругъ сидящаго и поютъ:

Вокругъ я келейки хожу,
Вокругъ я новенькія,
Вкругъ сосновенькія;
Ужъ я старицу бужу
(Вар.: Я черничку бужу),
Я спасенную душу и т. д.

б) Пародія:

Кругъ я печки хожу, } 2
Кругъ муравленныя; }
Я на печку гляжу, } 2
На муравленную. }
Отворяйся заслонъ, } 2
Вынимайся, пирогъ! }
Становися, пирогъ, } 2
На дубовый столокъ, }
Наѣдайся душа, } 2
Душа зятюшкина! }
Я наѣлся, какъ быкъ,
Самъ не знаю, какъ быть.
Кругъ я бочки хожу, } 3
Кругъ дубовенькія, }
Я на бочку гляжу } 2
На дубовенькую: }
Оттыкайся, гвоздокъ, } 3
Наливайся, медокъ, }
Напивайся, душа, } 3
Душа зятюшкина!
Я напился, какъ быкъ, } 3
Самъ не знаю, какъ быть. }
Кругъ кроватки хожу, } 3
Кругъ тесовенькія }
На кроватку гляжу, } 3
На тесовенькую. }
На кроваткѣ лежитъ } 3
Душа Катенькина и т. д. }

(Зап. Садовниковымъ въ Самар. г.).

Тонъ и складъ этой пародіи сильно напоминаютъ начальныя строки шуточнаго стихотворенія Пушкина о Стурдзѣ, извѣстномъ дипломатѣ и богословѣ временъ императора Александра 1-го:

Я вкругъ Стурдзы хожу,
Вкругъ библическаго.
Я на Стурдзу гляжу,
Монархическаго [1]).

[1]) См. соч. Пушкина (изд. Литературн. Фонда), т. VII, стр. 54, въ подстрочн. примѣчаніи редактора.

Digitized by Google

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Пушкинъ и совсѣмъ независимо отъ какихъ бы то ни было постороннихъ вліяній могъ облюбовать и выбрать данную форму для своей цѣли, и ея совпаденіе съ народной можно объяснить только одной случайностью; но если мы вспомнимъ живую, дѣятельную любовь нашего поэта къ произведеніямъ творчества русскаго народа, къ его языку, къ его пѣснямъ, къ которымъ онъ умѣлъ такъ мастерски поддѣлываться [1]), то окажется весьма вѣроятнымъ, что онъ не могъ считать ниже своего достоинства воспользоваться для своей цѣли уже готовымъ образцомъ, который, безспорно, въ его время никакъ не менѣе былъ распространенъ въ народѣ, чѣмъ теперь, и отлить по немъ свою легкую, игривую сатиру. А если еще, сверхъ того, возьмемъ въ соображеніе и то обстоятельство, что всѣ талантливые поэты-пародисты, для приданія своимъ пародіямъ большей популярности всегда выбирали объектомъ своего подражанія такія именно произведенія искусственной и безыскусственной поэзіи, которыя всѣмъ были хорошо знакомы, у всѣхъ, такъ сказать, были на языкѣ, то степень вѣроятности нашего предположенія возвысится до фактической очевидности. Во всякомъ случаѣ, болѣе положительно объ этомъ вопросѣ можно будетъ сказать только тогда, когда объявится въ печати цѣликомъ весь текстъ стихотворной шутки Пушкина о *Стурдзѣ библическомъ*.

С.-ПБ. 28-го мая 1894 г. **П. Шейнъ.**

Изъ народныхъ устъ.

Къ народнымъ разсказамъ о холерѣ. [2])

Оце у празныкъ святои Магдалыны йихалы двое мужикивъ зъ поля. Колы иде якась черныця по дорози. Якъ поривнялысь, вона и просе пидвезты ии. Воны кажуть: «сидайте, матушка, пидвеземъ!» Сила вона и дойихала до села, а коло села встала зъ воза и пишла соби въ село пишки. Прыйшла вона до однои хаты, а въ ти хати якъ разъ справлялы хрестыны. Ну, а якъ справляютъ хрестыны, то звисно—тутъ уже и горилка; то вси такъ понапывалысь, що инши и языкомъ не моглы повернуть. Отъ вийшла та черныця, та й каже: «добрый день, добре люде, а що це, пыта, вы справляете—мабудь хрестыны?» —«Вгадалы, вгадалы», адказуютъ,—«хрестыны! може и вы зъ намы выпьете за хресныка», каже хозяинъ. И началы зъ нею шуткувать. Вона довго мовчала, а дали каже: «буде вамъ, добре люде, шуткувать зо мною, це не годыцця, а лучче скажить мини, де ваши диты?»—«Въ сараи сплять», кажуть ии».—«А вы», пытае, «булы сёгодня въ церкви? а дитей вашихъ водылы въ церкву?! Вы ихъ сёгодня и не бачылы, воны у васъ и не причесаны, и не умываны, а вы пьянствуете, а сёгодня празныкъ святои Магдалыны, а вы ии

[1]) См. „Мои воспоминанія“ Ѳ. И. Буслаева. Вѣстн. Европы 1891, октяб., стр. 637. Ш.

[2]) См. „Этногр. Обозр.“ *указатель* при кн. XVIII (холера), кн. XVII,183

Digitized by Google

не чтыте: въ церкву не ходыте, дитей не вчите молытваиъ, та ще й глузуете зъ черныци! За це Богъ васъ покарае!» Уси слухали ій мовчки, а де-яки сталы сміяцця. Тоди вона на усихъ наслала холеру, и скильки ихъ тамъ ны було—уси заразъ померлы; а дали пишла въ сарай и тамъ подушила усихъ дитей. Писля того пишла вона скризь по деревни и тихъ людей, котри булы у церкви, не чипала, а котри не булы, або котри пьянствувалы—усихъ карала, на усихъ насылала холеру. Якъ прыйде у хату, заразъ роспытуе: що роблять, чи у церкву ходять, чи ни. «Я—свята Магдалына, прыйшла подывыцця на васъ, чи вы ще не забулы Бога и ёго святыхъ?» Ходыла вона по нашему селу довго, и тоди сыльна холера була.

(С. Константиновка, Елисаветград. у. Херсонск. губ. Записалъ Петръ Строцкій).

Про святую Пятницу. [1])

I. Разъ наварыла я обидать, спекла хлибъ и сила зачисацця, колы прыйихалы зъ поля сынъ и невистка. Пообидалы мы. Невистка позолыла сорочкы, и силы мы зъ нею прясты. Прялы мы до самого вечера. Колы ввечери ўходе до насъ якась жинка: стара-стара, одита въ свытку, а свытка на локтяхъ подрана и скризь дирку выдно голе тило. Ввійшла тай каже: «добрый вечиръ! а що вы сёгодни робылы?» А я кажу: «спекла житній хлибъ, умылася, зачисалася, а невистка позолыла сорочки тай силы прясты обы-дви.» — «А вы», каже, «забулы, шо сёгодня свята Пьятныця?» — «И справди», кажу я, «що забула!» — «Та вы», каже, «хоть и не забуваете, то въ святу Пьятныцю и хлибъ печете, и сорочки золыте, и чешетесь, и прядете, а забуваете то, що въ пьятныцю ны можна цёго робыть, бо Пьятныця—така жъ свята, якъ и другы, котрыхъ вы празнуете, и що вона за васъ терпыть мукы, якъ вы ій не почитаете!» —сказала и скынула зъ себе свытку; а пидъ свыткою нема ни сорочкы, ни спидныци,—прямо голе тило, та таке попечене, подряпане, поколяне, и по всёму тилу пухыри таки здорови, якъ хлибъ! «Ось бачите?», каже вона, «яка я попечена, позоляна, поколяна, яки у мене пухыри! Оце, якъ вы печете хлибъ, то у мене робляцця пухыри, якъ вы золыте сорочки, то оце я позоляна, якъ чешетесь—оце я подряпана, якъ прядете, то все одно, що мене колете: оце я поколяна». Якъ оце вона сказала, мы тоди зъ невисткою давай хрестыцця, давай молыцця. Отъ свята Пьятныця и каже: «ну, теперъ прощайте! Сёгодня я ничого вамъ не зроблю, тильки не печить житнёго хлиба, не золить сорочкы, не прядить и не чешицця у святу пьятныцю, а якъ будете це робыть, то буде вамъ горе, и на тимъ свити будете кипить въ смоли, и будуть васъ пекты, и золыть, и колоть веретенамы, и будете вы терпить, якъ теперъ я терплю»,—та й пишла.

(С. Константиновка, Елисаветгр. у. Херсонск. губ. Записалъ П. Строцкій).

II. Була соби жинка—зла, проклята. Отъ, пишла вона въ поле зъ дытыною, а ввечери пишла до дому, а за дытыну й забула. Прыйшла

[1]) См. „Этногр. Обозр.“, указатель.

Digitized by Google

до дому, попóрала скотыну, подомла коровы, колы це якъ нагадала за дытыну, побигла заразъ у поле. Прыходыть, колы бачить, а коло дытыны сыдыть якась жинка, горыть вогонь, жинка пече коржъ изъ сажи и волокна и держить ту дытыну. Та жинка и каже: «на, иззижъ цей коржъ, то я виддамъ тобѣ твою дытыну!» Вона взяла той коржъ, пхае въ ротъ, а винъ не лизе въ горло,—чуть не вдавылась. Тоди та жинка виддала ім дытыну та й каже: «бачъ, трудно йисты цей коржъ,—отъ такъ же и мини трудно терпить, якъ вы въ пьятныцю сажу трусыте и чешытесь!» А то була Пьятныця.

(С. Петроостровъ, Елисаветгр. у., Херсонск. губ. Записалъ Гавриленко).

Блудъ.

— Диду, що це таке—*блудъ?*—О-це! вы не знаете, що таке *блудъ?!* Блудъ, то це така мара. О-такъ чоловика запутa, чортяка, въ свою ситку, та й тяга за собою; хочь ны хочъ, то все одно, сами ноги за нымъ пійдуть, такъ якъ голодна коняка иде до вивса, та й отороплыво якъ воно товди,—трусысся, неначе цуцыкъ въ дощъ.—А вы, диду, блудылы колы сами?—Мабудь, блудывъ, колы кажу.—Роскажить же намъ, роскажить!—Я блудывъ, ще якъ бувъ хлопцемъ. Ось якъ було. Батько послявъ мене у базарь, а щобъ я ны спизнывся, выпровадывъ мене ще зъ вечира. Ось запригъ я коня, сивъ въ повозку, та й пойихавъ. А до мистечка було верстъ зъ дваццять. Поки йихавъ селомъ, то й поспивувавъ, а якъ выйихавъ за село, то й спивать переставъ, ще й до сна стало клонить, а я, щобъ ны заснуть, доставъ кесетъ, зробывъ цыгарку, закурывъ, вдарывъ коня, та й потюпавъ по дорози до мистечка. Колы бачу: якась чортяка переходыть мини дорогу, пидбигла до коня и схватыла ёго за поводъ. Кинь ставъ пурчатысь (sic), колы винъ ёго ны пуска; звырнувъ зъ дорогы и потягъ за собою въ степъ. Я хтивъ скочиты зъ воза, колы — ни, щось ныначе прыковало мене до воза! Ось винъ тягавъ, тягавъ мене по степу и прыволикъ у якусь балку; заморяный кинь на гору вже и повозки вытягнуть ны може. А у того чорта хвостяра довга була, ось винъ тею хвостярою и зачавъ коня быты попидъ живитъ... Якъ выйихавъ я на гору, дывлюсь, а ны далыченько блыстять вогни; винъ мене туды и потягъ. Пидъйижжаимъ, я прыдывляюсь,—ажъ то наше село! Я такъ зрадивъ, що ны мигъ вымовыть ни слова. Опамъятавшись, схватывсь за вижки и давъ тягу до дому. Пидъйихавъ до своеи хаты, клычу тата,—а сатана изновъ нагнала мене и осидлала коня. Батько перелякався, выскочивъ на двиръ, а сатана ёго якъ побачила, такъ и дала тягу съ конемъ и повозкою въ кручу; батько ухватывся за вижки, тягне коня до себе, а сатана его ны пуска. А тутъ стало уже свитать, заспивалы пивни. Сатана россердилась, якъ схватыть коня за голову, та якъ ударыть нымъ объ воротя, такъ иму и очи зъ лоба повылазылы; и на другый день бидна коняка ны могла пидняцця на ногы, бо сатана ім пидбыла ногы, проскочивши пидъ пузо.

(Д. Захарьевка, Елисаветградск. у., Херсонск. губ. Записалъ Гирскій).

Digitized by Google

Якъ нычысты литають до людей.

Живъ соби на свити одынъ чоловикъ, що все знавъ и все бачивъ, що на свити робылось; тильки одного винъ нынкъ ны могъ соби поняты, якъ то мертвыци литалы до людей, и давъ соби слово якъ нибудь добрацця до цёго. Якось сыдивъ винъ въ хати самъ, та й каже самъ соби: ось я визьму, освячу нимъ та пиду на цвынтарь, обпышу себе ножыкомъ, та тоди побачу, якъ нычысти литають. Такъ винъ и зробывъ. Сыдыть винъ на цвынтари уже мабудь часа тры. Колы у пивночи прылитають тры нычыстыхъ и началы одгрибать ямы. Тильки дня два, може, мынуло, якъ поховалы тихъ сердешнихъ покойныкивъ; а воны одгриблы ихъ, взялы за чубы, а кисткы такъ и посыпалысь изъ ихъ; потимъ кисткы повкыдалы въ яму и началы загрибать. А цей мужикъ—за чоловиччю шкуру, прытягнувъ до себе, обпысавъ ножомъ кругъ, та тоди дывыцця, що дальше буде. Колы це воны загриблы, кынулысь до шкуры, а ін нема! Тоди одынъ каже: «це ты узявъ мою шкуру?» А той крычить на другого—и ну чубыцця, такъ що патли оставалысь у каждого! Якъ тильки первы пивни заспивалы, чорты и розлылысь смолою. Тоди мужикъ пырыхрыстывся та й пишовъ до дому. На другый день все село знало объ цимъ. Тоди люды пишлы до батюшкы, щобъ винъ поховавъ вырыте тило.

(Д. Антоновка Вороновск. вол., Елисаветгр. у., Херс. г. Запис. Л. Воликовскій).

Йиродъ.

Живъ сабѣ бѣдны чалавѣкъ и зъ маткою, и сышовъ у йихъ хлѣбъ. Напряла тады матка трохи нитокъ ды й каже: иды, мой сынъ, продай сія нитки ды купи хлѣба, а то нечаго намъ ѣсти. Сынъ узявъ тыя нитки и пашовъ у городъ. Коли дарогою баче ёнъ, що сядить край дароги малэ̀е дитя и плаче, що нечаго ему ѣсти. Той чалавѣкъ узявъ таго дитёнка и вернувсь у дворъ, не продавъ и нитокъ; посадивъ дитёнка на припичокъ, а ено й галосе: «хлѣба, каже, хочу, ой, хлѣба!..» Матка якъ почала тады лаять сына, що «намъ, каже, и самимъ ѣсти нечаго, а ты ище якогось злыдня привёвъ! Що мы тяперъ рабить будимъ?!.» А дитя исъ припичка почуло, що каже матка чалавѣку, ды й одказуе: «иды, каже, до таго чалавѣка, що у его багато хлѣба, ды й проси, щобъ позычивъ табѣ; якъ не позыче, дыкъ ты дотуль проси, поки ёнъ не скаже: «бѣсъ маe у мене хлѣба»,—а тады ты прамо иды у дворъ». Пошовъ бѣдны чалавѣкъ до багатаго, якъ исказало ему дитя, и почавъ просить у его хлѣба. Багаты и то каже, и другое, дали изразу и каже: «бѣсъ маe у мене хлѣба! Иды сабѣ!» Бѣдны чалавѣкъ завернувсь тады и пашовъ у дворъ. Переночевали уси. Назавтряго прошинаюцца, коли коло таго дитёнка у хати и хлѣба, и сала, и усего, чего хочишь! Уси рады. Поѣли. Тады дитёнокъ и каже: «иды чалавѣкъ, до попа и попроси у его

Digitized by Google

кадильницу и багато ладуну и приходь сюды». Чалавѣкъ слухавшца уже дитёнка, пошовъ до попа. Давъ тэй ему кадильницу, ладуну. Приходе ёнъ у дворъ. Дитёнокъ изновъ каже: «бери кадильницу и ходемъ на дорогу!» Пашли ены. Кали бачуть: стоитъ стовпъ на дорози, а на ёмъ сядить тэй, сами найстарши (не проти ночи казано) Йиродъ. Дитёнокъ и каже чалавѣку: «кади проти его!» Тэй начавъ кадить. И прискавъ, и плювався, и чаго не робывъ Йиродъ—каде усё чалавѣкъ, некуды дѣцца Йироду, излѣзъ ёнъ исъ стовпа, тольки его й бачили. А дитёнокъ полѣзъ тады на стовпъ ды й каже: «иды жъ, чалавѣкъ, у дворъ! пожалѣвъ ты мене, буде тяперъ и табѣ добре!» Що-жъ робить чалавѣку?—хочъ и жалка ему дитёнка, пошовъ ёнъ у дворъ и издѣлався багаты: усё тое, що було у багатого, перейшло до его.

(С. Погребки, Новгородъ-Сѣверскаго у., Черниг. губ. Записалъ Ал. Рилицкій).

Сообщилъ **Вл. Н. Ястребовъ.**

Digitized by Google

П. І. Шафарикъ.

(2 мая 1795—14 іюня 1861).

2 мая нынѣшняго года исполнилось столѣтіе со дня рожденія отца современной славистики Пав. Іос. Шафарика. Наука обязана Шафарику той широкой постановкой вопроса о народности, постановкой, благодаря которой въ этой области науки объединяются и славянская филологія въ собственномъ смыслѣ этого слова, и исторія литературы, и этнографія. Однимъ изъ первыхъ трудовъ, посвященныхъ этнографіи, какъ понималъ ее Шафарикъ, былъ Slovanský národopis (1842 г.), тогда же переведенный его ученикомъ О. М. Бодянскимъ. Несмотря на 50 слишкомъ лѣтъ, прошедшихъ съ тѣхъ поръ, книжка эта до сихъ поръ является въ высшей степени важной при изученіи славянской этнографіи, содержа въ себѣ первый точный обзоръ славянской этнографіи; карта, приложенная къ книжкѣ, до сихъ поръ не утратила своего значенія. Въ общемъ это незамѣнимый до сихъ поръ учебникъ для перваго ознакомленія съ славянской этнографіей. Еще болѣе памятенъ намъ Шафарикъ своими знаменитыми «Славянскими древностями» (рус. пер. неоконченный—1848 г., того же Бодянскаго). Это сочиненіе, хотя и оставшееся безъ конца (бытовой отдѣлъ остался неописаннымъ; сохранилась только его программа), до сихъ поръ служитъ точкой отправленія для всѣхъ, берущихся за изученіе славянской исторіи и народности. Этихъ двухъ трудовъ достаточно было бы, чтобы доставить Шафарику первое мѣсто въ ряду новыхъ славянскихъ филологовъ и этнографовъ.

Помимо чисто ученой дѣятельности въ области общей славянской науки о народности, Шафарикъ занимаетъ видное мѣсто въ исторіи развитія чешскаго самосознанія: онъ, идя вслѣдъ за патріархомъ славянства Іос. Добровскимъ, былъ однимъ изъ крупнѣйшихъ дѣятелей національнаго возрожденія чеховъ и ихъ литературы, работая вмѣстѣ и одновременно со всей плеядой чешскихъ ученыхъ и публицистовъ: съ Палацкимъ, Колларомъ Юнгманомъ, Челаковскимъ, Ганкой, Воцелемъ, Аммерлингомъ и мн. др. Поэтому, празднуя столѣтіе его рожденія, современное чешское общество вспоминало важную эпоху своего развитія. Въ этотъ день должно было состояться соединенное засѣданіе Чешской Академіи и Ученаго общества. (Učená společnost) съ рефератами

Digitized by Google

маститаго чешскаго историка В. Томка и А. Трухлярка (редакторъ «Часописа Чешскаго Музея»); въ Филологическомъ обществѣ (Jednota českých filologův) предполагались рефераты о Шафарикѣ Я. Влчка (автора исторіи словацкой литературы, исторіи чешской лит.) и Ю. Поливки (проф. славистики пражскаго университета [1]). Внукъ Шафарика, извѣстный проф. К. Иречекъ, помѣстилъ въ Osvĕt'ѣ большую статью о своемъ дѣдѣ. Молодой Чешскій историческій журналъ (Český Časopis historický) весь 3-й выпускъ посвятилъ памяти Шафарика; сюда вошли: общая характеристика Ш-а, написанная Я. Влчкомъ; обзоръ «Славянскихъ древностей» археолога и этнографа Л. Нидерле; «П. І. Шафарикъ и исторія славянской письменности» Ю. Поливки; «Шафарикъ и его взгляды критическіе и эстетическіе» І. Махала; «Филогическіе листы» (Listy filologické) также посвятили статью Ш-ку, написанную проф. И. Гебауеромъ.

Въ Москвѣ въ этотъ день не удалось устроить ни одного засѣданія; только 18 мая состоялось въ Общ. Ист. и Древ. Росс. засѣданіе, посвященное памяти Шафарика, игравшаго видную роль въ исторіи этого общества чрезъ своихъ друзей и учениковъ—М. П. Погодина и О. М. Бодянскаго; здѣсь, послѣ вступительной рѣчи предсѣдателя, было чтеніе пишущаго эту замѣтку, посвященное отношеніямъ П. І. Шафарика къ русскимъ ученымъ славистамъ.

М. Сперанскій.

А. В. Елисѣевъ.

(Некрологъ).

22 мая неожиданно скончался въ Петербургѣ отъ крупа д-ръ *Александръ Васильевичъ Елисѣевъ*, состоявшій съ 1884 г. членомъ Имп. Общ. Люб. Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи и другихъ ученыхъ обществъ и пріобрѣвшій себѣ извѣстность неоднократными путешествіями съ ученою цѣлью по Россіи и отдаленнымъ странамъ, а также своими многими научными трудами по антропологіи, этнографіи, географіи и медицинѣ и публицистическими статьями, которыя являлись результатами его личныхъ наблюденій и изслѣдованій. Еще гимназистомъ онъ обошелъ пѣшкомъ часть Финляндіи и многія мѣста Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Новгородской, Псковской и Лифляндской губерній. Окончивъ курсъ въ кронштадтской гимназіи, онъ воспитывался затѣмъ въ петербургскомъ университетѣ по естественно-историч. отдѣленію физико-математич. факультета и закончилъ свое образованіе въ медико-хирургической академіи. Въ этотъ періодъ онъ успѣлъ посѣтить Египетъ, Каменистую Аравію, Синай, Палестину. Поступивъ на службу въ качествѣ военнаго врача, а потомъ чиновника особыхъ порученій при главномъ медиц. управленіи, Елисѣевъ познакомился съ окраинами Россіи, Кавказомъ, Туркестаномъ,

[1]) Подробности взяты изъ письма ко мнѣ Ю. И. Поливки.

Digitized by Google

Лапландіей; затѣмъ побывалъ въ Швеціи и Норвегіи вплоть до Нордкапа и Мурманскаго берега; на Уралѣ и въ бассейнѣ Ильменя онъ производилъ антропологическія и археологическія изслѣдованія путемъ раскопокъ и изученія слѣдовъ древней чуди. Въ 1884 и 1886 гг. онъ совершилъ еще два путешествія въ Палестину и на Востокъ по порученію Имп. Православ. Палестинскаго Общества и прошелъ многія страны Африки и всю Малую Азію, а также посѣтилъ многіе острова и Аѳонъ. Въ 1889 г. въ качествѣ врача онъ сопровождалъ переселенцевъ изъ Одессы во Владивостокъ и ознакомился съ Южно-Уссурійскимъ краемъ, Японіей и Цейлономъ. По возвращеніи оттуда онъ предпринялъ въ 1893 г. новую поѣздку въ Египетъ и Суданъ и, будучи ограбленъ, едва успѣлъ спастись верхомъ на верблюдѣ. Наконецъ, въ прошломъ году онъ принималъ участіе въ абиссинской экспедиціи гг. Леонтьева и Звягина и до послѣдняго времени не оставлялъ мечты снова отправиться въ Суданъ, но смерть застигла его неожиданно, въ самую зрѣлую пору его дѣятельности и положила предѣлъ всѣмъ его планамъ и предпріятіямъ на 38-мъ году жизни.

Біографія и списокъ трудовъ А. В. Елисѣева, по 1888 г. включительно, были напечатаны въ изданныхъ И. Общ. Люб. Естествозн., Антроп. и Этнографіи «Матеріалахъ для исторіи научной и прикладной дѣятельности въ Россіи по зоологіи и соприкасающимся съ нею отраслямъ знанія», собр. Анат. Богдановымъ (т. II. Москва, 1889, листъ 19, съ портретомъ на табл. XIX). Дополненія съ болѣе точнымъ перечнемъ трудовъ покойнаго см. тамъ-же, на послѣднемъ листѣ. Не перечисляя здѣсь указанныхъ тамъ статей по медицинѣ, географіи и по нѣкоторымъ спеціальнымъ вопросамъ, мы укажемъ только тѣ труды Елисѣева, которые ближе насъ интересуютъ, пополнивъ списокъ ихъ новѣйшими трудами и изданіями: 1) Къ археологіи и антропологіи Ильменскаго бассейна («Журн. Мин. Нар. Пр». 1881, ч. CCXIV), 2) Славянская колонизація въ бассейнѣ Ильменскомъ («Древняя и Нов. Россія». 1881 г., мартъ), 3) Борьба Вел. Новгорода со шведами и финнами по народнымъ сказаніямъ (тамъ-же, 1880 г., окт.), 4) Народныя преданія о Суворовѣ (тамъ-же 1879 г., № 8), 5) Путешествіе въ Скандинавію и Лапландію («Моск. Вѣдом.» 1886 г. за февр., и отдѣльно), 6) Вавилоны Сѣвера («Извѣстія И. Р. Геогр. Общ». за 1882 г), 7) Антропологическія замѣтки о финнахъ («Труды Антропол. Отдѣла И. Общ. Люб. Ест., Антр. и Эгн.», т. IX, в. 4, 1887 г.), 8) Нѣсколько вопросовъ русской этнологіи («Нов. Вр.», №№ 4013—4018), 9) Русская колонизація и казацкая вольница («Эконом. Журн.», 1887 г.), 10) О поморскомъ вопросѣ (тамъ-же, 1887 г.), 11) Русскій офеня, Русская монета, Русскіе товары (3 статьи тамъ-же, 1886 г.), 11) Картины изъ доисторической жизни человѣка («Дѣло», 1888 г., кн. 1), 13) Южно-Уссурійскій край и его русская колонизація («Русск. Вѣсти.», 1891—92 гг.), 14) Въ тайгѣ, изъ воспомин. о далекомъ Востокѣ (СПБ., 1891), 15) Отчетъ о поѣздкѣ на дальній Востокъ («Извѣстія И. Р. Геогр. Общ.», т. XXVI), 16) Обитатели Каменистой Аравіи, антроп. очеркъ («Ж. Мин. Нар. Пр». 1882, ч. CCXXI, и отдѣльно), 17) Поѣздка въ Египетъ, Каменистую Аравію и Палестину («Изв. И. Р. Г. О., т. XVIII), 18) Антро-

Digitized by Google

пологич. экскурсія въ Сахару черезъ Триполи, Тунисъ и Алжиръ (тамъ-же, т. XXI, 1885), 19) Антроп. поѣздка поперекъ Мал. Азіи и сухопутная дорога въ Святую землю (тамъ-же, т. XXIII, и отдѣльно, СПБ., 1887), 20) Путь къ Синаю («Палестинскій Сборн.», вып. IV), 21) Съ русскими паломниками на Святой Землѣ весною 1884 г. (книга въ 365 стр., съ научными антроп.-этногр. и медиц. свѣдѣніями о Сахарѣ, туарегахъ и пр. СПБ., 1885), 22) Значеніе Мал. Азіи для Россіи («Истор. Вѣстн.», 1888 г.), 23) Среди поклонниковъ дьявола—іезидовъ («Сѣв. Вѣстн.» 1888 г., кн. 1—2), 24) Положеніе женщины на Востокѣ (тамъ-же, кн. 4—10 и 12), 25) Религіозный союзъ мусульманъ Сиди-ес-Сенуси («Нов. Вр». 1887, сент.), 26) Матеріалы для изученія цыганъ (Изв. И. Р. Г. О.», т. XVII), 27) Махдизмъ и современное положеніе дѣлъ въ Суданѣ (тамъ-же, т. XXX, 1894 г., и отдѣльно), 28) Антропологическія замѣтки объ обитателяхъ Мал. Азіи («Дневн. Антроп. Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Эти.» 1890 г., вып. 6, 7, 9 и 10=Труды Антр. Отд., т. XII), 29) Турки-османы (тамъ-же, 1891 г., вып. 2, 5—8=Труды Антр. Отд., т. XIII), и др.

Съ конца прошлаго года начало выходить описаніе путешествій Елисѣева въ нѣсколькихъ томахъ, въ прекрасномъ изданіи съ иллюстраціями, подъ заглавіемъ: «По бѣлу свѣту. Очерки и картины изъ путешествій по тремъ частямъ стараго свѣта». Къ сожалѣнію, самъ авторъ успѣлъ издать только первые два тома; дальнѣйшее осталось частью приготовленнымъ къ печати, и, вѣроятно, найдется возможность продолжить изданіе хотя-бы при участіи какого-нибудь изъ ученыхъ обществъ, для которыхъ покойный немало поработалъ. Намъ остается упомянуть, что довольно полный некрологъ А. В. Елисѣева, составленный Д. Н. Анучинымъ, помѣщенъ въ «Русск. Вѣд. № 142, съ указаніемъ важнѣйшихъ трудовъ и краткой оцѣнкой дѣятельности покойнаго (добавленіе его-же см. тамъ-же, № 145, и № 144—изъ «Нов. Вр.»). Кромѣ того, въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ появились некрологи Елисѣева и отзывы о его научныхъ трудахъ, путешествіяхъ и популярно-публицистической дѣятельности съ выраженіемъ самаго искренняго сожалѣнія о преждевременной кончинѣ этого энергичнаго и неутомимаго дѣятеля на пользу русской науки.

Н. Я.

Digitized by Google

Критика и библіографія.

1. Книги, ученыя и справочныя изданія.

Д. Н. Анучинъ: Амулетъ изъ кости человѣческаго черепа и трепанація череповъ въ древнія времена въ Россіи (изъ I-го тома «Трудовъ Виленскаго Археолог. Съѣзда». 4°. стр. 17, съ 3-мя табл. и 13 рис. въ текстѣ. М. 1895).—Работа Д. Н. Анучина, представляя интересный и важный вкладъ въ археологію, является не менѣе интересной и для сравнительной этнографіи. Разбирая и освѣщая со свойственной автору эрудиціей находку, привѣски изъ черепной кости, сдѣланную Ф. Д. Нефедовымъ при раскопкѣ городища около с. Николо-Одоевскаго и дер. Мундура, на р. Ветлугѣ (Костромск. г., Ветлужск. у.) въ столикѣ конца неолитическаго періода, проф. Анучинъ привлекаетъ къ сравненію накопившійся по этому вопросу матеріалъ въ зап. Европѣ. Дѣло въ томъ, что обычай трепанаціи череповъ, равно какъ и употребленіе привѣсокъ, сдѣланныхъ изъ черепныхъ костей человѣка, былъ констатированъ на западѣ еще въ 70-хъ годахъ, когда при раскопкахъ дольменовъ (во Франціи, въ деп. Лозеры) д-ромъ Прюньеромъ были найдены круглыя пластинки изъ кости человѣческаго черепа и одновременно съ этимъ и черепа, представляющіе слѣды искусственной трепанаціи, т.-е. продѣлыванья въ нихъ искусственнаго отверстія. Дальнѣйшія находки подтвердили существованіе этого обычая во Франціи въ неолитическій и галльскій періоды. Аналогичныя находки были сдѣланы и въ древнихъ могилахъ въ Тюрингенѣ и въ Соединенныхъ Штатахъ; трепанированные черепа были найдены и среди перуанскихъ могилъ. Брока, поставившій вопросъ о трепанаціи череповъ въ доисторическую эпоху на научную почву, уяснилъ этотъ распространенный у древнихъ обитателей Европы обычай путемъ аналогіи съ подобными же обычаями современныхъ дикарей. Въ Россіи находокъ, подобныхъ вышеописаннымъ, не было сдѣлано до 1883 г., когда Ф. Д. Нефедовымъ было раскопано названное городище. Сравнивая черепную привѣску изъ Костромской губ. съ подобными же извѣстными на западѣ и въ Америкѣ, проф. Анучинъ отводитъ ей мѣсто среди другихъ аналогичныхъ находокъ и, поскольку вопросъ идетъ о назначеніи найденной привѣски, онъ высказываетъ мнѣніе, что она «не служила только украшеніемъ, но составляла нѣчто большее, и была, по всей вѣроятности,

Digitized by Google

религіознымъ талисманомъ, *черепнымъ амулетомъ*». Со времени, когда проф. Анучинъ обратилъ впервые вниманіе на черепной амулетъ изъ Одоевскаго городища и посвятилъ ему особое сообщеніе въ И. Моск. Арх. Обществѣ (26 января 1893 г.), прошло два съ небольшимъ года; но вслѣдствіе интереса, возбужденнаго Д. Н. Анучинымъ къ подобнымъ находкамъ, изслѣдователи старательно отмѣчали ихъ, слѣдствіемъ чего было увеличеніе числа извѣстныхъ находокъ этого рода, отмѣченныхъ въ трудѣ проф. Анучина: черепная привѣска была найдена среди вещей изъ могильника «Шишка», близъ с. Когловки (Вятск. губ., Елабужск. у.), раскопаннаго Ф. Д. Нефедовымъ; далѣе, въ городищѣ на Княжей горѣ (Каневскаго у. Кіевской г.) Н. Ф. Бѣляшевскимъ былъ найденъ черепъ со слѣдами трепанаціи, при чемъ черепъ, повидимому, относится къ XII—XIII вв. и, наконецъ, самъ проф. Анучинъ нашелъ среди череповъ, хранящихся въ Московск. Антропологическомъ Музеѣ, черепъ со слѣдами трепанаціи, доставленный проф. В. Ѳ. Миллеромъ изъ древняго могильника на Кавказѣ, въ Хуламѣ (Терской обл., верховья Терека)—мѣстности, прежде населенной осетинами. Обычай употребленія привѣсокъ изъ частей человѣческаго тѣла (волосъ, зубовъ, нижней челюсти, черепа и т. д.) извѣстенъ среди некультурныхъ народностей Австраліи, Америки и Полинезіи; извѣстна и трепанація череповъ, употребляемая въ качествѣ лѣченія отъ разныхъ болѣзней. Фактъ, доказываемый археологическими изслѣдованіями, что этотъ обычай практиковался среди до-историческихъ обитателей зап. Европы, является чрезвычайно интереснымъ для сравнительной этнографіи; аналогичныя находки въ Россіи, собранныя и научно освѣщенныя Д. Н. Анучинымъ, служатъ доказательствомъ существованія этого же обычая и въ восточной части европейскаго материка, при чемъ районъ, охватываемый этими находками, чрезвычайно обширенъ. Выразимъ надежду, что послѣ выхода въ свѣтъ труда Д. Н. Анучина русскіе археологи будутъ внимательно отмѣчать находки черепныхъ привѣсокъ и слѣды трепанаціи череповъ и, такимъ образомъ, обогатятъ матеріалъ по этому одинаково интересному какъ для археологіи, такъ и для этнографіи вопросу.

Н. Х.

I. **Matiegka.** Lidožroutství v pŭedhistoické osadě u Knovíze a v predhistorické době vůbec. (Людоѣдство въ доисторическомъ поселеніи у Кновизы и въ доисторическую эпоху вообще)—въ «Památkách archeologických a místopisných» (изданіе Археолог. отдѣл. Музея Корол. Чешск. въ Прагѣ), 1893 г. вып. IV—VI (стр. 285 и сл., стр. 385 и сл.) тома XVI-го.

Статья І. Матейки вызвана раскопками произведенными Вяч. Шмидтомъ въ долинѣ Свято-Юрьевской (v Udoli Svatojiřském), гдѣ г. Шмидтъ въ отбросахъ доисторическаго поселенія нашелъ, вмѣстѣ съ костями животныхъ и черепками посуды, размозженныя, разбитыя человѣческія кости [1]).

[1]) Къ статьѣ Матейки приложены (табл. XV) рисунки этихъ костей. Изъ 52 ямъ въ 12 оказались эти человѣчьи кости; это исключаетъ всякое предположеніе о *случайности* присутствія человѣческихъ костей въ этомъ поселеніи.

Digitized by Google

По поводу этой находки I. Матейка, предполагая, что найденныя кости принадлежали *съѣденнымъ* людямъ, излагаетъ исторію людоѣдства и человѣческихъ жертвоприношеній у древнихъ народовъ вообще и въ Чехіи въ частности [1]). Кости и найденные черепа показываютъ, что съѣденные люди принадлежали къ одной расѣ съ жившими здѣсь людьми (т. н. германскаго типа), а также то, что при употребленіи въ пищу употребленъ былъ огонь. Самымъ рѣшительнымъ доказательствомъ, что люди, кости которыхъ были найдены Шмидтомъ, были *съѣдены*, служитъ то, что нашли ихъ въ пеплѣ и съ другими остатками пищи; изломы костей носятъ характеръ искусственный, напр. черепъ, ясно, былъ проломанъ для добыванія изъ него мозга; на другихъ костяхъ видны слѣды орудій, которыми ихъ разбивали [2]). Другія подробности находки приводятъ автора къ выводу, что людоѣдство въ описываемой мѣстности не было дѣломъ случая (напр. голода, во время осады), не было также только обрядовымъ (при жертвоприношеніяхъ съѣдались только опредѣленныя части тѣла), не было также результатомъ войны (когда съѣдали тѣла убитыхъ), но дѣломъ обычнымъ.

Людоѣдство въ извѣстную эпоху было распространено не только въ Чехіи, какъ показываетъ находка, но и по всей Европѣ. Доказательствомъ этого автору служатъ; во 1-хъ, свидѣтельства писателей древнихъ, во вторыхъ, сказки и повѣрія, до сихъ поръ сохраняющія память о людоѣдствѣ, въ третьихъ, многочисленныя археологическія находки этого рода. Наконецъ, въ пользу того же предположенія говоритъ и то общее положеніе, что *всѣ* народы міра проходили эту ступень культуры (напр., у австралійскихъ дикарей европейцы еще застали людоѣдство): неужели *одни* европейцы составляютъ исключеніе?

Изъ старыхъ писателей, у которыхъ есть указанія на счетъ людоѣдства, приведены авторомъ: *Геродотъ*, свидѣтельствующій о людоѣдствѣ въ Индіи у Массагетовъ, *Страбонъ*, сообщающій, что на Кавказѣ убивали и съѣдали стариковъ 70 лѣтъ (IV, 5, 4), что тоже дѣлали при необходимости Скиѳы, Иберы, Галлы (тоже у бл. Іеронима), а Иры были настоящими людоѣдами. *Діодоръ Сицилійскій*, *Эратосѳенъ* подтверждаютъ это. Плиній говоритъ о людоѣдахъ, жившихъ по Днѣпру, *Плутархъ*—о Согдіанскихъ людоѣдахъ, наконецъ—*Ливій*—о запрещеніи людоѣдства въ арміи Ганнибаломъ. Сюда присоединяются многочисленныя свидѣтельства о человѣческихъ жертвахъ, тѣсно связанныхъ съ людоѣдствомъ, у всѣхъ народовъ древняго міра, а также у народовъ средней и восточной Европы [3]), ставшихъ позднѣе только культурными. Что касается преданій, сказокъ и повѣрій, гдѣ указывается на людоѣдство, то они сохраняются до сихъ поръ у многихъ народовъ, даже стоящихъ на высокой степени культуры, особенно въ Европѣ: таковы сказанія объ Атреѣ,

---

[1]) Статья въ 1893 г. еще не кончена; журналъ же за 1894 годъ до сихъ поръ не полученъ.

[2]) На нѣкоторыхъ костяхъ авторъ склоненъ видѣть даже слѣды зубовъ.

[3]) Литература указана авторомъ въ примѣчаніяхъ (столб. 289).

Digitized by Google

Танталѣ, Полифемѣ, Кроносѣ — у Грековъ и Римлянъ; тоже видимъ у Евреевъ (жертвоприношеніе Исаака), Германцевъ (въ Нибелунгахъ), Славянъ (особенно у Сербовъ и Русскихъ), у инородцевъ (у Вотяковъ). Повѣрій о людоѣдствѣ сохранилось также масса и у древнихъ писателей (Плиній, Цельсъ, Тертулліанъ и др.), каковы, напр., сказанія о цѣлебной силѣ человѣческой крови и мяса. Въ народныхъ лѣчебникахъ до сихъ поръ фигурируетъ человѣчье сердце, человѣчье сало.

Цѣлый рядъ археологическихъ находокъ въ Бельгіи, Франціи, Италіи, Даніи, Германіи указываютъ на эпоху каннибализма въ бронзовую эпоху. То же находимъ на Моравѣ и въ Чехіи. Здѣсь людоѣдство несомнѣнно существовало въ эпоху неолитическую и бронзовую. Объясненіе этому явленію, его характеристику должна дать этнографія. Исторію людоѣдства авторъ представляетъ себѣ такъ. Повидимому, *причиной появленія* людоѣдства было: 1) необходимость, недостатокъ въ пищѣ (напр., на островахъ, жители которыхъ иногда надолго отрѣзываются моремъ отъ остального міра); 2) начавъ по необходимости ѣсть человѣческое мясо, человѣкъ нашелъ эту пищу довольно вкусной, и людоѣдство становится обычаемъ; 3—4) употребленіе мяса поддерживалось употребленіемъ въ пищу покойниковъ и враговъ, павшихъ въ битвахъ, о чемъ у насъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ старыхъ и позднихъ (у дикарей); 5) понятіе о мести: величайшая месть—съѣсть своего противника—поддерживала людоѣдство, что наблюдается до сихъ поръ у дикарей на Суматрѣ; по Марку Поло, было и у татаръ; 6) наконецъ, много способствовали сохраненію людоѣдства—религіозныя вѣрованія и суевѣрія, напр., идея о передачѣ способностей одного человѣка другому черезъ съѣданіе той или другой части тѣла (напр., сердца—для храбрости, глаза — для зрѣнія), чѣмъ объясняются легенды о воспитаніи на человѣческомъ мясѣ выдающихся героевъ, князей, владыкъ у азіатскихъ народовъ.

Замѣчательно, что старый, будто забытый обычай, нѣтъ-нѣтъ да и давалъ знать о себѣ въ эпохи уже къ намъ близкія, даже и въ наше время: напр., въ 1617 г. трупъ маршала d'Ancre былъ разсѣченъ на части и съѣдены его части, а въ 1672 г. было съѣдено сердце Wit'a. Это воспоминанія о кровавой, жестокой мести врагу. Наконецъ, при послѣдней осадѣ Мессины появилось людоѣдство: мясо Швейцарцевъ продавалось на рынкѣ дороже мяса Итальянцевъ!

М. Сперанскій.

O bohatýrském epose Slovanském. Pojednava Dr. **J. Máchal.** Část první: přehled látek v bohatýrském epose Slovanském. V Praze, 1894. Nákladem spisovatelovým. Cena 2 zl. 25 kr.

Едва была раскрыта богатая сокровищница славянской народной поэзіи, едва поэтическія преданія и пѣсни славянъ сдѣлались предметомъ науки, какъ зародилось и стремленіе къ взаимному сличенію того, что въ области народнаго творчества имѣетъ каждое славянское племя,—и къ сопоставленію этого достоянія славянъ съ литературою Запада. Такимъ характе-

Digitized by Google

ромъ отличались работы: Бодянскаго „О народной поэзіи славянскихъ племенъ“ М. 1873 г. и Л. Штура „O narodních písních a pověstech Slovanskych“. V. Praze, 1853 г.

Бодянскій и Штуръ, отмѣчая отличительныя черты народной поэзіи каждаго отдѣльнаго славянскаго племени, давали и общую характеристику всей вообще славянской народной поэзіи, разсматривая ее, какъ простое и ясное отраженіе народнаго духа. Но, съ одной стороны, собираніе памятниковъ народнаго творчества славянъ въ то время не только не было закончено, но, можно сказать, только начиналось; а затѣмъ самые пріемы изслѣдователей страдали апріорностью, недостаткомъ глубокаго сравнительно-критическаго анализа изслѣдуемаго матеріала и присутствіемъ извѣстной предвзятой идеи въ воззрѣніяхъ на славянство.

Иныя начала стали господствовать въ наукѣ со второй половины нашего столѣтія, и присутствіе этихъ началъ уже ясно отражается въ такихъ трудахъ, какъ Крека «Einleitung in die Slavische Literaturgeschichte» 1-е изд. 1874 г., 2-е 1887, и Ягича «Gradja za slovinsku narodnu poeziju»—Rad Jugoslav. Ak. Zn. i Um. XXXVII, 1876 г.

Книга Крека, выражаясь словами г. Пыпина, представляетъ «чрезвычайно внимательно составленный и снабженный богатыми библіографическими данными обзоръ, во-первыхъ, свѣдѣній о древнѣйшей судьбѣ славянскихъ племенъ, ихъ языкѣ, о культурномъ состояніи и, во-вторыхъ, обзоръ народной поэзіи, преданій и миѳологіи»... («Исторія р. этногр.», т. II, стр. 296). Достаточно извѣстный трудъ Ягича въ своемъ настоящемъ видѣ представляетъ лишь введеніе, но введеніе капитальное, въ исторію славянскаго народнаго эпоса; и можно только пожалѣть, что маститый ученый не далъ полнаго обзора этого эпоса. Послѣднюю задачу взялъ на себя г. Махаль.

Г. Махаль еще до настоящаго своего труда заявилъ себя соч. «Nákres Slovanského bajesloví», Praha, 1891 г., представляющимъ общій сводъ миѳическихъ воззрѣній славянъ, насколько о нихъ свидѣтельствуетъ исторія и передаетъ въ своемъ преданіи славянскій народъ. Отдѣльныя народныя представленія, какъ заявляетъ въ предисловіи авторъ, онъ старается излагать, руководясь, главнымъ образомъ, сравнительнымъ методомъ, «который одинъ приводитъ къ положительнымъ выводамъ» (Predmluva, стр. 1—2).

Судя по заглавію, разсматриваемая книга г. Махаля о славянскомъ богатырскомъ эпосѣ представляетъ только первую часть обширнаго изслѣдованія, объ общемъ планѣ котораго, къ сожалѣнію, ничего опредѣленнаго неизвѣстно; впрочемъ, мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что по своимъ задачамъ и пріемамъ изложенія оно близко къ «Nákres'у». Во всякомъ случаѣ, вышедшая пока 1-я часть является настолько цѣльною и самостоятельною, что можетъ уже служить предметомъ особаго разсмотрѣнія, независимо отъ мѣста ея въ цѣломъ сочиненіи: въ ней авторъ даетъ намъ общій обзоръ содержанія славянскаго богатырскаго эпоса или, вѣрнѣе, эпосовъ южнославянскаго и русскаго, такъ какъ только въ приложеніи 4 страницы посвящены пѣснямъ польскимъ, лужицкимъ,

Digitized by Google

чешскимъ, словенскимъ и словинскимъ. Это послѣднее обстоятельство объясняется, конечно, тѣмъ, что народный эпосъ развился преимущественно у южныхъ и восточныхъ славянъ, насколько объ этомъ можно теперь судить.

Коснувшись въ краткомъ историко-литературномъ введеніи вопроса о названіи героическихъ пѣсенъ у южныхъ славянъ и у русскихъ, отмѣтивъ первыя историческія свидѣтельства объ этихъ пѣсняхъ, обрисовавши, наконецъ, самое собираніе и изученіе народной эпической поэзіи славянской, при чемъ не оставлена безъ вниманія и чисто этнографическая сторона вопроса, г. Махаль въ первой главѣ обращается къ пѣснямъ сербохорватскимъ и болгарскимъ. Послѣ нѣсколькихъ замѣчаній о т.-н. бугарщицахъ и о принятомъ имъ дѣленіи пѣсенъ, изслѣдователь излагаетъ южнославянскій эпосъ въ такомъ порядкѣ: I. Пѣсни содержанія миѳическаго, сказочнаго и легендарнаго. II. Пѣсни о событіяхъ до Косова. III. Пѣсни о боѣ на Косовѣ. IV. Пѣсни о Кралевичѣ Маркѣ. V. Пѣсни о Бранковичахъ и ихъ современникахъ. VI. Пѣсни гайдуцкія и позднѣйшія. Вторая глава посвящена русскимъ былинамъ, которыя расположены такъ: I. Богатыри Владимирова цикла: А. богатыри мѣстные и Б. богатыри заѣзжіе. II. Богатыри внѣ цикла Владимирова: А. т. н. старшіе, Б. новгородскіе. III. Пѣсни Московской эпохи и позднѣе. Говоря предварительно о мѣстѣ происхожденія былинъ, г. Махаль склоняется къ гипотезѣ о южномъ происхожденіи ихъ, какъ она выражена въ «Экскурсахъ» Вс. Миллера, который, замѣтимъ къ слову, если и не первый обратилъ вниманіе на «степной» характеръ нашихъ богатырей и южную родину ихъ, то за то первый наиболѣе отчетливо и полно формулировалъ и разсмотрѣлъ эти вопросы.

Наконецъ, въ третью главу вошли малорусскія «козацкія думы», обзору содержанія которыхъ также предшествуютъ общія замѣчанія о характерѣ этого рода произведеній, творцахъ и пѣвцахъ ихъ.

Изложеніе содержанія пѣсенъ ведется Махалемъ весьма умѣло, хотя и нѣсколько сжато, такъ что отдѣльные варіанты и болѣе мелкія подробности не могли быть отмѣчены, но за то авторъ даетъ намъ сравнительно-критическій анализъ излагаемыхъ пѣсенъ, выдѣляетъ и разбираетъ основные мотивы ихъ, указываетъ параллели въ народной поэзіи другихъ какъ славянскихъ, такъ и неславянскихъ племенъ; гдѣ возможно, дѣлаетъ соотвѣтствующія историческія указанія. Вообще, помимо простого изложенія содержанія пѣсенъ, здѣсь мы находимъ интересный и заслуживающій полнаго вниманія и дальнѣйшаго развитія сводъ взглядовъ на генезисъ, составъ и значеніе различныхъ пѣсенныхъ мотивовъ. Правда, сводъ этотъ не полонъ и не достаточно критически освѣщенъ, но, быть можетъ, это будетъ возмѣщено въ дальнѣйшемъ продолженіи труда г. Махаля, а сверхъ того мы, должны принять во вниманіе и тѣ условія, среди которыхъ пришлось работать изслѣдователю. Достаточно сказать, что г. Махаль предпринялъ свой общій обзоръ въ то время, когда далеко еще не закончена разработка эпосовъ каждаго отдѣльнаго славянскаго племени, а то, что уже сдѣлано, такъ разбросано и подчасъ даже такъ противорѣчитъ одно

Digitized by Google

другому, что по-истинѣ является своего рода rudis indigestaque moles. Поэтому мы съ полнымъ сочувствіемъ привѣтствуемъ работу г. Махаля, какъ глубоко-симпатичный починъ—собрать во-едино обширный матеріалъ по славянскому фольклору, привести его въ опредѣленный порядокъ, взаимную связь и, насколько возможно, освѣтить его съ точки зрѣнія прошлыхъ и современныхъ направленій, чтобъ дать, такимъ образомъ, путеводную нить послѣдующимъ изслѣдователямъ. И если мы теперь позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній, то вовсе не съ цѣлью умалить общее значеніе труда г. Махаля, а именно въ виду того интереса, который былъ имъ возбужденъ.

Въ области южнославянской народной поэзіи г. Махаль не считаетъ нужнымъ разсматривать отдѣльно эпосы болгарскій и сербохорватскій—на томъ основаніи, что оба они, за малыми исключеніями, воспѣваютъ одно и то же (стр. 1). Если даже это вполнѣ справедливо по отношенію къ настоящему времени, то всеже на очереди останется вопросъ о прошломъ взаимоотношеніи эпоса болгаръ и сербовъ, о генезисѣ и первоначальномъ ядрѣ каждаго изъ нихъ въ отдѣльности. Намъ не думается, чтобы г. Махаль свое замѣчаніе о близости болгарскаго и сербскаго эпосовъ рѣшился распространить и на прошлые вѣка. Затронутый вопросъ любопытенъ, хотя бы въ виду подобныхъ словъ пѣсенъ:

Свака земља хвали господара:
Сењ бијели—Сењанина Ива,
Бугарија—Краљевича Марка,
Угарија—Сибињанин Іанка,
Србијанци—Милош Обилића («Южнославянскія сказанія о Кралевичѣ Маркѣ» М. Халанскаго, II, стр. 432).

Интересно бы выяснить, сколько истины въ такого рода упоминаніяхъ, и вообще дать сравнительную характеристику эпоса болгаръ и сербохорватовъ.

Дѣленіе южнославянскихъ пѣсенъ, на нашъ взглядъ, у г. Махаля не совсѣмъ выдержано, да и не особенно удобно. Напримѣръ, пѣсни о Момчилѣ попали въ отдѣлъ пѣсенъ сказочнаго содержанія (стр. 70), очевидно, на томъ основаніи, что въ нихъ отразился сказочный мотивъ о невѣрной женѣ; но вѣдь этимъ значеніе и содержаніе пѣсенъ о Момчилѣ не исчерпывается: Момчилъ—личность историческая, и пѣсни о немъ имѣютъ также историческую основу, которая даетъ право относить ихъ и къ слѣдующему отдѣлу (ср. «Болгарскія пѣсни о Дойчинѣ и Момчилѣ» В. Джуринскаго). Кстати замѣтимъ, что и пѣсни о Дойчинѣ, которыя представляютъ особую оригинальную группу и тоже, быть можетъ, не лишены историческаго элемента (см. цит. соч., стр. 28—29), у г. Махаля нашли мѣсто лишь въ незначительномъ примѣчаніи къ стр. 118. Затѣмъ, въ тотъ же отдѣлъ пѣсенъ сказочнаго содержанія вошла часть пѣсенъ изъ цикла Марка Кралевича, именно, пѣсни о Маркѣ и невѣрной женѣ его (стр. 73); но разъ циклъ Марка Кралевича выдѣленъ въ особую группу, то лучше бы не нарушать единства этой послѣдней, тѣмъ болѣе, что пѣсни о Маркѣ типа, отмѣченнаго г. Махалемъ на стр. 73, тѣсно свя-

Digitized by Google

заны съ такими, какъ «Марко и Мина изъ Костура» и др. под. (Ср. нашу ст. «Бановичъ Страхиня», Кіевск. Универс. Извѣстія 1894 г., I).

Какъ бы ни казались на первый взглядъ цѣльны и просты южнославянскія пѣсни («O boh. epose», стр. 144), все же ихъ трудно подогнать подъ опредѣленныя рубрики мотивовъ миѳическаго, сказочнаго, легендарнаго или историческаго характера. Независимо отъ того, что придется дробить отдѣльные циклы, какъ это г. Махаль и сдѣлалъ, напр., съ цикломъ Кралевича Марка, главное неудобство скажется при выдѣленіи *основного* мотива пѣсни, уловить который нерѣдко весьма затруднительно, если не прямо невозможно.

Точно такъ-же можно кое-что сказать и противъ дѣленія русскихъ былинъ. Оставимъ циклъ Владимира, хотя въ послѣднее время объемъ и значеніе этого цикла сильно колеблются, но богатыри «старшіе», даже если они сопровождаются оговоркою «такъ называемые», являются уже полнѣйшимъ анахронизмомъ, а богатыри «мѣстные» и «заѣзжіе»—слишкомъ спорны и неопредѣленны, чтобы по нимъ можно было классифицировать былины.

Что касается собственно литературы по русскому богатырскому эпосу, то здѣсь знакомство г. Махаля ограничивается трудами преимущественно болѣе новыми. Чаще всего авторъ цитуетъ А. Н. Веселовскаго, Вс. Миллера, М. Халанскаго, О. Миллера; другіе же упоминаются лишь вскользь. А между тѣмъ, наши старые изслѣдователи, кромѣ несомнѣннаго, конечно, историческаго значенія, не мало представляютъ и современнаго значенія. Ср., напримѣръ, оцѣнку трудовъ г. Буслаева у А. Кирпичникова (Ж. М. Н. Пр., 1887 г., іюль, стр. 401—407). Надлежащее привлеченіе замѣчаній Ѳ. Буслаева, Котляревскаго, Квашнина-Самарина, Л. Майкова («О былинахъ Владимірова цикла»), К. Аксакова и др., наконецъ, той полемики, которая возгорѣлась по поводу выводовъ В. Стасова, не только содѣйствовало бы полнотѣ книги г. Махаля, но и вело бы къ лучшему оттѣненію и уясненію новѣйшихъ взглядовъ. Даже въ трудахъ менѣе крупныхъ г. Махаль могъ бы почерпнуть кое-что; такъ, напримѣръ, по поводу нѣкотораго сопоставленія Ильи Муромца съ сказочнымъ героемъ Иванушкой-дурачкомъ, намѣчаемаго г. Махалемъ (стр. 158), можно припомнить давнишній опытъ сближенія героевъ нашихъ былинъ и сказокъ (Шеппингъ, «Русская народность въ ея повѣрьяхъ, обрядахъ и сказкахъ», т. I, М. 1862 г.). Сопоставленіе именъ Сухмана и рѣки Сухоны (ср. стр. 181) было сдѣлано еще Н. Петровымъ (Труды Кіевской Дух. Академіи 1874 г., ноябрь, стр. 346). Нечего и говорить о такихъ крупныхъ изслѣдователяхъ, какъ хотя бы Ѳ. Буслаевъ, который въ своихъ многочисленныхъ работахъ затронулъ цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ и любопытныхъ вопросовъ. И если многія изъ его миѳологическихъ разысканій уже отжили свое время, то нельзя того же сказать объ его стремленіи «прикрѣпить русскій эпосъ къ родной старинѣ и къ его родной землѣ». Какъ на одинъ изъ наиболѣе удачныхъ его опытовъ подобнаго прикрѣпленія, укажемъ на разборъ былины объ Ильѣ и Соловьѣ-разбойникѣ («Народная поэзія», стр. 273—279).

Digitized by Google

Впрочемъ, непосредственнаго знакомства со всею литературой по русскому былевому эпосу нельзя и требовать отъ г. Махаля, такъ какъ такое знакомство представляетъ массу затрудненій даже для русскаго изслѣдователя. Свой пробѣлъ г. Махаль по необходимости долженъ былъ восполнять изъ вторыхъ рукъ, но такимъ путемъ можно было почерпнуть либо черезчуръ ужъ общія свѣдѣнія, либо слишкомъ отрывочныя, да и то не всегда полныя.

Нѣсколько странно, что г. Махаль не остановился надъ вопросомъ о *богатырѣ*. Если онъ не оставилъ безъ вниманія названія эпическихъ пѣсенъ славянъ, то тѣмъ болѣе долженъ былъ коснуться прозванія героевъ ихъ—и еще такого, какъ *богатырь*, надъ которымъ останавливалось столько изслѣдователей и которое самъ г. Махаль счелъ возможнымъ помѣстить даже въ заглавіи своего труда—въ значеніи слишкомъ широкомъ и... нѣсколько не подходящемъ. Именно не подходящемъ, разъ за богатырствомъ признавать тотъ «степной» характеръ, который по «Экскурсамъ» Вс. Миллера былъ извѣстенъ г. Махалю и, повидимому (стр. 144), раздѣляется имъ, какъ равно и нами. При подобномъ взглядѣ на богатырство, едва-ли возможно назвать *богатырскимъ* весь эпосъ славянъ. По крайней мѣрѣ, въ русской литературѣ не принято давать это названіе не только малорусскимъ думамъ, но и т. н. историческимъ пѣснямъ. Да и въ собственно былевомъ эпосѣ русскомъ уже различаютъ былины *богатырскія* и простыя фабулы. (Ср. «Наблюденія надъ географическимъ распространеніемъ былинъ» Вс. Миллера, 1894 г., стр. 68—69).

Говоря о словѣ «былина» и указывая на извѣстныя мѣста въ «Словѣ о полку Игоревѣ» и «Задонщинѣ», г. Махаль цитуетъ Эрбена «Dvě spěvů staroruskýcb. V Praze, 1870 г.» Было бы гораздо удобнѣе воспользоваться въ данномъ случаѣ однимъ изъ болѣе новыхъ трудовъ, напр., г. Барсова, гдѣ г. Махаль, кстати, нашелъ бы какъ объясненіе даннаго слова, такъ и указаніе на то, что народъ свой эпосъ въ настоящее время называетъ не «былинами», а «старинами»; такимъ образомъ, «былина», какъ извѣстный терминъ,—происхожденія не народнаго, а литературнаго («Слово о полку Игоревѣ» III, стр. 62—64).

Русскія историческія пѣсни, а также южнославянскія гайдуцкія, разсмотрѣны слишкомъ кратко. Однѣ изъ самыхъ замѣчательныхъ и художественныхъ пѣсенъ, именно: пѣсни о Щелканѣ, татарскомъ полонѣ и под. не указаны вовсе. Отдѣльнаго разсмотрѣнія заслуживаютъ и такія былины, какъ о Данилѣ Игнатьевичѣ съ сыномъ, Ермакѣ (ср. А. Н. Веселовскаго: «Южно-русскія былины», гл. I).

Обращаясь къ третьей главѣ, мы прежде всего должны замѣтить, что г. Махаль совершенно обошелъ вопросъ объ отношеніи малорусской эпики къ нашему былевому эпосу. Между тѣмъ, вопросъ этотъ заслуживаетъ вниманія—особенно въ виду того, что онъ, какъ извѣстно, былъ затронутъ уже давно, на Кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ возбудилъ оживленныя пренія; и если не рѣшить его окончательно, то хоть изложить судьбу его sine ira et studio—далеко не лишнее.

Затѣмъ, г. Махаль сдѣлалъ крупное упущеніе, ограничившись лишь

Digitized by Google

«наивысшимъ проявленіемъ малорусской эпики»—малорусскими думами. Главными пособіями при разсмотрѣніи ихъ г. Махалю служили «Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ» П. Житецкаго и извѣстный сборникъ гг. Антоновича и Драгоманова; самое дѣленіе думъ произведено по тѣмъ рубрикамъ, которыя намѣчены у гг. Антоновича и Драгоманова: думы о бояхъ съ татарами и турками, о бояхъ съ поляками при Хмельницкомъ, думы періода козачества, думы семейныя (ср. Ант. и Др., I, стр. IX). Но, оставивъ въ сторонѣ все, что не носитъ опредѣленной формы думъ, г. Махаль не исчерпалъ всего содержанія «Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа», не говоря уже о другихъ сборникахъ, и о богатомъ, разнообразномъ малорусскомъ «героическомъ» эпосѣ далъ далеко не полное представленіе. Малорусскія думы, представляющія, по выраженію г. Житецкаго («Мысли», стр. 2), «особенныя формы поэтическаго творчества, народныя по міровоззрѣнію и языку, и въ то же время книжныя по особенному складу мысли и способамъ ея развитія и выраженія», не могутъ быть совершенно обособляемы отъ пѣсенъ какъ по своему происхожденію (ср. «Мысли», стр. 128—129), такъ и по дальнѣйшей судьбѣ, приводившей ихъ къ разложенію и обратному переходу въ форму простой пѣсни (ср. «Мысли», стр. 173—176). Если бы г. Махаль коснулся вообще пѣсенъ эпическаго содержанія, какъ онъ это дѣлалъ въ 1 и 2 гл., то и поэтическая исторія Украйны вышла бы гораздо полнѣе и рельефнѣе. А то, читая о бояхъ съ татарами и турками, мы ничего не находимъ о такомъ популярномъ героѣ, какъ Байда, ни о взятіи Варны и др., ни, наконецъ, цѣлой серіи прекрасныхъ пѣсенъ, касающихся набѣговъ татаръ и турокъ. Эпоха Богдана Хмельницкаго представлена думами о Хмельницкомъ и Барабашѣ, объ угнетеніи Украйны жидами-арендаторами (о возстаніи казаковъ при Хмельницкомъ), о Корсунской битвѣ, о походѣ въ Молдавію и о смерти Богдана Хмельницкаго. Но какъ думы вообще были лишь однимъ изъ моментовъ въ развитіи народной эпики малороссовъ, такъ и самое возстаніе Хмельницкаго является не болѣе, какъ однимъ изъ моментовъ длинной борьбы козаковъ съ поляками, борьбы, которая въ малорусской народной поэзіи отразилась въ гораздо бо́льшей степени, чѣмъ можно объ этомъ судить по думамъ, приведеннымъ г. Махалемъ. Упадокъ козачества характеризуется двумя думами: о Ганжѣ Андыберѣ и «о козацкой жизни». О семейномъ бытѣ козака предоставляется судить по думамъ: «о вдовѣ и трехъ сыновьяхъ», «о братѣ и сестрѣ», «объ отъѣздѣ козака изъ дому» и «о смерти козака-бандуриста».

Вообще, третья глава книги г. Махаля производитъ впечатлѣніе чего-то отрывочнаго, недосказаннаго и не вполнѣ соотвѣтствуетъ общему заглавію труда.

А. М. Лобода.

A. Winter: Ueber Hochzeitsbräuche der Leten nach ihren Volksliedern (Verhandl. d. Gel. Estnischen Gesellschaft. Bd. XVI. Heft 3. Юрьевъ. 1894, стр. 159—235).—Въ небольшой работѣ, заглавіе которой мы выписали, г. Винтеръ задался цѣлью нарисовать картину латышской свадьбы,

Digitized by Google

таковой, какъ она была «50—100 и больше лѣтъ тому назадъ»; матеріаломъ автору служатъ исключительно пѣсни латышей, уже извѣстныя въ печати, преимущественно же сборникъ Биленштейна. Относясь къ цѣли автора вполнѣ сочувственно, мы не можемъ, однако, не отмѣтить двухъ крупныхъ недостатковъ, которые въ значительной мѣрѣ обезцѣниваютъ его трудъ. Пѣсни обрядовыя, несомнѣнно, служатъ прекраснымъ источникомъ для изученія прошлаго быта народа; но воспоминаній объ исчезнувшихъ въ настоящее время обычаяхъ, которыя сохраняются въ свадебныхъ пѣсняхъ (напр., похищеніе, покупка невѣсты), сохраняются обыкновенно и въ самихъ свадебныхъ обрядахъ, при чемъ подчасъ даже болѣе наглядными образомъ, чѣмъ въ свадебныхъ пѣсняхъ; поэтому изображеніе картины древней свадьбы, если оно имѣетъ въ виду быть полнымъ, должно основываться не только на пѣсняхъ, но и на обрядахъ; что же касается до менѣе древняго быта, то автору, внѣ сомнѣнія, было бы гораздо легче изучить извѣстныя въ литературѣ записи свадебныхъ обрядовъ и на основаніи ихъ начертать свою картину, чѣмъ съ трудомъ выбирать изъ пѣсеннаго матеріала отдѣльныя черты, которыя въ результатѣ не даютъ почти ничего новаго, сравнительно съ существующими записями. Второй недостатокъ труда г. Винтера заключается, на нашъ взглядъ, въ томъ, что пѣсни приводятся авторомъ только въ нѣмецкомъ переводѣ; дѣйствительно, имъ указаны источники, въ которыхъ помѣщенъ латышскій текстъ, но не всякій имѣетъ возможность имѣть подъ руками указанные источники и, такимъ образомъ, провѣрить, насколько стихотворный переводъ автора вѣрно воспроизводитъ оригиналъ. Помѣщеніе латышскаго текста рядомъ съ переводомъ сдѣлало бы работу г. Винтера болѣе цѣнной въ научномъ отношеніи.

Н. Х.

F. V. Vykoukal, Česká svatba, v Praze. Сравнительно недавно (1892 г.) вышла интересная книжка Бартоша «Moravská svatba». Описаніе чешской свадьбы г. Выкукаля явилось подъ вліяніемъ работы Бартоша. Работа г. Выкукаля не обнимаетъ описанія обрядовъ во всей Чехіи; она относится къ округу Холтицкому въ Хрудимскомъ краѣ. Небольшой сравнительно районъ, избранный авторомъ, далъ ему возможность представить описаніе свадьбы съ большой точностью и подробностью. Интересъ къ настоящей работѣ усиливается еще тѣмъ, что въ нее вошли не только наблюденія автора и его сотрудниковъ надъ теперешней свадьбой, но также и два описанія болѣе ранняго времени (Моравка и Новака); послѣднія относятся, судя по списку акта свадебныхъ условій (стр. 12—13), къ двадцатымъ годамъ нынѣшняго столѣтія. Нельзя, однако, не выразить сожалѣнія, что авторъ не выдѣляетъ того матеріала, который онъ заимствовалъ изъ этихъ описаній, ограничиваясь лишь иногда ссылкой на «бывалыя времена», при чемъ остается неяснымъ: объясненія ли нынѣшнихъ поселянъ относятся къ бывалымъ временамъ, или же авторъ беретъ ихъ изъ вышеуказанныхъ описаній. Но въ общемъ книжка г. Выкукаля

Digitized by Google

содержитъ тщательное описаніе всѣхъ актовъ свадебнаго обряда; рацеи записаны въ изобиліи; въ описаніе вошло много пѣсенъ, при большинствѣ которыхъ приложены ноты. Такимъ образомъ, настоящая работа представляетъ цѣнное пособіе при изученіи чешской этнографіи.

М. Д.-З.

Н. Ѳ. Катановъ.—1) О свадебныхъ обычаяхъ татаръ восточнаго Туркестана. Казань, 1895 г.—2) Этнографическій обзоръ турецко-татарскихъ племенъ. Вступит. лекція, прочитан. въ Импер. Казанскомъ университетѣ 29 янв. 1894 г.—3) О погребальныхъ обрядахъ у тюркскихъ племенъ центральной и восточной Азіи. Казань, 1894 г. (Отд. оттискъ изъ XII т. Изв. Общ. Арх. Ист. и Этн. при Казан. университетѣ).—4) Пѣсня Худояръ-хана и приходъ русскихъ. СПБ., 1894 г.—5) Китайскій бунтовщикъ Чи-чи-гунъ. Казань, 1895 г.

Авторъ вышеуказанныхъ работъ—молодой тюркологъ, состоящій въ настоящее время профессоромъ тюркскихъ нарѣчій въ Казанскомъ университетѣ, по происхожденію изъ татаръ Минусинскаго округа, представляетъ намъ человѣка основательно знакомаго съ своимъ предметомъ. Его трехлѣтнее путешествіе по южной Сибири и сѣверо-западной Монголіи еще болѣе расширило кругозоръ и дало обильный матеріалъ опытному наблюдателю, каковымъ является г. Катановъ. Знаніе тюркскихъ языковъ еще болѣе облегчило автору его работы.

Наиболѣе интересными по содержанію и полнотѣ изъ указанныхъ работъ являются работы «Этнографическій обзоръ турецко-татарскихъ племенъ» и «О погребальныхъ обрядахъ»... Въ первой работѣ въ ясной, сжатой, но полной формѣ представленъ очеркъ турецкаго племени, съ указаніемъ различія языка, мѣстожительства тюркскихъ племенъ, ихъ религіи, которой они держались и держатся въ настоящее время — шаманства, буддизма, мусульманства и христіанства. Далѣе сообщаются свѣдѣнія о письменности, употреблявшейся и употребляющейся у тюрковъ, образѣ жизни, который ведутъ эти племена (осѣдлый, кочующій и бродячій), о типѣ тюрковъ и, наконецъ, говоритъ о государствахъ, основанныхъ тюркскими племенами (17 государствъ).

Въ слѣдующей статьѣ, «О погребальныхъ обрядахъ», описываются погребальные обряды слѣдующихъ племенъ: бельтировъ, сагайцевъ, каларовъ, каргинцевъ и карагасовъ, исповѣдующихъ христіанство; далѣе—урянхайцевъ, исповѣдующихъ буддизмъ, и, наконецъ, казакъ-киргизовъ и нѣкоторыхъ татаръ китайскаго Туркестана, исповѣдующихъ мусульманство. Здѣсь читатель находитъ также множество интересныхъ и новыхъ свѣдѣній о погребальныхъ обрядахъ у малоизвѣстныхъ намъ инородцевъ. Не менѣе интересныя свѣдѣнія даются и въ работѣ автора—«Свадебныя обычаи у татаръ восточнаго Туркестана», съ указаніемъ нравовъ и обычаевъ этого народа. Обряды записаны со словъ туземцевъ (въ селеніи Токсунъ, въ городѣ Турфанъ, селеніи Кизо-тѣбе). Турфанскія и токсунскія дѣвицы выходятъ замужъ съ 10-лѣтняго возраста. Продаются дочери по 30—90 р.—

Digitized by Google

Въ пѣснѣ Худояръ-хана описывается потеря имъ своего сына, приходъ русскихъ въ Ташкентъ и храбрость воиновъ. Въ послѣдней работѣ разсказывается о войнахъ Якубъ-бека противъ китайцевъ и разныхъ эпизодахъ изъ жизни этого лица, а также о личности китайскаго бунтовщика Чи-чи-гуна, бѣжавшаго къ Якубъ-беку и помогавшаго воевать съ китайцами.

Д. П. Н—кій.

Dr. Arthur Poelschau: Die livländische Geschichtsliteratur im Jahre 1893 (Riga 1894, стр. 111, 8°). Въ балтійскихъ губ. существуетъ довольно значительное количество ученыхъ обществъ, съ разныхъ сторонъ изучающихъ мѣстный край; кромѣ того, въ періодическихъ мѣстныхъ изданіяхъ помѣщается не мало статей, имѣющихъ отношеніе къ изученію края. Слѣдить за этими изданіями, вслѣдствіе крайне малой распространенности ихъ, чрезвычайно затруднительно; вслѣдствіе этого обзоры, подобные тому, заглавіе котораго мы выписали, являются крайне полезными, такъ какъ они даютъ возможность слѣдить за движеніемъ изученія извѣстной области. «Обзоръ за 1893 г.» является XII-мъ звеномъ въ цѣпи издаваемыхъ авторомъ обзоровъ исторической литературы: въ немъ, кромѣ списка сочиненій, статей, замѣтокъ по исторіи и археологіи края, отведено мѣсто и для статей по этнографіи, географіи, языковѣдѣнію, культурной исторіи и пр., имѣющихъ отношеніе къ балтійскимъ губ. Значеніе «Обзора» усиливается еще тѣмъ, что составитель старается, насколько это возможно, пополнять списокъ статьями и книгами, напечатанными внѣ балтійскихъ губ. на русскомъ и польскомъ яз. Къ недостаткамъ изданія слѣдуетъ отнести недостаточно строго проведенную систему при группировкѣ сочиненій по отдѣламъ. Такъ, напр., въ отдѣлѣ «географіи, этнографіи и статистики» мы съ нѣкоторымъ удивленіемъ встрѣчаемъ работы по вопросамъ: о мѣстонахожденіи древняго гор. Герцеке, о названіи г. Риги, объ открытыхъ слѣдахъ древн. дорогъ, которыя слѣдовало-бы отнести въ отдѣлъ историко-археологическій. Въ концѣ «Обзора» приложенъ списокъ вошедшихъ въ «Обзоръ» трудовъ по авторамъ, въ алфавитномъ порядкѣ.

Н. Х.

Н. Каманинъ. Къ вопросу о казачествѣ до Богдана Хмельницкаго. Кіевъ 1894 г.—Работа г. Каманина состоитъ изъ двухъ частей: собственно изслѣдованія (1—59) и приложеній (1—24). Интересъ приложеній заключается въ томъ, что въ нихъ помѣщены документы, касающіеся казацкаго землевладѣнія въ южной Руси; нѣсколько документовъ относятся къ концу XV в. Въ изслѣдованіи авторъ даетъ пересмотръ далеко еще не рѣшенныхъ вопросовъ о характерѣ и бытѣ древнѣйшаго казачества. Важность и сложность этихъ вопросовъ таковы, что новое ихъ обсужденіе имѣетъ большой интересъ. Познакомимся со взглядами на древнѣйшую исторію казачества г. Каманина. Основной взглядъ на казачество у автора таковъ, что казачество—землевладѣльческій и земледѣльческій классъ на-

Digitized by Google

селенія южной Руси; по составу своему оно—мѣстное русское населеніе, потомки того же населенія, которое владѣло этою Русью и до нашествія монголовъ; по характеру своего быта—казачество примыкаетъ къ общинному быту до-монгольскаго періода, преобразивъ его однако съ теченіемъ времени въ особыя формы казацкой общины; начало казачества относится ко времени около полов. XIV в., хотя свѣдѣнія объ общинахъ мы имѣемъ только съ конца XV в. Далѣе, по отношенію къ Польшѣ казаки пользуются большею самостоятельностью: они вполнѣ автономны и сливаются постепенно съ Польшей въ одно государство до такъ-называемой реформы казачества Стефаномъ Баторіемъ, вѣроятнѣе уже съ Сигизмунда I. Основной взглядъ автора таковъ, что съ нимъ трудно не согласиться; только отношенія казачества къ Польшѣ въ древнѣйшую его пору представляются намъ менѣе обоснованными. Въ частности авторъ даетъ обзоръ свѣдѣній о древнѣйшемъ казачествѣ XV в., извѣстномъ болѣе подъ именемъ черкасовъ: уже въ этотъ періодъ казачество представляетъ военно-земледѣльческія общины съ самостоятельными «князьями» во главѣ (прототипъ гетмановъ); отрядъ черкасовъ стоитъ постоянно противъ татаръ, гдѣ-то ниже пороговъ, на Таванѣ (стр. 2—15), что дало поводъ къ *естественному* возникновенію Сѣчи (стр. 15—21). Особеннымъ интересомъ отличается мнѣніе г. Каманина о такъ-называемомъ «началѣ» казачества (лѣтописцы описываютъ «появленіе» казачества въ первые годы XVI в.). Постановка вопроса оригинальная, но рѣшеніе его рѣшительно не оправдывается имѣющимися свидѣтельствами. Въ темномъ намекѣ Кіевской лѣтописи подъ 1519 г. (Сборникъ лѣтоп. Ю. и З. Р.) о какой-то побѣдѣ поляковъ надъ «нашими», г. Каманинъ видитъ цѣлое сложное событіе: попытку короля въ союзѣ съ татарами покорить оружіемъ казачество, въ которомъ проявились «горячія стремленія къ политической независимости»; побѣда короля осталась безъ результатовъ, но само событіе подало поводъ лѣтописцамъ отмѣтить его, какъ *начало* казачества (стр. 23). На это слѣдуетъ замѣтить, что замѣтка лѣтописи слишкомъ коротка и неопредѣленна, чтобы на ней безъ другихъ свидѣтельствъ можно было основать предположеніе о борьбѣ казаковъ съ поляками за независимость; быть можетъ, эта замѣтка указываетъ лишь на одинъ изъ обычныхъ эпизодовъ изъ исторіи борьбы поляковъ и татаръ съ казаками, когда первые рѣшились отомстить казакамъ за какое-либо частное нападеніе. Притомъ, король воспользовался бы побѣдою, а на самомъ дѣлѣ мы видимъ, что съ 20-хъ годовъ поляки начинаютъ прибирать къ рукамъ вольное казачество. Въ дальнѣйшемъ изложеніи г. Каманинъ даетъ цѣнныя свѣдѣнія о казацкомъ землевладѣніи въ концѣ XV и нач. XVI вв. (стр. 28—39) и, наконецъ, о развитіи мѣстной автономіи среди казачества. Трудно согласиться съ авторомъ въ его способѣ доказательства цѣнности украинскихъ земель (36—37 стр.). Онъ приводитъ нѣсколько данныхъ о стоимости украинскихъ земель и находитъ, что эти земли были такъ же дороги, какъ и земли въ Кіевщинѣ и на Волыни, и что это обстоятельство указываетъ на густоту украинскаго населенія, и что занимокъ уже въ XVI в. негдѣ было дѣлать. Тутъ большая и безполезная натяжка: мы не знаемъ ни размѣра продававшихся

Digitized by Google

земель, ни степени ихъ обработанности, ни, наконецъ, того: съ людьми они продавались или безъ людей. Такое сравненіе—сравненіе несоизмѣримыхъ величинъ. На этомъ мы окончимъ нашъ обзоръ работы г. Камынина. Повторимъ еще разъ, что она представляетъ много новаго, какъ со стороны данныхъ, такъ и со стороны гипотезъ, представленныхъ авторомъ, хотя съ нѣкоторыми частностями трудно согласиться.

М. Довнаръ-Запольскій.

Д-ръ К. А. Бѣлиловскій. Женщины инородцевъ Сибири (Медико-этнографическій очеркъ). 1894 г.

Положеніе женщины у нашихъ инородцевъ вообще и у сибирскихъ въ частности еще мало изучено. Съ одной стороны, это объясняется трудностью самаго предмета. Извѣстно, что каждому изслѣдователю или этнографу и вообще-то не мало приходится преодолѣть препонъ для полученія отъ инородца тѣхъ или иныхъ свѣдѣній, а когда рѣчь заходитъ о женщинахъ, то здѣсь уже инородецъ совсѣмъ умалчиваетъ. Въ виду этого появленіе каждой работы, относящейся къ указанному вопросу, невольно привлекаетъ вниманіе интересующагося положеніемъ инородческой женщины. Врачамъ болѣе посчастливилось въ изученіи этого вопроса: имъ чаще всего приходится имѣть отношенія съ женщинами, какъ съ больными, изъ разспросовъ которыхъ о болѣзни можно узнать многое, чего никогда не узналъ бы простой изслѣдователь.

Въ такомъ положеніи находился авторъ вышеуказанной работы, въ которой приводятся, кромѣ литературныхъ данныхъ, и личныя наблюденія надъ киргизками и татарками (въ г. Петропавловскѣ). Въ началѣ своего труда авторъ подвергаетъ критическому разбору тѣ сочиненія, которыя касались настоящаго вопроса (Krebel, Witkowsky, Ploss, Kennan, Соммье пользуются очень немногими русскими работами); затѣмъ знакомитъ въ общихъ чертахъ съ характеромъ инородцевъ вообще, съ ихъ особенностями, качествами и чувствомъ нравственности (9—23 стр). Въ представляемой характеристикѣ инородцевъ—остяковъ, самоѣдовъ, коряковъ, бурятъ, айновъ, якутъ, юкагиръ, киргизъ—много недосказаннаго, слишкомъ кратко описано, и въ то же время дѣлаются поспѣшные выводы. Недостаточно обоснованы авторомъ причины вымиранія инородцевъ, такъ какъ тотъ матеріалъ, которымъ пользуется авторъ, недостаточенъ. Далѣе, авторъ касается медицинской помощи инородцамъ Сибири и характеристики народныхъ врачевателей вообще (27).

Переходя непосредственно къ описанію положенія женщины на востокѣ, авторъ прежде всего отмѣчаетъ характерную черту, болѣе или менѣе присущую всѣмъ женщинамъ у инородцевъ,—это стыдливость и чувство нравственности (34). Въ характерѣ женщинъ у большинства инородцевъ представляется очень много свѣтлыхъ сторонъ (43), хотя и здѣсь авторъ недостаточно приводитъ къ тому доказательствъ; точно такие мало убѣдительно его заявленіе, что къ мужьямъ своимъ жены у инородцевъ относятся съ глубокимъ уваженіемъ и даже подобострастіемъ. Здѣсь можетъ

Digitized by Google

быть кроется забитость женщины и полная покорность мужу, но авторъ не соглашается съ этимъ (46).

Не мало мѣста въ своемъ трудѣ авторъ удѣляетъ описанію внѣшности женщины инородцевъ, для чего пользуется нѣкоторыми литературными данными. Въ одномъ случаѣ авторъ встрѣтилъ одну молодую киргизскую дѣвушку, которую можно было поставить рядомъ съ Медицейской Венерой,— «ея сказочная красота, заявляетъ онъ, всегда вызывала конфликтъ и смятеніе въ моихъ терапевтическихъ мысляхъ» (50). Слишкомъ картинно. Въ описаніи внѣшности инородческой женщины авторъ не скупится на этическіе образы и картины и, видимо, является большимъ поклонникомъ красоты инородческой женщины—чуть не въ каждой изъ нихъ находитъ что-нибудь привлекательное и красивое. Что касается нравственности женщины у инородцевъ, то она, по мнѣнію автора, стоитъ высоко. Не безынтересныя свѣдѣнія приводятся авторомъ о появленіи менструаціи у инородческихъ женщинъ Сибири (раннее ихъ появленіе), хотя фактическія данныя указаны только относительно киргизокъ. Выкидыши у инородческихъ женщинъ въ общемъ не такъ часты (61).

Далѣе авторъ говоритъ о бракѣ у инородцевъ, возрастѣ брачущихся, о положеніи бездѣтной женщины, беременной (послѣдняя пользуется почти у всѣхъ инородцевъ уваженіемъ и нѣкоторыми привилегіями и правами), о родахъ, помощи при нихъ со стороны повитухъ, объ уходѣ за новорожденнымъ, питаніи его и т. д.

Вообще, въ книгѣ автора встрѣчается немало интересныхъ свѣдѣній по вопросу о положеніи инородческой женщины въ Сибири, хотя въ изложеніи замѣчается нѣкоторая поспѣшность и недостаточность фактовъ для окончательныхъ выводовъ. Но, несмотря на это, настоящій трудъ является виднымъ вкладомъ въ медико-этнографическую литературу, которая еще такъ бѣдна въ этомъ отношеніи.

Д. П. Никольскій.

И. П. Минкевичъ, Растенія, какъ медицинскія средства и какъ предметъ обожанія на Кавказѣ. (Проток. засѣд. Императ. Кавказ. Медиц. Общества, № 13, 1895).

Несомнѣнно, что царство растительное, находясь въ ближайшей связи съ существованіемъ человѣка на земномъ шарѣ, оказывало и оказываетъ значительное вліяніе на все человѣчество и каждый отдѣльный организмъ. Растительное царство оказываетъ могущественное вліяніе на умъ человѣка, особенно первобытнаго, дикаго, въ состояніи дикихъ, громадныхъ лѣсовъ, полныхъ секрета и могущества. Обожаніе отдѣльныхъ лѣсовъ, рощъ, деревьевъ встрѣчается во всѣхъ странахъ и у всѣхъ народовъ. Выходя изъ этого положенія, авторъ въ своей работѣ сообщаетъ интересныя свѣдѣнія, хотя иныя и извѣстныя, о предразсудкахъ, вѣрованіяхъ, существующихъ на Кавказѣ у различныхъ его жителей, и вмѣстѣ съ тѣмъ сопоставляетъ такія данныя, существующія у другихъ народовъ, съ цѣлью показать ихъ родство, общность происхожденія, а также и разныя мѣстныя отличія.

Digitized by Google

Здѣсь авторъ указываетъ на обожаніе отдѣльныхъ деревьевъ у кавказскихъ народовъ, между которыми особенно чтится дубъ и нѣкоторыя рощи, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ считаются святыми, и къ нимъ направляются разные больные, ища исцѣленія. Подъ дубами, напр., осетины устраиваютъ свои мѣста для молитвы (544). Арияне, до принятія христіанства, обожали дерево Базь, родъ тополя. По мнѣнію нѣкоторыхъ народовъ, дубъ служитъ хорошимъ средствомъ для излѣченія грыжи («приковывать болѣзнь»). Такимъ же способомъ лѣчатся больные зубы. Во всѣхъ этихъ лѣченіяхъ требуется полнѣйшая тишина, или произносятся молитвы и заговоры. Особенно развитъ культъ почитанія растенія въ южной Азіи, Америкѣ и т. п. Въ сѣверной Америкѣ, въ Черныхъ горахъ, вѣшаютъ на деревья вещи, заключающія духа болѣзни, чтобы не заболѣть, а также для того, чтобы вымолить хорошую погоду и т. п. Такимъ образомъ, царство растительное, доставляя пищу, убѣжище во время бурь или зноя, средство обороны отъ враговъ и, наконецъ, медицинскія средства въ страданіяхъ и болѣзняхъ, должно было такъ сильно вліять на умственную сторону человѣка, что онъ началъ его обожать; человѣкъ помѣстилъ въ царствѣ растительномъ высшее существо, демоновъ добрыхъ и злыхъ, и здѣсь же человѣкъ ищетъ помощи въ болѣзняхъ и несчастіяхъ.

Конечно, эти взгляды и идеи различны у разныхъ народовъ, и желательно было бы имѣть подобные матеріалы относительно русскаго населенія, а также инородческаго; у послѣднихъ рощи считаются священными. Все это дастъ богатый матеріалъ для этнографіи.

Д-ръ Н—кій.

В. А. Арнольдова. Санитарно-бытовой очеркъ жизни башкиръ юго-восточной части Стерлитамакскаго уѣзда, Уфимск. губ. (Отт. изъ «Дневн. Общ. врачей» при Казанскомъ универ. 1894 г., вып. IV).

О врачебно-санитарномъ положеніи нашихъ инородцевъ, какъ уже сказано, мы почти совсѣмъ не имѣемъ достаточно точныхъ свѣдѣній. Этотъ отдѣлъ въ ихъ исторіи до сихъ поръ остается мало изслѣдованнымъ. А потому вышеуказанная работа, относящаяся къ данному вопросу, имѣетъ существенный интересъ. Авторъ, будучи съ 1888 по 1891 годъ земскимъ врачемъ въ Стерлит. у., завѣдывалъ участкомъ, въ которомъ жили и башкиры. Результаты этихъ наблюденій онъ и предлагаетъ здѣсь. Къ сожалѣнію, спеціальная его часть работы, именно врачебная и санитарная, представлены не съ той полностью, съ какой желательно было бы видѣть, между тѣмъ какъ этнографическо-бытовая часть представлена сравнительно полнѣе. Впрочемъ, и тѣ свѣдѣнія не лишены интереса. Въ первой части своего труда авторъ сообщаетъ краткія свѣдѣнія о населеніи уѣзда, занятіяхъ башкиръ, о посѣвахъ хлѣбовъ, скотоводствѣ, пчеловодствѣ, лѣсныхъ издѣліяхъ и стоимости продуктовъ (4 стр.), о характерѣ башкиръ, грамотности среди нихъ. Затѣмъ переходитъ къ описанію внѣшняго быта башкиръ, какъ-то: одежды, мужской и женской, обуви, жилищъ, на которыхъ авторъ остановился болѣе подробно (9—11 стр.) и, между про-

Digitized by Google

прочимъ, онъ сильно возстаетъ противъ башкирскихъ чуваловъ, отъ которыхъ часто дѣти получаютъ ожоги и даже смерть. Съ этимъ и мы согласны. Далѣе интересныя свѣдѣнія приводятся относительно пищи и способовъ ея приготовленія; говорится о напиткахъ, но о кумысѣ упоминается почему-то вскользь. По мнѣнію автора, у башкиръ замѣчается сильная склонность къ водкѣ—дурной признакъ для будущности башкиръ.

Относительно болѣзней башкиръ авторъ приводитъ краткія свѣдѣнія и, между прочимъ, оказывается, что башкиры страдаютъ сифилисомъ такъ же, какъ и русскіе. Изъ 2,533 заболѣваній башкиръ было 88 сифилитиковъ. Затѣмъ часто между ними встрѣчаются больные съ круглыми глистами (124 случая), фурункулезомъ и сибирскою язвою. Не менѣе часто встрѣчаются ожоги, особенно въ дѣтскомъ возрастѣ, отъ 1 года до 10 л. Характерное явленіе—авторъ въ теченіе года не привелось встрѣтить ни одного случая съ перелойнымъ воспаленіемъ мочеиспускательнаго канала. Въ заключеніе онъ говоритъ о борьбѣ съ заразными болѣзнями и о народной медицинѣ среди башкиръ. Очень существенный пробѣлъ въ интересномъ трудѣ врача Арнольдова—это отсутствіе свѣдѣній о рождаемости, бракахъ и смертности башкиръ, которыя не удалось получить отъ муллы. Между тѣмъ, эти данныя могли бы пролить много интереснаго для характеристики внутренняго быта башкиръ.

Во всякомъ случаѣ, работа автора имѣетъ немаловажный интересъ въ этнографическомъ отношеніи, и желательно было бы, чтобы другіе врачи, стоящіе близко къ инородцамъ, дѣлились подобными наблюденіями и фактами.

Д-ръ Д. Никольскій.

Bulletin de la Société Nat. des antiquaires de France. 1894. *Засѣд 9-го мая Le Blant*: О суевѣріи, считающемъ браки, заключенные въ маѣ, несчастными. Въ Марселѣ и Парижѣ до настоящаго времени многіе избѣгаютъ заключать браки въ маѣ, хотя объяснить это въ настоящее время и не могутъ; Le Blant ищетъ объясненія этого суевѣрія въ римской старинѣ: еще Овидій упоминаетъ о немъ, указывая, что существовала вѣра, что вступившій въ бракъ въ маѣ, долженъ вскорѣ умереть. Плутархъ объясняетъ это повѣрье тѣмъ, что май посвященъ культу мертвыхъ и сыну Майи—Меркурію, отводившему души умершихъ въ подземное царство. Въ качествѣ переживанія вѣра въ скорую смерть вступившаго въ маѣ въ бракъ лица держалась въ Италіи въ XVII и XVIII вв. Г. Гедозъ (Gaidoz) въ *засѣд. 16-го мая*, возвращаясь къ этому-же вопросу, отмѣтилъ, что указанное суевѣріе господствовало и въ Румыніи, Вестфаліи, Богеміи, Англіи и Ирландіи и вызывало вмѣшательство церковной власти. *Cagnat*, въ дополненіе къ мнѣнію Le Blant обратилъ вниманіе общества на то, что праздникъ Lemures (духовъ усопшихъ) падалъ именно на май. *Засѣд. 11-го сентября*: *Babelon* сдѣлалъ сообщеніе о находимыхъ, при раскопкахъ въ древ. Карѳагенѣ, изображеній скорпіоновъ—фактъ, имѣющій этнографическій интересъ въ томъ отношеніи, что онъ свидѣ-

Digitized by Google

тельствуетъ о существованіи обычая при постройкѣ домовъ закладывать подобныя изображенія (помѣщаемыя обыкновенно въ сосуды) для предохраненія домовъ отъ скорпіоновъ. Сдѣланныя до настоящаго времени находки относятся къ эпохѣ римскаго владычества въ Африкѣ, но, по мнѣнію референта, едва-ли можетъ быть сомнѣніе, что этотъ обычай восходитъ къ пунической культурѣ Карѳагена: обычай, вѣроятно, занесенъ въ Африку съ востока, гдѣ, въ особенности въ Месопотаміи, обычай закладывать талисманы въ фундаментъ домовъ былъ широко распространенъ.

Н. Х.

Sitzungsberichte d. Gel. Estnischen Gesellschaft 1893. (Юрьевъ. 1894). Въ протоколахъ засѣданій эстонскаго уч. Общества за 1893 г. помѣщенъ по обыкновенію довольно значительный матеріалъ по этнографіи края. *D-r Островъ* сообщаетъ о записанномъ имъ въ дер. Зоотага (Везенберг. у.) варіантѣ о смерти сына Калева (стр. 45—46); по другому преданію, враги, настигнувъ героя спящимъ, отрѣзываютъ ему ноги; недалеко отъ Зоотага, въ им. Пагаръ, показываютъ въ лѣсу холмъ, гдѣ былъ погребенъ сынъ Калева. *Реймангъ* сообщаетъ о найденныхъ въ Ревельскомъ гор. архивѣ древнихъ историко-юридическихъ памятникахъ на эстонскомъ яз. отъ XVI в. (стр. 103—122). Дополненіемъ къ этому сообщенію можетъ служить сообщ. *Штильмарка* Ueber einen alten Bauerneid in Livland (стр. 100—101). *Л. Шредеръ* въ замѣткѣ «Bemerkungen über den Gott Târa, Târ, Tôr und die Donnerstag-Heiligung bei den Esten (стр. 57—66) старается примирить два противоположные взгляда на вопросъ о включеніи громового божества Тора (Тара) въ эстонскую миѳологію: въ то время какъ Шегренъ и за нимъ многіе другіе видѣли въ этомъ словѣ заимствованіе эстонцами у скандинавовъ названія бога-громовника, Крейцвальдъ и Н. Андерсонъ считаютъ это слово эстонскимъ (остяцк. tôrym, tûrum, вогульск. tarom, torem—богъ, небо). Л. Шредеръ, признавая, что указанное названіе не имѣетъ ничего общаго со скандинавскимъ Торомъ, полагаетъ, однако, что при столкновеніяхъ эстовъ со скандинавами культъ Тора у послѣднихъ повліялъ на культъ эстонскаго божества, при чемъ вліяніе это выразилось въ посвященіи эстонцами Тору изъ деревьевъ—дуба, а изъ дней недѣли — четверга. — То же за 1894 (Юрьевъ. 1895). — *К. А. Hermann*: Ueber die Verwandtschaft d. chinesischen mit d. ugrischen Sprachen (стр. 167—180). По мнѣнію автора, является полная возможность утверждать, что «китайскій яз.—лишь наиболѣе сильный и объемистый сучокъ дерева, болѣе или менѣе значительные сучья котораго составляютъ всѣ угро-алтайскіе яз.—и между ними какъ японскій, корейскій, манджурскій, монгольскій, тюркскій, такъ и мадьярскій, черемисскій, мордовскій, лопарскій, финскій и эстонскій». *O. Kallaś*: Einiges über die Setud (стр. 81 — 105) — объ эстахъ-«полувѣрцахъ» Псковской губ. (ок. Печерскаго монастыря). Setud—насмѣшливое прозвище, даваемое полувѣрцамъ эстами-лютеранами; формальное отношеніе къ исполненію православныхъ обрядовъ, весенніе праздники, свадьба, одежда.

Н. Х.

Digitized by Google

Справочная книжка Самаркандской области на 1894 годъ. Изд. Самаркандскаго Областного Статист. Комитета. Вып. II. подъ ред. *В. Мирскаго.*

Наши окраины съ ихъ разноплеменнымъ населеніемъ представляютъ глубокій интересъ не только для этнографа, но и для всякаго образованнаго человѣка. Въ нѣкоторыхъ изъ памятныхъ книжекъ или сборниковъ мы и находимъ иногда поучительныя свѣдѣнія, къ сожалѣнію, дѣлающіяся извѣстными очень небольшому числу лицъ. А между тѣмъ эти матеріалы крайне важны. Такъ, въ вышеуказанной книжкѣ, помимо общихъ свѣдѣній о краѣ, мы находимъ не мало статей и очерковъ, которые представляютъ общій интересъ. Такъ, интересная статья *Л. Симоновой* (Хохряковой): «Чародѣйство, гаданіе и лѣченіе сартянокъ въ Самаркандѣ» знакомитъ съ цѣлымъ классомъ лицъ, занимающихся гаданіемъ и лѣченіемъ, при чемъ они пользуются уваженіемъ и довѣріемъ населенія. Во главѣ самаркандскихъ гадалокъ стоитъ Чаръ-Чиракъ (чародѣйка), посѣщеніе къ которой авторъ подробно описываетъ. Не менѣе интересна статья врача *К. М. Афримовича*: «Риштя», или гвинейскій червь, въ которой авторъ подробно описываетъ исторію его развитія, попаданія въ организмъ человѣка, способъ лѣченія знахарями и т. п. Кромѣ того, сообщаются и статистическія свѣдѣнія о риштѣ за 1889—91 годы, распредѣленіе больныхъ по возрасту, мѣсяцамъ, мѣстожительству. Врачъ *Н. С. Сукачевъ* даетъ небольшой очеркъ эндеміи зоба въ Самаркандской области; *М. Невѣсскій* представилъ списокъ деревьямъ и кустарникамъ, произрастающимъ въ С-й области. *І. Комаровъ* сообщаетъ «краткія свѣдѣнія о полезныхъ травянистыхъ растеніяхъ, встрѣчающихся дико въ горной странѣ верхняго Зеравшана». *Г. Вирскій* представилъ интересныя свѣдѣнія о пчеловодствѣ въ Самарк. области.

Д. Н—кій.

Адресъ-календарь и памятная книжка Пермской губерніи на 1895 г.—Не останавливаясь на обычныхъ извѣстіяхъ, помѣщаемыхъ въ подобныхъ памятныхъ книжкахъ, отмѣтимъ лишь приложеніе къ вышеупомянутой книжкѣ Пермской губерніи, озаглавленное: «Сборникъ матеріаловъ для ознакомленія съ Пермской губерніею», вып. VI. Первая статья въ указанномъ приложеніи посвящена извѣстному пермскому земскому общественному дѣятелю Д. Д. Смышляеву, такъ много сдѣлавшему для изученія Пермскаго края. Жаль, что къ статьѣ не приложенъ списокъ трудовъ покойнаго, въ числѣ которыхъ есть немало работъ по этнографіи и археологіи края. Вторая статья—«Выставка древностей Пермскаго края въ Перми 1894 г.», устроенная по иниціативѣ Пермской Ученой Архивной коммиссіи и Уральскаго Общества Любит. Естествознанія. Выставка имѣла успѣхъ, судя по числу посѣтившихъ ее: было болѣе 6 т. человѣкъ въ теченіе двухъ недѣль, и изъ числа ихъ было много крестьянъ. Затѣмъ идетъ небольшая статья о Пермскомъ экономическомъ обществѣ съ указаніемъ на исторію его возникновенія и первоначальную дѣятельность.

Digitized by Google

Интересна статья — «Бѣлая Гора и Бѣлогорскій Свято-Николаевскій православно-миссіонерскій мужской монастырь» (географическо-историческій очеркъ). Самая обширная и интересная статья въ приложеніи — «Очеркъ народнаго *образованія въ Пермской губерніи*», въ которомъ неизвѣстный авторъ представляетъ историческій ходъ развитія этого дѣла по уѣздамъ до открытія земскихъ учрежденій и положеніе его въ настоящее время.

Д. Н—кій.

Вологодскій иллюстрированный календарь на 1893 и 1894 гг. — Изд. Гудкова-Бѣлякова.—Въ этомъ изданіи за 1893 г., кромѣ обычныхъ календарныхъ и статистическихъ свѣдѣній, помѣщено нѣсколько статей по исторіи Вологодскаго края и города Вологды: «Начало и распространеніе христіанства въ Волог. губ.», «Хронологическій указатель Вологодскихъ монастырей», «Историческій очеркъ г. Вологды», «Домикъ Петра В. въ Вологдѣ»; кромѣ того, отмѣтимъ: «Топографическій очеркъ Вол. губ.» и «Кустарное производство въ Вол. губ.» за 1894 г.; достойна нѣкотораго вниманія замѣтка *П. Д.*: «Прозвища жителей нѣкоторыхъ городовъ Вологодской губ.», составленная какъ на основаніи личныхъ наблюденій автора, такъ и по книгамъ: Шевырева (поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь въ 1847 г.») и Сахарова («Сказанія русс. народа»). Кромѣ того, слѣдуетъ отмѣтить статью: «Св. Стефанъ Пермскій», съ приложеніемъ составленной имъ пермской азбуки, взятой изъ рукописнаго Номоканона 1510 г. библіотеки гр. А. С. Уварова. Напомнимъ, кстати, что св. Стефанъ Пермскій умеръ въ 1396 г. (26 апр.), и что, слѣдовательно, въ будущемъ году исполняется 500-лѣтіе смерти просвѣтителя зырянъ.— Далѣе слѣдуютъ статьи: «Городъ Устюгъ въ церковномъ отношеніи» (историко-стат. очеркъ) и «Очеркъ Вологодской флоры». Въ книжкѣ напечатанъ между прочимъ и снимокъ съ рукописи 1655 г., заключающей общественный приговоръ жителей г. Вологды относительно Спасо-обыденской церкви въ Вологдѣ.

Д. У.

Digitized by Google

2. Журналы и Газеты.

Архангельскія Епарх. Вѣд. 1895. *Н. А. Васильевъ:* Нѣчто о суевѣріяхъ и предразсудкахъ въ Архангельской епархіи. Новорожденнаго крестятъ не раньше, чѣмъ вымоютъ его въ 3-хъ баняхъ. Въ случаѣ болѣзни ребенка, въ высокой межѣ при полѣ прокапываютъ отверстіе, черезъ которое одна женщина передаетъ ребенка другой нѣсколько разъ (Пинежск. у.); суевѣрія при свадьбѣ, «отпускъ» скота; лѣченіе болѣзни посредствомъ поклоненія вѣтру, лѣсу, водѣ или тому мѣсту, гдѣ кто почувствовалъ себя больнымъ.

Ateneum. (Warszawa). **1895. Luty.** Рец. на кн.: Księga przysłów etc., S. Adalberga.—**Marzec.** Рец. на кн.: Kobieta w Polsce, studyum historyczno-obyczajowe, Zygm. Kaczkowskiego, и на кн. Maurycy Straszewski—Dzieje filozofii na wschodzie, Krak. 1894, гдѣ рѣчь идетъ между прочимъ о первобытной индійской общинѣ и ея измѣненіяхъ, объ языкѣ, письменности и обществ. устройствѣ Китая и пр.— **Kwiecień.** *Karol Weylepp*—о земельной собственности въ современн. Польшѣ.—**Maj.** *Aleks. Jabłonowski*,—о торговлѣ на Украинѣ въ XVI в.

Biblioteka Warszawska. 1895. Marzec. *B. Łosiński*, Tłum, szkic socyologiczny. I. Większość i mniejszość. (Толпа, соціологич. этюдъ. I. Большинство и меньшинство). Рец. на кн.: Adolf Pawiński.—Polska w XVI w. pod względem geograf.-statystycznym. T. V. — Mazowsze. Warszawa. 1895.—**Kwiecień.** Продолженіе статьи Лозинскаго: «Толпа». II. Tłum zbrodniczy. III. Miasto i wieś (Бродяги и разбойники. Городъ и деревня). Рец. на кн.: Księga przysłów etc. S. Adalberga, Warsz. 1895.

Варшавскія Университетскія Извѣстія.—I. *Проф. Ѳ. И. Леонтовичъ.* Національный вопросъ въ древней Россіи (оконч.).

Вятскія губ В. 1895 2,—4, 8, 10. Русская народная метафизика по пословицамъ. Попытка на основаніи пословицъ и поговорокъ освѣтить взгляды народа на міръ, человѣка, душу, разумъ, просвѣщеніе. **13.** *Аверкіевъ:* О жертвоприношеніяхъ животныхъ вотяками Пургинской вол., Сарапульск. у. Краткія свѣдѣнія о жертвоприношеніяхъ. **18.** *Я. Якимовъ*: Суевѣрія черемисъ Сарапульскаго у. 1) Чужой скотъ нельзя отнимать у волка, такъ какъ за это волкъ унесетъ у отнявшаго; 2) водяной.

Digitized by Google

Вѣстникъ Европы 1895. *Январь.* Рец. на кн.: Описаніе Амурской области (съ картой). Сост. Г. Е. Грумъ-Гржимайло, подъ ред. П. П. Семенова. Спб. 1894.—Рец. на кн.: Русскіе путешественники-изслѣдователи. Путешествіе по Туркестану Н. Сѣверцева и А. Федченко. Изложено М. А. Лялиной. Спб. 1895.—Рец. на кн. Мастро: Древняя исторія народовъ Востока. Пер. съ 4-го изд. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 1895. — *Февраль. А. Н. Пыпинъ.* Водвореніе новыхъ литературныхъ формъ. Первая теорія XVIII в. — Повѣсть, драма, лирика. — Рец. на: Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ. Т. XXV. Иркутск. 1894 и на кн.: Объ открытіи Троицко-Савско-Кяхтинскаго отдѣленія при Амурскомъ отдѣлѣ И. Р. Г. Общ. Иркутскъ, 1894.—Рец. на кн. Вацлава Сѣрошевскаго (Сирко): Якутскіе разсказы. Спб., 1895.—*Мартъ.* Рец. на кн. А. С. Пругавина: Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области просвѣщенія и воспитанія. Изд. 2-е значит. дополнено. Спб. 1895. Нѣсколько главъ этой книги посвящены т. наз. лубочной литературѣ, распространенію среди народа извѣстныхъ излюбленныхъ сюжетовъ въ книгахъ и лубочныхъ картинахъ, офенямъ Владимірской губ., (слободы Мстера, Холуй, Палеха) и т. д.—*Апрѣль. Н. И—въ*: Уѣздъ средняго поволжья. Авторъ даетъ очень разработанную картину экономическаго положенія крестьянъ одного изъ средне-поволжскихъ уѣздовъ.—Рец. на кн. И. Жданова: Русскій былевой эпосъ. Изслѣдованіе и матеріалы. I. — V. Спб. 1895.—Рец. на кн. Діонео: На крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири. Спб. 1895.—Рец. на кн. А. Я. Максимова: На далекомъ Востокѣ. Разсказы и были изъ жизни на отдаленной окраинѣ Россіи. Т. II. Спб. 1895.—Рец. на кн.: Les littératures populaires de toutes les nations. T. XXXII. Contes populaires de la vallée du Nil. Paris, Maisonneur, 1895.

Century. 1895. Янв. Статья *Florence O'Driscoll*: О наказаніяхъ, употребительныхъ въ Китаѣ.

Glasnik Zemalskog Muzeja u Bosni i Hercegovini. Sarajevo, god. VI, 1894. 3[1]). Профессоръ *Емиліанъ Лилекъ*: Древнія вѣрованія изъ Боснін и Герцеговины. (См. «Этн. Об.» кн. XXI, 227 стр.). III. Почитаніе животныхъ. IV. Почитаніе растеній. V. Почитаніе небесныхъ тѣлъ. (Матеріалъ богатый и интересный).—*Д-ръ Чиро Трухелка*, Изъ древнихъ рукописей. I. Наставленія противъ суевѣрій по одному древнему номоканону (ркп. ок. XVII в.). Главы: о чарованіяхъ, о травахъ, о прорицаніи, о волхвованіи и т. п. II. Рукописныя хроники начала XVI вѣка (далѣе нѣкот. новые факты изъ исторіи мѣстнаго края).—Съѣздъ археологовъ и антропологовъ въ Сараевѣ съ 15 по 21 августа 1894 (обзоръ).—4. Проф. *Емиліанъ Лилекъ*: Древнія вѣрованія изъ Боснін и Герцеговины (оконч.). VI. Жертвоприношеніе и очищеніе. VII. Гаданіе и заговоры (особ. подробно: стр. 632—674).—Смѣсь: *Х. Фазлагичъ*: Народныя лѣкарства изъ растеній.—*Sadik Eff. Ugljen*: Оригинальный обычай у мусульманскихъ поселянъ около Прозора. (Женщины, вопреки шеріату, не покрываютъ лица, чего не дѣлаютъ женщины городскія. Для объясненія

[1]) 2-й книги мы не получили.

Digitized by Google

этого приведенъ древній обычай, въ которомъ проглядываютъ черты «тайнаго рабства»).

Гродненскія Губ. Вѣд. 1894. 98. Русская народная метафизика (по пословицамъ прод. и окончъ. въ №№ 99 и 2, 1895 г. (Изъ «Прав. В.)». — **99.** Свящ. *Левъ Паевскій*: Каменецъ-Литовскъ и его древніе храмы (историч. очеркъ). Продолж. въ №№ 100:—церковно-народные праздники; далѣе слѣдуетъ краткое описаніе нар. обычаевъ при рожденіи дѣтей.— **1895. 1.** Свадебные обряды.—**3.** О нравственности населенія,—нар. медицинѣ, внѣшнемъ бытѣ (изба, надѣлы, занятія, ярмарки), юридич. понятіяхъ, сельскихъ сходахъ.—**5.** Ст. *Е. О.*: М. Свислочь Волковысская (историч. очеркъ); прод. въ №№ 7, 8, 9. — **7.** Сельскіе врачеватели (изъ «Орл. Вѣсти.».—Деревенскіе кабаки (отношеніе къ нимъ народа).—**10.** Пережитки древняго міросозерцанія у бѣлоруссовъ. Этнографическій очеркъ Богдановича. (Перепечатаніе съ переработкой автора изъ «Научнаго Обозрѣнія»). Продолженіе въ №№ 11, 12, 14, 18, 19 (не оконч.). Статья обильна интереснымъ и еще неизвѣстнымъ изъ печатныхъ источниковъ матеріаломъ; составлена по личнымъ наблюденіямъ автора. Жаль только, что авторъ не всегда указываетъ, къ какой мѣстности относятся его наблюденія. Болѣе интересныя изъ указываемыхъ почитаніе огня, воды, камней, земли (№ 11); почитаніе горъ (большая натяжка), хлѣба, деревьевъ, папоротника, разрывъ травы, змѣй и ужей (№ 12); объ очарованіи, заговорахъ (заговоры отъ укушенія змѣи, вывиховъ, передъ отъѣздомъ въ дальнюю дорогу, противъ внутряныхъ болѣзней, отъ „зъѣду", отъ сглазу (№ 14); о снахъ и сновидѣніяхъ, понятіе о душѣ и поминальные обряды, вупары (№ 18); чуръ, хатникъ, евникъ, лазникъ (№ 19).— **14.** Къ вопросу о Ятвягахъ и Черной Руси,—выдержки и отвѣты на странное письмо нѣкоего Виноградова о „Ятвезіи", помѣщенное въ „Кіев. Словѣ". — „Прощеный день встарину" (московскіе обычаи).— **17.** Туръ въ Сибири (съ выдержками изъ народн. сказаній и былинъ).

Досугъ и Дѣло. 1895. Мартъ. *Дьяновъ*: Какъ жили наши прадѣды. Жилыя мѣстности. **Апрѣль.** NN, Охота въ Сибири.

Духовный Вѣстникъ Грузинскаго Экзархата. 1895. 6, 7. Религіозно-нравственное міровоззрѣніе русскаго народа по пословицамъ. *Як. Чередин.*—**8.** Чествованіе св. Георгія въ Грузіи и Россіи. *Его-же.*

Журналъ Мин. Нар. Просв. 1894, Августъ. *Л. А. Сакетти*: О музыкальной художественности древнихъ грековъ.—Рец. на кн. М. К. Любавскаго: Къ вопросу объ удѣльныхъ князьяхъ и мѣстномъ управленіи въ Литовско-Русскомъ государствѣ.—Ѳ. Леонтовича: Очерки исторіи л.-р. права. Образованіе государственной территоріи.—Совр. Лѣтопись: *А. О—въ*, Н. М. Ядринцевъ (некрологъ).— **Сентябрь.** *Е. Н. Щепкинъ*: Скандинавскій обрядъ погребенія съ кораблемъ. Рец. на кн. В. Сергѣевича: Русскіе юрид. древности. Т. I, Территорія и населеніе; т. II, Власть. Daremberg et Saglio — Dictionnaire des antiquités grecques et romaines d'après les textes et les monuments, Paris, 1894. Въ отдѣлѣ классич. филол. статья *А. Ѳ. Энмана*: Легенда о римскихъ царяхъ, ея происхожденіе и развитіе (Продолж. въ слѣд.

Digitized by Google

кн. до конца года и въ 1895 г. февр.—апр....).—Октябрь. *Д. М. Поздняевъ:* Замѣтка объ изученіи Китая въ Лондонѣ и Парижѣ. *Г. А. Халатьянцъ*: Начало критическаго изученія исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго.—Рец. на кн.: Joh. Topolovšek—Die Basco-Slavische Spracheinheit, Wien, 1894. Отчетъ Общества Люб. Древней Письменности за 1893 г.—Ноябрь. *О. Пергаментъ:* Къ вопросу объ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ по древнѣйшему русск. праву.—*А. И. Соболевскій*: Изъ исторіи русск. языка.—*А. С. Хахановъ*: Памятники грузинской отреченной литературы (о Каинѣ, Сетѣ и Ноѣ; хожденіе Богородицы по мукамъ; успеніе Б—цы; эпистолія о Недѣлѣ; гадательныя и лѣчебныя книги).—*В. Ѳ. Миллеръ*: Къ былинамъ о Вольгѣ и Микулѣ.—Рец. на „Пѣсни русск. народа", собр. гг. Истоминымъ, и Дютшемъ, на кн. И. И. Лаппо:—Тверской уѣздъ въ XVI в.; его населеніе и виды земельн. владѣнія.—Отчетъ о 36 присужденіи наградъ гр. Уварова. (о кн. М. Любавскаго: Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Лит.-Русск. государства,—В. Ѳ. Миллера: Экскурсы въ область русск. эпоса, и др.—Декабрь. *И. А. Тихомировъ:* Обозрѣніе состава Воскресенскаго лѣтописца.—*Н. В. Волковъ:* Введеніе въ историческое изученіе русскаго языка.—*И. М. Тупиковъ:* Литературная дѣятельность царевича Ивана Ивановича.—*Н. А. Смирновъ:* Изъ литературной исторіи древне-русской образованности XVII столѣтія.—Критика и библіографія: *Л. Н. Майковъ*: Сочиненія Григорія Саввича Сковороды, собранныя и редактированныя проф. Д. И. Багалѣемъ.—*А. И. Соболевскій:* Н. Лихачевъ, Библіотека и архивъ московскихъ государей въ XVI столѣтіи. Спб. 1894.—*А. Л. Погодинъ*, W. Schwartz, Nachklänge prähistorischen Voksglaubens in Homer, Berlin, 1894.—**1895. Январь.** *П. В. Владиміровъ:* Введеніе въ исторію русской словесности (I. Общее понятіе о предметѣ и исторія его разработки. Источники и пособія, преимущественно по русской нар. словесности и древне-русской литературѣ. Дѣленіе исторіи русской словесности на періоды. II. Древнѣйшій (до-христіанскій) періодъ въ жизни русск. народа и отраженіе его въ преданіяхъ, языкѣ и въ нар. поэзіи. Язычество и христіанство. III. Русская народная поэзія и ея древнѣйшіе основы)—*С. К. Буличъ:* Дельфійскія музыкальныя надписи. Сообщаются свѣдѣнія о находкѣ въ 1893 г. при раскопкахъ въ Дельфахъ фрагментовъ гимновъ въ честь Аполлона; текстъ вырѣзанъ на камнѣ и сопровождается музыкальными знаками; исторія и результаты изученія указанныхъ памятниковъ, относимыхъ ко II—III вв. до Р. Хр. и приписываемыхъ аѳинскому поэту Клеохару. Въ статьѣ помѣщены текстъ и поты.—*И. М. Гревсъ:* Очеркъ по исторіи римскаго землевладѣнія во времена имперіи.—Рец. на кн.: P. Lacombe, De l'histoire considérée comme science, Paris, 1894; Новгородскія кабальныя книги 7106 (1597) и 7108 (1599—1600), Спб., 1894; Русская историч. библіотека, т. XII и XIV—Акты Холмогорской и Устюжской епархіи, Спб. 1890 и 1894 (Къ вопросу о крестьянскомъ прикрѣпленіи); E. J. von Tkalac, Jugenderinnerungen aus Kroatien (1749 — 1843). — Февраль. *В. М. Владиславлевъ*: Происхожденіе десятины, какъ земельной мѣры. Авторъ вы-

Digitized by Google

сказываетъ взглядъ, что первоначально подъ десятиной подразумѣвалась часть земли, обрабатываемая въ пользу хозяина, именно $^1/_{10}$ часть выти изъ 10 четвертей, употребительной на сѣверѣ, гдѣ, вѣроятно, и зародился обычай считать землю на десятины.—*Д. Н. Кудрявскій*: Рец. на кн. Heinrich Cunow—Die Verwandtschafts-Organisation der Australneger. Stuttg. 1894. — *А. П. Нечаевъ*—о кн. Вилг. Вундта: Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ, въ русск. перев. П. Я. Розенбаха, Спб. 1894.—**Мартъ.** *Вс. Ѳ. Миллеръ:* Замѣтки къ былинамъ (Хотѣнъ Блудовичъ, Ил. Муромецъ и городъ Себежъ).—*А. Н. Гренъ:* Грузинская повѣсть объ Амиранѣ, сынѣ Дареджана, и остатки сказаній о немъ въ картвельской народной литературѣ.—*В. И. Модестовъ:* Фалиски. (Новыя. археол. данныя объ этомъ народѣ.—Рец. на послѣднія изданія Правосл. Миссіонер. Общ. на разговорномъ калмыцкомъ языкѣ, (статья А. Позднѣева), на кн. W. Reichel'a: Ueber Homerische Waffen, Wien, 1894.

Записки Императорскаго Харьковскаго Университета. 1894. кн. 4. *Проф. И. В. Нетушилъ*: Очеркъ римскихъ государственныхъ древностей.—Библіографія: *Пр-доц. Ляпуновъ*: А. Шахматовъ, Изслѣдованія въ области русской фонетики. Варш. 1893.—*Пр-доц. Е. К. Рѣдинъ*: Н. П. Собко, Словарь русскихъ художниковъ, ваятелей, живописцевъ, зодчихъ, рисовальщиковъ, граверовъ, литографовъ, медальеровъ, мозаичистовъ, иконописцевъ, литейщиковъ, чеканщиковъ, сканщиковъ и проч. съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Т. I, вып. 1. Спб.

Иверія. 1895, 60. Библ.: Переводъ сборника груз. басенъ, извѣстныхъ подъ именемъ: «Книга мудрости и лжи» С. Орбеліани, на англійскій языкъ г-омъ Уордропомъ.—**70.** Христово Воскресеніе въ деревнѣ. *Арбоели.* — Англійскій журналъ о грузин. литературѣ. — **75.** Объ имени «Тамара». *А. Хах—швили.*—**78.** Представленія народа о землетрясеніи и затменіи солнца. *Н. Велисцихели.*

Изворъ. Иллюстровано списание за ученици и ученички (въ г. Руссе; ежемѣсячно, кромѣ іюля и авг.). *Іюнь* (1894). Езопъ (прод. см. «Э. О.» XXII).—*Сент.* Езопъ (прод.).—*Окт.* Езопъ (окон.).—*1895. Февр. Т. Ц. Т.:* Въ село (Картинки изъ современной жизни).—*Радославъ Козмановъ* (ученикъ): Милкина свадьба (изъ нашей народной жизни). Нѣсколько словъ о швейцарцахъ. Гл. I. (Народн. бытъ).—*Мартъ.* Народные праздники въ Швейцаріи Гл. II. (прод. предыдущаго. По этому же предмету рекомендуется статья д-ра *Д. Т. Стратимирова* въ журн. «Мисъль», годъ III, кн. I).

Искра. Всѣкимѣсечно научно-литературно и обществено списание. (Годъ V, Шуменъ). **Кн. 9.** *Дмитрій Анучинъ*: Търново и Шипка (оконч.). — *З. Кировъ*: Путевыя замѣтки (авторъ останавливается на достопримѣчательностяхъ нѣкоторыхъ мѣстъ Котленскаго округа).

Кавказъ. 1895, 60. Въ горахъ Дагестана (путевыя замѣтки и разсказы горцевъ). *Алихановъ-Аварскій.*—**69.** Культура кукурузы на Кавказѣ. *А. Натроева.*—**84.** Періодическія измѣненія ледниковъ (изъ ст. Charles Rabot, помѣщенн. въ «Illustration» (іюль 1894).—**95.** Библ.

Digitized by Google

Emile Levier. A travers le Caucase. Neuchatel. *Н. Дингельштедтъ*.—**98**. Махинанъ (Ингушская пѣсня-легенда).—**115**. Овцеводство и его промышленное значеніе въ Закавказьѣ. *А. Натроева*.

Карсъ. 1895, 3. О населеніи Карсской области.

Квали (еженед. груз. журналъ). **1895, 13.** По поводу собиранія груз. устныхъ произведеній по иниціативѣ писателя кн. Ак. Церетели. **16.** Къ статистикѣ грузин. народа. *А. Хаханашвили*.

Киргизская степная газета. 1894. 19. Легенда о происхожденіи кара-киргизъ.—**20.** Сказаніе о происхожденіи степныхъ киргизъ.—**33—35.** Положеніе современной киргизской женщины, по народн. пѣснямъ.—**46.** Грубая благодарность (киргиз. басня). — **47.** О суевѣріяхъ киргизъ: легенды о происхожденіи земли, о явленіяхъ природы и объ эпизоотіяхъ въ связи съ послѣдними.—**48.** Кирг. сказка. — **51.** Лирическія пѣсни киргизъ.—Ханъ и нищій странникъ (восточное сказаніе).—Татары и сарты (краткая характеристика).

Ковенскія Губ. Вѣд. 1894. (Прибавл.). **96.** Крѣпкіе напитки у др. индѣйцевъ (изъ «Прав. В.»).— **1895. 7—8.** *Дьделевъ*: Старообрядцы Яновской вол., Ковенской губ. и уѣзда (Помѣщено интересное описаніе молитвеннаго дома, порядка молитвословій и объ обязанностяхъ наставника яновскихъ старообрядцевъ).—**9.** Литовская княжна (мѣстная литовская легенда). Стихотв. *Бантыша*. Суть легенды: любящая дочь богатаго литвина не соглашается креститься, за что отецъ сажаетъ ее въ подземелье: до сихъ поръ изъ-подъ земли въ ночной тиши раздаются стоны и разносятся надъ Виліей.— **13.** Археологическая находка въ Ново-Александровскомъ у. (монеты XVII в.).

Костромскія Епарх. Вѣд. 1895. 4. Село Рылѣево, Галичскаго уѣзда (по церк.-прих. лѣтописи). — **5.** Народная легенда о св. Андреѣ Критскомъ (изъ «Бѣлор. сборн.» Романова, вып. 4; сдѣлано сопоставленіе съ житіемъ святого въ Чет.-Минеяхъ).—**7.** Апокрифическое сказаніе о Іудѣ-предателѣ (Іуда, какъ Эдипъ, убиваетъ своего отца и женится на матери).

Кубанскія Областн. Вѣд. 1895, 1, 3, 5. Рождественскія святки (отрывки изъ малорусскаго народнаго календаря).—**30.** Масляница (отрывки изъ малорусскаго нар. календаря).—**39, 40, 42.** Къ вопросу о происхожденіи хоперскихъ казаковъ. *Е. Фелицина*.—**53.** Замѣтки о частномъ землевладѣніи въ связи съ вопросомъ о необходимости введенія частнаго межеванія въ краѣ.—**57, 59.** Прогулка въ горы. *Ю. Бѣлоусова*.—**61, 62, 63.** Очеркъ (археол.) Кубанской обл. и Черноморья. *М. Сысоева*.—**69.** Великій постъ (отрывокъ изъ малорус. народ. календаря). *М. Дикарева*.—**76.** По поводу лекціи г. Сысоева. *Мельникова-Развѣдникова*.—**77.** Черноморская свадьба. *П. П. Короленка*.—**71, 72.** 32 года изданія «Куб. Обл. Вѣд.». *И. Дмитренка*.—**82.** Съ дороги (Сухумъ, Поти...). *Его же*.—**80.** Штунда.

Mélusine. 1894. Janvier — Février. *H. Gaidoz*: Le grand Diable d'argent, patron de la finance. Г-нъ Гэдозъ продолжаетъ издавать матеріалы, касающіеся представленія о дьяволѣ, искушающемъ деньгами лю-

Digitized by Google

дей всѣхъ сословій и занятій.—*H. Gaidoz*: La chanson de Petit-Jean.—*Th. Volkov:* La fraternisation. Продолженіе матеріаловъ, касающ. побратимства у разныхъ народовъ—вопросъ, которому Mélusine уже нѣсколько разъ давалъ мѣсто.—Chansons populaires de la Basse-Bretagne: XXXVII, Perrinaie, par M. Tamizey de *Larroque*; XXXVIII, XXXIX—XL, Chansons vannetaises, par M. F. *Cadic*.—M-lle de *Schoultz-Adaïevsky:* Airs de danse du Morbihan (suite)—*J. Tuchmann*: La Fascination: c) Thérapeutique (suite).—Bibliographie: рец. на кн. Alb. Dietrich: NEKVIA. Beiträge zur Erklärung der neuentdeckten Petrusapocalypse, Leipzig. 1893, и на кн. Madoc: An Essay on the Discovery of America by Madoc ap Owen Gwynedd in the Twelfth Century. By Thomas Stephens. Edited by Llywarch Reynolds. London, Longmans, 1893.—**Mars—Avril.** *H. Gaidoz*: L'opération d'Esculape. Прод. матеріаловъ, касающихся легендъ о св. Элоа (St. Eloi), покровителѣ кузнецовъ. Чудо святого заключается въ томъ, что онъ подковалъ лошадь не обычнымъ способомъ, но отрѣзавъ ей сначала ногу, а потомъ приставивъ ее уже подкованную на мѣсто. — *S. Berger*: Les noms des Rois Mages.—*G. Doncieux*: La pénitence de St. Madeleine, chanson catalone.—*H Gaidoz:* Les pieds ou les genoux à rebours.—*J. Tuchmann.* La Fascination: c) Thérapeutique.—*H. Gaidoz:* L'Anthropophagie·—Въ отд. библіографіи рецензіи на кн. Kachler, Reinhold: Aufsätze über Märchen u. Volkskunde. Berlin, Weidmann, 1894; на кн. Knoop, Otto: Sagen u. Erzählungen aus der Provinz Posen. Posen, Jolowicz, 1893; Journal de la Société Finno-Ougrienne T. XI. Helsingfors, 1893; на кн.: Legends of the Micmacs, by the Rev. Silas Tertius Rand. New-York and London, Longmans, Green a. C°. 1894.—**Mai—Juin.** *H. Gaidoz*: Le grand Diable d'argent.—J. Couraye du Parc: La procédure du jeûne.—M-lle Schoultz-Adaïevsky: Airs de danse du Morbihan (suite).—*P. Laurent.* Chanson populaires de la Basse Bretagne: XLI Sonnen er gouail.—*H. Gaidoz*: Les pieds ou les genoux à rebours.—*Tuchmann*: La Fascination: c) Thérapeutique (suite).—*H. Gaidoz*: Oblations à la Mer et présages.—*H. Gaidoz*: L'enfant qui parle avant d'être né.—*H. G.* L'Etymologie populaire et le Volk-lore (о св. Понедѣльникѣ—St. Lundi, покровителѣ башмачниковъ). Въ отд. библіографіи рец. на слѣд. книги: 1) P. Regnaud: Les premières formes de la religion et de la tradition dans l'Inde et dans la Grèce. Paris, Leroux, 1894. 2) The first nine Books of the Danish history of Saxo Grammaticus, by Oliver Elton and Fréderic York Powel. London, Nutt, 1894. 3) Volksgeneeskunde in Vlaanderen door A. de Cock. Gent, Vuylsteke, 1894.—**Juillet—Août.** *H. Gaidoz.* Le Cinqcentenaire de Mélusine (7 Août 1894).—*Его же*: Le Fraternisation.—*Его же*: L'Etymologie populaire et le Folk-lore.—*Его же*: St.-Eloi. Пространная монографія о святомъ: легенда, относящаяся къ нему, вѣрованіе, что онъ покровитель лошадей и кузнецовъ, братство имени его, существов. во Франціи. Въ отдѣлѣ библіографіи рец. на кн. Old Celtic Romances, translated from the Goelic, by P. W. Joyce, second édit, London,

Digitized by Google

Nutt, 1894; на кн. Alice Gomme: Children's Singing Games.—**Septembre—Octobre.** *G. Doncieux*: La Blanche Biche. Мотивъ пѣсенъ о бѣлой ланн: превращеніе въ лань женщины.—*H. Gaidoz*: Le mariage en Mai. Вѣрованіе у различныхъ народовъ, что браки въ маѣ несчастны. *P. Le Blanc*: Un chant de quête du Brivadais.—*Tuchmann*: La Fascination (suite).—*H. G.*: L'Étymologie populaire et le Folk-lore. Въ отд. библіографіи рец. на кн. Comte de Charencey: Le folk-lore dans les deux mondes. Paris, Klinchsieck, 1894.—**Novembre—Décembre.** M-lle *Schoultz-Adaïevsky*: Air sde danse du Morbihan.—L'Arc en Ciel.—*F. Cadic* et *Ernault*: Chansons populaires de la Basse-Bretagne.—*H. Gaidoz*: La Voie lactée.—*Его же*: La fraternisation.—*Его же*: L'Etymologie populaire et le Folk-lore.—*P. Boyer*: Sorciers et sorcières tchouktches, traduit du russe (фельетонъ А. К. въ «Русск. Вѣдом.»). — *Tuchmann*: La Fascination (suite).—L'enfant qui parle avant d'être né.—Рец. на кн. Sophie von Torma: Ethnographische Analogien; на кн.: G. Georgeakis et L. Pineau: Le folk-lore de Lesbos. Paris, Maisonneuve, 1894; на кн: Marjory Wardrop: Georgian folk tales. London, Nutt, 1894; на кн. A. Gomme: Children's Singing Games. Second series. London, Nutt, 1894.

Минскія Епарх. Вѣд. 1894. 24. *Богдановскій:* Монастыри Минской епархіи съ древн. времени (продолж. въ №№ 1 и 2, 1895 г.).—**1895, 1.** Замѣтки православнаго бѣлорусса (есть замѣтки о народн. праздн.).—**3—4.** *Вержболовичъ*: Второй періодъ существованія Минской духовной семинаріи (продолж.: 1817—1844 г.).

Моамбе. 1895. 2, 3, 4. Педагогическое и культурное значеніе народной поэзіи. *М. Кел—дзе.*—**3.** Волненіе въ горахъ въ 1804 году. *А. Прочели.*—**2—3.** Гогіа, разсказъ изъ крестьянской жизни. *Галдегили.*—**4.** Замѣтки о грузинскомъ языкѣ. *Гр. Кипшидзе.*—Шилда (археологич. описаніе). *Шилдели.*

Мцхеиси. 1895. 5, 6—8. Плачъ Адама по изгнаніи изъ рая, по рукописи, сохранившейся въ стихахъ (продолж.).—**5—8.** Проектъ преобраз. Грузіи, представленный царевичемъ царю Георгію XII.

Новгородскія Губ. Вѣд. 1895. 3. *А. К.* Тихвинскіе чухари. О кайванахъ, населяющихъ сѣв. и восточ. окрайны Тихвинскаго у., отъ с. Вонозера до Пелушъ; русскими называются «чухари»; малая распространенность русск. яз. среди чухарей, характеръ, курныя избы, экономъ. бытъ, передвиженіе лѣтомъ на «снычкахъ» (двѣ длинныя жерди, которыя припрягаютъ къ лошади, какъ оглобли экипажа; по срединѣ длины этихъ жердей укрѣпляютъ дощечки, на которыхъ помѣщаютъ багажъ путника; послѣдній садится верхомъ на лошадь). Сказительница былинъ крестьянка И. А. Ѳедосова. О пребываніи послѣдней въ Петербургѣ. — **7.** Среди Поозеровъ: способы ловли рыбы на Ильменѣ; суевѣрія.—**11—12.** Масляница; о празднованіи масляницы въ древн. Руси и въ настоящее время въ разн. мѣстностяхъ.—**13.** Прощеный день въ старину (XVII в.). *П. П. Соколовъ:* О значеніи приходовъ въ Новгородской землѣ до XVIII в.—**14—17.** *П. Соколовъ*: О значеніи приходовъ. — **18.** *Кн. Н. Еникѣевъ*:

Digitized by Google

Черезполосность, какъ зло крестьянскаго хозяйства.—*N.*: Ямъ-Ямелбицы, этногр. оч.; Ямелбицы — село Валдайскаго у. Преданія, этногр. бытъ Продолж. въ № 19: Клады, др. городище, сказаніе о Литвѣ.

Новое Обозрѣніе. 1895. 3843, 3844. Панмонголизмъ. *Ч. Р. Мостовичъ.*—**3850.** Библ.: «Этногр. Обозр.», кн. XXIII. *А. Хах—ва.*—**3855.** О грузинскомъ народномъ пѣніи. *И. Кариаретели.* — **3866, 3874.** Письма изъ Кахетіи (требованія духовенства съ крестьянъ).

Nuova Antologia. (Roma, 24 книги въ годъ). Anno XXIX. **1894. I.** Извѣстіе о судьбѣ этнографической коллекціи кап. Кука, привезенной имъ изъ третьяго путешествія съ острова Гавая и др. (по брошюрѣ проф. Giglioli въ Римѣ).—Извѣстіе о предпринятомъ фирмою Cambridge University Press изданіи въ нѣсколькихъ томахъ исторіи Будды, «Pali Játaka», съ англійскимъ переводомъ, подъ ред. проф. Cowell. Оригиналъ пали содержатъ первые 5 томовъ. — **II.** *Adolfo Venturi*: Il Presepe. (Изображеніе Рождества Христова въ послѣдовательномъ развитіи и видоизмѣненіи отъ катакомбъ до Корреджіо; затронуты и апокрифическія евангелія). — *Ginglio Adamoli*: A Cuba (путевыя наблюденія надъ жизнью рабочихъ на плантаціяхъ. Оконч. въ кн. III).—*P. Molmenti* e *D. Mantovani*: Le Isole della lagana Veneta (бѣглые наброски съ нѣкоторыми историко-археологич. и этногр. чертами).—Извѣстіе о выходѣ въ свѣтъ 2-го тома румынскихъ пѣсенъ, собр. Еленой Вакареско, въ переводѣ Карменъ Сильвы и Альмы Стреттель на англ. яз.): The Bard of the Dimbovitza (Лондонъ).—**V.** *Orazio Marucchi*: Notizia archeologica (по поводу изданія Академіей dei Lincei II и III том. «Monumenti antichi». Эти томы содержатъ преимущественно надписи этрусскія и критскія, изъ которыхъ одна величиною около 15 кв. метровъ содержитъ текстъ критскихъ законовъ, относящихся къ имуществу, наслѣдованію, браку, разводу, рабовладѣнію и пр. Высѣчена на мраморѣ около пятаго вѣка до Р. Х.). Рец. на кн. Gennaro Finamore: «Tradizioni popolari abruzzesi. Palermo. 1894», составляющую XIII т. собранія «Curiosità tradizionali», редактеруемаго Питрé. Д-ръ Финамора извѣстенъ своими этнографическими трудами; его Vocabolario dell'uso abruzzese вышелъ вторымъ изданіемъ съ дополненіями. — **VII.** *Mutius*: Giganti scomparsi. (Останавливаясь на результатахъ изслѣдованій Георга Мюллера, погибшаго на Мадагаскарѣ, авторъ касается исчезнувшихъ гигантовъ фауны, отчасти ставшихъ легендарными).—**IX.** *Mario Menghini*: «La Società nazionale per la studio delle tradizioni popolari». (Говоря о задачахъ названнаго общества, основавшагося въ Римѣ въ 1893 г., и о его журналѣ «Rivista per la tradizioni popolari italiane», авторъ касается современнаго положенія фольклористики въ другихъ странахъ).—Рец. на кн.: 1) Le tradizioni popolari di S. Stefano di Calcinaia (близъ Флоренціи), raccotte da Aless. de Gubernatis, con proemio di Angelo de Gubernatis. Roma. 1894; 2) Le vecchie danze italiane ancora in uso della provincia Bolognese, ricerche di Gospare Ungarelli. Roma. 1894. Сборникъ де-Губернатиса содержитъ народные разсказы, описаніе обычаевъ, повѣрья, нар. медицину, суевѣрн. молитвы, пословицы, загадки, пѣсни. Книга Унгарелли

Digitized by Google

основана отчасти на документахъ XIV — XVI вв. и главнымъ образомъ трактуетъ о XVIII в., между прочимъ на основаніи пьесъ народнаго репертуара. Рец. на кн.: La questione del divorzio e gli israeliti in Italia, del prof. Vittorio Polacco. Padova. 1894. — X. Рец. на кн. Ломброзо: «L'antisemitismo e le scienze moderne». Torino. 1894. Извѣстія о выходѣ въ свѣтъ книгъ: Bernard Lazare: L'antisemitisme, son histoire et ses causes; G. Masperi: Histoire ancienne des peuples de l'Orient; Smith, Dictionary of Mythology, Biography and Geography, нов. изд. подъ ред. G. Marindin; H. Schack-Schackenburg, Aegyptologische Studien, 2 vol. (Leipz.).—XI. Статья *Marucchi* о находкахъ въ римскихъ катакомбахъ.—Въ мелочахъ—извѣстія объ археологич. находкахъ въ разныхъ мѣстахъ Италіи, Сициліи и Сардиніи.—XII. *Filippo Porena*: Le spedizioni geografiche degli antichi Romani.—XIII. *Luigi Robecchi Bricchetti*: I nostri protetti, I Galla. (Общественное положеніе, нравы, обычаи, пѣсни—въ переводѣ).—XV. *Ersilia Caetani Lovatelli:* L'anticho culto di Bona Dea in Roma. (Эту богиню, носившую разныя мѣстныя наименованія, авторъ причисляетъ къ главнѣйшимъ божествамъ древнѣйшей италійской религіи и считаетъ ее принадлежностью культа пастушескаго и земледѣльческаго).—Рец. на кн. Domenico Merlini: Saggio di ricerche sulla satira contro il villano, con appendice di documenti inediti. Torino. 1894. — Извѣстія объ археологическихъ находкахъ въ Италіи.—XVII.—Рец. на Canti populari serbi, tradotti da Giov. Nicolić. Zara. 1894. — XVIII. *Giov. de Riseis*: Feste Giapponesi. Riccordo di viaggio. (Іокогама, Токіо — тезоименитство микадо и историч. праздникъ Chicù).—XIX. Рец. на кн.: 1) Un miracolo della Madonna, la legenda dello sclavo Dalmasina, ricerche di Leandro Biadene. Bologna. 1893. (Легенда о томъ, какъ Богородица замѣнила собою приверженную ей почитательницу, которую мужъ, для полученія богатства, записалъ на время въ распоряженіе дьяволу. Книжка представляетъ всестороннее изслѣдованіе). 2) La fede nel sopranaturale e la sua efficacia sul progresso della società umana, saggio storico-religioso di Luisa Anzoletti. Milano. 1894. (Этюдъ изъ исторіи религій съ нео-католическимъ оттѣнкомъ).—XXI. *Caterina Pigorini Beri*: I nostri confini: Dagli, Slavi ai Valdesi, замѣтки изъ поѣздки по сѣвернымъ окраинамъ Италіи и наблюденія надъ смѣшеніемъ народностей: итальянцевъ, французовъ и славянъ. Преданіе о чортовомъ мостѣ и пр. Особенное вниманіе удѣлено италіанизированнымъ словинцамъ, при чемъ мимоходомъ характеризуется ихъ костюмъ, пища, обычаи, вѣрованія, языкъ; упоминаются, напр.: powodwe device—водяныя дѣвы, русалки, bele zone—бѣлыя женщины, населяющія фантастич. страны, bozie deklice (dewice?)—божественныя дѣвы, rojence—рожаницы, skrat, skrater въ красной шапочкѣ, гроза дѣтей, покупающій также души людей при жизни, catez—получеловѣкъ, полукозелъ, покровитель пастуховъ, не любящій роговъ divzi (?) moz—лѣсной человѣкъ, любитель дѣвушекъ, tatrman—мѣстный Нептунъ, volkodlaki—упыри, polkonji—нѣчто въ родѣ кентавровъ, pesoglavci—пьющіе христіанскую кровь—память о набѣгахъ турокъ на Фріульскую область, заселенную славянами, tork или torklje—инкубы

Digitized by Google

прахъ, работающихъ въ среду и субботу, more—вѣдьмы, пролѣзающія въ замочную скважину, bradovike и krivopete—вѣдьмы съ вывороченными назадъ ногами, пятками впередъ, и разные другіе духи: duhovi, strahovi, movje и пр. (Оконч. въ кн. XXIII. При заглавіи указана относящаяся литература, преимущественно итальянская). Рец. на кн.: 1) Le Folk-lore de Lesbos, par G. Georgeakis et Léon Pineau. Paris. 1894. (Пино раньше уже издалъ Contes populaires du Poitou и Folk-lore du Poitou). 2) Proverbi toscani, specialmente lucchesi, raccolti dal prof. Ildefonso Nieri. Lucca. 1894. Это дополненное изданіе прежняго труда: Modi proverbiali toscani (1893); еще раньше (1889 и 1891) Ньери издалъ Racconti popolari lucchesi. Собранію пословицъ предшествуетъ изслѣдованіе о нихъ. Кстати будетъ напомнить старые сборники итальянскихъ пословицъ Giusti и Capponi. Firenze. 1853.—**XXII.** *Luigi Robecchi Bricchetti*: I nostri protetti: gli Harrarini e i commerci coll' Harrar. (Авторъ относитъ племя Harrar вмѣстѣ съ описанными имъ раньше Galla и Somali къ одной эѳіопской вѣтви. Попутныя наблюденія надъ разными сторонами быта, легенда о шейкѣ Абадирѣ и пр.). Рец. на кн.: 1) Usi nuziali nel centro della Sardegna, descritti da Francesco Poggi. Sassari. 1894. 2) Antonio Veneziano nella tradizione popolare siciliana, discorso di Giuseppe Pitré. Palermo. 1894. (А. Венеціано, народный итал. поэтъ XVI в., рисуется въ народномъ воображеніи, почти наравнѣ съ Виргиліемъ, съ нѣкоторыми миѳическими чертами.—Извѣстіе о выходѣ въ свѣтъ (Paris, Larousse) вторымъ изданіемъ книги: La Russie géographique, ethnologique, historique, religieuse, littéraire, artistique, scientifique, pittoresque etc., составленной при участіи многихъ сотрудниковъ, съ 200 гравюр. и этнографической картой въ краскахъ.—**XXIII.** Dagli, Slavi ai Valdesi (см. кн. XXI). Рец. на кн.: 1) Chants des bédouins de Tripoli et de la Tunisie, trad. d'après le recueil du dr. H. Stumme par Adrien Wagnon. Paris. 1894. 2) Una reduzione tosco-veneto-lombarda della legenda versificata di S-ta Caterina d'Alessandria, a cura di Rodolfo Renier. Roma. 1894.—Археологическія извѣстія. Извѣщеніе о выходѣ въ свѣтъ (Лондонъ, Heinemann) книги Henry Lavage-Landor: Corea; its customs and people, съ рис.—**XXIV.** Рец. на кн.: 1) Canti popolari calabresi, raccolti dagli Ufficiali ed Allunni del Convitto Nazionale «Tommaso Campanella» di Reggio di Calabria. Siena. 1894; 2) Les divinités de la Victoire en Grèce et en Italie, d'après les textes et les monuments figurés par André Baudrillart. Paris. 1894.—Извѣстіе о выходѣ въ свѣтъ кн. d-r Waddel'a о Буддизмѣ въ Тибетѣ (Лондонъ, Allen) и предпринимаемой издателемъ Giun et C° (Pensylvania) серіи по исторіи религій: The religion of India, by E. W. Hopkins; The religions of Babylonia and Assyria, by Morris Jastrow; The religion of the ancient Teutons, by P. D. Chantepie. — Anno XXX. **1895, I.** *Gino Monaldi*: I canti popolari e la loro influenza sull'opera teatrale. (Общія замѣчанія, историческія справки, примѣръ Беллини).—*Luigi Bobecchi Bricchetti*: I nostri protetti—Abissini e Somali. (Общая характеристика, семейный и юридч. бытъ, поэзія, пѣвцы gabbajá, вѣро-

Digitized by Google

вания, религіозныя общины, занятія). Рец. на кн.: Il Natale nel Cavanese», pubblicato e commentato da Cost. Nigra e Delf. Orsi: Torino. 1894. (Книга трактуетъ о рождественской народной драмѣ)—I—II. *Carlo de Stefani.* La lotta dei popoli nella penisola Balcanica. (Борба народностей на Балкан. полуостровѣ).

Пермскія Губ. Вѣд. 1895. 2. Изъ Кунгурскаго уѣзда (нѣсколько данныхъ о кустарномъ сапожномъ промыслѣ).—**3.** Находки въ Гватемалѣ (оружіе).—**12.** По Чердынскому уѣзду (бытовой очеркъ, окончаніе).—**13.** Черемисы Пермской губ. (извлеченіе изъ доклада Д. П. Никольскаго въ Географ. О—вѣ въ СПб.).—**14.** А. Васнецовъ: «Пѣсни сѣв.-восточной Россіи» (рецензія).—**19.** Пермскіе кустари.—**62.** *Дмитріевъ:* «Ураза» въ башкирской деревнѣ (магометанскій постъ).—**65.** Въ глуши (бытовой очеркъ Чердынскаго уѣзда).—**66.** Камско-Волжскій край и Черноморье.—**78.** Первое посѣщеніе Россіи китайцами (историч. очеркъ).—**85—86.** Корейская королева (Изъ «New-York-Herald»).—**89.** Древнѣйшая библіотека въ мірѣ (археолог. находки въ Ниневіи).—**95.** *Дмитріевъ:* По башкирскимъ деревнямъ. «Байрамъ».

Пермскія Епарх. Вѣд. 1895. 4. Краткая исторія происхожденія австрійскаго священства.—**7.** Свящ. *Холмогоровъ:* Георгій Конисскій, арх. бѣлорусскій (по случаю 100-лѣтія кончины).

Просвјета, Лист за цркву, школу и поуку. На Цетиньу. Год. II. (1894). Св. XI. *Симо С. Теричъ:* Злая жена. Хозяинъ и поденщикъ (народ. разсказы).—*С. Баньац:* Загадки (изъ Боснійской Краины: 57—85).—*Херцег-Нови* (сообщ. В. Радојевичъ): Сербскія народныя поговорки и разныя изреченія (оконч.).—*Гавра В. Гојковичъ:* Женскія народныя пѣсни (изъ Славоніи).—**Св. XII.** *С. Баньац:* Загадки (изъ Босн. Краины).—*Симо С. Теричъ:* Народныя пословицы.—*Ево же:* Отрывки эпич. пѣсенъ.—*Гојковичъ:* Женскія пѣсни.—**Год. III (1895). Св. I** (ноябрь 1894 г.).—*Н. П. Анджеличъ:* Царь и зол. яблоня (народн.).—*Ил. Н. Златичанин:* Юнацкія пѣсни.—*Гојковичъ:* Женск. нар. пѣсни (изъ Славоніи).

Русская Мысль. 1894. Декабрь. *В. И. Семевскій:* Рабочіе на сибирск. золотыхъ промыслахъ въ 60-хъ гг. (оконч.).—*А. А. Исаевъ:* Замѣтки о нѣмецкихъ колоніяхъ въ Россіи.—*И. Д—овъ:* Психологія «преступной» толпы.—*Л. А. Кирилловъ:* Японія, ея государственный, общественн. и экономич. строй (оконч., см. окт.).—*В. Д. Соколовъ:* Москва—Самаркандъ (оконч.).—Рец. на кн.: Etude ethnographique et juridique sur la famille et le mariage arméniens, par. Ad. Mégavorian, Lausanne, 1894.—**1895. Январь.** *В. И. Семевскій:* Нѣсколько словъ въ память Николая Михайловича Ядринцева.—Рец. на кн. Э. Реклю: Земля и люди. Т. XII и XIII. СПб. 1893.—Рец. на кн.: Матеріалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ и инородцевъ Зап. Сибири. Вып. XXI.—Рец. на кн.: Главнѣйшія данныя поземельной статистики по изслѣдованію 1887 г.—Рец. на кн.: Волости и населенныя мѣста 1893 г.—**Февраль.** Рец. на кн. В. В.: Артель въ кустарномъ промыслѣ. СПб. 1895.—Рец. на брош. С. Ф. Руднева: Промыслы крестьянъ

Digitized by Google

янъ въ Европейской Россіи.—**Мартъ**. *Л. С. Личковъ*: „Гдѣ правда“? (Къ вопросу о „поѣздкахъ“ для изслѣдованія Сибири). По поводу доклада проф. Гарничъ-Гаранцкаго: Изъ поѣздки по Восточн. Сибири, чит. въ Вольно-Экономи. Общ. въ 1893 г.—Рец. на кн. Масперо: Древняя исторія народовъ Востока, перев. съ 4-го изд. Изд. К. Солдатенкова. М. 1895.—Рец. на: „Алтайскій Сборникъ“. Изд. Общ. любителей изслѣдованія Алтая. Томскъ. 1895.—Рец. на кн. А. Краснова: По островамъ далекаго Востока. Путевые очерки. Изд. ред. „Недѣли“. СПб. 1895.—**Апрѣль**. Рец. на кн. Вацлава Сѣрошевскаго (Сирко): Якутскіе разсказы. Спб. 1895.

Русское Богатство. 1895. Январь. *Л. Закъ*: Историческій матеріализмъ (По поводу кн. Фр. Энгельсъ: Происхожденіе семьи, частной собственности и государства. СПб. 1894).—**Февраль**. *Н. А. Карышевъ*: Народно-хозяйственные наброски. XVII. Крестьянское землевладѣніе и община въ Херсонской губ.—Рец. на кн. В. Сѣрошевскаго (Сирко): Якутскіе разсказы. СПб. 1894.—**Мартъ**. *Н. М. Соколовскій*: Въ одномъ изъ захолустьевъ (очерки и наблюденія).—*Н. Карышевъ*: Народно-хозяйственные наброски. XVIII. Земледѣльческія орудія и пришлые рабочіе на Сѣв. Кавказѣ.—Рец. на кн. В. В.: Артель въ кустарномъ промыслѣ. СПб. 1894.

Самарскія Губ. Вѣд. 1895. 12—13. Верблюдоводство въ Тургайской области.—**26—28**. Древности, найденныя въ Самарской губ. и хранящіяся въ Сам. Публ. Музеѣ.

Саратовскія Губ. Вѣд. 1895. 4. Преданіе объ основаніи Мордовскаго села Донгузлей, Невѣркинской вол., Кузнецкаго уѣзда.—**7**. С. Колояръ, Волынскаго уѣзда (бытовой очеркъ).—**8**. С. Мокрое, Петровскаго уѣзда (толкованіе названій нѣкоторыхъ мѣстныхъ урочищъ.—**16, 21, 28**. *Минхъ*: Историко-географическій словарь Саратовской губ. (нѣмецкая колонія Щербаковка, село Жирное и Авиловъ поселокъ).—**19**. *Минхъ*. Археологическая находка—ископаемый быкъ (bos prim., туръ); найденъ черепъ въ с. Лохъ, Сарат. уѣзда.

Сибирскій Листокъ. 1894. 44. Н. М. Ядринцевъ (некрологъ).—**45**. Н. М. Астыревъ (некрологъ).—На крайнемъ сѣверовостокѣ Сибири (отчетъ поруч. *Олсуфьева* о командировкѣ въ Колымскій край).—**46**. Н. М. Ядринцевъ —По поводу статьи Осипова о поземельномъ устройствѣ сибирскихъ крестьянъ.—**47—48**. Еще нѣсколько словъ о Н. М. Ядринцевѣ.—**49**. Объ экспедиціи докт. Нансена (изъ Приамур. Вѣд.).—**50**. *К. Ш.*: Послѣдніе дни жизни Ядринцева.—**52**. Изъ якутской жизни (о мѣстныхъ скопцахъ по поводу статей гг. Діонео и Дагора).—**56**. Экспедиція барона Толя на Новосибирскіе острова.—**56—58**. *Карымскій, П.*: Ангарскія письма. VIII. (Кашина шивера. Глухая и Брянская шиверы. Селеніе Чадобецъ. Мурскій порогъ). — **59** и **57**. Замѣтка о статьѣ г. Чудновскаго: Очерки народ. юрид. быта Алтайскаго горнаго округа (Рус. Бог. 1894, 7—9).—**61**. *Проф. Якобій*: О причинахъ вымиранія инородцевъ.—**62—64**. *Швецовъ, С.*: Формы крестьянскаго землевладѣнія на Алтаѣ.—**74**. Командорскіе острова. Лекція г. *Гребницкаго*.—**75—77**. *—въ*: Одинъ изъ вопросовъ экономической жизни Обдорска.—**79**. Русскія селенія въ Семи-

Digitized by Google

рѣченской области (изъ «Степного Края»).—**84.** Объ экспедиціи Виггинса (изъ «Енис. Листка»).—**85—86.** *Г—въ, А.*: Очерки рыболовства въ нѣкоторыхъ округахъ Тобольской губ.—**87.** *Зарницынъ*: Замѣтка о статьѣ В. Семевскаго: «Рабочіе золотыхъ пріисках въ 60-хъ годахъ».—**88.** Положеніе населенія южной части Акмолинской области (о статьѣ Ю. Шмидта въ Зап. Сиб. Отд. И. Г. О., XVII, 2). — **90.** Жатаки (обѣднѣвшіе киргизы, изъ «Кирг. Газ.»)—**93.** *Штильке, В.*: Изъ жизни алтайской деревни.—**95.** Переселенія на Алтай въ 1893 г.—**96.** *Т. С. Л.*: Приамурскій край (по книгѣ г. Грумъ-Гржимайло).—Алтайскій сборникъ, вып. I. (рец.).—**98.** Забайкальское казачье войско (статист. данныя).

Смоленскій Вѣстникъ. 1895. 13. *Деревенскій житель*: Одиннадцатый. (Разсказъ старика: сапожникъ отъ бѣдности рѣшается похитить у покойницы кольцо съ руки, чѣмъ ее и оживляетъ.)—**15, 17.** *Деревенскій житель*: Дневникъ сельскаго обывателя.—**18.** Изъ народной метеорологіи («Сынъ Отеч.»). — **36.** По сѣверо-западному краю (Раскольники сѣв.-зап. края).—**42.** Радоница.—Смѣсь: Пасхальные обычаи и пѣсни въ Орловской губ. (дѣти—«лалынщики», выпрашивающія съѣстного).—**48.** Юхновскій уѣздъ (Волшебн. фонарь въ деревнѣ: чтеніе по зоологіи вызвало интересныя замѣчанія).

Смоленскія Губ. Вѣд. 1895. 1, 2. Святки на Руси (рождеств., перепеч. изъ «Прав. В.»).—**7.** Прощеный день въ старину (изъ «Прав. В.»).

Сѣверный Вѣстникъ. 1895. Январь. *А. Исаевъ:* Переселенческое дѣло съ начала 80-хъ годовъ.—Рец. на кн. П. Шейна: Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края, т. II.—**Февраль.** *Л. Павловъ*: Яблоко раздора (очеркъ Кореи).—Рец. на кн. «Путешествіе по Туркестану Н. Сѣверцева и А. Федченко». Изложено М: Лялиной. Спб. 1894. — Рец. на кн. «По средней Азіи», записки художника Л. Е. Дмитріева-Кавказскаго. Спб. 1894.—**Апрѣль.** *А. Исаевъ*: Памяти Н. М. Ядринцева, друга переселенцевъ.—*В. Стасовъ*: Мои воспоминанія объ Александрѣ Викторовнѣ Потаниной. — Въ отдѣлѣ: «Провинціальная печать» (Л. Прозорова) —замѣтки о крестьянскихъ артеляхъ Херсонской губерніи и о сектѣ «бѣлоризцы» въ Симбирскѣ.

Тобольскія Губ. Вѣд. 1894. 22. Киргизскія легенды о происхожденіи киргизъ. Алтай-пастухъ.—О богатомъ корунебаѣ.—Собачка и кошка (киргизская басня, перепечатана изъ «Кирг. Газ».). — **23.** Кара-Джигитъ (кирг. сказка, заимствов. изъ «Киргизской Степной Газеты», куда сообщена Войцеховичемъ).—**29.** Параша (изъ сибирскихъ сказокъ). *Ив. Устюжанина.*—**32.** Карагольская долина и водопадъ «Шинъ» (изъ экскурсій по Алтаю). *А. М. Головачева.* Описаніе природы долины; жители Алтая, ихъ жертвоприношенія, молитвы; жилище алтайца.— **33.** Старикъ Шіязъ (киргизская сказка, изъ «Кирг. Газеты», указывающая на борьбу человѣка съ природою).—**36.** Гиляки (по сахалинскимъ записямъ). *А. И. Угрюмова* (мѣстность, которую они занимаютъ, число ихъ, общественный и домашній бытъ, семья и взаимныя отношенія, школа въ селѣ Михайловскомъ для гиляковъ). — **52.** Черемисы. Этнографическій очеркъ *А. И. Угрюмова* (территорія, занимаемая ими, наружный видъ ихъ, религія и обряды).

Digitized by Google

Трудъ. 1895. Январь. Въ отдѣлѣ «За границей» (*М. Орлова*) — краткая замѣтка: «Практическая медицина у камбоджійцевъ». — **Февраль.** *Е. П. Ковалевскій*: Садъ боговъ. Пайкъ-Пикъ и Маншту. Гл. III.— Легенда индѣйцевъ о Великомъ Духѣ и о возникновеніи горы Пайкъ-Пикъ. — *К. Марьме*: Мертвецъ (ирландская сказка).—*С. И Уманецъ*: Японскій театръ. Очеркъ.—Въ отд. «За границей»—краткая замѣтка о конакахъ — жителяхъ Ново-Гебридскихъ острововъ (изъ La Science Illustrée) и о положеніи магометанскихъ женщинъ (изъ Ninetecuth Century). — **Мартъ.** Въ отд. «За границей»—замѣтка о религіозныхъ вѣрованіяхъ манчжуровъ (изъ Science Illustrée)—**Апрѣль.** Въ отд. «За границей»—замѣтка: изъ области камбоджійскихъ суевѣрій (изъ Revue Scientifique).

Туркестанскія Вѣд. 1894. 62, 64. Очерки быта каракиргизовъ, *Е. Ковалева*. Обрядъ похоронъ.—**67.** Библіогр. замѣтка: «Обзоръ 10-лѣтней дѣятельности амбулаторной лѣчебницы для туземныхъ женщинъ и дѣтей въ Ташкентѣ 1883—94 г. Составленъ женщинами врачами: А. Пославской и Е. Мандельштамъ». Изданіе Сыръ-Дарьинскаго Области. Стат. Ком. Ташкентъ. 1894 г.— **66, 67, 70, 71.** Извлеченіе *Тарновскаго* изъ доклада: Kafiristan, by G. S. Roberston, The Geographical Journal, September. 1894 г. Границы, природа, обычаи, религіозные обряды, наружность кафира, характеръ, домашній бытъ.—**72.** Изученіе кустарныхъ промысловъ Туркест. края. Докладъ дѣйствительнаго члена Т. О. И. Р. Т. О. К. М. *Оберучева*, читанный въ общемъ собраніи членовъ отдѣла 1 сент. 1894 г.—**77.** Библіогр. замѣтки *Лыкошина* объ «Этногр. очеркѣ киргизъ Перовскаго и Казалинскаго уѣздовъ. Соч. воспит. IV кл. Туркест. учительской семинаріи Худобая Кустанаева».

Университетскія извѣстія. Кіевъ. 1894. 11. *Проф. Т. Д. Флоринскій*: Лекціи по славянскому языкознанію. II. Сербохорватскій языкъ.— *Б. студ. І. Малиновскій*: Ученіе о преступленіи по Литовскому статуту.— **12.** *Н. Максимейко*: Источники уголовныхъ законовъ Литовскаго статута.—*Проф. Т. Д. Флоринскій*: Новѣйшіе труды по изученію южнославянской старины и народности: 1. Изслѣдованія акад. Ст. Новаковича. 2. Новые историческіе матеріалы изъ архивовъ Далмаціи. 3. Новые матеріалы для исторіи Босніи. 4. Посмертный трудъ акад. Фр. Рачкаго. 5. Новая находка въ области древней глаголицы. 6. Новоизданный памятникъ хорватской глаголической литературы. 7. Два труда по исторіи сербской церкви. — **1895.** 1. *Проф. П. В. Голубовскій*: Исторія Смоленской земли до начала XV в.—**2.** *То же* (прод.).—*И. Козловскій*: Сильвестръ Медвѣдевъ.

Уфимскія Губ. Вѣд. 1895. 7. *Никоновъ*: Описаніе селеній Новоспасской волости Мензелин. уѣзда.—**8—9.** Праздникъ Рождества встарину. — **15, 16, 28, 29, 37, 40—42, 60—62, 64, 66, 69, 78, 79.** *Свящ. Барсовъ*: Первые заселенцы и первые насадители христіанства и гражданственности въ Уфимско-Оренбурскомъ краѣ.—**19.** Свѣдѣнія объ олонецкой сказительницѣ Ѳедосовой.—**20.** Олонецкій сказитель В. П. Щеголенокъ (изъ «Прав. В».).—**21, 36.** Замѣтка наблюдателя (геогр. очеркъ

Digitized by Google

г. Троицка). — 55. Индійская легенда о происхожденіи мужчины. — 60. Древнерусское мартовское новолѣтіе.—62. Замѣчательная доисторическая находка (французъ. археологами Піэттъ и Делапартери въ департаментѣ Ландъ найдено 5 обломковъ человѣч. фигуръ изъ слоновой кости съ чертами монгольскаго типа).—70. С.-западный берегъ Гренландіи (замѣтка о путешествіи Эдвина Ассетрупа).—73. Распредѣленіе человѣчества по религіямъ (изъ «Церк. Вѣстн.»).—76. Сословіе «сошей» въ Японіи (изъ «Прав. В.»).—80. Объ этнографической коллекціи, характеризующей бытъ орочонъ, въ Хабаровскомъ музеѣ.—86. Отпечатки рукъ (восточный обычай употреблять, вмѣсто печатей, отпечатки пальцевъ, вымазанныхъ сажей).

Уфимскія Епар. Вѣд. 1895. I, 2, 5. Свѣдѣнія изъ народной медицины.

Херсонскія Епар. Вѣд. 1985. I. Моленіе о почившемъ Императорѣ Александрѣ III у коптовъ-ортодоксовъ въ Луксорѣ.—3. О сектѣ штундистовъ.

Школски Вјесник. Стручни лист земаљске владе за Босну и Херцеговину. 1894. VIII. На стр. 433 небольшая замѣтка по изслѣдованію *М. Халанскаго*: Южно-славянскія сказанія о королевичѣ Маркѣ въ связи съ произведеніями русскаго былевого эпоса.—IX. *Иванъ Зовко*: Изъ народной педагогіи. (Чтобы дѣти не умирали.—Противъ дѣтскаго плача).—*Јован Пржуљ*: Дѣтскія игры: «Зец», «Ромадане-Комадане», «Слијепи миш», «Зора», «Касалисице», «Цвијетье», «Бибер», «Животиња».—Антропологическо-археологическій конгрессъ въ Сараевѣ (съ 15 по 22 авг. 94.).—X. *Петар Радаковић*: Дѣтскія игры: «Ка́ше», «Синова», «Бостана», «Лопова», «Творавих кобила».—XI. *Его же*: Дѣтскія игры: «Анджаиса», «Ерберечке», «Сватова», «Шанац», «Зечева и керова», «Ме́те», «Ка̂ца».—XII. *Его же*: Дѣтскія игры: «Кратких конаца», «Рога», «Шапта лапта», «Поште».—1895. I. *Видосава пл. Продановић*: Дѣтскія игры: «Бројање јабука», «Муха», «Птичији пазар».—II. *Иванъ Кларичъ*: На колѣняхъ (пѣсни, которыя поетъ старшій ребенку, тряся его на колѣняхъ, №№ 1—8).

Digitized by Google

Новости этнографической литературы.

Архивъ юго-зап. Россіи, издав. комиссіею для разбора древн. актовъ, состоящей при кіевск., подольск. и волынск. генералъ-губернаторѣ. Ч. 8-я. Матеріалы для исторіи мѣстнаго управленія въ связи съ теоріею сословной организаціи. Акты барскаго староства XVII—XVIII вв. Кіевъ. 1894. 8°. 274+497 стр. 630 экз. Ц. 2 р.

Барсуковъ, Александръ: Свѣдѣнія объ Юхотской волости (Углич. у. Яросл. г.) и ея прежнихъ владѣльцахъ князьяхъ Юхотскихъ и Мстиславскихъ. Съ прилож. статьи объ юхотскихъ сокольихъ помытчикахъ. Изд. гр. С. Д. Шереметева. СПб. 1894. 8°. 78 стр.

Виклеръ-фонъ, П.: Русская геральдика. Вып. 3-й (326 рис.) Спб. 1894. 4°. 3+съ 113 по 176 стр. 1.200 экз. Ц. 3 р. (см. предыдущ. книги «Э. Обозр.»).

Витковскій, В.: За океанъ. Путевыя замѣтки. СПб. 8°. VIII+558 стр. 2.000 экз. Ц. 3 р. 50 к.

Вундтъ Вильг., проф.: Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ. Пер. со 2-го нѣм. изд. д-ра П. Я. Розенбаха. Съ 45 рис. СПб. 1894. 8°. X+465 стр. 2.010 экз. Ц. 5 р.

Голубевъ, А. А.: Къ исторіи бунта Стеньки Разина въ Заволжьѣ. (Изъ „Чт. въ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс. при Моск. Унив.“). М. 1894. 8°. 23 стр. 150 экз.

Голубовскій, П. В.: Исторія Смоленской земли до начала XV ст. Кіевъ. 1895. 4°. 334 стр. Съ картой. (Изъ «Университ. Извѣстій» 1895 г.).

Гротъ, Я. К.: Нѣсколько данныхъ къ его біографіи и характеристикѣ. (Автобіографія.—Мысли и замѣтки 40-хъ гг.—Стихотворенія.—Мысли, посвящ. въ Бозѣ почившему Государю Наслѣднику Николаю Александровичу.—Послѣдніе дни жизни Грота). Съ прилож. портрета, юбилейныхъ документовъ 1882 и 1892 гг. и библіогр. списка его сочиненій, переводовъ и изданій. Съ предисл. Наталіи Гротъ. СПб. 1895. 8°. 238 стр. Ц. 1 р.

Даневскій, В., проф.: Сравнительное обозрѣніе нѣкоторыхъ формъ народнаго суда. (Судъ шеффеновъ, сословныхъ представителей и присяжныхъ). Москва. 1894. 8°. 47 стр. (Изъ «Русск. Мысли»).

Дивишекъ, М. Ѳ.: О символическомъ значеніи Асклепія на основаніи Византійскихъ монетъ. Кіевъ. 1894. 8°. 98 стр. Съ рисунками. (На основаніи аттрибутовъ Асклепія на монетахъ, помѣщенныхъ А. Саллетанъ въ брош.: «Asklepies und Hygieia—die sogenannten Anathemata

Digitized by Google

für heroisierte Todte» разсматривается значеніе этого божества, уясняется связь его съ другими подобными, и основные элементы мива объ Асклепіи на почвѣ индо-европейскихъ сказаній. Къ основнымъ символамъ этого мива относятся: конь, змѣя, собака и пѣтухъ, которые и разбираются отдѣльно послѣ общаго вступленія о символахъ въ миѳологіи вообще. Авторъ—чистый миѳологъ и представляетъ Асклепія исключительно, какъ божество огня, молніи и свѣта вообще. *Н. Я*).

Дювернуа, А.: Матеріалы для словаря древне-русскаго языка. М. 1894. 8⁰ 234 стр. 600 экз.

Езерскій, Н.: Кустарная промышленность и ея значеніе въ народномъ хозяйствѣ. М. 1894. 8⁰. 124 стр. Ц. 75 коп.

Записки Приамурскаго Отдѣла И. Русс. Географич. Общества. Т. I, вып. 1. Нѣкоторыя данныя о положеніи рыболовства въ Приамурскомъ краѣ. Обработалъ *Н. А. Крюковъ*, агрономъ при приамурскомъ ген.-губернаторѣ. СПб. 1894. 8⁰. IV+87 стр. (Въ приложеніи: «Положеніе о Приамурскомъ Отдѣлѣ И. Р. Г. Общ.» 6 стр.).

Зерцаловъ, А. Н.: Объѣзжіе головы и полицейскія дѣла въ Москвѣ въ концѣ XVII в. (Изъ «Чт. въ И. О. И. и Д. Р. при Моск. Унив.»). М. 1894. 8⁰. 60 стр. 100 экз.

Истоминъ, В. А. Главнѣйшія особенности языка и слога комедіи В. В. Капниста «Ябеда» и романической новеллы И. Ѳ. Богдановича «Душенька». Оттискъ изъ «Русс. Филол. Вѣстн.». Варшава. 1894. 8⁰, 52 стр. (Отмѣчены, между прочимъ народныя мѣстныя и старусскія слова, формы и выраженія и художественные образы въ языкѣ этихъ писателей конца прошлаго вѣка, изъ которыхъ одинъ, Богдановичъ, какъ извѣстно, между прочимъ составилъ значительное собраніе народныхъ пословицъ и перефразировалъ ихъ въ стихотворную форму).

Катановъ, Н. Ѳ. Мусульманскія легенды. Текстъ и переводы. (Прилож. къ LXXV тому «Зап. Имп. Ак. Н. № 3). 8⁰. 44 стр. 200 экз. Ц. 40 коп.

Катановъ, Н. Ѳ. О погребальныхъ обрядахъ у тюркскихъ племенъ центральной и восточной Азіи. Казань. 1894. 8⁰. 34 стр. 100 экз.

Кирпичниковъ, А. Сужденіе дьявола противъ рода человѣческаго. (Памятникъ древней письменности CV.). Спб. 1894. 8⁰. стр. VI+съ 203 по 400. 510 экз.

Корелинъ, М. С., Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. Вып. II. Средневѣковыя церковныя готика и ея историческія основы. Съ 22 рис. въ текстѣ. М. 8⁰. 60+2 стр. 2.000 экз. Ц. 30 к.

Крановъ, А. Н., По островамъ далекаго Востока. Путевые очерки. Спб. 1895. 8⁰, 443 стр., ц. 2 р.

Красовскій, М. А., Русскіе въ Якутской области въ XVII в. (Изъ Казан. «Извѣстій Общ. Археол., Ист. и Этногр.. 1894, т. XII). Казань. 1895. 8⁰, 34 стр.

Лайдынь, А., Русско-латышскій словарь ко 2-му выпуску «Русская рѣчь» М. Вольнера. Рига. 1894. 8. 55 стр. 5.000.

Digitized by Google

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

Съ февраля текущаго года начало свое существованіе новое этнографическое общество во Львовѣ—Towarzystwo ludoznawcze, имѣющее цѣлью, во-первыхъ, научное изученіе польской народности и ея сосѣдей, а во-вторыхъ—обнародованіе и популяризацію добываемыхъ въ этой области свѣдѣній. Общество имѣетъ слѣдующія секціи: 1) археологическую, 2) антропологическую, 3) географическую, 4) лингвистическую, 5) литературную, 6) музыкальную, 7) промышленную и 8) соціологическую. Помимо центральнаго органа, общество имѣетъ въ виду устраивать въ разныхъ городахъ свои отдѣлы и сосредоточивать свою дѣятельность особенно на такихъ мѣстностяхъ, которыя мало затронуты научными изслѣдованіями. Въ числѣ важнѣйшихъ задачъ общество ставитъ себѣ, между прочимъ, опредѣленіе этнографическихъ границъ народности и территоріальнаго размѣщенія различныхъ говоровъ. Съ самаго почти начала своего существованія общество уже издаетъ свой ежемѣсячный журналъ „*Lud*“, подъ редакціей д-ра *Ант. Калины*. Въ журналѣ имѣютъ быть помѣщаемы какъ матеріалы, такъ и изслѣдованія, при чемъ редакція имѣетъ въ виду болѣе широкую публику и потому заявляетъ, что „постарается теоретическую часть сдѣлать возможно болѣе доступной для всей публики“ и будетъ „избѣгать научнаго балласта и академическихъ трактатовъ“. Важное значеніе редакція имѣетъ въ виду придать библіографическому и критическому отдѣлу журнала, и этимъ изданіе, главнымъ образомъ, будетъ отличаться отъ извѣстной серіи этнографическихъ трудовъ Оскара Кольберга подъ тѣмъ же заглавіемъ, въ память чего журналъ и получилъ свое названіе, являясь какъ бы продолженіемъ этой серіи. Кромѣ того, въ журналѣ помѣщаются разныя справочныя свѣдѣнія, вопросы, программы, отчеты о засѣданіяхъ общества, хроника и т. п. Вышли уже два выпуска Lud'a, по 2 печатн. листа каждый (апрѣль и май). Съ содержаніемъ ихъ мы познакомимъ въ слѣдующей книжкѣ.

Въ Бреславлѣ образовалось этнографическое общество—„Schlesische Gesellschaft für Volkskunde“, благодаря стараніямъ нѣсколькихъ лицъ, каковы: Fr. Vogt, W. Nehring, Holz, Jiriczek, Volz, Wagner.

Въ Вюрцбургѣ, въ Баваріи также открыло свою дѣятельность новоучрежденное этнографическое общество — „Verein für Bayerische Volkskunde und Mundartenforschung“. Предсѣдатель *O. Bremer*. Общество издало пока свое воззваніе и программу для собиранія народныхъ преданій.

Въ Греноблѣ основалось новое антропологическо-этнографическое общество—„Société Dauphinoise d'Ethnologie et d'Anthro-

Digitized by Google

pologie", которое также разослало свой циркуляръ, составленный секретаремъ г. Bordier, съ подробнымъ изложеніемъ значенія общества и его научныхъ задачъ.

На 66 съѣздѣ нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей, состоящемся въ концѣ прошлаго года въ Вѣнѣ, были сдѣланы, между прочимъ, нѣкоторые доклады, касающіеся не только общей, но и русской этнографіи. Отмѣтимъ, во-первыхъ, сообщеніе H. Leder'a о старинныхъ кладбищахъ въ Сибири, R. von Erckert'a — о пяти главныхъ вѣтвяхъ кавказскаго племени, затѣмъ: V. Haardt'a — къ этнографіи Балкан. полуостр., А. Маковскаго—о диловіальномъ человѣкѣ и пр.

Текущимъ лѣтомъ нѣкоторые изъ членовъ Этнографическаго Отдѣла отправились въ поѣздки съ научною цѣлью, а именно: М. В. Довнаръ-Запольскій — въ Гродненскую губ., В. К. Поржезинскій—въ Ковенскую губ., М. Н. Сперанскій—въ Курскую губ., А. С. Хахановъ—въ Тифлисскую и Кутаисскую губ., Н. Н. Харузинъ—на Алтай, А. И. Яцимирскій—въ Бессарабію и Румынію.

Комиссія по собиранію русск. народныхъ пѣсенъ при Имп. Русск. Геогр. Общ., продолжая начатыя ею занятія, командировала для этой цѣли спеціалистовъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, на Высочайше дарованныя средства.

На этихъ дняхъ въ газетахъ появилось прискорбное извѣстіе о смерти Мих. Петр. Драгоманова, скончавшагося въ Софіи на 54 году жизни. Некрологъ его будетъ въ слѣдующей книжкѣ.

Digitized by Google

Изданія Этнографическаго Отдѣла.

А) «Труды Этнографическаго Отдѣла».

		Р. К.
Т. IV.	Статьи *П. В. Шейна, Е. В. Барсова, В. Ѳ. Миллера, Ф. Д. Нефедова* и др. Сѣверный край, Бѣлоруссія, Поволжье и пр. (Вѣрованія, обряды, семейные обычаи, обычное право, путевыя наблюденія и пр.)	2 —
Т. V.	*П. С. Ефименко*: Матеріалы по описанію русскаго населенія Архангельской губ.	
	Вып. 1. Внѣшняя обстановка, пища, одежда; нравы, вѣрованія, обряды, врачеваніе; расколъ	2 50
	Вып. 2. Народное творчество (былины и пр.), языкъ	3 50
Т. VI.	*Ѳ. Я. Трейландъ*: Матеріалы по описанію латышскаго племени. (Пословицы, загадки, заговоры, врачеваніе и пр.; тексты съ русскимъ переводомъ)	3 50
Т. VII.	Статьи *Е. И Якушкина, А. С. Пругавина, Д. И. Иловайскаго, Нила Попова, В. Ѳ. Миллера, Ѳ. Е Корша, Д. Н. Анучина, Д. Я. Самоквасова, Н. М. Ядринцева, Макс. М. Ковалевскаго, В. М. Михайловскаго, Н. А. Янчука* и др. (Споры о народности гунновъ, обычное право, сектанство, кавказскія легенды и вѣрованія, свадьба у сѣдлецкихъ малоруссовъ, гиляки, черневые татары и пр.)	2 —
Т. VIII.	Статьи *В. Ѳ. Миллера, М. М. Ковалевскаго, Е. А. Покровскаго, Н. Л. Гондатти.* Некр. гр. Уварова, Костомарова, Дюверна; юридическ. бытъ кавказскихъ инородцевъ; вѣрованія остяковъ; народн. игры. Прилож.: *Программа для собиранія свѣдѣній по этнографіи—Н. А. Янчука, по обычному праву—М. Н. Харузина*	2 —
Т. IX.	Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія. Вып. I. Статьи *В. Ѳ. Миллера, Н. Н. Харузина, П. М. Богаевскаго, Н. А. Янчука, В. В. Кандинскаго* и др. (Юридическій бытъ, семейные обычаи, народн. космогонія, музыка; очерки Бѣлоруссіи, Олонецкой, Витск., Тамб., Казан. губ. и др.).	2 —
Т. X.	*Н. Н. Харузинъ*: Русскіе лопари. (Очерки прошлаго и современнаго быта). Съ рис. и картой.	3 50
Т. XI.	Сборникъ свѣдѣній для изуч. быта крестьянскаго населенія. Вып. II. *Н. А. Иваницкій*: Вологодскій край. *Ю. Н. Мельниковъ и М. Кукольникъ*: Вологодскія пѣсни (съ нотами).	2 —
	Вып. III. *В. П. Тихоновъ*: Матеріалы для изуч. обычнаго права крестьянъ Вятской губ. *В. П. Племянниковъ:* Указатель къ „Трудамъ коммиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ“ (рѣшенія вол. судовъ)	2 —
Т. XII.	*В. М. Михайловскій*: Шаманство. (Сравнительно-этнографическіе очерки)	1 50
Т. XIII.	*И. А. Житецкій*: Астраханскіе калмыки. Съ рис.	1 25

Б) „Алтайскіе инородцы“.

Статьи и изслѣдованія *В. И. Вербицкаго* . . . . . 2 —

В) „Русскія былины старой и новой записи“.

Новый сборникъ, подъ ред. *Н. С. Тихонравова* и *В. Ѳ. Миллера* 2 50

Г) „Этнографическое Обозрѣніе“.

За 1890—94 гг. по 5 р. за годъ.

Оставшуюся въ небольшомъ количествѣ брошюру Евг. Ляцкаго: „Олонецкій сказитель Ив. Троф. Рябининъ и его былины“, съ портретомъ сказителя, его напѣвами и текстами былинъ и стиховъ, можно получать черезъ редакцію „Этногр. Обозрѣнія“. Ц. 40 к. съ перес. (Москва, Политехнич. музей)

Digitized by Google

Годъ 7-й. Кн. XXVI.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1895, № 3.

подъ редакціей

Секретаря Этнографическаго Отдѣла

Н. А. Янчука.

МОСКВА.

Высочайше утв. Т-во Скоропеч. А. А. Левенсонъ. Коммиссіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ, Петровка, д. Левенсонъ.

1895.

Digitized by Google

Печатано съ разрѣшенія Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи. Москва, 10 декабря 1895 г.

Президентъ Общества *Д. Анучинъ*.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. Древне-арійскіе и древне-семитскіе элементы въ обычаяхъ, обрядахъ, вѣрованіяхъ и культахъ славянъ. *Александра Фаминцына*..... 1

II. Къ вопросу о происхожденіи киргизскаго народа. *Алексѣя Харузина*..... 49

III. Эпосъ ли—древнѣйшій родъ поэзіи? *Д. Матова*. Перев. съ болгарскаго *Н. Грунскаго*..... 93

IV. Изъ западно-европейской этнографической литературы. II. Новые матеріалы для изученія исторіи развитія семьи. (По Heinrich'y Cunow'y). *Н. Харузина*..... 105

V. Смѣсь:

Мелкія фольклористическія замѣтки. 6. Змѣй Горынычъ и Тугаринъ Змѣевичъ. *Г. Потанина*..... 114

Мусульманское сказаніе о св. Георгіи по Ат-Табари. *М. О. Аттая*. Съ предисл. *А. Кирпичникова*..... 122

Послѣднее мнѣніе румынскаго ученаго (Ar. Densusianu) о происхожденіи названія «Влахъ». *А. И. Яцимирскаго*. 135

VI. Критика и библіографія:

1. Книги, ученыя и справочныя изданія.....141—169

В. Ѳ. Миллеръ: Систематическое описаніе Дашковскаго Этнографическаго Музея. Вып. IV. *М. Сперанскаго*. (141).—А. Ѳ. Риттихъ: Четыре лекціи по русской этнографіи. *Н. Х.* (142).—Землевѣдѣніе, 1894, № 4 и 1895 №№ 1, 2—3. *Н. Х.* (143).—Алтайскій Сборникъ. Вып. I (1894). *Вл. Б.* (145). — Матеріалы по археологіи Кавказа, собранные экспедиціями Императ. Моск. Археологическаго Общества. Вып. IV: Христіанскіе

Digitized by Google

[illegible]

Digitized by Google

ДРЕВНЕ-АРІЙСКІЕ И ДРЕВНЕ-СЕМИТСКІЕ ЭЛЕМЕНТЫ ВЪ ОБЫЧАЯХЪ, ОБРЯДАХЪ, ВѢРОВАНІЯХЪ И КУЛЬТАХЪ СЛАВЯНЪ.

Содержаніе. Обрядные огни.—Живая вода.—Наузы. Красная нить.—Кровь, мясо и кожа жертвеннаго животнаго.—Поминальные обряды. — Переряживанія.—Первый снопъ.—Послѣдніе плоды.—Низверженіе жертвы съ высоты.—Коровій навозъ, какъ очистительное средство.—Черты культа балтійскихъ славянъ-язычниковъ: храмы (общій планъ, украшенія, храмовыя богатства, храмовая утварь, пурпуровыя завѣсы и одежды); идолы; верховный жрецъ; загадочныя параллели.

Міросозерцаніе народовъ славянскаго племени до настоящаго времени во многихъ отношеніяхъ сохранило языческій характеръ. Христіанство заглушило въ народѣ немало языческихъ представленій, замѣнило языческія имена древнихъ боговъ именами христіанскаго Бога и святыхъ; но, не взирая на тысячелѣтнее свое господство, оно не въ силахъ было сломить глубоко коренящіяся въ народѣ языческія преданія и вѣрованія, вытѣснить древніе языческіе обряды и обычаи, продолжающіе и нынѣ жить въ народѣ, связываясь съ праздниками и обрядами христіанской церкви. Главнѣйшіе христіанскіе праздники, по большей части, лишь замѣстили собою праздники языческіе: древнія названія ихъ замѣнились новыми, но характеръ ихъ въ народномъ обиходѣ почти не измѣнился; мало того, многіе праздники сохранили въ народѣ и языческія названія, продолжающія существовать рядомъ съ новыми, христіанскими, и даже имѣющія въ народѣ преобладающее значеніе. Такъ, напр., зимній праздникъ Рождества Христова носитъ на языкѣ разныхъ славянскихъ народовъ названія: „Божичъ“, „Божикъ“, „Коляда“; канунъ Рождества наиболѣе извѣстенъ подъ именами: „Бадній день“, „Бадній вечеръ“, „Щедрый (или Богатый) вечеръ“, „Корочунъ“. Другой главнѣйшій народный праздникъ, лѣтній, день св. Іоанна Крестителя, носитъ названіе „Купало“,

Digitized by Google

мѣстами „Ярило“. Великій весенній праздникъ Воскресенія Господня во многихъ мѣстахъ называется на народномъ языкѣ „Великимъ днемъ“; вторникъ на Святой Недѣлѣ именуется „Купальницей“, понедѣльникъ Ѳоминой недѣли—„Радуницей“, Юрьевъ день, а мѣстами Ѳоминъ понедѣльникъ—„Красной горкой“, канунъ Юрьева дня—„Ляльникомъ“, недѣля Св. Отецъ извѣстна подъ названіемъ „Русальной“, „Клечальной“, „Зеленой недѣли“, четвергъ на этой недѣлѣ—называется „Русалкинымъ великимъ днемъ“, праздникъ Пятидесятницы —„Русалья“, „Rusadlj“, „Turice“ и т. п. Кромѣ того, народъ въ разныхъ мѣстахъ имѣетъ своихъ особенно излюбленныхъ святыхъ, замѣстившихъ прежнихъ любимыхъ боговъ, и особенно почитаетъ ихъ память, вовсе не сообразуясь съ оффиціально установленными, такъ называемыми табельными, праздниками. Къ наиболѣе популярнымъ и почитаемымъ святымъ православныхъ славянъ принадлежатъ: свв. Георгій, Николай Чудотворецъ, Іоаннъ Креститель (или ап. Петръ) и прор. Илья; особеннымъ уваженіемъ пользуются также почитаемые парами святые: Борисъ и Глѣбъ, Флоръ и Лавръ, Козьма и Дамьянъ. Сюда же принадлежитъ и св. Пятница (Параскева), въ честь которой 12 разъ въ году празднуются такъ называемыя „временныя“ или „именныя пятницы“, предшествующія разнымъ большимъ годовымъ праздникамъ или слѣдующія за ними, кромѣ того, 9 „торговыхъ пятницъ“ въ теченіе 9 недѣль, начиная съ Пасхи; наконецъ, уваженіе къ св. Пятницѣ распространено такъ сильно, что даже всѣ 52 пятницы въ году считаются во многихъ мѣстахъ праздниками почти столь же важными, какъ воскресенье, и въ эти дни считается грѣхомъ работать, въ особенности прясть и пахать землю: „пятница не работница“, говорятъ великоруссы. По древнему языческому обычаю, субботы считаются по преимуществу днями поминовенія, посвящаются воспоминанію объ усопшихъ родичахъ и чествованію ихъ: по народному опредѣленію, „въ пятницу добрые люди не пряли, въ субботу родителей поминали“. Православная церковь, очевидно, сообразуясь съ древними народными преданіями, опредѣлила поминать усопшихъ, между прочимъ, въ субботы передъ праздниками Рождества Христова, Сошествія Св. Духа, Успенія Пресв. Богородицы; народъ же преимущественно справляетъ поминки, кромѣ кануна масленицы и дня Радуницы, въ субботы Троицкую, Покровскую и Дмитровскую.

Digitized by Google

Независимо отъ всего вышесказаннаго, нельзя не обратить вниманія на то, что народъ почитаетъ святыхъ христіанской церкви предпочтительно въ качествѣ представителей того или другого явленія, дѣйствія, занятія въ области преимущественно земледѣльческой жизни; оттого онъ придаетъ имъ эпитеты, соотвѣтствующіе времени года, занятіямъ, обычаямъ и обрядамъ, связаннымъ съ даннымъ временемъ, нисколько не заботясь о согласованіи этихъ эпитетовъ съ основнымъ характеромъ тѣхъ святыхъ и житіемъ ихъ, которое, конечно, въ большинствѣ случаевъ остается ему совсѣмъ неизвѣстнымъ. Въ Великой Руси почитаются, напр.: свв. Петръ Полукормъ (16 янв.), Аѳанасій Ломоносъ (18 янв.: „на Аѳанасья береги носъ“ отъ мороза), Тимоѳей Полузимникъ (22 янв.), Аксинія Полузимница (24 янв.), Василій Капельникъ (28 февр.—начало оттепелей), Евдокія Весновка (1 марта - начало весны), Кононъ Градарь (5 марта—начинаютъ копать огороды) и т. д. черезъ весь годъ. Очевидно, что христіанскіе святые, будучи гораздо многочисленнѣе, чѣмъ древніе языческіе боги, не только замѣстили послѣднихъ въ народномъ сознаніи, но и сами послужили къ увеличенію ряда обоготворяемыхъ представителей явленій природы, къ чрезвычайной спеціализаціи этихъ олицетвореній: говоря напр. о свв. Евдокіи, Николаѣ, Пантелеймонѣ, народъ имѣетъ въ виду именно Евдокію *Весновку*, Николу *Травника* или *Мокрая*, Пантелеймона *Паликопа*, т.-е. представителей весны, весенней зелени и влаги, лѣтняго палящаго зноя и грозъ, сожигающихъ копны.. Соотвѣтственно тому и главнѣйшіе христіанскіе праздники — Рождество, Пасха, Юрьевъ день, Ивановъ (или Петровъ) день, Троицынъ и Духовъ дни и др. въ средѣ всѣхъ славянъ, въ особенности же южныхъ и восточныхъ, сравнительно менѣе подвергавшихся вліянію цивилизаціи, и въ наше время еще сопровождаются обрядами и обычаями, не имѣющими ничего общаго съ христіанствомъ; напротивъ, всматриваясь въ эти странные и непонятные для городского „цивилизованнаго“ жителя обряды, съ непоколебимою стойкостью продолжающіе по сію пору бытовать въ простомъ деревенскомъ народѣ, мы невольно переносимся въ глубь языческой старины, передъ нами возстаетъ живая, интересная картина древняго языческаго быта славянъ.

Не только христіанскіе праздники, но даже и таинства христіанской церкви—крещеніе и въ особенности бракъ—обставлены

Digitized by Google

въ народѣ такими обычаями и обрядами, которые вполнѣ гармонируютъ съ упомянутыми выше праздничными обрядами, къ христіанскому же таинству никакого отношенія не имѣютъ. Христіанскій обрядъ того или другого таинства является только внѣшнимъ образомъ пристегнутымъ къ обрядамъ языческимъ. Извѣстно, напр., что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малой Руси до сихъ поръ бракъ считается дѣйствительно совершеннымъ только послѣ брачнаго пиршества—„весілля“—главнаго акта языческой свадьбы; церковное же торжество, не сопровождающееся „весіллемъ“, которое нерѣдко бываетъ далеко послѣ церковнаго вѣнчанія, не влечетъ за собою никакихъ послѣдствій состоявшагося брака, не даетъ ни супружескихъ правъ, ни обязанностей, которыя вступаютъ въ силу лишь послѣ свадебнаго торжества. Общество не допуститъ, чтобы новобрачная до „весілля“ перешла въ домъ новобрачнаго, не допуститъ до фактическаго супружества. Въ случаѣ смерти кого-либо изъ повѣнчанныхъ церковью новобрачныхъ до отправленія брачнаго пира, умершій хоронится, какъ холостой. Съ другой стороны, мѣстами встрѣчается обычай обходиться сговоромъ, безъ вѣнчанія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Бѣлой Руси церковный обрядъ, хотя и считается обязательнымъ, тѣмъ не менѣе сговоръ даетъ право жениху и невѣстѣ жить между собою брачно, и они, со дня сговора или „заручинъ“, называются уже молодыми, т.-е. новобрачными.

Не менѣе древними языческими обрядами обставлены похороны и въ особенности поминки по усопшимъ, сопровождаемыя жертвоприношеніями и возліяніями на могилахъ, которыя совершаются въ точно опредѣленные дни и промежутки времени, жертвенными трапезами и голошеніемъ причитаній, опять обнаруживающихъ совершенно языческій взглядъ народа на смерть и загробное состояніе усопшихъ, при чемъ христіанскіе погребальный и поминальные обряды опять являются только внѣшнимъ образомъ связанными съ обрядами языческими. Покойные родители и родственники представляются обыкновенно спящими непробуднымъ сномъ или горюющими, проливающими „горючія слезы“ во тьмѣ могилъ, въ узкихъ „домкахъ“; руки покойнаго крѣпко придавлены къ ретивому сердцу; „ясныя очи“ и „сахарныя уста“ его замкнуты; „бѣлое лицо“ его покрыто „ржавчиной“. Поминающіе сообщаютъ покойнымъ родителямъ, въ причитаніяхъ, о своемъ великомъ горѣ,

Digitized by Google

вѣсть о которомъ служитъ утѣшеніемъ переселившимся въ мрачную обитель мертвыхъ, напр.:

(Изъ великорусскаго причитанія дочери по отцѣ:)

„Скройсь-ко (т.-е. раскройся), да гробова доска,
Распахнитесь, да бѣлы саваны!
Отвалитесь, да ручки бѣлыя,
Отъ ретива, да отъ сердечушка,
Разожмитесь, да уста сахарныя!
Обернись-ко-ся, да мой родимый батюшка,
Перелетнымъ ты, да яснымъ соколомъ...
Ты обмой-ко, родимый мой батюшко,
Со бѣлова лица ржавщину...
Ты послушай-ко, родимый батюшко,
Горе-горькихъ нашихъ пѣсенекъ!“

(Изъ великорусскаго же причитанія по родителямъ и родственникамъ:)

„Родненькіе наши батюшки! не досаждайте своего сердца ретиваго, не рудите своего лица бѣлаго, не смежайте очей горючей слезой! Али вамъ, родненькимъ, встосковалося по отцу съ матерьей, по милымъ дѣтушкамъ, по ласковымъ невѣстушкамъ? И вы, наши родненькіе, встаньте, пробудитесь, поглядите на насъ, на своихъ дѣтушекъ, какъ мы горемычемъ на семъ бѣломъ свѣтѣ... Ужъ вы, наши родненькіе, взгляньте-ка на насъ, сиротъ, изъ своихъ домковъ, да потѣшьте словомъ ласковымъ...“

Что можно найти общаго между содержаніемъ приведенныхъ народныхъ причитаній и христіанскимъ воззрѣніемъ на загробную жизнь?

Итакъ, во всѣхъ сферахъ народной жизни, несомнѣнно, обнаруживается значительное преобладаніе или даже господство чистоязыческаго міросозерцанія. Мало того, главнѣйшія черты этого міросозерцанія съ удивительною послѣдовательностью проявляются и повторяются въ пѣсняхъ, поговоркахъ, заговорахъ, преданіяхъ, обрядахъ и обычаяхъ разныхъ славянскихъ народовъ, представляющихъ тѣсное фамильное родство. Понятно, что корень общихъ славянскимъ народамъ языческихъ вѣрованій, преданій, обрядовъ слѣдуетъ искать въ далекой обще-славянской старинѣ. Извѣстно, какъ крѣпко простой народъ держится исконныхъ, свойственныхъ ему,

Digitized by Google

освященныхъ стариною, унаслѣдованныхъ имъ отъ предковъ религіозныхъ понятій и обрядовъ и какъ скептически и враждебно, именно въ этой области, относится ко всему новому, непривычному, тѣмъ болѣе—иноземному, если оно способно нарушить издревле установленный, точно опредѣленный строй его домашней и общественной, обрядной и религіозной жизни. Не болѣе склоненъ бываетъ онъ къ принятію въ свои обрядныя пѣсни какихъ-либо новыхъ, чуждыхъ ему элементовъ. Если, слѣдовательно, существуетъ въ народѣ повсемѣстно какой-нибудь обрядъ, выраженный въ точно опредѣленной формѣ, связанный съ извѣстнымъ днемъ или временемъ года, или съ извѣстнымъ обстоятельствомъ или дѣйствіемъ въ кругу семейной или общественной его жизни, то такой обрядъ, безъ сомнѣнія, можетъ считаться древнимъ; если тотъ же обрядъ встрѣчается у разныхъ народовъ, между которыми не было настолько близкихъ, тѣсныхъ сношеній, чтобы можно было предположить возможность сильнаго между ними взаимодѣйствія, то такая общность даннаго обряда говоритъ въ пользу еще гораздо большей его древности.

Измѣненія внѣшнихъ, преимущественно климатическихъ условій, при которыхъ слагалась жизнь языческихъ славянъ, по мѣрѣ ихъ переселеній и разселеній (независимо отъ принятія ими въ позднѣйшія времена христіанства), неминуемо должны были отразиться и на ихъ религіи. Переходя изъ знойнаго юга на холодный сѣверъ, народъ невольно становился въ другія отношенія къ окружающей его природѣ: ясное, лазуревое южное небо, днемъ озаренное лучами благодѣтельнаго, но въ то же время грознаго, палящаго, всепожигающаго солнца, а ночью блещущее яркими огнями звѣздъ, на сѣверѣ замѣнилось блѣднымъ, большую часть года заволоченнымъ сѣрыми тучами небеснымъ сводомъ; сѣверный житель съ жадностью ловитъ каждый лучъ солнца, согрѣвающаго холодную почву, большую часть года скованную морозомъ, покрытую льдомъ и снѣгами. Въ сѣверныхъ широтахъ солнце естественно утратило всю свою грозную природу, получивъ на народномъ языкѣ названіе „матушки краснаго солнца“; звѣзды которыя играли столь важную роль въ религіяхъ южныхъ народовъ, преимущественно семитскаго племени, у славянъ—тѣмъ болѣе восточныхъ—почти вовсе потеряли свое миѳологическое значеніе; солнце сосредоточило на себѣ преимущественное вниманіе народа,

Digitized by Google

на солнце перенесены многія черты и свойства, въ древнія времена приписывавшіяся другимъ небеснымъ свѣтиламъ. Грозный, губительный для человѣка и всей живой природы южный зной, приносящій засуху и заразу, на сѣверѣ замѣнился холодною сыростью, лютыми вьюгами и морозами. На югѣ человѣкъ проводитъ большую часть своей жизни подъ открытымъ небомъ, невольно созерцая явленія окружающей его природы, на сѣверѣ же — онъ ютится въ теплой избѣ, защищающей его отъ ненастья, дождей и мятелей: вмѣсто яркаго звѣзднаго неба, онъ созерцаетъ пламя очага, которое любитъ и почитаетъ, какъ святыню.

Кромѣ климатическихъ условій, на строй религіознаго міровоззрѣнія человѣка вліяютъ и обстоятельства политическаго характера: смѣшеніе или даже сліяніе съ другими народами, покоряемыми даннымъ народомъ или покоряющими его, болѣе или менѣе оживленныя торговыя и иныя сношенія или столкновенія съ другими народами, успѣхи въ цивилизаціи и, наконецъ, нерѣдко встрѣчающееся въ исторіи народовъ непосредственное воспріятіе имъ новаго вѣроученія отъ болѣе сильныхъ, болѣе цивилизованныхъ сосѣдей. Всѣмъ поименованнымъ вліяніямъ неоднократно подвергались и народы славянскаго племени. Чѣмъ разнообразнѣе и сильнѣе были эти вліянія, тѣмъ бо̀льшія видоизмѣненія должно было съ теченіемъ вѣковъ претерпѣть и основное, древнее религіозное міровоззрѣніе славянскихъ народовъ. Въ настоящее время отъ прежней религіи сохранилось въ народѣ только нѣсколько малопонятныхъ ему именъ божествъ, которыя продолжаютъ удерживаться въ его памяти лишь въ силу того, что они входятъ въ составъ обрядныхъ пѣсенъ, обрядныхъ изреченій и пр. Послѣднія же, въ свою очередь, неразрывно связаны съ народными обычаями и обрядами, которые, хотя и являются обыкновенно утратившими въ народномъ сознаніи свое первоначальное значеніе, тѣмъ не менѣе обладаютъ чрезвычайною живучестью. Обрядъ обыкновенно и долженъ служить критеріемъ при объясненіи смысла сопровождающихъ его изреченій и пѣсенъ. Языческихъ обрядовъ сохранилось въ народѣ еще очень много, и они даютъ намъ способы къ проникновенію въ тайны древнѣйшихъ вѣрованій, давно утраченныхъ и забытыхъ, къ возведенію скудныхъ остатковъ древнихъ религіозныхъ представленій, о которыхъ, несомнѣнно, свидѣтельствуютъ многія народныя пѣсни и изреченія,

Digitized by Google

заговоры, поговорки и пр., къ первоначальному ихъ источнику, къ возстановленію ихъ въ первоначальномъ ихъ видѣ.

Языческія преданія и вѣрованія или суевѣрія славянъ, и нынѣ еще преисполняющія ихъ жизнь, какъ увидимъ ниже, находятся въ тѣсной связи съ вѣрованіями и преданіями древнихъ народовъ и при томъ не только арійскаго племени, на что неоднократно было уже указываемо изслѣдователями, но и семитскаго, на что еще мало было обращено вниманія. Нити, связующія данныя преданія, вѣрованія и сопряженные съ ними обряды во многихъ случаяхъ могутъ быть прослѣжены въ глубокую даль минувшихъ вѣковъ и тысячелѣтій, а потому возникновеніе ихъ должно быть отнесено къ этой далекой старинѣ или даже ко временамъ еще болѣе древнимъ. Многія черты языческо-религіознаго міровоззрѣнія и обрядовъ славянъ естественно и вразумительно объясняются древними памятниками восточныхъ народовъ, изъ чего, однако, не слѣдуетъ, чтобы всѣ онѣ непремѣнно были заимствованы изъ тѣхъ именно народовъ, въ сохранившихся болѣе или менѣе случайно памятникахъ которыхъ онѣ находятъ себѣ разъясненіе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ повторяющіяся въ древности и въ новѣйшее время черты народной жизни, обычаевъ, повѣрій могутъ быть возводимы къ одному, общему, древнѣйшему источнику—многовѣковой практикѣ первобытной жизни человѣчества: въ эту доисторическую эпоху должны были сложиться въ азіатской колыбели народовъ арійской и семитской семей основные элементы такъ называемой житейской мудрости этихъ народовъ, порождавшей извѣстныя религіозныя представленія и вѣрованія, извѣстные жизненные правила, обычаи и обряды, основной смыслъ которыхъ нынѣ, при значительно измѣнившихся условіяхъ жизни и взглядахъ народовъ, нерѣдко оказывается уже утраченнымъ изъ народнаго сознанія, но онъ не утратился для человѣчества, такъ какъ успѣлъ фиксироваться въ твореніяхъ писателей минувшихъ вѣковъ и тысячелѣтій. Въ другихъ случаяхъ возможны непосредственныя или посредственныя заимствованія однимъ народомъ отъ другого. Къ этой послѣдней категоріи должны быть отнесены, напр., рѣзко выдающіяся черты религіознаго быта и культа балтійскихъ славянъ-язычниковъ, обнаруживающія сильныя, въ данныхъ случаяхъ прочимъ славянамъ несвойственныя, вліянія семитскія и малоазійскія.

Digitized by Google

1. ОБРЯДНЫЕ ОГНИ.

Во многихъ мѣстахъ Малой и Бѣлой (отчасти и Великой) Руси существуетъ обычай на праздникъ Ивана Купала, т.-е. въ пору *высшаго солнцестоянія*, зажигать на горахъ и поляхъ *костры*. Обычай этотъ искони распространенъ не только среди и другихъ славянскихъ народовъ, но и вообще во всей западной Европѣ. Независимо отъ этого, почти повсемѣстно въ Европѣ до настоящаго времени удержалось обыкновеніе встрѣчать праздникъ Рождества Христова, отправляемый на противуположномъ полюсѣ годового круга, т.-е. въ пору *низшаго солнцестоянія*, возжиганіемъ *огней*. У южныхъ славянъ наканунѣ Рождества *сожигается* громадное *бревно*, носящее названіе „баднякъ“. Въ Галицкой и Малой Руси наблюдаютъ, чтобы во всю ночь на Рождество горѣлъ въ хатахъ *огонь*, мѣсто же южно-славянскаго бадняка заступила *солома*, которую *жгутъ* мѣстами на второй день праздника, мѣстами въ Новый годъ. Воспоминаніе о возжигавшихся встарину на праздникъ Рождества (на „Коляду“) кострахъ сохранилось въ нѣкоторыхъ мало-и галицко-русскихъ рождественскихъ пѣсняхъ („колядкахъ“), гдѣ, напр., упоминается „чудо-чудное, *огнемъ* страшное“, или изображается собраніе святыхъ кругомъ пылающихъ костровъ: „коло тыхъ *огневъ* усе святые“, наконецъ, говорится о пляскѣ кругомъ костра:

„Тамъ же горитъ терновый *огникъ*,
Колъ *огня* ходитъ широкій танецъ“.

Въ Великой Руси, напр., въ Саратовской губ., *сожигаютъ* наканунѣ Новаго года на улицѣ огромный ометъ *соломы*, называемый „Костромой“; въ Курской губ. наканунѣ Рождества и Крещенія *жгутъ навозъ* на дворѣ. И въ великорусскихъ святочныхъ пѣсняхъ сохранилось воспоминаніе о возжиганіи рождественскихъ костровъ, напр., по словамъ такой пѣсни, въ лѣсахъ дремучихъ „*огни горятъ* великіе“; другая колядка, записанная въ Саратовской губ., начинается словами: „за рѣкой *огонь горитъ*“. Въ западной Европѣ преимущественно сохранился обычай *сожигать* на Рождество, какъ у южныхъ славянъ, *бревно*, носящее въ разныхъ мѣстахъ разныя названія, напр., во Франціи — souche de noël, calendeau и т. п., въ Германіи — Weihnachstblock, въ Англіи — Yule-clog, въ Швеціи — Iula-brasa; въ сѣверной Италіи данный обычай называется: „arder il серро“ (жечь бревно). Словомъ, почти повсемѣстно въ Европѣ, въ обря-

Digitized by Google

[illegible] въ представленiяхъ и обычаяхъ народовъ древнѣйшей цивилизацiи.

По представленiю древнихъ арiевъ, огонь Агни низшелъ на землю съ неба въ видѣ молнiи. И земному, и небесному огню воздавались *божескiя почести*. Въ ведiйскихъ гимнахъ огонь представляется покровителемъ жилищъ, другомъ, царемъ, также отцемъ, *братомъ, сыномъ*, другомъ человѣка. Поэтому онъ признается здѣсь *благотворнымъ* по отношенiю къ человѣку [illegible], какъ *носитель* жертвоприношенiй къ богамъ, какъ разгонитель и губитель враговъ, какъ *собиратель* семьи у домашняго очага. Святость и чистота огня требовали особенно почтительнаго къ нему отношенiя, съ другой стороны, огню приписывалась *очистительная сила*: отсюда обрядъ сожиганiя мертвыхъ у древнихъ индусовъ, посредствомъ котораго умершiе очищались при переходѣ въ загробную жизнь.

Такую же *очистительную, возрождающую* къ новой жизни силу приписывали огню и семиты, но, кромѣ того, они въ небесномъ огнѣ, находившемся, по ихъ представленiю, въ высшей небесной сферѣ, видѣли источникъ солнечнаго блеска, источникъ грознаго, губительнаго, всепожирающаго лѣтняго зноя и сопряженныхъ съ нимъ засухи, заразы и т. п., и придавали, слѣдовательно, огню не столько благодѣтельное, сколько *страшное, гнѣвное, яростное, всепоядающее* и *истребляющее* значенiе. Въ книгахъ ветхаго завѣта неоднократно находитъ себѣ выраженiе такое представленiе огненной стихiи, неоднократно рисуется ослѣпительная картина области небеснаго огня, гдѣ въ грозной славѣ и величiи паритъ Владыка вселенной, карающiй и сокрушающiй пламенемъ, ниспосылаемымъ имъ съ неба. Пророкъ Данiилъ въ видѣнiи своемъ видѣлъ „Ветхаго днями", возсѣдающимъ на престолѣ, который былъ „какъ *пламя огня*". „Отверзлись небеса" пишетъ прор. Iезекiиль, „и я видѣлъ видѣнiя Божiя... великое облако и клубящiйся *огонь* и *сiянiе* вокругъ него, а изъ средины его какъ бы *свѣтъ пламени изъ средины огня*, и изъ средины его видно было подобiе четырехъ животныхъ... и видъ этихъ животныхъ былъ, какъ видъ горящихъ углей, какъ видъ лампадъ; *огонь* ходилъ между живот-

Digitized by Google

ными, и *сіяніе отъ огня и молнія исходили отъ огня*". Самъ Іегова является какъ бы олицетвореніемъ *небеснаго огня*: „Господь Богъ твой есть *огонь поядающій*"; „познайте могущество мое", говоритъ Господь... „кто изъ васъ можетъ жить при *огнѣ пожирающемъ*, кто изъ васъ можетъ жить при *вѣчномъ пламени*?" Давидъ такъ изображаетъ картину гнѣва Господня: „поднялся дымъ отъ гнѣва Его и изъ устъ Его *огонь поядающій*". Объ огнѣ, исходящемъ отъ Господа, приносящемъ смерть и разрушеніе, часто упоминается въ книгахъ ветхаго завѣта; Іегова — по-истинѣ *огненный Богъ*, являющійся въ разныхъ видовыхъ формахъ у разныхъ семитскихъ народовъ. Ассирійскій богъ огня *Адаръ* (величаемый иногда и эпитетомъ Маликъ-Молохъ) такъ характеризуется на древнихъ надписяхъ: „богъ, *освѣщающій народы и солнце*,", „*свѣтъ боговъ*", „страшный владыка храбрыхъ, царь силы, разоритель враговъ, покоритель непослушныхъ, истребитель мятежниковъ, царь желѣза", словомъ, какъ представитель войны, символомъ которой въ древности неоднократно служилъ огонь. У народовъ Ханаанскихъ, въ Сиріи и Финикіи, грозный представитель огня носилъ названіе *Молохъ* (Малахъ, Молехъ). Культъ его характеризовался приношеніемъ ему въ жертву людей (взрослыхъ и младенцевъ), *предававшихся пламени*. Обычай *сожиганія людей* въ честь Ваала-Молоха перенесенъ былъ финикіянами и въ Карѳагенъ, а оттуда — въ Сардинію, главнѣйшую Карѳагенскую провинцію. Жертвоприношенія эти частью повторялись періодически, частью обусловливались особыми обстоятельствами общественной и частной жизни и имѣли, соотвѣтственно тому, характеръ то умилостивительный (когда постигали народъ бѣдствія: война, засуха, чума), то обѣтный или благодарственный. Въ древнемъ Египтѣ былъ сходный обычай сожигать живыхъ людей въ честь бога засухи и огня, *Сета*, или *Сутеха* (*Тифона* греческихъ писателей). Это имѣло мѣсто во время каникулъ, т.-е. въ пору сильнѣйшаго зноя. Въ Галліи, въ культѣ Друидовъ, по словамъ греческихъ и римскихъ авторовъ, также существовали жестокіе жертвенные обычаи, обнаруживающіе вліяніе семитскаго культа Молоха; сооружались изъ прутьевъ колоссальныя человѣческія фигуры, пустыя внутри; онѣ наполнялись *живыми людьми*, иногда *людьми и животными*, *и сожигались*.

Нельзя не видѣть остатковъ этого древняго семитско-галльскаго обычая въ нѣкоторыхъ жертвенныхъ обрядахъ, сопровождающихъ

Digitized by Google

возжиганіе ивановскихъ костровъ. Во Франціи встарину *сжигались на ивановскомъ кострѣ живыя кошки* или *лисицы*, заключенныя въ корзинкѣ или въ мѣшкѣ. Въ Пиринеяхъ еще недавно существовалъ, а можетъ быть, еще и нынѣ существуетъ обычай *сожигать на ивановскомъ огнѣ живыхъ змѣй*. Раздирающіе крики и отчаянныя искривленія тѣла сгорающихъ живыхъ животныхъ привѣтствовались толпой громкимъ ликованіемъ и бѣшеными плясками кругомъ огня, напоминающими неистовыя пляски и бѣснованіе хананейскихъ народовъ кругомъ жертвенника Ваала-Молоха. Дальнѣйшее ослабленіе древняго семитскаго обычая представляетъ *сожиганіе на ивановскомъ кострѣ костей* мертвыхъ животныхъ (во Франціи) или *лошадиной головы* (въ Германіи). Въ одной галицко-русской купальской пѣснѣ сохранилось воспоминаніе о *сожженіи* („испеченіе“) *на ивановскомъ кострѣ* („соботкѣ“) слѣпой *кошки*:

„Долишняне! горишняне!
Сходьтеся до насъ на соботку,
Спечемы вамъ слѣпу котку“.

Въ Ижорѣ (въ окрестностяхъ Петербурга) еще въ прошедшемъ столѣтіи наканунѣ Иванова дня при пляскахъ *сожигали на кострѣ бѣлаго пѣтуха*. Эсты *бросаютъ въ огонь ивановскаго костра разные предметы* (камни, куски дерева, прутья и т. п.), въ качествѣ *жертвенныхъ даровъ огню*, произнося при этомъ: „мнѣ ленъ, огню — сорныя травы“.

Въ то время какъ во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ, относящихся преимущественно до западной Европы, костры, возжигаемые въ пору высшаго солнцестоянія, являются *жертвенными* огнями, на которыхъ богу небеснаго огня приносятся въ даръ живые и не живые предметы, они у славянъ болѣе или менѣе утрачиваютъ жертвенный характеръ, а пріобрѣтаютъ предпочтительно *символическое* значеніе, служа какъ-бы *эмблемой небеснаго огня*, уничтожающаго и пожигающаго расцвѣтшую весною природу: у славянъ на ивановскомъ кострѣ сжигается молодое дерево («маикъ») или соломенная кукла («Марена», «Купало» и т. п.), или цвѣты и вѣники, служащіе символами божества весенняго плодородія (ср. мой очеркъ: «Богиня весны и смерти въ пѣсняхъ и обрядахъ славянъ». Вѣстникъ Европы 1895 г. іюнь и іюль). Самый огонь ивановскихъ костровъ во многихъ мѣстахъ носитъ въ

Digitized by Google

народѣ характеристическія названія: «живой огонь», «царь огонь» (Новгородск. губ.), «божій огонь», «небесный огонь»—«Himmels feuer» (въ Швабіи), и даже «средо-лѣтній Ваалъ»—«Midsommersbaal» (въ Даніи).

Я упоминалъ уже выше о томъ, что древніе народы какъ арійскаго, такъ и славянскаго племени приписывали огню вообще *очистительную силу*. На томъ же представленіи основаны разныя обрядныя дѣйствія, которыми сопровождается возжиганіе обрядныхъ костровъ: такъ повсемѣстно у славянъ распространенъ обычай *проводить скотъ черезъ пламя костровъ* (не только ивановскихъ, но и масленичныхъ, пасхальныхъ) и *скакать черезъ ивановскіе костры*, съ цѣлью обезпеченія себя отъ погубныхъ вліяній злой, нечистой силы, словомъ—для очищенія отъ недуговъ настоящихъ и будущихъ. Тотъ же обычай соблюдается и у многихъ европейскихъ народовъ, съ тою же цѣлью очищенія. Во Франціи не только *скачутъ черезъ огонь* взрослые, но *переносятся* черезъ него и дѣти. Въ Шотландіи молодые люди *скачутъ черезъ огонь*, въ то время какъ пожилые бормочатъ молитву; дѣвушки *переходятъ черезъ пламя костровъ* въ надеждѣ получить жениха, беременныя женщины—чтобы роды были легки. И шотландцы *переносили черезъ огонь* дѣтей. Въ Греціи женщины, *прыгая черезъ ивановскіе костры*, восклицаютъ: «избавляюсь (т.-е. очищаюсь) отъ грѣховъ». Обычай во время скотскаго падежа *зажигать огонь* посреди скотнаго загона и *проводить черезъ него скотъ*, съ цѣлью предохраненія его отъ заразы, былъ извѣстенъ уже въ древней Индіи. Провожденіе же дѣтей черезъ огонь было обычаемъ весьма распространеннымъ у народовъ семитскихъ, о чемъ неоднократно свидѣтельствуютъ книги ветхаго завѣта, напр.: «не долженъ находиться у тебя *проводящій сына своего или дочь свою черезъ огонь*». Сыны израилевы, впадая въ идолопоклонство, поклонялись Ваалу и «*проводили сыновей своихъ и дочерей своихъ черезъ огонь*». Обрядъ этотъ, по свидѣтельству другихъ мѣстъ, совершался въ честь Ваала-Молоха, при чемъ остался еще неразъясненнымъ, было ли цѣлью этого обряда очищеніе проводимыхъ черезъ огонь, или символическое выраженіе ихъ сожиганія, которое въ нѣкоторыхъ случаяхъ фактически приводилось въ исполненіе.

Сопоставляя все вышеизложенное, приходимъ къ заключенію, что огонь ивановскихъ костровъ, возжигаемый въ пору высшаго

Digitized by Google

солнцестоянія, прежде всего представляетъ символъ небеснаго огня, источника лѣтняго зноя. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (преимущественно въ западной Европѣ), какъ уже было замѣчено мною раньше, огню этому приносятся жертвы, въ другихъ (преимущественно среди славянъ) онъ, какъ эмблема небеснаго огня, пожираетъ символы божества весенняго плодородія. Повсемѣстно огню этому приписывается очистительная сила, предохраняющая отъ недуговъ, обезпечивающая здоровье, плодородіе и благополучіе.

Эта послѣдняя, именно *очистительная* и въ то же время *возрождающая*, *живительная сила огня* преимущественно находитъ себѣ выраженіе въ обрядныхъ *огняхъ—рождественскомъ* или *новогоднемъ* и родственныхъ ему *весенних*ъ. Южно-славянская рождественская пѣсня воспѣваетъ стараго бадняка и молодого божича. Старый «баднякъ»—дубовое бревно, сгорающее наканунѣ Рождества—*возрождается* въ образъ молодого божича, представителя даннаго праздника. «Кострома», у которой, по словамъ сопровождающей сожиганіе ея пѣсни, «головушка болитъ», словомъ, больная въ зимнюю пору богиня, сгорая на рождественскихъ святкахъ, очевидно, *возрождается* посредствомъ огня и является позже представительницей весенняго плодородія, въ пору зноя опять погибающей и оплакиваемой (ср. «Богиня весны и смерти»). Къ этой же категоріи слѣдуетъ отнести и весьма распространенный въ разныхъ мѣстахъ Европы обрядъ сожиганія (или потопленія) въ весеннюю пору пуковъ соломы, чучелъ (Марены, Смерти) и т. п., заключающійся встрѣчей и привѣтствованіемъ возродившейся весны (ср. тамъ-же). Обряды *возжиганія костровъ*, какъ выраженіе *самосожженія*, съ цѣлью *возрожденія*, героевъ и героинь древнихъ миѳовъ, мы находимъ у народовъ семитскихъ: такъ, въ Тарсѣ (въ Киликіи) черезъ каждыя пять лѣтъ праздновалось торжество въ честь Сандана, при чемъ *сожигалось на кострѣ его изображеніе*. Санданъ, киликійскій Гераклъ, по выраженію Вебера, «посредствомъ *самосожженія* побѣждаетъ враждебныя ему силы и *возрождается* къ новой жизни очищеннымъ и юнымъ; подобно ему и Сарданапалъ, по вѣрованію семитскихъ народовъ, *изъ пламени пожравшаго его костра* выходитъ *героемъ*, *полубогомъ*». Отправлявшійся финикіянами въ Тирѣ ежегодно праздникъ въ честь пробуждающагося отъ зимняго сна солнечнаго героя Геракла-Мел-

Digitized by Google

карта, вѣроятно, также сопровождался возженіемъ костровъ,—на это указываетъ древнее свидѣтельство о гробницѣ Геракла въ Тирѣ, гдѣ онъ былъ «*сожженъ огнемъ*». Память о сожженіи Геракла-Мелкарта праздновалась и финикійской колоніей въ Гадирѣ (Кадиксѣ). По греческому сказанію, Гераклъ, погибающій отъ отравы, въ предсмертныхъ мукахъ вступаетъ на воздвигнутый для него *костеръ*. Костеръ *разгорается*, и богоподобный витязь, при раскатахъ грома и сверканіи молніи, на облакѣ, очистившись отъ недуга, возрожденный *возносится на небо*. И въ миѳахъ о Семирамидѣ, Дидонѣ (карѳагенской Астартѣ) и другихъ богиняхъ того же цикла, также важную роль играетъ актъ *самосожженія героини* миѳа. Извѣстно то высокое значеніе, которое у нѣкоторыхъ народовъ передней Азіи имѣли связанные съ особыми символическими обрядами, церемоніями и переряживаніями праздники костровъ и факеловъ, отправлявшіеся въ честь и воспоминаніе *очищенія и обновленія огнемъ* того или другого божества. Эти праздники костровъ даютъ намъ ключъ къ уразумѣнію основного значенія и нашихъ обрядныхъ костровъ новогоднихъ и весенніхъ, также символически выражающихъ *возрожденіе посредствомъ огня* одряхлѣвшаго въ пору кратчайшихъ дней солнца, или замершей, застывшей отъ зимней стужи природы, точнѣе—божественной представительницы ея, весною обновляющейся и оживающей.

2. Живая вода.

Отъ акта оживленія или очищенія огнемъ перехожу къ не менѣе распространенному въ древнихъ религіяхъ обряду омовенія, купанія, погруженія въ воду или *оживленія водой*. Въ другомъ мѣстѣ [1]) я обратилъ вниманіе на то, что солнце и двойникъ его огонь представляютъ по преимуществу предметъ культа мужского, а вода—женскаго населенія: мужчины въ обрядныхъ дѣйствіяхъ болѣе группируются около огня, женщины—около воды. Къ славянскимъ обрядамъ, въ которыхъ главную роль играютъ женщины, принадлежатъ между прочимъ совершаемые раннею весною проводы смерти и встрѣча весны (лѣта). Отдѣльные моменты этого торжества, до сихъ поръ отправляемаго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Че-

[1]) „Божества древнихъ славянъ". I. 300, 301.

Digitized by Google

хіи, Моравіи, Польши [1]), заключаются: 1) въ шествіи съ чучеломъ, изображающимъ смерть (смертоносную богиню), изъ селенія къ водѣ; 2) въ срываніи съ него облекающей его одежды (если чучело не одѣто, то его самого разрываютъ на части); 3) въ *погруженіи чучела въ воду* (потопленіи, иногда замѣщаемомъ сожиганіемъ, см. выше), послѣ чего 4) срубаютъ деревцо, изображающее воскресшее лѣто, одѣваютъ его въ платье, въ которое передъ тѣмъ одѣто было чучело (=метаморфозъ «Смерти» въ «Лѣто»), украшаютъ пестрыми лентами и блестками и съ пѣснями и ликованіемъ вносятъ въ селеніе. Главный актъ обряда состоитъ въ *погруженіи* (ввержеиіи) *изображенія Смерти въ воду*, вслѣдствіе чего *Смерть превращается въ «Лѣто»* т.-е. въ богиню весны (лѣта), символомъ которой служитъ разукрашенное деревцо. Погруженіе изображенія божества въ воду, омовеніе его или обновленіе силъ его водою, составляло и главнѣйшую часть обрядныхъ дѣйствій, ежегодно совершавшихся въ честь матери-земли Herthus въ древней Германіи, Великой матери Идейской въ Римѣ, богини Сирійской въ Гіерополисѣ и др. Драгоцѣнный древне-ассирійскій клинописный памятникъ повѣствуетъ о нисхожденіи богини Истары (Астарты) въ подземное царство, какъ бы смерть ея, и затѣмъ оживленіе или воскресеніе ея посредствомъ излитія на нее живой воды: богиня нисходитъ въ мрачную обитель бога Иркалла, къ дому, не имѣющему выхода, по пути, по которому уже нѣтъ возврата. Мракъ царствуетъ въ этой области, пыль покрываетъ ворота, въ которыя она стучится. Стражъ отпираетъ ворота и, когда она проходитъ черезъ нихъ, снимаетъ съ головы ея тіару, у вторыхъ воротъ онъ вынимаетъ изъ ушей ея серьги, у третьихъ воротъ онъ снимаетъ ожерелье съ ея шеи, у четвертыхъ—одежду съ ея груди, у пятыхъ—поясъ съ ея платья, у шестыхъ—запястья съ ея рукъ и ногъ, у седьмыхъ—одежду съ ея плечъ: «Такъ поступаетъ Нинкигала (богиня преисподней)—говоритъ онъ—съ тѣми, кто приходитъ къ ней». Всѣ члены богини Истары: глаза, руки, ноги, сердце, голова поражаются болѣзнью. Но міръ не можетъ жить безъ Истары, подательницы плодородія. Богъ Іа посылаетъ вѣстника къ Нинкигалѣ съ приказаніемъ отпустить Истару. Нинкигала велитъ *оросить Истару живой водой*, она исцѣляется отъ недуговъ, воз-

[1]) Подробности см. въ статьѣ: „Богиня весны и смерти".

Digitized by Google

вращается къ жизни и отправляется въ обратный путь на землю; у каждыхъ изъ семи воротъ ей возвращаются снятыя съ нея одѣянія и украшенія. «Живая вода», какъ средство для очищенія, упоминается и въ Ветхомъ завѣтѣ, также въ откровеніи Іоанна. «Живая вода» творитъ чудеса и въ русскихъ былинахъ. На народномъ языкѣ нынѣ «живой водой» называется дождевая, т.-е. небесная влага.

3. НАУЗЫ. КРАСНАЯ НИТЬ.

Въ народной медицинѣ и волшебныхъ чарахъ у всѣхъ славянъ играютъ значительную роль *наузы*, *узлы*, *навязки-амулеты*, замѣчаетъ Аѳанасьевъ и приводитъ многочисленныя старинныя свидѣтельства христіанскихъ писателей славянскихъ, порицавшихъ ношеніе и навязываніе „бѣсовскихъ“ узловъ и наузъ. Наузы состояли изъ различныхъ привязокъ, надѣваемыхъ на шею. Большею частью это были травы, коренья и иныя снадобья, которымъ суевѣріе приписывало *цѣлебную силу*. Въ христіанскую эпоху употребленіе въ наузахъ *ладона* (который получилъ особенно важное значеніе, потому что возжигается въ храмахъ) до того усилилось, что всѣ привязки стали называться *ладонками*, даже и тогда, когда въ нихъ не было ладону. Ладонки до сихъ поръ играютъ важную роль въ простонародьѣ: отправляясь въ дальнюю дорогу, путники надѣваютъ ихъ на шею, въ предохраненіе отъ бѣдъ и порчи. Волшебныя привѣски, чародѣйные мѣшочки издревле извѣстны были въ числѣ суевѣрій, заимствованныхъ евреями отъ филистимлянъ и противъ которыхъ возстаютъ пророки и учители Израиля: „въ тотъ день отниметъ Господь красивыя цѣпочки на ногахъ, и звѣздочки, и луночки... и *привѣски волшебныя*“, восклицаетъ прор. Исаія. „Горе сшивающимъ *чародѣйные мѣшочки* подъ мышки“, восклицаетъ прор. Іезекіиль. Такія привѣски (талисманы) весьма распространены были въ древности у халдеевъ и ассиріянъ. Онѣ были разныхъ родовъ: то представляли кусочки матерій, заключавшіе въ себѣ тексты заклинательныхъ формулъ и привѣшивавшіеся къ предметамъ домашней утвари или къ платью, то приготовлялись изъ другихъ матеріаловъ и носились на шеѣ, какъ предохранительное средство противъ демоновъ, болѣзней, бѣдствій. Въ музеяхъ древностей встрѣчаются многочисленныя ассирійско-вави-

Digitized by Google

лонскія каменныя привѣски, на которыхъ вырѣзаны изображенія боговъ и геніевъ, а равно и заклинательныя формулы, въ которыхъ рѣчь идетъ объ изгнаніи злыхъ демоновъ, чумы и т. п. и призываются благія божества и добрые демоны на пользу и благо человѣку. Славились въ древности и такъ называемыя „эфесскія письмена", т.-е. заклинательныя слова или формулы, которыя въ видѣ привѣсокъ носились жителями Эфеса, съ цѣлью предохраненія себя отъ дурныхъ вліяній; онѣ же, по народному вѣрованію, способны были изгонять демоновъ изъ людей. Подобныя же привѣски извѣстны были и въ Милетѣ. Заключавшіяся въ нихъ „милетскія письмена" представляли смѣсь словъ греческихъ и фригійскихъ.

Особенное значеніе придается у всѣхъ славянъ *красной нити, красной шерсти* или *ленточкѣ*: въ Болгаріи, около Татаръ-Базарджика, къ числу обрядовъ, совершаемыхъ беременными женщинами 8 января (въ такъ называемый „Бабинъ день"), принадлежитъ принятіе отъ бабки *нити красной шерсти*, которая, вмѣстѣ съ другими предметами, должна способствовать скорѣйшему разрѣшенію отъ бремени. У мазуровъ *красная ленточка*, надѣтая на шею новорожденнаго младенца, служитъ къ огражденію его отъ вреднаго вліянія чужого глаза. У чеховъ также *красная повязка* оберегаетъ ребенка отъ заколдованія или порчи. Въ Россіи *девять нитокъ красной шерсти*, навязанныя на шею ребенка, предохраняютъ его отъ скарлатины; отъ лихорадки носятъ на рукахъ и на ногахъ *повязки* изъ *красной шерсти* или *тесьмы*; если „разовьется", т.-е. заболитъ связка ручной кисти, то ее обвязываютъ *красною пряжею*. Суевѣрія эти опять гнѣздятся въ древнѣйшихъ преданіяхъ. Законъ Моисея, столь энергически порицавшій всякія чародѣянія, волхвованія и волшебство сосѣднихъ съ евреями народовъ, очевидно, вслѣдствіе слишкомъ глубоко вкоренившейся въ сознаніе народа древней традиціи о чудодѣйственныхъ свойствахъ красной нити, не только не гнушается употребленія ея въ дѣло, какъ магическаго средства противъ нечистоты или осквернѣнія (родственнаго болѣзни, дурному глазу и пр., такъ какъ исцѣленіе отъ недуга, глаза и пр. есть очищеніе), но даже предписываетъ прибѣгать, между прочимъ, къ этому средству при очищеніи дома: „и возьметъ кедровое дерево, и иссопъ, и *червленую нить*, и живую птицу, и омочитъ ихъ въ крови птицы заколотой и въ живой водѣ, и покропитъ домъ семь разъ. И *очиститъ* домъ кровію птицы и

Digitized by Google

живою водою, и живою птицею, и кедровымъ деревомъ, и иссопомъ, и *червленою нитью*". Евреи, можетъ быть, заимствовали вѣрованіе въ чудесную силу красной нити изъ Египта. Египетскіе жрецы-книжники, по свидѣтельству Діодора, носили на головѣ перо коршуна и *пурпуровую нить*. У римлянъ жена юпитерова жреца, бывшая въ то же время и жрицей Юноны, обязательно, по *древнему обычаю*, украшала голову свою особой пирамидальной прической, черезъ которую пропускалась *шерстяная лента пурпуроваго цвѣта*. Гриммъ указалъ на датскія народныя пѣсни, въ которыхъ герои, для „закрѣпленія себя", т.-е. для огражденія своего шлема и своей жизни, перевязываютъ шлемъ *красной шелковинкой*.

4. КРОВЬ, МЯСО и КОЖА ЖЕРТВЕННАГО ЖИВОТНАГО.

Въ другомъ мѣстѣ [1]), при разсмотрѣніи жертвенныхъ обрядовъ древнихъ славянъ, я указалъ на важное значеніе, которое приписывалось славянами-язычниками жертвенной крови. Болгары и нынѣ еще, когда колютъ барановъ въ Юрьевъ день, собираютъ истекающую изъ жертвеннаго животнаго *кровь* въ чашу и употребляютъ ее, какъ *цѣлительное* средство. Жрецы балтійскихъ славянъ *пили жертвенную кровь*, которая пробуждала въ нихъ даръ *пророчанія*. На *вкушеніе* у русскихъ *жертвенной крови* намекаетъ митрополитъ Иларіонъ; *кровью* убитой на Рождество свиньи до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи *брызгаютъ въ огонь*, и ей приписывается способность *изгонять нечистую силу* изъ хлѣва. Такое же благотворное дѣйствіе приписывается и нынѣ еще *крови* пѣтуха, закалываемаго латышами въ Усиньевъ день, изливаемой на овесъ или на косякъ двери въ конюшнѣ. Съ такою же цѣлью чехи въ страстной четвергъ (мѣстами въ страстную пятницу или субботу) зарѣзываютъ двухъ молодыхъ голубей и *кровь* ихъ *изливаютъ* на приготовленныя для прочихъ голубей пшеничныя зерна. Голуби, поѣвшіе этихъ зеренъ, тѣмъ *предохраняются* отъ всякихъ *невзгодъ*. У литовскихъ народовъ жрецъ (вуршкайтъ) возлагалъ руку на обреченное на закланіе жертвенное животное и, заколовъ его, собранную въ чашу *кровь распрыскивалъ* или *окроплялъ* ею присутствовавшихъ; остатокъ же крови послѣдніе дѣлили между собой, и каждый *окроплялъ* ею у себя дома свою скотину.

1) Бож. др. слав I, 43 и сл.

Digitized by Google

Сравнимъ опять описанные обряды со сходными обрядами нѣкоторыхъ древнихъ народовъ. У римлянъ въ позднѣйшія времена существовалъ заимствованный изъ Фригіи обычай *очищенія отъ грѣховъ* посредствомъ *крови* жертвеннаго животнаго (Taurobolia). По словамъ церковнаго писателя Пруденція, посвящаемый садился въ яму, которую покрывали пробуравленными, на подобіе рѣшета, досками. На этихъ доскахъ закалывалось жертвенное животное: кровь струей лилась изъ раны черезъ отверстія въ яму и орошала и обагряла находившагося въ ямѣ; вѣрующій ловилъ ее устами, обмывалъ себѣ ею лицо, пропитанныя же кровью платья тщательно сберегались. Этому кровавому крещенію приписывалась очистительная сила „возрожденія“, какъ свидѣтельствуютъ нѣкоторыя древнія надписи. Перехожу къ обрядамъ кровнаго жертвоприношенія, предписаннымъ Моисеемъ: прежде чѣмъ рѣзать животное, жертвователь возлагалъ на него свою руку (какъ литовскій вуршкайтъ, см. выше). Возложеніе одной или обѣихъ рукъ на голову жертвеннаго животнаго имѣло значеніе перенесенія на послѣднее грѣховъ, во искупленіе которыхъ совершалось жертвоприношеніе: „возложитъ руку свою на голову жертвы за грѣхъ и заколетъ ее за грѣхъ“, предписывалъ Господь Моисею, или въ другомъ мѣстѣ: „возложитъ Ааронъ обѣ руки свои на голову живого козла и исповѣдаетъ надъ нимъ всѣ беззаконія сыновъ израилевыхъ, и всѣ преступленіи ихъ, всѣ грѣхи ихъ, и возложитъ ихъ на голову козла... и понесетъ козелъ на себѣ всѣ беззаконія ихъ“. По закланіи козла, собиралась въ чашу истекавшая изъ раны *кровь*; право собирать кровь принадлежало одному священнику. Обходя кругомъ алтаря съ упомянутою чашею въ рукахъ, онъ *окроплялъ кровью* или *обмазывалъ* ею рога, ножки, углы и стѣнки алтаря, а остальную выливалъ на стѣнку алтаря или у его подножія. Крови приписывалась способность *омывать отъ грѣховъ* народъ, *очищать отъ преступленій* народа святилище и жертвенникъ. Кровь жертвеннаго агнца употреблялась евреями и при посвященіи въ священническій санъ: ею окроплялось ухо и большой палецъ руки и ноги посвящаемаго и одежда его. Сходный обрядъ совершался евреями и при очищеніи человѣка отъ грѣховъ. Рядомъ съ упомянутыми обрядами встрѣчается у евреевъ и простое окропленіе народа жертвенною кровью изъ чаши, какъ у древнихъ славянъ и литовцевъ.

Digitized by Google

Важная роль, которую играла у евреевъ кровь, объясняется тѣмъ, что, по представленію ихъ, *въ крови заключалась душа животнаго*; вотъ почему одни только священники имѣли право собирать жертвенную кровь, и строго запрещалось закономъ вкушать кровь: „*Душа тѣла въ крови*“, говорилъ Господь Моусею: „Я назначилъ ее вамъ для жертвенника, чтобы очищать души ваши, ибо кровь сія душу очищаетъ... Не ѣшьте крови ни изъ какого тѣла, потому что *душа всякаго тѣла есть кровь его*; всякій, кто будетъ ѣсть ее, истребится“, или: „строго наблюдай, чтобы не ѣсть крови, потому что *кровь есть душа*; не ѣшь души вмѣстѣ съ мясомъ, не ѣшь ея, выливай ее на землю, какъ воду“.

Послѣ всего сказаннаго становится яснымъ, отчего и древніе славяне (въ особенности балтійскіе), и народы литовскіе, вѣрованія которыхъ находятся въ въ тѣсной связи съ древнѣйшими преданіями человѣчества, придавали столь важное значеніе жертвенной крови. Душа жертвеннаго животнаго, въ видѣ крови его, очищала отъ грѣховъ и козней злой силы народъ, который жрецъ окроплялъ кровью; она же ограждала окропляемый скотъ отъ всякихъ невзгодъ и бѣдствій. Душа жертвеннаго животнаго, проникая въ уста балтійско-славянскаго жреца, въ видѣ крови, которую онъ испивалъ, *пробуждала* въ немъ *духъ пророчанія*. На томъ же, безъ сомнѣнія, основаніи Одиссей, прибывъ въ царство мертвыхъ, закалываетъ овецъ и предлагаетъ „черную кровь“ ихъ тѣнямъ умершихъ, которыя, напившись ея, получаютъ вновь сознаніе и „*способность вѣщать истину*“.

При „мирныхъ жертвоприношеніяхъ“ евреевъ главную часть обряда составляло убіеніе жертвеннаго животнаго и *съѣденіе его мяса*. Священное значеніе вкушенія мяса жертвеннаго животнаго, нерѣдко подававшее поводъ къ обрядному объѣденію на большихъ народныхъ торжествахъ (ср. послѣжертвенные пиры въ честь Геракла, Геркулеса, Святовита Арконскаго и др.), подтверждается слѣдующими словами Ветхаго завѣта: „Она (жертва) должна быть съѣдаема на святомъ мѣстѣ, на дворѣ скиніи собранія. Все, что прикоснется къ мясу ея, *освятится*... Весь мужской полъ священническаго рода можетъ ѣсть ее,—это *великая святыня*“. На томъ же самомъ принципѣ основано и величайшее таинство христіанской церкви, предписывающей *вкушеніе крови и тѣла* Искупителя міра, божественнаго *агнца*, принявшаго на себя *грѣхи* человѣче-

Digitized by Google

ства; священая трапеза христіанской церкви—та же *„великая святыня“*; ею вѣрующіе *очищаются отъ грѣховъ* и дѣлаются причастными вѣчной жизни и вѣчнаго блаженства.

По закону Моисея, тукъ и сальникъ на печени при „мирной жертвѣ“ сожигались на жертвенникѣ, изъ остальной же части *на долю священника* приходились *грудь* и *правое плечо* его; при жертвѣ же „всесожженія“, т -е. при сожиганіи всего животнаго, за исключеніемъ *кожи*, послѣдняя поступала *въ пользу священника*. У болгаръ, по совершеніи обряднаго закланія барашковъ въ Юрьевъ день, *попъ*, прочтя молитвы, и нынѣ еще беретъ съ каждаго хозяина по *четверти барашка*, кромѣ прочей провизіи; сходный обычай имѣетъ мѣсто и у сербовъ; *священникъ* же получаетъ и *шкуру* барашка.

5. ПОМИНАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ.

Къ главнѣйшимъ поминальнымъ праздникамъ въ Россіи принадлежатъ *весеннія* поминки, нынѣ совершаемыя въ день Радуницы („Навій день“), т.-е. во вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ, также въ Троицкую субботу; поминаютъ на Руси покойниковъ и наканунѣ масляницы, т.-е. въ самую раннюю *весеннюю* пору; съ перенесеніемъ же празднованія Новаго года на 1-ое января, т.-е. на начало святокъ, поминовеніе усопшихъ родственниковъ мѣстами, какъ напр. въ Малой Руси, вошло и въ число святочныхъ обрядовъ. Болгары также отправляютъ поминки („задушницы“) въ извѣстныя субботы въ теченіе *весны*. Сербо-хорваты справляютъ „Радуницу“ въ понедѣльникъ на Ѳоминой недѣлѣ. Кромѣ того, главнѣйшимъ помичальнымъ днемъ („задушница“)у сербовъ служитъ всесвятское воскресенье, т.-е. также одинъ изъ *весеннихъ* праздниковъ.—У древнихъ римлянъ такъ называемые *родительскіе дни* (dies parentales) отправлялись передъ самымъ наступленіемъ *весны* или новаго года, по старому календарю, а именно во второй половинѣ февраля, съ 13-го по 21-е число этого мѣсяца. Въ Иранѣ, по народному вѣрованію, *души усопшихъ пробуждались весною*, вмѣстѣ съ пробужденіемъ природы. Въ это время, а именно въ теченіе послѣднихъ пяти дней стараго года (февраля) и первыхъ пяти—новаго (марта), слѣдовательно, въ то-же, приблизительно, время, какъ у древнихъ римлянъ и славянъ, онѣ *нисходили на землю*,

Digitized by Google

посѣщали дома своихъ родственниковъ и принимали отъ нихъ угощенія: „*Кто жертвуетъ* имъ (душамъ усопшихъ)“, говорится въ Авестѣ, „рукою, снабженною мясомъ, рукою, снабженною одеждой, съ молитвою, достигающей чистоты, *того благословляютъ* удовлетворенные, не мстительные, не оскорбленные, сильные фраваши (души усопшихъ), чистые: въ этомъ домѣ (говорятъ они) будетъ изобиліе быковъ, людей, въ немъ будутъ быстрые кони и крѣпкая колесница; тотъ мужъ будетъ пользоваться почтеніемъ, будетъ главою собранія, кто намъ постоянно жертвуетъ рукою, снабженною мясомъ, рукою, снабженною одеждой, съ молитвою, достигающею чистоты“. Выраженный здѣсь взглядъ на отношеніе людей къ усопшимъ родственникамъ продолжаетъ и нынѣ существовать въ народѣ у всѣхъ славянъ. На Руси, когда зимою, послѣ трескучихъ морозовъ, настанетъ вдругъ оттепель, поселяне замѣчаютъ, что „родители вздохнули“, т.-е. мертвые повѣяли (дохнули) тепломъ, Въ Россіи же существуетъ повѣріе, что на первый день Пасхи (одинъ изъ важнѣйшихъ *весенних* праздниковъ, когда *воскресаетъ* природа) открывается небо, и въ продолженіе всей свѣтлой недѣли *души усопшихъ* (подобно иранскимъ фраваши) *постоянно обращаются между живыми*, посѣщаютъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ, *пьютъ, ѣдятъ и радуются* вмѣстѣ съ ними. — Древніе индусы нерѣдко призывали усопшихъ къ своимъ жертвеннымъ трапезамъ; ихъ, „родителей“, приглашали присѣсть къ огню, имъ предлагались ежедневно угощенія, а въ каждое поволуніе въ честь ихъ устраивались особенныя *поминальныя трапезы*. Парсы (потомки древнихъ иранцевъ), подобно предкамъ своимъ, въ теченіе перваго года послѣ смерти кого-либо изъ родственниковъ, поминаютъ его ежедневно молитвою къ фраваши, произносимою передъ ѣдою, а черезъ мѣсяцъ послѣ смерти—особенною службою. Затѣмъ, въ слѣдующіе года, въ 4-й, 10-й и 30-й дни каждаго мѣсяца, въ особенности же въ теченіе упомянутыхъ десяти дней, при наступленіи новаго года, также возносятся молитвы къ фраваши.—Такъ и у славянъ до сихъ поръ повсемѣстно, въ извѣстные въ году поминальные дни, а также въ извѣстные промежутки времени послѣ смерти родственника, въ 9-й, 20-й, 40-й дни и пр. (болгары посѣщаютъ могилы своихъ родныхъ на 3-й, 9-й, 12-й, 20-й и 40-й дни; затѣмъ эти посѣщенія повторяются черезъ 3, 6, 9 и 12 мѣсяцевъ) совершаются дома или на могилахъ своеобразные обряды,

Digitized by Google

составная часть которыхъ заключается во-первыхъ въ угощеніи умершихъ виномъ, пивомъ, блинами и другими яствами, которыя ставятся на столъ (или мечутся подъ столъ), когда поминовеніе происходитъ дома, или же кладутся или выливаются на могилу, когда оно совершается на кладбищѣ, и во-вторыхъ- въ слѣдующей за тѣмъ *поминальной трапезѣ*.

„Въ *Троицкую субботу*“, по словамъ Стоглава (1550 г.), „по соломъ и погостамъ сходятся мужи и жены на жальникахъ и *плачутся по гробомъ умершихъ* съ великимъ воплемъ“. Прекрасной иллюстраціей къ этому свидѣтельству могутъ служить слова Олеарія, путешествовавшаго по Россіи въ 30-хъ годахъ XVII столѣтія и описавшаго поминки, происходившія въ *Троицкую же субботу* на русскомъ кладбищѣ въ Нарвѣ: „кладбище было наполнено русскими женщинами, разстилавшими на могилахъ и надгробныхъ памятникахъ прекрасно вышитые пестрые платки; на платки ставились блюда съ блинами и пирогами, рыбой и крашеными яйцами; онѣ частью стояли у могилы, частью лежали распростертыми на нихъ, выли и вопили, обращая разные вопросы къ покойникамъ. Менецій (въ началѣ XVI вѣка), разсказывая о поминальныхъ обрядахъ русскихъ на нашей западной окраинѣ, говоритъ, что во время поминальной трапезы (происходившей на дому) бросали подъ столъ по кусочку отъ кушаній, также выливали пиво, какъ *угощеніе душамъ умершихъ*. Если что-нибудь съѣстное случайно падало со стола на полъ, то упавшее не поднималось, а оставлялось, какъ говорилъ народъ, въ пользу умершихъ. По окончаніи же пиршества, знахарь выметалъ изъ избы метлою души умершихъ, произнося: „ѣли-пили, *душечки*, а теперь *ступайте* вонъ, вонъ!“ И нынѣ еще бѣлоруссы, въ осенній поминальный праздникъ, садясь за трапезу, приглашаютъ души умершихъ (дзядовъ-дѣдовъ) прилетѣть къ нимъ:

„Святы *дзяды*, зовемъ васъ: *ходзице до насъ*!
Есць тутъ усё, что Богъ даў,
Чимъ только хата богата,
Просимъ васъ, *ляцице* (=летите) *до насъ!*“

По окончаніи ужина встаютъ изъ-за стола, молятся Богу и расходятся, приговаривая:

„Святые *дзяды*, *ляцице цеперъ до неба!*“

Digitized by Google

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Великой Руси, когда совершаются годовыя поминки на дому въ честь всѣхъ усопшихъ родичей, незримо присутствующихъ при этомъ обрядѣ, хозяинъ, по окончаніи трапезы, открываетъ окно, распускаетъ на улицу кусокъ холста и приглашаетъ покойниковъ возвратиться въ свои загробныя жилища по постланному полотну: „*ступайте съ Богомъ!* вотъ тутъ будетъ вамъ помягче!“ Болгары, посѣщая въ указанные выше дни могилу умершаго и принося съ собою угощеніе (вареный ячмень, рисъ, кружку съ виномъ или водкой), увѣрены, что *душа усопшаго присутствуетъ* тутъ же и принимаетъ съ признательностью приношенія. Далматскіе морлаки, по свидѣтельству Фортиса (XVIII в.), совершали поминки по умершемъ въ каждый праздникъ въ теченіе цѣлаго года: женщины, приходя на могилу, орошали ее слезами, украшали цвѣтами, посыпали душистыми травами. Если по какой-либо причинѣ приходилось пропускать праздникъ безъ отправленія поминокъ, то онѣ извинялись въ томъ передъ покойникомъ, бесѣдуя съ нимъ, какъ съ живымъ, и давая ему подробный отчетъ о причинахъ, принудившихъ ихъ не исполнить, по отношенію къ нему, своего долга. Во всѣхъ данныхъ случаяхъ обнаруживается существованіе въ сознаніи народовъ славянскаго племени древне-арійскаго представленія о тѣсныхъ отношеніяхъ человѣка къ усопшимъ его родичамъ.

Не останавливаясь на болѣе подробномъ описаніи угощеній мертвыхъ, которое завело бы меня слишкомъ далеко, ограничусь приведеніемъ слѣдующихъ словъ мусульманскаго писателя первой половины X вѣка, Ибнъ-Дасты, свидѣтельствующихъ о древности у славянъ-язычниковъ обряда поминовенія мертвыхъ: „черезъ годъ по смерти покойнаго берутъ (славяне) кувшиновъ двадцать *меду*, иногда нѣсколько больше, а иногда нѣсколько меньше, и несутъ ихъ на тотъ холмъ (на которомъ стоялъ сосудъ съ пепломъ сожженнаго мертвеца), гдѣ собирается семейство покойнаго, *ѣдятъ*, *пьютъ* и затѣмъ расходятся“. По словамъ Ѳеофилакта (ок. 629 г.) у варваровъ, подъ именемъ которыхъ Котляревскій узнаетъ *придунайскихъ славянъ*, былъ обычай праздновать *поминки* по усопшимъ.

Въ число обрядныхъ дѣйствій, которыми и нынѣ еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у южныхъ славянъ сопровождается гореваніе по умершимъ, издревле принадлежало обыкновеніе дѣлать *нарѣзы на тѣлѣ* и *царапины на лицѣ*, а также *обстригать волосы* въ

Digitized by Google

знакъ великой скорби: въ Черногоріи, при оплакиваніи мертвыхъ, многіе *исцарапываютъ* себѣ *лица*, струящуюся же изъ царапинъ кровь не стираютъ и не смываютъ, и нѣкоторые по нѣсколько недѣль ходятъ съ лицомъ, испещреннымъ засохшею кровью. Кромѣ того, женщины иногда *обрѣзываютъ* себѣ *волосы* или, по крайней мѣрѣ, ходятъ первое время послѣ смертнаго случая съ *непокрытой головой*. Сербы также нѣсколько времени ходятъ безъ шапокъ, т.-е. съ *обнаженной головой*. Въ Черногоріи мать и сестры умершаго *обрѣзываютъ* себѣ *косы* и кладутъ въ могилу, вмѣстѣ съ покойникомъ. Чехи, по словамъ хроники Бѣльскаго, оплакивая смерть Любуши, бросали въ разведенный для могилы огонь *обрѣзанные волосы* и *ногти*. «Ни *кожекроенія* не творятся, ни *лицедранія*», говорится въ житіи Константина Муромскаго. По свидѣтельству Кадлубка (ум. 1223 г.), по случаю смерти польскаго князя Казиміра, «можно было видѣть, какъ съ *исцарапанныхъ* ногтями *лицъ* нѣкоторыхъ женъ и дѣвицъ кровь текла струями», нѣкоторые наносили себѣ раны другими орудіями. Названный выше мусульманскій писатель Ибнъ-Даста говоритъ, что славянскія женщины, «когда случится у нихъ покойникъ, *царапаютъ* себѣ ножомъ *руки и лицо*». — Лукіанъ (въ II вѣкѣ по Р. Хр.) описываетъ сходный обрядъ оплакиванія мертваго во времена Римской имперіи: «начинается плачъ и голошеніе женщинъ (голошенія плакальщицъ до сихъ поръ въ обычаѣ у славянъ), всѣ проливаютъ слезы, ударяютъ себя въ грудь, *вырываютъ* себѣ *волосы* и *исцарапываютъ* себѣ *до крови щеки*». Скиѳы, по свидѣтельству Геродота, въ знакъ скорби, по случаю смерти царя, *отрѣзали* себѣ *уши*, *обстригали волосы*, дѣлали *нарѣзы на рукахъ*, *исцарапывали себѣ лобъ и носъ*, *прободали стрѣлою* лѣвую *руку*. Сходный обычай съ древнѣйшихъ временъ извѣстенъ былъ и у народовъ азіатскихъ, о чемъ свидѣтельствуютъ многіе тексты Ветхаго завѣта, напр.: «не дѣлайте *нарѣзовъ* на тѣлѣ вашемъ и не *выстригайте волосъ* надъ глазами вашими по умершемъ». Прор. Іеремія такъ изображаетъ картину скорби моавитянъ о постигшей ихъ гибели: «у каждаго *голова гола* и у каждаго *борода умалена*, у всѣхъ *на рукахъ царапины*». «*Снимая* съ себя *волосы*, *остригись*, *скорбя* о нѣжно любимыхъ сынахъ твоихъ; *расширь* изъ-за нихъ *лысину*», пишетъ прор. Михей. По словамъ Лукіана, финикіянки въ Вивлѣ, оплакивая ежегодно смерть Адониса, *обстригали*

Digitized by Google

себѣ *волосы*; то-же самое дѣлали и египтянки, по случаю смерти божественнаго быка Аписа. По египетскому сказанію, Изида, узнавъ о гибели Озириса, *отрѣзала прядь волосъ* съ головы своей и облеклась въ траурное одѣяніе. О приношеніи, въ честь умершихъ, на могилу ихъ *волосъ*, практиковавшемся на островѣ Делосѣ, упоминаетъ Геродотъ. Итакъ, поминальные обряды славянъ опять представляютъ тѣсную связь съ таковыми-же обрядами народовъ древняго міра.

6. ПЕРЕРЯЖИВАНІЯ.

Повсемѣстно распространенный въ Европѣ обычай *рядиться*, именно на святкахъ и на масляницѣ, а равно и во время майскаго (весенняго) праздника, коренится также въ глубокой древности. Праздники святокъ и масляницы, и по времени отправленія, и по характеру своему, представляютъ несомнѣнное родство съ сопряженными съ *переряживаніями* же праздниками январскихъ календъ и либералій (въ мартѣ) древнихъ римлянъ и малаго и великаго Діонисовыхъ торжествъ древнихъ грековъ (отправлявшихся въ декабрѣ и мартѣ); празднества эти, находясь въ тѣсной, неразрывной связи съ культомъ соотвѣтствующихъ боговъ (Януса, Либера, Діониса), имѣли *религіозно-обрядный* характеръ.

Не связана-ли основная мысль переряживанія мужчинъ въ женскія платья и женщинъ въ мужскія съ религіознымъ воззрѣніемъ народовъ семитскихъ, вообще оказывавшихъ немалое вліяніе на культуру европейскихъ аріевъ? Въ средѣ семитскихъ народовъ возникло представленіе о соединеніи въ *одномъ* божественномъ лицѣ свойствъ *двухъ половъ*, словомъ—о гермафродитизмѣ. Такъ, напр., въ Сиріи *Астарта* и *Ваалъ* слились въ одно *двуполое* божество; въ книгѣ Товита упоминается о приношеніи жертвы «*Ваалу юницъ*»; въ Пафосѣ высокимъ уваженіемъ пользовалась статуя *бородатой Аѳродиты*. Въ Сиріи, въ извѣстные торжественные дни въ честь Ваала, *жрецы* и *поклонники двуполаго бога* являлись въ красноватыхъ прозрачныхъ *женскихъ сорочкахъ* и прочемъ *женскомъ одѣяніи*, между тѣмъ какъ *женщины* одѣвались въ *мужское платье* и вооружались *мечами и копьями*. На островѣ Косѣ, по свидѣтельству Плутарха, *жрецъ Геракла* приносилъ богу своему жертву, облеченный въ *женское одѣяніе* и съ *повязкой на головѣ*.

Digitized by Google

Обыкновеніе переряживаться порицалось уже въ книгахъ Ветхаго завѣта. «*На женщинѣ* не должно быть *мужской одежды*, читаемъ въ книгѣ Второзаконія,—и *мужчина* не долженъ одѣваться въ *женское платье*, ибо мерзокъ передъ Господомъ Богомъ твоимъ, всякій, дѣлающій сіе». Почти тѣми-же словами выражается о переряживаніи русскихъ Номоканонъ, изданный въ Кіевѣ въ 1624 г.: «Нынѣ христіанскія дѣти сіе творятъ: *въ одежду женскую мужья* облачаются и *жены въ мужскую*». Письменныя свидѣтельства о русскихъ народныхъ маскарадахъ восходятъ до XII или даже до XI вѣка. Со временемъ, къ обычаю взаимнаго переряживанія мужчинъ въ женскія платья и женщинъ въ мужскія, естественно, присоединилось облеченіе въ разные характеристическіе костюмы, сдѣлавшіеся затѣмъ типическими. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ, между прочимъ, фигуры народнаго маскарада, изображающія разныхъ звѣрей: коня, медвѣдя, волка, козу и т. п., имѣвшихъ встарину опредѣленное миѳологическое значеніе.

7. ПЕРВЫЙ СНОПЪ. ПОСЛѢДНІЕ ПЛОДЫ.

Начало жатвы всюду составляетъ праздникъ мѣстнаго населенія. Въ Малой Руси праздникъ Ивана Купала встарину отправлялся какъ торжество, совпадавшее съ «началомъ жнивъ». Въ Литвѣ и во многихъ мѣстахъ Россіи придаютъ особенно важное значеніе *первому* сжатому на нивѣ *снопу*. На Руси снопъ этотъ называется *именинникомъ*. Хозяйка приноситъ его въ избу и ставитъ въ переднемъ углу, у *божницы*. По обычаю, принятому въ нѣкоторыхъ малорусскихъ мѣстахъ, *зажинъ* дѣлается *священникомъ*. Въ Литвѣ (и Бѣлоруссіи) первая жница, украшенная цвѣтами, несетъ *первенца жатвы*, впереди всѣхъ жницъ, на *барскій дворъ*, гдѣ ожидаетъ работницъ угощеніе. Словомъ, начало жатвы составляетъ выдающееся торжество, и *первый снопъ* пользуется особеннымъ *почетомъ*. Соотвѣтственно этому чехи, при печеніи хлѣба изъ *новой ржи*, бросаютъ въ огонь, т.-е. жертвуютъ божеству огня, *кусокъ тѣста*. Въ законѣ Моусея находимъ цѣлый рядъ предписаній, касающихся начала жатвы. Въ числѣ главнѣйшихъ, весьма немногочисленныхъ народныхъ праздниковъ, названъ здѣсь «праздникъ *начатковъ жатвы* пшеницы». Приказалъ Господь Моусею объявить народу Израилеву слѣдующіе законы: «наблюдай

Digitized by Google

и *праздникъ жатвы первыхъ плодовъ* труда твоего, какіе ты сѣялъ на полѣ... *Начатки плодовъ* земли твоей *приноси въ домъ Господа*, Бога твоего». Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: «когда будешь жать на ней (на обѣтованной землѣ) жатву, то принесите *первый снопъ* жатвы вашей *къ священнику*. Онъ вознесетъ сей снопъ передъ Господомъ, чтобы вамъ пріобрѣсти благоволеніе».

Въ законѣ-же Моисеевомъ находитъ себѣ объясненіе записанная Гильфердингомъ старинная сербская пословица: «проклята нива, на којој клас не остаје». «Когда будешь жать на полѣ твоемъ—предписалъ Господь Израилю—и *забудешь снопъ на полѣ*, то *не возвращайся* взять его; пусть онъ останется пришельцу (нищему), сиротѣ и вдовѣ, чтобы Господь, Богъ твой, благословилъ тебя во всѣхъ дѣлахъ рукъ твоихъ. Когда будешь обивать маслину свою, то *не пересматривай за собою вѣтвей;* пусть остается пришельцу, сиротѣ и вдовѣ... Когда будешь снимать плоды въ виноградникѣ твоемъ, *не обирай остатковъ за собою*; пусть остается пришельцу, сиротѣ и вдовѣ». Проклятіе сербскою пословицею нивы, на которой не осталось ни одного колоса, несомнѣнно, основано на томъ-же началѣ: оставленные на нивѣ колосья должны поступить въ пользу подбирающихъ ихъ неимущихъ, вдовъ и сиротъ. Отсюда-же объясняется чешское обыкновеніе—на плодовыхъ деревьяхъ оставлять не снятымъ, по крайней мѣрѣ, по одному плоду; въ противномъ случаѣ дерево, по народному вѣрованію, въ слѣдующемъ году не принесетъ ни одного плода.

8. НИЗВЕРЖЕНІЕ ЖЕРТВЫ СЪ ВЫСОТЫ.

Въ разныхъ мѣстахъ Чехіи до сихъ поръ соблюдается слѣдующій своеобразный обычай: 25 іюля, въ день св. Якова, при совершеніи извѣстныхъ церемоній, *низвергается* съ церковной башни, или съ другого возвышеннаго мѣста, *жертвенный козелъ* съ позолоченными рогами, *убранный цвѣтами*. Кровь этого животнаго собирается и хранится, какъ дѣйствительное *цѣлебное* средство.—Обычай этотъ совершенно напоминаетъ древній греческій обрядъ умилостивительнаго жертвоприношенія, совершавшагося въ лѣтнее же время (хотя нѣсколько раньше, именно въ концѣ нашего мая) въ честь Аполлона: двое приговоренныхъ къ смерти *мужчинъ*, или *мужчина и женщина, убранные плодами и цвѣтами, надушенные*

Digitized by Google

благовонными травами, въ качествѣ умилостивительной жертвы, *низвергались со скалы*. Приносимые такимъ образомъ въ жертву люди назывались *лекарственными*, *целительными*; смерть ихъ должна была обезпечивать здоровье мѣстнаго населенія, отвращать отъ него заразы и другія невзгоды.

Въ Гіерополисѣ обреченныхъ на жертвоприношеніе *животныхъ бросали съ высоты*, при чемъ они убивались до смерти. Нѣкоторые, по свидѣтельству Лукіана, такимъ же способомъ приносили въ жертву *дѣтей* своихъ, заключивъ ихъ, однако, предварительно въ мѣшокъ. *Низвергая* ихъ въ пропасть, произносили заклятіе, что это не дѣти, а телята. Геродотъ упоминаетъ о сходномъ обычаѣ у таврическихъ скиѳовъ: они приносили своей богинѣ въ жертву чужеземцевъ, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе и попадавшихся имъ въ руки; головы жертвъ они отрубали, *тѣла* же *низвергали съ высоты скалы*, гдѣ стояло святилище богини.

9. КОРОВІЙ НАВОЗЪ, КАКЪ ОЧИСТИТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО.

Не менѣе характеристиченъ и слѣдующій чешскій обычай: наканунѣ Рождества, съ котораго въ старину начинался въ Чехіи *новый годъ*, до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *обкуриваютъ коровьимъ навозомъ* и *опрыскиваютъ коровьей мочей* скотный дворъ, съ цѣлью *изгнанія* этимъ способомъ нечистой силы изъ двора, т. е. *очищенія* двора.—Въ Авестѣ очищеніе отъ одного изъ самыхъ сильныхъ осквернсній, а именно отъ прикосновенія къ мертвому тѣлу, производится посредствомъ коровьей мочи: „Отвѣчалъ Агура-Мазда... Если мертвое тѣло уже обглодано хищнымъ псомъ или птицей, то пусть (осквернившійся прикосновеніемъ къ нему) *омоетъ свое тѣло коровьей мочей*, тридцать разъ пусть онъ омоется, тридцать разъ пусть потретъ руки, пусть омоетъ въ то-же время и голову. Если же мертвое тѣло еще не обглодано хищнымъ псомъ или птицею, то пусть онъ моется пятьдесятъ разъ и пятьдесятъ разъ пусть потретъ себѣ руки". Такой обычай находится въ тѣснѣйшей связи съ вѣрованіемъ древнихъ аріевъ въ *святость быка и коровы*. Древніе индусы, для *очищенія* почвы, оставляли на очищаемомъ мѣстѣ *на ночь коровъ*; полъ въ домахъ *очищался* у нихъ *коровьимъ навозомъ*, ткани и платья—*коровьей мочей*. И нынѣ еще въ Индіи, при отправленіи торжества, соотвѣтствующаго нашему весеннему празд-

Digitized by Google

нику (или празднику *новаго года*), именно въ новолунье сентября, т. е. послѣ окончанія дождливой поры, дома́ украшаются цвѣтами и обмазываются *коровьимъ навозомъ*. Совпаденіе чешскаго обычая съ индійскимъ, коренящимся въ древнѣйшихъ преданіяхъ арійскихъ, доказываетъ несомнѣнную глубокую его древность. Вѣроятно, изъ того же источника исходитъ обычай курскихъ поселянъ наканунѣ Рождества и Богоявленія сожигать *навозъ* среди двора, хотя, по нынѣшнему народному толкованію, этотъ обрядный святочный огонь служитъ къ тому, чтобы родители на томъ свѣтѣ согрѣлись.

10. ЧЕРТЫ КУЛЬТА БАЛТІЙСКИХЪ СЛАВЯНЪ-ЯЗЫЧНИКОВЪ.

Группа славянскихъ народовъ, въ старину заселявшихъ балтійское побережье (нынѣшнюю сѣверную Германію), извѣстныхъ подъ общимъ именемъ балтійскихъ славянъ, во многихъ отношеніяхъ представляетъ особенности, рѣзко отличающія ее отъ прочихъ славянскихъ народовъ. Въ то время, какъ славяне вообще отличаются нравомъ миролюбивымъ и кроткимъ, балтійскіе славяне, по словамъ современныхъ имъ средневѣковыхъ писателей, были воинственны и храбры, свирѣпы и кровожадны, опытны въ войнѣ на морѣ и на сушѣ, привыкли жить грабежомъ и добычею,—въ особенности отличались этими качествами Лютичи (Велеты), которымъ, впрочемъ, мало уступали Руяне (жители острова Руяны), Бодричи, Вагры, Поморяне. Въ то время, какъ большинство славянъ почитали боговъ своихъ безъ идоловъ и храмовъ даже безъ жрецовъ, мѣсто которыхъ обыкновенно заступалъ старшій въ родѣ, у балтійскихъ славянъ встрѣчаются повсемѣстно многочисленные истуканы боговъ совершенно своеобразной формы, храмы, отличающіеся своеобразной архитектурой и украшеніями, жрецы, отправляющіе опредѣленные богослужебные обряды. Все это свидѣтельствуетъ о какихъ-то особенныхъ обстоятельствахъ, о какихъ-то, вѣроятно, иноземныхъ вліяніяхъ, при которыхъ, въ отличіе отъ прочихъ соплеменниковъ, сложилась жизнь тѣхъ отраслей славянскаго племени, которыя, при разселеніи послѣдняго, направились къ берегамъ Эльбы и Балтійскаго моря и заняли балтійское побережье и нѣкоторые изъ сосѣднихъ острововъ.

Digitized by Google

О томъ, кто и какимъ образомъ могъ вліять въ данномъ смыслѣ на своеобразное развитіе права и культовъ упомянутыхъ народовъ, исторія умалчиваетъ; но при болѣе внимательномъ изученіи именно предметовъ религіознаго культа ихъ, обнаруживаются какія-то загадочныя параллели съ соотвѣтствующими предметами культа народовъ семитскихъ, а равно и нѣкоторыхъ народовъ малоазіатскихъ, также испытавшихъ на себѣ семитскія вліянія. Воздерживаясь пока отъ высказыванія какихъ либо догадокъ о томъ, какимъ путемъ могли проникнуть въ данную отдаленную мѣстность упомянутыя вліянія, ограничусь сперва лишь указаніемъ на *факты*.

А. Храмы.

а. Общій планъ.

Храмы балтійскихъ славянъ обыкновенно стояли внутри окруженнаго деревянной *оградой* мѣста, т. е. *двора* или *города* (огороженнаго пространства), служившаго мѣстомъ народныхъ собраній: сюда народъ сходился для общественныхъ молитвъ и жертвоприношеній, гаданій и пировъ, для обсужденія общественныхъ дѣлъ. Самый храмъ, внутренность котораго недоступна была простымъ смертнымъ, представлялъ огороженное стѣнами и покрытое *крышею* пространство, заключавшее въ себѣ *святилище*, т. е. *центральную часть*, гдѣ помѣщалось изображеніе бога (или нѣсколькихъ боговъ), *отдѣлявшуюся* отъ остальной части храма *внутренними завѣсами*. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ и наружныя стѣны храма были не сплошныя, а замѣщались *колоннами*, *завѣшанными тканью* и служившими опорою для крыши. *)

Такой планъ храмовъ тѣсно сближается съ планомъ храмовъ семитскихъ народовъ, заимствованнымъ ими изъ Египта и основнымъ типомъ которыхъ можетъ служить скинія евреевъ. Скинія, имѣвшая форму параллелограма, окружена была *дворомъ*, ограда котораго, такъ какъ сооруженіе было походное, представляла не сплошную стѣну, а рядъ *колонъ*, *завѣшанныхъ* цвѣтною *тканью*. *Наружныя стѣны* скиніи, надъ которыми возвышалась *крыша* изъ цвѣтныхъ покрывалъ, покрытыхъ цвѣтными же кожами, сдѣланы

*) Подробное описаніе храмовъ балтійскихъ славянъ см. въ моей книгѣ „Бож. др. слав.“ I, стр. 20 и сл.

Digitized by Google

были изъ деревянныхъ брусьевъ, а мѣсто, гдѣ помѣщался ковчегъ завѣта, отдѣлялось *внутреннею завѣсою*.

Проведемъ еще параллель между описаніемъ „города", въ которомъ помѣщался Ретрскій храмъ и описаніемъ двора идеальнаго храма Господня въ открывшемся пророку Іезекіилу видѣніи. Городъ редарей, Ретра, по свидѣтельству Титмара Мерзебургскаго (XI в.), былъ снабженъ *тремя воротами*. *Двои* изъ этихъ воротъ *доступны* были *каждому*, третьи же, на *восточной* сторонѣ, обращены были къ морю. Изъ такого противоположенія восточныхъ воротъ другимъ можно вывести заключеніе, что *восточныя ворота* были *недоступны народу*. У этихъ воротъ стоялъ извѣстный Ретрскій храмъ.—Прор. Іезекіилъ, которому повелѣно было „возвѣстить дому израилеву", для руководства въ будущемъ, устройство храма Господня, какъ оно представилось ему въ видѣніи, между прочимъ, пишетъ: „*Внѣ храма стѣна* со всѣхъ сторонъ его". Въ стѣнѣ *трои ворота*: сѣверныя, южныя и восточныя. *Народу доступны* только *двои* изъ нихъ (какъ въ оградѣ Ретрскаго храма)—сѣверныя и южныя, *восточныя* же ворота, постоянно запертыя, открываются лишь въ субботу и во дни новомѣсячья и *народу недоступны* (опять какъ въ оградѣ Ретрскаго храма),— черезъ нихъ входить и выходить можетъ одинъ только князь.

б. Украшенія.

Стѣны храмовъ балтійскихъ славянъ, иногда и ворота оградъ ихъ, отличались рельефными, рѣзными украшеніями. Такъ *наружныя стѣны* Ретрскаго храма *украшены* были чудесной *рѣзьбой*, представлявшей изображенія различныхъ *боговъ* и *богинь*. *Стѣны* Штетинской главной контины (священнаго зданія) *внутри и снаружи* покрыты были *рѣзными* изображеніями *людей, птицъ и звѣрей*. *Внѣшняя сторона* Арконскаго храма, по выраженію Саксона Грамматика (XII в.), блистала искусно сдѣланными *барельефами различныхъ фигуръ*. *Внѣшняя сторона воротъ* деревянной ограды Старограднскаго храма, по словамъ Гельмольда (XII в.), была *великолѣпно разукрашена* (конечно, также рѣзными изображеніями).

Испещреніе стѣнъ зданій *рельефными изображеніями* встрѣчаемъ неоднократно въ произведеніяхъ древняго восточнаго искусства. У вавилонянъ, ассиріянъ, какъ и у египтянъ, *стѣны* дворцовъ и храмовъ обыкновенно покрывались *рельефами*. Изображе-

Digitized by Google

или фантастическихъ зверей, гребень, сбитый, преимущественно въ египетско-ассирійскихъ вещахъ, раскрашенъ и гдѣ-то открытъ въ Ирландіи, Спасъ, Гластонбэри, финикійскія гробницы, суть виды зверей, какъ внутри храма, такъ и снаружи.—Кромѣ того Іезекіиль описываетъ удивительно выпуклыя свѣтлыя снаружи и внутри были разныя изображенія, стѣны были украшены и вообще такъ между этими украшеніями, и у каждаго херувима по два лица: одно человѣческое, другое львиное". Развалины ликійскихъ саркофаговъ и гробовъ, высѣченныхъ въ скалахъ, или свободно стоящихъ стѣнахъ представляютъ изображенія деревянныхъ построекъ, очевидно, преобладавшихъ въ Ликіи, точно также и покрыты рельефными изображеніями людей и животныхъ. Здѣсь присоединяется еще въ высшей степени интересная для насъ черта: уцѣлѣвшія рельефныя изображенія вездѣ были раскрашены, иные изъ нихъ даже почти какъ произведенія живописи. Но и на другихъ мѣстахъ были слѣды красокъ, свидѣтельствующіе о томъ, что и самыя скульптуры были раскрашены. Слѣды краски на стѣнахъ финикійскихъ гробницъ найдены Ренаномъ. По словамъ Додора, на стѣнахъ дворовъ, выстроенныхъ на берегахъ Евфрата, изображены были разные звѣри, сцены изъ царской охоты и т. п. Звѣри эти были весьма искусно раскрашены.

Взглянемъ опять на храмы балтійскихъ славянъ, представляющіе и въ этомъ отношеніи чрезвычайную аналогію съ храмами и дворцами народовъ древняго востока. *Барельефы*, которыми „блистала" внѣшняя стѣна Арконскаго храма, были, по свидѣтельству Саксона, „безобразно и грубо раскрашены". О *выдающихся разноцвѣтныхъ изображеніяхъ* людей, птицъ и звѣрей, которыми были украшены внутри и снаружи стѣны Штетинской главной контины, Гербордъ (XII в.) говоритъ, что они были представлены „столь естественно и вѣрно, что, казалось, они дышатъ и живутъ, но, что рѣдко встрѣчается, прибавляетъ Гербордъ, *краски наружныхъ изображеній* отличались особенно прочностью: ни снѣгъ, ни дождь не могли потемнить или смыть ихъ; таково было искусство *живописцевъ*". Любовь балтійскихъ славянъ къ окрашиванію зданій, подобно финикіянамъ и ликійцамъ, въ яркіе цвѣта выражается и въ томъ, что Арконскій храмъ вѣнчался, по свидѣтельству Саксона, *красною* кровлею.

Digitized by Google

в. Храмовыя богатства. Храмовая утварь.

Храмы балтійскихъ славянъ обладали большими богатствами. Саксонъ Грамматикъ говоритъ объ огромномъ количествѣ *золота* и другихъ *сокровищъ*, сохранявшихся въ сундукахъ въ Арконскомъ храмѣ, а равно и о множествѣ общественныхъ и частныхъ *даровъ*, жертвовавшихся на пользу храма по обѣтамъ. По словамъ Гельмольда, руяне послѣ побѣды полагали часть награбленнаго *золота* и *серебра* въ сокровищницу Святовита Арконскаго. По свидѣтельству скандинавскаго сказанія (Knytlingasaga) въ капищахъ Кореницкихъ хранилось множество *денегъ*, *золота*, *серебра*, *шелку*, *бумажныхъ тканей краснаго цвѣта и тканей пурпуровыхъ*, *шлемовъ*, *мечей*, *латъ* и всякаго *оружія*. Титмаръ упоминаетъ о *дарахъ*, которые приносились вѣрующими въ Ретрскій храмъ, по возвращеніи изъ похода. По свидѣтельству Герборда, поморяне, „*по старому обычаю предковъ*“, приносили въ Штетинскій храмъ извѣстную долю награбленныхъ богатствъ, оружія и всякой добычи; тамъ сберегались *золотые и серебряные сосуды и чаши*, огромные *рога* туровъ, украшенные *позолотой и драгоцѣнными камнями*, *рога* приспособленные *къ музыкѣ*, *кинжалы*, *ножи* и всякая *драгоцѣнная утварь*.

Снабженіе храмовъ сокровищами, притекавшими въ нихъ по обѣтамъ частныхъ лицъ или представлявшими извѣстную долю награбленной добычи или добровольныя пожертвованія вѣрующихъ,— явленіе общее у всѣхъ народовъ, воздвигавшихъ богамъ своимъ храмы. Евреи, по взятіи Іерихона, городъ сожгли, „только *серебро* и *сосуды мѣдные и желѣзные* отдали въ сокровищницу дома Господня“ (т.-е. скиніи), который въ то время уже обладалъ значительнымъ количествомъ *золотой утвари*. Давидъ, побѣдивъ Сувскаго царя Адраизара, взялъ у рабовъ его *золотые щиты*, въ городахъ Адраизаровыхъ онъ взялъ весьма много *мѣди*, къ этой добычѣ присоединились еще *сосуды серебряные*, *золотые и мѣдные*, принесенные Давиду въ даръ царемъ Имафа Ѳоемъ. Всѣ эти предметы, а также *серебро и золото*, отнятое имъ у другихъ народовъ (сирянъ, моавитянъ, аммонитянъ и др.), „посвятилъ царь Давидъ Господу“. Всѣ собранныя имъ богатства Давидъ передалъ Соломону, завѣщавъ ему построить храмъ въ Іерусалимѣ и украсить его этими сокровищами, что и было исполнено Соломономъ, кото-

Digitized by Google

рый еще значительно *увеличилъ храмовыя богатства* и украсилъ домъ Господень съ баснословною роскошью. Весь храмъ внутри и стоявшіе въ немъ деревянные херувимы были *обложены золотомъ*, жертвенникъ былъ *золотой*, вся храмовая утварь — *золотая*. Въ перечисленіи послѣдней поименовываются тѣ же, приблизительно, предметы, какъ и въ Штетинскомъ храмѣ: *блюда*, *ножи*, *чаши*, *ложки* и пр. Храмъ Сирійской богини въ Гіераполисѣ, по свидѣтельству Лукіана, обладалъ чрезвычайными *богатствами*: сюда прибывали многочисленные дары изъ Аравіи, Финикіи, Вавилоніи, Каппадокіи, Киликіи и Ассиріи. Лукіанъ видѣлъ сложенныя въ особомъ сокрытомъ помѣщеніи храма *драгоцѣнныя одѣянія* и разные другіе предметы, изготовленные изъ *золота и серебра*. *Серебряными и золотыми* чашами, курильницами, вѣнками и другими *драгоцѣнными предметами*, приносимыми въ даръ или по обѣтамъ отъ частныхъ лицъ, изобиловали и главнѣйшіе храмы греческіе и римскіе, напр.—храмы Аполлона въ Дельфахъ, Зевеса Олимпійскаго въ Элидѣ, Юпитера Капитолійскаго въ Римѣ и др. Изъ такихъ даровъ съ теченіемъ времени образовывались *богатѣйшія сокровищницы*, по временамъ подвергавшіяся разграбленію и затѣмъ вновь возстановлявшіяся.

Между предметами храмового обихода у евреевъ называются *трубы*, какъ въ Штетинскомъ храмѣ „*рога туровъ*, приспособленные къ музыкѣ“. Трубы у евреевъ употреблялись какъ при богослуженіи, такъ и для созыванія народа и подачи ему сигналовъ. Трубили въ трубы священники: „и въ *день веселія* вашего и въ *праздники* ваши и въ *новомѣсячія* ваши *трубите трубами* при *всесожженіяхъ* вашихъ и при *мирныхъ жертвахъ*“, предписывалъ Господь евреямъ. Перенесеніе ковчега Господня изъ дома Аведдарова въ городъ Давидовъ происходило съ восклицаніями и *трубными звуками*. — Упомянутые выше *рога туровъ* въ Штетинскомъ храмѣ имѣли, вѣроятно, подобное же религіозно-обрядное значеніе; о нихъ говорится именно, что они были *приспособлены къ музыкѣ*, хотя прямого указанія на то, что игра на нихъ входила въ составъ богослуженія, мы не имѣемъ. Зато относительно ближайшихъ сосѣдей балтійскихъ славянъ—народовъ литовскаго племени—существуетъ достовѣрное свидѣтельство объ обрядномъ употребленіи ими духовыхъ музыкальныхъ орудій въ *дни народнаго веселія*, въ *праздники*, а именно во время отправленія ими главнѣйшихъ

Digitized by Google

годовыхъ религіозныхъ торжествъ: весенняго—въ честь бога Пергрубія, и осенняго—во славу бога Земенника; въ обоихъ случаяхъ, по словамъ Стрыйковскаго, (XV Iв.), „пѣли пѣсни и *играли на длинныхъ трубахъ*“.

г. Пурпуровыя завѣсы и одежды.

Къ числу наиболѣе характеристическихъ предметовъ, свойственныхъ храмамъ балтійскихъ славянъ, принадлежатъ игравшія въ нихъ важную роль *пурпуровыя ткани*.—Извѣстно, что въ особенности въ западно-азіатскихъ государствахъ были въ большомъ употребленіи и высоко цѣнились *пурпуровыя ткани*. Приготовленіемъ пурпуровой краски и пурпуровыхъ тканей славились финикіяне, а изъ нихъ въ особенности тиряне. Восточные цари, а вслѣдъ за ними и прочія знатныя особы, а равно и жрецы, облекались въ *пурпуровыя одѣянія*, какъ признакъ высокаго происхожденія. По повелѣнію Валтасара, „облекли Даніила въ *багряницу*... и провозгласили его *третьимъ властелиномъ* въ царствѣ“. Артаксеркс, желая оказать особенную почесть Мардохею, приказалъ облечь его въ царскую одежду, возложить на него висонную и *пурпуровую мантію*. Іонафанъ (сынъ Іуды Маккавея), въ знакъ особенной почести, одѣтъ былъ царемъ Александромъ (сыномъ Антіоха Эпифана) въ *порфиру*. Вавилонскіе, ассирійскіе и, по ихъ примѣру, персидскіе и др. цари массами складывали въ своихъ дворцахъ *пурпуровыя ткани*. По свидѣтельству Плутарха, Александръ нашелъ въ Сузѣ запасъ *пурпуровыхъ тканей*, цѣною въ 5000 талантовъ. Іуда Маккавей, побѣдившій Горгія, нашелъ въ станѣ его „много золота и серебра, гіацинтовыхъ и *багряныхъ одеждъ* и великое богатство“. Древніе клинописныя надписи упоминаютъ объ *украшеніи идоловъ* въ халдейско-ассирійскихъ культахъ золотыми и серебряными одѣяніями, сверхъ которыхъ надѣвались одежды изъ *тканей*. Прор. Іеремія подтверждаетъ это извѣстіе, говоря объ *одеждахъ* изъ *пурпура и червленицы*, украшавшихъ вавилонскихъ истукановъ. Во храмѣ Сирійской боигни въ Гіерополисѣ избиравшійся ежегодно верховный жрецъ, по свидѣтельству Лукіана, одинъ только облекался въ *пурпуровую мантію*. Тертулліанъ упоминаетъ о *красныхъ одѣяніяхъ* жрецовъ Ваала въ Карѳагенѣ. Во дворцахъ и въ шатрахъ знатныхъ особъ, а равно и

Digitized by Google

во храмахъ восточныхъ народовъ, *пурпуровыя ткани* служили *коврами и завѣсами*. Въ шатрѣ Олоферна натянута была *завѣса*, украшенная *пурпуромъ*, золотомъ и драгоцѣнными камнями. Завѣса изъ голубой, *пурпуровой и червленой шерсти* закрывала въ скиніи „ковчегъ откровенія“. Во храмѣ Соломоновомъ ковчегъ помѣщался за *завѣсою*, сдѣланною „изъ *яхонтовой, пурпуровой и багряной ткани*“. Пурпуровыя ткани извѣстны были уже въ древнемъ Египтѣ и оттуда, вѣроятно, распространились въ переднюю Азію. Священныя животныя въ египетскихъ храмахъ, по свидѣтельству Климента Александрійскаго, покоились на великолѣпно украшенныхъ, покрытыхъ *пурпуровыми тканями ложахъ*; изображеніе позолоченной коровы, внутри которой египетскій царь Микеринъ схоронилъ тѣло умершей любимой дочери своей, покрывалось, по словамъ Геродота, *пурпуровой мантіей*. Изображеніе Озириса, по свидѣтельству Плутарха, было облечено въ *огненно-цвѣтную*, очевидно, *пурпуровую мантію*.

Весьма сходныя явленія повторяются и у балтійскихъ славянъ. Внутренняя ограда Арконскаго храма, по словамъ Саксона Грамматика, „состояла изъ четырехъ крѣпкихъ колоннъ, которыя, не соединяясь твердою стѣною, *увѣшаны были коврами*“; кромѣ того, весь храмъ Святовита *увѣшанъ былъ пурпуровою тканью*, „прекрасной, но уже истлѣвшей“. По словамъ того же автора, какъ самый храмъ Руіевита, находившійся въ Кореницѣ, на островѣ Руянѣ, такъ и стоявшее въ передней части его капище (святилище), не имѣя стѣнъ, *завѣшаны были пурпуровою тканью*. За этой тканью скрывался идолъ Руіевита, какъ ковчегъ завѣта въ скиніи, а впослѣдствіи — въ Іерусалимскомъ храмѣ; „когда сорваны были *оба покрова*, говоритъ Саксонъ, то дубовый идолъ Руіевита безобразно раскрылся со всѣхъ сторонъ“. Истуканъ Радегаста въ Ретрскомъ храмѣ, по словамъ Адама Бременскаго, былъ золотой, а ложе его изъ *пурпуровой ткани*. Въ числѣ сокровищъ, хранившихся въ Кореницкихъ капищахъ, какъ мы видѣли выше, были *пурпуровыя ткани*; въ сундукахъ, въ святилищѣ Святовита Арконскаго, по свидѣтельству Саксона, сохранялось „*много пурпуровыхъ одеждъ* (см. выше склады и запасы пурпуровыхъ тканей у восточныхъ царей), отъ ветхости гнилыхъ и худыхъ“. Послѣднее замѣчаніе показываетъ, что одежды эти, а равно и истлѣвшая пурпуровая завѣса въ самомъ храмѣ, уже

Digitized by Google

не возобновлялись въ эпоху Саксона, а составляли храмовое достояніе, унаслѣдованное съ давнихъ временъ. На истуканѣ Святовита Арконскаго была „верхняя *одежда*", спускавшаяся до берцовъ. Можетъ быть, и эта одежда, о цвѣтѣ и качествахъ которой Саксонъ умалчиваетъ, была сдѣлана изъ пурпуровой ткани, какъ на идолахъ египетскихъ и ассирійско-вавилонскихъ. Замѣчу еще, что преданіе о балтійско-славянскомъ, заподозрѣнномъ въ подложности, богѣ Флинсѣ (Flyns) представляетъ его одѣтымъ въ *красную мантію*. Во всякомъ случаѣ важная роль, которую, очевидно, играли пурпуровыя ткани въ декораціи храмовъ, отчасти и идоловъ балтійскихъ славянъ, и совпаденіе этой чрезвычайно характеристической, единственной въ своемъ родѣ, черты съ тождественными явленіями на древнемъ востокѣ заслуживаютъ полнаго вниманія.

Б. Идолы.

Многіе древніе народы первоначально поклонялись богамъ своимъ *безъ идоловъ*. Объ отсутствіи идоловъ у пеласговъ, у персовъ свидѣтельствуетъ Геродотъ, у древнихъ италиковъ—Варронъ. У южныхъ славянъ вовсе не видно слѣдовъ почитанія идоловъ, у восточныхъ—боготвореніе истукановъ встрѣчается только въ нѣкоторыхъ центрахъ цивилизаціи (Кіевѣ, Новгородѣ, Ростовѣ), при чемъ великолѣпные, по тогдашнему вкусу, истуканы, поставленные Владиміромъ на кіевскомъ холмѣ, вѣроятно, заимствованы были отъ балтійскихъ славянъ *).

Идолопоклонство вообще, вѣроятно, произошло изъ почитанія изображеній боготворимыхъ умершихъ предковъ и родичей, родовыхъ геніевъ, то-есть пенатовъ или домовыхъ боговъ. Въ этомъ смыслѣ разсуждаетъ уже Соломонъ: „Вымыслъ идоловъ — начало блуда", говоритъ онъ, „и изображеніе ихъ—растлѣніе жизни. *Не было ихъ вначалѣ*, и не во вѣки они будутъ. Отецъ, терзающійся горькою скорбію о рано умершемъ сынѣ, *сдѣлавъ изображеніе, какъ уже мертваго человѣка*, затѣмъ сталъ *почитать его, какъ бога*". Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ говоритъ о художникѣ, который, уподобивъ древесный сукъ образу человѣка или животнаго, „устроивъ для него достойное его мѣсто, *повѣсилъ* его *на стѣнѣ*, укрѣпивъ желѣзомъ". Послѣднія слова Соломона от-

*) Ср. Бож. др. слав. I, 76. 89.

Digitized by Google

носятся, очевидно, къ божествамъ, почитавшимся домашнимъ культомъ (на это указываетъ прикрѣпленіе идоловъ къ стѣнѣ жилища), то-есть къ *домовымъ богамъ* въ образѣ человѣка, къ которымъ присоединяются уже и изображенія боготворимыхъ звѣрей, вѣроятно, служившихъ символами извѣстныхъ божествъ. Домовыми божками были, очевидно, тѣ золотые идолы, которые Рахиль похитила у отца своего Лавана (месопотамца), скрывъ ихъ подъ верблюжье сѣдло, на которое сама сѣла. Идолы эти составляли не общественную святыню, а принадлежали исключительно дому Лавана, были *его богами*, то-есть *домовыми богами*. Въ Хорсабадскомъ дворцѣ, подъ порогами дверей, найдены небольшія глиняныя *статуэтки*, изображающія разныхъ боговъ: Вила—въ украшенной бычачьими рогами тіарѣ, Нергала—съ львиной головой и др. Древнія надписи объясняютъ назначеніе этихъ фигурокъ, разставлявшихся въ разныхъ частяхъ дома: онѣ должны были *покровительствовать дому*, устранять отъ него враговъ и всякое зло.

О существованіи домовыхъ боговъ у балтійскихъ славянъ и чеховъ неоднократно свидѣтельствуютъ средневѣковые писатели: Титмаръ говоритъ о жертвоприношеніяхъ, предлагавшихся *домовымъ богамъ*. По словамъ Гельмольда, *пенатами* (домовыми богами) и идолами была преисполнена страна Староградская. Козьма Пражскій говоритъ о *пенатахъ*, принесенныхъ Чехомъ, о самодѣльныхъ истуканахъ (вѣроятно, также служившихъ домовыми богами), которымъ еще въ его время (XII в.) поклонялись чехи. Быть можетъ, въ качествѣ пенатовъ же почитались и нѣкоторыя изъ *статуэтокъ*, добытыхъ при раскопкахъ на балтійскомъ побережьѣ (въ Вагріи, Штральзундѣ, Верхней Лужицѣ, Ней-Стрелицѣ) и въ Кёнигсгрецкомъ округѣ въ Богеміи. Ушки и выступы на нѣкоторыхъ изъ нихъ свидѣтельствуютъ о томъ, что онѣ прикрѣплялись къ чему-то: вѣроятно—къ стѣнамъ комнатъ, въ качествѣ домовыхъ божковъ. Въ землѣ Редарей найдены и *маленькія изображенія быковъ*, которыя, быть можетъ, также служили предметами домашняго культа.

Переходя, затѣмъ, къ *общественнымъ идоламъ*, стоявшимъ у балтійскихъ славянъ въ рощахъ, на горахъ, холмахъ, площадяхъ и въ храмахъ, опять встрѣчаемъ необыкновенныя, неожиданныя аналогіи съ народами азіатскими. Авторы книгъ ветхаго завѣта весьма часто упоминаютъ объ идолахъ народовъ, жившихъ по сосѣд-

Digitized by Google

ству съ Израилемъ; изъ словъ ихъ видно, что идолы эти были деревянные или глиняные, обложенные мѣдью, серебромъ или золотомъ, иногда каменные, часто литые изъ металла, преимущественно изъ серебра или золота. „*Боговъ литыхъ* не дѣлайте себѣ", говорилъ Господь Моусею. Оставленные филистимлянами истуканы были сожжены Давидомъ, слѣдовательно, они были *деревянные*. Точно такъ и Іуй *сжегъ* въ Самаріи статуи, вынесенныя изъ храма Ваалова, а Іосій сокрушилъ „*рѣзные и литые* кумиры", поставленные въ Іерусалимѣ впавшимъ въ язычество народомъ. „Идола *выливаетъ* художникъ, и золотильщикъ *покрываетъ* его *золотомъ* и придѣлываетъ *серебряныя цѣпочки*", говоритъ пророкъ Исаія. „Вырубаютъ *дерево* въ лѣсу", пишетъ пророкъ Іеремія, „обдѣлываютъ его руками плотника при помощи топора, *покрываютъ серебромъ и золотомъ*, прикрѣпляютъ гвоздями и молотомъ, чтобы не шаталось". Навуходоносоръ сдѣлалъ *золотой* истуканъ, вышиною въ шестьдесятъ локтей, шириною въ шесть локтей. Валтасаръ и его вельможи, по словамъ пророка Даніила, „пили вино и славили боговъ *золотыхъ, серебряныхъ, мѣдныхъ, желѣзныхъ, деревянныхъ и каменныхъ*". О вавилонскомъ идолѣ Вила (Bilu, Bel) тотъ же пророкъ выражается такъ: „онъ внутри *глина*, а снаружи *мѣдь*". Геродотъ и Діодоръ разсказываютъ о *золотыхъ* истуканахъ боговъ въ вавилонскомъ храмѣ Вила. Лукіанъ упоминаетъ о стоявшихъ въ гіераполисскомъ храмѣ *золотыхъ* идолахъ бога и богини, которыхъ онъ называетъ именами Зевеса и Геры. Евреи, не разъ впадавшіе въ идолопоклонство, сооружали себѣ подобныхъ же боговъ въ образѣ *человѣка* или *тельца*. Діодоръ упоминаетъ о *мѣдномъ* идолѣ Крона (Ваала) въ Карѳагенѣ. По словамъ Аппіана, колоссальный истуканъ коѳонскаго (на сѣверномъ берегу Африки) храма былъ *вызолоченъ*. Древніе греки и этруски также воздвигали богамъ своимъ, по примѣру азіатскихъ народовъ, *золоченые* или богато *украшенные золотомъ* истуканы.

Идолы балтійскихъ славянъ были также частью *деревянные*, частью металлическіе, *золотые* и *мѣдные* (о каменныхъ истуканахъ старинныя свидѣтельства умалчиваютъ). Первые нерѣдко были *колоссальной величины* и *украшены металлическими аттрибутами*. Идолы въ Гостьковѣ отличались невѣроятнымъ, по словамъ Эбона (XII в.), *изяществомъ отдѣлки* и были столь удивительной *величины*, что нѣсколько паръ быковъ едва могли сдви-

Digitized by Google

нуть ихъ съ мѣста. Кумиръ Святовита Арконскаго *превосходилъ ростъ человѣка.* Идолъ Руіевита, по свидѣтельству Саксона, *толщиною* превосходилъ человѣческое тѣло, а *высокъ* былъ такъ, что Абсолонъ, принимавшій участіе въ разрушеніи его святилища, будучи самъ очень высокаго роста, едва могъ достать его подбородокъ ручнымъ своимъ топоромъ. Истуканъ Святовита Арконскаго держалъ въ рукѣ рогъ, сдѣланный изъ разныхъ *металловъ*; ножны и черенъ огромнаго меча его, кромѣ красивыхъ рѣзныхъ фигуръ, были украшены отличною *серебряною отдѣлкою*; щитъ Яровита Волегастскаго былъ обтянутъ *золотомъ.* Идолъ, стоявшій въ одномъ изъ городовъ Вагріи, упоминаемый Видукиндомъ подъ именемъ Сатурна, былъ сдѣланъ изъ *мѣди*; идолъ Триглава въ Волыни былъ *золотой*, другія небольшія изваянія волынскихъ боговъ были украшены *серебромъ и золотомъ*; истуканъ Радегаста въ Ретрскомъ храмѣ былъ *золотой;* идолъ Триглава въ Штетинѣ имѣлъ покрывавшую три лица его *золотую* повязку; истуканъ Черноглава (на островѣ Руянѣ) изображенъ былъ съ *серебряными* усами; у идола въ образѣ старца, описаннаго Масуди, голова была *золотая.*

Главными аттрибутами боговъ балтійскихъ славянъ служили *мечъ* (у Святовита Арконскаго, Руіевита Кореницкаго), *сѣкира* (у Радегаста бодричей), наконецъ, *щитъ* (у Яровита Волегастскаго).—„Имѣетъ *мечъ* въ правой рукѣ и *сѣкиру*“, говоритъ пророкъ Іеремія о богахъ вавилонскихъ.

„Вы увидите въ Вавилонѣ боговъ серебряныхъ, золотыхъ и деревянныхъ, *носимыхъ на плечахъ*“... замѣчаетъ тотъ же пророкъ, „безногіе, они *носятся на плечахъ*“. Картину древне-ассирійской религіозной *процессіи съ истуканами боговъ* можно видѣть у Лаярда (*Lajard*: The monum. of Ninev.). Тамъ же изображена военная сцена взятія города штурмомъ. Въ одномъ изъ угловъ картины воины, очивидно, изъ числа осаждающихъ непріятельскій городъ, *несутъ на плечахъ нѣсколько идоловъ.* Объ обрядномъ *ношеніи изображеній боговъ* въ Гіераполисѣ, въ Сиріи, упоминаетъ Лукіанъ.

Балтійскіе славяне также *носили изображенія боговъ* своихъ передъ войскомъ, отправляясь въ походъ. Лютичи, по свидѣтельству Титмара, „слѣдовали за своими *богами*, которые имъ *предшествовали*“. По словамъ того же автора, славяне, въ числѣ 30

Digitized by Google

частью пѣшихъ, частью конныхъ отрядовъ, разрушили непріятельское имущество, *при помощи своихъ боговъ*. И эти слова слѣдуетъ понимать такъ, что названные воины шли въ бой, *неся съ собою своихъ боговъ*.

Въ то время какъ всѣ до сихъ поръ разсмотрѣнныя черты идоловъ (и храмовъ) балтійскихъ славянъ тѣсно сближаютъ ихъ съ соотвѣтствующими предметами культа древнихъ восточныхъ народовъ семитскихъ или подчиненныхъ семитскому вліянію, въ нихъ проявляется одна весьма характеристическая черта древне-арійская, а именно—многія балтійско-славянскія божества изображались о *нѣсколькихъ головахъ* или *лицахъ*: Триглавъ имѣлъ *три головы* или *три лица*, Святовитъ—*четыре головы*, Руіевитъ—семь лицъ, Поревитъ—пять головъ, Поренутъ *четыре лица* (и *пятое* на груди). *Многоглавіе* боговъ можетъ быть прослѣжено у многихъ народовъ арійскаго племени.

Одинъ изъ древнѣйшихъ боговъ, упоминаемыхъ въ Ведахъ, былъ *Трилавъ* (трисиросъ). *Трехголовыми* являются у древнихъ грековъ пеласгійскій богъ Гермесъ и еракійская богиня Геката; у кельтовъ—Cernunnos; у балтійскихъ славянъ—Триглавъ. Подробнѣе о трехглавахъ и тройственныхъ богахъ я говорю въ другомъ очеркѣ: „Кто былъ Троянъ и т. д.“? *Четырехлицыми* представлялся Варуна въ Ведахъ, позже изображались Брама, Вишну, Рава у индійцевъ; *четырехлицымъ* (позже двулицымъ) представлялся и изображался Янусъ у древнихъ италиковъ, *четырехголовымъ*—Святовитъ у балтійскихъ славянъ, имѣвшій храмы во многихъ мѣстахъ. Пространное разсужденіе о Святовитѣ помѣщено въ моей книгѣ: „Бож. др. слав.“ I, 126—139. Нагроможденіе въ изображеніяхъ божествъ головъ или лицъ (какъ въ Инціи, кромѣ того, еще нагроможденіе рукъ, ногъ) имѣло, несомнѣнно, аллегорическое значеніе.

В. Верховный жрецъ.

Изъ святилищъ балтійскихъ славянъ наибольшимъ почетомъ и извѣстностью пользовалось святилище Святовита Арконскаго на островѣ Руянѣ. Оно служило главнымъ, первенствующимъ религіознымъ центромъ всѣхъ балтійскихъ славянъ. Жрецъ Арконскаго храма, по свидѣтельству Саксона Грамматика, *вопреки обыкновенію страны, не стригъ ни головы, ни бороды*. Онъ слѣдовалъ въ данномъ случаѣ,

Digitized by Google

несомнѣнно, древней традиціи, о которой упоминается уже въ законѣ Моусеевомъ, предписывающемъ назареямъ не обстригать волосъ: „если мужчина или женщина рѣшится дать обѣтъ назарейства, чтобы посвятить себя въ назареи Господу, то... во всѣ дни обѣта назарейства его *бритва не должна касаться головы его.., долженъ растить волосы* на головѣ своей".

Тотъ же *жрецъ*, по свидѣтельству Гельмольда, *почитался народомъ выше князя*.— Это опять характеристическая черта, встрѣчающаяся у народовъ древняго востока. „Чѣмъ болѣе мы приближаемся къ Сиріи и Персіи", замѣчаетъ Мори, „тѣмъ болѣе проявляется преобладаніе ѳсократической формы правленія. *Верховный жрецъ* въ культахъ многочисленныхъ божествъ восточнаго происхожденія является вмѣстѣ съ тѣмъ и *главою страны*". Такъ напр., жрецъ Анаиты въ Целѣ (Понтійской провинціи) въ древности обладалъ здѣсь *верховнымъ авторитетомъ*; жрецу богини Ма въ Команѣ (въ Каппадокіи) жители *повиновались болѣе*, чѣмъ управлявшему ими царю; въ Марименѣ (въ Каппадокіи же) жрецъ бога, называвшагося греками Зевесомъ, игралъ послѣ жреца команскаго *первую роль* въ данной провинціи.—Высокое, первенствующее значеніе верховнаго жреца Руянъ опять является, слѣдовательно, основаннымъ на древнихъ восточныхъ преданіяхъ.

Г. Загадочныя параллели.

Изъ всего вышеизложеннаго нельзя не вывести заключенія, что своеобразный языческій культъ балтійскихъ славянъ, столь рѣзко отличающійся во многихъ отношеніяхъ отъ культовъ прочихъ славянъ, заключаетъ въ себѣ множество элементовъ семитскихъ и отчасти малоазійскихъ, проникшихъ сюда путями, вовсе еще не изслѣдованными, но отрицать которые невозможно, въ виду несомнѣнныхъ, достовѣрныхъ фактовъ, записанныхъ современными лѣтописцами, которые не могутъ быть подозрѣваемы въ сообщеніи праздныхъ измышленій о предметахъ и явленіяхъ, ими видѣнныхъ и тщательно отмѣченныхъ. Балтійско-славянскіе храмы, какъ мы видѣли, и по плану своей постройки, и по украшеніямъ стѣнъ и воротъ, и по заключавшимся въ нихъ сокровищамъ, наконецъ, по украшавшимъ ихъ пурпуровымъ завѣсамъ и складамъ пурпуровыхъ одеждъ, представляютъ поразительное сходство съ храмами

Digitized by Google

(и дворцами) народовъ передней и Малой Азіи. Идолы балтійскихъ славянъ, независимо отъ широко развитаго въ нихъ древнеарійскаго принципа многоглавія, представляютъ не менѣе удивительное сходство съ идолами тѣхъ же азіатскихъ народовъ. То-же замѣчено было и относительно важнаго значенія верховнаго жреца.

Остановлюсь еще на нѣкоторыхъ, не менѣе интересныхъ параллеляхъ. При разсмотрѣніи значенія *Святовита Арконскаго* (Бож. др. слав. I, 126 и сл.) я провелъ параллель между этимъ богомъ и греко-римскимъ Геракломъ —Геркулесомъ. По той роли, которую онъ игралъ въ прибалтійской области, Святовитъ Арконскій сближается и съ финикійскимъ Геракломъ—*Мелкартомъ*, знаменитыя святилища котораго находились въ Тирѣ, Гадирѣ (Кадиксѣ) и др. мѣстахъ. Какъ святилище Мелкарта въ Гадирѣ пользовалось въ своемъ районѣ громкою извѣстностью, служило цѣлью паломничества изъ далекихъ мѣстъ, предметомъ почитанія и другихъ народовъ, такъ и Арконскій храмъ на островѣ Руянѣ служилъ не только главнымъ религіознымъ центромъ для всего прибалтійскаго славянства, но пользовался вмѣстѣ съ тѣмъ высокимъ уваженіемъ и среди другихъ народовъ: кумиру Святовита Арконскаго, по словамъ Саксона Грамматика, давали дань не только вся славянская земля (разумѣется, прибалтійская), но даже сосѣдніе государи посылали ему подарки, „предпочитая чужую вѣру своей“.

Видукиндъ видѣлъ въ одномъ изъ городовъ Вагріи *мѣдный истуканъ Сатурна* (Крона). — По свидѣтельству Діодора, въ Карѳагенѣ стоялъ *мѣдный идолъ Крона* (Ваала). Между прочими божествами балтійскихъ славянъ игралъ одну изъ главнѣйшихъ ролей *Радегастъ*, имѣвшій святилища въ Ретрѣ, землѣ Редарей, а также и въ землѣ Бодричей. По преданіямъ, сообщеннымъ Бангертомъ и другими авторами, идолъ *Радегаста бодричей* въ лѣвой рукѣ держалъ *сѣкиру о двухъ лезвіяхъ*, т.-е. нѣчто вродѣ *алебарды*. Имя Радегастъ, сближаемое съ *рат* (серб.), *рать* (русск.), значитъ „*ратный* гость“, „*ратный* богъ.“—У Карійцевъ (собственно Каріей называлась береговая область въ югозападномъ углу Малой Азіи) находимъ бога, по свидѣтельству Геродота, спеціально этому народу свойственнаго, извѣстнаго у греческихъ писателей подъ именемъ *Завеса ратнаго* (Zeus stratios); онъ назывался также *алебарднымъ*, вслѣдствіе того, что истуканъ его держалъ въ рукѣ *сѣкиру о двухъ лезвіяхъ* или *алебарду* (отъ лидій-

Digitized by Google

скаго слова *Labrys*). *Оба ратные, алебардные бога*, на берегахъ одинъ—Эгейскаго, другой — Балтійскаго морей, представляютъ совпаденіе довольно интересное.

У ближайшихъ западныхъ сосѣдей балтійскихъ славянъ, германцевъ, пользовались особеннымъ почетомъ *мечевые* боги, боги *меченосцы* (Zio или Tyr, Saxnôt, Heru и др.). Мечъ, какъ и другія острыя оружія (копье, стрѣла и др.), въ первоначальномъ миѳологическомъ значеніи своемъ служилъ символомъ свѣтового луча, свѣта. Вооруженный мечомъ, копьемъ и пр. свѣтовой богъ, какъ побѣдитель тьмы, получалъ *воинственный* характеръ. Мечевые боги германцевъ, воинственные по своему характеру, отождествлялись писателями съ *Марсомъ или Аресомъ, богами войны*. Германскій *Heru* тѣсно сближается съ балтійско-славянскимъ *Геровитомъ* (Herovitus) или *Яровитомъ*, почитавшимся въ Гавельбергѣ и Волегастѣ. Подобно германскимъ мечевымъ богамъ, и Яровитъ считался *богомъ войны*; по словамъ Герборда, Яровитъ „по латыни называется *Марсомъ*.“— Опять встрѣчаемъ въ Каріи, спеціально этой странѣ свойственнаго *бога-меченосца*, называвшагося греками Зевесомъ *златомечнымъ* (Zeus Chrysaoreus) и представляющаго интересную параллель съ мечевыми богами прибалтійскими.

Къ числу наиболѣе характеристическихъ божествъ лелего-карійскихъ (лелеги—народъ близко-родственный, если не тождественный карійцамъ) принадлежала *богиня-кормилица*, богиня-*мать всей живой природы*, знаменитое, пользовавшееся громкою извѣстностью святилище которой находилось въ Эфесѣ, нѣкогда принадлежавшемъ лелегамъ. Греки называли эту богиню *Артемидой эфесской*. Изображеніе этой богини отличалось тѣмъ, что *вся грудь ея была покрыта многочисленными сосками*, служившими символомъ питательной, плодоносной ея природы. Культъ Артемиды эфесской, высоко почитавшейся и греками, распространился по всей Фригіи и Каріи, также во многихъ мѣстахъ Греціи, отсюда перешелъ въ Массилію, а отсюда массилійскими колонистами перенесенъ въ разныя мѣста Иберіи. Въ Римѣ сходный съ многососковымъ образомъ Артемиды эфесской видъ имѣла Діана авентинская.—Среди вендовъ (остатки прибалтійскаго славянства) сохранилось преданіе о подобной же богинѣ, по имени *Цица*, что значитъ сосокъ. По свидѣтельству разныхъ старинныхъ авторовъ, записавшихъ древнее вендское преданіе о Цицѣ, это была *богиня-кормилица, мать-кор-*

Digitized by Google

милица, *мать-земля*, подательница *плодородія*; она изображалась, какъ и Артемида эфесская, съ *множествомъ сосковъ* на груди. Ей покланялись съ особеннымъ благоговѣніемъ безплодныя женщины. Она пользовалась особымъ почитаніемъ въ городѣ *Цейцъ* (Zeitz, въ Мерзебургскомъ округѣ), получившемъ свое названіе отъ имени *Цица*.

Укажу еще на одинъ изъ интересныхъ миѳологическихъ образовъ лелего-карійскихъ, а именно на *Эндиміона*, прекраснаго юношу, генія ночи и глубокаго сна: онъ спалъ непробуднымъ сномъ, *сокрытый* въ горной пещерѣ, гдѣ еженочно посѣщала его влюбленная въ него заходящая богиня луны, Селена. Имя юнаго бога производится отъ ἐν-δύω, что значитъ *погружаюсь* во что-нибудь.—Въ числѣ кореницкихъ боговъ на островѣ Руянѣ опять находимъ миѳологическую личность, по имени своему буквально совпадающую съ Эндиміономъ. Это—*Поренутъ*; имя его сближается съ *поронути* (серб.), ponořiti (чеш.)—*погрузиться*, означающими буквально то же, что ἐν-δύω. Поренутъ, однако, самъ обнаруживаетъ лунную природу и представляетъ, какъ по существу своему, такъ въ особенности по внѣшнему виду, уже значительное отступленіе отъ соименнаго ему лелего-карійскаго оригинала.

Ограничиваюсь приведенными параллелями, указывающими на какую-то связь культа балтійскихъ славянъ съ древнѣйшими религіозными преданіями восточныхъ народовъ, какъ арійскаго, такъ и семитскаго племенъ. Своеобразныя, однимъ балтійскимъ славянамъ свойственныя черты культа, а именно: храмы опредѣленной архитектуры, съ ихъ украшеніями, пурпуровыми завѣсами, золотые, мѣдные или украшенные золотыми и серебряными атрибутами идолы, сословіе жрецовъ,—черты, какъ будто бы непосредственно заимствованныя изъ семитскаго міра; божества, сближающіяся частью съ древне-семитскими: Святовитъ (Мелкартъ), Сатурнъ (Кронъ-Ваалъ), частью съ лелего-карійскими: Радегастъ (Зевесъ ратный), Яровитъ (Зевесъ златомечный), Поренутъ (Эндиміонъ), Цица (Артемида эфесская),—все это наводитъ на предположеніе, что балтійскіе славяне развились и жили при совершенно иныхъ условіяхъ, чѣмъ прочіе ихъ соплеменники. Если бы они принесли съ собою съ востока на балтійское побережье всѣ упомянутыя преданія (при чемъ странно было бы предположить, что они *одни* изъ всѣхъ славянъ сохранили, практически примѣнили и развили

Digitized by Google

эти преданія на новомъ мѣстѣ своего поселенія), то слѣдовало бы ожидать встрѣтить центры идолопоклонства внутри страны, занятой балтійскими славянами; между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, главнѣйшіе, наиболѣе прославившіеся центры идолослуженія расположены *почти исключительно на островахъ и берегахъ* Балтійскаго моря: на *островахъ* Руянѣ (святилища Святовита Арконскаго, Руіевита, Поревита, Поренута Кореницкихъ), Волынѣ (Триглавъ и другіе малые и большіе идолы) и въ *прибрежныхъ городахъ*: Штетинѣ (Триглавъ), Старградѣ, Ростокѣ, Волегастѣ, Гостьковѣ, Колобрегѣ и др. Все это приводитъ къ предположенію, что указанныя черты культа балтійскихъ славянъ, столь разительно отличающія ихъ отъ другихъ, соплеменныхъ имъ народовъ и въ то же время сближающія ихъ съ отдаленными, чуждыми имъ восточными народами, не составляли исконнаго ихъ достоянія, а заимствованы, восприняты ими уже на новомъ мѣстѣ своего поселенія отъ какихъ-нибудь предшествовавшихъ славянамъ обитателей балтійскаго побережья, прибывшихъ сюда съ береговъ Эгейскаго и Средиземнаго морей, въ доисторическія времена, морскимъ путемъ, и основавшихъ на островахъ и берегахъ Балтійскаго моря торговыя поселенія и религіозные центры, впослѣдствіи сдѣлавшіеся достояніемъ пришельцевъ-славянъ. Слившись съ застигнутымъ ими на балтійскомъ побережьѣ населеніемъ, славяне восприняли отъ нихъ не только уже готовыя, выработанныя формы культа, но и своеобразныя черты характера: въ отличіе отъ прочихъ соплеменниковъ своихъ, миролюбивыхъ и кроткихъ, балтійскіе славяне сами сдѣлались отважными мореплавателями, храбрыми воинами на морѣ и на сушѣ, грабителями, жестокими, лютыми, кровожадными. Разумѣется, данное объясненіе своеобразнаго развитія культуры и нрава балтійскихъ славянъ — не болѣе, какъ предположеніе, гипотеза, требующая фактическаго подтвержденія. И кто могли быть эти предполагаемые предшественники славянъ на балтійскомъ побережьѣ?

Разсмотрѣнію этого вопроса посвященъ будетъ мною особый очеркъ.

Александръ Фаминцынъ.

Digitized by Google

КЪ ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНІИ КИРГИЗСКАГО НАРОДА.

Вопросъ о происхожденіи киргизовъ, этого почти исключительно степного народа, доходящаго своею численностью до трехъ милліоновъ душъ, какъ оно и понятно, уже не разъ возбуждалъ интересъ на столбцахъ преимущественно періодической печати. Разнородныя мнѣнія, высказываемыя многочисленными авторами, страдали часто тѣмъ существеннымъ недостаткомъ, что интересовавшіеся происхожденіемъ киргизскаго народа искали, такъ сказать, начало его во временахъ крайне отдаленныхъ, даже древнихъ. Между тѣмъ мы не имѣемъ никакихъ фактическихъ основаній приписывать киргизамъ, въ современномъ смыслѣ этого слова, болѣе раннее происхожденіе, чѣмъ середина XV в. Тѣ смутныя свѣдѣнія, которыя даются Фирдоуси въ XI в. и еще раньше Константиномъ Порфироднымъ (въ X в.) о «казакахъ», «казакіи» и «ханахъ казацкихъ»,—далѣе, четырехсотлѣтній промежутокъ (отъ XI до XV в.) полнаго отсутствія упоминанія о киргизахъ (казакахъ)—не позволяютъ приписывать имъ болѣе древняго происхожденія и ставить «казаковъ», упоминаемыхъ Фирдоуси и Константиномъ [1]) съ «казаками» XV вѣка въ какую-либо серьезную генетическую связь. Съ другой стороны, почтенные историческіе факты, указывающіе на происхожденіе современныхъ киргизовъ именно въ половинѣ XV в., и историческія указанія на ихъ непрерывное существованіе вплоть до нашихъ дней—не позволяютъ сомнѣваться во времени возникновенія интересующей насъ народности.

---

[1]) Потоцкій (Comte Jean Potozki.—Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase. Paris, 1829) предполагаетъ, что обитателями Казакіи (Константина) были касоги, которыхъ, вѣроятно, вытѣснилъ Мстиславъ.

Digitized by Google

О происхожденіи казаковъ, т.-е. киргизовъ, какъ привыкли мы ихъ называть, упоминается въ существующемъ письменномъ памятникѣ, посвященномъ въ значительной своей части именно имъ. Этотъ памятникъ есть сочиненіе Тарихи-Рашиди, писанное на персидскомъ языкѣ отъ 1541 (-2) до 1546 (-7) г. (978—953 хеджры) Мухаммедомъ-Хайдеромъ-гуреканомъ [1]). Тѣ свѣдѣнія,

[1]) Вотъ что пишетъ В. Вельяминовъ-Зерновъ въ своемъ „Изслѣдованіи о касимовскихъ царяхъ и царевичахъ“ (ч. II. СПБ. 1886 г.), у котораго мы пользовались переводомъ означеннаго персидскаго сочиненія, о немъ и его авторѣ. Первая часть содержитъ въ себѣ очеркъ исторіи отрасли Джагатаидовъ, происшедшей отъ Тоглукъ-Тимуръ-хана. Очеркъ доведенъ до кончины одного изъ потомковъ Тоглукъ-Тимура Султанъ-Саидъ-хана (умершаго въ зуль-хиджже въ 939 г., т.-е. въ іюлѣ 1533 г.), внука Юнусъ-хана и сына Султанъ-Ахмедъ-хана (Алача-хана), воевавшаго съ Шейбани-ханомъ, извѣстнымъ основателемъ династіи бухарскихъ Шейбанидовъ, внукомъ знаменитаго Абуль-Хайръ-хана. Въ концѣ этой первой части находится еще нѣсколько свѣдѣній о сынѣ и преемникѣ Султанъ-Саидъ-хана, Абд-ур-рашидъ-ханѣ, владѣльцѣ кашгарскомъ и яркендскомъ, въ честь котораго, между прочимъ, и названо сочиненіе Тарихи-Рашиди. Вторая часть заключаетъ въ себѣ автобіографію сочинителя и подробное изложеніе событій, которыя случились въ его время или которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ и участникомъ. Тарихи-Рашиди, въ особенности вторая часть его, составляетъ трудъ весьма замѣчательный. Это—источникъ единственный въ своемъ родѣ для позднѣйшей исторіи Джагатаидовъ. Почти все, что Мухаммедъ-Хайдеръ пишетъ, ново и въ высшей степени любопытно. Разсказъ его вездѣ добросовѣстенъ и отчетливъ. Впрочемъ, этихъ достоинствъ и слѣдовало ожидать отъ автора Тарихи-Рашиди. Самое ощебственное положеніе его давало ему возможность знать происшествія и изображать ихъ въ настоящемъ видѣ. Мухаммедъ-Хайдеръ, изъ рода Дуглатъ, принадлежалъ къ знатному роду, который уже при Чингизѣ былъ славенъ, а при Джагатаидахъ возвысился еще болѣе. Члены этого дома долгое время правили Кашгаромъ, Яркендомъ, Аксу и другими окрестными мѣстами. Близкія сношенія ихъ съ ханскимъ домомъ поддерживались и брачными союзами, доказательствомъ чего служитъ титулъ *гурекана*, носимый многими изъ нихъ. При Тоглукъ-Тимурѣ и его первыхъ наслѣдникахъ предки Мухаммедъ-Хайдера утвердили за собой и право на важное званіе улусъ-бековъ. Первыми улусъ-бками при Тоглукъ-Тимурѣ были Тулекъ и Булачи, родные братья Камр-эд-дина, прославившагося войнами своими съ великимъ Тимуромъ. Отъ Эмира Булачія и происходилъ по прямой линіи авторъ Тарихи-Рашиди. Онъ былъ, какъ онъ самъ пишетъ про себя, сынъ Мухаммедъ-Хусейнъ-гурекана (отъ третьей дочери Юнусъ-хана —Хубъ нигаръ-ханымы, родной тетки знаменитаго Бабера), сына Мухаммедъ-Хайдеръ-гурекана, сына Эмира Сендъ-Алія, сына Сендъ-Ахмеда, сына Эмира Худайдала, сына Эмира Булачія. Самъ Мухаммедъ-Хайдеръ или, какъ онъ звался, просто Хайдеръ-Мирза, родился въ 905 (1499—1500) г. Онъ очень

Digitized by Google

которыя даетъ этотъ авторъ, совершенно новы и въ высшей степени интересны. Вотъ что можно извлечь изъ его сочиненія о происхожденіи казаковъ (т.-е. современныхъ киргизовъ).

Въ то время когда въ Дештъ-Кипчакѣ, занятомъ всецѣло Узбеками, ханомъ былъ Абуль-Хайръ, то двое изъ султановъ рода Джучи-хана, по имени Джанибекъ и Гирей, опасаясь преслѣдованій со стороны Абуль-Хайра, бѣжали изъ Дешта въ Моголистанъ, приблизительно въ 1456 г. (860 хеджры). Иса-бука-ханъ, властвовавшій тогда въ Моголистанѣ, принялъ ихъ охотно и отвелъ имъ земли на западѣ Моголистана, а именно въ Джу и Козыбаши. Когда Абуль-Хайръ-ханъ умеръ, то въ Узбекскомъ улусѣ поднялись смуты и неудовольствія; большое количество народа откочевало къ Гирею и Джанибеку, такъ что въ скоромъ времени вокругъ нихъ собралось до 200000 человѣкъ, а узбекскій улусъ пришелъ въ упадокъ. Такъ какъ Гирей и Джанибекъ сами, а потомъ и большая часть собравшагося вокругъ нихъ народа были бѣглецы, скитавшіеся нѣкоторое время безъ пріюта, то ихъ и прозвали «казаками» [1]).

рано потерялъ отца своего Мухаммедъ-Хусейна, который былъ убитъ въ 914 (1508) г. по приказанію Шейбани-хана. По смерти отца Хайдеръ жилъ одно время (915=1509 до 918=1512 г.) у двоюроднаго брата своего Зешръ-ед-динъ-Бабера. Затѣмъ въ 918 (1512) г., тринадцати лѣтъ отъ роду, отъѣхалъ онъ къ другому двоюродному брату своему Султанъ-Саидъ-хану; около двадцати лѣтъ оставался онъ при ханѣ, былъ женатъ на его родной сестрѣ и стяжалъ при немъ славу умнаго совѣтника и полководца. Вскорѣ послѣ кончины Султанъ-Саидъ-хана, Мухаммедъ-Хайдеръ, опасаясь Абд-ур-рашидъ-хана, удалился въ Лагоръ къ сыну Бабера Камранъ-Мирзѣ. Отъ него впослѣдствіи онъ перешелъ къ брату его Гумаюну. Какъ Камранъ, такъ и Гумаюнъ высоко цѣнили его достоинства. Черезъ нѣсколько времени Гумаюнъ, разбитый Ширъ-ханомъ, отправилъ Мухаммедъ-Хайдера въ Кашмиръ. Страна эта уже была разъ у него въ рукахъ въ 939 (1533) г., когда онъ служилъ еще Султанъ-Саидъ-хану. Хайдеръ овладѣлъ вскорѣ всею страною и тамъ основалъ свое пребываніе въ качествѣ почти независимаго правителя. Къ своимъ владѣніямъ онъ присоединилъ и Тибетъ. Лѣтъ чрезъ десять послѣ занятія Кашмира Мухаммедъ-Хайдеръ былъ убитъ.

[1]) Какъ извѣстно, большинствомъ авторовъ слово «казакъ» толкуется именно въ этомъ смыслѣ; такъ, напримѣръ, Вамбери переводитъ это слово какъ странникъ или бродяга. Происхожденіе «казака» (киргиза) отъ вольнаго степного человѣка видно между прочимъ, какъ кажется намъ, и изъ нижеслѣдующаго преданія киргизовъ о ихъ происхожденіи. Нѣкто Калча-Кадыръ, одинъ изъ военачальниковъ боевыхъ людей, проходившихъ съ какими-то

Digitized by Google

Начало господства казаковъ относитъ Мухаммедъ-Хайдеръ приблизительно къ 1465 (-6) году (870 хеджры). Изъ двухъ братьевъ и основателей казацкаго народа Гирей былъ старшій; послѣ него ханскій престолъ унаслѣдовалъ его сынъ Бурундукъ; послѣ Бурундука слѣдовалъ сынъ Джанибека Касимъ. Касимъ, какъ младшій братъ (собственно двоюродный братъ), сначала покорялся Бурундуку, но съ теченіемъ времени его популярность (вѣроятно, благодаря военной доблести) среди народа увеличивалась и достигла, наконецъ, того, что Бурундукъ остался всѣми покинутый, былъ изгнанъ, и престоломъ завладѣлъ Касимъ. При этомъ умномъ ханѣ поднялось могущество казаковъ такъ, что его имя наводило страхъ на сосѣдей, и Мухаммедъ-Хайдеръ находитъ возможнымъ говорить, что послѣ Джучи-хана не было столь могущественнаго въ Дештъ-Кипчакѣ, какъ Касимъ; онъ умеръ въ 1518 году (929 хеджры), и съ его смертью на время блекнетъ и сила и слава казаковъ. Касиму наслѣдовалъ его сынъ Мамашъ, послѣ Мамаша ханствовалъ племянникъ Касима Тагиръ, а затѣмъ братъ послѣдняго Буйдашъ, который въ 1533 (-4) году (940 хеджры) умеръ.—Характерно то, что могущество казаковъ, сколько можно понять изъ словъ Мухаммедъ-Хайдера, обусловливалось притокомъ новыхъ кочевниковъ, такъ же, какъ и упадокъ ихъ власти—уходомъ многихъ приверженцевъ: такъ означенный авторъ говоритъ послѣ того, какъ онъ упоминаетъ, что у Касима было болѣе милліона подданныхъ, что во время Буйдашъ-хана казаковъ было не болѣе двадцати тысячъ, а затѣмъ, что послѣ смерти

завоевателями черезъ степь, отсталъ отъ войска и умиралъ отъ голода и жажды, но былъ спасенъ спустившейся съ неба бѣлой гусыней (*каз-ак*). Вступивъ съ этой бѣлой гусыней (*каз-ак*) въ бракъ, Калча-Кадыръ сдѣлался родоначальникомъ казаковъ, т.-е. киргизовъ (И. Казанцевъ: Описаніе киргизъ-кайсакъ. СПБ. 1867 г.). Естественно, что вольные люди неоднократно появлялись во время разныхъ переворотовъ въ степи, и казаки (т.-е. подобные давшимъ начало современнымъ киргизамъ), о которыхъ мы говоримъ, конечно, не были первыми въ исторіи тюрковъ, такъ какъ таковые, вѣроятно, существовали въ различныя времена въ смыслѣ недовольныхъ и бѣглецовъ отъ существующаго строя; но другимъ не удалось оставить послѣ себя слѣдовъ и образовать народность, подобную казакамъ Гирея и Джанибека. Что слово „казакъ" слѣдуетъ понимать именно въ смыслѣ вольнаго, бродячаго человѣка, повидимому, подтверждается и тѣмъ, что и наше казачество, воспринявъ тюркское слово и, вѣроятно, сохранивъ его въ его первоначальномъ смыслѣ, именно представляло бродячій элементъ независимыхъ людей.

Digitized by Google

Буйдашъ-хана они совсѣмъ исчезли. Послѣднее, конечно, не слѣдуетъ понимать буквально: казаки не исчезаютъ, но теряются, благодаря своей малочисленности; про нихъ нѣкоторое время мало слышно. Эта была тяжелая година для казаковъ, которая продолжалась лѣтъ двадцать или тридцать послѣ смерти Касима; имъ приходилось даже до того плохо, что они вынуждены были неоднократно искать убѣжища у своихъ враговъ ногайцевъ, какъ объ этомъ пишетъ, напр., ногайскій князь Сейдякъ Ивану IV; но въ дни силы, наоборотъ, они тѣснили ногайцевъ, подчиняли калмыковъ. Когда собственно началось возрожденіе казаковъ—сказать вполнѣ точно очень трудно; но тѣмъ не менѣе существуютъ основанія, позволяющія предполагать, что оно произошло до 1570 года и что главнымъ лицомъ и первымъ дѣятелемъ по возрожденію казаковъ былъ Хаккъ-Назаръ-ханъ, такъ какъ наиболѣе важные факты изъ исторіи казаковъ, какъ, напримѣръ, раздѣленіе казаковъ на три орды, приписываются ему [2]).

Что казаки послѣ 1553 года, т.-е. послѣ смерти Буйдашъ-хана (вопреки словамъ Мухаммедъ-Хайдера), не исчезли, существуютъ весьма вѣскія историческія данныя, а именно: уже послѣ 1517 года (вплоть до нашихъ дней) мы имѣемъ непрерывныя свѣдѣнія о казакахъ изъ европейскихъ и нашихъ русскихъ источниковъ. Такъ, Герберштейнъ, бывшій въ Москвѣ въ 1517 и 1526 годахъ, упоминаетъ о «казачьей ордѣ»; далѣе, посолъ Іоанна Грознаго Данила Губинъ, бывшій у ногайцевъ въ 1534 году, доноситъ царю, что «казаки, сказываютъ, добре сильны и, сказываютъ, государь, Ташкентъ воевали»; затѣмъ, Дженкинсонъ, бывшій въ Бухарѣ въ 1558 и 1559 годахъ, пишетъ, что ташкентцы находились въ его время въ войнѣ съ казаками. Въ 1569 году, какъ пишетъ Семенъ Мальцевъ (посолъ Іоанна IV у ногайцевъ), напали на ногайскій улусъ казацкія орды хана Акназара (Хаккъ-Назара), а въ 1574 году дана была Строгановымъ грамота на безпошлинную торговлю съ казацкою ордою.

Мы должны отмѣтить въ описаніи Мухаммедъ-Хайдера двѣ наиболѣе любопытныя нити: съ одной стороны то, что казаки, т.-е. современные киргизы или, какъ ихъ называютъ, киргизъ-кайсаки

---

[1]) На основаніи этого, повидимому, Хаккъ-Назара слѣдуетъ отождествить съ Акъ-Ніазомъ.

Digitized by Google

или киргизъ-казаки, ничто иное какъ политически цѣльное, но этнографически и антропологически розное племя, состоящее изъ разныхъ элементовъ,—а съ другой стороны, что киргизы получили свое начало отъ узбекскаго улуса, и, слѣдовательно, насъ не можетъ удивлять близкое сходство—тѣсная связь, между тѣми и другими, которое выражается первымъ дѣломъ въ общности многихъ родовыхъ именъ, какъ то: *канлы, найманъ, аргынъ, каштамгалы, кунгратъ, кирейтъ, табынъ, тама, кипчакъ, тасъ* и др.; насколько Мухаммедъ-Хайдеръ считаетъ своихъ казаковъ узбекскаго происхожденія, видно уже изъ того, что онъ ихъ называетъ узбеками-казаками [1]).

Интересно то, что происхожденіе киргизовъ изъ сбродныхъ, такъ сказать случайныхъ, элементовъ подтверждается ихъ собственными преданіями. По однимъ изъ нихъ киргизы считаютъ себя выходцами изъ Туркестана, по другимъ—изъ Крыма; иныя преданія передаютъ, будто киргизы пришли съ Евфрата, другія преданія утверждаютъ, что киргизы составляли нѣкогда одно племя съ сибирскими татарами-алатами. Есть преданія, согласно которымъ киргизы произошли отъ ногайцевъ, жившихъ на Волгѣ. Киргизы же Тургайской области считаютъ себя происшедшими отъ ногайцевъ, бѣжавшихъ (при преслѣдованіи калмыками) въ Уральскія горы; отъ этихъ послѣднихъ ногайцевъ, говоритъ преданіе, произошли не только киргизы, но и башкиры и каракалпаки.

Мы выше указали на общность родовыхъ именъ у киргизовъ и узбековъ; слѣдуетъ вообще замѣтить, что многія родовыя имена повторяются у разныхъ тюркскихъ племенъ, какъ, напр., у туркменъ, каракиргизовъ, алтайскихъ тюрковъ, каракалпаковъ и башкиръ (и киргизовъ съ узбеками). Въ послѣдующемъ изложеніи мы неоднократно будемъ сталкиваться съ разнообразными именами родовъ, которыя встрѣчаются одновременно у разныхъ современныхъ на-

---

[1]) Здѣсь у мѣста указать, что киргизы-букеевцы называютъ ногайцевъ, составляющихъ въ настоящее время киргизскій родъ въ Букеевской степи „ногай-казакъ“ (см. „Киргизы Букеевской орды“, в. I., стр. 36). По словамъ Н. И. Гродекова („Киргизы и кара-киргизы Сыръ-Дарьинской об., т. I—юридическій бытъ“. Ташкентъ 1889 г.), современные киргизы Сыръ-Дарьинской области, во-первыхъ, сами себя признаютъ узбекскаго племени, а во-вторыхъ, преданіе о томъ, что они произошли изъ частей разныхъ узбекскихъ племенъ, живетъ еще въ устахъ современнаго народа.

Digitized by Google

родовъ. Это частое повтореніе родовыхъ именъ и одновременная ихъ разбросанность среди различныхъ тюркскихъ племенъ [1]) позволяетъ вообще держаться того мнѣнія, что древніе тюрки въ теченіе своей многовѣковой жизни неоднократно дробились, заносились въ самыя разнообразныя страны и, соединяясь, впослѣдствіи образовали современныя группы, которыя въ корнѣ имѣютъ подчасъ если и не тождественное, то весьма близкое происхожденіе, которыя генетически всѣ болѣе или менѣе связаны между собой и антропологическая рознь которыхъ обусловливается съ одной стороны разнымъ процентнымъ содержаніемъ отдѣльныхъ элементовъ, а съ другой воспринятіемъ разныхъ чуждыхъ элементовъ извнѣ, а именно элементовъ монгольскихъ, финскихъ, иранскихъ и другихъ. Останавливаясь на родахъ тюркскихъ племенъ, мы постоянно сталкиваемся съ цѣлымъ рядомъ однихъ и тѣхъ же, среди которыхъ наиболѣе часто встрѣчаются *кипчакъ*, *найманъ*, *киргизъ*, *татаръ*, *уйгуръ* и др. Не говоря уже о томъ, что между родовыми именами киргизовъ и узбековъ (какъ, впрочемъ, уже было выше указано) имѣется много общихъ, но, напр., кипчакъ встрѣчается и среди башкиръ, далѣе въ Таврической губерніи: среди деревень таврическихъ татаръ попадаются нерѣдко таковыя съ именемъ кипчакъ, такъ, напр., въ Перекопскомъ уѣздѣ, Евпаторійскомъ (Кара-кипчакъ, Курулу-кипчакъ, Бельдаузъ-кипчакъ и Бай-оглу-кипчакъ) и Ѳеодосійскомъ уѣздѣ.

Не вдаваясь здѣсь, впрочемъ, въ эти общіе вопросы, мы вернемся опять къ киргизамъ.

Держась мнѣнія о весьма недавнемъ происхожденіи киргизовъ, какъ народной группы, и приписывая ей происхожденіе конгломератное, намъ приходится стать рѣзко противъ мнѣнія, высказываемаго Вамбери, о происхожденіи интересующей насъ народности, а именно: этотъ авторъ отстаиваетъ древность киргизовъ и ихъ этническую цѣльность. Правда, то, что онъ говоритъ о цѣльности

---

[1]) Не безынтересно отмѣтить, что въ Таврической степи мы неоднократно встрѣчаемъ татарскія селенія съ именами намъ извѣстныхъ тюркскихъ родовъ, а именно: въ Перекопскомъ уѣздѣ—*кипчакъ*, *алчинъ*, *уйгунъ*, *найманъ*, *китай* (два селенія) и *кирей*; въ Евпаторійскомъ—*кара-кипчакъ*, *курулу кипчакъ*, *бельдаузъ-кипчакъ*, *бай-оглу-кипчакъ*, *каранайманъ*, *китай*, *конратъ* (быть можетъ тождественно съ *конратъ*), *узбекъ* и *кыпчакъ-казакъ*; въ Ѳеодосійскомъ—*кипчакъ*, *тама*, *арынъ*, *найманъ* и *китай*; въ Симферопольскомъ—*найманъ*.

Digitized by Google

ихъ, касается преимущественно обычаевъ, обрядовъ, характера и языка ихъ, и въ этомъ случаѣ онъ, повидимому, правъ, а его слова относительно языка подтверждаются и В. Радловымъ [1]); но Вамбери склоненъ признать и общій физическій типъ киргизовъ и древнее происхожденіе ихъ, съ чѣмъ мы положительно согласиться не можемъ и противъ чего говорятъ многочисленные факты.

Стараясь доказать этническую цѣльность и древность киргизовъ, Вамбери указываетъ только на три основанія: во-первыхъ, на то, что Константинъ Порфирородный въ X вѣкѣ упоминаетъ слово „казакія", во-вторыхъ, что писатель Фирдоуси въ XI в. говоритъ о „казацкихъ ханахъ", и въ-третьихъ, что языкъ киргизовъ несетъ нѣкоторыя лингвистическія особенности, свойственныя и мадьярскому языку; это, по мнѣнію Вамбери, указываетъ на столкновеніе названныхъ двухъ племенъ уже въ VIII в. Какъ намъ кажется на основаніи послѣдняго довода Вамбери, мы, нисколько не умаляя силы лингвистическихъ выводовъ, можемъ считать, что тѣ оригинальныя формы венгерскаго языка, на которыя ссылается почтенный авторъ, указываютъ лишь на общія черты между венгерскимъ и иными тюркскими нарѣчіями, бывшими въ VIII в. у тѣхъ племенъ, которыя дали начало киргизамъ, и что тутъ киргизы, какъ народъ (въ современномъ смыслѣ слова), положительно ни причемъ; это тѣмъ болѣе именно такъ, что въ VIII в. мы никакихъ свѣдѣній о киргизахъ (казакахъ) не имѣемъ. Что же касается словъ Фирдоуси (см. Кир. Бук. орды, вып, I, стр. 272 и 273) и Порфироднаго, которые упоминаютъ о казакахъ, то это только указываетъ на существованіе бродячихъ элементовъ уже въ древности, а отнюдь не на предковъ современныхъ киргизовъ [2]). Самъ же Вамбери [3]) указываетъ, во-первыхъ, на значеніе слова ка-

[1]) Образцы народ. литер. тюрк. племенъ, ч. III., СПБ. 1860 г.

[2]) Наше казачество, которое мы въ извѣстномъ смыслѣ можемъ съ полнымъ правомъ приравнять къ древнимъ казакамъ Средней Азіи, образовалось при разныхъ условіяхъ и въ разныя времена: казаки запорожскіе, донскіе, уральскіе, сибирскіе и другіе представляютъ разныя группы даже отчасти въ антропологическомъ отношеніи, и неправы были-бы мы, если-бы пожелали связать болѣе позднюю по своему образованію группу съ болѣе раннею. Наконецъ, „казакъ", какъ слово, есть звукъ пустой: оно могло переноситься отъ одного племени къ другому, отъ одной группы къ другой.

[3]) Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen. Leipzig. 1885.

Digitized by Google

закъ — „бродяга“ (Vagabund); самъ же онъ отождествляетъ или собственно приравниваетъ это слово по его значенію къ персидскому слову „сергердъ“ („сер-гердиде—umgestürzten Hauptes“, т. е. сломя голову или „kopflos [1]), т.-е. сорви-голова) и турецкому башибузукъ („башы-бузукъ — Hauptwüst“, т. е. шальная голова), т. е. къ словамъ, не имѣющимъ никакого этническаго значенія; самъ же онъ въ главѣ объ узбекахъ [2]) говоритъ, что „казаки“, послѣдовавшіе на ряду съ нѣкоторыми племенами за Шейбаніемъ противъ монголовъ, о чемъ говорится въ 54 пѣсни Шейбани-намэ, не что иное, какъ вольные, никому не подчиненные степные жители, „нѣчто въ родѣ персидскихъ сергердовъ и турецкихъ башы-бузуковъ“, и онъ же, къ нашему удивленію, считаетъ современныхъ киргизовъ потомками древнихъ казаковъ и этнически, а не политически, цѣльными. Далѣе Вамбери не придаетъ достаточнаго значенія именамъ поколѣній и родовъ у киргизовъ и считаетъ ихъ тождественность у различныхъ народовъ случайностью; мы не можемъ не удивляться такому странному мнѣнію, высказанному такимъ знатокомъ тюркскаго племени, которому должно быть извѣстно, что вся жизнь тюрковъ, какъ древнихъ, такъ отчасти и современныхъ даже, обусловлена ихъ родовыми отношеніями. Почтенный авторъ, позволимъ себѣ замѣтить, самъ себѣ противорѣчитъ въ этомъ, во-первыхъ тѣмъ, что онъ, какъ неоднократно имъ высказывается въ сочиненіяхъ (съ чѣмъ, впрочемъ, мы лишь относительно согласны), считаетъ, что среди тюрковъ всѣ движенія и наплывы монголовъ XIII столѣтія оставались въ томъ отношеніи довольно безслѣдны, что отдѣльныя племена оставались какъ и прежде жить приблизительно на своихъ старыхъ мѣстахъ, такъ что даже возможность исключена, чтобы родовыя имена случайно заносились то къ туркменамъ, то къ узбекамъ, киргизамъ, каракиргизамъ, каракалпакамъ и башкирамъ; во-вторыхъ, самъ авторъ придаетъ громадное значеніе родовымъ именамъ у узбековъ, на основаніи которыхъ онъ считаетъ послѣднихъ, такъ же какъ и мы, конгломератомъ; въ-третьихъ, онъ самъ не отрицаетъ, что въ лицѣ нѣкоторыхъ поколѣній, какъ-то *кунратъ* и *найманъ* въ киргизовъ вошелъ посторонній элементъ. Почему же онъ считаетъ одно и то же явленіе возможнымъ и даже непремѣнно совершившимся у узбековъ, а то же

[1]) Буквально: безголовый.

[2]) Loc. cit., стр. 349.

Digitized by Google

самое безъ всякихъ основаній отрицаетъ у киргизовъ? почему одни родовыя имена, по его мнѣнію, у киргизовъ обломки разныхъ племенъ, а другія лишь случайно занесены въ ихъ среду судьбою?

Если бы мы пожелали расчленить современную киргизскую народность на ея составныя части, то это было бы далеко не такъ трудно, какъ можетъ показаться сначала. Раздѣленіе всего киргизскаго племени собственно очень стройно. Вся киргизская народность раздѣляется на три большія группы, называемыя ордами: Большую орду, Среднюю орду и Малую орду (Букеевская орда есть не что иное, какъ часть Малой, см. «Кир. Бук. орды» в. I, стр. 17); каждая орда раздѣляется на неравное количество поколѣній, каждое поколѣніе заключаетъ въ себѣ нѣсколько родовъ, родъ дробится на отдѣленія, а отдѣленія на подотдѣленія. Между тѣмъ какъ отдѣленіямъ и подотдѣленіямъ (а также многимъ родамъ) нельзя приписывать древняго происхожденія, а напротивъ, ихъ слѣдуетъ считать происхожденія болѣе или менѣе недавняго, поколѣнія и даже рода, по крайней мѣрѣ изъ послѣднихъ очень многіе, ведутъ свое происхожденіе уже издавна; на это, во-первыхъ, указываютъ свидѣтельства древнихъ писателей, а во-вторыхъ, то обстоятельство, что многіе изъ нихъ встрѣчаются не только среди киргизовъ, но и среди узбековъ, каракиргизовъ, каракалпаковъ, туркменовъ и башкировъ. Правда, и въ числѣ родовъ мы найдемъ немалое количество, древность происхожденія которыхъ сомнительна, или же которые безусловно новѣйшаго происхожденія (какъ, напр., теленгуты и ногаи Букеевской орды, см. «Кир. Бук. орды» в. I, стр. 30 и 33), тѣмъ не менѣе очень многіе, во всякомъ случаѣ, происхожденія древняго.

Н. Аристовъ [1]) говоритъ, что рода, будучи въ первоначальной основѣ своей результатомъ естественнаго размноженія людей въ первичныхъ общественныхъ группахъ, вслѣдствіе продолжающагося естественнаго нарожденія новыхъ членовъ, должны неминуемо дробиться. На образованіе новыхъ родовыхъ частей, по мнѣнію названнаго автора, могучее вліяніе имѣютъ и экономическіе, и политиче-

[1]) „Опытъ выясненія этническаго состава киргизъ-казаковъ большой орды и кара-киргизовъ на основаніи родословныхъ сказаній и свѣдѣній о существующихъ родовыхъ дѣленіяхъ и о родовыхъ тамгахъ, а также историческихъ данныхъ и начинающихся антропологическихъ изслѣдованій“ („Живая Старина“, вып. III—IV, 1894 г.).

Digitized by Google

скіе факторы, которые обусловливаютъ новую группировку родовъ и ихъ отдѣльныхъ частей, вызывая образованіе новыхъ родовыхъ единицъ и союзовъ. Не малое, по словамъ Н. Аристова, вліяніе на группировку родовъ имѣли сильные и удачливые вожди, подъ властью которыхъ собираются не только ближайшіе ихъ родственники, но и отдаленныя по крови части родовъ и даже иноплеменники. «Возникающіе такимъ образомъ на ряду съ родовыми дѣленіями кровнаго происхожденія, а потомъ и замѣняющіе ихъ частію, родовые союзы народнымъ сознаніемъ приравниваются къ родовымъ единицамъ кровнаго происхожденія, хотя въ составъ ихъ входятъ нерѣдко части разныхъ родовъ и даже семьи и группы иноплеменниковъ». Такъ какъ процессы образованія новыхъ родовыхъ единицъ и группъ, исчезновеніе ихъ и созиданіе новыхъ союзовъ, какъ справедливо замѣчаетъ г-нъ Аристовъ, длится все время существованія тюркскихъ кочевниковъ, т.-е. тысячелѣтія, то слѣдовало бы ждать, что у киргизовъ роды утратили всякую между собою истинную кровную связь и соотношеніе; но въ дѣйствительности роды и ихъ подраздѣленія у тюрковъ-кочевниковъ находятся между собою въ опредѣленныхъ, имѣющихъ частію фиктивное, частію истинный кровно-родовой характеръ, соотношеніяхъ. Происходитъ это, конечно, вслѣдствіе сильнаго вліянія необыкновенно развитого родового быта, сохраняющаго и понынѣ въ значительной степени свое громадное значеніе.

Тѣмъ не менѣе существуютъ достаточныя основанія смотрѣть на многіе рода и именно рода древніе, фигурировавшіе нѣкогда самостоятельными племенами, не какъ на союзы родственниковъ, а какъ на общественные и политическіе союзы, представляющіе въ свою очередь значительную конгломератность. Нѣчто аналогичное представляютъ и каракиргизы, но у нихъ, какъ и у южно-сибирскихъ [1]) тюрковъ, кромѣ родовыхъ (собственно общественно-политическихъ) группъ, существуютъ союзы собственно родственниковъ — такъ называемыя «*кости*» (*сёоки*), члены которыхъ твердо сохраняютъ сознаніе объ общемъ кровномъ происхожденіи; у алтайцевъ члены одного *сёока* не могутъ вступать въ бракъ между собою, называютъ себя братьями по кости.

---

[1]) Н. Аристовъ. Ibid. стр. 448.

Digitized by Google

Мы уже выше говорили о томъ, что существуютъ основанія фактическія считать нѣкоторые рода, составляющіе современное киргизское и узбекское (а также и башкирское, каракиргизское и др.) племена за племена, существовавшія нѣкогда самостоятельно. Дѣйствительно, не всѣ рода могутъ быть отысканы съ легкостью въ лѣтописяхъ исторіи, тѣмъ не менѣе про всѣ поколѣнія киргизовъ и про нѣкоторые рода ихъ намъ достовѣрно извѣстно, что они сами сравнительно недавно фигурировали совершенно самостоятельно и даже, отчасти, и теперь составляютъ свою особую народность, какъ, напримѣръ, кипчаки, о которыхъ мы, впрочемъ, скажемъ немного ниже.

Остановимся теперь на поколѣніяхъ и нѣкоторыхъ родахъ киргизовъ. Нижеслѣдующія имена родовъ и поколѣній даетъ намъ А. Левшинъ [1]).

---

1) «Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей». СПБ. 1832 г. Этотъ списокъ родовъ относится къ 20-мъ годамъ, тѣмъ не менѣе, онъ не утратилъ своего значенія. Само собою разумѣется, что съ 20-хъ годовъ многое измѣнилось, но насъ, естественно, гораздо болѣе интересуютъ данныя старыхъ годовъ, такъ какъ новѣйшія измѣненія въ данномъ случаѣ не играютъ роли. Въ настоящее время въ разрозненной литературѣ о киргизахъ можно встрѣтить весьма много интересныхъ данныхъ по отдѣленіямъ родовъ, могущихъ дать довольно полный списокъ раздѣленія киргизскаго народа. Теперь, когда произошли многочисленныя раздробленія киргизовъ, далеко не вездѣ можно подвести ихъ въ вышеприводимой системѣ; въ этомъ мы можемъ убѣдиться, напримѣръ, на букеевцахъ („Кир. Бук. орды", в. I, стр. 25—48), которые, отдѣлившись отъ Малой орды, съ одной стороны не имѣютъ въ своей средѣ представителей всѣхъ родовъ этой орды, а съ другой образовали новые, какъ султанскій, ходжинскій, теленгутовъ и ногайскій (см. „Кир. Бук. орды", в. I, стр. 28, 29, 30 и 33). А. А. Ивановскій, занимавшійся изслѣдованіемъ киргизовъ Средней орды въ Зайсанскомъ уѣздѣ Семипалатинской области, сообщилъ намъ о существованіи тамъ 19 родовъ безъ поколѣній (мы приводимъ ихъ здѣсь потому, что они не появлялись въ печати). По свѣдѣніямъ, собраннымъ А. А. Ивановскимъ, найманъ въ Зайсанскомъ уѣздѣ дѣлится на четыре отдѣленія (или, если найманъ считать, что, повидимому, болѣе вѣрно, за поколѣніе, то на четыре рода), а именно: акъ-найманъ, джаль, мамъ-бедъ и тертъ-аулъ (дюртъ-авулъ Левшина). Тертъ-аулъ, въ свою очередь, дѣлится на токанъ, тогусъ, джани-бекъ и тувагчы; если эти имена считать за имена отдѣленій, то каждое изъ нихъ раздѣляется на нижеслѣдующія подотдѣленія.

1) *Токанъ*: ток-тогусъ, джул-кайдаръ, кудоголь-куттубай, есенгулъ, есенбекъ и карсаль-гакъ.

2) *Тогусъ*: тибей, сер-гора, кара-тока, даулетъ и ульджаше.

Digitized by Google

I. Большая орда.

1. Поколѣніе *Уйсюнъ*.

Рода: Ботбой, Чимиръ, Джанисъ или Янышъ, Сикъ-амъ, Абдай-суванъ, Сары-сулы, Чанычъ-кылы, Канклы или Канлы, Джалаиръ и прочіе.

2. Поколѣніе *Конратъ*.

Рода: Байларъ-Джанджаръ, Уразъ-Гельды, Кульджегачъ, Бочманъ, Токъ-булатъ, Яманъ-бай, Куракрся, Этимляръ, Куюшъ-Кансызъ.

---

3) *Джаны-бекъ*: джа-кау, бай-кучикъ, тасы-бай и мамъ.

4) *Трзачы*: терт-сары и тузагчы.

Всѣхъ же родовъ (или поколѣній) въ Зайсанскомъ уѣздѣ, какъ было сказано, 19; они слѣдующіе: найманскій (4 отдѣленія), главный аргинскій (5 отд.), таракъ-тинскій (2 отд.), найманъ-кунгратскій (12 отд.), аргинскій (2 отд.), семиродцы-исакъ-кирейскій (3 отд.), аргинканджаголыскій (1 отд.), кипчакскій (4 отд.), кирейскій (6 отд.), мурунскій (5 отд.), танабуга-кипчакскій (6 отд.), куделян-кипчакскій (4 отд.), байджигитскій (3 отд.), гаржигитинскій (12 отд.), гакчакскій (5 отд.), туры-ангыръ-кипчакскій (4 отд.), узун-кипчакскій (6 отд.), баганалимнайманскій (13 отд.), аргин-табуклинскій (2 отд.). Сравнивая этотъ перечень родовъ Средней орды съ именами поколѣній и родовъ Средней орды изъ списка А. Левшина, мы можемъ понять, что въ настоящее время, время все же сильнаго паденія родового устройства, появилась масса новыхъ родовъ; съ другой стороны, повидимому, значеніе поколѣнія, какъ объединяющей группы, утрачено, кромѣ того къ составу Средней орды примѣшались нѣкорые рода Большой и Малой орды. И такъ, насъ не должно удивлять, если въ настоящее время во многихъ мѣстахъ среди киргизовъ не удается возстановить старую систему родового строя, и если она измѣнилась до неузнаваемости. Существуютъ и болѣе древнія свѣдѣнія о родахъ киргизовъ, чѣмъ данныя А. Левшина; таковыя, напримѣръ, помѣщены въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ“ (за 1820 г. часть IX: „Киргизъ-кайсаки Большой, Средней и Малой орды“). Авторъ раздѣляетъ орды на роды, а роды на отдѣленія. Въ Большой ордѣ—4 рода, въ Средней — 22 и въ Малой—41; здѣсь, повидимому, сбиты понятія о поколѣніяхъ и родахъ, которыя такъ стройно и наглядно изложены у А. Левшина. Слѣдуетъ отмѣтить, что уже эти старинныя свѣдѣнія указываютъ на раздробленность киргизскихъ родовъ и соединеніе двухъ родовъ въ одинъ общій (двойной), что въ настоящее время выступаетъ значительно рѣзче. Н. Аристовъ опредѣляетъ въ своемъ интересномъ „Опытѣ выясненія этническаго состава киргизъ-казаковъ Большой орды“, родство и степень его разныхъ родовъ большой орды, а равно и степень ихъ перемѣшанности на основаніи родословныхъ преданій, тамгъ и урановъ и приходитъ къ очень вѣрнымъ и новымъ выводамъ, проливающимъ свѣтъ на мало по сіе время изслѣдованное родовое устройство киргизовъ.

Digitized by Google

II. Средняя орда.

1. Поколѣніе *Найманъ*.

Рода: Акъ-бура, Булатчи, Кара-Гирей, Тирсъ-тамгалы, Дюртъ-авулъ, Кукъ-джарлы, Ирш-няклы, Семизъ-баганалы, Садыръ.

2. Поколѣніе *Кипчакъ*.

Рода: Торы-Аигыръ, Тюючка, Кытабакъ, Бултунъ, Кара-Балыкъ, Кундлянъ, Тана-Буга, Узунъ, Кукъ-боронъ.

3. Поколѣніе *Уваkъ-Гирей* (или *Кирей*).

Рода: Уваkъ, Гирей или Кирей и Тараклы.

4. Поколѣніе *Аргинъ*.

Рода: Кара-кисякъ, Каравуль-кисякъ, Чаръ-джитимъ, Джанжаръ, Чачкакъ, Дюртъ-авуль, Атыгай, Алтай, Тебичъ, Табаклы, Борчи, Каршакъ, Басантіенъ, Агышъ-калкаманъ, Канджигали, Козюганъ, Кукъ-шалъ.

III. Малая орда.

1. Поколѣніе *Алимулы*.

Рода: Кара-сакалъ, Кара-кисякъ, Китя, Дюркара, Чумекей и Чикли.

2. Поколѣніе *Байулы*.

Рода: Аддай, Джапласъ или Дешласъ, Алага, Байбакты, Маскаръ, Бершъ, Тазларъ или Тазъ, Иссентемиръ, Черкесъ, Тана, Кызылкуртъ, Шихляръ.

3. Поколѣніе *Джити-уруъ* (*Джетру*).

Рода: Табынъ, Тама, Кердери, Джагалбайлы, Керейтъ, Ти(е)-ляу, Рамоданъ.

Передавъ этотъ перечень поколѣній и родовъ киргизскаго племени, мы остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ, чтобы уяснить себѣ образованіе киргизскаго народа. Мы видимъ, что Большая орда состоитъ изъ двухъ поколѣній: *уйсюнъ* (*усюнъ*) и *конратъ*; изъ нихъ послѣднее, по словамъ А. Левшина, принадлежало прежде къ Средней ордѣ и лишь впослѣдствіи вошло въ составъ орды Большой, которая, въ свою очередь, въ древности состояла изъ трехъ поколѣній: *уйсюнъ* (или *усюнъ*), *сарiамъ* и *тулатай*. Сохранилось ли имя послѣдняго поколѣнія или нѣтъ, намъ лично не извѣстно, что же касается *усюнъ* и *конратъ* (или *кунратъ*), то они, равно какъ и рода *сарiамъ* (*серiамъ*, *серiеле*) *канклы*, *джалаиръ* и *дулатъ*, нѣкогда составляли самостоятельныя племена, о

Digitized by Google

которыхъ мы имѣемъ, правда, довольно отрывистыя, тѣмъ не менѣе весьма интересныя данныя. Н. Аристовъ даетъ иное дѣленіе Большой орды. Согласно его изысканіямъ, эта орда дѣлится на 11 поколѣній, которыя въ свою очередь раздѣляются на роды и т. д. Эти поколѣнія слѣдующія: *дулатъ*, *адбанъ*, *суванъ*, *чапрашты*, *исты*, *ушакты*, *сары-уйсунъ*, *джалаиръ*, *канглы*, *чаншклы* и *сергелы*. Это дѣленіе Большой орды, представляющее иную систему, чѣмъ дѣленіе Левшина, составлено Н. Аристовымъ на основаніи родословной Дикамбая-батыря устныхъ сообщеній біевъ Большой орды и нѣкоторыхъ литературныхъ источниковъ. Хотя источникъ родословной Дикамбая Н. Аристову и неизвѣстенъ, тѣмъ не менѣе нѣтъ основанія считать приведенное дѣленіе Большой орды произвольнымъ. Не подлежитъ, впрочемъ, сомнѣнію, что, разспрашивая разныхъ киргизовъ, членовъ разныхъ родовъ, обитающихъ разныя мѣстности, можно получить довольно разнорѣчивыя показанія, касающіяся собственно системы раздѣленія той или иной орды и исторіи возникновенія даннаго дѣленія, и нельзя не согласиться съ Вамбери[1]), который говоритъ, что немногое въ этнографіи тюрковъ представляетъ бо̀льшія трудности, чѣмъ точное выясненіе главныхъ и послѣдующихъ родовыхъ дѣленій. Преслѣдуя свои задачи, намъ нѣтъ нужды вдаваться здѣсь въ детали родового дѣленія и въ сравнительную оцѣнку той или иной системы, но не можемъ не указать, что хотя Н. Аристовъ и не признаетъ, повидимому, дѣленія Большой орды на два поколѣнія—*уйсюнъ* и *конгратъ*—и какъ бы умаляетъ значеніе этихъ двухъ племенныхъ именъ, но съ другой стороны, отмѣчаетъ для насъ весьма важный фактъ, что Большая орда киргизовъ именуется также *усуновскою* или *уйсуновскою*, т.-е. и въ данномъ случаѣ, какъ и у Левшина, имени *уйсюнъ* придается болѣе значенія, чѣмъ имени простого рода. Что касается *конгратъ*, то имя этого поколѣнія Н. Аристовымъ совсѣмъ не упоминается, ни въ качествѣ рода, ни въ качествѣ поколѣнія; можно, какъ намъ кажется, съ достаточною вѣроятностью полагать, что нынѣ, если не повсемѣстно, то мѣстами, имя „конгратъ", какъ имя объединяющаго нѣсколько родовъ въ одну общую группу—поколѣнія—киргизами забыто.

---

[3]) Das Türkenvolk in seinen ethnol. und ethnogr. Beziehungen. Leipzig, 1885, p. 181.

Digitized by Google

Оно и вполнѣ понятно: чѣмъ больше дѣлятся большія (главныя) родовыя группы на дѣленія болѣе мелкія, то они въ своемъ значеніи уступаютъ этимъ послѣднимъ. По Спасскому[1]), Большая орда состояла въ началѣ XIX в.: 1) изъ кочевавшихъ по китайской границѣ и распространившихся до Сыръ-Дарьи *дулатовскаго* рода и *сары-юсунъ-джалаирскаго*; 2) изъ занимавшаго земли между Туркестаномъ, Сары-су и Акъ-мечетью рода *сергакъ* (*сергеле*), и 3) изъ обитавшихъ на Сыръ-Дарьѣ къ Ташкенту родовъ *канлы* и *чапиклы*.

Родъ Джалаиръ.—Рашид-эд-динъ[2]) описываетъ джалаиръ, какъ племя многочисленное и состоявшее изъ десяти «вѣтвей» (быть можетъ, родовъ); это племя, по словамъ упомянутаго автора, вмѣстѣ съ *ойратъ* и *татаръ* принадлежало къ тѣмъ турецкимъ (тюркскимъ) племенамъ, которыхъ „нынѣ“ называютъ монголами; „наружность и слово ихъ похожи на типъ и слово монголовъ, поелику во время оно монгольская вѣтвь была племенемъ изъ тюркскихъ племенъ, а нынѣ по причинѣ процвѣтанія, вліянія и могущества монголовъ это имя усвоено всѣми другими племенами“. Абулгази[3]) въ свою очередь лишь кратко повторяетъ слова Рашид-эд-дина и говоритъ, что *джалаиръ* племя древнее, что оно было весьма многочисленно и что у него было много родовъ. Часть полка, даннаго Чингизъ-ханомъ сыну Джагатаю, состояла изъ *джалаировъ*, такъ какъ одинъ изъ начальниковъ (Мука-нойонъ) былъ именно изъ этого рода. При дворѣ Джагатая *джалаиры* играли важную роль въ управленіи улусомъ. Тимуръ отдалъ „*джалаировскую орду*“ Абиль-шаху, сыну Беграмъ-джалаира[4]). Н. Аристовъ[5]) полагаетъ, что *джалаиры* первоначально не были многочисленны и что составъ ихъ увеличился впослѣдствіи воспріятіемъ въ свою среду разныхъ родовъ извнѣ, давшихъ отчасти матеріалъ на образованіе впослѣдствіи киргизскаго народа, отчасти же каракиргизскаго и иного происхожденія.

---

[1]) См. Н. Аристовъ, loc cit., стр. 402.

[2]) Переводъ съ примѣчаніями И. Н. Березина (Труды Вост. Отдѣла Имп. Археол. Общ., ч. V) Спб. 1858 г.

[3]) И. Березинъ—Библіотека восточныхъ источниковъ, т. III ч. I. Исторія Абуль-Гази. Казань, 1854 г.

[4]) Исторія Чингизъ-хана до восшествія его на престолъ. (Н. Аристовъ.)

[5]) Loc. cit., стр. 406 и 407.

Digitized by Google

Родъ Канклы (*Канлы, Канлы*).—Канклы существовали, такъ же какъ и *джалаиръ*, нѣкогда какъ самостоятельное племя. Имя *канклы*, по словамъ Рашид-эд-дина, получили тѣ изъ тюркскихъ племенъ, присоединившихся къ Угузъ-хану (родоначальнику тюрковъ), которыя во время его борьбы съ родственниками доставляли добычу: „нагружали четвероногихъ, дѣлали собственнымъ умомъ телѣги—телѣга по-турецки канглы". Абулгази передаетъ слѣдующую легенду (варіантъ первой) о происхожденіи канклы. Угузъ-ханъ воевалъ съ *татарами*, побѣдилъ ихъ и набралъ столько добычи, что нельзя было ее навьючить на лошадей, тогда нашелся одинъ человѣкъ, который сдѣлалъ телѣгу: ее назвали канкъ (прежде не было этого слова, такъ какъ не было телѣгъ), потому что она скринѣла („канкъ, канкъ"). Изобрѣтателя телѣги назвали Канклы, и весь народъ съ этимъ именемъ происходитъ отъ него. По мнѣнію Н. Аристова[1]), по китайскимъ источникамъ *канклы* существовали уже за полтора вѣка до Рождества Христова. Въ 568 г. византійскій посолъ Зимархъ проѣзжалъ на пути своемъ къ тюркскому хану Дизавулу черезъ страну *канклов*. О *канклахъ*, какъ о самостоятельной народности, имѣются свѣдѣнія отъ XI и XII вв., но, повидимому, канклы, какъ самостоятельное племя, существовали еще въ серединѣ XIII в. (и вѣроятно, еще позже); такъ, напримѣръ, мы знаемъ, что Рубруквисъ [2]) послѣдовалъ съ низовьевъ Волги изъ Лагеря Батыя на Яикъ (р. Уралъ), а потомъ въ землю канкловъ. Въ 1220 году чиньскій посолъ Вукусунь упоминаетъ въ числѣ встрѣченныхъ имъ на пути къ Чингизъ-хану племенъ *канлов*[3]). Плано Карпини послѣ земель половцевъ прослѣдовалъ черезъ землю *канитовъ*. Во время Тимура *канклы* продолжали занимать правый берегъ Сыръ-Дарьи, но численность ихъ была, по мнѣнію Н. Аристова, не велика: выдѣляя изъ себя въ продолженіе вѣковъ значительныя массы на югъ и на западъ въ полчища гунновъ, печенѣговъ, половцевъ, они уменьшались въ численности и утрачивали преобладаніе въ исконныхъ своихъ земляхъ.

---

[1]) Loc. cit., стр. 403.

[2]) А. Машкеевъ—Историческій обзоръ Туркестана и наступательное движеніе на него русскихъ. Спб. 1890 г.

[3]) Н. Аристовъ. Loc. cit. стр. 403.

Digitized by Google

П. Голубовскій [1]) предполагаетъ, что печенѣги получили это свое наименованіе лишь послѣ своего перехода изъ Азіи въ Европу, и что они, находясь по ту сторону р. Урала, назывались *канклами* и составляли часть этого обширнаго племени (имя «печенѣги» неизвѣстно азіатскимъ сказаніямъ о тюркскихъ племенахъ). Если это предположеніе считать вѣроятнымъ, то окажется, что часть *канклов*ъ (т-.е. печенѣги) уже въ IX в. жили между Волгой и Ураломъ.

Родъ Дулатъ.—Хотя свѣдѣнія объ этомъ родѣ, по мнѣнію Н. Аристова[2]) главномъ по численности въ Большой ордѣ, и не особенно многочисленны, но они заслуживаютъ серьезнаго вниманія. Есть основанія, какъ говоритъ только что упомянутый авторъ, полагать, что родъ (или собственно племя) *дулу* существовалъ до Р. Х., такъ какъ онъ уже во II столѣтіи нашей эры откочевалъ вмѣстѣ съ хуннами отъ предѣловъ Китая. Послѣ распаденія царства Аттилы, вожди *дулу* стали во главѣ той части болгаръ, которая основала дунайское болгарское царство. Объ оставшихся въ западной Монголіи дулу извѣстно въ V и VII вв. Съ VIII и по XII в. имѣются крайне отрывочныя свѣдѣнія о *дулатах*ъ, изъ чего можно заключить, что если они и сохраняли извѣстную племенную самостоятельность, то видной роли не играли.

Поколѣніе Конратъ.—Это поколѣніе такъ же, какъ и вышеупомянутые рода *джалаиръ*, *канклы* и *дулатъ*, имѣетъ весьма древнее происхожденіе. Это племя издавна кочевало вмѣстѣ съ *найманами* (отчасти и въ настоящее время кочуетъ вмѣстѣ) и было при наступательномъ движеніи Чингизъ-хана, на ряду съ *найманами* и *ойратами*, покорено однимъ изъ первыхъ[3]). Впослѣдствіи мы встрѣчаемъ *конратов*ъ въ качествѣ составного элемента Золотой орды.

Поколѣніе Уйсюнъ.—Поколѣніе *уйсюнъ* (или *усюнъ*) имѣетъ также весьма древнее происхожденіе и представляетъ большой интересъ. Хотя болѣе или менѣе подробное описаніе исторіи древнихъ племенъ, вошедшихъ въ составъ киргизовъ, и не можетъ входить въ цѣли этой нашей статьи, тѣмъ не менѣе мы должны остано-

---

[1]) Печенѣги, половцы и торки до нашествія татаръ. Кіевъ, 1884 г.
[2]) Loc cit., стр. 400.
[3]) Вамбери. Исторія Бохары. Спб. 1873 г.

Digitized by Google

виться нѣсколько на весьма любопытномъ племени усюней, возбуждавшемъ въ печати уже неоднократно интересъ, и важное для насъ тѣмъ, что оно, какъ племя не монгольское и не тюркское, внесло совершенно чуждый элементъ въ среду киргизовъ.

Уйсюни (уйсунъ, усюнь, усюнъ, усунъ, узунъ, уйшунъ, усіунь, уссунь) составляли нѣкогда самостоятельное племя, жившее у сѣверо-западной границы Китая; тѣснимые съ востока хуннами, они двинулись на западъ, въ свою очередь, стѣснивъ прежнихъ обитателей *буруговъ* на юго-западъ, заняли за два вѣка до Р. Х. нынѣшній Илійскій округъ[1]) часть Балкаша и Иссыкъ-куль[2]). Здѣсь они оставались до VI в. по Р. Х., достигли значительнаго могущества, и число ихъ, по китайскимъ источникамъ, доходило до 630000 душъ и 180000 войска. Ихъ главный городъ Чи-гу-чинъ лежалъ у озера Иссыкъ-куль (Темурту). Въ настоящее время сохранились развалины древняго города, затонувшаго въ озерѣ, который, на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, считается усюнскимъ, хотя, впрочемъ, Риттеръ[3]) говоритъ, что онъ лежалъ лишь близъ озера, а не на берегу его; временемъ исчезновенія этого города можно принять VI вѣкъ. Такъ, въ первой половинѣ VII вѣка[4]) Имп. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этногр. 1890 г. вып. V).
мимо озера на пути изъ города Куча на р. Чуи и Толасъ проходилъ китайскій миссіонеръ Хюанъ-Цзанъ, который о городѣ Чигу-чинѣ уже ничего не упоминаетъ; далѣе съ VII до XIII столѣтія объ Иссыкъ-кулѣ нигдѣ никакихъ свѣдѣній не имѣется.

Итакъ, повидимому, начиная съ VI вѣка, свѣдѣній о городѣ *усюней* не имѣется; изъ этого конечно, нельзя сдѣлать заключенія, что сами *усюни* исчезли. Уже въ I вѣкѣ по Р. Х. усюни распадаются на двѣ вѣтви, изъ которыхъ одна[5]) (малые усюни) двигается на западъ къ Уралу, а другая (большіе усюни) образуетъ могущественное государство. Разселеніе этихъ послѣднихъ *усюней* начинается собственно съ IV вѣка, когда часть ихъ перешла на Яксартъ и Трансокеанію, другая въ нынѣшнюю Кир-

[1]) Монахъ Іоакинѳъ.—Историческое обозрѣніе ойратовъ или калмыковъ Спб. 1834 г.

[2]) Семеновъ.—Землевѣдѣніе Азіи. Спб. 1859 г.

[3]) C. Ritter. Die Erdkunde von Asien. B. 5. Berlin. 1837.

[4]) А. Ивановскій.—Черепа изъ озера Иссыкъ-куля. (Дневн. Антр. Отдѣла Имп. Общ. Люб. Ест., Антр. и Эти. 1890 г., вып. V.

[5]) Radloff. Aus Sibirien. Leipzig, 1884.

Digitized by Google

гизскую степь на Иртышъ. Въ VII в., а именно въ 619 г.[1]) *усюни* подчинились *тюркамъ* (*ту-кіу*) и стали постепенно сливаться съ ними; китайскій писатель VII в. Шы-чу[2]) пишетъ, что въ тюркахъ съ голубыми глазами и рыжими бородами слѣдуетъ видѣть потомковъ *усюней*; но, повидимому, можно сдѣлать заключеніе, что усюни оставались еще неслившеюся и болѣе или менѣе самостоятельною народностью довольно долгое время. Китайскіе источники передаютъ намъ весьма интересныя свѣдѣнія о физическомъ типѣ усюней, а именно, что они были довольно высокаго роста и частью русо и рыжеволосы[3]), съ голубыми и зелеными глазами. По китайскимъ источникамъ извѣстно еще нѣсколько племенъ, жившихъ въ сосѣдствѣ съ усюнами и имѣвшихъ такъ-же, какъ и эти, свѣтловолосый типъ[4]): *ту-ло* или *чинъ-ша*, *ку-тэ*, предполагаемая отрасль *готовъ*, *динъ-линъ* или *тингъ-лингъ*, *кянъ-кунъ* или *хакасъ*—предполагаемые праотцы *каракиргизовъ*, и *энъ-уай*—предполагаемые *аланъ*.

Усюни возбуждали, благодаря своему свѣтловолосому типу, уже давно интересъ среди ученыхъ, а именно въ двоякомъ направленіи: съ одной стороны, всѣхъ интересовало происхожденіе усюней, а съ другой—вопросъ о современныхъ потомкахъ этой народности. Что касается происхожденія ихъ, то мнѣніе ученыхъ различно: нѣкоторые, и это большинство, считаютъ усюней арійскаго происхожденія, другіе финскаго, и нѣкоторые, наконецъ, монгольскаго. Къ послѣднимъ относится о. Іоакинфъ[5]); мнѣніе этого автора, вѣроятно основано на словахъ Абульгази, который говоритъ, что усюни (уйшунъ) поколѣніе монгольское. Это мнѣніе, повидимому, ничего за себя не имѣетъ, такъ какъ невозможно себѣ представить отрасль монголовъ свѣтловолосаго типа; усюни могли быть монголами по своей культурѣ и по языку, но не по физическому типу.

---

[1]) Семеновъ. Землевѣдѣніе Азіи. Спб. 1859 г.

[2]) Монахъ Іоакинфъ. Исторія народовъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена, ч. III. Спб. 1851 г.

[3]) I. Klaproth.—Tableaux historiques de l'Asie. Paris 1826. (Peuple de race blonde, p. 163).

[4]) C. Ritter.—Die Erdkunde von Asien. Berlin. 1837.

[5]) Историческое описаніе ойратовъ и калмыковъ. СПБ., 1834 г.

Digitized by Google

Происхожденіе арійское приписывается, какъ было только что сказано, большинствомъ; нѣкоторые, именно нѣмецкіе авторы, шли такъ далеко, что считали усюней германскаго происхожденія; основаніемъ этого служило названіе усюнскихъ властителей „куенмо", которое отождествлялось съ словомъ „конунгъ"; повидимому, въ этомъ предположеніи нѣтъ никакихъ серьезныхъ основаній. Естественно, что вопросъ о томъ, финскаго ли происхожденія усюни, или арійскаго, для разрѣшенія весьма труденъ; тѣмъ болѣе труденъ вопросъ, если признать ихъ за арійцевъ, германцы ли они (готы), или иранцы (алане); не слѣдуетъ при этомъ упускать изъ виду, что въ теоріяхъ о происхожденіи усюней было одно свѣтловолосое племя забыто — славяне. Усюни, какъ уже было сказано, возбуждали давно интересъ; на основаніи ихъ внѣшности была даже построена теорія о третьемъ типѣ — рыжеволосомъ и зеленоглазомъ, который, по мнѣнію Топинара, распространился на западъ, оставилъ свои слѣды на финскихъ народностяхъ и проникъ даже въ Великобританію.

Новѣйшій изслѣдователь даннаго вопроса Н. Аристовъ[1]) держится особаго мнѣнія, которое, повидимому, имѣетъ за себя многое. Названный авторъ считаетъ, что *усюни* составляли лишь часть коренныхъ *кыргызовъ* (т.-е. каракиргизовъ), отдѣлившуюся отъ оставшагося на Енисеѣ народа, который вскорѣ сдѣлался извѣстнымъ китайцамъ подъ настоящимъ своимъ именемъ „кыргызъ"; но *усюнскій* народъ въ средней Монголіи состоялъ не изъ однихъ *кыргызовъ*, а представлялъ собою союзъ тюркскихъ родовъ, во главѣ котораго стоялъ *усюнскій* отдѣлъ *кыргызовъ*. Общіе предки *усюней* и енисейскихъ *кыргызовъ* — древніе *кыргызы* — произошли изъ смѣшенія тюрковъ съ *динлинами*, которые были однимъ изъ племенъ древней сѣверно-азіатской длинноголовой и свѣтлоокрашенной расы. Остатки этой динлинской, *совершенно особой отъ арійской расы* извѣстны, по мнѣнію Н. Аристова[1]), съ VII в. подъ именемъ „пѣгаго" народа, найденнаго русскими завоевателями Сибири на Енисеѣ подъ именемъ *аринов*, *ассанов* и *коттов*, въ настоящее же время представляются лишь вымирающими енисейскими *остяками*; самое же восточное изъ племенъ древней длинноголовой расы уцѣлѣло въ видѣ аборигеновъ сѣверной

[1]) Loc. cit., стр. 451.

Digitized by Google

части японскаго архипелага—*айновъ*, въ которыхъ обнаруживается сочетаніе длинноголовой расы съ монгольскою.

Что касается собственно вопроса о современныхъ потомкахъ усюней, то мнѣнія разныхъ лицъ значительно расходятся: такъ Топинаръ, напримѣръ, склоненъ видѣть потомковъ ихъ въ современныхъ *остякахъ* и *чувашахъ*, Н. Ядринцевъ[1])—въ *абокинскихъ*, *бійскихъ* и *кузнецкихъ* татарахъ, И. Яворскій[2])—въ современныхъ *сартахъ* и *таджикахъ*; большинство же авторовъ, въ томъ числѣ и мы, склонны считать за *главные* остатки *усюней* часть киргизовъ, а именно усюнское поколѣніе Большой орды, а также и каракиргизовъ, среди которыхъ (т.-е. каракиргизовъ) у озера Иссыкъ-куля и нынѣ кочуетъ немало блондиновъ и среди которыхъ сохранился родъ *узунъ-бутъ*. Мнѣнія о сохраненіи усюнскаго племени среди киргизовъ Большой орды, между прочимъ, держатся Клапротъ, П. Семеновъ, А. Вилькинсъ, А. Ивановскій и Н. Аристовъ. На это существуютъ, дѣйствительно, весьма вѣскія доказательства. Во-первыхъ, самое имя „усюнъ" сохранилось среди киргизовъ, образующихъ цѣлое поколѣніе съ этимъ наименованіемъ; во-вторыхъ, современное поколѣніе усюнъ кочуетъ приблизительно въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ обитали и древніе усюни; въ-третьихъ, среди киргизовъ и каракиргизовъ, живущихъ на оз. Иссыкъ-кулѣ, свѣтловолосый и голубоглазый типъ далеко не рѣдокъ, какъ объ этомъ пишетъ А. Вилькинсъ и П. Семеновъ и др. Намъ извѣстно далѣе, что съ VII вѣка усюни начинаютъ подчиняться тюркамъ; китайскій же писатель VII в. Шы-чу пишетъ, что въ тюркахъ съ голубыми глазами и рыжими бородами слѣдуетъ видѣть именно усюней. Въ преданіяхъ самихъ киргизовъ усюнскаго поколѣнія сохранилось, по словамъ Валиханова[3]), воспоминаніе о томъ, что они потомки большого и сильнаго народа. По другимъ преданіямъ[4]) киргизовъ Большой орды они произошли отъ *рыжеволосаго* Уссуня, брата родоначалъника двухъ остальныхъ

[1]) Объ изслѣдованіяхъ Н. Ядринцева. (Прот. Антр. Отд. съ 1881—1886 г. в. I, 1886 г. Из. Имп. Общ. Л. Ест., Ант. и Эт., т. XLIX) и „Поѣздка въ Сибирь", тамъ же, в. 3, 1890 г., стр. 748.

[2]) Опытъ медицинской географіи и статистики Туркестана, ч. I. СПБ. 1889 г.

[3]) Очерки Джунгаріи.

[4]) А. Красновъ. Очерки быта семирѣченскихъ киргизовъ. Из, И. Р. Г. О. 1887 г., стр. 437—438.

Digitized by Google

ордъ. По мнѣнію Н. Аристова [1]), собственно прямые потомки *усюней* не киргизы (*казаки*), а (*каракиргизы*) (*кыргызы*). Что же касается собственно усюнскаго поколенія Большой орды, то по мнѣнію названнаго автора, элементъ усюнскій вошелъ въ нихъ путемъ отдѣленія части каракиргизовъ въ среду большеордынцевъ. По номенклатурѣ цитируемаго автора *усюнское* поколѣніе Большой орды (*«уйсюнъ»* Левшина) именуетяя *сары-уйсунъ*. За кыргызское (т.-е., такъ сказать, каракиргизское) происхожденіе даннаго поколѣнія говорятъ елѣдующіе факторы: 1) отсутствіе въ именахъ отдѣленій рода *сары-уйсюнъ* таковыхъ, которыя имѣлись бы у *дулатовъ* и *канловъ*; эти два рода считаются Н. Аристовымъ, такъ сказать, зерномъ киргизскаго народа и, слѣдовательно, *сары-уйсуни* имѣютъ особое отъ нихъ происхожденіе; 2) нахожденіе въ составѣ *сары-уйсюней* отдѣленія *крыкъ* или *кыркъ*, отъ имени котораго вѣроятно, произошло самое имя *кыргызовъ* (каракиргизовъ); 3) совершенное отличіе *сары-уйсунской* тамги отъ *дулатовскихъ* и *канюйскихъ* и принадлежность ея къ типу четыреугольника, встрѣчающагося у *киреевъ* и *остяковъ* и указывающаго на *динлинское* его происхожденіе; 4) *сары-уйсунъ*, имя поколенія, вдвойнѣ подтверждаетъ, что оно является прямымъ и кореннымъ потомкомъ *уйсуней*, ибо не только носитъ имя *усунъ*, но съ приставкою къ нему *сары*, т.-е. желтый, указывающею на отличительную черту физическаго типа уйсуней, унаслѣдовавшихъ отъ древнихъ динлиновъ свѣтлую окраску волосъ.

Какъ намъ кажется, всѣхъ вышеприведенныхъ доводовъ достаточно, чтобы держаться взгляда, что усюни оставили свои главные слѣды въ киргизскомъ народѣ (и въ каракиргизахъ), а именно въ Большой ордѣ. Правда, свѣтловолосый типъ встрѣчается не только среди киргизовъ и каракиргизовъ, но и среди башкиръ, напримѣръ (хотя здѣсь болѣе вѣроятно вліяніе финской крови разныхъ сосѣдей), далѣе среди туркменъ, гальчей, таджиковъ, сартовъ и др. племенъ; но не слѣдуетъ забывать, что, кромѣ усюней, существовали и другія племена съ свѣтлыми волосами, какъ объ этомъ было уже сказано выше. Слѣдуетъ вообще замѣтить, что свѣтловолосый типъ былъ нѣкогда гораздо болѣе распространенъ и, повидимому, постепенно уступалъ черноволосо-

[1]) Loc. cit., стр. 423 и 463.

Digitized by Google

му; это касается не только Азіи, но и Европы: такъ, мы видимъ массовыя появленія брюнетовъ среди осетинъ—племени, бывшаго первоначально свѣтловолосымъ; далѣе, мы видимъ вытѣсненіе свѣтловолосаго типа черноволосымъ среди славянъ, также отчасти среди германцевъ и во Франціи. Все это позволяетъ думать, что свѣтловолосый типъ, если и не всегда, то по крайней мѣрѣ очень часто, является менѣе устойчивымъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, если онъ въ Азіи при различныхъ передвиженіяхъ, имѣвшихъ мѣсто тамъ, утрачивалъ свою самостоятельность и явился раскинутымъ среди различныхъ народовъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что Большая орда, состоящая изъ двухъ поколѣній, существовавшихъ нѣкогда какъ самостоятельныя племена и при этомъ еще не въ отдаленномъ прошломъ, съ своей стороны не только не говоритъ за древность киргизскаго народа (въ современномъ смыслѣ слова, а не въ смыслѣ составныхъ элементовъ), а напротивъ того, указываетъ лишь на конгломератное строеніе его. Слѣдуетъ замѣтить, что все киргизское племя считается приблизительно въ $2^1/_2$—3 милліона, изъ которыхъ приблизительно 450000—550000 (по другимъ даннымъ 900000—1036266) приходятся на Большую орду, т.-е. эта орда составляетъ приблизительно $^1/_5$—$^1/_3$ всего племени.

Что касается Средней орды, которая по однимъ даннымъ числитъ 712000, а по другимъ 900000—1000000 душъ, то она состоитъ изъ четырехъ поколѣній: *найманъ*, *кирей*, *кипчакъ* и *аргинъ*; остановимся на каждомъ изъ нихъ.

Поколѣніе Найманъ.—Найманы, какъ самостоятельное племя, извѣстны уже давно, и Рашидъ-эд-динъ, причисляя ихъ къ группѣ тюркскихъ племенъ—*кераитъ*, *тангутъ*, *уйгуръ*, *кыргызъ* и др.—считаетъ ихъ однимъ изъ древнѣйшихъ тюркскихъ племенъ. По словамъ Рашидъ-эд-дина, *найманы* состояли изъ нѣсколькихъ родовъ, которые жили частью въ горахъ и частью въ степи, а именно на Большомъ Алтаѣ, Каракорумѣ и Кукъ-Иртышѣ; у нихъ были свои сильные государи, многочисленное хорошее войско; обычаи и привычки ихъ были подобны монгольскимъ. Абулгази отъ себя добавляетъ, что этотъ древній народъ имѣлъ обширное скотоводство, но земледѣліемъ не занимался. По словамъ о. Іоакинфа, *найманы*, присоединивъ къ себѣ въ 1201 году земли за-

Digitized by Google

паднаго Киндякскаго царства, завладѣли всѣмъ Тарбагатаемъ. Во времена Чингиза ихъ ханомъ былъ Тіянгъ, котораго знаменитый завоеватель покорилъ однимъ изъ первыхъ. Но еще въ продолженіе долгаго времени это племя фигурируетъ самостоятельно; такъ, напр., въ Шейбани-намэ[1]) на ряду съ *татаръ*, *мангытъ*, *уйгуръ* и *дурманъ* упоминаются и *найманы*, какъ соучастники похода Шейбанія.

Покольніе Кирей или Кереитъ (Кераитъ).—Это поколѣніе извѣстно еще подъ именемъ гирей или увакъ-гирей (въ настоящее время съ этимъ именемъ существуетъ, кромѣ упоминаемаго поколѣнія, еще родъ въ Малой ордѣ Семиродскаго поколѣнія). *Кереитъ* или *кераитъ* есть имя одного изъ древнѣйшихъ тюркскихъ племенъ; оно, по словамъ Рашидъ-эд-дина, принадлежало къ группѣ тѣхъ тюркскихъ племенъ (*найманъ*, *онгутъ*, *тангутъ*, *уйгуръ*, *кыргызъ*, *кармукъ* и *кыпчакъ*), у которыхъ не было „излишняго отношенія родства и отношенія по сближенію эпохъ съ племенами тюркскими *джалаиръ*, *ойратъ* и *татаръ* и съ племенами монгольскими, хотя по типу и языку они близки къ нимъ". Въ свое время *кереиты* были могущественнымъ племенемъ, и тотъ-же авторъ пишетъ, что у нихъ были „уважаемые государи изъ своихъ племенъ, и въ то время они имѣли силы и могущества въ тѣхъ предѣлахъ болѣе другихъ племенъ". Абульгази въ свою очередь пишетъ то же самое, но лишь въ нѣсколько иныхъ выраженіяхъ: это древній народъ; онъ стоялъ подъ управленіемъ своихъ собственныхъ государей, при которыхъ не было народа сильнѣе *кераитовъ*. По словамъ Абулгази, имя *кераитъ* значитъ черный баранъ (по Вамбери—сѣрая собака); у одного человѣка, передаетъ онъ, было 7 сыновей, которые были всѣ черные, почему ихъ и ихъ потомковъ прозвали *кераитъ*.

Уже въ X. в. *кераиты* доходили численностью до 900000 человѣкъ[2]); въ началѣ XI в. они приняли христіанство отъ несторіанскихъ священниковъ и сохранили его въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій (до XIV в.).

Какъ знаки бывшаго христіанства, по словамъ Е. Смирнова, киргизы этого поколѣнія сохранили тамги въ видѣ креста. Дѣйствительно, у *киреитовъ* Средней орды эта тамга ставится +, а

[1]) Шейбаніада писана не ранѣе 1510—1530 года.

[2]) Е. Смирновъ. Сыръ-Дарьинская область. СПБ. 1887 года.

Digitized by Google

у *киреитовъ* Малой орды ±. Впрочемъ, тамга въ видѣ креста принадлежитъ не однимъ *киреитамъ*; такъ, напримѣръ, *китинскій* родъ Букеевской орды имѣетъ также тамгу въ видѣ креста, × (по моимъ наблюденіямъ) или +× (по наблюденіямъ И. Казанцева), *китинцы* за Ураломъ имѣютъ тамгу + (по наблюденіямъ Мейера); далѣе Куясово отдѣленіе Ногайскаго рода Букеевской орды имѣетъ тамги × или +; затѣмъ, алтайскіе калмыки имѣютъ среди своихъ тамгъ также +; наконецъ, Рашидъ-эд-динъ, перечисляя внуковъ Угузъ-хана (родоначальника тюрковъ) называетъ Алушара, у котораго тамга какъ у *китинцевъ* ×, и Кырыка, тамга котораго ×; такъ что, на нашъ взглядъ, подлежитъ крайнему сомнѣнію, насколько тамги *киреитовъ* въ видѣ креста могутъ указать на существовавшее у нихъ христіанство, которое они дѣйствительно исповѣдывали; такъ, Рашидъ-эд-динъ пишетъ, что „исповѣданіе Іисуса—миръ ему!—достигло къ нимъ, и они приняли его вѣру". Н. Аристовъ[1]), придающій тамгамъ киргизовъ громадное значеніе, считая ихъ древняго происхожденія, съ чѣмъ, повидимому, нельзя не согласиться, считаетъ тамгу *киреевъ* въ видѣ креста одною изъ основныхъ киргизскихъ (точнѣе тюркскихъ) тамгъ. Къ такимъ основнымъ тамгамъ названный авторъ относитъ, кромѣ *киреевскаго* креста: 1) тамгу въ видѣ круга *дулатовъ*, 2) прямую черту и ея производныя—тамги *канглювъ* и *кипчаковъ* и 3) тамгу-уголъ *наймановъ*. На основаніи тамгъ и народныхъ преданій тотъ же авторъ признаетъ близкое родство *киреевъ* съ *кыргызами* (кара-киргизами) и *сары-уйсунами*.

Въ XIII в. у *киреитовъ* ханомъ былъ Онгъ-ханъ[2]) (Унгъ-ханъ Абулгазія), замѣчательный противникъ Чингиза, надъ которымъ послѣдній одержалъ побѣду въ 1202 году (599 хеджры)[3])

Поколѣніе Кипчакъ.—Одно изъ интереснѣйшихъ поколѣній или собственно племенъ—это *кипчаки*. Имя *кипчакъ* (*кыпчакъ*), какъ нами было сказано уже выше, встрѣчается кромѣ киргизовъ еще среди башкиръ и узбековъ, кромѣ того до сего времени существуетъ маленькое, но самостоятельное племя этого имени. По словамъ

[1]) Loc. cit., стр. 421 и 427.

[2]) Вамбери.—Исторія Бохары. СПБ. 1873 г.

[3]) Поколѣніе *кирей* Средней орды называется также *уакъ-кирей* и состоитъ изъ трехъ родовъ: *уакъ*, *кирей* и *тараклы*; въ Малой ордѣ поколѣнія *кирей* нѣтъ, но есть этого же имени родъ Семирейскаго поколѣнія.

Digitized by Google

Уйфальви, *кипчаки* вошли своей незначительной частью и въ составъ *каракиргизовъ*, образовавъ нѣчто въ родѣ отдѣльной вѣтви ихъ съ наименованіемъ *киргизъ-кипчакъ*.

Племя *кипчакъ* одно изъ древнѣйшихъ тюркскихъ племенъ, и Рашидъ-эд-динъ причисляетъ его къ группѣ тѣхъ тюрокъ, къ которой принадлежатъ, по его словамъ, *кераиты найманы, уйгуры, кыргызы, карлуки* и др. Во время войны (говоритъ авторъ) Угузъ-хана (родоначальника тюрковъ) съ родственниками нашли въ дуплѣ дерева беременную женщину, мужъ которой оказался убитымъ. Угузъ-ханъ усыновилъ родившагося мальчика и далъ ему имя Кипчакъ, «отъ слова кипчакъ—сгнившее дерево, и всѣ *кипчаки* суть отъ этого мальчика».

Абулгази передаетъ слѣдующія легендарныя подробности о возникновеніи кипчаковъ: послѣ одного сраженія, въ которомъ Угузъ-ханъ былъ побѣжденъ, ему принесли ребенка, родившагося въ дуплѣ дерева отъ беременной женщины, взятой однимъ изъ князей Угуза съ собой и укрывшейся въ дуплѣ отъ холода. Такъ какъ пустое дерево на тюркскомъ нарѣчіи называется «кипчакъ», то мальчикъ былъ названъ Кипчакомъ. Когда этотъ мальчикъ, воспитанный Угузомъ, выросъ, то народы *урусъ, авлакъ, маджаръ* и *башкуртъ* возмутились. Угузъ-ханъ поручилъ Кипчаку много народу и послалъ его на берега рѣкъ Дона и Итиля (Волги). Онъ царствовалъ въ этой странѣ 300 лѣтъ, и все народонаселеніе кипчакское произошло отъ него. Со временъ Угузъ-хана и до Чингизъ-хана, по словамъ Абулгазія, на берегахъ Дона, Итиля и Яика не было другого народа кромѣ кипчаковъ, «которые здѣсь жили около 4000 лѣтъ»[1]).

---

[1]) Само собою разумѣется, что этой цифрѣ не слѣдуетъ придавать буквальнаго значенія, тѣмъ не менѣе слѣдуетъ отмѣтить извѣстную странность въ этомъ преданіи, которое приписываетъ такое огромное количество лѣтъ существованію кипчаковъ въ степи между Волгою и Ураломъ. П. Голубовскій (Печенѣги, торки и половцы, Кіевъ 1884 г.) объясняетъ (какъ намъ кажется совершенно справедливо) это преданіе тѣмъ, что въ народной памяти тюркскихъ племенъ могли сохраниться воспоминанія о совершавшихся уже издавна выселеніяхъ тюрковъ изъ Азіи въ Европу (напр. хазары, угры, печенѣги, торки и кипчаки), а такъ какъ монголы нашли за Ураломъ (т.-е. по сю сторону Яика) лишь кипчаковъ, то легко было народному воображенію ихъ переселить сюда за нѣсколько „тысячелѣтій“ до Чингизъ-хана.

Digitized by Google

Кипчакское поколѣніе киргизовъ, относящееся къ Средней ордѣ, раздѣляется на восемь родовъ: *торыайгыръ*, *тунга*, *кытабокъ*, *бултулъ*, *карабалыкъ*, *кундялянъ*, *тана-буга*, *кукъ-боронъ* и *узунъ*. До насъ дошли, между прочимъ, имена одиннадцати родовъ древнихъ кипчаковъ, которыя намъ передаютъ два автора: Рокнеддинъ-Бейбарсъ и Ибнъ-Хальдунъ[1]); первый называетъ ихъ такъ: *токсоба*, *сета*, *бурджоглы*, *бурлы*, *кангуоглы* или *кангороглы*, *анджоглы*, *дуругъ*, *карабароглы* и *котянъ*. Сопоставляя имена родовъ киргизскаго поколѣнія съ родами древнихъ кипчаковъ, мы не находимъ общихъ именъ[2]). Несмотря на отсутствіе общихъ родовъ, мы должны признать родство между кипчаками узбековъ, киргизовъ, башкиръ и племенемъ современныхъ кипчаковъ съ одной стороны, и древними кипчаками съ другой. Такое разселеніе послѣднихъ могло произойти, во-первыхъ, послѣ покоренія кипчакскаго царства монголами, когда кипчаки и уводились въ плѣнъ, и бѣжали сами, а съ другой стороны, разселеніе могло произойти во время распаденія Золотой орды. Кипчаковъ вообще слѣдуетъ считать древнимъ тюркскимъ племенемъ, которое еще задолго до нашествія монголовъ кочевало между Дономъ, Волгою и Ураломъ[3])

[1]) В. Тизенгаузенъ. Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой орды. т. I. СПБ. 1884 г.

[2]) Узбекское поколѣніе кипчакъ называется собственно *китай-кипчакъ* и раздѣляется на *китай* и *кипчакъ*; *китай* имѣетъ слѣдующіе рода: *сары-китай*, *оторчи*, *кандсигали*, *кош-тамга*, *тароклы*, *балгали*; а *кипчакъ* раздѣляется только на три рода: *тертъ-тамга*, *сыры-кипчакъ* и *тапусъ-бай*. Ибнъ-Хальдунъ передаетъ родовыя имена древнихъ кипчаковъ слѣдующимъ образомъ: 1) *токсоба*, 2) *сета*, 3) *бурджоглы*, 4) *ельбули*, 5) *канаараглы*, 6) *оглы*, 7) *дурутъ*, 8) *калабаллы*, 9) *джерсакъ*, 10) *кандакабиркли* и 11) *кунукъ*. Здѣсь кажется умѣстнымъ указать, что родъ *китай*, повидимому, съ достаточною справедливостью можно считать остаткомъ древняго племени *киданей*, государство которыхъ пало въ началѣ XIII в. (Н. Аристовъ, стр. 432).

[3]) Впервые появляются кипчаки въ нашихъ степяхъ въ 1055 году (ихъ первое нападеніе на Русь въ 1061 г.). Изъ трехъ ближайшихъ предшественниковъ такъ называемаго монголо-татарскаго нашествія кипчаки были послѣдними. Движеніе тюркскихъ племенъ по сю сторону р. Урала, такъ сказать, непосредственно передъ нашествіемъ XIII в. шло въ слѣдующемъ порядкѣ: въ IX в. появляются въ степи между Волгою и Ураломъ печенѣги, которые, повидимому, съ одной стороны стѣсняютъ къ югу татаръ, а съ другой къ западу угровъ; въ 915 году печенѣги впервые нападаютъ на Русь (ихъ самостоятельная дѣятельность оканчивается въ 1134 году, когда они претерпѣли окончательное пораженіе отъ русскихъ). Послѣ печенѣговъ появляется по сю

Digitized by Google

въ степяхъ, которыя получили отъ нихъ свое наименованіе Дештъ-Кипчакъ, т.-е. степь кипчаковъ. Объ этомъ мѣстѣ ихъ жительства упоминаетъ уже Джовейни и Рашидъ-эд-динъ; послѣдній пишетъ, что когда покоренное Угузъ-ханомъ (родоначальникомъ тюрковъ) племя Итъ-баракъ возстало, то противъ нихъ Угузъ послалъ кипчаковъ, которые поселились между страною Итъ-баракомъ и Яикомъ.

Понятіе Дештъ-Кипчакъ было впослѣдствіи сильно обобщено, такъ что подъ этимъ именемъ подразумѣвались и Крымъ, и всѣ наши южныя степи, и степи по ту сторону р. Урала, даже съ частью Туркестана. По совпаденію событій можно догадаться, что подъ кипчаками слѣдуетъ подразумѣвать половцевъ нашихъ лѣтописей, т.-е. кумановъ (византійцевъ). Вамбери, въ свою очередь, выражаетъ убѣжденіе, что кипчаки—одно изъ самыхъ древнихъ племенъ тюркской семьи; онъ также говоритъ, что въ нарѣчіи современныхъ кипчаковъ нѣтъ ни малѣйшей примѣси персидскихъ или арабскихъ словъ, и что оно составляетъ лучшій переходъ отъ монгольскаго къ джагатайскому. Во всякомъ случаѣ не правъ Гаммеръ[1]), который считаетъ кипчаковъ за печенѣговъ, желая произвести послѣднее слово отъ перваго („печенѣги=печеняки=кипчаки“); впрочемъ, и онъ считаетъ кипчаковъ однимъ изъ древнѣйшихъ тюркскихъ племенъ.

Намъ извѣстно, что въ XIII столѣтіи Чингизъ-ханъ, покоривъ Азію, послалъ войско по сю сторону р. Урала, которое и напало на *аланъ* и *кипчаковъ*, одно изъ самыхъ многочисленныхъ тюркскихъ племенъ, какъ говоритъ арабскій писатель Ибнъ-эль-Асиръ[2]); и тѣ, и другіе были отведены въ плѣнъ, многіе побиты. Но въ результатѣ оказалось, что не только многіе кипчаки оста-

---

сторону р. Урала новое тюркское племя—это, повидимому, довольно миролюбивые, скоро разсѣявшіеся и не сыгравшіе особенно важной политической роли—узы или гузы (торки нашей лѣтописи). Въ началѣ IX в. они жили еще за Ураломъ въ азіатскихъ степяхъ, но затѣмъ, перешедши Яикъ и вытѣснивъ печенѣговъ, они, повидимому, въ концѣ IX или въ началѣ X в. заняли степь между Волгою и Ураломъ, въ X же вѣкѣ они завладѣли правой стороной Дона, гдѣ оставались въ небольшомъ количествѣ еще въ XII в. Въ серединѣ XI вѣка, наконецъ, появляются по сю сторону р. Урала кипчаки или куманы (византійцевъ) или половцы (нашей лѣтописи).

[1]) Die Geschichte der Goldenen Horde.

[2]) Иззеддинъ Абульхасанъ Али эль-Джезери (Тизенгаузенъ).

Digitized by Google

лись на своихъ мѣстахъ, но что они даже стали сильно вліять на пришельцевъ, и именно до того[1]), что вновь учрежденное государство сохранило свое старое наименованіе Дештъ-Кипчакъ. Впрочемъ, при завоевательномъ движеніи монголовъ случалось не разъ, что тонъ задающіе были они, но въ скоромъ времени, послѣ покоренія той или другой страны, выплывали на первый планъ тюрки, захватывали власть въ свои руки и распространяли на монгольскомъ основаніи свое тюркское вліяніе. Такъ и въ Дештъ-Кипчакѣ, впослѣдствіи Золотой ордѣ: во-первыхъ, сохранилось тюркское вліяніе отъ самаго начала, а во-вторыхъ, власть довольно скоро перешла въ руки тюрковъ. Слово Дештъ-Кипчакъ такъ скоро утвердилось въ царствѣ *Души-хана* (Джучія), что уже въ XIV столѣтіи никто иначе и не звалъ Золотую орду, какъ царствомъ кипчакскимъ, а хановъ—ханами дештскими, кипчакскими (или сарайскими), и только впослѣдствіи, послѣ Берке-хана, Дештъ-Кипчакъ сталъ называться Дештъ-Берке. Еще позже, а именно въ концѣ XIV и въ XV столѣтіяхъ, повидимому, Дештъ-Кипчакъ назывался и страною Узбека, по имени знаменитаго хана Узбека; такъ, напр., арабскій писатель Эль-Асади [2]) (1377—1446-48) пишетъ, что Дулумбія-хатунь изъ дома хана Узбека, прибывшая изъ *земель Узбековыхъ* въ 1320 году, вышла замужъ за египетскаго султана Мелик-эн-Насара.

О вліяніи кипчаковъ на пришельцевъ разсказываетъ весьма краснорѣчиво арабскій писатель Ибнораблаллахъ Эломлари[3]) (?) слѣдующее: „Золотая орда была прежде страною кипчаковъ, но когда ими завладѣли татары, то кипчаки сдѣлались ихъ подданными;

---

[1]) Здѣсь можно къ слову отмѣтить до извѣстной степени аналогичный фактъ, касающійся кипчаковъ же: англійскій путешественникъ XIV в. Мандевиль, бывшій въ Египтѣ, передаетъ намъ, что переселившіеся въ Египетъ кипчаки захватили власть въ свои руки и поставили своего султана Мелека Мандиброна, который, по словамъ Георгія Пахимера, скупалъ рабовъ изъ кипчаковъ, чтобы собирать вокругъ себя свое племя (П. Голубовскій.—Печенѣги, торки и половцы. Кіевъ, 1884). Естественно, что племя, способное на такое народное самосознаніе и обнаруживавшее такую нравственную силу, могло играть весьма видную роль въ только что возникавшей Золотой ордѣ и побѣдителей, если не всецѣло, то отчасти ассимилировать съ собой.

[2]) Сакиэддинъ Абубекръ Ахмедъ-эль-Асиди; лѣтопись Ибнъ-Шахбы (Тизенгаузенъ).

[3]) Пути взоровъ по государствамъ разныхъ странъ (1299—1348—49).

Digitized by Google

потомъ татары смѣшались и породнились съ кипчаками, и земля одержала верхъ надъ природными и расовыми качествами татаръ: всѣ они стали точно кипчаки, какъ будто они одного съ ними рода, оттого что монголы и татары, поселившись на землѣ кипчаковъ, вступали въ браки съ ними и оставались жить въ землѣ ихъ. Такимъ образомъ", заключаетъ ааторъ, „долгое пребываніе въ какой-либо странѣ и землѣ заставляетъ натуру человѣческую уподобляться ей и измѣнять прирожденныя черты согласно ея природѣ".

Много ли, впрочемъ, осталось *коренныхъ* кипчаковъ послѣ завоеванія страны монголами, сказать очень трудно; мы только знаемъ, что разселеніе ихъ было весьма значительно; такъ, напримѣръ, есть указанія венгерскихъ источниковъ, что извѣстная часть кипчаковъ перебралась въ Венгрію[1]); далѣе, арабскій писатель Ибнъ-эль-Асиръ[2]) говоритъ, что монголы, покоривъ кипчаковъ, избили всѣхъ тѣхъ, которые сопротивлялись имъ; остальные бѣжали, покинувъ землю свою, которою овладѣли татары. Далѣе, часть кипчаковъ поселившаяся въ Крымской степи, подпала подъ вліяніе христіанъ-европейцевъ и приняла христіанство; впослѣдствіи эти кипчаки постепенно сливались съ европейскимъ населеніемъ и, вѣроятно, дали, въ свою очередь, часть тюркскаго элемента для образованія нынѣшнихъ степныхъ и частью южнобережныхъ татаръ Крыма. Что живущіе, напр., у Судака кипчаки дѣйствительно воспринимали христіанство, на это, по словамъ В. Смирнова[3]), указываетъ масса именъ, записанныхъ въ припискѣ къ греческому Синаксарю и несущихъ несомнѣнные слѣды тюркскаго ироисхожденія; такія имена принадлежатъ не только простымъ мірянамъ, но и лицамъ, принадлежавшимъ церковному клиру. О кипчакахъ христіанскаго вѣроисповѣданія пишетъ и ибнъ-Батута. Онъ ихъ встрѣтилъ въ степи непосредственно за Керчью, т.-е. на Крымскомъ-же полуостровѣ. Кромѣ выселившихся кипчаковъ въ Венгрію (гдѣ они также приняли христіанство) и въ Крымъ, намъ извѣстно, что часть ихъ ушла въ Закавказье и

---

[1]) И. Бѣляевъ.—О сѣвер. бер. Чернаго моря. (Зап. Одес. Об. Ист. и Древ. т. 3. 1883 г.).

[2]) Иззеддинъ Абульхасанъ Али-эль-Джезери (Тизенгаузенъ).

[3]) Крымское ханство подъ верховенствомъ Отоманской порты до начала XVIII в. СПБ. 1887 г.

Digitized by Google

овладѣла Дербентомъ; далѣе, что кипчаки, жившіе между Днѣпромъ и Дунаемъ, перешли послѣдній, явились на Балканскомъ полуостровѣ и заняли Македонію. Кромѣ того, многіе изъ кипчаковъ, совершенно утративъ свою самостоятельность, поступили во служеніе къ русскимъ князьямъ, образуя цѣлые отряды[1]). Только что приведенныя слова арабскаго писателя Ибнъ-эль-Асира о томъ, что будто всѣ непокорившіеся татарамъ кипчаки были избиты или бѣжали сами, естественно, не слѣдуетъ понимать въ буквальномъ смыслѣ, тѣмъ болѣе что намъ извѣстно, что они снова появляются среди татаръ. Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть слова Плано-Карпини, путешественника XIII в., который говоритъ, что многіе кипчаки были обращены въ рабство и что многіе изъ бѣжавшихъ возвратились.

Были ли болѣе или менѣе истреблены монголами („татарами“) кипчаки, или нѣтъ, много ли ихъ выселилось—мы не знаемъ; намъ извѣстно только то, что они всплываютъ вновь. Тѣ ли же они, что прежде были, или это возродившаяся народность—намъ неизвѣстно; но какъ бы то ни было, кипчаки оставили послѣ себя слѣды въ видѣ отдѣльныхъ поколѣній и родовъ, о которыхъ мы уже говорили выше. Намъ извѣстно, что на территоріи собственно Дештъ-Кипчака послѣ монголо-тюркскаго нашествія толпились разные народы и племена, преимущественно и даже почти исключительно тюркскія; такъ, ибнъ-Арабшахъ[2]) говоритъ, что Дештъ-Берке есть область исключительно тюркская, что она переполнена тюркскими племенами; онъ даже называетъ нѣсколько изъ нихъ, какъ *актау*, *кунграть* (послѣднее вошло въ составъ узбековъ и киргизовъ), при чемъ добавляетъ, что у тюрковъ разныя племена и нарѣчія, какъ и у арабовъ.

Мы можемъ сдѣлать такимъ образомъ то предположеніе, что побѣжденные кипчаки, во-первыхъ, не слились съ пришельцами, во-вторыхъ, вліяли на пришельцевъ и до извѣстной степени ассимилировали ихъ съ собой и, въ-третьихъ, что они образовали свое

---

[1]) П. Голубовскій.—Печенѣги, торки и половцы. Кіевъ 1884 г.

[2]) Шихабеддинъ Ахмедъ, сынъ Мухаммеда; его сочиненіе называется: „Чудеса предопредѣленія въ судьбахъ Тимура“. Авторъ родился въ 1388 г., былъ малолѣтнимъ взятъ въ плѣнъ въ Самаркандѣ, изучилъ персидскій и монгольскій языки и впослѣдствіи посѣтилъ Золотую орду; умеръ онъ въ 1450 г. (Тизенгаузенъ).

Digitized by Google

особое племя, жившее на ряду съ другими тюркскими племенами, а впослѣдствіи ушедшее на образованіе башкиръ, частью же узбековъ, отъ которыхъ, въ свою очередь, отдѣлилась особая часть на образованіе киргизовъ, а часть, быть можетъ, осталась самостоятельной, переселившись на востокъ. Во всякомъ случаѣ въ современномъ племени кипчаковъ, какъ передаютъ нѣкоторые авторы, живетъ еще сознаніе того, что они были нѣкогда владѣтелями Дештъ-Кипчака.

Намъ кажется, что Вамбери напрасно оговаривается въ одномъ изъ своихъ сочиненій[1]), полагая, будто имъ сдѣлана ошибка въ предыдущемъ трудѣ[2]), гдѣ онъ признаетъ кипчаковъ за отдѣльную народность, тогда какъ они будто ничто иное, какъ отдѣльный родъ каракиргизовъ, и что ихъ слѣдовало бы назвать „*киргизъ-кипчаками*". Повидимому, Вамбери допускаетъ ошибу именно въ своей послѣдней работѣ, такъ какъ, напримѣръ, Уйфальви[3]), на ряду съ измѣреніями кара-киргизовъ и киргизъ-кипчаковъ, которыхъ онъ считаетъ, какъ и Костенко[4]), за одно племя, часть цифръ измѣреній относитъ собственно къ кипчакамъ, изъ чего можно сдѣлать выводъ, что онъ считаетъ послѣднихъ за особое племя отъ киргизъ-кипчаковъ, а слѣдовательно и каракиргизовъ. Радловъ въ своей системѣ тюркскихъ племенъ совсѣмъ не удѣляетъ мѣста кипчакамъ, какъ отдѣльной народности, а указываетъ лишь на узбекскій родъ *китай-кипчакъ*[5]), который раздѣляется на *китай* и *кипчакъ*; онъ говоритъ, что эти два поколѣнія такъ связаны другъ съ другомъ, что на вопросъ о ихъ происхожденіи они всегда отвѣчаютъ „*китай-кипчакъ*". Впрочемъ, тотъ-же авторъ говоритъ, ссылаясь на разсказы, что въ Коканѣ кочуютъ, а частью живутъ осѣдло много кипчаковъ. Н. Остроумовъ[6]) же указываетъ, что въ Ферганской области живутъ до 5000 кипчаковъ. Костенко и, ссылаясь на него, Васильевъ[7]) говорятъ, что

[1]) Das Türkenvolk in sein. ethnol. und ethnogr. Beziehungen. Leipzig. 1885, p. 278.

[2]) Reise nach Mittelasien. Leipzig. 1865, p. 304.

[3]) Le Kohistan, le Ferganah et le Kuldja, p. 55.

[4]) Туркестанскій край, I. p. 328. 1880 г.

[5]) Ethnograph. Ueber. d. Türkstämme. Leipzig, 1883.

[6]) Геогр. Туркестан. края. СПБ., 1886 г.

[7]) Н. Васильевъ. Кочевники Туркестана (Опытъ экономическаго обзора). Самаркандъ. 1890 г.

Digitized by Google

въ Ферганской области въ 70-хъ годахъ жили до 70,107 душъ кипчаковъ, такъ что, повидимому, если кипчаки и считаютъ себя отчасти принадлежащими къ узбекамъ и каракиргизамъ, то еще не совсѣмъ слились съ ними и, быть можетъ, находятся въ томъ же отношеніи къ нимъ, какъ *ногайцы* и *каракалпаки* къ киргизамъ Букеевской орды (см. „Кир. Бук. орды" вып. I, стран. 33—34).

О внѣшности древнихъ кипчаковъ намъ почти ничего неизвѣстно, да и вообще разные писатели арабскіе или персидскіе или какіе другіе всегда болѣе интересовались внѣшнимъ бытомъ народности, которую они посѣщали, чѣмъ физическими свойствами: обыкновенно они ограничиваются лишь замѣткой, что тѣ или другіе красивы или безобразны, страшны на видъ и т. д. Такъ, напр., ибнъ-Батута, гостившій довольно долго у хана Узбека, пишетъ, что кипчаки народъ крѣпкій, сильный и здоровый, но больше ничего не говоритъ объ ихъ внѣшности. Гаммеръ, на основаніи китайскихъ источниковъ, говоритъ, что у кипчаковъ глубоколежащіе глаза, выступающіе носы и густыя бороды, далѣе, что у нихъ голубые глаза и рыжіе волосы. Нельзя придавать здѣсь слову «рыжій» буквальный смыслъ и слѣдуетъ понимать только какъ цвѣтъ русый; эта ошибка часто встрѣчается и зависитъ, вѣроятно, чисто отъ лингвистическихъ причинъ. Ибнъ-Батута, напримѣръ, описывая русскихъ, говоритъ, что они голубоглазы и красноволосы; врядъ-ли всѣ русскіе, которыхъ видѣлъ ибнъ-Батута, были рыжеволосые, а онъ ихъ видѣлъ въ самомъ Сараѣ, какъ постоянно живущихъ, такъ и пріѣзжихъ купцовъ и во время своей поѣздки въ Болгарію, слѣдовательно, видѣлъ ихъ, вѣроятно, много; китайскіе писатели также называютъ русскихъ красноволосыми. Итакъ, судя по описанію Гаммера, кипчаки были блондины и, повидимому, не носили въ сильной степени выраженныхъ монголо-тюркскихъ чертъ (въ современномъ смыслѣ этого слова). Спрашивается, насколько дѣйствительно это описаніе касается именно кипчаковъ, а не какого-либо другого племени (или рода), называвшагося этимъ именемъ въ очень широкомъ смыслѣ слова; по крайней мѣрѣ, представить кипчаковъ блондинами трудно; объ этомъ ничего не говоритъ, напримѣръ, ибнъ-Батута, которому они должны были броситься своею русоволосостью въ глаза и о чемъ онъ долженъ былъ бы упомянуть, какъ онъ это дѣлаетъ по отношенію русскихъ.

Digitized by Google

Кипчаки, повидимому, изъ общей массы тюрковъ Золотой орды не выдѣлялись своею наружностью и представляли, вѣроятно, съ остальными тюрками типъ болѣе или менѣе близкій. Впрочемъ, арабскій писатель XVI в. ибнъ-Яхйа [1]) говоритъ, что тюрки-кипчаки отличаются отъ остальныхъ тюрковъ, а именно они религіозны, храбры, быстры въ движеніяхъ, съ красивой фигурой, правильными чертами и благородны. Откидывая изъ этого перечня нравственныя качества, мы видимъ, что здѣсь существуетъ весьма ясный намекъ на немонгольскую и нетюркскую (въ современномъ смыслѣ этого слова) организацію кипчаковъ; хотя, конечно, и здѣсь можно допустить, что говорится о кипчакахъ въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Что имя «кипчакъ» переносилось и на другія племена, а, быть можетъ, нерѣдко и на всѣ племена, обитавшія Дештъ-Кипчакъ, является вполнѣ естественнымъ: разъ наименованіе Дештъ-Кипчакъ распространилось на огромный раіонъ, то и имя кипчаковъ могло распространиться, впрочемъ, повидимому, не уничтожая отдѣльныя родовыя и племенныя имена.

Во всякомъ случаѣ, говорить съ увѣренностью о физическомъ типѣ древнихъ кипчаковъ въ настоящее время невозможно; въ этомъ отношеніи могутъ оказать услугу многочисленные курганы, раскинутые по нашимъ южнымъ степямъ, такъ какъ, по словамъ Рубруквиса [2]), кипчаки хоронили своихъ мертвецовъ, насыпая надъ прахомъ курганъ и ставя на него статую лицомъ къ востоку, держащую у пояса чашу. Какъ извѣстно, такихъ кургановъ „со статуями“ разсыпано въ изобиліи въ современной Донской степи; изъ нихъ, какъ передаютъ мѣстные жители, нѣкоторые и до сихъ поръ сохраняютъ каменныя фигуры [3]).

---

[1]) Голубовскій.—Печенѣги, торки и половцы. Кіевъ 1884 г.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Нѣсколько освѣтить антропологію, если не собственно древнихъ кипчаковъ, то по крайней мѣрѣ вообще населенія Золотой орды, могли бы курганы, находящіеся въ Букеевской степи. Намъ самимъ довелось въ 1888 году раскопать нѣсколько группъ кургановъ, а именно у Ханской Ставки, у Ново-Казанки и у Таловки. Раскопка въ послѣдней мѣстности не можетъ считаться удачною какъ по малочисленности раскопанныхъ кургановъ, такъ и по испорченности ихъ; во всякомъ случаѣ, курганы этой группы ничего общаго съ другими нами раскопанными не имѣютъ, относятся, повидимому, къ совершенно другому курганному раіону и принадлежатъ, сколько можно судить по

Digitized by Google

По наблюденіямъ Уйфальви, всѣ современные средне-азіатскіе кипчаки исключительно черноволосы; такіе результаты получены, по крайней мѣрѣ, на 17 субъектахъ. Впрочемъ, слѣдуетъ здѣсь же указать, что, напр., среди *кара-и карагай-кипчаковъ*, родовъ оренбургскихъ башкиръ, по наблюденіямъ П. Назарова, оказывается приблизительно до 50% темнорусыхъ и рыжихъ субъектовъ, хотя, впрочемъ, темнорусые субъекты среди башкиръ вообще не представляютъ рѣдкости.

сдѣланнымъ находкамъ, къ довольно древнему періоду. Что касается двухъ другихъ группъ, у Ново-Казанки и Ханской Ставки, то эти курганы представляютъ одинъ типъ, не имѣющій общаго съ курганами Уфимской, Пермской губерній и Сибири, но стоящій весьма близко къ таковому Тургайской области и Кубанской степи (быть можетъ, Дона и Крыма?) Курганы названныхъ двухъ группъ, раскопанные нами, относятся къ XIV в., т.-е. къ времени процвѣтанія и начала упадка Золотой орды, принадлежатъ кочевому народу тюркскаго типа съ мало выраженными монгольскими чертами, но племени не чистому, а состоявшему изъ представителей разныхъ антропологическихъ группъ, стоящихъ то ближе къ монгольству, то дальше отъ него. Несмотря на разнообразія череповъ, ихъ можно подвести къ нѣкоторымъ очень опредѣленнымъ типамъ; таковыхъ четыре. (Подробности см. „Курганы Букеевской степи". Изв. Им. Об. Л., Е. Ант. и Эт., т. LXIV. Труды Антроп. отдѣла, т. XI, в. 2. Москва 1890 г.). Первый типъ, къ которому относится большая часть найденныхъ нами череповъ, характеризуется слѣдующими чертами: надбровныя дуги развиты хорошо, носовой шипъ выступаетъ впередъ довольно сильно, glabella у большинства тоже выступаетъ значительно, по величинѣ эти черепа средніе, низкоширокіе, съ довольно широкимъ затылкомъ, съ значительно суженнымъ въ передней своей части лбомъ, съ небольшимъ межглазничнымъ пространствомъ, низкоорбитные, съ несильно выступающими скулами, узко—или среднеширокоскулые, широко—или узконебные, узкохребетные и среднешироконосые. Говоря вообще, эти черепа нельзя отнести къ монгольской группѣ, хотя, съ другой стороны, они не лишены монголизма, выступающаго у разныхъ череповъ въ разной степени. Этотъ типъ череповъ, сколько можно судить по богатымъ коллекціямъ Антропологическаго музея Им. Московскаго университета, очень распространенъ въ курганахъ, лежащихъ по Волгѣ и въ нашихъ южныхъ степяхъ; тотъ же типъ череповъ, какъ кажется, встрѣчается и среди киргизскихъ череповъ. Второй типъ череповъ, найденный нами, рѣзко отличается отъ предыдущаго, имѣетъ монгольскія черты въ меньшей степени, чѣмъ первый, хотя вліяніе монгольской крови, повидимому, отрицать нельзя, но оно казалось въ незначительной степени. Этотъ типъ череповъ бросается въ глаза своею грубостью, рѣзкостью чертъ, рѣзко выраженными мѣстами прикрѣпленія мышцъ, если можно такъ выразиться, угловатостью всей физіономіи. Совершенно такіе же черепа были находимы Ф. Д. Нефедовымъ въ курганахъ Тургайской области (хра-

Digitized by Google

Изъ Средней орды намъ предстояло бы остановиться еще на одномъ поколѣніи, а именно *аргынъ* (или *арғынъ*). Мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ никакихъ фактическихъ свѣдѣній о древности этого поколѣнія и можемъ здѣсь указать лишь на преданіе киргизовъ, согласно которому ханъ Алача или Алаша, (до извѣстной степени) миѳическій герой—собиратель киргизскаго племени (часто смѣшиваемый съ Хаккъ-Назаръ-ханомъ или Акніазомъ), раздѣлилъ свой народъ между своими тремя сыновьями: Уйсюнъ, Аргынъ и Алчинъ, давшими начало Большой, Средней и Малой ордамъ. Слѣдовательно, Аргынъ фигурируетъ въ преданіяхъ киргизовъ какъ имя одного изъ сыновей Алача-хана. Но, зная, что Уйсюнъ есть не что иное, какъ имя одного изъ племенъ, вошедшихъ въ составъ киргизовъ, зная далѣе, что и Алчинъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, не что иное, какъ имя древняго племени, зная, наконецъ, что какъ Уйсюнъ, такъ и Алчинъ въ киргизскихъ преданіяхъ являются сыновьями Алача-хана,— естественно предположить, что и Аргынъ не что иное, какъ имя самостоятельнаго народа, но имя, съ теченіемъ времени, такъ же какъ Алчинъ, утратившее свое значеніе и даже совершенно забытое исторіей. Мы не думаемъ,

---

нятся въ Московскомъ Антропологическомъ музеѣ, такъ же, какъ и всѣ черепа, найденные нами); среди киргизовъ Букеевской орды, а также среди уральскихъ казаковъ (которые отчасти состоятъ изъ ногайцевъ) намъ доводилось встрѣчать лицъ, общій обликъ которыхъ позволяетъ думать о существованіи того же типа, что и у названныхъ череповъ; послѣдніе представляютъ тождественный типъ съ таковымъ у нѣкоторыхъ ногайскихъ череповъ, взятыхъ изъ могилъ Ф. Д. Нефедовымъ. Третій типъ найденныхъ нами череповъ отдѣляется отъ двухъ предыдущихъ и характеризуется преимущественно выступающими монгольскими чертами, которыя и заставляютъ ставить черепа этого типа въ особый отъ предыдущихъ рядъ. Наконецъ, четвертый типъ характеризуется полнымъ отсутствіемъ какихъ бы то ни было монгольскихъ чертъ и сильною долихоцефаліею. Вотъ что можно замѣтить о курганномъ племени Букеевской степи съ антропологической точки зрѣнія: племя было смѣшано изъ разныхъ и разнородныхъ элементовъ, быть можетъ, просто изъ выходцевъ изъ разныхъ странъ, сплотившихся воедино, благодаря случайнымъ историческимъ событіямъ; преобладалъ въ этомъ народѣ элементъ тюркскій, съ слабо выраженными монгольскими чертами; къ этому элементу примѣшался другой, вѣроятно тоже тюркскій, но съ меньшими признаками монголизма; кромѣ того, въ составъ этого народа вошли и другіе элементы, какъ чисто монгольскіе, такъ и чисто индо-европейскіе. Какъ извѣстно, историческія данныя о Золотой ордѣ подтверждаютъ эти общія антропологическія заключенія.

Digitized by Google

чтобы въ этомъ предположеніи заключалась натяжка [1]); но даже если бы это и было, то одно поколѣніе, о которомъ мы, какъ сказано, фактическаго ничего не знаемъ, не можетъ помѣшать намъ остаться при томъ мнѣніи о киргизахъ, ихъ образованіи и увеличеніи въ числѣ, которое нами высказывается.

Расчленяя такимъ образомъ Большую и Среднюю орду киргизовъ и проводя мысль о конгломератномъ строеніи этихъ ордъ, мы одновременно, такъ сказать, отрѣзываемъ отъ киргизскаго племени почти двѣ трети или 1450000 душъ (принимая, по Вамбери, Большую орду въ 450000 (—500000), а Среднюю въ 900000 или же 1748266 душъ, и принимая, согласно другимъ источникамъ, Большую орду въ 1036266, Среднюю въ 712000 душъ). Намъ остается, слѣдовательно, еще третья орда, считающаяся въ 700000—900000 душъ (съ Букеевскою),—это Малая орда. Она состоитъ, какъ нами было сказано, изъ трехъ поколѣній: *алимулинскаго*, *баюлинскаго* и *семиродскаго*; наименованіе послѣдняго само по себѣ уже наводитъ насъ на мысль, что древняго происхожденія ему мы приписывать не должны; то же самое, впрочемъ, говорятъ и имена остальныхъ поколѣній. Обратимъ вниманіе на преданіе, передающее намъ исторію возникновенія этой орды. Сынъ Алача-хана, Алчынъ (см. „Кир. Бук. орды“, в. I, стр. 25), говоритъ преданіе киргизовъ, сталъ во главѣ младшей сотни (давшей впослѣдствіи Малую орду); у него было три сына, отъ которыхъ пошли три поколѣнія Малой орды: старшій сынъ Алимъ („ученый“) далъ начало *алимулинскому* поколѣнію, которое уже издавна считается старшимъ поколѣніемъ и его рода старшими родами въ ордѣ (см. „Кир. Бук. орды“, в. I, стр. 45); второй сынъ Кадыръ-Ходжа имѣлъ 12 сыновей, былъ прозванъ „байулы“, т.-е. богатый сыновьями, и далъ начало *баюлинскому* поколѣнію (съ 12 родами) и, наконецъ, третій сынъ Картъ-казакъ имѣлъ 7 сыновей и образовалъ поколѣніе *джитру* (джити-семь и ру-родъ) или *семиродское*. Мы видимъ, что въ этомъ преданіи возникновеніе *старшаго* поколѣнія приписы-

1) Мы можемъ подтвердить эти наши слова слѣдующими словами В. Радлова (Обр. нар. лит. тюрк. племенъ, ч. III, СПБ. 1870 г.). О происхожденіи киргизовъ намъ очень мало извѣстно, говоритъ этотъ авторъ:—родовыя ихъ имена свидѣтельствуютъ о томъ, что киргизы образовались изъ разныхъ народовъ, какъ это доказываютъ, напр., названія племенъ кипчакъ, найманъ и *аргинъ*.

Digitized by Google

вается „ученому“ сыну, далѣе, что поколѣніе наиболѣе многочисленное по своимъ родамъ происходитъ отъ человѣка „богатаго сыновьями“, и, наконецъ, что третье поколѣніе лишено вообще собственнаго имени и называется семиродскимъ, по числу заключающихся въ немъ родовъ. Мы не можемъ не усмотрѣть въ этомъ разсказѣ извѣстную искусственность и пріуроченіе позднѣйшаго къ ранѣе совершившемуся факту и при этомъ совершившемуся инымъ путемъ.

Дѣйствительно, исторія намъ передаетъ нѣчто другое, а именно, по запискамъ Тевкелева (1740), оказывается, что Малая орда издавна состояла изъ одного племени *алчынъ*, которое дѣлилось на алимулинское и баюлинское поколѣнія; къ алчинцамъ присоединились семь мелкихъ родовъ, которые, по словамъ А. Левшина, не имѣли силъ противостоять въ барантахъ сильнымъ и многочисленнымъ алчинцамъ. Нѣчто цѣльное образовали эти семь родовъ только въ концѣ XVII или въ началѣ XVIII вѣка, когда ихъ ханъ Тявка (умеръ около 1717 г.) соединилъ въ одно поколѣніе, названное имъ семиродскимъ. Общее племенное имя для баюлинскаго и алимулинскаго поколѣній—*алчынъ*, нынѣ утраченное и забытое (имя этого народа сохранилось въ узбекскомъ родѣ *алчынъ*), существовало еще въ прошломъ столѣтіи и о немъ упоминается въ бумагахъ Абулъ-хаира-хана (1748 г.). Если мы теперь остановимся на самомъ *семиродскомъ* поколѣніи, о происхожденіи котораго въ древности намъ неизвѣстно, то нельзя не отмѣтить, что изъ семи родовъ этого поколѣнія три не являются присущими только этому поколѣнію, а именно: *табынъ* встрѣчается и у узбековъ, *тама* у узбековъ и башкиръ, *керейтъ*—есть имя поколѣнія Средней орды, о которомъ мы говорили уже выше. Слѣдовательно, изъ семи родовъ Семиродскаго поколѣнія максимумъ лишь четыре можно было бы считать оригинальными.

Мы остановились на всѣхъ отдѣльныхъ поколѣніяхъ киргизскаго народа и на нѣкоторыхъ родахъ его, заслуживающихъ наибольшаго вниманія. Развѣ мы послѣ этого не видимъ, что въ киргизскомъ народѣ нѣтъ ничего коренного и цѣльнаго, что въ немъ не только отсутствуетъ этнологическая и антропологическая цѣльность, но что даже въ немъ нѣтъ основного выдающагося много-

Digitized by Google

численностью ядра [1]), вокругъ котораго группировались бы отдѣльные элементы? Напротивъ того, все киргизское племя расплывается среди массы тюркскихъ, монголо-тюркскихъ и даже иныхъ (усюни) племенъ. Мы не желали выходить изъ рамокъ историческихъ фактовъ и событій, вотъ почему мы ограничились приведенными выше поколѣніями и родами, между тѣмъ область преданій народныхъ нами почти совсѣмъ не затронута. Многочисленныя преданія, впрочемъ значительно варьирующіяся по мѣстностямъ, могутъ открыть широкое поле для изысканій сравнительной древности многихъ киргизскихъ родовъ и существованія ихъ нѣкогда въ качествѣ самостоятельныхъ народовъ. Съ другой стороны, сопоставленіе киргизскихъ родовыхъ именъ съ таковыми другихъ тюркскихъ племенъ обнаружитъ, въ свою очередь, смѣшанность киргизовъ съ элементами, входящими въ иныя самостоятельныя племена.

Въ конгломератномъ строеніи киргизовъ нѣтъ ничего новаго; напротивъ того, здѣсь мы сталкиваемся съ тѣмъ же, что и у уйгуръ, монголо-татаръ и другихъ племенъ, съ тою лишь разницею, что эти уже погибли, распавшись и давши пищу новымъ народамъ, а киргизы — племя позднѣйшихъ эпохъ, переживавшее и переживающее времена менѣе бурныя и воинственныя, чѣмъ времена древнія, переживающее эпоху вліянія сильныхъ въ культурномъ отношеніи сосѣдей, вліяющихъ на нихъ своею цивилизаціею, которая ихъ сохраняетъ въ томъ объемѣ и составѣ, каковые сформировались въ теченіе полутысячелѣтія ихъ политической жизни.

Мысль о конгломератномъ строеніи киргизскаго племени, хотя, подчасъ, и не смѣло, но уже неоднократно высказывалась русскими авторами: такъ, Красовскій [2]) говоритъ, напр., что между отдѣльными родами киргизовъ существуютъ нерѣдко очень замѣтныя отличія въ физическомъ типѣ ихъ; далѣе Мейеръ [3]) пишетъ,

---

[1]) Конечно, *казаки* Джанибека и Гирея составляютъ ядро, вокругъ котораго группировались впослѣдствіи отдѣльные роды или части ихъ, но *казаки*-то Джанибека и Гирея сами по себѣ представляли смѣсь разнообразныхъ родовъ, сами были, такъ сказать, случайнаго состава, сами нѣкогда принадлежали союзу „*узбековъ*“, но не цѣльное ядро какой-либо цѣльной и сплоченной народности.

[2]) Область сибирскихъ киргизовъ, ч. I. СПБ. 1868 г.

[3]) Киргизская степь Оренбургскаго вѣдомства. 1865 г.

Digitized by Google

что нѣтъ никакихъ причинъ предполагать, будто киргизы произошли путемъ естественнаго размноженія и что они непремѣнно составились изъ разныхъ народностей, что отразилось и въ ихъ чертахъ. Другой авторъ [1]) лишь подтверждаетъ вышеприведенныя слова и пишетъ, что наружныя черты киргизовъ весьма различны у различныхъ родовъ. Затѣмъ И. Ибрагимовъ [2]), между прочимъ, говоритъ, что отъ Алтая до Урала кочуетъ племя, или, лучше сказать, *кочуютъ племена*, которыя сами себя называютъ „казаки". В. Радловъ [3]), въ свою очередь, говоритъ, что родовыя имена киргизовъ свидѣтельствуютъ о томъ, что киргизы образовались изъ различныхъ народовъ (кыпчакъ, аргынъ и найманъ); то-же мнѣніе высказывается и Вельяминовымъ-Зерновымъ [4]) и П. Семеновымъ [5]). Наконецъ, В. Григорьевъ [6]) говоритъ, что киргизы прежде не были народомъ, а просто степною азіатскою „казачиной", сложившейся и сплотившейся въ одно политическое цѣлое изъ обломковъ тюркскихъ племенъ, имѣвшихъ прежде отдѣльное, независимое другъ отъ друга существованіе; далѣе, онъ продолжаетъ, что киргизская народность состоитъ изъ цѣлыхъ родовъ, принадлежавшихъ прежде къ составу другихъ народовъ.

Но если все это дѣйствительно такъ, какъ мы говоримъ, т.-е. если современные киргизы, дѣйствительно, не что иное, какъ кон-

---

1) Изв. Имп. Об. Л. Ест., Антр. и Этн. т. XXXV. Антропологич. Выставка. Т. III, ч. 2. Тутъ у мѣста замѣтить, что нѣкоторые рода киргизовъ отличаются и въ одеждѣ (объ этомъ сохранились воспоминанія въ Букеевской степи; см. „Кир. Бук. орды" в. I, стр. 45; у ногайцевъ—стр. 37); объ этомъ, между прочимъ, докладывалъ путешественникъ Б. Л. Громбчевскій въ засѣд. Общ. Люб. Ест. 9 февраля 1890 г.; онъ указывалъ, между прочимъ, на головной уборъ женщинъ рода *найманъ*.

2) Русскій Туркестанъ. В. 2, 1872 г.

3) Образцы народн. литер. тюркскихъ племенъ. Ч. III. СПБ. 1870 г.

4) Изслѣдованіе о касимовскихъ царяхъ и царевичахъ. Ч. II, СПБ. 1864 г.

5) Географич.-статистич. словарь.

6) Изъ Зауральской степи.—„День" 1862 г. №№ 28, 32 и 35. Статья написана подъ псевдонимомъ „Мендали Пиралиевъ". Въ первомъ выпускѣ „Киргизовъ Букеевской орды", ссылаясь на Мендали Пиралиева, мы два раза впали въ одну и ту же ошибку, считая псевдонимъ „Мендали Пиралиевъ" за имя собственное и, слѣдовательно, принимая автора за киргиза; эти ошибки находятся на стр. 275 и 287, и наше вниманіе на нихъ обратилъ профессоръ Э. Ю. Петри, которому мы выражаемъ нашу искреннюю признательность.

Digitized by Google

гломератъ различныхъ тюркскихъ и иныхъ племенъ, имѣвшихъ нѣкогда самостоятельное существованіе, если киргизы, дѣйствительно, не что иное, какъ продуктъ сліянія разнообразныхъ элементовъ, то спрашивается, какія условія окружали эти племена, которыя могли обусловливать ихъ сплочиваніе въ нѣчто однородное и цѣльное, разросшееся до такихъ громадныхъ размѣровъ, какъ племя современныхъ киргизовъ? Какъ могло случиться соединеніе (и что содѣйствовало ему) этихъ элементовъ въ нѣчто цѣльное, когда мы видимъ въ другихъ мѣстахъ совершенно противоположное, какъ, напр., на Кавказѣ, гдѣ фактически родственныя племена нерѣдко дробятся на десятки политически разныхъ, другъ отъ друга рѣзко отличающихъ себя? Причина этого (кромѣ, быть можетъ, общаго языка, обычаевъ и, вѣроятно, вѣрованій) лежитъ въ степи—аренѣ этихъ кочевыхъ народовъ. Степь не знаетъ преградъ, она не знаетъ строгаго разграниченія земли на участки, степь сама по себѣ есть объединяющій элементъ, заставляющій всѣхъ живущихъ на ней считаться въ бо́льшей или меньшей степени членами одной семьи. Въ горахъ не то: каждая долина, каждое ущелье можетъ считаться собственностью той или другой группы людей, защищающихъ эту собственность, какъ свое; каждая скала, каждый камень даже служитъ убѣжищемъ, служитъ защитою противъ пришельцевъ; и эти скалы и камни огораживаютъ и защищаютъ за ними стоящихъ отъ проникновенія не только чужеземца самого, но и его обычаевъ, обрядовъ, воззрѣній. Степь, поистинѣ вольная, не знаетъ этихъ преградъ, свободно открываетъ она свои пастбища для своихъ дѣтищей, кочующихъ и тамъ, и тутъ. Но и кочевникъ-степнякъ не знаетъ преградъ: гдѣ онъ былъ вчера, тамъ его нѣтъ завтра, на его же мѣсто является новый человѣкъ. Степнякъ той замкнутости, которая есть у жителя горнаго, не знаетъ: его образъ жизни извѣстенъ сосѣду его, онъ мирится съ нимъ охотно, отдавая свою дочь замужъ за сына его—онъ дѣлается его тамыромъ.

Но сліяніе разнородныхъ элементовъ произошло не сразу, а послѣ долгой междоусобной борьбы, когда родъ воевалъ съ родомъ сосѣднимъ, когда аулъ шелъ на аулъ, когда кровь лилась рѣкою, и тысячи головъ виновныхъ и безвинныхъ въ спорѣ людей падали, покрывая степь. Немало борьбы выдержали эти элементы между собою, немало бѣдъ претерпѣли ихъ семьи; но, несмотря

Digitized by Google

на эту кровопролитную борьбу, отдѣльные элементы не переставали сталкиваться другъ съ другомъ и смѣшиваться: кто бѣжалъ къ сосѣду, прося защиты отъ своихъ же, кто подружился съ сосѣдомъ, благодаря гостепріимству, закрѣпивъ эти дружескія узы женитьбой, а кто былъ взятъ въ плѣнъ и порабощенъ, но всѣ несли свою кровь на смѣшеніе съ кровью иной, имъ искони чуждой [1]).

Итакъ, мы повторяемъ [2]), киргизъ есть сынъ своей степи въ полномъ смыслѣ этого слова: она выработала въ немъ особенности его характера, выработала въ немъ своеобразный бытъ; но этого мало: она произвела его на свѣтъ изъ разныхъ элементовъ своею замиряющею и объединяющею средой. Элементы слились въ одно цѣлое настолько, что въ правѣ носить общее племенное названіе киргизовъ („казаки"), но не настолько, чтобы составить строгую антропологическую группу, стройную въ самой себѣ.

Между Ташкентомъ и Ходжентомъ живетъ въ настоящее время маленькая народность, называемая *курама*; она состоитъ преимущественно изъ пяти родовъ: *джалаиръ*, *телау*, *тама*, *джагалбайлы* и *тараклы*; ни одинъ изъ этихъ родовъ не имѣетъ самостоятельнаго происхожденія: такъ, родъ *джалаиръ* встрѣчается у киргизовъ Большой орды въ поколѣніи усюнъ; *телау*, *джагалбайлы* и *тама* суть рода семиродскаго поколѣнія Малой орды, а *тараклы*—одинъ изъ родовъ поколѣнія кирейтъ киргизской Средней орды. Всѣ признаютъ *кураму* за смѣсь киргизовъ и узбековъ [3]), никто не считаетъ кураминцевъ самостоятельною народ-

---

1) Насколько сравнительно легко сліяніе чужихъ по существу элементовъ въ степи, мы видимъ въ настоящее время на сліяніи ногайскаго рода съ киргизами въ Букеевской ордѣ,—фактъ, о которомъ мы говорили много выше („Кир. Бук. орды" в. I, стр. 36 и 37). Конечно, данное сліяніе должно произойти легче и быстрѣе въ силу измѣнившагося политическаго положенія Букеевской орды, чѣмъ во время вольнаго житья кочевника въ степяхъ, не испытавшаго на себѣ вліянія культурныхъ сосѣдей, но фактъ этотъ характеренъ для степи и не могъ бы имѣть мѣсто среди жителей горъ.

2) См. „Кир. Бук. орды" в. I, стр. 283.

3) Кураминцы живутъ въ долинахъ рѣкъ Бодама, Келеса, Чирчика и Ангрена (въ Чемкентскомъ и Кураминскомъ уѣздахъ); ихъ число всего только, по словамъ Островскаго (Геогр. Туркест. края, 1886 г.), 77,000 душъ. По мнѣнію Яворскаго (Опытъ мед. геогр. Туркест. 1889 г.), имя „курама" обозначаетъ „сбродъ"; ихъ поселенія, по словамъ послѣдняго автора, не

Digitized by Google

ностью, и даже имя ихъ „курама“, по мнѣнію В. Радлова, объясняютъ словомъ „кура“—штопать, сшивать („zusammenflicken“); такъ говорятъ, и совершенно справедливо говорятъ, о маленькомъ племени кураминцевъ; то же самое слѣдуетъ сказать и о киргизахъ (казакахъ), сшитыхъ изъ пестрыхъ лоскутковъ, тюркскихъ, монгольскихъ, монголо-тюркскихъ и иныхъ племенъ.

Ал. Харузинъ.

Рубанка, 3 августа 1895 г.

старше 100—150 лѣтъ; состоятъ они изъ слѣдующихъ родовъ: рода киргизской Большой орды—сары, уйсунъ, сергале, таракъ, сты, уймауты, угакты, чемыръ, чанышкулъ, джанысъ, канглы, джаланръ, кунгратъ, атагай, алтай, тебичъ, такалы, берчъ, карпакъ, киндагалы, караганъ, басантіепъ, ак-бура, булатчи, кара-гирей, тиря-тамгалы, иргянкалы, салыръ, торыангыръ, тугочка, тытабакъ, бултунъ, карабалыкъ, кундилянъ, тана-бута и узунъ; рода киргизской Малой орды—джагалбайлы, рамаданъ и тама; нѣсколько узбекскихъ родовъ и т. д.

Digitized by Google

ЭПОСЪ ЛИ ДРЕВНѢЙШІЙ РОДЪ ПОЭЗІИ?

Статья Д. Матова [1])

(съ болгарскаго).

Судя по другимъ областямъ умственной дѣятельности человѣка, необходимо предположить, что и въ мірѣ поэзіи первоначально не было того разнообразія видовъ и родовъ, которое мы видимъ теперь. И здѣсь разнообразіе возникало изъ прежде однообразнаго, сложное выходило изъ безформеннаго, простого. Особенно это очевидно изъ того, что вначалѣ не только отдѣльные роды поэзіи не разграничиваются хорошо одинъ отъ другого, но и сама поэзія въ своемъ первобытномъ проявленіи сливается съ другими искусствами—мимикой, танцами, не говоря уже о пѣсняхъ. Ярко проявляется это въ танцахъ дикаря, который сопровождаетъ слова пѣніемъ, одновременно танцуетъ и дѣлаетъ мимическіе знаки. Въ этихъ забавахъ, въ основѣ которыхъ кроются эстетическія и религіозныя потребности, можно видѣть зачатки поэзіи, музыки и пластичнаго искусства. Сперва является цѣлое, неопредѣленное, а затѣмъ органическій шагъ—развитіе, т.-е. самостоятельное выдѣленіе отдѣльныхъ частей [2]).

Древніе философы-поэты не шли далѣе вопроса о духовной силѣ, которая дѣйствуетъ въ поэтѣ и о назначеніи искусства. Они оставили довольно точныя опредѣленія родовъ поэзіи главнымъ образомъ драмы, а въ нѣкоторыхъ мнѣахъ высказали неясно мысли о происхожденіи лирики, эпоса и т. д. Въ лицѣ Платона и Аристотеля греки положили начало наукѣ о поэзіи, и не ихъ вина, что долгое время спустя философы и критики почти не выходили изъ тѣхъ границъ, въ которыхъ вращались и они, и не задавались вопросами о постепенномъ развитіи поэзіи. Но теперь, когда усердно изучаютъ развитіе всякаго явленія физической и умственной жизни человѣка, необходимо было выдвинуть вопросы

---

[1]) Переводъ статьи г. Матова, профессора Высшей школы въ Софіи (помѣщенной въ „Български Прѣгледъ“ 95 г. № 1), сдѣланъ нами съ нѣкоторыми незначительными пропусками (особенно опущены нѣкот. ссылки и примѣчанія, которыя свободно можно было оставить безъ перевода). Интересно сравнить нѣкоторыя мѣста этой статьи со ст. Оболенскаго въ „Русской Мысли“ 1895 г. (мартъ), подъ загл. „Основы научной теоріи искусства и критики“. *Н. Г.*

[2]) Развившіяся впослѣдствіи особнякомъ искусства могутъ снова сливаться и образовать новый организмъ. Это мы видимъ въ драматическомъ искусствѣ. Для совершенной формы его необходимо предварительное развитіе мимики и музыки; въ самой области поэзіи необходимо развитіе отдѣльно эпоса и лирика, пока возможно изображеніе жизни въ формѣ дѣйствительности, которая совершается предъ нами. Впрочемъ, первобытная драма или, скорѣе, начатки драмы явились въ глубокой древности, въ играхъ и религіозныхъ процессіяхъ прежде, чѣмъ обособились лирика и эпосъ. Ср. М. Карьеръ, Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеаловъ человѣчества. М. 1871 г. II, 182; Ch. Letourneau, L'evolution littéraire dans les diverses races humaines: Paris 1894.

Digitized by Google

и о хронологическомъ отношеніи между родами поэзіи. Если драма, какъ то издревле извѣстно, хотя и не совсѣмъ представляется несомнѣннымъ, является самымъ новымъ родомъ поэзіи, то который болѣе старъ изъ двухъ другихъ родовъ: лирики и эпоса? Произошли одинъ отъ другого или вмѣстѣ отъ третьяго рода, въ которомъ заключались, и если такъ, то одновременно, или одинъ послѣ другого? Отвѣтъ, который можетъ дать наука на этотъ вопросъ, важенъ не только для объясненія эволюціи въ поэтическомъ творчествѣ, но и для извѣстныхъ догадокъ о будущемъ значеніи поэзіи... Опредѣленнаго взгляда на это держался и покойный славистъ Миклошичъ, высказавшійся особенно ясно въ своемъ послѣднемъ сочиненіи (Die Darstellung im slavischen Volksepos. Wien, 1890), и я попытаюсь по этому поводу разъяснить здѣсь, какъ стоитъ теперь занимающій насъ вопросъ и куда клонится рѣшеніе его.

Методъ, посредствомъ котораго можетъ быть рѣшенъ научно вопросъ объ относительномъ старѣйшинствѣ эпоса и лирики, кажется, хорошо опредѣленъ въ началѣ одной статьи Е. Вольфа, посвященной тому же самому вопросу (Eugen Wolff. Vorstudien zur Poetik. I—IV. Zeitschrift für vergleichende Litteraturgeschichte. N. F. VI. 1893, 423 стр.). „Въ настоящее время очень часто раздается голосъ за индуктивную поэтику, но не совсѣмъ еще ясно, что нужно разумѣть (въ этомъ случаѣ?) подъ индуктивными методами. Такъ какъ произвольный выборъ и накопленіе примѣровъ во всякой научной отрасли считается дилеттантствомъ, индуктивная поэтика только тогда можетъ соперничать съ методомъ филологіи и другихъ установившихся наукъ, когда будетъ въ состояніи разсматривать исторію словесности безъ увлеченія, въ полнотѣ и порядкѣ. Полнота и порядокъ то же самое, что и разсматривать исторію словесности въ исторической непрерывной послѣдовательности. Доселѣ поэтика пользовалась исторіей словесности, какъ окаменѣлымъ организмомъ, или какъ какимъ-то складомъ для рѣдкостей. Часто думали, что ученіе обо всемъ можно исчерпать однимъ примѣромъ или нѣсколькими примѣрами, подобранными кое-какъ. Такой способъ былъ-бы недостаточенъ даже въ томъ случаѣ, если исторія и особенно исторія словесности не были волнообразнымъ организмомъ. А это именно такой организмъ, съ перемѣнами и преобразованіями, которыя, если будутъ въ безпорядкѣ нагромождены другъ на друга, могутъ заставить насъ усумниться, можно ли опредѣлить общее понятіе поэтики, но если будутъ расположены въ порядкѣ, дадутъ самый вѣрный регуляторъ варіацій одного типа. Если соберемъ всѣ внутреннія и внѣшнія совпаденія различныхъ по формѣ и виду отраслей всемірной поэзіи, то добудемъ главный принципъ всякой поэзіи".

На этихъ принципахъ основанъ трудъ французскаго эволюціониста Летурно: L'évolution littéraire dans les diverses races humaines. Paris 1894 (XV т. Billiotheque Anthropologique). Въ увѣрен-

Digitized by Google

ности, что антропологія можетъ пролить свѣтъ на темные вопросы развитія поэзіи, Летурно разсматриваетъ фазисы поэзіи у всякаго народа, обращая главное вниманіе на словесность дикихъ народовъ. Профессіональные историки, говоритъ Летурно, написали до сихъ поръ массу книгъ, которыя, несмотря на всю свою важность и цѣнность, все же неполны, такъ какъ не обнимаютъ всего человѣческаго рода. Слову „словесность“ до сихъ поръ придавалось этимологическое узкое значеніе, такъ какъ изъ ея понятія исключалась болѣе примитивная наивная поэзія. Между тѣмъ какъ болѣе совершенная словесность есть развитіе болѣе грубой, и послѣдняя также далека отъ перваго зарожденія словесности. Поэзія зарождается отъ тѣхъ именно забавъ и движеній, которыя удовлетворяютъ одну и ту же эстетическую потребность, но которыя пользуются въ самой слабой степени словомъ, почему изученіе генезиса поэзіи нужно начинать отсюда. Сочиненіе Летурно, которое вызвано этими соображеніями, дѣлится на три главныя части: 1) литература негритянскихъ расъ, 2) литература желтыхъ расъ и 3) литература народовъ бѣлой расы. Вначалѣ находится вступительная глава, посвященная вообще разсмотрѣнію мѣста, которое занимаетъ поэтическое творчество въ развитіи человѣка. Летурно начинаетъ съ біологическихъ основъ эстетическихъ рефлексовъ, даетъ примѣры начальной эстетики у животныхъ, затѣмъ останавливается на связи поэзіи съ первобытнымъ языкомъ, которую можно наблюдать и въ образованіи дѣтскаго языка, и, наконецъ, отмѣчаетъ соотношеніе между развитіемъ поэзіи и общественнаго устройства народа.

На ту же тему, которая занимаетъ насъ здѣсь, 3—4 года тому назадъ было написано другое важное сочиненіе поэта-философа Л. Якобовскаго (Ludvig Iacocobovski, Die Anfänge der Poesie. Grundlegung zu einer realistischen Entwickelungsgeschiche der Poesie. Dresden und Leipzig, 1891). Послѣдній подступаетъ къ вопросу съ другой стороны, потому что изслѣдуетъ или, скорѣе, отгадываетъ судьбу первичной поэзіи не столько путемъ наблюденія, сколько чрезъ дедукцію. И любопытно, что выводы Якобовскаго и Летурно, идущіе разными путями, встрѣчаются между собой. Оба они приходятъ къ заключенію, что первая поэзія, Созданная, человѣкомъ имѣла скорѣе лирическій характеръ.

Теорія, стоящая за субъективный характеръ первобытной поэзіи, кажется мнѣ болѣе вѣроятной, чѣмъ теорія тѣхъ философовъ-археологовъ, къ которымъ принадлежитъ и Миклошичъ, и которые учатъ, что сначала всякая поэзія есть эпосъ. И дѣйствительно, исторія духовнаго развитія показываетъ намъ, что основы нашихъ душевныхъ способностей (память, воля, разсудокъ) суть рефлексы, что отличительная черта психіи первобытнаго человѣка есть импульсивность, т.-е. неудержимое подчиненіе первому чувству. Потому-то первобытный человѣкъ прежде всего склоненъ изображать

Digitized by Google

словами и движеніями то, что его волнуетъ, и все находящееся внѣ своего „я“ представляетъ также субъективно. И какъ вообще объективное представленіе видимаго и испытываемаго является труднымъ, то для неразвитаго человѣка оно почти невозможно (Спенсеръ Основ. псих § 253, Соціол. § 31; Letourneau, La biologie, I, VI, X гл.).

Я изложу сперва доказательства субъективности первоначальной поэзіи, затѣмъ попытаюсь показать, къ какой эпохѣ общественнаго развитія можно приложить теорію эпоса. Такимъ образомъ, удобнѣе всего будутъ противопоставлены и до извѣстной степени примирены противоположныя ученія.

Якобовскій доказываетъ сначала, пользуясь аналогіей, что первоначальная поэзія есть пралирика. Обыкновенно сравниваютъ человѣчество съ отдѣльнымъ человѣкомъ, и какъ въ отдѣльномъ человѣкѣ, такъ въ цѣломъ человѣчествѣ различаютъ фазисы: дѣтство, юность, зрѣлость и старость. Дѣтство принимаютъ моделью примитивнаго человѣка.

Спрашивается, какія первыя проявленія сознанія дѣтской души? Дитя, появляясь изъ утробы материнской, издаетъ крикъ, выражаетъ страхъ и непріятное чувство. Внѣшняя природа служитъ для дѣтей только для того, чтобы, возбуждая ихъ нервы, причинять удовольствіе или боль; до объективнаго воспринятія не достигаютъ дѣтскія способности. Нервная раздражительность, ощущенія, воспринятія, представленія—все это въ дѣтскомъ организмѣ тѣсно сливается съ чувствомъ пріятнаго и непріятнаго. Въ ощущеніяхъ выражается весь душевый міръ ребенка, ощущенія—первый опредѣленный моментъ въ чувствительной жизни дѣтей. И такъ какъ пралирика есть выраженіе черезъ звуки чувственныхъ проявленій, то ясно, что лирикѣ принадлежитъ первичность, а не эпосу.

Такимъ образомъ, пралирика или первоначальная поэзія отвѣчала пріятнымъ и непріятнымъ ощущеніямъ. Но нужно замѣтить, что только сильныя возбужденія—пріятныя или непріятныя—выводятъ человѣка изъ индифферентности, приводятъ его въ состояніе „священнаго безумія“ и заставляютъ творить лирику. Однообразныя и слабыя впечатлѣнія, повторяясь, не имѣютъ уже болѣе силы для нашего чувства, такъ сказать, притупляютъ его и не могутъ побудить къ творчеству, потому-то необходимо разнообразіе и смѣна ощущеній, чтобы получилась сильная и настоящая лирика.

Сознаніе, выведенное изъ безразличнаго состоянія какимъ-либо ощущеніемъ, откликается на него соотвѣтствующимъ звукомъ, отличающимся быстротой, какъ и рефлективныя движенія. И такіе первые звуки, вышедшіе изъ человѣка, образуютъ лирику, но они въ то же время начало языка и пѣсни. Потому поэзія, языкъ и пѣсня—вѣтви одного и того же ствола.

Digitized by Google

Такъ какъ чувства бываютъ пріятныя и непріятныя, то соотвѣтственно этому первоначальная лирика являлась въ формѣ радостной или скорбной. Якобовскій доказываетъ, что для поэзіи скорби требуется менѣе возбужденія, чѣмъ сколько для противоположной. Потому-то первый родъ поэзіи значительнѣе второго и по качеству, и по количеству. Литература всемірная доказываетъ этотъ замѣчательный фактъ. Укоръ за то, что пессимистическая поэзія будто бы является болѣзнью и превосходитъ количествомъ поэзію жизнерадостную, не имѣетъ значенія. Пессимистическая лирика является не только естественной необходимостью, но по справедливости можетъ занять большую часть всякой поэзіи. Не нужно забывать и того, что человѣкъ имѣетъ наклонность размышлять надъ причинами непріятныхъ ощущеній. Удовольствіе же переживаетъ безъ того, чтобы задаваться вопросами о причинѣ его.

Предметами, которыми возбуждаются въ человѣкѣ пріятныя и непріятныя чувства, опредѣляется содержаніе первоначальной лирики.

Прежде всего человѣкъ отражаетъ рефлективно физическія ощущенія, которыя отличаются чисто мѣстнымъ характеромъ, какъ напр., боль отъ пораненія и удовольствіе отъ прекращенія боли. Того же характера и тѣ движенія, причины которыхъ кроются въ аномаліи жизненнаго процесса. Если послѣдній идетъ правильно, мы ощущаемъ удовольствіе, если же нѣтъ, то огорченіе. И эти виды ощущеній черезъ звуки выливаются въ скорбь или радость, часто выражаются въ движеніяхъ, часто самымъ бесмысленнымъ образомъ. И эти звуки слѣдовало бы назвать лиричными, но разумѣется, они болѣе низкаго качества, такъ какъ подобные звуки издаются всякимъ животнымъ, вслѣдствіе чисто физическихъ свойствъ, владѣющимъ нервною раздражительностью и способностью издавать звуки. Такія ощущенія и въ человѣкѣ рефлективны, но Якобовскій думаетъ, что нужно упомянуть о нихъ, такъ какъ всѣмъ народамъ свойственны почти одинаковыя междометія для изображенія радости и скорби.

Затѣмъ по степени важности идутъ тѣ ощущенія, которыя имѣютъ въ основѣ два главныя влеченія первобытнаго человѣка въ періодъ грубой борьбы за жизнь: 1) влеченіе къ пищѣ 2)—къ любви. Первобытный человѣкъ испытывалъ большее возбужденіе, когда былъ голоденъ, чѣмъ когда сытъ, но особенно благопріятно для проявленія пріятныхъ и непріятныхъ ощущеній состояніе жажды. Это зависитъ отъ физіологическихъ отправленій, которыя наступаютъ вслѣдъ за насыщеніемъ и при пищевареніи вызываютъ у нѣкоторыхъ животныхъ съ развитымъ аппаратомъ для пищеваренія даже сонъ. Съ другой стороны, почти всякій народъ употребляетъ опьяняющіе напитки—медъ, вино и проч., которые возбуждаютъ въ чувствѣ силу и вообще дѣятельность. Потому-то всякій народъ имѣетъ поэзіи пира, но нѣтъ поэзіи насыщенія.

Digitized by Google

Такъ какъ голодъ и жажда сами по себѣ непріятныя состоянія, то понятно, что они больше побуждаютъ къ пессимистическому поэтическому творчеству. Къ такому же роду творчества побуждаетъ человѣка и половая страсть. Первобытный человѣкъ испытывалъ мученіе, желая удовлетворить свою страсть, и только уже позднѣе могъ предвкушать пріятность отъ удовлетворенія ея и быть весело настроеннымъ. Впрочемъ, чтобы угодить женщинѣ и привлечь ее къ себѣ, измѣнялъ первобытный человѣкъ голосъ своей скорбной и болѣзненной лирики на веселый и жизнерадостный. Точно также и функціи пяти чувствъ, особенно высшихъ—зрѣнія и слуха, и сложныя ихъ дѣйствія способствуютъ такъ или иначе проявленію душевнаго настроенія. Болѣе низшія чувства (осязаніе, обоняніе, вкусъ) стоятъ на второмъ планѣ. Наконецъ, и впечатлѣнія отъ окружающей природы возбуждали въ первобытномъ человѣкѣ радость или скорбь, страхъ или надежду.

Звуки, которыми первобытный человѣкъ почти невольно и безсознательно проявлялъ свое настроеніе, носили характеръ импровизаціи. Всякій звукъ навѣрно имѣлъ нѣсколько оттѣнковъ и тоновъ ударенія, но о числѣ звуковъ нельзя сказать ничего положительнаго. Возможно только предположить, что во многихъ случаяхъ вмѣсто словъ служили движенія и мимика. Законъ привычки облегчалъ для человѣка повтореніе произнесенныхъ много разъ лирическихъ звуковъ, такъ что со временемъ число ихъ росло. Такого рода упражненія происходили сперва наединѣ безъ вниманія къ публикѣ.

Когда появилась публика, тамъ уже явилось условіе для эпоса. Изъ четырехъ главныхъ источниковъ лирическихъ проявленій: голода, любви, зрѣнія, слуха, только одинъ—дѣйствіе любви побуждаетъ человѣка искать другого, чтобы высказать ему чувства свои и мысли, и чтобы тотъ раздѣлилъ ихъ съ ними. Жена есть первая публика для мужа-лирика. Но это только временная публика, а не постоянная. Такъ думаетъ Якобовскій, потому что бракъ первоначальный представляется ему, какъ совершенно свободное моногамичное супружество, продолжающееся только извѣстное время между двумя лицами.

Всякій разъ, какъ только жена отвѣчаетъ мужу не только мимикой, но и словами, лирическая поэзія дѣлаетъ шагъ къ эпосу и получаетъ въ то же время драматическую форму. Но настоящая эпика развивается только тогда, когда изъ семейства образуются роды. Тогда не только чувство любви, но и другія чувства заставляютъ человѣка дѣлиться своими впечатлѣніями съ другими. Подражаніе, свойственное природѣ первобытнаго человѣка, заставляетъ тѣхъ, которые слышатъ лирическаго пѣвца, повторять его слова, особенно когда послѣднія выражаютъ пріятное настроеніе, потому что всякій желаетъ такимъ образомъ испытать подобное же состояніе.

Digitized by Google

Такимъ, можетъ быть, смутно сознаваемымъ желаніемъ звуками и движеніями произвести то же чувство, которое создали эти звуки и движенія у того, кто первый ихъ произнесъ, объясняются общественные хороводы и пѣсни у первобытныхъ народовъ, обладающихъ очень небольшимъ количествомъ пѣсенъ, пѣтыхъ однимъ человѣкомъ наединѣ, безъ общества соучастниковъ или зрителей.

Господство лирики продолжается, по мнѣнію Якобовскаго, недолгое время. Но нѣтъ необходимости придавать такое ограниченное значеніе термину лиризма, какой придаетъ онъ ему. Поэзія, въ которой преобладаетъ чувство, въ которой рисуется не столько фактъ или картина, сколько душевное настроеніе, вызванное ими, остается, несомнѣнно, лирической.

Впадаютъ въ ошибку и тѣ ученые, которые предполагаютъ, что первоначальная поэзія была эпичной, такъ какъ древнѣйшей формой общественной жизни былъ родъ (союзъ, задруга, кланъ и др.), и такимъ образомъ не было мѣста для индивидуальности, для лирической поэзіи. Говорятъ, въ родѣ человѣкъ сознаетъ себя не какъ самостоятельный индивидуумъ, а какъ членъ цѣлаго—рода и народа, и его личныя духовныя и моральныя способности подавляются и обнаруживаться могутъ только въ дальнѣйшемъ періодѣ жизни. Якобовскій допускаетъ, что до образованія общества человѣкъ былъ самостоятельной единицей. Слѣдовательно, индивидуальность была только во время періода неустройства, и только въ это время процвѣтала лирика. Но, можетъ быть, человѣкъ былъ стаднымъ общественнымъ животнымъ—тогда куда отнести первичную лирику?

Одно забываютъ въ такихъ разсужденіяхъ: если исчезаетъ личность въ задругѣ, родѣ, то все же остается нѣкоторое личное сознаніе, а послѣднее въ болѣе сильныхъ формахъ и есть родовое, общее. Цѣлый родъ имѣетъ одинаковые интересы, одну мораль, вѣру и чувства, и это лучшія условія для лирическихъ произведеній, которыя создаются отдѣльными личностями, но воспроизводятся цѣлымъ родомъ и понятны всякому его члену.

И Летурно допускаетъ такой именно родовой лиризмъ (lirisme du clan) для первичной поэзіи. Многочисленные примѣры, приведенные въ его книгѣ, убѣждаютъ насъ, что истина на сторонѣ его предположенія. Въ Греціи, которую застаемъ еще въ томъ фазисѣ общественнаго развитія, существуютъ хороводныя пѣсни лирическаго характера, и только позднѣе ихъ развивается эпосъ. Какъ всѣ эстетическія игры и забавы австралійцевъ, такъ и пѣсни ихъ, соединенныя съ хоромъ и мимикой, обнимаютъ цѣлый кланъ, среди нихъ имѣются и лирическія. Папуасы, у которыхъ хоры являются для изображенія всякихъ важныхъ общественныхъ событій, какъ жатва, война и пр., сопровождаютъ хоръ словами, которыя хотя ведутся въ діалогической формѣ—между начальникомъ и родомъ—но въ сущности выражаютъ воинственное настроеніе рода и пр.

Digitized by Google

Въ позднѣйшемъ періодѣ времени, когда отжилъ родовой порядокъ, когда явились частная собственность, частные интересы, когда одни стали бѣдными, другіе богатыми, когда образовались разные классы, разныя убѣжденія и пр., явилась другая лирика, главное содержаніе которой—любовь.

Такъ представляетъ себѣ Летурно до-историческую поэзію современныхъ образованныхъ народовъ, которую можно отчасти наблюдать и у существующихъ дикихъ племенъ. Послѣ указанныхъ двухъ фазисовъ развитія поэзіи наступаетъ третій: образуются особыя сословія, которыя культивируютъ музыку и пѣніе, искусство такъ идетъ впередъ, что всякій уже не можетъ въ немъ упражняться, необходимы особенное дарованіе и подготовка. Техника совершенствуется, но въ то же время отъ этого искусство погибаетъ для свободы созданія, исчезаетъ природное вдохновеніе. Въ этотъ періодъ поэзія вовсе не выражаетъ того, что называется „коллективной душой“ народа, появляются и покровители поэзіи, налагающіе часто на нее страшное стѣсненіе и обрекающіе на упадокъ.

За этой фазой развитія поэзіи слѣдитъ Летурно съ особенной любовью. А относительно происхожденія поэзіи онъ держится особеннаго мнѣнія, о которомъ я намекнулъ раньше. Именно, онъ доказываетъ, что поэзія началась въ драматическихъ играхъ и забавахъ, и отъ драмы, явившейся въ неразвитой формѣ, отдѣлилась мало-по-малу лирика. Очень много подробностей находится у Летурно, доказывающихъ драматичность игръ у первобытныхъ и древнихъ народовъ Австраліи, Перу и Мексики, Китая, Іудеи, Греціи и т. д.

Необходимо признать, что только въ усовершенствованной формѣ драма—самый молодой родъ поэзіи, а въ формѣ начальной она могла появиться и очень рано.

Что касается другихъ двухъ родовъ поэзіи—лирики и эпоса—время ихъ происхожденія гораздо менѣе интересуетъ Летурно. Вообще же онъ приписываетъ лирикѣ старшій возрастъ, но нужно замѣтить, что лирику онъ понимаетъ въ очень широкомъ смыслѣ, когда относитъ къ ней и всѣ легенды и преданія. Изъ примѣровъ книги видно, что Летурно подъ словомъ эпосъ понимаетъ только такія развившіяся эпическія произведенія, какъ Магабгарата или Одиссея. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ даетъ примѣры, которые содержатъ эпическій элементъ, а онъ ихъ называетъ „лирикой“. Съ другой стороны, наблюдается путаница и въ томъ, когда лирическія пѣсни, составленныя отдѣльными личностями, противополагаются коллективнымъ хороводнымъ пѣснямъ.

Для нашего вопроса необходимо строго соблюдать различіе между лирическими и эпичными элементами, необходимо отличать не только главную родовую черту произведенія, которое изучаемъ, но и оттѣнки его, такъ какъ разсказъ, напр., можно переложить въ настоящій лирическій тонъ.

Digitized by Google

Вотъ поэтому необходимымъ мнѣ казалось прослѣдить не только систему эволюціи Летурно, но и примѣры, разбросанные въ его книгѣ, чтобы такимъ образомъ видѣть, оправдывается ли для первобытныхъ народовъ то, что предположилъ Якобовскій для доисторическаго человѣка, особенно на основѣ дедуктивныхъ соображеній о его психической природѣ.

И дѣйствительно, у первобытныхъ народовъ встрѣчаемъ поэтическія произведенія, во всякомъ случаѣ отличающіяся болѣе лирическимъ характеромъ.

Вотъ нѣсколько примѣровъ:

У южно-африканскихъ негровъ, стоящихъ на слишкомъ низкой степени культуры, поются заговоры и погребальныя пѣсни. Кромѣ этой „бѣдной лирики", можетъ быть, у нихъ есть и другія поэтическія творенія, но это неизвѣстно. Поэзія готтентотовъ состоитъ въ импровизированныхъ молитвахъ и въ лирическихъ (и сатирическихъ) пѣсняхъ, соединенныхъ съ хороводомъ и музыкой и представляющихъ смерть знаменитаго военоводы, охотника на охотѣ и пр. У папуасовъ, которыя достаточно интеллигентны, рядомъ съ сказаніями находимъ и военныя пѣсни. А у эскимосовъ, являющихся мирнымъ народомъ, рядомъ съ разсказами и легендами находимъ пѣсни посвященныя прославленію природы и ея красотъ, къ которымъ этотъ народъ оказывается очень чувствительнымъ. Краснокожіе американцы имѣютъ и легенды (прозой), но большая часть поэзіи у нихъ состоитъ изъ лирическихъ пѣсенъ—военныхъ, любовныхъ и погребальныхъ. Военныя пѣсни ихъ, по словамъ Летурно, подобны реву дикихъ звѣрей. Любопытно, что между этими лирическими пѣснями находятся состоящія изъ безсвязныхъ словъ, оставшіяся, какъ воспоминанія цѣлаго содержанія, а другія совсѣмъ неясны, т. к. состоятъ только изъ междометій. Китай, который подтверждаетъ теорію Летурно о старѣйшинствѣ драматическихъ представленій, не даетъ въ настоящее время цѣнныхъ примѣровъ ранней лирики: первые образцы ея датированы 1766 г. до Р. Хр. И ассирійская словесность, какъ то видно по надписямъ, прочитаннымъ съ большимъ искусствомъ, содержала не только космогоническіе миѳы, но и гимны. Такъ какъ трудно здѣсь рѣшить, что принадлежитъ къ древнѣйшему времени, то хорошо дѣлаетъ Летурно, что не рѣшаетъ общій вопросъ на такихъ недатированныхъ фактахъ. Потому и на Бытіи библейскомъ онъ не останавливается долго, тѣмъ болѣе что находитъ сильное вліяніе на него одного ассирійскаго разсказа. Содержаніе еврейской поэзіи особенно лирично, и главныя черты этой поэзіи разсматриваетъ Летурно подъ заглавіемъ „лирическая еврейская поэзія". И въ старой германской поэзіи находимъ проявленіе „очень древней лирики", напр. въ пѣсни о Лодброкѣ. Когда взглянемъ на классическіе народы, то принуждены будемъ оставить римлянъ за недостаткомъ данныхъ и остановиться на греческой поэзіи. И что ви-

Digitized by Google

димъ здѣсь? Отъ древнихъ временъ здѣсь сохранились въ связи съ хороводами и пѣсни, которыя не всегда были эпичными. Въ древности были славословія, посвященныя гостямъ и другимъ лицамъ въ разныхъ случаяхъ, особенно во время свадьбы и погребенія. Любопытно, что самъ Гомеръ упоминаетъ о гименеяхъ, т.-е. о брачныхъ пѣсняхъ, которыя первоначально отличались лирическимъ характеромъ, а позднѣе могли перейти въ сказанія.

И такъ, многочисленныя условія, которыя вызываютъ дѣйствительно лирическую поэзію у первобытнаго человѣка: общественныя игры и забавы, военное настроеніе, любовь, восхищеніе красотами природы, оплакиваніе умершаго вождя или родственника, молитва къ нимъ или божеству.

Вникая въ условія, объясняющія намъ преобладаніе лиризма въ поэзіи первобытныхъ народовъ, мы должны признать, что лирика является главнымъ содержаніемъ первичной поэзіи. Говорю „главное содержаніе", потому что и эпическія творенія создавались тогда, когда образовывались родъ или семейство, что видимъ изъ наблюденій. Позднѣе, вслѣдствіе долгаго прожитаго времени и при извѣстныхъ обстоятельствахъ, могъ возникнуть и развиться чистый эпосъ, въ то время какъ чистый лиризмъ свойственъ самой глубокой древности.

Впрочемъ, нѣчто подобное допускаютъ и нѣкоторые нѣмецкіе ученые, стоящіе вообще за первородство эпоса. Такъ и М. Каррьеръ допускаетъ, что главныя качества, которыми отличается эпосъ, именно объективность, подробность и единство—еще неразвиты въ началѣ: отдѣльныя пѣсни, впервые зарождающіяся въ эпической поэзіи, берутъ поводомъ дѣйствительное событіе и воспѣваютъ его для прославленія какого-либо героя или подвига; въ нихъ звучитъ лирическій тонъ, герой иногда является и самимъ пѣвцомъ. Для позднѣйшаго поколѣнія, для котораго не все является яснымъ, становятся необходимыми подробности и настоящій эпическій слогъ. Позднѣе является и объединеніе нѣсколькихъ пѣсенъ, относящихся къ одному герою или событію. И только тогда можетъ ослабѣть въ значительной степени лирическій элементъ, который совершенно никогда не исчезаетъ. Посмотримъ теперь, на что опираются ученые, которые поддерживаютъ старѣйшинство эпики и которые принадлежатъ главнымъ образомъ къ нѣмецкой филологической школѣ, основанной Гриммомъ. Прежде всего они пользуются историческими доказательствами. По послѣднимъ самыя древнія произведенія нѣмецкой литературы, насколько знаетъ исторія, поэтическія, а самыя первыя изъ нихъ—эпическія, если начнемъ со времени Тацита. Еврейская литература начинается эпосомъ, точно также индійская и греческая. Съ другой стороны и внутреннія соображенія приводятъ этихъ ученыхъ къ тому же заключенію. Изъ всѣхъ душевныхъ силъ, по ихъ мнѣнію, при созданіи поэтическаго образа особенно дѣйствовало воображеніе: чувство и разумъ

Digitized by Google

стояли на второмъ планѣ. А понятно воображеніе приводило къ эпическому творчеству. Да и легче было для человѣка, предполагаютъ указанные ученые, понять извѣстное событіе и представить его въ словесномъ произведеніи, чѣмъ вникнувъ въ самого себя изображать свои чувства. Далѣе, будто-бы въ періодъ родового строя человѣкъ былъ способенъ творить только эпическія произведенія, потому что все индивидуальное погибало, какъ неинтересное для всѣхъ членовъ рода. Сообразно этому упомянутая школа допускаетъ, что первоначальное содержаніе эпоса состояло въ изображеніи природныхъ явленій, на которыя смотрѣли какъ на дѣла и состоянія существъ считавшихся божествами [1]).

Но какъ видѣли мы уже, ни одно изъ этихъ доказательствъ не выдерживаетъ критики. Сообразно природнымъ свойствамъ души первобытнаго человѣка необходимо предположить, что онъ былъ болѣе способенъ для лирическихъ проявленій своихъ чувствъ и впечатлѣній, которыя занимали его дольше всего. Во-вторыхъ, когда человѣкъ принадлежитъ къ роду, семейству, то сохраняется все же индивидуальность, и къ тому же цѣлый родъ можетъ имѣть одно общее чувство, такъ что и здѣсь является полный просторъ для лирики. Религіозное чувство, этотъ важный фактъ въ общемъ ходѣ развитія человѣка, способствовало тому, чтобы первобытный человѣкъ творилъ не только миоы, но и молитвы [2]). Наконецъ, историческіе примѣры, на которыхъ основывается ученіе о первородствѣ эпоса, малочисленны и не прочны, и если вѣрно что древнѣйшія произведенія грековъ, германцевъ и пр. эничны, то откуда мы знаемъ, что записаны дѣйствительно только древнѣйшія. Извѣстно слабое вниманіе древнихъ народовъ ко всему, что не носитъ серьезнаго характера. Потому изъ старыхъ лирическихъ пѣсенъ только религіозныя обратили на себя вниманіе и были удостоены записи вмѣстѣ съ легендами. А на другія кто обращалъ вниманіе? Тотчасъ съ появленіемъ письменности явилось желаніе записывать событія. И вотъ въ лѣтописяхъ записываются и поэтическія преданія, которыя цѣнятся наравнѣ съ прозаическими разсказами очевидцевъ. Народныя любовныя пѣсни не были записаны у классическихъ народовъ, но нѣтъ сомнѣнія, что онѣ существо-

---

1) Wackernagel. Poetik, Rhetorik und Stilistik, II Aufl (1888) 52—60. M. Carriere Aesthetik II, 541, 533. По этой теоріи героическій эпосъ явился позже миоовъ; сказанія о герояхъ — будто-бы религіозные (посв. природ. явлен.) миоы, перенесенные съ божества на героя. Но, конечно, мало вѣроятно, чтобы человѣкъ сначала создавалъ поэтическія творенія о богахъ, а потомъ о себѣ и подобныхъ себѣ людяхъ.

2) И нѣкоторые допускаютъ, что древнѣйшая пѣснь есть молитва. I. Grimm. Kleinere Schriften II, 460. Если примемъ, что религія возникла отъ прославленія умершихъ предковъ, то обращая вниманіе на погребальныя пѣсни и славословія, найдемъ и въ нихъ болѣе лирики, чѣмъ эпоса. Спенсеръ. Основы соціолог. I, 289.

Digitized by Google

вали. Съ другой стороны предъ нашими глазами развивается поэзія у современныхъ дикихъ народовъ. Какъ мы видѣли, наблюденія въ этой области показываютъ, что эпосъ занимаетъ менѣе мѣста въ первичной поэзіи, чѣмъ лирика.

Но нужно ли здѣсь брать за аналогію дикіе народы. Е. Вольфъ, слова кототораго о научномъ методѣ поэзіи я привелъ, принадлежитъ къ защитникамъ. Пользуясь только примѣрами изъ поэзіи арійскихъ и семитическихъ народовъ, онъ задаетъ себѣ вопросъ, не пропустилъ-ли онъ цѣлой эпохи въ развитіи всемірной поэзіи? И на этотъ вопросъ отвѣчаетъ, что разница между поэзіей, которую застаемъ (въ историч. памятникахъ), какъ самую древнюю, и тою, которая на самомъ дѣлѣ была самой древней, должна быть невелика, т. к. настоящая поэзія требуетъ извѣстной степени культуры и языка. Потому, онъ думаетъ, поэзія названныхъ первобытныхъ народовъ не можетъ служить аналогіей и нормой, т. к. тѣ народы были неисторическіе, и все у нихъ было какъ бы навыворотъ.

Такой взглядъ совершенно ошибоченъ. Если изъ жизни дикихъ народовъ берутся факты для историческаго изученія религіи, обычая, соціальнаго строя и пр., то нѣтъ причины поступать иначе въ исторіи поэзіи. И самые культурные современные народы могли нѣкогда находиться на томъ низкомъ уровнѣ культуры, на которомъ видимъ современныхъ дикихъ народовъ, у которыхъ наблюдаемъ процессъ развитія поэзіи. Теперь можемъ спросить: гдѣ осталось выше приведенное похвальное желаніе Вольфа, по которому историческая поэзія должна опираться на полноту и порядокъ, на примѣры собранные отъ цѣлаго міра?

* * *

Развитіе поэзіи и языка находится въ связи съ умственнымъ и душевнымъ развитіемъ человѣка. Если языкъ создается и развивается въ обществѣ, то и для поэзіи необходимо допустить тоже. Если на первыхъ ступеняхъ общественнаго развитія являются зачатки драмы и лирики, а чистый эпосъ развивается очень поздно, то значитъ, что въ первое время поэзія ограничена въ средствахъ своихъ: она легче изображаетъ внутренній міръ, конечно безъ самосознанія, а внѣшній міръ еще изображаетъ въ отношеніи къ внутреннему. Отсюда субъективность первичной поэзіи, сливающаяся съ ея безличностью или общенародностью. Объективность развивается, какъ и въ языкѣ, мало-по-малу. Объективность языка есть забвеніе образности. А такъ какъ поэзія есть мышленіе образами, то раждается вопросъ: не суждено-ли впослѣдстіи поэзіи исчезнуть въ одинъ день навсегда? Но этотъ вопросъ можетъ разсматриваться особо.

Перев. **Н. Грунскій.**

Digitized by Google

ИЗЪ ЗАП.-ЕВРОПЕЙСКОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

II.

Новые матеріалы для изученія исторіи развитія семьи.

(Heinrich Cunow: Die Verwandtschafts-Organisation der Australneger. Stuttgart. 1894. 8°. Стр. 190+VIII).

Система родства, господствующая у австралійцевъ, служила неоднократно предметомъ изслѣдованія и еще чаще толкованія въ пользу того или иного взгляда на исторію развитія семьи. Свѣдѣнія, которыя имѣлись объ этой системѣ до настоящаго времени, были, однако, недостаточно точны, и, какъ таковыя, позволяли однимъ опираться на нихъ для доказательства, что наиболѣе древней ступенью развитія семьи слѣдуетъ считать безпорядочное сожительство, другимъ—на основаніи недостаточно провѣренныхъ свѣдѣній, что у нѣкоторыхъ австралійскихъ народовъ уже существуетъ счетъ родства по отцу—доказывать, что агнатическая семья была эмбріономъ развитія въ исторіи семьи вообще. Работѣ г. Кунова суждено внести свѣтъ въ дѣло изученія этой системы, и такъ какъ она имѣетъ важное значеніе для рѣшенія вопроса о ходѣ развитія семьи вообще, то трудъ г. Кунова пріобрѣтаетъ существенный интересъ для изученія законовъ развитія семейныхъ отношеній на низшихъ культурныхъ ступеняхъ.

Прежде всего г. Куновъ старается разсѣять ходячее мнѣніе, что въ лицѣ туземнаго населенія Австраліи мы имѣемъ дѣло съ однородной по своему культурному уровню массой, остановившейся въ своемъ развитіи. Нѣтъ ничего ошибочнѣе этого взгляда, пишетъ онъ; среди австралійцевъ также господствуютъ жизнь и движеніе, ростъ и упадокъ, и какъ-бы ни казались намъ ничтожными различія въ системахъ родства у наиболѣе низко стоящихъ племенъ Австраліи, сравнительно съ наиболѣе развитыми племенами ея, послѣднія прошли длинный путь, при чемъ прохожденіе его, при той медленности, съ которой подвигается впередъ культура на низкихъ ступеняхъ развитія, потребовало, вѣроятно, нѣсколькихъ тысячелѣтій. Извѣстное дѣленіе австралійцевъ на классы, связанные съ нимъ запретительные законы о бракѣ и нормы, опредѣляющія происхожденіе, не являются, какъ то думалъ Морганъ и др., наиболѣе примитивной изъ извѣстныхъ до настоящаго времени общественныхъ формъ; они не представляютъ «первыхъ робкихъ попытокъ къ развитію», напротивъ того имъ, по мнѣнію г. Кунова, предшествуетъ еще болѣе древняя стадія.

Digitized by Google

Эта стадія, освѣщенная впервые г. Куновымъ у австралійцевъ и которая можетъ быть открыта на основаніи системы родства и у другихъ народностей, имѣетъ наиболѣе важное значеніе для исторіи развитія семьи: на ней мы преимущественно и остановимся.

Чтобы вполнѣ оцѣнить значеніе труда г. Кунова, вспомнимъ, что по теоріи Моргана за періодомъ отсутствія регламентаціи въ отношеніяхъ между лицами разнаго пола наступаетъ періодъ ограниченія, и первый шагъ въ этомъ направленіи выражается въ формѣ, которую Морганъ называетъ «семьей, основанной на кровномъ родствѣ»: ограниченіе въ этой семьѣ заключается въ запрещеніи вступать въ бракъ между восходящими и нисходящими; группы супруговъ раздѣлены на поколѣнія, при чемъ члены каждой группы считались между собой братьями и сестрами; въ предѣлахъ каждой группы бракъ былъ разрѣшенъ; одну группу супруговъ составляли дѣды и бабки, другую—ихъ дѣти обоего пола и, наконецъ, третью—ихъ внуки. Къ этому выводу Морганъ пришелъ на основаніи изученія системы родства въ Полинезіи, въ частности на Гавани, вслѣдствіе чего и вся система эта названа гавайской; хотя она въ настоящее время и не соотвѣтствуетъ жизни, но она могла сложиться только при тѣхъ условіяхъ, о которыхъ сказано выше, когда кровныя узы, воспрещающія вступать въ бракъ, понимались только въ смыслѣ восходящихъ и нисходящихъ родственниковъ—не больше.

Эта-же система родства существуетъ и въ Австраліи, и у низшихъ племенъ, по крайней мѣрѣ, она соотвѣтствуетъ въ значительной степени самой жизни, хотя значеніе ея, какъ это можетъ считаться въ настоящее время доказаннымъ г. Куновымъ, и было невѣрно понято Морганомъ и его послѣдователями.

Каждое изъ австралійскихъ племенъ, т. е. группа индивидовъ, представляющихъ діалектически обособленную массу, пишетъ г. Куновъ, дѣлится на извѣстное число самостоятельныхъ группъ; каждая изъ послѣднихъ объединена владѣніемъ извѣстной территоріи, въ предѣлахъ которой группа кочуетъ, добывая себѣ скудное пропитаніе; объединеніе группъ происходитъ лишь для празднествъ и рѣшенія споровъ. Дѣленія на родственные союзы не существуетъ, но каждая группа раздѣлена на три класса, между которыми брачныя узы воспрещены; въ настоящее время существуютъ ограничительные законы о бракѣ и внутри каждаго класса, но эти законы, по справедливому замѣчанію г. Кунова, являются продуктомъ дальнѣйшаго развитія, и для уясненія болѣе древней стадіи они не могутъ имѣть значенія; первый классъ каждой группы состоялъ въ болѣе отдаленное время, вѣроятно, такъ же, какъ и въ настоящее время, изъ мальчиковъ до 17 — 18 и дѣвочекъ до 13 — 14 лѣтъ; слѣдующій классъ состоялъ изъ взрослыхъ, которые еще не имѣли дѣтей, достигшихъ брачнаго возраста, и третій классъ—изъ родителей тѣхъ, которые принадлежали ко 2-му классу, т.-е. 1-й классъ состоялъ изъ внуковъ, 2-й изъ отцовъ и 3-й изъ дѣдовъ; члены каждаго класса считаются между собой братьями и сестрами. Въ понятіяхъ *дѣдъ, отецъ, сынъ* — лежатъ у австралійцевъ, однако, представленія не о кровномъ родствѣ, какъ думали

Digitized by Google

раньше, а лишь о различіяхъ по возрасту; это доказывается тѣмъ, что этимологія указанныхъ терминовъ указываетъ на происхожденіе ихъ отъ словъ, означающихъ возрастъ лица; напр., у Банкуи: *kĭmbăjă*—большой, *kĭmbijă*—отецъ; у Ваимбо: *kĭmbaia*—большой, *kĭmbia*—отецъ, у жителей сѣв. Квинсланда слово *yunger*, *yanga*, *yunga* и пр. означаетъ и мать, и взрослую женщину. Такимъ образомъ, принимая, что первоначальное дѣленіе группы основывается на возрастѣ входящихъ въ ея составъ лицъ, мы получимъ естественное дѣленіе: на лицъ, еще не достигшихъ брачнаго возраста, лицъ, достигшихъ его, и, наконецъ, стариковъ. Что именно возрастъ, а не кровное родство, опредѣляетъ положеніе лица въ группѣ, доказывается и тѣмъ, что каждый классъ находится въ постоянномъ измѣненіи; напр., два лица, которыя, по нашимъ представленіямъ о родствѣ, считаются двоюродными братьями, будутъ, если одному 30 лѣтъ, а другому 15—принадлежать къ различнымъ классамъ, при чемъ старшій будетъ считаться отцомъ младшаго; но когда послѣдній, достигнувъ брачнаго возраста перейдетъ въ классъ «отцовъ», то онъ будетъ считаться «младшимъ братомъ» старшаго; точно также при извѣстныхъ условіяхъ племянникъ отъ старшей сестры или младшая племянница (дочь дяди по отцу) могутъ оказаться братьями и сестрами тетки. Такого рода переходъ изъ класса въ классъ внутри группы имѣетъ, по словамъ г. Кунова, мѣсто только у тѣхъ племенъ, которыя не развили еще дѣленія на брачные классы, какъ Камиларои, гдѣ принадлежность къ классу опредѣляется происхожденіемъ [1]).

Такъ какъ браки въ предѣлахъ каждаго изъ классовъ по возрасту разрѣшаются, то если дядя и племянница, тетка и племянникъ окажутся въ одномъ классѣ, то браки между ними могутъ состояться; то-же слѣдуетъ сказать и относительно родныхъ брата и сестры. Единственнымъ ограниченіемъ является запретъ родителямъ состоять въ одномъ классѣ съ дѣтьми, а слѣдовательно и вступать съ ними въ бракъ. Но и от-

---

1) Дѣленіе Камиларои является уже продуктомъ позднѣйшаго развитія; они дѣлятся на двѣ крупныя группы: Dilbi и Kupathin (наз. г. Куновымъ вслѣдъ за Морганомъ фратріями), основанныя на кровномъ родствѣ и ведущія свое происхожденіе отъ женщинъ родоначальницъ; *Dilbi* дѣлятся на три рода: Duli, Murriira и Mute; *Kupathin*—также на три: Dinoun, Bilba и Nurai. Рядомъ съ этой организаціей существуетъ еще раздѣленіе на 4 класса, а именно: въ фратріи Dilbi: I Murri (женск. mata) и II Kubbi (женск. kubbota); въ фратріи Kupathin: III Ippai (женск. ippata) и IV Kumbo (женск. buta). Членъ класса Ippai могъ жениться только на женщинѣ изъ класса kubbota, kumbo—только на mata, murri—только на buta, kubbi—только на ippata. Дѣти отъ этихъ браковъ причисляются къ роду матери, но входятъ въ составъ другого, чѣмъ ихъ мать, класса той-же фратріи, т.-е. дѣти женщины изъ рода Duli (фратріи Dilbi) класса mata, будутъ также Duli но войдутъ въ классъ kubbi (kubbota). Наоборотъ, дѣти женщины рода Duli, но класса kubbota, войдутъ въ составъ класса murri (mata). Отсюда происходитъ, что дѣти женщины изъ класса kubbota всегда будутъ считаться въ классѣ murri (mata); дѣти buta—въ классѣ ippai (ippata); дѣти mata—въ классѣ kubbi (kubbota) и дѣти ippata—въ классѣ kumbo (buta).

Digitized by Google

носительно этого запрещенія есть основаніе предполагать, что оно не является первоначальнымъ, такъ какъ, несмотря на него, браки между родителями и дѣтьми продолжаютъ встрѣчаться.

Картина, которую раскрываетъ передъ нами г. Куновъ, рисуетъ стадію безпорядочнаго сожительства, когда единственнымъ ограниченіемъ двумъ лицамъ вступать въ сожительство служилъ возрастъ. Первое ограниченіе, вытекающее изъ кровнаго родства, заключается на этой стадіи въ запрещеніи родителямъ вступать въ бракъ со своими дѣтьми, и это второе весьма важное свидѣтельство, которое намъ даетъ г. Куновъ: въ самомъ дѣлѣ, чтобы это ограниченіе могло быть примѣняемо на практикѣ, необходимо, чтобы отецъ былъ извѣстенъ; это-же условіе необходимо для перечисленія лица изъ класса отцовъ (т.-е. не имѣющихъ дѣтей, достигшихъ брачнаго возраста) въ классъ дѣдовъ. Этимъ опровергается положеніе, что отецъ на низшей ступени общественнаго развитія оставался неизвѣстнымъ—положеніе, на основаніи котораго строился выводъ о неизбѣжности существованія на низшей ступени цивилизаціи счета родства по женской линіи. При полной свободѣ сожительства между лицами одного и того-же класса, когда извѣстное лицо могло сожительствовать хотя-бы съ родной сестрой, союзы все-же имѣли извѣстную продолжительность.

Дѣйствительно, и въ настоящее время найти примѣры супружеской вѣрности среди австралійцевъ большая рѣдкость; случаи нарушенія ея, несмотря на то, что ревность является качествомъ сильно развитымъ у мужчинъ, встрѣчаются часто и не возбуждаютъ неудовольствія въ членахъ группы, если только нарушители принадлежатъ къ одному классу по возрасту. Несмотря однако на это, союзы всегда имѣютъ извѣстную продолжительность; изъ всеобщаго употребленія словъ: отецъ, мать—въ отношеніи ко всѣмъ членамъ старшаго класса, замѣчаетъ г. Куновъ, не слѣдуетъ дѣлать заключенія, чтобы австраліецъ не зналъ мужа своей матери во время его рожденія; онъ знаетъ не только его, но и отцовъ другихъ дѣтей своей группы и подчасъ даже и сосѣднихъ группъ.

Положеніе женщины у низшихъ австралійскихъ племенъ крайне приниженное: физическое превосходство мужчины и здѣсь играетъ свою роль; «мужъ абсолютный собственникъ своей жены (или женъ): онъ можетъ обращаться съ ней хорошо или дурно—совершенно по произволу; онъ можетъ оставить ее у себя, проституировать ее, промѣнять на другую женщину или отдать ее другимъ членамъ одного съ нимъ класса». Если вспомнить, что территоріальныя группы, единственныя, на которыя—если оставить въ сторонѣ классификацію по возрасту — дѣлятся низшія племена австралійцевъ, крайне немногочисленны (40—50 лицъ), то фактъ, что отецъ ребенка оказывается извѣстнымъ, будетъ совершенно понятенъ; но изъ этого факта еще отнюдь нельзя дѣлать заключенія, какъ это было сдѣлано между прочимъ г. Штарке, что на низшихъ ступеняхъ развитія мы уже встрѣчаемся съ зародышемъ агнатической семьи. Въ той стадіи, которую передъ нами раскрываетъ г. Куновъ, опредѣленія родства, строго говоря, не существуетъ и не можетъ существовать, такъ какъ не выработалось еще вообще понятія о кровномъ родствѣ; при рожденіи ребенка

Digitized by Google

его причисляютъ къ *территоріальной* группѣ [1]), къ которой принадлежатъ его родители, не дѣлая при этомъ различія, оказывается-ли мать его членомъ этой территоріальной группы по происхожденію, или она введена въ нее инымъ путемъ: похищеніемъ, покупкой или мѣной. Дѣло въ томъ, что, при малочисленности территоріальныхъ группъ, мужчинамъ нерѣдко приходится искать себѣ женъ изъ сосѣднихъ группъ, и это даже у низшихъ племенъ (какъ, напр., у Вайуковъ) приводитъ или къ похищенію или къ мѣнѣ сестрами со стороны лицъ, принадлежащихъ къ разнымъ территоріальнымъ группамъ. Этотъ-же недостатокъ женщинъ приводитъ у нѣкоторыхъ племенъ Австраліи и къ поліандріи, при чемъ старшіе братья разрѣшаютъ сожительство съ своими женами младшимъ братьямъ, подъ условіемъ подобнаго-же разрѣшенія со стороны послѣднихъ послѣ женитьбы.

Система родства, которую г. Куновъ встрѣтилъ у низшихъ австралійскихъ племенъ и которая позволила ему обрисовать одну изъ наиболѣе первобытныхъ формъ общественнаго развитія, не является исключительнымъ достояніемъ австралійцевъ: система родства у полинезійцевъ («гавайская») и у зулусовъ, по справедливому объясненію г. Кунова, сохраняетъ ясные слѣды такого-же порядка вещей, какъ и у австралійцевъ, и если указанныхъ фактовъ до накопленія новыхъ аналогичныхъ и недостаточно для возведенія вышеприведеннаго вывода г. Кунова въ общій законъ человѣческаго развитія, онъ тѣмъ не менѣе заставляетъ критически отнестись къ господствующему мнѣнію, что матріархатъ является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ той стадіи развитія, когда отецъ былъ неизвѣстенъ: мы имѣемъ здѣсь форму общежитія, гдѣ при извѣстности обоихъ родителей отсутствуетъ институтъ родства.

Первый шагъ къ ограниченію свободы общеній заключался, какъ было отмѣчено выше, въ запрещеніи родителямъ и дѣтямъ вступать въ бракъ: развитіе представленій о кровномъ родствѣ распространило запретительные законы на родныхъ братьевъ и сестеръ, далѣе на двоюродныхъ и троюродныхъ братьевъ; въ этомъ состояніи развитія находятся въ настоящее время племена Гуриндитшмара и Курнаи, при чемъ у первыхъ еще встрѣчаются браки между членами одной территоріальной группы, а у вторыхъ браки запрещаются, вслѣдствіе близости родственныхъ узъ, даже съ представительницами нѣкоторыхъ сосѣднихъ группъ. Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ родство одинаково служитъ препятствіемъ къ браку, безъ различія, будетъ-ли оно родствомъ съ отцовской или материнской стороны. Племя Нарриньери пошло въ этомъ отношеніи еще дальше: запретительные законы распространяются здѣсь одинаково, какъ на членовъ территоріальной группы отца, такъ и матери.

Не ясно, пишетъ г. Куновъ, что̀ дало толчекъ къ развитію этихъ

---

[1]) Территоріальныя группы объединены только общностью территоріи; дѣленіе на тотемическія группы появляется впослѣдствіи. Названіе территоріальныя группы получаютъ отъ характера занимаемой ими мѣстности, и при перемѣнѣ послѣдней мѣняется и названіе группы.

Digitized by Google

ограниченій: быть можетъ, стали замѣчать, какъ на это, повидимому, указываетъ одно изъ преданій племени Діейери [1]), что браки братьевъ и сестеръ имѣли результатомъ дегенерацію; одно лишь совершенно ясно, продолжаетъ авторъ, что въ исторіи этихъ ограниченій играютъ роль понятія о родствѣ, представленія о кровныхъ узахъ.

Тотъ-же порядокъ, который господствуетъ при существованіи исключительно дѣленія племени на территоріальныя группы, продолжаетъ существовать нѣкоторое время и послѣ того, какъ территоріальная группа развилась въ тотемическую, т. е. группу, которая признаетъ существованіе извѣстной связи между каждымъ изъ своихъ членовъ и извѣстнымъ видомъ животныхъ или растеній, и появилось сознаніе, что члены одной группы происходятъ отъ «той-же плоти», какъ, напр., у племенъ Турра, Муррингъ, Нарриньери и др., т. е. дѣти причислялись къ группѣ отца, и это вполнѣ естественно: такъ какъ тотемическій союзъ первоначально совпадалъ съ группой территоріальной, то и женщина, захваченная членомъ чужой группы, продолжаетъ, какъ и до возникновенія союзовъ тотемическихъ, считаться принадлежностью той группы, въ которую ее ввелъ мужъ; отдѣленная отъ своей родни, она является собственностью мужа, и даже послѣ его смерти она, въ качествѣ собственности группы, должна была переходить къ братьямъ мужа, если они того желали.

Съ развитіемъ родовыхъ союзовъ происходитъ перемѣна: появляется матріархатъ; ребенокъ по прежнему причисляется къ территоріальной группѣ отца, но входитъ въ составъ родового союза матери (фратрія и родъ — тотемическій), т. е. прежде, при отсутствіи или при сравнительно маломъ развитіи рода, исключительно господствовавшій территоріальный принципъ начинаетъ уступать развившемуся родовому устройству. Переходъ этотъ естественно совершался лишь постепенно и долженъ былъ пройти нѣсколько промежуточныхъ ступеней. Причины замѣны территоріальнаго принципа родовымъ остаются неясными: быть можетъ, пишетъ г. Куновъ, что вслѣдствіе увеличивающейся, благодаря развитію запретительныхъ законовъ, свободы въ отношеніяхъ между лицами различнаго пола, преимущественно вслѣдствіе возникновенія брачныхъ группъ *пирауру* [2]), опредѣленіе отца съ достовѣрностью становилось все менѣе

---

[1]) Приводимъ это интересное преданіе, бросающее свѣтъ на древнія отношенія между полами у австралійцевъ, со словъ г. Кунова: „Послѣ созданія міра, отцы, матери, братья, сестры и другіе близкіе родственники вступали безъ различій между собой въ бракъ, пока не стали обнаруживаться вредныя послѣдствія подобнаго порядка вещей. Вожди начали совѣщаться и обдумывать средства къ измѣненію положенія; рѣшили обратиться съ просьбой къ Мурамура (вел. духу), и тотъ приказалъ, чтобы каждое племя было раздѣлено на различныя вѣтви и эти послѣднія были названы каждое отдѣльнымъ именемъ, заимствованнымъ отъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ предметовъ, напр. динго, мышь, эму, дождь, ящерица и пр.; члены одной и той же группы не должны были вступать въ бракъ".

[2]) Діейри вымѣниваютъ на сестеръ, пріобрѣтаютъ покупкой или службой въ домѣ будущаго тестя или, наконецъ, похищаютъ себѣ женъ; пріобрѣтенная этимъ путемъ жена называется — *коа*. Но вступать въ союзъ съ ней

Digitized by Google

возможнымъ; быть можетъ также, что стали принимать, что ребенокъ вслѣдствіе акта дѣторожденія происходитъ исключительно отъ плоти матери; какъ-бы то ни было, но у болѣе развитыхъ племенъ Австраліи территоріальный принципъ при опредѣленіи происхожденія замѣненъ уже счетомъ родства по женской линіи.

Съ появленіемъ матріархата приниженное положеніе женщины, однако, нисколько не измѣняется къ лучшему: мужъ занимаетъ по прежнему свое первенствующее мѣсто и продолжаетъ считаться собственникомъ жены и дѣтей; жена и при господствѣ матріархата переходитъ жить въ территоріальную группу, къ которой принадлежитъ ея мужъ, и ему, какъ собственнику жены, принадлежатъ не только дѣти, рожденныя отъ него, но и тѣ, относительно которыхъ онъ знаетъ или предполагаетъ, что не онъ является ихъ дѣйствительнымъ отцомъ. Рѣзко высказывается противоположность между территоріальнымъ и кровнымъ принципами въ обычаѣ, согласно которому, если даже отецъ (юридическій) умретъ тотчасъ послѣ рожденія ребенка, и его вдовѣ дается группой мужа разрѣшеніе возвратиться съ ребенкомъ въ ея родную группу,—ребенокъ обязанъ черезъ нѣсколько лѣтъ возвратиться въ группу, къ которой принадлежалъ его отецъ. Въ этомъ обычаѣ ясно проведенъ взглядъ, что территоріальная группа, которая при существованіи матріархата не состоитъ изъ кровныхъ родственниковъ, а изъ лицъ, принадлежащихъ уже къ различнымъ тотемическимъ союзамъ, объединенная общностью интересовъ и стремленіемъ увеличиться численно, — считаетъ себя собственницей ребенка, рожденнаго отъ брака одного изъ лицъ, входящихъ въ нее, и женщины, добытой этимъ лицомъ трудомъ или покупкой и являющейся, какъ таковая, его собственностью; но при этомъ кровный

имѣетъ право не только мужъ, но еще рядъ лицъ,—быть можетъ, замѣчаетъ г. Куновъ, *всѣ лица* одного возраста съ мужемъ, члены его группы; мужъ въ свою очередь имѣетъ такія-же права по отношенію къ женамъ этихъ лицъ: мужья считаются по отношеніи другъ къ другу *пирауру*; этимъ же именемъ называютъ другъ друга и жены подобныхъ товарищей: Здѣсь мы имѣемъ видъ групповаго брака, и едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что институтъ пирауру является отголоскомъ стадіи безпорядочнаго сожительства. Число пирауру колеблется между 4 и 10 и болѣе соучастниковъ. Приписывать этому институту значеніе фактора, вызвавшаго къ жизни матріархатъ, какъ это дѣлаетъ г. Куновъ, едва ли основательно, такъ какъ, и при полномъ господствѣ территоріальнаго принципа при опредѣленіи происхожденія новорожденнаго, какъ это отмѣчено г. Куновымъ, случаи супружеской вѣрности встрѣчаются рѣдко, извѣстна поліандрія и, наконецъ, существуетъ даже обычай проституировать своихъ женъ, слѣдовательно, опредѣленіе фактическаго отца такъ-же трудно, какъ и при существованіи института пирауру. Едва ли не будетъ вѣрнѣе объяснить появленіе матріархата развитіемъ представленій о кровномъ родствѣ, представленій, которыя еще не существуютъ или находятся только въ зародышѣ при господствѣ территоріальнаго принципа; въ этотъ періодъ ребенокъ не считался связаннымъ съ родителями кровными узами и принадлежалъ группѣ; при появленіи понятій о кровномъ союзѣ, объ узахъ, связующихъ родителей и дѣтей, — узы, связывающія ребенка съ матерью, должны были считаться наиболѣе крѣпкими, какъ вслѣдствіе ихъ, такъ сказать, бо́льшей наглядности, такъ и вслѣдствіе непрочности брачныхъ союзовъ, которые легко и часто расторгаются среди австралійцевъ.

Digitized by Google

принципъ не терпитъ нарушенія, такъ какъ ребенокъ, какъ собственность группы, обязанный жить въ этой группѣ и служить ея интересамъ, тѣмъ не менѣе считается принадлежащимъ къ роду своей матери. Господство женщины и уничтоженіе права мужчины на своихъ дѣтей, переходъ этихъ правъ въ руки матери и ея рода, представителемъ котораго обыкновенно въ отношеніи къ судьбѣ дѣтей является братъ матери (дядя съ материнской стороны), является уже результатомъ дальнѣйшаго развитія родового союза и не можетъ считаться первоначальнымъ въ исторіи развитія материнскаго рода, по крайней мѣрѣ на той стадіи, на которой находятся еще австралійцы.

Значеніе появленія матріархата для общественнаго устройства австралійцевъ было громадно: если первоначально эндогамныя территоріальныя группы, съ увеличеніемъ числа запретительныхъ законовъ о бракѣ, становились все болѣе экзогамными, то при возникновеніи тотемическихъ союзовъ онѣ представляли нѣкоторое время однородную по своему происхожденію массу. Послѣ появленія матріархата однородный составъ территоріальной группы претерпѣваетъ слѣдующее измѣненіе: такъ какъ жены берутся изъ различныхъ тотемическихъ союзовъ, и дѣти отъ такихъ браковъ, оставаясь въ территоріальной группѣ отца, причислялись къ тотемическому союзу матери, то группа стала вскорѣ состоять изъ членовъ различныхъ тотемическихъ союзовъ, а такъ какъ браки, если оставить въ сторонѣ нѣкоторыя ограниченія, между членами различныхъ тотемическихъ союзовъ разрѣшаются, то территоріальная группа изъ экзогамной становилась въ значительной степени снова эндогамной, т. е., такъ сказать, возвращалась къ первоначальному своему состоянію.

Такимъ образомъ, трудъ г. Кунова открылъ среди считавшихся однородными по своему общественному развитію австралійцевъ цѣлую исторію развитія общественныхъ отношеній, начиная отъ низшей стадіи, до сравнительно высокой, до которой поднялись австралійскія племена, но которая въ общей исторіи развитія оказывается все-же ниже, чѣмъ стадія съ развитымъ матріархальнымъ родомъ, которая извѣстна намъ у многихъ дикихъ племенъ.

Если въ прежнее время являлось возможнымъ, вслѣдствіе назавшейся сложности и неясности правилъ, регулирующихъ взаимныя отношенія родовыхъ и территоріальныхъ группъ австралійцевъ, вслѣдствіе разбросанности представителей разныхъ родовъ среди многочисленныхъ территоріальныхъ группъ,— считать, что современное намъ населеніе Австраліи — «не болѣе, какъ разсѣянные остатки прежнихъ взаимно истребившихъ другъ друга племенъ»,— то послѣ работы г. Кунова становится вполнѣ яснымъ, что австралійскія племена достигли современнаго имъ развитія въ сферѣ общественныхъ отношеній—путемъ органическаго развитія.

Было-бы, несомнѣнно, преждевременнымъ думать, что путь, по которому шло развитіе общественныхъ отношеній у австралійскихъ племенъ, является обязательнымъ и для другихъ народовъ, достигшихъ болѣе высокихъ ступеней культуры: возраженіе, будто австралійцы развивались

Digitized by Google

исключительнымъ путемъ, еще не опровергнуто и будетъ, несмотря на полную свою бездоказательность, въ силѣ, пока детальное изученіе примитивныхъ народовъ не опровергнетъ его. Но уже тотъ фактъ, что хотябы и въ одной Австраліи общественное развитіе приняло другіе пути, чѣмъ это предполагалось господствующей теоріей, служитъ для послѣдней важнымъ дополненіемъ и поправкой, и если бы впослѣдствіи было доказано, что этимъ-же путемъ развивались и другіе народы, то господствующая теорія получила бы иное освѣщеніе, но осталась бы непоколебленной въ основномъ своемъ положеніи, что счетъ родства по женской линіи предшествуетъ счету родства по мужской, такъ какъ предшествующая матріархату стадія развитія, которую освѣтилъ для австралійцевъ г. Куновъ,—оказывается періодомъ отсутствія родственныхъ понятій и непониманія значенія кровныхъ узъ.

Н. Харузинъ.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

Мелкія фольклористическія замѣтки [1]).

6. Змѣй Горынычъ и Тугаринъ Змѣевичъ.

Чаще всего имя Горынычъ встрѣчается рядомъ съ Добрыней, особенно въ былинѣ, въ которой описывается купанье Добрыни въ рѣкѣ Пучай и бой со змѣемъ (змѣинище Горынище, змѣя Горынцята, змѣичищо Горынчищо, Гильф., 472, 560, 800; змiищо Горынчищо, Кирѣевскій, в. 2, стр. 23; змѣишшо Горынишшо, Былины стар. и нов. записи, М. 1894, стр. 71). Иногда это имя является и въ другой былинѣ о Добрынѣ, изображающей его любовь къ Маринкѣ (Горынище проклятое, татаринъ Горюнище поганое — Одолище поганое, Гильф., 469, 661); иногда же въ этой послѣдней былинѣ стоитъ другое имя — Тугаринъ (Туга-змiевичъ, Тугаринъ змiевачъ или змѣевичъ, Гильф., 116, 1088, 1205, 1250). Въ «Егоріѣ Храбромъ» царь Демьянище названъ однажды Горыничемъ (А. Н. Веселовскій, Мелк. зам. къ былинамъ, XX. Больш. стихъ о Егоріѣ и сказка объ Ильѣ и змѣѣ, стр. 62); въ нѣкоторыхъ былинахъ о Дюкѣ «змѣище Горынище» (ibid.). Въ сказкѣ «Степанъ великій панъ» у Романова, Бѣлорусск. Сборн., в. 2, стр. 219: «Змѣй Горымецъ»; у Аѳанасьева на этомъ мѣстѣ Цыгаринъ, т.-е. Тугаринъ; въ монгольскихъ сказкахъ *мангысъ*, многоголовый змѣй. Въ пѣсняхъ уральскихъ и терскихъ казаковъ рѣки: Яикъ Горынычь, Терекъ Горынычъ (Сборн. матер. для опис. плем. и мѣстн. Кавказа, в. VII, стр. 119).

Въ былинѣ о боѣ Добрыни съ Горынычемъ мѣстообитаніемъ Горыныча выставляются горы Сорочинскія (Гильф., 471, 560, 746, 802), иногда Туги-горы (Гильф., 317, 342). Змѣй живетъ въ этихъ горахъ въ пещерѣ; сюда онъ сноситъ свою добычу, свой полонъ. Иногда Горынычъ изображается летучимъ (Гильф., 315, 472 и др.); когда онъ летитъ, громъ гремитъ, шумъ идетъ (ib., 472, 665); богатыря змѣй осыпаетъ искрами, жжетъ его тѣло (Гильф., 473, 800; Былины стар. и нов. записи, 71). У змѣя три (472) или восемь (665) головъ и 12 (472, 800) или 30 хоботовъ. Въ былинѣ описываются два поединка Добрыни съ змѣемъ; въ первый разъ Добрыня схватился со змѣемъ послѣ того, какъ его водоворотъ рѣки Пучай занесъ въ пещеру, въ которой змѣй живетъ; змѣй

[1]) См. „Этн. Об“., XXIV, 127.

Digitized by Google

даетъ зарокъ не летать въ Русь, не уносить полонъ въ пещеру; Добрыня отпускаетъ змѣя на волю, но онъ летитъ мимо Кіева и уноситъ племянницу Владимира Запаву Путятичну (Забаву Потятицну, З. Потятичну (Гильф., 474, 746, 801) или дочь князя Марфиду Всеславьевну (Гильф., 316) или жену Владиміра Апраксію [1]) (Был. ст. и нов. записи, 72—74). Добрыня ѣдетъ въ горы Сорочинскія (или въ Туги-горы), убиваетъ змѣя и освобождаетъ плѣнницу. У Кирѣевскаго (вып. 2, стр. 49) Добрыня освобождаетъ изъ змѣинаго плѣна свою тетку Марью Дивовну.

Въ статьѣ «Былина о Добрынѣ и монгольское сказаніе о Гэсэрѣ» (въ Вѣсти. Европы, 1890, сент.) мы сдѣлали сближеніе между Добрыней и Ханъ-Гужиромъ буряткой сказки. Здѣсь мы намѣрены дополнить наши сближенія.

Ханъ-Гужиръ ѣдетъ добывать печень Наранъ-Гэрэла; на дорогѣ встрѣчаетъ умирающаго богатыря Хоходоя. Этотъ эпизодъ мы сближали съ эпизодомъ монгольской сказки о Эрдэни-Караликѣ (Этн. Обозр., кн. XVIII, стр. 24). Эрдэни-Хараликъ отправляется за дакини, но сначала онъ долженъ добыть сердце коровы Ракша-Куринъ. По дорогѣ къ этому чудовищу Эрдэни-Хараликъ наѣзжаетъ на толпу ужасныхъ асуровъ. Сближая эти эпизоды, Ракша-Курина мы приравняли къ Наранъ-Гэрэлу; толпа асуровъ, по нашему предположенію, замѣстила Хоходоя. Если мы взглянемъ на русскую былину, какъ на видоизмѣненіе этого сюжета, если Добрыню примемъ за Эрдэни-Харалика, то змѣю Горынычу русской былины въ монгольской сказкѣ отвѣтитъ корова Ракша-Куринъ, которая окружена облаками пара, ею выдыхаемаго, изъ которыхъ сверкаютъ молніи, потрясающія всю страну—образъ, напоминающій нашего Горыныча, сыплющаго искры.

Ракша, первый членъ монгольскаго парнаго, есть санскритское гахаs, особые духи, шатающіеся на кладбищахъ, поѣдающіе сырое мясо и принимающіе различные образы.

Второй членъ «куринъ» какъ будто находится въ связи съ монгольскимъ *ухуръ*, «корова», Коровьи статьи на дальнемъ востокѣ часто присвоиваются злымъ персонажамъ; злому тибетскому царю Ландармѣ, гонителю буддизма, преданіе приписываетъ бычьи рога; злое существо, поѣдающее людей, въ китайскихъ сказаніяхъ носитъ имя Нью-тоу-ванъ, «быкоголовый царь». Въ варіантѣ сказки о Бэгэръ-Меджитѣ, записанномъ мною, царь-насильникъ называется Ухырь-Бама-ханъ, «Корова-Бама-царь» (Очерки с. з. Монгол., II, 154). Ерликъ-ханъ, царь ада, виновникъ смерти людей, изображается съ бычьей головой; это и есть змѣй нашихъ народныхъ представленій.

---

[1]) „Ступила княгиня со бѣла камня на змѣя, обвился змѣй вкругъ рѣзвыхъ ногъ, посадилъ княгиню на могучи плечи и унесъ въ пещеры глубокія“ (Был. ст. нов. записи, 73). Въ былинѣ о Горынычѣ, помѣщенной въ „Извѣстіяхъ“ Имп. Акад. Наукъ по отдѣл. русск. яз. и словесности, т. II, стр. 279, послѣдствія промаха княгини другія: ходила княгиня по крутымъ горамъ, наступила на люта змѣя Горыныча; змѣй обвился вокругъ ноги; княгиня поносъ понесла; чадо провѣщилось: „не дамъ тебя въ обиду змѣю, и когда буду въ возрастѣ, зайду въ пещеры змѣевы, отрублю змѣю голову, принесу тебѣ“.

Digitized by Google

Эпизода, отвѣчающаго встрѣчѣ съ асурами, въ русской былинѣ нѣтъ: но не было ли эпизода въ томъ родѣ, какъ въ сказкѣ о Хоходоѣ или какъ въ эпизодѣ о Рославлевой головѣ русской сказки, которой мы сближаемъ съ разсказомъ о Хоходоѣ? У Чулкова богатырь Агрикановъ завѣщаетъ кладовую съ оружіемъ тому, кто побѣдитъ всѣхъ богатырей нашего тризнѣ. Богатырь умеръ, голова его лежитъ на костяномъ полѣ. Добрыня нашелъ подъ нею ключъ, отперъ кладовую, освободилъ запертого Торопа и добылъ мечъ (Рыбн., II, примѣч. Безсонова къ № 64 [1]).

Эпизодъ о Добрынѣ на костяномъ полѣ могъ стоять въ былинѣ передъ битвой на горахъ Сорочинскихъ подобно тому, какъ Рославлева голова лежитъ на переднемъ пути Еруслана къ царю Пламенный щитъ, Огненное копье, или какъ тѣло Хоходоя на переднемъ пути Ханъ-Гужира къ Наранъ-Гэрэлу. Мы думаемъ, и въ монгольской сказкѣ были тѣ-же образы; Эрдэни-Хараликъ, вѣроятно, наѣзжалъ на богатыря, который находился въ положеніи или Рославлева или Хоходоя; назывался этотъ богатырь въ немощи Асуромъ, или, какъ мы уже высказались ранѣе, Казыромъ (Этногр. Обозр., кн. XVIII, стр. 24), т.-е. Гэсэромъ; но при буддійской обработкѣ сказки это имя напоминало асуровъ, темное племя, живущее при подошвѣ горы Сумеръ и ведущее войну съ тэнгріями, свѣтлыми существами, обитающими на вершинѣ горы, и асуры вытѣснили и прежнее имя, и прежній образъ.

Сравнивая русскую былину съ монгольской сказкой объ Эрдэни-Хараликѣ, мы для двухъ эпизодовъ видимъ параллели, для другихъ двухъ: 1) купанье въ Пучай-рѣкѣ и 2) угонъ лошади и увозъ доспѣховъ богатыря его слугою или роднымъ братомъ Потыкомъ — совсѣмъ нѣтъ соотвѣтствующихъ разсказовъ въ монгольской сказкѣ. Кромѣ того, конецъ монгольской сказкѣ только отчасти отвѣчаетъ русской былинѣ. Добрыня привозитъ женщину, увезенную змѣемъ; въ монгольской сказкѣ Эрдэни-Хараликъ приводитъ дакини, о которой не говорится, чтобъ она была передъ тѣмъ похищена или увезена, хотя подозрѣваетъ подобный видъ редакціи можно. Убіеніе чудовища Ракша-Курина въ сказкѣ ясно не мотивировано. Не потому ли его нужно было убить, что онъ иначе не позволилъ бы увезти дакини? А если въ самомъ дѣлѣ въ сказкѣ проведено сочувственное отношеніе дакини къ ея увозу, какъ это намъ кажется (см. «Этногр. Обозр.», кн. XVIII, стр. 15), то подозрѣніе въ томъ, что дакини находится въ плѣну у злого чудовища Курина, усиливается.

Въ былинѣ, записанной С. И. Гуляевымъ отъ Леонтія Тупицына въ

---

[1]) Торопа, кажется, и теперь еще помнитъ при Добрынѣ олонецкая былина. Въ одной былинѣ мы находимъ такое мѣсто: „Младъ-то слуга да былъ онъ то́ропокъ, а угналъ-то у Добрынюшки добра́ коня, а увезъ-то у Добрынюшки тугой лукъ, а увезъ-то у Добрыни саблю вострую, а увезъ копье да долгомѣрное, а у везъ-то онъ палицу военную, стольки онъ оставилъ одну шляпоньку, одну шляпу-то оставилъ земли греческой“ (Гильф., 315). Первую строку не слѣдуетъ ли напасать такъ: „Младъ-то слуга да былъ онъ Торопокъ“? Въ былинѣ старинной записи Торопъ—слуга Алеши Поповича (Былины стар. и нов. записи, М., 1894, отд. I, стр. 60).

Digitized by Google

Барнаулѣ, второй бой Добрыни со змѣемъ разсказанъ съ подробностями, которыхъ нѣтъ въ другихъ варіантахъ. Хотя уже во время перваго боя змѣй описывается летучимъ, приготовляясь ко второй битвѣ, Горынычъ подвязываетъ себѣ крылья бумажныя. Заслышавъ приближеніе Добрыни, змѣй летитъ навстрѣчу. Тутъ Добрыня «снималъ свои руки на небо, самъ говоритъ таковы слова: Спасъ-ли, Спасъ, Боже милостивый! Мати Пречистая, Пресвятая Богородица! Создай, Господи, дождичка!» Нашла туча, пошелъ дождь, подмочило у змѣя бумажныя крылья, упалъ змѣй на сыру землю (Был. ст. и нов. записи, 75).

Эта же тема встрѣчается и въ былинѣ объ Алешѣ Поповичѣ; у Тугарина Змѣевича бумажныя крылья; по молитвѣ Алеши идетъ дождь, и послѣдствія тѣ же. Въ ордынскомъ фольклорѣ мы имѣемъ слѣдующія параллели. Шидырванъ, монгольскій князь, измѣнникъ противъ китайскаго императора, взятъ въ плѣнъ; его везутъ въ Пекинъ, но онъ улетаетъ изъ рукъ китайцевъ и поднимается на воздухъ; тогда китайскій императоръ велитъ служить молебствіе; слушаетъ и Шидырванъ опускается на землю («Очерки сѣв.-зап. Монгол.», IV, 298). Въ дюрбютской сказкѣ или былинѣ Иринъ-Сайнъ добылъ чернаго быка, въ которомъ заключалась душа или смерть мангыса, чудовища, отчасти соотвѣтствующаго нашему змѣю. Онъ вскрываетъ утробу чернаго быка; изъ нея вылетаетъ двѣнадцать пташекъ и поднимаются къ небу; Иринъ-Сайнъ дѣлаетъ дзаду, т.-е. посредствомъ вѣщаго знанія производитъ ненастье; идетъ желѣзный градъ; все пространство покрылось мракомъ и лучи освѣщали и согрѣвали только небольшой участокъ на сѣдлѣ Иринъ-Сайна; птицы озябли и спустились на это свѣтлое пятнышко. Тутъ Иринъ-Сайнъ убиваетъ ихъ («Очерки сѣв.-зап. Монгол.», IV, 461). Въ буратской сказкѣ объ Алтанъ-шагай-мэргынѣ конь этого богатыря насильно везетъ дѣвицу Гхайханъ-нрэнъ-тарбажи; дѣвица хочетъ освободиться; она вынимаетъ изъ кармана тарбажиныя перья (т.-е. перья степного орла) и, воткнувши ихъ въ свое тѣло, намѣревается улетѣть. Конь зажалъ зубами обѣ ноги дѣвицы и не отпустилъ ее. Привезши дѣвицу къ мѣсту, гдѣ лежали кости убитаго богатыря хозяина, конь опускаетъ дѣвицу на кости. Но она улетаетъ къ небу. Тогда конь рветъ слѣдующими словами: «Эсэгэ-Маланъ-тэнгри! ты, творецъ! Къ этому умершему моему хозяину я привезъ Гхайханъ-нрэнъ-тарбажи, но она, не ожививъ богатыря, вознеслась на небо». Эсэгэ-Маланъ, царь неба, посылаетъ каменный градъ и кровавый дождь; солнце свѣтитъ лишь надъ когтями Алтанъ-шагай-мэргына. Тогда эта дѣвушка, шлепая распростертыми крыльями, опускается на эти кости «(Сказаніе бурятъ, записан. разн. собирателями». Иркутскъ, 1890, стр. 12) [1]).

---

[1]) О другихъ параллеляхъ этой сказки съ дюрбютской объ Иринъ-Сайнѣ, см. въ тѣхъ же „Сказаніяхъ бурятъ“, стр. 133. Въ той же бурятской сказкѣ другой эпизодъ: сынъ Алтанъ-шагай-мэргына Баторъ-сохто-мэргынъ везетъ въ торокахъ злое существо Моисъ-хара (мангысъ-хара?), но оно вдругъ исчезаетъ, и Баторъ видитъ уже его летящимъ подъ небесами; Баторъ стрѣляетъ въ него, и убитое чудовище падаетъ на землю. Не повтореніе ли это предыдущаго разсказа?

Digitized by Google

Небесная дѣва здѣсь названа Ирэнъ-тарбажи, «пестрый степной орелъ». Въ другихъ сказкахъ дѣвицы летаютъ при помощи лебяжьей шкурки; такія лебеди-дѣвы въ тюркскихъ сказкахъ, записанныхъ В. В. Радловымъ въ Сибири, называются *ку-катъ*, гдѣ первый членъ *ку* значитъ «лебедь», по-монгольски *хонгъ* или *хунгъ*. Въ монгольскихъ сказкахъ особаго термина для такихъ существъ мнѣ не встрѣчалось. Есть такія имена: дѣвица Хундагина (т.-е. хунгъ-дакина, «лебедь небесная дѣва?»), въ бурятскомъ сказаніи (Агапитовъ и Хангаловъ, Матеріалы о шаманствѣ, въ «Извѣст. Вост.-сиб. Отдѣла Геогр. Общ.», т. XIV, № 1—2, стр. 17), дѣвица Хунъ-тайжи въ одной дархатской сказкѣ («Очерки с.-з. Монгол.», IV, 530), но на лебединую одежду въ этихъ случаяхъ намека нѣтъ. Впрочемъ, въ легенду о Хунъ-тайжи, помѣщенную въ «Очеркахъ», II, 106, входитъ тема о людяхъ, обращающихся въ птицъ, а въ бурятскомъ преданіи о происхожденіи бурятскаго народа Хонъ-тайджа—имя дѣвы-лебеди, жены Хоридоя, которая съ двумя подругами слетѣла отъ Хонъ-Хормуста-тынгырея на озеро Сайдамто купаться («Иркутск. Губ. Вѣдом.», 1889, № 47). Имя Хунъ-тайжи встрѣчается въ соединеніи съ Дегуренгъ: Дегуренгъ-хунъ-тайжи (Алтанъ-тобчи, въ «Труд. Восточн. Отд. Археолог. Общ.», ч. VI, 40). Tokorung, toxorung по-бурятски—«журавль» (Castren, Versuch ein. Burjat. Sprachlehre, 201); въ якутскихъ сказкахъ часто небесныя дѣвы слетаютъ на землю играть въ видѣ стерховъ, Grus leucogeranus («Зап. Вост. сиб. Отд. Географ. Общ. по этногр.», т. I, в. 3, стр. 74—79, 85 и др.). Съ образомъ дѣвы-лебеди въ Азіи соединялся иногда и демоническій характеръ; см. Катановъ, «Алф. указатель собств. именъ, встрѣчающихся во II т. образцовъ», собран. В. Радловымъ, Спб., 1888, стр. 43. Тройное имя Дегуренгъ-хунъ-тайжи придано въ «Алтанъ-тобчи» мужскому персонажу; въ другихъ случаяхъ Хунъ-тайджи или Сенге-хунъ-тайжи («Очерки с.-з. Монгол., IV, 406, 534; II, 106; Radloff, Proben, II, 381: Kongdajdjy; I, 206 Kongodoi), также есть имя мужского персонажа [1]). Приведенныя данныя представляютъ нѣкоторое основаніе къ предположенію, что съ именемъ Дегуренгъ на востокѣ могло соединяться иногда представленіе, во-первыхъ, о летучемъ, во-вторыхъ, о зломъ существѣ. Въ монгольскихъ преданіяхъ описывается царь, который страдаетъ отъ болѣзни и для излѣченія прибѣгаетъ къ жестокому средству; онъ велитъ убивать въ одномъ варіантѣ лошадей, въ другомъ—младенцевъ (см. «Этногр. Обозр.», кн. XVI, стр. 94, 118, 119); избивателю младенцевъ приписана болѣзнь желудка; все, что онъ ни ѣстъ, остается въ его организмѣ; естественный процессъ извержения отбросовъ прекратился; въ моихъ «Очеркахъ с.-з. Монгол.», IV, 279, помѣщенъ отрывокъ, повидимому, только начало сказки о царѣ, страдающемъ подобною же болѣзнью; царь названъ Сенге-ханъ. Можетъ быть, слѣдуетъ возстановить имя хана въ такомъ видѣ: Дегуренгъ-Сенге-хунъ-тайджи.

[1]) Женскій персонажъ Сайнъ-хунь-тайжи въ „Очеркахъ с.-з. Монгол.“, IV, 530; это царевна, которая была унесена въ подземное царство двадцатипятиголовымъ Атхаръ-хара-мангысомъ; ее освобождаетъ оттуда Китытъ-ху („сынъ китайва“,—вѣроятно, позднѣйшее искаженіе изъ древне-эпическаго Китанъ-ханъ).

Digitized by Google

Персонажъ, летающій по воздуху и опускающійся на землю по вѣщей силѣ противника, встрѣчается въ буддійской легендѣ о состязаніи двухъ учителей о вѣрѣ. Въ послѣднее путешествіе я записалъ (отъ бурята будды Р. Рабданова), очевидно, книжную ламайскую легенду о состязаніи Арьянъ-дивы съ еретикомъ Пàхалой или Пàкулой.

Въ большой индійскій монастырь Наландара прибылъ еретикъ Пàхала (Пàкула) и сталъ проповѣдывать ученіе, противное ученію Будды. Онъ торжествовалъ во всѣхъ диспутахъ, и монахи испугались, что имъ придется уступить. Сакіусомъ (духомъ покровителемъ) монастыря былъ богъ Махагала или Гомбо (Гомбогуру). Монахи привязали къ ворону, птицѣ бога Махагала, письмо, которое воронъ долженъ былъ отнести къ Арьянъ-дивѣ, жившему уединенно въ пещерѣ. Въ этомъ письмѣ они звали учителя прибыть въ монастырь для состязанія съ еретикомъ. Арьянъ-дива прибылъ и вступилъ въ споръ. Къ сожалѣнію, мой разсказчикъ забылъ содержаніе диспута и запомнилъ только одинъ образчикъ спора. Пахала по обряду своего ученія началъ омывать свое тѣло. Арьянъ-дива спросилъ его: «Что ты дѣлаешь?» — «Смываю съ себя свои дурные поступки», отвѣчалъ Пахала. Тогда Арьянъ-дива наполнилъ золотой сосудъ нечистотами и началъ мыть сосудъ снаружи. Теперь Пахала Арьянъ-диву спрашиваетъ: «Что ты дѣлаешь?» Арьянъ-дива отвѣчаетъ: «Въ сосудѣ нечистоты; хочу смыть ихъ». — «Какъ же ты хочешь, неразумный», говоритъ Пахала, «смыть то, что внутри, мóя только наружность?» — «А какъ же ты», возразилъ Арьянъ-дива, «грѣхи, коренящіеся внутри тебя, хочешь смыть внѣшнимъ омовеніемъ своего тѣла?» Пахала былъ побѣжденъ и долженъ былъ бѣжать; онъ могъ летать и полетѣлъ. Арьянъ-дива полетѣлъ за нимъ. Пахала долетѣлъ до края сансары (т.-е. внѣшняго міра). Арьянъ-дива кричитъ ему: «Пахала, остановись! Ты долетѣлъ до края сансары. Если не вѣришь, брось свои волосы впередъ себя.» Пахала бросилъ, и они обратились въ прахъ. Пахала повернулъ назадъ и спустился въ монастырь Наландара. Здѣсь Арьянъ-дива заточилъ его. Въ комнатѣ заточенія Пахала нашелъ всѣ книги Ганьчжура и Танчжура; чтеніе ихъ убѣдило его въ правотѣ ученія Будды; онъ началъ каяться и сочинилъ «покаянную молитву», которая и теперь читается ламами. Другой мой разсказчикъ (неграмотный монгоъ изъ княжества Абага), передавая варіантъ этой легенды, еретика назвалъ Девàдаттой. Когда ученіе Будды начало распространяться, его братъ Девàдатта пришелъ въ одинъ монастырь и началъ учить какъ разъ напротивъ тому, чему училъ Будда. Многіе уже обратились къ его ученію. Тогда Арьянъ-дива, чтобы уничтожить ересь Девàдатты, отправился въ тотъ монастырь, гдѣ проповѣдывалъ Девàдатта. Дорогой одинъ человѣкъ далъ ему кошку, другой масло. Пришедши въ монастырь, Арьянъ-дива вступилъ въ состязаніе съ Девадаттой; Девàдаттѣ помогали мыши; Арьянъ-дива выпустилъ кошку, мыши испугались и убѣжали, и Арьянъ-дива одержалъ верхъ [1]).

[1]) Въ статьѣ „Акирь повѣсти и Акирьсказавія“ (Этн. Об. XXV) мы поставили въ параллель съ мышами, оказывающими помощь человѣку, волковъ бурятской сказки, дѣлающихъ то-же. Волки-покровители находятся въ бурятской сказкѣ о гонимыхъ дѣтяхъ вельможи Таба-ярья. Съ однимъ изъ дѣтей этого Таба-ярья

Digitized by Google

У Девàдатты было зеркало, смотря въ которое Девàдатта видѣлъ письмена, читалъ ихъ и при ихъ помощи одерживалъ верхъ въ состязаніяхъ. Арьянъ-дива пролилъ на зеркало масло, и оно перестало давать совѣты. Опять Арьянъ-дива побѣдилъ Девàдатту.

Легенда о спорѣ Арьянъ-дивы съ Пахалой находится въ книгѣ Дараната: Исторія буддизма въ Тибетѣ (В. Васильевъ, Буддизмъ, III, стр. 92—94). Арьянъ-дива названъ Аръядева, вмѣсто Пахалы стоитъ браминъ Дурдашакāла. Когда браминъ Дурдаршакāла прибылъ въ Шрī-Нāланда, то буддисты не могли съ нимъ состязаться и, написавъ пригласительное письмо къ Аръядевѣ, принесли жертву Махāкāлѣ. Тогда изъ сердца кумира Махāкāлы вылетѣлъ воронъ, къ шеѣ котораго привязали письмо, и онъ, полетѣвъ на югъ, вручилъ его Аръядевѣ. Прибывъ въ Нāланду, учитель началъ продолжительный споръ съ противниками ученія Будды и трижды одержалъ верхъ. Когда Дурдаршакāла хотѣлъ съ помощью заклинаній убѣжать по воздуху; учитель связалъ его заклинанія и, схвативъ, посадилъ въ одномъ храмѣ вмѣсто тюрьмы. И эта версія кончается полнымъ обращеніемъ еретика.

Въ редакціи, записанной мною, оба противника летятъ; у Дараната летитъ только одинъ еретикъ; объ Аръядевѣ не сказано, летитъ ли и онъ такие или остается на мѣстѣ. Если тутъ нѣтъ пропуска, то редакція Дараната будетъ ближе къ русской былинѣ, гдѣ летаетъ только змѣй, а Добрыня или Алеша остаются на землѣ[1]). Если мы будемъ сравнивать русскую былину съ буддійской легендой, то соотвѣтствіе персонажей будетъ такое: Добрыня отвѣчаетъ Аръядевѣ, а змѣй Горынычъ—Пахалѣ ни Дурдаршакāлѣ.

Въ русской былинѣ какъ будто заключаются и другія отраженія буддійской легенды, кромѣ этого эпизода о летаніи. Въ былинѣ женщина (въ одномъ случаѣ она названа Марьей Дивовной) заточена въ пещерѣ. Въ буддійской легендѣ Аръядева заточаетъ въ тюрьму Пахалу; впрочемъ, Аръядева и самъ сидитъ въ пещерѣ отшельникомъ (самбава), и воронъ отправленъ вызвать его изъ этого добровольнаго заточенія. Купанье Добрыни въ Пучай-рѣкѣ, которое въ параллельныхъ мѣстахъ другихъ былинъ, напримѣръ въ былинѣ о Васильѣ Буслаевѣ, имѣетъ смыслъ омовенія грѣховъ (въ рѣкѣ Ердани), было бы, конечно, натяжкой сравнивать съ омо-

---

связана тема о драгоцѣнности, вырѣзываемой изъ трупа, плывущаго по рѣкѣ; эта же тема и въ сказкѣ „Арджи-Борджи“, но въ этой послѣдней трупъ плываетъ по рѣкѣ, воды которой внезапно поднялись. О Пучай-рѣкѣ не говорится, чтобъ уровень ея поднялся; но это есть въ былинѣ о Добрынѣ и рѣкѣ Смородинѣ.

[1]) Соперникъ Чингисъ-хана, шаманъ Тубутъ-тэнгри, повидимому, обладалъ способностью если не летать, то другимъ способомъ подниматься на небо. У Рашидъ-Эддина о немъ говорится, что онъ на бѣлой лошади верхомъ ѣздилъ на небо. Шаманъ самъ о себѣ говорилъ: „Я хожу на небо“ (Труды Вост. Отд. Археолог. Общ., ч. V, стр. 159).

Digitized by Google

веніемъ грѣшнаго тѣла, которое совершаетъ Пахала [1]), но воронъ легенды, можетъ быть, находится въ какой-нибудь, хотя и отдаленной связи съ птицей, являющейся въ другой былинѣ о Добрынѣ, именно о его продолжительной отлучкѣ. Добрыня гдѣ-то вдали отъ своего дома, во время его отсутствія Алеша Поповичъ собирается овладѣть его женой; это временное торжество Алеши соотвѣтствуетъ торжеству Пахалы. Въ буддійской легендѣ объ этомъ злѣ летитъ сообщить воронъ; въ русской былинѣ о торжествѣ противника Добрыни извѣщаютъ голуби (Рыбн., I, 163; II, 17) или воронъ, сидящій на дубу (Кирѣевскій, в. 2, 123).

Г. Потанинъ.

---

[1]) Секта, къ которой принадлежалъ Пахаха, какъ будто была похожа на христіанскую секту имеробаптистовъ, которые придавали исключительное значеніе омовенію, какъ человѣческаго тѣла, такъ и посудѣ, одровъ и сѣдалищъ; секта будто бы была основана Іоанномъ Крестителемъ, и къ ней принадлежалъ Симонъ-волхвъ, который будто бы былъ первымъ ученикомъ Іоанна Крестителя.

Digitized by Google

Мусульманское сказаніе о св. Георгіи по Ат-Табари.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Когда 15 лѣтъ назадъ нижеподписавшійся работалъ надъ монографіей о св. Георгіи, къ которой академикъ А. Н. Веселовскій немного позднѣе предложилъ такія цѣнныя исправленія и дополненія къ своихъ «Разысканіяхъ въ области русскихъ духовныхъ стиховъ» (Приложенія къ XXXVII т. Зап. Имп. Ак. Н. № 3, 1880 г.), изслѣдователямъ не былъ извѣстенъ оригиналъ извѣстной хроники Табари, а только персидское ея сокращеніе въ переводѣ Цотенберга. Въ настоящее время издается арабскій подлинникъ Табари по лучшимъ рукописямъ. Но такъ какъ спеціалисты по исторіи русской, западноевропейской и византійской литературы, къ сожалѣнію, очень рѣдко бываютъ знакомы съ восточными языками, то памятникъ огромной важности, старательно и обстоятельно пересказывающій массу христіанскихъ легендъ въ редакціяхъ не позднѣе первой половины IX вѣка, памятникъ, способный во многихъ случаяхъ радикально измѣнить наши почти общепризнанныя гипотезы, часто основанныя, за неимѣніемъ лучшаго, на такомъ хрупкомъ базисѣ, какъ остроуміе и на такихъ непрочныхъ доводахъ, какъ сравнительная хронологія рпп. второго тысячелѣтія нашей эры, памятникъ способный дать намъ солидныя основы для рѣшенія иныхъ вопросовъ, передъ которыми мы до сихъ поръ только разводили руками, все же *для насъ* остается какъ бы не изданнымъ.

Къ счастію, между оріенталистами встрѣчаются такіе великодушные люди, которые не отказываются иногда посвящать часть своего поистинѣ драгоцѣннаго времени—кто не знаетъ, какъ у нихъ обширна жатва для самостоятельныхъ открытій и какъ мало дѣлателей!—на ознакомленіе большой публики съ сокровищами востока. Одинъ изъ нихъ даетъ намъ теперь точный переводъ житія св. Георгія по изложенію Аттабари. Приносимъ ему нашу глубокую благодарность.

Считаемъ не лишнимъ отмѣтить главнѣйшія отличія этого перевода житія Побѣдоносца сравнительно съ тѣмъ его видомъ, въ какомъ академикъ А. Н. Веселовскій и нижеподписавшійся были знакомы съ Табари по переводу Цотенберга (Кирпичниковъ: «Св. Георгій и Егорій Храбрый» СПБ. 1879 стр. 13 и слѣд.; А. Н. Веселовскій, l. c. стр. 23 и слѣд.)

Царь, мучившій св. Георгія, здѣсь называется Дазанка (у Z. Dâdyânê).

Кстати замѣчу: суфф. этого имени *an*, сохранившійся во всѣхъ апокрифическихъ редд. житія св. Георгія, не повліялъ-ли на имя *Дакьянусъ*, которое придано въ логученскомъ сказаніи о спящихъ отрокахъ (см. Зап.

Digitized by Google

Вост. Отд. Имп. Русск. Арх. Общ. VIII, 3—4, 1894 стр. 226 и слѣд.) тирану (въ основѣ лежитъ имя Декія)?

Здѣсь, какъ въ латинскихъ текстахъ, мученіямъ предшествуетъ преніе.

Въ темницу къ св. Георгію вмѣсто Христа здѣсь приходитъ ангелъ Господень.

Первая смерть св. Георгія предшествуетъ борьбѣ съ магами.

Магъ пытается посредствомъ ядовитаго напитка обратить святого въ собаку (въ христіанскихъ текстахъ—отравить его), но тотъ только утоляетъ имъ свою жажду.

Чудо надъ быкомъ (у Z. корова). Схоластики здѣсь нѣсколько ближе къ христіанскимъ редакціямъ

Сильный вихрь и ужасы въ природѣ, наступившіе послѣ второй смерти св. Георгія, ближе подходятъ къ нашимъ духовнымъ стихамъ, нежели какая либо другая полная редакція житія.

Эпизодъ о воскресеніи мертвецовъ до поразительности сходенъ съ латинскими текстами. Говорящій здѣсь называется *Юбилъ*, а не *Tubil*, какъ у *Z.*, и въ виду близости этой формы къ *Jobius*, *Jovis* латинскихъ текстовъ, я долженъ взять назадъ свое предположеніе о первоначальности формы съ *T.* Таркаблина, предлагающій Георгію воскресить мертвецовъ, есть, безъ сомнѣнія *Tranquillinus* Галликанскаго текста.

При третьей смерти Георгія здѣсь роль играетъ не колесо, какъ въ христіанскихъ редакціяхъ, и не колесница, какъ у Z., а нѣчто вродѣ ея катокъ, усаженный кинжалами.

Истребленіе идоловъ пересказано обстоятельнѣе, чѣмъ у *Z.*, но также близко къ христіанскимъ редакціямъ.

Казнь царицы здѣсь представляетъ, можетъ быть, пропускъ (въ христ. редд. она обезглавлена).

Казнь язычниковъ и кончина мученика изложены здѣсь осмысленнѣе, нежели въ славянскихъ и латинскихъ версіяхъ: тамъ истребленіе мучителей предшествуетъ смерти св. Георгія и является такимъ образомъ нелѣпой вставкой; здѣсь огненный дождь, *начавшій* падать съ неба, возбуждаетъ злобу язычниковъ, которые и убиваютъ святого, аок окончательное истребленіе ихъ заключаетъ разсказъ.

А. Кирпичниковъ.

Ат-Табари Абду Джафаръ Мухаммедъ бенъ Джариръ въ своемъ сочиненіи „Хроника о пророкахъ и царяхъ“ (во II томѣ 1 серіи, ст. 795 — 813, по изд. J. Berth и Th. Nöldeke) говоритъ:

Житіе Джирджиса. [1])

Джирджисъ, какъ говорятъ, былъ одинъ изъ благочестивыхъ рабовъ Божіихъ родомъ изъ Палестины, и жилъ еще при послѣднихъ учени-

[1]) Т. е. св. Георгія. Произношеніе „Джирджисъ“ и „Джерджисъ“ одинаково имѣетъ свои основанія.

Digitized by Google

кахъ Исâ (т.-е Іисуса, сына Маріи). Онъ былъ купцомъ и пріобрѣталъ торговлею столько, что не только не нуждался въ помощи, но даже удѣлялъ отъ своего достатка бѣднымъ. Однажды Джирджисъ отправился въ Мусулъ, гдѣ, какъ передалъ намъ Ибнъ Хамидъ со словъ Салямата по разсказамъ Ибнъ-Исаака бенъ-Мунаббега и другихъ ученыхъ, царемъ тогда былъ Дâзâна, который уже владѣлъ всею Сиріей и отличался своею надменностью и высокомѣріемъ. Наравнѣ съ собою Дазана никого не ставилъ, кромѣ боговъ. По этому благочестивый мужъ Джирджисъ съ немногими вѣрными скрывали свою вѣру; они помнили ученіе Апостоловъ, среди которыхъ они прежде жили. У Джирджиса было много денегъ и огромная торговля; но онъ очень щедро раздавалъ милостыню, и бывали такіе дни, когда онъ раздавалъ все свое имущество и у него ничего уже не оставалось; тогда онъ вновь брался за торговлю и, какъ только, бывало, возьмется, пріобрѣтаетъ вдвое больше прежняго. Таково было его матеріальное положеніе. Онъ любилъ работать и пріобрѣтать деньги только для раздачи милостыни, въ противномъ же случаѣ онъ предпочиталъ бы бѣдность богатству.

Боясь, чтобы многобожники не причиняли ему непріятностей за его вѣру, или чтобы они не соблазняли его, онъ не довѣрялся ихъ покровительству и отправился къ самому Мусула со своими богатствами, намѣреваясь поднести ихъ царю съ тѣмъ, чтобы только одинъ этотъ царь былъ его повелителемъ. Въ то время, когда Джирджисъ пришелъ къ царю, послѣдній возсѣдалъ (на тронѣ) въ кругу своихъ вельможъ; здѣсь, по его приказанію, былъ разведенъ огонь, приготовлены всѣ орудія пытки и поставлена статуя Аполлона, предъ которую приводили народъ, и того, кто не хотѣлъ ей поклониться, жгли на огнѣ и подвергали разнымъ пыткамъ. Увидѣвъ, что дѣлаетъ царь, Джирджисъ возмутился и далъ себѣ слово бороться за вѣру; Богъ внушилъ ему ненависть къ царю и рѣшимость бороться съ нимъ. Принесенныя съ собою богатства для поднесенія царю онъ раздалъ своимъ единовѣрцамъ, не оставивъ у себя ничего; а бороться съ царемъ онъ рѣшилъ не при помощи денегъ, но жертвуя собою для этого.

Выбравъ моментъ, когда царь былъ въ сильномъ гнѣвѣ и смущеніи, Джирджисъ подошелъ къ нему и сказалъ: «знай, что ты, рабъ изъ рабовъ, не властенъ ни надъ собой, ни надъ другими, что надъ тобою Богъ, который правитъ и тобой и другими. Онъ Тотъ, Кто сотворилъ тебя, питаетъ тебя, даруетъ жизнь и ее отнимаетъ; Онъ посылаетъ тебѣ добро, и зло. А ты выбралъ себѣ одно изъ Его твореній, по Его приказанію созданное, глухое, нѣмое, которое не говоритъ, не видитъ, не слышитъ, не можетъ дѣлать ни добра, ни зла, которое не замѣнитъ тебѣ Бога. Его разукрасилъ ты золотомъ и серебромъ и соблазнилъ имъ народъ; ему ты сталъ поклоняться, а не Богу, назвавъ его богомъ, и заставляешь рабовъ Божіихъ ему поклоняться».

И многое подобное сказалъ царю Джирджисъ о величіи Бога, о славѣ Его, и о томъ, что не слѣдуетъ поклоняться идоламъ. Выслушавъ все

Digitized by Google

это, царь спросилъ Джирджиса: «кто ты и откуда ты пришелъ?» «Я рабъ Божій, отвѣчалъ онъ, «сынъ раба и рабыни Его, самый ничтожный изъ Его рабовъ, самый бѣдный изъ нихъ; изъ праха я сотворенъ и въ землю отыду». Затѣмъ онъ разсказалъ царю, что его привело сюда и кто онъ. Послѣ этого Джирджисъ призывалъ царя поклониться истинному Богу и отказаться отъ поклоненія идоламъ; а царь призывалъ Джирджиса поклониться тому идолу, котораго самъ почиталъ, и сказалъ ему: «если твой Богъ, о Которомъ ты думаешь, что Онъ Царь царей, таковъ, какъ ты его описалъ, тогда были бы видны на тебѣ Его дѣянія, подобно тому, какъ мои дѣянія видны на окружающихъ меня царяхъ. Джирджисъ отвѣтилъ: «славенъ и великъ Богъ нашъ! Какъ ты можешь сравнить Таркаблина и то, что онъ пріобрѣлъ, служа тебѣ, — а Таркаблинъ вѣдь занимаетъ самое высокое положеніе въ твоемъ государствѣ, — съ Иліею и тѣмъ, что онъ заслужилъ у Господа Бога! Илія былъ простой, человѣкъ ѣлъ простую пищу, пѣшкомъ ходилъ по улицамъ; по благодати же Божіей онъ одѣлся перьями и свѣтомъ, изъ человѣка сталъ ангеломъ небеснымъ и земнымъ и леталъ съ ангелами..... Скажи мнѣ, какъ ты можешь сравнить твоего вельможу Маджлитыса и получаемое имъ по твоей милости благо съ Мессіей, сыномъ Маріи, и дарованное ему по Божіей милости благо; ибо Богъ возвысилъ Его надъ всѣми людьми и поставилъ Его и Его народъ примѣромъ для правовѣрныхъ». Тутъ онъ разсказалъ ему житіе Мессіи и о дарованной Ему Богомъ милости. «Скажи мнѣ также», продолжалъ онъ, «какъ ты можешь сравнить Матерь Этого Благого Духа, которую Богъ избралъ для Своего Слова, Которой утробу Онъ освятилъ для Своего Духа, Которую Богъ предпочелъ всѣмъ женамъ и полученную Ею награду за служеніе Богу — съ Іезавелью и съ тѣмъ, что она получила отъ тебя? Она была одной націи, одной вѣры съ тобою, была могущественною царицей, но Богъ оставилъ ее,—и собаки растерзали ее въ ея жилищѣ, лизали ея кровь, лисицы и волки растасканы члены ея тѣла» Царь сказалъ: «ты разсказываешь мнѣ о томъ, что намъ не извѣстно; приведи мнѣ этихъ двухъ мужей, о которыхъ ты упомянулъ, чтобы мнѣ увидѣть ихъ и послѣдовать ихъ примѣру; ибо я не вѣрю, чтобы это могло быть среди людей». Джирджисъ отвѣтилъ: «ты не вѣришь вслѣдствіе твоего самообольщенія; этихъ же двухъ людей ты не увидишь, и они тебя не увидятъ до тѣхъ поръ, пока не будешь поступать, какъ они поступали. Тогда только ты удостоишься узрѣть ихъ лица». Царь сказалъ: «мы привели наше оправданіе, и намъ ясна твоя ложь; ибо ты хвастался тѣмъ, чего не могъ доказать». Затѣмъ онъ предложилъ Джирджису на выборъ—подвергнуться пыткамъ, или поклониться Аполлону и получить за это награду. Джирджисъ отвѣтилъ: «если Аполлонъ воздвигъ небесный сводъ и т. д. (онъ перечислилъ всѣ дѣянія Бога), то ты правъ и даешь мнѣ добрый совѣтъ; если же нѣтъ, то погибни, проклятый нечестивецъ»! Услышавъ, какъ поноситъ Джирджисъ его и его боговъ, царь сильно разгнѣвался и приказалъ, воздвигнувъ доску, прибить къ ней Джирджиса и чесать желѣзными гребнями, раздирая его тѣло, обливая раны уксусомъ и обмазывая горчицей. Но, видя, что все это не

Digitized by Google

можетъ умертвить его, царь приказалъ вбить въ его голову шесть раскаленныхъ до-бѣла большихъ желѣзныхъ гвоздей. При этомъ мозгъ Джирджиса текъ изъ головы его, но смерть не наступала. Тогда царь приказалъ принести большой мѣдный котелъ и развести подъ нимъ огонь; когда котелъ раскалился до-бѣла, онъ велѣлъ бросить въ него Джирджиса и закрыть, пока котелъ не остынетъ. Но все же Джирджисъ остался живъ. Послѣ этого царь призвалъ его и сказалъ: «что ты скажешь относительно испытанныхъ тобою мученій?—«Я тебѣ сказалъ», отвѣтилъ онъ, «что есть Богъ, Который сильнѣе тебя; Онъ облегчилъ мнѣ мои страданія и далъ мнѣ терпѣніе, чтобы убѣдить тебя въ справедливости моихъ словъ». Послѣ этихъ словъ царь испугался дурныхъ послѣдствій отъ этого для себя и своего царства и рѣшился навѣки заключить его въ тюрьму. Но нѣкоторые изъ его приближенныхъ замѣтили: «если ты оставишь его въ тюрьмѣ съ нѣкоторой свободой, то онъ будетъ говорить съ народомъ и, можетъ быть, возмутитъ его противъ царя; поэтому прикажи, чтобы въ тюрьмѣ подвергали его пыткамъ, не давая говорить съ народомъ.

И, по приказанію царя, Джирджиса въ тюрьмѣ положили лицомъ къ полу, привязавъ за руки и за ноги желѣзными цѣпями къ четыремъ желѣзнымъ коламъ, а на спину взвалили мраморную цилиндрообразную глыбу. Эту глыбу брались нести 7 человѣкъ и не могли, затѣмъ 14 и тоже не могли, наконецъ 18 ее принесли и взвалили ему на спину. И такъ Джирджисъ провелъ весь день. Когда же наступила ночь, послалъ Богъ Своего Ангела (и это было первый разъ, что Джирджисъ получилъ откровеніе и видѣлъ ангеловъ); ангелъ снялъ съ него камень и оковы, напоилъ, накормилъ, благословилъ и утѣшилъ; а утромъ вывелъ его изъ тюрьмы и сказалъ: «отправляйся къ твоему врагу и борись съ нимъ за вѣру; ибо Господь Богъ тебѣ говоритъ: радуйся и терпи; Я буду испытывать тебя въ продолженіе 7 лѣтъ черезъ этого моего врага. Онъ подвергнетъ тебя разнымъ мукамъ и четыре раза убьетъ тебя; три раза Я воскрешу тебя, а въ четвертый приму твою душу и вознагражу тебя». Незамѣтно для невѣрныхъ, Джирджисъ появился между ними и сталъ призывать ихъ къ Богу. «Джирджисъ-ли ты?» спросилъ у него царь». «Да, я Джирджисъ», отвѣтилъ тотъ. «Кто вывелъ тебя изъ тюрьмы»?—«Вывелъ меня Тотъ, Чья власть выше твоей». Услышавъ это, царь пришелъ въ ярость и потребовалъ всѣ мучительные снаряды. При видѣ этихъ орудій его мученія, Джирджисъ смутился, но вскорѣ овладѣлъ собою и громко сталъ упрекать себя въ малодушіи.

Послѣ этого его растянули между двумя столбами и, начиная съ головы, перепилили его по-поламъ; каждую половину разрѣзали на нѣсколько частей и бросили въ ровъ, гдѣ находились львы, числомъ семь. Это былъ одинъ изъ многочисленныхъ видовъ его пытокъ. Но, по внушенію Господа Бога, львы не тронули его тѣла, преклонили свои головы и стали на заднія лапы, какъ бы оберегая его отъ расхищенія. И такъ оставался Джирджисъ до вечера. Это была первая смерть, которую онъ испыталъ. Ночью Господь Богъ собралъ куски его тѣла вмѣстѣ, воскресилъ его, и послалъ ангела вывести его изо рва, накормить, напоить, благословить

Digitized by Google

и утѣшить. На утро Ангелъ воскликнулъ: «о, Джирджисъ!» — «Я», отвѣтилъ тотъ. Ангелъ продолжалъ: «Всемогущій, Который сотворилъ Адама изъ праха, приказалъ извлечь тебя изо рва, ступай къ твоему врагу, борись съ нимъ за вѣру и умирай терпѣливо'» И вотъ, когда идолопоклонники праздновали смерть Джирджиса, онъ внезапно явился среди нихъ. «Какъ этотъ человѣкъ похожъ на Джирджиса»! говорили они про него другъ другу. «Онъ отъ насъ не скроется», сказалъ царь, «вѣдь это самъ Джирджисъ! Развѣ вы не видите его спокойствія духа и пренебреженія къ намъ»!— «Да», сказалъ Джирджисъ, «это дѣйствительно я. Вы, нечестивые, надругались надо мной и умертвили меня. Но Господь Богъ по милосердію Своему воскресилъ меня. Обратитесь же къ этому Богу, Который показалъ вамъ свои чудеса!»

Услышавъ это, они говорили другъ другу: «вѣроятно чародѣй околдовалъ наши руки и глаза, такъ что мы не можемъ его одолѣть, соберемъ всѣхъ чародѣевъ страны»!

Когда они собрались, царь сказалъ главному изъ нихъ: «покажи мнѣ самое большое изъ твоихъ чародѣйствъ!» Чародѣй велѣлъ привести быка, дунулъ ему въ одно ухо, и изъ одного уха стало два. Затѣмъ онъ дунулъ въ другое ухо, и вмѣсто одного быка стало два. Потомъ потребовалъ пшеничныя зерна и, пока ихъ принесли, вспахалъ поле; затѣмъ посѣялъ пшеницу, и, когда нива созрѣла, онъ собралъ жатву, вымолотилъ, смололъ, замѣсилъ тѣсто, испекъ хлѣбъ и съѣлъ его. Все это въ одинъ часъ.

Послѣ этого царь сказалъ: «можешь ли ты обратить этого человѣка (указывая на Джирджиса) въ животное?»

— «Въ какое?» —спросилъ чародѣй. «Въ собаку»,—отвѣтилъ царь. «Прикажите принести чашу съ водой», сказалъ чародѣй. Когда принесли чашу, онъ дунулъ въ нее и обратился къ царю со словами: «прикажи Джирджису выпить эту воду». И Джирджисъ выпилъ все, что было въ чашѣ, до дна. «Какъ ты себя чувствуешь?» спросилъ чародѣй у Джирджиса. «Очень хорошо», отвѣтилъ послѣдній, «я очень хотѣлъ пить, и Богъ утолилъ этимъ мою жажду, чтобы я могъ бороться съ вами». Тогда чародѣй обратился къ царю и сказалъ: «если бы ты боролся съ человѣкомъ, подобнымъ тебѣ, ты навѣрное побѣдилъ бы. Но ты борешься со Всемогущимъ, Повелителемъ небесъ и земли, съ Царемъ царей, Которому нѣтъ равнаго». Когда чародѣй кончилъ свою рѣчь, одинъ изъ приближенныхъ царя, котораго болѣе всѣхъ уважалъ народъ, всталъ и сказалъ: «будете-ли вы меня слушать, если я вамъ скажу нѣсколько словъ?» — «Да, будемъ», отвѣчали они всѣ. Тогда онъ началъ такъ: «вы называли дѣянія этого человѣка колдовствомъ и думаете, что онъ околдовалъ ваши руки и глаза, такъ что вамъ только казалось, что вы его мучите, а на самомъ дѣлѣ ваши пытки ему ничего не сдѣлали, такъ что вамъ только казалось, что вы его убили, а на самомъ дѣлѣ онъ остался живъ. Но развѣ вы видѣли когда нибудь, чтобы какой-либо чародѣй могъ отвратить отъ себя смерть, или чтобы онъ могъ оживить мертваго?» Затѣмъ онъ, сравнивая ихъ чародѣйства съ чудесами Джирджиса разсказалъ имъ слѣдующую исторію: «Одна бѣдная женщина, услыхавъ про Джирджиса и его чудеса, пришла къ

Digitized by Google

нему въ то время, когда онъ былъ въ самомъ стѣсненномъ положеніи, и сказала ему: «Я бѣдная женщина. У меня былъ единственный быкъ, который составлялъ все мое имущество и все мое пропитаніе; когда однажды я пахала на немъ, онъ околѣлъ; и вотъ я пришла къ тебѣ съ просьбою, чтобы ты пожалѣлъ меня и попросилъ у Господа Бога оживить моего быка». Джерджисъ заплакалъ и сталъ молить Бога умилосердиться надъ нею и оживить ея быка. Потомъ, давъ ей палку, сказалъ: «ступай туда, гдѣ палъ твой быкъ, ударь его этой палкой со словами: «оживись по соизволенію Всевышняго Бога». - «О, Джерджисъ!» возразила она, уже прошло нѣсколько дней съ того времени, какъ мой быкъ околѣлъ: должно быть, его растаскали дикіе звѣри; и, кромѣ того, я очень далеко живу отъ тебя». — «Ничего», сказалъ Джерджисъ, «если ты найдешь только хоть одинъ его зубъ и ударишь его этой палкой, онъ оживетъ по соизволенію Бога». И вотъ она отправилась туда, гдѣ палъ ея быкъ, и нашла тамъ отъ него одинъ рогъ и волосы съ его хвоста. Сложивъ вмѣстѣ, она ударила по нимъ палкой и сказала то, чему научилъ ее Джерджисъ. Быкъ ея ожилъ и она стала опять пахать на немъ». Это и многое другое выставлялъ вельможа, какъ аргументы противъ ихъ невѣрія. «Изъ твоихъ словъ видно», сказали идолопоклонники, «что ты послушался ученія Джерджиса». «Съ тѣхъ поръ, какъ я увидѣлъ этого человѣка», возразилъ онъ, «дѣянія его показались мнѣ въ высшей степени сверхъестественными». — «Можетъ быть», сказали тѣ, «онъ соблазнилъ тебя?» — «Да», отвѣтилъ тотъ, «я вѣрю въ Истиннаго Бога и призываю его во свидѣтели того, что я отказываюсь поклоняться вашимъ богамъ». Тогда царь и его приближенные вскочили, напали на него съ кинжалами и отрѣзали у него языкъ, распустивъ слухъ, что онъ умеръ отъ чумы прежде, чѣмъ могъ вымолвить слово.

Дж-съ, видя, что идолопоклонники скрываютъ истинную причину смерти вельможи, выступилъ передъ народомъ и открылъ ему, какъ было дѣло, разсказавъ ему и рѣчи покойнаго вельможи, благодаря чему 4000 человѣкъ послѣдовали его вѣрѣ. «Онъ былъ дѣйствительно правъ въ томъ, что проповѣдывалъ», говорили въ народѣ, «да помилуетъ его Господь Богъ!» Но царь велѣлъ перехватать новообращенныхъ, надѣть на нихъ оковы, подвергнуть пыткамъ, надругаться надъ ними и перебить всѣхъ до послѣдняго. Покончивъ съ ними, царь взялся за Джерджиса. «Молись Твоему Богу, чтобы Онъ воскресилъ ихъ, такъ какъ ты причина ихъ смерти!» сказалъ онъ Джерджису. «Богъ избралъ для нихъ лучшую участь», отвѣтилъ Джерджисъ, «избавивъ ихъ отъ тебя». Тогда одинъ изъ вельможъ, по имени Маджлитысъ, сказалъ Джерджису: «ты думаешь, Джерджисъ, что Твой Богъ сотворилъ міръ и воскрешаетъ людей; я попрошу у тебя одного чуда: если Твой Богъ его исполнитъ, я повѣрю въ Него, повѣрю тебѣ, и избавлю тебя отъ пытокъ моихъ единовѣрцевъ. Вотъ мы сидимъ на 14 креслахъ, передъ нами стоитъ столъ, а на немъ—бокалы, тарелки и другія деревянныя вещи—все это изъ различныхъ родовъ дерева. Попроси Твоего Бога, чтобы Онъ привелъ все это въ первоначальный ихъ видъ, чтобы они стали зелеными и мы могли бы различить каждое дерево по цвѣту, по

Digitized by Google

листьями и плодами». Джерджисъ отвѣтилъ: «ты просишь дѣла, труднаго для насъ сътобой, но для Бога это легко». Джерджисъ помолился Господу и, пока они сидѣли еще на своихъ мѣстахъ, кресла и посуда со столомъ зазеленѣли, пустили корни, одѣлись корою, обросли вѣтвями, покрылись листьями, зацвѣли и дали плоды, такъ что каждое дерево можно было узнать по виду, по цвѣту и по плодамъ. Увидѣвъ это, язычники возмутились и тотъ же Маджлитысъ, который просилъ чуда, взялся его мучить, сказавъ: «я проучу этого чародѣя, чтобы пытка была для него напоминаніемъ его чародѣйства». Взявъ мѣди, онъ сдѣлалъ изъ нее фигуру на-подобіе быка, пустую внутри, помѣстительную, набилъ ее нефтью, свинцомъ, сѣрой и мышьякомъ, посадилъ туда Джерджиса и развелъ подъ этой фигурой огонь, поддерживая его до тѣхъ поръ, пока все, что было внутри, расплавилось и смѣшалось. Тамъ и погибъ Джерджисъ. Въ это время Богъ послалъ сильный вѣтеръ, который нагналъ черныя тучи, при чемъ безпрерывно гремѣлъ громъ, сверкала молнія и шелъ сильный дождь среди шума и мрака, такъ что не было видно ни неба, ни земли. Все кругомъ погрузилось въ тьму, и такъ прошло нѣсколько сутокъ, когда нельзя было различать дня и ночи. Тогда послалъ Богъ своего ангела Михаила, который взялъ эту мѣдную фигуру, гдѣ былъ Джерджисъ, поднялъ ее и ударилъ о землю. Раздался страшный трескъ, отъ котораго всѣ жители Сиріи пришли въ сильный страхъ и попадали на землю; трескъ этотъ въ одинъ и тотъ же часъ былъ услышанъ всѣми. Фигура разбилась и Джерджисъ вышелъ изъ нея — живымъ

Когда онъ сталъ говорить передъ язычниками, тьма разсѣялась и они опомнились. Одинъ изъ нихъ, по имени Таркаблина сказалъ: «Джерджисъ! мы не знаемъ, кто творитъ эти чудеса, ты или Твой Господь; если это Онъ, попроси Его воскресить нашихъ покойниковъ; въ этихъ могилахъ передъ тобою лежатъ наши покойники; нѣкоторыхъ мы знаемъ, а другіе умерли еще до насъ; попроси Господа воскресить ихъ такими, какими они были раньше, и мы будемъ разговаривать съ ними. Своихъ знакомыхъ мы узнаемъ, а незнакомые разскажутъ намъ про себя.» Джерджисъ сказалъ: «Сколько разъ Богъ былъ къ вамъ снисходителенъ, показывая вамъ Свои чудеса, для того, чтобы обличить васъ въ невѣріи, чѣмъ вы заслуживаете Его гнѣвъ». Затѣмъ онъ приказалъ открыть могилы, собрать кости, обломки костей и прахъ, и сталъ молиться. Язычники не успѣли сдѣлать ни одного движенія, какъ появились 17 человѣкъ, въ числѣ которыхъ было 9 зрѣлыхъ мужей, 5 женщинъ и 3 мальчика. Джерджисъ обратился къ самому старому изъ нихъ съ вопросомъ: «старецъ, какъ тебя зовутъ?» — «Меня зовутъ Юбликъ», отвѣтилъ тотъ. — «Когда ты умеръ?» — продолжалъ Джерджисъ.— «Я жилъ, отвѣтилъ старецъ, во время такого-то и такого-то». Сосчитали и оказалось, что онъ умеръ 400 лѣтъ тому назадъ. Видя это, царь и его приближенные разсуждали, что не осталось уже ни одной пытки, которой-бы они не подвергали Джерджиса, кромѣ голода и жажды, и рѣшились на это. Съ этою цѣлью они избрали домикъ одной бѣдной старухи, откуда онъ не могъ убѣжать; у этой старухи былъ сынъ слѣпой, глухой, безногій. Джерджиса заключили въ этотъ домикъ безъ пищи и питья.

Digitized by Google

Мучимый голодомъ, онъ обратился къ старухѣ и сказалъ: «нѣтъ-ли у тебя чего-нибудь поѣсть или попить?» — «Нѣтъ» отвѣтила та, «клянусь богами, у насъ уже нѣсколько дней нѣтъ ни пищи, ни питья; я пойду и попрошу для тебя что-нибудь поѣсть». — «Знаешь ли ты Бога», спросилъ ее Джерджисъ. — «Да», отвѣтила она. — «Ты признаешь Его?» — продолжалъ онъ. — «Нѣтъ». Тогда онъ призвалъ ее поклониться Ему, и она увѣровала и отправилась поискать для него пищи. Домикъ ея опирался на деревянный столбъ. Джерджисъ сталъ молиться Богу и скоро этотъ столбъ зазеленѣлъ, и на немъ выросли всевозможные плоды и овощи, даже ляба [1]) и фасоль.

На столбѣ выросла большая вѣтвь, которая покрыла своими листьями домикъ и все, его окружающее. Когда онъ кушалъ эти плоды съ удовольствіемъ, старуха вернулась домой и, увидѣвъ, что произошло въ ея отсутствіе, воскликнула: «я вѣрю въ того, Кто накормилъ тебя въ домѣ голода! Попроси Этого Великаго Бога исцѣлить моего сына!» — «Принеси его ко мнѣ поближе!» — приказалъ онъ. Когда она это исполнила, онъ плюнулъ ему въ оба глаза и тотъ прозрѣлъ, дунулъ въ оба уха и глухота его пропала; «исцѣли ему языкъ и ноги!» продолжала просить старуха, «Богъ тебя вознаградитъ!» — «Оставь это, ибо настанетъ для этого великій день.»

Однажды царь пошелъ прогуляться по городу и, замѣтивъ дерево, сказалъ своимъ спутникамъ: «я вижу здѣсь дерево, котораго прежде на этомъ мѣстѣ не было!» — «Это дерево», отвѣтили они, «выросло для того колдуна, котораго ты хотѣлъ уморить голодомъ, а онъ въ свое удовольствіе ѣстъ съ него и кормитъ бѣдную женщину, да кромѣ того исцѣлилъ ея сына!» Тогда царь приказалъ разрушить домъ и срубить дерево. Когда собирались его рубить, оно по повелѣнію Божію высохло и обратилось опять въ столбъ, который они и оставили.

А Джерджиса царь приказалъ растянуть лицомъ къ землѣ и привязать къ четыремъ кольямъ. Затѣмъ онъ велѣлъ сдѣлать катокъ, усаженный по поверхности кинжалами и ножами, впречь въ него 40 быковъ и прогнать ихъ черезъ Джерджиса, который былъ такимъ образомъ разрубленъ на три части. Одну изъ нихъ царь приказалъ сжечь на огнѣ, а золу послалъ бросить въ море; когда это было исполнено, послышался голосъ съ неба, говорящій: «море, Богъ приказываетъ тебѣ беречь этотъ благоухающій прахъ; Я желаю вновь воскресить его!» Вѣтеръ, посланный Богомъ, извлекъ золу изъ моря и собралъ ее въ одно мѣсто въ такомъ видѣ, какъ и прежде.

Посланные увидѣли, что зола зашевелилась и не успѣли уйти, какъ всталъ изъ золы Джерджисъ живой; стряхнувъ съ себя прахъ, онъ присоединился къ нимъ и они отправились вмѣстѣ назадъ. Возвратившись къ царю, они разсказали ему о голосѣ, который его оживилъ, и о вѣтрѣ, который его собралъ.

---

[1]) По словамъ Абу Джафара, ляба — растеніе, водящееся въ Сиріи; зерна его съѣдобны.

Digitized by Google

Тогда царь спросилъ: «не хочешь-ли ты, Джерджисъ, согласиться на то, что для насъ обоихъ будетъ лучше? Если бы только народъ не говорилъ, что ты взялъ верхъ надо мною, я послѣдовалъ бы за тобою и повѣрилъ бы тебѣ; но ты поклонись, хоть одинъ разъ Аполлону, или принеси ему хоть одну овечку въ жертву—затѣмъ, я сдѣлаю, что тебѣ угодно.» Услышавъ предложеніе царя, Джерджисъ возымѣлъ сильное желаніе уничтожить идола во время жертвоприношенія и въ надеждѣ, что царь приметъ истинную вѣру, когда будетъ уничтоженъ его идолъ, обманулъ царя и сказалъ: «если тебѣ угодно, веди меня къ твоему идолу, я ему поклонюсь и принесу жертву!» Царь обрадовался, подошелъ къ нему и, поцѣловавъ его въ руки, въ ноги и въ голову сказалъ: «я требую, чтобы ты пробылъ этотъ день и эту ночь въ моемъ домѣ и на моей постели, среди моей семьи, чтобы тебѣ отдохнуть отъ пытокъ и чтобы люди видѣли, какъ ты мнѣ дорогъ.» И царь отдалъ ему въ распоряженіе свой дворецъ, куда переселился Джерджисъ. Ночью Джерджисъ сталъ молиться и пѣть псалмы. У него былъ прекрасный голосъ и, когда жена царя услыхала его пѣніе, стала волушиваться, и онъ не замѣтилъ, какъ она уже стояла за нимъ и плакала.

Джерджисъ призывалъ ее къ вѣрѣ въ Бога, и она увѣровала, но онъ ее просилъ скрывать пока свою вѣру. Утромъ рано его повели въ капище поклониться идоламъ. Между тѣмъ старуха, въ домѣ которой былъ заключенъ Джерджисъ, узнавъ, что Джерджисъ, соблазнился и предпочелъ блага міра истинной вѣрѣ и что ради этого онъ отправился въ капище поклониться идоламъ, пошла туда же, неся на плечахъ своего сына и упрекая Джерджиса за отступничество; народъ не замѣчалъ ее. Войдя въ капище, Джерджисъ замѣтилъ въ первыхъ рядахъ старуху съ ея сыномъ на плечахъ и позвалъ къ себѣ его по имени. Тотъ внезапно заговорилъ, хотя до сихъ поръ онъ былъ нѣмъ. Затѣмъ онъ слѣзъ съ плечъ матери и пошелъ къ Джерджису, хотя раньше никогда не ступалъ на свои ноги.

Когда мальчикъ подошелъ къ Джерджису, послѣдній приказалъ ему: «пойди и позови ко мнѣ этихъ идоловъ.» Эти идолы въ числѣ 71 стояли тамъ на золотыхъ подножіяхъ; кромѣ этихъ идоловъ, язычники поклонялись также солнцу и лунѣ. «Какъ же мнѣ обратиться къ идоламъ?» спросилъ у Джерджиса мальчикъ. «Скажи», отвѣтилъ онъ: «Джерджисъ заклинаетъ васъ именемъ Вашего Творца придти къ себѣ.» По зову мальчика идолы покатились къ Джерджису и стали передъ нимъ. Джерджисъ топнулъ ногою объ землю и всѣ они провалились. Изъ одного идола выскочилъ Иблисъ (дьяволъ) и побѣжалъ мимо Джерджиса; въ это время послѣдній схватилъ его за чубъ и воскликнулъ: «о проклятый нечистый духъ! Что заставляетъ тебя губить себя и людей? Развѣ ты не знаешь, что тебѣ и ангеламъ твоимъ уготованъ адъ!» Иблисъ отвѣтилъ: если бы мнѣ предложили на выборъ—владѣть всѣмъ, что на землѣ и подъ землею, или соблазнить хоть одного человѣка на одинъ мигъ, я предпочелъ бы этотъ мигъ и получилъ бы столько удовольствія и наслажденія, сколько не получаютъ всѣ творенія, вмѣстѣ взятыя. Развѣ ты не знаешь, что Богъ приказалъ Говрінлу, Михаилу, Исраэилу, всѣмъ ангеламъ и силамъ небеснымъ поклониться

Digitized by Google

твоему предку Адаму, а я отказался и никогда не буду людямъ поклоняться; вѣдь я выше ихъ!» Тогда Джерджисъ отпустилъ его; съ тѣхъ поръ Иблисъ болѣе не пытался въ идоловъ изъ опасенія провалиться и, какъ говорятъ, и впредь не будетъ прятаться.

Видя все это, царь обратился къ Джерджису со словами: «ты обманулъ меня и погубилъ моихъ боговъ!» «Я это намѣренно сдѣлалъ», отвѣтилъ Джерджисъ, «для того, чтобы ты опомнился и понялъ наконецъ, что если бы эти боги были дѣйствительно такими, какъ ты говоришь, то они бы защитились отъ меня. А между тѣмъ твои боги не могли бороться даже со мною, слабымъ человѣкомъ, ничего не имѣющимъ, кромѣ благодати Божіей.» Когда Джерджисъ окончилъ свою рѣчь, заговорила царица, ибо теперь наступило время исповѣдать открыто свою вѣру и призвать язычниковъ къ Богу. Перечисливъ всѣ чудесныя дѣянія Джерджиса, она воскликнула: «чего не еще ожидаете вы отъ этого человѣка? Развѣ только того, чтобы, по его молитвѣ, земля поглотила васъ и вы погибли, какъ и ваши идолы! Берегитесь, берегитесь вы!» — «Горе тебѣ, Александра!» отвѣтилъ царь, «какъ скоро—всего въ одну ночь—совратилъ тебя волшебникъ сей! Я же боролся съ нимъ семь лѣтъ, и онъ не могъ меня совратить».— «Правда,» возразила она, «но развѣ ты не видишь, что онъ побѣдилъ тебя властью, данной ему Богомъ!» Разгнѣванный царь приказалъ распять ее на той-же доскѣ, на которой прежде распинали Джерджиса, и такъ же чесать ее желѣзными гребнями; почувствовавъ мученія, она просила Джерджиса помолиться Богу о смягченіи ея страданій. «Взгляни на небо!» — сказалъ ей Джерджисъ.

Она посмотрѣла и улыбнулась. «Отчего ты улыбаешься?» спросилъ ее Джерджисъ. «Я вижу надо мной двухъ ангеловъ,» отвѣтила она, «которые держатъ небесную корону, ожидая, когда душа моя вылетитъ изъ тѣла, дабы украсить ее этой короной и вознести на небеса.» Когда Господь Богъ принялъ душу царицы, Джерджисъ сталъ на колѣни и началъ молиться: «Боже, ты избралъ меня для этихъ испытаній, дабы наградить меня сообразно заслугамъ мучениковъ Твоихъ; но, о, Боже, молюсь тебѣ, не дай мнѣ умереть, пока не отомстишь этому надменному народу; пошли ему такую казнь, какой еще не было примѣра, чтобы я могъ утѣшиться и удовлетвориться Твоею казнью. Господи! Прошу Тебя услышать молитву всякаго, кто молится тебѣ, упоминая мое имя, и даровать ему утѣшеніе и облегченіе». Когда Джерджисъ окончилъ свою молитву, Богъ послалъ на язычниковъ огненный дождь; въ гнѣвѣ и злобѣ язычники бросились тогда на Джерджиса съ мечами и убили его. Это была четвертая смерть, обѣщанная Джерджису Богомъ.

Когда городъ со всѣми его жителями сгорѣлъ и остался одинъ пепелъ, Господь Богъ перевернулъ эти мѣста вверхъ дномъ и долгое время еще послѣ этого выходилъ оттуда смрадный дымъ; всякій, подышавшій этимъ дымомъ, заболѣвалъ, каждый особенною болѣзнью.

Всѣхъ увѣровавшихъ въ Джерджиса и погибшихъ съ нимъ было 3400 человѣкъ, и жена царя, да помилуетъ ее Богъ.

Перев. *М. О. Аптая.*

Digitized by Google

Примѣчанія.

Считаю необходимымъ снабдить свой переводъ нѣкоторыми примѣчаніями. Прежде всего коснусь арабской формы греческихъ именъ.

Арабскій алфавитъ имѣетъ особыя начертанія (т.-е. буквы) для обозначенія всѣхъ согласныхъ звуковъ, но изъ гласныхъ звуковъ обозначаются буквами только долгіе: краткіе на письмѣ не выражаются и лишь подразумѣваются. Такая система графики, довольно удобная для словъ чисто арабскихъ, произношеніе которыхъ арабу извѣстно, представляетъ большія затрудненія, когда арабу приходится передавать своею азбукою слова иностранныя, въ томъ числѣ собственныя имена. Читатель, имѣя передъ собой, напр., начертаніе «Стрмн» (Στρυμών), скорѣе всего прочтетъ «Сатарман», потому что такое произношеніе соотвѣтствуетъ духу его языка; и если писецъ желаетъ, чтобы читатель произнесъ это греческое имя сколько-нибудь по-гречески, онъ долженъ написать: «Иструмун». Такимъ образомъ, встрѣчая въ арабской транскрипціи или въ устномъ арабскомъ произношеніи какое-либо иностранное имя, мы не должны думать, что въ языкѣ, изъ котораго это имя заимствовано, оно звучало непремѣнно такъ-же. Отсюда является очень полезной вещью — сдѣлать нѣкоторыя разъясненія насчетъ собственныхъ именъ въ «Житіи Джирджиса».

Джирджисъ. Пишется «Джрджӣс», Словарь «Китâб уль-иълâм фи асмâ иль-аълâм» признаетъ, какъ правильныя, чтенія: 1) Джирджӣс (по новѣйшей фонетикѣ это можетъ звучать и «Джерджûс»), 2) Джӯрджӣс (Джорджӣс), 3) съ обоими краткими «и» послѣ обоихъ «дж», 4) съ краткими «у» («о») послѣ обоихъ «дж». Кромѣ того очень обычна форма: «Джурджӣ» (Джорджӣ).

Дâзâна. Конечное краткое «а» (иначе: «е») изображено буквой, которая можетъ читаться и «г» (лат. h). По другимъ рукописямъ, царь называется «Дâдâна» и «Дâδâна» Вѣроятно, между «Декій» и «Дâзâна», промежуточной стадіей было «Дакіанъ».

Юбиль. Въ одномъ изъ манускриптовъ, послужившихъ лейденскимъ издателямъ Табари, это имя пишется «Йубиль», каковое начертаніе можно произнесть такъ, какъ произнесъ я, и кромѣ того не исключается чтеніе: Ювабûль, Яубûль, Юбайль и т. д. Въ другихъ манускриптахъ въ началѣ имени стоитъ не буква «Й» (она изображается посредствомъ зубца съ подписанными двумя точками), а только зубецъ, въ силу чего возможно здѣсь предполагать не только «й», но также одну изъ слѣдующихъ буквъ: б, н, ѳ, т. Одинъ изъ манускриптовъ, дѣйствительно, имѣетъ здѣсь «т», потому-то у Цотенберга: «Тубиль». Есть, наконецъ, и такой манускриптъ, гдѣ подъ «б» и подъ «н» нѣтъ надлежащихъ точекъ, а къ конечному «ль» присоединена черточка, въ силу чего является написаніе: «Йусек» (=Юсек, Яусек, Яваск и т. п.). Изъ всего сказаннаго вытекаетъ, что проф. Кирпичниковъ могъ бы съ извѣстнымъ правомъ не отказываться отъ своей прежней гипотезы («Тубиль»).

Таркаблина—это наиболѣе естественное арабское произношеніе напи-

Digitized by Google

санія «Трѣблина», которое у перваго написавшаго читалось, должно быть, «Трабилина», т.-е. Tranquillinus. Одна изъ рукописей даетъ чтеніе: «Трибилина». Очень вѣроятно также, что указанными арабскими начертаніями передается имя: Taraclinus.

Маджлитысъ. Пишется «Мджлит'ис» и «Мхлит'ис». Быть можетъ, надо здѣсь видѣть Magnentius? или Maxentius?

Аполлонъ. Написано: Аѳаллӯн (Звука и буквы «п» у арабовъ нѣтъ). Обычное произношеніе—«Аѳаллӯн».

Іезавель—Избӣль.

Александра—Искидре (Искандере).

Кромѣ правильнаго отношенія къ арабской транскрипціи чужихъ именъ, изслѣдователямъ Георгіевой легенды полезно будетъ и слѣдующее свѣдѣніе:

Многими своими чертами Георгій Табаріева сказанія приближается къ Хыдру (иначе: Хадыръ, Хазыръ), и поэтому фольклористы къ своимъ изслѣдованіямъ о Георгіи привлекаютъ также мусульманскія сказанія о Хыдрѣ. Въ извѣстной степени это очень основательно и можетъ опираться даже на авторитетъ извѣстнаго лексикографа Фирузабади, который говоритъ, что, по мнѣнію большинства людей, Хыдръ и Джирджисъ — это одна и та-же личность (Фирузабади жилъ въ XIV в.). Но тотъ же Фирузабади прибавляетъ, что нѣкоторые отождествляютъ Хыдра съ пророкомъ Иліей («Ильяс»), а другіе думаютъ, что Хыдръ жилъ во времена Моисея и былъ его пріятелемъ. Послѣднее толкованіе (его придерживается, между прочимъ, Харири въ своей «Сандской Макамѣ») ищетъ себѣ опоры даже въ одномъ мѣстѣ Корана. Противъ отождествленія Хыдра съ Иліей говоритъ одно мѣсто у Кемаль-уд-дина Абуль Ганаима, жившаго раньше Фирузабади, автора «Суфійской терминологіи»; онъ отмѣчаетъ, что Илія—символъ серіозности, тогда какъ Хыдръ—символъ веселья. Небезынтересна арабская поговорка: «онъ — словно Хыдръ: вездѣ присутствуетъ, все видитъ». (поговорка приведена и у Фирузабади). Гаммеръ, обративши вниманіе на значеніе имени «Хыдръ» («зеленый») и на тождество его съ персидскимъ «себз», пріурочилъ Хыдра къ фригійскому «Σαβάζιος» и отсюда къ Митрѣ. См. Hammer: Geschichte der schönen Redekünste Persiens, Wien 1824. Ср. изслѣдованіе Windischmann'a: «Mithra».

Въ заключеніе коснусь не новаго, конечно, вопроса о томъ, насколько вѣрно могла сохраниться у Ат-Табари христіанская окраска легенды. Табари черпалъ свѣдѣнія у ибнъ-Хамида, а тотъ—у Селямата (сирійца Шеляне?), а тотъ—у ибнъ-Исхака и «другихъ ученыхъ». Значитъ, источникъ «Житія Джирджиса»—тотъ же, что и Табаріевыхъ апокрифовъ объ Іисусѣ (которые, замѣчу мимоходомъ, уже переведены на русскій языкъ и приготовлены къ печати однимъ изъ моихъ учениковъ); а въ нихъ семитскія имена являются въ такой грецизированной формѣ, которая ясно показываетъ, что историкъ, предшественниковъ Табари, имѣлъ передъ собою греческую рукопись.

М. А.

(Читано въ засѣданіи Восточной Коммиссіи Московскаго Императорскаго Археологическаго Общества).

Digitized by Google

Послѣднее мнѣніе румынскаго ученаго о происхожденіи названія „Влахъ".

(Ar. Densusianu. Originea cuvêntuluĭ Vlachû. Revistacriticâ-literarâ, anul 1894. nr. I, pag. 1—15).

Подъ именемъ „Волохъ" — въ старину, „Валахъ"—въ болѣе позднее время, русскіе знали жителей современной Румыніи, безъ различія этнографическаго и политическаго дѣленія между Молдованами, населяющими восточную половину княжества и сосѣднія съ нимъ земли: Буковину, Бессарабію, Добруджу, т. е. территорію прежняго княжества Молдавіи, — и собственно Валахами, жителями западной половины королевства и сосѣднихъ съ нимъ земель, т. е. территоріи прежняго княжества Валахіи. Въ русскихъ памятникахъ на протяженіи многихъ вѣковъ слово „Волохъ" встрѣчается всегда почти съ однимъ и тѣмъ же значеніемъ, напр. Волохи, земля Волосская, законы Волошскіе, грамоты Волосскія, языкъ Волошскій и т. п. Другія названія появляются въ позднее время и встрѣчаются весьма рѣдко. Такъ, напримѣръ, въ извѣстномъ сказаніи Ѳеодора Курицына, Дракулъ называется воеводой Мутьянскимъ. Созвучіе словъ „Мутьянскій" и „Молдавскій" дало мысль проф. Ѳ. Буслаеву сказать, что „Мутьянскою землею у насъ въ старину называли Молдавію" (Русская Хрестоматія; стр. 222-я); въ то же время „Мунтянами" называютъ себя жители западной половины королевства, т. е. собственно Валахи, какъ жители горъ, горцы (рум. muntiĭ = горы). Мунтянами ихъ называютъ и Молдоване восточной половины королевства. А названія „Молдавіа" „Молдоване" появляется наряду съ „Волохи" только въ XVIII вѣкѣ, раньше же встрѣчается совершенно случайно и не всегда послѣдовательно, напр. у русскихъ паломниковъ.

О происхожденіи самого термина „Влахъ" существуетъ много самыхъ разнообразныхъ теорій, изъ которыхъ ни одна не даетъ серьезно-научнаго объясненія. Въ своей статьѣ „О происхожденіи слова Влахъ" Ар. Денсушяну, профессоръ Ясскаго университета, даетъ новое объясненіе, которое, благодаря богатому матеріялу и удачному пользованію имъ, устанавливаетъ несомнѣнно вѣрное происхожденіе слова „Влахъ" и позволяетъ считать себя и послѣднимъ мнѣніемъ.

Свою статью румынскій ученый начинаетъ заявленіемъ, что всѣ почти историки, писавшіе о Румыніи, предлагали свои объясненія названія „Влахъ", которое сопровождаетъ Румыновъ съ незапамятныхъ временъ до

Digitized by Google

настоящаго времени. Но всѣ эти теоріи интересны только по своимъ самымъ смѣлымъ, и подчасъ курьезнымъ, предположеніямъ. Одни производили слово „Влахъ“ отъ имени римскаго полководца Флакка, прославившагося своими побѣдами въ древней Дакіи, другіе — отъ германскихъ словъ: Валли, Вальки, Валиски, а одинъ писатель производитъ даже отъ слова Latini, говоря, что приставленіемъ въ началѣ слова звука V получилось слово Vlassi. Далѣе, одни производятъ слово „Влахъ“ отъ древне-италійскаго племени Вольсковъ, другіе—отъ галльскаго Volcae Tectosages (Caes. Bell. Gall. VI, 24), третьи—просто отъ Галлъ, Кертингъ и его предшественники—отъ древне-германскаго слова Valh, что значитъ рабъ, пятые отъ славянскаго корня *влад* (владѣти, владъ=господинъ), шестые отъ латинскаго прилагательнаго validus=сильный, седьмые—отъ готскаго корня val=господствовать и т. д. Наконецъ, Пикте, а за нимъ Томашекъ видятъ въ словѣ „Влахъ“ корень, общій съ санскритскимъ mlecha=варваръ. Домыслы писателей болѣе новыхъ даютъ результаты вродѣ приведенныхъ и научнаго значенія не имѣютъ.

Свое изслѣдованіе Ар. Денсушіяну начинаетъ двумя вопросами, которые сразу ставятъ задачу на научно-критическую почву и даютъ направленіе началу работы.

Вопросъ первый: кто называлъ и называетъ теперь Румына Влахомъ? Оказывается, что сами Румыны никогда не называли себя Влахами, а для этого у нихъ существуютъ терминны: Румынъ, Арумынъ — въ Болгаріи, Румеръ—въ Истріи и Ромаръ—въ древности. Влахами же называютъ Румынъ сосѣдніе чужіе народы, напр., Нѣмцы говорятъ Валахъ, Славяне Волохъ, Венгры—Олахъ и т. д. Второй вопросъ является ужъ самъ собою: почему Румыны не называютъ себя Валахами? Съ перваго же взгляда можетъ показаться, что слово „Влахъ“ имѣетъ что-то оскорбительное для Румына; то же оказывается и на самомъ дѣлѣ: Валахъ—слово бранное, насмѣшливое. Такъ, Нѣмцы со словомъ „Влахъ“ соединяютъ самые нелестные эпитеты: глупый, лѣнивый, вонючій Влахъ. Такія же названія можно слышать и въ Венгріи. Саксонцы называютъ Румынъ въ насмѣшку Блохами и Блешами. Такой же смыслъ это прозвище имѣетъ и у другихъ народовъ и въ другихъ странахъ, сосѣднихъ съ Румынами: Кроаціи, Далмаціи, Герцеговинѣ, Босніи и Истріи. Важно еще то, что изъ всѣхъ романскихъ народовъ одни Румыны получили такое прозвище и удерживаютъ его до послѣдняго времени. Спрашивается: когда слово „Влахъ“ появилось впервые?

Въ Паннонскихъ Житіяхъ, слѣдовательно въ концѣ IX вѣка, Румыны въ первый разъ названы Влахами (у Dümler'a); съ такимъ же названіемъ являются они чрезъ столѣтіе позже, а именно, у византійскаго хрониста Кодрена (ed. Bonn. II, p. 435). Съ тѣхъ поръ названіе „Влахи“ встрѣчается все чаще и чаще. Но для того, чтобы слово сдѣлалось этнографическимъ терминомъ, нужно, чтобы само это слово существовало раньше. И вотъ, авторъ изслѣдованія видитъ слово „Влахъ“ въ названіи предмѣстья г. Константинополя, а затѣмъ часовни и чудотворной Иконы Влахернской (Βλαχέρναι); а это названіе встрѣчается у хрониста

Digitized by Google

Кандида Исаврійскаго, т. е. во второй половинѣ V вѣка (ed. Bonn, p. 475), затѣмъ—у Агатія, Прокопія и у другихъ, а одинъ хронистъ—Пахимеръ говоритъ, что „Константинопольскія предмѣстья полны Влаховъ“ (Βλαχικὸν γένος) (II, p. 106). Слѣдовательно, слово „Влахъ“, сдѣлавшееся топическимъ терминомъ, существовало еще раньше.

Среди подписей лицъ, участвовавшихъ на совѣтѣ въ Сардикѣ т. е. въ 347 году (Фотій. Miriobiblion, p. 1423), читается — „Antenodorus, a Dacia, de Blacena.“ Это—имя одного изъ пяти епископовъ Дакіи, а слово „de Blacena“ авторъ считаетъ производнымъ отъ Βλαχὸς, тѣмъ вѣроятнѣе, что Дакія—родина румынскаго элемента. Интересно, что слово „Влахъ,“ какъ этнографическій терминъ, появляется на Фракійско-Иллирійскомъ полуостровѣ, т. е. тамъ, гдѣ римскій элементъ соприкасался съ греческимъ. Это заставляетъ автора изслѣдованія думать о греческомъ происхожденіи самого слова „Влахъ“ и обратиться къ греческимъ авторамъ. Прежде чѣмъ приступить къ изысканіямъ въ этой области, авторъ ставитъ вопросъ: послѣдняя дата, сопровождавшая названіе „Влахъ“—средина IV вѣка; разъ предположено греческое происхожденіе слова, даннаго народу латинскаго происхожденія, вопросъ является самъ собою — нельзя-ли найти это слово тамъ и тогда, когда Греки впервые познакомились съ Римлянами?

Вмѣстѣ съ появленіемъ Римлянъ на памяти исторіи на Италійскомъ полуостровѣ, его южную часть населяютъ Греки-колонисты, давшіе даже названіе занимаемой ими территоріи, а именно — Великой Греціи. У Катона Старшаго (234 — 149 г. до Р. Хр.), въ одномъ отрывкѣ, сохранившемся въ передачѣ историка Плинія, говорится (XXIX 1,7), что Греки считаютъ Римлянъ народомъ грубымъ, варварами: nos quoque dictitant barbaros, et spurcius nos quam *alios opicos*, appellatione foedant. Въ этомъ выраженіи понятны всѣ слова, за исключеніемъ одного слова opicos, которое, уже по первому взгляду, должно означать бранное прозвище, насмѣшку. Нѣсколько мѣстъ у схоліастовъ — Квинтиліана и Ювенала подтверждаютъ это впечатлѣніе: ясно, что у Грековъ, въ ихъ классическую еще эпоху, слово ὀπικὸς означало: простякъ, неучъ, мужикъ, варваръ и т. п. Такой же точно смыслъ имѣетъ слово opicus и у латинскихъ писателей, напр. у Геллія (Noctes Atticae, II. 21, 4), изъ котораго авторъ изслѣдованія приводитъ три отрывка. Такъ какъ Катонъ не называетъ прямо того прозвища, которое Греки дали Римлянамъ, при первомъ знакомствѣ съ ними во время войны, а говоритъ только, что прозвище еще оскорбительнѣе слова opicus, — то Ар. Денсушяну ставитъ вопросъ: не хотѣлъ ли Катонъ упомянуть о словѣ „Влахъ“? У Аристотеля, въ передачѣ одного грамматика XI вѣка—Suida, находимъ поговорку: „*безполезнѣе, чѣмъ Влахъ*“. „Говорятъ“, передаетъ грамматикъ, „что оно (т. е. слово) взято отъ названія рыбы, похожей на сома (σιλούρῳ), настолько никому *непригодной*, что ее не ѣли даже собаки. Другіе производятъ (это слово) отъ мѣстности (области—χωρίον) вблизи Кумъ, носившей названіе Влахія (Βλαχεία), о которой упоминаетъ Аристотель. И въ Александріи «влахенноміонъ» назывался родъ налога, который

Digitized by Google

платили астрологи *какъ простяки*" (Michaelis Apostolii, cent V, prov. 65). Такимъ образомъ, всѣ три объясненія слова „Влахъ" даютъ въ результатѣ одно и то же. Такъ какъ въ области г. Кумъ, носившей, по Аристотелю, названіе Влахіи, жило племя, которое впослѣдствіи называлось Осками, то является возможность предположить, что слова Катона слѣдуетъ отнести къ тѣмъ же Оскамъ, которые раньше назывались Опиками. Слово opicus авторъ сближаетъ съ именемъ богини плодородія, жены Сатурна, которая въ римской миѳологіи называлась Ops; а такъ какъ это же имя Ops является также со значеніемъ terra = земля (у Исидора—Orig. VIII. 11, 59. XIV. 1,1), то въ названіи opicus авторъ видитъ синонимы словъ: мужикъ, поселянинъ, земледѣлецъ. Приступая къ объясненію названія мѣстности Βλαχεία, встрѣтившагося въ отрывкѣ изъ Аристотеля, авторъ выписываетъ четыре слова изъ Исихія, грамматика IV вѣка: Βλᾶξ=μωρὸς, т. е. простой, Βλαχεία=μαλαχία, Βλᾶχα=ἔνιοι προβατῶδη, Βλαχεύει=διατρίβει, μωραίνει, νωθρῶς τι ποιεῖ (H. Stephanus. Thesaur. gr. linguae). То же значеніе этихъ словъ даютъ и словари новѣйшихъ ученыхъ—нѣмецкихъ и французскихъ, и латинскій грамматикъ II вѣка Фестъ; такъ что авторъ изслѣдованія предполагаетъ, что у Римлянъ это слово существовало наравнѣ съ латинскими однозначущими словами: stultus и др.

Въ результатѣ изысканій Ар. Денсушяну, оказывается, что его первоначальное предположеніе нашло себѣ опору, т. е. что слова βλάξ и ὀπικός впервые появились тамъ, гдѣ Греки встрѣтились съ Римлянами, и что оба эти слова—синонимы.

Такимъ образомъ, весьма понятно, что образованные и промышленные Греки называли въ насмѣшку „Влахами" некультурныхъ и непредпріимчивыхъ Римлянъ-земледѣльцевъ, какими они были до позднихъ временъ. Далѣе авторъ замѣчаетъ, что это оскорбительное для Римлянъ прозвище, какъ будто исчезаетъ, по крайней мѣрѣ, не встрѣчается въ памятникахъ, на пространствѣ того времени, пока Римъ былъ сильной державой. Когда палъ Римъ и возвысилась Византійская имперія, прозвище «Влахъ» снова выступаетъ и нерѣдко появляется у византійскихъ историковъ. Такимъ образомъ, это прозвище сопровождало названіе Римлянъ только въ первое время ихъ исторической жизни, до тѣхъ поръ пока въ своей политической и культурной жизни Римляне были варварами въ глазахъ образованныхъ Грековъ.

Слѣдуетъ прибавить, что наша „Повѣсть временныхъ лѣтъ" понимаетъ слово „Влахъ" скорѣе, какъ болѣе *общій этнографическій терминъ*, и обозначаетъ имъ первоначальное населеніе Италійскаго полуострова. Такъ, перечисляя народы, происшедшіе отъ колѣна Афетова, она говоритъ: „Афетово же колѣно и то: Варязи,.. Волохове, Римляне (Нѣмцѣ, Корлязи), Венедици, Фряговѣ и прочіи" (Лѣт. по Ипатск. сп. СПБ. 71 г., стр. 2-я). Весьма правдоподобно, что „Волохове" служитъ общимъ терминомъ для трехъ послѣдующихъ названій народовъ, какъ отраслей одного и того же племени, и что эти три слова объясняютъ общее названіе Волоховъ.

Когда Римъ сталъ державой, когда въ Римъ перешла и греческая

Digitized by Google

культура и Римляне стали образованнымъ народомъ, то смыслъ прозвища „Влахъ“ утратился и слово это не встрѣчается въ примѣненіи къ названію Римлянъ. Когда Грекамъ приходилось сталкиваться съ другими племенами, такими же некультурными, какими были Римляне во время перваго съ ними знакомства, они тоже давали имъ прозвища, часто—съ тѣмъ же смысломъ, но прозвище „Влахъ“ осталось за *Римлянами*, какъ *первоначальнымъ населеніемъ Италіи*. Когда Греки снова познакомились съ простяками-земледѣльцами и пастухами Дунайской долины, говорившими на томъ грубомъ простомъ языкѣ, который существовалъ у Римлянъ въ глухихъ мѣстахъ, въ деревняхъ и провинціяхъ и который считался языкомъ тѣхъ древнихъ Италиковъ, которыхъ Греки прозывали Влахами и Опиками,—тогда снова воскресло прозвище, данное тѣмъ же Римлянамъ тысячелѣтіе тому назадъ. Извѣстно, что главный элементъ современнаго румынскаго языка составляетъ простонародный латинскій языкъ, перешедшій чрезъ колонистовъ къ дакійскимъ племенамъ и сохранившійся въ своей первоначальной чистотѣ, благодаря историческимъ и географическимъ условіямъ. Такимъ образомъ, Румыны появившіеся въ глазахъ Грековъ чрезъ много вѣковъ, какъ-бы удержали за собой это прозвище, тѣмъ болѣе, что уже древніе византійскіе хронисты считаютъ Румынъ итальянскими колонистами (Cinamus. VI. 3). По образу жизни, занятіямъ и языку, Румыны напоминали тѣхъ Римлянъ, которыхъ Исихій, авторъ IV вѣка по Р. Хр., называетъ простяками и пастухами. „Вотъ почему“, говоритъ Ар. Денсушяну, „Валахъ у Византійцевъ значитъ одно и тоже, что пастухъ, а это тождество, какъ доказано раньше, имѣетъ свое начало въ стародавнія времена, еще въ Италіи“ (стр. 14-я).

Слѣдуетъ прибавить, что съ тѣмъ же значеніемъ слово „валахъ“, „влахъ“ перешло и въ славянскіе языки. Такъ, напр. въ сербскомъ языкѣ оно означаетъ пастухъ. Приведемъ нѣкоторыя мѣста изъ грамотъ: въ грамотѣ великаго жупана Стефана Немани, данной Хиландарскому монаст. на Аеонѣ въ 1199 году, говорится: „а вьсече влахь. рб(170) (архим. Леонидъ. Историч. Описаніе сербской царской лавры Хиландари. Чтенія, 68 г., стр. 122-я). Также и въ двухъ дарственныхъ грамотахъ XIV вѣка: „а се власи, конхь. е господинь краль придаль светѣи црькви“ (тамъ же, стр. 25-я), церькви светаго Никиты „оу Баняхь съ селы и съ людьми и съ влахы“ (тамъ же, стр. 33-я).

Въ концѣ своего изслѣдованія Ар. Денсушяну обращаетъ вниманіе на то, что въ Африкѣ, въ той части Туниса, гдѣ теперь лежитъ городъ Кампартъ, еще въ древности существовалъ городъ съ названіемъ Валахія (Hofmann. Lexicon univers.); такъ, по крайней мѣрѣ, передаетъ это названіе арабскій историкъ Марморій.

И вотъ, прозвище-насмѣшка древнихъ италійскихъ племенъ осталась за ихъ потомками, современными Румынами. Интересно также, что Греки, давшіе Италикамъ это прозвище, и въ послѣдующія времена называли имъ *однихъ только Румынъ*, слѣдовательно смыслъ этого слова имѣетъ тѣсную связь съ характеристикой древняго населенія Италіи. Далѣе, современные Греки Валахами никогда не называютъ другіе народы романскаго

Digitized by Google

происхожденія, напр. Итальянцевъ, Французовъ, какъ это дѣлаютъ до сихъ поръ Германцы, называя ихъ разными именами: Vallas, Valiscus, Valchen, Velsch. Стоитъ ли въ связи это позднее прозвище у Германцевъ съ древнимъ названіемъ у Грековъ или нѣтъ, авторъ обѣщаетъ познакомить читателей въ особой статьѣ.

Въ заключеніе должно упомянуть о томъ, что Русскіе Волохами называли однихъ только Римлянъ или Итальянцевъ, а не всѣ романскіе народы, какъ это дѣлаютъ напр. Германцы. Начиная съ свидѣтельства первоначальной русской Лѣтописи и кончая вѣкомъ XVII, русскіе называютъ Волохами Римлянъ-Итальянцевъ. Такъ напр., сказавъ о разселеніи Славянъ, Лѣтопись говоритъ: „Волохомъ бо нашедшимъ на Словены на Дунайскые и сѣдшимъ в нихъ и насиляющимъ имъ, Словѣне же ови пришедше“ и т. д. Очевидно, здѣсь говорится о завоеваніи Римлянами царства Гетовъ и господствѣ ихъ въ Даніи. Если мы возьмемъ поздній памятникъ литературы переводной, напр. „Жарты Польскія“, перешедшія съ запада черезъ Польшу, то здѣсь встрѣтимъ нѣсколько разсказовъ про Волоховъ, т. е. Итальянцевъ. Изъ славянскихъ и русскихъ ученыхъ нѣкоторые пытались дать объясненіе слову „Влахъ“. Такъ напр., Шафарикъ производитъ отъ нѣмецкаго Wal, Walh, Weälh, Wälsche—имени, обозначавшаго у Германцевъ человѣка галльскаго или кельтскаго происхожденія. Того же мнѣнія держался и Шлецеръ. Карамзинъ считаетъ Волоховъ потомками древнихъ Гетовъ и римскихъ колонистовъ времени имп. Траяна (т. I, прим. 18). По мнѣнію Соловьева, Волхва — имя общее для всѣхъ романскихъ народовъ (т. I, стр. 83-я). Г. Эверсъ говоритъ, что „Влохъ“ означало у Славянъ кочевниковъ-Болгаръ и производитъ отъ слова: влачить. То же говорятъ и Дриновъ въ своемъ „заселеніи Балканскаго полуострова“ и Н. Арцыбашевъ. А. Гильфердингъ считаетъ Волохами римскихъ колонистовъ или романизованныхъ тузенцевъ по обоимъ склонамъ Пинда (Н. Барсовъ. Очерки русской исторической географіи, стр. 114-я).

А. И. Яцимирскій.

Digitized by Google

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

В. Ѳ. Миллеръ. Систематическое описаніе Дашковскаго Этнографическаго Музея. Вып. IV. М. 1895, 8°, 4+108.

Настоящимъ, четвертымъ, выпускомъ заканчивается описаніе коллекцій Дашковскаго музея. Выпускъ посвященъ австрійскимъ и балканскимъ славянамъ. Помимо описанія предметовъ, находящихся въ музеѣ и относящихся къ этимъ славянамъ, въ началѣ каждаго отдѣла дается краткій обзоръ по этнографіи данной народности и приводится перечень сочиненій и изданій касательно этой народности. Эти добавленія особенно для насъ цѣнны въ виду скудости и малораспространенности у насъ свѣдѣній о славянахъ. Для свѣдѣній о бытѣ отдѣльныхъ народностей авторомъ привлечены, помимо печатныхъ трудовъ, и неизданные до сихъ поръ матеріалы, главн. обр. изъ бумагъ «Русской Этнографической выставки» (1867 г.). Хотя настоящая книжка, какъ и предыдущія, назначается прежде всего для публики, какъ пособіе при ознакомленіи съ коллекціями, она однако можетъ съ пользой послужить и для желающаго поближе познакомиться съ славянскими народностями Австріи и Балканскаго полуострова: списокъ сочиненій о нихъ, хотя авторъ описанія не имѣлъ въ виду полноты списка, вышелъ, однако, настолько полонъ и настолько захватываетъ данное племя, что, руководясь имъ, можно вполнѣ достаточно познакомиться съ избраннымъ для изученія племенемъ. Пропусковъ, особенно крупныхъ, мною не замѣчено; можно, развѣ, добавить только кое-что; напр.: «Живот србa селяка» (М. Миличевичъ) печатано не въ одной 45 книгѣ «Гласника», но также въ 22 и 37 (1867—1877 г.); теперь это сочиненіе вышло и отдѣльно вторымъ, дополненнымъ изданіемъ въ качествѣ первой книги новаго этнографич. журнала сербской академіи въ Бѣлградѣ (Српски етнографски зборник, 1894 г.). По общей этнографіи Сербіи важнѣе, нежели «Кралевина Сербиа» (того же Миличевича), его старшій трудъ «Кнежевина Србиа», къ которой «Кралевина» является дополненіемъ. Въ числѣ сербскихъ грамматикъ, годныхъ для ознакомленія съ языкомъ, можно, помимо Даничича («Облици»), указать на наиболѣе распространенную и чаще встрѣчаемую грамматику М. Дивковича— Oblici hrvatskoga iezika (Zagreb, 1890). Изъ болгарскихъ этнографическихъ изданій можно бы добавить нѣсколько; ограничусь указаніемъ на одно, на которое обратилъ мое вниманіе П. А. Лавровъ; это — «Жива Старина, етнографическо списаніе», издав. въ Руссе Д. Мариновымъ; въ 1894 г. вышла уже четвертая книга этого сборника. Этнографич. матеріалъ помѣщался также въ солунскихъ «Книжицахъ», есть онъ и въ журн. «Библиотека на св. Климентъ».

М. Сперанскій.

Digitized by Google

А. Ѳ. Риттихъ. Четыре лекціи по русской этнографіи. (СПБ. 1895, 8°, стр. 83). Работъ, касающихся общихъ вопросовъ русской этнографіи у насъ немного; тѣмъ болѣе приходится сожалѣть, если новый трудъ въ этомъ направленіи совершенно не удовлетворяетъ своему назначенію: къ числу совершенно ненужнаго балласта нашей этнографической литературы слѣдуетъ отнести и лекціи г. Риттиха. Выражая сожалѣніе, что «этнографическія познанія, къ великому нашему горю и ко вреду нашего населенія, не вошли по сю пору въ программу нашихъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній», г. Риттихъ удѣляетъ этнографіи однако значеніе исключительно практическое. Этнографія, эта «особая, мало еще объяснимая и практикуемая наука», необходима для того, чтобы «знать, хотя-бы предварительно, по теоріи, тѣ народы, тѣхъ людей, которые передъ нами, ихъ главныя черты характера, пользуясь которыми, возможно совершить чудеса на всѣхъ отрасляхъ человѣческой жизни. А если мы», продолжаетъ авторъ, «эту духовную сторону намъ подчиненныхъ людей не знаемъ и не изучаемъ, то хотя и будетъ нивеллировка, но никогда школа не достигнетъ своей ассимиляціи и той высоты, чтобы и впослѣдствіи остался-бы тотъ русскій человѣкъ или солдатъ, который казался столь пріятнымъ въ обученіи, своимъ наружнымъ лоскомъ и затверженнымъ языкомъ, имѣющимъ свой корень и начало только въ строгой ученической дисциплинѣ» (стр. 8). Зная, что г. Риттихъ видитъ въ этнографіи исключительно собраніе матеріала, которое облегчаетъ задачу законодателю или лицу, призванному къ управленію, и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ указанія на вѣрныя средства къ ассимилированію различныхъ племенъ, мы не удивимся, что «въ лекціяхъ по этнографіи» мы встрѣчаемъ слѣдующее замѣчаніе хотя-бы о татарахъ: «татарскій элементъ намъ неопасенъ по своей разрозненности и малочисленности, если мы сами не будемъ его увеличивать»; послѣдующая затѣмъ странная характеристика татаръ является для насъ непонятной: «татаринъ пахнетъ отъ конскаго мяса, и партію новобранцевъ-татаръ каждый признаетъ, что это не русскіе. Цвѣтомъ онъ желтоватъ. Неопрятенъ. Парши на головѣ и выпаденіе кишки—общіе недостатки. Но онъ въ общемъ здоровъ, крѣпокъ и пригоденъ къ службѣ. Его развитость не велика, хотя онъ по своему грамотенъ, но эта грамота мало ему помогаетъ на службѣ. Мухаммеданскую грамоту, съ узкимъ воззрѣніемъ, ему вбили, какъ клинъ; затѣмъ вбить другой въ одно и то же мѣсто не приходится, и потому русская грамота всегда страдаетъ у него. Татары дезертируютъ, татары уродуютъ себя и хотя и меньше, чѣмъ евреи, однако достаточно. Татары въ 1854—56 гг. бѣгали съ набора цѣлыми партіями, чтобы не сходиться противъ единовѣрцевъ, а магометане вообще переселялись въ Турцію. Пусть себѣ всѣ подобные элементы переносятся со своимъ скарбомъ заграницу, тѣмъ лучше будетъ нашему земледѣльцу, тѣмъ больше мѣста русскому населенію» (стр. 71). Мы не знаемъ, пригоденъ-ли въ настоящее время для военныхъ дѣйствій казачій строй (стр. 79), слѣдуетъ ли привлекать принадлежащихъ къ «тюркскому племени потомковъ монголовъ по языку»—(стр. 15) чувашей, «въ особенности Цивильскаго у. Казанской губ».

Digitized by Google

къ службѣ въ нашей регулярной кавалеріи, что совѣтуетъ г. Риттихъ (стр. 81),—пусть это рѣшаютъ спеціалисты,—мы лишь знаемъ, что всѣ подобные вопросы, равно и вопросъ, слѣдуетъ-ли радоваться или нѣтъ выселенію магометанскаго населенія въ Турцію, совершенно чужды наукѣ этнографіи, какъ ей чуждъ и вопросъ о томъ, что въ Россіи много нѣмецкихъ развѣдчиковъ, которые «подъ покровительствомъ своихъ консуловъ... и комиссіонерствуя для своихъ торговыхъ фирмъ, вмѣстѣ съ тѣмъ занимаются развѣдкою всего того, что полезно ихъ государству, ихъ войску, стратегіи, дипломатіи, большому генеральному штабу» (стр. 66). Все это вопросы государственной важности, но имъ не мѣсто въ лекціяхъ по этнографіи. Вообще въ лекціяхъ г. Риттиха очень мало говорится о современной этнографіи, такъ какъ въ ней мы отказываемся отнести характеристики разныхъ народностей Россіи, образецъ которыхъ (о татарахъ) мы уже привели. Больше мѣста отводится авторомъ вопросамъ историко-этнографическимъ, но и здѣсь мы находимъ массу несообразностей: предоставляемъ вновь слово самому автору; на стр. 22 г. Риттихъ говоритъ: «эта земля называлась Скиѳіею, слово—по сію пору неразгаданное, но соображая то, что тамъ (по Днѣпру) находится въ горахъ и по берегамъ рѣкъ, оно могло получить свое начало отъ слова *скиты*, которыхъ немало и по сію пору на югѣ Россіи и немало отшельниковъ-монаховъ имѣетъ и теперь свои скиты, въ которыхъ живутъ, проповѣдуютъ и умираютъ». Геродотъ (на стр. 24) называется «отцемъ исторіи и въ частности исторіи славянъ». «О неврахъ разсказывали въ то время (Геродоту) много; будто ночью они обращались въ волковъ, оттого Волковискъ, Вилковищки и Вилкомиръ» (стр. 25). Мы не будемъ больше утомлять читателя выписками изъ «лекцій по этнографіи», но мы не можемъ не выразить сожалѣнія, что благодаря заглавію книжки русская этнографическая литература будетъ считать однимъ лишнимъ трудомъ, который съ этнографіей ничего общаго не имѣетъ и чтеніе котораго можетъ дать лишь совершенно превратное представленіе о содержаніи и задачахъ науки.

Н. Х.

Землевѣдѣніе (Період. изданіе Географическаго Отд. И. О. Люб. Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, подъ ред. *Д. Н. Анучина 1894 г. № 4*, и *1895 г. № 1, 2—3*).—Намъ уже приходилось упоминать на страницахъ «Этнографическаго Обозрѣнія» объ интересѣ, представляемомъ названнымъ изданіемъ. Какъ и въ предшествующихъ книжкахъ, этнографъ найдетъ и въ послѣднихъ №№ «Землевѣдѣнія» не мало цѣнныхъ данныхъ, имѣющихъ или непосредственный этнографическій интересъ, или по крайней мѣрѣ представляющихъ рядъ фактовъ, содѣйствующихъ расширенію кругозора при этнографическихъ наблюденіяхъ. Къ первой группѣ статей слѣдуетъ отнести работы *Д. М. Головачева:* Замѣтки о русской колонизаціи Сибири, покойнаго *Н. М. Ядринцева:* Изъ наблюденій надъ переселенцами въ Зап. Сибири лѣтомъ 1892 г., *М. А. Леваневскаго:* Очерки Киргизскихъ степей Эмбенскаго у. (продолженіе). Указанныя статьи помѣщены въ № 4 за 1894 г., къ нимъ

Digitized by Google

слѣдуетъ прибавить изъ появившихся въ № 1 за 1895 г. работъ—очеркъ *Вл. Б.:* «Народная Космографія. Какъ устроены земля и небо по представленіямъ нѣкоторыхъ крестьянъ Смоленской губ.», — прекрасно рисующій взглядъ крестьянъ на землю и небо, неопредѣленность и сбивчивость ихъ представленій въ этомъ направленіи, и дающій примѣры того, какъ прививаются или передѣлываются усвояемыя въ школахъ свѣдѣнія по этимъ вопросамъ. Работа г. Вл. Б. можетъ служить примѣромъ для подражанія: накопленіе свѣдѣній, подобныхъ сообщаемымъ въ названной работѣ, изъ различныхъ мѣстностей нашей родины—могло-бы повести къ установленію цѣнныхъ и научно-важныхъ выводовъ въ области изученія народныхъ представленій о природѣ и ея проявленіяхъ. Статья *М. В. Никольскаго:* «Древняя страна Урарту (Араратъ) и слѣды ассиро-вавилонской культуры на Кавказѣ» —представляетъ историко-этнографическій интересъ; авторъ на основаніи клинообразныхъ надписей, извѣстныхъ уже раньше и открытыхъ имъ самимъ во время его археологической поѣздки въ Закавказье, совершенной совмѣстно съ А. А. Ивановскимъ по порученію Имп. Моск. Археол. Общества, возстановляетъ древній періодъ исторіи указанныхъ мѣстностей, находившихся за нѣсколько вѣковъ до Р. Хр. подъ значительнымъ вліяніемъ ассиро-вавилонской цивилизаціи; вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ стремится опредѣлить и предѣлы распространенія этого вліянія.

Изъ статей 2-й группы отмѣтимъ работы: *Н. Каспійскаго:* «Восхожденіе конвоя въ Каракорумѣ», съ дополненіемъ отъ редакціи: «Восточный Гиндукушъ и горная болѣзнь», и «Географическій обзоръ»,—помѣщенныя въ № 4, а изъ помѣщенныхъ въ № 1 (1895 г.): *А. М. Беркенгейма:* «Географическія условія и природа Аргентинской республики», *И. Л. Яворскаго:* «Поѣздка въ горную часть Бухарскаго ханства и Самаркандской области», *Д. А.:* «Очеркъ Кореи и ея отношеній къ Китаю и Японіи» (свѣдѣнія преимущественно этнографическія помѣщены во II и III главахъ указанной статьи), и *И.:* «Отчетъ объ XI конгрессѣ нѣмецкихъ географовъ въ Бременѣ».

Книжка 2—3 «Землевѣдѣнія» за 1895 г. издана подъ ред. Д. Н. Анучина и В. В. Богданова. Въ этой книжкѣ мы находимъ, какъ и въ предшествовавшихъ №№ этого изданія, много интересныхъ матеріаловъ частью непосредственно этнографическаго характера, частью имѣющихъ косвенное отношеніе къ нашей наукѣ; изъ числа первыхъ отмѣчаемъ небольшую любопытную замѣтку *С. М. Шаргородскаго*: «Объ юкагирскихъ письменахъ» (съ табл. рис.). С. М. Шаргородскій имѣлъ возможность лично познакомиться и сблизиться съ юкагирами, живущими на р. Ясачной, и узнать употребляемыя ими письмена. Эти письмена, которыя вырѣзываются на берестѣ при помощи ножа, составляютъ исключительную привиллегію дѣвушекъ, которыя этимъ путемъ выражаютъ свои чувства къ молодымъ людямъ; какъ знаки, такъ и содержаніе ихъ несложно. Авторъ приводитъ нѣсколько образцовъ ихъ; кромѣ того имъ приведены и образцы торговыхъ записокъ юкагировъ, которые для составленія ихъ пользуются пиктографіей. *Вл. Іохельсонъ* въ «Замѣткахъ о населеніи

Digitized by Google

Якутской Области» сообщаетъ краткія свѣдѣнія о русскихъ якутахъ, тунгусахъ и ламутахъ, юкагирахъ, чуванцахъ и чукчахъ.

Въ этой-же книжкѣ «Землевѣдѣнія» помѣщено окончаніе работы *М. И. Леваневскаго:* «Очерки киргизскихъ степей Эмбенскаго у.»; на этотъ разъ авторъ касается суевѣрій киргизовъ, знахарей, обрядовъ при рожденіи, лѣченія родимчика, сватовства и свадьбы, обрядовъ отдѣленія кибитки женатаго члена семьи (гл. X), обрядовъ при погребеніи, состязаній въ скачкахъ и борьбѣ, останавливается на характерѣ киргиза и пр. (гл. XI), описываетъ охоту съ ястребомъ на утокъ, преданіе о планетѣ Венерѣ («Зугра») и пр. (XII). Популярно изложенный очеркъ *А. М. Берженейма*: «Жизнь въ пампасахъ Юж. Америки» (съ 8-ю рис.) знакомитъ съ хозяйственнымъ бытомъ гаучо. Въ статьѣ *А. А. Ивановскаго*: «Озеро Гокча», носящей географическій характеръ, читатель найдетъ интересныя этнографическія свѣдѣнія о современномъ и древнемъ населеніи береговъ озера (гл. IV). Изъ остальныхъ статей отмѣтимъ *О. В. Маркграфа*: «Великая Сибирская низменность, ея географическія особенности и ея значеніе для хозяйства и заселенія страны», далѣе интересный, какъ и въ предшествовавшихъ №№, *географическій обзоръ*, посвященный на этотъ разъ VI международному географическому конгрессу въ Лондонѣ, и некрологъ А. В. Елисѣева. Наконецъ, въ приложеніи помѣщена обширная работа *Д. Н. Анучина*: «Суша. Краткія свѣдѣнія по орографіи».

Н. Х.

Алтайскій Сборникъ. Выпускъ I. Изданіе Общества Любителей Изслѣдованія Алтая. Томскъ 1894 г.

Выпускъ очень богатъ и интересенъ. Первая статья—*Н. Зобнина*: Приписные крестьяне на Алтаѣ — прекрасно рисуетъ въ небольшомъ и историческомъ очеркѣ бытовыя и, главнымъ образомъ, экономич. условія жизни крестьянъ Алтая, условія, въ общемъ очень неблагопріятныя для болѣе или менѣе спокойнаго нестѣснительнаго существованія; быть можетъ, когда о тѣхъ же крестьянахъ будутъ собраны матеріалы и чисто-этнографическіе, названный трудъ прольетъ далеко не лишній свѣтъ на умственный и нравственный ихъ обликъ.—Слѣдующій очеркъ—*Н. Наумова*: Сарбысинъ (бытовые наброски) — даетъ отчетливый бытовой матеріалъ о взаимныхъ отношеніяхъ киргизовъ и русскихъ въ Кузнецкомъ округѣ; въ данномъ случаѣ, хорошо обрисована русская сельская власть у киргиза, русское кулачество тамъ же и, наконецъ, одинъ изъ эпизодовъ любви и ревности, сложившійся въ такомъ оригинальномъ сочетаніи характеровъ, какъ: киргизъ, русскій кулакъ, несчастная жена киргиза и столько же безпечная жена кулака. Вся драма разыгрывается тоже оригинально: киргизъ мститъ въ формѣ конокрадства, кулакъ преслѣдуетъ киргиза судомъ, но, онъ первый же виновникъ, попадаетъ впросакъ, впрочемъ, въ концѣ концовъ, торжествуетъ коіунство и сладострастіе кулака, а бѣдному инородцу, въ угоду идеи христіанства, разбиваютъ жизнь.—Дальнѣйшая статья — *А. Каумфана*: Общинные порядки восточныхъ волостей Томскаго округа и сѣверо-западной половины Маріинскаго округа—даетъ со-

Digitized by Google

лидный матеріалъ для изслѣдованія общины не только въ ея мѣстной формѣ, но и въ ея историческомъ развитіи. На этотъ вопросъ въ нашемъ журналѣ уже не разъ обращалось вниманіе, и всегда высказывалось пожеланіе видѣть дальнѣйшую разработку его. Здѣсь пока собранъ матеріалъ о формахъ землевладѣнія, который представляетъ еще и тотъ интересъ, что собранъ «на самомъ исходѣ патріархальнаго періода жизни Сибири», такъ какъ Сибирская желѣзная дорога и пришлые переселенцы все въ крестьянскомъ хозяйствѣ измѣнятъ радикально. — Далѣе идутъ еще нѣсколько статей, которыя такъ или иначе касаются бытовой обстановки населенія,— это: г. *Майера*: Алтайскіе серебряные рудники; *И. Казаринова*: Холерная эпидемія въ 1892 г. въ Сузунскомъ заводѣ; *А. Недзвецкаго*, Краткій очеркъ холерной эпидеміи въ Барнаулѣ 1892 года; (безъ имени автора); Матеріалы по переселенію въ Алтайскій округъ въ 1888—92 годахъ (авторъ отмѣчаетъ нѣкоторые интересные факты о характерѣ переселеній: случайныхъ, неудачныхъ, неравномѣрныхъ и т. д.); *И. О.*: Къ вопросу объ Алтайской общинѣ (замѣтка: авторъ указываетъ на Змѣиногорскій край, какъ удобный для наблюдателя, ибо на пространствѣ двухъ—трехъ волостей сконцентрировались всѣ виды общиннаго владѣнія на Алтаѣ).—Далѣе идутъ работы по ботаникѣ и метеорологіи, и въ концѣ помѣщены «Матеріалы для библіографіи Алтая» (1891—93 г.) и «Краткій отчетъ совѣта общества Л. И. А. за 1891 — 92 гг.».

Такимъ образомъ, вся книга посвящена, главнымъ образомъ, современному положенію страны, и это тоже необходимо и для изслѣдованія различныхъ эволюцій культуры, потому что очень часто истинное настоящаго заставляетъ долго изслѣдователя теряться въ безконечныхъ гипотезахъ и теоріяхъ, никогда не доведящихъ всей цѣпи эволюцій до послѣдняго звена. *Вл. Б.*

Матеріалы по археологіи Кавказа, собранные экспедиціями Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, снаряженными на Высочайше дарованныя средства. **Выпускъ IV. «Христіанскіе памятники», гр. Уваровой.** Москва, 1894 г.

Настоящій выпускъ «Матеріаловъ по археологіи Кавказа» заключаетъ въ себѣ отчетъ графини П. С. Уваровой. Авторъ посѣщаетъ и изучаетъ Кавказъ съ 1879 г., когда начались подготовительныя работы по устройству археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ. Въ 1886 г. покойному Государю Императору Александру III, Державному Покровителю Московскаго Археологическаго Общества, угодно было пожаловать на изслѣдованіе Кавказа денежную субсидію, а сама графиня рѣшилась на собственныя средства направить свои поѣздки въ тѣ пункты, изученіе которыхъ могло бы явиться дополненіемъ и продолженіемъ работъ ученыхъ экспедицій. «Путевыя замѣтки по Кавказу» гр. Уварова уже издала въ двухъ книгахъ, а нынѣ въ IV томѣ «Матеріаловъ по археологіи» сгруппировала данныя по христіанскимъ памятникамъ и церковнымъ сокровищамъ. Авторъ при изложеніи расширяетъ программу описанія христіанскихъ древностей. «Если подъ этимъ именемъ,—говоритъ графиня,—подразумѣвать отдѣльные памят-

Digitized by Google

ники церкви, какъ это сдѣлалъ А. М. Павлиновъ въ III т. «Матеріаловъ», то вопросъ разрѣшается весьма скоро и дѣлается для всѣхъ яснымъ; но я слишкомъ много разъ была на Кавказѣ, много объѣздила ущелій, часто засиживалась въ самыхъ отдаленныхъ его закоулкахъ, чтобы имѣть силу и желаніе отнестись къ описываемымъ памятникамъ, какъ къ отдѣльно взятымъ единицамъ, сложеннымъ изъ камня и мрамора, и, такъ сказать, оторвать, отчуждить ихъ своимъ описаніемъ отъ края, въ которомъ они построены, отъ жителей, которые ихъ любятъ и уважаютъ и, наконецъ, отъ тѣхъ преданій, которыя объ нихъ сложились и которымъ единственно многіе изъ этихъ памятниковъ обязаны своимъ существованіемъ и сохраненіемъ до нашего времени. Если понимать наименованіе «христіанскіе памятники» въ тѣсномъ смыслѣ, то не разъ приходилось-бы останавливаться и задавать себѣ вопросъ: что дѣлать дальше, что подлежитъ моему описанію и что слѣдуетъ изъ него выбросить? Такое неясное для не знающихъ Кавказа положеніе раждается потому, что нигдѣ, какъ на Кавказѣ, не замѣчается такое всеобщее молитвенное настроеніе, такая необходимость воздать хвалу Создателю, такая потребность принести ему въ жертву часть тѣхъ земныхъ благъ, которыми Онъ, Всемогущій, наградилъ сыновъ этихъ горъ, ущелій. Молитвенное настроеніе это выражается тѣми многочисленными мѣстами молитвъ и уединенія, которыя вы встрѣчаете при вашихъ объѣздахъ: тутъ священная роща, тамъ отдѣльное дерево, освященное иконой или безъ оной, тамъ камень или престолъ, отдѣльно стоящій крестъ или едва замѣтная базиличная церковь во многихъ мѣстностяхъ Осетіи, Хевсуріи, Шавшетіи, Рачи. И вездѣ тѣ-же приложенія, то-же молитвенное обращеніе къ «дзуару», св. Георгію, Духу и Создателю вселенной, живительному, возраждающему началу, мысль о которомъ заставляетъ собираться поселянъ въ болѣе главный изъ этихъ пунктовъ весною, при возрожденіи природы, или осенью, послѣ уборки полей и винограда». На Кавказѣ трудно отдѣлить языческіе памятники отъ христіанскихъ, языческіе обычаи отъ празднованій нашихъ святыхъ. Святилище Рекомъ въ Осетіи считаютъ за языческое капище, но оно посвящено св. Георгію, даже, по преданію, построено имъ и, не имѣя вида христіанскаго храма, вмѣщаетъ въ себѣ вмѣстѣ съ рогами животныхъ не мало иконъ, восковыхъ свѣчей, кадильницъ и пр. Въ верхней Рачѣ въ деревнѣ Глола, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ настоящей сельской церкви, находимъ такую-же маленькую церковь того-же базиличнаго типа, заваленную рогами, стрѣлами, посудой, и надъ всѣми этими приношеніями покоится камень-престолъ съ утвержденнымъ на немъ крестомъ. Въ той-же Рачѣ, въ д. Сори, имѣются четыре несомнѣнно христіанскія церкви, одна изъ коихъ посвящена «Архангелу», безъ дальнѣйшаго обозначенія его имени: не есть-ли это посвященіе тому-же «неьѣдомому Богу», которому воздвигались престолы даже въ Греціи до утвержденія христіанства? Въ долинѣ рѣки Лца, не доѣзжая до Тигви, рядомъ съ храмомъ царицы Тамары, стоятъ развѣсистые старые дубы, стволы которыхъ обмотаны нитями и куделью. Въ Сафарѣ 15 августа жители Ахалцыха и его окрестностей живутъ въ храмахъ, закалываютъ быковъ и барановъ, варятъ, пьютъ, ѣдятъ. Фрески, украшающія Нузасам-

Digitized by Google

скій храмъ и рѣзные иконостасы Цебельдинскихъ храмовъ изображаютъ сцены охоты, преданія о которыхъ сохранились отъ доисторическихъ временъ Грузіи. Игнорировать эти явленія невозможно — подобно тому, какъ мы не можемъ провести рѣзкой грани между ними и проявленіями сознательно христіанскими. Должно проникнуться идеей, что позднѣйшія христіанскія сооруженія, возводимыя на тѣхъ-же горахъ, въ тѣхъ-же ущельяхъ и заповѣдныхъ рощахъ, ничто иное, какъ вѣнчаніе и освященіе народныхъ вѣрованій и преданій, всего того, что мѣстные жители этихъ горъ и ущелій привыкли любить и уважать вѣками: «только при такихъ условіяхъ описаніе наше можетъ оказаться вѣрнымъ и передать полную картину изучаемаго края».

Такая симпатичная и широкая точка зрѣнія при обзорѣ памятниковъ вполнѣ выдержана гр. Уваровой. Трудъ ея обнимаетъ Абхазію — храмы Симона Канонита, въ Ахадзыхѣ, на р. Бзыби, въ Лыхнахѣ и др., Генуэзскій мостъ близъ Сухума, Коласурскую башню и Абхазскую стѣну, опуская Пицунду и Дранды, которыя были описаны г. Павлиновымъ; второй отдѣлъ посвященъ Аджаріи: мостъ въ Ардануче, церковь близъ Хулы и въ Схантѣ; третій отдѣлъ обнимаетъ Кобіанское ущелье (Зарзма, Гуле, Валэ, Стада, Сафара) и Посховскій участокъ (Кала-Бойня, Мере и др.); четвертый посвященъ Рачѣ (Глола, Геби, Никорцминда и др.) и Горійскому уѣзду (Руиси, Атени, Икорта и др.). *А. Хах—овъ.*

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изд. кавказскаго учебн. окр. Выпуски XIX и XX, 1894 г., Тифлисъ. —XIX выпускъ «Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа» состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, изъ которыхъ первый посвященъ статьямъ историко-географическаго содержанія, а второй заключаетъ работы этнографическаго характера. Въ 1-й отд. вошли: Очерки исторіи гор. Темиръ-Ханъ-Шуры, Е. Козубскаго; Изъ древностей селенія Ченахчи, Е. Меликъ-Шахназарова; Селеніе Сори, свящ. Н. Миндели; Сел. Цаленджихи, А. Гвасалія; Мѣстечко Кварилы и его окрестности, Ѳ. Хускивадзе. Во II отд. помѣщены: Имеретинскія сказки (числомъ 12), собранныя М. А. Васильковой и другими; Примѣты и повѣрія грузинъ Телавскаго уѣз., Тифл. губ., Степанова и 6 сказокъ, разными лицами записанныхъ; Картвельскія пѣсни свящ. Миндели и учителя Ѳ. Каландарашвили; Картвельскія легенды, сообщенныя нѣсколькими авторами; Армянскія сказки (числомъ 6); Свадьба зангезурскихъ армянъ, г. Меликъ-Шахназарова; Сказки, пословицы и поговорки закавказскихъ татаръ.

Въ I отдѣлѣ XX выпуска «Сборника» заключаются статьи описательнаго и бытового характера: Н. Г. Дмитріева — «Переходъ черезъ Рокскій и Мамисонскій перевалы»; Г. Ананьева — «Караногайцы, ихъ бытъ и образъ жизни»; К. Хачатурова — Курды, черты ихъ характера и быта. Во II отдѣлѣ помѣщены тексты курдскіе, талышинскіе, армянско-татскіе, еврейско-арамейскіе и айсорскіе. Къ замѣткѣ къ айсорскимъ текстамъ прибавлена въ общихъ чертахъ фонетика айсорскаго языка и его азбука сравнительно съ академической транскрипціей. Сирійскими буквами напи-

Digitized by Google

чатанъ текстъ подъ заглавіемъ «Помощь Бога и царя», при чемъ выбрана не такъ-называемая несторіанская азбука, а якобитская, болѣе извѣстная ученымъ сирологамъ въ Россіи и западной Европѣ. Отдѣльнымъ приложеніемъ напечатанъ русско-айсорскій и айсорско-русскій словарь, составленный Калашевымъ и заключающій въ себѣ до 12000 словъ. Тутъ-же напечатанъ I выпускъ «Матеріаловъ для историко-географическаго словаря Кавказа» Е. Г. Вейденбаума. Редакція «Сборника» принадлежитъ опытному уже издателю матеріаловъ по кабардинскому языку — Л. Г. Лопатинскому.

А. Хах—овъ.

Временникъ Эстляндской губ. II, подъ ред. *А. Харузина и А. Андріяшева* (Ревель, 1895, 8° стр. 226+прил.a—z). Во второмъ томѣ *Временника* мы находимъ рядъ статей, имѣющихъ серьезный этнографическій интересъ: одинъ изъ лучшихъ знатоковъ быта эстонцевъ *Ю. Ю. Трусманъ* помѣстилъ въ названномъ томѣ двѣ статьи: «Исакскіе, полувѣрцы въ Эстляндской губ.» и «Происхожденіе населенія на о. Эзелѣ, Даго и Моонѣ». Національность исакскихъ полувѣрцевъ, населяющихъ нѣсколько деревень у Чудскаго оз. и до настоящаго времени сохранившихъ въ значительной степени русскій языкъ и православіе, не выяснена еще вполнѣ; г. Трусманъ, на основаніи преданій и данныхъ языка, полагаетъ, что полувѣрцы Эстляндской губ. переселялись въ Эстляндію изъ-за Наровы, что они, за незначительными исключеніями, потомки древней чуди, исповѣдывавшіе православіе и значительно утерявшіе свой языкъ и нравы. Чисто-русскихъ переселенцевъ, бѣжавшихъ сюда изъ сосѣднихъ губерній, было незначительное количество. На эстляндской почвѣ, среди преобладающаго католическаго и затѣмъ лютеранскаго населенія, начался обратный процессъ ассимиляціи переселенцевъ съ чисто-эстонскимъ населеніемъ, исповѣдывавшимъ лютеранство». Авторъ постарался собрать и объединить историческія данныя, касающіяся этого во всѣхъ отношеніяхъ интереснаго уголка Эстляндской губ.: приводитъ описаніе свадебныхъ обычаевъ, различныхъ обрядовъ, пріуроченныхъ къ разнымъ праздникамъ, суевѣрія и примѣты, нѣсколько образцовъ заговоровъ, загадокъ, пѣсенъ, сказокъ, дѣленіе—большой списокъ болѣе употребительныхъ словъ и, наконецъ, мѣсныхъ и личныхъ именъ и прозвищъ. Предоставляя спеціалистамъ рѣшать вопросъ, слѣдуетъ-ли согласиться съ мнѣніемъ автора о національности исакскихъ полувѣрцевъ или въ нихъ должно видѣть русскихъ, подвергшихся эстонскому вліянію, отмѣтимъ, что работа г. Трусмана является въ настоящее время самымъ полнымъ трудомъ, который когда-либо былъ посвящаемъ этой небольшой группѣ населенія, во многихъ отношеніяхъ рѣзко отличающейся отъ преобладающаго въ губерніи этнографическаго элемента—эстовъ. Не менѣе интересенъ и другой вопросъ, разрабатываемый Ю. Трусманомъ,—о происхожденіи населенія на о. Эзелѣ, Даго и Моонѣ. Что эсты-островитяне значительно отличаются во многихъ отношеніяхъ отъ эстовъ материковыхъ, — было давно уже подмѣчаемо изслѣдователями; Ю. Трусманъ, на основаніи топографическихъ данныхъ и данныхъ языка, старается возстановить исторію переселенія эстовъ съ

Digitized by Google

материка на помянутые острова, а также и объяснить происхожденіе нѣкоторыхъ словъ, заимствованныхъ островитянами у финновъ и русскихъ, но не встрѣчающихся въ другихъ эстонскихъ нарѣчіяхъ. *А. Солодовниковъ* въ статьѣ «Жилище эстонцевъ въ его постепенномъ развитіи» разрабатываетъ интересные матеріалы, касающіеся жилищъ эстовъ, собранные имъ въ 1892 г. во время поѣздки въ Эстляндскую губ. съ этнографической цѣлью; авторъ на основаніи существующихъ типовъ жилищъ начертываетъ исторію развитія эстонской избы. Къ статьѣ приложено 22 рисунка. Антропологическимъ изслѣдованіямъ надъ эстами посвящены помѣщенные въ приложеніи матеріалы *А. Харузина*: «Къ антропологіи населенія Эстляндской губ». Изученію исторіи и древностей края посвящены работы: *о. К. Тизикъ*: Остатки древняго православнаго храма въ Эстляндской губ.», около Пюхаіеги въ Іевенскомъ приходѣ, гдѣ по преданію до Сѣверной войны жило русское населеніе; *І. Хансенъ*: Остатки нѣкоторыхъ древнихъ замковъ въ Эстляндской губ., и *Н. Харузинъ*: Обзоръ документовъ, относящихся къ исторіи Балтійскаго края и хранящихся въ Московскихъ архивахъ Министерствъ Иностранныхъ Дѣлъ и Юстиціи.—Удѣляя на страницахъ своего изданія не мало мѣста статьямъ, посвященнымъ изученію прошлаго и современнаго быта населенія Эстляндіи, мѣстный Статистическій Комитетъ приноситъ существенную пользу нашему отечествовѣдѣнію; мы не можемъ поэтому не выразить желанія, чтобы программа, принятая при изданіи «Временника», не измѣнялась Комитетомъ и при изданіи дальнѣйшихъ выпусковъ.

В. А. Жуковскій: Древности Закаспійскаго Края. Развалины Стараго Мерва. (*Мат. по Археол. Россіи, изд. Им. Арх. Коммиссіею. № 16.* СПБ. 1894. 4° стр. 216, съ 39 рисунк. въ текстѣ и 8 табл.). «Развалины Стараго Мерва» представляютъ первый выпускъ «Матеріаловъ по Археологіи Россіи», посвященный изученію древностей Закаспійскаго Края. Какъ и предшествующіе №№ «Матеріаловъ», названное изданіе Археол. Коммиссіи отличается какъ содержательностью, такъ и внѣшнимъ изяществомъ. Трудъ г. Жуковскаго, несмотря на заглавіе, которое даетъ ему, повидимому, исключительно археологическій интересъ, не лишенъ и серьезнаго значенія для этнографа. Изучаемые авторомъ памятники принадлежатъ преимущественно къ историческому періоду жизни Мерва; этому описанію г. Жуковскимъ предпосланъ обширный историческій очеркъ Мерва, до перенесенія города на новыя мѣста (стр. 3—94). Этотъ очеркъ представляетъ возможно полный сводъ свѣдѣній, извлеченныхъ авторомъ изъ изученія первоисточниковъ (преим. восточныхъ писателей), касательно исторіи Мерва, которому выпала доля играть выдающуюся роль въ исторіи Азіи, въ особенности въ періодъ завоевательнаго движенія арабовъ, а впослѣдствіи и татаръ. Иллюстраціями къ этой страницѣ тревожной исторіи Азіи служатъ изученные, описанные и изображенные г. Жуковскимъ архитектурные и могильные памятники Стараго Мерва, собраніе преданій современныхъ жителей объ этихъ остаткахъ старины. Этнографъ такимъ образомъ получаетъ возможность не только изучить прошлое края,

Digitized by Google

поскольку оно сохранилось въ письменныхъ и вещественныхъ подземныхъ памятникахъ, но намѣтить и тѣ вліянія (и внѣшнее выраженіе послѣднихъ), которыя являлись регулирующими въ сложной и до настоящаго времени едва-ли съ достаточной детальностью изученной матеріальной культурѣ нашего востока. Къ сожалѣнію, г. Жуковскому не удалось произвести болѣе основательныхъ раскопокъ въ городищахъ, на которыхъ стоялъ древній Мервъ; единственныя раскопки на Гяуръ-Кале, мѣстѣ наиболѣе древняго нахожденія Мерва, были, по независящимъ отъ автора обстоятельствамъ, слишкомъ незначительны и не могли дать большихъ результатовъ; но даже эти сравнительно немногочисленныя находки, добытыя раскопками на Гяуръ-Кале, заставляютъ надѣяться, что болѣе серьезныя изслѣдованія въ этомъ направленіи не будутъ безплодны. Важное значеніе для археологіи изученія памятничковъ быта и искусства древнихъ обитателей средней Азіи признано въ настоящее время; но и въ интересахъ этнографіи мы не можемъ не пожелать, чтобы за изученіемъ историческихъ памятниковъ древняго Мерва, — задачей, съ которой г. Жуковскій справился такъ блестяще,—послѣдовало возможно скорѣе и изслѣдованіе хранящихся въ землѣ древностей; изученіе ихъ, слѣдуетъ надѣяться, поможетъ рѣшить общіе вопросы о древнихъ культурныхъ вліяніяхъ на бытъ нѣкоторыхъ народностей Россіи и въ частности дастъ возможность объяснить происхожденіе того или иного производства, господствующаго у нѣкоторыхъ изъ населяющихъ Россію кочевыхъ и полукочевыхъ народностей, которыя въ своемъ внѣшнемъ быту хранятъ много отголосковъ старины, точно уяснить которыя этнографія безъ помощи археологіи едва-ли будетъ когда-нибудь въ состояніи. *Н. Х.*

Труды Рязанской Архивной Комиссіи, XI (Рязань, 1895 г., подъ ред. *С. Д. Яхонтова*). Въ числѣ интересныхъ работъ, которыя составляютъ содержаніе XI-го т. «Трудовъ Рязанской Архив. Комиссіи», отмѣчаемъ трудъ г. *Черепнина:* «Мѣстная старина. Борковскій могильникъ» (стр. 103—167), начатый еще въ выпускѣ «Трудовъ» за 1894 г. Находки въ Борковскомъ могильникѣ болѣе или менѣе извѣстны всѣмъ интересующимся изученіемъ русскихъ древностей; но г. Черепнинъ не ограничился собраніемъ и описаніемъ сырого матеріала, въ обширномъ количествѣ добытаго имъ изъ раскопки названнаго могильника; онъ старается разработать этотъ матеріалъ и дать ему освѣщеніе. Часть этой работы, успѣшно выполняемой авторомъ, появившаяся въ свѣтѣ въ XI т. «Трудовъ»,—касается вопроса чрезвычайно интереснаго, какъ для археолога, такъ и для этнографа: г. Черепнинъ на основаніи результатовъ раскопокъ стремится дать описаніе одежды древнихъ обитателей, останки которыхъ покоятся въ Борковскомъ могильникѣ. Мы въ самыхъ общихъ чертахъ передадимъ главные выводы автора по этому вопросу. Судя по сохранившимся остаткамъ, *мужскую одежду* можно возстановить въ слѣдующемъ видѣ: домашняя одежда, покрой которой, вѣроятно, имѣлъ сходство съ полукафтаньемъ или кафтаномъ, стягивалась поясомъ, обыкновенно украшеннымъ металлическими бляхами и пряжками. Верхняя, выходная, шер-

Digitized by Google

стяная одежда поясомъ не стягивалась. Кромѣ того, есть основаніе полагать, что сверхъ этой одежды носились плащи или другой видъ тяжелой верхней одежды, которая застегивалась пряжками и фибулами. Безслѣдное разрушеніе головныхъ уборовъ и обуви указываетъ на приготовленіе ихъ изъ матеріаловъ, легко уничтожаемыхъ тлѣніемъ. Оружіе составляло почти необходимую принадлежность мужчинъ; наиболѣе распространенными типами оружія были ножи, топоры, копья, дротики, стрѣлы, праща и мечи; послѣдніе чаще прямые, съ остріемъ на одномъ лезвіѣ, тѣ же—обоюдоострые. Къ числу украшеній, носимыхъ мужчинами, слѣдуетъ отнести шейныя гривны, фибулы, кольца (часто спиральныя) и браслеты; послѣдніе носились въ количествѣ одного на лѣвой рукѣ. *Женскій костюмъ* состоялъ, повидимому, изъ нижней одежды, которая, смотря по достатку, дѣлалась изъ льняной, шерстяной или хлопчато-бумажной ткани. Рукава этой одежды были длинные, доходившіе до кистей рукъ. Сверхъ этой одежды надѣвалась другая, тоже шерстяная, спускавшаяся до колѣнъ или немного ниже; покрой ея, по предположенію автора, походилъ на полукафтанъ; къ подолу ея пришивали за колечки мелкія бронзовыя конусообразныя и плоскія трапеціевидныя привѣски, въ видѣ сплошной бахромы вокругъ юбки; кромѣ того, металлическія украшенія пришивались, еще въ разныхъ мѣстахъ юбки. Отъ обуви слѣдовъ не сохранилось; что касается головныхъ уборовъ, то хотя возстановить форму ихъ и не представляется возможнымъ, но есть основаніе полагать, что форма ихъ была разнообразна, и во всякомъ случаѣ, что разнообразны были ихъ украшенія. Серьги, повидимому, были въ употребленіи рѣдко: ихъ замѣняли височныя привѣски, которыя прикрѣплялись къ головному убору; далѣе украшенія женской одежды состояли изъ ожерелій изъ бусъ или металлическихъ привѣсокъ, шейныхъ гривенъ; встрѣчались и ленты, составленныя изъ нѣсколькихъ звеньевъ бронзовыхъ спиральныхъ трубочекъ (вершка $1^1/_2$ длиною), нанизанныхъ на шерстяные шнурки или узкіе ремешки; ленты оканчивались кистью изъ 4-хъ бронзовыхъ бутылкообразныхъ привѣсокъ. Этотъ видъ украшенія однимъ концомъ прикрѣплялся на затылкѣ, вѣроятно, къ головному убору, а кисть лежала на груди. Кромѣ того, женщинами носились хотя рѣже, чѣмъ мужчинами, пояса, украшенные металлическимъ наборомъ; кромѣ того — кольца и браслеты; послѣдніе встрѣчались въ количествѣ до 6-ти въ одной могилѣ. Предметовъ обихода найдено было слишкомъ мало, чтобы можно было на основаніи ихъ возстановить внѣшній бытъ древнихъ обитателей изслѣдованной мѣстности. Къ статьѣ г. Черепнина не приложено, къ сожалѣнію, рисунковъ; послѣдніе ярче иллюстрировали-бы принадлежности описываемаго костюма, чѣмъ можетъ это сдѣлать даже такое детальное описаніе предметовъ, которое даетъ авторъ. Во всякомъ случаѣ мы не можемъ не отнестись съ благодарностью къ г. Черепнину за предпринятый имъ трудъ, тѣмъ болѣе что онъ не принадлежитъ къ числу легкихъ, такъ какъ для достиженія результатовъ по описанію костюма автору пришлось потратить немало труда и времени.

Н. Х.

Digitized by Google

Бѣлорусское Полѣсье. Сборникъ этнографическихъ матеріаловъ, собранныхъ *М. Довнаръ-Запольскимъ*. Вып. I. Пѣсни пинчуковъ. Съприложеніемъ карты сѣв. части уѣзда и статьи о говорѣ.—Кіевъ 1895. (Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій). Стр. XXVIII+23. Ц. 2 р.

«Пѣсни пинчуковъ» представляютъ собой часть обширнаго этнографическаго матеріала, собраннаго М. В. Довнаръ-Запольскимъ во время экскурсій въ Бѣлоруссіи лѣтомъ 1890 и 92 гг., совершенныхъ по порученію Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э. Собирателя интересовали вопросы, касающіеся различныхъ сторонъ народнаго быта, въ томъ числѣ экономическаго и юридическаго свойства; относящимися сюда матеріалами будутъ заняты слѣдующіе выпуски «Бѣлорусскаго Полѣсья», настоящій же посвященъ характеристикѣ мѣстныхъ народныхъ говоровъ и творчества. Въ этомъ направленіи и слѣдуетъ опредѣлять научное значеніе сборника.

Въ спеціальной литературѣ часто слышны жалобы, и притомъ основательныя, на бѣдность діалектологическаго матеріала. Въ то время какъ въ области собственно этнографической начинаютъ раздаваться голоса противъ нагроможденія сырого матеріала, лингвисты по крупицамъ собираютъ тѣ факты, къ которымъ они могутъ отнестись съ довѣріемъ и положить ихъ въ основу изслѣдованія. Вопросъ уясняется самъ собою, если принять во вниманіе условія, при которыхъ происходила собирательская дѣятельность въ Бѣлоруссіи. Сборники гг. Шейна и Романова составляютъ гордость бѣлорусской этнографической литературы, но изъ ихъ обширнаго содержанія только немногое записано собирателями лично, остальное же доставлено людьми различной степени образованія, различныхъ взглядовъ на то дѣло, которому они въ то время служили, и изъ разныхъ мѣстъ, что, даже въ лучшемъ случаѣ, не давало возможности прослѣдить географическаго распространенія того или другого говора со всѣми его оттѣнками. Нѣкоторые изъ изслѣдователей видѣли наибольшее приближеніе къ возможной достовѣрности въ записяхъ, дѣлавшихся малограмотными людьми; другіе для той же цѣли употребляли статистическій методъ; третьи прибѣгали къ сравненію однородныхъ фактовъ и этимъ путемъ старались притти къ тѣмъ или инымъ результатомъ общаго свойства. Но изъ всѣхъ «принциповъ», о которыхъ когда-либо заходила рѣчь въ спеціальныхъ работахъ, наиболѣе надежнымъ слѣдуетъ признать одинъ—личную запись лицомъ, знакомымъ съ нарѣчіемъ, часть котораго изслѣдуется, съ требованіями науки и лишеннымъ какихъ бы то ни было предвзятыхъ теорій или, по крайней мѣрѣ, апріорныхъ взглядовъ.

Съ этой точки зрѣнія матеріалъ М. В. Довнаръ-Запольскаго имѣетъ несомнѣнное научное значеніе. Какъ уроженецъ Бѣлоруссіи, близко знакомый притомъ съ деревней и ея бытомъ, онъ имѣлъ полную возможность освоиться съ бѣлорусскою рѣчью въ той степени, какая необходима для наблюдателя различныхъ, близкихъ между собою говоровъ, чтобы проникнуть въ самую суть языка, въ его духъ, и уловить особенности, незамѣтныя чуждому уху. Затѣмъ долговременное пребываніе въ Малороссіи, этнографическія поѣздки, а главное, обширное знакомство съ этнографической

Digitized by Google

и лингвистической литературой, сказавшееся уже въ работахъ его конца восьмидесятыхъ и начала девяностыхъ годовъ, служатъ достаточнымъ свидѣтельствомъ научной подготовки собирателя къ той дѣятельности, которая выпала ему на долю въ Полѣсьѣ. Такія соображенія побуждаютъ видѣть въ матеріалахъ г. Довнаръ-Запольскаго ту степень достовѣрности и точности, какая необходима для того, чтобы положить ихъ въ основаніе строго-научнаго изслѣдованія. «Преслѣдуя наряду съ этнографическими цѣлями и филологическія, говоритъ о себѣ собиратель, я старался записывать съ возможною точностью. Обычно, начиная записывать въ какомъ-либо селеніи, я первыя пѣсни старался провѣрять, повторять по два раза; бросающіяся въ глаза особенности я тутъ же подчеркивалъ при записи; послѣднее оказывалось необходимымъ для сравненія особенностей говора сосѣднихъ селъ: особенности въ говорѣ каждаго новаго села бросаются ярко при началѣ записи». Правда, въ сборникѣ не всѣ пѣсни сказываются записанными собирателемъ лично, но на 600 пѣсень посторонннихъ записей приходится всего 84, такъ что сравнительно участіе сотрудниковъ незначительно.

Оставляя пока вопросъ о содержаніи сборника, обратимся сначала къ тѣмъ теоретическимъ результатамъ, къ какимъ пришелъ собиратель въ своей статьѣ «Говоръ пинчуковъ». Если сопоставить съ этой статьей тѣ незначительныя данныя по пинскимъ говорамъ, которыя приведены въ Діалектологіи проф. А. И. Соболевскаго, и замѣтку о языкѣ пинскихъ пѣсенъ изъ сборника о. Булгаковскаго «Пинчуки», то окажется: 1) что по своему характеру и элементамъ отмѣченные говоры представляютъ высокій научный интересъ, и 2) что собиратель представилъ въ этой статьѣ ихъ относительно полную характеристику. Поставивъ своей задачей прослѣдить, главнымъ образомъ, сѣверныя границы пинскаго говора съ бѣлорусскими, М. В. Довнаръ-Запольскій направился изъ Пинска на Порѣчье, Озаричи, Краглевичи, Телеханы, Вульку, Выгоношты и далѣе, къ сѣверовосточнымъ селеніямъ, лежащимъ на южной окраинѣ Роздяловичскаго болота. Нѣсколько замѣчаній сдѣлано о южной и западной границѣ; болѣе детальное выясненіе соотношенія пинскаго говора съ сосѣдними волынскими и гродненскими авторъ статьи неутѣшительно предоставляетъ наукѣ будущаго.

Говоръ пинчуковъ есть собственно сложный комплексъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ говоровъ, обнаруживающихъ своеобразныя особенности въ разныхъ мѣстахъ. Называя эту группу говоровъ полѣсской, собиратель, по разсмотрѣніи отличительныхъ чертъ ея, приходитъ къ заключенію, что «ея малорусская основа не подлежитъ сомнѣнію, но она имѣетъ также и свои особенности и обилуетъ въ большей или меньшей степени бѣлорусизмами. Характерною чертой говоровъ, продолжаетъ онъ, является неустойчивость и разнообразіе фонетическихъ измѣненій». Изъ наиболѣе интересныхъ явленій вмѣстѣ съ собирателемъ отмѣтимъ: 1) то, что, «несмотря на сосѣдство акающихъ бѣлорусскихъ говоровъ, центральная часть Пинщины не знаетъ смѣны *о* безударнаго въ *а*»; 2) соединенія съ *j*: между прочимъ въ группахъ $m+j$, $d+j$, $c+j$ наблюдается отсут-

Digitized by Google

ствіе обычнаго смягченія, такъ что — *ходю*, *радєла* (рядила), *распустю*, *брось*; 3) остатки архаическаго составнаго спряженія вродѣ — Мою ходу *пєрєхаживать муть*; Мою мову *пєрєлажывать муть* (-имуть); 4) образованіе формъ вродѣ вечєратимъ, вечєратимешъ, вечєратиме и пр. Аналогичной литературы М. В. Довнаръ-Запольскій почти не касается въ этой статьѣ, которая представляетъ результатъ вполнѣ самостоятельной работы надъ сырымъ матеріаломъ, что, конечно, въ извѣстномъ отношеніи рекомендуетъ автора, но вмѣстѣ съ тѣмъ и обусловливаетъ нѣкоторые изъ недостатковъ его труда. Къ нимъ-то мы теперь и обратимся.

Слово «недостатки» едва ли, впрочемъ, можно примѣнить ко всему, противъ чего можно возстать съ принципіальной точки зрѣнія; наполовину это противорѣчія, недосмотры, часто по-истинѣ досадные въ такомъ трудѣ, свидѣтельствующіе скорѣе о нѣкоторой торопливости, съ какой писалась статья о говорѣ. Такъ, покрайней мѣрѣ, мы склонны смотрѣть на многія мѣста этой статьи, о чемъ будемъ говорить ниже. Первое противорѣчіе заключается уже въ самомъ названіи труда «Бѣлорусское Полѣсье». Мы видѣли, что М. В. Довнаръ-Запольскій, изслѣдовавъ сѣверныя границы пинскаго говора съ бѣлорусскими, пришелъ къ заключенію, что его *малорусская основа несомнѣнна*. Тѣмъ не менѣе, онъ называетъ эту мѣстность *бѣлорусскимъ* Полѣсьемъ, слѣдуя, вѣроятно, ея обычному наименованію, установившемуся лишь благодаря тому, что административно Полѣсье было причислено къ Минской губ. Не основывается ли собиратель на какихъ-либо племенныхъ или бытовыхъ данныхъ? Объ этомъ онъ ничего не говоритъ; другой же изслѣдователь Пинщины, о. Булгаковскій, согласно съ основнымъ выводомъ собирателя, свидѣтельствуетъ, что «Пинчуки, они же и полѣшуки, обитатели Пинскаго у. Минской губ., входящей въ составъ сѣв.-зап. края, отличаются отъ всѣхъ другихъ жителей этой окраины своими бытовыми особенностями, а еще болѣе языкомъ». Если же принять во вниманіе непроходимыя болота и, въ недавнее время, глубокіе лѣса на сѣверной границѣ полѣсской группы, то придется признать, что de facto эта мѣстность гораздо болѣе отдѣлена отъ Минской губ., чѣмъ, напр., отъ Волынской и болѣе имѣетъ право на названіе малорусскаго, чѣмъ бѣлорусскаго Полѣсья. Всего же естественнѣе было бы называть эту мѣстность просто Полѣсьемъ, такъ какъ и въ языкѣ, и въ бытѣ она имѣетъ свои ярко-выраженныя особенности. Изслѣдованіе этихъ особенностей, далѣе, и составляетъ сущность діалектологической работы собирателя, приведшей его къ выводу, что пинскій говоръ есть особый говоръ, характеризуемый наслоеніемъ бѣлорусизмовъ на малорусской почвѣ; между тѣмъ, слѣдуя той же искусственной административной мѣркѣ, собиратель даетъ неточное, сбивчивое опредѣленіе, что этотъ говоръ «относится именно къ группѣ говоровъ сосѣднихъ губерній, имѣя впрочемъ и свои отличія», какъ будто эти сосѣдніе говоры изслѣдованы, или, по крайней мѣрѣ, намѣчены, будто именно не отличія дѣлаютъ пинскій говоръ пинскимъ, а не малорусскимъ или же малорусскимъ.

Нѣсколько замѣчаній мы должны сдѣлать по вопросу о транскрипціи. Транскрипція не орѳографія, какъ нѣтоторые полагаютъ, гдѣ живой, из-

Digitized by Google

мѣнчивый говоръ укладывается въ условныя, однообразныя рамки, а подгонять искусственно народную рѣчь подъ извѣстный шаблонъ значило бы лишать трудъ всякаго научнаго значенія. Конечно, встрѣчая, напр., такіе случаи, какъ *не, вышневыхъ, вишнѣўку* и рядомъ *нѣ, вышнѣвой* и т. п., мы должны вѣрить, какъ говорится, на слово собирателю, но мы уже видѣли, что это довѣріе имѣетъ прочныя основанія, да и обширность матеріала открываетъ большой горизонтъ для сравненій, съ помощью которыхъ нетрудно устранить ту или другую ошибку. Транскрипція сборника вообще должна считаться установленной, но и въ ней есть, по нашему мнѣнію, кое-какіе внѣшніе недочеты. Несомнѣнно, наилучшая изъ транскрипцій та, для которой меньше всего требуется оговорокъ со стороны записывателя, ибо къ чему же тогда и особая транскрипція, если я буду говорить, что въ данномъ говорѣ такой-то согласный звукъ абсолютно твердъ, а на письмѣ изображу его рядомъ съ мягкимъ гласнымъ? или, если я скажу, что звукъ, изображаемый *ѣ*, произносится то какъ *е* мягкое, то «во многихъ отдѣльныхъ случаяхъ» какъ дифтонгъ *іе*, а въ своихъ записяхъ не приведу ни одного примѣра произношенія *іе* изъ *ѣ*? Въ первомъ случаѣ собиратель создаетъ двойную условность, а во второмъ читатели могутъ не повѣрить ему, и будутъ правы. Такъ, М. В. Довнаръ-Запольскій свидѣтельствуетъ, что звуки *р* и шипящіе—абсолютно тверды; на письмѣ же послѣ *р*—всюду твердыя гласныя, послѣ же шипящихъ съ оговоркой оставлены мягкія. Не знаемъ какія соображенія руководили собирателемъ въ данномъ случаѣ, но и въ этомъ написаніи находимъ непослѣдовательность: такъ, при *чи* ўчестовала, *лежи*, започину, стаўши и пр., находимъ *чому, жонка*, пытаешъ, ночъ (да иначе и мудрено было бы писать!), дѣўчынонька, оччынъты, полюбощы, радощы, ночє, печє, пєрєхажывать, скачучы и мн. др., т.-е. какъ, по нашему мнѣнію, слѣдовало писать, у собирателя, вѣроятно, по недосмотру или недоумѣнію, которое не во разрѣшить. Недосмотромъ же мы объясняемъ и такія формы, какъ *єфвацеромъ* (стр. 78) наряду съ *ахвицєромъ*, лице наряду съ лицє, вышей (comparat.), тяжчей наряду съ *лучшъйша*, старшъйша и нѣк. др., хотя обозначеніе *ъ* въ случаяхъ, неразличающихся въ произношеніи отъ *е*, какъ и обозначеніе конечнаго *ъ*, совершенно, по нашему мнѣнію, излишне и уничтоженіе ихъ на письмѣ упростило бы трудъ собирателя.

Не даетъ, къ сожалѣнію, работа г. Довнаръ-Запольскаго матеріала для акцентологіи, что мы склонны считать довольно существеннымъ недостаткомъ діалектологической стороны труда. Вліяніе ударенія на огласовку слова есть фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію. Многія явленія народныхъ говоровъ, представляющіяся намъ спорадическими, могли бы быть объяснены именно этимъ путемъ, еслибы акцентологія наша имѣла въ своемъ распоряженіи надлежащій матеріалъ. Правда, наши собиратели обращали на этотъ вопросъ мало вниманія, но по указаннымъ выше причинамъ они, еслибы и хотѣли, могли бы немного сдѣлать въ этомъ направленіи. Хотя въ словарикѣ, приложенномъ къ матеріаламъ, ударенія отмѣчены, но этого недостаточно: слѣдовало ввести ихъ въ текстъ, въ особенности въ словахъ, отступающихъ отъ обычной акцентовки.

Digitized by Google

Все это недостатки, съ которыми еще можно помириться и отчасти извинить кропотливостью работы, обширностью матеріала; въ общемъ матеріалъ этотъ представляетъ собой цѣнное пріобрѣтеніе діалектологической литературы, и въ этомъ его главное значеніе. Но въ статьѣ собирателя о говорѣ, наряду съ цѣнными наблюденіями и точной группировкой фактовъ, встрѣчаемъ промахи ничѣмъ инымъ необъяснимые, какъ очевидной спѣшностью, пожалуй, небрежностью, которыя столь неумѣстны въ подобнаго рода работѣ. Характеристику говора на почвѣ собраннаго матеріала сдѣлалъ бы, наконецъ, другой изслѣдователь, и собирательскій трудъ М. В. Довнаръ-Запольскаго не умалился бы, и рецензенту не пришлось бы отмѣчать неточности и упущенія вродѣ слѣдующихъ:

1) «Это *отвердѣніе* (гласныхъ) бываетъ какъ *слѣдствіемъ твердости* самихъ гласныхъ (дєнь, зелєный), такъ»...

2) «Характернымъ для всего говора является отвердѣніе *я* въ *глагольной приставкѣ са*: ложуса, спытса». Такъ въ двухъ мѣстахъ; въ одномъ мѣстѣ это *ся* названо частицей.

3) *Д* вмѣсто *j* въ надгыше, надсильнѣйшы — явленіе не фонетическое, какъ повидимому думаетъ собиратель, а результатъ вліянія т. н. народной этимологіи: надь — въ знач. высшей степени; такъ въ бѣлорусской пѣснѣ изъ моего собранія:

Як запе́ли, як зайгра́ли
Над уси́х музы́к. (Над — лучше).

4) Противорѣчія: «Что касается гортанныхъ, то говоръ избѣгаетъ употреблять ихъ мягкими, или средними даже, *смягчая во флексіяхъ и другихъ образованіяхъ*». И дальше: «Гортанные способны смягчаться въ мѣстн. и дат. ед.» Очевидно, что въ итогѣ перекрестнаго вліянія мало — и бѣлорусскихъ формъ говоръ относится къ твердости и мягкости гортанныхъ равнодушно.

5) Въ примѣрѣ — кыни ўсе уланьское — собиратель видитъ *атрофію падежныхъ окончаній*. Помимо странности такого взгляда позволяемъ себѣ выразить сомнѣніе, явственно ли слышалъ собиратель это *ое*.

6) Accusat. мои сани въ примѣрѣ: мымо мои сани — собиратель принимаетъ за nominat., а слово *нычки* примѣра *пойду ўпрычки тємною нычки* онъ принимаетъ за genit., когда оно легко объясняется аналогіей по созвучію; также и въ (*по*) *ночє* собиратель видитъ nominat. вм. dat.

7) Какъ примѣры двойствен. ч. указаны: *очыца, очыцами*, двѣ *писємочки*.

8) Въ прим. — за *яблынь* бєрыся — смѣшеніе не родовъ, а склоненій.

9) На XXIV стр. явная описка — вм. дѣепричастій сказано причастій (флексія *учи*).

Кромѣ того, едвали можно согласиться: 1) съ возможностью группы чч изъ *тш*, напр. оччыныты; здѣсь удвоенъ первый элементъ — *оттчыныты*; 2) съ группой чч изъ *чш*: не лучча, лутча; 3) съ отвердѣніемъ губной въ словѣ—бровами: въ имен. брови—*и* несомнѣнно среднее, какъ и въ словѣ гиншая (стр. XIX) (по другому поводу); 4) съ выпаденіемъ

Digitized by Google

д въ словѣ два(д)цать: здѣсь простая ассимиляція вида *дваттсать*. Трудно рѣшить за отсутствіемъ ударенія вопросъ относительно слова — поламъе; во всякомъ случаѣ это не *обычная* форма, какъ ее считаетъ собиратель. Примѣры «ўже, ўпыласа, ў кого» на спорадическое *у*, приближающееся къ согласному *в*, должны писаться «вже, впыласа, в кого». Примѣръ *заўтра* неумѣстенъ и діаметрально противоположенъ положенію что *в* можетъ переходить въ полугласное ў. Примѣръ — дружчатка — на то, что *ч* въ соединеніи съ *j* даетъ *жч* — неубѣдителенъ. Излишне отмѣчать такіе общіе факты, какъ уподобленіе по звучности или обезголошеніе. Говоря объ отвердѣніи гласныхъ, слѣдуетъ держаться этого термина и употреблять во всѣхъ случаяхъ предпочтительно предъ терминомъ «отвердѣніе согласныхъ». Слѣдуетъ избѣгать слишкомъ общихъ, безсодержательныхъ фразъ вродѣ — «Къ общимъ явленіямъ въ области согласныхъ относится также ихъ способность смягчаться или отвердѣвать, сравнительно съ общелитературнымъ языкомъ (?), подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ фонетическихъ измѣненій».

Этнографическая сторона сборника стоитъ въ ближайшей связи со статьями М. В. Довнаръ-Запольскаго, написанными, во многихъ случаяхъ, на основаніи собраннаго матеріала. Такъ, нѣкоторые отдѣлы лирическихъ пѣсенъ пинчуковъ нашли себѣ объясненіе и яркую, живую характеристику въ статьѣ «Женская доля пинчуковъ» (Этн. Об., IX.). Неизмѣнныя женскія радости и печали отъ нѣжнаго дѣвическаго возраста и до могилы, съ вѣчнымъ узоромъ любви, обмана, ревности, глубокой, затаенной обиды рельефно рисуются предъ читателемъ, подкупая своей реальной правдой и обличая въ авторѣ вѣрное пониманіе народной жизни и духа. Лирическихъ пѣсенъ въ сборникѣ 225, при чемъ онѣ подраздѣляются на весеннія, лѣтаія, дожинки, осенія, зимнія, филипповскія, женскія въ собственномъ смыслѣ, рекрутскія, чумацкія, казацкія. Свадебныя пѣсни нашли себѣ объясненія и характеристику въ обширной статьѣ «Бѣлорусская свадьба въ культурно религіозныхъ переживаніяхъ». Подобно предыдущей, эта работа появилась на страницахъ «Этн. Обозр.», что даетъ намъ право не останавливаться подробно на ея содержаніи и значеніи.

Читатели, несомнѣнно, отмѣтили въ ней строго-критическое отношеніе автора къ обширному матеріалу, нѣсколько новыхъ и интересныхъ параллелей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, широкую постановку вопроса. Свадебныхъ пѣсенъ въ сборникѣ — 293; для удобства пользованія онѣ снабжены заглавіями, послѣдовательно указывающими время ихъ пѣнія въ свадебномъ ритуалѣ. За свадебными пѣснями слѣдуютъ: а) родинныя и крестинныя, б) колядки и щедровки, в) пасхальныя, г) троицкія и купальскія. Изъ помѣщеннаго въ «Приложеніяхъ» отмѣтимъ: 1) описаніе свадьбы въ Пинскомъ у., новое звено къ извѣстнымъ уже матеріаламъ, 2) весьма цѣнныя въ критическомъ отношеніи примѣчанія, 3) словарь, 4) карту сѣверной части Пинскаго у.

Въ примѣчаніяхъ собиратель указываетъ варіанты и литературу, главнымъ образомъ, славянскую, къ отдѣльнымъ мотивамъ поэзіи пинчуковъ. Изъ варіантовъ помѣщались, говоритъ онъ, преимущественно

Digitized by Google

такіе, которые могли представить интересъ при изученіи мотивовъ народнаго творчества». Собиратель правъ: для этнографическихъ цѣлей слѣдуетъ избѣгать накопленія совпадающихъ варіантовъ *изъ одной и той же мѣстности*, но варіанты изъ разныхъ мѣстностей представляютъ значительный интересъ. Это въ особенности скажется тогда, когда изученіе народной лирики станетъ на прочную почву и классифицируетъ подлежащій матеріалъ сообразно научнымъ требованіямъ, а не случайно, или по указаніямъ сказительницъ, какъ это дѣлалъ, къ сожалѣнію, М. В. Довнаръ-Запольскій, самъ же отмѣчающій сомнѣніе пѣвицъ, куда причислить пѣсню. Такъ, варіанты одной и той же пѣсни не должны бы оказаться въ разныхъ мѣстахъ, равнымъ образомъ и отдѣлъ пѣсенъ, подъ названіемъ «разныя», т.-е. мѣсто которыхъ не было въ точности указано пѣвицами, съ большимъ удобствомъ былъ бы распредѣленъ по намѣченнымъ уже рубрикамъ. Не можемъ не пожалѣть и о томъ, что собиратель не дорожитъ помѣтками, отъ кого пѣсня записана, скольких лѣтъ сказитель, грамотенъ ли. Излишне указывать на важность такого рода помѣтокъ; въ частности — описаніе обстановки, при которой поется пѣсня, часто интереснѣе и важнѣе самой пѣсни. Даже записывая, какъ въ данномъ случаѣ, не отъ отдѣльныхъ лицъ, а отъ хора всегда можно было бы нѣсколькими штрихами очертить составъ хора, обычныя замѣчанія пѣвицъ и проч.

Возвращаясь къ вопросу о варіантахъ, мы должны сказать, что наибольшее количество ихъ, какъ и слѣдовало ожидать, отмѣчено по сборнику Булгаковскаго. Собиратель, дѣйствительно, отмѣчаетъ лишь своеобразные варіанты; стоитъ свѣрить №№ 53, 160, 309, 341, 373, 401, 425, 432, 440; въ иныхъ случаяхъ помѣщены варіанты близкіе, но болѣе полные, чѣмъ въ «Пинчукахъ», каковы №№ 28, 416, 437, 536. Болѣе или менѣе близкіе варіанты находимъ въ №№ 25, 55, 164, 172, 308 (съ полонизмами въ языкѣ), 396, 456, 468, 487. Можно было бы опустить менѣе полные варіанты, напр., №№ 173, 310, 379, 464, также №№ 389, 441, 491, такъ какъ тожественные варіанты находимъ въ другихъ мѣстахъ разбираемаго сборника, но не слѣдуетъ забывать, что наряду съ этнографическими собиратель преслѣдовалъ лингвистическія цѣли.

Въ указателѣ отмѣчены loci communes, эпитеты и проч. и наиболѣе характерныя культурно-бытовыя темы, что весьма выгодно отличаетъ сборникъ отъ ему подобныхъ и даетъ изслѣдователю матеріалъ, если можно такъ выразиться, прямо въ руки. Съ особеннымъ удовольствіемъ останавливаясь на этомъ отдѣлѣ, мы обращаемъ вниманіе всѣхъ, кому придется имѣть дѣло съ этимъ сборникомъ, на чрезвычайно интересный этюдъ о лирическихъ «запѣвахъ», или «зачинахъ», ихъ видахъ и стадіяхъ развитія. Мы вправѣ были бы ожидать встрѣтить подобную работу скорѣе на страницахъ журнала, чѣмъ въ сборникѣ сырыхъ матеріаловъ.

Вообще въ этнографическомъ отношеніи новый трудъ М. В. Довнаръ-Запольскаго представляетъ много любопытнаго для изслѣдователя пріемовъ народнаго творчества въ области лирики пинчуковъ, содержащей и съ

Digitized by Google

внутренней стороны немало чертъ, родственныхъ то бѣлорусской, то малорусской поэзіи. Небогатая содержаніемъ, сѣренькая и скорбная пинская пѣсня проникнута задушевностью и неподдѣльнымъ лиризмомъ малорусской поэзіи, но лишена ея свободы, гибкости и силы. Духовное родство сразу даетъ себя чувствовать, но вѣковая замкнутость, нужда и непроходимыя топи положили свой отпечатокъ на народную думу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, помогли сохранить въ ней давно исчезнувшіе въ другихъ мѣстахъ остатки стариннаго быта.

На основаніи вышеизложеннаго приходимъ къ заключенію, что новый трудъ М. В. Довнаръ-Запольскаго, примыкающій къ цѣлому ряду его прежнихъ работъ, имѣвшихъ цѣлью изслѣдованіе языка, быта и исторіи населенія нашего западнаго края и помѣщавшихся на страницахъ то спеціальныхъ изданій, то Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстій (какъ и въ данномъ случаѣ), составляетъ отрадное явленіе въ научной литературѣ. Выполненіе его, несмотря на указанные недостатки, представляетъ значительный шагъ впередъ въ смыслѣ предварительной подготовки матеріала для научныхъ цѣлей. *Евг. Ляцкій.*

Н. Аристовъ.— **Опытъ выясненія этническаго состава киргизъ-казаковъ большой орды и кара-киргизовъ, на основаніи родословныхъ сказаній и свѣдѣній о существующихъ родовыхъ дѣленіяхъ и о родовыхъ тамгахъ, а такъ же историческихъ данныхъ и начинающихся антропологическихъ изслѣдованій** («Живая Старина», 1894 г., в. III—IV, стр. 391—486).

Тюркскія племена мало создали оригинальнаго, но уже издревле играли громадную роль въ жизни другихъ племенъ: въ ихъ территоріальномъ распредѣленіи, въ образованіи цѣлыхъ государствъ и складѣ ихъ политической жизни. Если тюрки и не были исключительно разрушающимъ элементомъ, то и не представляли собою въ жизни народовъ Европейско-Азіатскаго континента элементъ созидающій.

Быть можетъ, именно эти качества содѣйствовали нашему смутному представленію объ исторіи ихъ, происхожденіи, бытѣ, физическомъ типѣ. Для изученія древняго быта тюркскихъ племенъ преимущественно содѣйствуетъ изученіе тѣхъ современныхъ тюркскихъ группъ, которыя по своему образу жизни всего болѣе приближаются къ своимъ предкамъ,— изученіе тюрковъ-кочевниковъ. Киргизы, эти тюрки, кочующіе на громадномъ пространствѣ средне-азіатскихъ степей, отчасти по сію сторону Урала, хранящіе въ своихъ обычаяхъ, обрядахъ, воззрѣніяхъ много сѣдой старины, занимаютъ далеко не послѣднее мѣсто среди тѣхъ тюркскихъ племенъ, изученіе коихъ не только интересно, но и полно глубокаго научнаго значенія.

Киргизы уже давно занимаютъ въ нашей литературѣ болѣе видное мѣсто, чѣмъ многіе другіе инородцы нашего отечества. Знакомясь съ исторіею развитія литературы о киргизахъ, мы видимъ, что изученіе этого народа началось въ концѣ прошлаго столѣтія. Не менѣе, чѣмъ въ въ другихъ областяхъ, завоевали себѣ видное имя и здѣсь извѣстные изслѣдователи нашихъ окраинъ: Палласъ, Георги, Рычковъ, Лепехинъ.

Digitized by Google

Съ начала текущаго столѣтія литература о киргизахъ не переставала прогрессивно развиваться. Своеобразный внѣшній бытъ — вотъ что привлекало громадное большинство лицъ, писавшихъ о киргизахъ, вплоть до 20-хъ годовъ. Извѣстное сочиненіе А. Левшина: «Описаніе киргизъ-казачьихъ ордъ и степей», сдѣлавъ эпоху въ изученіи интереснаго народа, подвинуло весьма значительно наше знакомство съ киргизами. Тридцатые, сороковые и отчасти пятидесятые года, давшіе массу интересныхъ статей и сочиненій о киргизахъ, часто повторяя уже ранѣе въ литературѣ извѣстное, вдаются въ разсмотрѣніе обычаевъ, обрядовъ, религіозныхъ воззрѣній киргизовъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей и обогащаютъ наше знаніе интересными фактами. Дальнѣйшія два десятилѣтія, богатыя военными событіями, даютъ новое направленіе литературѣ о киргизахъ: вынуждаютъ изучать наше политическое отношеніе къ киргизамъ, ихъ исторію, политическій и соціальный строй. Литература семидесятыхъ годовъ, продолжая прогрессировать на пути этнографическихъ изслѣдованій киргизовъ, выдвигаетъ на первый планъ вопросы экономическіе. Слѣдующее затѣмъ десятилѣтіе характеризуется въ литературѣ о киргизахъ первыми попытками антропологическихъ изслѣдованій этого народа. Хотя литература о киргизскомъ народѣ, насчитывающая нынѣ свыше 1500 статей и сочиненій, и бѣдна по сіе время трудами, исчерпывающими всесторонне тотъ или иной вопросъ, но зато отдѣльныхъ фактовъ и наблюденій, преимущественно изъ области этнографіи,—фактовъ, ожидающихъ своего обобщенія и освѣщенія, накопилась, безъ преувеличенія, громадная масса. Текущее десятилѣтіе и характеризуется именно попытками нѣкоторыхъ авторовъ связать фактическія данныя въ извѣстную систему и представить читателю нѣчто стройное, цѣлое, освѣщающее данный вопросъ. Сочиненіе Н. Аристова, нѣсколько длинное заглавіе котораго мы не повторяемъ здѣсь, слѣдуетъ отнести къ разряду трудовъ тѣхъ изслѣдователей, которые не ограничиваются перечнемъ фактовъ, а группируютъ факты въ подтвержденіе руководящей мысли.

Н. Аристовъ останавливается исключительно на родовомъ устройствѣ киргизовъ большой орды и каракиргизовъ.[1]) Родовое устройство названныхъ племенъ не составляетъ у автора собственно поле его изслѣдованія; но факты, добытые имъ отчасти оригинальными изысканіями, отчасти почерпнутые имъ изъ литературныхъ источниковъ, онъ старается эксплуатировать для выводовъ объ этническомъ составѣ помянутыхъ народностей. На помощь недоговаривающимъ фактамъ по родовому устройству авторомъ берутся данныя историческія, народныя преданія. Преслѣдуя весьма сложную и трудно-разрѣшимую задачу детальнаго выясненія этническаго состава киргизовъ большой орды и кара-киргизовъ, авторъ, какъ оно по-

[1]) Между киргизами (казаками) и каракиргизами (кыргызами) существуетъ уже давно тѣсная литературная связь, хотя эти два народа и генетически, и исторически, и этнографически значительно розны другъ-другу. Сопоставляя въ одномъ трудѣ киргизовъ большой орды съ каракиргизами, нашъ авторъ руководствовался ихъ взаимной генеалогической связью.

Digitized by Google

нятно, не исчерпываетъ предмета, но раскрываетъ — и этого нельзя не отмѣтить съ особеннымъ удареніемъ—много новаго и въ высшей степени интереснаго.

Трудъ Н. Аристова состоитъ изъ двухъ болѣе или менѣе самостоятельныхъ статей: «этническій составъ большой орды» и «роды и кости кара-киргизовъ». Къ послѣдней статьѣ примыкаетъ особая глава «типъ кара-киргизовъ и начинающіяся антропологическія изслѣдованія». Говоря объ этническомъ составѣ киргизовъ большой орды, авторъ останавливается на генеалогическихъ преданіяхъ киргизовъ и приводитъ легендарную родословную большеордынцевъ. Одиннадцать именъ этой родословной ни что иное, какъ имена современныхъ одиннадцати поколѣній большой орды. Указавъ на численность отдѣльныхъ поколѣній и на мѣста ихъ современнаго жительства, Н. Аристовъ переходитъ къ историческимъ извѣстіямъ о поколѣніяхъ большой орды. Къ сожалѣнію, эта глава не имѣетъ достаточной полноты, въ чемъ, впрочемъ, упрекнуть автора было бы несправедливо. Говоря собственно о четырехъ поколѣніяхъ—*дулатъ, канлы сарыуйсунъ, джалаиръ*,—авторъ знакомитъ читателя съ древнею исторіею этихъ поколѣній, фигурировавшихъ нѣкогда самостоятельными племенами. Засимъ авторъ переходитъ къ интересному, но мало разработанному вопросу объ уранахъ, т.-е. боевыхъ кликахъ, и о тамгахъ киргизовъ. На основаніи находившихся въ распоряженіи автора данныхъ, онъ старается опредѣлить родовой и племенной составъ большой орды. Многочисленныя киргизскія тамги, свойственныя каждому киргизскому роду, сводятся по мнѣнію Н. Аристова на шесть основныхъ типовъ: a) прямая черта и ея удвоеніе, b) кругъ и его удвоеніе, c) полукругъ, d) сочетаніе двухъ прямыхъ, образующихъ уголъ или крестъ, e) соединеніе подъ углами трехъ прямыхъ и f) соединеніе четырехъ прямыхъ подъ прямыми углами. Седьмой типъ, приводимый Н. Аристовымъ, «соединеніе круга или полукруга съ одной, двумя и тремя прямыми», по нашему мнѣнію, представляетъ сочетаніе первыхъ двухъ типовъ съ послѣдующими тремя. Н. Аристовъ придаетъ тамгамъ киргизовъ громадное значеніе [1]). Это есть знакъ родовой, неизмѣнный, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени; но есть ли возможность даже при наличности достаточнаго матеріала возстановить родственную связь отдѣльныхъ родовыхъ группъ киргизовъ, какъ между собой, такъ и съ родовыми группами другихъ тюркскихъ племенъ,— по сіе время остается вопросомъ открытымъ. Но во всякомъ случаѣ, изысканія Н. Аристова именно на этомъ пути представляются новыми, въ высшей степени интересными и освѣщающими многія темныя мѣста, не только въ происхожденіи элементовъ, составившихъ киргизскую народность, но и во взаимномъ родствѣ ихъ съ кара-киргизами.

Болѣе подробно, чѣмъ большую орду киргизовъ, авторъ разсматриваетъ каракиргизскую народность. Останавливаясь на народныхъ сказаніяхъ о происхожденіи каракиргизовъ, Н. Аристовъ переходитъ къ историческимъ

---

[1]) Родовые знаки легли въ основаніе древняго тюркскаго алеавита.

Digitized by Google

данныхъ. И тѣ и другія убѣждаютъ автора въ древнемъ происхожденіи «кыргызовъ» (т.-е. каракиргизовъ) и въ примѣси къ этому народу иноплеменниковъ, преимущественно въ лицѣ *наймановъ, китаевъ и кипчаковъ*,—племенъ, имѣвшихъ въ свою очередь древнюю исторію. Далѣе авторъ входитъ въ подробное разсмотрѣніе тамговъ и родовыхъ именъ каракиргизовъ и, на основаніи ихъ, выводитъ свои заключенія относительно болѣе или менѣе близкаго генеалогическаго родства каракиргизовъ съ другими племенами и, въ частности, съ киргизами. Эти изысканія и служатъ Н. Аристову главнѣйшей задачей его труда. Слѣдуетъ вообще отмѣтить, что, просматривая имена родовъ разныхъ тюркскихъ племенъ, какъ-то: киргизовъ, каракиргизовъ, башкиръ, узбековъ, туркменъ, алтайскихъ тюрковъ и др., нельзя не видѣть общность многихъ родовыхъ именъ, встрѣчающихся то у тѣхъ, то у другихъ народностей. Нѣкоторыя изъ такихъ именъ болѣе распространены, иныя менѣе. Есть авторы, которые склонны видѣть въ этомъ повтореніи родовыхъ именъ у разныхъ племенъ извѣстную случайность. Такой взглядъ ничѣмъ не мотивированъ и никоимъ образомъ не можетъ считаться правильнымъ. Сознавая это, другіе авторы въ своихъ трудахъ уже неоднократно отмѣчали повторяемость именъ отдѣльныхъ родовъ, но не давали этому явленію никакого объясненія, исключая тѣ случаи, когда объясненіе, такъ сказать, навязывалось само собою. Н. Аристовъ, пользуясь извѣстными ему списками поколѣній и родовъ, пользуясь данными историческими, которыя, къ слову будь сказано, вообще крайне скудны, прибѣгая къ изображеніямъ тамговъ, пытается возстановить генеалогическую связь, съ одной стороны, между каракиргизами и киргизами большой орды, съ другой же стороны между отдѣльными родами поколѣній. Задача эта крайне трудна: во-первыхъ, многіе рода новаго происхожденія, между тѣмъ время ихъ возникновенія не извѣстно; во-вторыхъ, сліяніе нѣкоторыхъ родовъ произошло уже давно, существованіе же родовъ и поколѣній, фигурировавшихъ нѣкогда въ качествѣ самостоятельныхъ племенъ, относится нерѣдко къ весьма отдаленнымъ отъ современныхъ дней временамъ, восходя до начала (и даже ранѣе) нашей эры. Наконецъ, разселеніе разныхъ племенъ, встрѣчаемыхъ нами нынѣ въ лицѣ поколѣній и родовъ тюркскихъ племенъ, въ свою очередь, происходило нерѣдко очень давно, при томъ крайне разновременно и въ большинствѣ случаевъ и никѣмъ не датировано. Не слѣдуетъ забывать, что для того, чтобы вѣрно и точно возстановить, такъ сказать, контуры генеалогіи современныхъ тюркскихъ племенъ, надо быть хорошо вооруженнымъ и знаніемъ языковъ, и историческими данными, и обильнымъ, взвѣшеннымъ и провѣреннымъ современнымъ матеріаломъ. Всѣ эти условія необходимы, а между тѣмъ обладаніе ими не всегда зависитъ отъ автора самого: вотъ почему мы далеки отъ мысли упрекать Н. Аристова въ шаржированіи, если можно такъ выразиться, своего, по существу совершенно правильнаго, метода. Вотъ почему мы не останавливаемся на деталяхъ добытыхъ имъ результатовъ. Мы не можемъ не усмотрѣть заслуги Н. Аристова въ томъ, что имъ сдѣланъ починъ въ совершенно новой—въ изученіи тюркскихъ племенъ—области, которую мы могли бы

Digitized by Google

назвать раціональной генеалогіей. Всякому понятно, что генеалогія народа лишь до извѣстной степени способна раскрыть истинный составъ даннаго племени: генеалогія даетъ качественный анализъ его, оставляя вопросъ о количественномъ составѣ до извѣстной степени открытымъ; но, съ другой стороны, генеалогія племенъ служитъ могучимъ подспорьемъ для изученія ихъ исторіи и, связанныхъ съ нею, дробленія и разселенія племенъ, для изученія бытовыхъ явленій и, наконецъ, физическаго типа. Кромѣ того, генеалогія современныхъ племенъ служитъ подспорьемъ для изученія исторіи, этнографіи и антропологіи уже исчезнувшихъ, часто загадочныхъ для насъ, народовъ, почитающихся подчасъ вымершими и исчезнувшими безслѣдно, между тѣмъ продолжающими существовать въ лицѣ поколѣній или родовъ современныхъ, но несущихъ совершенно иныя наименованія народностей. Изучая на основаніи генеалогическихъ данныхъ, связанныхъ съ родовыми именами, составъ современныхъ тюрковъ, намъ представляется возможнымъ, такъ сказать, воскресить давно забытыя исторіею племена, какъ *найманов*, *канглов*, *китаев*, *кипчаков*, *дулатов*, *киреев*, *усюней*, *динлинов* и др.

Н. Аристову удается на основаніи своихъ изысканій установить извѣстную связь между нѣкоторыми нынѣ исчезнувшими племенами и ихъ отношенія къ современнымъ каракиргизамъ и киргизамъ большой орды. Резюмируя наиболѣе осязательные результаты труда названнаго автора, мы находимъ умѣстнымъ помѣстить ихъ здѣсь, какъ представляющихъ новый и выдающійся интересъ. Каракиргизовъ Н. Аристовъ считаетъ генеалогически прямыми потомками древнихъ *усюней*. Но усюнскій народъ, занявшій за два вѣка до Р. Х. западный Тяньшань, уже тогда не являлся цѣльнымъ, а представлялъ союзъ изъ тюркскихъ родовъ и *кыргызовъ*; во главѣ этого союза стоялъ усюнскій отдѣлъ кыргызовъ. У усюней и кыргызовъ (давшихъ современнымъ каракиргизамъ свое имя) были общіе предки—древніе *кыргызы*, происшедшіе, въ свою очередь, изъ смѣшенія тюрковъ съ длинноголовою и свѣтлокрашенною расою *динлинов*. [1])

Большая орда киргизовъ образовалась преимущественно изъ исчезнувшихъ нынѣ *канглов* и *дулатов* съ присоединившимися къ нимъ каракиргизами (кыргызами), которые составили поколѣніе *сары-уйсунъ* большой орды. Присоединившіеся къ «кыргызамъ» тюрки были родственные дулатамъ; сами же дулаты суть такъ-же, какъ и канглы, два особыхъ тюркскихъ племени, отличныя отъ каракиргизовъ; въ составъ дулатовъ вошла незначительная часть динлинскаго племени.

Взвѣшивая по достоинству добытые Н. Аристовымъ результаты его научныхъ изысканій, оцѣнивая весь кропотливый трудъ, потраченный имъ при его работѣ, исчерпанность литературныхъ источниковъ и сотни сгруппированныхъ интересныхъ фактовъ, касающихся преимущественно родового устройства киргизовъ большой орды и каракиргизовъ, мы не можемъ не привѣтствовать появленіе въ свѣтъ интереснаго «опыта выясненія этни-

---

[1]) За самостоятельные остатки динлиновъ Н. Аристовъ считаетъ вымершихъ нынѣ *аринов*, *ассанов* и *коттов*, отчасти современныхъ *айнов*.

Digitized by Google

ческаго состава» названныхъ племенъ, не можемъ не пожелать почтенному автору успѣха въ его дальнѣйшихъ изысканіяхъ. Надѣемся, что именно на этомъ пути его изслѣдованій найдутся достойные подражатели.

Ал. Харузинъ.

Ежегодникъ Тобольскаго Губернскаго Музея, состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государя Наслѣдника Цесаревича. Вып. II. Тобольскъ. 1894. 8°. 12 неп.+LXV+33+10+3+35+90+4 стр.

Въ «Этнограф. Обозрѣніи» (кн. XXII) уже былъ сочувственный отзывъ о 1-мъ вып. Ежегодника. Во многомъ пришлось бы повторять этотъ отзывъ и для второго выпуска. Здѣсь помѣщены «протоколы» собраній Комитета Музея, отчетъ о дѣятельности за 1893 г., отчетъ о состояніи коллекцій, музея, библіотеки, проектъ устава Тоб. губ. музея и т. д.; наконецъ, текущая хроника Музея (съ декабря 1893 по сентябрь 1894). Далѣе идутъ труды: *А. А. Терновскій*, Библіографія и иконографія Тобольскаго Губернскаго Музея. I Печатныя произведенія (съ 1886 г. по авг. 1894 г.). II Рукописи (Дѣла Комитета). III. Чертежи, этнографическіе снимки и рисунки (самого Музея и вещей, хранящихся и хранившихся въ немъ).—Указатель изданій (касающихся Тоб. Музея).—*Л. Е. Луговскій.* Легенда, связанная съ двумя остяцкими идолами изъ коллекціи «принадлежностей шаманскаго культа» въ Тобольскомъ Губернскомъ Музеѣ. Обоихъ идоловъ изъ камня—одинъ въ формѣ чел. черепа, другой лягушки — доставилъ Н. А. Блиновъ съ слѣд. легендой о нихъ: два богатыря поссорились; одинъ изъ нихъ обратился за помощью къ шаману, тотъ послалъ на противника болѣзнь; когда же эту болѣзнь пожрала лягушка, за что отсѣченная ея голова окаменѣла (одинъ идолъ), богатырь бросился къ жилищу противника, желая силою похитить его дочь; у той былъ ребенокъ, она съ нимъ бѣжала, богатырь погнался и схватилъ за голову ребенка,—голова оторвалась и тоже окаменѣла (другой идолъ).—*С. Н. Мамѣевъ*, Рукописи библіотеки Тобольскаго Губ. Музея за XVII и первую четверть XVIII столѣтій (Опись дозорныхъ, переписныхъ и другихъ книгъ 126 ркп.).—*Н. И. Палопеженцевъ*, Народное образованіе въ г. Ялуторовскѣ и Ялуторовскомъ округѣ. Историко-Статистическій Очеркъ. (Прод.).—Таково въ главныхъ чертахъ содержаніе этого выпуска. Отсюда видно, что дѣятели Музея прежде всего рѣшили разобраться въ сыромъ матеріалѣ: его подобрать, систематизировать, описать,—подготовить почву, если не для себя, такъ для послѣдующихъ поколѣній, и надо отдать справедливость, они поступаютъ вполнѣ благоразумно: сырого матеріала у нихъ такъ много, что оставить его въ пренебреженіи и невозможно, такъ какъ онъ самъ напрашивается на благосклонное вниманіе, и даже опасно, такъ какъ, непристроенный къ мѣсту, онъ можетъ и совсѣмъ затеряться.

Вл. Б.

Записки Уральскаго Общества Любителей Естествознанія. XV вып. (Екатеринб. 1895). *В. Г. Олесовъ:* Смолинскія пещеры (съ планомъ); пещеры находятся при р. Исети, у дер. Смолино, Покровской вол. Ека-

Digitized by Google

теринбургск. у. Авторъ изслѣдовалъ идущіе отъ главной камеры два хода: одинъ на 48½ саж., другой на 50 саж.; изслѣдованія привели къ открытію лѣстницъ, келій, источника, остатковъ срубовъ, старой иконы, крестовъ и пр. Нѣтъ сомнѣнія, что пещеры служили убѣжищемъ для раскольниковъ. Изслѣдованіе г. Олесова нельзя считать окончательнымъ, такъ какъ имъ отмѣчено нѣсколько ходовъ, проникнуть въ которые ему не удалось. *П. А. Шиловъ*: О суевѣріи населенія Шайтанскаго завода Екатеринб. у.: сообщается заговоръ «присуха»; текстъ заговора приведенъ съ сохраненіемъ мѣстнаго говора. *Я. Г. Безруковъ*: Завиваніе вѣниковъ и снаряжаніе березки на троицкой недѣлѣ въ с. Богородскѣ, Красноуфимскаго у.; описанъ обрядъ и приведены пѣсни. *П. Ѳ. Первушинъ*: Пѣсни, святочныя гаданія, поговорки и суевѣрія Катайской вол. Камышловскаго у.: 38 №№ пѣсенъ, приметы, свадебный обрядъ и пр. *Н. А. Русскихъ*: О вліяніи полярной ночи на человѣческій организмъ по изслѣдованіямъ К. Д. Носилова на Новой Землѣ. *Д. П. Никольскій*: О черепѣ человѣка, найденномъ на золотыхъ пріискахъ Верхъ-Исетскаго округа Екатеринбург. у. *Его же*: Краніометрическія данныя о черепѣ солона, доставленномъ въ музей общества изъ Семирѣченской обл. и добытый при раскопкѣ могилъ солоновъ.

Klaić Vjekoslav. Hrvatska pjesmarica. Izdala Matica Hrvatska. Zagreb. 1893. XII+203 (съ нотами въ текстѣ).

Издавая этотъ небольшой сборникъ хорватскихъ пѣсенъ, Матица имѣла въ виду, очевидно, двоякую цѣль: во-первыхъ, дать самому широкому кругу людей образованныхъ возможность познакомиться съ лучшими мотивами пѣсни народной, во-вторыхъ, ввести въ народъ, сдѣлать широко-извѣстными и популярными такія пѣсни, которыя своимъ содержаніемъ могутъ оказать особенно сильное вліяніе на возбужденіе и поддержаніе въ народѣ стремленій патріотическихъ. Польза такого изданія очевидна. Не всѣмъ доступны дорогія изданія Кубы или Кухача, и появленіе сборниковъ, подобныхъ изданному хорватской Матицей, весьма желательно и у другихъ славянъ. Помнится, что въ одномъ изъ славянскихъ журналовъ, посвященныхъ этнографіи, было высказано сожалѣніе по поводу того, что на «этнографическомъ концертѣ» въ Москвѣ исполнялись разныя славянскія и неславянскія народныя пѣсни, но въ числѣ славянскихъ пѣсенъ не было ни одной пѣсни чешской, между тѣмъ какъ пѣснямъ киргизскимъ, сартскимъ, чувашскимъ, армянскимъ и грузинскимъ отведено было значительное мѣсто[1]). Вся бѣда въ томъ, что у насъ, благодаря затруднительности книжныхъ сношеній даже съ столь близкими сосѣдями-славянами, какъ чехи, легче достать напѣвъ киргизскій, нежели чешскій, какъ это ни странно на первый взглядъ. Кромѣ того, обширные и дорогіе сбор-

[1]) При устройствѣ „перваго этнографич. концерта" имѣлись въ виду народности, живущія въ Россіи, а колонисты пока были оставлены въ сторонѣ. Кстати, напомнимъ, что этотъ „концертъ" недавно изданъ для пѣнія съ фортепіано (Москва, у Юргенсона, ц. 1 р. 50 к.). *Ред.*

Digitized by Google

ними (Кубы, Кухача, Эрбена) весьма мало распространены и въ славянскихъ странахъ, гдѣ они изданы; помочь дѣлу и можно изданіемъ такихъ популярныхъ и дешевыхъ сборниковъ, какъ названный нами «пѣсенникъ» хорватскій. Всѣ пѣсни, помѣщенныя въ немъ, распредѣлены на шесть группъ: первая — пѣсни «возвышеннаго» содержанія, т.-е. пѣсни патріотическія, среди которыхъ наибольшею извѣстностью пользуются: «Ioš Hrvatska ni propala», «Oj Hrvatska, oj...», «Gdje j'stanak moj?» (пѣсня, впрочемъ, не хорватскаго происхожденія, а переводъ чешской «Kde domov můj»), «Liepa naša domovina», ставшая хорватскимъ народнымъ гимномъ и др. Этотъ отдѣлъ состоитъ изъ двадцати пѣсенъ; текстъ принадлежитъ въ большинствѣ случаевъ виднымъ дѣятелямъ хорватскаго возрожденія: Гаю, Кукулевичу, Трискому, Мирку Боговичу и др.; 2-ая группа—пѣсни военныя и марши (34 №) — представляетъ меньше интереса въ виду того, что многія изъ пѣсенъ не оригинальны, хотя и пользуются широкою извѣстною («Oj ti vilo Velebita»). Больше интереса представляютъ пѣсни третьей группы, пѣсни любовныя (ljubavne popjevke), въ значительномъ числѣ оригинальныя народныя пѣсни (всѣхъ 55, изъ нихъ народныхъ болѣе 30), и пѣсни группы четвертой (веселыя и шутливыя пѣсенки). Во главѣ пятой группы пѣсенъ («napitnice», или «zdravice») стоитъ «Многая лѣта», почему-то считающаяся народною пѣснью; шестая группа (13 №) — пѣсни «za jedno grlo», т.-е. для пѣнія solo, принадлежатъ различнымъ хорватскимъ композиторамъ: Ливадичу, Ватрославу Лисинскому, Ивану Зайцу и др. Всего въ сборникѣ 159 пѣсенъ. Со стороны любителей славянской народной мелодіи сборникъ заслуживаетъ полнаго вниманія, и устроителямъ будущаго «этнографическаго концерта» онъ можетъ принести пользу.

Какъ бы въ подраженіе этому изданію хорватской Матицы въ послѣднее время появились еще подобные сборники, а именно: «*Hrvatska Lira*, сборникъ пѣсенъ въ народномъ духѣ», изданный извѣстнымъ композиторомъ Ф. С. Вильхаромъ, и «*Kolo*, сборникъ хорватскихъ и словинскихъ мужскихъ хоровыхъ пѣсенъ», составленный Н. Фаллеромъ. (Nikola Faller). *В. Ф.*

Digitized by Google

2. Газеты и Журналы.

Витебскія Губ. Вѣд., 1894, 42. *Н. Я. Никифоровскій*, «Очерки простонароднаго житья-бытья въ Вит. Бѣлоруссіи». Прод. въ №№ 43—46, 48—52, 54—56, 59, 60, 65—74, 76, 77, 79—85, 88, 89, 92, 95, 98, 100—102, 104, и въ 1895 году №№ 2—5, 8, 10, 11, 14—18, 20—22, 28—35. (Вышли отдѣльной книгой. Витебскъ 1895 г., болѣе 700 стр., ц. 3 р.). **63.** На супрядкахъ въ Т—ахъ Витебск. губ., разсказъ *И. Сч—а* (прод. въ № 64—67).—**68.** *Горбачевскій*, «Земля и пахарь». **73.** *Е. Р. Романовъ*, «Кара въ сто лѣтъ» (народн. легенда). Прод. въ № 74, 76, 77, 79, 81. (Вышла отд. брошюр. Вит. 1894 г.). **94.** Коровай (обычай и пѣсни мѣщанъ г. Велижа).**103.** *Горбачевскій.* «Вмѣсто святочной сказки» (Нѣсколько замѣчаній общаго характера о язычествѣ славянъ).—**1895. 4.** Ст. о центральныхъ архивахъ древнихъ актовыхъ книгъ.—Дунинъ-Мариикевичъ и его поэма «Тарасъ на Парнасѣ», ст. *Довнара-Запольскаго.*—**11.** По поводу завѣщанія крестьянъ. (Юридическая замѣтка) (Прод. въ № 129).—**15.** Краткая замѣтка о бѣлор. нарѣчіи, *Стукалича.* (Были оттиски).

Гродненскія Губ. Вѣд. 1895 г.—20. *Богдановичъ.* Переживки древняго міросозерцанія у бѣлоруссовъ. Этнографическій очеркъ (Прод. также въ №№ 22, 23, 24, 25, 26, 31, 32, 34. Была и отдѣльная брошюра).—Археологическая находка въ Ковенской губ. (кладъ монетъ XVII в.)—**30.** Въ корресп. изъ Слонимскаго у. сообщеніе о найденномъ въ м. Озерницѣ кладѣ въ 2530 монетъ (1500 и 1600 гг.).—**33.** Археологическая замѣтка. Неизвѣстный авторъ сообщаетъ чрезвычайно любопытныя подробности о могильникѣ на берегу р. Нарева, Бѣлостокскаго у., при дер. Горахъ. Могильникъ расположенъ на холмѣ, назыв. Горы. Песчаная равнина спрошь усѣяна костями. Среди предметовъ есть и позднѣйшіе (монеты XVI—XVII вв.), остатки гробовъ и медальонъ-икона. Костяки сохранились плохо. Но попадается множество вещей *курганнаго* и *каменнаго* періодовъ. Найдены бусы (43) стеклянныя, каменныя, почти круглыя, чернаго, синяго, краснаго и желтаго цвѣтовъ; спиральныя кольца, обломокъ ножа курганнаго типа. Крупные предметы подобраны окрестными жителями. «Судя по окраскѣ костей рукъ и головы, можно съ увѣренностью предположить, что на рукахъ погребенныхъ находились браслеты, на шеѣ—гривны, такъ называемые вѣнки.» Оружія не найдено. Положеніе костяковъ—голова къ югу и къ ю.-зап. Кромѣ того, найдены оскол-

Digitized by Google

ки кремневыхъ орудій, угольи и черепки изъ необожженной глины съ крупными кусками кварца и шпата. На черепкахъ—орнаментъ «въ видѣ лѣстницы» или «въ видѣ бугорковъ» (такіи урны, по словамъ автора замѣтки, находятся въ дер. Грицково и Алексичахъ). Авторъ замѣтки поднялъ въ теченіе часа до 200 предметовъ. Могильникъ заслуживаетъ вниманія спеціалистовъ-археологовъ.

Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи *при Имп. Казанскомъ Университетѣ*, т. X вып. 6, т. XI вып. 1—6, т. XII вып. 1—6. (Казань. 1892—1895 г.) Названное Казанское ученое общество продолжаетъ развивать свою плодотворную дѣятельность по изученію восточной области Россіи. Масса статей этнографическаго характера, появившихся въ означенныхъ выпускахъ, доказываетъ, что этнографія занимаетъ не послѣднее мѣсто среди двухъ другихъ отдѣловъ, составляющихъ предметъ изученія членовъ общества. Изъ крупныхъ трудовъ слѣдуетъ отмѣтить работу извѣстнаго этнографа *И. Н. Смирнова* «Мордва» (№№ X, 6, XI, 5, 6, XII, 4), которая въ настоящее время окончена. Предполагая въ ближайшемъ будущемъ подробно остановиться на монографіи г. Смирнова, мы ограничимся лишь замѣчаніемъ, что «Мордва» представляетъ, какъ и труды того же автора «Черемисы», «Вотяки» и «Пермяки,» наиболѣе полную и научно освѣщенную сводку матеріаловъ, по указанной народности, матеріаловъ дополненныхъ личными наблюденіями автора, что отводитъ этому труду видное мѣсто въ русской этнографической литературѣ. Изъ остальныхъ статей и матеріаловъ отмѣтимъ, какъ имѣющія этнографическій интересъ слѣдующія: т. X, 6: *В. А. Мошковъ*: Пермяцко-Корельскія параллели (матеріалы по этнографіи пермяковъ и кореловъ); XI, 1: *В. А. Мошковъ*: Матеріалы для характеристики музыкальн. творчества инородцевъ Волжско-Камскаго края: I. Мелодіи чувашскихъ пѣсенъ. *Н. Троицкая*: Черемисы Арбанской волости (Царевококшайск. у. Казанск. г.). Жилище, одежда, пища, обряды при свадьбахъ и похоронахъ; игры и увеселенія. *И. Н. Смирновъ*: Итоги археологіи, исторіи и этнографіи В. Россіи въ 1892 г.; *его-же*: Литература археологіи, исторіи и этнографіи В. Россіи въ 1892 г.; *его-же*: Программа собиранія свѣдѣній о бытѣ мордвы. XI, 2: *В. А. Богородицкій*: Слово «хомутъ» въ аріо-европейскихъ и урало-алтайскихъ яз.; *Р. Г. Игнатьевъ*: Башкиръ Салаватъ Юлаевъ, пугачевскій бригадиръ, пѣвецъ и импровизаторъ. *В. А. Мошковъ:* Мелодіи чувашскихъ пѣсенъ (прод.); *И. А. Износковъ*: Кара-якуповская волость (башкиры Уфимск. г.); *Н. Н. Бакай*: Захватъ, купля и продажа инородокъ въ Якутской волости въ XVII в.; *А. И. Соколовъ*: Духовные стихи (изъ старыхъ рукописныхъ сборниковъ; указаны варіанты въ сбор. Безсонова); къ сожалѣнію не указано, изъ какихъ рукописей матеріалъ извлеченъ; *В. П. Троицкій*: Черемисско-русскій словарь: А—К. XI, 3. *Р. І. Игнатьевъ*: Башкиръ Салаватъ Юлаевъ; *Извѣстія иностранцевъ* о народахъ В. Россіи (Strahlenberg, Барабинцы, якуты, юкагиры, коряки, черемисы, чуваши, остяки, тунгусы, мордва). *Формы жилищъ* и поселенія у народовъ В. Россіи (камчадалы, коряки, чукши; извлеч. изъ ст. Крашенинникова и «Владивостокъ»

Digitized by Google

1892 г. № 49—50). *В. А. Мошковъ*: Мелодіи чувашскихъ пѣсенъ. *Акты*, относящіеся къ *исторіи мордвы* Пензенской губ. *А. Д. Смирновъ*: Замѣтки о мордвѣ и памятникахъ мордовской старины въ Нижегородской г. *Г. Вихманъ*: Слѣды человѣческихъ жертвоприношеній у вотяковъ. *Литература*, археологіи, исторіи и этнографіи В. Россіи въ 1893 г. *В. П. Троицкій*: черемисско-русскій словарь. *К—Н.* XI, 4: *В. А. Мошковъ*: Мелодіи чувашскихъ пѣсенъ. *Бутузовъ*: Вѣрованія и культъ мордвы с. Сабанчеева Алатырск. у., Симбирск. г. *Постниковъ*: Постройки с. Талызина Курмышск. у., Симбирск. г. *В. П. Троицкій*: Черемисско-русскій словарь *Н—Р.* XI, 5: *В. Н. Витевскій*: Клады и кладоисканіе на Руси. *В. Г. Мещеринов*: Апокрифическая кладовая выпись (XVIII в.). *Ф. Бутузовъ*: Изъ быта мордвы с. Живайкина Жадовской вол., Карсунск. у. Симбирск. г. *В. П. Троицкій*: Черемисско-русскій словарь: *Р—Ш.* XI, 6: *И. Нечаевъ*: Игры деревенскихъ дѣтей Лаишевск. у. *Р. Г. Игнатьевъ*: Башкиръ Салаватъ Юлаевъ. *С. Иванцевъ*: Изъ быта мордвы дер. Дюрки Паранѣевск. вол., Алатырск. у., Симб. г. (одежда, свадебные обряды, моляны). XII, 1: *В. А. Мошковъ*: Мелодіи оренбургскихъ и ногайскихъ татаръ. *И. Н. Смирновъ*: Археологія, исторія и этнографія В. Россіи въ 1893 г. *Его-же*: Литература археологіи, исторіи и этнографіи В. Россіи въ 1893 г. XII, 2: *Н. Ѳ. Катановъ*: О погребальныхъ обычаяхъ тюркскихъ племенъ съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней (гунны, ухуань, уйгуры, дулгасцы, дубо, татары и на основаніи личныхъ изслѣдованій автора: бельтиры, сагайцы, каргинцы, калары (Минусинск. окр. Енисейской губ.), карагасы, урянхайцы, китайскіе казакъ-киргизы, китайскіе татары, лобъ-норскіе татары). *М. А. Красовскій*: Русскіе въ Якутской области въ XVII в. *Н. Ѳ. Катановъ:* Историческія свидѣтельства китайскихъ и арабскихъ писателей о Туркестанѣ; *его-же*: Качинская легенда о сотвореніи міра. *Т. А. Иваницкій:* приключенія муллы Насръ-Эддина. XII, 3. *И. В. Аничковъ*: Киргизскій батырь Джанходжа Нуръ-мухаммедовъ; *его-же*: Разсказъ о батырѣ Джанходжѣ Нуръ-мухаммедовъ. *Татары* Тамбовской губ. по даннымъ 1893 г. *В. П. Троицкій*: Черемисско-русскій словарь (окончаніе). XII, 4: *Н. И. Засѣдателевъ*: Древній обрядъ коронованія у тюркскихъ народовъ (обрядъ поднииманія на кошмѣ у др. татаръ, Касимовскихъ татаръ, въ Крымскомъ ханствѣ, ногайской ордѣ, Бухарѣ, у оренбургскихъ киргизовъ; описаніе сохранившейся до настоящаго времени среди татарчатъ Казанск. у. игры въ ханы, въ которой сохранились др. обряды избранія). *А. В. Смоленскій*: Программа для собиранія чувашскихъ примѣтъ о погодѣ. XII, 5: *Н. Н. Пантусовъ*: Орденъ хуфіе (магометанская секта, особенно распространенная въ русскомъ и китайскомъ Туркестанѣ). *Н. Ѳ. Катановъ*: О свадебныхъ обрядахъ татаръ восточн. Туркестана; *его-же*: Китайскій бунтовщикъ Чи-чи-гунъ. *Д. А. Кочневъ*: О погребальныхъ обрядахъ якутовъ Вилюйскаго округа, Якутской области. *В. К. Магницкій*: Къ вопросу о тамбовскихъ и казанскихъ татарахъ. *А. И. Соколовъ*: Особенности языка и правописанія грамотъ XVII в. *Н. Ѳ. Катановъ* и *Т. А. Иваницкій*: Тюрки-

Digitized by Google

скія сказки о трехъ братьяхъ (адербейджанская, турецкая, сагайская и логученская). XII, 6: *П. А. Поляковъ*: Исламъ среди тюрковъ, монголовъ, индусовъ и китайцевъ. *П. Ѳ. Катановъ*: О наказаніи лѣнивыхъ богомольцевъ у татаръ Китайскаго Туркестана. *И. Н. Смирновъ*: Археологія, исторія и этнографія В. Россіи.

Киргизская Степная Газета. 2. Отчего зло на свѣтѣ (сказка о пустынникѣ, воронѣ, голубѣ, оленѣ и змѣѣ). 3. Сказаніе о гордомъ завоевателѣ (Александрѣ Македонскомъ). 3, 17, 20. Охота у киргизъ. 4. Конь Набека (сказка).—Лирическія пѣсни киргизъ. 6. Торговля верблюдами и продуктами, получаемыми отъ нихъ, у тургайскихъ и оренбургскихъ киргизъ.—Конь Абонъ-эль-Марша (сказка). 9. Завѣтное кольцо (сказка). 10. Арабъ и турокъ (вост. сказаніе). 11. Абу-Бекирова тачка (египетская сказка).—Руза-гандъ (праздникъ Рамазанъ) въ степи. 14. Городскіе джатаки. 17. Къ вопросу о киргизскомъ землепользованіи. 19. *А. А. Ивановскій*. Ханъ Итбай (киргиз. сказка, перепеч. изъ «Русск. Вѣд.»). 20. По поводу раннихъ браковъ у киргизъ. 23. О необходимости имѣть киргизамъ своихъ спеціально подготовленныхъ учителей. 24. *Д. Айманов*ъ. Дуана Хожа Насыръ. 26. Изъ жизни труженицы науки (по поводу сборника статей А. В. Потаниной, изданнаго Географич. Отдѣленіемъ Имп. Общ. Люб. Естеств., Антроп. и Этногр.). 32, 33. Чудесный подсвѣчникъ (сказка).

Ковенскія Губ. Вѣд. Прибавленіе. 1895 г.—16. Отставка диктатора, Эпизоды изъ русско-польской исторіи. (По неизданнымъ документамъ и письмамъ). *М. Коялович*а. (Перепеч. изъ «Нов. Врем.»). (Продолж. въ №№ 17, 19, 21, 22, 24, 29, 30).—Нѣчто о солдатскихъ пѣсняхъ. *Н. Ефимовича*. (О безнравственности солдатскихъ пѣсенъ). 18. Георгій Конисскій Архіепископъ Бѣлорусскій (истор. очеркъ). 19. Происхожденіе гор. Якобштадта и древнее право его жителей «русской націи» римской и греческой вѣры. (Историческая справка). — 21. Солдатъ въ раю. (Народная легенда). (Продолж. въ № 22).—22. Среди замѣтокъ сообщеніе польской газеты «Wiek» о небываломъ случаѣ продажи мужемъ беременной жены на убой. Еврей, арендаторъ молочныхъ скоповъ у помѣщика, продалъ свою жену ворамъ, которые купили ее съ цѣлью добыть изъ нея жилы, такъ какъ, по повѣрію ихъ среды, жилы беременной женщины дѣлаютъ воровъ невидимками.

Минскія Епарх. Вѣдом. 1895 г.—6—9.—Второй періодъ существованія Минской духовной семинаріи. (1817—1844 г.). (Прод.).—7. Матерьялы для исторіи Минской епархіи (документы, относящіеся къ архіеп. Виктору Садковскому) (въ № 8—оконч.).—9. Столѣтіе перваго возсоединенія уніатовъ Минской губ. (1795—1895 гг.).

Приамурскія Вѣд. 64, 65. *П. П. Шимкевичъ*. Современное состояніе инородцевъ Амурской области и бассейна Амгуни.—66. О службѣ инородцевъ Забайкальской обл. и пожалованныхъ имъ знаменахъ.—*Альфтанъ*. Замѣтка о рисункахъ на скалахъ рр. Уссури и Бикину.—72. *Н. А. Крюковъ*. Свѣдѣнія о библіотекахъ въ Приамурскомъ краѣ.—75. *Шишмаревъ*. Отчетъ консульства въ Ургѣ о торговлѣ въ Монголіи

Digitized by Google

за 1894 г.—81. *Альфтанъ*. Инородческое населеніе по притокамъ Уссури рр. Бикину, Иману и Ваку.

Сибирскій Вѣстникъ. 1. Кое-что о пищѣ алтайскихъ инородцевъ. 3. 6, 11, 15, 20. 28, 32, 41, 42, 47, 49. *К.* Очерки жизни Колымскаго края.—8. Этнографическое изслѣдованіе населенія Якутской обл. на средства И. М. Сибирякова.—29, 32. Скопцы Мархинскаго селенія Якутской области. 37. Народное образованіе у тургайскихъ киргизовъ.—45. Скопцы Якутской обл., с. Спасскаго, Олекминскаго округа. — 47. звѣроловные промыслы въ Сибири.—51. Еретики (изъ якутскихъ сказаній).—59. Вырожденіе и вымираніе калмыковъ Астраханской губ.—74. Что сдѣлано въ 1894 г. въ области сибирской археологіи, исторіи и этнографіи? 77, 81. *А. Михайловичъ*. Къ вопросу о причинахъ вымиранія инородцевъ сѣверо-западной Сибири.—90. *Н. Псаревъ*. Изъ міра повѣрій (худой глазъ).—102. Шаманъ въ роли врача.

Смоленскія Губ. Вѣд. 16. Весна въ народныхъ русскихъ поговоркахъ и играхъ. («Прав. Вѣстн.»).

Смоленскій Вѣстникъ. 53, 55—57. *Н. Н-въ*. Очерки Смол. губ. и сѣв.-зап. края.—60. *С.* Русальная недѣля.—72. *Красало*. С. Полыковичи, Могил. губ. (ярмарка, слѣпцы и пр.).—*Н. С.* Изъ деревни (сближеніе крестьянъ съ интеллиг.).—101 *Н. Селезневъ*. Изъ деревни (Прод. въ № 108).—107. Изъ быта деревни (дѣло о пріемышѣ-дольникѣ).—108. *Д. Успенскій*. Фабричная поэзія (очеркъ съ текстами).—120. Царскій кабакъ Московскаго государства (по статьѣ проф. Дитятина).—123. *Н. С.* Изъ деревни (безюки-плотники).

Степной Край. 33. Къ вопросу о вымираніи инородцевъ.

Тобольскія Губ. Вѣд. 1. Браки у якутовъ.—3. Камчатскія коллекціи д-ра Слюнина.—5, 8, 10, 14, 16. Еврейскій вопросъ и евреи въ Сибири.—12. Новый взглядъ на вопросъ о древнемъ населеніи Сибири.—13. О праздновавіи масляницы въ старое время. 20, 21, 23, 26, 28, 30, 32, 48, 50, 60, 61, 70, 73, 74. *Х. Ныдро*. Остяцкія сказки или вечера надъ Обью.—22. Арабъ и змѣя (вост. сказаніе).—26. *А. А. Дмитріевъ*. Соляная торговля на Уралѣ и въ Сибири въ XVIII в.—27. Весна въ народныхъ поговоркахъ и играхъ.—Объ еврейскихъ именахъ—27—29. *И. И. Сухановъ*. Сельская община въ долинѣ Ангары.—35—38, 42—51, 57, 62—68, 71, 76. *Н. А. Абрамовъ*. Описаніе Березовскаго края.—38. Майскія народныя повѣрья, праздники и гулянья.—43. *И. Сухановъ*. Посидѣнки и о Ангарѣ.—48. О службѣ инородцевъ Забайкальской обл. и о пожалованныхъ имъ знаменахъ.—49. *И. Сухановъ*. Замѣтка о вечеркахъ на Ангарѣ.—54, 55. *А. И. Якобій*. Страна рѣки Ваха (осургутскихъ остякахъ).

Якутскія Еп. Вѣд. 1, 2. Путевыя замѣтки среди якутовъ.

Digitized by Google

НОВОСТИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Б—вичъ, Д. И. Сказки и преданія народовъ Кавказа. Обработаны по различнымъ источникамъ. Изд. кн. маг. Д. Дмитріева и К°. Москва 1895. 8°, 52 стр., ц. 50 к.

Бодуэнъ-де-Куртенэ, И. А. Матеріалы для южнославянской діалектологіи и этнографіи. I. Резьянскіе тексты. Съ приложеніями *Эмми фонъ Шульцъ-Адаевской* (съ нотами). Изд. И. Ак. Наукъ. СПБ. 1895. 8°, стр. XX+XLVII+708. Ц. 6 р.

Любавскій, М. К. Къ вопросу объ удѣльныхъ князьяхъ и мѣстномъ управленіи въ литовско-русскомъ государствѣ (изъ «Ж. М. Н. Пр.», авг. 94 г.). Спб. 1894. 8°. 49 стр. 100 экз.

Ляцкій, Евг. Сказитель Ив. Троф. Рябининъ и его былины. Этногр. очеркъ съ прилож. портрета и 5 напѣвовъ (4 запис. А. С. Аренскимъ, 1 Н. А. Янчукомъ). Москва. 1895. 8°, 47 стр., ц. 40 к. (Оттискъ изъ XXIII кн. «Этн. Обозр.»).

Матеріалы для исторіи села Кудымкора, Соликамск. у., Перм. губ. Пермь. 1894, 8°, 29 стр. 300 экз.

Матеріалы для статистики Красноуфимскаго уѣзда, Пермской губ. Казань. 1894. 4°. 161 + 258 стр. 400 экз.

Матеріалы по археологіи Кавказа, собранн. Эксп. Имп. Моск. Арх. Общ., снаряж. на Высоч. дарован. средства. Вып. IV. М. 1894. 4°, 2 + 197 стр. и LXI табл. 610 экз.

Межовъ, В. И. Библіографія Азіи. Указатель книгъ и статей объ Азіи на русскомъ языкѣ и однѣхъ только книгъ на иностранныхъ языкахъ, касающихся отношенія Россіи къ азіатскимъ государствамъ. Томъ III. Инородцы финскаго, татарскаго и монгольскаго происхожденія, обитающіе въ Россіи. Кавказскіе инородцы. Спб. 1894 8°. VII + съ 49 по 257 стр. 750 экз.

Мельниковъ, Александръ. Пословицы и поговорки въ стихахъ. Кіевъ 1894. 32°, 222 стр. 5.050 экз.

Михайловъ, А. Къ вопросу объ учительномъ Евангеліи Константина, епископа болгарскаго (Изд. «Труд. Слав. Ком. при И. М. Арх. Об.»). М. 1894. 4°. 58 стр. 75 экз.

Окраина (Финляндская) Россіи. Сборникъ статей, очерковъ, писемъ, документовъ и иныхъ матеріаловъ для изученія такъ называемаго финляндскаго вопроса. Вып. 2-й. Издалъ Сергѣй Петровскій. М. 1894. 8°. XXXII+606 стр. 1200 экз. Ц. 3 руб.

Digitized by Google

Ольденбургъ, С. Буддійскія легенды. Ч. 1-я. Спб. 1894. 8о. 12 + 140 стр. 210 экз.

Описаніе (Поверстное) рѣкъ: Волги, Камы, Шексны, Суры, Оки, Бѣлой и Вятки. Н.-Новгородъ. 1894. 8°, 24 стр. 3000 экз. (изъ «Нижегор. Бирж. Листка» за 1876, 80 и 85 гг.).

Очеркъ (Краткій) путешествій Архангельскаго губернатора А. П. Энгельгардта въ 1894 году на Мурманъ, Новую Землю и въ Печорскій край. Архангельскъ. 1894. 8°. 31 стр. 100 экз.

Очеркъ путешествія Арханг. губернатора А. П. Энгельгардтъ въ Кемскій и Кольскій уѣзды въ 1895 г. (Корелія. Поморье. Лопландія. Мурманъ). Архангельскъ. 1895. 8°, 128 стр. (Изъ Арх. Губ. Вѣд.).

Покровскій, Н. Очерки памятниковъ православной иконографіи и искусства. Спб. 8°. 350 стр. 400 экз.

Починъ. Сборникъ Общества Любителей Россійской Словесности на 1895 г. М. 1895. 8°. 464+28 стр. Ц. 2 р. (Въ числѣ другихъ статей помѣщены: *Ѳ. И. Буслаева*—Язычество и христіанство; Плачъ холоповъ прошлаго вѣка, съ предисл. *Н. С. Тихонравова*; Иліада, III пѣснь, нов. переводъ *Н. М. Минскаго; В. Ѳ. Миллера.* — Къ былинамъ о Чурилѣ Пленковичѣ; *Ф. Д. Нефедова*—Ушкуль, башкирская легенда).

Путешествіе въ Палестину. Изъ дневника *Петра А-истова*. СПБ 1894. 8°.

Радловъ, В., Сибирскія древности. Матеріалы по археологіи Россіи. (Изд. Имп. Археол. Комисс. № 15). Томъ I, вып. 3-й. Съ 8-ю табл. рис. и 30 политипаж. Спб. 1894. 4°. Стр. съ 81 по 132+съ 53 по 146+XIX. 600 экз. Ц. 2 руб.

Родосскій, А. Описаніе 432 рукописей, принадлежащихъ Спб. духовной академіи и составляющихъ ея первое по времени собраніе. 8°. 427 стр. 600 экз.

Сборникъ (Алтайскій). Изданіе Общества Любителей изслѣдованія Алтая. Вып. I. Томскъ. 1894. 8°. 330+52 стр. Ц. 2 р. (съ фототип. портр. перваго почетн. предсѣдателя Общества покойнаго Н. И. Журина, начальника Алтайскаго округа).

Сборникъ восточныхъ повѣстей, разсказовъ, легендъ и сказаній (литерат. обработка). СПБ. 1895. 8°. 205 стр.

Сборникъ свѣдѣній по Ярославской сельско-хозяйств. и промышленной выставкѣ 1893 г. Изд. Яросл. Общ. Сельск.-хоз. Ярославль. 1894. 8°. 424 стр. (съ 3 фототип.). Ц. 1 р. 50 к.

Свѣдѣнія о Сибири. II прибавленіе къ «Календарю Сельск. Вѣсти.» 1894 г. (Сельское хоз. въ Амур. обл., съ картой. Свѣд. о Приморской обл. Акмолинская обл. и пр.). СПБ. 1894. 8°. 40 стр.

Сидоровъ, Вас. Америка, путевыя замѣтки и впечатлѣнія. Спб. 1895. 8°. 2+423 стр. 500 экз. Ц. 1 р. 25 к.

Синдѣевъ А. Краткій историческій очеркъ города Стараго Оскола. Сост. по мѣст. матеріаламъ (Съ прилож. описанія празднованія 300-лѣтняго юбилея). Курскъ. 1894. 8°. 127 стр. 500 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Digitized by Google

Смоленскій, А. В. Чувашскія приметы о погодѣ и ея вліяніи на хозяйство. Казань. 1894. 8°. 81 стр. 85 экз.

Стороженко, А. В. Малоизвѣстныя сочиненія кіевскаго епископа (1589—1598) *Іосифа Верещинскаго*. I. Способъ заселенія Новаго Кіева, 1595 г.; II. Вѣрная дорога въ заселенію пустынь въ русскихъ областяхъ Польскаго Королевства, 1590 г. Переводъ съ 2 предисловіями и примѣчаніями. Кіевъ. 1895. 8°. 96 стр.

Сѣцинскій, Е. свящ. Городъ Каменецъ-Подольскій. Историч. описаніе. Съ фототипіями, гравюр. и цинкогр. Издано на средства Каменецкаго городского управленія въ память 100-лѣтія возсоединенія Подоліи съ Россіею (1893). Кіевъ. 1895. 8°. VIII+247 стр.

Титовъ, А. А. Тверскія Епархіальныя Вѣдомости. Списокъ и указатель статей, помѣщенныхъ въ неофиціальной части Вѣдомостей за первыя семнадцать лѣтъ ихъ существованія: 1877—1893. Москва. 8°. 100 стр. 1200 экз.

Токмаковъ, И. Историко-статистич. и археологич. описаніе села Произвно-Городище., Алатырскаго у., Симбирской губ. М. 1895. 8°. 56 стр.

Томсенъ, В. Дешифровка орхонскихъ и енисейскихъ надписей (Отд. отт. изд. «Зап. Вост. Отд. Имп. Р. Арх. Общ.»). Спб. 1894. 8°. стр. съ 323 по 337. 60 экз.

Троицкій, В. П. Черемисско-русскій словарь (приложеніе къ XI и XII т. «Извѣстій Общ. Арх., Ист. и Этногр.» (1893 и 1894 гг.). Казань. 1894. 8°. 87 стр. петита.

Указатель (систематическій) статей, помѣщенныхъ въ русскихъ журналахъ (апрѣль—іюнь). № 2. Спб. 1894. 8°. 36 стр. 700 экз. (Тип. П. Шмидта).

Усышкинъ, М. М. По Палестинѣ. Изъ путевыхъ замѣтокъ. Спб. 1894. 8°. 67 стр. 1000 экз.

Черепнинъ, А. И. Борковскій островъ и его древности (изд. «Арх. Изв. и Зам.») М. 1894. 8°. 18 стр. 50 экз.

Шахрай, А. М. Наша старина. XII. Еврейскія секты. Одесса. 1894. 8°. 48 стр. 1000 экз. Ц. 15 коп.

Штейнбергъ, О. Н. Словари древне-еврейскаго и русскаго языковъ. Томъ II. Полный русско-еврейско-нѣмецкій словарь, составл. по лучш. источникамъ. Изд. 7-е, испр. Вильна. 1894. 8°. VII+1288 стр. 400 экз. Ц. 3 р. 50 к.

Ядринцевъ, Ник. Мих. Біографич. очеркъ, составленный Б. Глинскимъ, съ предисловіемъ В. Острогорскаго и приложеніемъ воспоминаній Г. Потанина. Изд. Д. И. Тихомирова. М. 1895. 8°. 62 стр. Ц. 50 к. (Съ портретомъ).

Antoszka. O czechach, ich kraju i życiu. Z rysunkami. Warszawa (W. Obuchowski). 1895. 8°, бр. 34 стр.

Backhaus, Wilh. Eman. Das Wesen des Humors. Eine Untersuchung. Mit dem Bildnisse des Verfassers. (Историч. замѣчанія; юморъ въ искусствѣ, въ языкѣ и пр.). Leipz. 1894. 8°. 208 стр.

Digitized by Google

Billington, Mary Frances, Women in India. With introduction, by the Marchioness of Dufferin and Ava illustrated. (Chapman and Hall). (Свѣдѣнія объ англоиндійскомъ обществѣ и женщинахъ въ Индіи).

Drage, Geoffroy, The Karakorum Himalayas. London. 1894.

Foa, Edouard. Le Dahomey. Paris. A. Hennuyer («Bibliothèque de l'explorateur»). 1895 (Исторія, геогр., обычаи, обряды, промышленность, торговля).

Gundry, B. S. China past and present. (Chapman and Hall).

W. Helbig. L'épopée homérique expliquée par les monuments. Traduction francaise de M. Fr Trawinski avec une introduction par M. Maxime Collignon. Paris. Firmin-Didot., 1895. (Рецензія см. въ Revue Archéologique. 1895, janv.—fevr., p. 142).

Luckock. The history of marriage jewish and christian. London. 1894.

Nansen, Fridtjof, Eskimo Life. London and New-York. (Ежедневная жизнь, искусство, поэзія, музыка, религіозныя идеалы, вліяніе европ. цивилизаціи. Иллюстраціи и карта Гренландіи).

Piggot, F. T. (Лондонъ, éd. Batsford) издалъ свою книгу о музыкѣ и музыкальн. инструментахъ у японцевъ, съ примѣчаніями T. L. Southgate (подлиннаго заглавія пока не знаемъ).

Ribbeck, Otto. Geschichte der Römischen Dichtung. I Dichtung der Republik. 2-te durchgesehene und vermehrte Aufl. Stuttgart. 1894. 8° 358 стр. (Въ общемъ введеніи, «Anfängë, разъясняются виды творчества въ связи съ обычаями).

Williams, Alfred M., Studies in Folk-Sang and Popular Poetry („Амер. писатель задался широкою цѣлью изслѣдовать народную литературу и поэзію обоихъ континентовъ. Результаты своихъ изслѣдованій онъ издаетъ въ видѣ отдѣльныхъ выпусковъ, выходящихъ серіями. Въ вышедшихъ уже выпускахъ заключается изслѣдованіе американскихъ морскихъ и народныхъ пѣсенъ временъ гражданской войны. Изъ европ. нар. поэзіи авторъ пока напечаталъ только изслѣдованіе румынской народн. поэзіи, а также португальскихъ, шотландскихъ и британскихъ народн. пѣсенъ").

Digitized by Google

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

Къ годичному засѣданію И. Общ. Люб. Ест., Антроп. и Этнографіи (15 окт.) Секретаремъ Этнографическаго Отдѣла представленъ слѣдующій отчетъ о дѣятельности Отдѣла въ 1894—95 г.

Этнографическій Отдѣлъ въ истекшемъ отчетномъ году имѣлъ *9 засѣданій* (въ томъ числѣ одно совмѣстно съ Антропологич. Отдѣломъ), частью закрытыхъ, частью публичныхъ, посвященныхъ выслушанію и обсужденію научныхъ рефератовъ по разнымъ вопросамъ, касающимся главнымъ образомъ этнографіи Россіи.

Всего было сдѣлано въ означенныхъ засѣданіяхъ *13 сообщеній:*

1) *Всев. Өед. Миллера*—Къ вопросу о русскихъ былинахъ (Внѣшніе пріемы былиннаго творчества: зачины, эпитеты, ретардаціи и пр.).

2) *Ею-же*—Новыя данныя по этнографіи Кавказа (на основаніи 18-20 тт. „Сборника матеріаловъ", издаваемыхъ Кавк. учебн. Округомъ).

3) *Викт. Мих. Михайловскаго*—Внушеніе и гипнотизмъ у малокультурныхъ народовъ.

4) *Петра Мих. Богаевскаго*—Новыя данныя о жертвоприношеніяхъ у вотяковъ (по поводу судебнаго дѣла о Малмыжскихъ вотякахъ).

5) *Георг. Ив. Гуліева*—Очеркъ быта рачинцевъ (Кутаисс. г.)

6) *Петра Ерусланова*—Родственный союзъ по понятіямъ черемисъ. (Доложилъ секретарь Н. Янчукъ).

7) *Алексан. Ив. Кирпичникова*—Западная легенда въ русскомъ пересказѣ 16-го вѣка (о Лоретской иконѣ Б. М.).

8) *Аlавант. Ефим. Крымскаго*—О тюркменахъ-салырахъ (по рукописи д-ра М. Д. Енчевича).

9) *Мих. Нестор. Сперанскаго*—О людоѣдствѣ въ средней Европѣ въ доисторическое время (по статьѣ Матейки).

10) *Ник. Ник. Харузина*—Къ исторіи развитія типовъ жилища у нѣкоторыхъ тюркскихъ и монгольскихъ племенъ.

11) *Александра Ив. Яцимирскаго*—Разбойники Бессарабіи въ разсказахъ о нихъ.

12) *Ею-же*—Виноградъ и вино въ быту и живой рѣчи бессарабскихъ молдаванъ.

и 13) *Ник. Андр. Янчука*—Мамаево побоище въ южно-славянской народной поэзіи.

Въ закрытыхъ засѣданіяхъ обсуждались вопросы, касающіеся внутренняго распорядка жизни Отдѣла, а также сношеній его съ различными лицами и учрежденіями. Такъ Отдѣлъ вошелъ въ сношеніе съ г. Якутскимъ губернаторомъ по поводу экспедиціи, снаряженной на средства г. Сибирякова для изученія Якутскаго края, и съ г. Шимкевичемъ по поводу его экспедиціи въ Восточной Сибири. Кромѣ того, Отдѣлъ принялъ участіе въ выставкѣ печатнаго дѣла по предложенію выставочнаго комитета. Въ послѣднихъ засѣданіяхъ Отдѣла обсуждался между прочимъ вопросъ о присужденіи этнографической преміи имени Е. И. Выс. В. К. Сергѣя Александровича, первая выдача ко-

Digitized by Google

торой послѣ международныхъ конгрессовъ 1892 г. предстояла въ этомъ году по отдѣлу этнографіи. Представленный на премію трудъ члена Общества Митроф. Викт. Довнаръ-Запольскаго: „Бѣлорусское Полѣсье. Ч. I: Пѣсни пинчуковъ“ (неч. въ Кіевскихъ „Университ. Извѣстіяхъ“ 1895 г.) признанъ Отдѣломъ, согласно отзыву спеціальной Коммиссіи отъ Отдѣла, заслуживающимъ означенной преміи.

Изъ новыхъ начинаній, возникавшихъ въ Отдѣлѣ, отмѣтимъ мысль объ устройствѣ общедоступныхъ публичныхъ чтеній по этнографіи Россіи. Хотя эта мысль и не была приведена въ исполненіе, но планъ былъ составленъ и отчасти разработанъ, и осуществленіе его въ будущемъ было бы весьма желательно при болѣе благопріятныхъ условіяхъ.

Научныя *экскурсіи* въ теченіе прошлаго лѣта совершены слѣдующими членами: Г. И. Куликовскимъ—въ Заонежье, А. С. Хахановымъ—въ Тифлисскую губ., А. И. Яцимирскимъ — въ Бессарабію и Румынію, Н. Н. Харузинымъ—въ Сибирь, В. К. Поржезинскимъ—въ Ковенскую губ., М. Н. Сперанскимъ—въ Курскую губ. и А. Е. Крымскимъ—въ Кіевскую губ.

Результаты поѣздокъ послужатъ матеріаломъ для рефератовъ въ засѣданіяхъ Отдѣла наступающаго года. Краткія же свѣдѣнія о результатахъ поѣздокъ сообщаются здѣсь:

Герм. Илар. Куликовскій въ теченіе іюля текущаго года посѣтилъ Заонежье (архипелагъ острововъ, мысовъ и косъ въ сѣверной части Онежскаго оз.), главнымъ образомъ волости Толвуйскую, Шунгскую и Кузаранду. Занимаясь преимущественно географическими изслѣдованіями этой мѣстности, гдѣ Г. И. Куликовскій не разъ уже проводилъ лѣто, собирая этнографическіе и географическіе матеріалы (какъ по порученію Общества Люб. Ест., такъ и Русскаго Географическаго Общества), онъ могъ лишь дополнить свое собраніе новыми подробностями. Матеріалъ, собранный такимъ образомъ, послужитъ для составленія спеціальной статьи о Заонежьи и заонежанахъ.

Александръ Солом. Хахановъ лѣтомъ текущаго года съ этнографическою цѣлью путешествовалъ въ предѣлахъ Тифлисской губ. На станціи Мцхеты по Военно-грузинской дорогѣ записалъ нѣсколько пѣсенъ, характеризующихъ вѣрованія грузинъ-горцевъ. Двѣ историческія легенды записаны въ сел. Каспій Горійскаго уѣзда и собраны свѣдѣнія о родовомъ бытѣ мтіуловъ въ Душетскомъ уѣздѣ. Въ Салицвильде и на Манглисѣ Тифлис. уѣзда записаны пѣсни и легенды. Главное же вниманіе было обращено на изученіе духоборовъ, среди которыхъ, помимо духовныхъ пѣсенъ и псалмовъ, записаны свѣдѣнія объ устройствѣ семейной и общинной ихъ жизни, прослѣжена исторія ихъ переселенія въ Закавказье и судьба ихъ разселенія по деревнямъ Тифлисской губ. въ іюлѣ этого года.

Александръ Ив. Яцимирскій совершилъ поѣздку въ Румынію и Бессарабію. Цѣлью поѣздки въ Румынію было обозрѣніе славянскихъ книгохранилищъ въ мѣстныхъ старинныхъ монастыряхъ. Въ семинарской библіотекѣ въ Букарестѣ и у частныхъ владѣльцевъ ему удалось сдѣлать нѣкоторыя выписки изъ старыхъ слав. рукописей, и нѣсколько рукописей пріобрѣтено въ собственность. Наблюденія, сдѣланныя въ Бессарабіи, касались во-первыхъ обычаевъ, во-вторыхъ языка, въ-третьихъ народнаго творчества. Изъ обычаевъ обращено особенное вниманіе на обычаи погребальные и связанныя съ этимъ понятія о смерти, о загробномъ мірѣ и пр., причемъ записано нѣсколько легендъ апокрифическаго характера. Что касается мѣстныхъ говоровъ, то наиболѣе чистымъ молдаванскимъ говоромъ оказывается говоръ средней части Бессарабіи, такъ называемые „Кадры“ (лѣса), т. е. уѣзды Оргѣевскій и Кишиневскій, а также побережья Прута; окраины же поднержены сильному вліянію языка малороссійскаго. Записи живого языка даютъ возможность пока отмѣтить три говора, смотря по употребленію буквы *ф* (въ южн. Бессарабіи, Измаил. у.), или замѣняющихъ ее *щ* (средняя Бессар.) или *х* (сѣв. Бессар.); напр. „роза“: *трандафира—трандашира—трандахира* и т. п.—Изъ словесныхъ матеріаловъ, кромѣ легендъ, записано около 30 заговоровъ, нѣсколько

Digitized by Google

пѣсенъ съ напѣвами, отрывки обыденныхъ разговоровъ, рецепты для лѣченія болѣзней и пр. Помимо молдаванъ, г. Яцимирскій знакомился и съ бессар. цыганами, записывалъ ихъ слова, пѣсни съ напѣвами, разсказы и анекдоты про цыганъ; наконецъ, имъ сдѣлано нѣсколько фотографическихъ снимковъ изъ быта бродячихъ цыганъ, а также два снимка похоронной процессіи.

Никол. Ник. Харузинъ совершилъ поѣздку въ Западную Сибирь. Имѣя въ распоряженіи слишкомъ мало времени (ок. 7 недѣль), г. Харузинъ могъ придать поѣздкѣ преимущественно развѣдочный характеръ и познакомиться болѣе основательно только съ Томскимъ и Кузнецкимъ округами Томской губ. Преимущественно вниманіе было обращаемо на изученіе внѣшняго быта русскаго населенія въ зап. части Тобольской губ. и въ означенныхъ округахъ губ. Томской, равно и на бытъ остяковъ около Сургута. Намѣчены интересные въ этнографическомъ и археологическомъ отношеніи пункты, для изслѣдованія которыхъ онъ намѣревается совершить болѣе продолжительную поѣздку въ будущемъ году.

Викт. Карл. Поржезинскій въ іюлѣ и августѣ текущаго года посѣтилъ Маріямпольскій уѣздъ Сувалкской губ. и восточно-литовскую часть Шавельскаго уѣзда Ковенской губ. Путемъ опроса воспитанниковъ учительской семинаріи въ м. Вейверы Маріямпольскаго уѣзда, среди которыхъ онъ нашелъ представителей почти всѣхъ гминъ литовской части Сувалкской губ., ему удалось опредѣлить границу между средне-Литовскими и восточно-Литовскими говорами названной губерніи. Полученныя, такимъ образомъ, данныя были провѣрены имъ частью непосредственно на мѣстѣ, а частью путемъ опроса свѣдущихъ лицъ. Кромѣ того имъ собраны свѣдѣнія по фонетикѣ, отчасти по морфологіи Бирштанскаго говора (м. Бирштаны на правомъ берегу р. Нѣмана въ предѣлахъ Трокск. у. Виленской губерніи). Въ Шавельскомъ уѣздѣ онъ занимался провѣркой и дополненіемъ собраннаго въ прошломъ году матеріала, при чемъ посѣтилъ мѣстности въ восточно-литовской части уѣзда, съ говорами которыхъ ему въ прошломъ году не пришлось познакомиться. На говорѣ мѣст. Іонишки имъ записано 20 дайнъ, 5 сказокъ, на говорѣ деревни Малывьены 3 сказки, на говорѣ мѣст. Вейверы 30 дайнъ.

Мих. Нест. Сперанскій, живя въ теченіе лѣта въ Рыльскомъ уѣздѣ Курской губ., предпринялъ небольшое этнографическое изслѣдованіе въ этой мѣстности. Главнымъ предметомъ занятія были жилища крестьянъ этой мѣстности. Съ этой цѣлью выбрано было нѣсколько типовъ крестьянскихъ усадебъ въ дер. Переступлиной, сняты фотографіи внѣшняго вида построекъ съ улицы и со двора, причемъ всѣ постройки различались по степени зажиточности владѣльцевъ; поэтому были изучены усадьбы наиболѣе зажиточныхъ крестьянъ, насколько эти усадьбы не отклонялись отъ общаго типа, усадьбы средней зажиточности, составляющія большинство, усадьбы бѣдныхъ крестьянъ, затѣмъ бобыльскія усадьбы и наконецъ бывшихъ дворовыхъ, близко подходящія, все-же отличающіяся отъ бобыльскихъ. Всѣ части усадьбы (домъ, надворныя постройки, сады, огороды) обмѣрены и занесены на планъ, измѣрены и занесены на планъ и самыя избы съ ихъ внутреннимъ расположеніемъ. Также собранъ матеріалъ (въ фотографіяхъ) касательно общаго расположенія строеній и усадебъ въ деревняхъ. Наконецъ зарисованъ въ общихъ чертахъ небогатый орнаментъ, строеній и усадебъ въ деревняхъ, украшающій окна и ворота дворовъ. Для сравнительнаго изученія сдѣлана была поѣздка въ южную часть уѣзда, собранъ матеріалъ въ селѣ Поповкѣ и сравненъ въ нѣкоторыхъ частяхъ съ постройками въ самомъ городѣ Рыльскѣ.

Что касается другихъ сторонъ жизни этой мѣстности, то здѣсь г. Сперанскимъ начато собираніе сказокъ, пѣсенъ, повѣрій, причемъ руководствомъ служила программа Этн. Отдѣла по вѣрованіямъ и праву. Большая часть собраннаго матеріала выражается въ цѣломъ рядѣ заговоровъ, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимаютъ заговоры пчеловодные; въ остальномъ матеріалѣ можно отмѣтить немногія пѣсни и сказки и рядъ космогоническихъ вѣрованій. Еще ограниченнѣе, въ виду трудности и новизны дѣла, результаты

Digitized by Google

по изученію мѣстнаго говора, великорусскаго, пограничнаго съ малорусскимъ.

Архим. Ефим. Крымскій былъ командированъ Обществомъ въ Крымъ, но изслѣдованія этнографическія въ теченіе лѣта производилъ только въ Кіевской губерніи, т. к. болѣзнь не позволила ему выѣхать оттуда дальше. Въ предѣлахъ Кіевской губерніи собраны имъ значительные этнографическіе матеріалы, которые ему удалось добыть двумя путями: 1) путемъ *личныхъ* наблюденій надъ народной жизнью, путемъ записыванія изъ устъ народа пѣсенъ, сказокъ, легендъ, анекдотовъ, повѣрій и т. п. и 2) путемъ собиранія болѣе или менѣе старинныхъ *документовъ* этнографическаго содержанія. Между матеріалами, отмѣченными въ *первой* рубрикѣ (т. е. личными записями), наиболѣе значенія имѣетъ коллекція пѣсенъ (около 500), создавшихся въ новѣйшее время и иллюстрирующихъ крестьянскій малорусскій бытъ послѣ 1861-го года; въ отдѣлѣ прозаическихъ произведеній народной словесности наиболѣе интересенъ собранный циклъ преданій о Шевченкѣ, который сталъ народнымъ героемъ. Къ рубрикѣ *второй* (т. е. документальной) можно отнести: 1) Рукописи конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, содержанія преимущественно церковнаго и апокрифическаго. Важнѣйшая рукопись между ними—сборникъ духовныхъ кантовъ конца XVIII в., составленныхъ на малорусскомъ языкѣ (нѣчто вродѣ колядокъ); среди кантовъ вставлены риѳмованныя „орація" и сатирическія пѣсни, дающія понятіе о дьячковскихъ школахъ прошлаго вѣка и о бытѣ низшаго духовенства. 2) Коллекція т. н. „альбомовъ" (для стиховъ) 20-хъ—60-хъ годовъ; въ нихъ есть множество малорусскихъ пѣсенъ въ болѣе цѣнныхъ варіантахъ чѣмъ тѣ, которые изданы до сихъ поръ. 3) Бумаги покойнаго подольскаго этнографа Руданскаго 1851—1859 г.: легенды космогоническія, ветхозавѣтныя и новозавѣтныя, народные анекдоты и фабліо (до 300 №№). 4) Этнографическій сборникъ Менчица (сотрудника бывшаго Юго-Зап. Отд. Имп. Р. Геогр. Общ.)—смѣшаннаго содержанія. 5) Колоссальная куча подольскихъ этногр. матеріаловъ, собранныхъ въ 60-хъ годахъ этнографомъ Дыминскимъ (корреспондентомъ того же Юго-Зап. Отдѣла). Изъ записей Дыминскаго наиболѣе важны сказки, легенды, фабліо (747 №№); все это, въ большинствѣ, матеріалъ совсѣмъ еще неизвѣстный; а варіанты Дыминскаго къ изданнымъ уже записямъ—всѣ въ высшей степени цѣнны по свѣжести разсказа, полнотѣ, осмысленности. 6) Рядъ мелкихъ документовъ, собранныхъ изъ разныхъ мѣстъ и относящихся больше къ археологіи, чѣмъ къ этнографіи. Наиболѣе интересны между ними: „Описаніе урочищъ, гдѣ зарыты запорожцами и гайдамаками клады", и оффиціальное донесеніе какого-то инженера (прошлаго вѣка) объ открытіи золотыхъ розсыпей въ Звенигородскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи (теперь объ этихъ розсыпяхъ никто ничего не знаетъ). 7) Нѣсколько старинныхъ книгъ, которыя бросаютъ собою свѣтъ на исторію распространенія т. н. „бродячихъ сказаній".

Помимо матеріаловъ, добытыхъ поѣздками, архивъ Отдѣла постоянно обогащается поступающими отъ иногородныхъ членовъ и постороннихъ лицъ собраніями, статьями и матеріалами, и въ настоящее время возникаетъ вопросъ о мѣстѣ храненія этого цѣннаго архива, такъ какъ Отдѣлъ не имѣетъ никакого спеціальнаго помѣщенія, равнымъ образомъ не имѣется помѣщенія и для библіотеки Отдѣла, составляющейся изъ книгъ и брошюръ, присылаемыхъ или въ обмѣнъ на спеціальныя изданія Отдѣла, или въ даръ ему, или для отзывовъ и рецензій. Помѣщеніе для библіотеки и архива Этногр. Отдѣла составляетъ въ настоящее время его неотложную нужду, тѣмъ болѣе, что остальные Отдѣлы и Отдѣленія Общества пользуются тѣмъ или инымъ помѣщеніемъ въ зданіяхъ университета и другихъ учрежденій (напр. Историч. Музея).

Изъ изданій Отдѣла въ отчетномъ году продолжалось только одно „Этнографическое Обозрѣніе". Оно выходитъ по прежнему 4-мя книжками въ годъ подъ ред. секретаря Отдѣла Н. А. Янчука, но вслѣдствіе скудости средствъ объемъ книжекъ въ этомъ году пришлось уменьшить до 12 листовъ, вмѣсто

Digitized by Google

прежнихъ 15-ти. На печатаніе протоколовъ засѣданій Отдѣла за послѣднія 8 лѣтъ все еще нѣтъ средствъ. Равнымъ образомъ остаются не напечатанными обширные матеріалы и изслѣдованія, предназначенные для „Трудовъ" Отдѣла, изданіе которыхъ остановилось на XIII томѣ. Въ результатѣ является то, что научные этнографическіе матеріалы, накоплявшіеся въ теченіе многихъ лѣтъ и не дождавшіеся своего изданія, уходятъ постепенно изъ Отдѣла. Такъ, богатый матеріалъ, по языку Олонецкаго края, собранный чл. Общ. Г. И. Куликовскимъ по порученію Отдѣла, пришлось уступить въ этомъ году Академіи наукъ, которая, можетъ быть, изыщетъ средства къ его опубликованію. Изъ накопившагося собранія русскихъ народныхъ пѣсенъ Отдѣломъ рѣшено также отправить часть въ Петербургъ въ распоряженіе собирателя П. В. Шейна, сборникъ котораго издается Академіей. Весьма цѣнный и полный матеріалъ по вѣрованіямъ витебскихъ бѣлоруссовъ, собранный Н. Я. Никифоровскимъ, награжденный отъ Общества медалью и пролежавшій въ архивѣ Отдѣла болѣе двухъ лѣтъ, поневолѣ будетъ разбитъ авторомъ по частямъ и печататься въ мѣстной газетѣ, гдѣ останется незамѣченнымъ и мало доступнымъ для ученыхъ. Наконецъ, трудъ г. Довнаръ-Запольскаго, награжденный преміей, появился въ провинціальномъ изданіи, хотя уже былъ даже начатъ печатаніемъ въ томѣ „Трудовъ" Отдѣла, прекращенномъ по недостатку средствъ. Нечего и говорить, какъ печально сказывается это стѣсненное положеніе Отдѣла во многихъ другихъ отношеніяхъ. Цѣлый рядъ просьбъ о высылкѣ разнымъ лицамъ въ провинцію программъ для изслѣдованій, фотографическихъ аппаратовъ и пр. должны оставаться неудовлетворенными. Два такія крупныя предпріятія послѣдняго времени, могущія дать богатый результатъ для этнографіи вообще и для Отдѣла въ частности, какъ выставки Чехо-славянская въ Прагѣ и Всероссійская въ Нижнемъ-Новгородѣ, должны пройти для Отдѣла безслѣдно, потому что нѣтъ возможности командировать туда спеціальныхъ лицъ, а о пріобрѣтеніи коллекцій и думать нечего.

Бюро Отдѣла въ истекшемъ году составляли: предсѣдатель — поч. чл. Вс. Ѳ. Миллеръ, тов. предс. поч. чл. В. М. Михайловскій, секретарь непр. чл. Н. А. Янчукъ.

Въ члены-сотрудники избраны вновь Александръ Ив. Яцимирскій, Петръ Ерусланов и свящ. Никол. Никол. Несмѣловъ.

Г. Н. Потанинъ совершилъ на средства Императорскаго Русскаго Географическаго Общества небольшую поѣздку въ Кокчетавскій округъ Акмолинской области; цѣль поѣздки—собраніе киргизскихъ сказокъ. Г. Потанинъ провелъ цѣлый мѣсяцъ въ аулѣ киргизскаго султана Чингиса Валиханова; ему удалось записать киргизскій варіантъ сказки о Идыге, сказку о Таласпаѣ, объ Алеуко-батырѣ и нѣкоторыя другія, менѣе интересныя.

Извѣстный знатокъ малорусской музыки Н. В. Лисенко, собиратель народныхъ пѣсенъ и композиторъ, издавшій цѣлый рядъ сборниковъ пѣсенъ бытового и историческаго характера (см. „Этн. Обозр." XIX, 145), предпринимаетъ изданіе спеціальнаго выпуска, посвященнаго обрядным малор. пѣснямъ (веснянкамъ, петровочнымъ, купальскимъ, жнивнымъ, свадебнымъ, колядкамъ, щедривкамъ и др.). Почтенный собиратель-издатель убѣдительнѣйше проситъ всѣхъ любителей и любительницъ музыкальнаго народнаго творчества сообщать ему имѣющійся подъ руками подходящій матеріалъ (тексты съ мотивами) по адресу: Кіевъ, Маріинско-Благовѣщенская, д. 89. Предпріятіе это заслуживаетъ полнаго сочувствія и содѣйствія особенно въ виду того, что народныя обрядовыя пѣсни, драгоцѣнныя по своей глубокой древности, быстро выходятъ изъ употребленія вмѣстѣ съ исчезновеніемъ обрядовъ, съ которыми онѣ неразрывно связаны.

Digitized by Google

† Жегота Паули (1814—1895), одинъ изъ первѣйшихъ по времени польскихъ этнографовъ-собирателей, скончался 21 окт. н. ст. во Львовѣ. Онъ издалъ въ 30-хъ гг. два сборника собранныхъ имъ въ Галиціи народныхъ пѣсенъ: одинъ—малорусскій, другой—польскій, съ краткими описаніями обычаевъ, и вызвалъ подражателей въ этомъ дѣлѣ. О немъ см. у Пыпина (Исторія Рус. Эти. III, 132, 136—138, 425). Его портретъ съ краткой статьей о немъ въ варшавской „Wisl'ѣ“ (1888, III, 653—662), некрологъ—въ львовскомъ журналѣ „Lud“, 1895, № 8, стр. 193—196.

ВОПРОСЫ и ОТВѢТЫ.

Намъ доставлена для напечатанія нижеслѣдующая программа, составленная Эрнестомъ Шантромъ, по вопросу о необходимости пересмотра номенклатуры народовъ Азіи. Вопросъ былъ поднятъ на послѣднемъ международномъ конгрессѣ въ Москвѣ, и для разработки его была учреждена особая коммиссія изъ спеціалистовъ. Коммиссія проситъ лицъ, заинтересованныхъ извѣстною народностью, отвѣтить въ краткихъ словахъ на слѣдующіе вопросы:

1) Этническое названіе народности согласно національной орѳографіи и ея транскрипціи на французскій языкъ.

2) Какіе синонимы имѣетъ народность или подъ какимъ другимъ именемъ она извѣстна?

3) Откуда происходитъ она по своимъ преданіямъ?

4) Какія миграціи извѣстны для народности?

5) Каково ея географическое распространеніе?

6) Каково происхожденіе народности по ея сказкамъ, преданіямъ и исторіи?

7) Какія доисторическія и историческія древности приписываются народности?

8) Съ какими другими народностями представляетъ она наибольшія сходства съ выше перечисленныхъ точекъ зрѣнія?

9) Какіе этнографическіе признаки народности: т.-е. лингвистическіе, религіозные, соціологическіе, индустріальные, художественные и пр.?

10) Съ какими народностями она имѣетъ наиболѣе сходства съ вышеупомянутыхъ точекъ зрѣнія?

11) Какіе антропологическіе признаки народности: т.-е. цвѣтность кожи, глазъ и волосъ; форма носа, глазъ, лица; головной, носовой и лицевой показатели; высота роста, и т. д.?

12) Съ какими другими народностями представляетъ она сходство съ вышеупомянутыхъ точекъ зрѣнія?

13) Въ какую группу: вѣтвь, семейство, народъ или колѣно (rameau, famille, nation et tribu) надо помѣстить народность?

14) Перечисленіе библіографическихъ указаній или другихъ документовъ, могущихъ помочь при окончательныхъ выводахъ, касающихся данной народности.

Отвѣты могутъ быть доставляемы въ редакцію „Этногр. Обозрѣнія“ для передачи въ международную коммиссію.

Digitized by Google

Годъ 7-й. Кн. XXVII.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ИЗДАНІЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1895, № 4.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Секретаря Этнографическаго Отдѣла

Н. А. Янчука.

МОСКВА.
Типографія „Разсвѣтъ", уголъ Воздвиженки и Кисловки, д. Шмитъ.
1895.

Digitized by Google

Печатано съ разрѣшенія Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ.

		Стр.
I.	Свадебные обряды въ Болгаріи. *Ѳ. Волкова*	1.
II.	Сауръ Ванидовичъ. *Г. Потанина*	57.
III.	Родины и крестины, уходъ за родильницей и новорожденнымъ. (По матеріаламъ, собраннымъ въ Тульской губ.). *Д. И. Успенскаго*	71.
IV.	Изъ западно-европейской этнографической литературы. Новый взглядъ на исторію происхожденія семьи. (Joh. Rich. Mjucke, Horde und Familie). *Н. Харузина* .	96.
V.	Смѣсь:	
	Замѣтки о разныхъ методахъ изученія народныхъ малорусскихъ думъ. *П. Житецкаго*	108.
	Нѣкоторые обычаи и вѣрованія крестьянъ Череповскаго уѣзда Новгородской губ. Сообщ. *М. К. Герасимовъ* . .	122.
	Украинскія легенды и вѣрованія, связанныя съ именами нѣкоторыхъ святыхъ. Сообщ. *М. К. Васильевъ* . . .	126.
VI.	Некрологъ: М. П. Драгомановъ. *А. Крымскаго*	129.
VII.	Критика и библіографія.	
	1. Книги, ученыя и справочныя изданія. . . . . .135—171.	

Іоганнъ Гаури. Исламъ въ его вліяніи на жизнь его послѣдователей. Переводъ съ нѣм. П. И Хомутова. *А. Крымскаго* (135). — Человѣческія расы. Народы Африки. Сост. подъ ред. Г. М. Пекаторосъ. (Общедоступная библіотека). *Н. Х.* (152).—М. Ковалевскій. Очеркъ происхожденія и развитія семьи и собственности.—Карлъ Каутскій. Возникновеніе брака и семьи. *Его-же.* (153). — А. И. Бодуэнъ де-Куртенэ. Матеріалы для южно-славянской діалектологіи и этнографіи. *М. Сп.* (154).—Арс. Марковичъ. Taurica. Опытъ указателя сочиненій, касающихся Крыма и Таврич. губ. *Н. Х.* (155).—Г. Е. Грумъ-Гржимайло. Описаніе Амурской области. Подъ ред. П. П. Семенова. *Его-же.* (156). — Протоколы Троицкосавско-Кяхтинскаго отдѣленія Приамурскаго Отдѣла И. Русс. Географич. Общества *Его-же* (157).—В. Васильевъ. Географія Тибета. Переводъ изъ Минь-чжулъ-Хутухты. *Его-же* (158).—A. O. Heikel. Explora-

Digitized by Google

tions ethnologiques. (Travaux géografiques exécutés en Finlande). *Его-же*. (159).—Труды IX Археологическаго Съѣзда въ Вильнѣ. Т. I, подъ ред. гр. П. С. Уваровой и С. С. Слуцкаго *Его-же*. (161). — В. С. Свѣтловъ. Кавказскія преданія и легенды *А. Хах-ова*. (163). — М. Бережковъ. Еще нѣсколько образцовъ народныхъ историческихъ пѣсенъ, запис. во Владимірской губ. *А. Лободы*. (164). — А. Н. Зерцаловъ. Къ матеріаламъ о ворожбѣ въ древней Руси. *Н. Х.* (165). — Н. Ѳ. Катановъ. О наказаніи лѣнивыхъ богомольцевъ у татаръ Китайскаго Туркестана. — Д. Кочневъ. О погребальныхъ обрядахъ якутовъ Вилюйскаго округа Якутской губ. *Д. Н.* (166).— Шустовъ. Въ киргизскихъ степяхъ. *Его-же* (167). — И. И. Шендриковскій. Къ этнографіи бурятъ. *Его-же*. (168).—М. А. Гедеванновъ. Зангезурскій уѣздъ Елисаветпольской губ. въ медицинскомъ отношеніи. *Его-же* (169).— Я. Т. Нейштабъ. Основы гигіены древняго міра. *Его-же*. (170). — Календарь и памятная книжка Вятской губ. на 1895 г. *Его-же*. (171).—

2. Обзоръ газетъ и журналовъ . . . . . .172—179.

3 Новости этнографической литературы. . . . . 180.

VIII. Извѣстія и замѣтки. Якутская этнографическая экспедиція, снаряженная на средства И. М. Сибирякова. (182). — Изданіе великорусскихъ пѣсенъ (189). — Поѣздка И. А. Ѳедосовой въ Москву (190).

IX. Приложеніе: Кавказская библіографія. („Обзоръ" 1878—1880. „Закавказскій Вѣстникъ" 1838 — 1847. „Кавказская Старина". 1872). Продолж. Сост. *А. Хаханов*ъ. . . . . 193—194

X. Объявленіе объ изданіяхъ Этнографическаго Отдѣла. . . 192.

ПОПРАВКИ.

Кн. XXVI, стр.	76,	строка	4	сн.	вм.	татаръ	д. б. хозаръ
„	145	„	7-8	„	„	безпечная	„ несчастная
„	„	„	5-6	„	„	но, онъ	„ но онъ,
„	„	„	2	„	„	Каумфана	„ Кауфмана
„	146	„	24-25	св.	„	истинное настоящаго	„ исканіе настоящаго смысла
„	„	„	27	„	„	сина	„ звена

Digitized by Google

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ ВЪ БОЛГАРІИ [1]).

Бракъ у древнѣйшихъ обитателей нынѣшней Болгаріи и у волжскихъ болгаръ. Вліяніе христіанства. Отвѣты папы Николая I. Слѣды первобытнаго брака у современныхъ болгаръ. Бракъ и церковь. Собранія молодежи и ея организація. Время заключенія браковъ.

Вопросъ о Дунаѣ, какъ о мѣстѣ первоначальнаго поселенія славянъ въ Европѣ и дальнѣйшаго разселенія ихъ въ разныя стороны, конечно, далеко нельзя считать еще вполнѣ рѣшеннымъ. Но тѣмъ не менѣе всѣ изслѣдованія какъ археологическія (Шафарикъ), такъ и филологическія (Надеждинъ и др.) приводятъ къ тому, что долго оспаривавшееся свидѣтельство начальной русской лѣтописи о томъ, что „по многѣхъ временахъ (послѣ потопа) сѣли суть словѣни по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорська земля и Болгарска", начинаетъ пріобрѣтать все болѣе и болѣе вѣроятія и находить себѣ такихъ компетентныхъ сторонниковъ, какъ, напр., проф. Ягичъ [2]). Не имѣя, конечно, намѣренія входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе этого вопроса, мы считаемъ, однакоже, возможнымъ обратить вниманіе на то, что при обсужденіи его принимались до сихъ поръ всѣ данныя, кромѣ однихъ только, кажется, этнографическихъ, между тѣмъ какъ эти-то именно данныя, вѣроятно, болѣе всѣхъ прочихъ могутъ по-

---

1) Авторомъ уже ранѣе были посвящены отдѣльныя изслѣдованія изученію свадебныхъ обрядовъ у малоруссовъ, но они напечатаны внѣ Россіи, а именно: въ Сборникѣ за народни умотворения, наука и книжнина, изд. Болгар. министерства нар. просв. т. III, IV и V, и въ Anthropologie 1891 №№ 2, 4 и 5 и 1892, № 5. Настоящая статья, хотя и является какъ бы продолженіемъ этихъ изслѣдованій, представляетъ въ то же время отдѣльное цѣлое и даетъ весьма интересныя параллели къ обычаямъ у русскихъ народностей. *Ред.*

2) Iagič. Archiv für Slawische Philologie I. B. s. 330 (Dunav—Dunaj in der slawischen Volkspoesie).

Digitized by Google

служить основаніемъ для его разрѣшенія. Разумѣется, это разрѣшеніе—дѣло будущаго, когда сколько-нибудь научная этнографія славянскаго міра будетъ въ состояніи доставить для этого достаточное количество матеріаловъ, и, въ особенности, когда будутъ изучены этнографически горныя племена Балканъ и Карпатовъ; но и въ настоящемъ это налагаетъ уже обязанность на всякаго изслѣдователя не оставлять этого вопроса безъ вниманія при всякой сравнительно-этнографической работѣ, касающейся дунайскихъ славянъ вообще, и, во всякомъ случаѣ, оправдываетъ наше рѣшеніе обратиться, послѣ разсмотрѣнія свадебныхъ обычаевъ въ Украинѣ, къ южнымъ славянамъ, тѣмъ болѣе что въ интересующемъ насъ въ данное время вопросѣ мы больше всего можемъ надѣяться встрѣтить архаическіе элементы именно у этихъ народовъ.

Въ соціологіи сдѣлалось давно уже установленнымъ фактомъ то, что первобытные жители равнинъ и широкихъ долинъ прежде всего подвергались нападеніямъ новыхъ завоевателей и были вытѣсняемы оттуда въ горныя мѣстности, гдѣ остатки первобытнаго населенія и удерживались очень долго, а нерѣдко держатся и до сихъ поръ, сохраняя почти въ полной неприкосновенности свои архаическія бытовыя черты. Такое явленіе представляютъ собой остатки меланезійскихъ племенъ въ горахъ Индіи, горскія племена на Кавказѣ, баски въ Пиринеяхъ и т. п.; нѣчто подобное должны представлять собою по отношенію къ древнимъ дунайскимъ славянамъ горные жители Балканъ и Карпатъ, сохраняющіе у себя старинную форму семьи—задругу и множество другихъ не менѣе древнихъ особенностей. Разсматривая свадебные обычаи болгаръ, а особенно македонскихъ, мы увидимъ, что, несмотря на множество всевозможныхъ этнографическихъ и культурныхъ вліяній, нарушившихъ цѣльность и чистоту обряда, въ нихъ все-таки удержались такія этнографическія черты, которыя давнымъ-давно уже исчезли въ равнинахъ, въ томъ числѣ и въ Украинѣ.

Но если, съ одной стороны, этнографія южныхъ славянъ, а особенно болгаръ, представляетъ для насъ значительный интересъ, зато, съ другой стороны, она представляетъ и наибольшія трудности для изслѣдованія. Будучи въ антропо-

Digitized by Google

логическомъ отношеніи результатомъ смѣшенія двухъ совершенно различныхъ расъ—желтой, монголо-тюркской, и бѣлой, арійской, болгары подвергались такому множеству разнаго рода вліяній, какому не подвергался ни одинъ, кажется, изъ славянскихъ народовъ. Послѣ римскаго вліянія на населеніе Мизіи до пришествія въ нее волжскихъ болгаръ началось вліяніе византійское; затѣмъ, наконецъ, турецкое, не говоря уже о вліяніяхъ болѣе второстепенныхъ. Каждое изъ этихъ вліяній должно было оставить свои слѣды и въ понятіяхъ, и въ обрядахъ, такъ что изслѣдователю, который долженъ разбираться во всемъ этомъ, предстоитъ, разумѣется, очень нелегкая задача, тѣмъ болѣе нелегкая, что для временъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ, источники почти совершенно отсутствуютъ, а для изслѣдованія остается единственный путь сравненій и сопоставленій.

О древнѣйшихъ обитателяхъ нынѣшней Болгаріи—ѳракійцахъ и ихъ брачныхъ обрядахъ свѣдѣнія наши очень немногочисленны. Геродотъ говоритъ о нихъ только, что „они не смотрятъ за своими дочерьми и предоставляютъ имъ свободу отдаваться каждому, кто имъ понравится, но женщинъ своихъ они строго охраняютъ и покупаютъ ихъ себѣ у ихъ родителей за большія деньги“ [1]). Затѣмъ есть болѣе интересное и болѣе подробное извѣстіе Помпонія Мелы: „Дѣвицъ, желающихъ выйти замужъ, родители отдаютъ женихамъ или за деньги, или такимъ образомъ, что ихъ выставляютъ публично на осмотръ. Дѣлаютъ и то и другое, смотря по мѣстному обычаю. Хорошія и красивыя дѣвушки цѣнятся очень дорого“ [2]). Такимъ образомъ, можно предполагать, что у древнихъ ѳракійцевъ произошелъ уже переходъ отъ похищенія дѣвицъ къ выкупу ихъ.

О славянахъ, смѣнившихъ ѳракійцевъ и, вѣроятно, съ ними смѣшавшихся, ясныхъ свѣдѣній, сколько намъ извѣстно, вовсе не имѣется. Попытки отождествленія этихъ мизійскихъ

---

[1]) Геродотъ. Lib. V. cap. 6.

[2]) Nupturae virgines non a parentibus viris traduntur, sed publice aut locantur ducendae, aut veneunt. Utrum fiat ex specie et moribus causa est. Probae formosaeque in pretio sunt: caeteres qui habeant, mercede quaeruntur. (Pomponius Mela. De situ orbis„ lib. II, cap. 2).

Digitized by Google

славянъ съ ѳракійцами не могутъ пока быть признаны научно доказанными, а послѣдняя изъ этихъ попытокъ, принадлежащая г. Партицкому [1]), основана цѣликомъ почти на сравненіи свадебныхъ и похоронныхъ обычаевъ, если не одинаковыхъ, то весьма близкихъ не только у всѣхъ арійскихъ, но и еще дальше отстоящихъ другъ отъ друга народовъ, а затѣмъ на крайне скользкой и неопредѣленной почвѣ миѳологіи.

Тоже самое должно быть сказано и о Гетахъ и о Дакахъ, которыхъ Хиждеу считаетъ принадлежавшими къ одному ѳракійско-иллирійскому племени [2]), а нѣкоторые писатели (Müllenhoff)—къ славянскому [3]).

Насколько сильно было римское вліяніе, особенно на населеніе придунайскихъ мѣстностей Мизіи, сказать пока трудно, но, во всякомъ случаѣ, оно должно было въ большей или меньшей степени существовать. Хотя римскіе легіонеры, занимавшіе дунайскія провинціи, и не могли жениться, ибо римскія дѣвицы въ лагерь не допускались, а съ перегринами римскіе граждане не имѣли права заключать настоящихъ браковъ (connubium), но зато—и тѣмъ болѣе у нихъ—должны были быть многочисленныя связи незаконнаго характера; лица же, служившія въ вспомогательныхъ войскахъ, какъ не римскіе граждане, а перегрины, имѣли, разумѣется, право жениться и на мѣстныхъ дѣвушкахъ [4]), а слѣдовательно, могли вносить и свои обряды въ мѣстныя свадебныя церемоніи. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы увидимъ, что извѣстныя черты римскихъ брачныхъ обычаевъ, дѣйствительно, удержались и до сихъ поръ въ болгарскомъ свадебномъ ритуалѣ, но проникали-ли онѣ во время господства римлянъ на Дунаѣ или нѣсколько позже черезъ Византію—это, разумѣется, съ точностью опредѣлить, кажется, будетъ очень трудно.

Что касается затѣмъ волжскихъ болгаръ, то о нихъ мы имѣемъ по интересующему насъ вопросу только указанія

[1]) Ом. Партицкій: Де була европейська прабѣтчина славянъ? Дѣло 1891 №№ 127—139.

[2]) Hăsdeu: Istoria critica a Romaniloru. Bucur. 1874, I, p. 292.

[3]) Ab. Hovelacque: La Linguistique, p. 394.

[4]) Матв. Соколовъ. Изъ древней исторіи Болгаръ. Спб. 1879, стр. 12.

Digitized by Google

нѣкоторыхъ арабскихъ писателей, указанія очень отрывочныя и притомъ относящіяся къ тому уже времени, когда часть волжскихъ болгаръ успѣла отдѣлиться и переселиться въ Мизію. Ибнъ-Фоцланъ, бывшій у болгаръ уже послѣ того, какъ они приняли магометанство, говоритъ о нихъ, что „у нихъ мужчины и женщины купаются вмѣстѣ въ рѣкѣ въ обнаженномъ видѣ и не закрываясь ничѣмъ другъ отъ друга", но прибавляетъ при этомъ, что это не ведетъ у нихъ къ какимъ-нибудь предосудительнымъ послѣдствіямъ. Прелюбодѣяніе, по его словамъ, наказывалось у болгаръ очень строго: „если кто-нибудь будетъ въ этомъ уличенъ, то его, кто бы онъ ни былъ, привязываютъ за руки и за ноги къ четыремъ столбамъ, вбитымъ въ землю, и затѣмъ топоромъ просѣкаютъ его тѣло отъ затылка до бедръ; послѣ этого обѣ половины тѣла вѣшаютъ на дерево". Такая же судьба постигаетъ и виновную женщину. „Я употребилъ много труда", говоритъ онъ далѣе, „чтобы убѣдить мужчинъ и женщинъ закрываться другъ отъ друга, но не имѣлъ большого успѣха [1]). На основаніи этого свидѣтельства Ибнъ-Фоцлана и другихъ фактовъ Френъ пришелъ къ заключенію, что у древнихъ приволжскихъ болгаръ женщины пользовались сравнительно большой свободой [2]). На это же указываетъ и свидѣтельство другого, хотя и болѣе поздняго арабскаго писателя Андалузи, сообщающаго намъ очень цѣнное и

---

[1]) „Um sich zu baden steigen Männer und Weiber zusammen in einen Fluss, nackend, ohne sich gegenseitig mit irgend etwas zu bedecken. Doch treiben sie dabei auf keinerlei Weise unerlaubten Umgang mit einander. Hat aber Jemand diesen getrieben, sey er, wer er auch wolle, sie binden ihn mit Händen und Füssen an vier Pflöcke, die sie in die Erde geschlagen, und spalten mit einem Beile seinen Leib vom Genicke bis an die Lende. Ebenso verfahren sie mit dem schuldigen Weibe. Darauf hängen sie von beiden die Stücke an einen Baum auf... Ich habe mir viele Mühe gegeben sie dahin zu bringen, dass sich die Weiber beim Baden vor den Männern verschleierten, habe jedoch nichts bei ihnen ausgerichtet". *Fraehn*: Die aeltesten arabischen Nachrichten, ueber die Wolga-Bulgaren. Ibn-Foszlan's Nachricht von den Bulgaren (Mémoires de l'Académie Imp. des Sciences de St. Petersbourg. 6 ser. t. I, p. 576).

[2]) „Letzterer Umstand... zeugt zugleich von einer weit grössern Freiheit des weiblichen Geschlechtes bei den alten Bulgaren, als demselben bei dem gleichzeitigen Russen Zustand". *Fraehn*. Op. cit. p. 536.

Digitized by Google

едва ли не единственное извѣстіе о брачныхъ обычаяхъ приволжскихъ болгаръ. „Ихъ дѣвушки, говоритъ онъ, будучи еще дѣвственными, выходятъ изъ дому съ открытой головой, такъ что каждый можетъ ихъ видѣть; тотъ, кто чувствуетъ склонность къ одной изъ нихъ, набрасываетъ ей на голову покрывало (головной уборъ), и она становится его супругой, безо всякаго съ ея стороны отказа. Такимъ образомъ женятся на двадцати и даже еще болѣе особахъ“ [1]). Наконецъ, еще одинъ тоже арабскій писатель Ибнъ-Дастъ сообщаетъ намъ, что „отъ всякаго изъ нихъ (т. е. болгаръ), кто женится, ихъ царь беретъ себѣ по верховой лошади“ [2]).

Собрать свидѣтельства для характеристики первоначальнаго семейнаго строя тюркскихъ болгаръ, переселившихся въ Мизію, также довольно трудно, такъ какъ главные источники ихъ—отвѣтъ папы Николая I на вопросы болгаръ и нѣкоторыя замѣтки византійскихъ писателей при описаніи болгарскихъ нападеній—говорятъ о болгарахъ, когда эти послѣдніе жили уже вмѣстѣ съ славянами [3]). Все, что мы можемъ почерпнуть изъ этихъ свидѣтельствъ, сводится къ тому, что у болгаръ существовала полигамія, при чемъ они имѣли каждый не менѣе двухъ женъ. Болгарскіе князья имѣли обыкновеніе возить съ собой цѣлый гаремъ. Невѣсты получали въ видѣ приданаго золото, серебро, быковъ, лошадей и проч. [4]).

Вотъ и все, что намъ извѣстно о брачныхъ обычаяхъ собственно-тюркскихъ болгаръ. Этого, разумѣется, слишкомъ мало, чтобы прійти относительно ихъ къ какимъ-нибудь опредѣленнымъ заключеніямъ, но все-таки приведенныя нами данныя заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя указанія, дающія

---

[1]) . „leurs filles, encore vierges, sortent de leurs maisons la tête découverte, de sorte que chacun peut les voir: celui qui se sent de l'inclination pour l'une d'elles lui jette une coëffe sur la tête et elle devient son épouse sans qu'il éprouve aucun refus. Il en épouse vingt et même d'avantage“. *Charmois*: Relation de Mas'oudy, dans les Mémoires de l'Académie Imp. de Sc. de St.-Pétersb. 6 scr. t. II, p. 47.

[2]) Хвольсонъ: Извѣстія Ибнъ-Даста и др. гл. III, пар. 6.

[3]) Соколовъ: Изъ древней исторіи Болгаръ, стр. 91.

[4]) Jireček. Geschichte der Bulgaren. Prag, 1876, стр. 131–132.

Digitized by Google

право на извѣстныя предположенія. Фактъ совмѣстнаго купанья мужчинъ и женщинъ въ обнаженномъ видѣ, приводимый Ибнъ-Фоцланомъ, самъ по себѣ не даетъ еще никакого повода дѣлать заключеніе о свободѣ нравовъ у волжскихъ болгаръ, такъ какъ фактъ этотъ встрѣчается и до сихъ поръ въ очень многихъ мѣстностяхъ Великороссіи, Румыніи и другихъ странъ, ничуть не обусловливая собой свободы половыхъ отношеній даже до брака. По всей вѣроятности, и самъ Френъ говоритъ въ этомъ случаѣ о свободѣ только въ смыслѣ отсутствія затворничества. Гораздо болѣе говоритъ въ этомъ отношеніи свидѣтельство Андалузи. Покрываніе головы женщины у большинства народовъ означало и означаетъ подчиненіе ея мужчинѣ и вступленіе въ бракъ; но на первыхъ ступеняхъ общественнаго развитія, и особенно у восточныхъ народовъ, оно могло означать просто выборъ или предпочтеніе, оказываемое извѣстной женщинѣ. „У арабовъ“, говоритъ компетентнѣйшій изъ изслѣдователей брачныхъ обрядовъ Edelstand Du Meril, „достаточно еще дать покрывало рабынѣ, чтобы возвесть ее въ званіе конкубины, признаваемое закономъ, и платокъ, который султанъ бросаетъ своимъ женамъ, чтобы показать такимъ образомъ свой выборъ, по всей вѣроятности,—имѣетъ то-же происхожденіе“ [1]). Заявляемый такимъ образомъ, какъ разсказываетъ Андалузи, выборъ могъ

---

[1]) Ed. Du Meril. Des formes du mariage et des usages populaires qui s'y rattachaient dans les Etudes sur quelques points d'Archéologie. P. 1862. стр. 18. Если не покрываніе головы, то „срываніе платка или кольца съ руки дѣвушки у оренбургскихъ казаковъ равносильно предложенію выйти въ замужество, и дѣвушка, у которой отняты эти вещи, считается засватанной и ждетъ сватовъ въ родительскій домъ. Пономаревъ: Обрядовый обычай. (Сѣверный Вѣстникъ, 1890, іюнь, стр 71). По мнѣнію М. М. Ковалевскаго, эти обычаи являются солидарными съ тѣми принципами, какихъ придерживаются мусульманскіе законовѣды школы Шафаи, запрещающіе посторонним мужчинамъ поднимать покровъ съ лица женщины и приравнивающіе прикосновеніе къ ея рукѣ или тѣлу къ числу недозволенныхъ дѣйствій, а потому считающіе дѣйствіями равносильными насильственному увозу тѣ случаи, когда молодой человѣкъ позволитъ себѣ схватить дѣвушку за руку или приложить свои пальцы къ ея груди... Случается, что юноша, напавшій на дѣвушку, отниметъ у нея платокъ, схватитъ ее за руку или за грудь и потомъ удалится. Это называется „поймать дѣвушку“ и имѣетъ равносильное значеніе съ похищеніемъ. Макс. Ковалевскій: Законъ и обычай на Кавказѣ, II, стр. 168.

Digitized by Google

происходить у болгаръ только въ трехъ случаяхъ: если дѣло шло о женщинахъ завоеваннаго народа, или—при существованіи коммунальнаго брака, когда каждый мужчина одного клана могъ имѣть право на каждую женщину другого, или, наконецъ, при господствѣ половой свободы дѣвушекъ до вступленія ихъ въ бракъ, какъ это имѣетъ мѣсто у очень многихъ примитивныхъ народовъ. Изъ всѣхъ этихъ случаевъ первый кажется намъ достаточно вѣроятнымъ для предположенія, такъ какъ коммунальный бракъ врядъ ли могъ держаться еще у болгаръ, при существованіи патріархальной семьи, доказываемомъ строгими наказаніями за нарушеніе супружеской вѣрности и фактомъ полигаміи, но мы не знаемъ, насколько онъ приложимъ къ болгарамъ въ то время, когда ихъ видѣлъ Андалузи. Что же касается послѣдняго случая, то и онъ имѣетъ свою долю вѣроятія, тѣмъ болѣе что строгость нравовъ въ супружествѣ вовсе не исключаетъ половой свободы у дѣвушекъ, какъ это, напр., мы можемъ видѣть у нѣкоторыхъ африканскихъ народовъ, у которыхъ дѣвушки до замужества ходятъ совершенно обнаженными и пользуются полной свободой [1]), или какъ это было у карибовъ, картина брачныхъ отношеній у которыхъ въ главныхъ чертахъ очень близко напоминаетъ то, что мы можемъ извлечь изъ приведенныхъ нами данныхъ относительно болгаръ, особенно до окончательнаго утвержденія между ними магометанства: „цѣломудріе дѣвушекъ у нихъ (карибовъ) не особенно соблюдалось; онѣ не носили одежды до выхода въ замужество; многоженство было всеобщимъ, при чемъ каждый мужчина могъ жениться на всѣхъ сестрахъ, принадлежавшихъ къ одному и тому же семейству, но нарушеніе супружеской вѣрности у нихъ очень строго наказывалось“ [2]).

Не имѣя, такимъ образомъ, въ нашемъ распоряженіи почти ничего, что могло бы намъ указывать на пережиганія древнихъ болгарско-тюркскихъ обычаевъ въ свадебныхъ обрядахъ современныхъ намъ болгаръ, мы можемъ до нѣкоторой степени обращаться за подобными указаніями къ нѣкото-

---

[1]) Gaya. Cérémonies nuptiales. стр. 108.

[2]) A. Réville. Les Religions des peuples non civilisés. P. 1883, I. стр. 336.

Digitized by Google

рымъ народамъ, живущимъ и до сихъ поръ, очень близкое родство которыхъ съ древними тюркскими болгарами можно считать болѣе или менѣе доказаннымъ. Таковы, напр., чуваши, о которыхъ Иречекъ говоритъ: „Die Tschouwaschen bei Kazan sollen die Ueberreste der Wolga-Bolgaren sein“ [1]). Затѣмъ, уцѣлѣвшимъ племенемъ болгаръ гг. Вс. Ѳ. Миллеръ и М. М. Ковалевскій считаютъ также кавказскихъ балкаръ, живущихъ на сѣверномъ склонѣ кавказскихъ горъ, между притокомъ Терека Урухомъ и Эльборусомъ, по верховьямъ рѣкъ Черека, Чеима и Боксана. Еще въ статьѣ своей: „Въ горскихъ обществахъ Кабарды“ [2]) эти ученые выразили предположеніе, что, можетъ быть, названіе балкаръ есть одинъ изъ видовъ имени болгаръ, которое, какъ видно изъ географіи, приписываемой Моисею Хоренскому, было въ разныхъ формахъ извѣстно на сѣверномъ Кавказѣ; въ формѣ болхары приводится это имя русскими послами Никифоромъ Тологановымъ и дьякомъ Алексѣемъ Іевлевымъ, которые въ 1650 г. ѣздили отъ царя Алексѣя Михайловича къ имеретинскому царю Александру и проѣзжали черезъ балкарскія земли (Броневскій, Извѣстія о Кавказѣ и пр., II стр. 211). Затѣмъ, въ недавно вышедшей книгѣ М. М. Ковалевскаго мы читаемъ о тѣхъ же балкарахъ: „Проф. Миллеръ (Осетинскіе этюды, ч. II, стр. 60, 61, 104) говоритъ, что, по словамъ Прокопія, южную границу болгаръ составляло устье Кубани, что современникъ Прокопія, Іорнандъ, говоритъ о жилищахъ болгаръ надъ Понтомъ, и что Ѳеофанъ помѣщаетъ древнюю или великую Болгарію между Меотійскимъ озеромъ и рѣкою Куфисъ (Кубанью). У Константина Багрянороднаго и въ договорѣ Игоря съ греками Болгарія носитъ наименованіе Черной. Гг. Ламбинъ и Иловайскій, отказываясь отъ взглядовъ прежнихъ историковъ и, въ числѣ ихъ, Карамзина, помѣщаютъ эту Черную Болгарію не на берегахъ Дуная, а на берегахъ Азовскаго моря вплоть до Кубани. Въ недавно открытомъ новомъ спискѣ армянской географіи Моисея Хоренскаго (конца VII стол.) разныя ко-

[1]) Iireček. Op. cit. стр. 180.

[2]) Вѣстникъ Европы. 1894. Апр., стр. 554.

Digitized by Google

лѣна болгаръ также отнесены къ сѣверу отъ Кубани. Всѣхъ этихъ колѣнъ Моисей Хоренскій насчитываетъ четыре. Названія болгаръ кавказскихъ встрѣчаются у составителя географіи въ разныхъ формахъ: булгаръ, булкаръ, блкаръ, болкаръ. Въ видѣ предположенія проф. Миллеръ высказываетъ мысль, что въ названіи тюркскаго общества, живущаго въ долинѣ Чорека, б а л к а р ы—сохранилось одно изъ обозначеній кавказскихъ болгаръ. „Тюркская народность балкарцевъ и близость ихъ имени къ одной изъ формъ имени болгаръ (болкаръ), приводимой армянской географіей VII в., невольно наводитъ на предположеніе, говоритъ проф. Миллеръ, не скрываются ли въ балкарцахъ послѣдніе потомки одной изъ вѣтвей кавказскихъ болгаръ“ [1]).

Наконецъ, въ связи съ взглядами на чувашъ, какъ на потомковъ древнихъ болгаръ, оказываются чрезвычайно интересными, съ нашей точки зрѣнія, этнографическія данныя о народѣ, который получилъ всю свою культуру отъ волжскихъ же болгаръ и ихъ потомковъ-чувашей, а именно о черемисахъ. „Говорить о культурномъ вліяніи чувашей на черемисъ“, пишетъ авторъ превосходной монографіи о черемисахъ, проф. Казанскаго университета И. Н. С м и р н о в ъ, „въ настоящее время можетъ показаться страннымъ: чуваши ничѣмъ не культурнѣе черемисъ, горные черемисы даже развитѣе ихъ и смотрятъ на нихъ съ пренебреженіемъ. Но чуваши не всегда были такимъ дикимъ народомъ, какъ теперь. Существуетъ весьма основательная гипотеза, что это племя представляетъ собою потомковъ болгаръ, создавшихъ цивилизацію средняго Поволжья. Разсмотрѣніе заимствованныхъ черемисами у чувашъ словъ, продолжаетъ онъ дальше, показываетъ, что культурное воздѣйствіе тюркскихъ народовъ на черемисъ было громадно. Подъ тюркскимъ вліяніемъ создался у черемисъ переходъ отъ охотничьей жизни къ скотоводству и земледѣлію, сложился осѣдлый бытъ, домашняя обстановка, костюмъ, возникла торговля и связанная съ ней экономическая дифференціація, явились зародыши общественной организаціи, получили дальнѣйшее развитіе

[1]) М а к с. К о в а л е в с к і й: Законъ и обычай на Кавказѣ. I, стр. 190—191.

Digitized by Google

вѣрованія... Подъ болгарскимъ вліяніемъ прошла исторія развитія черемискаго жилища, появилась изба съ очагомъ и дымовымъ окномъ; осѣвшій на одномъ мѣстѣ черемисъ обзавелся домашнимъ скотомъ; за скотоводствомъ онъ обучился у болгаръ и земледѣлію... подъ болгарскимъ вліяніемъ около черемисскаго двора появился огородъ (пахча), черезъ болгаръ онъ познакомился съ телѣгой (ораба); подъ болгарскимъ вліяніемъ сложилась и домашняя обстановка черемисина; живя рядомъ съ болгарами, къ которымъ пріѣзжали купцы изъ далекихъ азіатскихъ странъ, черемисы получили понятіе о торговлѣ, о мѣстахъ, гдѣ люди мѣняются вещами (пазаръ), о деньгахъ, о кредитѣ, о хозяевахъ и рабочихъ, о домашнемъ комфортѣ, одеждѣ, украшеніяхъ, унизанныхъ монетами, о богѣ, ангелахъ и пр. Сосѣди знали эти дѣла лучше ихъ... арабскіе миссіонеры просвѣтили ихъ и научили... Отношенія къ женщинѣ у сосѣдей тоже слагались иначе... Безпорядочныя сношенія между полами признавались здѣсь порокомъ и клеймились именемъ разврата, каждая пара со своими дѣтьми составляла особую группу, которая называлась семьей (йешъ), женщина, связавшая свою жизнь съ жизнью мужчины, называлась его товарищемъ, спутникомъ (йолдашъ); сожительство мужчины и женщины устанавливалось съ согласія родителей послѣдней, которые получали за нее выкупъ (калымъ), женщина, у которой умеръ мужъ, называлась вдовой (тулукъ). Всѣ эти новыя явленія вошли постепенно и въ черемисскій семейный строй“ [1]). Такимъ образомъ, и въ обычаяхъ черемисъ мы, можетъ быть, будемъ въ состояніи найти объясненія того, что для насъ окажется непонятнымъ въ свадебныхъ обрядахъ современныхъ болгаръ, подчинившихся, какъ мы увидимъ дальше, вполнѣ славянскому вліянію, но все-таки удержавшихъ у себя кое-какія черты изъ своего далекаго прошлаго.

Христіанство, введенное въ Болгаріи въ IX вѣкѣ, повидимому, не сразу внесло существенныя измѣненія въ строй семьи смѣшавшихся между собою болгаръ и славянъ. У самихъ византійцевъ бракъ до VI вѣка еще былъ, какъ извѣст-

[1]) Смирновъ: Черемисы. Казань. 1889, стр. 24—29.

Digitized by Google

но, установленіемъ чисто гражданскимъ, и только при Юстиніанѣ принялъ характеръ церковнаго таинства и обряда [1]). Въ первое время послѣ принятія христіанства не только греческія духовныя власти, но и сами византійскіе императоры смотрѣли сквозь пальцы на полигамію, а иногда даже ее и протежировали [2]), въ особенности, если она являлась въ смягченной формѣ легкаго развода. Тѣмъ не менѣе Фотій въ своемъ посланіи къ царю Борису даетъ уже очень энергическія наставленія избѣгать многоженства, которое у болгаръ (какъ и у всѣхъ, впрочемъ, другихъ народовъ) практиковалось, какъ извѣстно, только въ высшихъ сословіяхъ. „Правитель, писалъ онъ, не долженъ подчиняться вліянію женщинъ и быть рабомъ похотей; тотъ не грѣшитъ, кто живетъ съ одной законной женой, но многоженство срамно и гнусно и свойственно необузданности и нечистотѣ безсловесныхъ“ [3]). Очень можетъ быть, что извѣстные вопросы царя Бориса папѣ Николаю I, были вызваны отчасти, какъ это думаетъ г. Соколовъ, надеждой на какія-нибудь уступки со стороны римской церкви относительно многоженства: „Вопросъ о томъ, говоритъ этотъ ученый, какого папа мнѣнія о греческомъ обычаѣ брачнаго сожительства, могъ возникнуть у болгаръ и самостоятельно, ибо имъ трудно было отказаться отъ многоженства, и они могли ожидать отъ Рима менѣе строгаго закона“ [4]). Вопросы эти и знаменитые отвѣты на нихъ папы Николая I, къ которымъ намъ не разъ придется обращаться въ настоящей статьѣ, показываютъ между прочимъ, что тогдашніе болгары были очень заинтересованы не только, такъ сказать, юридической стороной брака, но и вопросами о брачныхъ обрядахъ [5]), что и весьма естественно, такъ какъ христіанство, очевидно, не могло обнаруживать, въ концѣ концовъ, особенной терпимости къ языческимъ обря-

---

[1]) Балджиевъ: Студии върху нашето персонално съпружественно право (Сборникъ за народни умотвор. IV. стр. 160).

[2]) ibid. стр. 175.

[3]) Соколовъ: Op. cit. стр. 181

[4]) Соколовъ: Op. cit. стр. 183.

[5]) Responsa ad consulta Bulgarorum (Migne Patrologiae cursus compl. S. II, t. CXIX. p. 979, 980).

Digitized by Google

дамъ болгаръ и славянъ. „Книжники того времени, говоритъ г. Пыпинъ, смотрѣли свысока на некнижность народной массы;... проповѣдники аскетической нравственности считали вообще нравы и обычаи народа бѣсовскими и грѣховными“ [1]). Тѣмъ не менѣе народныя воззрѣнія и обычаи держались крѣпко, и даже въ царствованіе Симеона экзарху Іоанну приходилось жаловаться на продолжавшихъ еще существовать еретиковъ и язычниковъ, которыми были, вѣроятно, главнымъ образомъ славяне: „да ся срамлятся убо, писалъ онъ, всѣ пошибени и скверніи Манихеи и вси погани (т. е. язычники) словени и вси языцы зловѣрніи“ [2]). „Оффиціальный греческій клиръ, относившійся съ пренебреженіемъ и враждою къ народной жизни и ея патріархально-бытовому обычаю, какъ это было и у болгаръ, и у сербовъ, и у русскихъ, не могъ, конечно, истребить „бѣсовскихъ пѣсенъ“; поэтическая потребность народа не могла быть истреблена, и народъ... сохранялъ и создавалъ свою особую область поэтическихъ преданій“ [3]). Съ другой стороны, народу приходилось отстаивать бракъ съ его языческой обрядностью и отъ богомильства. Однимъ изъ существенѣйшихъ пунктовъ того ученія было, какъ извѣстно, полное отрицаніе брака, вѣроятно, въ связи съ преданіемъ о томъ, что Адамъ и Ева были научены плотскому грѣху діаволомъ. Косма пресвитеръ говоритъ, что, по мнѣнію богомиловъ, „того (т. е. діавола) повелѣніе — жены поимати .. женящаяся человѣки и живущія въ мірѣ Мамонины слуги зовутъ“; [4]) дѣтей богомилы ненавидѣли и звали ихъ мамоничища и діаволичища. Этотъ послѣдній предразсудокъ, прибавляетъ г. Пы-

---

[1]) Пыпинъ и Спасовичъ: Исторія славянск. литературъ, изд. 1879. I, стр. 60.

[2]) ibid. стр. 65.

[3]) ibid. стр. 75.

[4]) Впрочемъ, по мнѣнію г. Дринова, богомилы вовсе не были такими аскетами по отношенію къ женщинамъ, какъ ихъ обыкновенно представляютъ. (Дриновъ—Южные славяне и Византія въ X вѣкѣ. М. 1876. стр. 76). Но тѣмъ не менѣе въ памятникахъ ихъ, дошедшихъ до насъ и напечатанныхъ, напр. проф. Ягичемъ, говорится: „Горько бо есть богомильское ученіе, братіе! Меса велеть не ѣсти, вина не пити, жены не поимати... глаголюще ѣко вино и жена отъ діавола есть“ (ib. стр. 75).

Digitized by Google

пинъ, до сихъ поръ живетъ въ сербскомъ народѣ, по понятіямъ котораго въ бракѣ есть грѣхъ,—и въ эпическомъ языкѣ сынъ обыкновенно называетъ отца своимъ родителемъ по грijеху, т. е. черезъ грѣхъ [1]). Въ дальнѣйшемъ изложеніи намъ придется встрѣтиться съ остатками подобныхъ идей и въ Болгаріи.

Но, несмотря однако на всѣ перечисленныя нами вліянія и обстоятельства, которыя должны были сгладить въ Болгаріи народныя воззрѣнія на бракъ и старинные свадебные обряды, они все-таки удержались, если не въ полной чистотѣ и неприкосновенности, какъ у малоруссовъ, то съ не меньшей, какъ у нихъ, силой и стойкостью, при чемъ славянскій элементъ, какъ мы увидимъ далѣе, взялъ рѣшительный перевѣсъ надъ тюркскимъ и прочими, оставившими по себѣ только не особенно ясныя черты. Какъ и слѣдуетъ ожидать отъ всякой горной страны, въ которой сообщенія между жителями различныхъ долинъ очень трудны и рѣдки, въ которой почти каждый округъ имѣетъ свои рѣзкія отличительныя черты, выражающіяся въ оттѣнкахъ языка, въ разницѣ костюма и всевозможныхъ обычаевъ, въ различныхъ мѣстностяхъ Болгаріи — въ восточной и западной придунайской Болгаріи, въ ущельяхъ Балканъ, во многихъ частяхъ равнины Ѳракіи, на южныхъ склонахъ Родопскихъ горъ, въ южной и западной Македоніи [2]) — свадебные обряды очень различны, но въ основныхъ чертахъ они имѣютъ вполнѣ родственный, совершенно общій характеръ и носятъ, какъ мы сказали уже, отпечатокъ очень глубокой старины.

Между этими разбросанными тамъ и сямъ остатками старины первое мѣсто должно принадлежать, разумѣется, примитивнымъ формамъ брака, удержавшимся до нашего времени—завличаію, или засурнуванію, и покупкѣ дѣвушекъ.

Обычай *завличанія*, соотвѣтствующій умыканію древне русской лѣтописи и отмицѣ у Сербовъ, по словамъ г. Боева, существуетъ еще почти вездѣ въ Болгаріи: въ

---

[1]) Пыпинъ: Op cit. стр. 77—78.

[2]) Боевъ: Къ брачному праву болгаръ, стр. 2—8.

Digitized by Google

въ округахъ Болграда, Русчука, Котла, Сливна, Драмы, Прилѣпа, и если начинаетъ исчезать въ Придунайской Болгаріи, то держится еще во всей силѣ въ Македоніи. Похищеніе дѣвушекъ происходитъ очень часто даже въ такихъ случаяхъ, когда въ немъ не представляется никакой надобности, когда не существуетъ никакихъ препятствій къ браку ни со стороны невѣсты, ни со стороны родителей [1]). Въ такомъ видѣ похищеніе это просто представляетъ собой фактъ переживанія, тотъ же обрядъ, который мы видимъ какъ въ болгарской, такъ и въ прочихъ славянскихъ свадьбахъ, но только въ его наиболѣе сохранившейся формѣ. Затѣмъ, чаще всего дѣвушку похищаютъ, въ случаѣ несогласія на бракъ со стороны ея родителей; тогда очень часто дѣло не обходится безъ непріятностей, погони (потеря) и даже кровопролитія [2]). Впрочемъ, очень возможно, что такое несогласіе со стороны родителей бываетъ иногда только притворнымъ, и похищеніе происходитъ, съ ихъ вѣдома, для избѣжанія свадебныхъ расходовъ [3]), какъ это дѣлается въ Поволжскихъ губерніяхъ Великороссіи [4]). Наконецъ, наиболѣе примитивный характеръ имѣетъ похищеніе дѣвушекъ вполнѣ насильственное, противъ ихъ воли. Если молодой человѣкъ желаетъ овладѣть дѣвушкой, которая не отвѣчаетъ на его чувства и не хочетъ выходить за него замужъ, онъ приглашаетъ нѣсколько друзей, подстерегаетъ съ ними дѣвушку и, выбравши удобный моментъ, похищаетъ

---

[1]) Ibid. стр. 6—7.

[2]) Бобчевъ — Наука. ч. III кн. II стр. 34.

[3]) По мнѣнію г. П. Р. Славейкова, выраженному въ статьѣ его Българскитѣ пословици (Периодическо Списание II, 1883), тоя причина е, че момъкътъ не можави до заплати баба-хакѫ (обѫща) и проч. Бобчевъ. Op. cit. стр. 34.

[4]) „Браки убѣгомъ совершаются во избѣжаніе свадебныхъ расходовъ, для видимости, что имѣетъ мѣсто у православныхъ крестьянъ всѣхъ народностей. Такіе же браки совершаются и у раскольниковъ, когда они отдаютъ своихъ дочерей за православныхъ, съ цѣлью не показать холодности къ своимъ вѣрованіямъ. Евпл. Соловьевъ — Очерки народнаго юридическаго быта. Казань. 1888 (оттискъ изъ Казан. Губерниск. Вѣдомостей, доведенный только до 72 стр., такъ какъ дальнѣйшее печатаніе было прекращено по распоряженію мѣстнаго губернатора). стр. 27.

Digitized by Google

ее силой, при чемъ ей зажимаютъ ротъ, чтобъ не было слышно ея крика, и утаскиваютъ куда-нибудь въ горы и держатъ тамъ нѣсколько дней, пока не заставятъ ее, въ концѣ концовъ, отдаться своему похитителю, который, немедленно „разва́ля дѣвството и“ [1]). Затѣмъ являются къ духовному начальству, которое, какъ говоритъ г. Боевъ, никогда почти не отказываетъ въ благословеніи брака, хотя бы и совершаемаго противъ воли родителей. Совершенно подобные же нравы мы находимъ и у черемисъ казанской губерніи. Въ XVIII вѣкѣ у нихъ женихъ съ товарищами врывался силою въ домъ невѣсты, захватывалъ ее и спѣшилъ вступить съ ней фактически въ бракъ еще на дорогѣ въ домъ и при свидѣтеляхъ. Въ Малмыжскомъ уѣздѣ и теперь еще невѣсту похищаютъ изъ хоровода или въ лѣсу... и если она не соглашается добровольно слѣдовать за похитителями, ее бьютъ и, несмотря на отчаянное сопротивленіе, увозятъ въ домъ жениха [2]).

Описывая подобные же нравы дагестанскихъ горцевъ, у которыхъ точно такъ же „отверженный женихъ подкарауливаетъ любимую имъ дѣвушку, въ обществѣ нѣсколькихъ товарищей овладѣваетъ ею силой, тащитъ въ наперед приготовленное убѣжище и немедленно безчеститъ ее“, М. М. Ковалевскій прибавляетъ, что „это дѣлается съ цѣлью, чтобы ни дѣвушка, ни ея родственники не могли отказать похитителю въ ея рукѣ [3])“. „По ученію законовѣдовъ мусульманской школы Шафаи“, говоритъ дальше тотъ же авторъ, „отецъ вправѣ распоряжаться рукою своей дочери лишь въ томъ только случаѣ, если она только дѣвственница; потеря цѣломудрія прекращаетъ свободу отца въ выборѣ мужа для дочери“ [4]). Мы не думаемъ, чтобы возможно было предполагать въ болгарскомъ обычаѣ вліяніе Шаріата; несомнѣнно, что это обычай гораздо болѣе древній и притомъ общечеловѣческій, и, по всей вѣроятности, у мусульманскихъ народовъ

[1]) Любеновъ. Баба-Ега стр. 74; Бобчевъ Op. cit. l. c. Bogišić: Sbornik sadosnjih pravnih običaja u južnih slovena. стр. 193.

[2]) Смирновъ: Черемисы, стр. 129.

[3]) Макс. Ковалевскій: Законъ и обычай на Кавказѣ. I, стр. 176.

[4]) ibid. стр. 175.

Digitized by Google

онъ былъ только освѣщенъ Шаріатомъ, въ силу давней привычки, перешедшей въ законъ.

Рядомъ съ разными видами похищенія всѣ источники, изъ которыхъ мы черпаемъ свѣдѣнія о праздничныхъ обычаяхъ болгаръ, ставятъ обыкновенно также и пристанки, оригинальный видъ брака, заключающійся въ томъ, что дѣвушка, сговорившись иногда предварительно съ женихомъ и забравши въ небольшомъ узлѣ свою одежду и вообще, что можетъ захватить изъ своихъ пожитковъ, сама приходитъ къ жениху въ домъ его родителей. Придя, она приближается къ огню на очагѣ и мѣшаетъ его, показывая тѣмъ, какъ говоритъ г. Богишичъ, что пришла подъ защиту обители. Затѣмъ она цѣлуетъ руки у домашнихъ и, отойдя въ уголъ, стоитъ тамъ, въ ожиданіи отвѣта отъ главы семьи — домакина. Принятіе ея выражается, по словамъ Каница и Чолакова, тѣмъ, что ее приглашаютъ сѣсть къ огню. При заключеніи брака такимъ образомъ, женихъ не платитъ агарлыка родителямъ невѣсты и не даетъ подарковъ ея родственникамъ; сама она не получаетъ приданаго; на свадьбѣ не бываетъ никто изъ ея родни, но зато, если послѣ первой ночи невѣста окажется не сохранившей дѣвственности, она не можетъ уже быть отправлена обратно къ своимъ родителямъ, какъ это бываетъ въ подобныхъ случаяхъ при обыкновенной свадьбѣ [1]).

По объясненію авторовъ, сообщающихъ намъ эти подробности, этотъ видъ брака практикуется въ тѣхъ случаяхъ, когда родители невѣсты ни за что не соглашаются на бракъ ея съ избраннымъ ею женихомъ, а похищеніе ея не можетъ быть устроено или по неудобству, или потому, что обычай этотъ вывелся изъ употребленія (Боевъ), или же просто изъ экономіи, когда женихъ и его семья не имѣютъ достаточно средствъ, чтобы заплатить агарлыкъ и купить подарки

---

[1]) Любеновъ: Баба-Ега. стр. 73; Чолаковъ. Op. cit. стр. 27; Bogišić, Op. cit. стр. 193; Боевъ. Op. cit. стр. 9. Обычай, по которому сами дѣвушки приходятъ къ жениху, встрѣчается, повидимому, и у нѣкоторыхъ примитивныхъ народовъ. Такъ, въ Гвіанѣ, une fille apporte son hamac à côté de celui de l'époux qu'elle a accepté, l'attache et tout est fini (Laumier. Cérémonies nuptiales. p. 328.

Digitized by Google

(Любеновъ, Чолаковъ, Славейковъ). Послѣдняя изъ этихъ причинъ имѣетъ, вѣроятно, уже позднѣйшее происхожденіе. Первая имѣетъ характеръ болѣе естественный и болѣе древній, судя по той роли, какую играетъ въ ней огонь домашняго очага и прикосновеніе къ нему пришедшей въ чужой родъ дѣвушки. Совершая этотъ послѣдній актъ, дѣвушка, съ одной стороны, ставитъ родителей своего жениха въ невозможность прогнать ее [1]), а тѣмъ самымъ и снимаетъ съ нихъ и съ жениха, равно какъ и со всего его рода, всякую отвѣтственность передъ своимъ родомъ, съ другой же стороны, поставивши себя подъ защиту очага новой семьи, она разрываетъ связь съ своей семьей и лишаетъ ее права забрать ее силой. Въ этомъ отношеніи интересно то, что нѣкоторые авторы, какъ напр. г. Бобчевъ, называютъ *приставками* вообще всякій видъ похищенія дѣвушки *съ ея согласія* и даютъ имя *приставуши* всякой дѣвушкѣ, согласившейся быть похищенной или вообще выйти замужъ помимо воли своихъ родителей и не соблюдя хоть бы декорума сопротивленія жениху [2]). Но возможно также, что въ происхожденіи этого обычая играло роль и то право, которое признается практикой дагестанскихъ судовъ за каждой обезчещенной и забеременѣвшей дѣвушкой или даже вдовой,— право ворваться силой въ домъ ея соблазнителя, родить тамъ ребенка и тѣмъ принудить его взять ее себѣ въ жены [3]). На это же намекаетъ отчасти подобный же украинскій обычай, о которомъ мы имѣли уже случай упоминать въ прежнихъ своихъ работахъ по этому вопросу. По словамъ Боплана, въ старинной Украинѣ дѣвушка такъ же приходила въ домъ жениха и требовала, чтобы онъ на ней женился, при чемъ роди-

---

1) Боевъ говоритъ, впрочемъ, что если родители жениха несогласны на такую свадьбу своего сына или вообще не желаютъ брать на себя отвѣтственности передъ родителями невѣсты, то дѣвушка идетъ въ домъ кого-нибудь изъ родственниковъ жениха и съ нимъ остается тамъ, пока поднявшаяся вслѣдствіе этого ссора не стихнетъ (ibid. стр. 9). Но и въ этомъ случаѣ дѣвушка все таки остается подъ охраной семейнаго очага въ домѣ родственника жениха, гдѣ ее преслѣдовать или взять обратно, очевидно, нельзя.

2) Бобчевъ.— Наука III, стр. 34.

3) М. Ковалевскій: Законъ и обычай, II стр. 168.

Digitized by Google

тели его не смѣли этому препятствовать, боясь гнѣва Божія или какого-нибудь несчастія, такъ какъ выгнать отъ себя дѣвушку было бы въ подобномъ случаѣ оскорбленіемъ всего ея рода и могло бы повлечь разныя непріятности, а съ другой стороны, боясь гнѣва и наказанія со стороны церкви, которая, будучи очень строгой въ такихъ случахъ, предписывала покаяніе и налагала большія наказанія, покрывая весь домъ безчестіемъ [3]). По всей вѣроятности, это вмѣшательство церкви въ Украинѣ и крайне снисходительное ея отношеніе къ подобнымъ случаямъ въ Болгаріи можетъ имѣть только такое объясненіе.

Что касается, затѣмъ, другого примитивнаго вида брака— купли невѣсты, то и онъ сохранился на Балканскомъ полуостровѣ, подобно умыканію, несравненно больше, чѣмъ у всѣхъ прочихъ славянскихъ народовъ, а въ Болгаріи представляетъ собою чрезвычайно большой теоретическій интересъ, сохранивши въ себѣ черты какъ выкупа невѣсты, въ смыслѣ удовлетворенія ея рода за нанесенный имъ похищеніемъ дѣвушки моральный и экономическій ущербъ, такъ и вознагражденія рода, въ лицѣ ея представителя— домакина или отца невѣсты за право, принадлежавшее ему, какъ такому представителю, на дѣвственность невѣсты. Эти два значенія платы за дѣвушку, выражающіяся въ двухъ родахъ платежа — обушта и агарлжкъ, будучи очень часто совершенно раздѣлены между собою и юридически другъ отъ друга различаемы, дадутъ намъ возможность про-

---

[3]) ...et voila de quelle façon les filles amoureuses ne peuvent manquer d'estre bien tost pourvues, car elles controignent (dans la perseverance) le père, la mère et leurs serviteurs à ce qu'elles desirent et comme je disois cydessus crointe d'encourir le courroux de Dieu, et qu'il leur en arrivast quelque sinistre malheur: car de mettre hors la fille ce serait offencer toute sa race, qui en aurait du ressentiment, et aussi mesme ils n'ont pas pour ce suiet le pouvoir d'user la voye de fait et de violence, sans encourir comme je disois l'ire et la punition de l'Eglise qui est rigoureuse en ce cas ordonnant quand cela arrive des pénitences et des grandes amendes et notant leurs maisons d'infamie, tellement qu'estans intimidez de ces fausses superstitions, ils evitent tant qu'ils peuvent les infortunes qu'ils croyent comme articles de foy leur devoir arriver par le refus de leurs enfants aux filles qui les demandent. Beauplan: Description de l'Ukranie, p. 118, 119.

Digitized by Google

слѣдить и понять остатки подобныхъ же обычаевъ и у прочихъ славянъ, а также выяснить нѣкоторыя очень запутанныя стороны примитивно брачныхъ отношеній. Такъ какъ они не стоятъ отдѣльно отъ современныхъ свадебныхъ обрядовъ, а напротивъ, тѣсно съ ними связаны, и такъ какъ въ этихъ обрядахъ мы надѣемся найти очень многое для ихъ объясненія, то мы оставляемъ разсмотрѣніе ихъ до того момента, когда они появляются въ нормальномъ ходѣ переговоровъ, предшествующихъ свадьбѣ, и самыхъ свадебныхъ церемоній.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что болгарскій народъ удержалъ въ ущельяхъ Балканъ въ состояніи полной жизненности тѣ примитивныя формы брака, которыя у прочихъ славянъ остались только въ видѣ переживаній въ свадебныхъ обрядахъ. Благодаря географическому положенію страны, формы эти не исчезли, несмотря на множество сложныхъ, культурныхъ вліяній и даже несмотря на долго дѣйствовавшее въ Болгаріи византійское (особенно духовное) законодательство, преслѣдовавшее эти формы, особенно же похищеніе женщинъ, съ самой дикой жестокостью, на которую такъ способна была Византія [1]).

Но, можетъ быть, наиболѣе яркое доказательство замѣчательной стойкости древнихъ обычаевъ у болгаръ мы на-

---

1) О строгости этихъ законовъ и вообще о жестокости преслѣдованія умыканія, даже въ формѣ чисто ритуальной, мы можемъ составить себѣ понятіе по византійскимъ законамъ, дѣйствовавшимъ даже въ древней Руси. Такъ, 24 ст. такъ называемыхъ „законныхъ книгъ“ гласитъ слѣдующее:

„Въсхитившей женоу, или оброученоую, или необроученоую, или вдовоу аще благородна боудетъ или раба, или ослобоженаіа,... аще же кто и свою оброучницю въсхититъ, аще оубо съ ороужіемъ и мечи и палицами въсхищеніе створилъ боудетъ, таковый мечемъ казненъ боудетъ; а съпособляющеи емоу и свѣдоущеи хотѣніемъ пріемшеи се, иже каковое либо потщаніе створивше о семъ, бьеми и острижени, носы ихъ оурѣзати. Аще ли же безъ всякаго ороужіа въсхищеніе створиша, иже оубо въсхищеніе створивший, роуки его оусѣчени да боудоуть, споспѣшьствовавшеи же в таковомъ въсхищеніи или вѣдоущеи и послоужившеи и по волѣ приставшеи к томоу, иже каковое либо потщаніе о томъ створившеи, бьеми и острижени, поточени да боудоуть“. А. Павловъ. „Книги законныя“ (Сборникъ Отдѣленія русскаго яз. и словесн. Имп. Академіи Наукъ. т. XXXVIII, № 3, стр. 67).

Digitized by Google

ходимъ въ общемъ основномъ понятіи болгарскаго народа о свадьбѣ со всѣми ея обрядами, какъ главномъ и единственно рѣшающемъ актѣ, устанавливающемъ брачное сожительство, помимо брака церковнаго, составляющаго и у болгаръ только требуемую закономъ формальность. Подобно украинцамъ [1]), великоруссамъ [2]), румынамъ [3]) и прочимъ народамъ [4]), болгары смотрятъ на обрядъ народной свадьбы, какъ на актъ, единственно дающій право считаться супругами и вступать между собою въ супружескія отношенія: „Свадбата е друго, а вѣнчанието друго", говоритъ одинъ изъ лучшихъ изслѣдователей болгарской свадьбы г. Бобчевъ: „Това нѣщо собирателитѣ на народнитѣ обичаи не трѣбва да изгубватъ изъ прѣдъ очи, кога распитватъ. Въ старо врѣме безъ свадба (совокупностьта на обрядитѣ), вѣнчанието е било нѣщо немислимо. Свадбата е била по главното и тя се е продължавала нѣколко дена; чрѣзъ нея се е разглашавало за събитието, чрѣзъ нея сж се правили домашнити веселби; чрѣзъ нея се е давало да се розбере, че събитието има голѣма важность". — „Сега", продолжаетъ онъ, „свадба е изгубила старата еи обрядность и символизмъ" [5]). Но не смотря на ослабленіе старинныхъ обычаевъ подъ вліяніемъ общеевропейской культуры, основной взглядъ на значеніе свадьбы все-таки продолжаетъ, повидимому, оставаться прежній; въ пользу этого, по крайней мѣрѣ, говоритъ

---

[1]) Сборникъ за народни умотворенія, наука и книжн., т. III, стр. 149.

[2]) „Вѣнчаніе не дѣлаетъ изъ нея (невѣсты) жены и женщины—она по прежнему признается дѣвушкой... она не жена—она дѣвушка... бракъ является общепризнаваемымъ только на второй день послѣ вѣнчанія". Пономаревъ: Обрядовый обычай (Сѣверный Вѣстникъ 1890, іюнь, стр. 71).

[3]) „Вѣнчаніе, по понятіямъ многихъ молдованъ, несмотря на то, что они исповѣдуютъ православіе, не считается таинствомъ, а только обрядомъ, а потому случается, что, справивъ свадебныя формальности, а иногда и безъ этого, не исполняя обряда вѣнчанія, мужчина и женщина живутъ вмѣстѣ, называясь мужемъ и женой. Зашукъ: Бессарабская область (Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собр. офицерами Генер. Штаба) Сб. 1862, I, стр. 482.

[4]) Черемисы недавно еще „хотя и вѣнчались въ церкви, но этого вѣнчанія не считали ни во что и перевѣнчивали молодыхъ дома по своему". Смирновъ: Черемисы. стр. 132.

[5]) Бобчевъ. Материали за българското обичайно право (Хисарскій округъ) въ журн. Наука № II 1882, стр. 35.

Digitized by Google

полнота свадебнаго обряда, видная изъ всѣхъ его современныхъ описаній.

Необходимо, впрочемъ, сказать, что подобное отношеніе къ свадебному обряду, сравнительно съ обрядомъ церковнымъ, вовсе не составляетъ какой-нибудь особенности славянскихъ племенъ или племенъ къ нимъ близкихъ географически. Отношеніе это вытекло логически изъ самой сущности брака и въ свое время существовало вездѣ въ Европѣ, будучи признаваемо даже самой христіанской церковью. „Бракъ былъ уже благословляемъ въ языческихъ храмахъ", говоритъ упомянутый нами выше Edelstand du Meril, „и религія болѣе строгая, которая провозгласила постоянство брачныхъ обязательствъ, чувствовала себя вдвойнѣ обязанной очистить то ,что въ нихъ было плотскаго, таинственнымъ воздѣйствіемъ священнаго обряда". „Но бракъ получалъ силу только будучи фактически совершеннымъ", продолжаетъ онъ дальше, ссылаясь на мнѣніе Gratianus'a [1]), „и сама церковь не могла освящать его наперед, пока онъ еще не существовалъ въ дѣйствительности". „Только въ XV вѣкѣ церковь почувствовала необходимость отложить логику въ сторону, и зальцбургскій соборъ въ 1420 г. постановилъ обязательнымъ правиломъ совершать церковный обрядъ вѣнчанія не послѣ фактическаго вступленія брачущихся въ половое сожительство, какъ того требовалъ обычай, а до него" [2]). „Но все-таки, во избѣжаніе непослѣдовательности, необходимо было найти форму, которая, не затрогивая цѣломудрія, была-бы все таки матеріальнымъ соединеніемъ, и въ качествѣ такой формулы былъ введенъ церковью ритуальный поцѣлуй. [3]) Но объ этомъ будетъ сказано болѣе—въ своемъ мѣстѣ.

---

[1]) „Non est dubium illam mulierem non pertinere ad matrimonium, cum qua commixtio sexus non docetur fuisse". *Gratianus:* De bigamis non ordinandis. ch. V. (Ed. Du-Meril, op. cit., p. 36).

[2]) „Matrimonia quoque quae benedicenda fuerint, non post, ut moris extitit, sed ante ipsorum carnalem consummationem ac solemnitatis nuptiarum celebrationem, pro benedictionis ipsius reverentia benedicantur. „*Hartsheim* Consilia Germaniae. t. V, p. 190. (Edelst. Du-Meril, op. cit. p. 36).

[3]) Ed. Du-Meril. Op. cit. p. 36, 37.

Digitized by Google

Если намъ приходилось жаловаться на недостатокъ матеріаловъ для изученія украинской свадьбы, то относительно Болгаріи этотъ недостатокъ еще ощутительнѣе. Несмотря на глубокій патріотизмъ, поставившій изученіе своей народности въ число самыхъ главныхъ задачъ общественной дѣятельвости, несмотря на замѣчательную энергію, обнаружившуюся въ болгарской литературѣ и наукѣ со времени начала политическаго возрожденія этой страны, несмотря даже на то, что изученіе болгарскаго народа сдѣлалось одной изъ государственныхъ задачъ его правительства,— матеріаловъ все-таки очень мало, и тѣ, какіе имѣются, слишкомъ мало удовлетворительны. То что было сдѣлано прежними изслѣдователями, Раковскимъ, Верковичемъ Чолаковымъ, бр. Миладиновыми, Люб. Каравеловымъ и другими, кромѣ краткости и чрезмѣрной стыдливости, заставлявшей ихъ умалчивать обо всемъ, что сколько-нибудь могло показаться непристойнымъ, отличается еще тѣмъ, что вниманіе авторовъ было обращено или исключительно на обряды, при чемъ опускались пѣсни, или на пѣсни, причемъ почти вовсе не упоминаются обряды. Въ результатѣ оказывается отсутствіе хотя-бы одного описанія свадьбы, которое бы давало весь послѣдовательный ходъ ея, ея драматическое scenario, давало бы возможность пользоваться пѣснями для объясненія обрядовъ и т. д. Работы новѣйшихъ изслѣдователей, будучи также слишкомъ краткими, имѣютъ болѣе научный характеръ, но иногда поневолѣ страдаютъ нѣкоторой односторонностью, какъ, напр., весьма почтенные труды гг. Боева, Бобчева, Кажухарова Христова и др., или опять-таки нѣкоторой отрывочностью и излишней скромностью, какъ, напр., лучшій изъ новѣйшихъ сборниковъ, издаваемый г. Шапкаревымъ. Изъ иностранныхъ ученыхъ, писавшихъ о болгарскихъ свадьбахъ, больше всего сдѣлано профессоромъ Б. В. Богишичемъ и гг. Краусомъ и Дозономъ, но монументальный трудъ перваго изъ нихъ касается только двухъ болгарскихъ округовъ Восточ. Румеліи, а очень старательно составленная глава о болгарскихъ свадьбахъ въ книгѣ г. Крауса представляетъ только начало научной обработки прежде изданныхъ мате-

Digitized by Google

ріаловъ; книга же Дозона имѣетъ характеръ болѣе филологическій, чѣмъ этнографическій, и не всегда отличается достаточно строгой критикой. Наконецъ, нами лично были сдѣланы нѣкоторыя попытки получить описанія свадебъ, сдѣланныя по нашей спеціальной программѣ. Къ сожалѣнію, это было какъ разъ во время войны съ Сербіей и слѣдовавшихъ за нею событій, которыя мало способствовали спокойному занятію такими предметами, какъ этнографія, и намъ удалось получить только два описанія болгарскихъ свадебъ: одно, хотя и очень краткое, но заключающее въ себѣ нѣкоторыя очень драгоцѣнныя детали, отъ г. Петра Радановa изъ Варны, и другое—изъ Разложскаго округа Македоніи, превосходно составленное по нашей программѣ неизвѣстнымъ намъ лицомъ, переслано намъ г-номъ Данаджіевымъ. Оба эти описанія, за которыя мы считаемъ своей обязанностью принесть ихъ авторамъ нашу глубокую благодарность, [1]) будутъ переданы нами въ печать. Все это очень цѣнно, равно какъ цѣнны и тѣ матеріалы, которые были напечатаны уже и постоянно продолжаютъ печататься, но тѣмъ не менѣе всего этого еще слишкомъ недостаточно.

Этотъ-то именно недостатокъ свѣдѣній мѣшаетъ намъ прежде всего опредѣлить и то, существуетъ ли между молодежью болгарскаго народа какая-нибудь постоянная организація, подобная той, какую мы видѣли въ Украинѣ въ видѣ парубоцкой и дивоцкой громадъ? Но если она и не существуетъ въ постоянномъ видѣ, то, во всякомъ случаѣ, изъ описаній, которыя у насъ имѣются, мы можемъ заключить, что какъ молодые люди, такъ и дѣвушки все таки группируются для своихъ собраній и прочихъ общественныхъ увеселеній и игръ. Такія собранія молодежи, лучшее описаніе которыхъ мы имѣемъ въ Показальцѣ Раковскаго, извѣстны подъ именемъ сѣденокъ, посѣденокъ,

---

[1]) Не можемъ также не упомянуть съ большой благодарностью о томъ любезномъ содѣйствіи, которое было оказано намъ г. г. Иваномъ Арсентьевымъ Данаджіевымъ, Харлампіемъ Ангеловымъ, Христовымъ, Стояновымъ и др., сообщавшими намъ разные печатные и письменные матеріалы, указанія и т. п.

Digitized by Google

попрелокъ и пр. [1]) Устраиваются они обыкновенно осенью на краю деревни вокругъ большого костра, а зимой въ избѣ. Всю ночь раздаются пѣсни во всей деревнѣ, и только подъ утро расходятся. „Осенью", говорится въ описаніи Раковскаго [2]), когда еще погода стоитъ хорошая, дѣвушки и молодыя женщины, [3]) въ нарядныхъ платьяхъ, съ букетами изъ живыхъ цвѣтовъ на головѣ, отправляются обыкновенно на гумно или же на сельскую площадь (или на дорогу за селомъ, какъ говоритъ Чолаковъ, [4]) гдѣ прежде они раскладываютъ огонь, потомъ, поставивши вокругъ огня длинныя деревянныя лавки, садятся на нихъ и начинаютъ всѣ вмѣстѣ работать, т. е. прясть ленъ и т. п. Работа эта сопровождается безпрерывными пѣснями. Съ другой стороны, сельскіе парни тоже собираются вмѣстѣ и, раздѣлившись на нѣсколько дружинъ, вооружаются ножами, палками изъ опасенія, чтобы не случилось какого-нибудь несчастія (вѣроятно, это имѣло смыслъ въ особенности во время турецкаго господства), и затѣмъ отправляются къ дѣвушкамъ, имѣя съ собой всегда кого-нибудь, умѣющаго играть на какомъ-нибудь народномъ музыкальномъ инструментѣ. Придя на мѣсто, гдѣ собраны уже дѣвушки, парни привѣтствуютъ ихъ, а дѣвушки, отвѣчая на это привѣтствіе, встаютъ и стоятъ до тѣхъ поръ, пока всѣ парни не усядутся на одной сторонѣ кругообразнаго сѣдалища и не пригласятъ сѣсть и ихъ, прося вмѣстѣ съ тѣмъ пѣть. Дѣвушки садятся полукругомъ на другой сторонѣ круга, образуемаго скамьями, въ срединѣ котораго безпрерывно горитъ огонь, освѣщая большое пространство и представляя

---

[1]) Въ Върбицѣ собранія молодежи на улицѣ, происходящія обыкновенно отъ Великдень до Спасовдень, носятъ названія вечерницъ, почти совершенно такъ же, какъ въ Украинѣ (Искра 1889, Юний, № 1. стр. 69).

[2]) Статья Живзифова, составленная по книгѣ Раковскаго и помѣщенная въ Извѣстіяхъ И. Общ. Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи. (Труды Этнографич. Отдѣла, кн. III, вып. I М. 1874 г. стр. 51—53).

[3]) Что касается участія въ этихъ собраніяхъ молодыхъ женщинъ, то оно намъ кажется очень сомнительнымъ, тѣмъ болѣе что не упоминается ни въ одномъ изъ прочихъ источниковъ (Боевъ, op. cit. стр. 5; Чолаковъ, стр. 8, etc).

[4]) Чолаковъ, op. cit. стр. 8.

Digitized by Google

веселое зрѣлище. [1]) Дѣвушки начинаютъ работать и пѣть пѣсни, тогда какъ парни сидятъ смирно и слушаютъ пѣніе, выражая при этомъ удовольствіе. Послѣ этого парни, съ своей стороны, всѣ встаютъ съ мѣстъ и начинаютъ вести коло: каждый изъ нихъ беретъ за руку ту дѣвушку, которая ему нравится, такъ что хороводъ составляется изъ дѣвушекъ и парней вмѣстѣ. По окончаніи пляски, дѣвушки даютъ каждая своему любовнику въ знакъ привязанности китку, т. е. букетикъ изъ цвѣтовъ, обвитый красною шелковою ниткой. Парни, принявши букеты и поблагодаривши за нихъ дѣвушекъ, равно какъ и за пѣсни, прощаются съ ними и отправляются на другую сѣденку... На зарѣ каждый изъ парней идетъ на ту сѣденку, гдѣ находится его сестра или же его будущая невѣста, не имѣющая брата, и сопровождаетъ ее до дому.

Видоизмѣненіе сѣденки составляетъ у болгаръ тлъка. Это то же что толокá въ Украйнѣ и пóмочь въ Великороссіи, т. е. обычай созывать родственниковъ и знакомыхъ для исполненія какой-нибудь работы, требующей сразу большого количества рабочихъ рукъ, при чемъ работа эта исполняется въ видѣ взаимнаго одолженія и безъ платы, а только за одно угощеніе, сопровождаемое музыкою и пѣснями. Въ Украинѣ, особенно въ послѣднее время, этимъ часто пользуются и даже злоупотребляютъ крупные хозяева, особенно священники и мелкіе помѣщики. Дня за два, за три по селу или даже по нѣсколькимъ сосѣднимъ селамъ ѣздитъ прикащикъ съ нѣсколькими музыкантами и приглашаетъ на

[1]) Нельзя не отмѣтить замѣчательное сходство всей этой картины, представляемой болгарской сѣденкой, по описанію Раковскаго, съ тѣмъ, что рисуетъ намъ извѣстная великорусская колядка, помѣщаемая во всѣхъ хрестоматіяхъ:

. . . . . Добры молодцы, красны дѣвицы,
„Лѣса стоятъ дремучіе, Поютъ пѣсни колодушки...
Въ тѣхъ лѣсахъ огни горятъ, Въ серединѣ ихъ старикъ сидитъ,
Огни горятъ великіе; Онъ точитъ свой булатный ножъ.
Вокругъ огней скамьи стоятъ, Котелъ кипитъ горючій,
Скамьи стоятъ дубовыя. Возлѣ котла козелъ стоитъ,
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы, Хотятъ козла зарѣзати...“

Впрочемъ, въ послѣднее время подлинность этой колядки подвергается сомнѣнію.

Digitized by Google

толоку въ назначенный день, обыкновенно въ воскресенье. Съ утра являются парни и дѣвушки, и работа идетъ цѣлый день, прерываясь отъ времени до времени угощеніемъ и танцами подъ звуки музыки. Почти то же самое происходитъ и въ Болгаріи, но только примѣнительно къ зимнимъ работамъ, и притомъ сохраняя характеръ болѣе первобытной взаимной помощи, съ присоединеніемъ къ этому всѣхъ характерныхъ особенностей сѣденки. По всей вѣроятности, это не что иное, какъ сліяніе вмѣстѣ двухъ обычаевъ, происшедшее, можетъ быть, даже само собою естественно, въ силу обыкновенныхъ условій сельской жизни. Въ Великороссіи, напр., по словамъ г. Сумцова, люди зажиточные не допускаютъ устройства вечеринокъ въ своихъ домахъ изъ опасенія подвергнуть свое жилище вліянію нечистой силы на цѣлыхъ три года.[1]) Очень можетъ быть, что, вслѣдствіе подобныхъ же обстоятельствъ или даже вообще по причинѣ нежеланія хозяевъ устраивать у себя шумное сборище молодежи, собраніямъ этимъ въ Болгаріи пришлось искать пріюта и воспользоваться тлъкой, какъ наиболѣе удобнымъ способомъ соединить сѣденку съ чисто экономическимъ обычаемъ взаимной помощи въ работѣ.

Вечеромъ, въ день назначенный для тлъки, каждая изъ приглашенныхъ дѣвушекъ, одѣвшись въ самое лучшее и чистое платье, съ цвѣтами на головѣ и приготовивши китку, т. е. букетикъ цвѣтовъ, беретъ свою разукрашенную прялку и, въ сопровожденіи своего брата или кого-нибудь изъ домашнихъ, отправляется въ домъ, куда ее пригласили. Когда всѣ дѣвушки соберутся, онѣ начинаютъ исполнять предлагаемую имъ домохозяиномъ работу, чаще всего битье кукурузы или что-нибудь подобное, и во все время занятія почти непрерывно поютъ извѣстнаго рода пѣсни. Съ другой стороны, парни составляютъ нѣсколько дружинъ и, имѣя во главѣ свирѣльщиковъ, отправляются въ домъ, гдѣ происходитъ тлъка. На встрѣчу имъ выходитъ хозяинъ и приглашаетъ ихъ войти въ комнату, гдѣ находятся дѣвушки. Войдя въ эту комнату, парни прежде всего здороваются съ дѣвушками,

---

[1]) Н. Сумцовъ: Досѣтки и посидѣлки. К. 1886. стр. 5—6

Digitized by Google

которыя въ знакъ уваженія тотчасъ встаютъ съ мѣстъ и стоятъ до тѣхъ поръ, пока по ихъ просьбѣ парни не сядутъ на противоположной сторонѣ.

Послѣ того парни, въ свою очередь, приглашаютъ дѣвушекъ сѣсть и просятъ ихъ пѣть пѣсни Начинается опять работа, сопровождаемая пѣніемъ и игрой на свирѣли или на какомъ-нибудь другомъ инструментѣ. Поработавши такимъ образомъ нѣкоторое время, иногда довольно долго, всѣ встаютъ вмѣстѣ и, выйдя на дворъ или, если этого не позволяетъ погода, оставаясь въ той же комнатѣ, начинаютъ вести хоро, при чемъ каждый парень становится рядомъ съ той дѣвушкой, которая ему больше другихъ нравится. Въ срединѣ же круга стоитъ самъ хозяинъ и со свѣчами или лучиной въ рукахъ освѣщаетъ танцующихъ. Послѣ этого всѣ опять принимаются за работу. Хоро возобновляется такимъ образомъ нѣсколько разъ. „По полуночи хозяинъ накрываетъ на столъ и, выставивши, смотря по состоянію, различныя кушанья и вино цѣлыми ведрами, угощаетъ работницъ. Парни ѣдятъ вмѣстѣ съ дѣвушками, угощая другъ друга, но дѣвушки ведутъ себя скромно, вина же онѣ или вовсе не пьютъ, или очень мало. Имъ прислуживаетъ самъ хозяинъ и всѣ его домашніе. По окончаніи ужина всѣ выходятъ на дворъ и снова танцуютъ хоро. Послѣ этого, отправившись въ комнату, парни просятъ принести имъ рѣшето съ шерстью и веретенами. которое немедленно приносятъ и кладутъ его въ серединѣ комнаты. Тогда каждый изъ парней беретъ изъ рѣшета немного шерсти и веретено, которыя передаетъ своей возлюбленной, прося ее показать ему, какъ прядутъ. Отъ этого предложенія ни одна дѣвушка не можетъ отказаться, ибо, въ противномъ случаѣ, это было бы сильнымъ оскорбленіемъ для молодого человѣка. Поэтому дѣвушки съ радостью и готовностью берутъ предлагаемыя имъ веретена и, намотавши на нихъ немного пряжи, снова возвращаютъ ихъ парнямъ. Послѣдніе, желая сдѣлать дѣвушкамъ удовольствіе и показать имъ, что и они участвуютъ въ женскомъ трудѣ и почитаютъ его, прядутъ немного, послѣ чего они опять кладутъ веретено въ рѣшето. Это означаетъ, что наступила пора расходиться. Но, прежде чѣмъ разойтись, дѣвушки величаютъ

Digitized by Google

пѣснями каждаго изъ парней съ той дѣвушкой, которая приняла отъ парня веретено и этимъ дала знакъ, что и она не прочь любить его. Въ это время дѣвушка, которую величаютъ, не поетъ, но, молча краснѣя, глядитъ внизъ до тѣхъ поръ, пока не начнутъ величать другую дѣвушку. Пѣсни эти заключаютъ въ себѣ обыкновенно намеки на будущее соединеніе дѣвушки и парня:

Кърши, Тодоро, лилѣка,
Прави, Тодоро, мостове,
Чи ще да мине, Тодоро,
Царь и царица, Тодоро;
Не мина царь и царица,
Не мина Стоянъ и Рада...

По окончаніи подобной пѣсни остальныя дѣвушки и парни поздравляютъ величаемыхъ, говоря имъ: „да будетъ она тебѣ счастливою, Стоянъ или Драганъ! Да будетъ онъ тебѣ счастливымъ, Рада или Златка!“ Послѣ этого дѣвушки раздаютъ парнямъ, каждая своему, китки и начинаютъ расходиться по домамъ въ сопровожденіи брата или родственника; а тѣхъ, у которыхъ нѣтъ брата, сопровождаютъ ихъ любовники. Если же число присутствующихъ дѣвушекъ превышаетъ число парней, и—наоборотъ, то мѣсто недостающихъ лицъ замѣняютъ малолѣтнія дѣти, которыя не принимаютъ никакого участія въ тлъкѣ; это дѣлается только для того, чтобы число парней равнялось числу дѣвушекъ и наоборотъ.“

Пересматривая немногія записанныя до сихъ поръ пѣсни, поющіяся на этихъ собраніяхъ молодежи, мы не находимъ въ нихъ ни чертъ особенно архаическихъ, ни указаній на первобытное значеніе этихъ собраній. Пѣсни заключаютъ въ себѣ только черты чисто бытовыя, подробности, имѣющія характеръ чисто описательный и очень часто весьма поэтическій. Одна изъ этихъ пѣсенъ даетъ намъ прелестную картинку, изображающую двухъ овчаровъ, собравшихся ужинать и услышавшихъ внизу въ долинѣ пѣніе дѣвушекъ: овчары спѣшатъ кончить свое „печене ягнѣ“, чтобы сойти внизъ и принять участіе въ сѣденкѣ [1]). Другая пѣсня рисуетъ намъ дѣвушку, родители которой приказываютъ прибрать комнату, постлать постель и ложиться спать; она исполняетъ все это

[1]) Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина, II, стр 36, № 11.

Digitized by Google

и не спитъ, а дождавшись, пока уснутъ ея родители, потихоньку уходитъ къ своимъ подругамъ на улицу, гдѣ уже о ней справляется ея молодой другъ [1]). Третья пѣсня, очень интересная, представляетъ намъ дьяка-калугера, услышавшаго возлѣ монастыря пѣніе дѣвушки и проклинающаго свою судьбу: если бы онъ услышалъ раньше ея пѣніе,

„Додé не бех се покалугéрил,
Покалугéрил, име премéнил,
Дреи предрешил, душа потóпил...“

Дѣвушка Вела не смущается, впрочемъ, обѣтами, произнесенными молодымъ монахомъ, и совѣтуетъ ему:

„.... фѫрли гункъя на зѫлта дункьа,
И калимовка в нова килніа
Та па си доіди код мома Вела!“ [2])

По словамъ старинныхъ описывателей болгарскихъ нравовъ, дѣвушки и сопровождающіе ихъ съ сѣденокъ молодые люди расходятся по домамъ, и этимъ все оканчивается. Но у новѣйшихъ изслѣдователей мы находимъ упоминаніе о томъ, что „въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на посѣденкахъ момче и момицы ночуютъ вмѣстѣ парами, что, повидимому, слѣдуетъ понимать въ смыслѣ допущенія и полового сожительства, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ сообщающій объ этомъ авторъ (г. Боевъ) говоритъ: „Во многихъ мѣстахъ, впрочемъ, половыя сношенія уже не допускаются“. Такъ, напр., во многихъ деревняхъ около Русчука существуетъ обычай допускать того изъ парней, который пользуется расположеніемъ дѣвицы, ночевать съ ней, но только съ условіемъ вести себя скромно; въ противномъ случаѣ, нарушителей правила о цѣломудренности заставляютъ скорѣе вступить въ бракъ [3]).

Вотъ и всѣ данныя, какія могли мы отыскать въ литературѣ этого вопроса объ общественной организаціи молодежи обоего пола у болгаръ и о посидѣнкахъ. Если мы не находимъ въ нихъ подробныхъ указаній на существованіе въ Болгаріи такой же правильной организаціи молодежи, ка-

---

1) ibid. стр. 35, № 10.
2) ibid. стр. 36, № 12.
3) Боевъ. Къ брачному праву Болгаръ, стр 5.

Digitized by Google

кую мы видѣли на украинскихъ парубоцькой и дивоцькой громадахъ, то мы все-таки замѣчаемъ ясные слѣды существованія подобной организаціи прежде. Такими слѣдами считаемъ мы прежде всего ясно выраженную группировку парней и дѣвушекъ отдѣльно другъ отъ друга, появленіе тѣхъ и другихъ въ видѣ отдѣльныхъ компаній, коллективный пріемъ, дѣлаемый дѣвушками парнямъ и т. д. Во всемъ этомъ, какъ парни, такъ и дѣвушки являются, какъ группа, а не какъ случайное собраніе молодыхъ людей, хотя у нихъ, повидимому, нѣтъ, какъ въ Украинѣ, ни складчины, ни постоянныхъ взносовъ въ общественную кассу, ни особыхъ представителей, какъ украинскіе отаманъ и отаманка, и т. д. Еще въ болѣе сгруппированномъ видѣ и въ болѣе ясной, чѣмъ въ Украинѣ, формѣ являются эти группы молодежи, принимая участіе въ свадебныхъ церемоніяхъ, гдѣ они очень часто носятъ чрезвычайно характерныя названія побратимовъ и посестримъ, прямо перенося насъ въ тотъ періодъ, когда всѣ молодые люди клана были между собою братьями, а дѣвушки—сестрами. Но объ этомъ мы будемъ говорить далѣе, теперь же обратимъ наше вниманіе на другую, вѣроятно, еще болѣе архаическую и болѣе важную, съ точки зрѣнія исторіи культуры, особенность болгарскихъ сѣденокъ — допущеніе половыхъ сношеній между парнями и дѣвушками, которое въ Украинѣ, какъ и въ большей части мѣстностей Болгаріи, успѣло превратиться уже въ простой обычай переживанія — въ совмѣстное спанье безъ всякихъ интимностей, фактически нарушающихъ цѣломудріе.

„Обычай свободныхъ половыхъ отношеній замѣченъ былъ изслѣдователями“—какъ мы сказали уже со словъ г. Боева—и на посидѣнкахъ, гдѣ парни и дѣвушки ночуютъ вмѣстѣ парами“. Если мы припомнимъ при этомъ упомянутый уже нами выше фактъ, что въ то время, когда послѣ тлъки парни и дѣвушки расходятся по домамъ, обращается особенное вниманіе на то, чтобы число парней равнялось числу дѣвушекъ, такъ чтобы каждый и каждая имѣли свою пару, и что, въ случаѣ непарности, недостающихъ лицъ замѣняютъ малолѣтніе, не принимающіе и не могущіе принимать участіе въ играхъ, то намъ кажется, что изъ этихъ фактовъ

Digitized by Google

мы можемъ вывести заключеніе, что обычаи эти представляютъ собой нѣчто большее, чѣмъ обыкновенныя собранія молодежи для увеселенія, и нуждаются въ болѣе обстоятельномъ изслѣдованіи, тѣмъ болѣе что они, повидимому, плохо вяжутся съ общераспространенными понятіями о половой нравственности у Болгаръ.

Къ сожалѣнію, какъ прежніе, такъ и новѣйшіе писатели, говоря о цѣломудріи болгарскихъ женщинъ, никогда не проводятъ сколько-нибудь рѣзкой черты между поведеніемъ женщинъ до замужества и въ замужествѣ. Не имѣя въ литературѣ рѣшительно ни одного факта, который бы прямо указывалъ на легкое поведеніе замужнихъ женщинъ, мы склонны думать, что общераспространенное мнѣніе о ихъ замѣчательной вѣрности мужьямъ не можетъ быть оспариваемо. Относительно же цѣломудрія дѣвушекъ мы имѣемъ отзывы достаточно противорѣчивые. Не говоря уже о томъ, что тѣ-же писатели, которые утверждаютъ, что нарушеніе цѣломудрія дѣвушкой есть вещь въ высшей степени рѣдкая и исключительная, даютъ вмѣстѣ съ тѣмъ указанія на разнаго рода обычаи и обряды, существующіе на случай, если невѣста окажется не дѣвственной; въ свѣдѣніяхъ же новѣйшихъ изслѣдователей мы находимъ уже прямыя указанія на то, что въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, мѣстностяхъ Болгаріи дѣвственность очень мало цѣнится и нарушенія ея происходятъ довольно часто. Такъ, по словамъ г. Боева, свобода половыхъ отношеній до замужества встрѣчается въ бѣлградчикскомъ округѣ и затѣмъ въ Мекедоніи, въ окрестностяхъ Прилѣпа, гдѣ она прикрывается вступленіемъ парня съ дѣвушкой въ такъ назыв. побратимство и посестримство. Парень съ дѣвушкой отправляются въ праздникъ къ обѣднѣ, во время чтенія Евангелія стоятъ вмѣстѣ около священника, затѣмъ послѣ обѣдни цѣлуются и дѣлаютъ другъ другу подарки. Послѣ этого обряда общеніе подобныхъ побратимовъ съ своими посестримами происходитъ, какъ у мужа съ женой, разница только въ томъ, что они живутъ врозь и въ церковный бракъ между собою не вступаютъ. Цѣломудренность въ этихъ мѣстахъ не составляетъ для дѣвушки необходимаго условія при вступленіи въ бракъ, но въ замуже-

Digitized by Google

ствѣ эти же посестримы строго соблюдаютъ супружескую вѣрность[1]). Такъ-же точно въ бѣлградчикскомъ округѣ, по словамъ того же автора, нецѣломудренность невѣсты влечетъ за собою только то, что ее купаютъ въ ближайшей рѣкѣ на другой день послѣ объявленія ея вины. Еще болѣе интересны въ этомъ отношеніи, хотя и не отличаются желательной опредѣленностью, свѣдѣнія, сообщаемыя Верковичемъ, о жителяхъ Македоніи—Копановцахъ и Піянцахъ. О первыхъ, живущихъ въ мѣстностяхъ Скопска, Кумановска и Вранска, онъ говоритъ прямо, что „женскій полъ у нихъ развратный", и что развратъ у нихъ „считается преимуществомъ" [2]). О вторыхъ, населяющихъ пространство между горами Смокъ, Когановска, Мелешовска — до Витомскихъ и Рильскихъ горъ, говорится также по поводу обычая показывать доказательства дѣвственности невѣсты, что этотъ обычай произошелъ, вѣроятно, „отъ нерѣдкой развратности женскаго пола" (значитъ до замужества). „Піянецъ, говоритъ Верковичъ, легко сноситъ безчестіе женщины... требованія нравственности не имѣютъ никакого вліянія на нихъ, поэтому они вовсе не обижаются, видя часто безчестіе (невѣстъ), хотя и чрезвычайно мстительны [3])". Эти очень интересныя сами по себѣ данныя, устанавливающія вмѣстѣ съ вышеприведенными свѣдѣніями г. Боева фактъ существованія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Болгаріи свободы половыхъ отношеній до брака, дополняются у Верковича двумя еще болѣе важными легендами, которыя, можетъ быть, въ состояніи бросить нѣкоторый свѣтъ на существованіе этого рода нравовъ у болгаръ—племени, имѣвшаго уже индивидуальный бракъ, по всей вѣроятности, гораздо раньше своего переселенія на Дунай. Легенда о происхожденіи Копановцевъ говоритъ, что

---

[1]) Боевъ, op. cit. стр. 3—4.

[2]) Турды Этнограф. Отд. И. Общества Любит. Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи кн. III, вып. I. М. 1874. стр. 8, 9. Статья Верковича переведена и издана отдѣльно по-болгарски подъ заглавіемъ Описание битътъ на Македонскатѣ Българи. Кюстендилъ (годъ не обозначенъ).

[3]) ibid. стр. 9.

Digitized by Google

это племя, размножившись, „достигло границъ нечистыхъ людей, отъ сношенія съ которыми они нарушили повелѣніе Бога", который проклялъ ихъ „чтобы они были слугами развратности и истребленія". Другая легенда—о Піянцахъ—заключаетъ въ себѣ почти то-же самое: „Богъ... напустилъ на нихъ какое-то свирѣпое поколѣніе людей... и совсѣмъ покинулъ ихъ...; въ безчисленныхъ битвахъ съ дикими народами и медвѣдями они... разсѣялись по разнымъ мѣстамъ и стали жить, какъ скоты" [1]).

Если мы припомнимъ себѣ приведенныя нами выше жалобы экзарха Іоанна по поводу существованія въ Болгаріи „поганыхъ словенъ", то, по всей вѣроятности, съ нашей стороны не будетъ слишкомъ рискованымъ сдѣлать предположеніе, что „нечистые и свирѣпые люди" этихъ легендъ, съ которыми приходилось сталкиваться болгарамъ и, благодаря столкновенію съ которыми, эти послѣдніе сдѣлались „развратными", т. е. стали равнодушно смотрѣть на увлеченія дѣвушекъ до брака,—что эти люди—не кто иной, какъ славянскія племена, населявшія древнюю Мизію до прихода болгаръ и, путемъ смѣшенія съ ними, потомъ передавшіе имъ тѣ нравы, какіе мы находимъ въ ту-же эпоху и у днѣпровскихъ славянъ, пришедшихъ, какъ говоритъ лѣтопись, тоже съ Дуная.

Просматривая изложенные выше факты, читатель обратилъ, вѣроятно, вниманіе на то странное съ перваго взгляда обстоятельство, что живущіе между собою въ связи парень и дѣвушка носятъ иногда названіе побратимовъ и посестримовъ и совершаютъ даже въ церкви нѣчто въ родѣ обряда, близкаго къ тому „чину братотворенія", который и до сихъ поръ еще не вышелъ изъ употребленія въ Сербіи при заключеніи побратимства. Хотя сообщающій этотъ фактъ г. Боевъ и правъ, говоря, что „нельзя смотрѣть на этотъ обычай, какъ на сознательную эксплуатацію распространеннаго между южными славянами обычая побратимства и посестримства въ пользу разврата" [2]), тѣмъ не

---

[1]) ibid. стр. 10.

[2]) *Боевъ*. Op. cit. стр. 4.

Digitized by Google

менѣе, если не происхожденіе, то, по крайней мѣрѣ, близкая связь этого обычая съ побратимствомъ намъ кажется не подлежащей сомнѣнію. «Пока держится матріархатъ», говоритъ М. М. Ковалевскій: «родственное отношеніе брата и сестры является особенно тѣснымъ; если на лицо не имѣется физическаго братства, то его стараются замѣнить братствомъ искусственнымъ и съ этой цѣлью обращаются къ такъ называемому посестримству». «Такое посестримство», продолжаетъ онъ далѣе: «представляетъ намъ обычай, въ силу котораго пшавская дѣвушка выбираетъ себѣ кого-нибудь изъ неженатыхъ мужчинъ въ „цацалы“, или нареченные братья. Этотъ цацала не только сопровождаетъ повсюду свою нареченную сестру, но съ вѣдома родителей и спитъ съ нею на одной постели. Весьма рѣдко, впрочемъ, эти отношенія искусственно породнившихся между собою молодыхъ людей выраждаются въ отношенія любовника и любовницы“[1]). Это совершенно естественно, такъ какъ ничто до такой степени не противорѣчитъ супружескому сожительству, какъ отношенія брата и сестры, хотя бъ и искусственныя. Но если затѣмъ, вслѣдствіе исчезновенія матріархата, значеніе этихъ отношеній уменьшается, то тѣмъ болѣе уменьшастся, разумѣется, и значеніе искусственнаго родства, продолжающаго иногда держаться въ видѣ традиціи. Очень интересно, что подобное посестримство въ Сербіи, не перейдя еще въ любовныя отношенія, приняло съ обрядовой стороны тоже форму брака, хотя коммунально-языческаго. По словамъ Вука Караджича, въ Неготинѣ и Ршавѣ во второй понедѣльникъ послѣ Пасхи—день, носящій характерное названіе d r u ž i č a l o — парни и дѣвушки собираются вмѣстѣ, образуютъ пары, плетутъ вѣнки изъ ивовыхъ вѣтокъ, цѣлуются сквозь эти вѣнки и, обмѣниваясь при этомъ пасхальными яйцами, заключаютъ между собой побратимство и посестримство, которое длится весь годъ, до слѣдующаго družičal'a, и которое такъ же, какъ и у пшавовъ, не переходитъ обыкновенно

---

[1]) *Макс. Ковалевскій*: Законъ и обычай на Кавказѣ. М. 1890. I. стр. 21.

Digitized by Google

границъ чисто-братскихъ отношеній [1]). Подобное же переживаніе, но въ еще болѣе измѣненномъ видѣ, мы встрѣчаемъ въ Великороссіи, гдѣ, напр., въ Аткарскомъ у. Саратовской губ. достигшія брачнаго возраста дѣвушки собираются въ праздникъ Пятидесятницы, водятъ хороводы, дѣлаютъ изъ зеленыхъ вѣтокъ вѣнки, цѣлуются черезъ нихъ и заключаютъ между собою нѣчто въ родѣ союза дружбы, которому даютъ имя кумовства. Вѣнки затѣмъ бросаютъ въ воду [2]). Зато въ другихъ мѣстахъ Россіи, а именно въ Псковской губ. и въ Сибири, посестримство выродилось, какъ и въ Болгаріи, въ отношенія гораздо болѣе близкія, какъ это можно видѣть изъ того, что въ Псковской губ. слова побратимъ и побратимка обозначаютъ любовника и любовницу, а въ Сибири слово братанчичъ означаетъ человѣка, родители котораго принадлежали къ различнымъ народностямъ, напр. отецъ русскій, а мать татарка и наоборотъ [3]).

Повидимому, совершенно въ сторонѣ отъ всѣхъ описываемыхъ проявленій половой свободы находится упоминаемый г. Боевымъ (ib. стр. 3) обычай, извѣстный подъ именемъ паратско, существовавшій недавно, а можетъ быть, и теперь еще не совсѣмъ изчезнувшій въ двухъ селеніяхъ, Габровѣ и Новоселѣ, въ южной части Доспатскихъ горъ, и заключающійся въ томъ, что „момцы и дѣвойки выбираютъ другъ друга, кто съ кѣмъ желаетъ, и парами отправляются въ лѣсъ, или, если это происходитъ зимой, то на сѣнникъ и тамъ вступаютъ другъ съ другомъ въ противоестественныя отношенія (per anum)... старики и старухи смотрятъ на это, какъ на вещь не противозаконную, незапрещенную: они только улыбаются, когда объ этомъ заговоришь съ ними; вѣдь въ свое время и они позволяли себѣ „лишнее“. Фактъ противо-

---

1) *Vuk:* Život i obyčaji 274 цит. у *Bogišić'a* „Pravni obyčaji u Slovena“. Zagr. 1867 стр. 150, и *Krauss'a*: Sitte und Brauch der Südslaven, s. 613.

2) *Минхъ:* Народные обычаи, обряды и пр. у крестьянъ Саратовской губ. 1890. стр. 104.

3) *Даль.* Толковый Словарь живаго великорусскаго языка I. 127. Вообще объ этомъ, какъ и разныхъ видахъ побратимства, см. нашу статью: La Fraternisation en Ukraïne (Mélusine, V, Mars-Avril 1890. № 8).

Digitized by Google

естественныхъ сношеній самъ по себѣ есть явленіе слишкомъ обыкновенное и встрѣчающееся почти у всѣхъ дикарей, а также бывшее очень распространеннымъ у всѣхъ почти древнихъ, особенно восточныхъ (едва ли не болѣе всего у семитическихъ) народовъ[1]). Въ данномъ случаѣ онъ обращаетъ на себя особенное вниманіе тѣмъ, что онъ происходитъ между особами разнаго пола и представляетъ какъ будто искусственную замѣну тѣхъ естественныхъ отношеній, которыя, какъ мы только что сказали, прежде допускались, а кое-гдѣ сохранились еще и до сихъ поръ. Къ сожалѣнію, намъ рѣшительно ничего не извѣстно о томъ, было ли это обыкновеніе распространено въ Болгаріи прежде, и мы, такимъ образомъ, лишены возможности сколько-нибудь документально сопоставить этотъ фактъ съ извѣстнымъ значеніемъ слова bougre, т.-е. bulgare, во французскомъ языкѣ. Слово bulgare, передѣланное впослѣдствіи въ boulgre и, наконецъ, bougre, прилагавшееся сначала къ альбигойцамъ[2]), потомъ начало означать еретиковъ вообще, а вмѣстѣ съ тѣмъ употреблялось и употребляется въ смыслѣ содомитъ[3]). По словамъ Шмидта, названіе это для обозначенія ереси катаровъ начало употребляться во Франціи только съ XIII

---

[1]) Кн. Судей, XIX, 22; Посл. I къ Коринѳ. VI, 10; Бытія XIX, 4—11. *Demeunier*: L'Esprit des usages et des coutumes des différents peuples. Lond. 1776, II, 309—313); *A. Reville*: Les Religions des peuples non civilisés. I. 313—314; *Gaya*: Cérémonies nuptiales p. 97 etc.

[2]) Bougre — nom d'hérétiques. On les appelait Bulgares. C'était de la Bulgarie qu'ils étaient répandus dans le pays des Albigeois, de Bulgare on fit Bougre „(La Curne *de Sainte-Palaye* Diction. historique de l'anc. lang. française. P. 1877); „Dans le moyen-âge des doctrines religieuses semblables régnaient parmi les Bulgares et les Albigeois, de là le nom des bougres donné a ces hérétiques" (*Littré*, Diction.).

[3]) „Bulgari—Dicti praeterea Bulgari puerorum corruptores, unde Bougeronner—cum pueris rem habere. Hispan. Bujarron—masculorum concubitor. Interdum Bulgari seu Bougres dicti κτηνοβατοι (*Du Cange*: Glossarium ad script. med. et inf. latinitis, v. Bulgari); Bougre—vient de Bulgare, parce que certains hérétiques bulgares étaient accusés de se livrer à la sodomie,—Sodomite. (*Larrousse*: Gr. Dict. Univ); Bougre, Boulgre — sodomite (Dict. Richelet, P. 1728 и Dict. de Trévaux 1771).

Digitized by Google

вѣка и не употреблялось до тѣхъ поръ нигдѣ больше. Оно было принесено во Францію, по его мнѣнію, несомнѣнно крестоносцами, «которые во Ѳракіи и Болгаріи встрѣчали еретиковъ исповѣдывавшихъ дуалистическіе догматы, а затѣмъ начало прилагаться къ еретикамъ вообще, при чемъ, какъ было съ словомъ Ketzer въ Германіи, vaudois во Франціи, ему придавали иногда смыслъ еще болѣе гнусный, употребляя его для обозначенія ужаснаго и противоестественнаго преступленія"[1]). По мнѣнію г. Леже, «ненависть католиковъ противъ богомиловъ была причиной обвиненія, связаннаго въ средніе вѣка со словомъ Boulgre[2]). Но противъ этого мнѣнія, какъ и противъ мнѣнія Шмидта, можно возразить, что обвиненіе болгаръ въ ереси и содомскомъ грѣхѣ, какъ говоритъ самъ Шмидтъ, не существовало нигдѣ, кромѣ Франціи, и притомъ относится почему-то исключительно къ болгарамъ, безъ всякаго приложенія къ другимъ ересямъ, которыя, хотя и были обвиняемы во многомъ, но имена ихъ все-таки не сдѣлались синонимами извѣстныхъ грѣховъ. Содомія не могла не быть извѣстной во Франціи, такъ какъ она существовала еще у древнихъ Галловъ [3]) да и вообще была достаточно распространена вездѣ и всегда, для того чтобы ей не особенно удивляться. Если же мы обратимъ вниманіе на то, что болгарскіе богомилы, какъ мы упоминали уже, отрицали бракъ и вообще сношенія съ женщинами и старались не имѣть дѣтей, считая ихъ „діаволичищами", и если сопоставимъ съ этимъ тотъ фактъ, что у Турокъ и прочихъ восточныхъ народовъ „àprés avoir commis этотъ грѣхъ avec les hommes, on le commet avec les femmes et chez la plupart des Mahométans un abus secre s'oppose à la pro-

[1]) „Ce nom n'a été employé ni avant le XIII s. ni ailleurs, qu'en France. Il fut apporté en ce pays sans doute par des croisés qui en Thrace et en Bulgarie avaient rencontré des hérétiques professant les dogmes dualistes... De même que Patarin en Italie, Bougre finit par désigner les hérétiques en général et de même qu'au mot Ketzer en Allemagne et au mot Vaudois en France on lui donna quelquefois un sens plus détestable encore, en s'en servant pour qualifier un crime horrible et contre nature' (*Schmidt*. Histoire et doctrine de la secte des Cathares ou Albigeois. Paris-Genève. 1848. II, 282.

[2]) *L. Léger*, статья „Bogomiles" въ La Grande Encyclopédie.

[3]) *Diod. Sicul.* lib. V, cap. 21.

Digitized by Google

pagation de l'espèce"[1]), а также, что по ученію платониковъ можно было примирять потребности любви съ требованіями добродѣтели, и что у нихъ «les femmes qui faisaient profession de chasteté ne rougissaient point d'habiter avec les hommes et demandaient la visite des matrones pour prouver qu'il ne se passait rien d'indécent, противъ чего возставалъ и что обличалъ въ своихъ проповѣдяхъ св. Кипріанъ[2]), то, можетъ быть, окажется правдоподобнымъ предположеніе, что нынѣшнее болгарское п а р а т с к о представляетъ собой остатокъ какого-нибудь подобнаго, существовавшаго нѣкогда въ Болгаріи религіознаго увлеченія, замѣченнаго крестоносцами, которые и распространили свѣдѣнія объ этомъ во Франціи, гдѣ, конечно, подобное извѣстіе не могло не быть подхваченнымъ и обращеннымъ въ свою пользу католическимъ духовенствомъ, не разбиравшимъ средствъ въ борьбѣ съ еретиками. Въ концѣ концовъ, объ этомъ обычаѣ нельзя пока сказать ничего болѣе опредѣленнаго, да и наше предположеніе относительно слова b o u g r e есть не болѣе, какъ предположеніе, которое очень легко можетъ замѣниться совершенно другимъ объясненіемъ, такъ-же какъ, напримѣръ, это случилось съ французскимъ же выраженіемъ g r e c. Какъ извѣстно, слово g r e c въ нынѣшнемъ французскомъ языкѣ кромѣ своего прямого значенія обозначаетъ еще понятіе шулера, человѣка обманывающаго въ карточной игрѣ. Естественнѣе всего было бы думать, что поводомъ къ приданію этому слову такого смысла могла служить репутація, пріобрѣтенная во Франціи какими-нибудь лицами, принадлежащими къ греческой національности. Въ дѣйствительности же, какъ намъ любезно сообщилъ г. E. Rolland, это есть не больше какъ остатокъ стариннаго французскаго выраженія временъ псевдоклассицизма: être grec dans l'art, dans le métier и т.п., употреблявшагося для выраженія превосходства въ чемъ

---

[1]) *Demeunier*, Op. cit, II, стр. 313.

[2]) „Nec aliqua putet se hac excusatione defendi quod inspici et probari possit an virgo sit... et si incorrupta inventa fuerit ex parte sui, qua mulier potest esse, potuerit tamen ex alia corporis parte pecasse, qua violari potest et tamen inspici non potest". (*St. Cyprianus*. Op. цит. у *Demeunier*. Op. cit. II. ст. 324—325.

Digitized by Google

бы то ни было; être grec dans le jeu замѣнилось просто словомъ grec, которое такимъ образомъ не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ ловкости или злоупотребленіямъ грековъ въ карточной игрѣ.

Возвращаясь къ вопросу о свободѣ нравовъ у болгарскихъ дѣвушекъ до замужества и, въ частности, о половой свободѣ, допускаемой послѣ посѣденокъ, въ связи съ вопросомъ о значеніи этихъ послѣднихъ вообще, мы должны будемъ обратиться къ мнѣнію объ этомъ, высказанному нами въ первой части настоящей работы, и надѣемся, что факты, представляемые болгарскими обычаями, дадутъ намъ возможность высказаться болѣе утвердительно. Обычай совмѣстнаго спанья послѣ вечерницъ въ Украинѣ, какъ мы сказали, является, вѣроятно, переживаніемъ болѣе древняго и гораздо менѣе цѣломудреннаго примитивнаго обычая. Въ Болгаріи, гдѣ не сохранилось до такой степени ясно, какъ въ Украинѣ, общественная организація молодежи, но гдѣ все-таки сохранились явные слѣды ея, мы находимъ этотъ обычай въ формѣ болѣе архаической, допускающей не только совмѣстное спанье, но и половыя отношенія. Это обстоятельство на ряду съ фактами половой свободы до замужества вообще даетъ намъ право думать съ большей увѣренностью, что посѣденки и вечерницы представляютъ собой остатокъ одной изъ примитивныхъ формъ брака, тѣмъ болѣе что болгарскіе обычаи этого рода указываютъ намъ на извѣстную религіозную торжественность этихъ собраній, выражающуюся въ расположеніи участвующихъ вокругъ огня, въ хоровомъ пѣніи, которое, какъ мы уже не разъ говорили, можетъ служить довольно надежнымъ признакомъ религіознаго смысла церемоніи. Въ своемъ спеціальномъ изслѣдованіи о досвиткахъ и вечерницахъ проф. Сумцовъ выражаетъ мнѣніе, что вечерницы не заключаютъ въ себѣ ничего религіозно-миѳическаго, не будучи связаны ни съ какими-нибудь древними, съ языческой окраской, пѣснями, ни съ употребленіемъ обрядоваго кушанья, и считаетъ ихъ переживаніемъ такъ называемаго пробнаго брака или, правильнѣе сказать, извѣстной свободы половыхъ отношеній, предшествующей браку съ цѣлью убѣдиться въ способности дѣвушки къ дѣто-

Digitized by Google

рожденію [1]). Мы позволимъ себѣ высказать предположеніе, что г. Сумцовъ не провелъ достаточно разницы между обычаемъ допускать жениха проводить ночи съ невѣстой передъ свадьбой и совмѣстнымъ спаньемъ молодыхъ людей послѣ вечерницъ. Первый изъ этихъ обычаевъ, дѣйствительно, представляетъ собой остатокъ „пробныхъ ночей", но онъ относится къ эпохѣ индивидуальнаго брака, т. е. къ эпохѣ значительно позднѣйшей, тогда какъ вечерницы, оканчивающіяся совмѣстнымъ спаньемъ, никакъ не могутъ заключать въ себѣ элементовъ брака индивидуальнаго и, имѣя характеръ несравненно болѣе древній, относятся несомнѣнно къ эпохѣ общиннаго брака или, точнѣе выражаясь, коллективнаго брака по группамъ. Безспорно, въ украинскихъ обычаяхъ архаически-обрядовый элементъ почти вовсе отсутствуетъ, но, какъ мы сказали уже, въ огнѣ, вокругъ котораго собирается болгарская молодежь, въ хоровомъ пѣніи и проч. нельзя не признать извѣстной обрядности; наконецъ, совмѣстная ѣда существуетъ въ Украинѣ, а, можетъ быть, также и въ Болгаріи, и если она не состоитъ изъ какихъ-нибудь ритуальныхъ кушаньевъ, то надо замѣтить, что вѣдь и круглый свадебный хлѣбъ (коровай), о которомъ говоритъ г. Сумцовъ, указывая на него, какъ на характерный признакъ религіознаго значенія свадьбы, успѣлъ уже совершенно почти исчезнуть въ Великороссіи и Польшѣ и остался въ видѣ едва замѣтныхъ только слѣдовъ у южныхъ и западныхъ славянъ, замѣнившись ѣдой самой обыкновенной. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, отсутствіе въ вечерницахъ и посѣденкахъ чертъ чисто-архаически-религіозныхъ нельзя еще считать существеннымъ отличіемъ этихъ собраній отъ свадебъ, напр.,— и за ними нельзя не признать извѣстнаго и даже очень крупнаго исторически-культурнаго значенія, но только, разумѣется, не въ смыслѣ пробныхъ браковъ, какъ это думаетъ г. Сумцовъ, а въ смыслѣ предшествовавшаго индивидуальному браку—брака коммунальнаго.

---

[1]) *Н. Ѳ. Сумцовъ:* Досвѣтки и посидѣлки. Кіевъ 1886 (оттискъ изъ Кіевской Старины 1886. кн. III) стр. 10—11. Мнѣніе это повторяется затѣмъ въ позднѣйшей книгѣ того же автора: „Культурныя переживанія". Кіевъ 1890. стр. 188—189.

Digitized by Google

Въ первой части настоящей работы, говоря объ украинскихъ досвиткахъ, мы упоминали уже объ организаціи неженатой молодежи у примитивныхъ народовъ, объ отдѣльныхъ жилищахъ для достигшихъ брачнаго возраста молодыхъ людей и дѣвушекъ, о ихъ собраніяхъ и проч., что такъ напоминаетъ и объясняетъ наши украинскія парубо́цьку и диво́цьку громады. Но тамъ мы не сказали почти ничего объ регуляризаціи у этихъ примитивныхъ народовъ брачныхъ отношеній, отложивши это до изложенія нами болгарскихъ обычаевъ, дающихъ вмѣстѣ съ украинскими почти полный матеріалъ для возможности сопоставленій и сравнительнаго изслѣдованія. У австралійскихъ племенъ, какъ и у большинства дикарей вообще, удержался еще почти въ полной чистотѣ матріархатъ и проистекающая изъ него материнская филіація. Такъ, у столь извѣстнаго, послѣ трудовъ Fison'a и Howitt'a, племени Kamilaroi, каждая изъ двухъ его частей раздѣляется на два клана, подраздѣляющіеся часто въ свою очередь на второстепенныя группы, отличающіяся своими тотемами. Сообразно своему происхожденію по матери, одни изъ этихъ клановъ или ихъ подраздѣленій родственны между собою, и члены ихъ, считаясь взаимно братьями и сестрами, не имѣютъ права вступать другъ съ другомъ въ половыя сношенія; члены же другихъ клановъ или группъ, наоборотъ, считаются, такъ сказать, естественными супругами: всѣ мужчины одного клана считаются мужьями всѣхъ женщинъ другого и обратно. То-же самое мы находимъ у племени Dieri и пр. Но болѣе или менѣе у всѣхъ этихъ племенъ произошло уже начало индивидуализаціи брака, хотя бракъ по группамъ все-таки продолжаетъ существовать въ указанныхъ предѣлахъ родства, подчиняясь въ большей или меньшей степени извѣстнымъ, регулирующимъ половыя отношенія обычаямъ. Обыкновенно молодые люди въ возрастѣ 14—15 лѣтъ, а дѣвушки около 10-ти лѣтъ получаютъ уже право полового сожительства между собою. Это вступленіе въ права взрослаго человѣка происходитъ болѣе или менѣе торжественно: въ извѣстные дни, для этого назначенные, устраиваются половыя оргіи, причемъ молодымъ людямъ обоихъ половъ дается даже сигналъ, возвѣ-

Digitized by Google

щающій свободу отношеній; случается при этомъ, что дѣвушки оспариваютъ другъ у друга какого-нибудь парня и очень часто вступаютъ по этому поводу между собою въ драку. У племени Діэри это еще болѣе регулировано: будущіе супруги—piraûrû—выбираются совѣтомъ старѣйшинъ племени, и затѣмъ имена ихъ торжественно провозглашаются въ народномъ собраніи вечеромъ во время церемоніи обрѣзанія. Затѣмъ, въ назначенное для свадебнаго праздника время, устраивается оргія, и молодымъ людямъ предоставляется свобода вступить между собою въ связь. Такимъ образомъ, каждый мужчина, подвергшійся операціи обрѣзанія—церемоніи, съ которой собственно начинается брачный сезонъ и носящей очень характерное названіе Mindrai, т. е. мира (такъ какъ, вѣроятно, въ виду этого торжества прекращаются всякія враждебныя отношенія между сосѣдними племенами)—можетъ имѣть piraûrû. Во время каждой изъ слѣдующихъ затѣмъ подобныхъ же церемоній онъ можетъ пріобрѣсть еще одну супругу и т. д. и имѣть ихъ нѣсколько. Дѣвушки въ свою очередь могутъ имѣть нѣсколькихъ мужей. Если двое мужчинъ имѣютъ одну и ту-же супругу, то въ случаѣ, если не окажется въ данномъ мѣстѣ другой женщины того-же клана, она достается по праву старшему возрастомъ [1]) Въ изслѣдованіи объ украинской свадьбѣ мы видѣли уже почти совершенно аналогическіе этимъ нравы у африканскихъ зулусовъ и т. п. Всѣ эти примѣры показываютъ намъ, что у примитивныхъ народовъ на извѣстной степени развитія культуры и при извѣстномъ стремленіи регулировать половыя отношенія, собранія молодежи, остатокъ которыхъ мы видимъ въ нынѣшнихъ вечерницахъ и посидѣлкахъ, имѣютъ характеръ общинно-брачнаго установленія. Такое же значеніе должны были имѣть, слѣдовательно, славянскія посидѣнки и вечерницы; онѣ имѣли его еще нѣсколько столѣтій тому назадъ и даже еще въ прошломъ столѣтіи, когда противъ нихъ вооружались представители христіанской церкви, какъ противъ „Богу и человѣкомъ нена-

1) *Georges Raynaud*: La femme, le mariage et la famille en Australie (Bulletin de la soc. d'Ethnographie, Août, 1890, № 42, p. 148, 147).

Digitized by Google

вистнаго бѣснованія“ и „мерзкаго беззаконія“, о чемъ мы упоминали уже выше. Характерныя черты болгарскихъ посидѣнокъ, заключающіяся въ томъ, что въ нихъ могутъ участвовать только молодые люди и дѣвушки, достигшіе брачнаго возраста и не вступившіе еще въ бракъ, что изъ нихъ исключаются вовсе всѣ состоящіе въ бракѣ, что дѣвушки каждой части села или города собираются на отдѣльную посидѣнку, что парни, собравшись отдѣльно, ходятъ съ одной посидѣнки на другую, что собранія эти происходятъ съ извѣстной торжественностью лѣтомъ внѣ деревни вокругъ огня и сопровождаются пѣніемъ, что оканчиваются онѣ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, совмѣстнымъ спаньемъ и что, наконецъ, при удаленіи съ нихъ обращается особое вниманіе на то, чтобы никто не оставался безъ пары, причемъ недостающія для образованія паръ лица замѣняются подставными, изъ чего видна ритуальность этого обычая,—всѣ эти черты, черты, несомнѣнно, очень архаическія даютъ намъ, кажется, право предположить, что эти собранія молодежи представляютъ собой не что иное, какъ переживанія и даже остатокъ описанныхъ нами примитивныхъ обычаевъ, существовавшихъ въ свое время и у славянъ, которые по словамъ лѣтописи „браци не имѣяху, но игрища межю селы“—и именно межю селы, такъ какъ села тогда представляли собой небольшія еще поселенія отдѣльныхъ родовъ, если не просто большихъ матріархально-семейныхъ общинъ. Это не были собранія молодежи для одного только времяпровожденія и выбора другъ друга для вступленія въ бракъ—это были прямо брачныя торжества, коллективныя свадьбы,—игрища эти были именно брачнымъ установленіемъ, которое замѣнилось потомъ бракомъ индивидуальнымъ и возникшей изъ него патріархальной семьей.

Описывая вступленіе австралійскихъ и африканскихъ дикарей въ брачныя отношенія, мы старались отмѣтить то обстоятельство, что вступленіе дозрѣвшей молодежи въ ея новыя права и функціи сопровождается у нихъ извѣстной торжественностью и совершается въ извѣстное время. По аналогіи слѣдовало-бы предполагать, что черты подобной-же опредѣленности должны бы были сохраниться и въ обычаѣ

Digitized by Google

посѣденокъ и вечерницъ. Тѣмъ не менѣе мы этого не замѣчаемъ въ сколько-нибудь ясной формѣ ни въ Болгаріи, ни въ Украинѣ, ни въ прочихъ славянскихъ странахъ. Обыкновенно эти собранія молодежи продолжаются болѣе или менѣе круглый годъ: начинаясь съ осени, т. е. со времени окончанія полевыхъ работъ, прерываясь на нѣкоторое время, въ теченіе постовъ, они возобновляются потомъ весною въ видѣ сборищъ на улицѣ или за селомъ и продолжаются болѣе или менѣе все лѣто [1]). Только въ очень немногихъ мѣстностяхъ замѣчаются нѣкоторые признаки опредѣленности. Такъ, напр., какъ мы сказали уже, въ Врбицѣ вечерницы продолжаются отъ Великодня до Спасовдень, въ Украинѣ вечерницы начинаются со дня св. Симеона Лѣтопроводца, въ Оренбургской губ.—отъ Успенія, въ Олонецкой—отъ Рождества и т. п. [2]). Ни начало зимнихъ собраній, ни лѣтнихъ, ни конецъ ихъ не ознаменовываются никакими особенными торжествами и вообще, какъ мы говоримъ, не пріурочены ни къ какому празднику, а обусловливаются главнымъ образомъ причинами чисто экономическими и бытовыми. Происходитъ это, по всей вѣроятности, отъ того, что, потерявши всякое значеніе брачнаго установленія, эти собранія молодежи превратились въ сборища, лишенныя всякаго ритуальнаго характера и чисто увеселительныя, сохранивши въ себѣ только слѣды стариннаго своего значенія, по которымъ мы едва можемъ возстановить ихъ прежній смыслъ.

Совершенно иное видимъ мы, переходя собственно къ свадьбамъ и обращая наше вниманіе на обычное время ихъ совершенія. Уже въ украинской свадьбѣ мы замѣтили нѣкоторыя черты, указывающія на то, что брачныя торжества въ древности совершались, по всей вѣроятности, въ извѣстныя времена года, на что уже раньше было обращено вниманіе Кавелинымъ и г. Сумцовымъ, и, основываясь на чисто солярномъ характерѣ свободныхъ религіозныхъ церемоній и сходствѣ ихъ съ обрядовой стороной весеннихъ и

---

[1]) *Н. Сумцовъ*: Досѣтки и вечерницы, стр. 2, 3 и слѣд.

[2]) ibid Op. et loc cit.

Digitized by Google

купальскихъ игръ, мы высказали возможность предположенія, что такими временами года могли быть именно солнечные праздники. Такія черты, указывающія на существованіе прежде опредѣленныхъ брачныхъ сезоновъ, собственно въ украинскихъ свадебныхъ обычаяхъ, обрядахъ и пѣсняхъ очень немногочисленны и заключаются главнымъ образомъ въ сохранившемся въ нѣкоторыхъ свадебныхъ пѣсняхъ упоминаніи о ярмаркахъ невѣстъ и въ фактѣ существованія подобныхъ ярмарокъ въ очень еще недавнее время въ Карпатской Руси; всѣ же относящіеся сюда выводы или, лучше сказать, догадки и предположенія были сдѣланы какъ нами, такъ и болѣе ранними изслѣдователями, преимущественно на основаніи рѣзко брасающагося въ глаза брачнаго смысла всѣхъ почти весеннихъ и лѣтнихъ игръ и праздниковъ, совпадающихъ съ праздниками солнечнаго культа. Между тѣмъ очень большая теоретическая важность этихъ предположеній о существованіи у древнихъ славянъ опредѣленнаго времени для заключенія браковъ нуждается въ болѣе фактическомъ подтвержденіи, которое мы и находимъ въ этнографіи болгаръ.

Обыкновенно въ настоящее время свадьбы въ Болгаріи, какъ и въ прочихъ странахъ, болѣе или менѣе уже цивилизованныхъ, происходитъ въ теченіе всего года, за исключеніемъ, разумѣется, постовъ, когда вѣнчаніе невозможно по причинамъ чисто религіознымъ. Высокосные годы, впрочемъ, по словамъ г. Шапкарева, не считаются счастливыми для заключенія браковъ: „а въ высокосна година не се женять за що то вѣрвать, че кои то се женять въ таква година, нетраяли, т. е. умиралъ единий или другій членъ отъ това съпружества“ [1]). Затѣмъ въ распредѣленіи свадебъ по временамъ года въ Болгаріи, какъ и почти во всѣхъ прочихъ странахъ, играютъ роль болѣе всего причины экономическія, вслѣдствіе которыхъ наибольшее количество свадебъ приходится на осень. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Болгаріи онѣ начинаются отъ Голѣма Богородица (15 августа) [2])

---

[1]) *Шапкаревъ*: Сборникъ отъ Болгарски народни умотворенія ч, III. кн. VII, стр. 87.

[2]) *Каравеловъ*: Памятники народ. бита Болгаръ I стр. 251

Digitized by Google

или, начавшись съ конца іюля, бываютъ въ августѣ и сентябрѣ; очень часто также справляютъ свадьбы отъ Богоявленія и до начала Великаго поста [1]). Но въ одной изъ мѣстностей, довольно впрочемъ обширной, а именно въ дебърскомъ округіи въ Македоніи, мы встрѣчаемся съ обычаемъ очень оригинальнымъ и повидимому совершенно исключительнымъ—совершать свадьбы только въ одно опредѣленное время года, если даже не въ опредѣленный день. По словамъ г. Ястребова, „въ селахъ дебърскаго округа сватовство совершается въ день Петра и Павла (29 іюня), точно также какъ и свадьбы бываютъ въ этотъ же день. Сосватавшій дѣвушку 29 іюня долженъ ждать цѣлый годъ, чтобы жениться въ этотъ же день“ [2]). Нѣсколько болѣе подробное разъясненіе этого обычая находимъ мы въ „Свадбарскихъ обычаихъ и пѣснихъ отъ Дебърско-то записанныхъ г. Цѣпенковымъ. Свѫршуачките въ Дебѫрските села Река и свадбите се праатъ во е́ден месец на Сведено (светъ день) што си го имаат: Илигден, Петровден или Богороица, чунки Рекалиѣте сет поске по тугина, по работа, по маісторлук, да тогаі си идат по дома. Тие што се за свѫршуанье, ке се свѫршат, и тие што сет за же́ненье, ке се же́нат; да колку свадби што ке се праат во е́дно село, сите во еден ден ке и праат. Коі во коі ден ке се свѫршит, пѫрвно до послежнио, попо со ред ке си и запишит и до годината кога ке и венчая секого пак според свѫршуачка-та: коі понапред се свѫршили, и тоі понапред ке се венчат“ [3]). Наконецъ, наиболѣе подробное описаніе этого въ высшей степени интереснаго обычая мы имѣемъ въ извѣстной статьѣ Верковича. „Одинъ изъ главнѣйшихъ обычаевъ, по которому они (Мылки) рѣзко отличаются отъ прочихъ македонскихъ болгаръ, заключается въ томъ, что у нихъ обрученіе и женитьба бываютъ въ извѣстное время и день года для всѣхъ безъ исключенія; въ другое время, а также и въ день года, не можетъ быть никакого обруче-

---

[1]) *Верковичъ*. Op. cit. стр. 12.

[2]) *Ястребовъ*: Обычаи и пѣсни турецкихъ Сербовъ, стр. 408.

[3]) Сборникъ за народ. умотвор., наука и книжн. т. III стр. 56

Digitized by Google

нія, ни женитьбы: того изъ Мылковъ, который осмѣлился бы обручиться или же жениться въ какое-либо иное время года, община строго наказываетъ и считаетъ его нечестнымъ человѣкомъ. Такимъ срочнымъ временемъ назначены и обычаемъ освящены всѣ дни съ 20 іюля мѣсяца (день пророка Иліи) по 15 августа (день Успенія Богородицы). Въ теченіе этого мѣсяца всякій, кто пожелаетъ, долженъ обручиться, или жениться; въ противномъ случаѣ онъ долженъ дожидаться того же времени слѣдующаго года. „Открытіе этого свадебнаго періода происходитъ слѣдующимъ образомъ. Въ день пророка Иліи, послѣ окончанія литургіи, самый старѣйшій изъ поселянъ выходитъ въ средину села, окруженный народомъ и имѣя по правой сторонѣ священника, а по лѣвой сельскаго старшину (челникъ ходжабаши), за которыми съ обѣихъ сторонъ слѣдуютъ другіе старики; ставъ посреди̇нѣ села, этотъ сѣдоглавый почтенный старецъ приглашаетъ къ себѣ молодцевъ, одѣтыхъ въ праздничное платье, и объявляетъ имъ, что „по Божьей волѣ свадьбы начинаются“. Молодежь кланяется ему, становится на колѣна передъ священникомъ подъ его благословеніе и цѣлуетъ ему руку, потомъ всѣ, вставши, стрѣляютъ нѣсколько разъ изъ ружей въ знакъ, что свадьбы уже начинаются. Спустя нѣсколько минутъ, начинаютъ развѣваться знамена (препуре) надъ крышами тѣхъ домовъ, въ которыхъ должны быть свадьба или обрученіе: знамя бываетъ красное, шитое золотомъ и съ позолоченнымъ яблокомъ на вершинѣ его, если хозяинъ вводитъ въ свой домъ сноху, если же онъ только обручаетъ своего сына, то позолоченнаго яблока не бываетъ на знамени“ [1]).

Читатель извинитъ намъ эту довольно длинную выписку, которая оказывается необходимой, такъ какъ она составляетъ единственный документъ относительно этого этнографическаго явленія, такъ мало еще изслѣдованнаго, но имѣющаго въ высшей степени важное теоретическое значеніе. Для объясненія этого явленія и связи его съ прочими явленіями эво-

[1]) *Верковичъ* Op. cit. стр. 5. О свадебномъ значеніи яблока будетъ сказано далѣе.

Digitized by Google

люціи брака и семьи, вопросъ о немъ долженъ быть поставленъ на точку зрѣнія, главнымъ образомъ, антропологическую. Какъ было только что сказано, наблюдаемое въ настоящее время почти у всѣхъ сколько-нибудь культурныхъ народовъ распредѣленіе браковъ по временамъ года зависитъ несомнѣнно отъ очень большого количества причинъ, между которыми главную роль играютъ причины религіозныя и экономическія въ обширномъ смыслѣ этого слова. Но во времена болѣе отдаленныя на это могли вліять причины болѣе естественныя и прежде всего, разумѣется, тѣ, которыя вліяютъ на періоды совокупленія у животныхъ. Съ этой точки зрѣнія вопросъ о свадебныхъ періодахъ или сезонахъ былъ въ первый разъ поставленъ и въ значительной степени разрѣшенъ финляндскимъ ученымъ г. Вестермаркомъ въ его замѣчательномъ сочиненіи The history of human marriage. Посвящая этому вопросу цѣлую главу своего обширнаго труда (chapt. II. A human pairing season in primitive times), авторъ прежде всего разсматриваетъ имѣющіяся въ наукѣ данныя относительно течки у животныхъ и, въ частности, у антропоидныхъ обезьянъ и, принимая во вниманіе существованіе извѣстнаго закона, общаго для всего животнаго царства, и тѣсное біологическое сходство между человѣкомъ и антропоидными обезьянами, приходитъ къ заключенію, что періодъ спариванія у древнѣйшихъ людей или ихъ человѣкоподобныхъ предковъ долженъ былъ быть пріуроченнымъ къ извѣстному времени года [1]). Дѣйствительно, мы находимъ остатки этого и до настоящаго времени у наиболѣе дикихъ племенъ. У калифорнійскихъ индійцевъ, у туземцевъ западной Австраліи, у нѣкоторыхъ дравидійскихъ племенъ Индіи, у многихъ африканскихъ племенъ, по выраженію Oldfield'a объ австралійцахъ: „дикарь, подобно полевымъ звѣрямъ, имѣетъ только одно время совокупленія въ году [2])“. У многихъ изъ этихъ народовъ, какъ напр. у зулусовъ, какъ мы разсказывали въ пер-

---

1) *Westermarck*: The history of human marriage. L. 1891, стр. 27.

2) „Like the beasts of the field the savage has but one time for copulation in the year“ (i b. p. 28.)

Digitized by Google

вомъ отдѣлѣ настоящей работы [1]), время это празднуется съ особой торжественностью и представляетъ собой уже довольно много общаго съ нашими „игрищами межю селы“. У индійскаго племени Госовъ, по словамъ полковника Дальтона, бываетъ въ январѣ, „когда житницы наполнены хлѣбомъ, и народъ“, по его собственному выраженію, „преисполняется чертовщиной“, большой праздникъ, очень напоминающій сатурналіи, во время котораго происходитъ полное половое смѣшеніе, не взирая даже на родственныя отношенія [2]).

Въ нравахъ древнихъ монархій Америки и Азіи мы находимъ нѣсколько указаній на существованіе подобныхъ же обычаевъ и, во всякомъ случаѣ, на то, что бракъ имѣлъ свое опредѣленное время въ году. Въ Перу, напр., бракъ былъ совершенно государственнымъ установленіемъ и также имѣлъ свое опредѣленное время. Каждый годъ во всемъ государствѣ всѣ молодые люди и дѣвушки, достигшіе брачнаго возраста, должны были являться на площадь своего города и села въ установленный для этого день. Въ Куско самъ Инка сочеталъ бракомъ членовъ своего семейства на публичной площади. Въ другихъ городахъ начальники округовъ, нѣчто въ родѣ нынѣшнихъ губернаторовъ или префектовъ, дѣлали то-же самое относительно лицъ высшаго и низшихъ классовъ. Всякій бракъ внѣ своей административной группы былъ строго запрещенъ. Община каждаго города или села должна была выстроить домъ для новобрачныхъ, а родственники и прочіе граждане снабжали его всѣмъ необходимымъ для хозяйства [3]). Мендоза, путешествовавшій въ Средней Азіи и Китаѣ, разсказываетъ, что въ провинціяхъ Китая, граничащихъ съ Манджуріей, въ извѣстные опредѣленные для этого дни всѣ, желавшіе жениться и выйти замужъ, собирались въ назначенные для этого города въ каждой про-

---

1) Сборн. за народ. умотвор., наука и книж. т. V, стр. 222, примѣч.

2) ibid. стр. 28—29.

3) *Garcilasso*: Histoire des Ynkas. L. IV chap. 8. *Letourneau:* L'Evolution du mariage et de la famille. p. 216. *Laumier*: Cérémonies nuptiales. p 336.

Digitized by Google

винціи и тамъ записывались особыми чиновниками. Если мужчинъ оказывалось больше, чѣмъ дѣвушекъ или наоборотъ, то бросали жребій, и оставшіеся должны были ждать до слѣдующаго года, когда ихъ помѣщали въ первую очередь. Затѣмъ упомянутые чиновники дѣлили всѣхъ жениховъ и невѣстъ на три категоріи, смотря по ихъ состоянію и красотѣ, и женили болѣе богатыхъ юношей на болѣе красивыхъ дѣвушкахъ, взимая съ первыхъ болѣе высокую плату, которая шла на приданое менѣе краспвымъ дѣвицамъ. За этими брачными церемоніями слѣдовали большія празднества въ особыхъ домахъ, нарочно для того построенныхъ въ каждомъ городѣ и снабженныхъ въ достаточномъ для всѣхъ количествѣ постелями, буфетами и прочимъ хозяйствомъ, необходимымъ для новобрачныхъ въ теченіе всѣхъ этихъ праздниковъ, которые продолжались 50 дней. Затѣмъ, всѣ отправлялись по своимъ домамъ [1]). По словамъ Плано-Карпини, монгольскій ханъ „если потребуетъ у кого незамужнюю дочь или сестру,— ее безпрекословно отдаютъ ему. Ежегодно или черезъ нѣсколько лѣтъ, собираетъ онъ дѣвицъ изо всѣхъ владѣній татарскихъ, изъ нихъ оставляетъ онъ себѣ тѣхъ, которыхъ хочетъ, а другихъ раздаетъ своимъ людямъ, какъ ему вздумается [2])". Въ древнемъ Римѣ каждый годъ въ апрѣлѣ происходили праздники Венеры, а у Маннгардта и Кулишера [3]) можно найти цѣлый рядъ указаній на то, что въ Германіи, Англіи, Эстляндіи и проч. сохранилось много обычаевъ, свидѣтельствующихъ о пріурочиваніи браковъ къ извѣстному времени года, чаще всего къ веснѣ и началу лѣта. Въ древней Руси свадьбы имѣли, повидимому, тоже свой опредѣленный періодъ, по крайней мѣрѣ, изъ двухъ мѣстъ текста Псковской лѣтописи мы можемъ заключать, что извѣстное время въ году, а именно конецъ января и начало февраля, было извѣстно подъ именемъ с в а д е б ъ, и это выраженіе употреб-

---

[1]) *Gaya*: Cérémonies nuptiales de toutes les nations 1580, reimpr. p. 100—102.

[2]) *Бестужевъ-Рюминъ*: Русская Исторія I стр. 280.

[3]) *Mannhardt*: Wald und Feldkulte I. стр. 449, 450, 469 et seq.; *Kulischer*. Die geschlechtliche Zuchtwahl bei den Menschen in der Urzeit (Zeitschrift fur Ethnologie t. VIII стр. 152—156), цит. у *Westermarck*'a. Op. cit. p. 29.

Digitized by Google

лялось, очевидно, въ языкѣ, какъ совершенно опредѣленный терминъ, для обозначенія этого періода времени [1]).

Такъ называемые базары или ярмарки невѣстъ относящіеся, очевидно, къ этой же категоріи явленій, представляютъ собою не менѣе важный фактъ въ этомъ отношеніи. Ежегодныя брачныя собранія молодежи—эти „игрища межю селы"—были, по всей вѣроятности, не только праздниками, вызывавшими прекращеніе всякихъ военныхъ дѣйствій между племенами, часто находившимися во взаимной враждѣ [2]), но давали также возможность производить вмѣстѣ съ тѣмъ обмѣны своихъ произведеній и заключать торговыя сдѣлки, что вмѣстѣ съ заключеніемъ браковъ, принявшихъ со временемъ характеръ купли или выкупа невѣстъ, и подало поводъ къ этого рода названію. Такіе базары или ярмарки невѣстъ существовали вокругъ всей сѣверной стороны Балканскаго полуострова и невольно заставляютъ вспомнить объ извѣстіи Помпонія Мелы относительно Ѳракійцевъ, приведенномъ нами выше. У старинныхъ писателей мы находимъ извѣстія, что въ Венеціи дѣвушки, достигшія совершеннолѣтія, были собираемы и выводимы на рынокъ, гдѣ ихъ окружала цѣлая толпа мужчинъ, и публичный крикунъ продавалъ ихъ съ аукціона [3]). Въ румынской Трансильваніи существовавшія прежде ярмарки невѣстъ видоизмѣнились въ сельскіе праздники, продолжающіеся и до сихъ поръ на возвышенности Gaïna, и ихъ интересному описанію посвящена цѣлая глава въ недавно вышедшемъ подробномъ сочиненіи г. Маріану о румынскихъ свадьбахъ [4]). Въ другой мѣстности — Halmágy—существуетъ и до сихъ поръ, такъ назыв. базаръ поцѣлуевъ:

---

[1]) Въ Псковской лѣтоп. подъ годомъ 6910 (1402): „Явися звѣзда хвостатая на западной странѣ и въсхожаше съ прочими звѣздами отъ свадебъ (февраля мѣс.) до Вербной субботы", и далѣе подъ 1460 г: „генваря 22 о свадьбахъ бысть пожаръ во Псковѣ.." (*Карамзинъ*. Исторія Госуд. Россійск. Примѣч. къ т. V. №№ 222 и 386).

[2]) У австралійскаго племени Dieri церемонія обрѣзанія, за которой слѣдуетъ ежегодный общинно-брачный праздникъ, какъ сказано выше, носитъ названіе Mindraï, т. е. миръ. G. Raynod op. cit. p. 147.

[3]) *De Colières*. Laforeste nuptiale P. 1600, reimp. Bruxelles 1863. p. 27.

[4]) *S. H. Mariani*. Nunta la Românï. Bucuresci 1890. глава X: Târgulŭ de fete. стр. 70—80.

Digitized by Google

всѣ вышедшія въ теченіе года замужъ молодыя женщины собираются въ извѣстный день на ярмарку, одѣтыя въ свои вѣнчальные костюмы, и цѣлуютъ всѣхъ мужчинъ, какіе имъ попадутся на встрѣчу, за что получаютъ съ каждаго небольшой подарокъ или нѣсколько мѣдныхъ монетъ[1]). Затѣмъ у русняковъ въ Угорской Руси до конца прошлаго, а можетъ быть и до начала нынѣшняго столѣтія существовали ярмарки невѣстъ въ Красномъ Бродѣ, описаніе которыхъ можно найти въ Annales des Voyages Malte-Brun'a въ извлеченіи изъ статьи Rohrer'a, помѣщенной въ Vaterlaendishe Blaetter 1810—1811 года[2]), а также въ Časopis Českeho Musea (1859, I, 101[3]). Наконецъ, въ первой части настоящей работы мы упоминали уже объ указаніяхъ, какія имѣются въ украинскихъ свадебныхъ пѣсняхъ относительно существованія подобныхъ же базаровъ невѣстъ въ Меджибожѣ и Крупинѣ[4]).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что существованіе опредѣленнаго разъ въ году времени для заключенія браковъ у македонскихъ болгаръ вовсе не представляетъ собою явленія случайнаго или исключительнаго. Рядъ приведенныхъ нами фактовъ показываетъ съ достаточной, кажется, ясностью, что явленіе это есть остатокъ чрезвычайно древняго и, вѣроятно, повсемѣстнаго обычая, имѣющаго свое начало въ чисто-физіологическихъ основахъ существованія и размноженія примитивнаго человѣка, перешедшихъ потомъ въ обычай, долго сохранявшійся, но потомъ измѣнившійся или даже

---

[1]) *R. Chélard.* La Hongrie contemporaine P. 1891. p. 66.

[2]) Annales des Voyages. t. XVI (1811) p. 109—111. Самъ Rohrer извлекъ свои свѣдѣнія изъ *Szirmai*: Notitia topographica inclyti Comitatus Zempleniensis и *Bartholomaï*: Memorabilia provinciae Czetneck, Neusold. 1799.

[3]) Свѣдѣнія изъ Čas. Čes. Musea были сообщены въ сокращенномъ, впрочемъ, видѣ въ книгѣ г. *Сумцова*: „О свадебныхъ обрядахъ", и по ошибкѣ, кажется, отнесены къ Чехіи (стр. 22).—Полнѣе они приведены въ нашей статьѣ „Rites et Usages nuptiaux en Ukraïne" (L'Anthropologie, 1892).

[4]) Сборн. за народ. умотвор. IV, стр. 197. Указаніе на подобные же базары или ярмарки дѣвушекъ мы находимъ, можетъ быть, также и въ одной изъ болгарскихъ пѣсенъ:

„Да дойдешъ, Нено, да дойдешъ
На хубави день Велидень
Голѣмъ ся соборъ собира,—
Отъ деветъ села моми-те
Десето село—наше-то".
(*Чолаковъ*. стр. 108).

Digitized by Google

почти исчезнувшій, вслѣдствіе появленія новыхъ условій жизни и ихъ осложненія.

Возвращаясь затѣмъ къ самому обряду начатія свадебъ въ Дебърскомъ окружіи Македоніи, мы должны обратить вниманіе читателя еще на то, повидимому, очень важное обстоятельство, что въ тотъ же самый день, когда открывается свадебный сезонъ, а именно день св. Иліи, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, а именно въ Велешко, хотя и не входящемъ въ составъ Дебърскаго окружія, но населенномъ Мыяками-же, выходцами изъ Дебъры [1]), по словамъ г. Шапкарева „стова единъ общеселски или общински курбанъ служба. Вичкитѣ селяни излизатъ вънъ отъ селото на едно опредѣлено мѣсто, (вѣроятно на оброчище). Тамъ колятъ единъ волъ, варятъ го въ общи казанъ. Отъ свареното мѣсо расподѣлятъ по часть на всекое семейство, испосѣднали всекое, на особни търпези. Курбанъ стова съ нѣкои обряди и молитви отъ страна на селский священникъ [2])“ Подобные же курбаны и празднества устраиваются во многихъ другихъ мѣстахъ Македоніи и сѣверной Болгаріи. Въ Неврокопскомъ окружіи (село Скребатно) „на Илинъ день сяка една кощa си закала единъ бравъ (овенъ) за курбанъ. Курбаніе то обыкновенно въ другы деніе трябува да са готвятъ надробени въ харанія, а на тоя день са пекотъ на шишъ овни-тѣ въ пещо“ [3]). Курбанъ вообще совершаютъ въ настоящее время въ Болгаріи въ видѣ домашняго, сельскаго или общиннаго праздника. обыкновенно въ день патрона семьи или того святого, которому посвящена мѣстная церковь. Но врядъ ли возможно сомнѣваться въ томъ, что празднества эти имѣютъ характеръ вполнѣ дохристіанскій и, будучи первоначально праздниками домашнихъ и мѣстныхъ божествъ, только впослѣдствіи были пріурочены къ празднованію памяти христіанскихъ святыхъ, сохранивши, впрочемъ, вполнѣ всю свою языческую обрядность, начиная съ принесенія кровавой жертвы, какъ извѣстно, вовсе не допускаемой христіанствомъ. Въ Кюстендильскомъ окружіи, когда жертвенное животное уже сварено

[1]) *Верковичъ*, op. cit. стр. 4.

[2]) *Шапкаревъ*. Сборникъ отъ български народ. умотвор. ч. III, кн. VII, стр. 185.

[3]) *Чолаковъ*: Народенъ Сборникъ, стр. 110.

Digitized by Google

и разложено въ паницы для ѣды, никто не начинаетъ ѣсть, пока трапеза не будетъ благословлена. Но „попа сега не може да благослови; тукъ въ тоя случай, ще благославя най-старий отъ селени-тѣ“, а священникъ благословляетъ только потомъ [1]). Нѣкоторыя обстоятельства указываютъ какъ будто бы на солнечный характеръ этихъ праздниковъ и даютъ поводъ къ сближенію ихъ съ однимъ изъ главныхъ религіозныхъ обрядовъ свадьбы, а именно съ приготовленіемъ и торжественнымъ вкушеніемъ коровая. На второй день частно-семейнаго курбана у македонскихъ болгаръ, который продолжается „цѣли три дни, като на свадба“, приготовляютъ особый хлѣбъ (просфору), и „свещенникъ посѣщава всекое отъ празднующитѣ домакинства и прочетва на търпезата единъ приносъ (просфора), кой-то, разрѣзанъ послѣ на малки кжсчета, раздава го на вситѣ присжтствующи, домашни и гости... това се нарича: „креванье хлѣбъ“, а понегдѣ „пресвѣта“ [2]). Все это, разумѣется, слишкомъ недостаточно еще для окончательнаго сближенія курбановъ съ солнечными, а затѣмъ и съ свадебными годовыми праздниками, но мы считаемъ все-таки умѣстнымъ упомянуть объ этомъ, хотя бы для того только, чтобы обратить вниманіе на эти факты съ извѣстной точки зрѣнія [3]).

[1]) *Шапкаревъ*, op. cit. стр. 187. [2]) ibid. стр. 183.

[3]) Трудно, конечно, предполагать, чтобы курбанъ, какъ одинъ изъ видовъ жертвоприношенія, представлялъ собою особенность какой-нибудь отдѣльной расы или народа,—вѣрнѣе всего, что этотъ обычай есть одна изъ формъ общечеловѣческихъ. Но по особенностямъ своимъ болгарскій курбанъ имѣетъ наиболѣе сходства съ подобнымъ же обрядомъ у черемисъ (о черемисахъ и ихъ отношеніи къ болгарамъ мы говорили выше) съ тою только разницей, что черемисскій обрядъ, будучи еще вполнѣ языческимъ, сохранилъ въ себѣ гораздо болѣе чертъ примитивно-архаическихъ и разнаго рода деталей, которыхъ уже не существуетъ въ болгарскомъ. Такъ, у черемисъ жертвоприношеніе происходитъ обыкновенно въ лѣсу, въ священной рощѣ, замѣняющей храмъ (кереметь), и адресуется къ какому-нибудь дереву, какъ къ божеству. (*Смирновъ*: Черемисы стр. 199—202), обрядъ совершается цѣлымъ обществомъ (ib. стр. 205) Главнымъ божествомъ, которому приносятъ жертву, является богъ неба, богъ урожаевъ; молятся, обращаясь на востокъ къ солнцу; происходятъ пляски парами, при чемъ принято за правило, чтобы мужъ не плясалъ съ женой; наконецъ, отъ имени боговъ благословляются молодушки, вышедшія замужъ со времени прошлогодняго праздника. Торжественное приношеніе богамъ никогда не совершаетъ самъ жертвователь (хотя бы онъ былъ и одинъ): онъ выбираетъ посред-

Digitized by Google

Во всякомъ случаѣ, фактъ существованія до нынѣшняго времени особаго брачнаго времени года у болгаръ даетъ намъ новое и въ высшей степени важное подтвержденіе той теоріи опредѣленныхъ брачныхъ періодовъ, которой начало положено было предположеніями Кавелина и г. Сумцова, и открываетъ затѣмъ дорогу какъ къ вполнѣ научному установленію свадебнаго значенія „игрищъ межю селы“ у древнихъ славянъ, такъ и къ болѣе детальному и фактическому изученію вопроса о происхожденіи свадебныхъ обрядовъ вообще или, по крайней мѣрѣ, тѣхъ изъ нихъ, которые обнаруживаютъ такое бросающееся въ глаза сходство съ извѣстными языческими весенними и лѣтними солнечными праздниками. Здѣсь мы не можемъ, разумѣется, отдаться этому изученію и оставляемъ это, какъ предметъ одной изъ нашихъ слѣдующихъ работъ. **Ѳ. Волковъ.**

ника—старика, умѣющаго хорошо читать молитвы. (ib. стр. 202). Точно такъ же, какъ и у болгаръ, у черемисъ кровавыя жертвы замѣняются уже часто хлѣбомъ, иногда представляющимъ по формѣ своей подобіе жертвеннаго животнаго (пряничныя лошадки (ib. стр. 196.) и т. д. Очень много сходства съ этими черемисскими и болгарскими обрядами представляютъ подобные же великорусскіе обряды, совершаемые, между прочимъ, тоже въ день св. Иліи, точно такъ же какъ въ Петровъ день и другіе. Въ Вологодской губ. еще не особенно давно въ Петровъ день приводили къ церкви быка, кололи его, варили тутъ же въ котлахъ и всѣмъ міромъ разговлялись его мясомъ на кладбищѣ. Всѣ селенія прихода изъ года въ годъ строго соблюдали между собой очередь доставки и привода къ церкви обреченнаго на жертву животнаго, часть котораго отдѣлялась и въ пользу церковнаго причта, какъ и въ Болгаріи. (Нива 1883, № 18 стр. 410). Извѣстный путешественникъ прошлаго столѣтія Лепехинъ видѣлъ въ Пермской губ., что поселяне на мірскую складку приводили съ собою въ день св. Иліи быка, другіе – теленка и съѣдали всею деревнею. (*Сахаровъ*: Сказанія русскаго народа, изд. 1885 г. II, стр. 101). Въ Тульской губ. въ старину поселяне пекли на мірскую складчину хлѣбъ изъ новой ржи, приносили для благословенія въ церковь и раздавали нищимъ отъ всей деревни (ib. стр. 101). Въ Архангельской губ., въ день св. Иліи рѣжутъ подобнымъ же образомъ барановъ (*Сумцовъ*: О свад. обр., стр. 107). Сходство между описанными обрядами этихъ трехъ народовъ по всей вѣроятности, далеко не случайное, и объясненія его надо искать въ ихъ историческихъ отношеніяхъ. Въ Украинѣ очень отдаленный намекъ на нѣчто подобное представляетъ собою обычай зажигать свѣчи на рогахъ быковъ во время церковнаго праздника въ Криницѣ (Записки Юго-зап. Отдѣла И. Рус Географич. Общ. II, стр. 130 и слѣд.), но это принадлежитъ, очевидно, къ совсѣмъ другой категоріи подобныхъ же явленій.

Digitized by Google

САУРЪ ВАНИДОВИЧЪ.

В. Ѳ. Миллеръ напечаталъ въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ статью: „Былина о Саурѣ и сродныя съ ними“. Матеріаломъ ему послужили шесть былинъ, которыя, повидимому, всѣ разсказываютъ объ одномъ и томъ же лицѣ. Въ одной былинѣ богатырь, о подвигахъ котораго поется, называется Константиномъ, въ другой онъ стоитъ безъ имени, въ остальныхъ носитъ имена Суровенъ, Суравѣсть, Суровецъ. Эти послѣднія В. Ѳ. Миллеръ считаетъ за искаженія прозвища Суровичъ, т. е. Сауровичъ, сынъ Саура; въ той былинѣ, въ которой богатырь названъ Константиномъ, отецъ его названъ Сауромъ.

Сводное изъ шести варіантовъ содержаніе былины будетъ такое: Во время отсутствія царя (Саура) царица родитъ сына, который, подросши, отправляется искать отца, встрѣчаетъ на пути ворона, сидящаго на дубу, хочетъ стрѣлять въ него, но воронъ указываетъ ему на болѣе для него славную задачу; черезъ рѣку Смородину переправляется (или изъ Трепетовыхъ горъ поднимается) татарскій или сорочинскій царь. Царевичъ дерется съ татарами; сорочинскій царь велитъ рыть ямы и въ ямахъ ставитъ поторчины. Конь царевича оступился и упалъ въ яму; царевича схватили, связали и ведутъ на казнь, но онъ ломаетъ оковы, хватаетъ татарина, машетъ имъ, а потомъ осью телѣжною побиваетъ татаръ и добирается до самого царя. Нѣкоторые варіанты на этомъ кончаются, но былина несомнѣнно имѣла продолженіе. Мы доскажемъ его послѣ.

Г. Миллеръ приписываетъ этой былинѣ восточное происхожденіе. „И богатырь и его враги носятъ еще тюркскія имена: имя богатыря до сихъ поръ еще прикрѣплено къ

Digitized by Google

южно-русскимъ степнымъ курганамъ-могиламъ. Всѣ варіанты записаны въ восточной Россіи, въ Поволжьѣ, и не проникли въ районъ живой эпической традиціи нашего сѣвера, въ Олонецкую губернію". Въ то время, какъ другіе былины пріурочены къ двору кіевскаго Владиміра, здѣсь отецъ-царь является царемъ какого-то бусурманскаго владѣнія, астраханскаго или алыберскаго.

Послѣ такого результата изслѣдованія русской былины естественно рождается желаніе обратиться къ степному эпосу и поискать, не найдется ли въ немъ сходнаго сюжета съ сходными именами.

У калмыковъ существуетъ былина подъ названіемъ Джангаръ, которая поется подъ аккомпанементъ балалайки или гуслей. Она была переведена на нѣмецкій языкъ Бергманомъ и напечатана въ его Nomadische Streifereien unter d. Kalmüken, Riga, 1805, Th. IV; потомъ на русскій Бобровниковымъ въ 1854 г. (Вѣстникъ Имп. Русск. Геогр. Общ. 1854, кн. 12); текстъ ея напечатанъ г. Галстунскимъ. Бобровниковъ въ предисловіи къ своему переводу говоритъ, что экземпляръ, съ котораго онъ переводилъ, записанъ въ Багацохуровскомъ улусѣ; но въ его рукахъ былъ и другой экземпляръ, записанный для О. Ковалевскаго въ Хошутовскомъ улусѣ. Они во многомъ не сходны; третья запись, переведенная Бергманомъ, имѣетъ совсѣмъ другое содержаніе, чѣмъ двѣ предыдущія, хотя имена дѣйствующихъ лицъ тѣ-же.

Багацохуровскій экземпляръ Джангаріады начинается описаніемъ ставки хана Джангара и его свиты. Ханъ-Джангаръ живетъ у горы Арсаланъ Алтай, у моря Эрджи шартакъ; у него 6000 и 12 богатырей. По правую сторону его сидитъ Далай-алтанъ цэджи, „море золотая грудь", пастухъ грознаго бога Махагалы; онъ знаетъ на 99 лѣтъ впередъ и можетъ безошибочно разсказать за 70 лѣтъ назадъ. По лѣвую руку сидитъ богатырь Эргу-Гумбо; кромѣ того еще упоминаются богатыри Сабаръ, Уланъ-Хонгоръ и др. Въ это описаніе вставленъ разсказъ о томъ, какъ Уланъ-Хонгоръ плѣнилъ Сабара и привезъ къ Джангару. Далѣе былина разсказываетъ, что богатыри кидаютъ жребій, кому ѣхать

Digitized by Google

на караулъ или на заставу на горѣ Эркелукъ. Жребій падаетъ на Уланъ-Хонгора, потомъ на Алтанъ-Цэджи, но ханъ не отпускаетъ ихъ; послѣ того жребій выпадаетъ Сабару. Сабаръ отправился на гору Эркелукъ и поднялся на ея вершину. Съ горы онъ увидѣлъ, что семь какихъ-то богатырей угоняютъ ханскій табунъ; это были семь богатырей Замбалъ-хана. Хотя главный изъ нихъ былъ убитъ Сабаромъ, однако остальные шесть богатырей вогнали табунъ въ море и онъ поплылъ черезъ море. Сабаръ не смѣетъ поѣхать къ спуску къ морю; тамъ его ждутъ шесть Замбаловыхъ богатырей; остальной же берегъ недоступенъ: „страшный красный берегъ въ 7000 саженъ усаженъ ножевыми остріями, какъ шильями". Когда шесть богатырей стали наступать на него, онъ столкнулъ свою лошадь и самъ спрыгнулъ съ берега. Лошадь завязла въ черной грязи, и Сабаръ не могъ ея вытащить. Богатыри рубили берегъ мечами и сталкивали красную землю на Сабара. Сабаръ, чтобъ не быть заваленнымъ, поплылъ по морю. Слухъ объ угонѣ табуна доходитъ до хана Джангара. Алтанъ-Цэджи гадаетъ и говоритъ, что табуны отогнаны богатырями Замбалъ-хана. Богатырь Уланъ-Хонгоръ получаетъ лошадь Аранзула и позолоченный сандальный мишиль (какое-то орудіе) и отправляется догонять табунъ. Сабаръ успѣлъ уже заворотить табунъ назадъ; табунъ вышелъ на берегъ, и, не смотря на старанія шести богатырей помѣшать, пустился въ горы. Конь Сабара, увязшій въ грязи, разлягалъ грязь и высвободился. Сабаръ сѣлъ на него и поѣхалъ вслѣдъ за табуномъ. Тутъ присоединяется къ нему Уланъ-Хонгоръ. Они убили Замбаловыхъ богатырей, отрубили имъ головы и привязали ихъ въ торока ихъ лошадей, затѣмъ этихъ лошадей заставили войти въ море и плыть на другую сторону. Головъ, привязанныхъ въ торока насчитывается не шесть, а семь, слѣдовательно тутъ присчитана также голова и того богатыря, который былъ раньше убитъ. Сабаръ и Уланъ-Хонгоръ возвращаются въ ставку Джангара.

Хошутовскій списокъ начинается тѣмъ, что мудрецъ Алтынъ-Цэджи задумывается и узнаетъ, что гдѣ-то на западѣ есть князь Хара-Джилэнъ, который обращается въ

Digitized by Google

каменную скалу, коль скоро начнутъ стрѣлять въ него или рубить его, и обладаетъ 99 совершенствами. Хара-Джилэнъ покушается овладѣть лошадью Джангара: Уланъ-Хонгоръ обѣщается привести Хара-Джилэна связаннымъ и сражается въ походъ.

Содержаніе Джангаріады въ переводѣ Бергмана (Benjamin Bergman. Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803. Riga, 1805. IV Theil. S. 183—214) таково: Богдо Джангаръ царствуетъ при Шара-Алтаѣ, возлѣ громаднаго моря Шарту-далай. При Джангарѣ богатыри: Алтанъ-Цэчжи, Саваръ, Хонгоръ и друг. Въ сторонѣ, гдѣ закатывается солнце, живетъ повелитель 70000 земель Шара-Гурго. Онъ посылаетъ къ Джангару посла Бурса-Бōкō-цагана съ требованіями, чтобы Джангаръ выдалъ коня Аранзала и богатырей Хонгора краснаго и Алтанъ-Цэчжи. Джангаръ отказываетъ въ просьбѣ. Хонгоръ вслѣдъ за этимъ, безъ ханскаго разрѣшенія, на свой страхъ немедленно отправляется во владѣнія Шара-Гурго, доѣзжаетъ до плѣшиваго овчара, который на хромой пестрой лошади пасъ 500 овецъ, принадлежавшихъ Алтану-Цэчжи; пастухъ разсказываетъ Хонгору о дорогѣ къ Шара-Гурго: нужно перевалить хребетъ Кокошиль, затѣмъ переѣхать безтравную степь, какъ бы сожженную пожаромъ; на переѣздъ потребуется семь дней и семь ночей; далѣе попадутся колодезь Ташугіинъ-Шара и рѣка Вотуга; отсюда будетъ видно вершину бѣлой горы, у которой живетъ Шара-Гурго. Хонгоръ доѣзжаетъ до ставки Шара-Гурго, входитъ въ нее ночью ползкомъ на колѣняхъ, тушитъ ладонью горящую лампу, беретъ спящаго на золотой подушкѣ Шара-Гурго правой рукой подъ голову, лѣвой подъ ногу, выноситъ его и садится на своего коня; но конь не двигается съ мѣста. Хонгоръ оставляетъ Шара-Гурго на мѣстѣ и хочетъ удалиться, но его окружаютъ люди; онъ сражается съ ними, но изнемогаетъ въ этой битвѣ. У Джангара былъ подарокъ отъ Великаго ламы, обитающаго въ Зу (т. е. далай-ламы, живущаго въ Мэккоцзу или въ Лассѣ), именно золотой оракулъ (Golde Wahrmittel); силою этого вѣщаго средства Джангаръ узналъ, что Хонгоръ находится въ опасности. Онъ заставляетъ гадать

Digitized by Google

богатыря Гумбо на лопаткѣ; тотъ гадаетъ и описываетъ, въ какомъ затруднительномъ положеніи очутился Хонгоръ. Джангаръ отправляется въ походъ; происходитъ битва съ людьми Шара-Гурго; въ серединѣ бьется Алтанъ-Цэчжи, Джангаръ на правой рукѣ, Хонгоръ на лѣвой (конца повѣсти у Бергмана не было).

Бергмановскій эпизодъ есть очевидно варіантъ хошутовскаго стиха, бывшаго въ рукахъ Бобровникова; вмѣсто Хара-Джилэна у Бергмана Шара-Гурго; мѣсто золотого оракула, Golde Wahrmittel, повидимому, занимаетъ Алтанъ-Цэчжи [1]).

Всѣ эти три списка записаны у астраханскихъ калмыковъ, но мнѣ извѣстно, что Джангаръ есть и у китайскихъ калмыковъ, т. е. у торгоутовъ, кочующихъ на хребтѣ Тарбагатай, и у торгоутовъ, живущихъ на р. Эдзинъ-голѣ, а также, вѣроятно, его знаютъ и остальные сородичи астраханскихъ калмыковъ, олюты Алашаня и Хухунора (въ сѣверовосточномъ Тибетѣ). Если небольшой отрывокъ калмыцкаго племени далъ три расходящихся списка, то племя въ цѣломъ его составѣ, разсѣянное на пространствѣ отъ Волги до центральныхъ частей Тибета, нужно думать, дастъ еще нѣсколько варіантовъ.

Калмыцкая былина имѣетъ съ русской былиной о Суровцѣ нѣкоторыя сходныя черты въ сюжетѣ и сходныя имена. Въ русской былинѣ описывается побоище съ сорочинами или татарами, и въ одномъ варіантѣ это побоище пріурочено къ переправѣ черезъ рѣку Смородину; въ калмыцкой битва богатырей также связана съ переправой черезъ „черное море“. Въ русской былинѣ угона табуна нѣтъ, но, можетъ быть, это опущеніе; можно сдѣлать предположеніе, что царь сорочинскій переправлялся черезъ Смородину уже послѣ набѣга, возвращаясь домой съ награбленной добычей. Вѣсть объ этомъ сообщаетъ въ русской былинѣ воронъ; въ багацохуровскомъ спискѣ калмыцкой былины ясно не сказано, кто принесъ первую вѣсть объ угонѣ табуна; когда первое извѣстіе уже получено, Алтынъ-Цэджи задумывается и от-

---

1) *Алтынъ-цэчжи* по-монгольски—„золотая грудь“.

Digitized by Google

крываетъ, кто угналъ табунъ; хошутовскій же списокъ начинается прямо съ того, что Алтынъ-Цэджи задумался и узналъ, что Хара-Джилэнъ хочетъ овладѣть конемъ Джангара. Вѣроятно и въ багацохуровскомъ первую вѣсть давалъ Алтынъ-Цэджи. Тутъ нельзя не обратить вниманіе на то, что Алтынъ-Цэджи, стоящій на мѣстѣ вѣщаго ворона русской былины, названъ пастухомъ бога Махагала и что воронъ считается ламаистами священною птицею бога Махагала. Богатыря Суровца (Константина) можно видѣть въ Сабарѣ калмыцкой былины; по крайней мѣрѣ, эпизодъ о Суровцѣ, упавшемъ вмѣстѣ съ конемъ въ выкопанную татарами яму можно сравнить съ Сабаромъ, который увязилъ своего коня въ грязи. Вмѣсто накопанныхъ татарами ямъ съ вбитыми въ нихъ „поторчинами"—въ калмыцкой былинѣ „страшный красный берегъ въ семь тысячъ саженъ съ ножевыми остріями", о которомъ нѣсколько строкъ ниже еще разъ сказано: „берегъ въ семь тысячъ саженъ усѣянъ остріями, словно шильями". Мудрецъ Алтынъ-Цэджи своимъ вѣщимъ зрѣніемъ видитъ всѣ эти подробности переправы табуна и разсказываетъ хану Джангару; въ русской былинѣ воронъ также провѣщился богатырю въ моментъ переправы черезъ рѣку, но тутъ замѣчается несоотвѣтствіе въ томъ, что Алтынъ-Цэджи обращается съ рѣчью къ хану Джангару, а не къ Сабару, какъ бы слѣдовало для параллельности, и потому въ его разсказѣ описывается и поведеніе самого Сабара на переправѣ. Такое несовпаденіе не должно представляться неожиданнымъ при той ломкѣ сюжета, которой онъ могъ подвергаться при пересадкѣ на другой языкъ. И въ варіантахъ русской былины роль отца и сына повидимому смѣшиваются, какъ на это указываетъ въ своей статьѣ В. Ѳ. Миллеръ. Въ русской былинѣ конь самъ освобождается изъ ямы и является къ своему хозяину; также и въ калмыцкой: онъ разлягалъ грязь, и прибѣжалъ къ Сабару. Въ русской былинѣ богатырь говоритъ своимъ противникамъ: „кто хощетъ жить подольше, тотъ бѣжи подалѣ, а кто хощетъ жить поменьше, тотъ подвинься поближе"; въ калмыцкой одинъ изъ семи Замбаловыхъ богатырей говоритъ своему противнику: „если ты другъ

Digitized by Google

жизни своей, стой"! (Джангаръ, стр. 21). Калмыцкому Хонгору въ русской былинѣ нѣтъ соотвѣтствующаго лица, но В. Ѳ. Миллеръ сближаетъ былину о Суровцѣ съ былиной о Михаилѣ семилѣткѣ кіевскомъ, конь котораго также ввалился въ ровъ, выкопанный татарами; на выручку Михайлѣ ѣдетъ его отецъ Данило Игнатьевичъ; слѣдовательно Хонгору, ѣдущему спасать Сабара, отвѣчаетъ отецъ Михайлы. Калмыцкая былина не ставитъ Сабара въ какія либо родственныя отношенія къ Хонгору, но въ ней есть загадочный эпизодъ о Сабарѣ. Этотъ богатырь трехъ лѣтъ лишился родителей; мангусы овладѣли его подданными. Достигши пятилѣтняго возраста, онъ собирается воевать съ мангусами. Вѣщій Алтынъ-Цэджи обращаетъ вниманіе Джангара на Сабара и предупреждаетъ, что, побѣдивъ мангусовъ, Сабаръ не дастъ покою и подданнымъ Джангара. Джангаръ, сѣвъ на коня, выѣзжаетъ съ своими богатырями ловить Сабара, но Сабаръ сшибаетъ богатырей съ сѣделъ и не дается имъ въ руку. Жена Джангара будитъ спящаго богатыря Уланъ-Хонгора, и тому удается догнать Сабара, устоять отъ его ударовъ, схватить Сабара и привезти его въ ставку Джангара. Въ обоихъ эпизодахъ о Сабарѣ является одно и то-же лицо—Уланъ-Хонгоръ; въ одномъ онъ ѣдетъ выручать Сабара изъ бѣды, въ другомъ онъ ловитъ его, получая отъ него удары; тутъ недоговоренная, можетъ быть, параллель къ Данилѣ Игнатьевичу, который ѣдетъ выручать сына Михайла и вступаетъ въ бой съ сыномъ (послѣднее приписывается и Сауру Ванидовичу).

Калмыцкая былина имѣетъ въ себѣ не мало именъ, сходныхъ съ именами русской былины. Сауръ русской былины напоминаетъ богатыря Сабара или Савара калмыцкой. Сорочинскій (татарскій) царь въ русской былинѣ носитъ имена Кунгуръ, Курганъ Смородовичъ, Кумбалъ Самородовичъ, Курбанъ Курбановичъ. Курганъ сходно съ Гурко въ спискѣ Бергмана, Кумбалъ съ Замбаломъ багацохуровскаго списка; Кунгуръ съ Уланъ-Хонгоромъ того же списка, а также и съ Джангаромъ. Курбанъ напоминаетъ монгольское *гурбан*, „три". Намъ извѣстенъ только одинъ случай, въ которомъ это слово встрѣчается въ составѣ личнаго имени, это въ

Digitized by Google

имени божества Гучинъ-гурба-Хормустенъ-ханъ, которое трудно привлечь къ занимающей насъ сказкѣ. Въ другомъ случаѣ *гурбан* входитъ въ составъ названія предмета, который въ сказаніяхъ могъ бы становиться цѣлью исканія; иногда въ сказкахъ это и бываетъ; мы имѣемъ въ виду буддійскій терминъ *гурбан-эрдени*, „три драгоцѣнности"; трудно, конечно, придумать путь, которымъ этотъ терминъ могъ перейти въ личное имя, хотя второй членъ и встрѣчается между именами монгольскихъ богатырей (Эрдэни-мергенъ, Эрдени-Хараликъ); развѣ могло случиться это такимъ родомъ, что въ сюжетѣ былины заключается эпизодъ о добываніи и привозѣ драгоцѣнности, „гурбанъ-эрдени", и часть имени добываемаго предмета была обращена въ имя богатыря. А что такая тема включалась въ калмыцкую былину, это предполагать возможно. Въ спискѣ Бергмана Уланъ-Хонгоръ хочетъ увезти похищеннаго Гурко; но конь не двигается, такъ что Уланъ-Хонгоръ долженъ оставить Гурко на мѣстѣ—тема, не рѣдко соединяющаяся съ темой о похищеніи святыни. Въ Бергмановскомъ спискѣ и цѣль вражескаго набѣга не табунъ, а богатырь Алтынъ-Цэджи, и „Золотой торсъ", имя котораго тоже вызываетъ сходныя соображенія. Мы припоминаемъ по этому случаю монгольскую легенду объ Абатаѣ, который везъ въ Монголію статую бога Гамбогуру (или Махагала) и на дорогѣ статуя дальше не захотѣла двигаться: Абатай отсѣкъ верхнюю часть тѣла и только ее увезъ въ Монголію (см. Потанинъ, Очерки сѣв. зап. Монголіи, IV, 333). Эта верхняя часть можетъ быть и есть Алтынъ—цэджи, „Золотой торсъ" [1]). Можетъ быть, на связь съ легендой объ Абатаѣ указываетъ и то, что Алтынъ-Цэджи въ багацохуровскомъ улусѣ названъ пастухомъ бога Махагала. Привезенная Абатаемъ статуя подвергается потомъ нападенію хана Галдана; хотя разсказъ объ этомъ событіи мало напоминаетъ калмыцкую былину, но въ

[1]) Алтынъ-цэджи ср. съ Алтынъ-чечей; такъ называется бѣлокъ въ сѣверной Монголіи; въ переводѣ это значитъ „золотая чаша". Въ сказкѣ минусинскихъ татаръ Алтынъ-тата караулитъ „золотую чашу" съ животворной водой у „золотой березы" (по-сойотски *алтын кадын*; по-монгол. *алтан хосун*; ср. олетское Алтынъ-гасунъ, Полярная звѣзда).

Digitized by Google

ней также упоминается переправа черезъ рѣку Орхонъ, воды которой поднимаются и топятъ вражеское войско. Если рѣка Смородина, стоящая въ былинѣ о Саулѣ Леванидовичѣ не напоминаетъ этотъ сердитый разлившійся Орхонъ, то его можетъ напомнить другая Смородина, которая разливается и топитъ богатыря Добрыню Никитича. Галданъ — ханъ олютовъ или олётовъ; олётами, улётами называютъ себя калмыки, живущіе въ предѣлахъ Китайской имперіи; имя это въ монгольской письменности является въ формѣ *үеелед*. Не отсюда ли мужики у г л и ц к і е въ былинѣ о Саулѣ Леванидовичѣ? Олюты считаютъ себя потомками нѣкоего Цороса; и теперь одно калмыцкое поколѣніе называетъ себя цоросами, но могли бы себя такъ называть и всѣ олюты; въ такомъ случаѣ мы могли бы нападеніе Галдана на статую, привезенную Абатаемъ, назвать нашествіемъ цоросовъ. А если олюты никогда всѣ не назывались цоросами или чоросами, то, по крайней мѣрѣ, можно допустить, что въ древности была большая вѣтвь олетскаго племени, которая называла себя этимъ именемъ, больше, чѣмъ теперь, и которая впослѣдствіи исчезла; она могла прійти въ южную Россію, сдѣлаться здѣсь извѣстною за свою силу и многочисленность и потомъ слиться съ другими неарійскими племенами, потерявъ свой языкъ, усвоивъ чужой, но сохранивъ въ памяти свои чоросскія преданія. Въ одной русской былинѣ богатырь Константинъ, сынъ Саула Леванидовича, очутился въ плѣну и въ тюрьмѣ у мужиковъ углицкихъ; въ другой царь Сауръ Ванидовичъ въ плѣну и въ тюрьмѣ у мужиковъ сорочинскихъ; углицкіе мужики какъ будто одно и то-же съ сорочинскими, какъ и въ калмыцкой терминологіи угеледы то-же, что цоросы.

В. Ѳ. Миллеръ сближаетъ былину о Суровцѣ съ кіевской былиной о Михайлѣ Даниловичѣ; враждебный царь называется Уланище (что напоминаетъ первый членъ въ парномъ Уланъ-Хонгорь) [1]) или Бахметъ Тавруевичъ. Суровцу соотвѣтствуетъ Михаилъ Даниловичъ; такимъ образомъ для богатыря, который называется часто просто Суровцомъ, мы имѣемъ два христіанскихъ имени: Константинъ и Михаилъ.

1) Ср. также Хара-Джиленъ въ Хотутовскомъ спискѣ. Уланъ-Джиленъ можетъ быть искаженіе непонятнаго монголамъ тюркскаго *илан, элан*, „змѣя".

Digitized by Google

В. Ѳ. Миллеръ старается открыть, откуда попали въ эту, еще не утратившую слѣдовъ своего восточнаго происхожденія, былину два эти христіанскія имени и онъ находитъ въ лѣтописныхъ преданіяхъ подходящія лица. Мы сейчасъ укажемъ на былину, записанную у дюрбютовъ около оз. Убса; если она не въ состояніи отклонить послѣднія соображенія В. Ѳ. Миллера, то, по крайней мѣрѣ, можетъ привести къ вопросу, не подготовила ли она своими ордынскими именами почву для привлеченія въ русскую былину историческихъ именъ Михаила и Константина.

Дюрбютская былина содержитъ въ себѣ эпизодъ объ угонѣ царскаго табуна. Царскій сынъ Иринъ-Сайнъ-Гунынъ-настай-Микеле, трехлѣтокъ, собирается ѣхать въ погоню за табуномъ. Подобно тому, какъ Владиміръ отговариваетъ семилѣтка Михаила, и говоритъ, что онъ еще молодъ для богатырскихъ дѣлъ, такъ и въ дюрбютской былинѣ отецъ-царь и мать-царица не отпускаютъ Иринъ-Сайна. Они говорятъ ему, что онъ росъ въ нѣгѣ, что онъ людей хорошо не знаетъ, что онъ не имѣетъ ни братьевъ, ни сестеръ и одинокъ, какъ вѣтеръ въ полѣ, и уговариваютъ его пожить дома еще годъ.

Табуны отогнаны богатыремъ Харъ-Хурмукчиномъ[1]): второй членъ этого имени напоминаетъ имя монгольскаго божества Хормустенъ-хана или Гучинъ-Гурба-Гурбустенъ-хана, которое у сосѣднихъ тюрковъ произносится Курбустенъ-ханъ[2]). Въ томъ числѣ отогнанъ и богатырскій конь Иринъ-Сайна, такъ что этотъ богатырь преслѣдуетъ табунъ пѣшкомъ; это напоминаетъ Сабара калмыцкой былины, но не въ эпизодѣ объ угонѣ табуна. а въ эпизодѣ о ловлѣ Сабара Уланъ-Хонгоромъ; Сабаръ, у котораго Джангаровы богатыри отбили лошадь, убѣгаетъ отъ Уланъ-Хонгора, сидящаго на лошади, пѣшій. Эпизода о подкопахъ и упавшемъ въ яму

[1]) Иринъ-Сайнъ поднимается на лѣстницу и съ нея осматриваетъ, куда отогнаны табуны. Этой подробности въ былинѣ о Михаилѣ Даниловичѣ нѣтъ, но она есть въ калмыцкой: Сабаръ взъѣхалъ на вершину высокой горы и съ нея увидалъ, что табунъ несется по направленію къ морю и его сзади гонятъ семь богатырей. Эта подробность есть также и въ греческой былинѣ объ Армури. Число богатырей, отгоняющихъ табунъ, въ калмыцкой былинѣ семь; то же число въ Гэсэріадѣ въ русской былинѣ о семи богатыряхъ, отгоняющихъ табунъ изъ Цареграда.

[2]) Съ этимъ Гурба-Гурбустенъ ср. русское нарное Курбанъ Курбановичъ.

Digitized by Google

конѣ въ дюрбютской былинѣ нѣтъ; онъ замѣненъ тѣмъ, что Иринъ-Сайнъ находитъ своего коня съ обрубленными ногами; Иринъ-Сайнъ исцѣляетъ коня. Окончившись, онъ вырываетъ дерево и съ нимъ продолжаетъ преслѣдованіе угнаннаго табуна. Въ русскихъ былинахъ въ рукахъ богатыря Суровца или Михаила татаринъ, а потомъ ось или ослядь телѣжная; въ калмыцкой Сабаръ носитъ на плечѣ желтый топоръ, Уланъ-Хонгоръ какой-то позолоченный сандальный мишиль. Табуны, наконецъ, возвращены, какъ и въ калмыцкой былинѣ; Харъ-Хурмукчинъ убитъ. Иринъ-Сайнъ ѣдетъ далѣе; ему на встрѣчу ѣдетъ другой богатырь; они съѣзжаются для поединка, но тутъ происходитъ спознаніе. Богатырь, встрѣченный Иринъ-Сайномъ, оказался Коколемъ, племянникомъ Иринъ-Сайна. Сестра Иринъ-Сайна была замужемъ за богатыремъ Китынъ-Зеби; Хоръ-Хурмукчинъ убилъ Китынъ-Зеби и его беременную жену увелъ въ плѣнъ. Этотъ эпизодъ по мѣсту своего положенія въ былинѣ отвѣчаетъ встрѣчѣ Саура Ванидовича съ сыномъ или выѣзду на ратное поле Данилы Игнатьевича. Такъ какъ Иринъ-Сайнъ такой же малолѣтокъ, какъ Михаилъ, то въ выѣхавшемъ къ нему на встрѣчу богатырѣ слѣдовало бы признать Данилу Игнатьевича, но онъ обозначенъ въ дюрбютской былинѣ племянникомъ и такимъ образомъ является младшимъ, а не старшимъ богатыремъ. Такъ какъ Коколь выѣзжаетъ изъ враждебнаго лагеря, гдѣ онъ находился въ плѣну, то онъ соотвѣтствуетъ Сауру Ванидовичу, который находился въ плѣну у сорочиновъ. Тѣмъ же обстоятельствомъ, что онъ родился въ отсутствіи отца, онъ напоминаетъ Константина, сына Саула Леванидовича. Подобно тому, какъ мать снаряжаетъ Константина отыскивать отца, такъ мать Коколя посылаетъ сына отыскивать дядю. Мы думаемъ, что первоначально въ дюрбютской былинѣ дѣло происходило такъ-же, какъ и въ русской сказкѣ о Ерусланѣ, что отецъ вступалъ въ бой съ сыномъ, и можетъ быть даже одинъ изъ поединщиковъ назывался Арсланомъ. Въ той-же дюрбютской былинѣ ниже есть другой эпизодъ: Иринъ-Сайнъ вступаетъ въ бой съ волкомъ, который оказывается человѣкомъ въ обращенномъ видѣ, братомъ Иринъ-Сайна, по имени Арсланъ-Зеби. Можно пред-

Digitized by Google

положить, что вначалѣ исторія объ угонѣ табуна въ дюрбютской былинѣ имѣла такой видъ: Иринъ-Сайнъ отбиваетъ табунъ, убиваетъ Харъ-Хурмукчина и наѣзжаетъ на незнакомаго богатыря, который оказывается его сыномъ Арсланомъ. Впослѣдствіи родственныя отношенія замѣнены другими; въ незнакомомъ богатырѣ редакція стала видѣть или племянника или брата, причемъ имя Арсланъ при племянникѣ не удержалось, но сохранилось при братѣ. При сводкѣ варіантовъ въ одну большую былину оба эти варіанта вошли въ сводный составъ—и бой или, по крайней мѣрѣ, встрѣча съ племянникомъ и бой съ братомъ. Но такъ какъ Иринъ Сайнъ малолѣтокъ, то въ гадательномъ Арсланѣ скорѣе нужно видѣть отца, а не сына. Родители Иринъ-Сайна были уведены въ плѣнъ мангысами; это случилось послѣ угона табуна, когда Иринъ-Сайнъ ушелъ возвращать его. Но увозъ въ плѣнъ могъ стоять ряньше; схема былины могла быть такая: увозъ родителей; Иринъ-Сайнъ выростаетъ безъ нихъ; или увозъ отца, и Иринъ-Сайнъ родится безъ него отъ оставленной беременною матери; когда онъ достигъ трехлѣтняго возраста, у его матери отогнаны табуны; онъ ѣдетъ возвращать табуны и мститъ мангысамъ, подобно Сабару, который трехъ лѣтъ лишился родителей, лишился подданныхъ, уведенныхъ мангысами, и на пятилѣтнемъ возрастѣ отправляется мстить мангысамъ; далѣе Иринъ-Сайнъ достигалъ до мѣста плѣненія его отца; враги высылали отца на бой съ сыномъ.

Дюрбютская былина имѣетъ такое же право на сближеніе съ былинами о Суровцѣ, какъ и кіевская о Михаилѣ. Въ ней есть всѣ тѣ темы, какъ и въ послѣдней: 1) богатырь малолѣтокъ, 2) отговариваніе родителей, 3) конь лишенный движенія, 4) дубина вмѣсто оружія, 5) встрѣча съ неузнаннымъ младшимъ родственникомъ и спознаніе. Не хватаетъ только сидѣнья по наговору въ погребѣ. Эта послѣдняя тема въ ордынскомъ фольклорѣ разсказывается отдѣльно о богатырѣ Шуно. По нашему мнѣнію, это послѣднее сказаніе прежде не стояло такъ особо отъ былины объ Иринъ-Сайнѣ, какъ теперь. Въ статьѣ „Акирь повѣсти и Акирь легенды“ (Этн. Обозр., кн. XXV) я указываю на отношенія Иринъ-Сайна къ Шуно; тамъ я старался уста-

Digitized by Google

новить тожество между тюркскимъ Шуно, тибетскимъ Гари и тюркскимъ Ерень-чиченомъ, признавая во всѣхъ ихъ фигуру мудраго совѣтника царя; къ этому же списку именъ мы отнесли и имя Иринъ-Сайнъ, которымъ могъ называться мудрый царь, замѣщавшій иногда мудраго совѣтника. Шуно сидитъ въ ямѣ по клеветѣ, какъ Михаилъ въ кіевской легендѣ; его поднимаютъ изъ ямы; онъ освобождаетъ царство отъ плѣненія иностраннымъ царемъ, но, разобиженный несправедливостью отца, не хочетъ болѣе оставаться въ его царствѣ, удаляется въ иностранное царство (въ Русь). Мы сближаемъ его съ персонажемъ другихъ легендъ, который уноситъ у Чингисъ-хана знамя, мутовку (или золотой приколъ) и иногда также въ Русь. Эти похищаемые предметы родъ народнаго палладіума; съ ними соединено счастье народа. Это-то преданіе о сидѣньи въ ямѣ Шуно, дополненное темой о похищенномъ предметѣ и входившее, можетъ быть, въ составъ былины о богатырѣ, возвращавшемъ угнанный табунъ и прогонявшемъ набѣжавшихъ непріятелей, дошло до Кіева и превратилось здѣсь въ преданіе объ унесшемъ „золотыя ворота“ Михаликѣ, стоящее рядомъ съ былиной о Михаилѣ Даниловичѣ, въ составъ которой оно, вѣроятно, входило. Угонъ табуна и переправа черезъ море въ русскихъ былинахъ исчезли; эти инциденты были въ ней, но теперь, только какъ блѣдный слѣдъ прежней редакціи, осталась въ одной изъ былинъ переправа черезъ Смородину. Мы представляемъ себѣ прежній видъ этой былины такимъ: царь Кунгуръ напалъ на царство Алыберское [1]) и угналъ табунъ; но богатырь Константинъ нагналъ его въ то время, какъ онъ переправлялся черезъ Смородину.

Въ русской былинѣ богатырь Суровецъ носитъ христіанское имя Константинъ; въ кіевской былинѣ отвѣчающій персонажъ называется Михаиломъ; въ дюрбютской Иринъ-Сайнъ-Гунынъ-настай-Мекеле. Въ виду сходства сюжетовъ и въ

[1]) Имя Алыберское нужно искать въ кругу сказокъ о наѣздѣ царя. Есть монгольскія сказки о царѣ, нападающемъ съ войскомъ на человѣка, живущаго у рѣки. Одинъ изъ варіантовъ этой темы ставитъ ее въ связь съ деревомъ *албырсен*, приносящимъ яблоки, доставляющія счастье (см. мою книгу „Танг.—тиб. окр. Китая“, II, стр. 253). Не осмыслилось ли это имя дерева, какъ имя царства?

Digitized by Google

виду предположенія, что сюжетъ этотъ занесенъ съ востока, изъ орды, можно угадывать, что христіанское имя Константинъ явилось на мѣстѣ Гунынъ-настай, а Михаилъ, Михаликъ на мѣстѣ Мекеле.

Имя Константинъ встрѣчается въ русскомъ былинномъ эпосѣ еще въ былинѣ о Васильѣ Буслаевѣ. Въ былинѣ онъ называется обыкновенно Костя Новоторженинъ. И. Н. Ждановъ въ своей статьѣ: „Василій Буслаевичъ и Волхъ Всеславьевичъ“ (Русск. былев. эпосъ, стр. 208) приводитъ отрывокъ изъ новгородской былины, въ которомъ не Буслаевъ хвалится итти на весь Новгородъ, а Костя Новоторженинъ. Не значитъ-ли это, что Костя иногда замѣщалъ Буслаева? Когда бъ такая замѣна являлась и въ эпизодѣ о Пилигримищѣ, получалось бы нѣкоторое совпаденіе съ былиной о Константинѣ Сауловичѣ; Буслаевъ дерется съ своимъ крестнымъ отцомъ и убиваетъ его; безыменный сынъ Саура въ которомъ мы можемъ видѣть Константина Сауловича, вступаетъ въ бой съ роднымъ отцомъ [1]).

Дѣтство Константина Сауловича похоже на дѣтство Василья Буслаева. Семи лѣтъ Константинъ отданъ матерью учиться: въ Новгородской былинѣ: „Будетъ Васенька семи годовъ, отдавала матушка родимая, матерь вдова Амелфа Тимофеевна учить его во грамотѣ“. (Ждановъ, „Русскій былевой эпосъ“, стр. 199). Десяти лѣтъ Константинушка уже вполнѣ богатырь, и отъ его шуточекъ страдаютъ дѣти княженецкія, боярскія, дворянскія и купеческія. Со всѣхъ сторонъ жалуются на него матери (В. Ѳ. Миллеръ, Былины о Саурѣ, стр. 375). Въ новгородской былинѣ: „въ пятнадцать лѣтъ сталъ онъ (Василій) на улицы похаживать, со робятмы шутки пошучивать: кого за ногу—нога-та прочь, кого за руку—рука-та прочь“ (Гильф., 153).

Рожденіе сына Саура необыкновенное; мать его ходила по саду, съ камени ступила на лютаго змѣя, обвился змѣй около ноги и оттого княгиня поносъ понесла. Необыкновенное рожденіе было и у Василья Буслаева по догадкамъ И. Н. Жданова („Русскій былевой эпосъ“, стр. 198).

Г. Потанинъ.

[1]) Конечно, замѣна Василья Костей легко можетъ быть объяснена ошибкой писца.

Digitized by Google

РОДИНЫ И КРЕСТИНЫ,

уходъ за родильницей и новорожденнымъ.

(По матеріаламъ, собраннымъ въ Тульскомъ, Веневскомъ и Каширскомъ уѣздахъ, Тульской губ.)

Какъ въ средѣ другихъ классовъ, такъ въ крестьянскомъ быту въ особенности, роды обыкновенно представляютъ собою одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ, самыхъ напряженныхъ моментовъ въ жизни каждой семьи. Еще до наступленія родовъ опасенія за ихъ благополучный исходъ и желаніе заранѣе узнать полъ и хотя отчасти судьбу младенца заставляютъ волноваться и безпокоиться не только беременную женщину, но и близкихъ ея родственниковъ. Довольно полное изображеніе переживаемыхъ ими за это время душевныхъ волненій мы находимъ въ тѣхъ обрядахъ, ворожбѣ и разнаго рода суевѣріяхъ. какими сопровождаются родины и крестины.

Полъ ребенка имѣетъ большое значеніе въ будущемъ для матеріальнаго благосостоянія семьи: обыкновенно, мальчикъ обѣщаетъ крестьянской семьѣ помощника, а дѣвочка разорительницу. Чтобы узнать, какого пола дитя пошлетъ Господь въ извѣстномъ случаѣ, находятъ на это указанія въ наблюденіяхъ надъ самою родильницею во время ея беременности, надъ послѣднимъ изъ ея дѣтей и надъ событіями, случающимися въ то время. Такъ, говорятъ, если беременная женщина полнѣетъ, то родитъ дѣвочку; то-же должно быть, если она при вопросѣ: „кого родишь?“ сконфузится, или если ея животъ во время беременности не измѣняетъ своей округлой формы. Наоборотъ, если она не конфузится, когда ее спрашиваютъ о томъ, кого она родитъ, и если жи-

Digitized by Google

вотъ у ней принимаетъ обостряющуюся („тычкомъ“) форму, то отъ нея родится мальчикъ. Мальчика же слѣдуетъ ждать, когда у послѣдняго ребенка на шеѣ волосы не заканчиваются косичкой, когда отецъ ожидаемаго дитяти во время пути найдетъ кнутъ, когда кто-нибудь изъ семейныхъ, выбѣжавъ съ ткацкимъ пруткомъ, увидитъ прежде всѣхъ какого-нибудь мужчину, когда посаженный за столъ ребенокъ изъ разложенныхъ предъ нимъ вещей выберетъ какую нибудь принадлежность мужчины, а не женщины, напримѣръ, кочетыгъ, но не наперстокъ, трубку, а не платокъ, и т. д., и т. д.

При наступленіи родовъ, когда болѣе всего сознается опасность, которой подвергается жизнь родильницы, всѣ находящіеся тогда въ домѣ прощаются съ послѣдней и уходятъ въ другую избу или иное мѣсто, остерегаясь при этомъ разсказывать о происходящемъ постороннимъ, въ той увѣренности, что роды бываютъ тѣмъ труднѣе, чѣмъ болѣе лицъ о нихъ знаетъ. Съ родильницей остаются ея мужъ и призванная бабка—повитуха; они стараются, насколько возможно, облегчить, по ихъ понятіямъ, страданія родильницы. Для этого укладываютъ ее около рукомойника, обводятъ три раза около стола, заставляютъ держаться за привязанный къ брусу полатей кушакъ, когда сочтутъ нужнымъ, чтобы она рожала стоя; мужъ трижды перелѣзаетъ между ея ногъ. Если родильница не можетъ легко распростаться съ дѣтскимъ мѣстомъ, то ей даютъ спорыньи или солоду, или гущи квасной, или же, закатавъ въ хлѣбъ трехъ вшей съ трехъ головъ и заставивъ родильницу съѣсть шарикъ, говорятъ ей, что она съѣла [1]). Вѣрятъ, что большое облегченіе родильницѣ бываетъ также отъ распространеннаго въ народѣ произведенія: „Сонъ Пресвятыя Богородицы“, если она постоянно носитъ его съ собой, или во время родовъ положитъ въ головахъ, или прочтетъ его сама, или дастъ прочитать кому-нибудь другому, или же, наконецъ, произнесетъ

---

[1]) Послѣднее средство употребляютъ лишь въ Каширскомъ уѣздѣ; въ Тульскомъ и Веневскомъ уѣздахъ, хлѣбъ съ 3 вшами даютъ ѣсть коровамъ въ подобномъ же положеніи.

Digitized by Google

слѣдующую молитву, помѣщаемую въ нѣкоторыхъ спискахъ этого сна: „Господь со мною, Господь оберегаетъ меня, рабу твою имя рекъ, во дни, и въ нощи, и на всякій часъ! Прошу и молю Тя, Господи, черезъ муку Твою святую, которую претерпѣлъ насъ ради грѣшныхъ, и кровь святую праведную, юже излiялъ! Святый Пророче Предтече Господень Іоаннъ и вси святіи! молите о мнѣ грѣшной милостиваго Бога дати ми дитя породить!“ Когда женщинѣ родами приходится мучиться двое-трое сутокъ, то просятъ священника отворить въ храмѣ царскія двери, а иногда служатъ молебенъ св. вмч. Екатеринѣ (24 нояб.), или Пресв. Богородицѣ Ѳедоровской (16 авг.), или Троеручицѣ (28 іюня и 12 іюля), или Успенію Пресв. Богородицы (15 авг.), или же, наконецъ, запрестольной Божіей Матери, т. е. той ея иконѣ, которая находится за престоломъ въ мѣстномъ храмѣ. Во все время родовъ предъ иконами бываетъ зажжена вѣнчальная или крещенская свѣча.

Послѣ благополучнаго окончанія родовъ повивальная бабка закапываетъ дѣтское мѣсто въ какомъ-нибудь углу избы; затѣмъ, обмываетъ новорожденнаго, обрѣзаетъ и завязываетъ у него пуповину и, если ей покажется нужнымъ, исправляетъ его голову. Полагаютъ, что такъ какъ голова у ребенка первое время бываетъ мягка, какъ воскъ, то вполнѣ зависитъ отъ повитухи, сдѣлать ли его круглоликимъ или длинноликимъ, или даже какимъ-нибудь уродомъ. Моютъ младенца, изъ боязни обжечь его, едва нагрѣтою водой и въ нее, когда новорожденнаго обмываютъ въ первый разъ, обыкновенно кладутъ серебряныя деньги, выражая тѣмъ желаніе ему въ будущемъ богатства.

Управившись такимъ образомъ съ ребенкомъ, бабка хлопочетъ около родильницы: паритъ ее въ банѣ или въ печи, правитъ животъ и сдаиваетъ ея груди, чтобы удалить первое плохое молоко. Но иногда бываютъ случаи, когда около родильницы не приходится хлопотать ни бабкѣ, ни мужу: нѣкоторыя женщины родятъ очень легко. Когда придетъ время родить такой бабѣ, она выйдетъ на дворъ, разрѣшится отъ беременности безъ всякой посторонней помощи, потомъ сама же принесетъ новорожденнаго въ избу, сдѣлаетъ

Digitized by Google

для него и для себя все нужное, и только послѣ, боясь „сглазу", призываетъ на день или на два бабку.

Чтобы ребенокъ былъ покоенъ, для этого, по рожденіи, его обертываютъ отцовыми портами или, когда пеленаютъ, то вмѣсто свивальника употребляютъ приготовленныя изъ хлопковъ для половиковъ или дерюгъ толстыя нити, извѣстныя подъ именемъ „верчи"; а для того, чтобы онъ былъ красивъ и привлекателенъ, его покрываютъ матеріей зеленаго цвѣта.

Въ кумовья приглашаютъ кого-нибудь изъ близкихъ родныхъ или хорошихъ знакомыхъ; но когда прежде рождавшіяся дѣти умирали, и когда желаютъ, чтобы новорожденный былъ живъ, то приглашаются первые встрѣчные [1]).

— „Пойди, введи младенца въ православную вѣру",— обыкновенно съ такими словами обращается отецъ ребенка къ мужчинѣ или женщинѣ, которыхъ онъ желаетъ пригласить къ себѣ кумомъ или кумой. И приглашаемые, въ виду того расположенія, которое высказывается къ нимъ со стороны родителей новорожденнаго въ этомъ приглашеніи, отказываются рѣдко, хотя званіе кума и кумы соединено съ кое-какими тратами. Кумъ, напримѣръ, покупаетъ для младенца крестикъ, приноситъ на крестины свой хлѣбъ и иногда самъ расплачивается съ духовенствомъ; кума же съ своей стороны обязана представить „на ризки" аршина три-четыре ситцу, рубашку для ребенка и платокъ или полотенце священнику утереть руки послѣ погруженія крещаемаго въ воду.

Относительно таинства крещенія полагаютъ, что оно не всегда бываетъ дѣйственно. Для его дѣйственности, по мнѣнію народа, отъ лицъ, принимающихъ участіе въ совершеніи крещенія, т. е. не только отъ священника, но и отъ дьячка, требуется полное сознаніе святости и важности со-

---

1) Званіе крестныхъ отца и матери даетъ послѣднимъ право на уваженіе со стороны крестника или крестницы, которое особенно ясно выражается на свадьбахъ, когда жениха и невѣсту ихъ крестные благословляютъ первыми послѣ родныхъ отца съ матерью, а на свадебныхъ угощеніяхъ занимаютъ за столомъ почетныя мѣста.

Digitized by Google

вершающагося таинства. Вотъ разсказъ, выражающій это народное воззрѣніе.

Въ одной деревнѣ жила женщина безъ мужа. Къ ней являлся въ образѣ человѣка демонъ, и она отъ него забеременѣла. Беременной она ходила три года, послѣ чего отъ ней родился ребенокъ, удивлявшій всѣхъ своимъ большимъ ростомъ и тѣмъ, что черезъ недѣлю послѣ крестинъ онъ сталъ уже говорить. Сосѣди стали выпытывать родильницу: отъ кого такой ребенокъ? Любопытство спрашивавшихъ было удовлетворено самимъ-же ребенкомъ; онъ сказалъ: „Вы почитаете меня за христіанина, а я самъ чертъ!“—„А какъ же тебя крестили-то?“ спрашиваютъ его.—„Меня крестили не по череду: попъ былъ пьяный и поганый, а дьячекъ, хотя былъ трезвъ, да думалъ въ это время о другомъ, такъ что я теперь не закрещенъ и могу всегда отъ васъ уйти“. Сказалъ онъ это, полѣзъ подъ лавку—и скрылся; больше его не могли и найти.

Послѣ крестинъ начинаются поздравленія отца и матери—съ сынкомъ или дочкою, кумовьевъ — съ крестникомъ или крестницей, бабки-повитухи—съ новымъ внукомъ или внучкой и т. д. Кума съ кумой сажаютъ за столъ и угощаютъ приготовленной уже для нихъ закуской и чаемъ, а самого виновника происходящаго торжества свиваютъ и кладутъ къ родильницѣ на разстеленную шерстью вверхъ шубу, чѣмъ выражается ему пожеланіе богатства.

Между тѣмъ хозяинъ дома идетъ приглашать, кого сочтетъ нужнымъ, изъ своихъ родныхъ и знакомыхъ „къ младенцу на хлѣбъ на соль, кашу ѣсть“, и, когда приглашенные соберутся, устраивается крестильный обѣдъ. Кушанья, изъ которыхъ состоитъ послѣдній, отличаются сравнительнымъ изобиліемъ и разнообразіемъ, какъ бываетъ только по самымъ большимъ праздникамъ. Такъ, сначала подается холодное: въ постный день—обыкновенно сельди и квасъ съ кислой капустой, а въ скоромный — студень и квасъ съ яицами и мясомъ; затѣмъ слѣдуютъ блюда: въ постный день—приправленныя коноплянымъ масломъ щи съ снѣдками, картофельный супъ съ грибами и лапша; въ скоромный же — щи съ какимъ-нибудь мясомъ, ушникъ, т. е. супъ изъ потроховъ,

Digitized by Google

лапша съ курятиной или свининой, лапша молочная, и, наконецъ, каковъ-бы составъ кушаній ни былъ, на крестильномъ обѣдѣ необходимою считается гречневая каша, предъ которою въ большинствѣ случаевъ подается каша пшенная. Въ заключеніе обѣда, когда поѣдятъ послѣднее блюдо, бабка кладетъ на столъ пирогъ, ставитъ въ шапкѣ горшокъ съ кашей и на тарелкѣ штофъ съ водкой; при этомъ она говоритъ:

Шапка малахай,
А ты, родильница,
Въ годъ еще натряхай!

Или: Бабушка подходитъ,
Кашку подноситъ
На корысть, на радость,
На Божью милость,
На толстыя одонья,
На высокіе скирды.
Кашку на ложки,
Мальчику на ножки!

Или: Гости мои любящіе,
Гости мои дорогіе!
Къ вамъ бабушка идетъ,
Вамъ кашку несетъ.
Бабушка молоденька,
Несетъ кашку сладеньку.
Намъ не барыши получать,
А только народъ пріучать,
Чтобы бабушку знали,
Чаще въ гости звали!

Бабка начинаетъ угощать присутствующихъ, но тѣ, по обычаю, первую рюмку предлагаютъ угощающей:

— „Попробуй-ка сама, бабушка!“ шутятъ въ отвѣтъ на ея угощенія хозяинъ съ гостями. „Богъ знаетъ, какую ты водку-то намъ подаешь: можетъ она наговорная!“

Первымъ послѣ бабки пьетъ отецъ новорожденнаго. Для закуски ему она подаетъ въ ложкѣ пересоленую кашу, причемъ говоритъ:

— „Ѣшь, отецъ-родитель, ѣшь, да будь пожеланіей къ своему сынку (или своей дочкѣ[1])!“

— «Какъ тебѣ сол(о)но, такъ и женѣ твоей было сол(о)но рожать!“

На такія слова угощаемый родитель иногда (въ Каширск. у.) отвѣчаетъ:

— „Сол(о)на кашка, и сол(о)но было женѣ родить, а еще сол(о)нѣй отцу съ матерью достанутся дѣтки послѣ“...

---

[1]) Этотъ обрядъ и даваемое ему здѣсь объясненіе имѣютъ сходство съ существующимъ въ описываемой мѣстности обычаемъ—солить окотившагося ягненка и давать посыпанную соль вылизывать его матери, чтобы она болѣе любила свое дитя.

Digitized by Google

Затѣмъ, бросая иверху оставшуюся въ ложкѣ нашу, произноситъ:

— „Дай только Богъ, чтобы дѣткамъ нашимъ весело жилось и они такъ же прыгали бы“...

За отцомъ младенца угощаются кумовья:

— „Выкушайте, куманьки дорогіе!“ говоритъ имъ бабка. „Съ крестницей (или крестникомъ) васъ! Какъ вы видѣли ее (или его) подъ крестомъ, такъ бы видѣть вамъ ее (или его) и подъ вѣнцомъ!“

Послѣ кумовьевъ пьютъ подносимую водку и остальные, сидящіе за столомъ. При этомъ каждый, не исключая и самого родителя, кладетъ сколько-нибудь денегъ на тарелку—въ пользу бабки, и на пирогъ—въ пользу родильницы.

Наконецъ, гости благодарятъ хозяевъ и, пожелавъ имъ всего хорошаго, а новорожденному добраго здоровья и многихъ лѣтъ, прощаются. Остаются только кумъ съ кумой; имъ вечеромъ того-же дня или утромъ слѣдующаго, чтобы „опохмѣлиться“ послѣ обѣда, предлагается закуска За этой закуской кумъ получаетъ отъ кумы „на память“ платокъ, за что онъ, предварительно утерши полученнымъ подаркомъ себѣ губы, цѣлуетъ куму и отдариваетъ деньгами отъ 10 до 15 коп. При прощаньи кумовья отъ родильницы получаютъ по пирогу, за который въ свою очередь даютъ ей коп. по 15—20 или на такую же сумму какихъ-нибудь вещей, напримѣръ: платокъ, чаю, сахару, мыла и т. п.

Такъ заканчивается празднованіе по поводу рожденія и крещенія младенца.

Почти всѣ событія, случающіяся при родахъ и крестинахъ, а также различныя обстоятельства, имѣющія какое-нибудь отношеніе къ новорожденному, служатъ тѣмъ или другимъ указаніемъ на его будущую судьбу. Счастливъ, напримѣръ, ребенокъ, если родился въ „сорочкѣ“, или если онъ, будучи женскаго пола, похожъ на отца, а мужескаго похожъ на мать; равно хорошимъ предзнаменованіемъ для него считается, когда въ день его родинъ въ домѣ какая-нибудь прибыль. Неживучъ тотъ младенецъ, который родился подъ исходъ мѣсяца, у кого голова раздвоенная, у кого ротъ не цвѣтетъ, т. е. у кого не бываетъ болѣзни

Digitized by Google

молочницы, въ которой на кончикѣ языка, губахъ и нёбѣ появляется бѣлое творожистое вещество, кто съ перваго же времени удивляетъ окружающихъ своею смышленостью; скорая же смерть предвѣщается новорожденному, когда въ день его родинъ случится какая-нибудь потеря, убытокъ, когда дадутъ въ другой домъ какую-нибудь вещь совсѣмъ или взаймы или на подержаніе, когда вмѣстѣ съ его крестинами въ церкви бываютъ похороны. и когда его волосы, срѣзанные священникомъ и закатанные въ воскъ кумомъ, не плаваютъ по водѣ въ купели, а тонутъ.

Послѣ крестинъ бабка-повитуха остается въ домѣ родильницы съ недѣлю или двѣ Обязанности ея въ это время состоятъ въ томъ, чтобы заботиться о ребенкѣ, ежедневно обмывать и пеленать его, а также ходить за родильницей и, если послѣдняя одинока, хлопотать вмѣсто нея по хозяйству. Родильницу она паритъ въ банѣ или печкѣ, поитъ различными лѣкарственными травами и правитъ опустившійся послѣ родовъ ея животъ, растирая его при этомъ деревяннымъ масломъ. Изъ лѣкарствъ, употребляемыхъ родильницами, извѣстны: настой водки на колганѣ, анисъ, богородская трава, ромашка и душица. Настой водки на колганѣ употребляютъ какъ средство, способствующее подъему живота; анисъ и богородскую траву пьютъ для того, чтобы изъ грудей свободнѣе шло молоко; ромашку же и душицу— чтобы вызвать „краски“, или отъ простуды. Ничего кислаго и соленаго родильницѣ не даютъ. Счастлива родильница, которая выберетъ себѣ бабку опытную и расторопную. Такая бабка можетъ со всѣмъ управиться и за всѣмъ усмотрѣть. Но не то бываетъ при бабкѣ начинающей или нерасторопной. Отъ ея несообразительности нерѣдко происходятъ и несчастные случаи: либо родильница простудится или объѣстся чего-нибудь кислаго или соленаго, либо младенецъ ушибется или истечетъ кровью, когда развяжется пуповина, и т. д. и т. д.

Когда родильница достаточно оправится, и когда бабка сочтетъ возможнымъ уходить, происходитъ очищеніе всѣхъ присутствовавшихъ и принимавшихъ какое-нибудь участіе при родахъ. Зажигаютъ предъ иконами свѣчу, молятся и

Digitized by Google

потомъ водою, въ которую кладутъ хмѣль, яйцо и овесъ, умываются сами и моютъ младенца. Во время умыванья родильницы, бабка иногда говоритъ ей: „Какъ хмѣль легокъ да крѣпокъ, такъ и ты будь такая же; какъ яичко полное, такъ и ты полнѣй; какъ овесъ бѣлъ, такъ и ты будь бѣла!“ А когда моютъ ребенка, то приговариваютъ: „Рости съ брусъ вышины, да печь толщины“! Этотъ обрядъ извѣстенъ въ описываемой мѣстности подъ именемъ „размыванія рукъ“ [1]).

Бабка за свои хлопоты, кромѣ денегъ, собранныхъ ею на крестильномъ обѣдѣ, получаетъ еще одинъ хлѣбъ, мыла съ фунтъ, платокъ и деньгами отъ гривенника до рубля.

По уходѣ бабки, всѣ хлопоты и заботы о ребенкѣ ложатся главнымъ образомъ на его мать. Прежде всего, что она должна бываетъ дѣлать, если не для блага ребенка, то для своего собственнаго спокойствія,—это выполнять по отношенію къ ребенку всѣ требованія, предъявляемыя ей многовѣковой народной практикой. Такъ, чтобы младенецъ покойно спалъ, не должно качать люльку пустой; чтобы онъ безпрепятственно росъ, не нужно ему обрѣзать ногтей и стричь волосъ ранѣе года; чтобы онъ не запоздалъ разговорной рѣчью, не нужно давать ему смотрѣться въ зеркало; чтобы не сдѣлался сидякой, т. е., чтобы онъ научился ходить не позднѣе своихъ сверстниковъ, не должно мести около него, когда онъ сидитъ на полу; чтобы не умеръ скоро, не слѣдуетъ его показывать спящимъ тому, кто до того времени его не видалъ, и, чтобы растущій ребенокъ былъ опрятенъ, матери его необходимо передъ затопомъ печи сметать съ загнѣтки золу. Мать въ пору младенчества своего дитяти должна особенно внимательно слѣдить за собой, чтобы не ругать, а тѣмъ болѣе не проклинать его и въ досадѣ не говорить ему: „пропади ты пропадомъ!“ Отъ брани и проклятія дѣти дѣлаются глупыми, или не растутъ, или пропадаютъ, или мрутъ не своею смертію и такимъ образомъ ихъ „ан-

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ описываемыхъ уѣздовъ очищеніе совершается и надъ кошками, когда онѣ окотятся: кошку-мать и ея котятъ купаютъ въ рѣкѣ или прудѣ.

Digitized by Google

гельскія душки гибнутъ". Въ предупрежденіе могущихъ случиться съ ребенкомъ несчастій, его передъ сномъ должно ограждать крестнымъ знаменіемъ и, когда онъ чихаетъ, говорить слѣдующее, предохраняющее младенца отъ пагубнаго дѣйствія бѣсовъ, привѣтствіе: „здравствуй, ангельская душка!" Какъ вредны для дѣтей брань и проклятіе, и, наоборотъ, какъ спасительны для нихъ приведенныя предохранительныя слова, можно видѣть изъ множества народныхъ разсказовъ. Напримѣръ, разсказываютъ, былъ такой случай. Одна баба съ вечера побранила съ съсемейными, разсердилась и выбранила ни за что, ни про что своего грудного ребенка. Заснула она и видитъ во снѣ — говоритъ ей кто-то: „возьми изъ люльки ребенка". Проснулась баба, потянулась было за ребенкомъ, а въ люлькѣ-то его нѣтъ! Она вскочила, вздула огонь, глядитъ: ребенокъ мертвый, утопъ въ чугунѣ, что около люльки стоялъ... „А какъ онъ могъ попасть", добавляютъ разсказчики, „если не бѣсъ его сволокъ: вѣдь онъ свитъ былъ?" Или вотъ еще какая исторія произошла въ одномъ семействѣ, которое состояло изъ старика—хозяина, его старухи и ихъ невѣстки съ грудным ребенкомъ. „Разъ какъ-то ребенокъ этотъ расплакался. Мать стала его утѣшать, но что ни дѣлала, онъ все кричитъ. Она разсердилась и стала его ругать. „Фу, ты!" говоритъ она: „чертъ тебя возьми! съ тобой ничего не подѣлаешь!" Услыхалъ эти слова чертъ и съ того времени все хотѣлъ взять ребенка, но только никакъ нельзя было, потому что старикъ былъ очень богомоленъ и часто говорилъ: „Господи Іисусе Христе!" Думалъ, думалъ чертъ, какъ быть? Наконецъ и удумалъ. Собрался у этого старика одинъ мужикъ быка красть. Еще съ вечера онъ подкрался ко двору и сталъ дожидаться, когда все утихнетъ. Только слышитъ воръ, что кто-то вдругъ заговорилъ съ нимъ: „Здорово товарищъ!"—Кто ты? спрашиваетъ мужикъ. Чертъ назвалъ себя, а потомъ и говоритъ вору: „я вѣдь знаю, зачѣмъ ты пришелъ: быка хочешь увесть у этого хозяина. Я тебѣ помогу, если за это и ты мнѣ поможешь". Бѣсъ разсказалъ, зачѣмъ онъ самъ пришелъ: за младенцемъ. Мужикъ долженъ былъ провести черта въ домъ, заговорить старика и, когда младенецъ будетъ чихать, не говорить:

Digitized by Google

„здравствуй, ангельская душка!“ Воръ согласился. Когда онъ постучался, то его впустили въ домъ и попросили сѣсть. Сидитъ онъ и разговариваетъ съ хозяиномъ; вдругъ младенецъ сталъ чихать. Старикъ-хозяинъ не слышитъ. Чихнулъ ребенокъ разъ, другой... И жалко стало вору младенца, что младенецъ изъ-за него долженъ пропадать, и на третьемъ разѣ воръ сказалъ: „здравствуй, ангельская душка!“ Тутъ бѣсъ захлопалъ въ ладоши и закричалъ: „ахъ ты, бычатникъ!“ . Семейные всѣ удивились и стали спрашивать мужика, что это значитъ. Тотъ признался во всемъ и сталъ просить себѣ прощенья.

Понятно, услѣдить за выполненіемъ описываемыхъ требованій для родильницы очень трудно. Но не легки также и обычныя обязанности, налагаемыя на нее простымъ материнскимъ чувствомъ и состоящія въ приготовленіи ребенку постели, въ заботѣ о его чистотѣ и пищѣ, лѣченіи отъ различныхъ болѣзней, изысканіи развлеченій, когда онъ капризничаетъ и плачетъ, въ убаюкиваніи его на сонъ грядущи и т. д.

Когда за ребенкомъ смотритъ сама мать, то она, конечно, постарается, чтобы онъ былъ сытъ, чистъ, покоенъ. Но не то бываетъ, когда матерямъ, за недостаткомъ времени,—что особенно должно сказать о рабочей порѣ,—приходится поручать своихъ ребятъ надзору старухъ, отживающихъ уже свой вѣкъ, или же малосмысленныхъ подростковъ, имѣющихъ отъ роду часто не болѣе пяти-семи лѣтъ. При такомъ надзорѣ нерѣдко случается, что сами же няньки, считая нужнымъ удовлетворить прежде всего свои потребности, поѣдаютъ пищу, приготовленную для дитяти, и послѣ заглушаютъ его голодъ чѣмъ попало, или же, совершенно забывъ о ребенкѣ, оставляютъ его на произволъ судьбы. Въ послѣднемъ случаѣ иногда добровольными помощниками неисправныхъ нянекъ являются телята, которые вылизываютъ волосы на головѣ безпомощнаго младенца, собаки и домашняя птица, которыя спокойно лакомятся оставшейся на губахъ ребенка пищей, мухи и т. п.

Дѣтская постель обыкновенно состоитъ изъ лубочной или на деревянной рамкѣ холщевой люльки, набитой перьями

Digitized by Google

или чаще сѣномъ перины, такой же подушки, холщевыхъ простынь, ситцевыхъ или собранныхъ изъ разноцвѣтныхъ маленькихъ лоскутковъ одѣялъ и надѣваемыхъ на люльку, для защиты спящаго ребенка отъ мухъ и свѣта, цвѣтныхъ ситцевыхъ или бѣлыхъ коленкоровыхъ пологовъ.

Что же касается до туалета ребенка, то въ составъ его, кромѣ холщевыхъ пеленокъ, шерстяныхъ или ситцевыхъ свивальней и ситцевыхъ или коленкоровыхъ ризокъ, входятъ: сорочки, пояски, наглазники, нагрудники и чепчики. Сорочки дѣлаются по большей части изъ матерій или бѣлаго цвѣта, какъ, напримѣръ, изъ кисеи, коленкора и миткаля, или же—изъ какого-нибудь ситца, преимущественно розовыхъ цвѣтовъ. Кисейныя, коленкоровыя и миткалевыя рубашки обшиваются ленточками—голубыми для мальчиковъ и розовыми для дѣвочекъ—и употребляются во время крещенія младенца и въ другія торжественныя минуты, когда, напримѣръ, его несутъ въ церковь причащать, когда съ нимъ ѣдутъ куда-нибудь въ гости или принимаютъ гостей; ситцевыя же употребляются по будиямъ. Поясами для дѣтей служатъ обыкновенныя, покупныя за 2—5 копѣекъ, тесемки или самодѣльные, сплетеные изъ красныхъ шерстяныхъ нитокъ, шнуры; поясъ употребляется только послѣ исполненія дитяти шести недѣль. Нагрудники, или слюнявки, дѣлаются изъ коленкора или ситца и надѣваются на дѣтей для того, чтобы передняя часть ихъ рубашки не смачивалась принимаемой ими пищей и слюнями. Наглазники, которые имѣютъ форму простого, продолговатаго (шириною четверти двѣ и длиною въ аршинъ) лоскута, а также чепчики—составляютъ собою не что иное, какъ средство укрывать ребенка отъ мухъ и солнечнаго жара. Какъ наглазники, такъ и чепцы дѣлаются изъ кисеи, миткаля и т. п.

Чтобы содержать дитя болѣе или менѣе въ чистотѣ, заботливая мать часто смѣняетъ на немъ бѣлье, просушиваетъ постель и если не ежедневно, то еженедѣльно и рѣдко ежемѣсячно его обмываетъ.

Пищею для младенца служитъ главнымъ образомъ молоко матери, а если его нѣтъ, коровье молоко или просто жеваныя баранки съ сахаромъ. Но при этомъ не считается лишнимъ и вреднымъ для ребенка покормить его картофе-

Digitized by Google

лемъ, кашей, щами или попоить квасконъ. Срокъ кормленія ребенка грудью простирается обыкновенно отъ одного до полутора года, а именно три поста: два великихъ и одинъ успенскій, или два успенскихъ и одинъ великій. Съ этого времени онъ начинаетъ участвовать за общимъ столомъ, а молоко и баранки признаются за баловство, дозволяемое не во всякое время, и за роскошь, доступную не каждому семейству.

Изъ многочисленныхъ дѣтскихъ болѣзней, извѣстныхъ въ описываемой мѣстности, укажемъ—въ алфавитномъ порядкѣ—слѣдующія: англійская болѣзнь, безсонница, глисты, грыжа, долгое неумѣнье говорить и ходить, золотуха, коклюшъ, колотье въ бокахъ, крикъ, недугъ, ненормальная величина живота, непроизвольное мочеиспусканіе во время сна, огонникъ, опрѣлости, простуда, сглазъ, сухая стѣнь и собачья старость. Лѣченіе почти всѣхъ перечисленныхъ болѣзней основывается главнымъ образомъ на дѣйствіи лѣкарственныхъ травъ и на вѣрѣ въ магическую силу заговоровъ, наговоровъ и разнаго рода дѣйствій, совершаемыхъ при извѣстныхъ условіяхъ.

Въ *англійской болѣзни* дитя заставляютъ сидѣть въ пескѣ и улучшаютъ его питаніе.

При *безсонницѣ* и вообще при плохомъ здоровьѣ ребенку даютъ въ молокѣ или въ молочной кашѣ макъ, кладутъ у него въ головахъ чертополохъ и прибѣгаютъ къ заговору: „Заря—зарница, красная дѣвица! Возьми безсонницу, а дай младенцу (такому-то) сонъ и доброе здравіе“.

Говорятъ этотъ заговоръ три зари: двѣ вечернихъ и одну утреннюю, или двѣ утреннихъ и одну вечернюю.

Отъ *глистовъ* больному даютъ цытварное сѣмя или коноплянаго масла по ложкѣ въ день.

Чтобы ребенокъ не болѣлъ *грыжею*, его послѣ рожденія кормятъ свеклою, или коноплянымъ сѣменемъ, или сѣрнымъ цвѣтомъ. А нѣкоторыя родильницы или лица, родившіяся первыми или послѣдними, „пригрызаютъ“ эту болѣзнь у родившагося сквозь ветошку; для этого у дѣвочекъ берутъ въ зубы пуповину, а у мальчиковъ дѣторолный членъ. Во время пригрызанія у лица, совершающаго эту операцію, бабка

Digitized by Google

спрашиваетъ: „Что ты дѣлаешь?“ — „Грызь пригрызаю“.— „Грызи, грызи больнѣе, чтобы грызь не заводилась.“—„У нашей грыжки не бываетъ отрыжки.“ Весь этотъ разговоръ повторяется до трехъ разъ.

Сидякъ моютъ отваромъ изъ соломы, набранной ночью изъ трехъ пеленъ чужихъ домовъ, а также весною, когда въ первый разъ выѣдутъ сѣять, выносятъ на поле и, посадивъ посреди пашни, обсѣваютъ кругомъ и говорятъ: „Ты, овесъ, рости, а ты, имя рекъ, ходи!“ Такихъ-же сажаютъ въ мѣшокъ и въ немъ бѣгомъ обносятъ около своего двора три раза. Каждый разъ бѣгущаго съ мѣшкомъ встрѣчаетъ кто-нибудь изъ домашнихъ и спрашиваетъ: „Что несешь?“— „Сидяку“, отвѣчаетъ тотъ.—„Надо ему ходить“. Такъ обносить сидякъ можно во всякое время.

Когда ребенокъ долго *не говоритъ* и *не ходитъ*, то, какъ пекутъ хлѣбы, его сажаютъ подъ дѣжу, когда вынутъ изъ нея тѣсто, и потомъ, вымывая надъ этою дѣжой себѣ руки водою, которой смазывали сверху подѣланные хлѣбы, говорятъ: „Какъ мои хлѣбы кисли, такъ и ты, мое дитятко, кисни (полнѣй); какъ мои хлѣбы всходили, такъ и ты ходи; какъ я, мое дитятко, говорю, такъ и ты говори“.

Когда ребенокъ въ первый разъ станетъ на ноги и начнетъ ихъ переставлять, то пространство пола между его ногами перерубаютъ крестъ-на-крестъ топоромъ или ножомъ: это значитъ перерѣзать тѣ невидимыя пута, которыя до сихъ поръ связывали ноги ребенка.

Больного *золотухой* поятъ листомъ калины, собраннымъ во время ея цвѣта, а также листомъ смородиновымъ, отваренным въ молокѣ: или золотушныя болячки мажутъ козьимъ, а за неимѣніемъ его, коровьимъ масломъ; или же эту болѣзнь лѣчатъ три зори слѣдующимъ заговоромъ:

На морѣ Океанѣ,
На островѣ Буянѣ
Стоитъ Божья церковь;
А у этой церкви
Лежитъ камень
Сорока сажень;
А на этомъ камнѣ
Сидитъ дѣвица,
Придуваетъ золотуху:
Золотуха-красотуха!
Тебѣ тутъ не быть,
Тебѣ тутъ не жить,
Костей не ломать,
Суставъ не гноить!

Digitized by Google

Послѣ произнесенія этихъ словъ должно плюнуть и дунуть.

Отъ *кокюша* ребенку даютъ сосать леденецъ, принимать раза два въ день по чайной ложкѣ прованскаго масла съ сахаромъ и розовымъ масломъ или же въ такомъ же количествѣ деревяннаго масла съ сахарнымъ пескомъ.

Отъ *колотья въ бокахъ* прикалываютъ громовыми стрѣлами съ произнесеніемъ слѣдующихъ словъ:

Господи Іисусе Христе!
Спаси и помилуй
Отъ всякихъ недуговъ
Денныхъ и ночныхъ,
Полуденныхъ и полуночныхъ
Ангельскую душку
Младенца (имя рекъ).
(3-жды).

Если ребенокъ очень часто *кричитъ*, то съ нимъ выходятъ на улицу три зари и, обращаясь по вечерамъ на западъ а по утрамъ на востокъ, говорятъ:

Заря-зарница,
Красная дѣвица!
Возьми отъ младенца
(такого-то) крикъ,
А дай ему некрикъ.
(3-жды).

Въ этомъ случаѣ больного также выносятъ въ подолѣ три раза по зарямъ подъ куриную нашесть и приговариваютъ:

Куры бѣлыя,
Куры сѣрыя,
Куры пестрыя,
Возьмите отъ младенца
(такого-то) крикъ,
А дайте ему угомонъ! (3-жды).

(Далѣе можно перечислять какихъ угодно куръ, не поминая только черныхъ).

Чтобы избавить ребенка отъ *недуга* или, иначе, отъ младенческой болѣзни, извѣстной въ медицинѣ подъ именемъ *родимчика* (eclampsia), при первомъ припадкѣ, когда заболѣвшій перестанетъ биться, у него рвутъ спереди рубашку отъ разрѣза до низу, или накрываютъ его полотенцемъ, которымъ была покрыта невѣста во время вѣнчанія, либо скатертью, которую стлали на свадебномъ обѣдѣ или при молебнѣ въ какой-нибудь праздникъ. Для той же цѣли больного моютъ водой, которую съ косы, употребляемой для кошенья травы и разнаго хлѣба, спускаютъ въ блюдо на положенныя въ него ложки.

Ребенка съ ненормально *большимъ животомъ* кормятъ ячменной кашей или поятъ, давая по столовой ложкѣ въ день, конопляннымъ масломъ.

Digitized by Google

Кто *мочится во время сна* подъ себя, того сѣкутъ на заслонкѣ сапожнымъ голенищемъ три утра [1]).

Противъ *огонника* или *летучаго огня* (мокнущаго лишая лица — eczema faciei), по мнѣнію народа, помогаютъ различныя средства. Можно лѣчить эту болѣзнь, трижды выбивая огниво предъ лицомъ больного такъ, чтобы искры летѣли на послѣдняго; или при затопѣ печи, до трехъ разъ, зажигая пучокъ изъ лучинокъ, брызгать на него изо рта водой, чтобы при этомъ дымъ отъ тухнущаго пучка летѣлъ въ лицо сидящаго на столѣ или на лавкѣ ребенка; или же прикладывать къ больному мѣсту обыкновенное, тряпичное или мочальное, помело, которымъ заметаютъ въ печи послѣ топки. Огонникъ лѣчатъ также заговоромъ: „Огонь, огонь! на тебѣ мокрый, дай мнѣ сухой!“. Слова эти произносятъ трижды, когда „припаливаютъ огонь“, махая на сидящаго ребенка ночевками или лоткомъ, въ который сѣютъ муку, или когда „откликаютъ огонь“ по тремъ зарямъ черезъ рѣку или прудъ, если только въ тотъ моментъ свѣтится огонь въ двухъ или болѣе избахъ обѣихъ сторонъ деревни.

При *поносѣ* поятъ краснымъ виномъ или кормятъ сывороткой.

Если у ребенка *прѣетъ* подъ мышками, въ пахахъ или въ складкахъ кожи на шеѣ, то опрѣлости засыпаютъ крахмаломъ, чечевичной мукой, древесной червоточиной, порошкомъ, полученнымъ отъ скобленія ножомъ „чертова пальца“ или простого дубоваго обѣденнаго стола, печнымъ пескомъ и т. п.

Простудившагося кладутъ раздѣтымъ на распаренное сѣно, разложенное на жаркой печи, и поятъ мать-мачехой, клеверомъ, чернобыломъ, а также составомъ изъ какихъ-либо двѣнадцати различныхъ лѣкарственныхъ растеній, собираемыхъ на Ивана Купалу (24 іюня) между утреней и обѣдней.

Отъ *сглазу* младенца умываютъ преимущественно на трехъ порогахъ свѣжей водой, спущенной съ находнаго либо принесеннаго изъ святыхъ мѣстъ креста, или съ ка-

---

[1]) Срв. Потебня. Объясненіе малор. и сродн. нар. пѣс. I, стр. 9. *Ред.*

Digitized by Google

мешковъ изъ стараго Іерусалима, или съ иконъ, которыя употреблялись когда-нибудь на свадьбѣ для благословенія жениха съ невѣстой, или съ угловъ обѣденнаго стола, или съ громовыхъ стрѣлъ, или же, наконецъ, съ трехъ угольковъ.

Изъ средствъ противъ *сухой отыни* (atrophia infantium) извѣстны слѣдующія: а) Берутъ земли съ трехъ полей и девять кружекъ воды, почерпнутой на мѣстѣ слiянія двухъ рѣкъ, и притомъ три кружки по теченію одной рѣки, три противъ теченія другой и три противъ себя, въ томъ мѣстѣ, гдѣ сходятся струи водъ обѣихъ рѣкъ. Съ этой землей, водой и больнымъ ребенкомъ ночью, чтобы никто изъ постороннихъ не видалъ, идутъ на рубежъ двухъ смежныхъ между собою земель разныхъ владѣльцевъ и принесенными водою и землей, предварительно смѣшавъ ихъ вмѣстѣ, моютъ больного. Вымытаго перекатываютъ съ земли одного владѣльца на землю другого. Рубашку же, бывшую до этого на ребенкѣ, оставляютъ на рубежѣ. б) Ночью собираютъ три горсти земли изъ-подъ верей трехъ сараевъ и черпаютъ воды изъ трехъ колодцевъ. Воду нагрѣваютъ на загнѣткѣ, но не въ самой печи, и мѣшаютъ съ землей, а потомъ выливаютъ сквозь рѣшето на голову дитяти, посаженнаго въ избѣ подъ матицею. в) Раскалываютъ отъ корня четверти на три молодой растущій дубокъ и въ образовавшееся отверстіе протаскиваютъ ребенка трижды въ одну и трижды въ другую сторону и вытаскиваютъ его оттуда голымъ, а надѣтую на немъ рубашку оставляютъ въ отверстіи дуба. г) Младенца кладутъ на постеленную шерстью вверхъ шубу и, отрѣзавши изъ нея по клочку шерсти у больного въ головахъ, ногахъ и подъ спиной, мѣряютъ суровой ниткой обѣ его руки, окружность головы, толщину и съ обѣихъ сторонъ длину туловища. Затѣмъ, ребенка моютъ чистою водой, съ положенными на нее тремя угольками. Нитку кладутъ въ печурку, а послѣ ихъ сравниваютъ между собой: если смѣрокъ одной руки оказывается равнымъ смѣрку другой и смѣрокъ правой стороны туловища смѣрку лѣвой, то ребенокъ будетъ живъ; если же смѣрки окажутся неравными, то онъ умретъ. Рубашка, бывшая до времени лѣченія на младенцѣ, снова можетъ годиться къ употребленію лишь

Digitized by Google

тогда, когда ее выполоскаютъ въ рѣкѣ трижды противъ теченія и трижды по теченію. д) Ставятъ ребенка на лавку около стѣны, растягиваютъ ему руки горизонтально и мѣряютъ его суровой ниткой. Затѣмъ, отмѣтивъ ножомъ на стѣнѣ величину его роста и длину рукъ, окуриваютъ больного, сжигая для этого съ ладономъ нитяные смѣрки.

Для лѣченія дитяти въ *собачьей старости* (такъ крестьяне называютъ то-же атрофическое состояніе дѣтей въ послѣднемъ періодѣ его развитія) либо парятъ его вмѣстѣ съ щенкомъ въ печи и, ударяя вѣникомъ то одного, то другого, говорятъ: „щенокъ! возьми свою старость!“ (3-жды); либо катаютъ по тѣлу больного кусочекъ хлѣбнаго мякиша и отдаютъ съѣсть одношерстной собакѣ.

Всѣ изложенные способы лѣченія сухой стѣни и собачьей старости примѣняются лишь по средамъ и пятницамъ.

Когда ребенку въ какой-нибудь болѣзни не помогаетъ никакое лѣкарство, то его иногда „перераживаютъ“. Мать становится на мѣсто происходившихъ родовъ, беретъ ребенка и съ помощью призванной бабки до трехъ разъ протаскиваетъ его черезъ воротъ своей сорочки сверху внизъ.

Забавами для дѣтей служатъ то простое ознакомленіе съ наиболѣе интересующими ихъ предметами или легко доступными ихъ пониманію явленіями, то различные, спеціально назначенные для нихъ игры и стихи. Напримѣръ, стараются развлечь ребенка яркимъ цвѣтомъ огня, разубранной въ разноцвѣтные лоскутки куклой, постукиваньемъ желѣзной погремушкой, массой звуковъ, врывающихся вдругъ въ уши при закрываніи и открываніи послѣднихъ ладонями, и т. п. Далѣе, младенца подбрасываютъ вверхъ, щекочутъ, забавляютъ его „сорокой“, „ладушками“ и другими общеизвѣстными и описанными [1]) уже играми. Что же касается упомянутыхъ стиховъ, то они, хотя иногда представляютъ собою безсмыслицу, но за то риѳмованы и нравятся дѣтямъ живостью и быстротою своего произношенія, а также

---

[1]) См. „Этн. Об.“ кн. VI: „Рожденіе и воспитаніе дѣтей въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Яросл. губ.“, А. Балова.

Digitized by Google

тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ умѣло затрогивается личность ребенка: то ему пчелка уронила въ ротъ медку, то какая-то бабка, одѣляя ребятъ грибами, ему дала больше другихъ и т. п. Вотъ, напримѣръ, каковы эти стихи:

1.
Пчелка летѣла,
Уронила медокъ
Прямо дитяткѣ въ ротокъ.
Медъ подъ головами,
Сахаръ подъ ногами!

2.
Чушки-бушки
Не палены,
Не скоблены.
Пора палить,
Пора скоблить!

3.
Бубенъ, бубенъ!
Сядь на бочку,
Продай свою дочку
За моего сына.
У моего сына сѣни косыя,
Собаки борзыя.
Блоха подскочила,
Сѣни завалила!

4.
Кузька-Кузютка!
Куда катишься?
Отъ моря до моря.
Тамъ сидитъ сова,
Себѣ сына родила:
Ивашку—Степашку,
Попа-коротышку,
Дурную лодышку.
Сѣла баба на барана,
Поскакала по горамъ.

5.
Шла бабка съ заморья,
Несла кузовокъ.
Въ томъ кузовочкѣ
Лежатъ грибочки:
Кому—грибъ, кому—два,
А тебѣ, дитятко, весь кузовокъ!

6.
Галки-хохлушки,
Толкачи-пророки
Шли по дорожкѣ,
Нашли книжку.
Въ этой книжкѣ воробей сидитъ,
Часы говоритъ.

Когда же никакія подобныя развлеченія не дѣйствуютъ на плачущее дитя, то матери и няньки прибѣгаютъ къ запугиванію его разными разсказами про стариковъ, поповъ, которые будто бы ходятъ съ сумой и собираютъ въ нее ребятъ, про волковъ съ огненными глазами и т. п., или же успокоиваютъ ребенка колыбельными пѣснями. И послѣднія являются чаще всего другого дѣйствительнымъ средствомъ не только успокоить, но и усыпить ребенка. Это вполнѣ успѣшно достигается, благодаря главнымъ образомъ тихому и однообразному напѣву колыбельныхъ пѣсенъ, который успокоительно дѣйствуетъ на утомленные новыми впечатлѣніями или разстроенные чѣмъ нибудь нервы дитяти и парализуетъ его мозговую дѣятельность. Но, обращая на себя вниманіе своимъ напѣвомъ, эти пѣсни представляютъ

Digitized by Google

гораздо большій интересъ со стороны педагогическихъ и поэтическихъ достоинствъ. Въ подтвержденіе справедливости высказанныхъ словъ приводимъ нѣсколько собранныхъ нами этихъ пѣсенъ.

1.

Котикъ—котокъ,
Сѣрый хвостокъ,
Шейка твоя
Бѣлогорлистая!
Приди, котикъ, ночевать,
Мое дитятко качать,
Прибаюкивать,
Прилюлюкивать!
Баюшки-баю,
Баю дѣточку мою!
Я тебѣ коту
За работу заплачу:
Дамъ конецъ пирога,
Да кувшинъ молока,
Еще рѣдьки хвостъ,
На великій постъ.
Баюшки—баю и проч.
Пошелъ котикъ во лѣсокъ,
Принесъ котикъ поясокъ,
Привязалъ за люлечку
Покачалъ (имя ребенка)
Баюшки—баю и проч.
Моя дитятка! спи,
А кота домой пусти.
Сѣрому коту
Ему дома недосугъ:
Коту сына женить,
Ему пиво варить.
Насъ до пьяна напоить!
Баюшки—баю и пр.

2.

У котика, у кота (или воркота)
Колыбелька хороша,
А у (имя ребенка)
Еще лучше его.
Баю, баю, баю, бай!
Еще лучше его.
У котика, у кота
Подушечка высока,
А у милаго моего
Еще лучше его.
Баю, баю, баю, бай!
Еще лучше его.
У котика, у кота
Одѣялка хороша,
А у милаго моего
Еще лучше его.
Баю, баю, баю, бай!
Еще лучше его.

Такимъ образомъ перечисляютъ и другія принадлежности дѣтской постели.

3.

Котикъ бѣленькій,
Хвостикъ сѣренькій!
Ходитъ котикъ по сѣнюшкамъ,
А дрема его спрашиваетъ:
— „Гдѣ (имя ребенка) спитъ,
Гдѣ дѣточка лежитъ?“
Баюшки-баю,
Баю дѣтку мою!
— Онъ и спитъ и лежитъ
На высокомъ столбу;
На высокомъ столбу,
На точеномъ брусу,
На серебряномъ крюку,
На шелковыхъ поводахъ;
Шиты браны полога,
Подушечка высока.
Баюшки-баю и пр.
Мамушки, няюшки,
Сходитеся ночевать,
Мое дитятко качать,
А вы, сѣнныя дѣвушки,
Прибаюкивать.
Баюшки-баю и пр.

Digitized by Google

Вырастешь большой (-ая),
Будешь счастливый, талантливый
(-ая),
Будешь въ золотѣ ходить,
Золоты кольца носить, (2)
Камку волочить,
А обносочки будешь дарить
Мамушкамъ, нянюшкамъ!
Баюшки-баю и пр.
Нянюшкамъ на ленточки,
Сѣнным дѣвушкамъ на фартучки,
Молодымъ молодкамъ на кокошнички,
Краснымъ дѣвкамъ на новойнички,
А старымъ старушкамъ на новязочки.
Баюшки-баю и пр.

4.

Сонъ да дрема,
Приди къ (имя ребенка) въ голова!
Сонъ ходитъ по сѣнамъ,
Дрема-то по новымъ.
Сонъ дрему спрашиваетъ,
А дрема сказываетъ:
— Гдѣ (имя ребенка) спитъ,
Колыбелька гдѣ виситъ?
— Во высокомъ терему,
Подъ краснымъ окномъ,
За шитымъ, браннымъ положкомъ,
За хрустальнымъ стекломъ;
Кольца серебряныя,
Пробойцы золоченые,
Подцѣпочки шелковыя,
Одѣяльце мишуренькое!
Спи, усни, угомонъ тебя возьми!
Спи по ночамъ,
Рости по часамъ;
Вырастешь великъ,
Будешь въ золотѣ ходить,
Въ серебрѣ почивать!

5.

У ночика, у кота
Была мачиха лиха;
Она била кота,
Приговаривала:
Не ходи, котъ, по дворамъ,
Не качай чужихъ ребятъ.

6.

Ужь ты, дремушка-дрема,
Приди къ (имя ребенка) въ голова!
Дремушка-дрема
По проулочку брела...

Далѣе убаюкивающая дитя, называя по именамъ домохозяевъ своей деревни, надѣляетъ отъ лица ихъ дрему платчишечкомъ, повойничкомъ, юбченочкой, чулочками и т. п., или же отказываетъ ей въ этомъ

Ужъ ты, дремушка дрема,
Зайди къ Семену на дворъ.
Семенова жена
Платчишечко дала.
— Ну спасибо тебѣ, Марьюшка!
— На здоровье тебѣ, дремушка!
Шла наша дрема,
Вдоль по улицѣ прошла;
Зашла наша дрема
Къ Ивану на дворъ.
Какъ Иванова жена
Ничего не дала.
— Ну, спасибо тебѣ, дремушка!
— На здоровье тебѣ, Авдотьюшка!
Шла наша дрема,
Вдоль по улицѣ прошла,
Зашла наша дрема
Къ Алексѣю на дворъ.
Алексѣева жена,
Она богатая была:
Она платьице дала.
— Ну, спасибо тебѣ, Аннушка!
— На здоровье тебѣ дремушка!

7.

Качи, качи, качи!
Прилетѣли къ намъ грачи.

Digitized by Google

Посажались на печи.
Ты, малютка, не плачь:
Испечемъ тебѣ калачъ,
Натертый крутой,
Съ посеребреной дугой!

8.

Баюшки-баю!
Живетъ Ѳедоръ на краю.
Онъ не бѣденъ, не богатъ,
Полна хата ребятъ.
Всѣ по лавочкамъ сидятъ,
Кашку съ масленцемъ ѣдятъ.
Имъ:
Всѣ на березкѣ висятъ.
Березка-то скрипъ, скрипъ!
А ты (имя ребенка) спи, спи!

9.

Баюшки-баю!
Не ложися на краю:
Тебя мышка съѣстъ,
А коровка подъ бочка,
Не дастъ молочка.

10.

Ну, баю-баю!
Баю дитятку мою!
Придетъ старый старичекъ,
Хворостинкой посѣчетъ;
Онъ за то посѣчетъ,
Что ты мало ночью спишь,
По ночамъ всегда кричишь!

11.

Баюшки-баю!
Колотушекъ надаю.
Бай да люли!
Хоть нынѣ умри.
У насъ гречиха на току,
Я блиновъ напеку,
А тебя, дитятку,
На погостъ пов(о)локу.
Завтра морозъ,
А тебя на погостъ.
Я соломи насѣку,
Я блиновъ напеку.
Пойду дитятку поминать,
Пову брюхо набивать.

12.

Баюшки-баю!
Не ложися на краю,
Заутро морозъ,
А тебя на погостъ!
Дѣдушка придетъ,
Гробокъ принесетъ;
Бабушка придетъ,
Холстинки принесетъ;
Матушка придетъ,
Голосочекъ проведетъ;
Батюшка придетъ,
На погостъ отнесетъ.
Баюшки-баю!
Колотушекъ надаю!

13.

Пошелъ козелъ за лыками,
Пошла коза за орѣхами.
Пришелъ козелъ съ лыками,
Козы дома нѣтъ.
Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ каленими!
— Погоди же ты, коза:
Напущу на тебя волковъ!
Нейдутъ волки козы искать.
Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ каленими.
— Погоди же вы, волки:
Напущу на васъ людей!
Люди нейдутъ волковъ гонять,
Волки нейдутъ козы искать,
Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ каленими.
— Погоди же вы, люди:
Напшю на васъ медвѣдя!
Медвѣдь нейдетъ людей ломать.
Люди нейдутъ волковъ гонять и проч.
— Погоди же ты, медвѣдь:
Напшю на тебя огонь!
Огонь нейдетъ медвѣдя палить,
Медвѣдь нейдетъ людей ломать и проч.

Digitized by Google

— Погоди же ты, огонь:
Напою на тебя я воду!
Вода нейдетъ огонь лить,
Огонь нейдетъ медвѣдя палить и проч.
— Добро же ты, вода:
Напою на тебя быковъ!
Быки нейдутъ воду пить,
Вода нейдетъ огонь лить,
и проч.
— Добро же вы, быки:
Напою на васъ дубья!
Дубья нейдутъ быковъ бить,
Быки нейдутъ воду пить,
и проч.
— Добро же вы, дубья:
Напою на васъ топоръ!
Топоръ нейдетъ дубья рубить,
Дубья нейдутъ быковъ бить
и проч.
— Погоди же ты, топоръ:
Напою на тебя камень!
Камень нейдетъ топоръ зубрить,
Топоръ нейдетъ дубья рубить и проч.
— Погоди же ты, камень:
Напою на тебя гору!
Гора нейдетъ камень давить,
Камень нейдетъ топоръ зубрить и проч.
— Погоди же ты, гора:
Напою на тебя червей!
Черви нейдутъ гору точить,
Гора нейдетъ камень давить и проч.
— Добро же вы, черви:
Напою на васъ гусей!
Гуси нейдутъ червей клевать,
Черви нейдутъ гору точить,
и проч.
— Добро же вы, гуси:
Напою на васъ орла!
Орелъ нейдетъ гусей вертать,
Гуси нейдутъ червей клевать и проч.
— Погоди же ты, орелъ:
Напою на тебя сокола!
Соколъ полетѣлъ орла щипать,
Орелъ сталъ гусей вертать,
Гуси стали червей клевать,
Черви стали гору точить,
Гора стала камень давить,
Камень сталъ топоръ зубрить,
Топоръ сталъ дубья рубить,
Дубья стали быковъ бить,
Быки стали воду пить,
Вода стала огонь лить,
Огонь сталъ медвѣдя палить,
Медвѣдь сталъ людей ломать,
Люди стали волковъ гонять,
Волки стали козу искать.
Нашли козу съ орѣхами,
Нашли козу съ каленными.
— Вотъ тебѣ, козелъ, коза съ орѣхами,
Вотъ тебѣ коза съ каленными!

14.

— Бабушка Варварушка!
Гдѣ ты была?
— Коней стерегла.
— И гдѣ жъ кони?
— За ворота ушли.
— Гдѣ же ворота?
— Водой снесло.
— Гдѣ же вода?
— Быки попили.
— Гдѣ же быки?
— За бугры ушли.
— Гдѣ же бугры?
— Черви выточили.
— Гдѣ же черви?
— Гуси выклевали.
— Гдѣ же гуси?

Digitized by Google

— Въ тростникъ ушли.
— Гдѣ же тростникъ?
— Дѣвки выломали.
— Гдѣ же дѣвки?
— За мужья ушли.
— Гдѣ же мужья?
— На войну ушли.
— Гдѣ же война?
— Посередъ г...а.

Разсматривая колыбельныя пѣсни, мы видимъ, что онѣ представляютъ собой небольшіе, но большею частію прекрасные разсказы, вполнѣ приспособленные къ дѣтскому пониманію и довольно ярко выражающіе чувства женщины къ своему ребенку [1]).

Предметы, предлагаемые въ этихъ пѣсняхъ вниманію дитяти, взяты изъ области тѣхъ явленій, съ которыми ребенокъ знакомится ранѣе прочаго. Такъ, здѣсь мы встрѣтимъ и съ бѣлымъ хвостикомъ сѣраго кота, который почти всегда нравится дѣтямъ, и старика съ волкомъ, которыми ихъ такъ пугаютъ няньки, и дрему въ образѣ попрошайки, напоминающей собою нищихъ, которыхъ приходится имъ видѣть чуть не каждый день, и т. д. Къ тому же, всѣ эти предметы народная фантазія заставляетъ жить лишь тою жизнью, которая близка ребенку и можетъ его заинтересовать. Котъ, напримѣръ, ходитъ и качаетъ ребятъ: дрема бродитъ по дворамъ, собираетъ себѣ нарядъ да разспрашиваетъ, гдѣ кто изъ дѣтей спитъ; старикъ наказываетъ балованныхъ и капризныхъ ребятъ, и т. п. Съ этой стороны колыбельныя пѣсни представляютъ собой плодъ многовѣковой народной дѣятельности по воспитанію дѣтей, и, въ отношеніи выбора содержанія и умѣнья изложить его въ стихотворной формѣ весьма просто, наглядно и картинно, онѣ являются прекраснымъ созданіемъ педагогическаго народнаго генія.

Далѣе, ребенокъ, какъ извѣстно, возбуждаетъ въ душѣ женщины различныя чувства: то онъ составляетъ для нея отраду въ настоящемъ и надежду въ будущемъ, то представляетъ собой не что иное, какъ обузу. Сообразно съ этимъ въ колыбельныхъ пѣсняхъ мы видимъ то образъ нѣжной и любящей свое дитя матери, то грубой ненавидящей своего ребенка женщины. Страстная любовь первой

1) См. объ этомъ статью *А. Ветухова* „Этногр. Обозр.“ XIII—XV. *Ред.*

Digitized by Google

заставляетъ ее изъ своего репертуара выбирать только самыя пріятныя для ребенка пѣсни, напримѣръ, про безобидную дрему, про ласковаго котика и т. п., рисовать предъ нимъ въ привлекательныхъ чертахъ неизвѣстное будущее и даже прикрашивать часто неприглядное настоящее. Нелюбовь же второй заставляетъ ее тяготиться своимъ ребенкомъ и въ его смерти видѣть для себя одинъ только выходъ изъ своего непріятнаго положенія, единственную возможность освободиться отъ многочисленныхъ обременительныхъ хлопотъ. Вотъ поэтому-то мы въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ нами пѣсенъ видимъ, что смерть ребенка представляетъ собою нѣчто желаемое, вотъ почему она описывается здѣсь съ такимъ удивительнымъ безсердечіемъ, со всею реальностью и съ такою возмутительною грубостью!..

Обстановка съ вышеописанными суевѣріями, забавами, колыбельными пѣснями окружаетъ ребенка лишь въ пору его младенчества, но она измѣняется, когда дитя выходитъ изъ-подъ надзора няньки и начинаетъ жить болѣе или менѣе самостоятельно. Описаніе этого періода дѣтской жизни можетъ составить особый этнографическій очеркъ.

Д. Ив. Успенскій.

Digitized by Google

ИЗЪ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Новый взглядъ на исторію происхожденія семьи.

(*Dr. Ioh. Richard Mucke: Horde und Familie in ihrer urgeschichtlichen Entwickelung.* Eine neue Theorie auf statistischer Grundlage. (Stuttgart. 1895, 8°, стр. XIX+308).

На страницахъ „Этнографическаго Обозрѣнія" намъ приходилось не разъ касаться новыхъ взглядовъ на вопросы о происхожденіи семьи, развитія брака и родства. Появленіе въ литературѣ за послѣднее время сравнительно очень значительнаго количества трудовъ, посвященныхъ разработкѣ упомянутыхъ вопросовъ, не можетъ не считаться характернымъ въ исторіи этнографіи: едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что причиной этого явленія слѣдуетъ считать прежде всего нѣкоторую неудовлетворенность современныхъ ученыхъ положеніями, выставленными господствующей теоріей; несомнѣнно, что за періодъ, истекшій отъ начала постановки этихъ, наиболѣе интересныхъ и пожалуй и наиболѣе сложныхъ вопросовъ нашей науки, на серьезную, научную почву — до настоящаго времени запасъ этнографическихъ свѣдѣній значительно возросъ, что вмѣстѣ съ ростомъ его, рѣшеніе вопроса о происхожденіи семьи не только не упростилось, но скорѣе, наоборотъ, вошло въ болѣе сложную стадію. Внести исправленія въ господствующую теорію на основаніи имѣющагося научнаго матеріала, освѣтить ее или даже видоизмѣнить на основаніи послѣдняго—является стремленіемъ разныхъ авторовъ, посвящающихъ новыя монографіи исторіи развитія семейнаго и общественнаго быта у некультурныхъ народностей. Часть авторовъ приняла, на нашъ взглядъ совершенно правильный методъ: признавая неудовлетворительность матеріала для рѣшенія поставленныхъ вопросовъ, эти авторы стараются прежде всего критически освѣтить имѣющійся уже матеріалъ, затѣмъ дополнить его изученіемъ быта некультурныхъ народностей, свѣдѣнія объ

Digitized by Google

общественномъ и семейномъ строѣ которыхъ служили преимущественно основаніями для подтвержденія или опроверженія той или иной научной теоріи. Этимъ путемъ шелъ между прочимъ и Куновъ, и насколько интересные и важные результаты можно добыть, пользуясь этимъ методомъ, для исторіи развитія семьи вообще, мы старались показать въ замѣткѣ, посвященной цѣнной работѣ Кунова объ австралійцахъ (см. „Этнографическое Обозрѣніе", кн. XXVII). Другіе авторы предпочитаютъ избирать несомнѣнно болѣе легкій путь толкованія и освѣщенія существующаго матеріала, причемъ въ зависимости отъ основной точки зрѣнія, на которую становится данный авторъ, тотъ-же матеріалъ служитъ для освѣщенія быта некультурныхъ племенъ то со стороны экономической, то съ общественно-правовой. Мы не хотимъ сказать, что этимъ путемъ достигаются для науки исключительно лишь отрицательные результаты, что комбинируемый то тѣмъ то инымъ путемъ матеріалъ не вносилъ частныхъ дополненій въ господствующіе взгляды, не открывалъ для науки подчасъ новыхъ перспективъ; но современные ученые, шедшіе этимъ путемъ, какъ мы старались указать въ предшествующихъ очеркахъ, не были въ состояніи, до настоящаго времени по крайней мѣрѣ, пошатнуть выработанныхъ предшествующими трудами основныхъ положеній науки по указаннымъ вопросамъ, вслѣдствіе чего и само появленіе подобныхъ работъ въ исторіи науки знаменуетъ скорѣе стремленіе отыскать истину, чѣмъ фактъ открытія ея.

Къ числу авторовъ послѣдней категоріи слѣдуетъ причислить и профессора статистики при Юрьевскомъ университетѣ г. Муке, несомнѣнно не мало потрудившагося надъ выработкой своей новой теоріи.

Въ предисловіи г. Муке заявляетъ, что онъ озаглавилъ свой трудъ теоріей, построенной на основаніи статистики оттого, что результаты его труда основаны не на апріорныхъ взглядахъ, но возведены въ систему на основаніи анализа и синтеза, что вообще лица, занимающіяся этнографическими изысканіями, поступили бы хорошо, если-бы больше ознакомились съ методологической наукой объ явленіяхъ. Упрекъ, что этнографы въ построеніи своихъ положеній пользуются фактами, выхваченными т. ск. изъ быта народностей безъ обращенія вниманія на общую культуру этихъ послѣднихъ,— слышится за послѣднее время не въ первый разъ, и нельзя не сознаться, что онъ является до извѣстной степени обоснованнымъ, хотя съ одной стороны онъ далеко не можетъ быть сдѣланъ большинству ученыхъ, направляющихъ свои силы на изысканія основныхъ законовъ развитія человѣчества, а

Digitized by Google

съ другой—этотъ упрекъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ справедливъ, указываетъ скорѣе на неправильность увлеченія принятымъ въ этнографіи методомъ, чѣмъ на неправильность самаго метода по существу. Какимъ-же методомъ пользуется г. Муке для построенія своей теоріи о происхожденіи семьи? „Если мы хотимъ приступить къ изслѣдованію безъ предвзятыхъ взглядовъ, пишетъ г. Муке, мы должны принять, что понятія о группѣ, семьѣ, бракѣ и т. п. намъ неизвѣстны; естественно явится вопросъ, продолжаетъ онъ, что́ же въ сущности намъ извѣстно, такъ какъ намъ необходимо имѣть исходную точку. Въ виду того, что изслѣдованіе касается ж и з н и первобытнаго человѣчества, то исходной точкой могутъ служить проявленія этой жизни; эти послѣднія сказываются во взаимодѣйствіи физическаго организма и внѣшняго міра, и поскольку это взаимодѣйствіе мы именуемъ душою,—наше изслѣдованіе возьметъ за исходную точку ч е л о в ѣ ч е с к у ю д у ш у“. Проявленія человѣческой души должны дать автору возможность возстановить картину первобытнаго состоянія человѣчества, тѣмъ болѣе, что нѣтъ основанія предполагать, замѣчаетъ г. Муке, что психическій міръ всего человѣчества долженъ былъ проходить другія стадіи развитія, чѣмъ психическій міръ отдѣльнаго лица. Психологическій анализъ явленій жизни дикарей и составляетъ содержаніе книги автора. Мы не можемъ не указать, что авторъ избралъ крайне рискованный, хотя и далеко не новый, методъ объясненія явленій жизни, встрѣчаемыхъ у мало культурныхъ народностей: въ самомъ дѣлѣ, гдѣ гарантія, что изслѣдователь, пользующійся имъ, предполагая отыскать мотивы, вызвавшіе къ жизни тотъ или иной институтъ у дикарей, не навяжетъ имъ собственныхъ взглядовъ культурнаго человѣка. Если психическій міръ ребенка съ большимъ трудомъ поддается анализу, то относительно „души“ дикаря можно съ особеннымъ основаніемъ сказать, что „чужая душа потемки“; заключать-же по проявленіямъ психическаго міра ребенка къ дикарю, какъ это склоненъ дѣлать г. Муке, болѣе чѣмъ опасно, потому что, не смотря на сходство въ нѣкоторыхъ проявленіяхъ ребенка и дикаря, разница между ними настолько значительна, что о тождествѣ едва-ли можетъ быть рѣчь.

Во всякомъ случаѣ г. Муке правъ, считая, что первобытный человѣкъ жилъ группами, и что эти группы объединялись не понятіемъ о родствѣ, а общностью территоріи,—справедливѣе, что само понятіе о родствѣ, о взаимной близости зиждилось первоначально не на представленіи о кровныхъ узахъ, соединяющихъ группу индивидовъ, а на общ-

Digitized by Google

ности пользованія территоріей. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи г. Муке не вноситъ еще ничего новаго, такъ какъ это было уже извѣстно на основаніи новѣйшаго изученія быта народностей, наиболѣе низко стоящихъ въ культурномъ отношеніи. Группѣ индивидовъ, объединенныхъ территоріей авторъ даетъ нѣсколько неправильное наименованіе о р д а, которая такимъ образомъ представляетъ собой группу р а в н ы х ъ лицъ, преслѣдующихъ подъ руководствомъ одного или нѣсколькихъ вожаковъ одинаковыя цѣли.

Члены этихъ группъ имѣютъ лишь крайне ограниченныя представленія; единственное доступное ихъ пониманію—это представленіе о пространствѣ, такъ какъ ничего отвлеченнаго имъ еще недоступно: ничего не могло быть доступнымъ душѣ человѣческой, чего не существовало-бы во внѣшнемъ мірѣ. Даже представленія о возрастѣ лицъ и вытекающія изъ нихъ наименованія членовъ группы по возрасту являются болѣе поздними. Первоначально эти наименованія имѣли значеніе указанія мѣста, гдѣ находится данное лицо по отношенію къ говорящему: если представить себѣ жилище, служащее убѣжищемъ для подобной группы, то вслѣдствіе стремленія лицъ одинаковыхъ по возрасту и полу группироваться вмѣстѣ, напр. стариковъ къ старикамъ, дѣтей съ дѣтьми и пр., то все населеніе подобнаго жилища распадется на слѣдующія группы: одна половина будетъ занята женщинами, другая мужчинами. Предполагая, что центральное мѣсто занимаетъ лицо говорящее, находящееся въ группѣ лицъ, которыя по отношенію къ нему будутъ считаться братьями, (или сестрами, если говорящее лицо женщина) не въ значеніи кровныхъ родственниковъ, а лишь въ смыслѣ ближайшихъ сосѣдей, сочленовъ,—то по одну сторону отъ говорящаго расположится группа, въ которой находится его отецъ, мать, далѣе группа отцовъ членовъ этой послѣдней (дѣды, бабки), по другую сторону расположится группа, гдѣ находятся его дѣти, и наконецъ та, гдѣ находятся его внуки. Такова идеальная картина размѣщенія членовъ орды: отсюда проистекаютъ наименованія членовъ отдѣльныхъ подгруппъ, сообразно съ тѣмъ, гдѣ они находятся по отношенію къ говорящему. Такимъ образомъ г. Муке приходитъ къ выводу Моргана и Кунова, что первоначальнымъ дѣленіемъ группы слѣдуетъ считать то дѣленіе, когда различается лишь группировка восходящихъ и нисходящихъ, а не отдѣльныя лица, т. е. систему „гавайскую“; но онъ отличается отъ обоихъ авторовъ тѣмъ, что въ то время, какъ Морганъ ошибочно выводитъ это дѣленіе группы изъ возникающихъ представленій о кровномъ родствѣ, а Куновъ совершенно основательно изъ

Digitized by Google

понятія о возрастѣ лицъ.—г. Муке безъ всякихъ фактическихъ доказательствъ, только на основаніи предположенія, что первобытному человѣку понятны лишь представленія о пространствѣ, объясняетъ ихъ обычнымъ расположеніемъ членовъ территоріальной группы подъ одной кровлей; принимая, что первобытный домъ имѣлъ видъ ладьи по своему контуру, авторъ даже снабжаетъ свои доказательства схематическимъ рисункомъ, очевидно, упуская при этомъ изъ виду, что на той стадіи развитія, которую онъ обрисовываетъ, едвали можетъ быть рѣчь о прочныхъ жилищахъ, не говоря уже о сравнительно большихъ, въ которыхъ находятъ себѣ мѣсто нѣсколько десятковъ человѣкъ—количество индивидовъ, составляющихъ территоріальную группу. Впрочемъ этому послѣднему вопросу посвящена отдѣльная глава.

Возражая противъ существованія когда-либо стадіи безпорядочнаго сожительства, г. Муке старается доказать, что первобытный человѣкъ д о л ж е н ъ былъ уже имѣть представленія о бракѣ, что брачныя отношенія д о л ж н ы были имѣть большую продолжительность. Мы не будемъ останавливаться на этой части труда автора, такъ какъ выводы его находятся въ прямомъ противорѣчіи съ фактами, наблюдаемыми среди некультурныхъ народностей, у которыхъ, по крайней мѣрѣ среди низшихъ въ культурномъ отношеніи, союзы, какъ это было уже указано давно разными изслѣдователями, имѣютъ извѣстную продолжительность, но, во всякомъ случаѣ, часто и легко нарушаются, и не имѣютъ характера постояннаго, вслѣдствіе чего этой стадіи развитія и придано характерное названіе „безпорядочнаго сожительства“. Замѣчаніе автора, что въ настоящее время мы уже не имѣемъ передъ собой вполнѣ первобытныхъ людей, и что даже наиболѣе первобытныя народности, вслѣдствіе сближенія съ европейцами, потерпѣли нарушеніе въ естественномъ ходѣ своего развитія, недостаточно, чтобы устранить возраженія, которыя можно сдѣлать на основаніи фактическихъ данныхъ противъ взглядовъ г. Муке, и это тѣмъ болѣе, что онъ въ стремленіи обрисовать первобытное состояніе человѣка не находитъ нужнымъ считаться со взглядами дикарей на явленія ихъ собственнаго быта: тотъ былъ-бы плохимъ психологомъ, замѣчаетъ г. Муке, кто для объясненія соотношенія явленій пожелалъ бы найти указанія у первобытнаго человѣка; этотъ послѣдній скорѣе запутаетъ, чѣмъ освѣтитъ его мысль; среди первобытныхъ людей должно лишь собирать матеріалъ, а группировать его слѣдуетъ безъ ихъ помощи. Но авторъ, вслѣдствіе недостаточнаго вниманія къ фактамъ дѣйствительности, невольно впадаетъ въ противоположную крайность и, пред-

Digitized by Google

полагая, что онъ открываетъ передъ читателемъ картину психическаго міра дикаря, то лишаетъ послѣдняго самыхъ элементарныхъ понятій, то, наоборотъ, приписываетъ ему противъ собственнаго желанія взгляды, свойственные лишь значительно болѣе высокому культурному уровню.

Впрочемъ, въ періодъ господства указанной стадіи развитія, гдѣ всѣ члены равны между собой, гдѣ женщина не оказывается еще порабощенной мужчиною,—семьи, по мнѣнію автора, еще не существуетъ, такъ какъ дѣти являются принадлежностью группы. Семья возникаетъ впослѣдствіи, и причинами, вызвавшими ее къ жизни, слѣдуетъ считать экономическія соображенія первобытнаго человѣка. Вслѣдствіе раздѣленія труда, существующаго въ первобытной группѣ, гдѣ дѣятельность мужчинъ направлена во внѣ, а дѣятельность женщинъ касается внутренняго распорядка,—при чемъ обѣ группы направляли свои силы на изысканіе средствъ къ поддержанію своего существованія,—случалось, что мужчинамъ не доставало женскихъ рукъ, а женщинамъ—мужскихъ. Послѣдствіемъ этого является похищеніе себѣ рабочихъ силъ изъ сосѣднихъ группъ. Похищеніе отнюдь не имѣло цѣлью удовлетвореніе половыхъ стремленій, такъ какъ этому стремленію, по мнѣнію автора, должно было бы предшествовать уже знакомство похитителя съ объектомъ похищенія; цѣль похищенія была исключительно хозяйственная—подчинить для служенія себѣ другое лицо. Этимъ путемъ возникаетъ отношеніе между двумя неравноправными лицами, изъ которыхъ одно является господиномъ, другое—слугою (famel); это отношеніе авторъ называетъ первоначальной семьей (familie); необходимость раздѣленія труда приводитъ къ тому, что это отношеніе д о л ж н о возникнуть между лицами разнаго пола. Такъ какъ рабочая сила могла оказаться нужной какъ группѣ мужчинъ, такъ и группѣ женщинъ, которыя, какъ было уже указано, являлись, по мнѣнію г. Муке, въ первобытномъ періодѣ равноправными, свободными товарищами мужчинъ въ общемъ хозяйствѣ, равно и обязательно женами ихъ,—то уже съ самыхъ первыхъ ступеней развитія мы находимъ, по словамъ автора, двоякую форму семейныхъ отношеній: съ главенствомъ мужчины, когда похитителемъ былъ мужчина, и съ главенствомъ женщины, когда мужчина являлся объектомъ похищенія. Первая форма возникала благодаря простому похищенію женщины, которая однако не являлась вначалѣ да и не могла являться одновременно и слугой и женой: объектъ похищенія—чужая, назначаемая лишь для (хозяйственныхъ) услугъ, женщина, пишетъ г. Муке, не могла вызвать въ повелителѣ своемъ желанія имѣть ее супругой;

Digitized by Google

для этого мысль дикаря еще не созрѣла, такъ какъ съ этимъ желаніемъ соединено ощущеніе равенства, которое не можетъ возникнуть между двумя первоначально неравными другъ другу индивидами путемъ абстрактнымъ, когда выше стоящій подавляетъ свое чувство превосходства: я не считаю первобытнаго человѣка способнымъ къ этому размышленію. Женщина въ этомъ случаѣ можетъ служить женой другимъ, но не владѣльцу ея. Это разсужденіе иллюстрируетъ способъ доказательства авторомъ своихъ положеній, такъ какъ послѣ этихъ словъ онъ приводитъ примѣры равнодушія мужей къ невѣрности ихъ женъ, гостепріимному гетеризму и пр., освѣщая, но не доказывая этимъ высказанное положеніе.

Попытка къ похищенію женщины могла, конечно, окончиться неудачей; мужчина-похититель могъ быть настигнутъ и приведенъ въ качествѣ плѣнника въ чужую группу. Въ такомъ случаѣ онъ дѣлается рабомъ женщины, которую онъ былъ намѣренъ похитить (почему не цѣлой группы?), и такимъ образомъ возникаетъ зародышъ другого рода семьи, гдѣ главенство находилось въ рукахъ женщины: будучи плѣнникомъ, рабомъ, чужимъ въ захватившей его группѣ, онъ могъ только тайкомъ посѣщать женщину, не считаясь ея супругомъ, и не могъ называться отцомъ своихъ дѣтей, такъ какъ его госпожа была обязательно супругой своего „брата“ по группѣ, который и считался отцомъ. Этимъ г. Муке старается объяснить выдающееся значеніе, которое имѣетъ дядя по матери въ матріархальной семьѣ.

Такимъ образомъ, одновременно возникаютъ двѣ формы семьи: андрократическая и гинекократическая. Въ послѣдней главой семьи является женщина, но власть ея распространяется не на всѣхъ мужчинъ вообще, а лишь на чужого, плѣннаго мужчину; она становится въ извѣстныя отношенія къ двумъ мужчинамъ: къ своему, такъ сказать, законному мужу-брату и къ незаконному, находящемуся въ ея власти плѣннику. Въ этомъ фактѣ заключается, по мнѣнію автора, основа происхожденія поліандріи. По аналогіи съ этимъ образуется и полигамическая семья: въ послѣдней мужчина, имѣя законную жену—сестру, владѣлъ нѣсколькими женщинами—служанками, добытыми похищеніемъ, брачныя узы съ которыми вначалѣ были недозволены, а впослѣдствіи, хотя и были терпимы, но не считались законными.

Изъ этихъ двухъ видовъ семьи возникаютъ и различные способы счета родства. Въ андрократической семьѣ похищенная женщина продолжала считаться чужой и, какъ таковая, не имѣла мѣста среди членовъ группы и должна была помѣщаться отдѣльно отъ нихъ. Дѣти ея считались такими-

Digitized by Google

же чужими и, какъ таковыя, не могли войти въ составъ группы, слѣдовательно должны были оставаться при своей матери. Такъ какъ дѣятельность группы направлена на добываніе себѣ пищи, и группа, слѣдовательно, не заботилась о чужихъ, то забота о похищенной женщинѣ, равно и о пропитаніи ея дѣтей, естественно должна была падать на ея повелителя — мужчину, похитившаго ее; такимъ образомъ возникаетъ патріархальная семья. Иначе дѣло обстоитъ въ гинекократической семьѣ. Здѣсь женщина являлась госпожей одного или нѣсколькихъ мужчинъ, которые, будучи чужими въ группѣ, должны были помѣщаться внѣ ея, въ то время, какъ ихъ госпожа оставалась въ своемъ прежнемъ помѣщеніи въ качествѣ равноправнаго члена группы. Дѣти, рожденныя ею отъ одного или нѣсколькихъ подначальныхъ мужчинъ, считались оффиціально дѣтьми, рожденными отъ ея законнаго мужа—брата, который (т. е. дядя по матери) и признавался ихъ отцомъ. Вслѣдствіе того, что фактическіе отцы не были признаваемы, дѣти считались членами группы, и такъ какъ по мѣсту нахожденія въ общемъ помѣщеніи они стояли ближе всего къ матери, то счетъ родства долженъ былъ вестись по материнской линіи. Естественно, что на первыхъ-же ступеняхъ развитія появляются одновременно обѣ формы семьи, причемъ однако авторъ полагаетъ что отцовское право скорѣе предшествовало материнскому, такъ какъ случаи похищенія женщины мужчиной должны были предшествовать порабощенію мужчины женщиной.

Эта часть теоріи г. Муке представляетъ наибольшій интересъ своей оригинальностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ именно она и является наименѣе убѣдительной. Остается совершенно неяснымъ, почему въ андрократической семьѣ мужчина, остававшійся членомъ группы, долженъ былъ заботиться о пропитаніи похищенной имъ женщины и ея дѣтей. Дѣйствительно, г. Муке отмѣчаетъ, что дѣти являлись лишь помѣхой для мужчины утилизировать порабощенную женщину въ качествѣ рабочей силы, пока заботы ея естественно должны были направляться на кормленіе дѣтей, и что вслѣдствіе желанія устранить это препятствіе возникъ обычай дѣтоубійства, который, по мнѣнію автора, впрочемъ, совершенно голословному, примѣнялся исключительно къ такимъ незаконнымъ дѣтямъ. Но представимъ себѣ, что мужчина былъ обязанъ заботиться о продовольствіи своей незаконной семьи, все-же дѣти его, согласно представленію автора, не получали мѣста среди остальныхъ дѣтей группы, оставались чужими въ отношеніи къ ней, слѣдовательно ближе всего находились къ матери, даже ближе, чѣмъ въ гинекократической семьѣ, такъ

Digitized by Google

какъ въ послѣдней оффиціальнымъ по крайней мѣрѣ отцомъ признавался дядя по матери, тогда какъ въ андрократической семьѣ дѣти юридически считались не имѣющими отца, почему при такихъ условіяхъ, при близости къ матери, съ которой незаконныя дѣти живутъ вмѣстѣ, отдѣленныя отъ прочихъ членовъ группы, не развивается въ отношеніи къ нимъ счетъ родства по женской линіи? Далѣе г. Муке отмѣчаетъ, что есть народности, стоящія очень низко въ культурномъ отношеніи, которыя не знаютъ материнскаго права, а признаютъ лишь отцовское, и объясняетъ это тѣмъ, „что всюду, гдѣ не было возможности поработить мужчину, не существовало и материнскаго права, такъ какъ не доставало формы семьи, въ которой женщина была-бы госпожей". Повидимому, автору представляется, что одно племя совершало удачные или неудачные набѣги на другое, а послѣднее или только терпѣло отъ этихъ нападеній, или ограничивалось захватомъ и порабощеніемъ похитителя: при такихъ условіяхъ естественно, слѣдуя теоріи г. Муке, должно произойти, что первое племя вырабатывало патріархальную, второе матріархальную семью. Но въ дѣйствительности едва-ли можетъ быть достаточно основаній предполагать, чтобы взаимныя отношенія двухъ сосѣднихъ племенъ слѣдовали правиламъ, начертаннымъ г. Муке. Въ средѣ одного и того-же племени, при взаимныхъ набѣгахъ, должны были одновременно оказаться и порабощенныя женщины и порабощенные мужчины; слѣдовательно въ той-же группѣ одновременно должны были образовываться и обѣ формы семьи. Какіе результаты должны получиться для группы вслѣдствіе одновременнаго существованія обоихъ типовъ? Какая изъ двухъ должна явиться господствующей и при какихъ условіяхъ, и почему одни племена вырабатываютъ матріархатъ, а другія — патріархатъ? Отвѣтовъ на эти вопросы мы не найдемъ въ трудѣ г. Муке; онъ вообще считаетъ выраженія „отцовское и материнское право" неподходящими, такъ какъ въ настоящее время мы соединяемъ съ словами „отецъ" и „мать" значеніе о кровномъ родствѣ. Въ то время, продолжаетъ авторъ, когда такъ наз. отцовское и материнское право имѣло практическое значеніе, „отецъ" и „мать" были групповыми понятіями; вслѣдствіе этого онъ предлагаетъ замѣнить выраженія „отцовское и материнское право" — андро-и гинекократической семьей. Но очевидно авторъ упускаетъ изъ виду, что господство мужчины надъ женщиной проявляется даже въ тѣхъ случаяхъ, когда счетъ родства ведется по женской линіи, такъ что выраженіе „андрократическая семья" не можетъ считаться удачнымъ. Далѣе авторъ не можетъ отрицать, что

Digitized by Google

рядъ народностей и до настоящаго времени продолжаютъ сохранять счетъ родства по женской линіи и другіе признаки, характерные для матріархата, хотя уже давно не представляютъ изъ себя группъ, объединенныхъ исключительно одной территоріей. Г. Муке не объясняетъ намъ, какъ могли развиться и поддержаться эти институты среди племенъ, культура которыхъ далеко не можетъ быть названа первобытной, въ томъ смыслѣ, который авторъ придаетъ этому слову. Цѣлый рядъ явленій общественной жизни остаются авторомъ не выясненными, и если онъ и приводитъ примѣры изъ жизни народностей, то дѣлаетъ это исключительно для иллюстраціи своихъ совершенно теоретическихъ разсужденій; сами примѣры заимствуются не изъ быта наименѣе культурныхъ народностей, а безъ отношенія къ стадіи развитія ихъ, если только та или иная черта ихъ быта кажется автору подходящей для выясненія его положенія, добытаго не анализомъ и синтезомъ, а основаннаго лишь на утвержденіи, что мысль дикаря способна или неспособна усвоить себѣ то или иное представленіе. Намъ совершенно неясно, почему г. Муке считаетъ, что актъ рожденія не въ состояніи вызвать въ мысли дикаря представленія объ естественной связи, существующей между матерью и ребенкомъ, и одновременно полагаетъ, что дикарю болѣе понятна идея о фиктивномъ отцѣ-братѣ по группѣ въ гинекократической семьѣ, требующая несомнѣнно болѣе сложнаго процесса мышленія, чѣмъ первая мысль; подобное приписываніе дикарю способности толковать то или иное явленіе мы постоянно встрѣчаемъ у г. Муке.

Дальнѣйшее изложеніе въ трудѣ г. Муке посвящено объясненію съ принятой имъ точки зрѣнія нѣкоторыхъ обычаевъ и обрядовъ некультурныхъ народностей (кувады, левирата, нійоги и пр.) и описанію тѣхъ видоизмѣненій, которыя происходятъ въ строеніи группы, благодаря возникновенію въ ихъ средѣ семьи. Мы не будемъ слѣдовать за развитіемъ мысли автора, такъ какъ предпринятыя съ предвзятой точки зрѣнія и мало обоснованныя фактическимъ матеріаломъ объясненія его не представляютъ научнаго интереса.

Выше нами было указано, что авторъ предполагаетъ, что группа первоначально жила въ домахъ, представляющихъ по своему контуру сходство съ ладьей: жилищу первобытнаго человѣка г. Муке посвящаетъ отдѣльную главу, такъ какъ очевидно, что, если жилище первобытнаго человѣка не соотвѣтствовало-бы той формѣ, которую предполагаетъ г. Муке,—члены группы должны были-бы располагаться иначе, а слѣдовательно и понятія о родствѣ неизбѣжно получили-бы другой характеръ. Исходя изъ положенія,

Digitized by Google

ничѣмъ впрочемъ серьезно не подкрѣпляемаго, что первобытный человѣкъ долженъ былъ жить въ тепломъ климатѣ, гдѣ природа доставляла ему готовую пищу, и непремѣнно на одномъ мѣстѣ,—авторъ отвергаетъ мысль, что пещеры, незначительныя своими размѣрами, служили когда-нибудь жилищемъ первобытному человѣку: онѣ являются лишь временнымъ убѣжищемъ его, и ими начинаютъ пользоваться уже по возникновеніи семьи, когда группа теряетъ свое единство. Большія пещеры служили жилищами только на болѣе высокихъ стадіяхъ развитія. „Разъ первые люди жили въ тропическомъ климатѣ, они первоначально довольствовались природой, и, подобно тому какъ это возможно среди міра животныхъ устраивать себѣ логовища въ землѣ безъ особаго труда, такъ и люди могли соединенными усиліями устраивать себѣ подобныя ямы. Но группа представляла собой цѣлое, расчлененное на подгруппы, и каждая изъ послѣднихъ работала для себя. Если она вырывала себѣ ямы, то это должно было произойти такъ, что каждая подгруппа устраивала углубленіе для себя, такъ что вся группа не пользовалась одной общей ямой, но получалось извѣстное количество углубленій, составляющихъ одно цѣлое". Яма каждой подгруппы отдѣлялась отъ другой стѣнкою (валомъ). Таково было жилище первобытнаго человѣка, которое, устраиваемое правильно, должно было дать лодкообразный контуръ. Мы не считаемъ нужнымъ возражать г. Муке по вопросу о первобытномъ жилищѣ человѣка, такъ какъ мнѣніе его стоитъ въ такомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ фактами, находящимися въ распоряженіи науки, что несостоятельность его слишкомъ очевидна. Мы привели взглядъ г. Муке по указанному вопросу исключительно въ качествѣ примѣра, насколько методъ строгаго анализа и синтеза, который авторъ считаетъ необходимымъ для этнографическихъ изслѣдованій и въ отсутствіи котораго онъ упрекаетъ своихъ предшественниковъ, отсутствуетъ въ собственномъ трудѣ г. Муке.

„Въ этомъ трудѣ пишетъ авторъ въ своемъ „заключеніи", я имѣлъ въ виду дать новое основаніе исторіи первобытной культуры, поскольку она касается моей спеціальной сферы знанія... Результаты, добытые нами для опредѣленія понятій группа и семья, касаются только первобытной группы и первоначальной семьи. Изученіе того, что произошло изъ развитія обѣихъ формъ, требуетъ новой статистической работы, которая хотя и подготовлена, но еще не доведена до конца. Слѣдуетъ ожидать, что тогда падетъ не одинъ лучъ свѣта на первобытныя отношенія, и многое освѣтитъ ярче,

Digitized by Google

чѣмъ это сдѣлано въ этомъ трудѣ. Но самый завзятый пессимистъ, которому темная первобытная культура человѣческаго рода представлялась въ видѣ хаоса изъ промискуитета, групповаго брака и гетеризма, однимъ словомъ періодомъ отсутствія порядка — если мнѣ и не удастся его убѣдить—по крайней мѣрѣ станетъ въ тупикъ". Послѣдней цѣли авторъ вполнѣ достигъ уже изданіемъ первой части своего труда, такъ какъ совершенно непонятно, какъ могъ ученый, хотя-бы и бѣло знакомый съ данными этнографіи, взять на себя рѣшеніе сложныхъ вопросовъ о происхожденіи семьи и первобытномъ состояніи человѣка, разсматривая послѣдняго внѣ времени и мѣста, совершенно изолированно, не принимая во вниманіе вліянія различныхъ другихъ факторовъ, которые, какъ напр. религіозные, не говоря уже о другихъ, оказали столь большое вліяніе на образованіе и институтовъ семейнаго и общественнаго быта

Н. Харузинъ.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

ЗАМѢТКИ

о разныхъ методахъ изученія народныхъ малорусскихъ думъ.

До недавняго времени существовалъ одинъ только методъ изученія народныхъ малорусскихъ думъ. Я разумѣю методъ историческій. Какъ въ лучшихъ изданіяхъ думъ—Максимовича, Антоновича и Драгоманова, такъ и въ лучшихъ изслѣдованіяхъ и думахъ—Костомарова и Драгоманова, мы имѣемъ только историческій комментарій къ думамъ. Думы семейнаго содержанія, которыхъ нельзя пріурочить къ тѣмъ или инымъ историческимъ событіямъ, не привлекали вниманія ученыхъ историковъ. А между тѣмъ это единство формы при разности содержанія есть явленіе въ историко-литературномъ отношеніи очень важное. Оно должно было бы предохранить думы отъ смѣшенія ихъ съ пѣснями историческаго содержанія, чего не видимъ мы въ изслѣдованіяхъ историковъ, которые очень часто называютъ пѣсни думами. Чтобы устранить эту путаницу въ понятіи о думахъ, я рѣшился заняться изслѣдованіемъ поэтической формы думъ, точнѣе говоря, изслѣдованіемъ происхожденія этой формы въ связи съ бытовыми и культурными условіями народной жизни. Соображенія свои объ этомъ предметѣ я изложилъ въ книгѣ своей подъ заглавіемъ: „Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ“. По поводу этой книги въ XXIV книгѣ „Этнографическаго Обозрѣнія“ г. Сумцовъ напечаталъ „Замѣтки о малорусскихъ думахъ и духовныхъ виршахъ“. Эти „Замѣтки“, въ свою очередь, даютъ мнѣ поводъ сказать нѣсколько словъ о разныхъ методахъ изученія народныхъ малорусскихъ думъ [1]).

Начну съ замѣчанія г. Сумцова о томъ, будто у меня „нѣтъ научнаго изслѣдованія отдѣльныхъ думъ“ (102). Смѣю увѣрить

---

[1]) Хотя Этнографическимъ Отдѣломъ въ принципѣ рѣшено, за недостаткомъ мѣста, не печатать возраженій на помѣщаемыя въ журналѣ статьи, однако настоящимъ „Замѣткамъ“, не въ примѣръ другимъ авторамъ, по постановленію Отдѣла, дается мѣсто въ виду того, что онѣ даютъ нѣкоторыя существенныя дополненія и разъясненія по затронутому, весьма важному, вопросу. *Ред.*

Digitized by Google

моего рецензента, что въ моей книгѣ есть изслѣдованія *отдѣльныхъ* думъ, и искать ихъ нужно въ VI главѣ, гдѣ напечатаны тринадцать думъ по рукописи начала настоящаго вѣка. Общіе вопросы, касающіеся *всѣхъ* думъ, разъяснены мною въ первыхъ пяти главахъ, спеціальныя же особенности *каждой* изъ этихъ тринадцати думъ, помѣщенныхъ въ рукописи, отнесены къ послѣдней, т. е. къ VI главѣ. Обзору этихъ особенностей я предпослалъ нѣсколько замѣчаній, касающихся самой рукописи и правописанія ея, для оцѣнки котораго сдѣланы историческія справки о вліяніи грамматики Ломоносова на старинное малорусское правописаніе въ XVIII в. при митрополитахъ Гавріилѣ Кременецкомъ и Самуилѣ Миславскомъ, а также приведены выдержки изъ старинныхъ грамматикъ конца XVIII в., предназначенныхъ для устраненія малорусскаго выговора изъ правописанія. Всѣ эти замѣчанія направлены къ тому, чтобы выяснить внутреннюю цѣнность рукописи, положенной мною въ основу для сравнительнаго обзора варіантовъ къ думамъ. И вотъ объ этой довольно кропотливой работѣ я нахожу въ „Замѣткахъ“ такой отзывъ: „вступительныя къ думамъ замѣтки по краткости и общему характеру не имѣютъ научнаго значенія“ (107). Такъ ли это? Мнѣ казалось, что на восьми страницахъ съ лишнимъ я съ достаточною полнотою высказалъ все необходимое, а подробности, касающіяся орфографіи рукописи вовсе не указываютъ на общій характеръ моихъ замѣтокъ. Что касается научнаго значенія ихъ, то неужели *я* долженъ разъяснять, что въ филологической наукѣ критическая оцѣнка рукописи, въ которой заключается изучаемое произведеніе, есть дѣло очень важное, безъ котораго само это произведеніе теряетъ значеніе достовѣрнаго факта, имѣющаго право на вниманіе науки? Въ данномъ случаѣ для меня лично эта оцѣнка была безусловно необходима и обязательна, такъ какъ я имѣлъ въ виду воспользоваться старинной записью думъ для изслѣдованія текста ихъ по разнымъ варіантамъ. Въ самомъ изслѣдованіи я старался приблизительно опредѣлить первооснову каждой думы, выдвигая тотъ или другой варіантъ ея, какъ наиболѣе близкій къ первоосновѣ, которая по свойству устнаго поэтическаго творчества никогда не можетъ быть открыта въ ея неприкосновенности. Руководился я при этомъ разными соображеніями, которыя формулированы мною въ видѣ девяти положеній, приложенныхъ въ концѣ книги. Работа эта—невидная и для заурядnаго читателя скучная, но отъ людей науки я ожидалъ нѣкотораго вниманія къ ней. Мнѣ самому любопытно было знать, правильно ли я установилъ критическій методъ для изученія текста думъ, не сдѣлалъ ли я какой-нибудь по-

Digitized by Google

грѣшности въ примѣненіи этого метода. Къ сожалѣнію, въ „Замѣткахъ“ г. Сумцова я не нашелъ ничего, кромѣ общихъ фразъ: „Въ началѣ думъ (слѣдовало бы сказать: *каждой думы*) г. Житецкій, говоритъ онъ, помѣстилъ небольшія замѣтки, заключающія или краткій пересказъ содержанія, или краткое сравненіе варіантовъ, а въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ помѣстилъ указанія на печатные варіанты“ (107). Вотъ и все. Но все ли то, что должно быть?...

Затѣмъ, не совсѣмъ точно, хотя и близко къ истинѣ, г. Сумцовъ говоритъ, что основное положеніе моего сочиненія— „о вліяніи письменности на пѣснотворчество народное“ (80). Я бы сказалъ—*не одной письменности*, но и школы въ бытовыхъ ея проявленіяхъ, *не на все пѣснотворчество народное*, а на думы. Какъ бы то ни было, задавшись такою мыслью, я остановился въ первой главѣ моего сочиненія на синтаксическихъ особенностяхъ рѣчи въ думахъ, полагая не безъ основанія, что здѣсь главнымъ образомъ и нужно искать школьныхъ вліяній. Затѣмъ уже на этомъ прочномъ грунтѣ я выдвинулъ особенность поэтическаго стиля думъ, и рѣчь веду о синонимахъ, эпитетахъ, сравненіяхъ и т. п. лишь настолько, насколько все это характеризуетъ психическое настроеніе пѣвца думъ, разумѣя подъ этимъ пѣвцомъ творческую силу народа, обнаруживающуюся въ думахъ. Разумѣется, для этого я долженъ былъ приводить отрывки изъ думъ, въ которыхъ выражаются лирическія изліянія чувствъ, то элегическое, то сатирическое настроеніе пѣвца, указывающее на тотъ методъ мысли и чувства, который вырабатывается обыкновенно подъ вліяніемъ культурной привычки къ самонаблюденію, къ анализу пережитаго и передуманнаго. Къ этимъ внутреннимъ признакамъ школьныхъ вліяній на поэтическій стиль думъ въ концѣ главы я присоединилъ указанія на внѣшніе признаки—церковнославянскіе архаизмы, мѣсто глагольнаго сказуемаго въ предложеніи и т. п. Послѣ всего этого мнѣ страннымъ кажется заявленіе моего рецензента, что „сочиненіе мое ничего не потеряло бы, если бы первая глава совсѣмъ отсутствовала“ (80). Перелистывая снова „Замѣтки“ г. Сумцова, я случайно остановился на одной фразѣ, которая разрѣшила мое недоумѣніе. Вотъ она: „и въ предѣлахъ 38 страницъ авторъ (т. е. я) не стоитъ твердо на формальной сторонѣ думъ, и съ 25 страницы переходитъ въ сферу фактическаго содержанія“ (80). Тогда стало для меня ясно, что г. Сумцовъ неправильно понялъ вторую половину отрицаемой имъ первой главы, и притомъ не съ 25, а съ 10 страницы, откуда начинается характеристика поэтическаго стиля думъ съ соотвѣтствующими примѣрами, каковые онъ

Digitized by Google

принялъ за передачу фактическаго содержанія думъ. Это показалось мнѣ тѣмъ болѣе страннымъ, что ко всѣмъ главамъ своего сочиненія я приложилъ подробный конспектъ, изъ котораго видно, какъ содержаніе каждой главы, такъ и логическое соотношеніе первой главы ко всѣмъ остальнымъ. Недовольный этой главой мой рецензентъ замѣчаетъ: „Авторъ, говоритъ онъ обо мнѣ, спеціалистъ-филологъ, и отъ него мы могли ожидать *обширнаго* и цѣннаго изслѣдованія о *языкѣ* думъ". При этомъ онъ указываетъ на сочиненія Миклошича, Потебни и Зимы, какъ на пособія по этому вопросу, предполагая, что они мнѣ „вполнѣ не извѣстны" (80). Но изъ заглавія этой главы: „строй рѣчи и поэтическій стиль въ народныхъ малорусскихъ думахъ", вовсе не видно, что я обѣщалъ дать *обширное* и цѣнное изслѣдованіе о *языкѣ* думъ, и названными сочиненіями я не могъ воспользоваться просто потому, что это не соотвѣтствовало моей цѣли—указать въ строѣ рѣчи и въ поэтическомъ стилѣ малорусскихъ думъ школьныя вліянія; поэтому я сдѣлалъ только то, что казалось мнѣ необходимымъ для моей цѣли.

Но допустимъ, что я (слѣдуя указаніямъ г. Сумцова), занялся бы всестороннимъ изслѣдованіемъ языка думъ. Не знаю, что вышло бы изъ этого, но предполагаю, что вышло бы не одно, а два сочиненія. Думаю также, что *обширное* сочиненіе, посвященное языку думъ, было бы неудачно—можетъ быть, по слабости моихъ силъ, можетъ быть, по свойству программы, предлагаемой рецезентомъ. Онъ желалъ бы, чтобы въ языкѣ думъ я указалъ не одни только церковнославянскіе архаизмы, чтобы я сблизилъ этотъ языкъ съ языкомъ Слова о полку Игоревѣ и другихъ древнѣйшихъ памятниковъ, чтобы я сравнилъ поэтическую технику думъ (эпитеты, сравненія и пр.) съ эпическими пріемами творчества другихъ славянскихъ народовъ. Могу сказать на это, что „пути эти мнѣ вѣдоми", но и „яругы знаемы". Ходилъ и я когда-то этими путями, сближалъ, напр., языкъ думъ съ языкомъ Слова о полку Игоревѣ и древнѣйшихъ лѣтописей (въ лекціяхъ, читанныхъ въ Петербургскомъ университетѣ, и въ Archiv'ѣ für slavische Philologie Ягича), но никакъ не могъ провести ясныхъ генетическихъ нитей между концомъ XII и концомъ XVI вѣка. И не только я не могъ ничѣмъ заполнить этой четырехвѣковой „яругы", но и другіе люди, болѣе меня сильные въ наукѣ, ничего не могли выдумать, кромѣ предположеній и гаданій. Я вовсе не отрицаю возможности проникнуть въ заманчивую даль доказацкой старины, но для этого нужно прежде всего установить твердую почву въ самой этой старинѣ, поэтому, не

Digitized by Google

желая „странствовать по туманнымъ областямъ мечтанія“, я ограничился изслѣдованіемъ ближайшей литературной обстановки, среди которой появились думы. Утѣшаю себя мыслью, что это не безполезно и для тѣхъ ученыхъ, которые захотѣли бы пойти дальше меня въ изученіи языка думъ. Но считаю необходимымъ предупредить ихъ отъ увлеченій, приводящихъ къ сомнительнымъ выводамъ и заключеніямъ. Такъ, въ „Замѣткахъ“ своихъ, занявшись подборомъ эпитетовъ, встрѣчающихся въ думахъ, г. Сумцовъ по поводу эпитета „жовта коса“, употребляемаго въ галицкихъ пѣсняхъ для обозначенія красавицы, предпринялъ экскурсію въ Западную Европу и, опираясь на мнѣнія авторитетныхъ ученыхъ, сдѣлалъ выводъ „о родствѣ психіи малороссовъ съ западно-европейскими народами“ (86). Оно, можетъ быть, и такъ, но при чемъ же тутъ думы, тѣмъ болѣе, что эпитетъ взятъ не изъ думъ, а изъ пѣсенъ? Впрочемъ, самъ г. Сумцовъ, по видимому, не различаетъ думъ отъ пѣсенъ. Заключаю объ этомъ изъ того, что онъ сваливаетъ въ одну кучу примѣры изъ тѣхъ и другихъ. Мало того: даже въ Галиціи онъ нашелъ думы, называя пѣсенные пересказы думъ варіантами ихъ (88), а извѣстную пѣсню о Байдѣ считаетъ тоже думой (39), не обращая никакого вниманія на то, что она не имѣетъ стихотворнаго размѣра думъ, который, какъ я объяснилъ это въ первой главѣ, составляетъ не случайную принадлежность ихъ. Обращаюсь затѣмъ къ „Замѣткамъ“ г. Сумцова по поводу виршъ, которымъ посвящены въ книгѣ моей двѣ главы—вторая и третья.

Я могъ бы безъ особеннаго труда, пользуясь разработаннымъ матеріаломъ о латинской средневѣковой поэзіи, сообщить въ своей книгѣ свѣдѣнія о тѣхъ родахъ ея, которые были созданы странствующими школьниками, такъ называемыми, вагантами и голіардами. Не составляетъ секрета въ наукѣ, что съ этими вагантами и голіардами много сходства представляютъ наши „мандрованные дьяки“ и „пиворѣзы“, которые сочиняли и распространяли въ народѣ вирши нравоучительнаго, нравоописательнаго и историческаго содержанія. Безъ сомнѣнія, многія изъ этихъ виршъ сложились подъ западно-европейскими вліяніями, которыя разными путями проникали въ Южную Русь. Любопытно было бы отмѣтить эти пути со всѣми передаточными пунктами, съ документальными слѣдами существованія этихъ пунктовъ, но это не входило въ планъ моего сочиненія, тѣмъ болѣе, что не все въ виршахъ можно объяснить теоріей заимствованія, помимо бытовыхъ условій жизни, которыя служили поводомъ къ самымъ заимствованіямъ. Не потому люди такъ

Digitized by Google

или иначе думали и чувствовали, что увлекались литературными заимствованіями, но потому заимствовали тѣ или иныя литературныя формы, что онѣ хорошо выражали ихъ мысли и чувства. Вотъ почему, мнѣ кажется, нужно искать прежде всего зарожденія ихъ мыслей и чувствъ въ реальномъ содержаніи ихъ жизни, и потомъ уже слѣдить за словесной формой ихъ выраженія въ произведеніяхъ поэзіи, за историко-литературными вліяніями на эти произведенія мѣстными и иноземными. Отступленіе отъ этой послѣдовательности неминуемо влечетъ за собою сбивчивыя представленія объ отношеніи поэзіи къ жизни, о самой сущности поэзіи. Для выясненія мысли моей беру примѣръ у г. Сумцова, который, повидимому, не даетъ особенной цѣны бытовымъ условіямъ жизни, отъ которыхъ идетъ первый толчекъ къ созданію поэтическихъ произведеній. Онъ думаетъ, что пѣсни о волокитствѣ дьяка за женщиной могли быть заимствованы съ Запада. И я допускаю это. Онъ утверждаетъ, что типъ влюбчиваго дьяка изъ народной словесности перешелъ въ сочиненія Квитки и Котляревскаго и донынѣ воспроизводится малорусскими драматургами. И я не противъ этого. Но изъ всего предыдущаго онъ дѣлаетъ выводъ: „сужденіе, говоритъ онъ, о нравахъ современныхъ дьячковъ по виршамъ XVIII в. или по персонажамъ въ комедіяхъ Кропивницкаго было бы неосновательно“ (98). Этого я не понимаю. Неужели составители виршъ XVIII в. не имѣли предъ собою живыхъ современныхъ имъ дьячковъ? И развѣ Кропивницкій повторяетъ одно и то-же, изображая только ветхозавѣтныхъ дьячковъ? Зачѣмъ, наконецъ, исключать отсюда сочиненія Квитки и Котляревскаго, а также народныя пѣсни о влюбчивыхъ дьячкахъ? Логически необходимо допустить, что и въ западно-европейскихъ пѣсняхъ того же рода, въ фабліо, новеллахъ и т. п.—то же невѣрное изображеніе жизни, та-же неправда? Значитъ—поэзія есть звукъ пустой, есть сказка, не имѣющая серьезнаго отношенія къ жизни. Я не думаю, чтобы съ этимъ выводомъ согласился самъ г. Сумцовъ и всѣ охотники литературныхъ сближеній, которыя имѣютъ важное значеніе только тогда, когда вводятся съ надлежащею научною осмотрительностью. Странствуютъ по лицу земному готовыя поэтическія темы, готовые типы, какъ „тучки небесныя, вѣчно холодныя, вѣчно безплодныя“. Можетъ быть, онѣ такъ и остались бы безплодными, если бы къ нимъ равнодушенъ былъ поэтъ. Но онъ сближаетъ съ ними внутрѣнній міръ свой, онъ наполняетъ ихъ жизнью души своей. Не безплодны онѣ и тогда, когда падаютъ на народную ниву, хотя, конечно, многое

Digitized by Google

зависитъ отъ свойства самой почвы. Въ одномъ мѣстѣ онѣ рождаютъ дивныя произведенія Шекспира, въ другомъ—убогія вирши пиворѣзовъ, которыя въ свою очередь вызываютъ изъ души народной болѣе глубокіе тоны, явственно звучащіе въ думахъ. Являются такимъ образомъ новыя поэтическія формы для выраженія бродячихъ темъ. И вотъ задача историка литературы заключается, по моему мнѣнію, въ томъ, чтобы слѣдить за переливами жизни въ поэтическомъ творчествѣ, и если онъ ограничится общими литературными темами, не обращая вниманія на то, какъ и почему видоизмѣнялись онѣ подъ вліяніемъ жизни, то осудитъ самъ себя на безплодную погоню за вѣтромъ въ полѣ, и ничего не пойметь онъ въ народной поэзіи, въ индивидуальныхъ особенностяхъ народнаго пѣснотворчества. Особенно опасно это самоограниченіе при изученіи думъ, самой оригинальной формы народнаго малорусскаго творчества, которая, сколько мнѣ извѣстно, ни откуда не заимствована. Выходя изъ того положенія, что онѣ созданы по поводу реальныхъ явленій жизни, я различаю между этими явленіями общечеловѣческія отъ мѣстныхъ, историческихъ, и между этими послѣдними—культурно-бытовыя отъ политическихъ. Конечно, со всѣми этими явленіями въ большей или меньшей степени совпадаютъ заносныя темы, и я слѣжу за тѣмъ, какъ кристаллизируются онѣ на почвѣ мѣстной народной жизни, а чтобы не уклоняться отъ своей задачи, не вхожу въ самый генезисъ этихъ темъ. „Я не переходилъ, сказано въ моей книгѣ, за черту тѣхъ данныхъ, которыя даетъ намъ ближайшая, собственно козацкая старина, предоставляя другимъ, болѣе компетентнымъ силамъ, искать въ думахъ отзвуковъ старины отдаленной“.

Теперь посмотримъ, какъ отнесся къ методу моего изслѣдованія г. Сумцовъ. Извѣстно, что оскорбленіе отца и матери считается въ народной малорусской поэзіи величайшимъ преступленіемъ. Особенно высоко поставлена въ ней мать, какъ символъ всего святого на землѣ. Безъ сомнѣнія, любовь къ матери есть мотивъ, развитый въ поэзіи всѣхъ христіанскихъ народовъ, и если бы онъ встрѣчался намъ въ однихъ только малорусскихъ виршахъ, то можно было бы подумать, что это явленіе подражательное. Но онъ съ особенной настойчивостью повторяется и въ пѣсняхъ и въ думахъ. Замѣчательно при этомъ, что въ думахъ постоянно изображается страдающая мать. И это не только въ думахъ семейнаго содержанія, но и въ нѣкоторыхъ думахъ, изображающихъ боевую жизнь козаковъ. Какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ, рѣчь идетъ обыкновенно

Digitized by Google

о *матери-вдовѣ*, которая сокрушается о своихъ дѣтяхъ, но не о *дочеряхъ*, а о *сыновьяхъ*. Очевидно, это слѣдъ той эпохи, когда „въ день годины, какъ говоритъ дума, зчыналыся велыки войны на Вкраини", когда женщины въ этихъ войнахъ часто теряли мужей и сыновей. Дума стоитъ на сторонѣ беззащитной матери-вдовы и расточаетъ горькія укоризны непослушнымъ сыновьямъ. То-же дѣлаетъ и вирша, и духовный стихъ, называющій мать *правдою вирною*, а правду—*матерью рідною*. Слова эти, взятыя изъ духовнаго стиха о правдѣ и кривдѣ, безъ сомнѣнія, отражаютъ дѣйствительность, если мы будемъ разумѣть подъ дѣйствительностью благоговѣйное уваженіе къ матери, развившееся подъ вліяніемъ историческаго момента и воспроизведенное въ поэтической формѣ. Г. Сумцовъ находитъ, что въ вопросѣ о матери, о ея поэтическомъ образѣ, я сошелъ „съ историко-литературной почвы на историко-бытовую безъ достаточнаго фактическаго основанія". „Пѣсни о правдѣ и кривдѣ, говоритъ онъ, имѣютъ длинную исторію; онѣ восходятъ къ древнѣйшей апокрифической литературѣ, о чемъ подробности см. въ диссертаціи г. Мочульскаго о Голубиной книгѣ. О какомъ-либо отношеніи дѣтей къ отцамъ на малорусской почвѣ нельзя судить по стихотвореніямъ о правдѣ и кривдѣ" (101). Я нахожу, что неудобно вырвать то или другое положеніе изъ цѣлаго ряда фактическихъ данныхъ, съ которыми оно связано, и заявить о недостаточности фактическихъ данныхъ, а затѣмъ сдѣлать ссылки на ученый историко-литературный аппаратъ, въ которомъ сгруппированы данныя, предшествующія по времени изучаемому матеріалу... Что же? Изъ апокрифической литературы и духовнаго стиха о Голубиной книгѣ яснѣе сдѣлаются „отношенія дѣтей къ отцамъ на малорусской почвѣ?" И можно ли понять безъ этой почвы то, что выросло на ней, хотя бы и подъ чужими вліяніями? И неужели историко-литературный методъ въ томъ только заключается, чтобы вдвинуть изучаемое произведеніе въ готовыя рамки, о которыхъ самъ же г. Сумцовъ говоритъ, что онѣ „совершенно безплодны въ научномъ отношеніи" (102). Далѣе, если рецензентъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что я, „недовольствуясь ролью историка литературы, вторгаюсь въ исторію быта" (104), а двумя страницами выше ставитъ мнѣ на видъ, что я допускаю „обобщенія по внѣшнимъ, случайнымъ признакамъ" (102), при чемъ разумѣетъ онъ подъ обобщеніями то, что я „для объединенія пѣсенъ беру слишкомъ общія рамки" (102), — то въ отвѣтъ на эти замѣчанія я долженъ сказать, что г. Сумцовъ дѣйствительно нашелъ въ построеніи моихъ мыслей то, что

Digitized by Google

есть и должно быть во всякомъ научномъ изслѣдованіи—частныя положенія и общіе выводы, но только онъ не обратилъ вниманія на то, гдѣ стоятъ первыя и гдѣ послѣдніе. Обыкновенно я иду индуктивнымъ путемъ отъ частнаго къ общему, или же отъ частей къ цѣлому, и думаю, что въ историко-литературномъ сочиненіи чисто дедуктивный путь пока еще невозможенъ или, по меньшей мѣрѣ, ненадеженъ.

Для окончательнаго выясненія недоразумѣній по поводу методовъ я остановлюсь на IV и V главахъ моего сочиненія.

Въ IV главѣ я развиваю мысль, что многія думы болѣе ранняго сложенія представляютъ дальнѣйшее развитіе пѣсенныхъ мотивовъ. Я начинаю съ указанія на бытовыя условія, которыя поддерживали въ народѣ интересъ къ содержанію пѣсенъ о плѣнницахъ, попавшихъ въ турецкую неволю, о тяжелыхъ послѣдствіяхъ разореній и погромовъ татарскихъ. Затѣмъ перехожу къ самымъ пѣснямъ о плѣнницахъ и подробно останавливаюсь на томъ типѣ плѣнницъ, которыя добровольно, отказываются отъ своего рода-племени. Сперва идутъ пѣсни, только намекающія на причину этого отказа, потомъ тѣ пѣсни, въ которыхъ причина эта выступаетъ яснѣе и отчетливѣе. Только послѣ этихъ бытовыхъ и пѣсенныхъ частностей я считаю возможнымъ говорить объ извѣстной думѣ про Марусю—попивну Богуславку. Есть нѣкоторые варіанты пѣсенъ, въ которыхъ плѣнница тоже называется поповною изъ Богуслава, но меня не удовлетворяютъ эти внѣшнія черты сходства ея съ Марусею, воспѣтою въ думахъ. Я считаю гораздо болѣе важнымъ то обстоятельство, что въ думѣ и глубже, и шире развивается тотъ самый драматическій мотивъ, который отмѣченъ въ пѣсняхъ, а главное—дума переноситъ этотъ мотивъ съ семейной почвы на общественную. Отсюда я дѣлаю заключеніе, что дума о Марусѣ Богуславкѣ представляетъ ничто иное, какъ поэтическую композицію болѣе сложную, чѣмъ пѣсни, которыя дали матеріалъ для этой композиціи; а такъ какъ матеріалъ долженъ существовать раньше композиціи, то мнѣ кажется весьма возможнымъ, что творцы нѣкоторыхъ думъ пользовались готовымъ уже пѣсеннымъ матеріаломъ для своихъ произведеній. Такъ же точно я беру цѣлый рядъ пѣсенныхъ мотивовъ, связанныхъ со смертью козака въ степи, вдали отъ родныхъ и родины, и постепенно восхожу отъ частей къ цѣлому—сперва къ тѣмъ думамъ, которыя не выходятъ изъ сферы семейныхъ отношеній, потомъ къ думамъ о Ѳедорѣ Безродномъ и Ивасѣ Коновченкѣ, изображающимъ болѣе сложныя отношенія козацкой жизни, гдѣ отдѣльные пѣсенные мотивы переработаны въ одно стройное цѣлое. Таковы

Digitized by Google

обобщенія, сдѣланныя мною на основаніи *документальнаго* анализа пѣсенъ и сопоставленія ихъ съ думами соотвѣтствующаго содержанія.

Г. Сумцовъ находитъ прежде всего „страннымъ" заглавіе IV главы: „отраженіе пѣсенныхъ мотивовъ въ народныхъ малорусскихъ думахъ", хотя въ немъ нѣтъ ничего страннаго. Далѣе онъ говоритъ, что „однѣ лишь колядки разобраны покойнымъ Потебнею по мотивамъ", и что „врядъ ли можно судить о пѣсенныхъ мотивахъ, какъ о чемъ-либо достаточно извѣстномъ и опредѣленномъ" (105). Но вѣдь, мотивы-то, на которые указываю я въ пѣсняхъ, тѣ самые, на которые Потебня указалъ въ колядкахъ: это—*полонянка* (см. Потебня, стр. 288), *смерть молодца*, *горе матери* (ibid стр. 724 и слѣд.). Тѣмъ болѣе странно замѣчаніе: „мы не находимъ въ этой (IV) главѣ никакихъ мотивовъ, если понимать мотивъ такъ, какъ понималъ его Потебня" (105). Неужели *никакихъ*, если это тѣ самые мотивы, что и у Потебни, т. е. простѣйшіе элементы пѣсни, изъ которыхъ слагается болѣе или менѣе цѣльный поэтическій образъ? Далѣе рецензентъ говоритъ, что я „ограничиваюсь пересказомъ нѣсколькихъ думъ", и при этомъ замѣчаетъ, что для доказательства соподчиненнаго отношенія пѣсенъ и думъ (вѣроятно, пѣсенъ къ думамъ) я долженъ былъ привести выдержки изъ тѣхъ и другихъ, но „такихъ выдержекъ, продолжаетъ онъ, въ книгѣ Житецкаго *нѣтъ и быть не можетъ*, что признаетъ самъ авторъ, замѣчающій, что для этихъ думъ (о Самойлѣ Кошкѣ, объ Ив. Богуславцѣ) почти невозможно подобрать параллелей въ пѣсняхъ" (105). Во-первыхъ, могъ ли я говорить о пѣсенныхъ мотивахъ, не приводя выдержекъ изъ пѣсенъ (см. стр. 139—144)? Во-вторыхъ, я говорю, что есть думы, къ которымъ нельзя подобрать пѣсенныхъ мотивовъ, и называю эти думы. Это мнѣніе мое г. Сумцовъ переноситъ къ думамъ, въ которыхъ я указалъ пѣсенные мотивы, и затѣмъ приписываетъ мнѣ мнѣніе, что къ думамъ нельзя указать пѣсенныхъ мотивовъ. Въ-третьихъ, выдержекъ изъ думъ, подлежащихъ сравненію съ пѣснями, по его словамъ, нѣтъ и быть не можетъ въ моей книгѣ; на самомъ же дѣлѣ ихъ очень много (см. стр. 145—150),—да и самъ г. Сумцовъ нѣсколькими строками выше заявилъ, что я ограничился пересказомъ нѣсколькихъ думъ, я же прибавлю отъ себя: пересказомъ, который сопровождается выдержками изъ думъ. Наконецъ, г. Сумцовъ удивляется, какъ можно говорить объ отраженіи пѣсенныхъ мотивовъ въ думахъ, когда пѣсенный репертуаръ малороссовъ стараго времени совсѣмъ неизвѣстенъ (105). Послѣ этого заявленія остается допустить одно изъ двухъ,

Digitized by Google

что или пѣсни о плѣнницахъ, о рубаныхъ козакахъ, погибшихъ въ борьбѣ съ турками и татарами, образовались изъ думъ, или же что онѣ созданы въ наше время, послѣ того, какъ самая борьба эта сдѣлалась преданіемъ старины глубокой. Приходится припомнить то, что сказалъ Потебня въ своей книгѣ: „Объясненія малорусскихъ и сродныхъ нар. пѣсенъ“: „Думаю, говоритъ Потебня, что такого рода пѣсни (о рубаныхъ козакахъ) *предполагаются* думами „о смерти трехъ братьевъ“ и „о смерти Ѳедора Безроднаго“, которому родъ замѣняетъ джура и сѣчевое товарищество“ (II, стр. 734). Въ виду всего сказаннаго не считаю возможнымъ думать, что обобщенія, сдѣланныя мною, неправильны.

Не отказывается, впрочемъ, отъ обобщеній и самъ г. Сумцовъ, хотя эти обобщенія не всегда удачны, какъ это мы отчасти видѣли, отчасти увидимъ изъ мнѣнія его о томъ, кто были творцы думъ, высказаннаго имъ по поводу V главы моего сочиненія.

Считаю необходимымъ напомнить читателю, что послѣ обозрѣнія виршевыхъ и пѣсенныхъ мотивовъ, развивающихся въ думахъ, въ V главѣ я ставлю вопросъ: кто были творцы и пѣвцы думъ? Путемъ сближенія псальмъ съ думами со стороны стихотворнаго построенія тѣхъ и другихъ я прихожу къ выводу, что стихотворная форма думъ возникла на почвѣ псальмъ виршевого происхожденія. Для меня неубѣдительнымъ кажется замѣчаніе г. Сумцова, что думы, *сколько извѣстно*, существовали уже въ концѣ XVI вѣка, а наиболѣе старинные образцы виршъ привожу я, по его мнѣнію, изъ памятниковъ половины XVII в. (92). Во первыхъ, я знаю, что это далеко неизвѣстно, тѣмъ болѣе, что въ другомъ мѣстѣ самъ г. Сумцовъ не такъ рѣшительно выражается объ этомъ предметѣ (см. стр. 98). Во вторыхъ, изъ какой половины XVII вѣка—первой или второй? Первая вирша, отрывокъ изъ которой приведенъ у меня, относится къ 1616 году, о чемъ и слѣдовало бы сказать рецензенту, и что прошло мимо его вниманія. Тогда стало бы ясно, что хронологическая разница между появленіемъ думъ и виршъ, если даже допустить появленіе первой вирши въ 1616 году, не такъ велика, какъ это ему желательно. Да притомъ, говоря о школьныхъ вліяніяхъ на думы, нужно имѣть въ виду, что до насъ дошли думы въ позднѣйшихъ устныхъ редакціяхъ, когда виршевая литература широко раскинулась по народнымъ школамъ. Но дѣло не въ этомъ. Въ вопросѣ о творцахъ и пѣвцахъ думъ для меня важно то обстоятельство, что они дѣйствительно могли появиться во второй половинѣ XVI вѣка. Главное доказательство заключается не

Digitized by Google

въ томъ, что въ думѣ объ Алексѣѣ Поповичѣ упоминаются лица, жившія во второй половинѣ XVI вѣка, а въ томъ, что въ это время существовала уже обстановка, имѣвшая безспорное вліяніе на творчество думъ. Характерныя особенности этой обстановки сохранили намъ письменные документы. Въ книгѣ моей отмѣченъ одинъ изъ этихъ документовъ, изъ котораго явствуетъ, что во второй половинѣ XVI вѣка существовалъ обычай устраивать при церквахъ не только школы, но и шпитали, а къ самымъ первымъ годамъ XVII вѣка относятся документальныя указанія на шпитали „для людей рыцерськихъ отъ непріятелей въ разныхъ битвахъ покалѣченныхъ“. Матеріалъ для думъ давала самая жизнь этихъ „рыцерськихъ людей“, исполненная опасностей и приключеній, а поэтическая форма думъ вырабатывалась подъ вліяніемъ школы, которая, какъ показано во многихъ мѣстахъ моей книги, совмѣщала въ себѣ самые разнообразные словесные элементы думъ—книжные и народные. Чтобы облечь былое въ думу, творцы думъ отовсюду брали краски—то изъ народныхъ пѣсенъ, то изъ виршъ разнаго содержанія, то изъ старинныхъ народныхъ величаній, подправленныхъ школьными кантами. Судя по преобладанію христіанской морали въ древнѣйшихъ думахъ, это были *старцы*, жившіе въ шпиталяхъ, очень часто люди бывалые, „отъ непріятелей въ разныхъ баталіяхъ покалѣченные“. Но я вовсе не отрицаю, что изъ среды „шпитальныхъ старцивъ“ могли выдвинуться войсковые кобзари, которые, пользуясь выработанною формою думъ, стояли болѣе независимо, какъ отъ пѣсеннаго, такъ и отъ виршеваго матеріала, чѣмъ первоначальные творцы думъ. Эту послѣднюю мысль я выразилъ и въ заключительныхъ строкахъ моего изслѣдованія. Тамъ сказано, что, судя по извѣстію отъ 1711 года, на Запорожьи слѣпыхъ музыкантовъ принимали въ полковую службу и выдавали имъ жалованье наравнѣ съ зрячими. Въ составъ этой полковой музыки могли попадать люди, одаренные искрой поэтическаго огня и въ то-же время совмѣщавшіе въ себѣ книжное настроеніе съ народнымъ: потому неудивительно, если тамъ-же, въ Запорожской Сѣчи, съ самаго основанія ея возникали мотивы многихъ думъ, изобиловавшіе реальнымъ содержаніемъ и, можетъ быть даже, воспроизведенныя въ поэтической формѣ думъ, которыя разносились потомъ по всей Украинѣ, получая дальнѣйшую обработку въ полународной, полукнижной средѣ, постоянно поддерживаемой шпиталями и народными школами.

Что же думаетъ объ этомъ предметѣ г. Сумцовъ? Онъ посвящаетъ V главѣ моего изслѣдованія всего нѣсколько

Digitized by Google

строкъ и, оставляя въ сторонѣ цѣлый рядъ посылокъ, предшествующихъ моему выводу, ограничивается заявленіемъ, что старцы, „какъ люди физически немощные, калѣки и престарѣлые, какъ люди „убогаго чина", не могли создать такія сильныя художественныя произведенія, какъ думы" (106). Не думаю я, чтобы „убогій чинъ" несовмѣстимъ былъ съ поэтическимъ дарованіемъ, которое, какъ извѣстно, не гаснетъ и въ немощахъ старческаго возраста. Взамѣнъ моего обобщенія г. Сумцовъ предлагаетъ свое: „*Возможно*, говоритъ онъ, что и „старцы" были творцами думъ, но не такіе убогіе, а *предположительно* такіе, какъ богатыри великорусской былины о сорока каликахъ съ каликою. *Можетъ быть*, дѣйствительная жизнь старой Руси давала такихъ богатырей, старцевъ-пѣснотворцевъ; это *могло быть* при существованіи въ древней Руси нищенскихъ товариществъ и братствъ. Изъ древнихъ лѣтописей и поученій видно, что паломники ходили толпами, что предполагаетъ прочную организацію" (106). Въ Кіевѣ ежегодно можно видѣть толпы богомольцевъ, которыхъ однако же никто не считаетъ богатырями-пѣснотворцами, составляющими „прочную организацію". И если старцы-пѣснотворцы возможны были въ древней Руси, потому что въ ней существовали нищенскія товарищества и братства, то, конечно, они возможны были и въ южной Руси, гдѣ, какъ подробно разсказано въ моей книгѣ, шпитали входили въ составъ такъ называемыхъ „старечихъ братствъ", гдѣ школы и шпитали были учрежденіями церковныхъ братствъ. Только эти старцы-пѣснотворцы въ южной Руси имѣли болѣе простой видъ, чѣмъ величавые богатыри-пѣснотворцы, похожіе на сорокъ каликъ съ каликою. По моему мнѣнію, нѣтъ надобности прибѣгать къ предположеніямъ, когда изучаемое нами явленіе объясняется наличными и вполнѣ достовѣрными фактами. Сумцовъ заканчиваетъ свои догадки о творцахъ думъ слѣдующими словами: „среди такихъ старцевъ могли быть богатыри-пѣснотворцы, наслѣдники древнихъ Баяновъ, пріятели западныхъ вагантовъ и голіардовъ" (106). Я не могу слѣдовать по этому скользкому пути въ открытіи подлинныхъ творцовъ народныхъ малорусскихъ думъ въ области широкихъ фольклорныхъ обобщеній. Что и говорить? Это сильный и плодотворный методъ, но только въ рукахъ осторожнаго и опытнаго изслѣдователя, обладающаго чувствомъ мѣры и провѣряющаго методъ сходства методомъ различія. Теперь же я ясно вижу одно, что для меня обобщеніе есть нѣчто искомое, а для моего рецензента—нѣчто готовое. Для такихъ обобщеній можно нанизать цѣлый рядъ параллелей и сближеній, висящихъ на воздухѣ, но такое

Digitized by Google

построеніе будетъ имѣть всѣ признаки эрудиціи, а не науки.

Заканчивая свои замѣтки, не могу не выразить благодарности г. Сумцову за то, что онъ далъ мнѣ поводъ къ пересмотру моихъ „мыслей". Въ свое время я не написалъ предисловія къ нимъ, пришлось теперь написать послѣсловіе. Свожу все сказанное къ немногимъ положеніямъ. Главное, какъ извѣстно, въ наукѣ—методъ. Безъ метода нѣтъ науки. Но возможенъ въ ней не одинъ методъ. Сама наука шире методовъ. По мѣрѣ усвоенія изучаемаго матеріала она выдвигаетъ одинъ методъ за другимъ Такъ, изученіе думъ вызвало прежде всего историческій методъ, выяснившій такія подробности въ содержаніи думъ, безъ которыхъ невозможно было бы дальнѣйшее движеніе въ наукѣ по вопросу о думахъ, о происхожденіи и особенностяхъ поэтической формы ихъ. Для дополненія историческаго метода потребовался историко-литературный методъ, который, отправляясь отъ болѣе или менѣе разработаннаго историческаго и вообще бытового матеріала, стремится поставить его въ связь съ мѣстными культурными явленіями школы и литературы для того, чтобы понять условія, среди которыхъ возможно было появленіе такой оригинальной формы поэзіи, какъ народныя малорусскія думы. Этого метода, по мѣрѣ силъ и умѣнья, держался я. Но само собою разумѣется, что я не считаю вопросъ о думахъ исчерпаннымъ даже въ предѣлахъ моего метода, поэтому я далъ своему сочиненію заглавіе: „Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ". Еще болѣе далекъ я отъ убѣжденія, что къ думамъ неприменимъ методъ сравнительно-историческій, практикуемый въ фольклорныхъ изслѣдованіяхъ, гдѣ къ сравненію привлекаются, какъ бытовыя, такъ и литературныя нормы, существующія у другихъ народовъ. Я желалъ бы только, чтобы представители этого метода изъ уваженія къ наукѣ обладали терпимостію по отношенію къ другимъ методамъ ея, которые тоже имѣютъ немаловажное значеніе.

П. Житецкій.

Digitized by Google

Нѣкоторые обычаи и вѣрованія крестьянъ Череповскаго уѣзда, Новгородской губерніи *).

Святочныя бесѣды—складчины.—Въ Николо-Раменскомъ приходѣ, Горской волости, святки начинаются рано, а именно съ Николина дня, 6 декабря, и устраиваемыя въ это время большія бесѣды имѣютъ характеръ складчинъ на артельныхъ началахъ. Въ извѣстномъ селеніи парни соглашаются между собою созвать на гуляніе своихъ дѣвушекъ и изъ другихъ селеній, въ заранѣе опредѣленный день, принимая всѣ расходы, сопряженные съ этимъ, на себя. Къ этому дню нанимается просторная изба для бесѣды, пріобрѣтается керосинъ или свѣчи и гостинцы для дѣвушекъ. Приглашенныя дѣвушки сходятся на гуляніе, захвативъ съ собою лучшіе наряды, и устраиваются по роднымъ и знакомымъ. Съ наступленіемъ дня веселія дѣвушки ходятъ по всѣмъ домамъ съ пѣснями, показывая свои наряды, а съ наступленіемъ вечера собираются въ нанятую избу, гдѣ уже дожидаются ихъ парни съ гармониками и прочіе зрители. Заводятся пѣсни и игры; названія игръ, служащихъ препровожденіемъ времени, слѣдующія: „жениханье“, „сосѣди“, „бара“ и „царевна“. Веселятся на бесѣдѣ вплоть до утра. Каждая дѣвушка обязательно перемѣнитъ свои сарафаны нѣсколько разъ, съ цѣлью показаться зрителямъ во всѣхъ своихъ нарядахъ. Такія бесѣды въ данномъ селеніи бываютъ вечера по три; затѣмъ устраиваютъ гдѣ-нибудь въ другомъ селеніи. Особеннымъ многолюдствомъ и порядкомъ отличаются бесѣды въ с. Николо-Раменье и къ похвалѣ парней обходятся безъ водки, а потому и нѣтъ обычныхъ бесѣдныхъ безобразій. Въ другихъ окрестныхъ приходахъ такихъ бесѣдъ—складчинъ не устраиваютъ **).

Приношенія желѣзомъ. Мѣстное населеніе занимается желѣзнымъ производствомъ. И вотъ, при перевозкѣ желѣза и гвоздей, въ селеніяхъ, гдѣ встрѣчаются часовни и при нихъ кружки для денегъ, крестьяне кладутъ около кружекъ куски

*) См. „Этнографическое Обозрѣніе“ XX, 121.

**) Не есть ли это остатокъ старинной „братчины-Никольщины“? *Ред.*

Digitized by Google

желѣза, гвозди, а иногда и цѣлые желѣзные прутья. Само собою разумѣется, что эти приношенія затѣмъ продаются и составляютъ доходъ часовни.

Почитаніе пятницъ.—Въ Ваучкомъ приходѣ, Горской волости, начиная съ 8-й пятницы по Пасхѣ и до самаго Ильина дня (20 іюля), населеніе по пятницамъ не прикасается ни къ какой работѣ, даже въ горячее время сѣнокоса; на нарушившихъ этотъ обычай налагается штрафъ 3 рубля, которые прилагаются къ мірскимъ суммамъ, большею частью пропиваемымъ зря. Строго придерживаясь этого обычая, въ основѣ котораго лежитъ глубокое почитаніе пророка Иліи и пятницы Ильинской, эти селенія, по словамъ Ваучанъ, яко-бы менѣе страдаютъ отъ градобитія, урожаи лучше, уборка сѣна и хлѣбовъ совершается безъ помѣхи со стороны погоды, что рѣже бываетъ въ другихъ приходахъ, не придерживающихся этого обычая. (Отъ к-ка д. Средн. Двора, Алексѣя Буренина).

Армизонскія неразмѣнныя деньги.—Далеко за морями живетъ народъ *Армизоны* (фармазоны — франкъ-массоны?). Народъ этотъ обладаетъ неразмѣнными деньгами, которыя, попадая въ другія страны, слывутъ подъ именемъ „армизонскихъ рублей". Завѣтная мечта простого человѣка достать этихъ денегъ, такъ какъ, имѣя такой рубль, можно жить припѣваючи; послѣ каждой покупки рубль воротится въ карманъ прежняго владѣльца. Онъ теряетъ способность возвращаться лишь въ такой лавкѣ, гдѣ на порогѣ прибита лошадиная подкова, которую торговцы прибиваютъ для успѣшной торговли и бо́льшаго привлеченія покупателей.

Почитаніе рощъ, деревьевъ и камней.—Окружающая природа имѣла вообще на человѣка въ языческія времена значительное вліяніе, и міръ растительный пользовался въ то время значительнымъ почитаніемъ и обожаніемъ. Съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ христіанства, древнѣйшія вѣрованія кореннымъ образомъ измѣнились, но завѣты старины, передаваемые изъ рода въ родъ, всетаки дошли до нашего времени въ видѣ смутныхъ суевѣрій или въ формѣ однихъ обрядовъ, безъ пониманія сущности ихъ, такъ какъ причины возникновенія того или другого обряда затерялись въ рядѣ поколѣній, и самъ народъ продѣлываетъ всё это теперь безсознательно, въ силу преданія и привычки, обязательно пріурочивая исполненіе этихъ обрядовъ къ христіанству. Подтвержденіемъ этому служитъ между прочимъ сохранившееся до сего времени въ разныхъ мѣстахъ Россіи явное религіозное почитаніе различныхъ предметовъ окружающей природы, напр. деревьевъ и цѣлыхъ

Digitized by Google

рощъ, камней, источниковъ и т. д. По этому вопросу мнѣ пришлось обратить вниманіе въ южной части Череповецкаго уѣзда, Новгородской губ., на обиліе рощъ, тщательно охраняемыхъ. Такія рощи состоятъ большею частью изъ сосновыхъ большихъ деревьевъ величественнаго вида и служатъ въ настоящее время даже нѣкоторымъ украшеніемъ мѣстности; при многихъ изъ нихъ выстроены часовни. Существуютъ такія рощи въ Уломской, Дмитріевской и Горской волостяхъ и въ слѣдующихъ селеніяхъ: *Елеховъ* (часовня, а въ дуплѣ одного дерева рощи находится явленный крестъ), *Спировъ*, (часовня), *Степановъ* (часовня), *Кокоревъ*, *Кондашъ* (часовня), *Бору* (часовня), *Острову*, *Завражьѣ*, *Карповъ*, *Заднія Чуди* (часовня), *Ягницъ* (часовня), *Язинъ* (часовня), *Большомъ Дворѣ* (часовня), *Глинскомъ Мышкинѣ* (часовня). Признаками почитанія этихъ рощъ служатъ: во 1-хъ, ихъ неприкосновенность, т. е. онѣ по общему согласію общества „заповѣданы“ подобно священнымъ рощамъ древнихъ народовъ; во 2-хъ, около многихъ рощъ, какъ я сказалъ, выстроены въ новѣйшее время часовни, причемъ не нужно думать, что рощи насажены послѣ устройства селенія и получили свою святость отъ часовни, такъ какъ эти рощи состоятъ изъ вѣковыхъ великановъ, въ сравненіи съ которыми настоящіе лѣса кажутся молодями; въ 3-хъ, существуетъ много разсказовъ о томъ, что кто покушался срубить хоть одно дерево изъ этихъ рощъ, то съ нимъ вскорѣ же случалось какое-нибудь несчастье: либо ослѣпнетъ, либо захвораетъ и умретъ; въ 4-хъ, молодежь, изъ уваженія къ этимъ рощамъ, никогда не собирается подъ ними веселиться и водить хороводы въ весеннее время.

Почитаніе же отдѣльныхъ деревьевъ выражается въ болѣе слабой степени. Такъ, напр.: вѣшаютъ на деревья тряпочки или полотенца съ нашитыми на нихъ черными или красными крестиками, которые были передъ тѣмъ прибиты къ наружной стѣнѣ дома въ теченіе шести недѣль, на основаніи повѣрья, что душа умершаго въ продолженіе 40 дней прилетаетъ въ свое бывшее жилище, умывается водой и утирается вывѣшеннымъ полотенцемъ. Такое дерево изъ породы можжевельника рѣдкихъ размѣровъ находится, напр., въ д. *Ягницѣ*; оно все увѣшано полотенцами. Другіе, по истеченіи указаннаго срока, вывѣшиваютъ эти тряпочки на придорожные кресты. Далѣе, дѣвушки въ день весенняго Егорія привязываютъ красные лоскуты на березы, ввѣряя имъ свою судьбу и загадывая о своей будущей долѣ, а въ Троицынъ день пускаютъ эти лоскутки на воду.

Извѣстенъ обычай протаскивать больныхъ сквозь дупли-

Digitized by Google

стыя деревья; хотя здѣсь онъ не сохранился, но зато наблюдается такой способъ лѣченія больныхъ дѣтей: именно, ихъ протаскиваютъ между ступенями сквозной лѣстницы (д. Боръ, Уломской вол.). Далѣе, цѣлебная сила придается дереву еще въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр. при боли въ поясницѣ: чтобы получить облегченіе, больной долженъ потереться обнаженной спиной о деревянныя подпорки, стоящія около заборовъ, или же о среднюю стѣнку овина (д. Клопузово, Улом. вол.). Маленькихъ дѣтей при безсонницѣ стукаютъ пятками о стѣнку въ нежилой хороминѣ (с. Мороцкое, Мороцкой вол.). Хотя въ этихъ случаяхъ играетъ роль не стоящее на корню дерево, а только сооруженія изъ него, но вѣра въ какую то силу, происходящую именно отъ дерева, ясно выражается въ выше приведенныхъ фактахъ.

Почитаніе камней и вѣра въ ихъ чудодѣйственную силу наблюдается въ одномъ извѣстномъ мнѣ случаѣ, а именно: при болѣзни „озыкъ", происходящей отъ „дурного глазу" (признаки: недомоганіе и легкое лихорадочное состояніе), собираютъ въ полѣ „камешки-брякунки" изъ мелкихъ валуновъ, которые обмываютъ въ какой-нибудь посудинѣ водой и этою водою окачиваютъ больного съ произнесеніемъ молитвъ (д. Коротнево, Петриневской волости).

Сообщилъ *М. К. Герасимовъ.*

Digitized by Google

Украинскія легенды и вѣрованія, связанныя съ именами нѣкоторыхъ святыхъ.

1) *Порокъ Илья* (20 іюля). Усякъ зъ ёго сміявся: „ще й Илья чоловикъ! винъ тума! винъ не зна якый и день!“ Винъ бувъ плохенькый, никому ничого—„смійся, Богъ зъ тобою“. Ставъ Богу молыться, ставъ писныкать, у пятныцю и середу разъ у день йивъ якъ сонце зайде. А Господь ангола сославъ. „Илья“, каже, „Пророка, хочешь до Господа Бога“?—Хочу, та якъ то мени Господь дасть?—„Якъ хочешь, такъ тоби Богъ и дасть; ты знаешь Понедилокъ?“—А якъ-же не знаю? Мы зъ нымъ у однымъ манастыри сповидалысь и прычащалысь, и веливъ преосвященный не йисты скоромного.....“ Господь ёго, якъ винъ заболивъ, узявъ на небеса; якъ узявъ на небеса, открывъ, щобъ бувъ винъ святымъ: „Ты, святый Илья, будь святымъ и Пророкою; хто тоби буде молыться, твою молытву почытаты,—насыты святою пыщею“. Илья Пророкъ завидуе отце що хлибъ родыть: чоловикъ розвіе тай пойиде, а винъ по своему наглядае; якъ чоловикъ Бога моле та его, Илью, просе, той..... Инчый каже: „хиба Илья Пророкъ Богъ!“ Наблюда отъ Господа Бога, Господь нимъ замышля (посыла): „оттакъ и такъ“, и святый Понедилокъ (вмѣстѣ съ Ильей) *).

Илья завѣдуеть громомъ. „Бабусю, для чого-жъ воно гремыть?“—Для чого гремыть?..... та для того гремыть..... цёго лита семнацять чоловикъ убывъ, кажуть. И цимъ завидуе Илья Пророка. Кажуть, що то душа свята (убита громомъ)—Богъ ёго знае, мы до того не доходымо. У насъ священыкъ бувъ, я ще дивчыною була, тай каже було: „якъ бы мене громъ убывъ, а моя попадя изъ родивъ умерла, то мы-бъ просвятылысь бы у двохъ съ попадьею“. А ёму Илья Пророка прыснывся—заснувъ (батюшка), якъ отци речи проговорывъ:—„ не буде, батюшко, того, щобъ тебе громъ убывъ,—ты не почитаешь святого Илью Пророка; умрешь

*) См. „Антропоморфическія представленія“ Этногр. Обозр. II, V, 161 стр. М. В.

Digitized by Google

ты изъ водки“ Винъ (батюшка) якъ уставъ: „матушко, що мени снылося!“—„Я-ж тоби скильки разивъ казала, щобъ ты ты не пывъ водки, а ты не слухаешь!“ Запывъ; одно йде, одно йде та пье водку,— якъ схилывся на стули, такъ и заснувъ (умеръ). У йихъ хрестьяне булы—за попадею взявъ—и дочки тры; що воны йимъ не робылы (крестьянамъ)—и боси, и голи, и голодни ходылы. Винъ якъ умеръ, попадя одну дочку отдала, хто его знае куды и завизъ; другу за объйизжачого—такъ мучывъ, такъ мучывъ покы не повисылась у лиси ..... (Эти факты, очевидно, признаются какъ наказаніе за грѣхи батюшки).

За работу въ день Ильи можетъ послѣдовать наказаніе, напримѣръ: „теля здохне“.

Пожаръ, происшедшій отъ громового удара, тушить не слѣдуетъ. „Тушыть нельзя—дуже буде горить и не затушышь. Стижокъ у сусида бувъ неукрытый, дощъ пишовъ. „Цей Илья хочъ колы наробе гнилля!“ (говоритъ сосѣдъ)—и давай прыкрывать; якъ кынувъ перво на стигъ, якъ ударывъ громъ, а стижокъ якъ свичка горыть. А воно сзаду иде чоловикъ, спереду (у него одежда) якъ рызы: „добрый чоловиче, не тушы, не тревожъ, згорыть той стигъ, що ты прытрусывъ, тай потухне“ .. Богъ мылувавъ (остальное уцѣлѣло).

Нечистая сила прячется въ грозу въ трубы. „Винъ туды ховаетьця, якъ верхъ незакрытый, лукавый ховаетьця“.

Якъ находе гроза, треба чытать: „вы анголы святи, и ты, Илья Пророка, и Богъ—Салавохъ, исполнь небо и земли, и ты, Святый Боже, Святый крипкый, помылуй насъ гришныхъ“, а то винъ (лукавый) пидходе пидъ чоловика.

Писля Ильи нельзя купатьця—буде голова болить — у воду намочывъ.

(См. Программу для собиранія этногр. свѣдѣній, изд. И. Об. Л. Е. А. и Этногр., подъ ред Н. А. Янчука, вопр. 757—789).

2) Святой *Власій* (11 февр.).—„Святый Власій навидуе рогатою скотыною. Нашъ пысьменный дидусь було зъ вечера прыказуе: дывиться, молодыци, щобъ завтра прынеслы раненько водыци зъ крыныци, налыйте у пляшку або що тамъ, поставте на покути, пидъ святымъ, та вкиньте страстовои свичкы; нехай стойить до трохъ день, покы святый Власій не нагляне; на трети суткы винъ йийи освятыть и окропыть. “Якъ выстойить (вода) трое сутокъ, увильють у колодези, скотыну по хливамъ покроплять. И це бабуся було: „молодыци, внесить жменьку прядыва“; визьме тры мычечки змыче; визьме и положе на покути; Богъ йийи святый

Digitized by Google

знае, де вона йихъ дине. Я було пытаю: „бабусю, для чого воно?“—„Корову пидкурыть, теля, що прыкынеться“ (См. Программу, 578—586 вопр.).

3) Святой *Евстафій* (28 іюля).—Неизвѣстно, чему покровительствуетъ. „Его тинь лежить (въ Бѣлгородѣ), а самъ пишовъ у Кийивъ для того, що всякый (безъ разбору) прикладувався; мылувавъ и слипого и крывого; у стари годы Святый Господь и Петро ходылы та взнавалы людей; теперъ не будутъ ходыть черезъ одну водку, та погани слова; и чоловикови слухаты не хочетьця, черезъ одну лайку Святый не пидступе“. (См. Прогр., вопр. 798).

4) *Иванъ Воинъ* (30 іюля).—Разсказчица смѣшиваетъ Ивана Воина съ Иваномъ Головосикою (Крестителемъ, 29 авг.) —На Сухого Ивана маты въ праздныкъ стала крышыть капусту; дытына плаче—дытыняче дило: „уже ты мени ввирывся!“ Махнула рукою, тай зняла голову; сцепила рукы, сплеснула рукамы тай окаменила; Господь ангола зиславъ—взялы на небо“. Въ этотъ праздникъ „нельзя крышыть капусту—звечера накрышы и звары“. (См. Программу, 799—805 и 843—849 вопр.).

5) Св. *Антоныда*.—„Росу св. Антоныда дае; хто йийи почитае, молебны служе, тому вона дае хорошу росу; якъ ранокъ холодный, або теплый—св. Антоныда тымъ завидуе“.

6) Баба було кажуть: „учынить, молодыци, пшенычнои мукы; завтра *хрестъ пекты*“. Спечуть обмотаютъ платочкомъ, тай устромлять у пшеныцю, у бочку, и стойить тамъ, покы сіять; тоди хрестъ беруть на поле, розсіють пшеныцю, поламають, йидять. Була пшеныця!... теперъ такои не бува!... (См. Прогр., 1007 вопр.).

(Записано отъ старухи Соточихи въ с. Шебекинѣ, Бѣлгородскаго у., Курской губ., въ 1892 г.).

Сообщилъ *М. К. Васильевъ*.

Digitized by Google

Михаилъ Петровичъ Драгомановъ.

(Некрологъ) *).

Родился въ сентябрѣ 1841 года въ г. Гадячѣ Полтавской губ. Дворянскій родъ Драгомановыхъ происходитъ отъ украинской козацкой старшины, и обиходнымъ, разговорнымъ языкомъ въ семействѣ отца Михаила Петровича былъ малорусскій, но по своимъ идеямъ Драгомановы были общерусами; отецъ, воспитавшійся въ Петербургѣ, принималъ участіе въ русской литературѣ. Михаилъ Петровичъ выросъ подъ глубокимъ, неотразимымъ вліяніемъ своего отца и, можно сказать, съ пеленокъ усвоилъ себѣ свою любимую мысль о важномъ значеніи общерусской литературы и культуры для малорусскаго общества; а дальнѣйшія обстоятельства слагались такъ, что все болѣе и болѣе отнимали его отъ малорусской почвы и переносили на общерусскую. Въ 1849–1853 гг. Драгомановъ учился въ Гадячскомъ уѣздномъ училищѣ, оставаясь подъ продолжающимся вліяніемъ отца. Тогда же мальчикъ обнаружилъ большую наклонность къ историческому чтенію. Въ 1853—1859 гг. онъ учился въ Полтавской гимназіи. Въ 1859 году Драгомановъ поступилъ на историко-филологическій факультетъ Кіевскаго у—та, во время попечительства Пирогова. По окончаніи университета, въ 1864 г. онъ защитилъ диссертацію pro venia legendi: «Императоръ Тиберій» (напеч. въ «Унив. Изв». 1864 г.) и въ 1865 г. сталъ штатнымъ приватъ-доцентомъ, но затруднительныя матеріальныя обстоятельства (воспитаніе семьи и сестры, теперь извѣстной малорусской писательницы «Олены Пчілки») были причиной того, что только въ 1869 г. онъ написалъ и защитилъ свою магистерскую диссертацію: «Вопросъ объ историческомъ значеніи Римской имперіи и Тацитъ» (Кіевъ 1870 г.). Между тѣмъ различныя педагогическія соображенія успѣли привести его къ мысли о необходимости малорусскаго языка въ начальныхъ школахъ, а занятія малорусской этнографіей имѣли слѣдствіемъ увлеченіе Драгоманова малорусской народной словесностью По его собственнымъ словамъ, «студіи надъ богатой и прекрасной народной словесностью, а особенно надъ политическими (т. е. историческими) пѣснями, которыя показываютъ поэтическую исторію украинскаго народа, разсказанную имъ самимъ, заставили его крѣпко полюбить этотъ народъ и пережить всѣми силами души всѣ частности малорусскаго дѣла въ Россіи и Австро-Венгріи». Въ 1870 г. Драгомановъ былъ командированъ за границу, гдѣ и пробылъ до 1873 г. Въ Берлинѣ онъ усердно слушалъ Моммсена и готовилъ свои статьи о теократіи, напечатанныя потомъ въ «Знаніи» и «Отечественныхъ Запискахъ», но не менѣе усердно интересо-

*) См. „Этногр. Обозр." XXV.

Digitized by Google

вался общественными западными теченіями начала 70 годовъ. Тоже было съ нимъ и въ другихъ городахъ Европы (срв. его гейдельбергскую статью: «Восточная политика Германіи и обрусеніе» въ «Вѣстникѣ Европы» 1872 г., февр.—май). Въ Вѣнѣ (а въ 1873 г. и во Львовѣ) Драгомановъ хорошо познакомился съ малорусскими галичанами, убѣдился въ крайнемъ невѣжествѣ и отсталости галицко-русской интеллигенціи («Русскіе въ Галиціи», В. Е. 1873 г., янв. — февр., «Литературное движеніе въ Галиціи» В. Е. 1873., авг. — сент.), чрезвычайно увлекся галицкимъ вопросомъ (въ Кіевѣ его потомъ прозвали «Михаилъ Галицкій») и сталъ писать для галичанъ рядъ статей на ту тему, которой ужъ до конца жизни не измѣнялъ: «Интеллигентнымъ галичанамъ, да и вообще малороссамъ, слѣдуетъ въ письменности и общественной жизни держаться языка непремѣнно народнаго, т. е. малорусскаго, однако по идеямъ слѣдуетъ примкнуть къ общерусской литературѣ и изучать эту литературу какъ можно тщательнѣе». За эту мысль малороссы извѣстнаго оттѣнка и тогда, въ 70-хъ годахъ, и всегда впослѣдствіи называли Драгоманова «москалефиломъ» и «обрусителемъ». За статью «Il movimento letterario ruteno (т. е. малорусское) in Russia e Galizia» (Rivista Europea 1873 г., № 1—2) польскіе журналы стали называть Драгоманова «московскимъ агентомъ». Не лучше отнеслась къ нему и извѣстная часть великоруссовъ: въ Цюрихѣ въ 1873 году Драгомановъ познакомился съ русскими революціонерами-соціалистами, и за свои яркія малорусскія убѣжденія онъ былъ признанъ ими за человѣка отсталаго и узкаго національста... Возвратившись въ 1873 г. въ Кіевъ, Драгомановъ сталъ въ малорусскомъ обществѣ проводить мысль о «европеизмѣ» и о «такомъ соціализмѣ и космополитизмѣ, которые не отвергаютъ частныхъ національныхъ варіацій общихъ идей и формъ» Послѣднюю мысль (о космополитизмѣ на національной малорусской почвѣ) онъ проводилъ и въ ун—тскихъ лекціяхъ. Это, впрочемъ, не значило, что онъ намѣренъ направлять студентовъ къ политической дѣятельности: напротивъ,—по его мнѣнію, много разъ высказанному, «студентъ долженъ учиться, учиться и учиться, а не принимать несвоевременнаго участія въ политикѣ; политикомъ можетъ быть только человѣкъ вполнѣ образованный и подготовленный». Вступительная лекція: «Положеніе и задачи науки древней исторіи», напечатана въ «Ж. М. Н. Пр.» 1873, ч. CLXXV. Въ открывшемся около того времени кіевскомъ «Юго-Западномъ Отдѣлѣ Имп. Р. Геогр. Общества» Драгомановъ принималъ живое участіе, причемъ требовалъ для этнографическихъ этюдовъ метода сравнительнаго. Сравнительнымъ методомъ онъ былъ заинтересованъ еще въ 1869 г. («Новий погляд на великоруський богатирський епос, Влад. Стасова», львовск. «Правда» № 25—31); однако въ Кіевѣ не только Стасовскую теорію, но и вообще сравнительный методъ въ этнографіи находили «плаваніемъ по океану безбрежному». Къ этому времени относятся труды Драгоманова: «Отголосокъ рыцарской поэзіи въ русскихъ народныхъ пѣс-

Digitized by Google

нихъ» (Записки Ю.-З. Отд. И. Р. Г. О., т. II, Кіевъ 1874); здѣсь показано, какъ западныя пѣсенныя темы, переходя на Русь, получаютъ наслоенія тѣхъ странъ, черезъ которыя онѣ проходили; «Пѣсни и сказанія о кровосмѣшеніи»,—резюме этого труда читано на Кіевскомъ Археологическомъ Съѣздѣ 1874 г., а цѣлое изслѣдованіе напечатано было уже въ 1891 г. въ V и VI тт. «Сборника за народни умотворения»,подъ загл.: «Славянскитѣ прѣправки на Едиповата история» (въ 1892 г. Грабовскій въ «Wisle» помѣстилъ какъ бы самостоятельную статью «Podania o związkach między najbliższem rodzeństwem», гдѣ воспользовался всѣми матеріалами, собранными Драгомановымъ, и только въ мелочахъ сдѣлалъ ему нѣкоторыя возраженія); «Къ вопросу о слѣдахъ великорусскаго богатырскаго эпоса въ Малороссіи», письмо къ Ор. Миллеру (Древн. и Нов. Россія, 1875, № 9); археологическая статья: „Палатинскій холмъ въ Римѣ по раскопкамъ» (Ж. М. Н. Пр. 1874, ч. CLXXIX, стр. 221—259). Пока эти труды появлялись въ печати, готовилось капитальнѣйшее сочиненіе: „Историческія пѣсни малорусскаго народа Съ объясненіями Вл. Антоновича и М. Драгоманова». Томъ I, вышедшій въ Кіевѣ въ 1874 г., содержитъ пѣсни вѣка дружиннаго и княжескаго и пѣсни вѣка козацкаго о борьбѣ съ татарами и турками; II томъ (Кіевъ 1875) — пѣсни о борьбѣ съ поляками при Богданѣ Хмельницкомъ.—Увлеченный историческими и этнографическими работами, Драгомановъ сперва сторонился отъ всякой политики и публицистики, затѣмъ однако вступилъ въ полемику съ «Кіевлянином» Шульгина и помѣстилъ въ «Кіевскомъ Телеграфѣ» и «Вѣстникѣ Европы» рядъ статей въ защиту малорусскихъ стремленій (особый этнографическій интересъ представляетъ статья: «Новокельтское и Провансальское движеніе во Франціи.» В. Е. 1875 авг.—сент.) Лѣтомъ 1875 года Драгомановъ совершилъ путешествіе по Галичинѣ, Буковинѣ и Угорской Руси; описаніе путешествія см. «Австро-рукі спомини» въ «Народі» 1892 г. Въ 1876 г. Драгомановъ окончилъ въ Кіевѣ печатаніе «Малорусскихъ народныхъ преданій и разсказовъ» и «Повістей Осипа Федьковича, с переднім словом про галицьке письменство.» Осенью того же года онъ выѣхалъ изъ Россіи и больше уже не возвращался. Сперва онъ поселился въ Вѣнѣ, затѣмъ вскорѣ переѣхалъ въ Женеву и здѣсь прожилъ до 1889 года, когда болгарское правительство пригласило его занять каѳедру всеобщей исторіи въ Софійскомъ университетѣ (читать на русскомъ языкѣ); тамъ онъ и прожилъ до смерти.

За границей Драгомановъ написалъ множество книгъ и статей, перечисленіе которыхъ заняло бы нѣсколько десятковъ страницъ: перечень, изданный М. Павликомъ, содержитъ въ себѣ 34 стр. мелкой печати и притомъ далеко и далеко не полонъ. Одни изъ его сочиненій и изданій носятъ характеръ политическій и публицистическій. Замѣтить нужно, что Драгомановъ положилъ себѣ за правило ни въ какихъ политическихъ заговорахъ не участвовать и ограничивался исключительно литературною дѣятельностью Онъ былъ горячимъ вра-

Digitized by Google

гомъ терроризма: по идеаламъ онъ былъ врагомъ всякаго узкаго доктринерства, былъ антимарксистомъ, терпѣть не могъ напрасныхъ, теоретическихъ споровъ о максимальныхъ программахъ, «завтрашнихъ дняхъ революціи» и т. д; газетной полемики онъ избѣгалъ, и хотя ему иногда и приходилось выступать съ полемикой въ печати, но, по его сознанію, «послѣ всякой полемической статьи онъ себя чувствовалъ дня два очень плохо» (здоровье его было вообще хилое). Словомъ, ученый былъ въ немъ несравненно сильнѣе, чѣмъ политикъ. Его статьи о національномъ имѣютъ тѣсное отношеніе къ этнографіи, и потому приходится о нихъ сказать нѣсколько подробнѣе. Драгомановъ горячо возставалъ противъ обязательнаго преклоненія предъ національными чертами, возставалъ, по его выраженію, «противъ культа національныхъ святынь»: по его убѣжденію, только тѣ національныя отличія заслуживаютъ почтенія, которыя разумны и симпатичны. Абсолютныхъ національныхъ характеровъ и абсолютнаго «національнаго духа» онъ не признавалъ и доказывалъ, что съ измѣненіемъ историческихъ условій жизни мѣняется характеръ и духъ народа; народную словесность каждаго народа онъ признавалъ интернаціональной; насчетъ болѣе мелкихъ «національныхъ святынь», напр., костюмовъ— онъ доказывалъ, что и они безпрестанно заимствуются однимъ народомъ у другого и менѣе всего имѣютъ резона попасть въ число національныхъ святынь. Наиболѣе существенный признакъ національности, языкъ, Драгомановъ уважалъ, но опять таки не какъ святыню, а какъ орудіе мысли; «языкъ же интеллигенціи», повторялъ онъ всегда и много разъ, «долженъ быть всегда и обязательно тотъ же, что и у простого народа, иначе немыслимъ эндосмосъ и экзосмосъ». Хотя такимъ образомъ Драгомановъ высоко подымалъ значеніе малорусскаго языка и всей своей дѣятельностью показалъ себя, какъ истаго малоросса, но одна часть малорусской интеллигенціи, за непризнаніе національныхъ святынь и особенно за восхваленіе русской литературы, отказывалась даже считать его за малоросса; зато другая часть, т. н. «руско- (т. е. галицко) украйіньська радікальна партия» (органы: «Сьвіт», «Товариш», «Народ,» «Хліборобъ», «Житье і Слово», «Радікалъ», «Громадський Голосъ») чтила Драгоманова, безъ преувеличеній сказать, какъ бога.— Всѣ эти свѣдѣнія необходимо сообщить потому, что они въ значительной степени уясняютъ и научные труды и интересы Драгоманова: именно, уясняютъ выборъ Драгомановымъ тѣхъ, а не иныхъ научныхъ темъ. Вотъ болѣе важныя изъ заграничныхъ сочиненій его: 1) «La Russie d'Europe» —въ «Земля и люди» Э. Реклю 1880 г., ст. 277–918; Драгоманову здѣсь принадлежитъ почти вся статистическая, этнографическая и политическая часть, а по словамъ Реклю (стр. 919) «Драгоманова видно на каждой страницѣ».—2) «Историческая Польша и великорусская демократія», Жен. 1882 г., ст. 511.— 3) «Політичні (т. е. историческія) пісьні украіньского народу XVIII—XIX стол.»; это—прямое продолженіе «Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа»; т. I-й: «Запорожці в 1709—1739 р.»—Жен. 1883,

Digitized by Google

тс. 60+137; т. II: «Гетманщина і Слобідчина в 1709—1765 р.» — Жен. 1885, ст. 12+226 (больше не вышло).—4) «Нові украіиньські пісьні про громадські справи (1764—1880)» —Жен. 1881, ст. 132: здѣсь, собственно, только резюме и матеріалы нѣсколькихъ томовъ, которые не были напечатаны.—5) «Kosaken» въ XXXIX томѣ Энциклопедіи Эрша и Грубера, 1887, ст. 126—137.—6) «Двѣ южно-русскія интермедіи начала XVII в.» (Кіев. Стар. 1883, № 12—здѣсь сообщенъ текстъ двухъ интермедій червонорусса Гаваттовича, составленныхъ на малорусскомъ языкѣ до 1619 г.; такъ-какъ Гаваттовичъ писалъ латинскими буквами, то и для исторіи малорусскаго языка текстъ интерлюдій является важнѣйшимъ документомъ.—7) «Старѣйшія русскія драматическія сцены» (Кіев. Старина 1885, № 11)—все о тѣхъ же интерлюдіяхъ Гаваттовича, но уже съ фольклорной стороны: обстоятельно выяснена исторія странствованія двухъ бродячихъ сюжетовъ, разработанныхъ Гаваттовичемъ въ интерлюдіяхъ,—8) Цѣлый рядъ малорусскихъ «виршей»,—помѣщены въ «Кіевской Стар.» за разные годы.—9) «Із історіі вірші на Україні» — въ малорусскомъ сборникѣ «Ватра» 1887 г.—10) «Матеріяли для історіі віршів украіньских»—Житье і Слово 1894, кн. 3, кн. 4, кн. 5.—11) «Матеріалы и замѣтки объ украинской народной словесности» —Кіев. Стар. 1882, № 11, 1883 года № 12.—12) «Малорусскія пѣсни объ освобожденіи крестьянъ» —Кіев. Стар. 1887 г. №№ 3—4.—13) «Турецкіе анекдоты въ украинской народной словесности» —Кіев Стар. 1886 г. №№ 2—3.—14) «Шолудывый Буняка въ украинскихъ народныхъ сказаніяхъ» —Кіев. Стар. 1887 г. № 8 и № 10.—15) «Два малорусскихъ фабльо и ихъ источники» —Вѣст. Евр. 1887, іюль; здѣсь показано происхожденіе знаменитой малорусской вирши о Кирикѣ и о жадномъ попѣ.—16) «Légendes pieuses des Bulgares» —Mélusine 1888 г., №№: 9, 10, 12,—17) «Славянски тѣ сказания за пожертвованіе собственно дѣте» —Сборникъ за народни умотворения 1889 г., кн. I, ст. 1—32.—18) «Славянски-тѣ сказания за рождение-то на Константина Великий» —Сборн. за нар. умотв. 1890 г. кн. II,—19) «Les origines bouddhistes du «Dit de l'empereur Constant» —I Congrès international des folkloristes. London 1891.—20) «Наука теологічна в Західній Европі» —Літерат.-наукова библіотека № 5 (Львовъ 1890)—о библейской критикѣ.—21) «Славянски-тѣ варианти на една евангелска легенда» —Сборникъ за нар. умотворения, 1891.—22) «Забѣлѣжки врѣху славянски-тѣ религиозно-етически легенди» —Сборн. за нар. умотв. 1892 и 1893 гг.—23) «Чудацькі думки про украінську національну справу» —1-е изд. 1891 г., 2-е изд. 1892 г., ст. 294 (Львовъ); здѣсь начерчена исторія развитія націонализма у разныхъ народовъ и въ частности у малороссовъ, показаны всѣ недостатки малорусскаго націонализма, подробно, но очень безпощадно произведена оцѣнка дѣятельности малорусскихъ ученыхъ и въ заключеніе повторена обычная мысль о пользѣ изученія общерусской литературы и науки — 24) «Листи на наддніпряньську Україну» — 2-е изд. Львовъ

Digitized by Google

1894 г., ст. 199.—25) «Старі хартіі вільности» — Житье і Слово 1894 г. во всѣхъ книгахъ; изслѣдованіе осталось неоконченнымъ по случаю смерти автора.—Огромное множество замѣтокъ, переводовъ и рецензій Драгомановъ помѣстилъ въ (лондонскомъ) Athenaeum (между прочимъ статью о Вересаѣ: The last menestrel of Ukraina), въ Mélusine, Tradition, Archivio per lo studio delle tradizioni popolari, Rivista Europea, въ разныхъ славянскихъ изданіяхъ и въ т. н. радикальныхъ малорусскихъ изданіяхъ: «Товарищ», «Народ», «Житье і Слово» и др. Результаты этнографіи и исторіи религій онъ часто старался и умѣлъ популяризовать; особенно извѣстны его книжки: «Оповідання про заздрих богів», «Рай і поступ» и мн. др.

Среди европейскихъ ученыхъ Драгомановъ нользовался большой извѣстностью и авторитетомъ. Особенно ярко это обнаружилось въ январѣ 1895 г., когда почитатели Драгоманова во Львовѣ праздновали юбилей его тридцатилѣтней научной дѣятельности. Тогда со всѣхъ сторонъ Европы были присланы во Львовъ горячіе и даже восторженные привѣты, напр., отъ Альфреда Рамбо, У. Морфилля, Г. Питре, Л. Леже, М. Шиффа, Гастона Пари, Анри Карнуа и др. Карнуа, редакторъ «La Tradition», привѣтствовалъ Драгоманова даже «именемъ Парижа, всей Франціи» и «восклицалъ на всю Европу» (et je crie à travers l'Europe): «Долгой жизни Драгоманову!» Пожеланіе это впрочемъ не сбылось, такъ какъ 8 іюня (ст. ст.) того же 1895 г. Драгомановъ внезапно умеръ въ Софіи отъ расширенія аорты. Смерть его произвела на галичанъ (которые вѣдь обязаны ему своимъ умственнымъ развитіемъ) потрясающее впечатлѣніе. Всѣ безъ исключенія газеты и журналы, помѣстили о немъ въ высшей степени сочувственные отзывы. Скорбныя письма и телеграммы со всѣхъ концовъ Европы и изъ Малороссіи составили большой томъ въ 442 печатныхъ страницы.

О жизни и трудахъ Драгоманова см. 1) Біографическій словарь университета св. Владиміра; 2) Dizzionario degli scrittori contemporanei—de Gubernatis'a; 3) Dictionnaire des ecrivains contemporains, par de Gubernatis; 4) Carnoy: Dictionnaire de folkloristes; 5) «История літературы рускои" проф. Омеляна Огоновскаго, послѣдн. томъ (здѣсь очень подробно изложена біографія Драгоманова и содержаніе всѣхъ его сочиненій, написанныхъ на русскомъ и малорусскомъ языкѣ, но есть множество ошибокъ и невольныхъ искаженій); 6) «Михайло Петрович Драгоманов, 1841—1895, його юбілей, смерть, автобіографія і спис творів, с портретом небіжчика, зладив і видав М. Павлик», Львовъ 1896 года; 7) «Житьепись Драгоманова», помѣщенная Иваномъ Франко въ его журналѣ «Житье і Слово» 1894 г., кн. I; 8) важное значеніе имѣютъ «Австро-руські спомини» самого Драгоманова, помѣщенные въ «Літературно-науковій Бібліотеці» 1889—1892 гг. и въ «Народі» 1892 г.

А. Крымскій.

Digitized by Google

КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.

Іоганнъ Гаури. Исламъ въ его вліяніи на жизнь его послѣдователей. Сочиненіе, удостоенное преміи Гаагскаго общества распространенія христіанства. Переводъ съ нѣмецкаго П. И. Хомутова. Ташкентъ. 1893, стр. XII + 577. (Изд. на средства Туркестанскаго генералъ-губернатора).

Судьба востоковѣдѣнія въ Россіи печальна. Не только обыкновенная публика, но даже ученые, кромѣ самихъ спеціалистовъ-оріенталистовъ, совершенно игнорируютъ востокъ. Намъ ужъ приходилось на страницахъ «Этнографическаго Обозрѣнія» отмѣчать нѣсколько «монстровъ» въ области россійской оріенталистики, напр., недавно, въ кн. XXIV, стр. 136 — 137, а съ того времени прибавилось еще нѣсколько фактовъ, которые можно занести въ нашу скорбную лѣтопись. Года два тому назадъ для одного предпринятаго въ Москвѣ изданія была составлена статья о Мохаммедѣ; авторъ статьи не внесъ въ нее ничего новаго и своего, онъ изложилъ только тѣ данныя, которыя давно ужъ приняты западной наукой какъ непреложныя истины, и тѣмъ не менѣе онъ встрѣтилъ рѣшительный отпоръ со стороны нѣкоторыхъ членовъ коммиссіи, завѣдующей изданіемъ: переубѣдить ихъ удалось только тогда, когда авторъ статьи воочію показалъ имъ западные школьные *учебники*, да извѣстную «Исторію Ислама» Мюллера (тогда еще не переведенную на русскій языкъ), какъ послѣднее слово науки. Когда наконецъ составъ книги былъ готовъ и о ней была дана въ оффиціальномъ изданіи рецензія, то съ упомянутой статьей о Мохаммедѣ повторилась таже исторія, что и при ея составленіи: рецензентъ усмотрѣлъ въ ней нѣчто новое, неслыханное, или—выражаясь его словами—«какъ бы излишнюю самонадѣянность и стремленіе къ самобытности“ [1]), а посему посовѣтовалъ обратиться къ надняхъ вышедшему труду Мюллера (очевидно, даже не позаботившись прочитать сперва этотъ трудъ!). Послѣ подобнаго казуса мы уже спокойно, или не особенно возмущаясь, отнесемся къ нѣкоторымъ другимъ, напр., къ помѣщенію въ «Вопросахъ Психологіи и Философіи» архиневѣжественной компиляціи г. Уманца объ арабской философіи, къ открытію «Настольнымъ Энциклопедическимъ

[1]) Интересно продолженіе фразы:... „самонадѣянность и стремленіе къ самобытности, простирающіяся даже до того, что онъ даетъ собственные переводы съ персидскаго и арабскаго“. Положительно, рецензентъ относится съ неодобреніемъ къ знанію восточныхъ языковъ!

Digitized by Google

Словаремъ» (Московскимъ) оставшагося въ живыхъ сына у пророка Мохаммеда (по Словарю оказывается, что этотъ сынъ Касимъ дожилъ даже, надо полагать incognito, до временъ халифа Моавіи), или, наконецъ, къ появленію элабората пастора Гаури въ русскомъ переводѣ.

Появленіе этого перевода безспорно принадлежитъ къ числу печальныхъ явленій. Конечно, нѣтъ худа безъ добра: Гаури все же человѣкъ западный; многое изъ того, что русскимъ ученымъ представляется «какъ бы излишней самонадѣянностью и стремленіемъ къ самобытности», онъ усвоилъ еще на школьной скамьѣ, изъ учебниковъ; кое-что полезное онъ долженъ былъ узнать изъ Кремера, Дози и вообще любого изъ тѣхъ авторовъ, чьими трудами онъ пользовался; съ этой точки зрѣнія можно бы считать русскій переводъ его книги не безполезнымъ. Къ сожалѣнію, дурныхъ сторонъ въ его сочиненіи гораздо больше, чѣмъ хорошихъ. Мы положительно не понимаемъ, какія причины заставили г. Хомутова взяться за переводъ книги, составленной, во 1-хъ, чуть ли не двадцать лѣтъ тому назадъ, во 2-хъ—пасторомъ, который, въ силу своего духовнаго сана, *обязанъ* имѣть извѣстныя, опредѣленныя убѣжденія и не смѣетъ выйти изъ ихъ рамки, и въ 3-хъ—не оріенталистомъ и человѣкомъ не компетентнымъ. Золотая медаль, выданная пастору Гаури «Гаагскимъ обществомъ для защиты христіанства» [1]), можетъ свидѣтельствовать о научныхъ достоинствахъ труда Гаури такъ же мало, какъ мало свидѣтельствуетъ объ этомъ Кюненовское участіе въ жюри; проф. Кюненъ можетъ быть прекраснымъ библейскимъ экзегетикомъ, но это не обязываетъ его къ прекрасному знанію ислама.

Главная ошибка Гаури, повліявшая на всѣ его сужденія объ исламѣ, и проявляющаяся съ первой же главы («*Пророкъ арабовъ*»)—заключается въ томъ, что онъ не умѣетъ различать собственно мохаммеданской основы отъ тѣхъ наслоеній, которыя наложены были персами. Персы, благодаря «преданіямъ» (хедисамъ), совершенно переработали Мохаммедово ученіе, а вліятельная суфійская доктрина, титулующая себя мохаммеданской, не имѣетъ въ сущности ничего общаго съ исламомъ (см. мой «Очеркъ развитія суфизма», М. 1895, отт. изъ «Труд. Моск. Арх. Общ.»). Исламъ — это просто ярлыкъ для множества идей, взаимно несовмѣстимыхъ. Гаури ничего этого не разбираетъ. Онъ не знаетъ также, что Коранъ казуистически толкуется на тысячи различныхъ ладовъ (блестящіе примѣры см. въ «Etudes orientales. Le droit musulman» Нофаля), а не зная этого, Гаури безпрестанно попадаетъ въ просакъ: иногда онъ порицаетъ Мохаммеда за тѣ тенденціи, какихъ тотъ никогда не проповѣдывалъ и на какія, навѣрное, самъ дунулъ бы и плюнулъ; иногда же Гаури восхваляетъ Пророка за тѣ установленія, которыхъ Мохаммедъ и не думалъ создавать и которыя были созданы хедисами; Коранъ и современный

[1]) Haager Gesellschaft zur Vertheidigung der Christlichen Religion. Г. Хомутовъ переводитъ Vertheidigung: „распространеніе".

Digitized by Google

исламъ, со стороны религіозной, соціальной и политической, это — одно и тоже въ глазахъ Гаури (стр. 3). Кромѣ этой главной, капитальной ошибки, Гаури допускаетъ множество частныхъ, обусловленныхъ его малымъ знакомствомъ съ востоковѣдѣніемъ вообще и съ исламомъ въ частности. Выхватимъ наудачу нѣсколько мѣстъ изъ разбираемой 1-й главы его книги. Гаури не знаетъ (стр. 18), что и арабы раньше единобожія прошли стадію религіи анимистической и полидемонической (срв. нашу замѣтку въ «Этн. Обозр.» кн. XX, стр. 89—90).—На стр. 37-й ошибка повидимому маленькая. Имя богини передается какъ «Узза» (съ «у»), тогда какъ на стр. 49-й гора называется «Огодъ» (съ «о»), — а по арабски звукъ-то здѣсь одинъ и тотъ же; Гаури не знаетъ восточныхъ языковъ, не можетъ разную транскрипцію разныхъ оріенталистовъ привести къ одному знаменателю, оттого у него такая пестрота и путаница: у него безразлично чередуются «о» и «у», «е» и «а», «е» и «и» и т. п. Но незнаніе арабскаго языка вредно отражается у Гаури не только на передачѣ собственныхъ именъ (вѣдь это еще былъ бы сравнительно пустякъ, хотя, пожалуй, разная транскрипція разныхъ ученыхъ привела г. Уманца къ созданію двухъ разныхъ философовъ: Гоббаи и Джоббаи, а это ужъ не пустякъ),—незнаніе арабскаго языка вредно отражается и на изложеніи. Мохаммедъ, желая сдѣлать уступку язычникамъ и въ то же время не оскорбить монотеизма, нарочно выразился очень сбивчиво: «Лата, Озза и Мената — это высокіе гераники». Слово «гераники» означаетъ «журавли» (см. Лейденское изд. Абдоль Вахида, стр. 222). А у Гаури Мохаммедъ прямо говоритъ: «Лата, Узза и Маната—высокія *божества*»; очевидно, у того оріенталиста, какимъ пользовался Гаури, при «гераники» стояло сокращенно въ скобкахъ: «(d. h. Götter)», а Гаури понялъ, что это „Götter“ — переводъ арабскаго слова. — На стр. 39-й Гаури, отличающійся вообще подробностью, вдругъ говоритъ очень кратко: «во время богомолья 622 года къ Мохаммеду примкнула цѣлая толпа пришельцевъ изъ Медины и поклялась достояніемъ и кровью поддерживать дѣла его». Гаури сообщаетъ это такимъ спокойнымъ тономъ, какъ будто рѣчь идетъ не о замѣчательнѣйшемъ фактѣ съ точки зрѣнія древне-арабскаго быта; авторъ не находитъ иногородняго, мединскаго заступничества крайне страннымъ, онъ ни словомъ не заикается о важныхъ причинахъ такого необычайнаго факта, онъ отношенія одного древне-арабскаго города къ другому представляетъ себѣ повидимому такъ, какъ Гааги къ Лейдену. Хорошо еще, если читателю, поучающемуся изъ книги Гаури, придетъ въ голову воспоминаніе о городахъ древне-греческихъ и о судьбѣ чужаковъ (ξενοι) и изгнанниковъ (φυγαδες). А то онъ совсѣмъ не пойметъ, почему это свободный человѣкъ Мохаммедъ не могъ прямо уйти отъ своего рода, а долженъ былъ тайкомъ бѣжать, и почему бѣгство его въ чужой городъ представлялось древнимъ арабамъ до такой степени рѣшительнымъ шагомъ и знаменательнымъ событіемъ, что они положили отъ

Digitized by Google

него вести свою эру. — На стр. 48-й повѣствуется о битвѣ при Бедрѣ (624), въ которой 314 мусульманъ разбило почти цѣлую тысячу храбрыхъ, мужественныхъ корейшитовъ. Не тысячу, а гораздо меньше: правда, сперва корейшитовъ выступило около 950 человѣкъ, но, получивши у Джохфы извѣщеніе отъ Абу Софъяна, что опасность миновала, болѣе трехсотъ человѣкъ возвратилось домой, и Мохаммедъ при Бедрѣ имѣлъ дѣло только съ двойнымъ, а не съ тройнымъ числомъ непріятелей, какъ это онъ и самъ утверждаетъ въ Коранѣ (сура III, ст. 12—13). Кромѣ того Гаури и не подумаетъ упомянуть о томъ, какую роль съиграла въ побѣдѣ Мохаммеда простая *случайность* и даже цѣлый рядъ случайностей, благопріятныхъ для Мохаммеда (Dozy: Essai, p. 67—68); такимъ образомъ Гаури даетъ читателю невѣрное представленіе о личности Мохаммеда. Вообще насчетъ изложенія Гаури можно сказать, что оно то иногда многословно и содержитъ въ себѣ множество ненужныхъ, анекдотическихъ подробностей, то иногда до невозможности кратко и не содержитъ въ себѣ очень важныхъ, характерныхъ и существенныхъ указаній. Къ тому же, въ изложеніи событій мы не видимъ у составителя никакой руководящей идеи: читаешь и не понимаешь, къ чему Гаури сообщаетъ тотъ или другой случай изъ дѣятельности Мохаммеда. Иногда, впрочемъ, покажется, будто онъ кое-что говоритъ не спроста, а съ извѣстной цѣлью, — напр., будто онъ хочетъ сказать, что успѣхи мохаммеданства имѣютъ подъ собою соціально-экономическую подкладку (таково мнѣніе Дози); но стоитъ вчитаться внимательнѣе, и оказывается, что никакой подобной идеи Гаури и не желаетъ провесть: она проскальзываетъ безъ его вѣдома, совсѣмъ невольно, только потому, что цѣлыя страницы авторъ списываетъ изъ Дози. Изрѣдка кажется, будто своей статьей о Мохаммедѣ Гаури желаетъ сказать то, что написалъ въ концѣ главы: «Источникъ мутенъ, — что же будетъ съ потокомъ?!», т. е. будто Гаури желаетъ показать на основаніи фактовъ, что Мохаммедъ былъ не заблуждающійся человѣкъ, а сознательный самозванецъ. Но при внимательномъ разсмотрѣніи оказывается, что и этой идеи Гаури не проводитъ сознательно, и изъ его блѣднаго изложенія ничего не выходитъ (пропущенъ даже такой характерный фактъ, какъ предсмертная просьба Мохаммеда — дать ему чернилъ и бумаги, чтобы онъ могъ написать настоящій Коранъ; если Бохари былъ недоступенъ составителю, то упомянутый фактъ могъ бы быть ему извѣстенъ, ну, хоть изъ Дюга: Hist. des phil. et des théol. mus., p. 13). Послѣ этого не вѣрится даже, чтобъ Гаури дѣйствительно пользовался Вейлемъ и Шпренгеромъ (у тѣхъ мысль о самозванствѣ Мохаммеда, если не постоянномъ, то частомъ, проведена слишкомъ ясно); и хотя Гаури въ числѣ своихъ источниковъ называетъ именно двухъ послѣднихъ авторовъ, все таки очень вѣроятно, что онъ ограничивался преимущественно однимъ Дози и, когда не списывалъ буквально, старался представить конспектъ изъ него. Конспектъ, впрочемъ, вышелъ неудачный, по-

Digitized by Google

тому-что выбрасываются указанія очень существенныя. Особенно интересенъ тотъ упрощенный способъ писать исторію, къ которому прибѣгаетъ Гаури, когда ему приходится представить постепенное развитіе власти Мохаммеда, бывшаго сперва забитымъ человѣкомъ и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ ставшаго господиномъ всей Аравіи: «Мы (т.-е. мы, Гаури) не можемъ (какъ не можемъ?! не находимъ нужнымъ, намъ скучно,—это иное дѣло) прослѣдить всѣ военныя и политическія событія, въ результатѣ которыхъ Пророку удалось привлечь на свою сторону большинство арабовъ; достаточно сказать (даже!), что въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ могущество его до такой степени увеличилось, что онъ достигъ преобладанія надъ курейшитами съ ихъ союзниками» (стр. 50). Ахъ, какъ пріятно слышать такія рѣчи отъ историка! ни дать ни взять — словно нянюшка сказку сказываетъ: «Долго ли, коротко ли бродилъ по свѣту добрый молодецъ, только зашелъ онъ въ одно царство и сдѣлался царемъ». — На стр. 52-й: «Изъ новозавѣтныхъ разсказовъ, помѣщенныхъ въ Коранѣ, какъ нельзя болѣе яснымъ оказывается, что Мухаммедъ во всю свою жизнь оставался почти совершенно незнакомымъ съ христіанствомъ; тѣмъ немногимъ, что удалось ему узнать объ Іисусѣ, онъ обязанъ былъ, повидимому, какому-нибудь еврею, который и самъ почти ничего не понималъ въ христіанской религіи. Корану извѣстна исторія рожденія Іисуса въ формѣ, которая напоминаетъ объ апокрифическомъ евангеліи». Какимъ же образомъ еврей могъ знать евангеліе, хотя бы и апокрифическое? а если не могъ, то значитъ нѣтъ и причинъ думать, что собесѣдникъ Мохаммеда былъ еврей. Если бы Гаури вникнулъ въ духъ того христіанства, какое нарисовано Кораномъ, то увидѣлъ бы очень ясно, что оно—монофизитское; и тѣ апокрифическія евангелія, отраженія которыхъ мы иногда подмѣчаемъ въ Коранѣ, также дышатъ монофизическимъ духомъ; и замѣчаніе Мохаммеда (сохраненное въ Коранѣ) о языкѣ своего «ночного собесѣдника» не можетъ относиться къ еврею, а только къ христіанину. Проф. Нофаль въ своемъ «Mahomet» попытался выяснить съ полною опредѣленностью даже индивидуальныя качества этого «ночного собесѣдника»,—до того ясны, на его взглядъ, всѣ намеки Корана! Онъ даже находитъ возможность смѣло утверждать, что Мохаммедовъ собесѣдникъ-монофизитъ кипѣлъ ненавистью противъ православныхъ и разсчитывалъ посредствомъ Мохаммеда отомстить имъ. И притомъ Гаури могъ бы знать, что Мохаммедъ имѣлъ сношенія не съ однимъ, а со многими христіанами; объ этомъ подробно говорится у Шпренгера въ разныхъ мѣстахъ второго тома его книги, а въ приложеніи къ 13-й главѣ Шпренгеръ собралъ всѣ свидѣтельства восточныхъ авторовъ, которыя бросаютъ свѣтъ на этотъ пунктъ.—На стр. 53-й и 60-й Гаури воображаетъ себѣ Мохаммеда какимъ-то «могущественнымъ властелиномъ» всей Аравіи, какимъ-то царемъ царей, и восхищается, что этотъ царь «отличался патріархальной простотой: самъ привязывалъ домашнихъ козъ на своемъ дворѣ и по-

Digitized by Google

могалъ женамъ своимъ въ ихъ домашнихъ занятіяхъ; въ жилищѣ его царствовала чуть не бѣдность»... У Гаури полнѣйшее отсутствіе исторической перспективы:—въ Мохаммедѣ, который жилъ среди общества полудикаго, малокультурнаго и *не могъ* имѣть какихъ-либо утонченыхъ потребностей, Гаури видитъ какого-то философа-стоика, или толстовца, добровольно обратившагося къ черной работѣ. Да и самое представленіе о Мохаммедѣ, какъ могущественномъ властелинѣ, не правильно. Пророкъ никогда не былъ типомъ восточнаго могущественнаго властелина, вродѣ, напр., персидскаго шаха: онъ былъ едва-едва болѣе, чѣмъ primus inter pares, и мы знаемъ случаи, когда, напр., недовольные Пророчьимъ дѣлежемъ воины бросились на Пророка и сорвали съ него плащъ. И это было ужъ послѣ покоренія Мекки.—Говоря о тѣхъ картинахъ рая, какія нарисовалъ Мохаммедъ, Гаури замѣчаетъ: «Можемъ догадываться, что половыя увлеченія въ жизни Пророка играли уже съ очень ранняго возраста роль роковую. Очень характерно, что мужъ старой женщины (Хедиджи) обѣщалъ вѣрующимъ въ раю подругъ, *равныхъ по возрасту*» (стр. 56). Намекъ Гаури на то, что Мохаммедъ тяготился жизнью со старухой-Хедиджей, крайне страненъ: извѣстно, что эту старуху Пророкъ любилъ отъ всей души, никогда ей не измѣнялъ, а когда, послѣ ея смерти, набралъ цѣлый гаремъ изъ молодыхъ дѣвицъ, то ни одна изъ его женъ не могла изгнать Хедиджу изъ его памяти, такъ-что Аиша больше ревновала мужа къ покойницѣ, къ этой, по ея выраженію, «беззубой бабѣ», чѣмъ ко всѣмъ своимъ живымъ соперницамъ. Горячая любовь Мохаммеда къ Хедиджѣ объясняется тѣмъ, что это была первая женщина, которую онъ узналъ. Догадка Гаури о раннихъ половыхъ увлеченіяхъ Мохаммеда вполнѣ неосновательна: онъ былъ цѣломудренъ до брака съ Хедиджей. Правда, причина тутъ была не добрая воля юноши, а отсутствіе женщинъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ одиноко пасъ овецъ и козъ; онъ и собирался какъ-то раза два, съ похотливыми цѣлями, сходить въ городъ, но непредвидѣнныя обстоятельства все задерживали его. Знать эти факты, сообщенные у ат-Табарія, Гаури могъ бы и безъ знакомства съ арабскимъ языкомъ: стоило ему только, собираясь трактовать о Мохаммедѣ, прочитать между прочимъ очень извѣстную книгу Бартелеми Сентъ-Илера: «Mahomet et le Coran» (Par. 1865, стр. 85); у Мьюра, котораго Гаури якобы читалъ, это сообщается во 2-мъ томѣ его «The life of Mohammed», стр. 14.

Страницею 66-й начинается вторая глава: «*Исламъ*». Въ началѣ авторъ перечисляетъ заглавія объемистыхъ сочиненій, которыми онъ, говоритъ, пользовался при составленіи своей статьи, и только о сжатыхъ, содержательныхъ лекціяхъ Дози (Essai sur l'hist. de l'isl.) не упоминаетъ ни слова. И сейчасъ же, на стр. 67-й, мы видимъ мѣсто, сплошь списанное изъ Дози; добрый пасторъ Гаури, занявшись изученіемъ закона Мохаммедова, забылъ о восьмой заповѣди закона Мои-

Digitized by Google

сеева.—Какъ только авторъ, разбирая Коранъ, отступаетъ отъ Дози и Кремера да пускается въ собственные домыслы, онъ тотчасъ высказываетъ полнѣйшее отсутствіе критическихъ пріемовъ. Извѣстно, что Коранъ—это есть безпорядочное, механическое (посмертное) сплоченіе изреченій Мохаммеда, сказанныхъ въ теченіи многихъ лѣтъ въ разное время и по разнымъ случаямъ. Кто желаетъ съ толкомъ судить по Корану о сути ислама и о настоящихъ воззрѣніяхъ Мохаммеда, тотъ долженъ сперва установить хронологію для отдѣльныхъ суръ Корана, затѣмъ расположить ихъ въ хронологическомъ порядкѣ и ужъ такимъ образомъ улавливать внутреннюю діалектику постепеннаго развитія убѣжденій Мохаммеда; кромѣ того, встрѣчаясь съ какой-либо отдѣльной мыслью Корана, изслѣдователь всегда долженъ принимать въ соображеніе, при какихъ обстоятельствахъ она высказана, и тѣмъ болѣе — въ какой логической связи находится она ко всему контексту. Ничего подобнаго Гаури не дѣлаетъ: онъ выхватываетъ тексты изъ разныхъ мѣстъ Корана, не принимая въ соображеніе эволюціи взглядовъ Пророка, и механически соединяетъ эти разрозненные тексты въ одно цѣлое; нѣтъ ничего изумительнаго, если съ такимъ пріемомъ можно увидать въ исламѣ то, что кому желательно видѣть. Но Гаури и этимъ не удовлетворяется: онъ пополняетъ свою картину извлеченіями изъ мусульманскихъ преданій (хедисовъ). А при помощи хедисовъ и подавно можно сдѣлать изъ Мохаммеда все, что угодно: Мохаммедъ, по желанію, можетъ оказаться и заклятымъ врагомъ аскетизма, и горячимъ аскетомъ, и антропоморфистомъ, и врагомъ антропоморфизма—пантеистомъ, и защитникомъ рабства, и аболиціонистомъ, и сторонникомъ капитализма, и ярымъ соціалистомъ, и т. д., и т. д. (Много прекрасныхъ и удачныхъ мыслей о хедисахъ высказано проф. Нофалемъ въ его не разъ ужъ упомянутой нами серіи «Etudes orientales», печатаніе которой ужъ приходитъ къ концу, и въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ «Этнографическаго Обозрѣнія» мы подробно познакомимъ читателей съ трудами Нофаля въ этой области. — Впрочемъ, при всѣхъ недостаткахъ упомянутой нами II-й главы книги Гаури, она все же лучше другихъ: какъ богословъ, авторъ съумѣлъ написать ее довольно стройно и систематически и въ то же время, несмотря на свой христіанскій духовный санъ, съумѣлъ сохранить возможную религіозную объективность и даже терпимость.

Но начиная съ главы III-й (стр. 97): «*Правовѣріе и шіитизмъ*» — Гаури опять можетъ повергнуть читателя въ отчаяніе своей безсознательностью и хожденіемъ въ темнотѣ по той области, которой онъ коснулся. Онъ задался цѣлью выяснить, въ чемъ заключается «*духъ ислама*». Браться за выясненіе «духа» какой-либо религіи—это очень опасная вещь, потому что «духъ» религіи, да еще насчитывающей болѣе тысячи лѣтъ жизни за собою, это—нѣчто очень неуловимое и сложное, и для всякихъ субъективныхъ гаданій тутъ открывается полнѣйшій просторъ. Устрашающимъ примѣромъ для охотниковъ выя-

Digitized by Google

снять «духъ» религій должна служить исторія попытокъ выяснить духъ христіанства: каждый изслѣдователь приходитъ къ разнымъ заключеніямъ. А Гаури берется отыскать духъ ислама, совсѣмъ мало познакомившись съ самымъ исламомъ и вовсе не познакомившись съ другими восточными религіями. Мы считаемъ излишнимъ да и невозможнымъ разбирать всѣ странности, которыя допущены авторомъ въ этой главѣ, и скажемъ вкратцѣ: взять хаотическую смѣсь, именуемую Кораномъ, присоединить къ ней ученіе ортодоксовъ мусульманскихъ, присоединить ученіе зейдитовъ, кайсанитовъ, мотезилитовъ, суфіевъ, зендиковъ, мольхидовъ, исмаилитовъ ибнъ-Меймуна Каддаха, исмаилитовъ египетскихъ, карматовъ, друзовъ, носейритовъ, езидовъ и т. д., въ томъ числѣ явныхъ атеистовъ, присоединить сюда же суевѣрія, существовавшія отъ самыхъ незапамятныхъ временъ у тѣхъ народовъ, которые впослѣдствіи приняли исламъ, и затѣмъ, не отличая чертъ религіозныхъ отъ національныхъ, чертъ существенныхъ отъ случайныхъ, счесть эту кучу воззрѣній за нѣчто единое и цѣлое и извлекать изъ нея «общій духъ ислама» — это, на нашъ взглядъ, не просто странность: это — чистѣйшее безуміе, и именно это сдѣлалъ Гаури! При такой постановкѣ изслѣдованія нѣтъ возможности даже спорить или соглашаться съ тѣми выводами о духѣ ислама, къ какимъ пришелъ Гаури; нужно просто воздержаться отъ всякаго мнѣнія объ этихъ выводахъ. Не для споровъ, но для того, чтобы показать, насколько Гаури знаетъ тотъ предметъ, о какомъ берется толковать, мы отмѣтимъ два-три курьеза. На стр. 135-й духу ислама приписано благодѣтельное вліяніе на развитіе состраданія къ животнымъ: «Въ Египтѣ», по словамъ Лэна, «безпріютныя кошки пропитываются на общественный счетъ; для бродячихъ собакъ наливаются водою корыта, и бѣдные нерѣдко дѣлятся съ ними своимъ хлѣбомъ». Если бъ Гаури былъ знакомъ съ воззрѣніями мусульманъ на собаку, то египетская любовь къ нимъ глубоко поразила бы его и привела къ мысли, что факты, сообщаемые Лэномъ, должны искать себѣ объясненія въ глубокой древности, а не въ духѣ ислама. Есть мусульманское преданіе, по которому Мохаммедъ сказалъ: «Ангелы не посѣтятъ того дома, гдѣ находятся собаки»; «кто держитъ у себя собаку, тотъ ежедневно умаляетъ свои заслуги передъ Богомъ на одинъ каратъ»; преданіе гласитъ также, что Мохаммедъ запретилъ покупать собакъ (Fundgruben des Orients, т. I, стр. 176, 177, 187). Въ арабскихъ пословицахъ и поговоркахъ собака всегда фигурируетъ, какъ самое презрѣнное созданіе, — см. Мейдани: «Эмѳаль оль-араб» Arabum proverbia, edidit G. W. Freytag, Bonnae 1838 — 42, глава 20-я, № 87; «Хемаса» Hamasae carmina, ed. G. W. Freytag, Bonnae 1828, стр. 176, 518. У перса Саадія то же: «Самое презрѣнное изъ существъ — собака» («Голистанъ», пер. Холмогорова, стр. 327). — На стр. 114-й извѣстный скептикъ Геззалій изображенъ чѣмъ-то въ родѣ грубѣйшаго антропоморфиста, и Гаури только изумляется, какъ

Digitized by Google

это въ этомъ философѣ глубочайшее образованіе уживалось съ вѣрою въ грубо-чувственный мусульманскій рай; причемъ дѣлается ссылка на трактатъ «Эд-доррет оѳ-ѳемине» (La perle précieuse, trad. de L. Gautier). О Геззаліи существуетъ сравнительно огромная литература на европейскихъ языкахъ, и если бы Гаури хоть немного былъ знакомъ съ нею и прочелъ побольше, чѣмъ одну «Perle précieuse», то зналъ бы, что въ духовномъ развитіи скептика Геззалія (1058—1111) было *нѣсколько* періодовъ, сопровождавшихся очень рѣшительной ломкой старыхъ убѣжденій (см. его исповѣдь въ «Эль-монкыз ан ид-далале», «Le préservatif de l'erreur», trad. par. Barbier de Meynard, Paris 1877). Навязывать Геззалію на всю жизнь тѣ убѣжденія, которыя онъ высказываетъ въ «Драгоцѣнной жемчужинѣ», странно; этимъ доказывается незнакомство Гаури съ тѣмъ, о чемъ онъ судитъ.—Еще ярче блещетъ невѣжество Гаури на стр. 123-й, гдѣ въ числѣ «религіозныхъ праздниковъ правовѣрнаго, не шіитскаго ислама» названъ Ашура, т. е. праздникъ страстей дому Аліева. А это праздникъ собственно шіитскій, антисоннитскій; пока онъ продолжается, подвергается опасности самая жизнь соннитовъ, живущихъ въ Персіи; первымъ тремъ халифамъ (Абу-Бекру, Омару и Осману) все время раздаются тогда яростныя, горячія проклятія; сектантскій шіитскій фанатизмъ поддерживается тогда религіозными представленіями («тезіе»). На русскомъ языкѣ объ Ашура есть обстоятельная глава у Березина, въ его «Путешествіи въ сѣв. Персію» (Каз. 1852), а на западно-европейскихъ языкахъ подробныя свѣдѣнія можно найти у Ходзько, Гобино, Дози[1]), Эте и др. Какъ хорошо однако знаетъ пасторъ Гаури востокъ!—На стр. 144-й Гаури сообщаетъ довольно фантастическія свѣдѣнія о сектѣ исмаилитовъ; свѣдѣній этихъ мы опровергать не станемъ[2]) и обратимъ вниманіе только на интересную, характерную фразку: «Замѣстителемъ незримаго халифа явился во время Мамуна, *слѣдовательно* (курсивъ нашъ) въ нач. IX в., Абдаллахъ ибнъ-Меймунъ». Абдаллахъ ибнъ-Меймунъ основалъ свою секту въ 864 году, — значитъ, это было не во времена халифа Мамуна (813—833), а во времена халифа Мостаина (862—866). Это—во-первыхъ, а во-вторыхъ: что такое скрывается у Гаури за его неопредѣленнымъ выраженіемъ: «во время Мамуна,—слѣдовательно, въ началѣ IX в.»? Повидимому, здѣсь скрывается простое незнаніе того, отъ какого года до какого царствовалъ Мамунъ. — На стр. 151-й нашъ знатокъ востока увѣряетъ, что шіиты не ходятъ на поклоненіе въ Мекку. Очевидно, онъ не потрудился дочитать до конца даже книжку Дози, гдѣ, по Бёртону,

---

[1]) Гаури ссылается въ 3-й главѣ какъ разъ и на Дози, но у того (Essai, p. 449) прямо написано: „Les chiites ont plusieurs fêtes *outre* celles que les orthodoxes célèbrent aussi; celle du Moharram en est la principale".

[2]) См. нашу статью „Исмаилиты" въ Энциклоп. словарѣ Брокгауза и Эфрона. Подробная исторія секты изложена нами въ засѣданіяхъ Вост. Комиссіи Имп. Моск. Археол. общества и будетъ вскорѣ напечатана.

Digitized by Google

такъ живо описано поведеніе шіитскихъ богомольцевъ въ Меккѣ. (Essai, p. 443 — 446). Въ томъ караванѣ шіитскихъ богомольцевъ, какой видѣлъ Бёртонъ, было до 1200 человѣкъ.

Такое же мнѣніе, какое мы высказали о предыдущей главѣ, мы выскажемъ вообще и о слѣдующей, четвертой: «*Новообразованія и опыты реформъ*» (стр. 155 и сл.). Изъ отдѣльныхъ замѣчаній у Гаури интересно, напр., на стр. 162-й: «Суфъ—грубый плащъ изъ козлиныхъ шкуръ». О словѣ «суф», давшей имя знаменитой сектѣ суфіевъ, написаны цѣлыя статьи, и грѣхъ историку исламскаго движенія не знать, что суфомъ называется верблюжья шерсть или власяница. О важномъ значеніи этой власяницы см. нашъ «Очеркъ развитія суфизма», стр. 18. Это слово не чуждо и старинному русскому языку; см. въ «Дополн. къ акт. ист., собр. и изд. Археогр. Комм.», Спб. 1846, т. I, № 131: «Зуфь костоманская, цѣна три рубли» (Царск. расходн. книга 1584—1585 г.г.); также см. у Савваитова: «Опис. стар. царск. утварей» и т. д. (Спб. 1865), о платьи царя Бориса Годунова 1589 г.: «Опашень зуѳь лимонна костомонка». — На стр. 163-й Гаури увѣряетъ легковѣрныхъ читателей, что *всѣ* персы мистики и предаются религіознымъ экстазамъ. Можетъ быть, на далекомъ западѣ ему и повѣрятъ, но надѣемся, что у нашихъ московскихъ читателей возникнетъ подозрѣніе въ истинѣ словъ Гаури, если не по отношенію ко всей Персіи, то, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ той персидской колоніи, какая проживаетъ въ Москвѣ.

Въ главѣ V-й (стр. 191): «*Семейный бытъ*» — совершена путаница трехъ понятій: семья древне-арабская, семья мохаммеданская и семья тѣхъ націй, какія приняли исламъ. По своему обычаю, Гаури сливаетъ все это въ одно цѣлое, причемъ, напр, на доисламскую арабскую женщину переноситъ черты позднѣйшія. Женщина доисламская вовсе не была такимъ угнетеннымъ, забитымъ существомъ, какимъ рисуетъ ее Гаури (стр. 192): вспомнимъ такіе общеизвѣстные примѣры, какъ Хедиджу, Аишу, Хиндъ (жену Абу-Софъяна), вспомнимъ ту роль, какую играли женщины въ Оходской битвѣ (Мюллеръ, русск. пер., стр. 137), вспомнимъ витязя Антара съ его Аблей, вспомнимъ, наконецъ, доисламско-рыцарскій культъ женщинъ; множество подробностей см. у Кремера во второмъ томѣ «Kulturgeschichte des Orients»; см. также нашъ переводъ Клоустона: «Popular tales and fictions» (Львовъ 1896: «Народні казки та вигадки. Як вони блукають та перевертаються», стр. 68 — 69 и «Додаток» ко введенію). Кажется, притомъ, Гаури и не подозрѣваетъ, что древніе арабы не составляли однообразной массы, а дѣлились на пустынныхъ и городскихъ, бытъ которыхъ взаимно отличался. Гаури вообще имѣетъ о древнихъ арабахъ самое неясное представленіе, что видно изъ наивной фразы: «ни въ какомъ *твердомъ законѣ* женщина не имѣла защиты себѣ» (стр. 192), — отъ доисламскихъ арабовъ, управлявшихся обычаями, авторъ ждетъ какого-то писаннаго свода законовъ!

Digitized by Google

Глава шестая (стр. 234—272): «*Общественный строй*» —была бы хороша, если бы авторъ измѣнилъ своему обычаю: не старался бы уловить неуловимый духъ ислама и не сливалъ бы въ одно цѣлое элементы исламскіе и неисламскіе, религіозные и политическіе и т. д. Такъ, напр., (на стр. 253-й) преслѣдованія, испытанныя христіанами отъ египетскаго халифа Хакима (Фатымида), приписаны «развитію строгаго мусульманскаго направленія». Въ этомъ утвержденіи много комическихъ неправильностей и насчетъ всей египетской фатымидской династіи, и насчетъ Хакима. Египетская династія фатымидовъ была *не правовѣрная*, а исмаилитская; управляя въ Египтѣ, она отличалась *замѣчательною терпимостью*; потому-то авторитетъ-спеціалистъ Стан. Гюйяръ находитъ, что если бы исмаилитской сектѣ удалось удержаться въ Египтѣ, то это была бы настоящая цивилизація для всего мусульманскаго міра («Un grand maître des Assassins», par St. Guyard. Journ. Asiat. 1877, I, p. 336). Шестой халифъ этой династіи Хакимъ (вступилъ на престолъ въ 996 г.) сталъ поступать иначе, чѣмъ его предшественники; при тѣхъ христіане и евреи пріобрѣли огромное вліяніе, а Хакимъ сталъ ихъ преслѣдовать. Это онъ сдѣлалъ отчасти потому, что былъ сумасшедшій и взбалмошный человѣкъ, отчасти же потому, что христіане, захватившіе высокія должности въ свои руки, были уличены въ крайней недобросовѣстности и злоупотребленіяхъ; были еще и другія причины (срв. Dozy: Essai, p. 287), но и ихъ никакъ нельзя сводить къ «развитію строгаго мусульманскаго направленія», потому что Хакимъ одинаково гналъ христіанъ и въ тѣ моменты, когда дѣлался ортодоксомъ, и въ тѣ, когда опять становился шіитомъ и врагомъ ортодоксовъ, преслѣдуя послѣднихъ въ такіе періоды наравнѣ съ христіанами. Кстати отмѣтимъ, что въ концѣ своего сообщенія о Хакимѣ Гаури также проявилъ незнаніе восточной исторіи: — «Въ концѣ же концовъ, и христіане, и іудеи были вынуждены къ массовому выселенію изъ страны», говоритъ онъ, а того не знаетъ, что послѣ 1017 г. Хакимъ дозволилъ всѣмъ возвратиться, и, дѣйствительно, масса переселенцевъ вернулась назадъ въ Египетъ. — Продолжая выяснять «духъ» ислама, Гаури въ упомянутой 6-й главѣ доходитъ до высшихъ крайностей. Какъ богословъ, Гаури привыкъ вѣрить, что содержаніе какой-либо религіи, подобно догматамъ, всегда остается одно и то же. А это не вѣрно: содержаніе религіи можетъ мѣняться сообразно съ перемѣнами въ общественномъ настроеніи, хотя догматы ея остаются безусловно неизмѣнными. Возьмемъ, напр., христіанство: послѣ вселенскихъ соборовъ догматы его окончательно установились, и даже за духомъ Евангелія почти всѣми и всегда признавалось и признается одно и то же: любовь, а между тѣмъ направленіе или содержаніе христіанства все время мѣнялось и мѣнялось; и, напр., идеалы средневѣковыхъ христіанъ были одни, а идеалы нынѣшнихъ—другіе. Такъ, средневѣковые христіане изъ горячей любви къ ближнимъ считали необходи-

Digitized by Google

мымъ запереться въ кельѣ, мучить себя и молиться за міръ, да и другихъ принуждать къ аскетизму, къ подавленію мысли, къ подавленію воли, а нынѣшніе христіане во имя той же любви къ ближнимъ стремятся жить въ мірѣ, улучшать положеніе забитыхъ народныхъ массъ, внушать имъ чувство собственнаго достоинства, поднимать ихъ соціальное значеніе. Никакія подобныя размышленія пастору Гаури въ голову не приходятъ; по его мнѣнію, разъ что называется исламъ, то оно всегда одинъ и тотъ же исламъ. Поэтому, когда рѣчь идетъ о какой-нибудь блестящей и симпатичной эпохѣ жизни мусульманскаго общества, Гаури считаетъ себя вправѣ говорить: «Но вѣдь все это не согласно съ истиннымъ духомъ ислама»; и съ другой стороны, когда онъ разбираетъ какую-нибудь эпоху упадка и фанатизма, онъ заявляетъ: «А вотъ это вполнѣ согласно съ истиннымъ духомъ ислама!» Раздавая на всѣ стороны патенты на званіе истиннаго или неистиннаго мусульманина, Гаури одинъ разъ даетъ патентъ второго рода, а не перваго... самому Мохаммеду! Да! Несмотря на то, что каждое мѣсто Корана есть святыня и заповѣдь въ глазахъ мусульманъ, Гаури говоритъ, что тѣ мѣста Корана, которые проповѣдываютъ полную терпимость къ христіанамъ и іудеямъ и которыми арабы дѣйствительно руководились въ цвѣтущій періодъ халифата, не согласны съ духомъ ислама: «Истинный же духъ ислама лучше всего выражается въ слѣдующихъ словахъ Омара (а не Мохаммеда!): «Мы должны поглощать христіанъ» и т. д. (стр. 256). На стр. 258-й читаемъ: «Когда Фуадъ-паша утверждалъ въ своемъ политическомъ завѣщаніи, что реформы, предоставляющія одинаковыя права всѣмъ исповѣданіямъ, не находятся въ противорѣчіи съ исламомъ, онъ впалъ просто-на-просто въ одно грубое заблужденіе». Итакъ, Гаури считаетъ себя, протестанта, компетентнымъ лицомъ въ опредѣленіи «истиннаго духа» ислама, а настоящаго мусульманина Фуада (и даже самого Пророка!) признаетъ не компетентными судить объ исповѣдываемой религіи. Спрашивается послѣ всего этого: кто же можетъ быть судьею, и что можетъ быть критеріемъ для познанія пресловутаго «истиннаго духа» какой-либо религіи?!

Ну, здѣсь мы остановимся и еще дальше разбирать книжку Гаури не будемъ, хотя мы не дошли и до половины ея. Въ ней безусловно много есть хорошаго....., хороши именно всѣ страницы, списанныя изъ Дози и Кремера буквально; но много есть и дурного, много есть ошибокъ, происходящихъ отъ невѣжества автора, отъ неумѣнья передать чужія свѣдѣнія и отъ стремленія дѣлать слишкомъ скороспѣлые выводы да предлагать сомнительные историческіе законы вродѣ того, что «въ минуту высочайшаго религіознаго напряженія общества всегда въ немъ процвѣтаютъ науки и искусства». Оставляя безъ разбора вторую часть книги Гаури, намъ все же жаль не отмѣтить нѣкоторыхъ неправильныхъ свѣдѣній, сообщаемыхъ въ ней, по крайней мѣрѣ двухъ-трехъ. На стр. 323-й упоминается у Гаури какой-то ибнъ-

Digitized by Google

Хутайбъ, авторъ какой-то «Книги познанія». Изъ дальнѣйшаго изложенія можно догадаться, что это долженъ быть извѣстный историкъ ибнъ-Котейба, авторъ „Книги свѣдѣній по исторіи“ („Китабъ ольмеарифъ фи т-тарихъ“). — На стр. 326-й Гаури увѣряетъ, что философъ эль-Фараби былъ врагъ мистицизма. Очень не вѣрно.—На стр. 375-й послѣднимъ халифомъ названъ Мутаваккиль. Послѣднимъ былъ Мостасымъ (1241—1258), а Мотевеккиль царствовалъ на четыреста лѣтъ раньше (846—861).

Теперь поговоримъ о томъ костюмѣ, въ какомъ книга Гаури является передъ русской публикой, — поговоримъ о переводѣ. Онъ неудаченъ во всѣхъ отношеніяхъ. Языкъ переводчика (г. Хомутова) тяжелъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ трудомъ даже понимается. Напр., на стр. 288: „Порицали людей христіанскихъ національностей, въ погруженныхъ въ мечты о музыкѣ, поэзіи и о красотѣ природы мусульманахъ Испаніи, видѣвшихъ только варваровъ и съ какой-то дикой жестокостью ихъ истреблявшихъ“. На стр. 291-й: „Въ странахъ ислама сплошь имѣетъ мѣсто первое состояніе, и въ нихъ постоянно большія состоянія скопляются въ рукахъ меньшинства“ (Первый разъ слово „состояніе“ означаетъ „случай“, и оно—подлежащее). На стр. 359-й: „Представленія въ публичныхъ мѣстахъ развлеченія и въ нашихъ большихъ городахъ отнюдь ни лучше ни на волосъ (чѣмъ на востокѣ»). Кромѣ стиля, у г. Хомутова хромаетъ и правописаніе, такъ что грамотному человѣку иногда становится просто непріятно; беру для примѣра первыя попавшіяся ошибки: невѣденіе, востоковѣденіе (2), прерѣканій (34), въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (49), нисшій (121), оскуденіе (290).— Съ нѣмецкимъ языкомъ переводчикъ знакомъ плохо, и это также не послужило въ пользу его работѣ. Можно простить ему, когда онъ, напр., вм. газели говоритъ о козѣ (стр. 15), но есть ошибки и посеріознѣе. Объ одной изъ нихъ стоитъ разсказать подробно, потому что она бросаетъ свѣтъ на то, какъ иногда обобщаются единичные факты. Поэтъ Имруль Кайсъ (въ первой половинѣ VI вѣка), желая отомстить за смерть своего отца, отправился спросить совѣта у оракула Зуль-Хелясе (вар. «Холосе», «Хельсе»). Отвѣтъ давался при помощи трехъ стрѣлъ; на одной была надпись: «приказъ», на другой: «запрещеніе», на третьей: «подождать». Имрулькайсъ вытянулъ ту стрѣлу, на которой было написано: «запрещеніе». Тогда, въ гнѣвѣ, онъ изломалъ всѣ три стрѣлы, швырнулъ обломки въ голову идола и воскликнулъ: «Будь это *твой* отецъ, ты не запретилъ бы мстить за него!» и произнесъ одно крупное ругательство. Этотъ случай, по арабскимъ источникамъ, сообщенъ у Caussin de Perceval'я въ его знаменитомъ Essai sur l'histoire des Arabes», т. II, стр. 310 (Paris 1847). Дози въ своихъ лекціяхъ по исторіи ислама приводитъ, повидимому по Коссену де Персевалю, этотъ же случай для характеристики обращенія языческихъ арабовъ со своими идолами, при чемъ не упоминаетъ ни имени Коссена де Персеваля, ни

Digitized by Google

даже имени Имрулькайса, а говоритъ просто: «одинъ арабъ» (Essai sur l'hist. de l'islam. 1879, p. 10; это переводъ съ голландскаго: «Het Islamisme, Harlem 1863). Гаури, который, можно сказать навѣрное, Коссена де Персеваля и въ рукахъ не имѣлъ, передалъ только то, что нашелъ у Дози. А г. Хомутовъ, не понявши смысла нѣмецкаго имперфекта, перевелъ его по-русски видомъ несовершеннымъ, причемъ вмѣсто «когда» поставилъ «если» и вм. «какой-то»—«какой-нибудь»; такимъ образомъ получилось слѣдующее общее предложеніе: «Если какой-нибудь арабъ гадалъ на стрѣлахъ о томъ, долженъ или не долженъ онъ отомстить за смерть отца, и три раза вынималась стрѣла «запрещается», тогда онъ ломалъ эту стрѣлу и бросалъ ее въ лицо идола съ яростнымъ крикомъ: «Презрѣнный! если бы убитый былъ отецъ твой, ты не запретилъ бы тогда кровомщенія!» Единичный случай, относящійся только къ одному Имруль Кайсу, возведенъ у г. Хомутова въ законъ для всѣхъ древнихъ арабовъ, а виновато несвободное пониманіе нѣмецкаго языка.—На стр. 192-й говорится объ особой формѣ брака: брака «ради наслажденія». Кто знаетъ востокъ, тотъ догадается, что рѣчь идетъ о «Митаъ», что значитъ «пользованіе»; и по своему названію, и по своему значенію эта форма брака очень подходитъ къ латинскому «usus». Г. Хомутовъ не понялъ настоящаго смысла нѣмецкаго слова «Genuss», которое значитъ и «пользованіе» и «наслажденіе», и оттого въ его переводѣ появился курьезный терминъ—«бракъ ради наслажденія»,—терминъ сбивчивый и могущій, пожалуй, дать инымъ читателямъ своеобразное представленіе о значеніи этого брака.—На стр. 133-й перевода г. Хомутова читатель найдетъ странную фразу: «Примирительное богословіе нѣкоего (sic!!) Ашари, достигшее господства около 900 г. и съ тѣхъ поръ остающееся господствующимъ до нашихъ временъ". «*Нѣкоего* Ашари!» Это говорится о томъ славномъ богословѣ, который нанесъ рѣшительный ударъ знаменитой сектѣ мотезилитовъ (раціоналистовъ-философовъ)! Не имѣя передъ собою нѣмецкаго оригинала, не можемъ судить съ увѣренностью, кто здѣсь напуталъ: авторъ или переводчикъ? Думаемъ однако, что Гаури, какъ человѣкъ западный, не могъ не знать объ Ашъаріи и, предполагая такое же знаніе въ своихъ читателяхъ, написалъ: «des gewissen Asch'ari», т. е. извѣстнаго Ашъарія, а г. Хомутову вспомнилось выраженіе: ein gewisser—«нѣкій».—Латинскій языкъ г. Хомутову нѣсколько извѣстенъ, но лучше было бы, если бъ былъ вовсе не извѣстенъ; онъ тогда не смѣшалъ бы «musculares», и «masculinus», какъ это онъ сдѣлалъ теперь, называя болѣзнь Мохаммеда не «мускульной истеріей», а «*мужеской* истеріей» (стр. 23).—Арабскаго языка переводчикъ вовсе не знаетъ, и потому собственныя имена транскрибируются съ нѣмецкихъ буквъ на русскія со множествомъ ошибокъ: напр., является два «с» тамъ, гдѣ нужно только одно «с» (Бассра, Манссуръ, анссары, нуссаріи); вм. «дж» пишется «дш» (мордшиты 155); вм. «з» бываетъ

Digitized by Google

«с» (Азыкъ 181) и наоборотъ — вм. «с» у г. Хомутова пишется иногда «з», какъ „Хавза“ (вм. „Хафса“, жена Мохаммеда) и „Гамаза“ (вм. „Хемаса“, сборникъ древне-арабскихъ стиховъ и пѣсенъ); искажая послѣднее названіе, переводчикъ тѣмъ самымъ доказываетъ свое полное незнакомство съ главнѣйшими произведеніями арабской литературы (два отрывка изъ Хемасы переведены даже на русскій языкъ стихами у Берга въ его „Пѣсняхъ разныхъ народовъ“ стр. 215 — 220, книгѣ очень популярной), и эпитетъ „*извѣстный* сборникъ“ является подъ перомъ г. Хомутова просто ироніей. Замѣтимъ кстати, что „Хемаса“ означаетъ „подвиги“, „доблесть“, тогда какъ „Гамаза“ (съ удвоеннымъ «м»)—„подмигивающая кокетка“; имя жены Пророка „Хафса“ значитъ (по словарю Камусу) не то „молодая львица“, не то „гіена“, названіе во всякомъ случаѣ благородное, тогда какъ Хомутовское «Хавза» значитъ „rima mulieris“. Особенная бѣда г. Хомутову съ передачей латинской буквы „h“: западные оріенталисты, въ силу бѣдности латинскаго алфавита, употребляютъ ее и для обозначенія звука „h“, и для обозначенія мягкаго „x“, и наконецъ въ качествѣ нѣмой буквы (напримѣръ въ „Schah-name*h*“ конечное „h“ не читается). Г. Хомутовъ *наудачу* ставитъ иногда вм. „h“ русское «х», а иногда вовсе пренебрегаетъ имъ и не передаетъ никакой русской буквой; такимъ образомъ у г. Хомутова появляется, напр., вм. «ихрамъ» (нарядъ мекканскаго богомольца) — «ирамъ» (что значитъ или «рай», или «опуханіе», смотря по долготѣ или краткости гласныхъ въ словѣ); дворецъ «Захра» (цвѣтущій)обращается въ «Зара» («ругалъ»); „рик'а» (поклонъ при молитвѣ) названъ «рикахъ», что скорѣе всего можно понять какъ собачье имя (такъ по Камусу); халифъ «Саффахъ», т. е. «Кровожадный» (прозванъ такъ за жестокость), перекрещенъ г. Хомутовымъ въ Саффу («Сафа»=«чистота»), и т. д., и т. д. Иногда вм. «h» г. Хомутовъ пишетъ „г“, обращая, напр., „Халладжа“ („чесальщика“,—это было его ремесло) въ „Галладжа“ „равномѣрнаго бѣгуна“). Такимъ же образомъ буквой „г“ онъ передаетъ букву «айнъ», выражающую особый чистогортанный звукъ, «звучный» и мгновенный, не похожій на задненебное «г» вовсе; о физіологіи этого звука лучше всего см. у Вс. Миллера: Матер. для изуч. евр.-татск. языка, стр. XXII; транскрибировать „айнъ“ черезъ „г“—крайне странно, и въ какомъ-нибудь начертаніи „Гаеша“ далеко не легко узнать «Аиша». Все это, говоримъ, показываетъ очень выразительно, что арабскій языкъ г. Хомутову не знакомъ; да и самъ онъ, на стр. 44-й, признается, что, напр., не знаетъ точнаго смысла слова «исламъ» и можетъ сослаться только на чужое объясненіе, проф. Холмогорова. Это однако не препятствуетъ ему авторитетнымъ тономъ заявлять о неточности извѣстнаго нѣмецкаго перевода Корана, сдѣланнаго Ульманомъ (стр. 94) и противопоставлять ему «превосходный» русскій переводъ г. Саблукова (стр. 66). Переводъ г. Саблукова, пожалуй, буквалънъ, но своей мертвенной буквальностью онъ напоминаетъ Клева-

Digitized by Google

новскіе переводы Цицерона: особенности арабской фразеологіи г. Саблуковымъ не признаются, каждое арабское слово переводится на русскій языкъ буквально, и поэтому нѣкоторыя фразы бываютъ вовсе непонятны для того читателя, который не можетъ одновременно слѣдить за текстомъ по арабскому подлиннику, а другія понимаются совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ они понимаются природными арабами и въ какомъ были сказаны Мохаммедомъ. Мы не утверждаемъ чего-либо новаго. Еще въ 1889 году, когда издавался русскій переводъ книги Летурно: «Эволюція собственности», русскій переводчикъ, не арабистъ, хотѣлъ приводить коранскія цитаты не по французскому переводу, а по Саблуковскому, но не могъ ничего въ немъ уразумѣть и замѣтилъ (стр. 222), что «въ переводѣ г. Саблукова мы находимъ мѣста совершенно непонятныя, даже просто безсмысленныя»; для доказательства онъ привелъ тамъ и самъ выдержки изъ Саблукова, сопоставляя ихъ съ противоположнымъ по смыслу переводомъ Казимірскаго (автора полнаго арабско-французскаго словаря). Къ числу мѣстъ, искаженныхъ у г. Саблукова, относится заповѣдь Мохаммеда о войнѣ съ немусульманами, подавшая поводъ г. Хомутову прочитать нотацію Ульманну и другимъ европейскимъ арабистамъ. Въ Коранѣ (сура II, ст. 186) Мохаммедъ очень недвусмысленно запрещаетъ мусульманамъ первыми нападать на невѣрныхъ: «Сражайтесь на пути Божіемъ съ тѣми, которые сражаются съ вами, но не начинайте сами враждебныхъ дѣйствій (уэ ля теътеду), ибо Богъ не любитъ «эль моътедин» (послѣднее слово значитъ или «враждебныхъ», или «несправедливыхъ»). «Теътеду»—пов. накл. 8-й формы глагольнаго корня: «Ъду»; въ 1-й формѣ этотъ глаголъ значитъ «быть врагомъ»; существительное «адовв»—«врагъ»; значеніе 8-й формы, по словарямъ Фирузабадія и Джаугарія: «стать враждебну» и, отсюда, также: «быть несправедливу». Ульманнъ вполнѣ резонно переводитъ: «jedoch beginnet die Feindseligkeiten nicht». Гаури, слѣдуя мнѣнію многихъ арабистовъ и переводу Ульманна, говоритъ: «Хотя нѣкоторыя секты утверждаютъ, что Коранъ предписываетъ войну наступательную противъ невѣрныхъ, мы должны однако признать, что Мухаммедъ заповѣдывалъ только войну оборонительную» и цитируетъ вышеприведенное мѣсто 2-й суры. Г. Хомутовъ, не зная арабскаго языка, говоритъ въ примѣчаніи, что переводъ Ульманна не точенъ и цитируетъ съ своей стороны переводъ Саблукова: «но не будьте несправедливы»,—переводъ болѣе короткій, чѣмъ у Ульманна, но на этотъ разъ даже не буквальный: Саблуковъ береть не первое, но вторичное значеніе глагола, противорѣчащее притомъ смыслу контекста. Для подкрѣпленія своей мысли, будто Мохаммедъ приказалъ мусульманамъ вести наступательную войну, г. Хомутовъ ссылается (не называя впрочемъ страницы) на «обстоятельное изслѣдованіе А. И. Агрономова: Мухаммеданское ученіе о войнѣ съ невѣрными. Казань 1877». Это «обстоятельное изслѣдованіе», помѣщенное въ XIV вып. «Миссіонерскаго *противомусульманскаго* сбор-

Digitized by Google

ника», написано студентомъ Каз. Дух. Акад., который не зналъ ни востока, ни литературы по востоку, ни даже арабскаго языка (послѣдняго обстоятельства онъ и не скрывалъ,—см. назв. соч., стр. 155). Но и этотъ присяжный врагъ мусульманства не рѣшился приписать Мохаммеду *прямого* повелѣнія начинать войну съ немусульманами, а сознался только, что всѣ предписанія Корана о войнѣ съ невѣрными *можно* истолковать и двусмысленно, т. е. въ смыслѣ обязательной пропаганды ислама (назв. соч., стр. 123). Что можно, въ этомъ никто не сомнѣвался: не даромъ же нѣкоторыя мусульманскія школы учатъ въ такомъ смыслѣ; но зачѣмъ навязывать ту же тенденцію и самому Мохаммеду? Проф. Нофаль въ своей «Législation musulmane» (St-Pétersb. 1893, p. 400 — 401) замѣчаетъ о людяхъ, подобныхъ г. Агрономову: «Изобрѣтатели знаменитаго хедиса, по которому Пророкъ говоритъ: «Я получилъ предписаніе сражаться съ невѣрными, пока они не примутъ моей вѣры», забываютъ одну вещь, вещь очень простую и очевидную, а именно—что мусульмане при своемъ появленіи составляли *ничтожное меньшинство*, и что подобныя рѣчи въ устахъ новаго апостола были бы столь же неумѣстны, сколько гибельны для его собственнаго дѣла. Если бы Мохаммедъ произнесъ что-либо подобное, то на него смотрѣли бы не просто какъ на ересіарха или нововводителя религіознаго, но какъ на отъявленнаго врага, который, силою и насиліемъ, покушается на жизнь, честь и имущество остальныхъ арабовъ и котораго надо задавить въ самомъ же началѣ. Со стороны великаго Пророка подобное заявленіе было бы настолько же глупо и неблагоразумно, насколько глупо и неблагоразумно было бы, если бы одна изъ современныхъ мусульманскихъ державъ, которыя, всѣ вмѣстѣ взятыя, насчитываютъ едва 30 милліоновъ мусульманскаго населенія, рѣшилась заявить державамъ не мусульманскимъ, имѣющимъ подъ своей властью болѣе 120 милліоновъ мусульманъ-сониитовъ, что она считаетъ своею обязанностью сражаться съ этими державами, пока онѣ не примутъ ислама или не подчинятся мусульманамъ. Если мы можемъ быть увѣрены, что никогда ни одна изъ мусульманскихъ державъ не рискнетъ бросить въ лицо Европѣ такой вызовъ, то тѣмъ болѣе можемъ быть увѣрены, что никогда великій Пророкъ, бывшій безконечно умнѣе тѣхъ, кто посмѣлъ вложить въ его уста столь глупыя и противообщественныя слова, не могъ дойти до такой дерзости, какую вмигъ и блестящимъ образомъ опровергли бы время, обстоятельства и дѣйствительность».—У г. Хомутова не возникаютъ подобныя соображенія, потому что онъ вовсе не знакомъ съ востокомъ, хотя живетъ и въ Ташкентѣ. — До чего доходитъ его невѣдѣніе, видно также изъ выраженія на стр. 295: «Прежній *наставникъ* Таифа, Хаджаджъ». Переводчикъ думаетъ, что Таифъ—это есть лицо. А Таифъ—это городъ!—По временамъ г. Хомутовъ считаетъ своей обязанностью указывать, что и на русскомъ языкѣ напечатано кое-что по тому или другому предмету. Такъ, онъ пере-

Digitized by Google

числяетъ всѣ жалкія студенческія работы, помѣщенныя въ «Мисс. противомус. сборникѣ», и пропускаетъ дѣйствительно солидный трудъ, помѣщенный тамъ же: «Очеркъ быта арабовъ въ эпоху Мухаммеда» Машанова (вып. XVII, Каз. 1885). Кромѣ того онъ не стѣсняется (стр. 154) рекомендовать читателямъ элаборатъ С. Уманца: «Очеркъ развитія религіозно-философской мысли въ исламѣ». Dis-moi, qui tu hantes,—je te dirai, qui tu es!

Мы такъ долго останавливались на книгѣ Гаури и ея русскомъ переводѣ потому, что въ русской литературѣ, совсѣмъ бѣдной сочиненіями по востоковѣдѣнію, приходится считаться со *всякими* явленіями въ этой области. За неимѣніемъ хорошихъ сочиненій, будетъ имѣть успѣхъ въ русской публикѣ и книга Гаури, несмотря даже на ея дорогую цѣну (3 руб.). Недавно мы видѣли, какъ даже одинъ профессоръ собирался воспользоваться ею для учебныхъ цѣлей (правда, не университетскихъ). Если наша рецензія предостережетъ читателей отъ излишняго довѣрія къ названному сочиненію и заставитъ ихъ для разъясненія многихъ интересныхъ вопросовъ, затронутыхъ пасторомъ Гаури, обратиться къ другимъ, ужъ солиднымъ трудамъ, напр., къ недавно изданной «Исторіи ислама» Мюллера, то мы будемъ считать свою цѣль достигнутой.

А. Крымскій.

Человѣческія расы. Народы Африки. *Сост. подъ ред. Г. М. Пекаторосъ* (стр. 187 in 16°. Одесса. 1895. Общедоступная библіотека. Серія II.—Человѣкъ).—Издатель и редакторъ книжки, заглавіе которой мы выписали,—г. Пекаторосъ, задался цѣлью «дать читателю съ среднимъ образованіемъ возможность составить за небольшія деньги библіотеку по всѣмъ отраслямъ знанія», причемъ серія 2-ая посвящена изученію человѣка. Въ нее, кромѣ названной книги, имѣютъ войти описаніе народовъ Азіи, Америки, Австраліи, и Европы, далѣе отдѣлы: «первобытный человѣкъ», «анатомія и физіологія человѣка и пр». Къ мысли издателя нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ, тѣмъ болѣе, что недостатокъ книгъ на русскомъ языкѣ, дающихъ популярныя свѣдѣнія о бытѣ различныхъ племенъ и народовъ, даетъ себя чувствовать уже давно. Естественно также, что къ изданію, подобному «библіотекѣ» г. Пекаторосъ, мы не можемъ предъявлять тѣхъ-же требованій, какъ къ самостоятельному труду: составитель въ этихъ случаяхъ является лишь компиляторомъ, и находится въ тѣсной зависимости отъ избранныхъ имъ источниковъ; слѣдовательно, наибольшее вниманіе должно быть направлено на выборъ этихъ послѣднихъ, такъ какъ отъ него зависитъ и достоинство книги. «Предлагаемая вниманію читателя книга «Человѣческія расы», читаемъ мы въ предисловіи, составлена по сочиненіямъ Жирарда де-Ріаля, Э. Брандта, Э. Реклю, Г. М. Стенли, Э. Петри, А. Ховелака и др. Мы не знаемъ, кто разумѣется подъ неопредѣленнымъ *«и др.»*, но несомнѣнно, что если-бы составителю книги были извѣстны новѣйшія

Digitized by Google

изслѣдованія о доисторическомъ человѣкѣ, онъ едвали считалъ бы, что «существованіе отесанныхъ камней въ третичную эпоху неоспоримо болѣе», съ меньшимъ довѣріемъ относился бы къ существованію антропопитека и къ попыткамъ опредѣлить физическій типъ обитателей зап. Европы въ диловіальный періодъ. Подобныхъ ошибокъ можно было-бы указать въ большемъ количествѣ, что и заставляетъ желать, чтобы въ имѣющихъ появиться въ свѣтъ другихъ книжкахъ этого изданія источники были-бы выбираемы съ большей тщательностью; изученіе племенъ, населяющихъ Австралію, Америку, Азію еще далеко отъ своего окончанія: каждый годъ даритъ наукѣ рядъ цѣнныхъ монографій — результатъ трудовъ изслѣдователей и путешественниковъ. Эти труды вносятъ зачастую новый свѣтъ въ наши взгляды на тотъ или другой научный вопросъ, на культуру племени и заставляютъ измѣнять прежде существовавшія мнѣнія. Составленіе компилятивнаго труда на основаніи многочисленныхъ источниковъ представитъ внѣ сомнѣнія больше трудности, но такой трудъ принесетъ значительно больше пользы, въ особенности для читателей «съ среднимъ образованіемъ», которые обыкновенно не могутъ провѣрить предлагаемые въ книгѣ факты и положенія. Будемъ надѣяться, что дальнѣйшіе выпуски избѣгнутъ недостатковъ, вкравшихся въ первый томикъ, и составятъ дѣйствительно общедоступную библіотеку по этнографіи, единственнымъ недостаткомъ которой осталось бы отсутствіе рисунковъ, помѣщенія которыхъ при дешевой (25 к.) цѣнѣ на выпускъ нельзя и требовать отъ издателя. *Н. Х.*

М. Ковалевскій: Очеркъ происхожденія и развитія семьи и собственности, *пер. М. Іолшина* (СПБ. 1895, стр. 149, 8°).

Карлъ Каутскій: Возникновеніе брака и семьи (СПБ. 1895, стр. 120, 8°).—Съ удовольствіемъ отмѣчаемъ обогащеніе этнографической литературы на русскомъ языкѣ названными двумя переводными трудами. Одинъ изъ нихъ принадлежитъ перу нашего знаменитаго ученаго М. М. Ковалевскаго и представляетъ переводъ лекцій, читанныхъ имъ въ Стокгольмскомъ университетѣ. Хотя эти лекціи на французскомъ языкѣ были напечатаны еще въ 1890 г.—въ русскомъ переводѣ онѣ появляются лишь пять лѣтъ спустя. Нельзя не пожалѣть, что интересный трудъ М. М. Ковалевскаго, имѣющаго давно громкую извѣстность и какъ историкъ первобытнаго права, сдѣлался не раньше доступнымъ русскимъ читателямъ: широта взглядовъ, талантливое сопоставленіе и освѣщеніе фактовъ всегда являлись отличительными чертами его трудовъ, вслѣдствіе чего значеніе ихъ для русскихъ читателей, имѣющихъ въ распоряженіи лишь крайне ограниченную литературу по одному изъ наиболѣе интересныхъ вопросовъ этнографіи, было громадно; это значеніе усиливается и тѣмъ, что авторъ привлекаетъ на ряду съ данными, почерпаемыми изъ иностранныхъ источниковъ, и факты, доставляемые русской этнографической лите-

Digitized by Google

ратурой, освѣщаетъ ихъ и такимъ образомъ доказываетъ, сколько интересныхъ и важныхъ въ научномъ отношеніи наблюденій можетъ доставить наукѣ этнографическое изученіе Россіи.

К. Каутскій, правда, не принадлежитъ къ первостепеннымъ ученымъ, направляющимъ свои силы на изученіе исторіи развитія брака и семьи; но онъ высказываетъ много интересныхъ и оригинальныхъ взглядовъ по названнымъ вопросамъ, и уже это одно вполнѣ оправдывало бы появленіе названной работы его въ русскомъ переводѣ. Но и помимо этого мы должны были бы отнестись съ благодарностью къ переводчику за принятый имъ на себя трудъ: наша отечественная литература руководящихъ сочиненій по этнографіи крайне бѣдна, а работы на иностранныхъ языкахъ мало еще доступны. Между тѣмъ въ странѣ, представляющей столь богатую почву для этнографическихъ изслѣдованій, какъ Россія, этотъ недостатокъ чувствуется съ особенной силой. Если вспомнить, какое важное значеніе имѣли въ дѣлѣ развитія у насъ интереса къ этнографіи переводы трудовъ Тайлора, Спенсера, Леббока и др., не можетъ оставаться сомнѣнія въ цѣлесообразности изданія переводовъ сочиненій и другихъ многочисленныхъ иностранныхъ этнографовъ, и переводчики, дѣлающіе ихъ доступными русскимъ читателямъ, приносятъ большую пользу нашему отечествовѣдѣнію, такъ какъ только знакомство съ общими вопросами даетъ возможность отнестись сознательно къ собиранію сырого матеріала. Развитіе же сознательнаго отношенія къ отечествовѣдѣнію знаменуетъ собой и прогрессъ умственнаго развитія общества. *Н. Х.*

А. И. Бодуэнъ де-Куртенэ: Матеріалы для южно-славянской діалектологіи и этнографіи. Спб. 1895 г. 8°. XLVII+708. Ц. 6 р.

Проф. А. И. Бодуэнъ де-Куртенэ посвятилъ уже цѣлый рядъ работъ изслѣдованію языка и быта Резьянъ, небольшой кучки юго-славянъ (словенской семьи), затерявшихся далеко на западѣ среди итальянскаго населенія, въ сѣверной Италіи, постепенно исчезающихъ подъ вліяніемъ итальянскаго, частью нѣмецкаго населенія. Еще въ 1875 г. (Лейпцигъ) имъ изданъ *Опытъ фонетики Резьянскихъ говоровъ* съ приложеніемъ *Резьянскаго катехизиса* (см. 19 Присужд. Увар. премій 1878, стр. 3, 397—420), въ 1876 г. имъ изданъ этнографич. очеркъ *Резья и Резьяне* (Слав. сборн., стр. 223—371; см. также 19 Прис. Ув. пр., стр. 412—420); за ними слѣдовали *Глоттологическія замѣтки*, посвященныя разбору иноземнаго вліянія на резьянскіе говоры. Теперь имъ изданъ, съ краткимъ введеніемъ на нѣмецкомъ языкѣ, сборникъ матеріаловъ по этому говору, собранный имъ въ 1872, 1873 и 1878 гг., съ приложеніемъ напѣвовъ резьянскихъ пѣсенъ, нотъ, записанныхъ г-жей Элли фонъ-Шульцъ-Адаевской*). Всѣ

*) Та-же г-жа Шульцъ-Адаевская собрала мотивы къ бѣлорусскимъ и польскимъ пѣснямъ въ Сокольскомъ уѣздѣ, Гродненской губ., тексты которыхъ запи-

Digitized by Google

матеріалы снабжены подстрочнымъ нѣмецкимъ переводомъ, раздѣлены на группы по содержанію и по мѣстностямъ. Преобладающая масса матеріала—разговоры: отдѣльныя фразы, отдѣльныя слова. Разсказы, сказки, легенды, загадки — всѣ почти извѣстны уже по-русски изъ упомянутой статьи «Резья и Резьяне». Новость составляютъ матеріалы 1878 года, поправки къ нимъ на основаніи путешествій Бодуэна де-Куртенэ 1890—93 гг., а затѣмъ матеріалы, собранные г-жей Шульцъ-Адаевской (сказки, преимущ. пѣсни, снабжены частью итальянскимъ переводомъ). Въ концѣ (VI часть) перепечатанъ резьянскій катехизисъ и приложены упомянутыя ноты. Такимъ образомъ въ данномъ томѣ Б. де-Куртенэ свелъ въ одно весь матеріалъ, до сихъ поръ собранный по языку и литературѣ Резьянъ. Записи сдѣланы необыкновенно тщательно, съ цѣлымъ рядомъ приспособленій обычнаго шрифта ко всѣмъ тонкостямъ резьянскаго говора.

М. Сп.

Арс. Маркевичъ: Taurica. *Опытъ указателя сочиненій, касающихся Крыма и Таврической губ.* (Симферополь. 1894 г. 8° стр. 394).—Польза указателей, подобныхъ вышеназванному, слишкомъ очевидна, чтобы о ней распространяться: кромѣ облегченія при занятіяхъ извѣстной областью, возможности оріентироваться въ многочисленныхъ сочиненіяхъ, статьяхъ и замѣткахъ, библіографическіе указатели даютъ возможность уяснить, что сдѣлано для изученія данной области, и что еще остается сдѣлать. Если разсматривать съ этой точки зрѣнія этнографическую литературу о Крымѣ, по указателю г. Маркевича (отд. II и дополненія ко II-му отд.), нельзя не обратить вниманія на сравнительную ея бѣдность; оставивъ въ сторонѣ свѣдѣнія, дошедшія до насъ объ обитателяхъ Крыма отъ прошлыхъ вѣковъ, мы найдемъ лишь незначительное количество сочиненій, посвященныхъ описанію современныхъ обычаевъ и обрядовъ разнохарактернаго населенія полуострова; небезъинтересенъ фактъ, что количество этнографическихъ работъ по Крыму значительно упало за послѣднія полтора десятилѣтія, сравнительно съ періодомъ, когда Крымъ былъ менѣе доступенъ, благодаря отсутствію жел. дороги, и не былъ еще ежегодно наводняемъ тысячами посѣтителей.

Обращаясь къ исполненію г. Маркевичемъ своей задачи, мы должны оговориться, что составленіе указателей представляетъ всегда настолько значительный трудъ, что нѣкоторые пробѣлы и недостатки не должны быть ставимы въ вину автору. Несомнѣнно, по недосмотру въ число крымскихъ татаръ авторъ включилъ и качинскихъ татаръ (соч. кн. Кострова); въ нѣкоторыхъ случаяхъ допущены опечатки какъ въ фамиліяхъ авторовъ или издателей, такъ и въ указаніи стра-

---

саны также г. Бодуэномъ-де-Куртенэ. Этотъ матеріалъ напечатанъ недавно въ Краковскомъ академич. изданіи: „Zbiór wiadomości do antropologii Krajowej", t. XVI (стр. 219—238), добавленіе и поправки см. въ т. XVIII (стр. 225—231).

Ред.

Digitized by Google

ницъ и т. п. Но все это не лишаетъ работу г. Маркевича серьезнаго значенія, которое она имѣетъ, такъ какъ представляетъ единственный по своей обширности и полнотѣ библіографическій указатель по разнымъ областямъ крымовѣдѣнія. *Н. Х.*

Г. Е. Грумъ-Гржимайло: Описаніе Амурской области, *подъ ред. П. П. Семенова* (стр. V+639, 8°, съ картой. Спб. 1894). Трудъ, заглавіе котораго мы выписали, имѣетъ цѣлью свести воедино имѣющійся матеріалъ по изученію области въ отношеніяхъ географическомъ, этнографическомъ и экономическомъ. «При разработкѣ превзошедшихъ всѣ наши ожиданія своимъ богатствомъ и разнообразіемъ матеріаловъ, Г. Е. Грумъ-Гржимайло, согласно моимъ указаніямъ, пишетъ П. П. Семеновъ, настойчиво придерживался правила, усвоеннаго мною отъ незабвеннаго моего учителя, Карла Риттера — разрабатывать всѣ доступные автору матеріалы исчерпывающимъ образомъ, не выхватывая только нѣкоторые изъ нихъ на выдержку, а на оборотъ, не пропуская ни одного изъ показаній объ изслѣдуемой странѣ, и сопоставляя ихъ между собой, приходить къ выводамъ не иначе, какъ по тщательной, сравнительной и критической ихъ оцѣнкѣ". Такое подведеніе итоговъ крайне важно между прочимъ и потому, что только такимъ путемъ дается полная возможность судить, что остается еще сдѣлать для полнаго изученія извѣстной области. Имѣя въ виду отдаленность Амурской области отъ центровъ просвѣщенія, трудности, съ которыми сопряжено изученіе ея даже мѣстнымъ ученымъ силамъ, количество собраннаго матеріала оказывается очень богатымъ, но это богатство, конечно, лишь относительное, въ особенности насколько это касается изученія быта разнохарактернаго по своему составу и культурному уровню населенія области.

Наиболѣе интересными для этнографіи являются гл. I («Историческій очеркъ судебъ Амурскаго края») и гл. IX—XII («Инородческое населеніе Ам. обл.»; «Русское населеніе, распредѣленіе его по населеннымъ мѣстамъ области и экономическое положеніе послѣднихъ»; «Сельское хозяйство русскаго населенія» и «Неземледѣльческая промышленность русск. населенія, торговые пути и торговля»). Эти главы, представляя прекрасную картину нашихъ свѣдѣній о населеніи области, служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ и доказательствомъ, какое обширное поле остается еще неизслѣдованнымъ въ этнографическомъ отношеніи, какъ много можно еще ожидать, если труды мѣстныхъ научныхъ силъ будутъ направлены на подробное ознакомленіе со всѣми сторонами быта населенія области.

Въ указанномъ трудѣ мы обращаемъ вниманіе, какъ на особенно отрадный фактъ, что составители удѣлили не мало мѣста и изученію русскаго населенія: въ мѣстностяхъ, населенныхъ инородцами, подвергающимися вліянію своихъ сосѣдей и подъ этимъ вліяніемъ утрачивающими свои особенности, этнографическія изслѣдованія обращаются

Digitized by Google

преимущественно на изученіе быта ихъ, такъ какъ онъ даетъ намъ подчасъ неоцѣненныя свѣдѣнія для сравнительной этнографіи и позволяетъ вблизи наблюдать стадіи развитія, отъ которыхъ далеко ушли болѣе цивилизованные народы. Но не менѣе интереса должно представлять для науки этнографіи и изученіе быта болѣе позднихъ колонизаторовъ—русскихъ: подъ вліяніемъ среды происходятъ измѣненія въ формѣ быта; эти измѣненія захватываютъ подчасъ не только матеріальную культуру, но оказываютъ существенное вліяніе и на правовые взгляды, даже на религіозныя представленія. Изученіе этихъ измѣненій и условій, ихъ регулирующихъ, составитъ, внѣ сомнѣнія, видный вкладъ въ науку. Составитель главъ, касающихся русскаго населенія Амурской области, П. П. Семеновъ, былъ вынужденъ ограничиться преимущественно экономическимъ бытомъ: было-бы желательнымъ, чтобы дальнѣйшія изслѣдованія, на ряду съ изученіемъ инородцевъ, не оставляли въ сторонѣ и русское населеніе, чѣмъ они окажутъ существенную услугу нашему отечествовѣдѣнію. *Н. Х.*

Протоколы Троицкосавско-Кяхтинскаго Отдѣленія Приамурскаго Отдѣла Имп. Русск. Географическаго Общества.

Оживленіе научнаго изслѣдованія Сибири должно быть привѣтствуемо съ тѣмъ большимъ основаніемъ, что какъ ни обширна наша литература о Сибири по вопросамъ этнографіи, археологіи, антропологіи и географіи, Сибирь все еще продолжаетъ оставаться страной неизслѣдованной, гдѣ ученый постоянно наталкивается на новые факты, изученіе и освѣщеніе которыхъ должно, взятое въ совокупности, въ значительной степени обогатить и дополнить имѣющійся у насъ сравнительно скудный запасъ свѣдѣній о современномъ и прошломъ бытѣ населенія Азіатской Россіи. Троицкосавско-Кяхтинское Отдѣленіе Приамурскаго Отдѣла И. Р. Г. О. открыло свои дѣйствія недавно, но благодаря кружку лицъ, работающихъ энергично и преданныхъ научнымъ изслѣдованіямъ, оно успѣло зарекомендовать себя рядомъ интересныхъ трудовъ и этимъ завоевать себѣ видное положеніе среди ученыхъ обществъ, посвящающихъ свои силы разработкѣ мѣстныхъ вопросовъ этнографіи, археологіи и антропологіи. Изданные протоколы засѣданій Отдѣленія служатъ лучшимъ доказательствомъ, какъ широко понимаютъ члены отдѣленія свои задачи и съ какой энергіей они стремятся къ достиженію намѣченной цѣли изслѣдованія края. Такъ, напр., въ протоколѣ *засѣданія 23 ноября 1894 г.* помѣщены интересные доклады: *А. П. Мостица*: Объ археологическихъ находкахъ въ окрестностяхъ слободы Усть-Кяхты, *Ю. Д. Талько-Грынцевича*: О человѣческихъ костяхъ, найденныхъ въ окрестностяхъ слободы Усть-Кяхты, и *Д. А. Клеменца:* Замѣтка о Хангаѣ. *А. П. Мостичъ* изслѣдовалъ въ ближайшихъ окрестностяхъ слободы Усть-Кяхты нѣсколько стоянокъ, давшихъ значительное количество каменныхъ, бронзовыхъ и желѣзныхъ издѣлій; наиболѣе

Digitized by Google

богатой археологическимъ матеріаломъ оказалась стоянка на р. Савѣ, притокѣ Селенги; особенный интересъ представляютъ предметы каменнаго вѣка (наконечники стрѣлъ, скребки), причемъ найденные нуклеусы съ мелкими безформенными осколками служатъ доказательствомъ, что производство каменныхъ орудій совершалось на мѣстѣ; не менѣе интересны и орнаментированные черепки глиняной посуды, открытые въ стоянкѣ. Найденные изслѣдователемъ мѣдные предметы представляли различной формы наконечники стрѣлъ и ножи; наконецъ былъ найденъ котелъ т. наз. «скиѳскаго типа». Желѣзныя вещи по древности г. Мостицъ относитъ къ 2—3 вѣкамъ до нашего времени. Говоря о стрѣлкахъ, добытыхъ археологическими изысканіями, авторъ доклада попутно сообщаетъ суевѣрныя представленія бурятъ и мѣстныхъ русскихъ, соединяемыя съ находимыми случайно древними стрѣлками. Найденныя при этихъ раскопкахъ человѣческія кости составили предметъ доклада *Ю. Д. Талько-Грынцевича*, разсмотрѣвшаго ихъ съ антропологической точки зрѣнія и давшаго имъ научное освѣщеніе. Подобное параллельное изученіе слѣдовъ человѣка съ археологической и антропологической точекъ зрѣнія заслуживаетъ тѣмъ большаго сочувствія, что къ сожалѣнію до послѣдняго времени случается весьма часто, что остеологическій матеріалъ, добытый при археологическихъ изысканіяхъ, не останавливаетъ въ достаточной степени вниманія спеціалистовъ. Антропологіи посвященъ и другой рефератъ *г. Талько-Грынцевича:* Случай врожденной деформаціи черепа, читанный въ *засѣданіи 22-го февраля 1895 г.*; авторъ отмѣтилъ и научно освѣтилъ случай скафоцефалической деформаціи черепа. Другое сообщеніе, читанное въ томъ-же засѣданіи, принадлежитъ *Г. М. Осокину*: Матеріалы для этнографіи западнаго Забайкалья. Авторъ доклада производилъ свои этнографическія наблюденія въ районѣ р. Селенги отъ селенія Усть-Кяхты до Байкала, притока ея Чикоя и пограничной съ Монголіей полосы отъ Наушинскаго караула до Шарагольскаго; въ помянутомъ докладѣ г. Осокинъ сообщаетъ преданія, сказки, повѣрія, примѣты и пр. среди русскаго населенія названной мѣстности (Преданія: какъ море Байкалъ сдѣлалось, о двужильныхъ людяхъ, о пещерѣ съ золотымъ вкладомъ, Устиньина могила, о зеленомъ гадѣ; двѣ сказки; повѣрія и примѣты при рожденіи, бракѣ, смерти и похоронахъ и пр.; свѣдѣнія о ворожбѣ, колдовствѣ и знахарствѣ у русскихъ и бурятъ). Въ виду того, что въ районѣ изслѣдованій г. Осокина происходитъ сильное взаимодѣйствіе русскихъ и бурятъ, свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ, получаютъ особенный интересъ, вслѣдствіе чего нельзя не пожелать автору полнаго успѣха въ продолженіи его плодотворныхъ изслѣдованій.

Н. Х.

В. Васильевъ: Географія Тибета, *перев. изъ тибетскаго сочиненія Миньчжулъ Хутукты* (СПБ. 1895. 8°, стр. 95). «Географія Тибета» является частью всеобщей географіи, составленной бывшимъ

Digitized by Google

въ 20-хъ и 30-хъ годахъ помощникомъ консисторіальнаго управителя ламами въ Пекинѣ Миньчжулъ Хутуктой (+1839 г.). Краткая географія всего міра, составленная имъ на основаніи разспросовъ европейцевъ, въ частности и извѣстнаго О. М. Ковалевскаго, представляетъ естественно мало интереса, вслѣдствіе чего переводчикъ опубликовалъ лишь ту часть, гдѣ авторъ говоритъ уже отъ себя о Тибетѣ и по свѣдѣніямъ, собраннымъ не отъ европейцевъ, — объ Индіи. Интересъ «географіи» особенно усиливается тѣмъ, что авторъ подробно останавливатся на святыняхъ Тибета, перечисляетъ и описываетъ многочисленные монастыри, предметы культа, хранящіеся въ нихъ, отмѣчаетъ количество духовныхъ лицъ, мѣстонахожденіе различныхъ школъ и пр. Вслѣдствіе этого трудъ М.-Хутукты можетъ быть названнымъ «путеводителемъ по святымъ мѣстамъ Тибета» и какъ таковый даетъ много интересныхъ свѣдѣній для этнографіи, тѣмъ болѣе, что попутно сообщаются и легенды о происхожденіи того или иного мѣста поклоненія. Къ сожалѣнію о святыняхъ Хлассы авторъ говоритъ сравнительно кратко, ссылаясь на «Хлассійскій Каталогъ, составленный всевѣдущимъ Чжам-янъ Гавій Шейньен'омъ». Миньчжулъ Хутукта безусловно вѣруетъ въ подлинность тибетскихъ, святынь и это придаетъ его разсказу характеръ свѣжести и оригинальности; онъ рѣзко нападаетъ на отрицающихъ подлинность святынь: такъ напр., разсказывая о мѣстѣ рожденія Цзонхавы, онъ замѣчаетъ: «здѣсь на мѣстѣ, гдѣ онъ родился, стоитъ великій монастырь Гумбумъ, въ которомъ есть дерево бѣлаго сандала, о которомъ говорятъ, что оно выросло изъ крови, текшей при рожденіи Цзонхавы, и такъ какъ на листьяхъ его явились сами собой 100,000 тѣлъ (изображеній сГуавумъ) Чжалва Сенге Нгаро, поэтому (монастырь) и называется Гумбумомъ. Даже и понынѣ на листьяхъ сандальнаго дерева и на корѣ существуетъ множество изображеній кумировъ и буквъ. Нѣкоторые наши амдосцы, продолжаетъ авторъ, не знающіе никакой критики, говорятъ, что это начертано иголкой на деревѣ, но это суть люди злонамѣренно неблагоговѣющіе и невѣрующіе, что великій Цзонхава есть основатель дГэлугбійскаго ученія... Но глядя на тѣхъ, которые не признаютъ видимаго предъ глазами, а считаютъ за правду, что ни скажешь, поэтому въ такихъ нѣтъ ни капли ума»! Если значеніе названнаго труда и умаляется, благодаря новѣйшимъ изслѣдованіямъ Тибета, то для этнографа онъ во всякомъ случаѣ не теряетъ своей цѣнности, и нельзя не благодарить нашего извѣстнаго синолога за ознакомленіе русской публики съ трудомъ Миньчжулъ Хутукты. *Н. Х.*

Travaux géographiques exécutés en Finlande.—A. O. Heikel: Explorations ethnologiques. *(Оттискъ изъ Трудовъ Фин. Геогр. Общ. 15 стр. 8°).*

Эта небольшая замѣтка принадлежитъ перу извѣстнаго финляндскаго ученаго и изслѣдователя А. Гейкеля, автора цѣнныхъ монографій по описанію современныхъ типовъ построекъ у финновъ и по изученію

Digitized by Google

древностей западной Сибири; цѣль ея познакомить иностранцевъ съ тѣмъ вкладомъ въ этнологію, который внесенъ финляндскими учеными: главнымъ образомъ труды плеяды французскихъ ученыхъ были направлены на изученіе финскихъ народностей, многочисленные представители которыхъ разсѣяны какъ въ европейской, такъ и азіатской Россіи. Сообразно задачамъ, которыя преслѣдовались при изученіи, авторъ въ своемъ обзорѣ дѣлитъ ученыхъ на три группы: 1) занимавшихся собраніемъ памятниковъ народнаго творчества, 2) посвятившихъ себя изученію языковѣдѣнія и 3) совершавшихъ путешествія съ цѣлью собранія этнографическихъ и археологическихъ данныхъ. Труды такихъ крупныхъ изслѣдователей какъ Лёнротъ, Шегренъ, Кастренъ, Аспелинъ, Алквистъ и самого автора, хорошо извѣстны въ Россіи, и заслуги ихъ оцѣнены наукой; но рядомъ съ этими именами стоитъ и цѣлый рядъ другихъ менѣе извѣстныхъ тружениковъ, работы которыхъ или не дали такихъ крупныхъ результатовъ, или пользуются меньшей извѣстностью оттого, что, будучи напечатаны на мало распространенномъ языкѣ, онѣ оказываются менѣе доступными для иностранныхъ изслѣдователей. О пользѣ предпринятаго г. Гейкелемъ обзора едвали слѣдуетъ распространяться; но именно вслѣдствіе той пользы, которая приносится подобными изданіями, мы не можемъ не пожалѣть, что авторъ ограничился лишь крайне бѣглымъ очеркомъ и относительно работъ многихъ изслѣдователей не указалъ, гдѣ появились въ печати ихъ труды: подобное указаніе было-бы тѣмъ болѣе цѣннымъ, что часто эти труды печатались въ мало доступныхъ изданіяхъ. Кромѣ того „обзоръ" г. Гейкеля, давая яркую картину количественнаго участія финляндскихъ ученыхъ въ дѣлѣ всесторонняго изслѣдованія быта финновъ, къ сожалѣнію, не даетъ ихъ качественной оцѣнки, вслѣдствіе чего, если ограничиваться исключительно свѣдѣніями, сообщаемыми «обзоромъ», читатель не въ состояніи вынести яснаго представленія о пользѣ, принесенной трудами этихъ ученыхъ, въ особенности, когда рѣчь идетъ о менѣе извѣстныхъ изслѣдователяхъ. Наконецъ такого рода оцѣнка дала бы возможность выяснить вопросъ о движеніи науки этнографіи въ Финляндіи: на мѣстныхъ ученыхъ отражались господствовавшія въ наукѣ теоріи, недостатокъ матеріала вліялъ часто на нѣкоторую поспѣшность выводовъ, которые измѣнялись подчасъ коренным образомъ, благодаря новымъ изысканіямъ въ той же области и т. д. Естественно, что мы не можемъ ставить въ вину автору то, что онъ не расширилъ въ указанномъ направленіи рамокъ своего труда, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы не можемъ не высказать сожалѣнія, что читатель-иностранецъ, которому мало приходилось сталкиваться съ вопросомъ объ изученіи финскаго племени и для котораго, повидимому и составленъ «обзоръ», основываясь на немъ, не будетъ въ состояніи отвести финляндскимъ ученымъ и изслѣдователямъ то мѣсто въ общемъ движеніи изученія этнографіи, которое они заслуживаютъ.

Н. Х.

Digitized by Google

Труды IX-го Археологическаго Съѣзда въ Вильнѣ 1893 года, т. I. *(подъ ред. гр. П. С. Уваровой и С. С. Слуцкаго; М. 1895; 4°, стр. 304 + 65, съ 91 рис. въ текстѣ, 10 табл. рис. и 1 картою).* Среди обширнаго количества работъ, составляющихъ содержаніе 1 т. «Трудовъ» Виленскаго Съѣзда, и посвященныхъ изученію археологіи и исторіи Россіи, находится и не мало матеріала по доисторической и исторической этнографіи: мы будемъ разсматривать работы Съѣзда исключительно съ точки зрѣнія этого матеріала. Извѣстный изслѣдователь древняго быта и исторіи прибалтійскихъ губерній пасторъ *А. Биленштейнъ* въ статьѣ: *Le village d'Apoule dans le gouv. de Kowno ét la ville finnoise Apulia*, разбираетъ слѣд. вопросы: 1) историческія свидѣтельства о городѣ куровъ Апулія, 2) о мѣстонахожденіи его и 3) о національности куровъ. Авторъ соглашается съ возможностью отожествить древнюю Апулію съ мѣстностью у дер. Апуле въ Тельшевск. у. Ковенск. губ., что позволяетъ приблизительно опредѣлить границы распространенія куровъ въ половинѣ IX в., когда упоминаніе объ этомъ городѣ встрѣчается въ vita Anskarii при описаніи похода шведовъ на куровъ. Относительно національности куровъ IX в., паст. Биленштейнъ, не отрицая, что въ ихъ средѣ находился позже проникнувшій въ совр. Курляндію финскій элементъ (ливы), считаетъ ихъ за латышей. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что этотъ выводъ автора, основанный на историческомъ матеріалѣ, относящемся къ значительно болѣе поздней эпохѣ, именно къ XIII и слѣдующимъ вв., и на изученіи названій мѣстностей, среди которыхъ % финскихъ названій сравнительно съ латышскими незначителенъ, требуетъ нѣкотораго подтвержденія, такъ какъ нѣтъ достаточно основанія предполагать, что за столѣтія, протекшія отъ IX до XIII вв., не произошло серьезныхъ измѣненій въ этнографическомъ составѣ Курляндіи. Объясненіе, даваемое авторомъ названію мѣстности *Bihavelanc* изъ нѣмецкаго «*bei dem Haffentlang*» кажется черезчуръ наивнымъ. Статья *А. И. Селиванова* «о раскопкахъ Борковскаго могильника», въ которой авторъ даетъ краткій отчетъ о раскопкахъ и находкахъ въ этомъ интересномъ могильникѣ, послѣ работъ по этому же вопросу г. Черепнина, о которыхъ уже упоминалось въ «Этногр. Обозр.» представляетъ мало новаго. Интересны помѣщенные въ статьѣ рисунки, могущіе служить до нѣкоторой степени иллюстраціей къ статьѣ г. Черепнина объ одеждѣ погребеннаго въ названномъ могильникѣ народа *). *А. А. Кочубинскій* въ ст.: «Литовскій языкъ и наша старина», разбираетъ вопросъ о происхожденіи литовскаго термина для соли —druskà; авторъ склоненъ объяснить его происхожденіе фактомъ, что соль получалась литовцами изъ литовскаго торговаго города Truso, лежавшаго на р. Эльбингъ, недалеко отъ впаденія ея въ Фришъ-гафъ. По аналогіи съ объясненіемъ авторомъ русской единицы вѣса *берковецъ* отъ древняго шведскаго города *Берки*, *Биркы* (т. е. вѣсъ г. Берки),—лит. druskà

*) См. Этногр. Обозр. кн. XXVI, стр. 151.

Digitized by Google

значитъ, по мнѣнію г. Кочубинскаго, вещь, предметъ изъ Truso. Авторъ впрочемъ самъ сознается, что для принятія его гипотезы встрѣчаются нѣкоторыя лингвистическія затрудненія.—Работы гг. *Покровскаго*, *Завитневича и Фурсова* по изслѣдованію могильныхъ памятниковъ въ Виленской, Ковенской, Минской и Могилевской губ. даютъ немаловажный матеріалъ для изученія какъ похоронныхъ обрядовъ, такъ и культуры древнихъ обитателей указанныхъ мѣстностей, равно и торговыхъ сношеній края въ древности: *А. Ѳ. Мержинскій* въ статьѣ «О надровскомъ жрецѣ огня, Криве», подвергаетъ критическому разбору господствующее мнѣніе о существованіи верховной жреческой должности *Криве*, носители которой были будто бы облечены широкой властью надъ всѣмъ литовскимъ племенемъ. Единственнымъ достовѣрнымъ источникомъ, говорящимъ о Криве,—Дусбургъ (2 пол. XIII ст. и нач. XIV ст.): подробный разборъ и критическая оцѣнка этого источника, приводятъ автора къ заключенію, что показанія Дусбурга слѣдуетъ понимать лишь въ смыслѣ существованія въ Надровіи вліятельнаго жреца, личное имя котораго было Криве, слѣдовательно о должности, носившей это названіе, не можетъ быть и рѣчи. Криве Дусбурга былъ послѣднимъ жрецомъ огня въ Надровіи.—Небольшая замѣтка *В. С. Данилевича*: «Монетные клады Кіевской губ. до 1 четверти XV ст.», суммируетъ свѣдѣнія о находкахъ монетъ въ Кіевской губ. и даетъ довольно ясное представленіе о торговыхъ сношеніяхъ древнихъ кіевлянъ. Торговля шла преимущественно по Днѣпру; движеніе торговли по Бугу было незначительно и скоро прекратилось; это можно заключить изъ того, что по Бугу найдены только греческія и римскія монеты. Торговля съ черноморскими греческими колоніями началась повидимому вѣка за два до нашей эры; приблизительно съ началомъ нашего лѣтосчисленія торговля переходитъ въ руки римлянъ. Но въ III — IV в. эти сношенія значительно ослабѣли, и авторъ склоненъ объяснять это явленіе съ одной стороны положеніемъ имперіи по смерти Коммода, съ другой стороны занятіемъ южной части Россіи готами и гуннами. Торговля съ Византіей начинается еще съ VI в., а съ арабами съ VIII в. Монетъ западныхъ найдено крайне мало (два клада съ германскими монетами царств. Генриха II), что до извѣстной степени указываетъ, что торговля съ западомъ не находилась непосредственно въ рукахъ кіевлянъ. Къ статьѣ приложена карта кладовъ Кіевской губ.—*А. И. Маржевичъ* въ ст.: «Къ вопросу о народахъ, жившихъ въ древнее время въ Черноморіи», описываетъ 3 памятника, на которыхъ находятся изображенія какого-то варварскаго народа; авторъ склоненъ считать ихъ за изображенія ѳракійцевъ. Вопросъ о національности лицъ, изображенныхъ на указанныхъ памятникахъ, едва-ли можетъ быть опредѣленно рѣшенъ въ настоящее время, чѣмъ однако не умаляется ихъ интересъ, такъ какъ они могутъ пролить лучъ свѣта на вопросъ о типѣ и одеждѣ одного изъ племенъ варварскихъ, жившихъ въ древности въ Черноморіи, какъ это сдѣлано относительно скиѳовъ.

Digitized by Google

Въ этомъ же томѣ «Трудовъ» помѣщено интересное изслѣдованіе *Д. Н. Анучина*: «Амулетъ изъ человѣческой кости», о которомъ мы имѣли уже случай говорить на страницахъ нашего изданія (см. Этнограф. Об. XXV). Наконецъ, статьи г. *Площанскаго* (Акты холмскихъ судовъ XV—XXII вв.) и *о. Льва Пасвскаго* (Жировицкій и Брестъ-Литовскій архивы) даютъ небезъинтересныя указанія для желающихъ заняться въ нихъ не только вопросами исторіи, но и этнографіи края. *Н. Х.*

В. С. Свѣтловъ: Кавказскія преданія и легенды. Спб. 1895.— Эта небольшая книжка въ 265 стр. in 8° заключаетъ въ себѣ слѣдующія легенды: «Томиранда», «Духи горнаго монастыря», «Красавица Эхсина», «Два мудрыхъ совѣта», «Старый Гудъ», «Ночи Тамары», «Шатеръ Авраама». «Томиранда», амазонская легенда кавказскаго побережья Чернаго моря, составлена по источникамъ, помѣщавшимся въ «Кавказскомъ Сборникѣ» и «Сборникѣ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ». Эта любопытная легенда авторомъ книжки изложена на 90 страницахъ, разбавленная иногда правдоподобными, но чаще фантастическими дополненіями. Сущность легенды заключается въ томъ, что женщины черноморскаго (?) побережья, недовольныя продолжительнымъ отсутствіемъ мужчинъ въ азіатскихъ походахъ, рѣшаются образовать самостоятельное государство, царицей котораго избирается безстрашная Томиранда. Она первая головешкой изъ горящаго костра прижигаетъ себѣ правую грудь, и ея примѣру слѣдуютъ другія. Деспотизмъ мужей смѣняется гнетомъ Томиранды, которая издаетъ неумолимые законы, карающіе всякія нѣжныя чувства и сношенія съ мужчинами. Изъ честолюбія она требуетъ обоготворенія, и ея статуямъ воздаются божескія почести. Недовольство въ ея свитѣ и подданныхъ непрерывно усиливается, а разочарованіе въ ея божественномъ происхожденіи влечетъ за собою бунтъ. Томиранда, опасаясь за судьбу царства и вымираніе амазонокъ, разрѣшаетъ въ годъ разъ, весною, на два мѣсяца, выходить въ долину передъ городомъ для «брачныхъ ночей» съ пастухами изъ сосѣднихъ земель. Сама царица сошлась съ «бѣлокурымъ пастухомъ», чтобы дать царству преемницу по себѣ, ибо родившихся сыновей рѣшено было умерщвлять, а дѣвочекъ воспитывать. За измѣну мужа, влюбившагося въ одну прекрасную особу—Ѳему, Томиранда проливаетъ кровь своихъ подданныхъ, которыя влекутъ царицу съ мужемъ въ подземелье и погребаютъ ихъ тамъ подъ тяжелымъ камнемъ. Говорятъ, что по смерти Томиранды амазонки управлялись по примѣру своихъ сосѣдей—пастуховъ—общимъ совѣтомъ, а Томирандѣ продолжали воздавать божескія почести.—Легенда «Ночи Тамары» основана на томъ преданіи, которое легло въ основаніе стихотворенія Лермонтова «Въ глубокомъ ущельѣ Дарьяла, гдѣ роется Терекъ во мглѣ, старинная башня стояла, чернѣя на темной скалѣ». Въ связи съ этой легендой г. Свѣтловымъ приводится то преданіе, которое извѣстно намъ по прекрасному стихотворному

Digitized by Google

изложенію В. Л. Величка «Горійская башня». Юноша, доставившій царицѣ перелетѣвшаго на противоположную сторону разбушевавшагося Терека любимаго ястреба, былъ будто-бы осетинъ Сосланъ (мужъ Тамары?). Онъ приплываетъ къ берегу, передаетъ царицѣ ястреба, и въ этотъ моментъ бурная волна Терека поглощаетъ его. Тамара, будто-бы, въ отмщеніе построила тутъ же замокъ и проводила въ немъ страстныя ночи въ объятіяхъ путника, а на другой день его спускали въ волны Терека. Роковой напитокъ она подноситъ и явившемуся (съ того свѣта) Сослану, который погибаетъ отъ яда, а утромъ сама царица съ горя изъ окна кидается въ Терекъ.—Легенда «Старый Гудъ», написанная въ поэтическихъ краскахъ, передаетъ одно изъ повѣрій кавказскихъ горцевъ, что горный духъ обладаетъ человѣческими страстями, влюбляется въ земныя существа и въ своихъ, то холодныхъ, то горячихъ объятіяхъ губитъ завоевавшую его сердце особу. Въ этой легендѣ жертвой Гуда дѣлается прекрасная Нина, которую ревнивый духъ забрасываетъ заваломъ вмѣстѣ съ ея поклонникомъ Заурбекомъ.

Легенда «Шатеръ Авраама», который указывается на вершинѣ Казбека, передаетъ одну изъ тщетныхъ попытокъ смертнаго проникнуть въ этотъ таинственный уголокъ. Изъ желанія добыть богатый калымъ для полученія руки Кетеваны, Вано, герой легенды, поднимается за туромъ все выше въ горы, но здѣсь имъ овладѣваетъ раскаяніе, покорность судьбѣ, въ виду открывшейся мрачной бездны, которая угрожала своимъ адскимъ мракомъ. Въ искупленіе своего грѣха онъ воздвигаетъ храмъ у подножія Казбека...

Попутно съ сообщеніемъ легендъ, книжка г. Свѣтлова даетъ рядъ удачныхъ картинъ природы Кавказа, которыя иногда проникнуты и теплотою чувства. Книжка доставитъ удовольствіе кавказскимъ туристамъ.

А. Хах—овъ.

Еще нѣсколько образцовъ народныхъ историческихъ пѣсенъ, записанныхъ во Владимірской губ. Записалъ и издалъ **М. Бережковъ.** Нѣжинъ. 1895 г., in 4, 31 стр.

Нѣсколько годовъ къ ряду проживая лѣтомъ въ с. Бережкѣ, Юрьевскаго у., Владимірской губ., г. Бережковъ однажды узналъ по слуху, что въ селѣ есть лицо, которое знаетъ пѣсни про короля шведскаго, про царя Ивана Васильевича и жену его Марью Темрюковну, и даже про князя Владиміра, про Василису Микулишну и Ставра Годиновича. Лицомъ этимъ оказалась Катерина Алексѣевна Бережкова, ночтенная дѣвица духовнаго званія, довольно пожилая, давно состоящая просвирнею при мѣстной церкви. Пѣсни она помнитъ со словъ своей матери, бывшей діаконицы того же села, которая грамоты не знала и сказывала пѣсни также со словеснаго преданія. Сама Катерина Алексѣевна читаетъ. Отъ нея г. Бережковъ записалъ 4 пѣсни. Тутъ же въ селѣ нашлась другая сказительница, вдова причетника, Катерина Ивановна Альбицкая, отъ которой г. Бережковъ записалъ три пѣсни. Послѣдняя,

Digitized by Google

восьмая пѣсня была записана собирателемъ въ родной семьѣ. Эти пѣсни, записанныя еще въ 1883 — 85 гг., были изданы только въ истекшемъ году, съ краткимъ предисловіемъ, откуда мы почерпнули приведенныя свѣдѣнія, и съ примѣчаніемъ, содержащимъ указаніе варіантовъ и нѣкоторыя историческія сближенія. Пѣсни слѣдующія: 1. Василиса Микулишна и Ставръ Одиновичъ. 2. Мастрюкъ Темрюковичъ. 3. Сборы въ походъ (Петра Алексѣевича). 4. Шведскій король. 5, Похороны царя. 6. Прусскій король. 7. Плѣнница Румянцова. 8. Горе.

По содержанію своему пѣсни не представляютъ ничего замѣчательнаго, какъ отмѣчаетъ это и самъ г. Бережковъ. Былина съ пропусками и интерполяціями. Желая открыться мужу, Василиса ведетъ его «въ зеленый садъ гулять», гдѣ загадываетъ:

Вспомнишь ли, вспамятуешь ли,
Какъ бывало мы съ тобою гуливали,
Въ сваечки съ тобой игрывали,
Ты въ золотую, я въ серебряную,
На ігрушки ігрусалимскія,
Пѣсенки пѣли отъ Царяграда?..

Жена Владиміра носитъ имя Марьи Темрюковны. Василиса борется:

— Первый разъ дернетъ, то руку прочь,
Другой разъ дернетъ, то ногу прочь,
Третій разъ дернетъ, голова долой.

Кромѣ борьбы, Василису испытываютъ стрѣльбой.

Главное значеніе, и весьма важное, пѣсни пріобрѣтаютъ по мѣсту записи, такъ-какъ былинъ во Владимірской губ. доселѣ не было записано вовсе, да и историческихъ пѣсенъ очень немного. Весьма интересно, что пѣсни записаны отъ лицъ не крестьянской среды, между тѣмъ какъ въ Олонецкомъ краѣ, по указанію Гильфердинга, былины сохраняются исключительно въ крестьянской средѣ. Георгіевская, единственная встрѣтившаяся Гильфердингу сказительница изъ духовнаго званія, была въ особыхъ условіяхъ. *А. М. Лобода.*

А. Н. Зерцаловъ: Къ матеріаламъ о ворожбѣ въ древней Руси *(Изъ Чтеній въ Имп. Общ. исторіи и древностей россійскихъ.* 1895 III).

Подъ этимъ заглавіемъ А. Н. Зерцаловъ напечаталъ интересное сыскное дѣло 1642—1643 гг., о намѣреніи испортить царицу Евдокію Лукьяновну. Съ точки зрѣнія этнографической это дѣло, помимо бытового, имѣетъ еще то значеніе, что въ немъ мы находимъ указанія на нѣкоторые виды колдовства: подсудимый Афонька Науменокъ показываетъ о себѣ слѣдующее: «Да Афонька-жъ Науменокъ въ допросѣ говорилъ: учили его отрѣчися Христа въ Путивлѣ казакъ Васька, а

Digitized by Google

на Москвѣ гулящій человѣкъ Ѳомка Путимецъ. Первое де велѣли ему снять крестъ съ себя и положить подъ пяту и ступить назадъ трожды и говорить: подите бѣси ко мнѣ, я вамъ вѣрую, а вы мнѣ служите, какую службу васъ заставлю». У того-же Васьки Науменокъ научился привязывать килы и привораживать женщинъ: «а привораживаетъ де онъ женокъ тѣмъ: возьметъ лягушку самца да самку и кладетъ въ муравейникъ и приговариваетъ: сколь тошно тѣмъ лягушкамъ въ муравейникѣ, столь-бы тошно было той женкѣ по немъ, Афонькѣ, а напоминаетъ той женкѣ въ тотъ часъ имя, и на 3 день приходитъ онъ, Афонька, къ тому муравейнику, и въ томъ де муравейникѣ отъ тѣхъ лягушекъ останется одинъ крючокъ да вилки, и онъ то возьметъ, и тѣмъ крючкомъ которую женку зацѣпитъ, и та женка съ нимъ и воровать станетъ; а какъ ему съ тою женкою воровать не похочется, и онъ тое женку вилками отъ себя отпихнетъ, и та женка по немъ тужить перестанетъ» — способъ привораживанья, извѣстный и въ настоящее еще время русскимъ крестьянамъ. Килы присаживалъ Афонька, давая пить траву: «имя той травы *вопь*, ростетъ при болотѣ». Обвиняемый винится въ желаніи испортить царицу: «хотѣлъ ее, государыню, уморить до смерти, а давать ей г-нѣ въ питьѣ траву *челебока* (цѣлибуха?), а растетъ трава на рѣкѣ на Окѣ и на Москвѣ рѣкѣ», и такъ какъ этого не удалось сдѣлать, то Науменокъ хвасталъ: «я де то сдѣлаю, будетъ не умретъ, и она де сама надъ собою то сдѣлаетъ... а дѣлать де было ему то дѣло надъ г – нею ц—цею такъ: напускать по вѣтру на зарѣ на утренней или на вечерней, съ которой стороны вѣтеръ идетъ, съ призывательными словами говорить: народилъ да сатанаилъ, я вамъ вѣрую, сослужите мнѣ мою службу и отнесите песку и бросьте на человѣка, на кого ихъ пошлетъ». Интересъ накопленія подобныхъ матеріаловъ для этнографіи слишкомъ очевиденъ, чтобы о немъ распространяться; мы можемъ только выразить пожеланія, чтобы дѣла о ворожбѣ, хранящіяся въ различныхъ архивахъ подвергались бо́льшему изученію и бо́льшей разработкѣ, чѣмъ это было до настоящаго времени.

Н. Х.

Н. Ѳ. Катановъ. О наказаніи лѣнивыхъ богомольцевъ у татаръ Китайскаго Туркестана. Казань. 1895.

Д. Кочневъ. О погребальныхъ обрядахъ якутовъ Вилюйскаго округа Якутской области. Отд. оттис. изъ Изв. Исторіи, Археологіи и Этногр. при Имп. Каз. универ. за 1894 г.

Въ первой изъ указанныхъ брошюръ авторъ описываетъ тѣ взгляды и повѣрья, которыя существуютъ среди мусульманъ относительно будущности грѣшниковъ и лѣнивыхъ богомольцевъ, для которыхъ уготованы страшныя адскія мученія. Это орудіе наказанія называется у татаръ русскаго туркестана «до́ры», китайскаго туркестана «ду—бури». По формѣ оно напоминаетъ русскій «арапникъ». Бываетъ оно двухъ

Digitized by Google

видовъ: большое и малое; первымъ бьютъ по ногамъ: сзади, спереди или сбоку, вторымъ—по лицу, щекамъ или ладонямъ. Этими орудіями наказываются всѣ неходящіе на молитву. Въ наказаніе читаются тѣ или другіе стихи, или изреченія. Такихъ изреченій авторомъ записано 16 у хамійскихъ татаръ китайскаго туркестана. Затѣмъ такія же указанія приводятся о логученскихъ татарахъ и въ заключеніе приводятся нѣкоторыя молитвы изъ книги «Бакыргинъ» (изд. 1857 г.), изъ нихъ одна посвящена описанію значенія молитвы у мусульманина, и двѣ непосредственно слѣдующія заключаютъ въ себѣ обращеніе къ лѣнивому богомольцу. Въ слѣдующей книгѣ «Бецевамъ» также изложены обращенія къ лѣнивымъ богомольцамъ въ стихотворной формѣ.

Г. Кочневъ въ своей работѣ вначалѣ приводитъ извѣстія древнихъ авторовъ (около 200 лѣтъ тому назадъ начали появляться свѣдѣнія объ якутахъ) о погребальныхъ обрядахъ якутовъ (Страленберга въ 1730 г., Г. Миллера 1776 г., І. Георги 1794 г., Вамбери 1885 г., Вруцевича 1891 г., Приклонскаго 1891 г., Крауса 1891 года, Маака) и затѣмъ уже переходитъ къ описанію этихъ обрядовъ, существующихъ въ настоящее время въ Вилюйскомъ округѣ Якутской области. Приводятся интересныя данныя объ этихъ обрядахъ, начиная съ момента приближенія смерти, завѣщанія и распоряженія умирающаго, затѣмъ—обряды, совершаемые надъ покойникомъ до погребенія, устройство гроба, положеніе въ гробъ, выносъ, участіе на похоронахъ, устройство памятника надъ могилой и т. д. Обряды погребенія у якутовъ, совершаемые въ настоящее время, во многомъ отличаются отъ прежнихъ; такъ, напр., прежде въ гробъ клали деревянную чашку съ масломъ, мясомъ и даже деньги. Въ древнія времена рядомъ съ хозяиномъ въ полномъ костюмѣ погребали коня въ полной сбруѣ. Сообщеніе Страленберга, будто якуты бросаютъ своихъ покойниковъ на съѣденіе собакамъ, или покидаютъ юрту, гдѣ умеръ кто нибудь, по мнѣнію автора, не заслуживаетъ вниманія.

Д. Н.

„Въ киргизскихъ степяхъ", д-ра **Шустова**. «Еженедѣльникъ» 1895 года №№: 18, 19, 21, 22, 23, 24.

Намъ рѣдко приходится встрѣчать въ печати свѣдѣнія врачей, живущихъ среди инородческато населенія, о санитарныхъ условіяхъ этихъ инородцевъ, ихъ болѣзненности, смертности и т. д. Мы уже не говоримъ объ этнографическихъ свѣдѣніяхъ. Авторъ вышеуказанной статьи, немного отводя мѣста спеціальной сторонѣ (медико-санитарной), подробно останавливается на экономической и бытовой сторонѣ киргизъ. Въ первыхъ главахъ знакомитъ читателя съ киргизскими степями Уральской области во время засухи и въ то время, когда бываетъ плодородіе. Описаніе довольно картинное. Затѣмъ приводятся нѣкоторыя цыфровыя данныя, характеризующія развитіе экономическаго быта и состояніе культуры степей (въ 70-хъ годахъ). Мимоходомъ упоминается о школахъ, зимнихъ постройкахъ,

Digitized by Google

лѣтнихъ кочевкахъ, количествѣ скота по волостямъ (за 1871 годъ) и затѣмъ приводятся сравнительныя данныя съ 71 г. по 92 г. Оказывается, что степь такъ-же бѣдна и невѣжественна, какъ она была и 20 лѣтъ тому назадъ. Число школъ съ 45 уменьшилось до 13, учащихся съ 2293 до 1630 чел., скота—съ 387164 до 328053; число кибитокъ съ 18961 увеличилось до 22146; на душу въ среднемъ приходилось скота въ 71 г. 4.9 штуки, а въ 92 году по 2.8; число жителей съ 77963 увеличилось до 112353. Если въ чемъ замѣчается прогрессъ такъ въ томъ, что киргизы серьезно будто принимаются за земледѣліе. Далѣе почти цѣлыя главы посвящены кумысу и его дѣйствію на киргизъ, способамъ приготовленія и т. д. Интересныя описанія относительно устройства областнымъ управленіемъ оспопрививательнаго заведенія и самаго способа обученія киргизъ оспопрививанію. Помѣщенія для «интилизиціи» было отведено такое «что публика, побывавъ у насъ разъ, болѣе къ намъ не заглядывала, — оно вызывало одно отвращеніе». Желающихъ учиться оспопрививанію нашлось 6 киргизскихъ мальчиковъ, которые оказались очень толковыми и любознательными и быстро усвоили теорію оспопрививанія. Затѣмъ идетъ описаніе поѣздки въ селенія для оспопрививанія, отношеніе къ нему киргизъ, болѣзни ихъ и т. д. *Д. Н—ій.*

И. И. Шендриковскій: Къ Этнографіи бурятъ (Врачъ 1895, № 14).

Въ одномъ изъ засѣданій Антропологическаго Общества при В.-М. Академіи былъ прочитанъ интересный докладъ д-ра Шендриковскаго о селенгинскихъ бурятахъ. Авторъ, на основаніи личныхъ наблюденій представилъ свѣдѣнія о мѣстожительствѣ бурятъ, занятіяхъ, жилищахъ, пищѣ, обычаяхъ и т. д. Между прочимъ оказывается, что буряты настолько привыкли къ верховой ѣздѣ, что почти совсѣмъ не ходятъ пѣшкомъ, даже самыя малыя пространства въ 30—40 саж. они непремѣнно ѣдутъ верхомъ. Довольно подробно представлено описаніе бурятской юрты, съ ея внутренней обстановкой и т. д. Пища бурятъ состоитъ, глав. образомъ, изъ кислаго молока и кирпичнаго чая. Мясо ѣдятъ рѣдко, но въ большомъ количествѣ, по 6—7 фунтовъ за разъ; ѣдятъ безъ соли и хлѣба. Любимое мясо—баранина. Изъ овощей употребляется чеснеше—въ родѣ нашего чеснока. Куреніе табаку сильно распространено; даже женщины въ этомъ отношеніи нисколько не уступаютъ мужчинамъ; начинаютъ курить дѣти. Управляются буряты родовыми начальниками по обычному праву. Бываютъ собранія религіозныя: въ монастыряхъ, кумирняхъ, или просто подъ открытымъ небомъ, на вершинѣ горы. Шаманство имѣетъ теперь, по словамъ автора, только самое небольшое число приверженцевъ; почти повсемѣстно распространенъ буддизмъ. Описывается онъ и въ монастырѣ—главномъ мѣстопребываніи Ламы — съ богословскимъ и медицинскимъ отдѣленіями. Въ основу лѣченія полагается строгая діета. Въ случаяхъ, въ которыхъ искусство Ламы не помогаетъ, они отсылаютъ

Digitized by Google

больного къ врачамъ. Изъ болѣзней среди бурятъ селенгинцевъ наиболѣе распространены золотуха и цынга. Не смотря на нечистоплотность бурятъ, среди нихъ попадается весьма мало съ чесоткой и накожными болѣзнями вообще. Въ заключеніе авторъ коснулся вопроса о физическомъ и нравственномъ вырожденіи бурятъ и о вымираніи этого племени. Относительно послѣдняго, изъ статистическихъ данныхъ оказывается, что за 30 лѣтъ (съ 1863—по 1893 г.) населеніе возрасло на 20,4% т. е. въ среднемъ по 0,68% въ годъ. Такимъ образомъ о вымираніи бурятъ не можетъ быть и рѣчи; незначительность же годового прироста населенія авторъ, на основаніи имѣющихся у него цыфръ, объясняетъ единственно только малою плодовитостью бурятскихъ женщинъ. Метизація бурятъ съ русскими дѣйствуетъ несомнѣнно благопріятно «въ смыслѣ освѣженія ихъ крови».

Д. Н—ій.

Д-ръ **М. А. Гедевановъ: Зангезурскій уѣздъ Елисаветпольской губерніи въ медицинскомъ отношеніи** за 1890—1892 г. (Оттиски изъ Медиц. Сборника Имп. Кавказскаго Медицинскаго Общества, № 56 1894 г.).

Останавливаемся на этой крайне интересной работѣ потому, что въ ней, кромѣ обычныхъ спеціально медицинскихъ данныхъ, приводится немало этнографическихъ свѣдѣній о населеніи названнаго уѣзда, состоящаго изъ адербейджанскихъ татаръ (30·6%) курдовъ (21,4%) и армянъ (46,3%). Въ первой главѣ—медико-топографической—авторъ говоритъ о топографіи уѣзда, почвѣ, климатѣ и водѣ; во второй—этнографической—о распредѣленіи населенія: 125,254 чел. (въ 326 сел.); въ третьей—медико-санитарный очеркъ, гдѣ описываются армяне и татары (курды авторомъ присоединены къ мусульманамъ, «такъ какъ они по образу и условіямъ жизни мало чѣмъ отличаются отъ татаръ, развѣ еще бо́льшимъ, чѣмъ послѣдніе, невѣжествомъ»), условія ихъ жизни, пища, занятія, говорится о кочевникахъ и о заводскихъ рабочихъ. Въ названномъ уѣздѣ, какъ оказывается, находятся мѣдно-плавильные заводы, на которыхъ работаетъ не одна тысяча рабочихъ. Условія жизни этихъ рабочихъ крайне плохи: работаютъ отъ 12—18 часовъ въ сутки, получая отъ 15 до 80 к. А условія труда поистинѣ каторжныя: «представьте себѣ, говоритъ авторъ, подземныя норы, узкія, кривыя, низкія, крайне сырыя, плохо освѣщенныя, при полномъ отсутствіи вентиляціи, съ атмосферой крайне насыщенной парами воды, пороховымъ дымомъ и вредными газами—не полными продуктами горѣнія сырой нефти въ глиняныхъ плошкахъ. Приходится работать киркою, согнувшись въ три погибели и даже лежа на мокрой почвѣ". Присоедините къ этому плохое питаніе и скверныя жилища, и тогда можно понять положеніе рабочаго. Не безъинтересны приводимыя авторомъ свѣдѣнія о нравахъ и обычаяхъ, какъ имѣющихъ значеніе въ санитарномъ отношеніи (чалтаховодство — искусственныя болота, гдѣ работаютъ татары), о суевѣріи и народной медицинѣ (лѣче-

Digitized by Google

ніе «съ глаза», заговоры, амулеты и талисманы; заготовленіемъ послѣднихъ занимаются по преимуществу муллы), объ уходѣ за роженицей, психическими больными и т. д. Кромѣ того приводится цѣлый списокъ лѣкарственныхъ веществъ и описаніе самыхъ народныхъ методовъ лѣченія (20—25 стр.). Въ остальныхъ двухъ главахъ авторъ подробно останавливается на характеристикѣ сельско-врачебной части, условіяхъ врачебной дѣятельности, о числѣ больныхъ (за три года было 10865 посѣщеній; изъ нихъ 8232 м. и 2633 ж., армянъ—6727, татаръ и курдовъ—3024 и другихъ національностей—1114 чел.; наибольшее число больныхъ было съ маляріей и холерой—2623 чел.), санитарномъ надзорѣ, медицинской статистикѣ, эпидеміяхъ и эндеміяхъ. Какъ оказывается, условія врачебной дѣятельности крайне трудны; врачъ въ селеніи—непрошеный гость, и они всѣми мѣрами стараются выгнать изъ селенія врача, больные скрываются и т. п. Знахари пользуются извѣстностью, но есть и такія селенія, гдѣ къ врачу («акимъ баши») больные идутъ массами. Думаемъ, что со временемъ и въ тѣхъ селеніяхъ привыкнутъ къ врачу и будутъ къ нему обращаться. Тоже наблюдалось прежде и въ нашихъ русскихъ селахъ, а теперь врачи завалены работой.

Въ заключеніе должно отмѣтить, что названный отчетъ немало заключаетъ интересныхъ данныхъ о такомъ уѣздѣ о которомъ имѣются крайне скудныя свѣдѣнія. Желательно, чтобы и другіе врачи сообщали подобныя данныя, которыя впослѣдствіи окажутъ немаловажную услугу.

Д. Никольскій.

Я. Т. Нейштабъ: Основы гигіены древняго міра. «Медицина» 1895 г. № 7 и 11. Въ исторіи древнихъ людей до сихъ поръ еще остается много неизвѣстнаго и неизслѣдованнаго. Тоже самое наблюдается въ области гигіеническихъ вопросовъ, о которыхъ, какъ оказывается, и древніе народы уже имѣли нѣкоторое понятіе, и начальники даже издавали извѣстныя правила для сохраненія жизни и здоровья. Много въ этихъ правилахъ есть и страннаго, но между ними можно встрѣтить и такія, которыя рекомендуются и въ настоящее время. Авторъ вышеуказанной статьи даетъ краткую характеристику положенія гигіены у различныхъ восточныхъ народовъ: *у китайцевъ, индійцевъ, персовъ* (Зороастръ былъ первый, указавшій на опасность для народнаго здравія отъ загрязненія почвы продуктами гніенія и отъ загрязненія воды, протекающей чрезъ грязную почву), *египтянъ,* и наконецъ *у евреевъ,* (составленныя Моисеемъ). По мнѣнію автора, санитарно-гигіеническіе законы Моисея совмѣщаютъ истинныя основы соціальной и индивидуальной жизни всего человѣчества (для тогдашняго времени?). На основаніи изученія гигіены древнихъ, д-ръ Нейштабъ приходитъ къ заключенію, что гигіена развивалась постепенно: сначала болѣе интересовались урегулированіемъ основъ индивидуальной жизни человѣка, затѣмъ разрабатывали начала семейной и, наконецъ, обще-государ-

Digitized by Google

ственной жизни народовъ. Но вопросъ: какъ разрабатывались эти основы, эти правила гигіены?

Д. Н—ій.

Календарь и памятная книжка Вятской губерніи на 1895 годъ.

Мы уже обращали вниманіе на то, что въ издаваемыхъ календаряхъ губернскихъ или памятныхъ книжкахъ встрѣчаются цѣнныя статьи и обзоры по различнымъ вопросамъ мѣстнаго края. Здѣсь можно встрѣтить и изслѣдованія по сельско-хозяйственнымъ вопросамъ, народному образованію, врачебной помощи, бытовымъ, этнографическимъ и т. п. вопросамъ. Къ сожалѣнію, всѣ—или большая часть—такихъ статей остаются почти неизвѣстными для публики, такъ какъ помѣщаются въ мало распространенныхъ изданіяхъ. А между тѣмъ оставлять безъ вниманія подобные труды нельзя. Вышеуказанный календарь Вятской губерніи особенно выдѣляется по количеству интересныхъ и во многомъ поучительныхъ статей во второмъ отдѣлѣ, подъ заглавіемъ «изъ современной жизни», третьемъ—«этнографическія свѣдѣнія» и четвертомъ—«историческія свѣдѣнія». Въ первомъ изъ этихъ отдѣловъ помѣщенъ весьма обстоятельный обзоръ мѣропріятій Вятскаго земства въ области сельскаго хозяйства за 1892—93 г. (87—148 стр.). Въ статьѣ «краткій статистическій очеркъ Вятской губ. за 1893 г.» сгруппированы всѣ наиболѣе видныя проявленія жизни въ краѣ. Такъ, между прочимъ видно, что приростъ населенія за отчетный годъ равнялся 1,51%, рождаемость равнялась 5,1%, смертность 35%. Пожаровъ было 4529, причинившихъ убытка на 297 т. рублей. Отъ насилія и случайностей умерли 2044 челов. (много самоубійствъ—117 чел.), изъ нихъ отъ пьянства умерло 321 м. и 14 ж. Интересно было бы знать распредѣленіе смертей отъ пьянства по народности. Миссіонерская дѣятельность по обращенію въ христіанство язычниковъ выразилась всего въ 30 челов. Далѣе не безъинтересна статья М. К. Селивановскаго „Замѣтки объ Омушнинскихъ горныхъ заводахъ П. П. Пастухова", въ которой, помимо описанія фабрикъ, производства, количества вырабатываемыхъ издѣлій и т. д., дается характеристика мѣстнаго населенія (православныхъ и раскольниковъ, 202 стр.), ихъ нравы и обычаи. Краткія свѣдѣнія сообщаются о вотякахъ (211) въ этнографическомъ отдѣлѣ, въ интересной статьѣ Н. П. Штейнфельда «Бесермяне—Опытъ этнографическаго изслѣдованія» (220—260) и г. Васнецова—„Матеріалы для объяснительнаго областнаго словаря вятскаго говора» (съ буквы И). Въ историческомъ отдѣлѣ помѣщены статьи: А. С. В—на—Замѣчательные, но забытые вятчане: 1 Воевода Каспія Юрьевъ (XV в.); 2). Т. и К. Миртьяновы (XVI в.); 3) П. Я. Сухова (XVI в.); 4) Н. Шеломъ (XVI в.). Его же—«Ученый южнорусецъ на Вяткѣ въ XVIII в.» (къ исторіи Вятской духовной семинаріи). Статья І. Кротова касается города Котельнича (Кокшера или Кокшаровъ), принадлежащаго къ числу древнѣйшихъ городовъ Вятской губерніи (322 стр.). Послѣдняя статья имѣетъ болѣе значенія для историка и археолога.

Д. Н—ій.

Digitized by Google

ЖУРНАЛЫ и ГАЗЕТЫ.

Богословскій Вѣстникъ. 1896. Январь. *Сергій* (архимандр.). На дальнемъ востокѣ. (Письма японскаго миссіонера).—*Долганаевъ, Е. Е.*, Современная Абиссинія. Общественный строй, занятія, образъ жизни и нравы.

Варшавскія Губ. Вѣд. 1895. — **33.** Замѣтка, со словъ «Kurjera Warsz». о находкѣ въ землѣ урны съ пережженными костями въ имѣніи Волѣ Суфчинской, гмины Колбель, Новоминскаго у., надъ р. Свидромъ, на открытой площади, гдѣ прежде былъ и холмъ, вѣроятно остатокъ могильной насыпи. Урна съ крышкой и подставкой сѣровато-краснаго цвѣта, изъ необлитой глины съ примѣсью кварца, украшенная 8-ю выпуклыми шишечками, съ орнаментомъ изъ черточекъ между ними. Найдена на глубинѣ около аршина. Никакихъ издѣлій, ни украшеній въ ней не было. Мѣстность заслуживаетъ того, чтобы быть изслѣдованною.

Варшавскія Университетскія Извѣстія. — 1895. — I. *Леонтовичъ, Ѳ. И.* Національный вопросъ въ древней Россіи. (оконч.). — **V.** *Его же*, Панскій дворъ въ литовско-русскомъ государствѣ.—*Карскій, А. Е.* Отчетъ о научныхъ занятіяхъ въ библіотекахъ.—*Михайловъ, А. В.*, Общій обзоръ состава, редакцій и литературныхъ источниковъ Толковой Палеи.—**VIII**, *Цвѣтаевъ, Д. В.* Исторія Московской каплицы въ Варшавѣ (изъ эпохи Шуйскихъ).

Волынскія Епарх. Вѣд. 1895. Историко-статистическое и этнографическое описаніе церквей и приходовъ Волынской губ.: Старокон-стантиновскій уѣздъ (во всѣхъ №№).—Подлинность евангелій и философы языческіе въ первые четыре вѣка христіанства (стр. 891, 945, 980, 1019). — *Н. Теодоровичъ*: Три подлинныя завѣщанія дворянъ Домашевскихъ Почаевскому монастырю 1649 г., 1659 и 1665 года (стр. 572 и 606). — *Его же*: Инвентарь и два документа прежняго Колодеженскаго монастыря (стр. 728, 770). — Рукописныя евангелія Волынскаго епархіальнаго древле-хранилища (историко-діалектологическіе очерки), *Г. Крыжановскаго* (262, 297, 327, 370, 413, 452, 484, 516). -Посты въ Польшѣ съ IX до половины XII в. (стр. 399).

Вѣстникъ Европы. 1895. Май. *Тернеръ, О. Г.*, Общественное владѣніе и частная собственность. I—II.—**Іюнь.** *Его же* (Окончаніе. III). **Іюль.** Въ хроникѣ отзывъ на кн.: *Е. А. Бѣловъ*, Русская исторія до реформы Петра Великаго. Спб. 1895.—Тамъ же на кн.: «Памяти отца современной педагогіи Я. А. Коменскаго», изд. Мартынова. — **Августъ.** *Штевснъ, А.*, Изъ жизни деревни и молодого ея поколѣнія (Очерки.—I. Пѣшкомъ въ Муромъ. — II. Лѣтнія занятія при Яблонской школѣ въ 1894 г.).—*Щепотьевъ, В.*, Русская деревня въ Азіатской Турціи. — *Соколовскій, Н.*, Мыза и деревня (Очерки и наблю-

Digitized by Google

денія). — **Сентябрь**. *Потебня, А.*, Языкъ и народность (статья, возстановленная по черновымъ бумагамъ покойнаго профессора). — *Поляновскій, З.*, Дальній востокъ и наше его изученіе.—*Марусинъ, С.*, Въ степяхъ и предгоріяхъ Алтая. Шатуны (изъ народнаго быта). — **Октябрь**. *Б—на, С.*, Французская деревня. Экскурсіи. I—VII.—Отзывъ на „Великорусскія народныя пѣсни", подъ ред. А. И. Соболевскаго.— **Ноябрь**. *Б—на, С.*, Французская деревня. Экскурсіи. VIII—IX. (Оконч.).— *Слонимскій*, Новыя попытки въ области научной исторіи („Соціологическія основы исторіи", П. Лакомба).—Отзывъ *А. П.*, о кн. «Отразительное писаніе о новоизобрѣтенномъ пути самоубійственныхъ смертей. Вновь найденный старообрядческій трактатъ противъ самосожженія, 1691 года. Сообщеніе *Хрисанфа Лопарева*. Спб. 1895. (Памятники древн. письмен. С VIII).—Отзывъ *Т.* о «Программахъ домашн. чтенія». Изд. 3-е. М. 1895 г.

Духовный Вѣстникъ Груз. Экзархата. **1895. 14**. Изъ грузинскихъ дворянскихъ актовъ, *А. Хаханова*.—**19, 20**. Бодбійскій монастырь св. Нины.

Журналъ Мин. Нар. Просв 1895.—**Апрѣль**. — *Айналовъ, Д. В.*, Мозаики IV и V вѣковъ.—*Рожковъ, Н. А.*, Поводы къ началу процесса по Русской Правдѣ.—*Владиміровъ, П. В.*, Введеніе въ исторію русской словесности (прод.).—*Филевичъ, И. П.*, Очеркъ Карпатской территоріи и населенія. Критика: *Мищенко, Ѳ. Г.*, Собраніе сочиненій М. С. Куторги. Т. I. Спб. 1894.; *А. Ш.*, Лекціи по славянскому языкознанію Тимоѳея Флоринскаго. Т. I. Кіевъ. 1895 г.; *Погодинъ, А. Л.*, Нѣсколько замѣчаній о народной медицинѣ.—Въ отдѣлѣ классич. филол.: *Энманъ, А. Ѳ.*, Легенда о римскихъ царяхъ (Продолженіе, см. также май, сент.—дек.). **Май**. — *Дьяконовъ, М. А.*, Половники поморскихъ уѣздовъ въ XV и XVII вѣкахъ.—*Бодуэнъ де-Куртенэ, Ромуальдъ*, Записки Львовскаго аптекаря о событіяхъ 1606 г. въ Москвѣ. — *Рождественскій, С. В.*, Изъ исторіи секуляризаціи монастырскихъ вотчинъ на Руси въ XVI вѣкѣ.—*Соболевскій, А. И.*, Замѣтки по славянской грамматикѣ.—*Айналовъ, Д. В.*, Мозаики IV и V вѣковъ (прод.). — *Филевичъ*, Очеркъ Карпатской территоріи и населенія (прод.). *Рудаковъ, В.*, Василій Васильевичъ Крестининъ (мѣстный историкъ Двинской земли, Архангелогородскій мѣщанинъ; по поводу 100-лѣтія со дня его смерти).—*Весловскій, А. Н.*, Молитва св. Сисинія и Верзилово коло.—Критика: *А. К.*, Максимъ Ковалевскій, происхожденіе современной демократіи. Т. I. М. 1895. — *Крашенниковъ, М. Н.*, Этнографическіе этюды, гл. III, прод. см. іюнь.—**Іюнь**. *Модестовъ, В. И.*, Древнѣйшій періодъ Рима.—*Владиміровъ, П. В.*, Введеніе въ исторію русской словесности (прод.).—*Марръ Н. Я.*, Персидская національная тенденція въ грузинскомъ Амирандареджаніани".—*Леонтовичъ, Ѳ. И.*, Сословный типъ территоріально-административнаго состава литовскаго государства и его причины.—*Кулаковскій, П. А.*, Павелъ-Іосифъ Шафарикъ.—Критика: *Д. М. Поздньевъ*, Китай. Очерки Д. В. Путяты. Спб. 1895.—*Пр-*

Digitized by Google

сняковъ, *А. Е.*, Новыя данныя для изученія московскихъ лѣтописныхъ сводовъ.—*Холоднякъ*, *И. И.*, Эпиграфическія замѣтки.—*Никитскій*, *А. В.* Тлиполемъ Артапатовъ Ликійскій.—**Іюль**. *Леонтовичъ*, *Ѳ. И.*, Сословный типъ и проч. (оконч.) —*Айналовъ*, *Д. В.*, Мозаики IV и V в. (оконч.). — *Делекторскій*, *Ѳ. И.*, Критико-библіографическій обзоръ древнерусскихъ сказаній о флорентійской уніи. — Критика: *Соболевскій*, *А. И.*, Очерки изъ литературной исторіи Синодика, Е. В. Пѣтухова. Спб. 1895; *Миллеръ*, *В. Ѳ.*, Сборникъ мат. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа. Вып. XVIII, XIX, XX. Тифл. 1893; *Любавскій*, *М. К.*, Начальная исторія малорусскаго казачества. Къ вопросу о казачествѣ съ Богдана Хмельницкаго, И. Каманина; *Сиповскій*, *В. В.*, Сильвестръ Медвѣдевъ. Очеркъ изъ исторіи русскаго просвѣщенія и общественной жизни въ концѣ XVII в. Кіевъ. 1894. Ивана Козловскаго; *Буличъ*, *С. К.*, Замѣчанія на «Замѣтки по славянской грамматикѣ», проф. Соболевскаго.—Некрологи: Н. Н. Буличъ и Д. А. Ровинскій.—**Августъ**. *Ардашевъ*, *Н. Н.*, Вопросъ о помѣстномъ столѣ въ связи съ поземельной дѣятельностью Разряда.—*Тихомировъ*, *И. А.*, Обозрѣніе состава московскихъ лѣтописныхъ сводовъ 1425—1533 годовъ.—Критика: *Рождественскій*, *С. В.*, Н. П. Лихачевъ, Сборникъ актовъ, собранныхъ въ архивахъ и библіотекахъ. Вып. I. Духовн. и сговорныя грамоты. Вып. II. Грамоты правыя. Спб. 1895.—**Сентябрь**. Критика: *Калмыковъ*, Словарь русскаго языка, составленный вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. Вып. III. Да—дя, Спб. 1895.—*Житецкій*, *И. П.*, Къ вопросу объ уніи и южно-русскихъ проповѣдникахъ. (Д-ръ Ів. Франко, Іван Вышеньскій и его твори. Львовъ. 1895).—**Октябрь**. *Андреевъ*, *В. Ѳ.*, Знаменательныя и служебныя слова въ русской рѣчи.—*Курдиновскій*, *В. И.*, Губныя учрежденія Московскаго государства.—Критика: *Майковъ*, *Л. Н.*, Великорусскія народныя пѣсни. Изд. проф. А. И. Соболевскимъ. Томъ I. Спб. 1895 г.—*Соболевскій*, *А. И.*, Ив. Ждановъ, Русскій былевой эпосъ. Изслѣдованія и матеріалы. I—V. Спб. 1895.—*Тихомировъ*, *И. А.*, П. В. Голубовскій, Исторія Смоленской земли до начала XV столѣтія. Кіевъ, 1895. — *Боровиковъ*, *Н. А.*, Калмыцкія изданія православнаго миссіонерскаго общества.—**Ноябрь**. *Ольденбургъ*, *С. Ѳ*, Первый полный переводъ Палійскаго сборника джатакъ. — *Миллеръ*, *В. Ѳ.*, Къ былинѣ о Соловьѣ Будимировичѣ. — Критика: *Поздѣевъ*, *А. М.*, Еще къ вопросу о послѣднихъ изданіяхъ православнаго миссіонерскаго общества на калмыцкомъ языкѣ.—*Латышевъ*, *В. В.*, Эпиграфическія замѣтки.—**Декабрь**. *Веселовскій*, *А. Н.*, Изъ исторіи эпитета.—*Хахановъ*, *А. С.*, Грузинскій поэтъ XII в. Шота Руставели и его поэма «Барсова кожа». — *Курдиновскій*, *В. И.*, Губныя учрежденія Московскаго государства (оконч.) — Критика: *Лаппо-Данилевскій*, *А. С.*, А. И. Никитскій, Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода —Въ отд. класс. фил. *Novossadsky*, *N.*, Ad papyrum magicam bibliothecae parisinae nationalis adnotationes palaeographicae.

Digitized by Google

Записки Имп. Харьковскаго университета. Кн. 1-я. — *Стояновъ, А. Н.*, Зачатки юридическихъ и политическихъ учрежденій у первобытныхъ народовъ. — **Кн. 2-я.** — *Шепелевичъ, Л. Ю.*, Кудруна.—*Нетушилъ, И. В.*, Очеркъ римскихъ государственныхъ древностей — *Вязигинъ, А. С.*, Замѣтки по исторіи полемической литературы XI вѣка. — **Кн. 3-я.** *Стояновъ, А. Н.*, Уголовное право Рима отъ древнѣйшихъ временъ до Юстиніана включительно.—*Нетушилъ, И. В.*, Очеркъ римскихъ государственныхъ древностей. — Критика: *Сумцовъ, Н. Ѳ.*, М. Е. Халанскій, Южно-славянскія сказанія о кралевичѣ Маркѣ. 1895.—Лѣтопись Харьк. университета: Отчетъ о диспутѣ М. Е. Халанскаго.

Иверія. 1895. — 109. Письмо царицы Маріи къ императору Александру I во время переселенія изъ Тифлиса въ Воронежъ (переводъ съ русскаго). — **110, 176, 181, 182, 183, 184, 188, 203, 219, 294.** Адчара (Свѣдѣнія о переходѣ населенія этой области въ исламъ). *З. Ч.*— **116.** Объ имени царицы Тамары. *Г. Садзаглосв — Иверіегли.*—**116, 117, 122, 179.** Въ Давидо-Гареджійской пустыни. *П. Цхилиовли*—**119, 129, 152, 154.** Сказанія тушинъ объ Иракліи II. *Ив. Букураули* — 126, 130, 139, 141, 152, 155, 156, 160, 165, 172, 177. Переходъ въ мусульманство населенія Карсской и Кобулетской области. *З. Ч.*—146—7. О царицѣ Тамарѣ, сказаніе, записанное въ Имерхеви. *З. Ч.*—**157.** Разрушеніе церкви въ Хуло. *З. Ч.*—**159, 1172.** Наши историческіе памятники и ихъ судьба, *Священника*—**160.** Одзисская школа. *А. Хаханашвили.*—162, 163, Персія и древняя Грузія. *Б. П—дге.* — **190.** Христа ищу! (Сказка). *Грузинъ въ Осетіи.* — **223.** Библ. *А. Хахановъ.* Груз. рукописи Румянцовскаго музея. — **256, 265, 267.** Путевыя замѣтки *Ил. Алхазишвили* (Народныя представленія о планетахъ).

Кавказъ. 1895. 147. Отъ Александрополя до Карса. *В. Пр—скій.*— **155.** Айсоръ Осипъ. *Бср.ъ.*—**162, 163.** Гребенцы въ пѣсняхъ. *Н. Б.*— **169.** Объ орошеніи Восточнаго Закавказья. *А. Натровъ.* — **175.** Библ.: Опытъ изученія Туркестанскаго края. Н. Дингельштедта. Спб. —1895. **160.** Библ.: А. Хахановъ: Очерки по исторіи груз. словесн. **165.**—Библ.: Свѣтловъ. Кавказскія легенды. Спб. 1895. *А. Хах—овъ.* **176.** Изъ путешествій Потаниной по Восточной Сибири. *А. Хах—овъ.* **175, 176.** Изъ путевыхъ записокъ. *К. Статковскій.* — **185.** Къ вопросу объ орошеніи Кахетіи. *А. Натровъ.* — **217.** Запретный періодъ времени по р. Курѣ. — **218, 219.** Воспоминанія объ Индіи. *К. Статковскій.*—**230. 317, 319.** Въ горахъ Дагестана. *Алихановъ-Аварскій.* — **259.** Знамя Азатъ-хана. *Ил. Хонели.* — **281.** Юбилей кн. Р. Д. Эристова. — **291.** Библ. Reise nach Innerarabien, Kurdistan und Armenien. 1893. Von baron Eduard Nolde. Braunschweig. 1895. *Н. З.*—**1896 г. 1** Библ.: «Землевѣдѣніе», кн. I. 1895 года. *А. Хах—овъ.*—**4.** Къ 50-лѣтнему юбилею газ. «Кавказъ».—**5.** Путешествіе акад. Дорна на Кавказъ и Мазандранъ. Замѣтка *А. Хах—ова.*

Digitized by Google

Казбекъ (газета). **1895 г.** — **1.** Казбекъ, какъ центръ миѳологіи и святыня туземцевъ. *Бержуть.*—**9.10.** Объ осетинской письменности. *Гаппо Б.*—**10.** Библ.: Надеждинъ. Кавказскій край. *А. Хах—ова.*

Киргизская Степная Газета. 37. Къ вопросу о киргизскомъ народномъ образованіи. **38, 39, 40.** *С. Артеменко.* О наслѣдственномъ землепользованіи у киргизовъ. **40.** *Р. Дюйсембаевъ.* Способы и пріемы торгашей къ обиранію киргизовъ. **46.** *О. Альджановъ.* Учрежденіе киргизскихъ школъ.—*Н. М.* О судопроизводствѣ въ степныхъ областяхъ.—*М. Т.* Земледѣліе въ Китаѣ. **48.** *О. Альджановъ.* О суевѣрныхъ обрядахъ у киргизовъ во время эпизоотій.

Книговѣдѣніе, Ежемѣсячный библіографическій журналъ (съ иллюстраціями). Годъ 2-й. **1895** —**1.** Въ приложеніяхъ наиболѣе интересенъ составленный *А. Тороповымъ* «Списокъ трудовъ русскихъ писателей» (Н. Н. Бантышъ-Каменскаго, Ѳ. П. Аделунга и др.) и продолженіе (листъ 4-й) списка *Д. Д. Языкова*: «Русскіе писатели и писательницы, умершіе въ 1888 г.». То и другое, въ виду существовавшихъ и существующихъ проэктовъ издать словарь писателей-этнографовъ, можетъ быть пригоднымъ, такъ какъ въ указанныхъ спискахъ встрѣчаются и лица, имѣвшія отношеніе къ этнографіи.—**2.** Въ приложеніяхъ продолженъ списокъ *А. Торопова.* Кромѣ того, раньше помѣщено „Описаніе рѣдкихъ книгъ" (*К. П. Медоксъ* и г. *Чистокльтова*).—**3.** Приложенія посвящены почти исключительно «Памяти А. Ф. Смирдина» (четыре статьи).—Въ хроникѣ удѣлено мѣсто «Первой всероссійской выставкѣ печатнаго дѣла».—**4—5.** Въ приложеніяхъ 5 листъ списка Д. Д. Языкова (см. № 1).—**6—8** (12 декабря). *К. Медоксъ*, Рѣдкости изъ книгохранилища К. П. Медоксъ. XVIII вѣкъ. *Чинъ-Шинъ*, гор. Угличъ во второй половинѣ прошлаго столѣтія. Истор.-библіографич. статья.—Кромѣ вышеуказаннаго матеріала, во всѣхъ 8-ми книгахъ журнала неизмѣнно ведется «списокъ вновь вышедшихъ книгъ», сообщаются различныя правит. распоряженія, извѣстія изъ провинцій и т п.; собственно этотъ послѣдній матеріалъ и составляетъ главную цѣнность издаваемыхъ трудовъ Московскаго библіографическаго кружка.

Кубанскія Вѣдомости 1895 г., 275. 25-лѣтіе Кубанской учительской семинаріи.—**276, 277.** Народное образованіе въ Кубанской области.

Листокъ (изд. въ Унгварѣ, на Угорщинѣ). — **1894.** — Спишское епископство (стр. 4, 16, 27, 76, 101, 110.). — Церковь коптская (стр. 18, 77, 85, 103, 112, 135), абиссинская (стр. 136, 148, 160, 169, 176, 200, 211), греко-восточная (234, 257, 269, 278).—Арпадъ и Угры (253, 265). — Очерки угро-русской письменности (5, 247, 259, 269).—Пасхальная ночь въ Малороссіи (86).—**1895.**—Дикарь и обезьяноподобный первобытный человѣкъ (стр. 157, 169, 181, 195, 211, 221, 231, 245, 255, — клерикальныя возраженія противъ теоріи Дарвина).—Арпадъ и Угры (во всѣхъ №№). — Кириллица или латиница? (55, 64, 75).—Изслѣдованія Олафа Броха о малорусскомъ языкѣ въ Угорщинѣ (стр. 114 — 115, — статьи въ

Digitized by Google

Arch. für slav. Philol.). — **«Додатокъ до Листка»** 1895 г. Въ пряхахъ (нѣкоторыя суевѣрія о посидѣлкахъ, стр. 161).—Якъ отпраздновалъ Иванъ Чабулякъ св. вечеръ и Рождество (стр. 177).

Ломжинскія Г. В. 1895.—51, 52. Пчела и медъ въ легендахъ и поэзіи. (Прав. В., 157).

Мцкемси (Пастырь) **1895.—16—19.** Житіе св. Іоанна Зедазнійскаго.—**18, 19.** Простонародные обычаи, связанные съ христіанскимъ празднованіемъ св. Андрея и Екатерины.

Новое Обозрѣніе. 1895. 3924, 3928, 3937. Татарскія комедіи. *Ф. Кочарлу* — **3954.** Объ осетинской письменности. *Ласилъ* — **3963.** Еще объ осетин. алфавитѣ. *Микола.* — **3976.** Биб.: *Реклю.* Земля. *А. Хах—овъ.*—**3990** Общественные передѣлы земли. *А. Агабабовъ*— **3998.** Первое знакомство съ кобулетцами. *М* —**4003.** Мусульманская литература въ Тифлисѣ. *Везировъ.*—**4060, 4062.** По поводу юбилея кн. Р. Д. Эристова.—**4115.** О положеніи женщинъ и воспитаніи дѣтей у мусульманъ. — **4132.** Библ.: «Этнографич. Обозрѣніе», кн. № **4.** *А. Хах—ова.*

Оренбургскія Губ. Вѣд. 1895. 33. Пчела и медъ въ легендахъ и поэзіи.

Пастырь (на русс. яз.). **21, 22.** Описаніе Гелатскаго евангелія.—**23, 24.** Послѣдній эпизодъ борьбы Грузіи съ мусульманами.

Пермскія Губ. Вѣд. 1895. III. «Вновь открытая земля» (капитаномъ норвеж. китоловнаго судна Ларсеномъ на Ю. отъ Фалькландскихъ о—вовъ).—**114.** «Сабантуй въ башкирской деревнѣ» (игра, состоящая въ конскихъ бѣгахъ, борьбѣ и пр.). — *Данько.* „На бѣлокъ". Изъ воспоминаній о сибирской жизни.— **117.** Некрологъ А. В. Елисѣева.—**120.** Замѣтка о болѣзни А. В. Елисѣева.—Идеалъ женской красоты у японцевъ и китайцевъ.— **124.** Замѣтка о богослуженіи въ коптской православной церкви (изъ «Рус. Слова»). — **126.** Островъ Формоза. (Геогр. очеркъ изъ „Прав. В." №№: 103 и 460).— **133.** Письмо г. Лыткина въ «Новое Время» о мѣстѣ просвѣтительной дѣятельности св. Стефана Пермскаго (зыряне въ предѣлахъ нынѣшней Пермской губ. (камскіе) приняли христіанство отъ еп. Іоны въ 1462—63 гг., Стефаномъ же просвѣщены зыряне вычегодско-сысольскіе, т. е. въ предѣлахъ Вологодской губ.).—**134, 159, 182.** *Панаевъ.* Замѣтки о пермскомъ климатѣ. — **137.** Извѣстіе объ экспедиціи для собиранія рус. народныхъ пѣсенъ члена И.Р. Географ. О—ва Ѳ.М.Истомина.(Изъ «Бирж. Вѣд.»). — **144, 145.** „Абиссинія». — **145.** Некрологъ М. П. Драгоманова. — **149.** Экспедиція Леонтьева въ Абиссинію («Одесск. Лист.»).—**150.** Абиссинская церковь.— **155.** Рецензія на очерки д-ра А В. Елисѣева „По бѣлу свѣту".—**162.** «Замѣчательная археолог. находка» (некрополь въ древнихъ Сиракузахъ).—Экспедиція къ сѣв. полюсу на воздушномъ шарѣ (изъ «Моск. Вѣд.»).— **168.** Православіе въ Японіи. — **170.** Извѣстіе о знахарѣ, изгонявшемъ злого духа изъ женщины въ Каневскомъ уѣздѣ („Кіевл.").— **172.** Торговля невольниками въ Восточной Африкѣ.—Вѣрованіе сіамцевъ.— **173.** «Пчела и

Digitized by Google

медъ въ легендахъ и поэзіи" (сост. между проч. на основаніи сочиненія «De apium mellisque apud veteres significatione mythologica et symbolica". Berlin. 1893).— Дмитровская башня Нижегородскаго кремля (историч. справка изъ „Прав. Вѣстн.»).— **174.** „Географич. открытія въ Тихомъ океанѣ 80 лѣтъ тому назадъ."— Развалины древняго города (ногайскаго, близъ г. Уфы; приведены надписи на могилахъ болгарскихъ, ногайскихъ и др. въ той же мѣстности). — **176.** „Пещтская жизнь". — **179.** Большая крестьянская семья (артельная форма семейнаго устройства въ Воронеж. губ. Нижнедѣвицк. у.). — **183, 184.** *Савченко.* „Въ якутахъ"—дорожныя замѣтки.—**185.** Находка человѣческихъ костей вмѣстѣ съ костями мамонта въ Моравіи.— **187.** Вспрыскиваніе противодифтеритной сыворотки — печать антихриста (сообщеніе изъ Нижегородскаго уѣзда).—**189.** Колдовство въ XV и XVI вв. **190.** Многоженство у раскольниковъ. — **195.** Письмо сенатора Лентула, правителя Іудеи, о наружности І. Христа.— **197.** Людоѣды въ Сьерра-Леоне (люди убивались ими между прочимъ для приготовленія особыхъ лѣкарствъ изъ печени, сердца и проч.)—**197.**— **198.** Южный полюсъ и послѣднія открытія на немъ.—**213.** Индѣйцы въ Венецуэлѣ (лѣченіе больныхъ жрецами посредствомъ заклинаній и т. п.)—**217.** Фарфоръ и чай въ Японіи (историч. справка).—**223**—**224.** Арменія.—**226.** Раскопки въ Греціи.—Бурятскій праздникъ.—**228.** Къ исторіи древняго востока (документы египет. фараона Аменготепа III).

Подольскія Губ. Вѣд. 1895. — **10.** Масляничные обычаи въ старину.— **12.** Прощеное воскресенье и первая недѣля Великаго поста.— **24.** Праздникъ Благовѣщенія на Руси.—**25.** Изображенія гроба Господня на Руси.—Св. Плащаница.—**26.** Весна въ русскихъ народныхъ поговоркахъ и играхъ.—**27.** Праздникъ Пасхи у крестьянъ-малороссовъ на Подоліи.—Пасха въ старину.—**36.** Майскія народныя повѣрья, праздники и гулянья.—**40.** Май въ народныхъ обычаяхъ и повѣрьяхъ на югѣ Россіи. — **77.** Праздникъ Покрова. — **85.** Памятники старины въ Подоліи (продолж. въ №№: 86, 87, 88, 90, 91, 92, 93, 95, 96, 98, 99). — **95.** Рожденіе, крестины и воспитаніе царскихъ дѣтей XVI—XVII вв.

Приамурскія Вѣд. 85, 88. *М. Веденскій.* Морскіе промыслы въ Приамурскомъ краѣ. **94.** *А. П. Сильницкій.* Бытъ гиляковъ на низовьяхъ Амура.

Саратовскія Губ. Вѣд. 1895.—**37.** *Поляковъ.* Курганъ «Большой маръ» въ Сердобскомъ уѣздѣ (легенда о курганѣ: на немъ стоитъ солдатъ съ ружьемъ и сторожитъ кладъ, зарытый тамъ атаманомъ разбойничьей шайки; солдатъ этотъ виденъ бываетъ въ заутреню на первый день Пасхи и предлагаетъ всѣмъ видящимъ его помочь достать кладъ съ условіемъ перемѣниться одеждами. Никто на это не соглашается, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что надѣвшій одежду этого солдата будетъ обреченъ караулить вмѣсто него кладъ). — **38.** Чувашская Кулатка (названіе села, близъ Хвалынска; описаніе чувашскихъ обычаевъ, вѣрованій,

Digitized by Google

похоронныхъ обрядовъ).—**53**. Ильинская пятница («Прав. Вѣстн.)— **72**. *Минх.* Историко-географич. словарь Саратовск. губ. („Пролейка" и «Царскіе могильники» или «каменные курганы» Царицынскаго у.).— **73**. О земледѣльческихъ крестьянскихъ артеляхъ.

Сибирскій Вѣстникъ. **189**. *М. Рункевичъ*. Причина постепеннаго вымиранія остяковъ.

Тобольскія Вѣд. **77**. *А. И. Якобій*. Остяки сѣверной части Тобольской губ.—Сибирскія народныя пѣсни.

Уфимскія Губ. Вѣд. **1895**. **103**. *Кирьяновъ*. Описаніе Усень Ивановской волости Белебеевскаго уѣзда. — **107**. Легенда объ основаніи города Вильны. — **112, 114, 115, 118 — 120**. Очерки Приуралья. — **127 — 128**. *Лукашенко-Бодрый*. Малороссы въ Уфимск. краѣ. — **133**. Вопросъ о происхожденіи туземцевъ Мадагаскара. — **146**. Археологическія раскопки (половецкая могила подъ Симферополемъ). — **156**. Раскопки кургановъ въ Костромск. уѣздѣ (способы погребенія). — **165**. Къ исторіи сношенія Россіи съ Абиссиніею.— **174, 178**. Къ исторіи косметики (свѣдѣнія объ обычаяхъ разныхъ народовъ раскрашивать тѣло).— **179**. Празднества въ Египтѣ по поводу повышенія воды въ Нилѣ.—Обычай разрисовки череповъ въ альпійскихъ странахъ Австріи. — **183**. Выставка при международномъ географич. конгрессѣ въ Лондонѣ. — **189, 200**. Развалины древняго города въ предѣлахъ Уфимской губ.— **198 — 199**. Ирбитъ и его ярмарка (истор. очеркъ).— **216**. Индѣйцы въ Венецуэлѣ.—Извѣстіе о Нансенѣ.— **228**. Православіе у новоземельскихъ самоѣдовъ.

Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета. 1895 Янв. *Казанскій, П.* Договорныя рѣки (прод.).—*Будде, Е.*, Отчетъ о командировкѣ въ Рязанскую губ. на лѣтніе мѣсяцы 1894 года (по народному говору). — **Февр**. *Казанскій, П.*, Договорныя рѣки (прод.). — **Мартъ**. Тоже (оконч.).—Критика: *Будде, Е.*, Пѣсни русскаго народа. Собраны въ губерніяхъ Архангельской и Олонецкой въ 1886 году. Записали слова — Ѳ. М. Истоминъ, напѣвы — Г. О. Дютшъ.—**Апр**. Критика: *Катановъ, Н.*, И. Гамовъ, Очерки далекой Сибири. Гомель. 1894. — **Май**. *Богородицкій, В.*, Говоръ деревни Бѣлой, Казанской губ.—**Іюль—Авг**. *Александровъ, А.*, Исторія развитія духовной жизни Черной горы и князь-поэтъ Николай I. — **Ноябрь**. *Александровъ, А.*, Петръ I Петровичъ.

Ученыя Записки Импер. Юрьевскаго Университета. 1895. № 3. *Шмурло, Е.*, Востокъ и западъ въ Русской исторіи. — № 4. *Пыпинъ, А. Н.*, О главнѣйшихъ направленіяхъ въ русской литературѣ XVIII и первой четверти XIX вѣка.—Прилож.: *Дьяконовъ, М.* Акты, относящіеся къ исторіи тяглаго населенія въ московскомъ государствѣ. Вып. I. Крестьянскія порядныя.

Якутскія Еп. Вѣд. **19**. Записка о введеніи русской грамотности среди инородческаго населенія Якутской области.

Digitized by Google

НОВОСТИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Алекторовъ, А. Е., Выборное начало у киргизовъ. Динабургъ. 1894 г.

Аничковъ, И. В., Киргизскій герой Джанходжа Нурмухаммедовъ (текстъ и переводъ). Каз. 1894. 8⁰. 16 стр. 50 экз.

Его же, подъ тѣмъ же заглавіемъ. (Очеркъ изъ первыхъ шаговъ русскихъ на Сыръ-Дарьѣ). Каз. 1894. 8⁰. 29 стр. 50 экз.

Варсуковъ, А., Свѣдѣнія объ Юхотской волости и ея прежнихъ владѣльцахъ, князьяхъ Юхотскихъ и Мстиславскихъ. Съ прилож. статьи объ юхотскихъ сокольихъ помытчикахъ. Спб. 1894. 8⁰. 78 стр. 200 экз.

Варъ Ф., Крестьянское общинное землевладѣліе въ аграрномъ и соціально-политическомъ отношеніяхъ. М. 1894. 8⁰. 43 стр. 320 экз. Ц. 50 к.

Бахтіаровъ. А., Пролетаріатъ и уличные типы Петербурга. Бытовые очерки. Спб. 1895. 8⁰. 231 стр. 1.200 экз. Ц. 1 р.

Брайловскій, Сергѣй, Кудоярова пещера. (Разсказъ-преданіе). (Отт. изъ «Кіевск. Ст.»). К. 1894. 8⁰. 35 стр. 64 экз.

Брамсонъ, Л. М., Поѣздка въ южно-русскія еврейскія колоніи. (Путевые наброски). Съ приложеніемъ собранныхъ на мѣстѣ матеріаловъ. Спб. 1894. 8⁰. 41 стр. 600 экз. Ц. 25 к.

Бузольтъ, Георгъ, Очеркъ государственныхъ и правовыхъ греческихъ древностей. Перев. съ нѣм. А. (М. В.), съ приложеніями. Харьковъ. 1895. 8⁰. VIII + 320 + 2 стр. 500 экз. Ц. 1 р. 75 к.

В. В., Мелкое производство въ Россіи. 1. Артель въ кустарномъ промыслѣ. Спб. 1895. 8⁰. 200 стр. 750 экз. Ц. 1 р.

Воеводскій, Л. Ф., Миміамбы Геродота и реализмъ въ греческой литературѣ. Одесса. 1894. 8⁰. 17 стр. 300 экз. Ц. 20 к.

Гордіевичъ, О., Краткій обзоръ важнѣйшихъ моментовъ движенія греческой культуры въ государствахъ древняго міра. Кіевъ. 1894. 8⁰. 14 стр. 25 экз.

Гриневъ, С. А., Была ли конница у древнихъ Руссовъ? Изслѣдованіе. Кіевъ. 1895. 8⁰. 30 стр. 300 экз. Ц. 30 к.

Гуляевъ, А. М., Объ отношеніи русскаго гражданскаго права къ римскому. (Вступ. лекц.—Отт. изъ «Унив. Изв.» за 1894 г.). Кіевъ. 1894. 8⁰. 16 стр. 100 экз.

Двухсотлѣтней памяти **И. И. Неплюева**. Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Общества археологіи, исторіи и этнографіи при Имп. Каз. Унив. 7 ноября 1893 г. Каз. 1894. 8⁰. 49 стр. 200 экз.

Демичъ, В. Ѳ., Очерки русской народной медицины. Лихорадочныя заболѣванія и ихъ лѣченіе у русскаго народа. (Отт. изъ «Вѣстн. обществ. гигіены», 1894, т. XXIII). Спб. 1894. 8⁰, бр.

Дневникъ генеральнаго подскарбія **Якова Марковича** (1717 — 1767 гг.). Часть 2-я (1726—1729 гг.). Изд. «Кіевск Старины», подъ ред. Ал. Лазаревскаго. Кіевъ. 1895. 8⁰. 342 стр. 300 экз. Ц. 2 р.

Добровольскій, В. Н. Смоленскій этнографическій сборникъ. Ч. III. Пословицы. (Зап. Имп. Р. Г. О. по Отд. Эти., т. XXIII, вып. II). Спб. 1894. 8⁰. III + 137 стр. 800 экз.

Древности. Труды Имп. Моск. Археол. Общ — ва, изданные подъ ред. В. К. Трутовскаго. Томъ 15-й, вып. 1-й, съ 7 фототип. и 4 рис. М. 1894. 4⁰. 79 + 203 стр. 600 экз.

Digitized by Google

Елисѣевъ, А. В., По бѣлу свѣту. Очерки и картины изъ путешествій по тремъ частямъ Сгараго Свѣта. Съ иллюстраціями художниковъ. Спб. 4⁰. Томъ I. 1894 г. 374 стр. Томъ II. 1895 г. 359 стр. (Ц. по 3 рубля за томъ).

Засѣдателевъ, Н. И., Древній обрядъ коронованія у тюркскихъ народовъ. Казань. 1894. 8⁰. 9 стр. 50 экз.

Зиновьевъ, М. А., Опытъ изслѣдованія земскаго устройства Лифляндской губерніи Рига. 1895. 8⁰. 6 + 149 стр. 400 экз.

Ивановскій, А. О., Mandjurica. I. Образцы солонскаго и дахурскаго языковъ. Спб. 1894. 8⁰. XIV + 79 стр. 310 экз. Ц. 80 к.

Ковалевскій, Максимъ, Происхожденіе современной демократіи. Т. I. М. 1895. 8⁰. VIII + 658 стр. 1.203 экз. Ц. 2 р. 50 к.

Коркуновъ, Н. М., С. Е. Десницкій—первый русскій профессоръ права (Изъ «Ж. Мин. Юст.»). Спб. 1894. 8⁰. 31 стр. 100 экз.

Кулаковскій, Платонъ, Иллиризмъ. Изслѣдованіе по исторіи хорватской литературы періода возрожденія. Варш. 1894. 8⁰. VIII + 411 + 93 + II стр. 600 экз.

Кѣтлинскій, Ф. Ф., (врачъ), 76 дней на востокѣ. Ч. III. Могилевъ. — Подольскій. 1894. 8⁰. 23 стр. 100 экз. Ц. 30 к.

Лаппо, И. И., Тверской уѣздъ въ XVI вѣкѣ. Его населеніе и виды земельнаго владѣнія (Этюдъ по исторіи провинціи московскаго государства.— Изъ «Чт. въ Имп. Общ. ист. и др. росс.»). М. 1894. 8⁰. 238 стр. 300 экз.

Лицевой сійскій иконописный **подлинникъ.** Вып. 1-й. (Прилож. къ CVI вып. «Памятниковъ древн. письм.». CVII. Спб. 4⁰. 22 табл. рис., 260 экземпляровъ.

Лучицкій, И. В., Вопросъ о крестьянской поземельной собственности во Франціи до революціи и продажѣ національныхъ имуществъ. (Отчетъ о командировкѣ за границу. — Отт. изъ «Унив. Изв.» за 1892 — 93 гг.). Кіевъ. 1894 г. 8⁰. 42 стр. 310 экз.

Максимовъ, А. Я., На далекомъ востокѣ. Разсказы и были изъ жизни на отдаленной окраинѣ Россіи. Томъ II. Спб. 1894. 8⁰. 236 стр. 2.000 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Малиновскій, І., Ученіе о преступленіи по Литовскому статуту. (Отт. изъ «Унив. Изв.»). Кіевъ. 1894. 8⁰. VII + 171 + L стр. 310 экз. Ц. 1 руб. 50 коп.

Марковскій, М., Антоній Радивиловскій, южно-русскій проповѣдникъ XVII в. (Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія его сочиненій и обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей его языка). Съ приложеніемъ неизданныхъ проповѣдей изъ рукописныхъ «Огородка» и «Вѣнца» (Отт. изъ «Унив. Изв.»). Кіевъ. 1894. 8⁰. 2 + IV + 187 + 86 стр. 160 экз. Ц. 2 р.

Мауделн, Генри, Сонъ и сновидѣнія. Спб. 1895. 8⁰. Изд. Губинскаго. 96 стр. Ц. 30 к.

Межвеверъ, П. и **Вильцынъ, К.,** Русско-латышскій словарь къ 1-й части (букварю) учебнаго руководства «Русская рѣчь» М. Вольпера. Изд. 2-е. Рига. 1894. 8⁰. 22 стр. 10.000 экз.

Мироновъ, А. М., Картины загробной жизни въ греческой живописи на вазахъ (изъ «Уч. Зап. Имп. Моск. Унив.» — Отд. ист.-фил.). М. 1895. 8⁰. 234 стр. 300 экз.

Московскій Публичный и Румянцовскій музеи. Путеводитель по Дашковскому этнографическому музею. М. 1894 8⁰. 36 стр. 1.200 экз.

Описаніе (историческое). Іоанно-Предтеченскаго Леушинскаго женскаго монастыря, Череповецкаго уѣзда, Новгородской губ., съ 10 рис. Изд. 2-е пополн. Спб. 8⁰. 84 стр. 1.000 экз.

Остроумовъ, Н., Пѣсня-сатира. Викторъ-Бай. (Отт. изъ «Зап. Восточн. Отд. Имп. Русск. Арх. Общ.»). Спб. 1894. 8⁰. стр. съ 87 по 92. 60 экз.

Павловскій (И. Фр.) и **Старковскій (В. М.).** Полтавская битва и ея памятники. (Пѣсни и пр.), съ рис. и планами. 2-е изд. Полтава. 1895. 8⁰, стр. 130 + 25 + 4. Ц. 1 р.

Digitized by Google

Перетцъ, В. Н., Деревня Будогоща и ея преданія (Этнограф. очеркъ). Спб. 1894. 8⁰. 16 стр. 50 экз. Ц. 30 к.

Покровскій, Ѳ. В., Изъ доисторическаго быта на славянско-литовской границѣ. (Отт. изъ «Вил. Вѣстн.» за 1894 г.). Вильна. 1894. 8⁰. 19 страницъ. 50 экземпляровъ.

Родъ Поливановыхъ XIV — XIX вв. Сказаніе, историческіе дѣятели и поколѣнная роспись. Вл.—на—Кл. 1894. 8⁰. 30 стр. 300 экз.

Сильвестра Медвѣдева. Созерцаніе краткое лѣтъ 7190, 91 и 92, въ нихъ же что содѣяся во гражданствѣ. Съ предисловіемъ и примѣчаніями А. Прозоровскаго. (Изъ «Чт. въ Имп. Общ. ист. и др. росс.».). М. 1894 г. 8⁰ LII + 197 стр. 300 экз. Ц. 2 р. съ перес.

Сказки (Русскія избранныя) въ 2-хъ отдѣлахъ (по сборникамъ Аѳанасьева и др.). Издано съ предисл. В. Маракуева, въ которомъ авторъ обращается «ко всѣмъ дорожащимъ народнымъ творчествомъ съ просьбою присылать ему записанныя мѣстныя сказки, пословицы, пѣсни и т. п.»). Москва, тип. Сытина, 3-е изд., увелич., съ рис., 1895. б. 8⁰, 262 стр.

Смирновъ, А. П., О сассанидскихъ блюдахъ. Казань. 1894. 8⁰. 8 стр. 100 экз.

Статистика Россійской Имперіи. XXIX. Волости и населенныя мѣста 1893 г. Вып. 10. Томская губ. Изд. центр. стат. ком.

Степовичъ, А. І., Къ столѣтію рожденія Яна Коллара, пѣвца и проповѣдника «Славянской взаимности» (Докладъ въ Истор. Общ. Нестора — лѣтописца.). Кіевъ. 1894. 8⁰. 26 стр. 100 экз.

Стукаличъ, В. К., 1) Бѣлоруссія и Литва. 2) Очерки изъ исторіи городовъ въ Бѣлоруссіи. Витебскъ, 1894, 8⁰ стр. 23 + 62 (Два очерка въ одной брошюрѣ; первый—по Батюшкову, второй — на основаніи 12-ти томовъ актовъ Виленской Археогр. Коммиссіи, изданій Сапунова и нѣкот. др., и касается не отдѣльныхъ городовъ, а городскихъ общинъ вообще).

Сумцовъ, Н. Ѳ., Легенда о благочестивомъ живописцѣ (Отт. изъ «Кіевской Старины»). К. 1894. 8⁰. 5 стр. 100 экз.

Троицкій, В. П., Черемисско-русскій словарь. Казань. 1894. 8⁰. 87 стр. 100 экз. (Прил. къ «Изв. Общ. Арх., ист. и этн.»).

Харузинъ, Ал., Крестьянское землевладѣніе въ Эстляндской губерніи по даннымъ 1892 — 94 гг. Вып. I (Труды Эстл. стат. ком., т. XI). Ревель. 8⁰. 106 + 75 + 105 + 69 + 92 + 109 + 69 + 48 стр., 330 экз.

Цагарелли, А. А., Свѣдѣнія о памятникахъ грузинской письменности. Т. I., вып. 3-й (съ портретомъ). Спб. 1894. 8⁰. 6 + СП + 320 стр. 410 экз.

Шашинъ, А., Миссіонерская поѣздка на Кавказъ. М. 8⁰. 60 стр.

Эварницкій, Д. И., Исторія запорожскихъ казаковъ. Томъ 2-й. (Съ приложеніемъ плана желтоводской битвы). Спб. 8⁰. 624 стр. 1.512 экземпл. Ц. 4 руб.

Berendts, Alex., Studien über Zacharias-Apokryphen und Zacharias-Legenden. Inaugural Dissertation, Jurjew (Dorpat). 1895. 8⁰.

Fudalewski, Wlad. Ks. Miasto Opatów podług miejscowych źródeł ipodań Warsz. 1895. 4⁰, 119 стр.

Lissowski, Leon. Obrzędy weselne w Szolajdach w powiecie Kutnowskim (Odb. z t. VIII Wisły). Warszawa, 1895. 8⁰, стр. 65.

Majewski Erazm. Początek, przyszłość i koniec ziemi. Warszawa. 1895. 8⁰. Цѣна 1 руб.

Digitized by Google

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

Якутская этнографическая экспедиція.

Въ Восточной Сибири, въ Якутской области, какъ извѣстно, съ 1894 г. работаетъ спеціальная экспедиція, имѣющая громадное значеніе въ изученіи края въ различныхъ отношеніяхъ, и преимущественно въ этнографическомъ въ широкомъ значеніи слова. Краткое извѣстіе объ этомъ важномъ предпріятіи было сообщено нами въ XXII кн. „Этнографическаго Обозрѣнія“ (стр. 223). Въ настоящее время, благодаря любезности г. Якутскаго Губернатора, Этнографическимъ Отдѣломъ получены отъ мѣстнаго Статистическаго Комитета подробныя и достовѣрныя свѣдѣнія объ экспедиціи, изложенныя въ особой „Запискѣ“ отъ 15 апр. 1895 г., изъ которой мы позволяемъ себѣ извлечь все существенное и интересное съ точки зрѣнія научно-этнографической.

Въ 1888 году извѣстный золотопромышленникъ и благотворитель, И. М. Сибиряковъ, предложилъ бывшему Правителю дѣлъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, Г. Н. Потанину, 5 тысячъ рублей, для организаціи изслѣдованія быта инородцевъ Якутской области; впослѣдствіи жертвователь увеличилъ сумму до 10 тыс. руб. Послѣ того какъ лица, съ которыми г. Потанинъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ велъ переговоры, предлагая имъ взять на себя это изслѣдованіе, одно за другимъ отъ таковаго отказались,— онъ въ 1892 году рѣшилъ передать организацію и дальнѣйшее веденіе дѣла лицу, заступившему его мѣсто въ должности правителя дѣлъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Р. Геогр. Общества, Д. А. Клеменцу, который вошелъ съ докладомъ къ г. Иркутскому Генералъ-Губернатору и, получивъ разрѣшеніе приступить къ организаціи предпріятія, отправился въ г. Якутскъ, куда и прибылъ 16 января 1894 года. Г. Якутскій Губернаторъ призналъ съ своей стороны необходимымъ при содѣйствіи мѣстнаго Статистич. Комитета выработать программы и установить способы изслѣдованія на особыхъ совѣщаніяхъ. Предметами совѣщаній служили: 1) выработка подробныхъ программъ для этнографическаго изслѣдованія Якутовъ и другихъ инородцевъ Якутской области; 2) выработка, согласно программамъ, плановъ экспедиціонныхъ работъ по Якутскому и Колымскому округамъ и 3) обсужденіе бюджетной стороны дѣла и опредѣленіе размѣра пособія, необходимаго для каждаго изъ участниковъ экспедиціи.

Въ результатѣ совѣщаній оказалось, что изслѣдованіемъ быта инородцевъ пожелали заняться слѣдующія лица:

А) По Якутскому округу:

1) Совѣтникъ Областнаго правленія Д. Н. Меликовъ взялъ на себя разработку вопроса о криминальной психологіи Якутовъ, на основаніи матеріаловъ, заключающихся въ дѣлахъ мѣстныхъ судебныхъ и административныхъ учрежденій.

2) Областной ветеринаръ С. Я. Дмитріевъ представилъ программу своей работы по скотоведѣнію (анатомо-экстеріерныя, физіологическія и біологическія особенности Якутскаго скота) и скотоводству (скотоводственная техника, отплата корма, болѣзни и ихъ леченіе), при чемъ указалъ на гг. Кондакова и Пекарскаго, какъ на своихъ сотрудниковъ.

3) Н. А Виташевскій изъявилъ желаніе заняться изученіемъ юридическаго быта Якутовъ, и представленная имъ программа для собиранія соотвѣтствующаго матеріала распадается на слѣдующіе отдѣлы: 1) землепользованіе; 2) договорное право; 3) система родства; 4) семейное право; 5) наслѣдственное право; 6) уголовное право; 7) судоустройство; 8) судебныя доказательства; 9) судопроизводство и 10) общественная организація. При выработкѣ своей программы, авторъ, главнымъ образомъ, старался разработать возможно детальнѣе отдѣлы: о землепользованіи, какъ о наиболѣе важномъ факторѣ общественно-

Digitized by Google

экономической жизни, и о договорномъ правѣ, представляющемъ громадный теоретическій интересъ, въ виду наличности архаическихъ формъ договоровъ въ системѣ юридическихъ обычаевъ Якутовъ.

4) Членъ-секретарь Областнаго Статистич. Комитета, сотникъ А. И. Поповъ представилъ выработанную имъ для производства подворныхъ переписей карточку, которая, по замѣчанію г. Попова, является переработкой, примѣнительно къ условіямъ якутской жизни, карточки статистиковъ, работавшихъ надъ изученіемъ экономическаго положенія сельскаго населенія Иркутской и Енисейской губерній и представляется полезной для экскурсантовъ, какъ охватывающая самыя разнообразныя стороны якутскаго хозяйства.

5) Л. Г. Левенталь представилъ программу своихъ работъ по изслѣдованію экономическихъ отношеній Якутовъ въ ихъ историческомъ развитіи и современномъ положеніи. Программа распадается на двѣ части: а) *данныя для характеристики современныхъ экономическихъ отношеній*: общее замѣчаніе: приблизительное исчисленіе пространства, количества и густоты населенія (по оффиціальнымъ даннымъ и не далѣе р. Алдана); характеристическія черты разселенія; главныя занятія и побочныя; переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному; подворная перепись по упомянутой выше, выработанной г. Поповымъ, карточкѣ съ цѣлью уясненія: 1) земельныхъ отношеній; 2) характера передѣловъ общихъ и частныхъ; 3) распредѣленія государственныхъ и общественныхъ повинностей (денежныхъ и натуральныхъ); 4) призрѣнія неимущихъ; 5) скотоводства; 6) хлѣбопашества; 7) промысловъ; 8) извоза; 9) наемнаго труда; 10) формъ труда, общинно-семейнаго, случайныхъ товариществъ и общественнаго; 11) обмѣна и 12) кредита. б) *данныя для исторіи края со времени первой ясачной комиссіи*. Данныя эти, по мнѣнію г. Левенталя, весьма важны не только въ смыслѣ историческаго матеріала, но и для объясненія нѣкоторыхъ пережитковъ первобытнаго строя жизни, имѣющихъ мѣсто въ нынѣшнихъ общественно-экономическихъ отношеніяхъ Якутовъ.

6) И. И. Майновъ взялъ на себя собираніе антропометрическаго матеріала и матеріала по вопросу объ объякучиваніи русскихъ. По этому вопросу г. Майновымъ сдѣлано уже особое сообщеніе въ Антропологическій Отдѣлъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

7) Э. К. Пекарскій, имѣя въ виду обработку своихъ „матеріаловъ для Якутско-русскаго словаря, изданіе коихъ на средства И. М. Сибирякова есть отдѣльное предпріятіе Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, *) и не имѣя возможности, поэтому, участвовать въ трудахъ экспедиціи непосредственно, предложилъ услуги по пріисканію сотрудниковъ, между прочимъ и изъ среды инородцевъ, и согласился принять на себя окончательное редактированіе ихъ трудовъ. Въ числѣ предполагавшихся имъ сотрудниковъ, изъ инородцевъ, г. Пекарскій указалъ: на В. В. Никифорова (бывшій голова Дюпсинскаго улуса), И. Г. Соловьева, (письмоводитель Восточно-Кангалаской Управы), С. В. Слѣпцова (бывшій староста Баягантайскаго улуса) и Е. Д. Николаева (бывшій письмоводитель Батуруской Управы). Гг. Слѣпцовъ и Николаевъ были уже извѣстны мѣстному Статистическому Комитету произведенными ими, по порученію послѣдняго, подворными переписями. Изъ не инородцевъ г. Пекарскій указывалъ, какъ на возможныхъ сотрудниковъ, на В. Е. Гориновича (по вопросу о народной медицинѣ Якутовъ и ихъ обиходѣ съ гигіенической точки зрѣнія) и Г. Ф. Осмоловскаго (по собиранію матеріаловъ о рыболовствѣ и охотѣ со стороны техники).

Затѣмъ, г. Пекарскому было поручено собраніемъ заняться составленіемъ

*) Печатаніе словаря, съ соблюденіемъ, по возможности, всѣхъ требованій лексикографіи и во всякомъ случаѣ въ строгомъ соотвѣтствіи съ выработанной академикомъ Бэтлингомъ системой правописанія, предполагается въ г. Якутскѣ, въ Областной типографіи, которая для этой цѣли пріобрѣтаетъ необходимые шрифты съ оригинальными якутскими буквами (изъ словолитни Лемана въ С.-Петербургѣ).

Digitized by Google

программы по изслѣдованію быта Якутовъ, для чего рекомендовано было сдѣлать сводъ матеріала, заключающагося въ печатныхъ программахъ и въ составленной г. Клеменцомъ, спеціально для сотрудниковъ экспедиціи, программѣ, обильной указаніями на вопросы, пропущенные въ изданныхъ до сихъ поръ программахъ для этнографическихъ изслѣдованій. Частію еще во время совѣщаній, частію послѣ того, какъ экспедиціонныя работы уже начались, г. Пекарскій, въ сотрудничествѣ съ г. Майновымъ исполнилъ возложенное на него порученіе и составилъ программу, обнимающую отдѣлы: I, жилище и его принадлежности; II, одежда и наряды; III, пища, питье и наркотическія вещества, — съ матеріальной стороны; IV, семейный бытъ: дѣтскій возрастъ и отрочество, брачный возрастъ, свадьба и супружеское сожительство, взаимныя отношенія членовъ семьи и родственниковъ, смерть и похороны; V, занятія и ремесла: скотоводство, земледѣліе, звѣроловство, рыболовство; VI, игры и увеселенія; VII, нравы и національный характеръ; VIII, вѣрованія и IX, языкъ и народное творчество.

Б) По Колымскому округу изъявилъ желаніе заняться изслѣдованіемъ быта инородцевъ В. И. Іохельсонъ, разсчитывая на сотрудничество проживающаго въ г. Средне-Колымскѣ В. Г. Богораза и Колымскаго исправника, В. Г. Карзина. Желаніе это было встрѣчено собраніемъ сочувственно, такъ какъ Колымскій округъ представляетъ особый интересъ въ этнографическомъ отношеніи, какъ по разнообразію состава своего населенія (русскіе, якуты, ламуты, тунгусы, чуванцы, юкагиры и др.), быта народовъ, его составляющихъ, такъ и по малоизвѣстности края. Программа, представленная г. Іохельсономъ, заключая въ себѣ всѣ главныя рубрики общей этнографіи, обращаетъ особое вниманіе на вопросы, спеціально касающіеся Колымскаго округа, и матеріалы, которые будутъ особенно цѣнны для спеціалистовъ. Таковы, наприм.: матеріалы по сравнительной антропометріи народовъ округа, съ обращеніемъ особаго вниманія на метисовъ съ сложной генеалогіей; пережитки до-металлическаго вѣка (костяныя орудія); сохраненіе каменныхъ орудій, гостепріимной проституціи, татуировки, древнихъ способовъ добыванія огня и другихъ признаковъ первобытнаго состоянія; оленеводство; собаководство; вліяніе племенъ другъ на друга, и т. д. Распредѣляя работы по округу на $2^1/_2$ года, г. Іохельсонъ раздѣлилъ округъ для удобства изслѣдованія на 5 районовъ въ зависимости отъ быта народовъ, ихъ заселяющихъ, и съ каждымъ изъ бродячихъ племенъ онъ полагаетъ нужнымъ кочевать въ теченіи 5—6 мѣсяцевъ, по соглашенію съ другими сотрудниками, для болѣе полнаго собиранія матеріаловъ по быту, нравамъ, языку и т. д. Такимъ образомъ, программа г. Іохельсона состоитъ изъ слѣдующихъ рубрикъ: a) антропологическія измѣренія и наблюденія; b) историко-географическія свѣдѣнія; c) жилища и орудія; d) одежда; e) пища и питье; f) занятія и промыслы; g) нравы, обычаи и другія племенныя черты; h) языкъ (списокъ словъ и образчики предложеній разныхъ нарѣчій, записанные правильной транскрипціей), и i) вѣрованія и народное творчество (насколько возможно собирать матеріалы по этому послѣднему отдѣлу при помощи толковыхъ переводчиковъ).

На остальные округа Якутской области, за исключеніемъ Олекминскаго, изслѣдованіе котораго поставлено жертвователемъ, какъ непремѣнное условіе осуществленія экспедиціи, дѣйствія послѣдней не предполагалось распространять, какъ по недостаточности средствъ, такъ и по отсутствію лицъ, которыя могли бы взять на себя изслѣдованіе этихъ округовъ.

Экспедиціонныя работы были начаты съ весны 1894 года. Въ началѣ 1895 года въ г. Якутскѣ, съ разрѣшенія г. Губернатора, вновь организованы были совѣщанія со слѣдующею программою занятій:

1) выслушаніе отчетовъ отдѣльныхъ экскурсантовъ; 2) порядокъ представленія ихъ въ Отдѣлъ; 3) представленіе въ Вост.-Сиб. Отдѣлъ денежной отчетности за истекшій годъ; 4) разсмотрѣніе плановъ работъ и бюджета на текущій годъ; 5) рѣшеніе вопроса о порядкѣ пользованія добытыми за время экспедиціи матеріалами.

Разсмотрѣніе дѣятельности экспедиціи за 1894 годъ дало слѣдующіе результаты.

Digitized by Google

Членъ экспедиціи Н. А. Виташевскій въ отчетномъ году заполнилъ всѣ вопросы своей программы по изслѣдованію современнаго юридическаго быта якутовъ отвѣтами нѣсколькихъ выдающихся инородческихъ родоначальниковъ и сдѣлалъ много отдѣльныхъ записей спеціальнаго характера (преимущественно о землепользованіи и пріобрѣтеніи правъ собственности) Въ цѣляхъ своего спеціальнаго изслѣдованія, для того, чтобы имѣть историческій базисъ своихъ изысканій, г. Виташевскій разсмотрѣлъ архивы 4-хъ инородныхъ управъ и 1-го родоваго управленія, начиная съ древнѣйшихъ документовъ до 1815 г. Кромѣ того, г. Виташевскій 1) произвелъ антропологическое измѣреніе 101 субъекта и доставилъ до 60 негативовъ съ измѣренныхъ лицъ (къ сожалѣнію, снимки слишкомъ малаго размѣра); 2) записалъ наблюденія надъ двумя шаманскими сеансами, на которыхъ-самъ присутствовалъ; 3) добылъ для Якутскаго музея различные предметы, между прочими—содержимое древней шаманской могилы и 4) велъ замѣтки разнообразнаго характера, относящіяся до различныхъ сторонъ изученія быта якутовъ. Все, что не относится до юридическаго быта якутовъ, г. Виташевскимъ передано остальнымъ членамъ экспедиціи, каждому по его спеціальности. Въ 1895 году г. Виташевскій предположилъ заниматься выясненіемъ тѣхъ сторонъ юридической жизни, какія пока оставались для него темными, путемъ разспросовъ, присутствія при инородческихъ сходахъ въ родовыхъ и улусныхъ управленіяхъ, продолженіемъ изслѣдованія архивовъ до 1815 года (оставшихся не разсмотрѣнными ранѣе—Намской и Западно-Кангаласской инородныхъ управъ). При маршрутѣ по весьма многимъ мѣстностямъ Якутскаго округа и дороговизнѣ разъѣздовъ, г. Виташевскій ставитъ осуществленіе своей программы въ зависимость отъ своихъ личныхъ средствъ, въ случаѣ отсутствія которыхъ долженъ будетъ перейти къ стаціонарному изслѣдованію.

Членъ экспедиціи г. Левенталь за время своихъ работъ разсмотрѣлъ всѣ архивные документы до 1835 г. Баягантайской (съ 1763 г.) и Намской инородныхъ управъ и нѣсколькихъ Баягантайскихъ наслеговъ. По пятилѣтіямъ разсмотрѣніе документовъ Баягантайской инородной управы доведено до 1865 г., а нѣкоторыхъ дѣлъ Восточно-Кангалаской и Намской управъ до 1850 года. Часть собранныхъ матеріаловъ подвергнута обработкѣ для „Памятной книжки Якутской Области на 1895 годъ". По дѣламъ Присутственныхъ мѣстъ города Якутска, Левенталь ознакомился съ оффиціальною стороною землевладѣнія и землепользованія, межеванія, распредѣленія земли и повинностей у Якутовъ и т. п. Собраны предварительныя свѣдѣнія (отъ Якутовъ) объ интимной внутренне-общественной сторонѣ распредѣленія земель и повинностей въ Баягантайскомъ, Борогонскомъ, Восточно-Кангаласкомъ и Намскомъ улусахъ, для того, чтобы явиться въ названныя мѣста подготовленнымъ къ производству мѣстнаго изслѣдованія, которое долженъ былъ начать въ концѣ марта 1895 г. Большая часть работы еще предстоитъ впереди: 1) пополняя пробѣлъ въ однихъ архивахъ другими, разсмотрѣть ихъ до конца 40-хъ годовъ текущаго вѣка, когда можно уже удовлетвориться какимъ-нибудь однимъ, двумя архивами, доведя ихъ разсмотрѣніе до современности, и 2) путемъ многочисленныхъ опросовъ и тщательнымъ ознакомленіемъ съ текущими дѣлами, а по возможности и путемъ подворныхъ переписей, выяснить современныя экономическія отношенія якутовъ Якутскаго округа.

Членъ экспедиціи И. И. Майновъ, какъ было сказано, сообщилъ уже свѣдѣнія о своихъ экспедиціонныхъ работахъ истекшаго года въ Антропологическій Отдѣлъ. Можно еще прибавить, что въ программу работъ И. И. Майнова, на ряду съ антропологическими изслѣдованіями мѣстныхъ инородцевъ, входитъ также изслѣдованіе русскихъ—якутянъ (крестьянъ, казаковъ и т. п.), съ нѣсколько особенной точки зрѣнія,—именно, съ цѣлью уясненія тѣхъ причинъ и условій, при которыхъ русскіе объякучиваются. Вмѣстѣ съ этимъ г. Майновъ поставитъ вопросъ о томъ, какимъ путемъ идетъ самый процессъ объякучиванія, и въ подробно развитой программѣ изслѣдованія намѣтилъ, между прочимъ, такіе пункты: „утрата и порча языка"; опредѣлить, какія именно слова и лингвистическія особенности усвоиваются раньше другихъ, имѣющія по-русски синонимы, или неимѣющія; означающія матеріальные предметы или общія понятія; наиболѣе

Digitized by Google

сходныя или, наоборотъ, особенно противоположныя особенности русскаго языка; другой пунктъ: „вѣрованія, обычаи, пѣсни и сказки“; тутъ является рядъ вопросовъ, сходныхъ съ поставленными выше; интересно было бы дословно записать мѣстные варіанты обще-русскихъ повѣрій, сказки, поговорки и т. п. Въ 1894 году, однако, дѣятельность г. Майнова была направлена преимущественно къ выясненію общественно-экономическихъ условій крестьянскаго быта, матеріалъ же этнографическій предполагалось собирать уже въ 1895 году.

Дѣятельность члена экспедиціи Э. К. Пекарскаго выразилась въ 1894 г. въ томъ, что, во 1-хъ, онъ пріискалъ для экспедиціи сотрудниковъ по разнымъ отдѣламъ составленной имъ и г. Майновымъ программы; во 2-хъ, пригласилъ къ записыванію сказокъ и пѣсенъ нѣсколькихъ грамотныхъ якутовъ, изъ коихъ нѣкоторые доставили уже записанныя ими сказки и пѣсни; въ 3-хъ, по взятому на себя отдѣлу („нравы и національный характеръ“) г. Пекарскій, не имѣвшій возможности работать лично, поручилъ работу двумъ лицамъ, изъ коихъ одинъ представилъ рукопись, заключающую въ себѣ отвѣты мѣстной обывательницы на всѣ почти вопросы программы по этому отдѣлу; а другой собиралъ фактическій матеріалъ въ подтвержденіе или опроверженіе этихъ отвѣтовъ; въ 4-хъ, г. Пекарскій пріобрѣлъ 2 копіи съ письменныхъ знаковъ, употребляемыхъ однимъ неграмотнымъ якутомъ для записей всякаго рода, съ поясненіемъ и текстомъ двухъ молитвъ, утренней и по усопшимъ; въ 5-хъ, записалъ около 70 загадокъ и около 25 пословицъ и поговорокъ, привелъ въ порядокъ составленную вчернѣ въ 1893 году таблицу якутскаго родства и дѣлалъ въ теченіе года мелкія и отрывочныя замѣтки этнографическаго характера; въ 6-хъ, проредактировалъ двѣ якутскія сказки, присланныя изъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. Общества; въ 7-хъ, главнымъ занятіемъ г. Пекарскаго была работа надъ Якутско-Русскимъ словаремъ, который пополнялся матеріаломъ, доставленнымъ какъ участниками экспедиціи, такъ и частными лицами; для той же цѣли имъ записывались новыя (не вошедшія ранѣе въ словарь) слова изъ живой якутской рѣчи, изъ писемъ и документовъ на якутскомъ языкѣ, извлечены слова изъ помянутыхъ 2-хъ сказокъ, причемъ обращено вниманіе на обогащеніе словаря фразеологіей, сдѣланы сравненія сходныхъ съ бурятскими словъ (по словарю Кастрена) и проштудированы для той же цѣли „Опыты словаря тюркскихъ нарѣчій“ академика Радлова (I—IV вып.) и „Алтайскіе инородцы“ миссіонера Вербицкаго. Въ 1895 году г. Пекарскій предположилъ заняться исключительно обработкою своего словаря.

Г. Дмитріевъ въ 1895 году предпринялъ, при посредствѣ интеллигентныхъ инородцевъ и члена экспедиціи г. Пекарскаго, изслѣдовать положеніе инородческаго скотоводства въ Батурускомъ и Дюпсинскомъ улусахъ, въ Намскомъ — помѣси мѣстнаго скота съ китайскимъ, давшія хорошіе результаты въ скопческихъ селеніяхъ, лежащихъ въ районахъ выше указанныхъ работъ.

Гг. Осмоловскому и Некрасову поручено было собирать свѣдѣнія: 1) о звѣроловствѣ и рыболовствѣ, и 2) объ играхъ и увеселеніяхъ, по программѣ, составленной гг. Пекарскимъ и Майновымъ. По первому отдѣлу, кромѣ точнаго описанія техники, рекомендовано обратить особенное вниманіе на бытовую сторону (охотничьи обычаи, повѣрья, предразсудки, гаданья и т. п.)

По второму отдѣлу, за отсутствіемъ въ г. Якутскѣ подходящихъ источниковъ, программа составлена очень кратко; въ нее входятъ: игры и забавы дѣтей, юношей и взрослыхъ, общественныя игры и увеселенія, игры, заимствованныя у русскихъ, правила гостепріимства. Составляя планъ занятій на 1894 годъ экскурсанты рѣшили: 1, собираніе матеріаловъ по второму отдѣлу начать съ 1895 года и 2, держаться вообще стаціонарнаго способа изслѣдованій. Райономъ для изслѣдованій было избрано селеніе Чурапчы, Батурускаго улуса Якутскаго округа, съ его окрестностями. Въ теченіе 1894 года собраны подробныя свѣдѣнія: 1, объ охотѣ на птицъ въ разныя времена года, 2, объ охотѣ на зайцевъ и 3, объ озерномъ рыболовствѣ. Лѣтомъ 1894 года экскурсанты совершили поѣздку въ Балгантайскій улусъ, гдѣ собрали свѣдѣнія объ охотѣ на медвѣдей, лосей, волковъ, лисицъ и бѣлокъ. Въ 1895 году предполагалось: 1, соби-

Digitized by Google

рать свѣдѣнія въ томъ же районѣ объ играхъ и увеселеніяхъ, 2, совершить поѣздку на р.р. Алданъ и Амгу, для собиранія свѣдѣній о рѣчномъ рыболовствѣ и для провѣрки и дополненій всего собраннаго ранѣе.

Г. Гориновичемъ, работавшимъ надъ изслѣдованіемъ жилищъ, пищи и одежды якутовъ съ матеріальной и бытовой стороны, по программѣ составленной гг. Пекарскимъ и Майновымъ, въ 1894 г. собирались матеріалы въ окрестностяхъ с. Чурапчы и Ытыкъ-Кель (Батурускій улусъ). Описаны: а) *Жилища*: 1) Балаганы существующихъ типовъ; 2) Амбардjiä двухъ типовъ; 3) Ураса—исчезающій типъ лѣтнихъ жилищъ. б) *Пища*. На основаніи собраннаго матеріала установлено: 1) главная пища якутовъ—обезжиренное молоко (суорат и тар); 2) какъ вкусовыя вещества и суррогаты пищи, прибавляются различныя не питательныя вещества (опредѣлены ботаническія названія съѣдобныхъ растеній); 3) изъ хлѣбныхъ злаковъ ячмень (въ видѣ прѣсныхъ лепешекъ и оладій) употребляется якутами въ очень малыхъ количествахъ, а прочіе хлѣба и того менѣе; 4) мелкая рыбешка (муиду и кӱӧнäх) въ теченіе полугода служитъ важнымъ подспорьемъ бѣднякамъ. Крупная же рыба и мясо—главная составная часть пищи богачей. Изъ одежды описаны: будничная и праздничная, зимняя и лѣтняя одежда якутовъ. Кромѣ того, записаны обряды при выборѣ мѣста и построекъ балагана и другихъ жилищъ и при новосельѣ въ старину, а также составлена записка о свадебномъ пирѣ и объ одеждѣ и украшеніяхъ въ старину же.

Въ 1895 году предположено было сдѣлать нѣсколько поѣздокъ по различнымъ улусамъ для пополненія собраннаго матеріала и провѣрки его, а также съ цѣлью иллюстрировать свои работы, при помощи фотографическаго аппарата. Работы по данной темѣ едва ли окончены къ 1 января 1896 года, такъ какъ, кромѣ собиранія матеріала личнымъ наблюденіемъ, предполагалось прочитать тѣ труды, авторы которыхъ хотя отчасти касались предмета данной темы.

По отдѣлу „языкъ и народное творчество", грамматическія изысканія г. Ястремскаго заключались въ выясненіи темныхъ пунктовъ якутской грамматики, причемъ руководящими для изслѣдователя были выводы Винклера о падежныхъ суффиксахъ тюркскихъ языковъ (Winkler, Uralalt. Völk. und Sprach. Berlin, 1884 г.) Краткій очеркъ якутской грамматики будетъ приложенъ къ словарю г. Пекарскаго, въ болѣе же подробномъ видѣ результаты грамматическихъ изысканій будутъ представлены въ Восточно-Сибирскій Отдѣлъ И. Р. Г. Общества, въ формѣ мемуара. По фольклору собрано 6 пѣсенъ: о восходѣ солнца, о землѣ, о р. Ленѣ, о рч. Таттѣ и двѣ пѣсни о водкѣ; 3 сказки: 1) Нjургун—тоjон; 2) Нjургун — ботур и 3) Кулкуе — богӧ ононнjор сіlірікäн äмäхсин іккі; до 200 загадокъ и до 30 пословицъ и поговорокъ. Всѣ произведенія народнаго творчества записываются по-якутски, не переводятся на русскій языкъ впредь до выхода въ свѣтъ словаря г. Пекарскаго. Въ 1895 году г. Ястремскій предполагалъ изучать необходимую литературу тунгусскаго, тюркскихъ и монгольскихъ нарѣчій, заняться изслѣдованіями въ области грамматики якутскаго языка надъ падежами родительнымъ и мѣстнымъ, записывать произведенія народной устной словесности, составить краткій очеркъ якутской грамматики для приложенія къ словарю г. Пекарскаго и мемуаръ о грамматическомъ строѣ якутскаго языка—для Восточно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. Общества.

Стаціонарныя изслѣдованія г. Іонова въ области якутскихъ вѣрованій были разсчитаны, главнымъ образомъ, на выясненіе вопроса о загробномъ существованіи — въ томъ предположеніи, что въ представленіи объ этомъ предметѣ изслѣдователь найдетъ не только ключъ къ пониманію многихъ неясныхъ явленій въ области якутскихъ вѣрованій, но, что гораздо важнѣе, и руководящую нить для дальнѣйшихъ разспросовъ. Къ сожалѣнію, собранный до сихъ поръ г. Іоновымъ по этому вопросу матеріалъ не соотвѣтствовалъ важности предмета. Главнымъ же пріобрѣтеніемъ въ указываемой области якутовѣдѣнія слѣдуетъ считать выясненіе слѣдующихъ понятій о духахъ: 1) *кут—сур—уӧр*; 2) *Іччі* 3) *Абасы* (абáсы оjуна, абáсы уса); 4) *Аjы* (аjы оjуна, аjы уса). Внѣ этихъ рядовъ стоятъ пока для изслѣдователя *тӧрдӧ* и *танара*.

Инородецъ В. В. Никифоровъ, взявшій на себя собираніе свѣдѣній о

Digitized by Google

семейномъ бытѣ якутовъ, въ отчетномъ году сосредоточилъ свое вниманіе на отдѣлахъ о бракѣ и свадьбѣ—съ одной стороны, и смерти и похоронахъ—съ другой. Изслѣдователь при этомъ записывалъ обряды и обычаи, теперь уже большею частью несоблюдаемые и не существующіе, но извѣстные по преданіямъ и разсказамъ стариковъ. Въ своемъ отчетѣ г. Никифоровъ далъ, какъ образецъ своихъ записей, описаніе обряда „аjсыт ат танара",—проводовъ богини родовъ (на 3-й или 4-й день послѣ появленія ребенка на свѣтъ).

Нѣкоторые изъ экскурсантовъ успѣли обработать собранные ими матеріалы въ видѣ рефератовъ, которые и были заслушаны въ собраніяхъ комиссіи:

1) Г. Горинович а: „Жилище и пища якутовъ Батурускаго улуса въ гигіеническомъ отношеніи".

2) Г. Виташевскаго: а) сообщеніе о двухъ шаманскихъ сеансахъ, на которыхъ присутствовалъ референтъ, и о необходимости примѣненія фонографа къ записыванію шаманскихъ текстовъ, и б) „Основныя правила распредѣленія земли у якутовъ одного изъ улусовъ Якутскаго округа".

3) Г. Ястремскаго: „О родительномъ и мѣстномъ падежахъ и о роли указательныхъ мѣстоимѣній въ якутскомъ языкѣ".

4) Г. Пекарскаго: „О Якутско-русскомъ словарѣ" (его система, матеріалы, исторія составленія и т. п.).

Планы предстоявшихъ работъ, выработанные до начала ихъ, разсчитаны были экскурсантами такъ, чтобы къ концу 1895 года закончить изслѣдованіе всего Якутскаго округа. Но обиліе матеріала и сложность работъ исключаютъ эту возможность для большинства участниковъ. Закончить же работы въ 1895 г. предполагали г. Виташевскій и члены экспедиціи, работающіе въ антропологической группѣ.

В. И. Іохельсонъ, изслѣдователь Колымскаго Округа, отправился въ г. Средне-Колымскъ въ началѣ декабря 1894 г. и только развѣ съ февраля мѣсяца могъ приступить къ систематическимъ занятіямъ. За отдаленностью, свѣдѣній о ходѣ его экскурсіи не получено ко времени составленія „Записки".

В) Работы по изученію быта инородцевъ Олекминскаго Округа (главнымъ образомъ, пріисковыхъ рабочихъ изъ якутовъ) ведутся С. Ф. Ковалик омъ, командированнымъ непосредственно самимъ Восточно-Сиб. Отдѣломъ. Точныхъ свѣдѣній о ходѣ этихъ работъ въ Якутскѣ пока нѣтъ.

Изданіе великорусскихъ пѣсенъ.

Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ постановило приступить къ изданію большого собранія великорусскихъ народныхъ пѣсенъ извѣстнаго собирателя Пав. Вас. Шейна, подъ его редакціей. Печатаніе этого сборника начнется въ самомъ непродолжительномъ времени. Сборникъ будетъ заключать въ себѣ преимущественно пѣсни обрядовыя, бытовыя и лирическія; онъ составлялся въ теченіе многихъ лѣтъ, и въ настоящее время матеріала набралось приблизительно на 100 печатныхъ листовъ. Въ составъ этого академическаго изданія войдутъ, между прочимъ, нѣкоторые матеріалы изъ архива нашего Этнографическаго Отдѣла, которые переданы, согласно постановленію Отдѣла, П. В. Шейну для включенія ихъ въ его сборникъ въ видахъ цѣльности, съ условіемъ обозначенія именъ собирателей. Таковы собранія: 1) *Ив. Суханова*—изъ Нижнеудинскаго округа Иркутской губ., 2) *М. В. Лушниной*—изъ Ветлужскаго у. Костромской губ., 3) *И. Н. Юркина*—изъ Ардатовскаго у. Симбирской губ., 4) *С. Я. Дерунова* — изъ Пошехонскаго у. Ярославской губ., 5) *Як. Безрукова* — изъ Красноуфимскаго у. Костромской губ., 6) *А. Н. фонъ-Галлера*—изъ Смоленской губ., 7) *И. Д. Колобаева* — изъ Тамбовской, Самарской, Саратовской и Симбирской гг., 8) *Ѳ. Н. Баранова* — изъ Оренбургской губ., 9) *М. Костюриной*—изъ Тобольской губ., 10) *Г. П. Броневскаго* — изъ Одоевскаго у. Тульской губ., 11) *В. Н. Харузиной* — изъ Малоархангельскаго у. Орловской губ., 12) *А. Фортинскаго* — изъ Михайловскаго у. Рязанской губ.,

Digitized by Google

13) *М. М. Кукмина* — изъ Вологодской губ. Наконецъ, въ собраніе г. Шейна войдетъ большой сборникъ *Н. А. Иваницкаго* — изъ Вологодской губ., оставшійся ненапечатаннымъ при изданіи его матеріаловъ по этнографіи Вологодской губ. (составившихъ IX-й томъ „Трудовъ Этнографическаго Отдѣла"), и дополненный собирателемъ впослѣдствіи.

Поѣздка И. А. Ѳедосовой въ Москву.

Извѣстная Олонецкая сказительница, вопленица и подголосница Ирина Андреевна Ѳедосова, подобно сказителю И. Т. Рябинину (см. Этногр. Обозр. * XXIII), предприняла этой зимой во время праздниковъ Рождества Христова поѣздку изъ Петербурга въ Москву (въ сопутствіи преподавателя Петрозаводской гимназіи П. Т. Виноградова), съ цѣлью демонстраціи образцовъ народнаго пѣнія изъ области былинъ, духовныхъ стиховъ, свадебныхъ и похоронныхъ причитаній и другихъ пѣсенъ, въ которыхъ Ѳедосова считается спеціалисткой своего дѣла, притомъ не только типичной исполнительницей, но также и самостоятельнымъ творцомъ, поэтомъ— художникомъ. Имя Ѳедосовой давно извѣстно изучающимъ народную поэзію. Громадный матеріалъ изъ ея репертуара вошелъ въ изданныя Е. В. Барсовымъ „Причитанія сѣвернаго края" (1872—82, 2 тома). Впослѣдствіи значительный матеріалъ отъ нея же записанъ О. Х. Агреневой—Славянской и изданъ въ сборникѣ ея „Описаніе русской крестьянской свадьбы съ текстомъ и пѣснями обрядовыми, голосильными, причитальными и завывальными, въ 3-хъ частяхъ". (Тверь, 1887—89), гдѣ между прочимъ приложенъ и портретъ Ѳедосовой. Нѣкоторыя записи сдѣланы отъ нея также Ѳ. М. Истоминымъ и Г. О. Дютшемъ (см. „Пѣсни русскаго народа", изд. Императорскимъ Р. Геогр. Обществомъ на Высочайше дарованныя средства. (СПБ. 1894). Во время своего пребыванія въ Москвѣ И. А. Ѳедосова впервые исполнила нѣкоторые образцы въ частномъ собраніи у Предсѣдателя Этногр. Отдѣла, В. Ѳ. Миллера въ присутствіи нѣкоторыхъ спеціалистовъ, 24 декабря 1895 г. Затѣмъ, 3-го января 1896 г. ей было посвящено спеціальное публичное засѣданіе Этнографич. Отдѣла въ Политехническомъ музеѣ, причемъ исполненію пѣсенныхъ номеровъ Ѳедосовой предшествовали сообщенія Предсѣдателя Отдѣла Всев. Ѳед. Миллера и непр. чл. Общества Е. В. Барсова, какъ объ олонецкой поэзіи и ея представителяхъ вообще, такъ о Ѳедосовой въ особенности. Какъ на этомъ засѣданіи, такъ и на послѣдовавшемъ затѣмъ засѣданіи Славянской коммиссіи Императорскаго Моск. Археологическаго Общества въ д. Предсѣдателя Общества гр. П. С. Уваровой съ участіемъ Ѳедосовой, за нею были записаны нѣкоторые тексты и музыкальные номера, которые мы надѣемся напечатать современемъ; кромѣ того, членъ нашего Общества Ю. И. Блокъ фонографировалъ нѣкоторые напѣвы Ѳедосовой, и такимъ образомъ является всегда возможность, съ его согласія, слышать Ѳедосову въ Москвѣ, также какъ и Рябинина. Фотографія съ нея снята фотографомъ П. П. Павловымъ (имъ былъ снятъ и И. Т. Рябининъ). Помимо ученыхъ обществъ Ѳедосова дважды выступала въ Москвѣ передъ публикой въ аудиторіи Императорскаго Историческаго музея и каждый разъ была принимаема съ большими оваціями. Отъ Этнографическаго Отдѣла ей поднесены на память серебряные часы; кромѣ того, по представленію того же Отдѣла, Императорское Общество Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи присудило ей серебряную медаль. Заимствуемъ нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія о Ѳедосовой изъ „Русскихъ Вѣдомостей", № 356, 1895 г.— Ѳедосова—почтенная, сѣдая старушка, 75-ти лѣтъ, небольшого роста, нѣсколько сгорбленная и прихрамывающая, но бодрая, веселая, съ пріятными чертами лица. Несмотря на свой преклонный возрастъ, отсутствіе многихъ зубовъ и одышку, Ѳедосова причитаетъ довольно громко и можетъ пѣть, съ передышками, цѣлые часы. Неграмотная, она помнитъ до 20,000 стиховъ, и въ этомъ отношеніи далеко превосходитъ бывшаго ранѣе въ Москвѣ олонецкаго же сказителя Рябинина. Кромѣ громадной памяти, она обладаетъ даромъ импровизаціи и, усвоивъ себѣ массу народныхъ выраженій, эпитетовъ, присловій,

Digitized by Google

можетъ передавать даже простой разсказъ въ образной, складной народно-поэтической формѣ. Интересны также мотивы ея причитаній съ характерными всхлипываніями, ея разнообразныхъ свадебныхъ пѣсенъ, наконецъ, ея былинъ (напримѣръ, о Добрынѣ Никитичѣ), которыя она поетъ иначе, чѣмъ, напримѣръ, Рябининъ. Уроженка с. Кузаранды, верстахъ въ 30-ти отъ Петрозаводска, она съ раннихъ лѣтъ отличалась понятливостью и бойкостью, съ любопытствомъ и интересомъ прислушивалась къ народнымъ причитаніямъ и пѣснямъ, живо запоминала ихъ и уже 13-ти лѣтъ могла сама выступить въ роли вопленницы— при похоронахъ, отдачахъ въ рекруты, и подголосницы — на свадьбахъ. Чѣмъ далѣе, тѣмъ матеріалъ ея все увеличивался, и она пріобрѣтала себѣ все большую извѣстность. 19-ти лѣтъ она вышла замужъ, по собственному желанію, за 65-тилѣтняго старика и жила съ нимъ мирно и счастливо 13 лѣтъ. Послѣ того, она вышла вторично замужъ, уже за молодого (нѣсколько моложе ея) Ѳедосова, хорошаго столяра, который, не поладивъ съ «дядьей» (вдовой дяди), большухой въ семьѣ, переселился въ Петрозаводскъ, гдѣ она и прожила съ нимъ 20 лѣтъ. Здѣсь ее узналъ извѣстный Рыбниковъ, записавшій отъ нея нѣсколько былинъ (она знаетъ, впрочемъ, лишь немногія изъ нихъ), а также Е. В. Барсовъ, бывшій тогда преподавателемъ семинаріи. Овдовѣвъ вторично, Ѳедосова осталась почти безъ всякихъ средствъ, жила у деверя и зарабатывала себѣ кое-что лишь своимъ искусствомъ. Она считалась первою вопленницей во всемъ краѣ, и ее приглашали за десятки верстъ на похороны и свадьбы; но вознагражденіе даже на богатой свадьбѣ, за недѣлю пѣнія, не превышало обыкновенно 2—5 рублей. Въ послѣдніе годы искусство Ѳедосовой обратило на себя большое вниманіе; ее пригласила къ себѣ г-жа Агренева-Славянская, записавшая отъ нея рядъ пѣсенъ и ихъ мотивовъ. Затѣмъ мѣстный преподаватель русской словесности П. Т. Виноградовъ привезъ ее въ Петербургъ, гдѣ она пѣла нѣсколько разъ въ Соляномъ Городкѣ, въ засѣданіи Этнографическаго Отдѣленія Императорскаго Р. Географическаго Общества и въ собраніи Академіи Наукъ, причемъ ей была выдана медаль за ея искусство. Особенно заинтересовался ею государственный контролеръ Т. И. Филипповъ, предложившій ей даже помѣщеніе у себя въ домѣ, гдѣ она и теперь проживаетъ.

Digitized by Google

ИЗДАНІЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА.

А) „ТРУДЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА“.

in 4°.

Кн. I. Сборникъ антропологическихъ и этнографическихъ статей о Россіи. Цѣна 3 руб.
Кн. II. Народныя пѣсни Латышей. *Θ. Я. Трейланда.* Цѣна 4 руб.
Кн. III. *Вып. I.* Протоколы засѣданій Отдѣла съ приложеніемъ статей. Цѣна 1 р. 15 к. *Вып. II.* Зыряне и Зырянскій край. *К. А. Попова.* Цѣна 1 руб. 15 коп.
Кн. IV. Протоколы засѣданій съ приложеніями. Цѣна 2 р.
Кн. V. Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи. *П. С. Ефименко.* Часть I, цѣна 2 руб. 50 коп. Часть II, цѣна 1 руб. 50 коп.
Кн. VI. Матеріалы по этнографіи Латышскаго племени. *Θ. Я. Трейланда.* Цѣна 3 руб. 50 коп.
Кн. VII и VIII. Протоколы съ приложеніями. Цѣна 2 руб. каждая.
Кн. IX и XI (ч. 1 и 2). Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи (3 выпуска, по 2 руб. каждый).
Кн. X. Русскіе Лопари. *Ник. Харузина.* Цѣна 3 руб. 50 коп.
Кн. XII. Шаманство. Вып. I. *В. М. Михайловскаго,* Цѣна 1 руб. 50 коп.
Кн. XIII. Астраханскіе Калмыки. *Ир. А. Житецкаго.* Цѣна 1 руб. 25 коп.

Б) „АЛТАЙСКІЕ ИНОРОДЦЫ“.

Сборникъ этнографическихъ статей и изслѣдованій. *В. И. Вербицкаго.* Цѣна 2 руб.

В) „РУССКІЯ БЫЛИНЫ“.

изд. подъ ред. акад. *Н. С. Тихонравова* и проф. *В. Θ. Миллера,* съ прил. руководящихъ и пояснительныхъ статей, указателя, фототипіи и нотъ. Цѣна 2 руб.

„Труды Этнографическаго Отдѣла“ и журналъ **„Этнографическое Обозрѣніе“** циркулярными распоряженіями Г. Министра Народнаго просвѣщенія **рекомендованы** для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки всѣхъ среднеучебныхъ заведеній.

Примѣчаніе. **Учебныя заведенія пользуются уступкой 40% при покупкѣ „Трудовъ“, кромѣ кн. I и II, которыя изданы на частныя средства.**

Digitized by Google

Обзоръ, изд. въ Тифлисѣ, (ред.—изд. Н. Николадзе). **1878**—**8**—**10**—**13**—**14**—**17**—**22**—**28**—**31**—**53** Малая Азія по Nouveau dictionnaire de géographie universelle. M. Vivienne de Saint-Martin. Paris. 1877.—**11**, **13**. Литературное движеніе во Франціи въ 1877 г.—Письмо изъ Зугдиди о нравахъ сванов—**11**, **12**, **14**. Судъ присяжныхъ на Кавказѣ. *А. Френкель.*—**15**, **32**, **39**. Ардаганъ (этногр. очеркъ Верхней Карталиніи) *Ар. Куташеладзе.*—**41**. Армяне въ Карсскомъ санджакѣ. *Н. Ахвледіани.*—**47**. Послѣдовательность и нравы туземной печати.—**55**. Дѣятельность Тормасова на Кавказѣ.—**63**. Библ. Transcaucasia and Ararat by Iames Brycе.—**88**. Засѣданіе Кавказ. Общ. любит. естествознанія. *А. Бахутовъ.*—**137**. Земледѣльческая школа въ Закавказьи.—**149**, **150**. Научная литература о Кавказѣ —**161**, **162**. Гор. Нуха.—**163**—**5**.—Кутаисъ *І. Сегаль.*—**170**, **176**, **207**, **214**, **217**, **218**, **224**. Армянская пресса въ Россіи.—**181**. Библ.: Книга мудрости и лжи, пер. *А. Цагарели.*—**187**—**189**, **191**—**8**. Батумъ и лазы. *Д. Бакрадзе.*—**202**. „Голосъ“ о грузин. языкѣ.—**222**, **223**. Ахалцихъ.—**225**, **22**⁄. Библ.: Задачи климатологіи Кавказа, соч. *Б. Статковскаго.*—**2**:**0**. Поземельный вопросъ въ Карсской области.—**237**. О духоборахъ.—**239**, **241**. Изъ жизни М. Азіи.—**245**. Гор. Гори. *І. Сегаль* (истор.-статистич. очеркъ)—**256**, **258**. Библ. Археол. путешествіе по Гуріи и Адчарѣ *Дм. Бакрадзе.* Спб. 1878.—**329**. Гор. Душетъ.

1879 г. **351** (3-го янв.) Населеніе Владикавказскаго округа.—**363**, **369**. *Макаровъ, Т.* Турецко-татарскій языкъ и его нарѣчія.—**366**. *Н. П. П.* Къ вопросу объ изученіи Кавказа (предлагается составить предварительно „толковыя руководства къ изученію туземныхъ языковъ“).—**1880**.—**381** (4 янв.). Темиръ-Ханъ-Шура (корр.): о непривычности дагестанскаго населенія къ труду. **389**, **390** (перед. ст.), Ожидаемая экспедиція въ Мервъ.—**416**—**417**. **425**, **437**.— *Пашино, П.*, По забытой сторонкѣ (мѣста, прилегающія къ Персидскому заливу). I. Отъ Бушира до Исфагана. **421**. *Ю. П.* Къ вниманію устроителей V Археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ. I. Неизданныя карты царевича Вахушта. II. Третій пещерный городъ на Кавказѣ. III. Исчезнувшіе пергаменты на Кавказѣ.—**432**. Наши отношенія къ Персіи (перед. ст.).—**418**, **422**, **452**, **429**. **434**, **440**, **451**. *Пашино П.* О живыхъ и мертвыхъ (изъ литературныхъ воспоминаній). —**441**, **442**, **443**. Очеркъ армянской исторической литературы (профессора *К. Патканова*, пер. *Ек. Басидомовой* съ армянскаго изъ 1-й кн. журн. „Породзъ“, за 1880 г.)—**445**, **447**, **478**, **525**, **526**. *Пашино П.* По забытой сторонкѣ. II. Исфаганъ—Джульфа.—**446**. *Шахтахтинскій, Мамедъ*, Неврузъ—Байрамъ (изъ мусульм. рел. вѣр.).—**465**. *Жуковъ Г.* П. Пашино и остатки его воспоминаній.—**464**. Первая Грузинская лекція (фельетонъ): Г. Церетели о древней эпохѣ исторіи Грузіи. **466**. *Церетели Г.* Перв. груз. лекція (письмо къ редактору). **467**. По поводу письма г. Церетели (фельетонъ).—**479**, **482**, **488**, **491**, **496**, **503**, **504**, **519**, **531**, **550**. *Пурцеладзе Дмитрій*, Грузинскіе церковные гуджари (грамоты) (Матеріалы для археологическаго съѣзда).—**512**. *Пурцеладзе Д.* Матеріалы для ознакомленія съ исторіей Грузіи.—**521**. Осетинскія дѣла (перед. ст.; упомин. и нѣк. стар. обычан осетинъ).—**535**. Гелатская святыня (монастырь Гелатскій).—**539**, **540**, **542**, **544**, **545**, **546**, **547**, **548**, **551**, **552**, **553**, **556**. *Берже, Ад. П.* Присоединеніе Грузіи къ Россіи. 1799—1831 (перепечатка изъ „Русс. Стар. за 1880 г. май—іюнь) *).

Закавказскій Вѣстникъ. 1838.—3. Отрывокъ изъ грузинской исторіи о началѣ основанія Иверскаго монастыря на Аѳонской горѣ X в. по Р. Х. *А. Марсовъ.*—**4**—**6**. Святая Нина. Стихотвореніе *А. Марсова.*—**7**. Отрывокъ изъ грузинской исторіи о царствованіи Тамары 1171 г. *Его же.*

1839. **7**. О запрещеніи владѣть крестьянами лицамъ не христіан. исповѣданія.—**20**. Объяв. продажа съ публичнаго торга трехъ семействъ крестьянъ изъ 6 душъ мужского и 6 женск. пола съ ихъ имѣніемъ.—**50**. О жизни и дѣяніяхъ груз. царя Ираклія II. *А. Марсовъ.*

1840. **29**. Отъ груз.-имер. губ. правленія о публичной продажѣ крестьянъ. **32**. Продажа крестьянъ въ удовлетвореніе долга кн. Амилахвари.

---

*) Газета вновь (послѣ 2 февр. 1879 г.) прекратилась 10 іюля 1880 г.

Digitized by Google

1841. 19. Продажа сада казен. крестьянина въ удовл. долга чиновника Амирова.

1842. 22. Дѣло о присвоеніи въ крестьянство.

1843. 14. О продажѣ крестьянъ съ землей и имуществомъ.

1844, 20. О порядкѣ производства дѣлъ по уголовнымъ преступленіямъ лицъ, именующихъ себя азнаурами.

1845, 1. Св. Нина. *П. Г.* **2.** Актъ въ Тифлис. гимназіи *П. Г.* — **3.** Лѣтосчисленіе грузинское *П. Г.*— **3, 4.** Мирткопскій монастырь.— **5.** Древнія названія груз. мѣсяцевъ.—Посольство отъ царя Костентина до королевы Гишпанской Елсбеты—**6.** Дербентскія врата въ Пиренеи. *П. Г.* -Давидъ Возобновитель. **17.** Груз. устный календарь *П. Г.*—Статистика нар. просв. въ Закавказьѣ къ 1845 г.—**8, 9, 10.** Кн. П. Д. Циціановъ, *Ал. В—въ.*—**11.** Гурія и владѣтельные Гурійскіе князья.—Осет. граммат. акад. Шегрена.—**12. 13, 14, 16.** Шіо—Мавинская пустынь *П. Г.*—**18.** Кацхскій храмъ.—**19, 20.** Восхожденіе на Казбекъ г. Коленати.—**19, 20.** Уплисъ—ци хе.—**21—28.** Путевыя записки по Кахетіи *П. Г.*

1846, 1. Рѣчь кн. Г. Эристова царю Георгію XIII въ 1798 г. по случаю полученія имъ отъ имп. Павла царской регаліи.—**3.** Тифлисъ.—**4.** Тавризъ.— **5.** Походъ Аргонавтовъ въ Колхиду — **6, 8.** Различ. наименованія грузинъ. — **7.** Взглядъ на истор. событія въ Грузіи XI и XII вв. *И. Евлаховъ.*—Погребальные обряды груз. царей.—**13.** Зедазенскій монастырь. *М. Чиляевъ.*—**14—18.** Жизнеописаніе Ага-Магомет-хана.—**16.** Путешествіе къ Гокчайской области.— **20, 21.** Кочующая Тушетія. *В. Цискаровъ.*—**21.** Ком. „Горе отъ ума".—О древнихъ названіяхъ грузинъ и мингреловъ. *Кн. Баратовъ.* **22.** Поѣздка въ Кахетію *С. С.* **23—25,** Царица Тамара по Вахушту.—Алавердскій праздникъ.

1847, 3. Татарская пѣсня.—**4.** Жизнь Теймуразъ-хана.—**4, 21.** Кабарда.— **7, 8.** Очерки Кахетіи.—**18.** Возстановленіе Мартконскаго монастыря.—**23.** Ассирійскія древности.—**22, 23. 24.** О народномъ богатствѣ въ Каспійской области.

Кавказская Старина 1872. I, V. Кавказская археологическая лѣтопись.—II. Объ историческомъ значеніи солнца у армянъ, III. Объ иконѣ Спаса въ Тифлисскомъ Анчисхатскомъ соборѣ. IV. Монастырь Ахтала. V. Взглядъ Эчміадзинскаго армянскаго духовенства на крѣпостное право. VI. О причинахъ убійства. Грибоѣдова. VII. Письма архіеписк. Іосифа Аргутинскаго о Грузіи. VIII. Карабагскіе армянскіе монахи въ Грузіи съ 1800—1808. IX. Обычай ношенія бороды и волосъ у армянъ. X. Ахпатскій монастырь. IX. О чумѣ въ Тифлисѣ въ 1797 г. и о задержаніи царемъ Георгіемъ XII въ Грузіи принадлежащаго Эчміадзинскому престолу священнаго копія. XII. Письмо армянскаго патріарха Ефрема къ кн. Я. Н. Голицыну.

XIII. Путевыя записки по Мингреліи Кн. Р. Д. Эристова.

XIV. О предполагаемомъ Обществѣ любителей Кавказской археологіи.

XV. О крестьянскомъ сословіи въ Мингреліи. Кн. Д. Эристова.

XVI. Смутные годы Эчміадзинскаго патріаршества (1798—1809).

XVII. Письмо начальника гражданскаго управленія Закавказскимъ краемъ П. А. Ларинскаго къ Патріарху Нерсесу V, отъ 2 марта 1846 г.

XVIII. Вступительная лекція Э Дюлорье по каѳедрѣ армянскаго яз. и литературы. Пер. кн. Н. А. Д.

XIX. Начало печати у армянъ въ XVI ст.

XX. О привилегированныхъ сословіяхъ въ Мингреліи Кн. Р. Д. Эристова.

XXI. Лѣтопись протоіерея Тера—Огана Воскерчанцъ.

XXII. Открытіе Эчміадзинскаго Армяно-Григоріанскаго Синода.

XXIII. Исторія Грузіи на основаніи новыхъ изслѣдованій. Д. Бакрадзе.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google